This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav
605
25

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

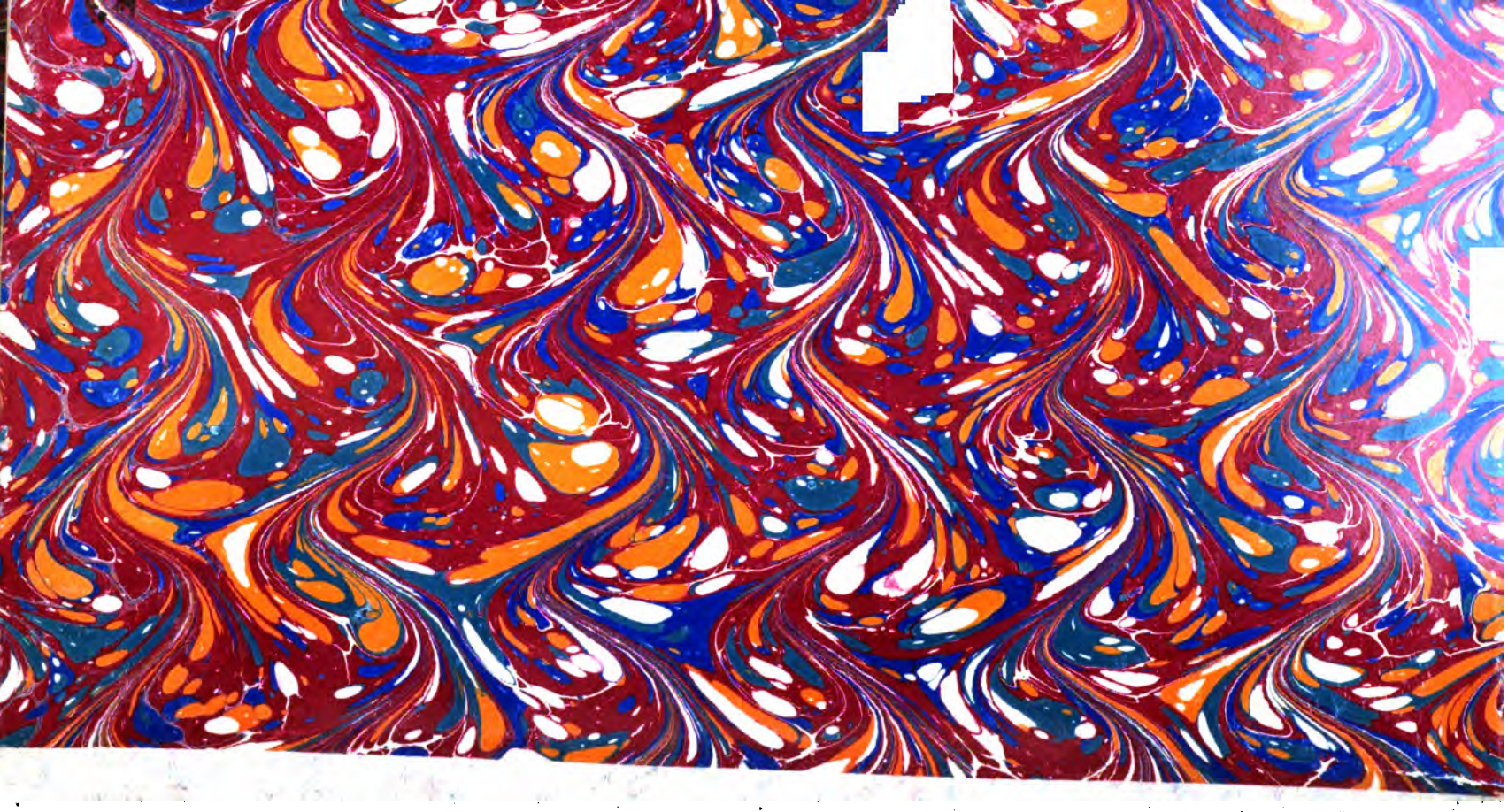
FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE

OF BOSTON

Under a vote of the President and Fellows
October 24, 1898

JAN 10 1902



РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Мих. Ив. Семевскаго.

ИЗДАНІЕ ОСНОВАНО 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1890 г.

ОКТЯБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1890.

P Slav 605.25
Slav 2610

Harvard College Library
Jan. 1[illegible], 1902
PIERCE FUND.

ЗАПИСКИ НАТАЛІИ АЛЕКСѢЕВНЫ ОГАРЕВОЙ-ТУЧКОВОЙ

1828—1878 гг.

I.

Мой дѣдъ Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ.—Бабушка Каролина Ивановна.—Братья дѣда.—Затѣи дѣда.—Гостепріимство.—Генералъ Торкель.—Столкновеніе съ генераломъ Нейдгардтомъ.—Заботы дѣдушки о воспитаніи дѣтей.—Мой дѣдъ по матери, А. С. Жемчужниковъ. — Разореніе отца.—Арестъ. — Переѣздъ семьи въ село Яхонтово.

Рѣшившись писать свои записки, я начну съ того, что слышала отъ своего дѣда, ген.-м. Алексѣя Алексѣевича Тучкова; но прежде скажу два слова о его наружности. Мой дѣдъ не былъ красивъ собою, средняго роста, широкоплечій, съ крупными чертами лица и довольно длиннымъ носомъ, но его голубые глаза выражали такую привѣтливость и доброту, что нельзя было не полюбить его, и дѣйствительно, онъ былъ безконечно любимъ всѣми знавшими его.

Онъ воспитывался сначала у какого-то нѣмецкаго пастора, которому дворяне отдавали своихъ дѣтей для обученія нѣмецкому языку, бывшему въ модѣ послѣ Петра Великаго; по-французски дѣдъ говорилъ очень плохо; позже его помѣстили въ Пажескій корпусъ.

Пажи представлялись императрицѣ; на одномъ изъ придворныхъ баловъ, дѣдъ мой, еще юношею, удостоился чести танцовать съ Екатериною II. Онъ никогда не забывалъ этого событія, любилъ вспоминать о необыкновенной красотѣ Екатерины, объ ея

милостивыхъ словахъ, обращенныхъ къ нему, всю жизнь оставался ея пламеннымъ поклонникомъ, изумлялся ея генію, ея знанію людей и снисходительности къ нимъ, и отсутствію въ ней злопамятности. Хотя и встрѣчаются, быть можетъ, ошибки въ ея царствованіи, но дѣдъ положительно отрицалъ ихъ; любовь къ императрицѣ и къ отечеству слилась въ его душѣ въ одно прочное и глубокое чувство, которое осталось непоколебимымъ всю жизнь и съ которымъ онъ скончался.

Въ 1792 или 1793 году, находясь съ полкомъ въ Вильно, дѣдъ мой прельстился необыкновенною красотою и умомъ Каролины Ивановны Ивановой и женился на ней; въ 1794 г. родилась у нихъ старшая дочь, Марія Алексѣевна Тучкова. Появленіе ея было встрѣчено съ необыкновенною радостью; въ то время семейство дѣда жило роскошно: новорожденную купали въ серебряной ваннѣ, Карамзинъ привѣтствовалъ ея рожденіе слѣдующими стихами:

„Въ сей день тебя любовь на свѣтъ произвела,
Красою свѣта быть, владѣть людей сердцами,
Осыпала тебя пріятностей цвѣтами,
Сказала: „Будь мила!...“
„Будь счастлива!“ сказать богиня не могла!

Н. Карамзинъ.

4-го декабря 1794 г.
Москва.

Когда не стало Екатерины, все измѣнилось; дворянство трепетало передъ императоромъ Павломъ; хотя государю случалось миловать за дурные поступки, но бывало и наоборотъ, и потому нельзя было расчитать или предугадать послѣдствія каждаго ничтожнаго слова, которое могло не понравиться императору. Въ тѣ времена служба для дворянъ была почти обязательна. Тучковыхъ было пять братьевъ и всѣ они служили въ военной службѣ. Старшій, Николай, любимецъ матери, смертельно раненый подъ Бородинымъ, скончался шесть недѣль послѣ этого сраженія; вторымъ былъ мой дѣдъ; третій, Сергѣй, служилъ въ 1812 г. у адмирала Чичагова. Послѣ бѣгства адмирала, который боялся потерпѣть отъ жестокой клеветы, Сергѣй Алексѣевичъ былъ судимъ въ продолженіи 12 лѣтъ восемью комиссіями, изъ

коихъ ни одна не признала его виновнымъ; наконецъ, императоръ Николай Павловичъ, вступившій уже на престолъ, повелѣлъ закрыть послѣднюю комиссію и призналъ Сергѣя Тучкова не виновнымъ. Послѣдній изъ братьевъ былъ, мнѣ кажется, замѣчательнѣе остальныхъ; онъ занимался, въ ту младенческую эпоху нашей литературы, переводами классическихъ трагиковъ: Корнеля, Расина; переводилъ также и Вольтера, занимался химіею и оставилъ записки, которыя были помѣщены М. П. Тучковымъ въ журналѣ „Вѣкъ"; но изданіе этого журнала было пріостановлено и поэтому о дальнѣйшей судьбѣ этихъ записокъ мнѣ ничего не извѣстно.

Извѣстный магнатъ и богачъ, Зоричъ, такъ полюбилъ Сергѣя Алексѣевича Тучкова, что хотѣлъ выдать за него свою единственную дочь и давалъ ей въ приданое двѣнадцать тысячъ душъ, съ условіемъ, чтобы Сергѣй Алексѣевичъ жилъ всегда при немъ, но тотъ на это не согласился. „Моя свобода не имѣетъ цѣны", говорилъ онъ.

Впослѣдствіи дочь Зорича, о которой идетъ рѣчь, была выдана безъ такого богатаго приданаго, кажется, за офицера Григорья Баранова; у нея родилась дочь Варвара, которая получила отъ матери большое имѣніе и осталась при отцѣ; мать-же ея, Наталья Ивановна Баранова, была увезена Сергѣемъ Алексѣевичемъ Тучковымъ, который женился на ней при жизни Баранова. Я слышала это отъ моего отца и сама знавала уже немолодую Варвару Григорьевну Баранову, по мужу Г.... Она вышла впослѣдствіи за Александра Григорьевича Г., была уже вдовою въ то время, какъ я ее знала, и бывала у насъ, не считая нашу семью постороннею.

Четвертаго Тучкова звали Павломъ Алексѣевичемъ; послѣ 1812 г., онъ находился нѣкоторое время въ плѣну во Франціи, а по возвращеніи въ отечество перешелъ въ гражданскую службу, былъ сенаторомъ и подъ конецъ своей дѣятельности былъ, кажется, членомъ государственнаго совѣта.

Вспоминая о всѣхъ братьяхъ моего дѣда, я отдалилась отъ своего разсказа, къ которому теперь возвращаюсь.

Въ 1797 г. моя прабабушка жила въ Москвѣ, съ больнымъ мужемъ и двумя незамужними дочерьми; желая находиться при матери, дѣдъ мой, въ то время уже престарѣлый, рѣшился про-

ситься въ отставку. Излагая причины, побудившія его къ этой просьбѣ, дѣдъ повергалъ на милостивое благоусмотрѣніе императора Павла Петровича—которому изъ братьевъ дать отставку; но, какъ извѣстно, и таковую просьбу было не совсѣмъ безопасно подавать императору Павлу I, и за нее можно было подвергнуться ссылкѣ въ отдаленную губернію и на неопредѣленный срокъ.

Наконецъ, дѣдъ былъ успокоенъ полученіемъ отставки, за которую онъ благодарилъ государя и просилъ дозволенія представиться лично въ Гатчину, для принесенія благодарности. На эту просьбу послѣдовала оффиціальная бумага слѣдующаго содержанія, которая хранится у насъ:

Гатчино, сентября 23 дня 1797 г.

„Государь императоръ соизволилъ указать объявить вашему превосходительству, что онъ, принимая благодарность вашу, избавляетъ васъ отъ труда пріѣзжать въ Гатчино. Генералъ-адъютантъ Ростопчинъ“.

При этомъ находится на имя дѣда подорожная, которая обратила мое вниманіе только потому, что она подписана наслѣдникомъ престола Александромъ, а внизу подписалъ „генералъ-маіоръ государственной военной коллегіи членъ, с.-петербургскій комендантъ и кавалеръ, князь Долгорукой, 10 февраля 1798 г.“, т. е. четыре мѣсяца послѣ полученія дѣдомъ отставки.

По преданію нашей семьи, императоръ Павелъ, разсердясь на моего дѣда за его просьбу объ отставкѣ, выслалъ его изъ Петербурга.

. . . . . .

. . . . . .

Въ царствованіе императора Александра I, дворянство дышало свободнѣе, но вскорѣ явился Аракчеевъ, гонитель многихъ честныхъ личностей, и между прочимъ Тучковыхъ. По его проискамъ, ихъ постоянно обходили производствомъ и наградами, не смотря на то, что въ 1812 г. двое изъ братьевъ дѣда обагрили своею кровью Бородинское поле, защищая отечество. Упомянувъ о 1812 годѣ, скажу кстати, что отецъ передавалъ мнѣ не разъ, какъ онъ съ младшимъ братомъ игралъ съ ружьями, брошенными солдатами-французами въ полѣ, близь сада. Они жили въ деревнѣ, не далеко отъ смоленской дороги, когда проводили плѣнныхъ, которые кричали: „du pain, du pain“; тогда бабушка

выходила имъ на встрѣчу съ дѣтьми и одѣляла ихъ хлѣбомъ, даже бѣлымъ, нарочно испеченнымъ для подаянія плѣннымъ.

Дѣдъ былъ чисто русская, широкая натура; онъ былъ богатъ не столько по наслѣдству, сколько по счастливой игрѣ въ карты, къ которымъ питалъ большую страсть — это былъ единственный его недостатокъ. Онъ былъ страстный поклонникъ и знатокъ живописи и архитектуры; къ послѣдней имѣлъ даже истинное призваніе; въ своихъ деревняхъ и въ подмосковномъ имѣніи онъ строилъ дома, оранжереи, разбивалъ великолѣпные сады, на которые пріѣзжали любоваться знакомые; но когда все было доведено до возможнаго совершенства, онъ скучалъ и начиналъ мечтать о новой артистической работѣ, и нерѣдко продавалъ устроенное имѣніе въ убытокъ, покупалъ новое и съ жаромъ принимался за его устройство. Садовникъ дѣда, нѣмецъ Андрей Ивановичъ Гохъ, очень жалѣлъ великолѣпные сады и, покачивая головою, принимался разбивать новые; онъ всею душою былъ преданъ дѣду.

Въ Москвѣ, дѣдъ Алексѣй Алексѣевичъ также перестроивалъ свои дома до основанія, оставляя однѣ капитальныя стѣны. Въ домѣ, купленномъ у кн. Потемкина, онъ устроилъ для картинной галлереи, которую имѣлъ уже нѣсколько лѣтъ, освѣщеніе сверху, которымъ всѣ знакомые восхищались; его картинная галлерея, замѣчательная для того времени, заключала нѣсколько цѣнныхъ оригиналовъ итальянской и фламандской школы, и много хорошихъ копій съ картинъ этихъ двухъ школъ.

Въ домѣ дѣда жили постоянно разныя постороннія лица: друзья, товарищи его по военной службѣ, даже просто знакомые, находившіеся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; преслѣдуемый властями, полковникъ Татариновъ прожилъ у дѣда десятки лѣтъ; о немъ сохранилась у насъ оффиціальная бумага, свидѣтельствующая объ участіи къ нему дѣда.

Февраля 4-го дня 1803 года.

„Милостивый государь мой Алексѣй Алексѣевичъ! говорится въ этой бумагѣ,—по письму вашего превосходительства, объ отставномъ полковникѣ Татариновѣ, я имѣлъ счастіе докладывать государю императору. Его величество высочайше повелѣть соизволилъ: Татаринову назначить мѣсто для житья въ которомъ-нибудь изъ уѣздныхъ городовъ Московской губерніи.

„Сообщивъ о сей монаршей волѣ, для исполненія, г. московскому военному губернатору, честь имѣю васъ, милостивый государь мой, объ оной увѣдомить. Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ, м. г. мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Лопухинъ“.

Генералъ-маіоръ Торкель прожилъ у дѣда 30 лѣтъ, и послѣ разоренія Тучковыхъ переѣхалъ съ ними въ Яхонтово, гдѣ я помню его съ дѣтства и гдѣ онъ скончался въ 1839 году.

Дѣтей своихъ дѣдъ воспитывалъ, по тому времени, замѣчательно; сначала у нихъ были всевозможные учителя, потомъ сыновья его учились въ школѣ колонновожатыхъ старика Муравьева, котораго молодежь чрезвычайно любила и уважала. Это было замѣчательное и лучшее въ то время учебное заведеніе, въ которомъ отецъ мой не только усвоилъ знаніе высшей математики, но и развилъ преподавательскій талантъ, который впослѣдствіи былъ ему очень полезенъ для насъ и для его школы крестьянскихъ дѣтей. Окончивъ курсъ въ школѣ, отецъ мой вступилъ въ московскій университетъ, а впослѣдствіи поступилъ на службу въ генеральный штабъ, не разъ былъ посылаемъ на съемки и проч., былъ произведенъ въ поручики, и въ этомъ чинѣ остался до конца жизни. Пылкій и самостоятельный характеръ отца былъ непригоденъ для военной службы; не разъ у него случались непріятности съ начальствомъ, обращавшимся съ подчиненными подчасъ довольно грубо. Такъ, напримѣръ, однажды, посланный куда-то по казенной надобности, отецъ мой, тоже Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ, стоялъ на крыльцѣ станціоннаго дома, когда подъѣхала кибитка, въ которой сидѣлъ генералъ (впослѣдствіи узнали, что это былъ генералъ Нейдгардтъ).

Онъ сталъ звать пальцемъ отца моего.

„Эй, ты, поди сюда!“ кричалъ генералъ.

— „Самъ подойди, коли тебѣ надо“, отвѣчалъ отецъ, не двигаясь съ мѣста.

„Однако, кто ты?“ спрашиваетъ сердито генералъ.

— „Офицеръ, посланный по казенной надобности“, отвѣчалъ ему отецъ.

„А ты не видишь, кто я?“ вскричалъ генералъ.

— „Вижу, отвѣчалъ отецъ,—человѣкъ дурнаго воспитанія“.

„Какъ вы смѣете такъ дерзко говорить? Ваше имя?“ кипятился Нейдгардтъ.

— „Генеральнаго штаба поручикъ Тучковъ, чтобы ты не думалъ, что я скрываю“, отвѣчалъ отецъ.

Эта непріятная исторія могла-бы кончиться очень нехорошо, но, къ счастію, Нейдгардтъ былъ хорошо знакомъ со стариками

Тучковыми, потому и промолчалъ, — едва-ли потому, что самъ былъ виноватъ.

Младшій сынъ дѣда, Павелъ Алексѣевичъ, не былъ въ университетѣ, онъ предпочелъ военную службу и четырнадцати лѣтъ былъ произведенъ въ офицеры.

Что особенно замѣчательно для того времени, дѣдъ также ничего не жалѣлъ для образованія своихъ дочерей; профессоръ И. И. Давыдовъ, между прочими учителями, преподавалъ тетѣ Маріи Алексѣевнѣ исторію и словесность, знаменитый живописецъ Куртель давалъ ей уроки рисованія и живописи; она стала хорошею портретисткою, превосходно копировала картины, и своими копіями много утѣшала дѣда послѣ его разоренія и продажи его картинной галлереи. Я особенно помню двѣ великолѣпныя копіи: четыре евангелиста и картина съ многими фигурами и съ слѣпымъ Товіемъ. Кажется, эти картины и теперь существуютъ у моего троюроднаго брата, сенатора А. И. Деспотъ-Зеновича.

Вторая дочь дѣда, Анна Алексѣевна, была замѣчательная піанистка; ученица знаменитаго Фильда, она въ совершенствѣ усвоила его мягкую, плавную и выразительную игру. Третья дочь его, Елисавета Алексѣевна, очень умная и замѣчательно красивая, вышла замужъ шестнадцати лѣтъ, въ тотъ самый годъ (1823 г.), когда отецъ мой женился въ Оренбургѣ, на дочери генералъ-лейтенанта Аполлона Степановича Жемчужникова, Наталіи Аполлоновнѣ.

Аполлонъ Степановичъ Жемчужниковъ былъ очень добрый и въ высшей степени честный человѣкъ; онъ былъ женатъ на Аннѣ Ивановнѣ Типольдъ, имѣлъ многочисленную семью, состоявшую изъ девяти человѣкъ дѣтей, кромѣ того, у него жила мать и тетка его жены; средства его были ограниченныя,—онъ жилъ однимъ жалованьемъ.

Когда онъ былъ назначенъ начальникомъ дивизіи въ Оренбургъ, у въѣзда въ городъ онъ былъ встрѣченъ командиромъ полка, стоявшаго тогда въ Оренбургѣ. Полковникъ подалъ ему рапортъ о состояніи полка, а въ рапортъ было вложено десять тысячъ. Аполлонъ Степановичъ развернулъ бумагу, гнѣвно раскидалъ деньги и сказалъ полковнику:

— „На первый разъ я васъ прощаю, но если это повторится, безъ пощады отдамъ васъ подъ военный судъ“.

Полковникъ, въ большомъ удивленіи, пробормоталъ испуганно извиненіе, говоря:

— „Такъ всегда встрѣчали новаго начальника".

Мой отецъ учился у Муравьева со старшими братьями моей матери и былъ очень друженъ съ ними; навѣстивъ ихъ однажды въ Оренбургѣ, онъ увидѣлъ мою мать и просилъ ея руки. Бабушка, Каролина Ивановна, нашла, что отецъ слишкомъ молодъ, чтобы жениться; его послали на годъ заграницу, но по возвращеніи отецъ не измѣнилъ своего намѣренія и женился на Натальѣ Аполловнѣ Жемчужниковой.

Въ это время дѣла дѣда разстроились: фортуна, какъ говорили тогда, такъ долго улыбавшаяся ему, вдругъ измѣнила,—онъ сталъ проигрывать, проигрывать постоянно, и для уплаты карточныхъ долговъ былъ вынужденъ продавать за безцѣнокъ богато устроенныя имѣнія и московскіе дома; одинъ изъ его домовъ былъ проданъ Головкину, а впослѣдствіи перепроданъ имъ кому-то изъ царской фамиліи, потому что когда намъ показывали этотъ великолѣпный домъ, онъ носилъ названіе „Михайловскаго дворца", на дворѣ его стояла будка и ходилъ взадъ и впередъ часовой, что насъ, жительницъ деревни, очень поразило.

У дѣда осталось только четыре имѣнія: Сукманово, въ Тульской губ., Фурово—во Владимірской, Ведянцы—въ Симбирской, подаренныя Екатериною II моему прадѣду Алексѣю Васильевичу Тучкову, и отдаленное Яхонтово въ Пензенской губерніи; но до отъѣзда семьи въ добровольную ссылку, во время междуцарствія и воцаренія Николая Павловича, наступило 14 декабря. Отецъ мой и женатый продолжалъ жить въ домѣ отца своего, въ Москвѣ, гдѣ и былъ арестованъ и увезенъ въ Петербургъ.

По привозѣ въ столицу, онъ былъ доставленъ прямо въ Зимній дворецъ; его допрашивали въ залѣ, около кабинета императора. Отецъ мой принадлежалъ къ „союзу благоденствія", былъ друженъ со многими изъ членовъ Сѣвернаго общества и съ нѣкоторыми изъ Южнаго; особенно друженъ онъ былъ съ Иваномъ Пущинымъ, съ А. Бестужевымъ, Евгеніемъ Оболенскимъ, съ братьями Муравьевыми-Апостолами и др. Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ былъ его другъ и вмѣстѣ съ тѣмъ братъ его тетки, Маргариты Михайловны Тучковой, впослѣдствіи бородинской игуменьи. Послѣ допроса, отецъ сказалъ громко:

— „Si vous voulez me mener à la forteresse, vous devrez m'y traîner de force, car je ne marcherai jamais de bon gré“ [1]).

Государь спросилъ что̀ это за шумъ; узнавъ въ чемъ дѣло, онъ приказалъ содержать отца въ генеральномъ штабѣ, гдѣ онъ просидѣлъ три или четыре мѣсяца. Такъ какъ его не было въ Петербургѣ во время вооруженнаго возмущенія, то противъ него не нашлось никакихъ важныхъ уликъ. Я спрашивала отца, почему онъ такъ возставалъ противъ заключенія въ крѣпости.

— „Я боялся за твою мать, отвѣчалъ онъ,—боялся, что эта вѣсть дойдетъ до моей семьи... тогда ожидали рожденія твоей старшей сестры“.

Дѣйствительно, во время заключенія отца, родилась, въ 1825 г., старшая сестра моя, Анна Алексѣевна, въ Москвѣ, въ домѣ, нанятомъ дѣдомъ для всей семьи,—своихъ домовъ у него тогда уже не было.

Послѣ возвращенія изъ Петербурга, отецъ вышелъ въ отставку, и вскорѣ вся семья наша перебралась на жительство въ село Яхонтово, Пензенской губ., въ маленькій домикъ, крытый соломою, въ которомъ живали прежде приказчики; изъ Москвы перевезли немного мебели, нѣкоторыя сокровища, остатки прежняго величія, множество книгъ съ литографіями картинъ разныхъ галлерей, съ изображеніями разныхъ породъ птицъ и пр.; всѣ эти дорогія изданія хранились въ шкапахъ, на которыхъ были разставлены бюсты разныхъ греческихъ боговъ и богинь; впослѣдствіи старшая сестра рисовала съ нихъ карандашемъ и тушью. У каждаго изъ членовъ семьи было по комнатѣ, и то небольшой, за исключеніемъ тети Марьи Алексѣевны, у которой была маленькая спальня и большая комната, называемая классною, въ которой висѣли ея работы масляными красками, гдѣ она занималась живописью и учила мою сестру. Въ гостиной стоялъ рояль тети Анны Алексѣевны; она играла, какъ я уже говорила, очень хорошо, но, къ сожалѣнію, только по вечерамъ; бывало, няня, Θекла Егоровна, торопитъ насъ идти спать, а намъ не хочется: мы видимъ, какъ зажигаютъ на роялѣ восковыя свѣчи, значитъ, тетя будетъ играть, и начнется у насъ долгій

---

[1]) Переводъ. „Если вы хотите отвести меня въ крѣпость, то вамъ придется стащить меня силою, такъ какъ добровольно я ни за что не пойду“.

торгъ съ Ѳеклою Егоровною, канчавшійся обыкновенно тѣмъ, что няня согласится оставить дверь въ нашу комнату пріотворенною, чтобы мы могли слушать музыку въ постели; мы бѣжимъ спать счастливыя, но утомленныя бѣготнею, и, разумѣется, тотчасъ засыпаемъ...

Осенью дѣдъ нашъ съ тетею Анною Алексѣевною возвращались въ Москву; оба они не могли привыкнуть къ деревенской жизни; особенно невозможнымъ имъ казалось проводить въ деревнѣ зиму.

II.

Друзья отца. — Г. А. Римскій-Корсаковъ. — Mon Repos генерала К. К. Торкеля.—День ангела бабушки.—Сосѣди.—Преосвященный Амвросій въ селѣ Яхонтовѣ.—Смерть бабушки и сестры. — Николай Платоновичъ Огаревъ. — Наша первая гувернантка.—Разладъ въ семьѣ Огаревыхъ.

Кажется, мнѣ было немногимъ болѣе года, когда однажды зимою вся семья наша сидѣла въ гостиной; кромѣ своихъ, тутъ былъ лучшій другъ моего отца, Григорій Александровичъ Римскій-Корсаковъ. Нянюшка подносила меня прощаться къ каждому изъ присутствовавшихъ, а я, по-архіерейски, подносила руку къ ихъ губамъ; также подала я руку и Григорію Александровичу. Онъ покачалъ головою и сказалъ:

— „Это что? Я не хочу“.

Я прижалась къ нянѣ и горько заплакала; она поспѣшила удалиться со мною, но Григорій Александровичъ догналъ насъ и сказалъ:

— „Ну, дай ручку, я поцѣлую, не плачь“.

Но теперь уже я качала головою и показывала, что не хочу. Это мое первое воспоминаніе. Григорій Александровичъ всегда говорилъ:

— „J'aime quand les enfants pleurent, car on les emporte“ [1]), но для меня онъ дѣлалъ исключеніе; между нами съ самаго ранняго дѣтства была какая-то симпатія; я его любила почти столько-же, какъ и отца.

---

[1]) Переводъ: „Я люблю, когда дѣти плачутъ, потому что ихъ тогда уносятъ“.

Мнѣ труднѣе говорить о Григорьѣ Александровичѣ, нежели о всѣхъ выдающихся личностяхъ, съ которыми судьба сталкивала меня на жизненномъ пути, потому что онъ прошелъ незамѣтно, хотя по оригинальному складу ума, познаніямъ, необыкновенной энергіи и рѣдкой независимости характера онъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся людей. Современники удивлялись ему. Если-бы онъ родился на западѣ, то ему выпала-бы на долю одна изъ самыхъ выдающихся ролей въ общественной жизни, а у насъ въ то время не было мѣста такимъ личностямъ.

Григорій Александровичъ былъ старше моего отца; въ 1816 г. онъ былъ уже офицеромъ л.-гв. Семеновскаго полка, въ 1820 г. произведенъ въ полковники; мать выхлопотала ему отпускъ и онъ отправился въ 1823 г. путешествовать въ чужіе края и возвратился только въ 1826 г.; благодаря этой случайности, его не было въ Россіи во время возмущенія 14 декабря 1825 г.; имѣвъ друзей между декабристами, онъ могъ подвергнуться тяжкой участи, въ особенности по причинѣ его неукротимаго нрава.

Странно было явленіе такого независимаго человѣка именно въ Россіи въ ту эпоху. Онъ былъ большой оригиналъ и оригинально вышелъ въ отставку, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ.

Корсаковъ однажды былъ приглашенъ, вмѣстѣ съ прочими гвардейскими офицерами, въ Зимній дворецъ на обѣдъ, данный государемъ Николаемъ Павловичемъ гвардейскимъ офицерамъ. Въ то время военные ужасно затягивались; послѣ обѣда, Корсаковъ имѣлъ привычку разстегивать одну пуговицу у мундира. Кн. Волконскій, бывшій тогда министромъ двора, замѣтивъ это, подошелъ къ Корсакову и очень вѣжливо сказалъ ему по-французски:

— „Colonel, boutonnez-vous, je vous prie“ [1]), и прошелъ далѣе, но Григорій Александровичъ оставилъ это замѣчаніе безъ всякаго вниманія. Обходя еще разъ сидѣвшихъ за столомъ офицеровъ, кн. Волконскій вторично напомнилъ Корсакову, что нельзя разстегиваться во дворцѣ. Онъ говорилъ по-французски, и Григорій Александровичъ отвѣчалъ ему съ раздраженіемъ на томъ-же языкѣ:

— „Voulez-vous, prince, que j'étouffe!“ [2]).

[1]) Переводъ: „Полковникъ, застегнитесь, пожалуйста“.

[2]) „Вѣрно вы хотите, князь, чтобы я задохнулся“.

Съ этими словами онъ всталъ изъ-за стола и удалился тотчасъ изъ дворца. На другой день онъ подалъ въ отставку и оставилъ службу навсегда. Онъ услышалъ вскорѣ, что мой отецъ, тоже будучи въ отставкѣ, живетъ въ своемъ пензенскомъ имѣніи и занимается сельскимъ хозяйствомъ, имѣя свеклосахарный заводъ.

Въ пятнадцати верстахъ отъ Яхонтова находилось имѣніе Корсаковыхъ—Голицыно; оно досталось Григорію и Сергѣю Александровичамъ Римскимъ-Корсаковымъ по наслѣдству. Григорій Александровичъ поселился въ немъ въ началѣ 1830-хъ годовъ, завелъ также свеклосахарный заводъ, и управлялъ своимъ имѣніемъ до конца жизни. Григорій Александровичъ, какъ все образованное меньшинство общества того времени, былъ поклонникомъ Вольтера и энциклопедистовъ, читалъ все, что было замѣчательнаго на французскомъ языкѣ, и самъ имѣлъ богатую библіотеку французскихъ книгъ. Не любя никому давать своихъ книгъ, онъ дѣлалъ для насъ исключеніе; когда мы подросли, онъ прислалъ m-lle Michel каталогъ своей библіотеки, въ которомъ она отмѣтила все, что было нужно для нашего образованія, и онъ прислалъ намъ цѣлый ящикъ съ книгами; черезъ годъ мы возвратили ихъ очень аккуратно; я помню, сколько мнѣ надѣлало хлопотъ маленькое чернильное пятно, сдѣланное мною на оберткѣ одного изъ томовъ „Mémoires d'Adriani"; наконецъ, мнѣ удалось найти подобный экземпляръ въ Москвѣ и я подмѣнила его, а возвратить Григорію Александровичу книгу съ чернильнымъ пятномъ не имѣла духа.

Изъ русскихъ писателей едва-ли Корсаковъ читалъ что-нибудь, кромѣ Пушкина и Гоголя; однако, въ бумагахъ моего отца мнѣ попалась коротенькая критика на „Свои люди—сочтемся", писанная рукою Григорія Александровича (1850 г.). Умъ его былъ мѣткій, оригинальный, послѣдовательный, и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящій; онъ былъ остроуменъ и находчивъ. Наружность его была некрасивая, но внушающая; въ аристократическихъ салонахъ Москвы его такъ-же боялись, какъ и въ нашихъ степныхъ гостинныхъ; станціонные смотрителя, ямщики, чиновники, даже губернаторъ—всѣ знали его и всѣ его боялись.

Корсаковъ казался холоденъ ко всѣмъ, даже и къ моему отцу, хотя чрезвычайно любилъ его; по-русски они были на

ты, а по-французски говорили другъ другу вы, что я замѣтила вообще въ людяхъ того времени. Привязанность Григорія Александровича къ моему отцу обнаруживалась только тогда, когда отецъ серьезно занемогалъ; тогда Корсаковъ дѣлался его сидѣлкою, ходилъ и говорилъ тихо, съ озабоченнымъ видомъ, просиживалъ ночи у его постели; но какъ только ему становилось лучше, Корсаковъ принималъ опять холодный видъ и тотчасъ уѣзжалъ домой.

Отецъ разсказывалъ, что необузданный характеръ его друга много разъ ставилъ послѣдняго на край погибели. Еще въ бытность въ военной службѣ, Корсаковъ зашелъ какъ-то разъ слишкомъ далеко въ шуткѣ съ пріятелемъ, тоже военнымъ; тотъ обидѣлся и дѣло дошло почти до дуэли, но мой отецъ былъ настолько счастливъ, что съумѣлъ уговорить обиженнаго и помирить ихъ. Отецъ не разъ являлся, такимъ образомъ, его ангеломъ хранителемъ, выручая его изъ бѣды. Въ Голицынѣ случилось однажды весьма непріятное происшествіе, которое могло-бы весьма дурно кончиться для Григорія Александровича. Разсердясь, не помню за что, на какого-то татарина, онъ его такъ избилъ, что тотъ чуть было не умеръ. Прійдя въ себя, Корсаковъ понялъ всю безумную дикость своего поступка. Онъ послалъ за моимъ отцомъ и писалъ ему такъ, по-французски:

„Venez vite, je suis un malheureux“.

Мой отецъ поспѣшилъ къ нему, сталъ самъ ухаживать за татариномъ и успѣлъ поправить его, хотя не очень скоро. Вышедши къ татарамъ, которые собрались около дома и требовали отъ Григорія Александровича выдачи больнаго или убитаго татарина, отецъ успокоилъ ихъ, сказавъ, что онъ самъ ходитъ за нимъ. Хотя татары эти были другаго уѣзда, но они знали Тучкова, и спокойно оставили своего больнаго на попеченіи „Лексѣй Лексѣевича“, какъ они называли моего отца, и удалились изъ Голицына. Такъ это дѣло и уладилось.

Иногда на Григорія Александровича находила потребность учинить какую-нибудь чисто школьническую шалость. Однажды, въ Москвѣ, въ англійскомъ клубѣ, за обѣдомъ, онъ сказалъ сидѣвшему вправо отъ него пріятелю:

— „Бьюсь о закладъ, что у моего сосѣда слѣва фальшивыя

икры [1]), онъ такой сухой, не можетъ быть, чтобы у него были круглыя икры; погодите, я увѣрюсь въ этомъ".

Съ этими словами онъ нагнулся, какъ будто что-то поднимая, и воткнулъ вилку въ икру сосѣда. Послѣ обѣда тотъ всталъ и, ничего не подозрѣвая, преспокойно прохаживался съ вилкою въ ногѣ. Корсаковъ указалъ на это своему пріятелю, и оба они много смѣялись. Эта шутка могла-бы также подать поводъ къ большой непріятности, но, къ счастію, одинъ изъ служителей клуба ловко выдернулъ вилку изъ ноги господина, не успѣвшаго замѣтить эту проказу.

У моего отца былъ еще одинъ пріятель, память о которомъ сохранилась до сихъ поръ въ нашемъ губернскомъ городѣ; это былъ Иванъ Николаевичъ Г.; мой отецъ и Корсаковъ были знакомы съ нимъ почти съ дѣтства, и потому поддерживали съ нимъ короткія отношенія, хотя между ними было мало общаго.

Иванъ Николаевичъ былъ уменъ, но умъ его былъ какой-то особенный, легкій, саркастическій. Онъ умѣлъ пересмѣять каждаго, замѣтить смѣшныя стороны, и мѣтко задѣвалъ всѣхъ. Онъ былъ арестованъ въ Москвѣ послѣ 14 декабря (1825 г.), но его освободили черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; заточеніе это придало ему незаслуженный вѣсъ. Въ крѣпости онъ написалъ стихи, начало которыхъ я помню до сихъ поръ:

„Ахъ, ахъ, ахъ, какая тоска,
Какъ постель моя жестка.
Всѣ по клѣткамъ ходятъ
И осматриваютъ насъ,
Будто птичекъ, всѣ насъ кормятъ.
Вотъ житье, ну, чортъ-ли въ немъ!
Не осталось либерала
До послѣдняго жида [2]),
Но намъ кажется все мало—
Такъ пожалуйте сюда".

Бывало, когда онъ пріѣдетъ въ Яхонтово, всѣ его упрашиваютъ спѣть эти стихи; онъ сядетъ за рояль, поетъ и аккомпанируетъ себѣ самъ, а мы слушаемъ его съ восторгомъ, видя въ

---

[1]) Въ то время носили шелковые чулки и подкладывали подушки, когда собственныя икры были тонки.

[2]) На арестъ Ив. Петр. Липранди, который былъ вскорѣ выпущенъ.

Н. О.

немъ также декабриста, но, въ сущности, Иванъ Николаевичъ не раздѣлялъ возвышенныхъ взглядовъ о нравственности и свободѣ этихъ несчастныхъ и даровитыхъ людей; онъ былъ человѣкъ совершенно иныхъ воззрѣній и былъ способенъ на совершенно иные поступки.

Разскажу одинъ случай, характеризующій его. Когда онъ жилъ еще съ родителями, ему казалось, что они тратятъ слишкомъ много на гувернантокъ для его сестеръ; его молодой, но изобрѣтательный умъ придумалъ оригинальное средство избавленія отъ этой ненужной, по его мнѣнію, траты. Какъ наймутъ гувернантку для его сестеръ, онъ начнетъ ей строить куры, какъ тогда говорили; прикидывается влюбленнымъ, разсѣяннымъ, не отходитъ отъ гувернантки по цѣлымъ днямъ; наконецъ, его поведеніе бросается въ глаза, и родители начинаютъ замѣчать его.

— „Что это Иванъ прохода не даетъ гувернанткѣ, говорятъ они,—все вертится около нея; какъ-бы онъ не женился на мамзели или обезчеститъ нашъ домъ, пожалуй, это нельзя такъ оставить, надо гувернанткѣ отказать“.

И гувернантка, ни въ чемъ неповинная, получала отказъ; Иванъ Николаевичъ показывалъ видъ полнѣйшаго отчаянія, а самъ торжествовалъ; сестры его оставались мѣсяцы безъ наставницы, пока родители отыскивали такую, которая подходила-бы ко всѣмъ требованіямъ. Иванъ Николаевичъ весело потиралъ руки, думая про себя: „нанимайте, нанимайте, а мы и за новою будемъ ухаживать, намъ это ни по чемъ“.

Подобные порывы рано проглядывали въ его корыстолюбивой натурѣ. Такъ прошла вся его жизнь; онъ сознавалъ, что общество не можетъ относиться къ нему съ уваженіемъ, и потому постоянно бравировалъ и задѣвалъ каждаго безпощадно своимъ злымъ языкомъ.

Вспоминаю одинъ анекдотъ, характеризующій Ивана Николаевича. Дѣдъ мой говорилъ всегда, что раздѣлитъ имѣніе при жизни, чтобы быть покойнымъ, что между его дѣтьми не будетъ непріятностей: незамужнія дочери получили Сукманово и Фурово, сыновья—Яхонтово и Ведянцы. Когда раздѣлъ былъ совершенъ, дядя мой продалъ вскорѣ свою часть Ивану Николаевичу: послѣдній заѣзжалъ часто къ намъ изъ своего новаго имѣнія и постоянно хвалился, что крестьяне любятъ его необыкновенно.

— „Они меня обожаютъ, разсказывалъ онъ однажды Корсакову и моему отцу,—любятъ меня гораздо болѣе прежнихъ владѣльцевъ. Когда я осматривалъ лѣсъ, мнѣ пришлось раза два завтракать подъ толстымъ дубомъ, широко раскинувшимъ свои вѣтви. Вообразите, друзья, они назвали это дерево—Ивановъ дубъ! Это изумительно!“

Моему отцу было непріятно слушать его разглагольствованія, тѣмъ болѣе, такъ какъ онъ зналъ, что все это неправда, но онъ молчалъ; Корсаковъ-же потерялъ терпѣніе, ударилъ кулакомъ по столу и вскричалъ:

— „Laissez-moi tranquille avec vos balivernes! [1]) Не вѣрю я всему этому; ты набавилъ оброкъ, ты сажаешь неплатящихъ въ рабочій домъ; при Тучковыхъ этого никогда не было,—и ты разсказываешь намъ, что они тебя обожаютъ? Да, вѣрю, они назовутъ это дерево Ивановъ дубъ, но знаешь-ли когда?—когда они тебя на немъ повѣсятъ!“

Всѣмъ стало неловко; Иванъ Николаевичъ принужденно засмѣялся, а Корсаковъ спокойно вышелъ изъ комнаты, насвистывая какую-то французскую пѣсню.

Живо помню также нашего добраго генералъ-маіора Карла Карловича Торкеля; мы, дѣти, были очень привязаны къ нему, любили его открытое, доброе лицо, его голубые, вѣчно улыбающіеся глаза; у него была большая рана на ногѣ, такъ что онъ всегда ходилъ съ костылемъ; онъ любилъ, чтобы я его водила, и говорилъ, что мы идемъ, какъ Эдипъ съ Антигоною; не знаю почему, я краснѣла и не любила когда онъ говорилъ это при большихъ.

Карлъ Карловичъ жилъ во флигелѣ, построенномъ по его собственному плану, очень близко отъ нашего дома; надъ входною дверью была крупная надпись: „Mon Repos“. флигель этотъ состоялъ изъ четырехъ крошечныхъ комнатъ, но какъ ни малъ былъ его домикъ, Карлъ Карловичъ чувствовалъ себя въ немъ полнымъ хозяиномъ, и это радовало и тѣшило его, какъ ребенка. Въ маленькомъ палисадникѣ возлѣ дома онъ пилъ въ лѣтнее время кофе поутру и чай послѣ обѣда, но обѣдать ходилъ всегда въ большой домъ, какъ онъ его называлъ. Обыкновенно, онъ усаживался на стулѣ въ залѣ, я проворно подвигала другой

[1]) Оставьте меня въ покоѣ съ вашими глупостями!

стулъ для его больной ноги, которую онъ не могъ держать на вѣсу. Карлъ Карловичъ имѣлъ особенность ужасно громко чихать; мои тетушки разсказывали, что имъ бывало очень неловко, когда еще въ Москвѣ Торкель сопровождалъ ихъ въ театръ, потому что его чиханье обращало не разъ особое вниманіе публики на ихъ ложу и однажды ему даже апплодировали. Дома, когда онъ собирался чихать, онъ посылалъ предупредить мою мать и бабушку, которую онъ очень любилъ и называлъ своею „государынею".

Тетя Марья Алексѣевна была необыкновенно привязана къ своей матери; въ ея имянины или рожденіе она дѣлала ей какой-нибудь сюрпризъ, вечеромъ—иллюминацію; шифръ имянинницы на масляной бумагѣ изготовлялъ нашъ другъ Торкель; мы заучивали какіе-нибудь стихи по-русски или по-французски, сцены изъ трагедій Расина; когда я была еще слишкомъ мала, чтобы запомнить что-нибудь, мнѣ все-таки дѣлали какой-нибудь костюмъ, чтобы мнѣ не было обидно. Въ дни приготовленій обѣдали въ офиціантской, а залу запирали; въ ней настилали полъ для маленькихъ актеровъ, устраивали занавѣсъ, убирали всю залу гирляндами изъ цвѣтовъ; иногда, забывшись, бабушка отворяла дверь въ залу и поспѣшно запирала ее, говоря: „я ничего не видала".

Къ торжественному дню съѣзжались сосѣди; дальніе жили подолгу у насъ; а какъ хорошъ бывалъ Карлъ Карловичъ въ эти дни! Бѣлые воротнички его бѣлой какъ снѣгъ рубашки туго накрахмалены, на немъ синій фракъ съ бронзовыми пуговицами, его бѣлые волосы, съ серебристымъ отливомъ, тщательно приглажены, голубые глаза торжественно улыбаются, въ рукахъ у него букетъ или-какой нибудь подарокъ своей работы—не даромъ онъ нѣмецъ. Забывая свою застѣнчивость, я подаю ему руку и не безъ гордости веду его къ имянинницѣ; тамъ, сказавъ свое привѣтствіе и вручивъ подарокъ, онъ садится и отдыхаетъ, прежде чѣмъ отправиться на свое обычное мѣсто въ залу....

Въ нашемъ сосѣдствѣ жила Александра Петровна С***; моя бабушка очень любила ее за умъ и любезность; имѣніе ея Ру—о находилось всего въ 15 в. отъ Яхонтова; разсказывали, что весь околодокъ трепеталъ передъ ея мужемъ, Николаемъ Петровичемъ С***; онъ былъ человѣкъ очень сердитый и вспыльчивый, держалъ верховыхъ, которые день и ночь разъѣзжали и доносили

ему все, что дѣлалось, кто проѣзжалъ черезъ Ру—о, и куда. Тогда онъ приказывалъ привести проѣзжающаго, иногда милостиво отпускалъ его, а иногда случалось заставлялъ бесѣдовать съ собой, и лишь только что-нибудь ему не понравится, сдѣлаетъ знакъ людямъ, проѣзжаго схватятъ и потащатъ въ тюрьму, гдѣ однажды долго высидѣлъ какой-то исправникъ. Онъ запиралъ такимъ образомъ разныхъ мелкихъ чиновниковъ: засѣдателей, приказныхъ и т. п., но дворянъ не трогалъ. Въ саду, недалеко отъ великолѣпнаго господскаго дома, находилось высокое, тоже каменное, зданіе, которое и служило тюрьмою; окна были только вверху и то съ крѣпкою желѣзною рѣшеткою; говорили, что когда этотъ злодѣй умеръ, кажется это было въ 1800 г., то жена его выпустила изъ тюремъ много несчастныхъ; говорили, будто человѣкъ до трехсотъ, хотя число это, вѣроятно, преувеличено.

Николай Петровичъ С*** писалъ стихи, хотя очень плохіе, восхваляя въ нихъ Екатерину II; дѣдъ мой разсказывалъ, что императрица прислала ему брилліантовый перстень, съ тѣмъ, чтобы онъ болѣе стиховъ не писалъ. Насъ изрѣдка возили въ Р—о къ старушкѣ Александрѣ Петровнѣ С***, къ ней собирались ея внуки, съ которыми мы играли и бѣгали по саду. Домъ, въ которомъ она жила, былъ очень большой, мрачной наружности; комнаты отъ высокихъ и узкихъ оконъ казались также угрюмы; въ двухъ гостиныхъ мебель была съ бронзовою отдѣлкою на ручкахъ и ножкахъ, обита малиновымъ штофомъ и всегда подъ бѣлыми чехлами; вездѣ висѣли фамильные портреты; въ углубленіи большой гостиной, надъ диваномъ, висѣлъ, въ позолоченой рамѣ, портретъ самого Николая Петровича, въ мундирѣ, парикѣ съ пудрою и косою, съ дерзкимъ и вызывающимъ выраженіемъ лица, и рядомъ, тоже въ позолоченой рамѣ, портретъ Александры Петровны С***, тогда еще молодой и красивой, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, въ фижмѣ, съ открытою шеею и короткими рукавами. Изъ гостиной была дверь на балконъ; по широкимъ ступенямъ его мы спускались въ большой, тоже очень мрачный, садъ, разбитый на правильныя аллеи; вдали отъ дома былъ лабиринтъ, который насъ забавлялъ и пугалъ отчасти, потому что нелегко было изъ него выбраться.

Внуки страшнаго Николая Петровича подводили насъ къ тюрьмамъ, которыя тогда (въ 1836 г.) представляли рядъ развалинъ; въ стѣнахъ виднѣлись обрывки желѣзныхъ цѣпей.

„Вашъ дѣдушка въ цѣпяхъ держалъ своихъ заключенныхъ?“ спрашивали старшія изъ насъ.

— „Конечно, прикованными къ стѣнамъ, а то-бы они ушли“, весело и съ нѣкоторою гордостью отвѣчали внуки.

У Николая Петровича С*** было много дѣтей; двое изъ сыновей его печально кончили свое поприще: одинъ былъ сосланъ въ Сибирь за убійство дворового человѣка, другой былъ самъ убитъ крестьяниномъ. Это было въ голодный годъ; крестьянамъ было очень тяжко, многіе питались одною мякиною и дубовою корою. Александръ Николаевичъ С*** запрещалъ своимъ крестьянамъ ходить по міру, а между тѣмъ самъ не давалъ имъ достаточно хлѣба. Однажды, онъ воротилъ крестьянина Семена, котораго встрѣтилъ съ сумою; черезъ день или черезъ два дня, Александръ Николаевичъ поѣхалъ въ поле; ему опять попался на встрѣчу тотъ-же крестьянинъ съ сумою..... Въ самый полдень лошадь его пришла домой безъ сѣдока; послали верховыхъ узнать, что случилось, и нашли помѣщика въ полѣ съ отрубленною головою. Нѣкоторое время не знали, кѣмъ онъ убитъ, наконецъ догадались, что это сдѣлалъ, вѣроятно, тотъ самый Семенъ, съ которымъ онъ встрѣтился два дня тому назадъ. На эту мысль навело слѣдующее обстоятельство: у крестьянъ существуетъ обычай надѣвать чистую рубашку исключительно по субботамъ, послѣ бани; Семенъ-же смѣнилъ рубашку въ четвергъ, въ день убійства Александра Николаевича С***. Это была единственная, но весьма вѣсская улика противъ Семена; послѣ сдѣланнаго ему допроса онъ самъ во всемъ сознался.

Отъ семьи С***, по боковой линіи, произошелъ извѣстный поэтъ Александръ Полежаевъ.

Въ семи верстахъ отъ Яхонтова находится большое базарное село Исса, гдѣ намъ показывали довольно просторную землянку, состоявшую изъ двухъ маленькихъ комнатъ; въ ней скрывался Емельянъ Пугачевъ; не знаю, существуетъ-ли эта землянка теперь.

Упомяну здѣсь кстати, что къ намъ ѣздило семейство Ш.....; имѣніе ихъ находилось за Саранскомъ, и потому они гостили у насъ подолгу. Однажды насъ возили къ нимъ; тамъ я

видѣла главу семьи—Николая Ивановича Ш.; это былъ совершенно сѣдой, молчаливый старикъ. Разсказывали, что Пугачевъ въ его присутствіи велѣлъ повѣсить его отца и мать; ему было въ то время не болѣе семи, восьми лѣтъ, но такъ какъ онъ былъ грамотный, то Пугачевъ взялъ его къ себѣ въ писцы. Николай Ивановичъ такъ былъ пораженъ ужаснымъ зрѣлищемъ, что навсегда остался какимъ-то испуганнымъ и мрачнымъ.

Вспоминая свое дѣтство, я часто переношусь мысленно къ тому дню, когда насъ посѣтилъ въ Яхонтовѣ пензенскій архіерей Амвросій; почему этотъ день воскресаетъ въ моей памяти особенно ярко и живо, потому-ли, что я была поражена пѣніемъ нѣжныхъ дѣтскихъ голосовъ архіерейскихъ пѣвчихъ, или потому, что этимъ днемъ заканчивается то безоблачное время, когда несчастія не касались еще нашей семьи—не знаю.

Лѣто 1838 года было необыкновенно жаркое; въ комнатахъ было нестерпимо душно; къ намъ съѣхались сосѣди со всѣхъ концовъ уѣзда и встрѣтили архіерея на крыльцѣ; дамы цѣловали у него руки. У преосвященнаго Амвросія было умное и немного хитрое лицо; онъ самъ служилъ обѣдню; его пѣвчіе пѣли въ церкви, которая была переполнена народомъ. Послѣ обѣдни всѣ возвратились къ намъ въ домъ; дамы ужасно суетились, ухаживали за архіереемъ, одна бабушка держала себя съ достоинствомъ, была привѣтлива и любезна какъ хозяйка. Всѣ размѣстились въ гостиной, куда и мы съ сестрою вышли передъ обѣдомъ; архіерей разговаривалъ съ моимъ отцомъ, который сказалъ ему, между прочимъ, почтительно улыбаясь:

— „Вотъ что плохо, преосвященный, крестьянъ-то не учатъ Закону Божьему; они очень суевѣрны, а религіи вовсе не знаютъ; объ Евангеліи и не слыхивали; вѣдь мы ваше стадо, вы должны печься о насъ грѣшныхъ“.

Амвросій усмѣхнулся.

. . . . . .

. . . . . .

Во время обѣда хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ пѣлъ „Многія лѣта“. Какъ я помню бабушку въ этотъ день! Образъ ея, какъ живой, носится передъ моими глазами. Она была небольшаго роста, съ довольно большимъ лбомъ, необычайно красивой формы, съ маленькими какъ смоль черными глазами, живыми и въ то-же

время серьезными и правильными чертами лица; одѣта была всегда въ темное платье, сверху накинута турецкая шаль, въ бѣломъ чепцѣ, изъ-подъ котораго виднѣлась черная шелковая шапочка, тщательно скрывавшая сѣдые волосы. Въ движеніяхъ ея, въ словахъ, во всѣхъ пріемахъ проглядывала простота, достоинство и какая-то спокойная грація. Бабушку вездѣ уважали и дорожили ея мнѣніемъ; когда она говорила, все смолкало.

Бабушка очень любила пѣніе и въ этотъ день была особенно довольна и весела. Архіерей отправился дальше съ пѣвчими и со всею своею свитою; онъ объѣзжалъ всю губернію.

На другой день бабушка не совсѣмъ хорошо себя чувствовала и не встала; насъ не пустили къ ней; намъ хотѣлось играть какъ всегда, но мы видѣли, что большіе что-то очень серьезны, и старались подладиться подъ общій тонъ. Бабушка всегда была слабаго здоровья, однако, никогда не лежала цѣлый день въ постели, это-то и тревожило всѣхъ; какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, говорили, что она простудилась въ церкви; жаръ подтверждалъ это предположеніе; ночью сдѣлался бредъ, а подъ утро ея не стало.

Справедливо, что несчастье, разъ постучавшись въ дверь дотолѣ спокойнаго дома, не скоро отойдетъ отъ его порога. Едва мы начали свыкаться съ нашею утратою и возвратились къ своимъ обычнымъ занятіямъ, какъ насъ постигло новое, еще болѣе сильное, испытаніе: годъ спустя скончалась моя старшая сестра Анинька; ее сразила нервная горячка, и нашу Аниньку отвезли въ Саранскъ и положили рядомъ съ бабушкою въ оградѣ монастыря.

Скоро тетя Марія Алексѣевна уѣхала съ дѣдушкою въ Москву; нашъ домъ опустѣлъ, сдѣлался мраченъ и унылъ, отецъ не могъ оставаться въ немъ долѣе; каждая вещь, каждая комната напоминала ему потерянную дочь; онъ рѣшился переѣхать со всею семьею въ новый домъ, который еще при жизни бабушки началъ строить возлѣ сахарнаго завода.

Мы были небольшія съ сестрою, когда, послѣ нашихъ несчастій, нами стали усиленно заниматься; смерть сестры, кромѣ горя, произвела страшный испугъ. Насъ стали беречь, кутать, maman запиралась и плакала въ своей комнатѣ, отецъ искалъ облегченія въ дѣятельности. Однако, и онъ не могъ долго выдержать

въ деревнѣ, въ этой новой обстановкѣ; мы поѣхали въ Москву, гдѣ пробыли съ полгода. Пріискивая для насъ хорошую наставницу иностранку, нашли m-me Moreau de la Meltière. Она была уже старушка, хитрая и большая говорунья, но съ нами скучала и предпочитала разговаривать со старшими, въ особенности съ моимъ отцомъ, въ совершенствѣ владѣвшимъ французскимъ языкомъ. До этого времени мы почти не учились и вдругъ намъ пришлось цѣлый день сидѣть надъ книгою, къ тому-же лѣтомъ, на душномъ и пыльномъ Арбатѣ.

Мы занимали тогда домъ, нанятый для Николая Платоновича Огарева съ его первою женою Маріею Львовною, рожденною Рославлевою. Это было въ 1840 году; они уѣзжали изъ Москвы болѣе для того, чтобы незамѣтно пожить врозь; тогда уже между ними были большія несогласія; Огаревъ проводилъ время съ друзьями, съ Герценомъ, Кетчеромъ, Евг. Ѳед. Коршемъ, Мих. Сем. Щепкинымъ и друг. Тоже близкая съ ними въ переписке, живя въ Москвѣ, Марья Львовна не ладила съ кружкомъ Огарева, ревновала къ нему мужа и, желая втянуть его въ аристократическій кругъ, задавала балы, на которыхъ Огаревъ отсутствовалъ. Онъ не мѣшалъ ей бросать деньги какъ она хотѣла, но отстаивалъ свою личную свободу, и не раздѣляя ея вкусовъ, уѣзжалъ къ друзьямъ; но объ этомъ знали только въ кружкѣ; отъ постороннихъ Огаревъ тщательно скрывалъ свой домашній разладъ.

Я была лѣтъ шести, когда видѣла Огарева въ первый разъ; онъ былъ тогда совсѣмъ молодой человѣкъ. Вскорѣ онъ пріѣхалъ къ намъ съ женою. Онъ любилъ разсуждать съ моимъ отцомъ, слушать его разсказы о 14-мъ декабря, о друзьяхъ декабристахъ; иногда они играли въ шахматы. Марья Львовна всегда спѣшила уѣхать, торопила мужа. Она была довольно пикантная брюнетка, бойкая, живая; меня, вѣроятно, какъ младшую въ семьѣ, ласкала болѣе другихъ.

Она была племянницею Александра Алексѣевича Панчулидзева, пензенскаго губернатора, въ канцеляріи котораго числился на службѣ Огаревъ, во время своей ссылки; въ домѣ губернатора онъ и познакомился съ Маріею Львовною и вскорѣ женился на ней. Въ то время отецъ Огарева, разбитый параличемъ, жилъ постоянно въ деревнѣ. Быть можетъ, онъ мечталъ

объ иномъ бракѣ для единственнаго сына, который, кажется, по матери [1]), находился въ родствѣ съ аристократическимъ домомъ Гогенлое, но отецъ кончилъ тѣмъ, что уступилъ желанію сына; вскорѣ послѣ его женитьбы онъ умеръ.

Возвращаясь къ нашей жизни въ Москвѣ, я вспоминаю, какъ намъ было тяжело съ m-me Mogeau; она не умѣла насъ заинтересовать и только, чтобы занять насъ, задавала намъ много читать изъ исторіи и миѳологіи, и требовала, чтобы мы дѣлали извлеченія, за которыя мы не знали какъ и приняться; при отцѣ называла насъ „ces pauvres petits anges“, а въ его отсутствіе вовсе не обращала на насъ вниманія. Но скоро наступила счастливая для насъ развязка: когда мы стали собираться обратно въ деревню, она не согласилась ѣхать съ нами и рекомендовала на свое мѣсто весьма образованную и начитанную особу—m-lle Michel, воспитавшую двухъ дочерей Екатерины Аркадьевны Столыпиной. Эта достойная личность провела у насъ восемь лѣтъ и была для насъ не только наставницею, но и другомъ, и осталась имъ до конца своей жизни.

III.

Отецъ мой, какъ предводитель дворянства.—Деревенская школа.—Воспоминанія отца о декабристахъ.—Норовъ.—Свиданіе съ М. М. Нарышкинымъ. — Отношенія отца къ крестьянамъ. — Выборы бургомистра. — Рекрутскіе наборы.—Штрафъ, наложенный на отца. — Новый священникъ нашего села.—Столкновеніе отца съ губернаторомъ. — Слѣдствіе у сосѣдней помѣщицы.—Шишковъ. — Встрѣча Перваго съ Герценомъ въ Вяткѣ. — Нравы того времени.—Желтухины.—Спектакль.

1840—1846.

Наконецъ, мы вернулись въ село Яхонтово; мы рѣдко ѣздили въ гости, только на такіе праздники, отъ которыхъ нельзя было отказаться; отецъ тоже никуда не ѣздилъ; онъ былъ предводителемъ дворянства, кромѣ того, занимался имѣніемъ и сахарнымъ заводомъ и во всемъ не имѣлъ другихъ помощниковъ, кромѣ своихъ крестьянъ.

---

[1]) Елисавета Ивановна Баскакова, единственная наслѣдница своихъ родителей; она получила въ приданое богатѣйшее село Бѣлоомутъ, Рязанской губерніи; въ имѣніи было лѣса на два милліона. Огаревъ отпустилъ на волю это село за 300,000 руб. ассигнаціями.

Н. О.

Я уже говорила объ отцѣ въ третьемъ томѣ „Изъ дальнихъ лѣтъ“,—Записки покойной Татьяны Петровны Пассекъ, и въ началѣ этихъ записокъ разсказывала объ его дѣтствѣ и молодости, но этимъ далеко не исчерпано все, касающееся его служебной дѣятельности и его жизни „между крестьянами“. Я выражаюсь такъ потому, что все его время было посвящено ихъ образованію и заботамъ о нихъ; онъ не желалъ вести той праздной жизни, которую вели помѣщики той эпохи, и былъ, въ то время, однимъ изъ весьма немногихъ людей въ Россіи, считавшихъ серьезнымъ дѣломъ то, что онъ дѣлалъ для крестьянъ, и не будучи богатъ, не гнался ни за отличіями, ни за наградами по службѣ.

Мнѣ было года четыре или пять, когда отецъ былъ избранъ въ первый разъ инсарскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства; въ эту должность его избирали четыре раза подъ-рядъ, и въ эти пятнадцать лѣтъ онъ заслужилъ довѣріе и уваженіе дворянъ, безконечную любовь крестьянъ и ненависть со стороны чиновниковъ-взяточниковъ. Крѣпостные и казенные крестьяне безпрестанно съ полнымъ довѣріемъ обращались къ нему по поводу разныхъ недоумѣній и жалобъ. Онъ выслушивалъ ихъ съ большимъ терпѣніемъ, исполнялъ немедленно все то, что отъ него зависѣло, а если нужно было искать правосудія далѣе, то самъ писалъ имъ прошенія,—онъ зналъ наизусть бо́льшую часть статей свода законовъ.

Характера отецъ былъ пылкаго, горячаго до самозабвенія, всегда готовый оказать помощь другимъ. Какъ-то разъ ему доложили, что на селѣ упала въ колодезь дѣвушка, въ припадкѣ помѣшательства; услышавъ это, отецъ позабылъ о своихъ больныхъ ногахъ и побѣжалъ къ мѣсту происшествія, гдѣ уже собралось много народа.

— „Привяжите къ кому-нибудь крѣпкую веревку! кричалъ онъ торопливо,—и спустите туда поскорѣе! Какъ, никто не хочетъ? Ну, такъ ко мнѣ привязывайте веревку, я самъ спущусь!“

Всѣ присутствовавшіе восторженно закричали, что готовы исполнить желаніе отца; одинъ молодой парень спустился въ колодезь, и дѣвушка была спасена.

У отца была школа, въ которой было до 40 учениковъ; старшихъ онъ училъ самъ не только ариѳметикѣ, но и алгебрѣ, геометріи, училъ ихъ снимать планы и пр., а они учили младшихъ;

во время урока, не было человѣка терпѣливѣе отца, и онъ готовъ былъ десять разъ объяснить непонятное ученикамъ, которые его очень любили. Насъ онъ также училъ математикѣ, но болѣе всего любилъ разговаривать съ нами, разсказывая о своей молодости и о всемъ видѣнномъ и слышанномъ имъ, о своемъ путешествіи во Францію въ 1830 году; много говорилъ о декабристахъ, объ ихъ мечтахъ; онъ вздыхалъ, вспоминая о нихъ и думая, сколько пользы могли-бы принести Россіи эти образованные и высоконравственные люди, если-бы несчастная случайность не увлекла ихъ въ водоворотъ декабрьской смуты, который выбросилъ ихъ навсегда изъ общества; слыша такъ много о нихъ, объ ихъ страданіяхъ, о лишеніяхъ, перенесенныхъ ими доблестно, мы относились, конечно, съ дѣтства къ нимъ восторженно.

Вотъ что разсказывалъ отецъ объ одномъ декабристѣ, Норовѣ. Офицеры и даже солдаты привыкли, при Александрѣ I, къ гуманному обращенію со стороны самого государя; однажды одинъ изъ князей присутствовалъ при ученьи полка, въ которомъ служилъ Норовъ. Шефъ былъ не въ духѣ, остался всѣмъ недоволенъ, кричалъ на солдатъ и офицеровъ; погода была дождливая, и князь, топая ногою передъ Норовымъ, въ порывѣ гнѣва, забрызгалъ его; когда онъ удалился, Норовъ вложилъ шпагу въ ножны и сталъ позади солдатъ. На слѣдующій день великій князь узналъ, что Норовъ подаетъ въ отставку; опасаясь заслужить отъ государя замѣчаніе за свою горячность, великій князь послалъ за Норовымъ и, убѣждая его взять свое прошеніе обратно, сказалъ, между прочимъ:

„Ah! mon cher, si vous saviez comme Napoléon traitait quelquefois ses maréchaux!“

— „Mais, votre altesse, il y a aussi loin de moi à un maréchal de France, que de votre altesse à Napoléon“, отвѣчалъ Норовъ.

Говорятъ, что Норову не прощены были эти слова и ихъ припомнили ему, когда Норовъ былъ арестованъ 14-го декабря 1825 г.

Не помню хорошо, въ которомъ году, государь Николай Павловичъ повелѣлъ нѣкоторыхъ сосланныхъ декабристовъ перевести рядовыми на Кавказъ. Проѣздомъ, имъ удалось повидаться со своими и съ друзьями; помню, что мы были тогда у дѣда

въ Москвѣ, и всею семьею поѣхали для свиданья съ М. М. Нарышкинымъ, на дачу его сестры, княгини Авдотьи Михайловны Голицыной, у которой онъ провелъ дня два. Тутъ была и игуменья Тучкова, живое лицо которой сіяло счастіемъ въ этотъ день. Черты лица Нарышкина носили слѣды преждевременной старости; оно было худое, желтое; на немъ была солдатская шинель; онъ очень обрадовался всѣмъ намъ, особенно отцу, и насъ онъ очень ласкалъ, съ чисто отцовскимъ чувствомъ. У него не было дѣтей; въ Сибири онъ взялъ пріемыша, дѣвочку-„сибирячку“, которую мы видѣли потомъ въ его имѣніи „Высокомъ“. Этотъ разъ онъ не имѣлъ времени много разсказывать о Сибири, только хвалилъ начальниковъ за ихъ гуманность, говорилъ, что декабристы постоянно боялись навлечь на нихъ неудовольствіе государя.

Начавъ самостоятельно управлять своимъ имѣніемъ Яхонтовымъ, отецъ мой отмѣнилъ всѣ поборы съ крестьянъ, но въ сосѣднихъ имѣніяхъ они существовали и позже. У насъ крестьяне ходили на барщину только съ тягла, т. е. надѣленные землею, неженатые и дѣвушки не знали барщины, мальчики и старики назначались въ караулъ, тогда какъ у другихъ владѣльцевъ всѣ поголовно выходили на барщину. На сахарномъ заводѣ крестьяне жили „братъ на брата“, какъ они говорили, т. е. одинъ братъ жилъ постоянно на заводѣ на нашей пищѣ, а другой жилъ постоянно дома, не зная никакой барщины; крестьяне не тяготились такимъ распоряженіемъ и жили на заводѣ очень охотно. Отмѣна поборовъ имѣла большое вліяніе на благосостояніе крестьянъ: они не только перестали даромъ отдавать барановъ, свиней, поросятъ, куръ, яйца и т. п., но стали намъ продавать всѣ эти продукты для домашняго обихода, для содержанія дворовыхъ; наше село стало равняться благосостояніемъ съ имѣніями князя Мих. Сем. Воронцова, который владѣлъ возлѣ насъ селомъ Иссою и деревнею Симанкою.

Я никогда не видѣла этого замѣчательнаго и достойнаго сановника, но уважала его съ самаго дѣтства, за умѣнье, во время крѣпостнаго права, сдѣлать своихъ крестьянъ счастливыми и богатыми; онъ отдавалъ всю господскую землю міру и взималъ за нее легкій оброкъ. Имѣніемъ его завѣдывалъ управляющій, но крестьяне не боялись его, а скорѣе онъ боялся

крестьянъ; едва доходила до Воронцова какая-нибудь жалоба крестьянъ на управляющаго, послѣдній немедленно удалялся.

У отца не было управляющаго; сельскимъ хозяйствомъ завѣдывалъ, подъ его руководствомъ, одинъ изъ крестьянъ, называвшійся бургомистромъ, котораго прочіе крестьяне, съ разрѣшенія отца, избирали каждый годъ. Я помню сходки крестьянъ передъ нашимъ крыльцомъ и разговоры ихъ съ отцомъ передъ выборомъ новаго бургомистра. Они благодарили отца за дозволеніе избрать его: „будетъ, говорили они прежнему, посидѣлъ въ бургомистрахъ, пусть другой посидитъ“. Это считалось большою честью.

Когда бывалъ объявленъ рекрутскій наборъ, отецъ собиралъ всѣхъ молодыхъ людей, бывшихъ на очереди, и говорилъ имъ: „Мнѣ васъ очень жаль, но дѣлать нечего, это вашъ долгъ; я долженъ повиноваться правительству и вы также. Надѣюсь, вы не будете ни бѣгать, ни увѣчить себя, я не буду сажать васъ въ кандалы, какъ это дѣлаютъ другіе, но впередъ говорю вамъ: кто отрубитъ себѣ палецъ или убѣжитъ, того отдамъ, хотя послѣ, хотя безъ зачета. Идите-же домой и живите тихо до требованія“.

Дѣйствительно, будущіе рекруты не бѣгали и оставались дома до послѣдней ночи передъ отъѣздомъ; тогда, по приказанію бургомистра, они собирались въ контору, а поутру отправлялись въ уѣздный городъ, гдѣ находилось рекрутское присутствіе.

Это было очень тяжелое время для всѣхъ насъ, потому что матери, сестры и жены приходили просить насъ, со слезами, заступиться за нихъ, попросить моего отца освободить ихъ близкихъ отъ рекрутской повинности. Проводы рекрутъ ничѣмъ не отличались отъ проводовъ на кладбище: тѣ-же рыданья, обмороки, та-же безнадежность... вѣдь разставались на 25, на 30 лѣтъ; солдаты рѣдко возвращались, а если и приходили, то стариками.

Возвращаясь изъ уѣзднаго города домой, по субботамъ, потому что присутствіе закрывалось до понедѣльника, отецъ разсказывалъ намъ, со слезами на глазахъ, о тяжелыхъ сценахъ, происходившихъ почти каждый день во время присутствія. Когда наборъ бывалъ оконченъ, нерѣдко у моего отца дѣлалась нервная горячка отъ усилія казаться хладнокровнымъ, когда внутренно онъ бывалъ глубоко потрясенъ. Кромѣ очередныхъ, отецъ отдавалъ иногда въ солдаты сиротъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда

никто не принималъ ихъ въ зятья, за лѣнь или другія дурныя свойства; они были бобылями и некому было о нихъ плакать.

Въ то время взяточничество достигло баснословныхъ размѣровъ: рекрутскіе наборы обогащали сразу многихъ: всѣ брали взятки съ испуганныхъ крестьянъ, и все это дѣлалось необыкновенно ловко; если-бы отецъ не пользовался такимъ безграничнымъ довѣріемъ со стороны крестьянъ, онъ не могъ-бы такъ мѣтко разрушать хитрые планы взяточниковъ. Помню одинъ выдающійся фактъ: окружной, забравъ деньги у богатыхъ, съумѣлъ сфальшивить въ жеребьевкѣ, и поставилъ все одинокихъ рекрутъ. Мой отецъ, предупрежденный крестьянами, забрилъ затылки всѣмъ этимъ рекрутамъ, т. е. цѣлой волости. Окружной, видя, что отецъ разрушаетъ всѣ его тонкія плутни, пришелъ въ неописанное отчаяніе, растерялся, заговорилъ съ отцомъ по-французски, но послѣдній напомнилъ ему, что это русское присутствіе и что здѣсь онъ не понимаетъ иностранныхъ языковъ, но если кто-нибудь находитъ неправильнымъ, что онъ забраковалъ цѣлую волость, то онъ проситъ внести этотъ фактъ въ журналъ; однако, въ журналъ никто не вписалъ этого поступка: взяточники слишкомъ боялись огласки. Окружной поставилъ другихъ рекрутъ, а взятки (40 тыс. ассигн.) возвратилъ, не безъ тайнаго озлобленія противъ безпокойнаго предводителя.

У отца было много враговъ, но они не могли вредить ему, а скорѣе сами боялись его, какъ доказываетъ слѣдующій случай. Въ то время не было войны, а рекрутскіе наборы, все учащаясь, стали ежегодными. Отецъ въ высшей степени жалѣлъ отнимать столько здоровыхъ и молодыхъ силъ у хлѣбопашной Россіи и сожалѣніе это простиралъ такъ далеко, что старался принимать людей похуже, едва выходящихъ въ мѣру; одинъ разъ онъ набралъ такихъ малорослыхъ и невзрачныхъ рекрутъ, что это не могло пройти незамѣченнымъ. Отецъ долженъ былъ заплатить 30 тыс. ассигн. штрафа, что было-бы для насъ совершеннымъ раззореніемъ, но къ счастію, прежде нежели взыскать эту сумму, государь велѣлъ спросить у губернатора, не изъ корыстныхъ-ли видовъ Тучковъ принималъ такихъ рекрутъ, и губернаторъ, который-бы все сдѣлалъ, чтобы погубить отца, если-бы это было въ его силахъ (что онъ и доказалъ впослѣдствіи), могъ только отвѣчать отрицательно; тогда государь простилъ этотъ штрафъ.

Когда, по совѣту стариковъ, отецъ освобождалъ отъ набора очереднаго изъ богатаго дома, то послѣдній долженъ былъ внести въ міръ выкупныя деньги отъ семисотъ до тысячи рублей ассигнаціями. Въ постоянныхъ заботахъ о своихъ крестьянахъ, отецъ завелъ мірской капиталъ, который составился изъ вышеупомянутыхъ суммъ, изъ денегъ, уплачиваемыхъ женихами за яхонтовскихъ невѣстъ, когда онѣ выходили за крѣпостныхъ; кажется, они платили въ міръ по пятидесяти рублей ассигн., отецъ-же выдавалъ дѣвушкамъ отпускную на случай вдовства; эта предусмотрительная мѣра вовсе не нравилась помѣщикамъ, а когда наши дѣвушки выходили за казенныхъ крестьянъ, то ничего не платили въ міръ. Капиталъ этотъ дошелъ почти до пяти, шести тысячъ ассигнаціями. Богатые крестьяне брали изъ него ссуды на торговлю и платили проценты, бѣднымъ-же выдавались на ихъ нужды деньги безъ процентовъ, но съ обязательствомъ возвратить ихъ міру.

При освобожденіи крестьянъ, о капиталѣ этомъ позабыли, и онъ остался въ тѣхъ рукахъ, въ которыхъ находился въ моментъ освобожденія.

Помню, что когда овдовѣлъ тотъ священникъ, который былъ въ Яхонтовѣ, когда наше семейство поселилось тамъ, и который крестилъ насъ двухъ меньшихъ дѣтей, то архіерей приказалъ уволить его въ заштатные, а намъ далъ молодаго семинариста, весьма гордаго и требовательнаго съ крестьянами. Мы, дѣти, были очень огорчены удаленіемъ нашего добраго старика. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Пензу, отецъ мой жаловался архіерею на новаго священника и просилъ его смѣнить; преосвященный отвѣчалъ, что готовъ сдѣлать это, но что для него будетъ удобнѣе, если отецъ мой укажетъ, какого именно священника онъ желаетъ. Поблагодаривъ архіерея за это позволеніе и возвратившись домой, отецъ сказалъ старикамъ, чтобы они послали двухъ выборныхъ по уѣзду, узнать, нѣтъ-ли гдѣ добросовѣстнаго священника, который не обижаетъ міръ. Послѣ продолжительныхъ странствованій по уѣзду, выборные нашли такого священника, въ лицѣ Ивана Ивановича Добрынина, въ Неѣловѣ, близко отъ насъ; тогда они были посланы вторично, чтобы узнать у этого священника, согласенъ-ли онъ перейти въ нашъ приходъ, по приглашенію отца, на что онъ съ радостью согласился.

Вскорѣ Иванъ Ивановичъ былъ переведенъ, по прошенію отца, въ наше Яхонтово, гдѣ онъ прослужилъ 25 лѣтъ и гдѣ похороненъ. Это былъ человѣкъ необыкновенно любящій и весьма доброй души, жадности къ деньгамъ не питалъ, за вѣнчаніе бралъ съ крестьянъ всего одинъ рубль. Когда онъ обходилъ село съ какими-нибудь требами, на похоронахъ или на крестинахъ, онъ никогда не упоминалъ о вознагражденіи, бралъ, не глядя, что давали, и часто, идя по селу, ласкалъ ребятишекъ и раздавалъ имъ мѣдныя деньги, полученныя съ ихъ отцовъ; правда, попадья бранила его за это, но онъ не обращалъ вниманія на ея брань. Видя его истинно христіанскую доброту, отецъ много помогалъ ему, выстроилъ ему хорошенькій домикъ, а по зимамъ бралъ всю его скотину и содержалъ ее безплатно вмѣстѣ со своею.

Иногда до моего отца доходили слухи о жестокомъ обращеніи съ крестьянами или дворовыми кого-либо изъ помѣщиковъ его уѣзда; онъ тотчасъ являлся на мѣсто самъ, разспрашивалъ о взаимныхъ отношеніяхъ крестьянъ съ владѣльцами, внимательно выслушивалъ большею частью неосновательныя жалобы помѣщиковъ; если дѣло касалось кого-либо изъ дворовыхъ, то онъ убѣждалъ помѣщика дать отпускную, говоря, что душевное спокойствіе дороже какого-нибудь непріятнаго лица изъ дворовыхъ, и нерѣдко успѣвалъ убѣдить своего собесѣдника, а иногда, по пословицѣ, „куй желѣзо пока горячо“, заручившись согласіемъ владѣльца, вынималъ изъ кармана гербовый листъ и приказывалъ своему протоколисту написать отпускную, которая тутъ-же и подписывалась помѣщикомъ. Когда-же дѣло касалось крестьянъ, то онъ выслушивалъ обѣ стороны внимательно и порознь, и оставшись наединѣ съ помѣщикомъ, убѣждалъ его отмѣнить жестокости и несправедливости, угрожая, въ противномъ случаѣ, взять имѣніе въ опеку, что иногда и случалось.

Много хлопотъ и огорченій надѣлало отцу село Яковлещено; оно принадлежало малолѣтнимъ, по смерти ихъ матери, и управлялось мужемъ покойницы. Какъ ни убѣждалъ отецъ крестьянъ не бунтовать, обѣщая назначить другаго опекуна, они его не послушали.

„Не хотимъ принадлежать его дѣтямъ, говорили они,—дѣти ростутъ у него, такіе-же будутъ. Пусть возьмутъ годныхъ въ солдаты, остальныхъ пусть сошлютъ въ Сибирь“!

Для усмиренія бунта была прислана военная команда; два человѣка умерли въ больницѣ отъ послѣдствій наказанія.

Александръ Алексѣевичъ Панчулидзевъ, бывшій двадцать или двадцать пять лѣтъ губернаторомъ въ Пензенской губерніи, ненавидѣлъ отца за независимый характеръ, за свободный образъ мыслей, и считалъ его человѣкомъ „безпокойнымъ“ [1]). Исполняя свой долгъ, отецъ невольно постоянно мѣшалъ губернатору. Однажды, въ голодный годъ, Панчулидзевъ созвалъ въ Пензу всѣхъ уѣздныхъ предводителей для того, чтобы убѣдить ихъ не просить у правительства никакого вспомоществованія; когда собраніе открылось, нѣсколько предводителей изъявили тотчасъ на это свое согласіе, но когда очередь дошла до моего отца, то онъ изобразилъ весьма основательно бѣдственное положеніе народа и прибавилъ, что будетъ просить помощи у правительства.

„Но правительство не въ состояніи оказать большую помощь“, запальчиво возразилъ губернаторъ.

— „Удрученное населеніе будетъ довольно и немногимъ; самое ничтожное пособіе покажетъ участіе правительства къ несчастнымъ, внесетъ успокоеніе въ души крестьянъ, измученныхъ всякими лишеніями и голодомъ, этимъ худшимъ изъ всѣхъ бѣдствій“, отвѣчалъ отецъ.

Вслѣдъ за этими словами и остальные предводители стали требовать пособія для своихъ уѣздовъ. Такимъ образомъ, вмѣшательствомъ „безпокойнаго“ Алексѣя Алексѣевича Тучкова былъ разрушенъ планъ губернатора получить крестъ за умѣніе обойтись безъ пособія отъ правительства въ столь критическую минуту.

Иногда помѣщикамъ удавалось склонить губернатора въ свою пользу въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ вовсе не зналъ сущности ихъ дѣла съ крестьянами, но считая себя дворяниномъ, считалъ своимъ долгомъ стоять всегда за помѣщиковъ. Панчулидзевъ удивлялся взглядамъ отца и никогда не могъ его вполнѣ понять; между ними было не мало ссоръ и непріятностей. Однажды отецъ, выведенный изъ терпѣнія, сказалъ ему: „вы мнѣ вовсе не начальникъ, я непосредственно подчиненъ министру внутреннихъ дѣлъ“.

Однажды, по настоятельной просьбѣ помѣщицы Тре—вой,

---

[1]) Объ этомъ Панчулидзевѣ см. въ „Русской Старинѣ“, въ „Запискахъ Ильи Васильевича Селиванова“, изд. 1880 г. т. XXVIII., стр. 289—300.

Ред.

губернаторъ послалъ чиновника особыхъ порученій вмѣстѣ съ уѣзднымъ исправникомъ произвести у нея слѣдствіе, безъ вѣдома моего отца; однако, крестьяне тотчасъ дали ему знать объ этомъ, и онъ отправился немедленно въ домъ г-жи Тре—вой.

— „Господа, сказалъ входя отецъ,—вы забыли, кажется, меня предупредить, вѣдь я здѣсь хозяинъ, это мой уѣздъ".

Чиновники отвѣчали сконфуженно, что имъ не было приказано приглашать его на слѣдствіе.

„О чемъ-же вы производите слѣдствіе?" спросилъ отецъ.

Въ отвѣтъ на эти слова, чиновники объяснили ему сущность жалобы г-жи Тре—вой на шестнадцати-лѣтнюю дѣвушку, которая будто-бы отравила ее. Обвиняемая стояла испуганная, заплаканная и босая, а дѣло было зимою.

„Господа, заявилъ отецъ,—прикажите обуть и одѣть подсудимую, какъ слѣдуетъ зимою, иначе я, по закону, не имѣю права ее допрашивать".

Тре—ва поблѣднѣла:

— „Да вѣдь это за ея вину"... начала было она.

„Сударыня, возразилъ отецъ,—когда вы пригласили насъ разбирать это дѣло, то должны подчиниться требованію закона. Какъ вижу, продолжалъ онъ,—г-жа Тре—ва здорова".

— „Меня рвало тогда тотчасъ послѣ обѣда", заявила Тр—ва.

„Это не есть еще доказательство отравленія, гдѣ-же рвота? только химическій анализъ можетъ доказать, было-ли это отравленіе, или просто желудочное разстройство", сказалъ мой отецъ.

Разумѣется, рвота не была сохранена, и благодаря присутствію отца, слѣдствіе кончилось ничѣмъ. Уѣзжая, онъ убѣждалъ помѣщицу избавиться отъ подозрѣваемой дѣвушки, давъ ей отпускную,—не помню, однако, успѣлъ-ли онъ въ этомъ.

Много замѣчательныхъ фактовъ слышала я отъ отца; между прочимъ, онъ разсказывалъ о молодомъ Шишковѣ, который воспитывался въ домѣ у своего дѣда; должно быть, въ то время многіе считали безопаснѣе для юношей воспитаніе въ Москвѣ, нежели въ Петербургѣ. Дѣдъ Шишкова нѣкогда занималъ важный постъ министра народнаго просвѣщенія. Въ числѣ портретовъ, писанныхъ тетушкою Марьею Алексѣевною, я помню прекрасный портретъ молодаго Шишкова. Совсѣмъ еще юноша, блондинъ, онъ имѣлъ мелкія и живыя черты лица и быстрый взглядъ. Онъ

написалъ стихотвореніе, въ которомъ высказалъ очень свободныя мысли; объ этомъ узнали, онъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Петербургъ. Императоръ Николай Павловичъ приказалъ привезти его во дворецъ и спросилъ его, указывая на это стихотвореніе:

„Это ты писалъ?“

— „Я, ваше в—во“, живо отвѣчалъ Шишковъ.

„Читай“, сказалъ государь.

Молодой человѣкъ прочелъ свое сочиненіе съ одушевленіемъ. Государь разсердился и приказалъ заключить его въ домъ умалишенныхъ; однако, изъ уваженія къ дѣду, неосторожный юноша былъ вскорѣ выпущенъ. Это было, должно быть, самое тяжелое наказаніе, какое можетъ постигнуть человѣка; въ молодости я знавала старинную знакомую Тучковыхъ, г-жу Перваго (незаконную дочь Стрешнева-Глѣбова), которая была подвергнута подобному-же наказанію за какія-то неосторожныя рѣчи. По ея словамъ, трудно себѣ представить какое вліяніе имѣетъ на здороваго человѣка общество психически больныхъ, и дѣйствительно, у нея осталось что-то странное на всю жизнь. По выходѣ изъ сумасшедшаго дома, она была сослана въ Вятку, куда прибылъ, тоже не по своей волѣ, Александръ Ивановичъ Герценъ.

Узнавъ объ его пріѣздѣ, г-жа Перваго, не знавшая его лично, обратилась къ нему письменно съ предложеніемъ заказать вмѣстѣ панихиду по Рылѣевѣ и его товарищамъ, но Герценъ отклонилъ это предложеніе, считая его ребячествомъ, которое могло направить его еще дальше, безъ всякой цѣли, безъ всякой пользы. Г-жа Перваго очень разсердилась за его отказъ и никогда не могла простить ему этого факта, считая это признакомъ трусости; извѣдавъ всякія невзгоды и не ожидая ничего отъ жизни, она не боялась никакихъ наказаній, и находила отраду въ подразниваніи властей.

Однажды, ѣхавши изъ деревни въ Москву, мы обогнали много подводъ, на которыхъ виднѣлись исключительно дѣтскія лица; ихъ сопровождали солдаты; это было зимою. Отецъ, полюбопытствовавъ узнать что̀ это такое, спросилъ одного изъ солдатъ: откуда эти дѣти?

„Изъ Польши“, коротко отвѣчалъ солдатъ.

— „Куда везете ихъ?“

„Въ Тобольскъ“, былъ отвѣтъ.

Дѣти, на взглядъ отъ трехъ до десяти лѣтъ, принимали подаяніе отца, улыбаясь сквозь слезы. Многія-ли изъ нихъ доѣхали до мѣста назначенія? Одни говорили, что это дѣти шляхтичей, другіе—что это дѣти евреевъ, взятыя у родителей для того, чтобы они скорѣе обрусѣли.

. . . . . .

. . . . . .

Не помню, въ 1845 или 1846 гг., поселились въ нашемъ сосѣдствѣ премилые люди: Алексѣй Дмитріевичъ Желтухинъ и жена его, Елисавета Николаевна. Отецъ Желтухина, Дмитрій Алексѣевичъ, бывалъ у моего дѣда, поэтому, вѣроятно, молодые Желтухины и пріѣхали познакомиться съ нами. Съ перваго свиданія мы сошлись съ ними; они оба пѣли очень мило и были большіе охотники до любительскихъ спектаклей; отецъ мой также очень полюбилъ Желтухина, который звалъ его, какъ и мы, „папа“. Мы подружились и съ его женою, Елисаветою Николаевною, стали всею семьею ѣздить къ нимъ; по субботамъ они пріѣзжали къ намъ, оставались до понедѣльника; ихъ отъѣздъ каждый разъ очень огорчалъ насъ. Они привозили съ собою много книгъ съ драмами, комедіями, Желтухинъ читалъ намъ вслухъ по вечерамъ, мы обсуждали вмѣстѣ какую пьесу выбрать, какую роль взять и проч. Желтухинъ былъ человѣкъ весьма умный и симпатичный, съ необыкновенно привлекательною наружностью; у него были темные, очень густые волосы, красивый лобъ, прекрасные глаза и милая, слегка насмѣшливая улыбка; дамы бредили имъ, увидѣвъ его только одинъ разъ. Удивительно, что онъ при всемъ этомъ былъ необыкновенно скроменъ, даже немного застѣнчивъ.

Въ то время намъ писали изъ Москвы, что Огаревъ тамъ пируетъ съ друзьями; они провожали Александра Ивановича Герцена, который уѣзжалъ со всею семьею заграницу на неопредѣленный срокъ. Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ уже скончался, и Герценъ чувствовалъ себя вполнѣ свободнымъ.

Намъ было любопытно посмотрѣть на Огарева послѣ его семи-лѣтняго отсутствія, и хотѣлось видѣть человѣка, только-что возвратившагося изъ чужихъ краевъ. Когда Огаревъ пріѣхалъ, наконецъ, въ деревню, мой отецъ очень обрадовался ему, а мы съ нимъ дичились, да и репетиціи поглощали все наше время:

мы были очень заняты постановкою двухъ пьесъ къ 27 ноября, дню рожденія моей сестры Елены, который праздновался всегда торжественно.

Въ то время намъ жилось очень весело и легко, ученье не имѣло всей своей правильности, за то мы много читали; но въ описываемое мною время были всецѣло поглощены театромъ: Желтухинъ былъ славный актеръ, жена его тоже хорошо играла, меня хвалили; признаюсь, внутренно я гордилась только похвалою Желтухина.

Наконецъ, торжественный день 27-го ноября насталъ; въ домѣ поднялась страшная суетня; какой-то маляръ дорисовывалъ наверху декораціи, m-lle Michel писала афишки, а мы... мы ничего не дѣлали.

Давно не было въ Яхонтовѣ такого праздника; гостей было человѣкъ до пятидесяти; незнакомыя намъ дамы просили черезъ другихъ позволенія пріѣхать на спектакль; причиною этого съѣзда была, вѣроятно, игра Желтухина. Будучи еще пажемъ, онъ игралъ при царской фамиліи и былъ замѣченъ своею игрою; впослѣдствіи онъ игралъ въ Казани и былъ признанъ за отличнаго актера любительскаго театра.

Къ нашему крыльцу подъѣзжали безпрестанно возки и изъ нихъ высаживались многочисленныя семьи нашихъ сосѣдей; дамы, въ нарядныхъ чепцахъ и платьяхъ, отправлялись къ моей матери и усаживались на диванѣ въ гостиной; ихъ мужья, еще менѣе ихъ интересные, раскланявшись съ обществомъ въ гостиной, спѣшили въ отцовскій кабинетъ. Мы встрѣчали дочерей и, устроивъ ихъ въ уютномъ уголкѣ, спѣшили отъ нихъ отдѣлаться, подъ предлогомъ разныхъ актерскихъ занятій и репетицій. Не имѣя ни одной общей мысли съ ними, мы ужасно скучали, занимая ихъ. Какъ веселъ былъ нашъ актерскій обѣдъ: профановъ мы не допускали; кромѣ актеровъ, въ немъ участвовали только наша хорошая знакомая Нина Николаевна Юрлова (рожденная Нечаева) и Николай Платоновичъ Огаревъ. Онъ очень оживился, и въ концѣ обѣда показывалъ намъ какъ, выпивая бокалъ шампанскаго лѣвою рукою за здоровье сестры, правою онъ ловко, съ одного удара, разбивалъ тарелку о свою кудрявую голову; подражателей нашлось много, и дюжины двѣ тарелокъ были уничтожены въ этотъ памятный день...

IV.

Николай Платоновичъ Огаревъ.—Сборы къ отъѣзду.—Остановка въ Москвѣ и Петербургѣ.—Первыя заграничныя впечатлѣнія. — Италія. — Свиданіе съ И. П. Галаховымъ въ Ниццѣ.—Римъ.—А. И. Герценъ и его семья.—Неаполь.—Пропажа портфеля.—Извѣстіе о революціи во Франціи.—Отголоски революціи въ Италіи.

1848—1849.

Послѣ окончанія спектаклей, гости разъѣхались, и наша жизнь пошла опять своимъ обычнымъ чередомъ; однако, начинали поговаривать о нашемъ путешествіи въ чужіе края на цѣлый годъ. Огаревъ пріѣзжалъ къ намъ часто и оставался понѣсколько недѣль.

Постараюсь передать его наружность въ то время: онъ былъ повыше средняго роста, не худъ и довольно широкъ въ плечахъ, черты его лица были неправильны, но очень пріятны; большіе сѣрые глаза имѣли очень умное и кроткое, подчасъ немного задумчивое, выраженіе, волосы его были темно-русые, кудрявые и очень густые. Онъ былъ безконечно любимъ крестьянами и дворовыми какъ въ его имѣніяхъ, такъ и въ нашемъ. Когда мы обѣ, сопровождаемыя Огаревымъ, прогуливались по нашему саду, то крестьяне вбѣгали иногда къ намъ радостно и говорили: „мы варимъ брагу къ празднику, попробуйте, Николай Платоновичъ“.

Огаревъ бралъ стаканъ изъ ихъ рукъ, выпивалъ брагу и хвалилъ ее, улыбаясь со своимъ обычнымъ добродушіемъ.

Помню, какъ однажды мы подошли къ избѣ моей кормилицы; увидавъ насъ, она высунула торопливо голову изъ маленькаго окошечка и сказала:

„Погодите, Николай Платоновичъ, не ходите на дворъ, у насъ злая собака, пожалуй, она васъ укуситъ“.

Огаревъ отвѣчалъ уже со двора и очень спокойно:

— „Не безпокойся, Марѳа Ивановна, она ужъ укусила меня“.

Надобно было что-нибудь слишкомъ необыкновенное, чтобы Огаревъ потерялъ терпѣніе и разсердился, и то на равныхъ, а не на подчиненныхъ; онъ былъ олицетворенный покой и кротость. Понемногу мы привыкали къ нему; онъ жилъ у насъ въ верхнемъ этажѣ. Не имѣя возможности послать за Огаревымъ, чтобы звать его на прогулку, когда наши занятія съ m-lle Michel

Галахова: за исключеніемъ его, въ то время не было иностранцевъ въ Ниццѣ. Иванъ Павловичъ принадлежалъ къ московскому кружку Герцена и Огарева, онъ былъ человѣкъ весьма умный и образованный, въ деревнѣ бывалъ рѣдко и живалъ не подолгу, посѣщая только насъ, а съ прочими сосѣдями не былъ даже знакомъ.

По пріѣздѣ въ Ниццу, вечеромъ, мы отправились всѣ къ Ивану Павловичу. Недавно еще онъ былъ стройный, прямой, имѣлъ то, что я не умѣю назвать по-русски:—„un air de grande distinction“, теперь-же мы увидали больнаго, слабаго, немного сгорбленнаго Ивана Павловича, съ заостренными чертами лица; сердце невольно сжималось, глядя на него. И на что его женила сестра? Она наивно, вѣрила, что ему лучше быть женатому.... Посидѣвъ немного, мы простились съ Иваномъ Павловичемъ и уложили все съ вечера, чтобы ранѣе выѣхать изъ Ниццы, обратно въ Геную, по живописной дорогѣ „Corniche“, смиренно подчиняясь всѣмъ неудобствамъ дилижанса.

Изъ Генуи мы отправились моремъ въ Чивита-Векіа, а оттуда, опять въ дилижансѣ, въ Римъ. Вечеромъ, усталые, разбитые ѣздою въ дилижансѣ, мы въѣхали, наконецъ, въ „вѣчный городъ“ и остановились въ гостинницѣ „Императоръ“, на улицѣ Бабуинѣ; поутру отецъ мой узналъ адресъ Герцена, и мы, нетерпѣливые, отправились всѣ къ нимъ. Они жили тогда al Corso.

Семейство Герцена въ то время было многочисленное: Александръ Ивановичъ, съ женою Натальею Александровною, мать ея, Луиза Ивановна Гагъ съ Марьею Каспаровною Эрнъ и Марья Ѳедоровна Коршъ, старшая сестра Евгенія и Валентина Ѳедоровичей Коршъ. Дѣтей было тогда у Александра Ивановича трое, и по слабости здоровья его жены, они были раздѣлены, для ухода, между дамами: старшій, мальчикъ лѣтъ семи, былъ неразлученъ съ матерью, второй, глухонѣмой, былъ постоянно у бабушки и Марьи Каспаровны, третья—дѣвочка лѣтъ трехъ, была на попеченіи Марьи Ѳедоровны.

Съ того дня, какъ мы встрѣтились съ Герценами, мы стали неразлучны; осматривали вмѣстѣ все примѣчательное въ Римѣ,—а это не малая задача,—и каждый вечеръ проводили у нихъ; тутъ составлялись планы для слѣдующаго дня; иногда Александръ Ивановичъ читалъ намъ то, что онъ писалъ въ то время о Франціи;

иногда Наталья Александровна уводила меня въ свою комнату и читала мнѣ стихотворенія Огарева, бесѣдуя со мною постоянно о немъ.

— „Какая глубокая натура, какое сродство между моею душою и его!“ говорила она восторженно.

Тогда я много вспоминала объ Огаревѣ и жалѣла, что его нѣтъ съ нами. Герценъ оживлялъ всѣхъ насъ своимъ веселымъ юморомъ, рѣдкою подвижностью, добродушнымъ смѣхомъ. Онъ прожилъ около года во Франціи и ужасно въ ней разочаровался, поэтому у него были безконечные споры съ моимъ отцомъ, который относился пристрастно къ Парижу и французамъ; ни тотъ, ни другой не сдавались въ этихъ спорахъ; только утомившись, они расходились и заговаривали о другомъ. Въ одно изъ этихъ преній, отецъ мой, выведенный изъ терпѣнія безнадежностью взглядовъ Герцена на Францію, сказалъ ему:

„Позвольте вамъ сказать, Александръ Ивановичъ, что вы не знаете этой страны, вы ее не понимаете; одна электрическая искра падетъ и все измѣнится; чѣмъ хуже вамъ кажется все, тѣмъ ближе къ развязкѣ.

— „Изъ вашихъ словъ о томъ, что дѣлается во Франціи, я заключаю, что мы не далеки отъ провозглашенія республики“.

„Я пари держу, вскричалъ онъ, — что Франція прогонитъ этого мѣщанскаго короля, который правитъ ея судьбами, и провозгласитъ республику“.

— „Хотѣлось-бы вамъ вѣрить, сказалъ Герценъ съ ироніею,— но едва-ли. Когда-же все это будетъ? Я принимаю ваше пари на бутылку шампанскаго“.

— „Когда? повторилъ съ живостью отецъ,—скоро. Готовьте шампанское; на мое рожденіе мы будемъ пить за французскую республику!“

Этотъ горячій разговоръ, обратившій тогда мое вниманіе, былъ вскорѣ позабытъ.

Рѣшено было ѣхать дней на десять въ Неаполь; въ Римѣ оставалась только Марья Ѳедоровна Коршъ съ маленькими дѣтьми Герцена, а старшаго мать взяла въ Неаполь.

Никогда не забуду этой поѣздки, такъ мнѣ было хорошо тогда! Мы ѣхали въ дилижансѣ; я сидѣла въ купе съ Натальею Александровною и съ маленькимъ Сашею. Александръ Ивановичъ часто подходилъ къ намъ на станціяхъ съ разными вопро-

сами: не хотимъ-ли поѣсть чего-нибудь, или попробовать мѣстнаго кисленькаго вина, или выйти походить, пока перепрягаютъ лошадей. Ночи были лунныя; мы выходили иногда полюбоваться великолѣпнымъ видомъ на море.

Наконецъ, на второй или на третій день мы прибыли въ Неаполь, въ десять часовъ вечера, и остановились, разумѣется, всѣ въ одномъ отелѣ на Кьяѣ. Вмѣсто окна, въ каждой комнатѣ была стеклянная дверь, выходившая на маленькій балконъ съ видомъ на море; вдали краснѣлъ огонекъ и виднѣлась темная струйка дыма на Везувіи. Не знаю, можетъ-ли кто-нибудь увидѣть равнодушно Неаполь въ первый разъ въ жизни? На насъ всѣхъ онъ произвелъ сильное впечатлѣніе; въ природѣ и на душѣ было такъ хорошо, что мы вдругъ стали необыкновенно веселы, болѣе того—даже счастливы, не смотря на нашу страшную усталость.

Изъ Неаполя мы ѣздили въ Сорренто; дорога туда, Сорренто и его окрестности прелестны. Въ Сорренто намъ посовѣтовали съѣздить въ „Лазуревый гротъ“, говорили, что до него недалеко; однако, это неправда: мы наняли большую лодку съ шестью гребцами, и намъ пришлось плыть до грота шесть часовъ въ открытомъ морѣ, въ этотъ день далеко не покойномъ.

Какъ всѣ путешественники, мы поднимались на Везувій, частью на ослахъ, частью пѣшкомъ. Везувій представлялъ въ то время видъ огненной рѣки, что было необыкновенно красиво; нѣкоторые изъ насъ прожгли сапоги, ступая на горячую лаву.

Весьма живо сохранился въ моей памяти слѣдующій случай изъ нашего пребыванія въ Неаполѣ.

Однажды я съ отцомъ пришли, по приглашенію нашего знакомаго доктора Циммермана, къ нему въ гости; семейство Герцена оставалось въ отелѣ. Отъ Циммермана мы возвратились поздно, однако, я все-таки зашла проститься съ Натальею Александровною. Когда я вошла, она стояла среди комнаты, встрѣвоженная, съ раскраснѣвшимся лицомъ,—она, которая всегда была блѣдна; Луиза Ивановна, обыкновенно веселая и добродушная, смотрѣла гнѣвно; Александръ Ивановичъ стоялъ у своего письменнаго стола, задумчивый и молчаливый. Я глядѣла на всѣхъ съ недоумѣніемъ, не зная, какъ уйти и что дѣлать, но Наталья Александровна вывела меня скоро изъ неловкаго положенія.

„Не подходи ко мнѣ, я преступница, сказала она съ ироніею, — я потеряла все наше состояніе! Я не шучу, это правда".

— „Полно, Наташа, сказалъ Александръ Ивановичъ съ упрекомъ,—ты знаешь, я не боюсь, я прокормлю свою семью".

— „Слушай, сказала мнѣ Наталья Александровна съ оживленіемъ,—когда вы пошли къ Циммерману, я занялась съ Сашею, вдругъ гарсонъ постучалъ и сказалъ Александру, что на улицахъ демонстрація, большое волненіе; Александръ заторопилъ меня. Ты знаешь темно-зеленый портфель, въ немъ были ломбардные билеты, векселя на разные банкирскіе дома, словомъ, все наше состояніе и маменькино тоже. Я не знала, куда его дѣвать, оставить въ отелѣ боялась, наконецъ, второпяхъ, сунула его въ карманъ, но карманъ былъ малъ и портфель однимъ угломъ высовывался изъ него. Много разъ я ощупывала его, стоя въ толпѣ, онъ былъ тутъ, вдругъ я почувствовала, что кто-то дернулъ меня, ощупала карманъ,—онъ пустой"...

На другое утро, Герценъ съ моимъ отцомъ занялись практическою стороною этого дѣла. Они написали письма къ банкирамъ, на имя которыхъ были бланки, прося ихъ, по случаю кражи, не платить по нимъ до новаго увѣдомленія; потомъ пошли сами къ неаполитанскому банкиру, графу Торлони, чтобы посовѣтоваться съ нимъ о мѣропріятіяхъ для отысканія портфеля, но, къ сожалѣнію, Торлони, не смотря на графскій титулъ, оказался очень тупымъ. Болѣе всего помогли имъ знакомые журналисты: они тотчасъ напечатали о потерѣ портфеля, объ его содержаніи и о вознагражденіи тому, кто принесетъ его; потомъ одинъ изъ нихъ пошелъ съ Герценомъ въ полицію, гдѣ ими было заявлено о пропажѣ, и пр. Все это было сдѣлано такъ быстро, что воры не могли получить крупной суммы по векселямъ, а по ломбарднымъ билетамъ еще менѣе.

Черезъ нѣсколько дней, къ журналистамъ явился подозрительный нищій, объяснилъ шепотомъ, что портфель найденъ бѣдными людьми и что они просятъ вести переговоры съ самимъ сеньоромъ, потерявшимъ портфель, но отнюдь не мѣшать въ это дѣло полицію. Журналисты дали нашъ адресъ.

На слѣдующій день, къ крыльцу нашего отеля подошелъ старикъ, о которомъ доложили Герцену. Старикъ ни за что не

хотѣлъ войти въ отель, а просилъ Герцена выйти къ нему на улицу, на что послѣдній согласился.

— „Портфель найденъ, сказалъ старикъ,—мы его отдадимъ, конечно, за вознагражденіе; мы люди бѣдные, только не надо мѣшать въ это дѣло полицію; если вы согласны, я зайду за вами ужо и провожу васъ къ нашему старшему, вы съ нимъ столкуетесь, а потомъ вамъ принесутъ портфель, а вы отдадите вознагражденіе".

Герценъ согласился. Въ назначенное время старикъ пришелъ за нимъ и они отправились. Богъ знаетъ, по какимъ трущобамъ ему пришлось идти, едва-ли сама полиція проникала туда когда-нибудь; на пути имъ встрѣтились люди мрачной наружности, едва прикрытые какими-то лохмотьями, лежавшіе на дорогѣ и не пропускавшіе ихъ дальше; завязался горячій споръ, котораго Герценъ не могъ понять; наконецъ, ихъ пропустили. Александръ Ивановичъ не имѣлъ никакого оружія въ рукахъ; эта мысль безпокоила его, когда огненные глаза со всѣхъ сторонъ устремлялись на него; наконецъ, преодолѣвъ всѣ препятствія, они дошли до цѣли; это было нѣчто въ родѣ главнаго штаба воровъ; Герцена провели къ старшему, тотъ надменно кивнулъ ему головою и велѣлъ подать портфель.

„Тотъ-ли вы ищете?" спросилъ онъ.

— „Да, отвѣчалъ Герценъ, узнавъ портфель,—только я не вижу, цѣлы-ли бумаги, находившіяся въ немъ".

„Все цѣло, отвѣчалъ старшій. — Вы безоружный находитесь всецѣло въ нашей власти, и уйдете отсюда какъ пришли, никто не тронетъ волоска вашего, за это я ручаюсь головою".

Потомъ начались переговоры, окончившіеся тѣмъ, что за сто скудій портфель принесутъ къ нашему отелю, а Герценъ вынесетъ деньги и получитъ его.

„Но, говорилъ старшій,—мы честные люди, дайте и вы намъ честное слово, что не замѣшаете въ это дѣло полицію, мы не воры, но мы не любимъ полиціи".

Герценъ обѣщалъ. Молодой парень, явившійся на другой день съ портфелемъ, не имѣлъ кармана, куда положить сто скудій, по той простой причинѣ, что на немъ не было никакой одежды; онъ былъ только прикрытъ кускомъ стараго корабельнаго паруса; однако, это не помѣшало обмѣну совершиться благополучно. Герцена вездѣ поздравляли со счастливымъ окончаніемъ дѣла, и ему приходилось расплачиваться за поздравленія.

„Надобно скорѣе убираться отсюда, говорилъ онъ смѣясь,— конца нѣтъ поздравленіямъ, право, они принимаютъ меня за какого-то Монтекристо".

Этотъ эпизодъ немного омрачилъ наше веселое житье въ Неаполѣ, и мы поспѣшили возвратиться въ Римъ.

Вскорѣ наступило 12 (24) февраля 1848 г.; мы собирались вечеромъ праздновать день рожденія моего отца; дамы семейства Герценъ были уже у насъ, чтобы сѣсть за столъ,—мы ожидали только появленія Александра Ивановича, который, по обыкновенію, отправился читать передъ обѣдомъ вечернія газеты. Вдругъ послышались на лѣстницѣ торопливые шаги; то былъ Герценъ съ знакомымъ журналистомъ, Спини. Герценъ не шелъ, а бѣжалъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Съ этого дня газеты были наполнены вѣстями о возмущеніяхъ, о возстаніяхъ, происходившихъ въ разныхъ странахъ.

Въ Римѣ демонстраціи были ежедневно; народъ, очень взволнованный провозглашеніемъ французской республики, собирался въ большомъ порядкѣ и ходилъ по улицамъ Рима, прося реформъ, напоминая о страждущихъ братьяхъ въ Ломбардіи, говоря сочувственныя рѣчи французскому послу, который, какъ представитель монархіи, вовсе не зналъ, что имъ отвѣтить, тѣмъ болѣе, что онъ не получалъ еще никакихъ инструкцій изъ Парижа; у

австрійскаго посланника сломали гербъ и раздѣлили между присутствующими эту черную птицу, въ память черныхъ дѣлъ.

Видя часто римскихъ демократовъ-журналистовъ, мы спрашивали ихъ—всѣ-ли вѣсти о возстаніяхъ справедливы; они отвѣчали улыбаясь, что далеко не всѣ: „мы ихъ предчувствуемъ, предугадываемъ, а черезъ нѣсколько дней они въ самомъ дѣлѣ подтверждаются“, говорили они.

. . . . . .

. . . . . .

Когда волонтеры стали собираться въ Миланъ, устроилась огромная демонстрація, которая, направляясь изъ Корсо въ Колизей, по дорогѣ остановилась передъ церковью, гдѣ происходило богослуженіе, и просила священника благословить итальянское знамя, отправлявшееся въ Ломбардію. Часть насъ вошла въ церковь, гдѣ всѣ стали на колѣна; мы не знали, что намъ дѣлать, и стояли какъ постороннія; тогда къ намъ подошелъ одинъ изъ революціонныхъ начальниковъ или руководителей демонтраціи и попросилъ насъ встать тоже на колѣни, чтобы не оскорблять религіознаго чувства толпы.

..... Когда мы достигли, наконецъ, Колизея, намъ пришлось долго ожидать Чичероваkіо; онъ былъ простой работникъ и въ то время главный и любимый трибунъ народа. Почти всѣ жители Рима собрались въ Колизеѣ; со всѣхъ сторонъ тянулись пестрыя толпы, въ которыхъ виднѣлись и женщины съ дѣтьми.

Наконецъ, толпа заколыхалась, потомъ все затихло, явился Чичероваkіо. Онъ сталъ говорить народу съ жаромъ о необходимости подать скорую помощь угнетеннымъ братьямъ въ Ломбардіи, и въ концѣ своей рѣчи, представляя народу своего шестнадцати-лѣтняго сына, добавилъ:

— „У меня только одинъ сынъ, онъ мнѣ дороже всего на землѣ, и я отдаю его на служеніе народу, пусть онъ идетъ съ волонтерами въ Миланъ“, и, обратившись къ юношѣ, добавилъ „иди съ нашими, проливай свою кровь за отечество, за народъ

Къ сожалѣнію, я не могу идти самъ въ Ломбардію, я остаюсь здѣсь, стеречь васъ отъ внутреннихъ враговъ".

Сказавъ это, Чичероваkіо отеръ украдкою слезу; ему не легко было принести эту жертву. Всѣ были глубоко тронуты; тѣ, которые стояли ближе, восторженно жали ему руки, остальные кричали со всѣхъ силъ: „Eviva Chicherovachio!" Долго гудѣлъ въ толпѣ этотъ возгласъ, и эхо повторяло его.....

....Въ эти дни всеобщаго возбужденія мы не знали никакого отдыха и были по цѣлымъ днямъ на ногахъ, удивляясь и радуясь тому, что на нашихъ глазахъ совершалось пробужденіе Италіи, создавалась всемірная исторія.....

V.

Въ Парижѣ.—Соотечественники.—Нѣмецкій революціонеръ Гервегъ.—Іюньскіе дни 1848 г.—Обыскъ у Герцена и у моего отца А. А. Тучкова.—П. В. Анненковъ и И. С. Тургеневъ.—Послѣдняя ночь въ Парижѣ.—Встрѣча съ М. А. Бакунинымъ въ Берлинѣ.—Возвращеніе въ Россію.—Графъ П. Д. Киселевъ.—К. Д. Кавелинъ.—Московскій кружокъ Герцена и Огарева.—Астраковъ.

1848—1849.

Вскорѣ намъ пришлось оставить Италію, къ тому-же интересно было взглянуть на республиканскій Парижъ. Мой отецъ горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть наяву свои мечты; однако, намъ было очень жаль разстаться съ Герценами, но они обѣщали скоро присоединиться къ намъ въ Парижѣ. Оказалось, что въ новой республикѣ не такъ хорошо, какъ это думалось издали: смѣнили заглавіе: слово „монархія“ на слово „республика“, а содержаніе осталось то-же. Въ экономическомъ отношеніи благосостояніе народа ничуть не улучшилось и никто о немъ не думалъ; народъ бѣдствовалъ, особенно рабочій классъ Парижа; онъ требовалъ работы, а испуганное мѣщанское сословіе сокращало всѣ производства, сводило на minimum всѣ требованія и заказы.

Недѣли черезъ двѣ-три послѣ нашего пріѣзда, мы были свидѣтелями необычайнаго явленія: рабочіе (увѣряли, будто тысячъ до семнадцати) шли въ мэрію просить работы, шли въ большомъ порядкѣ и пѣли марсельезу. Я никогда не слыхала ничего подобнаго; всякій, кто слышалъ марсельезу, можетъ себѣ представить, какъ она должна была глубоко потрясти присутствовавшихъ, исполненная семнадцатью тысячами голосовъ и при такой обстановкѣ: рабочіе шли голодные, унылые, мрачные...

Въ то время у насъ часто бывали Павелъ Васильевичъ Анненковъ и Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ; они сопровождали насъ въ картинную галлерею и вообще помогали намъ осматривать все интересное въ Парижѣ. Вскорѣ пріѣхали и Герцены;

они помѣстились на Елисейскихъ поляхъ, въ нижнемъ этажѣ того дома, въ которомъ мы занимали второй этажъ. У Александра Ивановича бывали еще Николай Ивановичъ Сазоновъ и Илья Васильевичъ Селивановъ, кажется, старый знакомый Кетчера [1]); у насъ устроилось чисто русское подворье. Бывало хорошо и даже весело въ этихъ непринужденныхъ бесѣдахъ съ соотечественниками, но хорошему расположенію мѣшало разочарованіе во Франціи. Герценъ опять сталъ нападать на нее, отецъ мой не защищалъ ея болѣе. Разочарованіе становилось все сильнѣе и сильнѣе; впрочемъ, чего-же было и ожидать отъ французовъ, кромѣ громкихъ словъ и общихъ мѣстъ?... Больно было Герцену и отцу моему сознавать, что они ошиблись.

Вездѣ обнаруживалась реакція; въ Австріи, въ Германіи, вездѣ преслѣдовали свободомыслящихъ людей, послѣдніе скрывались. Въ это время явился въ Парижъ бѣжавшій изъ Германіи революціонеръ и писатель Георгъ Гервегъ, послѣдователь Маркса. Онъ былъ довольно высокаго роста, худощавый, гладко остриженный, съ выдающимся длиннымъ носомъ и черными, непріятно сверкавшими, глазами; впрочемъ, человѣкъ весьма начитанный, изучившій основательно философію, исторію и литературу. Жена его была совершенный контрастъ съ нимъ: средняго роста, съ некрасивыми и невыразительными чертами лица—типъ нѣмецкой мѣщанки. Гервегъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе своимъ чудеснымъ спасеніемъ. Онъ разсказывалъ намъ, какъ онъ бѣжалъ, какъ скрывался на чердакѣ у одного крестьянина, который чуть было не поплатился жизнью за свой великодушный поступокъ. Герценъ слушалъ его разсказъ съ волненіемъ. Когда онъ умолкъ, Александръ Ивановичъ спросилъ:

„Какъ зовутъ того, кто вамъ спасъ жизнь?“

— „Я и не спросилъ“, отвѣчалъ Гервегъ съ пренебреженіемъ.

Эту черту я никогда не могла забыть и считала ее доказательствомъ его эгоистичнаго и неблагодарнаго характера.....

---

[1]) См. въ „Русской Старинѣ“ „Воспоминанія Ильи Васильевича Селиванова“, нынѣ покойнаго. „Русская Старина“ изд. 1880 г., т. XXVIII, XXIX; 1881 г., т. XXXI; изд. 1882, т. XXXIII.

Ред.

Герценъ и мой отецъ становились угрюмы, молчаливы. И въ самомъ дѣлѣ, легче было молчать: негодованіе, безсильный гнѣвъ въ нихъ брали верхъ надъ всѣми другими чувствами.

Нѣсколько дней мы не видались съ нашими знакомыми, ихъ не пропускали къ намъ, а когда Александръ Ивановичъ и отецъ мой пошли посмотрѣть, что дѣлается въ центрѣ Парижа, то ихъ много разъ останавливалъ караулъ и чуть было не арестовалъ. Не буду разсказывать, какъ я одна пыталась дойти до баррикадъ въ предмѣстьи св. Антонія, какъ выстрѣлы на Вандомской площади произвели на меня тяжелое впечатлѣніе,—потому что все это было разсказано мною въ третьемъ томѣ воспоминаній моего друга, покойной Т. П. Пассекъ, „Изъ дальнихъ лѣтъ“.

Въ одинъ изъ этихъ печальныхъ дней, Наталья Александровна Герценъ, моя сестра и я пошли погулять взадъ и впередъ по Елисейскимъ полямъ. Мы замѣтили на улицѣ трехъмужчинъ, въсинихъ блузахъ, которые также ходили взадъ и впередъ, какъ мы. Принявъ ихъ за рабочихъ, мы недоумѣвали, какъ они не боятся показываться такъ при солдатахъ. Когда мы ушли къ „Круглой Точкѣ“ (Rond Point), мнимые рабочіе позвонили у нашихъ дверей. Увидавъ это, мы поспѣшили домой; три блузника были уже въ квартирѣ Герцена, когда намъ отперли дверь. Работники узнали насъ и улыбнулись.

„Ma foi, mesdames, veuillez nous excuser, nous avons attendu toute la matinée que vous éloignez du logis, nous avons fait notre possible pour vous éviter ce désagrément—et voilà que vous rentrez“ [1]), сказали они.

— „En quelle qualité venez vous? [2]), спросилъ Герценъ, болѣе опытный и болѣе догадливый, нежели мы.

Они растегнули блузы и показали полицейскій шарфъ.

„Par mandat du préfet de police“, отвѣчали они.—„Nous venons faire une perquision domicilière chez m-r Alexandre Herzen, citoyen russe; c'est vous, monsieur?“ [3]), продолжалъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ Герцену.

---

[1]) Переводъ: „Извините насъ, сударыни, мы все утро поджидали, чтобы вы удалились изъ дома, мы сдѣлали все возможное, чтобы избавить васъ отъ этой непріятности, а вотъ вы возвратились“.

[2]) „Въ качествѣ чего являетесь вы?“

[3]) „По приказанію полицейскаго префекта, мы явились произвести домашній обыскъ у г. Александра Герцена, русскаго гражданина; это вы, милостивый государь?“

Тотъ кивнулъ слегка головою. Тогда они прошли въ его кабинетъ и тамъ перевернули все вверхъ дномъ, осматривали каминъ, трогали золу, чтобы убѣдиться, нѣтъ-ли сожженыхъ бумагъ въ каминѣ, а Герценъ имѣлъ привычку жечь ненужныя бумаги каждый день, по окончаніи занятій. Видя, что полицейскіе осматриваютъ бумаги ея мужа, Наталья Александровна вошла также въ кабинетъ, стала иронически хвалить республику, въ которой такъ свободно жить, потомъ предложила полицейскимъ освидѣтельствовать и ея бумаги, но они спокойно отвѣчали, что исполняютъ только то, что имъ поручено, что съ нихъ и этого довольно.

Мой отецъ былъ въ отчаяніи; онъ понималъ важную роль, которую играла полиція въ эти страшные дни, и чувствовалъ, что жизнь Герцена въ рукахъ этихъ мнимыхъ блузниковъ. Полицейскіе, видимо, еще чего-то искали, но не говорили чего; вѣроятно, русскаго золота. Окончивъ съ осмотромъ бумагъ Александра Ивановича, одинъ изъ полицейскихъ обратился къ моему отцу съ вопросомъ:

„Вы тоже русскій и живете во второмъ этажѣ, надъ англійскимъ семействомъ?“

— „Да“, отвѣчалъ отецъ, немного удивленный этими точными свѣдѣніями.

„Потрудитесь намъ указать дорогу къ вамъ, сказалъ полицейскій, вѣжливо наклоняя голову, — потому что теперь очередь за вами“.

У отца они также тщательно все переглядѣли и унесли статью о революціи 1848 года, писанную имъ по-французски, о чемъ отецъ очень жалѣлъ, потому что не имѣлъ другаго экземпляра; она такъ и осталась въ префектурѣ. Во время осмотра бумагъ, мы показывали полицейскимъ разныя каррикатуры на тогдашнихъ правительственныхъ лицъ, они смотрѣли на нихъ, почтительно сдерживая улыбку.

Вѣсти приходили все печальнѣе; эмигранты прибывали, а французы, принимавшіе участіе въ баррикадахъ и случайно уцѣлѣвшіе, спѣшили скрыться за туманы сосѣдней Англіи. Про Чичероваkіо и сына его пронесся слухъ, что они оба въ плѣну въ Австріи; не вытерпѣлъ любимецъ народа, горячій трибунъ, ушелъ по слѣдамъ сына. Было какое-то тяжелое затишье, какъ

бываетъ послѣ похоронъ; близился срокъ нашего возвращенія домой, и, признаться, легче было вернуться, когда всѣ страны превратились въ какія-то обширныя тюрьмы. Всѣ наши соотечественники начинали поговаривать также о возвращеніи въ Россію; одинъ Герценъ упорно молчалъ, а иногда говорилъ:

— „Надо оставаться на западѣ, хотя онъ и разлагается; можетъ придется и погибнуть съ нимъ, все-же тутъ борьба, жизнь...“.

Рѣшено, мы уѣзжаемъ; настали послѣдніе дни съ ихъ утомительною суетою. Мы должны были выѣхать изъ Парижа очень рано, прямо въ Берлинъ; всѣ рѣшили не ложиться спать, а провести вмѣстѣ послѣднюю ночь, роковую для меня, потому что я не видала болѣе Натальи Александровны. Тургеневъ, какъ болѣе избалованный и болѣе нѣжный, пришелъ нарочно проститься и рано ушелъ домой. Провожали насъ, кромѣ Герценовъ, Гервеги, Павелъ Васильевичъ Анненковъ и Николай Ивановичъ Сазоновъ. Послѣдній былъ очень умный, многознающій человѣкъ, но весьма несимпатичный и очень уже офранцуженный. Мужчины выпили много шампанскаго въ эту прощальную ночь; отъ недостатка сна и излишка вина, они имѣли страшныя, зеленовато-блѣдныя лица, говорили о свиданіи, но безъ особенной вѣры, а какъ будто для ободренія себя; въ особенности, глядя на Наталью Александровну, трудно было надѣяться на очень отдаленное будущее; она сама говорила: „Я чувствую, что не доживу до старости, жаль только, что не увижу дѣтей большими. О, дѣти, дѣти, говорила она,—дорогія цѣпи; пожила-бы для себя, да нельзя“.

Вотъ сидимъ уже въ вагонѣ и смотримъ на провожающихъ насъ. Какъ теперь вижу блѣдное лицо Натальи Александровны, опирающейся на руку сіяющаго здоровьемъ Александра Ивановича, и все исчезаетъ.

Узнавъ о нашемъ пріѣздѣ въ Берлинъ, Михаилъ Александровичъ Бакунинъ пришелъ къ намъ вечеромъ; я о немъ слышала и желала увидѣть его сама. О немъ говорили такъ много противуположнаго; говорили какъ о человѣкѣ безконечно умномъ, начитанномъ и знающемъ въ совершенствѣ нѣмецкую философію, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ о дѣтски избалованномъ, безтактномъ и любящемъ заниматься сплетнями; однако, въ одинъ вечеръ

нельзя было узнать такого замѣчательнаго человѣка. Онъ пришелъ любезно и развязно съ нами познакомиться, и много насъ разспрашивалъ о нашихъ общихъ друзьяхъ, оставшихся въ Парижѣ. Отъ избытка энергіи, онъ никогда не унывалъ, а смотрѣлъ на революціонное дѣло нѣсколько по-дѣтски; прощаясь, жалъ намъ крѣпко руки, говоря: „До свиданія въ славянской республикѣ". Всѣ смѣялись его выходкѣ.

Однако, послѣ нашего отъѣзда, Бакунинъ поселился въ Дрезденѣ, завелъ тамъ страшную агитацію, устроилъ съ тамошними демократами баррикады, послѣ былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ; его хотѣли разстрѣлять, потомъ взамѣнъ передали Австріи, которая хуже всѣхъ другихъ странъ обращалась со своими плѣнными. Полный надеждъ, quand-même, и физическихъ силъ, Михаилъ Александровичъ Бакунинъ былъ заключенъ въ крѣпость и прикованъ къ стѣнѣ. Впослѣдствіи онъ разсказывалъ намъ, что пробовалъ отравиться спичками и ѣлъ ихъ безъ всякаго ущерба для своего рѣдкаго здоровья.

— „Подлая страна, говорилъ онъ,—не умѣетъ ни покончить съ человѣкомъ, котораго считаетъ вреднымъ, ни смягчить его человѣческимъ обращеніемъ. Откровенно говоря, я радъ былъ, продолжалъ онъ, — что меня выдали Россіи; австрійцы и кандалы-то пожалѣли—спяли свои".

Осенью 1848 года мы вернулись изъ чужихъ краевъ, тоже моремъ, черезъ Кронштадтъ; тогда это было самое удобное средство передвиженія. Вещи наши осматривались снисходительно; въ таможнѣ были предупреждены о нашемъ пріѣздѣ, контрабанды у насъ не было, но были французскія газеты, кажется „Le Rappel", „Le Peuple" Прудона, „La voix du peuple", „La liberté" и проч.; были литографіи французскихъ выдающихся дѣятелей, карикатуры... За нихъ-то мы и опасались, однако, все обошлось благополучно; но по всему было замѣтно, что настало время большихъ строгостей. Нашей гувернанткѣ, m-lle Michel, не было дозволено въѣхать вмѣстѣ съ нами въ Петербургъ, ей пришлось ждать въ Кронштадтѣ. Она плакала, опасаясь, что ее вовсе не пустятъ; пятнадцать лѣтъ провела она въ Россіи совершенно безвредно, занимаясь исключительно воспитаніемъ ввѣренныхъ ей дѣтей. Мой отецъ хлопоталъ о ней въ Петербургѣ, и черезъ нѣсколько дней ей былъ разрѣшенъ въѣздъ въ Россію, но, ка-

жется, года черезъ два она была вынуждена принять русское подданство, во избѣжаніе высылки изъ предѣловъ Россіи.

Въ эту эпоху было рѣшено русскихъ не пускать заграницу, кромѣ рѣдкихъ исключеній, по очень серьезнымъ болѣзнямъ, а иностранцевъ, въ особенности французовъ, не впускать въ Россію; тѣ-же иностранцы, которые уже были въ Россіи, должны были или оставить Россію, или принять русское подданство; мѣра эта продолжалась лѣтъ семь. Въ 1855 году, уже въ царствованіе императора Александра II, эта строгость была отмѣнена; нашъ заграничный паспортъ первый, помню, былъ выданъ по мнимой болѣзни Огарева.

Въ Петербургѣ отецъ мой замѣтилъ, что Л. А. Перовскій, въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ, хорошій его знакомый и вмѣстѣ съ тѣмъ его начальникъ, какъ-то раздражителенъ и холоденъ съ нимъ. Между прочими знакомыми, отецъ былъ у пріятеля дѣда моего, графа П. Д. Киселева, который имѣлъ репутацію очень либеральнаго человѣка. Графъ любилъ моего отца и принялъ его, какъ всегда, очень любезно; бо̀льшею частью они бесѣдовали по-французски. Вдругъ графъ говоритъ отцу:

„Ah, mon cher Toutschkoff, je ne sais si votre nom est inscrit en rouge ou en blanc, mais il est noté dans le livre noir, c'est sûr".

— „Pourquoi cela, comte?" спросилъ отецъ.

„C'est un fait, продолжалъ графъ, — mais je ne sais trop comment vous l'expliquer, en un mot: vous sentez les barricades à une lieue. Oui, mon cher, il ne fallait pas rester à Paris pendant les journées de juin".

— „Mais il est impossible de tout prévoir, возражалъ отецъ, quand l'insurrection du faubourg St. Antoine éclata, il était trop tard pour quitter Paris. Il est heureux encore que nous n'ayons pas été fusillés comme agents russes. Nous avons eu tous des perquisitions domicilières et si l'on eut trouvé de l'or russe chez nous, notre affaire eut été très mauvaise, car dans les journaux on ne faisait que parler des agents russes, qui à l'aide de l'or russe, faumentaient tous ces troubles; un heureux hazard nous a sauvés; une heure avant la visite de la police chez nous, Herzen a pris tout l'or que nous possédions pour l'échanger chez Rotschild et dans ce but l'a laissé chez sa mère, qui demeurait dans une autre rue; l'a il n'y eut pas de perquisition".

„Ah! c'est curieux, вскричалъ Киселевъ, perdu des deux côtés!“

— „Oh non, mon comte, ici je ne suis pas encore perdu [1]) возразилъ горячо мой отецъ;—все ограничилось тѣмъ, что у меня взяли мою статью о революціи 1848 года, которую мнѣ очень жаль“.

— „Спросите Перовскаго, какъ на васъ смотрятъ, сказалъ графъ,—онъ долженъ знать“.

Отецъ видѣлся съ Перовскимъ, но послѣдній былъ непроницаемъ.

Я забыла сказать, что Марія Ѳедоровна Коршъ, проживши въ семействѣ Герцена заграницею полтора года, возвратилась съ нами въ Россію и ѣхала съ нами до Москвы, къ своему брату, Евгенію Ѳедоровичу Коршъ. Въ Петербургѣ къ ней часто хаживалъ ея зять, Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ; онъ былъ знакомъ съ моимъ отцомъ еще въ Москвѣ, и бывалъ у насъ, но тогда мы были слишкомъ молоды, чтобы обратить на него серьезное вниманіе. Тутъ мы познакомились съ нимъ короче; онъ намъ много разсказывалъ о московскомъ кружкѣ, о Бѣлинскомъ, объ его кончинѣ, хотѣлъ даже подарить мнѣ слѣпокъ съ Бѣлинскаго,

---

[1]) Переводъ: „А, мой милый Тучковъ, не знаю уже,—красными или бѣлыми чернилами записано ваше имя въ черной книгѣ, но что оно записано въ ней, это фактъ“.

— „Почему это?“ спросилъ отецъ.

„Это вѣрно, сказалъ графъ Киселевъ,—но я не знаю какъ вамъ это объяснить; однимъ словомъ, отъ васъ за версту пахнетъ баррикадами. Да, другъ мой, не слѣдовало оставаться въ Парижѣ во время іюньскихъ дней“.

— „Да вѣдь невозможно все предвидѣть, возразилъ отецъ;—когда началось возстаніе въ предмѣстьѣ св. Антонія, было уже поздно оставлять Парижъ. Счастье еще, что насъ не разстрѣляли, какъ русскихъ агентовъ. У насъ у всѣхъ были обыски на дому, и если-бы у насъ нашли русское золото, то наше положеніе было-бы весьма плохо, потому что въ газетахъ безпрестанно писали о русскихъ агентахъ, которые, будто-бы, съ помощью русскаго золота, подстрекали рабочихъ къ возстанію; счастливая случайность спасла насъ. За часъ до прихода полиціи, Герценъ взялъ все мое золото, чтобы обмѣнять его у Ротшильда, и оставилъ его у своей матери, жившей въ другой улицѣ и у которой не было обыска“.

— „Ахъ, какъ это все странно, погибель съ обѣихъ сторонъ!“ вскричалъ Киселевъ.

— „О, здѣсь я еще не погибъ“.

Н. Т.

снятый по кончинѣ его. Мнѣ очень хотѣлось его имѣть, но странны бываютъ понятія въ молодости: мнѣ казалось, что, не знавши Бѣлинскаго лично, я была недостойна получить такой драгоцѣнный подарокъ и даже негодовала на Кавелина за то, что ему вздумалось подарить мнѣ такую безцѣнную вещь. Вѣроятно, Кавелинъ заподозрилъ, что я не дорожу слѣпкомъ Бѣлинскаго, такъ какъ это не осуществилось.

Приходя къ намъ, Кавелинъ иногда опаздывалъ, а мы съ Марьею Ѳедоровною Коршъ, усталыя отъ морскаго путешествія, ложились довольно рано. Разъ Кавелинъ постучалъ въ дверь нашего нумера послѣ девяти часовъ; мы отвѣчали, что легли, тогда онъ просилъ позволенія разговаривать черезъ дверь, сѣлъ на стулъ въ корридорѣ у запертой на ключъ двери и мы бесѣдовали такимъ образомъ. Но Марья Ѳедоровна, боясь оскорбить щепетильность англійскаго пансіона, въ которомъ мы остановились, запретила Кавелину ходить къ намъ послѣ девяти часовъ, и это не повторилось. Я думаю, рѣдко можно встрѣтить столько доброты и кротости въ соединеніи съ замѣчательнымъ, пытливымъ умомъ, какъ у Константина Дмитріевича Кавелина; не было никогда благороднаго порыва, на который онъ-бы тотчасъ не отозвался, не раздумывая о своихъ личныхъ интересахъ. Извѣстно, какъ онъ оставилъ московскій университетъ и тѣмъ, быть можетъ, повредилъ своей карьерѣ навсегда, но мнѣ придется позже говорить о немъ; онъ являлся нѣсколько разъ въ моей жизни до 1855 года, когда мы,—Огаревъ и я, — окончательно оставили Россію, не зная, увидимъ-ли мы ее еще разъ.

Я одна увидѣла ее, увидѣла дорогое Яхонтово....

Проѣздомъ изъ Петербурга въ наше имѣніе, мы побывали у дѣда моего, генералъ-маіора Алексѣя Алексѣевича Тучкова; онъ намъ очень обрадовался, такъ-же, какъ и мы ему. Въ это время намъ очень хотѣлось видѣть знаменитый кружокъ Герцена и Огарева, теперь мы уже понимали его значеніе. Мой отецъ всегда бывалъ тамъ, и былъ всѣми очень чествуемъ, какъ декабристъ, и къ нему ѣздили эти господа, но мы тогда были почти дѣтьми. Наконецъ, мы увидали всѣхъ, или почти всѣхъ. Въ семьѣ Герцена я уже слышала о характерѣ Николая Христофоровича Кетчера, объ его выходкахъ, обидчивости, о непріятностяхъ, возникающихъ болѣе всего отъ его строптиваго характера, и потому

немудрено, что я смотрѣла на него не совсѣмъ безпристрастно и что онъ мнѣ съ перваго взгляда не понравился.

Евгеній Ѳедоровичъ Коршъ, тогда редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей", былъ дѣйствительно такимъ, какимъ мнѣ его описывали; умный и холодный какъ сталь; его заиканіе не только не вредило ему, а какъ будто придавало болѣе мѣткости его остротамъ. О Грановскомъ и его женѣ я также много слышала; между прочимъ, Герценъ говорилъ, что не смотря на замѣчательный умъ Грановскаго, его идеализмъ былъ иногда преградою въ философскихъ преніяхъ съ друзьями. Однажды, посреди горячаго спора о вѣроятности несуществованія загробной жизни, Грановскій вдругъ всталъ и отошелъ. На вопросъ нѣкоторыхъ друзей—что съ нимъ, Грановскій отвѣчалъ:

— „У меня умерла сестра, которую я горячо любилъ, я не могу допустить, что я съ нею не увижусь".

Эта выходка многимъ показалась малодушіемъ. Съ другой стороны, несогласіе съ Кетчеромъ, заступничество Грановскаго все это указывало на необходимость отдаленія хотя на время. Мало по малу кружокъ сталъ разъединяться; Герценъ уѣхалъ заграницу, Огаревъ—въ деревню. Жена Грановскаго тоже меня очень интересовала. Она была ближайшимъ другомъ Наталіи Александровны Герценъ и вдругъ, безъ замѣтной причины, безъ объясненія, отдалилась отъ нея,—почему это произошло, осталось тайною навсегда. Мнѣ казалось, что всѣ эти личности знали, что я много о нихъ слышала и потому какъ-то сдержанно относились ко мнѣ.

Еще мы познакомились съ Астраковыми; помню, какъ мы отправились къ нимъ вдвоемъ съ сестрою, съ запискою Наталіи Александровны Герценъ къ Татьянѣ Алексѣевнѣ Астраковой. Она жила близь Дѣвичьяго поля, на Плющихѣ, въ собственномъ деревянномъ домѣ. Астраковыхъ было нѣсколько братьевъ; старшаго, Николая Ивановича, мужа Татьяны Алексѣевны, уже не было въ живыхъ; изъ остальныхъ всѣхъ ближе съ Огаревымъ и Герценомъ былъ Сергѣй Ивановичъ,—съ нимъ-то мы короче и познакомились. Онъ и Татьяна Алексѣевна приняли насъ такъ радушно и просто, что намъ стало свободно и казалось, что мы давно знакомы, и такъ это осталось навсегда. Мы съ Татьяною Алексѣевною остались какъ два вѣстовыхъ того времени, и до сихъ поръ (1889 г.) перекликаемся иногда.

Когда мы пріѣзжали къ Астраковымъ, насъ встрѣчалъ всегда ихъ слуга, отставной солдатъ Никифоръ; онъ насъ очень полюбилъ и называлъ все „голубчиками“. Когда впослѣдствіи мы навѣщали Астраковыхъ, пріѣзжая въ двухъ пролеткахъ: я съ Огаревымъ, а сестра со своимъ женихомъ, Николаемъ Михайловичемъ Сатинымъ, Никифоръ качалъ головою и говорилъ: „Разлучили голубчиковъ, прежде лучше было!“

Сергѣй Ивановичъ Астраковъ былъ человѣкъ замѣчательно умный и знающій, очень хорошій математикъ, а между тѣмъ судьба-мачиха не дала ему возможности сдѣлать многаго для отечества и для собственнаго существованія. Онъ является въ моихъ глазахъ одною изъ тѣхъ молчаливыхъ жертвъ, неугаданныхъ другими, которыя у насъ встрѣчаются чаще, нежели въ другихъ странахъ; жилъ онъ какъ-то отщепенцемъ, хотя и принадлежалъ къ кружку. Впослѣдствіи, кажется, въ 1866 г., отъ неудовлетворенія-ли, или съ отчаянія, этотъ духовно и физически сильный человѣкъ угасъ въ чахоткѣ, и не стало существа самаго преданнаго добру и правдѣ! За исключеніемъ Герцена, никто изъ друзей не любилъ и не цѣнилъ Огарева такъ, какъ Сергѣй Ивановичъ Астраковъ.

Въ наше пребываніе въ Москвѣ, я слышала отъ тети Марьи Алексѣевны Тучковой о весьма непріятномъ случаѣ, бывшемъ съ троюроднымъ братомъ моимъ, полякомъ, который, вступивъ въ московскій университетъ, на юридическій факультетъ, жилъ въ домѣ моего дѣда. На каникулы онъ поѣхалъ навѣстить своихъ родителей въ Вильно; дорогою, на какой-то станціи, громко распѣвалъ польскія пѣсни съ товарищемъ студентомъ, ѣхавшимъ тоже въ Вильно; вдругъ дверь изъ сосѣдней комнаты растворилась и въ ней появилось гнѣвное лицо какого-то генерала.

„Какъ вы смѣете такъ шумѣть, когда моя жена лежитъ больная въ сосѣдней комнатѣ?“ обратился онъ къ моему родственнику, грозно поглядывая на обоихъ студентовъ.

— „Почему-же мы можемъ знать, что ваша жена больна? Эта комната для проѣзжающихъ, а проѣзжающіе всѣ равны, я думаю“, отвѣчалъ мой троюродный братъ.

— „Вы думаете? возразилъ запальчиво генералъ,—вы скоро узнаете—что̀ такое безпокоить и раздражать меня“.

Мой троюродный братъ, по донесенію этого генерала, былъ взятъ подъ арестъ въ Вильнѣ и отправленъ въ Сибирь.

VI.

Наше сближеніе съ Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ. — Хлопоты его о разводѣ съ Маріею Львовною Огаревою. — Поѣздка въ С.-Петербургъ. — Пріятели и друзья Огарева. — Ив. Павл. Арапетовъ.—К. Д. Кавелинъ.—И. С. Тургеневъ.—Мих. Александр. Языковъ.—Собранія у М. В. Буташевича-Петрашевскаго. — Вечеръ у Н. П. Огарева. — Спѣшневъ.—Аресты въ Петербургѣ.—Отъѣздъ въ Москву.—Розыскъ священника для обвѣнчанія.—Мой отказъ вѣнчаться съ Огаревымъ безъ его развода. — Поѣздка въ Одессу. — Намѣреніе уѣхать заграницу. — Пребываніе въ Крыму.—Возвращеніе въ деревню.—Запрещеніе Огареву носить бороду.—Обыскъ въ деревнѣ.—Арестъ и увозъ отца.—Вѣсть къ Огареву.—Тяжелыя встрѣчи въ Москвѣ и черные дни въ Петербургѣ.—Освобожденіе отца, Огарева и Сатина.—Веселые проводы.—Ссылка отца въ Москву. — Нашъ отъѣздъ въ деревню. — Сожженіе книгъ и бумагъ.—Поджогъ крестьянами писчебумажной фабрики.—Смерть Н. А. Герценъ. — Приглашеніе заграницу. — Смерть М. Л. Огаревой и Т. Н. Грановскаго.—Новое царствованіе.—Заграничный паспортъ.

1849—1855 гг.

.....Послѣ тяжелыхъ объясненій съ моимъ отцомъ, который сначала не могъ слышать о нашемъ бракѣ, было рѣшено ѣхать всѣмъ въ Петербургъ, гдѣ Огаревъ надѣялся уладить дѣло развода съ своею первою женою, Маріею Львовною Огаревою. Она была въ то время заграницею; тамъ было поручено А. И. Герцену узнать у нея, можно-ли надѣяться на ея согласіе?

И тамъ, и тутъ, все оказалось безуспѣшно: въ Петербургѣ, въ эту строгую административную эпоху, было почти немыслимо устроить такое трудное дѣло.

Мы остановились въ Петербургѣ, такъ-же, какъ и Огаревъ, въ гостинницѣ Кулона, въ то время одной изъ лучшихъ или даже лучшей. Огаревъ почти ежедневно былъ посѣщаемъ своими многочисленными друзьями, которыхъ онъ нерѣдко приводилъ и къ намъ; между прочими чаще бывали Сатинъ, Кавелинъ, Арапетовъ, Михаилъ Александровичъ Языковъ, Ив. Ив. Панаевъ и Н. А. Некрасовъ. Тургеневъ находился въ то время въ своей деревнѣ „Спасское“; тогда говорили, что онъ былъ сосланъ туда за то, что былъ въ Парижѣ во время баррикадъ. Не соображали, какъ опасно было оставить Парижъ въ то смутное время,—стоило быть принятому за русскаго агента—и можно было быть разстрѣленному; современемъ узнали-бы, что это было

по ошибкѣ—и только; благоразуміе повелѣвало выжидать спокойствія для отъѣзда, и такъ сдѣлали всѣ русскіе, застигнутые реакціонною бурею въ Парижѣ.

Но, возвращаясь къ петербургскимъ пріятелямъ Огарева, вспоминаю Михаила Александровича Языкова, который обладалъ необыкновеннымъ даромъ веселить, смѣшить свой интимный кружокъ, сохраняя при томъ очень серьезный видъ, что придавало еще болѣе пикантности его насмѣшкамъ и каламбурамъ. Находчивость его была поразительна — онъ никогда не пропускалъ случая сострить. Разъ на какомъ-то обѣдѣ, вставъ съ бокаломъ въ рукѣ, онъ сказалъ съ одушевленіемъ:

— „Разъ думалъ я, друзья“.... всѣ слушали его въ нетерпѣливомъ ожиданіи.—„Раздумалъ я“, сказалъ онъ, и сѣлъ внезапно на свое мѣсто.

Всѣ весело смѣялись надъ этою выходкою. Михаилъ Александровичъ былъ очень маленькаго роста, слегка хромалъ, съ мелкими, довольно правильными чертами лица, всегда остриженъ подъ гребенку.

Во время нашего пребыванія въ Петербургѣ, помню одинъ случай, въ которомъ я, случайно или по какому-то женскому инстинкту, спасла Огарева и нѣкоторыхъ друзей его.

Въ началѣ страстной недѣли (1849 г.) у насъ собралось нѣсколько друзей Огарева, между прочими помню Сатина, Кавелина и Арапетова. Послѣдній разсказывалъ съ большимъ жаромъ о собраніяхъ М. В. Петрашевскаго: къ нему собирались даже личности, пріѣхавшія въ столицу только на короткій срокъ. Знакомые Петрашевскаго привозили къ нему своихъ знакомыхъ; вообще доступъ въ эти сборища былъ очень легокъ, и потому собранія были весьма многолюдны; особенно обращалъ на себя вниманіе обычай разговляться въ страстную пятницу, и это происходило (какъ говорили тогда) уже нѣсколько лѣтъ, посреди Петербурга.

„А полиція?“ спросила я не безъ удивленія.

— „Вѣроятно, полиціи давно все извѣстно, отвѣчалъ Арапетовъ, — но она ничего не находитъ особенно важнаго въ этихъ собраніяхъ“.

„О чемъ-же говорится? Что дѣлается на этихъ вечерахъ?“ допытывалась я.

— „О! не знаю, какъ вамъ сказать; порицаютъ многое, хвалятъ то, что для насъ запрещенный плодъ, говорилъ шутя Арапетовъ,—а главное: мужчины одни, дамъ нѣтъ, mille pardons, вина хорошія, весело, легко на душѣ, а положительной цѣли, говорятъ, никакой нѣтъ".

Однако, мнѣ не нравилось описаніе этихъ вечеровъ; въ самомъ дѣлѣ, какъ тутъ не быть тайной полиціи и какъ такъ рисковать, безъ всякой опредѣленной цѣли?

Арапетовъ звалъ всѣхъ присутствовавшихъ мужчинъ ѣхать разговляться въ пятницу къ Петрашевскому, а я стала ихъ уговаривать не ѣздить, потому что глупо такъ шутить своею жизнью.

— „Но вѣдь тутъ нѣтъ никакого риска, возразилъ Иванъ Павловичъ Арапетовъ, — это вамъ, пріѣхавшимъ изъ степи, кажется опасно, а намъ это только забавно. Поѣдемъ, Огаревъ, если ты не поѣдешь, и я не поѣду".

Кавелинъ подошелъ ко мнѣ, и съ свойственною ему мягкостью старался убѣдить меня не страшиться такого безразличнаго поступка. Какъ болѣе близкій другъ Огарева, онъ былъ посвященъ въ наши планы и мечты и зналъ, какъ дорого было для меня существованіе Огарева, но и онъ не могъ меня убѣдить въ безопасности посѣтителей этихъ бесѣдъ.

Прощаясь, Арапетовъ сказалъ Огареву:

— „Ухожу, ничего отъ тебя не добившись, заѣзжай за мною въ пятницу, вечеромъ, у меня будетъ человѣкъ, который насъ представитъ Петрашевскому; ну, смотри, пріѣзжай, а то ты мнѣ испортишь славный вечеръ, безъ тебя я не поѣду".

Огареву очень хотѣлось обѣщать, но бросивъ бѣглый взглядъ на мое смущенное, взволнованное лицо, онъ молча пожалъ руку Арапетову.

— „Не ожидалъ я отъ васъ такой осторожности, сказалъ мнѣ Кавелинъ улыбаясь,—а еще сами ходили на баррикады".

Однако, никто изъ присутствовавшихъ не былъ на вечерѣ у Петрашевскаго; я съ радостью приняла эту жертву.

На слѣдующій день этой роковой пятницы у Огарева былъ тоже вечеръ, собралось довольно много его друзей; Кавелинъ, познакомившись съ Спѣшневымъ, привезъ его къ Огареву. Новый собесѣдникъ обращалъ всеобщее вниманіе своею симпатичною наружностью. Онъ былъ высокаго роста, имѣлъ пра-

вильныя черты лица, темнорусыя кудри падали волнами на его плечи, глаза его, большіе, сѣрые, были подернуты какою-то тихою грустью. Разсказывали, что онъ только-что вернулся изъ чужихъ краевъ, гдѣ недавно похоронилъ женщину, для которой въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ оставлялъ свою страну, свою престарѣлую мать. Онъ вернулся убитый этою потерею, съ двумя дѣтьми, которыхъ его мать взяла на свое попеченіе.

— „Вотъ, говорилъ мнѣ съ упрекомъ Кавелинъ,—г. Спѣшневъ разговлялся вчера у Петрашевскаго, однако, онъ цѣлъ и невредимъ, и говоритъ, что тамъ было очень оживленно, а вы намъ помѣшали, это упрекъ вамъ навсегда!“

Я чувствовала себя, въ самомъ дѣлѣ, какъ-бы виноватою, и молча, опустивъ голову, выслушивала нравоученіе Константина Дмитріевича, хотя все-таки оставалась при своемъ мнѣніи, потому что у Петрашевскаго велись книги, гдѣ записывались имена посѣтителей за нѣсколько лѣтъ.

Вечеръ у Огарева былъ весьма удаченъ, оживленъ, самъ хозяинъ былъ очень доволенъ; изъ дамъ были только Авдотья Яковлевна Панаева, моя мать и я съ сестрою; мы только потому тутъ были, что жили въ одномъ этажѣ, и такъ какъ было много гостей, отворили двери въ нашу квартиру; намъ любопытно было посмотрѣть на этотъ праздникъ, гдѣ было такъ много мужчинъ и такъ много дорогихъ винъ, которые лились рѣкою.

Послѣ ужина Михаилъ Александровичъ Языковъ, прихрамывая, подхватилъ Кавелина вмѣсто дамы и понесся съ нимъ вальсируя по всей амфиладѣ комнатъ. Мы были удивленными зрительницами съ сестрою и играли ту-же роль, какъ въ 1848 г. въ Римѣ, на маскарадѣ; тогда мой отецъ взялъ ложу съ Герценомъ, но намъ захотѣлось посмотрѣть маскарадъ поближе; мы надѣли маски, домино и сошли въ залу, гдѣ было страшное оживленіе. Черезъ нѣкоторое время къ намъ подошелъ какой-то толстый итальянецъ, очевидно, наблюдавшій за нами нѣкоторое время: „Милыя маски, сказалъ онъ,—вамъ здѣсь не весело, какъ другимъ, видно, что вы въ первый разъ въ маскарадѣ, вдобавокъ вы сестры, да еще иностранки“. Мы невольно засмѣялись и вернулись въ ложу. Жена Герцена, напротивъ, провела въ то время очень хорошо вечеръ — она разговаривала съ какимъ-то симпатичнымъ брюнетомъ-полякомъ и пресерьезно совѣтовала мужу познакомиться съ нимъ, но это не осуществилось.

Вспоминаю, что тогда въ Римѣ насъ очень поражала одна личность, но, къ сожалѣнію, мы никогда не узнали ея имени; это былъ сози Герцена, какъ мы его называли; такое сходство рѣдко можно встрѣтить. Казалось, онъ замѣчалъ это, потому что улыбался, встрѣчая нашу многочисленную компанію, разнаго возраста дамъ и только двухъ кавалеровъ—моего отца и Герцена. Сози сталъ даже носить шляпы и плащи, цвѣтомъ и формою во всемъ подобные тѣмъ, которые были на Герценѣ. Сози отличался отъ Герцена только ростомъ и годами, онъ былъ нѣсколько повыше и казался лѣтъ на пятнадцать старше Герцена. Меня удивляло тогда, что Герценъ не старался узнать, кто онъ, но это не потому, чтобы онъ не замѣчалъ сходства, напротивъ, онъ первый обратилъ на него вниманіе и часто, шутя, говорилъ женѣ:

— „Ты смотри, не ошибись, дашь ему руку и исчезнешь, какъ сновидѣніе“.

Тогда въ Италіи все пробуждалось, дышало революціоннымъ духомъ, народъ говорилъ только о Миланѣ и Венеціи, которые находились въ когтяхъ Австріи. Когда намъ случалось брать наемную коляску, то только сдѣлаемъ знакъ ветурино подъѣзжать, онъ, прежде чѣмъ взять возжи въ руки, оправлялъ свою большую черную шляпу съ широкими полями и дѣлалъ въ ней рукою двѣ ямы, потомъ подъѣзжалъ къ намъ.

„Зачѣмъ вы дѣлаете эти ямы?“ спросила одна изъ насъ.

— „А какже? развѣ синьоры не знаютъ? всѣ ветурины такъ дѣлаютъ; это значитъ: „Senza Milano e Venezia“. А когда мы ихъ возьмемъ, тогда не будемъ дѣлать ямъ“, говорилъ ветурино съ большимъ оживленіемъ.

Но возвращаюсь къ моему разсказу.

Вечеръ Огарева кончился въ пятомъ часу; хотя мы двѣ и ушли раньше, но не могли заснуть отъ веселаго гула раздающихся голосовъ. На другой день было Свѣтлое Христово Воскресеніе. Пасха—съ дѣтства мой любимый праздникъ...

Я сидѣла съ матерью и сестрою за чайнымъ столомъ: было часовъ девять. Огаревъ еще не показывался, такъ какъ ему было необходимо спать около восьми часовъ, иначе онъ подвергался нервному припадку. Вдругъ дверь отворилась и вошелъ Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ, блѣдный, разстроенный; однако, мы отнесли его наружный видъ къ утомленію послѣ безсонной ночи.

Поздоровавшись съ нами, Константинъ Дмитріевичъ спросилъ, видѣли-ли мы Огарева? На нашъ отрицательный отвѣтъ, онъ выразилъ желаніе велѣть его разбудить.

„Хорошо, сказала я, — сейчасъ скажу его камердинеру, но прежде посидимъ немного; что вы такъ блѣдны, устали?“

— „Нѣтъ, не отъ того, но тутъ совершаются страшныя вещи, сказалъ онъ, понизивъ головъ. — Петрашевскій арестованъ, Спѣшневъ тоже; тамъ книги велись, записывались имена всѣхъ посѣтителей; говорятъ, аресты не ограничутся Петербургомъ, они будутъ производиться по всѣмъ концамъ Россіи, много жертвъ будетъ, и все это изъ пустяковъ. Несчастная, роковая пятница, продолжалъ онъ задумчиво и, поднявъ голову, прибавилъ съ какимъ-то нервнымъ подергиваніемъ губъ:—а вы насъ спасли!“

Я молча слушала, смущенная; я не находила словъ, чтобы выразить тотъ ужасъ, который овладѣлъ мною; какъ вчера я вмѣстѣ съ другими восхищалась прекраснымъ выраженіемъ симпатичнаго, благороднаго лица Спѣшнева, и можетъ онъ навсегда исчезнетъ для своей страны, для своей семьи... А старая мать его, которая прижала къ сердцу его дѣтей, вѣроятно, незаконныхъ, безъ имени, безъ правъ на наслѣдство!.. Этотъ ударъ убьетъ его мать, а дѣти? Что съ ними станется тогда?

Впослѣдствіи Кавелинъ намъ передавалъ, что при обыскѣ у Спѣшнева была найдена тетрадка „Проектъ конституціи или республиканской формы правленія“, написанная имъ когда-то въ ранней юности, теперь-же ему было около тридцати лѣтъ. Эта тетрадь много способствовала къ его осужденію.

Послѣ этихъ арестовъ и толковъ, въ Петербургѣ стало невыносимо тяжело; дѣло развода было оставлено, напротивъ, надо было стараться не обращать на себя вниманія. Мы вернулись въ Москву.

Тутъ мой отецъ требовалъ только одного, чтобы мы хотя тайно обвѣнчались.

Огаревъ и Сатинъ,—послѣдній былъ тогда уже женихомъ моей сестры,—объѣхали всѣ окрестности Москвы, отыскивая податливаго священника, и постоянно возвращались безъ успѣха. Въ то время я встрѣтила въ домѣ моего дѣда какого-то чиновника, по фамиліи Цвѣткова, знающаго хорошо законы. Мнѣ не трудно было, подъ предлогомъ любознательности, вывѣдать отъ

него, какія послѣдствія могутъ постигнуть двоеженца. Убѣдившись изъ наивнаго разсказа Цвѣткова, что за такой поступокъ слѣдуетъ строгое наказаніе въ видѣ заключенія въ Соловецкій монастырь или еще куда-то, я рѣшилась ни за что не вѣнчаться съ Огаревымъ,—легче было разстаться, чѣмъ подвергать его явной опасности.

Когда, по обыкновенію, оба друга пріѣхали къ намъ съ своихъ поисковъ, они казались очень веселы: „Побѣда, побѣда!“ кричали они издали.

„Что такое?“ спросила я.

— „Наконецъ, сказалъ Николай Михайловичъ Сатинъ,—мы розыскали стараго священника, который согласенъ васъ вѣнчать безъ бумагъ; конечно, онъ догадывается, что что-нибудь не въ порядкѣ; старикъ говоритъ: я старъ, пусть накажутъ какъ знаютъ, только дайте денегъ, много денегъ, у меня живетъ внучка-сирота, я ей оставлю“.

„Но я, Сатинъ, раздумала, сказала я тихо,—я не хочу вѣнчаться“.

Оба друга посмотрѣли на меня, какъ на больную.

„А мы хотѣли идти обрадовать папа, сказалъ Огаревъ; — что это за сюрпризъ?“

— „Пожалуйста, не говорите папа ни слова, пусть онъ думаетъ, что согласнаго священника не нашли. Помните, какъ я васъ, противъ вашей воли, сберегла отъ роковой пятницы Петрашевскаго, ну, наше вѣнчаніе еще тысячу разъ опаснѣе“.

Пришлось уговаривать отца отпустить насъ въ Одессу, гдѣ у Огарева были тоже друзья; тамъ надо было найти капитана англійскаго корабля, который-бы согласился взять насъ безъ паспорта. Паспортовъ заграницу въ то время не выдавали. Мой отецъ настаивалъ только на томъ, чтобы, пріѣхавши куда-бы то ни было заграницу, непремѣнно вѣнчаться, хотя-бы въ лютеранской или католической церкви.

Послѣ свадьбы сестры, которою спѣшили въ виду приближенія поста, о которомъ сначала всѣ позабыли, былъ, наконецъ, назначенъ день нашего отъѣзда; родители мои уѣзжали въ деревню, мы—въ Одессу, а сестра съ мужемъ оставались въ Москвѣ. Ахъ, эти тяжелыя прощанія! Сколько ихъ въ жизни каждаго человѣка, сколько ихъ досталось и на мою долю! Помню, что въ

этотъ день была страшная гроза, потомъ дождь ливнемъ лилъ... говорятъ, это счастливая примѣта...

Когда мы добрались до Одессы, Огаревъ занялся пріисканіемъ англійскаго капитана, но ему не было и въ этомъ удачи: исторія Петрашевскаго съ многочисленными арестами напугала всѣхъ: никто не рѣшался ни на какой смѣлый поступокъ; въ то время все было запугано. Друзья Огарева, между которыми помню Александра Ивановича Соколова, совѣтовали Огареву ѣхать въ Крымъ и тамъ выжидать, пока благопріятный случай представится уѣхать заграницу.

Итакъ, совершенно случайно, мы поселились на нѣкоторое время въ Крыму и провели тамъ восемь мѣсяцевъ.

Я была въ восторгѣ отъ климата, отъ величественной природы; благоуханіе распускающихся почекъ на миндальныхъ деревьяхъ въ нашемъ саду, виноградныя лозы,—все мнѣ напоминало наше пребываніе въ Италіи, мою страстную симпатію къ Наташѣ Герценъ, отъ которой получались нетерпѣливыя письма, требовавшія, чтобы мы ѣхали къ нимъ, скорѣе, скорѣе..

Въ то время я много ходила съ Огаревымъ по руслу быстрыхъ и неглубокихъ рѣчекъ въ окрестностяхъ Ялты; тамъ мы находили бездну окаменѣлостей, часть которыхъ впослѣдствіи привезли въ Яхонтово. Въ одну изъ этихъ прогулокъ, я сильно промочила ноги и тяжко захворала воспаленіемъ въ груди; сначала Огаревъ самъ меня лечилъ, но, замѣтивъ, что болѣзнь принимаетъ болѣе серьезный характеръ, онъ пригласилъ тамошняго врача. Я была близка къ смерти, но молодыя силы побѣдили болѣзнь и судьба сберегла меня для невѣроятныхъ, тяжкихъ испытаній. Я выздоровѣла, медленно поправляясь и, быть можетъ, отъ слабости, впала въ ностальгію,—я только и думала о моей семьѣ, о свиданіи съ нею... Огаревъ былъ глубоко потрясенъ моимъ душевнымъ состояніемъ и рѣшился ѣхать обратно въ Яхонтово, тѣмъ болѣе, что въ то время невозможно было ѣхать заграницу.

Мы вернулись домой въ глубокую осень; верстъ за сто моя сестра съ Ѳеклою Егоровною выѣхала намъ на встрѣчу; мы и плакали, и смѣялись, и не могли наговориться.

Мои родители занимали первый этажъ нашего дома, а мы расположились наверху. Къ сожалѣнію, какъ зимній путь от-

крылся, мой зять уѣхалъ съ сестрою въ Москву, и мы остались одни наверху. Огаревъ развѣсилъ портреты своихъ родителей и дѣда, превосходно писанные масляными красками, покрылъ стѣны литографіями любимыхъ поэтовъ и друзей своихъ съ рисунковъ Рейхеля и Горбунова,—тутъ былъ весь московскій кружокъ; посреди комнаты стояло его роялино, на которомъ онъ такъ любилъ фантазировать по ночамъ.

Отецъ мой былъ въ печальномъ настроеніи духа; онъ былъ очень нелюбимъ взяточниками и ждалъ доносовъ, по поводу нашего смѣлаго поступка. Съ губернаторомъ А. А. Панчулидзевымъ онъ никогда не ладилъ; кромѣ того, Панчулидзевъ былъ дядя Марьи Львовны Огаревой.

Вскорѣ послѣ нашего возвращенія, пришла оффиціальная бумага отъ губернатора къ Огареву, относительно его бороды; въ бумагѣ было сказано, что „дворянину не прилично носить бороду“ и, слѣдовательно, Огаревъ долженъ ее сбрить. Огареву очень не хотѣлось подчиниться этому требованію, онъ обрилъ только волосы на подбородкѣ, что очень не шло къ нему.

У Огарева была писчебумажная фабрика въ Симбирской губерніи, и хотя онъ только изрѣдка наѣзжалъ туда, но ему приходилось много разъѣзжать, для помѣщенія бумаги—то на нижегородскую ярмарку, то въ Симбирскъ и въ другія мѣста.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Огарева въ Симбирскъ, можетъ черезъ мѣсяцъ или два, не помню, въ февралѣ (мартѣ) 1850 года, моя мать вошла ко мнѣ наверхъ, часовъ въ десять утра, и сказала мнѣ испуганно: „Къ намъ пріѣхалъ жандармскій генералъ!“

— „Это я причина всѣхъ этихъ бѣдъ!“ вскричала я, и полились упреки себѣ. Слезы градомъ катились по раскраснѣвшемуся лицу; я ихъ наскоро утерла и послѣдовала за моею матерью въ кабинетъ отца, въ ту самую комнату, гдѣ я нынѣ, шестидесяти лѣтъ, пишу эти строки.

Отецъ мой былъ съ двумя мужчинами: одинъ изъ нихъ былъ жандармскаго корпуса генералъ, невысокаго роста, съ добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ, другой былъ чиновникъ особыхъ порученій Панчулидзева, son âme damnée, какъ говорятъ французы, кривой К—въ, [1]), о которомъ разсказывали столько анекдотовъ

[1]) Онъ имѣлъ обыкновеніе опускать въ стаканъ воды фарфоровый глазъ на ночь; разъ, смѣнивъ привычнаго слугу, онъ легъ въ постель и велѣлъ но-

по поводу его фарфороваго глаза. Послѣдняго я знала. Отецъ мнѣ протянулъ руку съ своею кроткою, очаровывающею улыбкою и познакомилъ меня съ генераломъ, но все мое вниманіе было поглощено Карауловымъ. Я не вытерпѣла и подошла прямо къ нему; онъ отступилъ.

— „Это вы съ вашимъ п....мъ губернаторомъ сдѣлали доносъ на моего отца!"... сказала я, не помня себя отъ гнѣва.

Онъ пробормоталъ какое-то извиненіе. Генералъ взялъ меня подъ руку и просилъ успокоиться.

— „Пойдемте въ залу, мнѣ нужно съ вами поговорить", сказалъ онъ учтиво.

Мы вышли и сѣли рядомъ въ залѣ.

„Въ какихъ вы отношеніяхъ съ дворяниномъ Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ?" былъ первый вопросъ.

— „Въ близкихъ отношеніяхъ, отвѣчала я,—я не могу обманывать, да и къ чему?"

„Стало быть, вы вѣнчаны? гдѣ? когда?" спросилъ поспѣшно генералъ Ку.....

— „Нигдѣ, никогда!" вскричала я съ жаромъ.

„Въ третьемъ отдѣленіи не вѣрятъ, чтобы Тучкова была не вѣнчана; это не можетъ быть, сказалъ генералъ Ку.....,— будьте откровенны".

— „Нѣтъ, нѣтъ, я не вѣнчана, будьте вполнѣ въ этомъ увѣрены. Огаревъ не двоеженецъ, онъ ни въ чемъ не виноватъ передъ нашими законами; я предпочла пожертвовать именемъ, семьею, чѣмъ подвергнуть его такой отвѣтственности".

Тогда я ему разсказала откровенно всѣ наши планы и какъ я сама возстала противъ нашего брака; разсказала, что Огаревъ разстался съ Марьею Львовною уже семь лѣтъ, но что она ни за что не соглашалась на разводъ, только чтобы мучить насъ.

Генералъ Ку..... слушалъ и удивлялся моему безъискусственному разсказу. Потомъ онъ мнѣ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ о моемъ отцѣ:

„Правда-ли, что онъ возмущаетъ крестьянъ?"

вому подать себѣ стаканъ воды, въ который, по обычаю, опустилъ фарфоровый глазъ. Молодой парень все стоялъ у постели. „Чего ты ждешь?" спросилъ К—въ. „Пожалуйте другой", отвѣчалъ слуга. Н. О

— „Мой отецъ, любимецъ народа, о! нѣтъ, напротивъ, онъ ихъ учитъ надѣяться на законы, на правосудіе, не отчаяваться... онъ за каждаго хлопочетъ, онъ заставляетъ взяточниковъ отдавать награбленное, я горжусь своимъ отцемъ, для меня его служба лучше всякой другой", говорила я съ одушевленіемъ.

Я разсказала генералу Ку....., какъ мы слышали разъ съ Огаревымъ, въ дорогѣ, не помню, въ Тамбовской или Симбирской губерніи, отъ простаго человѣка, что на Руси только одинъ человѣкъ жалѣетъ крестьянъ; на мой вопросъ: какъ его зовутъ? онъ отвѣчалъ: „Его имя слышно далеко, неужели вы не слыхали: Тучковъ!"—„Вотъ наша награда", сказала я съ жаромъ.

„Да вы все увлекаетесь, возражалъ генералъ Ку....., — но вотъ это-то и вредитъ вашему отцу; его выставляютъ какъ человѣка вреднаго образа мыслей, слишкомъ любимаго крестьянами, говорятъ, что онъ позволяетъ своему бургомистру сидѣть въ его присутствіи, говорятъ еще, что онъ на сходѣ говорилъ что-то о религіи".

— „Это все мнѣ извѣстно и я могу это объяснить: отецъ сажалъ при себѣ бургомистра, потому что у послѣдняго болѣла нога; на сходѣ онъ говорилъ, чтобы бабы давали молока дѣтямъ, когда отнимаютъ ихъ отъ груди, потому что во время постовъ царствуетъ большая смертность между малолѣтними; въ подтвержденіе своихъ словъ, отецъ повторилъ слова Іисуса: „не то грѣхъ, что въ уста входитъ, а то, что изъ устъ выходитъ". Что-же тутъ предосудительнаго, что его любятъ? Это только потому, что онъ одинъ не грабитъ въ своемъ уѣздѣ, а можетъ и во всей губерніи. Если-бъ всѣ были такіе, какъ мой отецъ, народъ не обратилъ-бы на него особеннаго вниманія".

Мнѣ казалось, что мое увлеченіе благотворно подѣйствовало на генерала Ку.....

Онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ съ чувствомъ:

„Я самъ изъ крѣпостныхъ, дослужился до этихъ эполетъ, это бываетъ очень рѣдко. Благодарю васъ, что вы не судили меня по моему мундиру, вѣдь и въ немъ можно иногда служить добру", сказалъ генералъ Ку.....

— „Теперь мой чередъ, воскликнула я,—сдѣлать вамъ одинъ вопросъ: вѣроятно и Огаревъ будетъ арестованъ? Скажите правду".

„Я не имѣю такого порученія, я не думаю"... отвѣчалъ онъ.

Я встала, въ моихъ глазахъ, вѣроятно, виднѣлось недовѣріе къ словамъ генерала Ку.....

„Пойдемте въ кабинетъ, посмотрѣть на гіену, радующуюся своей жертвѣ“, сказала я.

Генералъ всталъ и пошелъ въ кабинетъ, а я вернулась въ залъ и постучала въ комнату моей матери. Я ей разсказала мое намѣреніе предупредить Огарева, и просила ее приготовить для посланнаго рублей сто. Она одобрила мой планъ. Я написала нѣсколько словъ къ Огареву для предупрежденія объ его вѣроятномъ арестѣ, передала записку и деньги, полученныя мною отъ моей матери, молодому парню, грамотному, изъ служащихъ въ конторѣ, Варламу Андрееву и велѣла ему ѣхать на перекладныхъ въ Симбирскъ, къ Огареву, не теряя ни минуты и ни съ кѣмъ не разговаривая.

Все было исполнено въ точности.

На большой дорогѣ мой посланный съѣхался съ военнымъ, ѣхавшимъ изъ Пензы по одному направленію съ нимъ. На станціяхъ они оба требовали скорѣе лошадей, и молча примѣтили черты другъ друга. Конечно, офицеръ получалъ скорѣе лошадей, но тотчасъ за нимъ выѣзжалъ и Варламъ Андреевъ; магическое слово: „на водку“ мчало его не хуже офицера. Диккенсъ говоритъ: „двѣ тайны рядомъ сидѣли въ дилижансѣ, потому что человѣкъ для другаго человѣка всегда тайна“, такъ было и въ этомъ случаѣ: двѣ эти тайны ѣхали по одному пути, имѣя одну цѣль, но не зная о томъ. Разница была только въ томъ, что достигнувъ, наконецъ, Симбирска, военный долженъ былъ представиться симбирскому губернатору, объявить ему объ особомъ повелѣніи и, взявъ съ собою губернаторскаго чиновника особыхъ порученій, ѣхать съ нимъ отыскивать квартиру Огарева, тогда какъ мой посланный, прочитавъ на конвертѣ адресъ, взялъ извозчика и тотчасъ прибылъ въ квартиру Огарева, котораго разбудилъ и успѣлъ предупредить, подавъ ему мою записку [1]). Все это было сдѣлано точно, но немного рѣзко, второпяхъ. Нервный припадокъ былъ послѣдствіемъ этихъ извѣстій. Когда

---

[1]) „Огаревъ, писала я,—у насъ жандармскій генералъ, вѣроятно арестуетъ и увезетъ папа въ Петербургъ по особому повелѣнію, готовься къ тому-же, не теряя ни минуты“. Н. О.

Огаревъ пришелъ въ себя, онъ сталъ готовиться въ дорогу съ ожидаемымъ жандармскимъ посланникомъ. Писать было некогда, онъ отослалъ въ Яхонтово то, что ему не нужно было брать въ Петербургъ.

Наконецъ, офицеръ явился къ Огареву, въ сопровожденіи чиновника особыхъ порученій губернатора, и объявилъ ему повелѣніе арестовать его и везти въ Петербургъ. Огаревъ съ своею кроткою улыбкою и добродушнымъ видомъ, попросилъ позволенія сдѣлать свой туалетъ и позавтракать. Офицеръ охотно согласился и самъ позавтракалъ съ нимъ. Мой посланный стоялъ еще передъ Огаревымъ, когда офицеръ вошелъ; они узнали другъ друга, глаза ихъ встрѣтились, и мимолетная улыбка освѣтила черты офицера.

Грустно мы сѣли въ Яхонтовѣ за столъ; отецъ мой, какъ всегда съ гостями, былъ очень предупредителенъ съ генераломъ Ку..... и съ Карауловымъ, но мы трое дѣлали только видъ, что обѣдаемъ,—у каждаго изъ насъ было много тяжелаго на душѣ. Когда кончился обѣдъ, генералъ вѣжливо попросилъ позволенія осмотрѣть бумаги и книги отца, но онъ видимо очень неохотно исполнялъ эту обязанность, тогда какъ Карауловъ con amore рылся по всѣмъ столамъ. Потомъ генералъ Ку..... подошелъ къ моему отцу и сказалъ ему, смягчая по возможности непріятную вѣсть:

„Теперь намъ-бы пора въ дорогу, Алексѣй Алексѣевичъ, ужъ не рано“.

— „Куда?“ спросилъ разсѣянно мой отецъ.

„Въ Петербургъ, по особому повелѣнію“, былъ отвѣтъ генерала Ку.....

Отецъ мой скоро собрался; мы обѣ съ матерью помогали укладывать его вещи; только онъ настоялъ, чтобъ ѣхать въ его кожаной кибиткѣ и взять съ собою камердинера, Ивана Анисимова Колоколова. Генералъ Ку..... соглашался на всѣ его желанія, сѣлъ въ кожаную кибитку съ отцемъ, на облучкѣ возлѣ ямщика помѣщался жандармскій солдатъ. Нашъ служащій Иванъ ѣхалъ позади, въ кибиткѣ генерала Ку.....

Уѣзжая, отецъ мой много разъ повторялъ: „restez ici, ne quittez pas la maison, promets moi, Natalie“, говорилъ онъ мнѣ. Я молча цѣловала его руки, потому что чувствовала, что не буду имѣть силы исполнить его желаніе.

Едва кибитки скрылись изъ нашихъ глазъ, какъ мы вернулись въ домъ, заплаканныя, встревоженныя. Мы отпустили людей, и, оставшись одни, утерли слезы и рѣшили ѣхать тотчасъ въ Петербургъ, чтобы узнать ихъ участь, быть можетъ, помочь имъ или, по крайней мѣрѣ, раздѣлить съ ними то, что судьба имъ готовила. Maman послала по утру за бургомистромъ и занялась съ нимъ добываніемъ матеріальныхъ средствъ для нашего отъѣзда, а я наскоро приготовила восемь писемъ къ сестрѣ въ Москву; письма эти должны были высылаться безъ насъ, чтобы ея не тревожить молчаніемъ, такъ какъ она въ концѣ февраля должна была родить. Замѣтивъ приготовленія къ скорому отъѣзду, старая няня наша Ѳекла Егоровна стала просить насъ, чтобы мы ее взяли съ собою; она на это имѣла полное право, потому что была такъ-же убита нашимъ горемъ, какъ и мы сами.

Вѣсть объ арестѣ и увозѣ моего отца въ Петербургъ быстро разнеслась по уѣзду: въ продолженіи нѣсколькихъ дней, проведенныхъ нами въ сборахъ, по ночамъ пріѣзжали изъ многихъ селъ крестьяне: русскіе, мордва, татары, спросить у насъ—правда-ли, вѣрно-ли это? Мы выходили къ нимъ съ матерью и видѣли ихъ неподдѣльное горе, слышали ихъ плачъ; днемъ они не смѣли уже ѣздить къ ихъ защитнику: „неужто враги его погубятъ? говорили они простодушно,—нѣтъ, царя не обманешь, онъ увидитъ правду и выпуститъ Лексѣя Лексѣевича“.

Услышавъ роковую вѣсть, наши ближайшіе сосѣди пріѣхали навѣстить насъ. Они были люди стараго закала, грубые, невѣжественные, обирали своихъ крестьянъ, водили дворовыхъ въ самотканкахъ и босикомъ. При насъ они ужасались нашему несчастію, но едва мы выходили для приготовленій къ нашему отъѣзду, какъ они говорили нашимъ служащимъ: „И давно-бы надо его сослать, вашъ баринъ дворянинъ, а самъ все за мужиковъ! Вотъ и дошло, наконецъ!“

Наконецъ, усѣвшись всѣ три рядомъ, а буфетчикъ нашъ, Александръ Михайловъ, на облучкѣ, возлѣ ямщика, мы выѣхали изъ Яхонтова, и на четвертый день, усталыя, измученныя, прибыли въ Москву и остановились въ гостинницѣ „Дрезденъ“. Мы тотчасъ-же послали за Сергѣемъ Ивановичемъ Астраковымъ, короткимъ пріятелемъ Огарева и Сатина. Онъ могъ намъ передать о состояніи здоровья сестры, которое насъ очень тревожило.

Хотѣлось-бы тотчасъ ее видѣть, но мы боялись слишкомъ потрясти ее. Астраковъ тотчасъ явился, а я, стоя у окна въ нетерпѣливомъ ожиданіи, думала, что̀ за причина, что онъ очень долго не ѣдетъ. Тутъ пошли разспросы съ обѣихъ сторонъ и обмѣнъ дурныхъ вѣстей. Астраковъ передалъ намъ, что зять мой арестованъ и увезенъ въ Петербургъ, о чемъ сестра скрывала въ своихъ письмахъ, и что 24-го февраля у сестры родилась дочь, которую назвали Натальей, въ честь насъ обѣихъ.

Желаніе увидать сестру еще усилилось отъ этихъ извѣстій, но теперь для нея всякое волненіе было еще опаснѣе. Я попросила Астракова узнать въ московскомъ кружкѣ, у Кетчера или Грановскаго, не опасно-ли для сестры свиданіе съ нами, и сказать, что если это рисковано, то мы уѣдемъ въ Петербургъ, не повидавшись съ нею. Но едва Астраковъ произнесъ мое имя, какъ полились враждебныя рѣчи: „Она погубила своего отца и Огарева, да и Сатина тоже, а теперь ей мало, пріѣхала сюда, чтобы убить сестру!“ вскричалъ одинъ изъ нихъ.

Астраковъ потерялъ терпѣніе, наговорилъ имъ кучу колкостей и уѣхалъ, сказавъ, что я не поѣду къ сестрѣ. Тѣмъ и кончилась эта бурная конференція друзей московскаго кружка о моемъ свиданіи съ сестрою. Послѣ Астракова, насъ навѣстилъ лучшій другъ моего отца, Григорій Александровичъ Римскій-Корсаковъ. Онъ вошелъ печальный и, пожимая наши руки, сказалъ:

— „Dans quel temps vivons-nous!“ [1]).

Я отозвала его въ другую комнату и сказала ему:

— „Je vous connais depuis mon enfance, je vous aime presqu'à l'égal de mon père, dites, est-ce que vous ne pouvez m'estimer parce que j'aime un homme marié? Je tiens à connaître votre opinion“ [2]).

Очевидно, онъ не ожидалъ этого вопроса, смутился и отвѣчалъ нерѣшительно:

— „Vous ne portez pas mon nom, c'est très malheureux...“ [3]).

---

[1]) Переводъ: „Въ какія времена мы живемъ!“

[2]) „Я васъ знаю съ дѣтства, я васъ люблю почти какъ моего отца, неужели вы можете не имѣть уваженія ко мнѣ, потому что я люблю женатаго человѣка? Я хочу знать ваше мнѣніе“.

[3]) „Вы не носите моего имени—это большое несчастье“.

Я встала и положила конецъ этому разговору. Корсаковъ желалъ загладить сказанное имъ, но я не слушала его рѣчи, а вернулась къ моей матери, около которой и сѣла. Корсаковъ послѣдовалъ за мною. Тогда явился другой посѣтитель, не другъ, а пріятель моего отца или, лучше сказать, давнишній знакомый его, Иванъ Николаевичъ Горскинъ. На словахъ, онъ показывалъ большое участіе къ намъ, но проглядывало какое-то чувство зависти, даже затаенной радости:

„Вы не должны безпокоиться о нихъ, говорилъ онъ намъ развязно,—Закревскій мнѣ передалъ, что ихъ ожидаетъ: одного въ Вятку сошлютъ, другаго—въ Пермь, третьяго..."

Я не дала ему докончить, я чувствовала, какъ кровь бросилась мнѣ въ голову.

— „Извините меня, Иванъ Николаевичъ, если я васъ перебиваю, но Закревскій едва-ли могъ вамъ это сказать, я этому не вѣрю..."

„Но ему сказалъ генералъ Ку....., который ѣздилъ за вашимъ отцомъ", возразилъ Иванъ Николаевичъ.

— „Едва-ли генералъ самъ знаетъ, а если и знаетъ, то не можетъ ни съ кѣмъ говорить о государственной тайнѣ; я видѣла его, онъ слишкомъ остороженъ, чтобы сдѣлать подобную ошибку", сказала я сухо.

„Да, да, подхватилъ обрадованно Корсаковъ, — Наталья Алексѣевна справедливо замѣтила, что это все вздоръ: кто можетъ угадать наказаніе, когда никому неизвѣстно въ чемъ состоитъ обвиненіе".

Выходка Ивана Николаевича бросала на него не совсѣмъ выгодный свѣтъ; посидѣвъ немного, онъ удалился и болѣе къ намъ не являлся въ Москвѣ.

Убѣдившись, что мы не можемъ видѣться съ сестрою, мы поѣхали въ Петербургъ, не видавшись тоже и съ моимъ дѣдомъ, отъ котораго скрывали арестъ моего отца, потому что дѣдъ былъ въ преклонныхъ годахъ.

Въ Петербургѣ, остановившись въ гостинницѣ, мы извѣстили о своемъ пріѣздѣ дядю Павла Алексѣевича Тучкова-младшаго, брата моего отца. Мы подѣлились съ нимъ всѣми своими тревожными новостями, погоревали вмѣстѣ. Онъ насъ ободрялъ, но самъ казался очень печальнымъ по поводу ареста старшаго брата,

котораго онъ горячо любилъ. Дядя нашелъ для насъ квартиру, въ которую совѣтовалъ поскорѣе переѣхать, что мы тотчасъ привели въ исполненіе.

Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ навѣщалъ насъ ежедневно; онъ мнѣ постоянно твердилъ, что меня скоро арестуютъ, и очень безпокоился о моихъ остриженныхъ волосахъ, уговаривалъ меня даже носить фальшивую косу, но я не согласилась. Тогда уже начинали обращать вниманіе на стриженные волосы и на синія очки дамъ, но настоящихъ нигилистокъ еще не было.

Разъ Кавелинъ засталъ меня перечитывающею послѣднія письма Огарева, которыя я носила всегда въ карманѣ. Кавелинъ пришелъ въ ужасъ отъ возможности для меня быть арестованною съ письмами въ карманѣ. Онъ взялъ ихъ и имѣлъ сердечную доброту ежедневно приносить мнѣ ихъ для прочтенія. Мнѣ такъ наскучило слышать отъ него, что говорятъ, будто меня непремѣнно арестуютъ, что я разъ съ отчаяніемъ воскликнула:

— „Да, Боже мой, пусть ужъ лучше арестуютъ, чѣмъ это вѣчное ожиданіе!“

Такъ провели мы десять мучительныхъ дней, въ продолженіи которыхъ мы ѣздили къ двоюроднымъ братьямъ моей матери, генераламъ Типольдъ. Я желала видѣть генерала Ку....., чтобы узнать что-нибудь объ Огаревѣ, съ которымъ не могла переписываться, тогда какъ съ отцомъ и зятемъ я обмѣнивалась письмами; мнѣ тоже очень хотѣлось, чтобы Огаревъ узналъ, что мы въ Петербургѣ. Типольды пригласили генерала Ку....., съ которымъ были дружны, и дали мнѣ знать объ этомъ. Мы встрѣтились очень дружески. Я просила генерала Ку..... сказать Огареву о нашемъ пріѣздѣ сюда, но онъ отказывался видѣть его наединѣ, говоря: „Могутъ думать, что я дѣйствую изъ корыстныхъ цѣлей; все мое достояніе—моя честность; я ни за что не могу подвергнуть ее сомнѣнію“.

Тогда я придумала другое: я сняла съ пальца золотое кольцо, на срединѣ котораго былъ золотой узелъ, и подала его генералу Ку....., прося его, хоть при свидѣтеляхъ, перелистывать бумаги въ присутствіи Огарева, такъ чтобы обратить его вниманіе на кольцо; тогда, думала я, онъ самъ отгадаетъ, что я здѣсь. Генералъ Ку..... взялъ кольцо, надѣлъ его на палецъ и добродушно обѣщалъ сдѣлать все возможное, чтобы обратить на него

взглядъ Огарева, но генералу не суждено было увидать еще разъ Огарева; въ III-мъ отдѣленіи.....

Разъ мы сидѣли съ матерью въ небольшой гостиной нашей квартиры. Ѳекла Егоровна была съ нами; она старалась ободрить меня своими простыми, безхитростными надеждами. Въ отвѣтъ на ея слова, я только грустно качала головою. И она, и моя мать очень безпокоились тогда на мой счетъ, потому что, со времени ареста моего отца, я лишилась почти совершенно сна и аппетита, и находилась въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. Вдругъ раздался сильный звонокъ. Я послала Ѳеклу Егоровну посмотрѣть кто это, потому что мы никого не хотѣли идѣть и посторонняго; вошелъ мой дядя Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ, который на этотъ разъ весело улыбался. Мнѣ это показалось очень непріятнымъ. Онъ поздоровался съ моею матерью, потомъ подошелъ ко мнѣ и, цѣлуя меня, сказалъ:

„Я тебѣ гостей привезъ, Наташа“.

— „Ахъ, дядя, отвѣчала я съ легкимъ упрекомъ,—вѣдь я васъ просила теперь никого къ намъ не возить“.

„А можетъ къ этимъ гостямъ ты будешь снисходительнѣе“, сказалъ онъ весело.

Дверь слегка отворилась, и на порогѣ стоялъ мой отецъ, за нимъ Сатинъ, потомъ ужъ Огаревъ и моя тетка Елисавета Ивановна Тучкова..... Я не могла прійти въ себя отъ изумленія, отъ счастія. Ѳекла Егоровна, вся въ слезахъ и улыбающаяся, старалась схватить прибывшихъ за руки, чтобы прижать ихъ къ своимъ губамъ,—они не давали цѣловать руки, а цѣловали ее въ щеки. Всѣ вдругъ стали необыкновенно веселы, то молчали и глядѣли другъ на друга, то всѣ разомъ разсказывали и прерывали другъ друга. У меня голова кружилась, я чувствовала, какъ будто была гдѣ-то далеко отъ всего дорогаго, въ какой-то безлюдной пустынѣ и вдругъ вернулась домой; о, это чувство такое полное, что можно годы отдать за одинъ часъ подобный!

Когда всѣ немного успокоились, отецъ намъ передалъ кое-что изъ своего путешествія съ генераломъ, изъ жизни въ III-мъ отдѣленіи, также и о вопросахъ, предложенныхъ ему, и объ его отвѣтахъ.

Дорогою генералъ Ку..... спрашивалъ иногда жандармскаго солдата—даетъ-ли онъ на водку ямщикамъ?

— „Давалъ, отвѣчалъ почтительно жандармскій солдатъ, — но хуже везутъ, ваше превосходительство“.

Въ третьемъ отдѣленіи, отъ скуки, отецъ выучилъ Ивана Анисимова играть съ нимъ въ шахматы,—его любимую игру. Иногда онъ посылалъ Ивана гулять по городу, для покупки книгъ или французскаго нюхательнаго табаку, къ которому отецъ имѣлъ большую привычку. Иванъ ходилъ по городу не иначе, какъ между двухъ жандармскихъ солдатъ.

Потомъ отецъ разсказалъ намъ свиданіе съ графомъ (впослѣдствіи князь) Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ. Отецъ занималъ въ III-мъ отдѣленіи двѣ большія комнаты, очень хорошо меблированныя, а Огаревъ и Сатинъ занимали по одной комнатѣ.

Первымъ потребовали къ Орлову моего отца, потомъ явились туда и Огаревъ съ Сатинымъ. Они всѣ трое бросились въ объятія другъ друга, какъ послѣ воскресенія изъ мертвыхъ. Графъ былъ очень любезенъ съ ними, объявилъ имъ, что они свободны, но сказалъ отцу, что хотя онъ тоже свободенъ, но ѣхать въ деревню не можетъ, онъ долженъ жить въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Отецъ мой былъ очень пораженъ этими словами.

„За что-же это, графъ? спросилъ онъ печально. — Мнѣ помнится, помѣщикамъ запрещаютъ жить въ своихъ помѣстьяхъ за жестокое обращеніе съ крестьянами. Я-бы желалъ, чтобы было назначено слѣдствіе по этому поводу“.

— „Ah! mon cher Toutschkoff, vous-êtes toujours le même,— сказалъ графъ Орловъ, который былъ пріятелемъ моего дѣда, а потому зналъ коротко и отца моего,—будьте довольны и этимъ; вамъ, конечно, не за то запрещенъ въѣздъ въ имѣніе, скорѣе наоборотъ; представили, что васъ слишкомъ любятъ и цѣнятъ тамъ,—это все пройдетъ, уляжется, два года скоро пролетятъ, можетъ, мы васъ и раньше выпустимъ“.

Потомъ графъ обратился къ моему зятю и къ Огареву:

— „Вы, кажется, знакомы или даже дружны съ Герценомъ, я долженъ васъ предупредить, что онъ государственный преступникъ, а потому, если вы получите отъ него письма, то вы должны ихъ представить сюда... или... изорвать“.

---

*) Переводъ. „А, милый Тучковъ, вы все тотъ-же“.

Огаревъ и Сатинъ наклонили головы въ знакъ согласія на послѣднее предложеніе.

— „Господа,—сказалъ графъ А. Ѳ. Орловъ, прощаясь съ ними,—я забылъ вамъ сказать, что вы должны обязательно сегодня хоть въ ночь выѣхать отсюда: въ столицѣ много говорили о вашемъ заключеніи, умы взволнованы... я полагаюсь на вашу аккуратность".

Затѣмъ графъ повернулся къ моему отцу и сказалъ ему съ улыбкою:

— „А какая у васъ дочка, провела моего генерала!"

Мой отецъ не зналъ, на что намекаетъ графъ, вѣроятно, на то, что я успѣла предупредить Огарева объ его арестѣ; у него не было найдено никакихъ компрометирующихъ бумагъ.

Мой дядя Павелъ Алексѣевичъ намъ посовѣтовалъ оставить квартиру тотчасъ и переѣхать на этотъ послѣдній вечеръ въ гостинницу Кулона. Ѳеклѣ Егоровнѣ было поручено уложить всѣ наши пожитки. Пока она все собирала, Огаревъ вышелъ въ другую комнату, снялъ одинъ сапогъ и вынулъ изъ него стихотвореніе, написанное имъ въ III-мъ отдѣленіи, „Арестантъ", которое вручилъ мнѣ; впослѣдствіи оно нѣсколько разъ было напечатано. Пока укладывались и переѣзжали, вечеръ насталъ. Быстро разнеслась по городу молва объ освобожденіи нашихъ дорогихъ узниковъ, и всѣ знавшіе ихъ хоть сколько-нибудь спѣшили въ гостинницу Кулона съ поздравленіями: тутъ были и друзья, и родственники, литераторы, генералы: были Типольдъ, Тучковы, Плаутины, Сабуровы, Милютины, а между ними добрѣйшій, благороднѣйшій генералъ Ку....."

— „Ну, говорилъ онъ рѣшительно, — пусть думаютъ, что хотятъ, не могъ утерпѣть, хотѣлось посмотрѣть на васъ съ Огаревымъ! Что? Теперь хорошо на бѣломъ свѣтѣ? Да вотъ кольцото надо вамъ возвратить, мнѣ не пришлось его употреблять,— тѣмъ лучше. Ну, познакомьте-же меня съ Огаревымъ".

Я поспѣшила исполнить его желаніе, позвала Огарева, и они тепло, искренно пожали другъ другу руку.

До утра оставалось уже немного времени, кто-то напомнилъ о необходимости ѣхать, подали шампанское и всѣ пили за счастливый исходъ дѣла, съ пожеланіемъ добраго пути въ Москву; всѣ оживились, даже генералы.

Мы выѣхали изъ Петербурга счастливые, довольные; мой отецъ ѣхалъ тоже съ нами въ Москву. Только порою, при воспоминаніи о томъ, что отцу не дозволено сопровождать насъ въ деревню, пробѣгала какая-то туча, но не надолго, и безслѣдно исчезала.

Опять мы остановились въ „Дрезденѣ", но теперь мы пріѣзжали туда только ночевать; бывали у дѣдушки, у друзей Огарева и, наконецъ, у моей сестры, которую осторожно приготовили ко всѣмъ новостямъ. Теперь бояться нечего было: всѣ близкіе были на лицо. Мы остались до крестинъ моей старшей племянницы: четыре пары крестныхъ отцовъ и матерей были ея воспріемниками; въ первой парѣ стоялъ ея прадѣдъ. Послѣ этого торжества, мы уѣхали въ Яхонтово съ maman, Огаревымъ и Ѳеклою Егоровною, а сестра моя, отъ сильныхъ потрясеній, слегла въ постель на полгода; очень можетъ быть, что эта болѣзнь положила начало той, которая впослѣдствіи свела ее преждевременно въ могилу.

Въ деревнѣ мы наслушались самыхъ разнообразныхъ толковъ и легендъ о нашихъ бывшихъ узникахъ: не удивлялись тому, что нѣтъ моего отца; напротивъ, не вѣрили, что онъ свободенъ, но удивлялись, что Огаревъ вернулся.

Узнавъ о нашемъ возвращеніи въ Яхонтово, казенные крестьяне стали опять навѣдываться по ночамъ о томъ, что̀ сталось съ Тучковымъ? Мы говорили имъ, что онъ свободенъ и скоро будетъ опять съ нами, но они недовѣрчиво качали головами и тихо утирали слезы; они оплакивали его, какъ покойника.

Безъ насъ пріѣзжалъ исправникъ, рылся въ бумагахъ и книгахъ отца и увезъ ихъ полный чемоданъ; библіотека отца очень пострадала за это время; намъ было жаль книгъ, разныхъ остатковъ письменныхъ воспоминаній о декабристахъ; мы придумали спрятать всѣ эти драгоцѣнности въ пружины дивана, стоявшаго у насъ наверху: съ недѣлю старая няня помогала намъ переносить наши сокровища по ночамъ. Мы оторвали у книгъ крышки и, свернувъ все трубочками, помѣстили въ диванъ очень много книгъ и бумагъ; потомъ, какъ обойщикъ, Огаревъ обтянулъ пружины холстомъ, такъ что ничего не было видно; но моя мать впала въ какое-то нервное состояніе, ей чудились колокольчики; она входила къ намъ наверхъ испуганная, съ искаженными чер-

тами лица, говоря безсвязно: „найдутъ, найдутъ! „Напрасно мы пытались ее успокоить. Наше одиночество тоже дѣйствовало на нее: сосѣди къ намъ не ѣздили въ то время. Дѣйствительно, колокольчикъ теперь всегда означалъ какую-нибудь непріятность; пріѣзжалъ становой приставъ, или исправникъ, прямо въ контору, узнавать и записывать кто изъ сосѣдей былъ у насъ; вотъ почему и перестали ѣздить къ намъ. Разъ, послѣ такого нервнаго испуга моей матери, Огаревъ сказалъ мнѣ печально: „Пожертвуемъ книгами и бумагами для спокойствія твоей матери, я серьезно боюсь за нее; ея нервное напряженіе все усиливается". Такъ было рѣшено и исполнено. Моя мать совершенно успокоилась. Въ продолженіи недѣли, Θекла Егоровна по ночамъ носила книги и бумаги внизъ и жгла ихъ въ большихъ печахъ.

Наконецъ, два года миновали и отецъ мой вернулся къ намъ всеобщая радость была безпредѣльна, но долго отецъ не могъ смотрѣть на свою библіотеку.

Въ одну изъ нашихъ поѣздокъ въ Москву мы узнали, что Марья Львовна Огарева скончалась; тогда мы поѣхали въ Петербургъ и тамъ вѣнчались. Впослѣдствіи мы поселились въ Симбирской губерніи, на Тальской писчебумажной фабрикѣ, и прожили тамъ года два; писчебумажное производство мнѣ очень нравилось, но, къ несчастію, фабрика скоро сгорѣла: говорили, что крестьяне желали, чтобы Огаревъ возобновилъ ручную фабрику, какъ было прежде, и потому подожгли ее.

Въ 1852 году Наталіи Александровны Герценъ не стало, а мужъ ея не переставалъ звать Огарева, и потому, послѣ пожара фабрики, было рѣшено, что мы поѣдемъ заграницу на неопредѣленное время.

19-го февраля 1855 года наступило новое царствованіе. Всѣ такъ радовались восшествію Александра Николаевича на престолъ, что незнакомые обнимали и поздравляли другъ друга на улицахъ Петербурга, чего очевидцемъ былъ Павелъ Васильевичъ Анненковъ, который мнѣ о томъ не разъ разсказывалъ.

Въ Симбирской губерніи мы познакомились съ нѣкоторыми интересными личностями, но тогда еще очень молодыми. Огаревъ былъ очень любимъ всѣми этими благородными юношами: Кашперовъ, композиторъ и впослѣдствіи директоръ консерваторіи въ Москвѣ, N. N., человѣкъ весьма умный, уже

тогда обнаруживавшій большія способности будущаго государственнаго дѣятеля; Бутковскій, прелестный юноша.....

Для полученія паспорта, мы пріѣхали въ Петербургъ, часто видались съ литературнымъ кружкомъ, особенно съ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ, съ Павломъ Васильевичемъ Анненковымъ, съ К. Д. Кавелинымъ и другими.

Не безъ хлопотъ получили, наконецъ, паспортъ на воды, по мнимой болѣзни Огарева, для подтвержденія которой Огаревъ разъѣзжалъ по Петербургу опираясь на костыль,—но тогда все было по новому въ Петербургѣ и для юнаго правительства въ сущности было вполнѣ безразлично: ѣдетъ-ли Огаревъ въ деревню или заграницу.

Н. А. Тучкова-Огарева.

1-го декабря 1889 г.
Село Яхонтово.

Примѣчаніе. Одновременно съ А. А. Тучковымъ и Огаревымъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Петербургъ, въ мартѣ 1850 г., Илья Васильевичъ Селивановъ, весьма образованный помѣщикъ, бывшій въ должности уѣзднаго предводителя, а впослѣдствіи судья, предсѣдатель палаты, талантливый писатель („Провинц. очерки"). Селивановъ былъ арестованъ въ Москвѣ и поѣздку совершилъ въ одномъ кортежѣ съ А. А. Тучковымъ, подъ конвоемъ того же прекраснодушнаго генерала К***. Арестъ и поѣздка въ Петербургъ и пребываніе въ III-мъ отдѣленіи для покойнаго И. В. Селиванова окончились такъ-же благополучно, какъ и для Тучкова, Огарева и Сатина.

И. В. Селивановъ подробно разсказалъ весь этотъ эпизодъ изъ своей жизни въ интересныхъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ" изд. 1880 г., т. XXVIII, стр. 299—316.

Ред.

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО ИНВАЛИДА

о службѣ лейбъ-гвардіи въ Павловскомъ полку

1828—1835.

I.

Выпущенный въ 1827 году, передъ масляницею, изъ московскаго кадетскаго корпуса, который тогда не назывался еще первымъ московскимъ, я, по заведенному въ то время порядку, былъ прикомандированъ съ товарищами къ Дворянскому полку, яко-бы для узнанія фронтовой службы; въ дѣйствительности-же узнали мы только то, что въ этомъ полку каждый ротный командиръ, штабсъ-капитанскаго чина, имѣлъ полнѣйшее право пороть подчиненныхъ ему дворянъ, сколько угодно было его благоутробію. Первый баталіонъ полка щеголялъ, по крайней мѣрѣ, темпистикою и шириною скораго шага; но мы были прикомандированы ко второму баталіону, который ходилъ въ классы писать по командѣ азы и получать колотушки въ лобъ за тупоуміе.

Въ такой-то храмъ просвѣщенія отправляли насъ оканчивать свое образованіе! А между тѣмъ, мы пробѣдствовали тутъ болѣе года, оставаясь истинными пасынками у тамошняго начальства, которое не знало даже нашихъ фамилій; а если нужно было кого-нибудь изъ насъ позвать, то оборачивало къ нему только свой носъ и произносило: «Эй, ты, болванъ, оселъ!» или еще какую-нибудь болѣе забористую кличку.

Наконецъ-то, 25 марта 1828 года, въ первый день Пасхи, часу во второмъ дня, состоявшій при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ поручикъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ

привезъ высочайшій приказъ о производствѣ моемъ въ прапорщики лейбъ-гвардіи павловскаго полка. «Ну, надѣвай мундиръ, сказалъ онъ,—и поѣдемъ къ намъ обѣдать!» Но не тутъ-то было: до объявленія производства по Дворянскому полку строго запрещалось надѣвать офицерскіе мундиры. Имѣвшій главное наблюденіе за Дворянскимъ полкомъ, директоръ втораго кадетскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Андрей Ивановичъ Маркевичъ, съ полнѣйшимъ старческимъ добродушіемъ говаривалъ обыкновенно, при каждомъ выпускѣ: «Подождите, батеньки, недѣльку-другую объявлять молодымъ офицерамъ объ ихъ производствѣ; пусть напроказничаютъ что-нибудь, тогда можно будетъ шалуновъ двухъ-трехъ представить въ солдатики, да дюжинку-другую простегать хорошенечко; право, это послужитъ не дурнымъ примѣромъ для будущихъ выпусковъ». Командиръ Дворянскаго полка генералъ-маіоръ Вилькенъ всегда одобрялъ, самымъ густѣйшимъ басомъ, шепелявое наставленіе своеобразнаго гуманиста-генерала Маркевича, и принимался наиусерднѣйшимъ образомъ осуществлять его желаніе: при каждомъ выпускѣ, всѣхъ каптенармусовъ и половину служителей полка обращалъ онъ въ гончихъ ищеекъ для преслѣдованія и ловли новаго сорта двуногихъ звѣрковъ, покрытыхъ шкурою разныхъ офицерскихъ формъ.

Въ то время уже было почти правиломъ въ Дворянскомъ полку не объявлять воспитанникамъ, произведеннымъ въ офицеры, высочайшаго приказа по крайней мѣрѣ недѣли двѣ, и не позволять въ это время надѣвать офицерскихъ мундировъ; малодушныхъ-же, нарушившихъ этотъ запретъ, ловили и хватали, словно воровъ, при вечернемъ возвращеніи ихъ въ казармы; а на утро предавали ихъ энергическому стеганію, отпуская на порцію каждому не менѣе ста розогъ, и приговаривая съ особеннымъ злорадствомъ, что его-де благородію стыдно отпустить меньше; а если его благородіе возвращался домой немного на-веселѣ или осмѣлился разсуждать объ офицерскихъ правахъ, то ему стеганіе производилось уже сугубое, доходившее до двухсотъ ударовъ и выше, смотря по тому, въ какомъ духѣ былъ палачъ, виноватъ, я хотѣлъ сказать—полковникъ, потому что за офицерскими мягкими частями сохранялось то великое преимущество, что ихъ стегали по распоряженію штабъ-офицера, а ужъ никакъ не штабсъ-капитана.

И беззащитные бѣдняги, уже видѣвшіе приказъ о своемъ производствѣ, поневолѣ должны были покоряться безобразной мѣрѣ, измышленной совокупными мозгами двухъ генераловъ-воспитателей, иначе имъ грозили оставленіемъ еще на цѣлый годъ въ омутѣ всяческихъ истязаній. А кто-бы не предпочелъ временной пытки, хотя и варвар-

ской, годовой мукѣ, ничѣмъ не гарантированной ни отъ новыхъ розогъ, ни отъ солдатской лямки!

На основаніи такихъ порядковъ, принятыхъ въ полку, я попросилъ Ростовцова уѣхать, обѣщаясь явиться на обѣдъ къ его матушкѣ, по прежнему, кадетомъ. Для этого я тщательно оправилъ кутасы на киверѣ, полощилъ портупею свинымъ зубомъ, потеръ толченымъ кирпичикомъ, разумѣется при помощи собственной ладони, рукоятку и наконечникъ тесака, смахнулъ разъ-другой пуговицы на мундирѣ,— и отправился обѣдать, по образу пѣшаго хожденія, уволенный только до 7 часовъ вечера. Переходя Тучковъ мостъ, я отдалъ честь нѣсколькимъ офицерамъ, произведеннымъ, быть можетъ, въ тотъ-же день, только изъ другихъ заведеній; отчеканилъ полновѣсный фронтъ прапорщику служительской роты Дворянскаго полка, приставленному къ дровамъ. Этотъ трехъ-полѣнный герой уже успѣлъ порядочно пропустить за галстухъ и потому счелъ требованіемъ службы обозрѣть меня юпитеровскимъ взглядомъ и къ чему-нибудь придраться; но вдругъ, какъ-то непроизвольно, отшатнулся отъ меня въ сторону и чуть не полетѣлъ съ мостоваго тротуара въ грязь... Ну и Богъ съ нимъ!

По возвращеніи въ 7 часовъ въ полкъ, я засталъ тамъ ужасную суматоху: приказано было вновь-произведеннымъ офицерамъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка прибыть въ Михайловскій дворецъ за часъ до развода. Только тутъ осмѣлились мы примѣрить свои мундиры съ эполетами и надѣть полусабли; но и тутъ дежурный по ротѣ, какой-то злокачественный прапоръ, сталъ громко приказывать, чтобы никто не смѣлъ въ офицерской формѣ ходить черезъ улицу въ другія роты; встрѣтя-же неповиновеніе, онъ побѣжалъ съ доносомъ къ капитану, дежурному по полку, человѣку, по счастью, не безъ такта, и возвратился оттуда зѣло поруганнымъ и кроткимъ; онъ ужъ болѣе не смѣлъ высунуть носа изъ дежурной комнаты.

По прибытіи на слѣдующее утро въ Михайловскій дворецъ, намъ приказано было начальствомъ Дворянскаго полка имѣть каски на головахъ, при такомъ, въ дополненіе, назиданіи, что: «на смотръ великому князю представляетесь не вы сами, какъ офицеры, а только пригнанная на васъ офицерская обмундировка; но что о васъ самихъ ничего еще не было въ приказѣ по полку. Вамъ позволили нарядиться въ мундиры только сегодня, для показу, а потомъ... вы знаете Андрея Ивановича!...» Насъ поставили по ранжиру и ввели въ пріемный залъ строемъ, рядами; причемъ введшій насъ офицеръ не могъ воздержаться, чтобы не прокомандовать, хоть и не во весь голосъ: «Въ ногу, господа!» Вслѣдъ за нами влетѣлъ въ залъ командиръ

перваго баталіона Дворянскаго полка полковникъ Бородинъ; онъ, окинувъ насъ какимъ то надменно-презрительнымъ взглядомъ, закричалъ: «что вы какими дураками стоите!» Въ залѣ уже было нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ разныхъ полковъ и должностей; всѣ они подняли вопросительно глаза на Бородина; тотъ сконфузился и захотѣлъ поправить свое невѣжество, прибавя: «я хотѣлъ сказать, какими дурными вы стоите!» Всѣ почти фыркнули; только мы, многогрѣшные, стояли неподвижно, какъ подобаетъ строевымъ единицамъ, то есть: вытянувъ, въ первый разъ облеченныя въ перчатки, руки плотно по швамъ и смотря бодро и вытараща глаза прямо въ портретъ своему нецеремонному начальнику. Страннымъ показалось мнѣ, что тутъ не было ни Маркевича, ни Вилькена; ужъ не разсердились-ли они, что не удалось имъ кого-нибудь изъ насъ выпороть?

Вскорѣ вышелъ великій князь; нахмурился было, увидя насъ въ каскахъ, но, поискавъ кого-то глазами, промолчалъ; обошелъ фронтъ, повернулъ насъ налѣво кругомъ, поправилъ у одного шарфъ и приказалъ отвести насъ въ дворцовый арсеналъ, гдѣ мы узнали, что передъ разводомъ изволитъ прибыть въ Михайловскій дворецъ государь императоръ. И дѣйствительно, минутъ черезъ 10 раздался чей-то возгласъ: «Государь!». Двери въ сосѣднюю съ арсеналомъ комнату распахнулись настежь, и изъ нихъ изволилъ выйти государь, въ сопровожденіи великаго князя.

Я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ такъ близко государя, не собственно Николая Павловича, но вообще русскаго самодержца.

Я впился глазами въ величественный образъ личности, которая въ ту минуту представлялась моимъ глазамъ не чѣмъ инымъ, какъ воплощеніемъ понятія объ идеѣ: «все и вся!» Я думалъ, что я упаду или разревусь; однако-жъ, осилилъ себя, съумѣлъ на мгновеніе одеревенѣть, подавя напоръ внутреннихъ ощущеній,—и устоялъ, хотя и чувствовалъ, что по обѣимъ щекамъ моимъ ползли тихонько слезы.

Государь милостиво окинулъ насъ взглядомъ и поздравилъ офицерами; мы всѣ инстинктивно, но какъ-то неувѣренно, подняли руки къ каскамъ; государь улыбнулся, приказавъ ихъ снять и сказавъ: «ну, милости просимъ на службу!» изволилъ удалиться. «Съ завтрашняго-же дня!», прибавилъ великій князь, обращаясь къ командиру лейбъ-гвардіи Павловскаго полка генералъ-маіору Арбузову, и послѣдовалъ за государемъ. Генералъ Арбузовъ тутъ-же прошелъ по нашему фронту, указывая рукою поочередно на каждаго изъ насъ и говоря: «въ роту его высочества, въ первую, во вторую, въ третью,

во вторую гренадерскую, и т. д., по порядку ротъ; за генераломъ, словно изъ земли выросъ, его полковой адъютантъ штабсъ-капитанъ Стахіевъ, со списочкомъ нашихъ фамилій въ рукѣ, проставилъ карандашемъ противъ каждаго нумеръ названной генераломъ роты и, получа отъ него какія-то приказанія, исчезъ; а генералъ предложилъ намъ заѣхать въ полковую канцелярію, чтобы тамъ записать свои адресы, и ожидать вечеромъ полковаго приказа. Адресъ нашъ былъ общій: «Дворянскій полкъ», потому что мы еще не имѣли позволенія разъѣхаться по квартирамъ. Тутъ вошелъ въ комнату какой-то генералъ-адъютантъ; Арбузовъ почтительно представилъ ему всѣхъ насъ; оказалось, что это былъ начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, Нейтгардтъ; онъ посовѣтовалъ отправиться намъ къ разводу, гдѣ командиръ полка представилъ насъ подходившимъ къ намъ съ распросами генераламъ: Бистрому, Шеншину и Мартынову; это были начальники: гвардейской пѣхоты, 2-й дивизіи и 3-й бригады, состоящей тогда изъ полковъ Измайловскаго и Павловскаго. Послѣ чего генералъ Арбузовъ объявилъ намъ, что мы уже могли не ѣхать къ этимъ начальникамъ, для представленія имъ на дому.

При назначеніи насъ въ роты полка, я, какъ стоявшій по ранжиру на лѣвомъ флангѣ, попалъ въ 9-ю роту, т. е. въ третій баталіонъ, который оставался отъ турецкаго похода; это огорчило было меня сначала, но послѣдствія показали, что все дѣлается къ лучшему: было-бы не легко начать офицерскую службу, да еще въ гвардіи, прямо походомъ, не имѣя ни гроша въ карманѣ. Къ пробитію вечерней зари, мы всѣ собрались въ Дворянскій полкъ и сидѣли въ своей невзрачной казармѣ, стѣснившись въ кучку; мы уже чувствовали надъ собою вліяніе новаго начальства, которое было повыше прежняго, отравлявшаго такъ долго около насъ воздухъ.

«А что, сказалъ кто-то изъ насъ, — не собраться-ли намъ завтра куда-нибудь вмѣстѣ, чтобы хорошенько закусить и спрыснуть мундиры?»

— «Рано пташечка запѣла, чтобы кошечка не съѣла! прогнусилъ, вошедшій къ намъ въ камеру, дежурный по полку капитанъ; — смотрите, чтобы васъ не спрыснули здѣсь въ корридорѣ! Развѣ былъ приказъ по полку? А?»

«Принесъ павловскій солдатъ», сказалъ одинъ изъ дворянскихъ унтеръ-офицеровъ, подавая мнѣ полу-листовую писанную книгу.

То былъ дневной приказъ, отданный по лейбъ-гвардіи Павловскому полку, присланный изъ 9-й роты на мое имя, такъ какъ я назначался на другой день дежурнымъ по 3-му баталіону. Тутъ объявлялось

о нашемъ производствѣ [1]), о распредѣленіи по ротамъ и о приказаніи прибыть намъ всѣмъ, на другой день, къ 10 часамъ утра, въ квартиру его превосходительства командира полка. При книгѣ находилась записка изъ полковой канцеляріи, въ которой было сказано, чтобы приказъ, присланный отъ 9-й роты, былъ объявленъ всѣмъ молодымъ офицерамъ, съ распискою каждаго изъ нихъ на приложенной запискѣ.

Я прочиталъ этотъ приказъ во всеуслышаніе подъ носомъ у шипѣвшаго отъ злости капитана и, вынувъ изъ стола чернильницу и перо, начерталъ на запискѣ въ первый разъ вожделѣнное слово: «Прапорщикъ». Всѣ расписались вслѣдъ за мною и, оборотясь къ капитану, пожелали ему доброй ночи; тотъ ужасно обидѣлся и ушелъ; вѣстовой, принесшій приказъ, получилъ полтинникъ на водку.

II.

Мы всѣ начали собирать свои вещи, потому что никто не захотѣлъ провести и одной лишней ночи въ отвратительномъ чистилищѣ. Тутъ пришелъ къ намъ родственникъ одного изъ насъ, павловскій офицеръ; онъ разъяснилъ намъ, что еще наканунѣ вечеромъ гвардейскій штабъ сообщилъ генералу Демидову, чтобы всѣхъ произведенныхъ изъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній въ гвардейскіе полки немедленно отправили на службу, и что объ ихъ производствѣ въ офицеры состоялся уже приказъ по гвардейскому корпусу. Мы въ тотъ-же вечеръ перебрались на квартиры, куда кто могъ, и оставили мѣсто своего окончательнаго усовершенствованія чуть не бѣглецами, безъ малѣйшаго участія начальства. Разумѣется, никто изъ насъ не подумалъ потомъ отправиться къ инквизиторамъ-воспитателямъ для выраженія чувствъ признательности за слишкомъ ощутительныя назиданія; всѣ были радехоньки, что близость похода неожиданно вырвала насъ изъ дворянской пытальни, и съ такою поспѣшностью, что не дала времени мѣстному тиранству поглумиться надъ нами въ послѣдній разъ. Безъ этого-же обстоятельства насъ-бы непремѣнно заставили, въ видахъ принесенія благодарности за убійственное вниманіе, обивать пороги у всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ власть

---

[1]) Высочайшій приказъ 25 марта 1828 года. Мих. Александр. Марковъ оставилъ л.-гв. Павловскій полкъ; штабсъ-капитаномъ, 22 октября 1835 г., онъ поступилъ въ штабъ военно-учебныхъ заведеній и скончался около 1876 года въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

Ред.

и душевную потребность неустанно пороть насъ; водили-бы отъ одного къ другому гуськомъ, покрикивая: «Въ ногу, господа!» И каждый изъ нихъ, навѣрно, поперхнулся-бы отъ нашей благодарности и съумѣлъ-бы сказать намъ только одно, что теперь насъ перестанутъ сѣчь.

Насъ было произведено въ прапорщики Павловскаго полка 12 человѣкъ: 8—изъ Дворянскаго полка: Пастовскій, Симановъ, Петровъ, Свѣтлицкій, Судейкинъ, Щелкуновъ, Дышлевскій и Зенгбушъ, и 4—изъ московскаго кадетскаго корпуса: два брата Ельчаниновыхъ, баронъ Дельвигъ и я; Пастовскій изъ фельдфебелей, а всѣ прочіе изъ унтеръ-офицеровъ, такъ какъ въ московскомъ кадетскомъ корпусѣ фельдфебелей тогда еще не было; слѣдовательно, Пастовскій и долженъ былъ стоять по старшинству первымъ, а за нимъ унтеръ-офицеры кадетскаго корпуса, какъ выдержавшіе съ особеннымъ отличіемъ офицерскій артиллерійскій экзаменъ, вслѣдствіе чего и состоялось ходатайство о производствѣ насъ въ гвардію; но какъ въ то время полки старой гвардіи были переполнены сверхкомплектными офицерами, въ Павловскомъ-же полку было только три прапорщика, передъ самымъ выступленіемъ гвардіи въ турецкій походъ, то насъ всѣхъ четверыхъ и назначили въ этотъ полкъ, но какъ и того оказалось недостаточно, то приказано было: офицерскій комплектъ л.-гв. Павловскаго полка пополнить лучшими воспитанниками изъ полка Дворянскаго, которые все-таки не держали никакого экзамена, даже въ чтеніи и правописаніи; однако-жъ, Дворянскій полкъ поставилъ ихъ выше насъ. Изъ этого видно, какъ высоко цѣнилась этимъ полкомъ шагистика и какая была неурядица въ управленіи главнаго директора военно-учебныхъ заведеній; по милости существовавшей тамъ возмутительной небрежности, привезенный годомъ прежде насъ изъ Москвы цѣлый выпускъ былъ просто забытъ при производствѣ, и прошлогодніе московскіе пасынки петербургскаго начальства уже были произведены только вмѣстѣ съ нами, т. е. годомъ позже, чѣмъ-бы слѣдовало; въ числѣ этихъ забытыхъ былъ и нашъ старшій Ельчаниновъ.

Какъ послѣ этого не воскликнешь: «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!», и какъ не вспомянешь самою теплою благодарностью энергическихъ трудовъ неутомимаго и добродушнаго Якова Ивановича Ростовцова, зная, что онъ сдѣлалъ для военно-учебныхъ заведеній, изъ какого хаоса образовалъ онъ порядокъ и на какихъ развалинахъ воздвигъ новое зданіе, пользуясь благотворною эгидою своихъ августѣйшихъ начальниковъ!

Я нѣсколько распространился о Дворянскомъ полку въ томъ соображеніи, чтобы дать понятіе о той непроходимой трущобѣ, гдѣ

получилъ воспитаніе и образованіе тогдашній командиръ л.-гв. Павловскаго полка генералъ-маіоръ Алексѣй Ѳедоровичъ Арбузовъ; но прежде, чѣмъ представиться ему, на основаніи полученнаго нами приказанія, необходимо, для уразумѣнія нѣкоторыхъ явленій, забѣжать впередъ и очертить характеристику тѣхъ лицъ, которыхъ мы должны были встрѣтить при поступленіи въ полкъ и подъ чьимъ вліяніемъ предстояло намъ начать и продолжать дѣйствительную службу.

Генералъ Арбузовъ былъ произведенъ въ офицеры въ 1810 году, л.-гв. въ Егерскій полкъ. Въ отечественную войну, окруженный на бивуакахъ обществомъ образованныхъ товарищей, онъ съумѣлъ значительно сгладить угловатость пріемовъ, вынесенныхъ имъ изъ названной трущобы, и приноровиться по возможности къ приличію и особенностямъ тѣхъ людей, между которыми жилъ; онъ, какъ человѣкъ умный и вполнѣ способный понимать условія житейской практики, скоро уразумѣлъ, что ему никогда не удастся стать вровень съ товарищами на свѣтской аренѣ, гдѣ всѣ бублики останутся навсегда не болѣе, какъ бубликами; бубликами называли товарищей Арбузова, выпущенныхъ съ нимъ изъ Дворянскаго полка, потому, что у одного изъ нихъ была фамилія Бубликъ. Арбузовъ избралъ для себя свою собственную дорогу, хотя и не новую: онъ всецѣло посвятилъ себя изученію строевыхъ тонкостей и вскорѣ сдѣлался профессоромъ по этой части; онъ зналъ и видѣлъ что такіе профессора были въ ходу и покровительствовались высшимъ военнымъ начальствомъ, и что за ними обезпечивалась военная карьера вѣрнѣе, чѣмъ за иными блестящими баловнями именитыхъ бабушекъ, то есть за тѣми свѣтскими шаркунами, которые достигали почестей, шутя, такъ сказать, вприпрыжку, выдѣлывая на пути разные антраша и кунштюки. Арбузовъ расчетливо направился къ тѣмъ-же самымъ цѣлямъ, но пошелъ учебнымъ шагомъ въ три пріема; шелъ не торопясь, но твердо и настойчиво, и обогналъ не одного быстроногаго полу-французика; онъ съумѣлъ сдѣлаться положительно нужнымъ тамъ, гдѣ служилъ, и по праву сталъ пользоваться авторитетомъ фронтоваго знахаря.

Этого и было тогда достаточно, чтобы служащему во фронтѣ стать на ноги, и Арбузовъ прочно установился на собственныхъ своихъ ногахъ: ему, въ полковничьемъ чинѣ, дали гвардейскій полкъ.

Но ни званіе полковаго командира, ни впослѣдствіи генеральскія эполеты не могли заслонить грубости первоначальнаго воспитанія. Генералъ Арбузовъ усвоилъ себѣ такую дикую фразеологію съ подчиненными ему офицерами, особенно во фронтѣ, что она прославилась въ цѣлой гвардіи, даже въ то время, когда начальники вообще не очень заботились о деликатности фразъ при обращеніи къ подчинен-

нымъ. Напримѣръ, ему ничего не стоило сказать полковнику: «Что вы, сударь, архіереемъ-то разъѣзжаете передъ баталіономъ,—командуйте!» или закричать на другаго полковника, который, ровняя офицеровъ въ колоннѣ, въ косу, назвалъ кого-то Иваномъ Иванычемъ: «Какого вы, полковникъ, нашли въ строю Ивана Иваныча? Тутъ офицеры, имѣющіе только чины и фамиліи: капитанъ такой-то, вправо! Поручикъ такой-то, влѣво! Вотъ какъ долженъ приказывать знающій свое дѣло баталіонный командиръ, а вамъ все мерещатся какіе-то Иваны Иванычи. Полковникъ, полковникъ! А еще баталіонъ получили! Сдѣлайте-же ваше одолженіе, не будьте передъ фронтомъ чопорною барынею!» Или, наконецъ, при ошибкѣ на линейномъ ученіи третьяго полковника, чуть не заревѣть, оборотясь къ полковому адъютанту: «Святая заступница, отчего это нельзя и полковниковъ валять палочьемъ!» Положимъ, что этого плачевнаго возгласа самъ виноватый и не слыхалъ, но довольно, что его слышали два-три офицера и два-три десятка разныхъ ротозѣевъ, которые обыкновенно торчатъ у хвоста лошади всякаго начальника, производящаго ученье на Царицыномъ лугу.

Но это фразы только для образца, пришедшія скорѣе другихъ на память; случались-же и гораздо почище этихъ; и сколько подобныхъ прелестей было переслушано подчиненными и расточено своеобразнымъ краснорѣчіемъ генерала, изучившаго ихъ въ омутѣ Дворянскаго воспитанія!

Но если-бъ возможно было уничтожить эти фразы и вычеркнуть ихъ вовсе изъ памяти, то нельзя не сознаться, что генералъ Арбузовъ былъ наиотличнѣйшимъ полковымъ командиромъ. Онъ былъ неутомимъ въ попеченіяхъ о солдатѣ; ежедневно и своеглазно наблюдалъ онъ за солдатскою пищею, за помѣщеніемъ солдата въ казармахъ; предоставлялъ ему разныя удобства, напримѣръ: въ городѣ—бани, устройство съ полнымъ вниманіемъ пріемнаго покоя для заболѣвающихъ, а при зимнихъ походахъ—обиліе полушубковъ и другихъ теплыхъ принадлежностей; все это показывало личность разумную, могущую стать въ примѣръ даже современнымъ гуманникамъ; но все это парализировало опять-таки первоначальное воспитаніе, почерпнутое въ извѣстной трущобѣ: на основаніи добытыхъ именно тамъ принциповъ, самый, повидимому, попечительный начальникъ находилъ для себя возможнымъ смотрѣть сквозь пальцы, какъ оберегаемыхъ имъ солдатиковъ пороло каждое благородіе очертя голову; я самъ видѣлъ въ комфортабельномъ покоѣ для заболѣвшихъ и слабыхъ одного полковаго музыканта, который лежалъ на животѣ, уткнувшись носомъ въ подушку и тяжело дышалъ. «Что съ нимъ?» спросилъ я у фельд-

шера.—«Наказанъ адъютантомъ», отвѣтилъ тотъ. «И какъ видно порядочно?» доспросилъ я.—«Жестоко, ваше благородіе: отъ поясницы до подколѣнокъ вся шкура изорвана розгами!» пояснилъ фельдшеръ. Я вышелъ и невольно вздохнулъ, видя, какъ недостатокъ воспитанія въ человѣкѣ разрушаетъ его-же собственныя распоряженія, внушенныя здравымъ разумомъ. Можно-ли послѣ этого признать вполнѣ достигающимъ цѣли покойное помѣщеніе для больныхъ, если въ числѣ больныхъ являются туда личности съ ободранною розгами шкурою!

Что-же касается до подготовительнаго образованія солдата въ казармахъ, веденіи его на службѣ, правильной постановки въ строй и блестящаго щегольства цѣлаго строя, то Арбузовъ являлся тутъ истиннымъ жрецомъ фронтоваго дѣла.

Я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ однажды представлялъ свой полкъ на инспекторскій смотръ дивизіонному начальнику, назначенному изъ арміи; тутъ онъ былъ просто великолѣпенъ. Дивизіонный начальникъ поминутно стушевывался передъ капитальнымъ знаніемъ полковаго командира, вертѣлся передъ нимъ, какъ бѣсъ передъ заутренею, робѣлъ вдаваться въ подробности и затруднился дѣлать распросы, боясь какъ-бы въ чемъ нибудь не опростоволоситься въ виду подчиненныхъ и былъ радъ-радехонекъ, когда могъ безъ нарушенія приличія окончить смотръ и улепетнуть во свояси отъ подобнаго доки.

И впослѣдствіи, когда ген. Арбузовъ имѣлъ несчастіе лишиться аксельбанта за бездѣйствіе въ комитетѣ о раненыхъ, та-же строевая спеціальность вывезла его и тутъ: онъ торжественно получилъ аксельбантъ во второй разъ именно за то, что съумѣлъ образовать, въ самый короткій срокъ, резервные гвардейскіе полки и представилъ ихъ на смотръ Государю Императору въ отличномъ видѣ. Словомъ: въ казармахъ, на плацу, въ экзерциргаузѣ, въ лагерѣ подъ Краснымъ — генер. Арбузовъ пользовался полнѣйшимъ авторитетомъ закаленнаго фронтовика и распоряжался въ полку такъ-же твердо и самоувѣренно, какъ распоряжается старый мельникъ на собственной мельницѣ, въ которой все до малѣйшей мелочи улажено имъ собственноручно. На маневрахъ-же, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, гдѣ уже требовались нѣкоторыя научныя свѣдѣнія, онъ былъ совершенно другой—онъ былъ просто жалокъ; но объ этомъ послѣ.

Генералъ Арбузовъ, въ качествѣ полковаго командира, имѣлъ возлѣ себя двухъ помощниковъ или, вѣрнѣе, двухъ агентовъ-наперсниковъ; одного—по строевой части и личному составу полка, другаго—по хозяйственно-финансовымъ оборотамъ и соображеніямъ.

Первымъ былъ полковой адъютантъ, штабсъ-капитанъ Александръ Александровичъ Стахіевъ, по природѣ, человѣкъ съ хорошими на-

чалами, весьма не глупый и даже довольно начитанный. Онъ былъ строго исправенъ по исполненію своихъ служебныхъ обязанностей, но дѣлалъ все какъ будто насильственно, со злостью; можетъ быть потому, что въ сущности онъ былъ лѣнивъ, какъ хомякъ; относительно лично себя онъ оставался безпечнымъ до идіотства и дома впадалъ въ неряшество; кромѣ какъ по дѣламъ службы, никуда не выѣзжалъ, и такою жизнью, замкнутою въ районѣ служебно-казарменной обстановки, былъ перепорченъ до того, что не шутя считалъ необходимымъ условіемъ для каждаго истиннаго служаки пороть нижнихъ чиновъ за каждую вину, большую и малую, отнюдь не допуская зловреднаго словотолченія, какъ-то: замѣчаній, внушеній, выговоровъ и другихъ «чисто-дамскихъ» пріемовъ, которые, по его мнѣнію, вовсе неумѣстны въ военномъ быту и только ведутъ къ порчѣ людей. При такихъ понятіяхъ, при потворствѣ и неограниченномъ довѣріи къ нему генерала, Стахіевъ былъ какимъ-то полковымъ пугаломъ. Съ младшими офицерами онъ обходился просто деспотически; по одной его прихоти, неугодный ему офицеръ маршировалъ въ караулъ или на Костыльскій въѣздъ, или къ Нарвской заставѣ, или долженъ былъ, противъ воли, пользоваться слишкомъ свѣжимъ воздухомъ, не сходя цѣлый день съ платформы у сената или главнаго адмиралтейства; излюбленные-же адъютантомъ отправлялись въ караулы на покой: въ ордонансъ-гаузъ или въ комиссаріатъ; а избраннымъ предоставлялись въ карауле и покой, и даровой столъ, и даже общество товарищей — на главной гауптвахтѣ. И все это дѣлалось положительно по одной прихоти Стахіева, безъ соблюденія какой-либо правильной очереди; а кто заявлялъ претензію, тому готова была въ отвѣтъ стереотипная фраза: «Если не угодно идти туда въ караулъ, такъ пойдете туда-же подъ караулъ!» И никакой аппеляціи противъ подобной формулы не было. Къ старшимъ офицерамъ Стахіевъ относился заносчиво, стараясь дать понять каждому, что онъ-то одинъ и есть настоящая сила въ полку, вліяніе которой охотно поддерживаетъ генералъ, а нерѣдко и самъ ей подчиняется; и это проявлялъ онъ чрезвычайно комично, чему много способствовала его непрезентабельная наружность: онъ былъ маленькій, кругленькій офицерикъ съ низколобымъ черепомъ, длиннымъ туловищемъ, толстенькими ножками и коротенькими ручками; и когда, возложа на чело свое остроконечную каску, онъ передъ кѣмъ-нибудь принималъ внушительную позу, то своею фигурою напоминалъ прескверно сдѣланную свайку, обороченную острымъ концомъ къ верху. Все это, однако-жъ, нисколько не мѣшало Стахіеву быть въ полку маленькимъ Аракчеевымъ, со всѣми замашками, присущими этому недавнему народному страшилищу: безгранич-

нымъ себялюбіемъ, отвратительною мелочностью, неотразимою придирчивостью и безпощадною жестокостью; на основаніи такихъ данныхъ, Стахіевъ и откалывалъ зачастую предиковинныя колѣнца; одно изъ нихъ онъ выкинулъ лично со мною.

Къ матушкѣ Ростовцова явилась какая-то знакомая, весьма состоятельная провинціалка, съ просьбою похлопотать объ опредѣленіи сына ея на службу въ Павловскій полкъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ былъ помѣщенъ на жительство къ кому-нибудь изъ благонадежныхъ офицеровъ, преимущественно къ небогатому, такъ какъ она можетъ предоставить сыну хозяйственную обстановку вполнѣ достаточную для двоихъ; офицеръ-же съ своей стороны уже съ избыткомъ вознаградитъ ее за это своимъ добросовѣстнымъ наблюденіемъ надъ ея сыномъ. Ростовцовъ переговорилъ объ этомъ съ Арбузовымъ, указавъ на меня; тотъ одобрилъ выборъ, и дѣло между нами сладилось. Я былъ представленъ провинціальной барынѣ, которая, очевидно, хотѣла пустить мнѣ пыль въ глаза своими брилліантовыми перстнями и пошлою говорливостью съ претензіями на остроуміе; но сынъ показался мнѣ мальчикомъ неглупымъ и неиспорченнымъ для того, чтобы можно было безъ опасенія принять добросовѣстный надзоръ за нимъ. Дня черезъ три, квартира моя была приспособлена для двухъ жильцовъ, убрана и меблирована отлично. Распоряжавшійся этимъ дворецкій барыни объявилъ моему деньщику, что онъ принесетъ на другой день разную посуду и приведетъ повара для прислуги молодому барину, и что сама барыня пріѣдетъ завтра ко мнѣ, когда уже будетъ все готово, чтобы обо всемъ хорошенько условиться, и привезетъ хлѣбъ-соль на новоселье.

На другой день я безъ очереди выбрился, одѣлся и сталъ поджидать визита; но прошелъ день, прошелъ другой, третій—ни слуху ни духу, ни о дворецкомъ съ посудою, ни о самой барынѣ! Я пошелъ въ канцелярію справиться, не извѣстно-ли тамъ чего нибудь? Полковой писарь не зналъ ничего; но за то зналъ кое-что писарь казначейскій: онъ сообщилъ мнѣ, что названный мною дворянинъ вѣроятно въ полкъ не поступитъ, потому что на-дняхъ онъ, вмѣстѣ съ матерью, что-ли, встрѣтился на лѣстницѣ полковому адъютанту, который сказалъ барынѣ, чтобы она ни за что не отдавала сына подъ мой присмотръ, если не хочетъ послѣ горько раскаяваться. Барыня, замахавъ руками, сказала: «Ну васъ, прости Господи! Такъ и совсѣмъ не надо!» И побѣжала съ лѣстницы, крестясь и отплевываясь на обѣ стороны.

Когда я спросилъ Стахіева, на чемъ основалъ онъ свое мнѣніе, что если-бы мать отдала подъ надзоръ ко мнѣ своего сына, то стала-бы потомъ раскаяваться, онъ отвѣчалъ на это:

— «А развѣ трудно было напередъ спроситься меня? Нѣтъ—вамъ прямо къ генералу! Ну, вотъ вамъ и генералъ! Всегда, если захочется остаться навѣрное съ носомъ, начинайте не съ меня, а съ генерала».

Надо-ли было что нибудь говорить въ опроверженіе подобной логики!

Душевно радуюсь, что представился мнѣ въ жизни случай расквитаться со Стахіевымъ по-своему. Когда, впослѣдствіи, онъ потерялъ мѣсто кронштадтскаго полиціймейстера и принужденъ былъ выйдти совсѣмъ въ отставку, сильно терпя отъ недостатковъ, а я служилъ въ штабѣ у Ростовцова и имѣлъ уже возможность выхлопатывать кой-кому пособіе, то я не затруднился надоѣдать Якову Ивановичу просьбами за Стахіева, и когда однажды я вручилъ ему сумму гораздо значительнѣе той, на которую можно было разсчитывать, онъ, со слезами на глазахъ, протянулъ мнѣ руку и, потупясь, пробормоталъ: «я съ тобой поступалъ прежде иначе....» Я горячо пожалъ протянутую мнѣ руку и почти убѣдился, что Стахіевъ былъ человѣкъ не дурной по натурѣ, но безхарактерный въ высшей степени, не имѣвшій настолько нравственной силы, чтобы охранить человѣческое достоинство отъ вліянія грубыхъ побужденій пѣтушьяго самолюбія,—онъ увлекся ролью казарменнаго тиранчика, поддался ей и проржавѣлъ насквозь [1]).

Говоря о Стахіевѣ, невозможно умолчать объ его крѣпостномъ слугѣ «Мишкѣ», извѣстномъ, въ свое время, подъ этимъ именемъ не только всему полку, но почти цѣлому красносельскому лагерю. Мишка дополнялъ собою характеристику своего барина, которому служилъ онъ усердно и преданно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно своеобразно. Стахіевъ ругалъ Мишку съ утра до вечера, но однако-жъ никогда не билъ, и Мишка стойко исполнялъ предназначенное ему дѣло, распоряжаясь личностью своего барина и не обращая ровнехонько никакого вниманія на его крикъ и ругательства. Стахіевъ, напримѣръ, очень трудно пробуждался утромъ, особенно по зимамъ, а между тѣмъ каждое утро, къ 11 час., онъ обязанъ былъ являться въ Михайловскій дворецъ, съ рапортомъ къ великому князю; Мишка-же возненавидѣлъ-бы самого себя, если-бы допустилъ барина опоздать, а потому и принимался всегда заблаговременно будить его; но на первый разъ получалъ обыкновенно въ отвѣтъ: «Пошелъ вонъ, дуракъ!» Спустя нѣсколько минутъ, Мишка принимался будить вторично; отвѣтъ былъ тотъ-же

---

[1]) Александръ Александровичъ Стахіевъ изъ портупей-прапорщиковъ произведенъ въ офицеры въ л.-гв. Павловскій полкъ въ 1819 г.; въ чинѣ полковника—назначенъ въ Кронштадтъ полиціймейстеромъ въ 1840 г.

Ред.

самый съ прибавленіемъ какого-нибудь ругательства; Мишка будилъ и въ третій разъ, но ужъ тутъ сыпался на него цѣлый потокъ непечатныхъ фразъ. «Да что это будетъ и въ самомъ дѣлѣ!» восклицалъ Мишка, бросался къ бритвенному столу, хваталъ оловянную лаханочку, разводилъ въ ней бритвенною кисточкою мыло, напѣнивалъ ее до самыхъ краевъ и, уже не говоря ни слова, принимался мазать соннаго барина по бородѣ, по губамъ, по носу, словомъ—гдѣ попало, не жалѣя мыльнаго матеріала; а чуть раздавалось рычаніе, онъ зажималъ барину ротъ мыльною кисточкою. Стахіевъ бѣшено вскакивалъ съ постели, проворно опускалъ ноги въ туфли-шлепалы, подбѣгалъ въ одной рубашкѣ къ бритвенному столу, отплевываясь отъ попавшаго въ ротъ мыла, и поневолѣ принимался очищать бороду бритвою; послѣ чего Мишка, для выиграніе времени, уже не подавалъ барину умываться, а собственноручно обтиралъ ему лицо, какъ младенцу, сперва мокрымъ концомъ полотенца, а потомъ сухимъ, и потомъ, не давая много разговаривать, принимался одѣвать его, подавая, что слѣдовало, одно за другимъ, не переводя духа. Стахіевъ брыкался коротенькими ручками, ворчалъ, но покорялся, и, наконецъ, схватя съ конторки дневной рапортъ, подписанный имъ съ вечера, подставлялъ плечи подъ шинель; Мишка нахлобучивалъ на него шляпу, а онъ хваталъ перчатки и отправлялся учащенными шажками по галлереѣ; Мишка шелъ съ нимъ рядомъ до саней и всю дорогу поилъ его остуженнымъ чаемъ изъ фаянсовой кружки; остатокъ чая Стахіевъ проглатывалъ уже сидя въ саняхъ. Тутъ Мишка считалъ свои утреннія обязанности передъ бариномъ оконченными, бралъ отъ него кружку и возвращался домой бѣгомъ; а Стахіевъ, крикнувъ кучеру обычное: «пошелъ живѣй!» скрывался за воротами казармъ.

Но былъ-ли маленькій Аракчеевъ «преданъ безъ лести» своему патрону, этого, я думаю, онъ и самъ не зналъ хорошенько, по той простой причинѣ, что провѣрка внутреннихъ ощущеній къ обязанностямъ полковаго адъютанта не относилась, а этого и было для него довольно.

Другимъ наперсникомъ ген. Арбузова, по хозяйственной части, былъ полковой квартермистръ, губернскій секретарь Василій Никитичъ Поповъ, возникшій изъ старинныхъ фельдфебелей того-же полка. Это былъ преоригинальный господинъ, діаметрально противоположный маленькому Аракчееву; во-первыхъ, онъ былъ чуть не въ печатную сажень ростомъ; его громадная голова съ круглою лысиною, на подобіе опрокинутаго чайнаго блюдечка, была острижена подъ гребенку, по-солдатски; лицо его, всегда гладко пробритое только по срединѣ бороды, красовалось такою могучею растительностью, что ее, казалось,

удобнѣе было расчесывать граблями, нежели гребенкою; у Василья Никитича даже въ ушахъ произрасталъ какой-то сѣрый кустарникъ; большіе глаза его, подъ навѣсомъ бурыхъ бровей, отсвѣчивались зеленью штофнаго стекла и, по совершенному отсутствію всякой экспрессіи, скорѣе походили на стеклышки, вставленныя въ переносную панораму, чѣмъ на человѣческій органъ, способный выражать мысли безъ помощи словъ; губы Василья Никитича, изображая двѣ толстыя сосиски темно-брусничнаго цвѣта, сильно выдавались впередъ и были придавлены широчайшимъ носомъ съ приподнятыми къ сторонамъ ноздрями; зубы, повыбитые отчасти прежнимъ начальствомъ Василья Никитича, походили на погорѣлую деревню; въ сходствѣ этомъ легко было убѣдиться, когда брусничныя сосиски широко разверзались для отданія какого-нибудь приказанія или для частнаго смѣха: по службѣ Василій Никитичъ не смѣялся. Верхняя часть спины Василья Никитича, съ вѣчно приподнятыми плечами, представляла часть прямоугольника, похожаго фигурою и размѣрами на задній фасъ одномѣстной кареты, а средняя часть его туловища была развита до того благодатно, что если-бы Василья Никитича мысленно разсѣчь параллельно горизонту, по самой срединѣ живота, и нижній отрѣзокъ накрыть салфеткою, то представился-бы круглый столъ, достаточный для трапезы четырехъ полу-голодныхъ прапорщиковъ. Въ цѣломъ, Василій Никитичъ, особенно, когда онъ стоялъ неподвижно въ размышленіи надъ водосточною рѣшоткою казарменнаго двора въ своей вылинялой до желтизны шинели, напоминалъ малороссійскій тюкъ съ шерстью, поставленный на распутьи торчкомъ, и на которомъ, по срединѣ, сидѣла большая птица, прикрытая форменною фуражкою.

Все въ казармахъ, что относилось къ хозяйству, подлежало вѣдѣнію и прозорливому наблюденію Василья Никитича: дрова, обозъ, кухня, швальня, весь провіантъ и всяческая провизія, словомъ—все. Главная дѣятельность Василья Никитича сосредоточивалась обыкновенно въ предѣлахъ конюшеннаго двора казармъ; дворъ этотъ, хотя и не былъ изъятъ отъ свирѣпствовавшей эпидеміи поротья, но какъ Василій Никитичъ, во время долголѣтней служебной опытности, изучилъ весьма тонко впечатлѣнія всѣхъ оттѣнковъ, производимыя на человѣческую организацію поротьемъ, то и имѣлъ свой собственный взглядъ на этотъ предметъ, и далеко не сочувствовалъ ему; вслѣдствіе чего, на конюшенномъ дворѣ только въ минуты посѣщеній маленькаго Аракчеева раздавались вопли отъ березоваго уязвленія, и потому они были рѣдки. Взамѣнъ того, на богоспасаемомъ дворѣ безпрестанно раздавался зычный голосъ самого Василья Никитича, выходившій то изъ низменностей вонючихъ погребовъ съ кислою

капустою, то съ пространной долины обознаго сарая, то съ высоты благовоннаго по временамъ сѣновала, то изъ вѣчно сыраго и неопрятнаго проулка между полѣницами дровъ. Населеніе, окружавшее конюшенный дворъ, состоявшее изъ кучеровъ, фурлейтовъ, мастеровыхъ двадцати названій и разныхъ прислужниковъ, благоговѣло передъ именемъ Василья Никитича никакъ не менѣе того, насколько благоговѣли двадцать европейскихъ народовъ передъ именемъ Наполеона I. Если-бы Василій Никитичъ, изъ какихъ-нибудь полковыхъ соображеній или отъ простаго головокруженія, захотѣлъ только, чтобы его признали непогрѣшимымъ, то весь этотъ разнохарактерный, подвѣдомственный ему людъ призналъ-бы его таковымъ единогласно—на всемъ протяженіи конюшеннаго двора.

Жаль, что этотъ краеугольный камень полковаго хозяйства, въ концѣ-концовъ, все-таки надломился отъ шаткости нравственныхъ началъ бурбонскаго закала; долго и стойко держался онъ противъ грошевыхъ корыстныхъ соблазновъ казарменнаго круговорота; но не смогъ устоять противъ крупнаго обольщенія корысти внѣ хозяйства: въ одну изъ ночей, вѣроятно очень бурную для него, онъ, подъ вліяніемъ русскаго «авось!», продулъ въ карты нѣсколько тысячъ генеральскихъ денегъ, бывшихъ случайно при немъ.

На другой-же день, утромъ, Василій Никитичъ, смятенный, растрепанный, въ порывѣ безплоднаго раскаянія, палъ на колѣни передъ своимъ патрономъ и положилъ къ стопамъ его превосходительства виновную голову; тотъ, словно ужаленный, взвылъ отъ негодованія, отвѣтилъ собственнымъ карманомъ за чужой грѣхъ, а грѣховнаго наперсника подвергнулъ остракизму; но безъ особеннаго позора, потому что Василій Никитичъ могъ вскорѣ очутиться городничимъ въ г. Вольскѣ, Саратовской губерніи, гдѣ уже отличался только тѣмъ, что считалъ непремѣнною для себя обязанностью повергаться всею тучностью на церковный полъ, когда священникъ провозглашалъ многолѣтіе градоначальникамъ.

Кромѣ двухъ описанныхъ оффиціальныхъ агентовъ полковой власти, ген. Арбузовъ имѣлъ всегда подъ рукою и частнаго домашняго агентика изъ фронтовыхъ офицеровъ, который съ необыкновенною быстротою и точностью передавалъ все, что говорилось и дѣлалось въ самыхъ сокровенныхъ уголкахъ офицерскихъ квартиръ.

Нельзя не удивляться, что ген. Арбузовъ, обладая хорошимъ практическимъ умомъ, не могъ уразумѣть самой простой истины, что начальникъ, допуская къ себѣ наушника, добровольно отдаетъ себя подъ вліяніе такой зазорной личности, самая профессія которой уже ручается за полнѣйшее отсутствіе въ ней всякихъ нравственныхъ до-

стоинствъ; а почтенный жрецъ строевой мудрости былъ особенно падокъ на интимныя свѣдѣнія, которыя, не принося никакой служебной пользы, раздражали только въ немъ самомъ напрасную подозрительность противъ офицеровъ и ставили его въ какія-то враждебныя отношенія къ подчиненнымъ, безъ всякой причины и надобности. Генералъ, при воспитаніи въ извѣстномъ омутѣ, не могъ пріобрѣсть умѣнья владѣть собою настолько, чтобы молча презирать сплетни; напротивъ, онъ считалъ полезно-эффектнымъ дѣломъ и правомъ военной власти оглашать домашнія дрязги публично передъ цѣлымъ полкомъ. Этотъ печальный результатъ крайняго невоспитанія совершался обыкновенно подобно слѣдующему случаю:

Однажды, поручикъ Б. провелъ у себя въ квартирѣ веселенькій вечерокъ, въ сообществѣ двухъ театральныхъ сестрицъ, весьма не дурныхъ изъ лица, очень откровенныхъ въ одеждѣ и чрезвычайно ласковыхъ въ осязательномъ обращеніи; того-же вечера, въ другомъ углу казармъ, воспитанный въ лицеѣ, подпоручикъ Н. сказалъ товарищамъ, заведшимъ разговоръ о научномъ образованіи своего генерала:

— «Да полноте, господа, онъ первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики не знаетъ!»

Домашній агентикъ, пользуясь всевозможными связишками и лазейками, какъ-бы онѣ грязны и гнусны ни были, разумѣется, не дремалъ. Въ слѣдующее же утро, на репетиціи развода, когда офицеры, наряженные въ караулы, подходили являться генералу, онъ сказалъ подпоручику Н.:

— «Господинъ подпоручикъ Н., помните, что вы держите въ рукахъ офицерскую полусаблю, а не дворническую метлу; извольте-же держать ее по офицерски и салютовать какъ слѣдуетъ. Дурно! извольте еще разъ... Скверно, никуда не годится! То-то и есть, сударь, вы обучались въ лицеѣ, вѣроятно съумѣете пересчитать всѣ звѣзды на небѣ! Значитъ, вы ученый, умникъ! А я вотъ простофиля, не знающій четырехъ правилъ ариѳметики, но все-таки я вашъ начальникъ, и потому, за незнаніе вами своего дѣла, назначаю васъ на дежурство безъ очереди!»

Стахіевъ при этихъ словахъ склонилъ голову и приложилъ руку къ шляпѣ—это былъ ему подарокъ.

— «А если вы и завтра, продолжалъ генералъ къ подпоручику Н.,—будете салютовать такъ-же скверно, то ужъ, извините, я пошлю васъ доучиваться не въ лицей, а на гауптвахту. Извольте идти, г. профессоръ!»

Затѣмъ, только-что офицеры пришли къ своимъ мѣстамъ и каждый изъ нихъ, сосчитавъ рукой ряды своего караула, сталъ на

флангъ, генералъ, спрятавъ голову въ плечи, такъ что шляпа, надѣтая по формѣ, легла концами на эполеты, направился, тихимъ подходцемъ съ перевальчикомъ, прямо на поручика Б. Эти подходцы, выражая какое-то хищное недоброжелательство, не предвѣщали ничего добраго для тѣхъ, на кого были направлены; ихъ называли зловѣщими.

Приблизясь къ избранной на этотъ разъ жертвѣ, генералъ заговорилъ насмѣшливымъ тономъ:

— А позвольте полюбопытствовать, господинъ поручикъ Б., сколько вы изволили насчитать рядовъ въ вашемъ караулѣ?

Надобно замѣтить, что провѣрка рядовъ, которыхъ нельзя уже было измѣнить и которые были расчитаны прежде, производилась только для формы и въ дѣйствительности ихъ никто не считалъ.

Поручикъ Б. переконфузился, опустилъ полусаблю и отвѣчалъ на обумъ:

— 12 рядовъ, ваше превосходительство!

— Анъ неправда, сударь, не 12, а 14, засмѣялся генералъ;—зачѣмъ-же это, позвольте спросить васъ, вы изволили разгуливать по фронту, да махать противъ каждаго ряда руками? Не вчерашнихъ-ли своихъ красавицъ считали вы мысленно, господинъ поручикъ? Такъ, что-ли? Это, сударь, не бабы ваши, а гренадеры, имѣю честь доложить! Стыдно, поручикъ—старый офицеръ!

Тутъ онъ отвернулся отъ Б., выпустилъ голову изъ плечъ и запѣлъ подъ носъ: «По-взводно, направо-ди!» Стахіевъ ловко подхватилъ командирскія слова и заоралъ ихъ, какъ говорится, во всю ивановскую.

Грустно было видѣть, какъ начальникъ, во всеоружіи военной власти, желчно глумился надъ подчиненнымъ, и гдѣ-же? — передъ строемъ, когда офицеръ обязанъ былъ оставаться безотвѣтнымъ истуканомъ. Вотъ до чего можетъ довести иногда недостатокъ воспитанія въ начальникѣ!

Тягостна была для офицеровъ злобственная фразеологія ген. Арбузова, отъ которой онъ не могъ отрѣшиться, пока хоть чѣмъ-нибудь командовалъ; онъ позволялъ себѣ говорить колкости своимъ подчиненнымъ даже въ чужихъ домахъ, если ему казалось, что его подчиненный относится къ нему не довольно подобострастно.

Но если ни одинъ изъ офицеровъ полка не избѣжалъ непріятностей отъ ген. Арбузова на словахъ, то нельзя не сказать, что существеннаго зла онъ не дѣлалъ. У себя въ дому онъ являлся радушнымъ хозяиномъ, былъ очень расчетливъ, а можетъ и не безкорыстенъ въ приглашеніи гостей, но уже для приглашенныхъ отличался

широкимъ хлѣбосольствомъ. Когда онъ былъ уже генералъ-адъютантомъ и въ большихъ чинахъ, то нерѣдко приглашалъ и меня, преимущественно вмѣстѣ съ Я. И. Ростовцовымъ,—то на дикую козу, то на живую стерлядку, и это все сопровождалось достаточнымъ количествомъ разныхъ питій высокаго достоинства. Въ своемъ домашнемъ кругу, онъ былъ попечительнымъ отцомъ многочисленнаго семейства, изобиловавшаго преимущественно дочерьми. Все его семейство легко опредѣлить однимъ словомъ—прелесть!

III.

Очертивъ характеристику главнаго полковаго созвѣздія, подъ вліяніемъ котораго предстояло мнѣ начать и продолжать службу, я возвращаюсь къ 27 числу (25) марта 1828 года, когда произведеннымъ л.-гв. въ Павловскій полкъ офицерамъ приказано было явиться въ квартиру полковаго командира. Мы предварительно собрались въ полковой канцеляріи, откуда Стахіевъ отвелъ насъ къ генералу, который сдѣлалъ каждому изъ насъ два вопроса: какъ фамилія и есть-ли состояніе? Оказалось, что фамиліи были у всѣхъ, а состоянія—ни у кого!

Генералъ скривился и плачевно произнесъ: «Да когда-же, Боже мой, перестанутъ давать ко мнѣ въ полкъ только однихъ нищихъ, чтобы надоѣдать о пособіяхъ, да о выдачахъ въ счетъ жалованья!» И практичный генералъ не ошибся въ своемъ заключительномъ выводѣ: тутъ-же, всѣ предназначенные въ турецкій походъ обратились къ нему съ просьбою о выдачѣ денегъ въ счетъ жалованья. «Велико и все-то ваше прапорщичье жалованье!» презрительно возразилъ генералъ и началъ отговариваться неимѣніемъ денегъ; однако-жъ, наконецъ, умилостивился и поручилъ Стахіеву передать казначею приказаніе: удовлетворить всѣхъ просившихъ, что и было исполнено только въ самой мизерной пропорціи; послѣ чего всѣ разъѣхались; одинъ я отправился въ дежурную комнату, какъ наряженный дежурнымъ по 3-му баталіону; тутъ я спросилъ у одного офицера, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать вслѣдствіе моего наряда? Оказалось, что нужно было сперва ѣхать къ разводу, явиться тамъ дежурному по полку, а потомъ обойти баталіонъ по всѣмъ ротамъ. Я отправился къ разводу и, возвратясь, пошелъ по казармамъ. Меня, при входѣ въ каждую роту, встрѣчалъ унтеръ-офицеръ, рапортуя о благополучномъ состояніи чего-то, а чего именно—я не вслушался, потому что это

былъ первый рапортъ, принятый мною по вступленіи на службу его величества.

Пользуясь дежурствомъ, я обошелъ всѣ офицерскія квартиры, чтобы представиться моимъ будущимъ сослуживцамъ, и хотя не засталъ почти никого изъ нихъ дома, но заслужилъ чрезъ это, благодаря собственно дежурству, аттестацію благовоспитаннаго молодаго человѣка, такъ какъ другіе новички не догадались въ первый же день сдѣлать визиты старшимъ.

Тогдашній кругъ офицеровъ л.-гв. Павловскаго полка жилъ, какъ удостовѣрился я, поосмотрѣвшись въ этомъ полку, поладливо, и если не составлялъ одной плотной дружеской семьи, то и враждебныхъ отношеній не было слышно ни тогда, ни послѣ. Недостаточность средствъ къ жизни была поголовною офицерскою болѣзнью въ полку: всѣ жили почти однимъ жалованьемъ; не слышно было ни о какихъ веселыхъ сборищахъ ни дома, ни внѣ казармъ; не было въ полку ни одного представителя золотой молодежи, ни одного блестящаго дѣятеля на свѣтской аренѣ, ни одного обладателя хоть какого-нибудь рысачка. Не потому-ли весь полкъ, не исключая и штабъ-офицеровъ, состоялъ изъ холостяковъ? Трудно было пріискать охотницъ поступить въ жены на казенное жалованье; а жалованье тогда было очень умѣренное: прапорщикъ, напримѣръ, получалъ всего 440 рублей ассигнаціями въ годъ, что составляетъ на нынѣшнія (1875 г.) деньги только 130 рублей. Тутъ не на что было разгуляться или заводить жену! А что говорятъ, будто прежній ассигнаціонный рубль былъ равенъ при покупкахъ нынѣшнему серебряному, то это не болѣе, какъ словоизверженіе досужихъ людей: многіе предметы первой потребности были гораздо цѣннѣе, чѣмъ теперь: чай, напримѣръ, тогда нельзя было пить ниже 10 рублей за фунтъ и то онъ былъ хуже нынѣшняго двухъ-рублеваго; сахаръ, свѣчи были дороже теперешняго, а карманные часы, также необходимая потребность для офицера, были вчетверо дороже, чѣмъ нынче. Вздорожали преимущественно квартиры и только однѣ онѣ дошли отъ ассигнаціоннаго рубля до серебрянаго; но квартиры у офицеровъ были казенныя, каковы ужъ ни были, но все-таки были, а чаю у иныхъ прапорщиковъ не бывало по цѣлымъ недѣлямъ, о рысакахъ-же имъ не видѣлось и во снѣ.

Тогда во всемъ полку, кромѣ генеральскаго семейнаго экипажа, было всего двое дрожекъ старинной конструкціи, прозванныхъ потомъ гитарами, у которыхъ сидѣнье было продольное, такъ что первый сѣдокъ помѣщался на нихъ верхомъ, а второй садился поперекъ дрожекъ, между кучеромъ и колѣнями перваго сѣдока, а въ случаѣ своей мясистости, захватывалъ и колѣни перваго.

Одну изъ этихъ гитаръ возила сивая лошадь, принадлежавшая полковнику Мандерштерну, кому-же принадлежала другая гитара,— это покрыто мракомъ неизвѣстности; на ней выѣзжалъ каждый день Стахіевъ съ рапортомъ, ѣздилъ полковой казначей за жалованьемъ, катался домашній агентикъ, ѣздилъ, наконецъ, и самъ генералъ, — иногда одинъ, иногда съ адъютантомъ на колѣняхъ, и тогда направленіе поѣздки было непремѣнно къ Михайловскому дворцу; если-же все пространство гитары, отъ самой груди генерала вплоть до кучерской спины, наполнялось мясистыми членами Василія Никитича, то поѣздка направлялась преимущественно въ далекія Чекуши, гдѣ и отецъ-командиръ, и его сподручникъ рылись часа три въ разныхъ сырыхъ шкурахъ, отдавали ихъ въ выдѣлку, приторговывались къ шкурамъ уже выдѣланнымъ, и вслѣдствіе этого шкуро-обзорнаго процесса, сапожная статья въ Павловскомъ полку была всегда превосходная; другіе полки много приплачивали на эту статью, но все-таки не достигали сравненія съ Павловскимъ полкомъ; а Василій Никитичъ, раскраивая на солдатскіе сапоги шкуры, добытыя изъ первыхъ рукъ, умѣлъ и тутъ выкраивать маленькую экономію. Да и все хозяйство у ген. Арбузова совершалось точно такимъ порядкомъ, опровергая на каждомъ предметѣ старинную пословицу: «И дешево, да гнило!» У него, напротивъ, дѣлалось все и дешево, и мило.

Вскорѣ послѣ моего производства въ прапорщики л.-гв. Павловскаго полка, 1-й и 2-й баталіоны выступили въ турецкій походъ; съ ними ушли и командиръ полка, и маленькій Аракчеевъ, и домашній агентикъ; изъ всего главнаго созвѣздія остался дома только хозяйственный запѣвало, какъ собственный глазъ ген. Арбузова, Василій Никитичъ, на котораго были возложены и обязанности нашего казначея. Представителемъ-же полка въ Петербургѣ явился командиръ 3-го баталіона, полковникъ Августъ Егоровичъ Мандерштернъ.

Въ то-же время были назначены командующими: всѣми войсками, расположенными въ столицѣ — ген.-адъютантъ Николай Ивановичъ Демидовъ, всею пѣхотою—ген.-адъют. Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій, всѣми гвардейскими баталіонами—ген.-маіоръ Александръ Дмитріевичъ Неѣловъ.

Такимъ образомъ, моя офицерская служба началась въ отдѣленномъ отъ полка баталіонѣ, подъ начальствомъ полковника Мандерштерна, котораго я очень хорошо могъ изучить, потому что черезъ двѣ недѣли былъ назначенъ къ нему баталіоннымъ адъютантомъ, на мѣсто выбывшаго подпоручика Палибина, назначеннаго въ должность старшаго адъютанта въ дежурство къ ген. Неѣлову. Этимъ назначеніемъ я былъ обязанъ указанію офицеровъ, которымъ такъ удачно сдѣлалъ визиты по милости своего дежурства.

Полковникъ Мандерштернъ не отличался представительною наружностью: былъ маленькаго роста, съ широкими плечами, съ хохлатою головою желтаго цвѣта, съ желтыми-же громадными бровями; глаза его имѣли цвѣтъ лососинной шкуры и онъ любилъ ихъ выпучивать, чтобы казаться строгимъ начальникомъ; всегда гладко выбритое и лоснившееся лицо его напоминало цвѣтомъ недоспѣлую рябину и было все одинаково ровнаго колорита, за исключеніемъ сочныхъ губъ, которыя красовались яркостью рябины уже совершенно поспѣлой.

Передъ баталіономъ Августъ Егоровичъ былъ, какъ говорится, суета изъ суетъ; начавъ службу морякомъ, онъ пѣхотный строй зналъ не особенно густо; это, однако-жъ, нисколько не мѣшало ему, когда проходили передъ нимъ взводы, вздергивать руки надъ головою и взмахивать ими тактъ, или присѣдать на корточки, вглядываясь въ солдатскій шагъ, и уже выколачивать тактъ не жалѣя ляшекъ, или вдругъ выскакивать передъ взводъ и, скрючась въ три погибели, маршировать передъ нимъ задомъ, обозначая тактъ дрыганьемъ всѣхъ суставовъ.

Больно было видѣть, какъ хорошій человѣкъ гаерствовалъ, по указанію современной рутины, а подъ этою каррикатурною пляскою скрывался именно хорошій человѣкъ, добрѣйшій въ душѣ и честнѣйшій до ребячества во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ. Къ несчастію, любимымъ конькомъ полковника было желаніе разыгрывать постоянно роль сердитаго командира, и вслѣдствіе именно этого непонятнаго принципа, отвратительные поронцы сохранились для 3-го баталіона во всей ихъ язвительной силѣ и со всею спектакльною обстановкою. Дѣйствующихъ-же лицъ для представленія экзекуціонныхъ зрѣлищъ искать было недолго: весь баталіонъ состоялъ преимущественно изъ новобранцевъ, такъ что гвардейскихъ баталіоновъ не велѣно было посылать въ караулы, пока не пріучатся къ строю; а тогда было немыслимо приготовленіе рекрутика въ строй безъ пособія палки. Пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ, полковникъ Мандерштернъ имѣлъ возможность выѣзжать очень часто на своемъ любимомъ конькѣ: бывало, во время ружейныхъ пріемовъ, кто-либо въ строю поторопится или отстанетъ, сейчасъ-же его, раба Божія, передъ строй; изъза фронта, словно ястребы, вылетятъ два унтеръ-офицера, велятъ неопытному зѣвакѣ поставить передъ собой ружье и опереться на него руками, а сами, загнувъ ему суму на спину, примутся обнаженными тесаками отшлепывать его плашмя по мягкимъ частямъ; рекрутикъ, взвизгивая подавленнымъ голосомъ, сперва неистово втаптывается каблуками въ землю, потомъ начинаетъ вспрыгивать какимъ-то козерогомъ и, наконецъ, принимается выкидывать ногами

разныя колѣнца дрыгательнаго свойства и орать во всю глотку, пока не послѣдуетъ вожделѣнное слово: полно! Фронтъ стоитъ испуганно, съ вытянутыми лицами, имѣя въ виду всю возможность каждому запрыгать сейчасъ-же козерогомъ, а добродушный по натурѣ Августъ Егоровичъ важно приподнимаетъ голову, какъ будто говоря строго: «Видите-ли, какой я строгій, со мною не шутите!» И все это дѣлалось безъ малѣйшаго побужденія къ жестокости, безъ всякаго убѣжденія въ надобности подобной мѣры; дѣлалось такъ, развѣ только для поддержанія гнусной мысли, что будто, въ виду солдатскаго назиданія, необходимо имъ показывать почаще козло-дрыгательные спектаклики передъ строемъ.

Да трудно было тогда и не заразиться мелкому начальнику этою варварскою эпидеміею; однажды я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ генералъ Храповицкій, командовавшій 3-ю гренадерскою дивизіею, пріѣхавъ на репетицію развода одного изъ баталіоновъ своей дивизіи, послѣ перваго-же ружейнаго пріема, сказалъ:

«Тутъ мнѣ смотрѣть нечего, учите! А вотъ завтра я ужъ посмотрю по своему: приготовьте-ка палокъ!»

И такое приказаніе не показалось тогда никому дикимъ. Впрочемъ, эта палочная фраза глубоко засѣла въ мою голову, такъ что по прошествіи почти 50 лѣтъ она свѣжо припомнилась мнѣ, какъ будто сказанная вчера.

Были, однако-же, случаи, когда и Мандерштернъ злился не на шутку и выходилъ изъ себя отъ негодованія—это побѣги рекрутиковъ, что бывало довольно часто и, разумѣется, бросало тѣнь на служебное достоинство ротныхъ и баталіонныхъ командировъ. Въ то время, первый изъ службы побѣгъ, если не было никакихъ другихъ винъ, оканчивался обыкновенно прогнаніемъ сквозь строй черезъ 500 человѣкъ.

И солоны-же приходились эти 500 шпицрутеновъ трусливымъ пасынкамъ военной службы; тутъ сердитый полковникъ выказывалъ себя, что называется, на славу: онъ ѣхалъ верхомъ сзади карающаго строя, съ мѣломъ въ рукѣ, и за малѣйшее послабленіе удара ставилъ добродушному солдатику мѣловой крестъ на спинѣ; отмѣченныя спины, вслѣдъ за парадною экзекуціею, были немедленно и тутъ-же покрываемы сине-багровыми узорами отъ палокъ. Свирѣпствовавшій полковникъ обыкновенно приказывалъ мнѣ ѣхать съ другой стороны строя, вооружась тоже обличительнымъ мѣломъ; но съ моей стороны какъ-то мѣловыхъ крестовъ на спинахъ вовсе не оказывалось, за что онъ грозно сверкалъ на меня своими лососинными глазами, вылупляя ихъ до послѣдней возможности изъ орбитъ, и

даже однажды пробурчалъ себѣ подъ носъ: «Право, барышня!» Я не счелъ нужнымъ разслушать эту фразу и, съ самымъ наивнымъ участіемъ, спросилъ его: «Вы, кажется, Августъ Егоровичъ, сегодня что-то особенно не въ духѣ?» Ему, очевидно, хотѣлось захохотать и заругаться въ одно и то-же время, но онъ счелъ за лучшее кольнуть лошадь шпорами и дать отъ меня стречка: онъ побаивался немножко продолжительной со мною діалектики, что, однако-жъ, не помѣшало ему очень скоро посягнуть на мою личную свободу.

Какъ-то вечеромъ, зная, что баталіонъ на другой день рано уйдетъ на вольныя работы, я отправился, по обыкновенію, пѣхтурой на Аптекарскій островъ къ семейству Ростовцовыхъ, гдѣ очень долго въ ихъ добродушномъ обществѣ гулялъ по островамъ и, въ виду пріятнаго ужина и накрапывавшаго дождя, рѣшился остаться и ночевать на дачѣ. Утромъ я проснулся очень поздно, а потому и отправился въ казармы, позволя себѣ нанять извозчика. Весело припрыгивалъ я на тряской гитарѣ и, вдыхая весенній воздухъ полною грудью, напѣвалъ что-то, выражавшее внутреннее самодовольствіе, присущее молодости, а солнце, приближавшееся уже къ полудню, такъ и окачивало меня благодатною теплотою, электризовавшею весь организмъ мой какимъ-то животворнымъ настроеніемъ. Незамѣтно миновалъ я Каменноостровскій проспектъ, крѣпость, оканчивалъ уже Троицкій мостъ, какъ вдругъ увидѣлъ знакомую сивую лошадку, бѣжавшую трускомъ по набережной, отъ Лѣтняго сада; надъ гитарою свѣтились двѣ остроконечныя каски. Что-бы это значило? подумалъ я, и мнѣ сдѣлалось какъ-то неловко. Съѣхавъ съ моста, извозчикъ мой столкнулся почти носъ къ носу съ сивою лошадкой: на гитарѣ сидѣлъ грозный полковникъ, у него на колѣняхъ торчалъ достопочтенный капитанъ Гурбаѣтъ, оба въ парадной формѣ. Капитанъ не такъ привѣтливо, какъ обыкновенно, отвѣтилъ на мой поклонъ, а полковникъ, грозно кивая изъ стороны въ сторону остроконечнымъ головнымъ уборомъ, скривившимся на бокъ, что-то бормоталъ, очевидно, энергически, потому что заключилъ рѣчь такимъ порывистымъ жестомъ, какъ будто хотѣлъ указательный палецъ воткнуть въ небо. Сивая лошадка отправилась къ воротамъ казармъ, я—то же. Мой благосклонный Августъ встрѣтилъ меня подъ воротами положительнымъ сентябремъ: онъ приблизился ко мнѣ, очевидно, подражая командиру полка, ехиднымъ подходцемъ, уперъ мнѣ чуть не въ глаза свои желтыя брови и, казалось, хотѣлъ убить меня единымъ взглядомъ, но лососинные кружки, сколько онъ ни вылуплялъ ихъ, не могли положительно сверкнуть огнемъ тропической грозы, и новый Катонъ только покачалъ рябиноцвѣтнымъ обликомъ,

простеръ горизонтально десницу и изрекъ: «Извольте отправляться въ дежурную комнату, подъ арестъ, до утра!» Изрекъ—и потонулъ во чревѣ объемистой храмины, именуемой павловскими казармами.

Придя въ дежурную комнату, я послалъ вѣстоваго за баталіоннымъ писаремъ, чтобы узнать, наконецъ, по какому поводу и какая именно возникла безъ меня тревога? Оказалось, что ночью пріѣхалъ въ Петербургъ фельдмаршалъ графъ Сакенъ, и что утромъ, когда люди уже выходили на работы, было прислано изъ дежурства гвардейскихъ баталіоновъ приказаніе о нарядѣ къ фельдмаршалу ординарцевъ отъ нашего баталіона, которымъ и велѣно было прибыть въ Таврическій дворецъ къ 11 часамъ утра; унтеръ-офицеру и рядовому тотчасъ-же приказано готовиться, а изъ офицеровъ назначенъ въ ординарцы былъ я, не по какому-либо соображенію моихъ способностей, достойныхъ представлять параднаго ординарца, а потому, что у меня имѣлись лѣтніе штаны со штрипками, безъ тогдашнихъ штиблетныхъ окончностей, бывшихъ у панталонъ фронтовыхъ офицеровъ, а также были у меня и сапоги со шпорами; эти-то два аттрибута гардеробнаго снадобья и были нужны въ данную минуту, какъ неизбѣжная принадлежность ординарческой формы.

Въ семь часовъ утра Мандерштернъ заглянулъ ко мнѣ въ квартиру; тогда случайно былъ у меня мой старый дядька, готовый положить душу за своего барченка; такіе слуги уже вывелись въ Россіи.

«Что, еще спитъ?» спросилъ полковникъ.

— «Почиваютъ-съ», отвѣчалъ старикъ, полагая, что я скоро возвращусь домой.

«Черезъ полчаса начинай будить!», прибавилъ ранній посѣтитель, и ушелъ.

Ровно черезъ полчаса онъ явился опять и спросилъ:

«Что еще не будилъ? Ну, такъ я самъ разбужу!»

Тутъ мой старикъ признался, что меня дома нѣтъ. Полковникъ окрысился, поднялъ кулаки, заскрежеталъ зубами и убѣжалъ куда-то опрометью.

Всѣ офицеры ушли съ людьми на работы по настоянію самого-же Мандерштерна, оставался на лицо одинъ капитанъ Гурбантъ, маленькій, худенькій, болѣзненный, дышащій, такъ сказать, на ладанъ; его-то, въ неизбѣжной крайности, и долженъ былъ смятенный полковникъ завербовать въ ординарцы. Приступили къ облаченію: принесли мои сапоги со шпорами—широконьки оказались, капитанъ ихъ надѣлъ, словно чулки. Это-бы еще куда ни шло, но когда капитана Гурбанта погрузили въ мои панталоны, то они хватили ему чуть не до горла; ихъ кое-какъ подтянули сверху, обтянули съ боковъ, пере-

шивъ и окоротивъ затяжку съ пряжкою, и подшили вершка на полтора снизу; къ счастью, старикъ мой былъ хорошій портной и усердствовалъ отъ души, чтобы какъ-нибудь выручить барина изъ бѣды; все это онъ исполнилъ проворно и, по возможности, успѣшно передъ нахмуреннымъ лососиннымъ взоромъ, который сталъ понемногу проясняться, и хотя изъ почтеннаго капитана вышелъ такой невзрачный, зелено-сморщенный ординарецъ, какого, вѣроятно, не представляло фельдмаршалу ни одно войско, но все-таки ординарецъ былъ, что и требовалось доказать!

Ровно къ 11 часамъ сивая лошадка ввезла на дворъ Таврическаго дворца свою родную гитару, съ двумя пассажирами—тучнымъ и тощимъ. По счастью, фельдмаршалъ выслалъ адъютанта сказать, что онъ усталъ съ дороги и сегодня ординарцевъ принять не можетъ, но что его сіятельство желалъ-бы ихъ видѣть завтра, въ эти-же самые часы. Мандерштернъ воскресъ, Гурбантъ придержалъ рукою сползавшія панталоны, и оба пассажира сивой лошадки отправились во своясн прежнимъ порядкомъ; дорогою они сознались другъ другу, что поѣздка ихъ завершилась полнѣйшимъ успѣхомъ. Я досадовалъ на себя до грусти, тотчасъ-же написалъ къ Гурбанту самую теплую извинительную записку въ моей неосторожности, какъ человѣку, стоившему вполнѣ человѣчныхъ отношеній и уваженія, потомъ, успокоившись немного, я велѣлъ принести въ дежурную комнату свою рисовальную доску, съ наклеенною на ней картиною, и шкатулку съ красками; я тогда рисовалъ что-то акварелью; но полковникъ, встрѣтя на дворѣ казармъ эти артистическія принадлежности, оборотилъ ихъ назадъ и самъ пришелъ ко мнѣ. Тутъ онъ прочиталъ мнѣ длиннѣйшую рацею на тему, что такое лицо, какъ баталіонный адъютантъ, не долженъ оставлять своей квартиры безъ распоряженія, чтобы его можно было отыскать въ каждую данную минуту, и проч., и проч.; въ заключеніе онъ принялъ такую свирѣпую позу, что я сталъ опасаться, чтобы онъ не разразился какимъ-нибудь невѣжествомъ, но онъ только повелительно прогремѣлъ:

— «Извольте, сударь, отправляться въ свою квартиру и быть въ ней подъ арестомъ до утра!»

Онъ исчезъ, а я невольно разинулъ ротъ отъ удивленія, по поводу строгости позитуры и тона при объявленіи полковникомъ такой совсѣмъ не строгой вещи.

Придя домой, я уже не захотѣлъ рисовать и завалился на боковую до самаго обѣда. Старикъ мой все еще побаивался, чтобы фельдмаршалъ не посадилъ меня какъ-нибудь въ крѣпость. О, патріархальная простота, но простота задушевная! гдѣ ты?

Вечеромъ, когда я сидѣлъ за самоваромъ, ко мнѣ вошелъ неожиданно полковникъ; я было хотѣлъ надѣть сюртукъ, но онъ не допустилъ и, присѣвъ къ столу, объявилъ, что я долженъ завтра явиться къ фельдмаршалу въ качествѣ ординарца; я поклонился въ знакъ того, что понялъ приказаніе, и предложилъ непрошенному гостю стаканъ чаю, который тотчасъ-же налилъ и дополнилъ отличнымъ ромомъ, вытащеннымъ изъ погребца, въ граненомъ флаконѣ. Полковникъ сдѣлалъ замѣчаніе, что ромъ въ прапорщичьемъ чинѣ не полагается; я отвѣчалъ, что держу его на случай простуды и для почетнаго гостя; онъ выпилъ стаканъ молча, всталъ и, кивнувъ мнѣ головою, пошелъ, но, взявшись уже за ручку дверного замка, оборотился и сказалъ:

— «Если вамъ нужно и нынѣшній вечеръ провести гдѣ-нибудь, то я не препятствую, только помните распоряженіе на завтрашнее утро».

Я отвѣчалъ, что было-бы съ моей стороны неделикатно воспользоваться такъ скоро его снисходительностью послѣ моей недавней вины. Онъ выпучилъ на меня свои лососинные кружки, долго и неподвижно наблюдалъ меня и, наконецъ, ни къ селу, ни къ городу, процѣдилъ сквозь зубы: «Щеголь!» и ушелъ. Я проводилъ его до выходныхъ дверей, которыя старикъ мой распахнулъ настежь.

На слѣдующее утро, ординарцы въ Таврическомъ дворцѣ были представлены съ отличнымъ успѣхомъ. Фельдмаршалъ былъ особенно привѣтливъ: онъ, обратясь къ Мандерштерну, говорилъ очень долго, припоминалъ заслуги Павловскаго полка, спросилъ меня, изъ какой я губерніи, гдѣ воспитывался, давно-ли корпусъ въ Москвѣ, откуда переведенъ и гдѣ основанъ?—и на все получилъ удовлетворительные отвѣты. Словомъ, все обстояло благополучно до того, что колоритъ лица Мандерштерна сдѣлался нѣсколько цвѣтистѣе обыкновеннаго.

Послѣ моего полу-комическаго ареста, я сталъ строже къ себѣ относительно своей должности; къ эполетамъ я уже привыкъ, служебная жизнь моя потянулась невозмутимо, день исчезалъ за днемъ, не представляя ничего интереснаго; сходили, въ свое время, въ лагерь подъ Красное-Село и пришли назадъ, точнехонько такъ-же, какъ многія тысячи военныхъ личностей ходили туда и вернулись обратно. Все было тихо, пока не послѣдовало приказаніе готовить гвардейскіе баталіоны къ разводамъ по 1-му отдѣленію, въ высочайшемъ присутствіи. Вотъ тутъ-то мой желтобровый «суета изъ суетъ» ударился уже въ суету всяческую, и доказалъ это нагляднѣйшимъ образомъ при первомъ-же разводѣ своего баталіона, а именно: когда выровненный окончательно баталіонъ держалъ ружье подъ прикладъ,

въ ожиданіи высочайшаго прибытія, и когда махальный закричалъ: «Государь императоръ изволитъ ѣхать!»—Мандерштернъ тотчасъ-же, ни дай, ни вынеси, скомандовалъ: «Ружье къ ногѣ!». По этой командѣ одни сдѣлали на караулъ, другіе опустили ружья къ ногѣ; генералъ Храповицкій закричалъ, чуть не на весь экзерциргаузъ: «Что онъ дѣлаетъ, сумасшедшій!» По счастью, входная дверь еще не отворилась; баталіонъ, внушенный офицерами, быстро взялъ на плечо; Мандерштернъ пришелъ въ себя, и когда въ воротахъ распахнулась извѣстная калитка и въ ней показался государь императоръ, то раздалась, какъ слѣдуетъ, команда: «Слушай! На кра-улъ!». Грянула музыка и все пошло своимъ чередомъ.

Мнѣ въ этотъ день предстояло разыгрывать роль солиста передъ самымъ лицомъ государя, котораго я имѣлъ счастіе увидѣть вблизи только во второй разъ: я, за отсутствіемъ полковаго адъютанта, долженъ былъ командовать разводомъ. Признаюсь, что я ни живъ, ни мертвъ стоялъ передъ всемогущею фигурою императора. Но, Господи, прости мои великія согрѣшенія, не боги-же горшки дѣлаютъ! подумалъ я, и выпелъ съ честью изъ перваго служебнаго испытанія въ высочайшемъ присутствіи.

Разводъ удался: пожаловано было по рублю, по фунту и по чаркѣ на человѣка; когда я сообщилъ объ этомъ своему полковнику, передавъ ему пароль, то онъ тогда только смогъ поправить съѣхавшую совсѣмъ на затылокъ каску, и только тутъ, въ первый разъ отъ начала развода, перевелъ духъ нормальнымъ образомъ.

Около того-же времени въ Павловскихъ казармахъ произошелъ ночной переполохъ: въ первомъ часу, все живущее тамъ стало на ноги, при зловѣщемъ крикѣ: «пожаръ!» Всѣ выбѣжали на воздухъ разузнать—гдѣ и что горитъ. Дымилась, какъ сопка, трехъ-этажная башня на первомъ казарменномъ дворѣ, устроенная для помѣщенія ретирадныхъ мѣстъ: что̀ именно горѣло въ ней, еще не было извѣстно, однако-же, пожаръ былъ неизбѣженъ, потому что башня была деревянная, проконопаченная паклею и, сверхъ того, вся обшита смоленными досками; огонь, по всѣмъ вѣроятіямъ, скрывался гдѣнибудь за обшивкою. Мандерштернъ послалъ меня извѣстить объ этомъ Николая Ивановича Демидова. Я въ минуту былъ готовъ; но, на бѣду мою, не могъ докликаться извозчика; въ то самое время, какъ я дралъ понапрасну горло, догадливый кучеръ полковника подвелъ мнѣ мою верховую лошадь; я-бы расцѣловалъ его на мѣстѣ за такую смѣтливость, но было некогда, и я полетѣлъ на Васильевскій островъ. Демидовъ жилъ тогда въ зданіи перваго кадетскаго корпуса, вверху, гдѣ нынѣ (1875 г.) помѣщается главное управленіе военно-

учебныхъ заведеній. Я прискакалъ къ подъѣзду со двора, который обнесенъ теперь чугунною рѣшоткою, привязалъ кое-какъ лошадь къ одному изъ двухъ фонарей, стоявшихъ у самаго подъѣзда, и вбѣжалъ на верхъ. Къ крайней моей радости, прихожая была освѣщена; въ ней сидѣлъ дремавшій лакей, а въ комнатахъ раздавалась визготня скрипки. Я, сообщивъ наскоро причину моего пріѣзда, просилъ доложить генералу; человѣкъ ушелъ, а я въ щель недотворенныхъ дверей увидѣлъ, какъ Николай Ивановичъ пробѣжалъ черезъ залъ въ одной очень длинной рубашкѣ и со скрипкою въ рукѣ. Человѣкъ, доложившій обо мнѣ, шмыгнулъ черезъ прихожую; я было хотѣлъ остановить его, но онъ, проговоривъ на бѣгу: «карету велѣно подавать!» — стремглавъ исчезъ на лѣстницѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ меня позвали къ генералу: онъ уже надѣлъ мундиръ и, торопливо застегивая пуговицы и выправляя ордена, спрашивалъ меня отрывисто, что такое случилось? Потомъ, застегнувъ послѣднюю пуговицу, побѣжалъ въ переднюю; камердинеръ бѣжалъ возлѣ него, неся шпагу, шляпу съ перчатками и фуражку; я бѣжалъ за ними слѣдомъ; лѣстница и подъѣздъ уже были ярко освѣщены. Николай Ивановичъ, осторожно спускаясь по ступенькамъ, вдѣлъ шпагу въ портупею, надѣлъ фуражку и взялъ въ руки шляпу съ перчатками; на послѣдней площадкѣ швейцаръ накинулъ на него шинель. Карета стояла уже у крыльца. «Ѣдемъ вмѣстѣ!» сказалъ онъ мнѣ, и потомъ, оборотясь къ стоявшему на подъѣздѣ старшему адъютанту дежурства кадетскихъ корпусовъ, подполковнику Свѣтлову, закричалъ ему, указывая на мою лошадь:

— «Что, батюшка, изволишь попусту глазами-то хлопать! Не видишь, что-ли? Вели принять, да отвести въ павловскія казармы!»

Мы понеслись во весь духъ; я невольно побаивался за прочность экипажа. Дорогою Демидовъ разспрашивалъ кое-что относительно пожара; онъ все время поминутно крестился и, перекрестясь, каждый разъ хватался за который-нибудь изъ своихъ орденовъ. Мы подкатились къ главнымъ воротамъ казармъ; Демидовъ выскочилъ, швырнувъ шинель и фуражку лакею и неся въ рукахъ свою шляпу, которую надѣлъ уже подъ воротами.

Первый казарменный дворъ, ярко озаренный огнемъ, бѣгавшимъ волнами по обшивкѣ башни, былъ наполненъ пожарными и работающими солдатами, изъ среды которыхъ раздавался громкій и внятный голосъ государя императора, приказывавшаго что-то оберъ-полиціймейстеру. Демидовъ, немного скрючась, побѣжалъ на этотъ всемогущій голосъ, который отозвался тутъ-же словами:

— «Николай Ивановичъ, не бѣгай!»

Войдя на освѣщенный дворъ, я увидѣлъ, что крыша надъ верхнею галлерейкою, соединявшею казарменный чердакъ съ чердакомъ башни, была совершенно разобрана; отъ нея остались только продольныя балки, да отверстіе на казарменной крышѣ; въ этомъ-то отверстіи, на одной изъ балокъ, утвердился полковникъ Мандерштернъ, въ крайне головоломномъ положеніи; онъ былъ безъ сюртука, въ рукахъ держалъ мѣдный наконечникъ отъ рукава какой-то пожарной трубы, и дѣйствовалъ имъ такъ отчаянно, что языки огня, лизавшіе оконечности балокъ изъ-подъ башенной кровли, видимо укорачивались и вскорѣ совсѣмъ перестали высовываться. Я схватилъ у стоявшаго на дворѣ полковничьяго-же кучера его кушакъ и побѣжалъ на верхъ, думая подхватить имъ полковника подъ мышки и поручить солдатамъ держать концы кушака, чтобы не допустить полковника до паденія, если-бы онъ пошатнулся и потерялъ равновѣсіе, но уже не засталъ его на опасномъ посту. Мандерштернъ имѣлъ личный интересъ такъ самоотверженно усердствовать: противъ загорѣвшейся башни, на казарменномъ чердакѣ, хранилось нѣсколько десятковъ тысячъ солдатскихъ патроновъ, и если-бы огонь какъ-нибудь пробрался на чердакъ, то храбрый полковникъ, уцѣлѣвшій отъ паденія внизъ, могъ очень легко полетѣть кверху, хотя онъ и не былъ ни душой, ни тѣломъ виноватъ въ несвоемѣстномъ храненіи патроновъ,—это все накуралесилъ Василій Никитичъ; за то онъ, признавъ себя грѣшнымъ и недостойнымъ даже взглянуть на пожаръ, забился въ самый отдаленный уголъ своей квартиры, гдѣ стоялъ на колѣняхъ передъ образомъ и усердно колотился лбомъ о полъ, моля Бога, чтобы пороховая буря не разразилась надъ его грѣховною головою.

Между тѣмъ, на казарменный дворъ въ ворота нахлынули бочки съ водою и начали окачивать виновницъ тревоги такими жирными душами, что наружный огонь мигомъ погасъ, а изнутри башни закричали рабочіе, что пожаръ можно считать прекращеннымъ, но они еще оставались тамъ для наблюденія по разнымъ щелямъ.

Вскорѣ все разошлось и успокоилось. Я отправился въ канцелярію заготовить свѣдѣнія въ разныя начальственныя мѣста, отдалъ ихъ переписывать и, приказавъ принести для подписи къ себѣ на квартиру, пошелъ домой; на дворѣ встрѣтился мнѣ какой-то кучеренокъ, съ моею верховою лошадью; замѣтя на галлереѣ своего старика, поджидавшаго моего возвращенія, я поручилъ ему отвести лошадь на конюшню къ ея обычному кормильцу и поильцу, а самъ зашелъ спровѣдать Мандерштерна.

«Что, еще не легли?» спросилъ я у чистившаго сапоги лакея.

— «Нѣтъ, еще не легли!» закричалъ изъ другой комнаты самъ

полковникъ, и отворилъ мнѣ дверь; онъ, въ одномъ бѣльѣ и въ гарусныхъ туфляхъ на босу ногу, шагалъ по комнатѣ.

— «Вы сегодня, Августъ Егоровичъ, очень усердно и не безъ риска отправляли должность смѣльчака пожарной команды», сказалъ я.

Онъ остановился передо мною, совершилъ обычное вылупленіе глазъ и произнесъ крайне драматически:

— А знаешь-ли ты, неопытный птенецъ, что̀ такое было на казарменномъ чердакѣ противъ проклятой башни?

— Знаю, отвѣтилъ я.

— Ну, такъ и знай, да помалчивай.

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку; это было первое задушевное «ты», сказанное мнѣ сердитымъ начальникомъ. Я заявилъ, что не лягу спать, пока не разошлю всѣхъ нужныхъ свѣдѣній.

— Пожалуйста, не присылай только ничего подписывать ко мнѣ, я положительно одурѣлъ и ничего не пойму.

Я ушелъ.

Во время службы моей въ 3-мъ баталіонѣ, я однажды имѣлъ счастье быть смѣненнымъ на служебномъ посту лично августѣйшимъ шефомъ нашего полка цесаревичемъ, въ послѣдствіи императоромъ Александромъ Николаевичемъ; этотъ, вѣроятно, единственный случай совершился слѣдующимъ образомъ: въ 1829 году, въ праздникъ Богоявленія Господня, послѣ водосвятія на Невѣ, я относилъ знамя въ Зимній дворецъ; въ нынѣшнемъ Петровскомъ залѣ встрѣтился мнѣ государь Николай Павловичъ, шедшій изъ Гербоваго зала вмѣстѣ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ. Поздоровавшись со знаменщикомъ, государь сказалъ:

— «Подпоручикъ Романовъ, примите знамя и отнесите на мѣсто».

Я остановился и отступилъ въ сторону; его высочество изволилъ надѣть каску, взялъ подъ козырекъ и, ставъ на мое мѣсто, понесъ знамя черезъ Гербовый залъ въ портретную галлерею; государь въ это время сорвалъ съ головы небольшую накладку и швырнулъ ее въ тулью своей шляпы. Комендантъ Башуцкій, вошедшій въ другія двери и видя распоряженіе государя съ своею накладкою, счелъ весьма замысловатою любезностью снять, при встрѣчѣ съ государемъ, свой хохлатый парикъ, причемъ не преминулъ распространить лицо свое въ самую широчайшую улыбку. Государь милостиво кивнулъ ему и направился къ малому аванъ-залу.

Я прошелъ въ Георгіевскій залъ, чтобы наблюсти, исправно-ли подастъ знаменщикъ темлякъ его высочеству для перевязки знаменнаго полотна; все было исполнено съ точностью, и 10-лѣтній августѣйшій шефъ нашъ, въ подпоручичьемъ мундирѣ л.-гв. Павловскаго

полка, изволилъ поспѣшить по слѣдамъ державнаго своего родителя къ внутреннимъ покоямъ.

Тутъ, считая свои служебныя обязанности оконченными, я деликатно освѣдомился у камеръ-лакея: гдѣ находится то вожделенное вмѣстилище, въ которомъ сервированъ завтракъ для адъютантовъ, бывшихъ на Невѣ со знаменами? Мнѣ указали; я вошелъ, и какъ понятно всякому, не остался праздднымъ тамъ, гдѣ все такъ пріятно льстило обоюду—вкусу и обонянію.

IV.

Наконецъ, воротился изъ похода и полкъ, ознаменовавъ свое прибытіе крайнимъ стѣсненіемъ офицерскихъ квартиръ. Мои товарищи по выпуску принесли въ память о турецкой войнѣ по серебряной медали на груди и по желѣзной обузѣ разныхъ долговыхъ счетовъ на шеѣ. Съ прибытіемъ полка, главное полковое созвѣздіе тотчасъ-же вступило, по прежнему, въ свои права и обычаи, и все пошло заведеннымъ порядкомъ, по указанной и однообразной дорогѣ военно-мирной жизни.

Весною 1830 года я заболѣлъ очень серьезно перемежающеюся лихорадкою; Я. И. Ростовцовъ выпросилъ у ген. Арбузова увольненіе меня отъ лагеря, чтобы взять къ себѣ на дачу для леченья. Я передалъ свою верховую лошадь назначенному исправлять мою должность барону Дельвигу и просилъ Мандерштерна, чтобы меня не отчисляли изъ баталіонныхъ адъютантовъ во время моей болѣзни; но когда полковникъ доложилъ объ этомъ генералу, то маленькій Аракчеевъ замѣтилъ, что офицеръ, въ чинѣ прапорщика, не долженъ и смѣетъ заболѣвать во время лагеря; полковому командиру, вѣроятно, показался очень логичнымъ такой выводъ его сподручника,—и я тутъ-же былъ отчисленъ.

1830 годъ тянулся крайне безцвѣтно до конца ноября мѣсяца, какъ вдругъ, и не въ табельный день, 19 числа, приказано было собраться къ разводу офицерамъ всей гвардіи; въ разводъ былъ выведенъ одинъ изъ баталіоновъ л.-гв. Московскаго полка. Никто не зналъ причины офицерскаго сбора и все, казалось, шло обыкновеннымъ порядкомъ.

По окончаніи развода, государь, Николай Павловичъ, выѣхавъ нѣсколько впередъ, сказалъ: «Господа офицеры, пожалуйте ко мнѣ!» Офицеры приложили руки къ шляпамъ, но съ перваго раза не поняли приказанія. «Окружите меня!» прибавилъ государь. Офицеры довольно

робко приблизились со всѣхъ сторонъ. Государь объявилъ о возмущеніи въ Варшавѣ, объ опасности, которой подвергался великій князь Константинъ Павловичъ, объ убійствѣ лицъ близкихъ и преданныхъ его высочеству. «Я уже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы указанныя мною войска двинулись къ Варшавѣ, а если будетъ нужно, то пойдете и вы!» При этомъ словѣ петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ крикнулъ: «Ура!». Офицеры какимъ-то неистовымъ воплемъ подхватили этотъ крикъ и нахлынули на государя уже безъ малѣйшаго стѣсненія; въ этотъ моментъ лошадь подъ государемъ, почему-то, вдругъ опустилась на переднія ноги, а потомъ и на заднія, такъ что государь, продолжая сидѣть верхомъ, касался шпорами земли.

Услыша офицерскій крикъ, московскій баталіонъ, стоявшій послѣ развода, какъ и всегда, въ углу экзерциргауза и не знавшій положительно, что̀ передъ нимъ происходитъ, тоже рявкнулъ «ура!» Крикъ этотъ фактически оправдалъ характеристику русскаго строя, въ которомъ офицеры даютъ камеръ-тонъ всей массѣ: если офицеръ закричитъ ура—и солдатъ не побережетъ горла; если офицеръ, очертя голову, кинется на батарею—и солдатъ не пожалѣетъ лба; а спросите у него—по какому побужденію онъ дѣйствуетъ такимъ образомъ? «Офицерству такъ угодно!» отвѣтитъ онъ, безъ всякихъ умствованій.

А между тѣмъ, офицеры продолжали толпиться вокругъ государя; цѣловали его со всѣхъ сторонъ, цѣловали колѣни, ловили руки и стиснули до того, что верхняя фалдочка у самой таліи государева мундира оказалась оторванною вершка на полтора. «Ну, полноте, полноте, господа! Довольно!» сказалъ государь мягко, но повелительно. Офицеры нѣсколько отступили. Его величество поднялъ на ноги лошадь и поѣхалъ шагомъ къ воротамъ, прикладывая поминутно къ глазамъ носовой платокъ.

Тутъ вся масса офицеровъ накинулась на великаго князя Михаила Павловича. Его высочество растерялся: шляпа его свалилась назадъ и повисла на шеѣ, на ремешкѣ; султанъ вылетѣлъ подъ ноги офицеровъ, тѣснившихъ его со всѣхъ сторонъ. Его высочество хотѣлъ казаться недовольнымъ: насупился, покраснѣлъ и кричалъ: «Что это съ вами, господа! Что вы дѣлаете? Перестаньте!» А между тѣмъ, самъ цѣловалъ каждаго, кто приближался къ его сердитымъ бровямъ. Толпа офицеровъ, стиснувъ между собой великаго князя, придвинула его высочество къ самому государю, освободила его отъ шляпнаго ремешка, вложила на мѣсто полурастрепанный черный султанчикъ, разступилась на обѣ стороны, приложивъ руки къ шляпамъ, и открыла широкій проходъ къ государю. Его величество, надѣвая шинель, еще разъ милостиво кивнулъ всѣмъ намъ и протянулъ руку

къ брату. О, какъ знаменательно посмотрѣли августѣйшіе братья другъ другу въ глаза!—и отбыли вмѣстѣ.

Уже караулы московскаго баталіона давно расползлись по городу, а гвардейскіе офицеры все еще оставались въ экзерциргаузѣ, громко толкуя въ разныхъ кучкахъ о происшедшемъ передъ ихъ глазами: всѣмъ хотѣлось идти въ походъ и всѣ держались того мнѣнія, что гвардія пойдетъ непремѣнно. Пророчество ихъ оправдалось: вскорѣ приказано было готовиться къ выступленію.

Обрадованный предстоявшимъ походомъ, я, однако-жъ, сильно сконфузился, ощупавъ съ точностью свой карманъ; надобно было сочинить благополучный исходъ изъ денежнаго затрудненія. Я обратился къ своей задушевной любимицѣ—литературѣ; но до 1834 года ни одна редакція не платила денегъ за статьи, печатаемыя въ періодическихъ изданіяхъ. Оставалось одно: составить и издать книгу въ двухъ-мѣсячный срокъ. Легко сказать! А пойдетъ-ли еще она? Но смѣлымъ Богъ владѣетъ! Я толкнулся къ нѣкоторымъ литературнымъ пріятелямъ за статьями, принялся усердно работать самъ,—и къ половинѣ декабря (1830 г.) напечаталъ дѣтскій альманахъ, подъ названіемъ «Утренняя заря».

Тогдашніе добродушные книгопродавцы: Сленинъ, Смирдинъ, Глазуновъ и Заикинъ купили разомъ все изданіе, 1,200 экземпляровъ, съ уступкою трети объявленной цѣны, и заплатили тотчасъ-же наличными деньгами.

Я съ удовольствіемъ узналъ послѣ, что къ слѣдующей святой недѣлѣ уже не было ни одного экземпляра моего альманаха въ продажѣ; слѣдовательно, книгопродавцы не потеряли своего; а я, между тѣмъ, купилъ двухъ лошадей—верховую и вьючную, обзавелся необходимыми вещами для зимняго похода и, сверхъ того, привѣсилъ себѣ на шею не совсѣмъ жиденькій мѣшочекъ съ новенькими червонцами.

V.

1-й и 3-й баталіоны выступили въ польскій походъ въ самомъ концѣ декабря и встрѣтили новый 1831 годъ въ Кипени.

Полкъ направился по шоссе на Ригу и Ковно и шелъ по-ротно. Ген. Арбузовъ каждый день обгонялъ всѣ роты на походѣ, прилежно всматриваясь: не терпѣлъ-ли кто-нибудь изъ солдатъ отъ зимняго похода; приказывалъ отправлять слабыхъ немедленно въ полковой штабъ, гдѣ лично распоряжался удобствами для помѣщенія больныхъ и слабыхъ и гдѣ никогда не было недостатка въ подводахъ для перевозки ихъ, пока поправятся.

Роты имѣли ночлеги по деревнямъ вблизи главнаго пути, на который и выходили съ разсвѣтомъ для слѣдующаго перехода.

Я, назначенный исправлять временно должность адъютанта въ 1-мъ баталіонѣ, шелъ до Риги съ ротою его высочества, а отъ Риги до Ковны былъ полковымъ квартиргеромъ. Вотъ тутъ-то натерпѣлся я отъ заботливаго полковаго командира му́ки, что называется, по самое горло! Онъ, обыкновенно, обогнавъ роты, пріѣзжалъ въ полковой штабъ не къ себѣ на квартиру, а въ полковой лазаретъ, гдѣ находилъ все не довольно исправнымъ: то нехорошъ воздухъ, то мало соломы, то недостаточно тепло; я однажды получилъ распеканцію за то, что на занятой штабомъ мызѣ была нехороша вода, какъ будто я въ состояніи былъ перемѣнить мызу или улучшить воду; словомъ—онъ поѣдомъ ѣлъ меня; но за то, надо сказать правду, и кормилъ на отвалъ, хотя не изысканными блюдами; я-же, съ своей стороны, не смѣя выказаться генералу существомъ зубастымъ, притуплялъ изощренные зубы на его съѣдобныхъ припасахъ и уничтожалъ ихъ со всею алчностью пранорщичьяго желудка на походѣ; а какъ желудокъ есть резервуаръ всей человѣческой организаціи, то успокоенный резервуаръ сообщалъ нѣкоторое спокойствіе и нервамъ, по крайней мѣрѣ на остатокъ дня.

Время двигалось, какъ двигался и полкъ, совершая въ урочные часы свои дневные обиходы. Около генерала появился новый офицеръ-агентикъ, собственно по мясной части: гдѣ, какимъ способомъ, по какой цѣнѣ онъ добывалъ телятъ, барановъ, свиней и разное другое мясо?—это знали только онъ, да генералъ, который очень благоволилъ къ мясному агентику, и за его телячье усердіе чуть было не украсилъ его анненскою шпагою съ надписью «за храбрость».

Одинъ случай изъ походной жизни глубоко врѣзался въ мою память. Это было во время дневки на какой-то очень красивой мызѣ.

Подъ конецъ дня, проведеннаго на отдыхѣ, генералъ и всѣ штабные пошли осматривать, отъ нечего дѣлать, мызныя строенія и увидѣли превосходную русскую баню, облицованную внутри липовыми досками.

«Вотъ-бы гдѣ попариться-то!» вскричалъ генералъ.

— «Я было и думалъ вчера, отвѣтилъ мясной агентикъ,—да тутъ остались только ванны да котлы, а чаны и бочки владѣлецъ перевезъ въ другую усадьбу; положительно не въ чемъ было навозить воды, а вода съ полверсты отсюда».

— «Жаль, жаль, жаль!» воскликнули всѣ по очереди, и пошли далѣе.

Когда-же генералъ отошелъ отъ бани, то одинъ старикъ-гренадеръ, изъ роты его высочества, сказалъ:

«Эхъ! не грѣшно-ли его превосходительству не объявить было объ этомъ вчера съ прихода: наша рота манерками могла-бы наносить столько воды, что ее хватило-бы на вымывку не только самому генералу, но и всему офицерству. Грѣшно, право! Неужели у начальства пропала и вѣра въ наше усердіе къ нему?».

Этотъ задушевный возгласъ добряка-гренадера былъ произнесенъ такъ, что, очевидно, составлялъ не единичный его вызовъ но мнѣніе цѣлой массы; въ этомъ добродушномъ вызовѣ ясно сказались и привязанность къ полковому командиру, и уваженіе къ значенію офицерства. Такъ дѣйствительно и было въ полку. Не случилось мнѣ подмѣтить ни разу за павловскимъ солдатомъ, чтобы онъ какимъ-нибудь движеніемъ или даже взглядомъ выразилъ что-нибудь похожее на ослушаніе противъ старшаго; а что всего важнѣе, такъ это именно то, что подобное достоинство онъ сохранялъ за собою одинаково и въ казармахъ, и въ мирномъ лагерѣ, и въ походѣ, и на боевомъ бивуакѣ, и подъ самыми ядрами. Эта невозмутимая ни чѣмъ ровность дисциплинарныхъ отношеній солдата къ офицеру и составляетъ завидную характеристику или, вѣрнѣе, духъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, и это не какое-нибудь переходное явленіе, навѣянное временно благопріятными обстоятельствами,—это коренная закваска полка, наслѣдственный его фундаментъ, къ которому онъ приросъ. Лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ не умѣетъ ни понимать, ни слушать никакихъ зловредныхъ внушеній; все не освященное законностью отскакиваетъ отъ него безслѣдно, какъ отъ стѣны горохъ. Остроконечныя шапки способны окружить своимъ несокрушимымъ палисадомъ только то, что укажетъ имъ одна законная власть. И тогда уже эти продырявленныя пулями шапки не уронятъ ни своей боевой славы, ни

своего наслѣдственнаго сокровища—разумной дисциплины, вошедшей въ кровь и мозги цѣлаго полка.

Но далѣе. Приблизясь къ Ковнѣ, полкъ расположился на тѣсныхъ квартирахъ; велѣно было выставить пикеты. Не такой былъ полковой командиръ ген. Арбузовъ, чтобы не удостовѣриться лично въ исправности этихъ пикетовъ; вотъ онъ и отправился однажды осматривать ихъ верхомъ, такъ какъ начавшаяся распутица не дозволяла употребленія экипажей; съ нимъ отправились оба командира баталіоновъ, Стахіевъ и я; за нами плелся долговязый полу-старикъ въ деньщичьей формѣ, по имени Иванъ Алексѣевъ, неизмѣнный спутникъ генерала въ походахъ и маневрахъ, когда тотъ являлся верхомъ. Иванъ Алексѣевъ былъ нѣчто въ родѣ генеральскаго коннаго маркитанта; онъ ѣздилъ всегда на рыжемъ конѣ почтеннаго возраста, который самъ видѣлъ много такого, что маленькій Аракчеевъ зналъ по преданію. Въ огромныхъ кобурахъ при сѣдлѣ Ивана Алексѣева помѣщалось отнюдь не убійственное огнестрѣльное оружіе, но предметы болѣе полезные для человѣчества, какъ-то: разнаго рода испивомое и съѣдобное, весьма достаточное для заморенія червяка на перепутьи, а также и принадлежности для курева.

Проѣзжая по грязной дорогѣ, окаймленной лѣсочкомъ, ген. Арбузовъ, ѣхавшій впереди, вдругъ остановилъ своего Буцефала: онъ увидѣлъ на пути трехъ всадниковъ.

— Александръ Александрычъ, кракуссы! возопилъ онъ.

— Какіе кракуссы! Это прусскій офицеръ съ двумя провожатыми, замѣтилъ Стахіевъ, приближаясь къ генералу.

— Видно, во снѣ вамъ пригрезился прусскій офицеръ! Откуда ему взяться и для чего онъ тутъ будетъ! завопилъ генералъ на Стахіева.

— Пруссія не за горами. Возвращается откуда-нибудь верхомъ по распутицѣ—вотъ и все. Я очень ясно вижу, что у провожатыхъ привязаны по бокамъ чемоданы, а на немъ киверъ прусской формы.

— А киверъ-то ему тутъ на коего чорта?

— Да потому, быть можетъ, что его гораздо удобнѣе везти на головѣ, чѣмъ въ чемоданѣ.

— Ну, васъ, прости Господи, и съ чемоданами-то! занылъ генералъ.

— Да вглядитесь хорошенько, ваше пр—во, какіе-же это кракуссы! закричалъ Стахіевъ: пріощетинясь, и отъѣхалъ въ сторону.

Тутъ генералъ, пристально воззрившись, направился шагомъ на встрѣчу офицеру; онъ снялъ свою клеенчатую треуголку, перекрестился, опять надѣлъ ее и, протянувъ руку офицеру, громко закричалъ:

«Руссишенъ и пруссишенъ брудеры!» Тотъ учтиво поклонился, почтительно отвѣтилъ на пожатіе руки, вновь поклонился и, взявъ подъ козырекъ, отправился далѣе; сопровождавшіе его вѣжливо приподняли фуражки.

Ген. Арбузовъ простоялъ съ минуту неподвижно, глядя вслѣдъ уѣзжавшимъ и потомъ запѣлъ:

«Иванъ Алексѣевъ!»

Онъ обыкновенно выпѣвалъ это имя не хуже деревенскаго дьячка.

Рыжій конь съ Иваномъ Алексѣевичемъ очутился возлѣ генерала. «Сигару!» скомандовалъ его пр—во. Конный маркитантъ, съ привычною ловкостью досталъ и обезглавилъ толстую сигару, досталъ огниво и кремень, оторвалъ кусокъ трута и, зажегши его по второму удару, подставилъ къ генеральскому носу на кремешкѣ, вмѣсто блюдечка. Раскуривъ сигару, генералъ направился къ своей квартирѣ; онъ ѣхалъ впереди, одинъ, вѣроятно, разсуждая, какъ легко для умнаго человѣка справиться съ нѣмецкимъ языкомъ. Онъ, казалось, остался очень доволенъ своимъ объясненіемъ съ нѣмцемъ и былъ особенно въ духѣ, а это легко было понять изъ того, что онъ курнякалъ себѣ подъ носъ любимую пѣснь, въ которой говорилось что-то объ «улицѣ Фурштатской». Эту пѣсню онъ усвоилъ еще въ омутѣ Дворянскаго воспитанія; ее дворяне очень любили пѣть хоромъ, возвращаясь изъ лагеря.

Въ полковомъ штабѣ мы узнали, что въ Ковну прибылъ великій князь Михаилъ Павловичъ, а дня черезъ три полкъ нашъ двинулся черезъ Ковну, по направленію къ Ломжѣ и Остроленкѣ.

Между Ломжею и Остроленкою, я, какъ исправлявшій должность адъютанта въ 1-мъ баталіонѣ, т. е. офицеръ, имѣвшій верховую лошадь, былъ назначенъ, по очереди, въ ординарцы къ начальнику 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи генералу Ушакову; я прибылъ и явился въ дивизіонный штабъ въ 10 часовъ утра, не припомню, въ какое именно мѣсто, знаю только, что мнѣ приказано было помѣститься гдѣ-нибудь и быть на готовѣ; однако-жъ, приличнаго для помѣщенія мѣста, подъ названіемъ «гдѣ-нибудь», въ дивизіонной квартирѣ не оказалось, и я пріютился на полуразрушенномъ крылечкѣ стараго амбара, будучи доволенъ и тѣмъ, что оно согрѣвалось солнцемъ. Часовъ около трехъ пополудни, въ генеральскую квартиру пронесли большую кастрюлю и нѣсколько блюдъ, а за ними пошли туда-же и штабные чины. Я ждалъ, что меня, по крайней мѣрѣ, накормятъ, но весьма ошибся: этой чести для ординарцевъ у генерала Ушакова не полагалось. Меня не пригласили, и я, получившій формальное приказаніе помѣститься гдѣ-нибудь, долженъ былъ уже безъ всякаго приказанія питаться чѣмъ-нибудь.

Лошадь моя была счастливѣе меня: на дворѣ появился какой-то казакъ, притащившій своему коню охабку сѣна; я далъ ему злотъ и онъ охотно допустилъ мою лошадь къ участію въ сѣнѣ и даже не полѣнился напоить ее, а попавшійся мнѣ случайно корпусный товарищъ, артиллерійскій офицеръ, прислалъ ей въ подарокъ полъ-торбы ячменя, который она и скушала съ подобающимъ аппетитомъ, во славу корпуснаго товарищества. Жаль только, что мой товарищъ не догадался прислать мнѣ самому ломоть хлѣба или хоть сухарь; это было-бы очень кстати, потому что просить сухарей у казака не поворачивался языкъ, а если-бы алчущее горло не выдержало и попросило на генеральской кухнѣ, то я перетянулъ-бы его нагаечнымъ ремнемъ прежде, чѣмъ далъ проглотить хоть одну крошку отъ позорнаго куска. Скверная вещь голодать вообще; но голодать, слушая стукъ тарелокъ въ сосѣднемъ домѣ за генеральскою трапезою — это уже просто звѣрское нахальство... судьбы, вѣроятно, потому что на нее одну сваливаютъ всѣ человѣческія мерзости.

Уже передъ вечеромъ вынесли мнѣ пакетъ на имя генералъ-адъютанта Бистрома, съ приказаніемъ отвезти въ авангардный штабъ. Провожатымъ у меня очутился уже знакомый мнѣ казакъ; онъ былъ присланъ зачѣмъ-то изъ авангарда и, отдохнувши, поѣхалъ со мною назадъ. Этимъ и оканчивалось мое ординарчество въ дивизіонномъ штабѣ, которое показалось мнѣ тяжелѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь. Я и теперь еще, уже почти 70-ти-лѣтній старикъ, часто вспоминаю о немъ, особенно, когда захочется возбудить аппетитъ.

Мы съ казакомъ отправились въ Остроленку, гдѣ находился штабъ авангарда гвардейскаго корпуса, которымъ командовалъ начальникъ гвардейской пѣхоты ген.-адъют. Карлъ Ивановичъ Бистромъ. Въ Остроленку прибылъ я, когда генералъ Бистромъ садился за ужинъ. Меня тотчасъ-же позвали къ нему. На концѣ длиннаго, уставленнаго приборами, стола сидѣлъ самъ Карлъ Ивановичъ, въ бѣломъ канифасномъ халатѣ; по сторонамъ его помѣщались: адъютантъ Крутовъ, старшій адъютантъ дежурства пѣхоты Степановъ, поручикъ гвардейскаго генеральнаго штаба Герасимовъ и два безсмѣнныхъ ординарца, оба подпоручики л.-гв. Егерскаго полка; на другомъ концѣ стола, противъ генерала, виднѣлась какая-то узколобая, слезоточивая физіономія, припавшая къ столу и смотрѣвшая на всѣхъ исподлобья; это былъ не кто иной, какъ полковой докторъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Слонецкій-Михайловскій, прикомандированный къ авангардному штабу; вылечилъ-ли онъ тамъ кого-нибудь — слуховъ объ этомъ не состоялось, но что онъ тамъ всѣхъ перессорилъ—объ этомъ зналъ весь авангардъ.

Войдя въ столовую, я низко поклонился и, протянувъ руку съ пакетомъ, сказалъ: «Изъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи».

Адъютантъ Степановъ принялъ пакетъ, распечаталъ его, перелистовалъ, стоя, бумаги и, на вопросительный взглядъ генерала, отвѣтилъ: «Ничего особеннаго, одни дневныя свѣдѣнія».

Я опять поклонился и хотѣлъ выйти, но генералъ остановилъ меня словами:

— «Куда это? Ухъ какой прыткой! Я надѣюсь, что господинъ молодой прапорщикъ не уронитъ себя, если выпьетъ стаканъ вина у боеваго товарища».

Я вытаращилъ глаза отъ изумленія, насилу смогъ поклониться и то самымъ неуклюжимъ образомъ.

Карлъ Ивановичъ, очевидно, забавлялся моимъ смущеніемъ. «Подвиньтесь немного, господа!» сказалъ онъ сидѣвшимъ у него съ лѣвой стороны и указалъ рукою мѣсто возлѣ себя; слуга тотчасъ-же поставилъ тутъ приборъ и подалъ мнѣ стулъ.

— «Вотъ и мѣсто молодому гостю, какъ разъ возлѣ ветерана-хозяина», сказалъ генералъ, приглашая меня рукою сѣсть.

Я сѣлъ и съ восторгомъ увидѣлъ, что начинаютъ ужинъ горячимъ супомъ; это былъ истинный сюрпризъ моему необѣдавшему желудку. Во время стола, Карлъ Ивановичъ очень много разговаривалъ со мною, преимущественно въ шуточномъ тонѣ: спрашивалъ, не съ музыкою-ли у меня эполеты? и т. п.

Послѣ усердной работы ножами и вилками, долго не прерывавшейся ни однимъ словомъ, Карлъ Ивановичъ вдругъ спросилъ меня: «Ты умѣешь дѣлать практическія съемки и чертить ситуаціонные планы?»

— «Учился въ корпусѣ», отвѣтилъ я.

«Учился... протянулъ генералъ, — это хорошій отвѣтъ; всегда отвѣчай такъ—учился! А научился-ли, это увидятъ начальники. Михайло Васильичъ, приказалъ онъ, обращаясь къ Степанову, —напиши въ Павловскій полкъ, что я оставляю его прикомандированнымъ къ авангардному штабу, для исправленія должности офицера генеральнаго штаба».

Я привсталъ, чтобы благодарить, но онъ посадилъ меня за руку, сказавъ:

— «Словесныхъ благодарностей не нужно; служи безъ всякихъ хитростей, да не бойся пули — и мы навѣрно останемся пріятелями. Вотъ тебѣ и ученикъ, прибавилъ онъ, обратясь къ Герасимову,—сдѣлай изъ него хорошаго себѣ помощника».

Тутъ онъ приподнялся со стула и всѣ встали.

— «Распорядись, Михайло Иванычъ, сказалъ генералъ Крутову,— чтобы новобранцу указали порядочный ночлегъ, а завтра назначили квартиру, и потомъ, обратясь ко мнѣ, прибавилъ:—а все твое столовое продовольствіе будетъ у меня, въ моей боевой семьѣ; мнѣ много хорошаго говорилъ о тебѣ заика, а я ему вѣрю».

Заикой называлъ онъ Я. И. Ростовцова, который прежде былъ у него старшимъ адъютантомъ, а тогда состоялъ адъютантомъ великаго князя Михаила Павловича, въ штабсъ-капитанскомъ чинѣ.

Карлъ Ивановичъ ушелъ въ свою комнату; вся компанія, за исключеніемъ доктора, пожала мнѣ привѣтливо руку, поздравляя со вступленіемъ въ ея кругъ. Призванный Крутовымъ остроленкскій квартирный староста помѣстилъ меня до утра въ своемъ домѣ и очень удобно; у него даже нашелся кормъ для моей лошади.

Мнѣ дали въ распоряженіе того-же знакомаго мнѣ казака, чтобы послать его утромъ въ Павловскій полкъ за моимъ деньщикомъ и вещами.

Утромъ отвели мнѣ чистенькую квартиру съ пріятнымъ сосѣдствомъ, и назначили меня завѣдующимъ авангардною канцеляріею, гдѣ я былъ незамѣтенъ днемъ, но за то единолично дѣйствовалъ ночью, и не смыкалъ глазъ, когда всѣ другіе спали. Это было необходимо, потому что очень часто стали присылать по ночамъ донесенія, требовавшія немедленныхъ распоряженій; при этомъ надобно было кого-нибудь будить изъ старшихъ для совѣта, а иногда и самого Карла Ивановича.

Вскорѣ началось тягостное броженіе авангарда взадъ и впередъ около Остроленки; потомъ наступила ежедневная жизнь въ боевомъ огнѣ, при отступленіи гвардейскаго корпуса отъ Стараго-Якаця къ Тыкочину; потомъ опять движеніе впередъ, завершенное остроленкскимъ побоищемъ 14 мая 1831 г.

Послѣ остроленкскаго дѣла гвардейскую пѣхоту поставили бивуакомъ на берегу Нарева, вблизи Остроленки; луговая мѣстность вдоль Нарева, усѣянная разною кудрявою растительностью, была очень красива днемъ, но оказалась убійственною ночью; она послѣ полуночи такъ отсырѣла, что холера не преминула къ утру-же насѣсть на войска съ особенною жестокостью. Продрогшіе до костей офицеры очень рано утромъ принялись кипятить свои походные чайники и самоварчики, чтобы какъ-нибудь согрѣться. Пріѣхавъ навѣстить полковыхъ товарищей, я засталъ ихъ за всеобщимъ чаепитіемъ. Въ это время прошелъ слухъ, что ночью умеръ отъ холеры прапорщикъ Преображенскаго полка князь Порюксъ Визапурскій; офицеры, соединясь въ порядочную толпу, пошли узнать на мѣстѣ, что̀ и какъ

случилось? Дорогою насъ извѣстили, что умеръ и другой братъ Визапурскій, тоже преображенскій прапорщикъ. Мы прибавили шагу, но, приблизясь къ мѣсту происшествія, гдѣ стояла собственная небольшая палатка Визапурскихъ, узнали, что сейчасъ умеръ и деньщикъ ихъ. При этомъ извѣстіи обуяла всѣхъ поголовная паника; посоловѣли даже физіономіи и у случившихся тутъ личностей, смѣло перешедшихъ, въ остроленкскомъ аду, губительный мостъ черезъ этотъ самый Наревъ, который катился передъ нашими глазами и по которому еще обильно плыли тѣла храбрецовъ, положившихъ животъ за честь роднаго знамени.

Въ моментъ всеобщаго ошеломленія, въ толпу офицеровъ ворвался исправлявшій должность полковаго врача лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, Ѳедоръ Семеновичъ Похвалинскій; онъ принялся горячо доказывать, что холера прилипчива условно и что въ комъ нѣтъ предрасположенія къ ея принятію, того она не тронетъ ни во вѣки вѣковъ. Всѣ какъ-то очень холодно отнеслись къ врачу-оратору и никто не удостоилъ его сколько-нибудь осмысленнымъ вниманіемъ.

— «Что-жъ вамъ, господа, нужно доказательствъ что-ли? Извольте!» вскричалъ Похвалинскій.

Сбросивъ съ себя сюртукъ, жилетку, галстухъ и подтяжки и разстегнувъ воротъ, онъ вошелъ въ палатку Визапурскихъ, снялъ съ одного изъ умершихъ рубашку и, напяливъ ее на себя, предсталъ передъ офицерами:

— «Я не сумасшедшій, господа! сказалъ онъ,—не сталъ-бы рисковать жизнью для того, чтобы порисоваться передъ вами! Завѣряю васъ всѣми святыми, что холера прилипчива только условно, что бояться ея слѣдуетъ не болѣе, какъ и всякой другой болѣзни; но что именно упадокъ духа всего болѣе содѣйствуетъ ея свирѣпости».

Тутъ Похвалинскій высвободилъ правую руку изъ своей рубашки и, всунувъ ее, голую, въ рукавъ рубахи съ мертвеца, вскричалъ:

«Довольны-ли вы, господа? Послѣ этого можете не вѣрить мнѣ!».

Есть-же между людьми благодатныя личности, которыя исполненіе своего долга способны довести до размѣровъ героическаго подвига; таковъ и былъ Ѳ. С. Похвалинскій. Да будетъ благословенна память его!

Послѣ смѣлаго поступка энергичнаго доктора, всѣ лица видимо просвѣтлѣли; паника разомъ упала до точки замерзанія; только самые мнительные, возвращаясь въ полки, боязливо оглядывались на зловѣщую палатку несчастныхъ князей Визапурскихъ.

Гвардейскую пѣхоту въ тотъ-же день сняли съ позиціи и направили на Маковъ, гдѣ она простояла довольно долго. Тамъ скончался

бывшій главнокомандующій графъ Дибичъ и пріѣхалъ графъ Паскевичъ.

Изъ-подъ Макова, какъ извѣстно, пошли къ Вислѣ, перешли ее безъ выстрѣла, и потомъ очутились въ Надаржинѣ, въ 20-ти верстахъ передъ Варшавою, гдѣ и сдѣланы были всѣ приготовленія къ штурму.

На второй день варшавскаго штурма, 26-го августа 1831 г., начавшагося ровно въ два часа пополудни, гвардейская пѣхота, за исключеніемъ Егерскаго и Финляндскаго полковъ, которымъ предстояло драться у Іерусалимской заставы, стояла въ 3-й боевой линіи, т. е. она занимала ту мучительную позицію, стоя на которой солдатъ ровно ничего не дѣлаетъ, а между тѣмъ въ колоннахъ сноситъ головы ядрами. Тяжелое положеніе стоять, опустя руки, безъ всякаго развлеченія, и думать каждую минуту: а вотъ, можетъ быть, сейчасъ меня хватитъ!

Передъ началомъ въ этотъ день штурма Карлъ Ивановичъ подъѣхалъ со свитою къ лейбъ-гвардіи Павловскому полку и сталъ у него на правомъ флангѣ. «Вотъ скоро и два часа, сказалъ онъ,—какой-то отвѣтъ пришлютъ бунтовщики?». Съ этимъ словомъ бухнулъ съ варшавскихъ укрѣпленій выстрѣлъ, другой, третій, четвертый — снесъ голову правому фланговому солдату передней шеренги 1-го баталіона лейбъ-гвардіи Павловскаго полка; стоявшій возлѣ него на флангѣ офицеръ, помнится, поручикъ Регенкамфъ, покачнулся только тогда, когда на него рухнулся трупъ убитаго; солдаты-же—ни стоявшій рядомъ съ убитымъ, ни стоявшій сзади его, котораго обрызгало кровавою слякотью,—не шевельнули ни усомъ, ни носомъ.

Я былъ при этомъ случайно, находясь въ свитѣ генерала Бистрома, но все-таки имѣю право съ гордостью сказать, что я былъ подъ ядрами и со своимъ роднымъ полкомъ.

Въ штурмовыхъ колоннахъ, съ охотниками, были отъ Павловскаго полка: подполковникъ Федяевъ, подпоручикъ Брискорнъ и прапорщики Ельчаниновъ 2-й, баронъ Дельвигъ и Гринъ. У Федяева пробило каску надъ самымъ черепомъ; баронъ Дельвигъ былъ смертельно раненъ и черезъ три дня умеръ; Федяевъ и Брискорнъ получили георгіевскіе кресты, а Ельчаниновъ и Гринъ—анненскіе съ бантомъ.

VI.

Простоявъ довольно времени на бивуакахъ въ Варшавѣ, полкъ нашъ пошелъ прямо на зимнія квартиры, Курляндской губерніи, въ городъ Гольдингенъ. Я сдѣлалъ походъ этотъ съ полкомъ, такъ какъ генералъ Бистромъ собирался заграницу для леченія и его временный штабъ былъ уже распущенъ. Изъ Гольдингена я уѣхалъ въ отпускъ, въ Петербургъ, гдѣ и дождался возвращенія полка изъ похода.

Петербургская казарменная служба пошла прежнимъ порядкомъ. Я былъ переведенъ во 2-й баталіонъ, къ полковнику Семену Петровичу Степанову, не только фронтовику современнаго закала, но и литературному рецензенту, какъ оказалось впослѣдствіи.

Въ началѣ 1833 года я напечаталъ большую повѣсть въ стихахъ, подъ названіемъ «Мятежники». Почти единственный тогдашній критическій органъ «Сѣверная Пчела» отозвался о моей повѣсти съ большою похвалою, и она пошла удачно, особенно между военными. Я рѣшился молчать о ней и не подносить никому почетныхъ экземпляровъ. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, меня потребовали къ полковнику Степанову; я, разумѣется, явился тотчасъ-же.

«Вы напечатали книгу безъ предварительнаго разсмотрѣнія и одобренія вашего ближайшаго начальства, сказалъ онъ,—а знаете-ли, какую вы нагородили въ ней дичь и про поляковъ, и про русскихъ? Предвидя неминуемую за васъ отвѣтственность, я вынужденнымъ нашелся купить вашу книгу, хотя отъ роду не дѣлалъ подобной глупости. Спасибо еще, что мнѣ во-время сказалъ объ этомъ... онъ указалъ на домашняго агентика. — Извольте идти и не ожидать ничего пріятнаго для себя, господинъ писака».

Получивъ на свое литературное произведеніе такую фронтовую рецензію, я побѣжалъ къ генералу, чтобы разъяснить непонятный для меня выговоръ, сдѣланный мнѣ полковникомъ Степановымъ.

Генералъ Арбузовъ, слышавшій отъ Я. И. Ростовцова, что я началъ писать во время войны какую-то повѣсть о польскихъ мятежникахъ и что отрывки изъ этой повѣсти были прочитаны еще въ Маковѣ великому князю и заслужили одобреніе, — отвѣчалъ мнѣ уклончиво:

— «Я, вы знаете, не литераторъ, на мѣдные гроши русской грамотѣ обучился, и не могу быть въ вашемъ дѣлѣ судьею, поѣзжайте къ дивизіонному начальнику, генералъ-адъютанту Мартынову, тамъ старшій адъютантъ, князь Шаховской, считается докою по писатель-

ской части: онъ съумѣетъ доложить объ этомъ какъ слѣдуетъ Павлу Петровичу».

Я бросился къ князю Шаховскому; онъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо, объявилъ мнѣ, что уже прочиталъ мою повѣсть, которую прислалъ ему М. А. Офросимовъ, и что онъ готовъ стоять за нее. Я привезъ съ собою экземпляръ, переплетенный въ сафьянъ, и просилъ, если возможно, представить его государю императору, чтобы избавиться отъ нелѣпыхъ нареканій, въ родѣ тѣхъ, которыя измышляетъ на меня полковникъ Степановъ. Князь Шаховской обѣщался похлопотать обо всемъ и просилъ не безпокоиться понапрасну, а ожидать спокойно отвѣта, который получу въ свое время.

Каково-же было мое удивленіе, когда, недѣли черезъ двѣ, я получилъ сафьянный футляръ за кабинетскою печатью, при письмѣ отъ князя Шаховскаго, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что о всемилостивѣйшемъ пожалованіи мнѣ подарка за повѣсть «Мятежники» уже сообщено въ полкъ, а самый подарокъ препровождается прямо ко мнѣ.

Черезъ минуту послѣ полученія подарка, я уже былъ съ нимъ у генерала; онъ долго разсматривалъ перстень, пригласилъ взглянуть и маленькаго Аракчеева, но тотъ съ негодованіемъ прорычалъ только: «Непростительное баловство!». Генералъ, возвращая мнѣ перстень, сказалъ:

— «Ну, поздравляю! Вотъ и покажите полковнику Степанову, чтобы успокоить его».

Я, однако-жъ, побоялся идти къ этому суровому рецензенту, чтобы какою-нибудь ироническою улыбкою не раздражить его, и попросилъ показать ему перстень одного изъ капитановъ. Полковникъ, говорили, страшно осерчалъ при этомъ: онъ выругалъ безграмотнымъ дуракомъ агентика, но о себѣ умолчалъ. А меня все-таки, по поводу моей повѣсти, перевели въ другой баталіонъ; это уже было вторичнымъ подаркомъ за мое сочиненіе.

Въ слѣдующемъ году, по приглашенію нѣкоторыхъ благоволившихъ ко мнѣ старшихъ лицъ въ гвардіи, я написалъ стихотвореніе на открытіе памятника императору Александру I; стихотвореніе понравилось и ген. Арбузову, когда ему прочиталъ его М. А. Офросимовъ. «Право, хорошо сказано!» отозвался мой начальникъ. Я вновь получилъ всемилостивѣйшій подарокъ.

Въ это время я былъ назначенъ бригаднымъ адъютантомъ въ 4-ю гвардейскую пѣхотную бригаду, когда уже Павловскій полкъ былъ въ бригадѣ не съ Измайловскимъ, а съ Финляндскимъ полкомъ. Бригадою командовалъ тотъ-же А. Ѳ. Арбузовъ, продолжая командовать и полкомъ; онъ долго не могъ перестать ухмыляться, подписывая

предписаніе командиру лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. «Какъ это, братецъ, я самъ себѣ предписываю? говаривалъ онъ обыкновенно, принимаясь за перо; но, по крайней мѣрѣ, мои бумаги подписывалъ самъ, тогда какъ на бумагахъ отъ полка, зачастую у него подъ носомъ, Стахіевъ очень искусно выцарапывалъ: генералъ-маіоръ Арбузовъ.

Бригадное адъютантство нѣсколько отдалило меня отъ полковыхъ товарищей; я тогда уже былъ женатъ и переѣхалъ изъ казармъ на вольнонаемную квартиру. Во фронтъ я обязанъ былъ являться только тогда, когда была въ строю вся бригада; но я выѣзжалъ и на полковыя ученья своего полка, въ видѣ любезности къ Алексѣю Ѳедоровичу Арбузову, который очень любилъ, когда за нимъ ѣздилъ адъютантъ съ аксельбантомъ.

На маневрахъ-же этому адъютанту представлялась вся возможность измучить лошадь до упаду, безъ всякой въ томъ надобности. Я уже сказалъ выше, что при исполненіи служебныхъ обязанностей, которыя требовали нѣкоторыхъ научныхъ свѣдѣній, Алексѣй Ѳедоровичъ терялся до жалости.

Однажды онъ командовалъ на маневрахъ значительнымъ отдѣльнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ баталіоновъ пѣхоты, бригады кавалеріи и трехъ батарей артиллеріи. Въ отрядъ былъ присланъ, за начальника штаба, капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба Тавастъ, офицеръ образованный по настоящему, серьезно; онъ не считалъ для себя обязанностью думать, ради достоинства своего мундира, что онъ умнѣе всѣхъ прочихъ смертныхъ, не причисленныхъ къ генеральному штабу; онъ не допустилъ привиться къ себѣ ничему отталкивающему, столь обыкновенному свойству людей чему-то научившихся и посылаемыхъ руководить другими, при полнѣйшемъ отсутствіи общественнаго образованія; онъ былъ со всѣми ровенъ и учтивъ; не выѣзжалъ на сбивчивыхъ принципахъ для оправданія противулогичныхъ безобразій; не надоѣдалъ никому безпрерывною постановкою премудрыхъ вопросовъ, замѣчательныхъ только заносчивымъ пустозвонствомъ, но разрѣшеніе которыхъ не вело ни къ чему и ни кому не было нужно; онъ твердо и честно исполнялъ свое дѣло, и въ то-же время былъ постоянно скроменъ. Его сразу полюбилъ весь отрядъ и принялъ съ дружескимъ радушіемъ, назвавъ съ какимъ-то почтительнымъ уваженіемъ «отряднымъ капитаномъ».

Капитанъ Тавастъ былъ не изъ тѣхъ крикливыхъ стратегиковъ, которые любятъ читать проповѣди, не понюхавъ пороховаго дыма. Онъ видалъ боевой огонь и былъ чудно счастливо раненъ: пуля попала ему позади уха и прошла сквозь всю голову навылетъ; но

онъ оставался здравъ и, по словамъ его, даже невредимъ; онъ не умѣлъ рисоваться своею раною: не носилъ фуражки вмѣсто шляпы—на что имѣлъ полное право; не украшалъ головы разными замшевыми ремешками съ серебряными застежками. Словомъ, это былъ достойнѣйшій человѣкъ и дѣльнѣйшій офицеръ генеральнаго штаба, безъ малѣйшей доли оскорбительнаго чванства.

Генералъ Арбузовъ, получивъ въ свое командованіе отдѣльный отрядъ на маневрахъ, считалъ неизбѣжнымъ крушеніе своей служебной ладьи. Капитанъ Тавастъ подоспѣлъ къ нему въ видѣ спасительной лодки, и дѣйствительно спасъ его, потому что дѣйствія отряда были осыпаны похвалами послѣ маневровъ; но капитанъ Тавастъ на всѣ похвалы лично ему, отвѣчалъ одно, что онъ исполнялъ только приказанія начальника отряда; онъ считалъ ниже своего достоинства кричать: «Мы сбили, мы рѣшили!» Такихъ-то вотъ людей всегда уважитъ человѣчество, какой-бы ни былъ надѣтъ на нихъ мундиръ,—и уважитъ по душевному внушенію.

За то ужъ и листифонилъ-же отрядный командиръ передъ начальникомъ своего штаба! Онъ разсыпался въ разныхъ угожденіяхъ, не жалѣя, исключительно только для своего милаго наставника, даже гаванскихъ сигаръ; это-бы еще ничего: угощеніе—весьма позволительное задабривающее средство; но онъ листифонилъ уже вовсе не по чину; онъ представлялъ изъ себя нѣчто похожее на ливретку, грацiозничающую передъ барынею, у которой въ карманахъ сахаръ.

Однимъ утромъ прекраснаго дня, отрядъ нашъ передвинулся на весьма пріятную позицію: тутъ былъ огромный выкошенный лугъ, усѣянный и окруженный разными перелѣсками, съ кучею грибовъ; вблизи протекалъ широкій ручей съ превосходною ключевою водою; за ручьемъ виднѣлась чистенькая деревенька съ огородами и садами.

Когда войска отряда размѣстились на новой позиціи, къ генералу подъѣхалъ, смотря на свои часы, капитанъ.

«Я отвѣчаю, сказалъ онъ,—что здѣсь никто не побезпокоитъ ваше превосходительство часа три по меньшей мѣрѣ; теперь непріятель далеко: онъ всѣ свои силы сосредоточилъ, чтобы не допустить до насъ нарвскаго отряда; но это ему не удастся; отрядъ принялъ неожиданное направленіе, показавъ непріятелю только разъѣзды, а мы сами приблизились къ нему и стали у него на пути; вечеромъ соединимся мы и, послѣ дневки, начнемъ общее наступательное движеніе. Я полагаю, что и завтрашнюю дневку мы останемся здѣсь-же, проведя весь нынѣшній день безъ тревоги».

— «Чтобы вашими устами да медъ пить!» отвѣтилъ генералъ, смотря на капитана заигрывающимъ котомъ.

«А теперь, продолжалъ капитанъ, — я отлучусь часа на два, осмотрѣть правый флангъ, нѣтъ-ли гдѣ-нибудь черезъ болотины удобной дороги, чтобы выслать къ нарвскому отряду разъѣздъ навстрѣчу».

Онъ уѣхалъ.

Иванъ Алексѣевъ, между тѣмъ, успѣлъ уже смастерить съ рабочими весьма изрядный шалашъ для генерала; разостлалъ въ немъ коверъ, поставилъ складной столъ и нѣсколько такихъ-же стульевъ; а за шалашомъ врылъ въ землю небольшой ящикъ со льдомъ, въ который погрузилъ три бутылки шампанскаго, бутылку мадеры и бутылку сотерну, а бутылку лафиту зарылъ возлѣ ящика въ теплый песокъ и все это густо прикрылъ ельникомъ.

Генералъ, предвидя трехъ-часовой отдыхъ, послалъ Стахіева въ обозъ, чтобы придвинуть его къ отряду и начать варить кашу, а самъ сталъ разъѣзжать по лугу, куряча свою облюбленную пѣсенку— объ «улицѣ Фурштадтской».

Но вдругъ, о боги! не обманываетъ-ли командующаго отрядомъ его командирское зрѣніе? Въ полуверстѣ отъ позиціи, на опушкѣ лѣса, показались вражескіе уланы: вотъ очень ясно мелькаютъ на солнцѣ ихъ цвѣтистые флюгера; правда, что улановъ показалось всего съ полъ-взводика; но это не остановило генерала закомандовать на весь отрядъ: «Становись!».

— «Что-жъ вы не стрѣляете! заплакалъ онъ, подскакавъ къ батарейному командиру стоявшей на возвышеніи батареи,—не видите, что-ли?»...

Тотъ покосился исподлобья, сердито прогнусилъ команду, и началась пушечная жарня.

Тутъ, вѣроятно, вспомнилъ отрядный начальникъ, что въ пѣхотномъ уставѣ есть построеніе: каре противъ кавалеріи; кавалерія была передъ носомъ — чего-же тутъ зѣвать; бывшимъ подъ рукою тремъ пѣхотнымъ баталіонамъ приказано построить каре противъ кавалеріи и открыть огонь. Ген. Арбузовъ выскакалъ на пригорокъ совершеннѣйшимъ фельдмаршаломъ и гордо обрисовался въ пороховомъ дыму. Я за нимъ; но онъ вдругъ накинулся на меня, закричавъ:

«Что вы, сударь, ѣздите безъ всякаго толку? Скачите въ хвостъ и въ гриву къ конной бригадѣ, чтобы она сломя голову неслась на выручку».

Я оборотилъ коня и далъ шпоры.

Услыша негаданную пальбу, прискакалъ, словно одурѣлый, Стахіевъ; онъ-таки понималъ кое-что на маневрахъ; разузнавъ въ чемъ именно было дѣло, онъ, не спрашиваясь генерала, прекратилъ пальбу

на батареѣ и, замахавъ поднятою кверху каскою, прекратилъ и ружейную стрѣльбу въ баталіонахъ.

— «Что вы это срамитесь! упрекнулъ онъ сердито генерала, — развѣ не видите, что это какой-то заблудившійся разъѣздъ?»

Между тѣмъ, уланскій офицеръ, остановя свой маленькій полувзводикъ шаговъ за полтораста отъ батареи и, подскакавъ къ генералу на разстояніе звука голоса, закричалъ:

«Извините, ваше превосходительство, что обезпокоилъ васъ! Я посланъ для провѣрки открытой въ лѣсу дороги и проѣхалъ нѣсколько далѣе, не предполагая никакъ застать васъ на этомъ мѣстѣ. Извините!»

Онъ возвратился къ уланамъ и повелъ ихъ обратно маленькою рысцою.

Ген. Арбузовъ словно приросъ къ мѣсту; онъ проводилъ глазами противный разъѣздъ, пока не скрылся въ лѣсу послѣдній флюгеръ; потомъ отправился въ кусты, говорили, для того, будто-бы, чтобы скрыть свой стыдъ, но мало-ли что говорятъ, можетъ быть и вовсе не за тѣмъ; достовѣрно только одно, что я, возвратясь отъ кавалерійской бригады, засталъ генерала верхомъ стоявшимъ на лугу, съ неподвижно устремленнымъ взоромъ на опушку предательскаго лѣса.

«Бригада сейчасъ будетъ», донесъ я, приложа къ шляпѣ руку.

— «Ну васъ и съ бригадою-то»! прошипѣлъ взволнованный начальникъ, углубляя голову въ плечи.

Вслѣдъ за мною вылетѣлъ на луговину во весь карьеръ командиръ кавалерійской бригады.

— «Бригада готова! отрапортовалъ онъ, — что угодно вашему превосходительству приказать?»

Генералъ Арбузовъ разсыпался въ извиненіяхъ, говоря, что произошла фальшивая тревога.

Кавалеристъ замѣтилъ, что онъ ужасно перемучилъ своихъ лошадей, пройдя 4 версты въ такую жару и по скверной дорогѣ на полныхъ рысяхъ.

— «Да я никогда и не приказывалъ идти на полныхъ рысяхъ! возопилъ ген. Арбузовъ;—это все перепуталъ онъ», прибавилъ, указавъ на меня, воспитанный въ Дворянскомъ полку начальникъ.

Прискакавшій генералъ началъ ворчать о томъ, какъ много страдаютъ кавалерійскія лошади отъ неточной передачи начальническихъ приказаній молодыми адъютантами.

Ген. Арбузовъ относительно меня былъ правъ только буквально: онъ дѣйствительно никогда не приказывалъ мнѣ, чтобы бригада шла на полныхъ рысяхъ, но приказалъ, чтобы она сломя голову неслась

на выручку. Слыша непріятную буркотню кавалерійскаго генерала, я не могъ воздержаться, чтобы не сдвинуть судорожно бровей. Генералъ Арбузовъ замѣтилъ это и, зная мою глупѣйшую натуру, что я не полѣзу за словомъ въ карманъ, когда приходится возстановить правду, тотчасъ-же подхватилъ подчиненнаго ему гостя подъ руку и потащилъ его верхомъ по направленію къ шалашу, говоря: «Перестаньте гнѣваться, мой почтенный генералъ, съ кѣмъ не бываетъ ошибокъ! А вотъ не хотите-ли освѣжиться стаканчикомъ холодной шипучки? Это будетъ не вредно въ такую жару! Иванъ Алексѣевъ!»

Послѣ переговоровъ между генералами, пріѣзжій, не сходя съ лошади, осушилъ добрую граненую кружку шампанскаго и отправился легонькимъ галопомъ къ бригадѣ, а хозяинъ усѣлся въ дверяхъ шалаша.

Я наблюдалъ издали сцену импровизованной попойки, какъ услышалъ за собой топотъ скачущей лошади; это былъ нашъ отрядный капитанъ, прискакавшій на взмыленномъ конѣ.

— «Что за канонада произошла здѣсь? Что такое случилось?» обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

Я объяснилъ какъ было дѣло и просилъ его не конфузить генерала разспросами. Онъ пожалъ плечами и мы поѣхали шагомъ къ шалашу.

«Вотъ, очень кстати! закричалъ генералъ капитану, — а мы тутъ безъ васъ чуть не попались въ просакъ: вообразите, на опушкѣ лѣса показались уланы; ихъ, конечно, было не болѣе полу-взвода»..

— «Но кто могъ знать, что за полу-взводомъ не скрывается большихъ силъ? Осторожность никогда не лишняя», отвѣчалъ капитанъ, избѣгая моихъ взглядовъ.

«Вотъ, умнаго-то человѣка видно и по одному слову! вскричалъ генералъ.—Поцѣлуемтесь! Иванъ Алексѣевъ, подавай закуску!»

Закуска была обильна, даже съ чашкою бульона, что на маневрахъ составило весьма привлекательную статью; мы были удовлетворены вполнѣ, осушивъ до-чиста погребокъ Ивана Алексѣева. А какъ ген. Арбузовъ побаивался на маневрахъ разныхъ тѣлесныхъ разстройствъ, то къ его трапезамъ постоянно приглашался и отрядный врачъ.

Послѣ закуски, всѣ улеглись на отдыхъ, такъ какъ минувшая ночь была проведена въ передвиженіи, безъ сна. Пробудясь-же, увидѣли, что обѣщанные капитаномъ три часа покоя прошли уже съ большою надбавкою, что жаръ давнымъ-давно своротилъ и что Иванъ Алексѣевъ, присѣвъ за шалашомъ на корточки, усердно пыхтѣлъ, раздувая толстопузый самоваръ.

За чаемъ было, дѣйствительно, получено приказаніе, чтобы на завтрашнюю дневку войска оставались на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застанетъ приказаніе.

Возлѣ нашей позиціи, въ перелѣскѣ, на большой дорогѣ, нашелся домикъ, въ родѣ корчмы; его сейчасъ-же заняли подъ отрядный штабъ; тутъ проживалъ лѣтомъ одинъ только лѣсничій, а какъ по знамъ онъ держалъ тутъ и постоялый дворъ, то у него оказались порожними двѣ комнатки, удобныя для пріюта генерала, и широкая, крытая галлерея, вдоль всего домика со двора,—очень удобная для всѣхъ насъ; сверхъ того, пространный дворъ былъ обнесенъ кругомъ навѣсами, съ двумя пустыми сараями, изъ которыхъ одинъ заняла наша прислуга, а другой—генеральскій поваръ, радуясь, что на убитомъ глиняномъ полу сарая можно будетъ развести огонь, который не потревожитъ вѣтеръ. Лошади нашли широкое помѣщеніе подъ навѣсами и хорошій кормъ. На ночь къ этому-же пункту подрядчикъ подвезъ дрова и солому; но мы угнѣздились еще задолго до заката солнца.

Стахіевъ, считавшій себя записнымъ охотникомъ, хотя и не былъ грѣшенъ въ убійствѣ какого-либо пернатаго существа, нашелъ очень удобнымъ поохотиться до сумерекъ по окрестнымъ болотамъ. Всѣ принадлежности для охоты у него были наилучшія: двустволка Лебеды, собака отличнѣйшей породы, очень дорого заплаченная, но вовсе не натасканная подъ ружьемъ, сапоги до самыхъ паховъ, патронташъ и ягташъ съ серебряными пряжками и гербами хозяина, и наконецъ, изумруднаго цвѣта кафтанчикъ, съ ярко вызолоченными пуговицами, изъ которыхъ каждая представляла особой породы собачью морду.

Во всѣхъ болотныхъ похожденіяхъ, за Стахіевымъ слѣдовалъ его неизмѣнный Мишка, также въ охотничьихъ сапогахъ, хотя порядочно прорванныхъ, но все-таки въ охотничьихъ, выше колѣна; черезъ то и другое плечо у Мишки висѣло по баклагѣ: одна прохладительная—съ квасомъ, другая горячительная—съ травникомъ, а на груди красовались изъ тюленьей шкуры сумки, съ запасными патронами, булкою и кускомъ колбасы, обернутыми въ рапортички отъ разныхъ частей отряда. Курева не имѣлось вовсе, потому что Стахіевъ никогда ничего не курилъ. И зачѣмъ только онъ бралъ съ собою Мишку! Мишка былъ, конечно, человѣкъ, вѣрный, но все-таки человѣкъ, слѣдовательно, могъ проговориться, что его баринъ стрѣляетъ бекасовъ не дробью и не на болотахъ, а двугривенными и пятиалтынными въ ягташахъ деревенскихъ стрѣлковъ, бродящихъ съ ружьемъ по однимъ съ нимъ болотамъ.

Стахіевъ проохотился, какъ и предполагалъ, до самаго вечера и возвратился торжествующій, съ цѣлою полудюжиною бекасовъ; онъ тотчасъ-же отдалъ ихъ генеральскому повару для приготовленія на ужинъ, въ видѣ сюрприза для генеральскихъ застольниковъ.

Поваръ немедленно ощипалъ ихъ, разложилъ на сковороду и поставилъ на огонь; но, къ общей невыгодѣ, въ это время по близости остановился боченокъ съ водкою для солдатъ, поваръ явился къ знакомому каптенармусу за подачкою, но честный виночерпій обѣщалъ ее въ такомъ только случаѣ, когда останется водки по удовлетвореніи извѣстной части солдатъ; поваръ не имѣлъ силы оторваться отъ волшебнаго боченка; онъ порывался убѣжать и все ждалъ; ждалъ долго и, наконецъ, дождался, но каковъ-же былъ его ужасъ, когда на сковородѣ, вмѣсто бекасовъ, нашелъ онъ какія-то промасленныя головешки! Онъ только растопырилъ руки, разинулъ ротъ и остался безмолвенъ и неподвиженъ. На эту грустно-комическую сцену подошелъ отрядный докторъ; онъ, предвидя, какой переполохъ произведетъ за ужиномъ оплошность кухмейстера, спросилъ, есть-ли большая сковорода и яйца? Оказалось то и другое. Докторъ принесъ кусокъ собственной ветчины и заказалъ громадную глазунью.

Начался ужинъ: выпили водки и закусили кильками, отъѣли великолѣпные лѣнивые щи, Стахіевъ привсталъ съ мѣста и проговорилъ съ гордою скромностью спичъ о своихъ охотничьихъ успѣхахъ, о своемъ удовольствіи, что онъ могъ приготовить его прев—ву сюрпризъ; въ это самое время Иванъ Алексѣевъ подалъ на продолговатомъ блюдѣ извѣстныя масляныя головешки.

Генералъ, разсмотрѣвъ ихъ, вскричалъ: «Вотъ сюрпризъ, такъ сюрпризъ!» и, разразившись истерическимъ смѣхомъ, вѣрный своему дворянскому воспитанію, немилосердо поднялъ ошеломленнаго Стахіева на зубки, придвинулъ къ нему блюдо, заключивъ словами:

— «Кушай, братецъ, свой сюрпризъ самъ!»

Стахіевъ, словно ошпаренный, молча опустился на стулъ.

«Нѣтъ-ли тамъ чего-нибудь еще, хоть сливокъ, что-ли?» спросилъ генералъ, очевидно, оставившій довольно мѣста въ желудкѣ для помѣщенія втораго блюда.

— «Обязанность врача ослаблять по возможности всяческіе недуги», сказалъ докторъ, и отворилъ дверь Ивану Алексѣеву, который внесъ на сковородѣ еще трещавшую глазунью съ ветчиною.

«Браво, докторъ!» вскричалъ генералъ.

Всѣ напали на яичницу, за исключеніемъ Стахіева, который сидѣлъ буря-бурею и не дотронулся до нея. Наконецъ, онъ взялъ съ

блюда въ руки одну изъ обугленныхъ засушинъ, разсмотрѣлъ ее у свѣчки, понюхалъ и, бросивъ назадъ, проворчалъ: «Этакое животное! Вотъ бы стоило самого порядкомъ прожарить».

— «Дѣйствительно, стоитъ! Разрѣшаю тебѣ и уполномочиваю! отвѣтилъ генералъ, въ видѣ извиненія передъ Стахіевымъ за свое неумѣстное глумленіе.—Иванъ Алексѣевъ! Достань-ка намъ бутылочку за зеленою печатью, да подай сыръ!»

Бутылка и сыръ явились немедленно, яичница была запита отличнымъ лафитомъ и заѣдена сочнымъ швейцарскимъ сыромъ. Послѣ чего всѣ встали изъ-за стола; генералъ ушелъ въ сосѣднюю каморку, а мы вышли на галлерею, гдѣ была настлана свѣжая солома, прикрытая разными коврами и одѣялами, у кого что нашлось въ багажѣ; каждый угадалъ назначенное для него логовище по своей походной подушкѣ; мы улеглись почти въ повалку, прикрывшись шинелями; Стахіевъ помѣстился съ краю. Мишка, сверхъ шинели, накрылъ его какою-то попоною; баринъ ворчалъ, но слуга не обращалъ на это вниманія, говоря, что къ утру будетъ холодно и продолжая, стоя на колѣняхъ, подтыкать края попоны подъ солому; наконецъ, приподнявъ уголъ попоны надъ головою барина, спросилъ:

— «Рожу-то закрыть, что-ли?»

Стахіевъ припрыгнулъ, словно укушенный, Мишка исчезъ метеоромъ; мы долго не могли заснуть отъ душившаго насъ прилива смѣха, по милости Мишки.

Утромъ, вскорѣ послѣ восхода солнца, насъ разбудилъ отчаянный вопль, выходившій изъ поварскаго сарая; нѣкоторые изъ насъ приподняли головы и вопросительно переглянулись; Стахіева не было на мѣстѣ; тутъ отворилось окно изъ генеральской каморки; генералъ высунулся, съ разстегнутымъ воротникомъ у рубашки и съ накинутымъ на плеча халатомъ, и закричалъ:

— «Александръ Александрычъ! Да брось ты этого подлеца, спать не даетъ, каналья: оретъ, проклятый, словно съ него шкуру деруть».

Окно захлопнулось; Стахіевъ нехотя прохрипѣлъ: «Довольно!»

И, дѣйствительно, было довольно: оплошнаго кухаря уже нѣсколько минутъ донимали съ востока и съ запада такихъ два спеціалиста, что подъ ихъ опытною рукою концы розогъ, казалось, вростали въ шкуру и оставляли на ней бѣловатыя борозды, словно послѣ терпуга, которыя и наполнялись тотчасъ-же кровью. Генералъ напрасно только въ видѣ сравненія употребилъ фразу: «словно съ него шкуру деруть!»—съ него сдирали шкуру буквально.

Поруганный кухмейстеръ, послѣ слова «довольно», вскочилъ на ноги и зашатался, поежился, крякнулъ, кое-какъ подтянулся, и

стремглавъ побѣжалъ къ знакомому каптенармусу искать у него напитка для забвенія житейскихъ горестей.

Маневры окончились благополучно: ген. Арбузовъ получилъ благодарность, Стахіева представили къ наградѣ, а я рѣшился окончательно посвятить свою посильную служебную дѣятельность вѣдомству военно-учебныхъ заведеній, подъ руководствомъ и начальствомъ Я. И. Ростовцова, что вскорѣ и исполнилъ на самомъ дѣлѣ.

Въ бытность мою въ полковой средѣ я не могъ не отнестись особенно сочувственно къ нѣкоторымъ личностямъ, рѣзко выдававшимся изъ уровня общей массы; о нихъ и до сихъ поръ (1875 г.) сохранилъ я самыя пріятныя воспоминанія и съ душевнымъ удовольствіемъ назову ихъ имена. Двое чрезвычайно замѣтны были блестящимъ образованіемъ, свѣтскимъ лоскомъ и крайнимъ умѣньемъ держать себя съ достоинствомъ въ высшемъ кругу; первый изъ нихъ былъ баронъ Иванъ Ивановичъ Мункъ, впослѣдствіи командиръ л.-гв. Преображенскаго полка, директоръ финляндскаго кадетскаго корпуса и скончавшійся вице-канцлеромъ Александровскаго университета въ Финляндіи; второй—Эмилій Карловичъ Шернваль, нынѣ (1875 г.) баронъ Шернваль-Валенъ, статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ и служащій товарищемъ у министра, статсъ-секретаря великаго княжества финляндскаго. Двое другихъ отличались въ кругу полковой семьи высокими человѣческими достоинствами: невозмутимою правдивостью, вѣрнымъ взглядомъ на жизнь и честнѣйшимъ, чуждымъ всякаго эгоизма, отношеніемъ ко всякому, кто къ нимъ обращался; они заботливо сглаживали, подъ рукою, заводившіяся въ полку шероховатости; приходившіе къ нимъ за совѣтомъ были заранѣе увѣрены, что совѣтъ этотъ дастся отъ чистаго сердца и принесетъ всегда пользу; одинъ изъ этихъ двоихъ былъ баронъ Николай Антоновичъ Зальцъ, впослѣдствіи командиръ л.-гв. Литовскаго полка, скончавшійся с.-петербургскимъ комендантомъ; другой—Алексѣй Александровичъ Тулубьевъ, нынѣ (1875 г.) служащій членомъ въ комитетѣ о раненыхъ, полный генералъ. Изъ прежнихъ павловцевъ, состоящихъ до сихъ поръ (1875 г.) на службѣ, Тулубьевъ остается самымъ старшимъ офицеромъ, по времени поступленія л.-гв. въ Павловскій полкъ, потомъ генералъ Регенкампфъ, а за нимъ и азъ многогрѣшный, писавый строки сіи. Сверхъ того, сколько достойнѣйшихъ людей встрѣчаешь и въ прежнихъ товарищей, которымъ жмешь руку истинно по братски.

Я, промѣнявъ строевую службу на письменную, былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ его императорскаго высочества главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, гдѣ вскорѣ началъ ѣздить съ докладами къ его высочеству и сопровождать вел.

кн. Михаила Павловича въ вояжахъ, а потомъ сдѣлался постояннымъ чтецомъ литературныхъ произведеній у его высочества, но чтецомъ собственно лѣтнимъ, потому что меня очень часто приглашали, по вечерамъ, для чтенія въ Павловскъ, но въ Петербургѣ подобныхъ приглашеній не было.

Когда-же, по кончинѣ вел. кн. Михаила Павловича, вѣдомство военно-учебныхъ заведеній перешло подъ начальство е. и. в. государя наслѣдника цесаревича, то я, будучи его высочествомъ избранъ въ дежурные штабъ-офицеры штаба, достигъ, наконецъ, счастія служить подъ личнымъ начальствомъ августѣйшаго шефа нашего полка.

При воцареніи-же государя императора Александра Николаевича, я былъ осчастливленъ назначеніемъ во флигель-адъютанты къ его величеству, продолжая, по прежнему, числиться л.-гв. въ Павловскомъ полку, въ которомъ и имѣлъ честь состоять по день производства моего въ генералъ-маіоры, т. е. по 30 число августа 1858 года.

Генералъ-лейтенантъ Михаилъ Александровичъ Марковъ, въ Вильнѣ.

3-го августа 1875 г.
Друскеники.

Примѣчаніе. Напечатанныя выше «Воспоминанія» сообщены намъ лично покойнымъ ихъ составителемъ, М. А. Марковымъ, 30-го декабря, 1875 г. Человѣкъ просвѣщенный и весьма добродушный, Михаилъ Александровичъ былъ довольно извѣстный въ свое время писатель (1830—1840-ые года); портретъ его помѣщенъ въ альманахѣ Смирдина «Сто русскихъ литераторовъ».— См. въ нашемъ альбомѣ «Знакомые»—изд. 1888 г., стр. 68, басню М. А. Маркова.

Ред.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

На святой-то Руси, въ Кременной Москвѣ,
Было то на площади,
Собирались тамъ стрѣльцы-бойцы
Во единый кругъ.
Какъ увидалъ ихъ съ высокà-терема
Атаманушка,
Онъ подходитъ къ нимъ,
Низко кланяется:
— „Да и здравствуйте вы, ребятушки,
Вы стрѣльцы-бойцы!
Да и что это у васъ у стрѣльцовъ-бойцовъ
Да за кругъ собрать?“
— „Собралъ-то насъ стрѣльцовъ-бойцовъ
Православный царь;
Онъ да прежде насъ даривъ жалованьемъ,
А теперь казнить велитъ:
Какъ и пятаго, и десятаго
Кнутомъ сѣчь,
Какъ и третьяго, и четвертаго
Казнить—вѣшать.
Попроси царя, Атаманушка,
Чтобъ простилъ стрѣльцовъ“.
— „Если васъ простить, такъ бояръ казнить“.

Во матушкѣ, во Россіюшкѣ,
Во Россіюшкѣ, въ кременной Москвѣ,
У крыльца то дворца было, у царскаго,
Часовой стоитъ, какъ свѣча горитъ,
Слезно плачетъ, приговариваетъ:
— „Вы подуйте, вѣтры буйные,
Пошатните горы крутыя, лѣса темные,
Разнесите, вѣтры, цáрскую могилушку.
Ты возстань, возстань, Грозный царь,
Царь Иванъ Васильевичъ.
Посмотри-ка на свою Россіюшку,
Посмотри на свою армѣюшку:
Стоитъ не по старому, стоитъ не по прежнему,
Ужъ усы-то да бородушки повыбриты,
Кудри длинные поострижены“.

Сообщ. 31-го декабря 1874 г. г. **Морозъ**.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1859 г. [1]).

Январь 1. Четвергъ. Обѣдалъ вчера у Г., гдѣ собралось нѣсколько литераторовъ, а именно: Тургеневъ, Боткинъ, Анненковъ, Панаевъ, Некрасовъ, Полонскій, Дружининъ. Обѣдъ былъ роскошный и довольно оживленный. Между прочимъ, былъ выпитъ тостъ: „въ честь лучшаго гражданина", которымъ хотѣли почтить меня.

Послѣ обѣда Некрасовъ прочелъ свое замѣчательное стихотвореніе „Кладбище", а затѣмъ, я съ Боткинымъ отправился въ театръ, гдѣ меня уже ожидала моя семья. Давали оперу „Зора", Россини. Она шла превосходно. Особенно восхитила меня Лотти своимъ очаровательнымъ пѣніемъ и игрою. Она очень мила — проста и граціозна.

Послѣ театра заѣхали къ намъ Звегинцевы, еще кое-кто изъ родственниковъ и пріятелей, и мы-таки, наперекоръ всѣмъ невзгодамъ минувшаго года, встрѣтили новый шампанскимъ.

2. Пятница. Для привлеченія въ уѣздныя училища дѣтей

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371 — 406; мартъ, стр. 629 — 653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; іюнь, стр. 611—638; т. LXVII, іюль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626.

низшаго званія почему-бы не постановить, что кончившіе въ нихъ съ успѣхомъ курсъ ученія освобождаются отъ тѣлеснаго наказанія? Это значило-бы не принуждать ихъ насильно къ ученію, а призывать ихъ къ нему, такъ сказать, голосомъ чести.

Литературный обѣдъ у Некрасова. Были почти всѣ наши наличныя извѣстности: Панаевъ, Полонскій, Чернышевскій, Г., Тургеневъ, и т. д. Изъ московскихъ былъ (Н. Ѳ.) Павловъ, къ которому я питаю антипатію и котораго старался здѣсь избѣгать, какъ въ Дрезденѣ его жены. Человѣкъ, который въ печати съ такимъ жаромъ проповѣдуетъ нравственныя начала, а на дѣлѣ топчетъ ихъ въ грязь и самъ необузданно слѣдуетъ влеченію страстей подъ предлогомъ требованій широкой натуры — такой человѣкъ не можетъ возбуждать къ себѣ уваженія, хотя бы онъ обладалъ умомъ и талантомъ. Есть моральныя вѣрованія и принципы, которые человѣкъ долженъ признавать. Никакой умъ и талантъ, никакая широта натуры никого отъ нихъ не увольняютъ.

Горбуновъ читалъ свои драматическія сцены изъ народной жизни—съ обыкновеннымъ искусствомъ.

Вчера и сегодня занимался обдумываніемъ и составленіемъ подробной программы публичныхъ лекцій. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы онѣ сошли хорошо.

6. Вторникъ. По секрету получено въ университетѣ высочайшее повелѣніе, чтобы не дѣлать подписки на денежное вспомоществованіе отставленному московскому цензору [Н. Ѳ.] Крузе.

Много убилъ свободнаго времени на публичныя лекціи, которыя теперь готовы. А что изъ этого? Если онѣ будутъ хороши, то поговорятъ о нихъ дня два, да и забудутъ, а если будутъ дурны, то побранятъ меня, да и не забудутъ этого никогда.

8. Четвергъ. Въ 29 № „Колокола“ прочиталъ письмо къ Герцену, приписываемое Чичерину, въ которомъ Герцена упрекаютъ отъ имени всѣхъ мыслящихъ людей въ Россіи за рѣзкій тонъ и радикализмъ. Это, конечно, отчасти и справедливо, и Герценъ вредитъ этимъ своему вліянію на общество и на правительство. Но возраженіе, ему сдѣланное, кажется, еще вреднѣе: оно какъ-бы оправдываетъ крутыя мѣры и вызываетъ ихъ.

Сильно занятъ моими публичными лекціями. Матеріалъ готовъ, планъ обдуманъ. [Д. В.] Полѣновъ прислалъ мнѣ записки Дер-

жавина, которыя, впрочемъ, будутъ печататься скоро въ „Русской Бесѣдѣ“. Въ нихъ о поэтической дѣятельности Державина почти нѣтъ ничего, а все говорится объ администраціи и службѣ. Видно, это Державина болѣе занимало, чѣмъ поэзія. Я кое-чѣмъ воспользовался для біографіи его.

11. Воскресенье. Мы больны комитетами. Сейчасъ получилъ отъ генерала Левшина приглашеніе быть членомъ комитета для начертанія подробныхъ программъ наукъ въ училищахъ военнаго вѣдомства. и избранія руководствъ. А между тѣмъ, у меня въ головѣ такъ и ходитъ мысль, какъ-бы съ началомъ моей эмеритуры бросить всѣ эти комитеты, безполезные для дѣла и для меня самого.

Разумѣется, отказался отъ этого любезнаго приглашенія. Но все-таки просили меня хоть взглянуть на то, что будетъ сдѣлано другими, и чтобы я хоть числился членомъ. Это послѣднее желаніе забавно.

12. Понедѣльникъ. Засѣданіе въ театральной комиссіи, отъ которой сильно мнѣ хочется отдѣлаться. Я это теперь-же сдѣлалъ-бы, если-бы не нужно было докладывать государю, потому что я опредѣленъ по высочайшему повелѣнію. Сегодня сильныя пренія происходили о пенсіонахъ артистамъ. Боятся все, чтобы не слишкомъ много дать. Я всѣми силами стою за права артистовъ. Но что значитъ мой голосъ противъ тѣхъ, которые боятся раззорить казну двумя, тремя тысячами въ пользу, напримѣръ, круглыхъ нищихъ сиротъ, остающихся послѣ этихъ бѣдныхъ людей.

14. Среда. Странная зима. Безпрерывная оттепель. Сегодня, напримѣръ, около трехъ градусовъ тепла.

16. Пятница. Вчера (была) первая моя публичная лекція. Не знаю, какъ публика, а я ею крайне недоволенъ.

Говорятъ, „Парусъ“ запрещенъ. Его вышло всего еще два нумера.

Дѣло студентовъ, побитыхъ солдатами, по приказанію командира, на пожарѣ, изслѣдовано особою комиссіею, назначенною по высочайшему повелѣнію. Оказалось, что студенты ни въ чемъ неповинны. Они дѣйствительно только спасали имущество товарища, квартира котораго горѣла. Комиссія заключила, что единственное виновное въ этомъ дѣлѣ и подлежащее суду лицо есть

офицеръ, который дѣйствительно далъ приказаніе солдатамъ бить прикладомъ студентовъ, когда тѣ обратились къ нему съ жалобою на то, что одинъ солдатъ ударилъ или толкнулъ ихъ товарища.

(П. К.) Щебальскому министръ поручилъ дѣлать для государя ежемѣсячно обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ статей въ нашихъ журналахъ съ выписками изъ нихъ, какъ это дѣлалось при Норовѣ съ книгами, съ цѣлью знакомить государя съ нашими лучшими литературными и учеными произведеніями.

17. Суббота. Сегодня совершилось двадцатипяти-лѣтіе моей профессорской дѣятельности. Итакъ, я уже эмеритъ! Совѣтъ университета, въ слѣдующее засѣданіе, разсудитъ: оставаться-ли мнѣ еще на пять лѣтъ профессоромъ. Какъ скоро прошли эти двадцать пять лѣтъ! Пошлое восклицаніе! Его повторяютъ всѣ милліонъ разъ. О, жизнь! Что ты, и какое твое назначеніе?...

У меня былъ одинъ изъ моихъ четверговыхъ слушателей. Онъ выражалъ мнѣ свое удовольствіе и пересказалъ мнѣ все содержаніе лекціи. Значитъ, я что-нибудь сказалъ, что не потерялось въ воздухѣ. Можетъ быть и такъ, но я самъ недоволенъ, недоволенъ, тысячу, милліонъ разъ недоволенъ!

„Парусъ“ не запрещенъ, а только велѣно его слѣдующій, то есть третій, нумеръ прислать въ Петербургъ на предварительное разсмотрѣніе.

Между студентами ходитъ листъ съ именами тѣхъ профессоровъ, которыхъ они хотятъ выжить изъ университета.

18. Воскресенье. Оттепель продолжается. Снѣга въ городѣ почти нѣтъ.

22. Четвергъ. Моя вторая публичная лекція въ университетѣ. Я ею нѣсколько довольнѣе, чѣмъ первою.

23. Пятница. Нынче у насъ расплодилась масса періодическихъ изданій. Пересматривать всѣ становится просто непосильнымъ, да, правду сказать, и безполезнымъ трудомъ. Всѣ эти новыя изданія не даютъ ничего новаго. Умственными кормильцами общества по прежнему остаются: „Русскій Вѣстникъ“, „Отечественныя Записки“, „Современникъ“, „Библіотека для Чтенія“, а изъ газетъ—„С.-Петербургскія Вѣдомости“. „Дневникъ“ еще не опредѣлился. Если онъ пойдетъ путемъ, какимъ идетъ теперь, то есть путемъ сухихъ статистическихъ цифръ и данныхъ, съ

перечнемъ извѣстій о пожарахъ и убійствахъ въ губерніяхъ, то изъ него, пожалуй, выйдетъ своего рода полезная спеціальная газета, но сухая, скучная и неспособная дѣйствовать на умы.

Говорятъ, *** изо всѣхъ силъ хлопочетъ, чтобы издатель „Паруса“, [И. С.] Аксаковъ, былъ спроваженъ въ Вятку. Мысль отличная, самая современная, патріотическая и полезная правительству, напоминающая людямъ довѣрчивымъ, утопистамъ и оптимистамъ, что мы еще не такъ далеко ушли отъ временъ Николая Павловича, какъ они думаютъ. Впрочемъ, я не полагаю, чтобы государь на это согласился. Это была-бы большая ошибка.

26. Понедѣльникъ. Публичная лекція М. М. Стасюлевича. Онъ читалъ о провинціальномъ бытѣ Франціи при Людовикѣ XIV. Зала была биткомъ набита слушателями. Первая лекція его, говорятъ (я на ней не присутствовалъ), изобиловала прозрачными намеками на современное положеніе вещей у насъ, и это разлакомило публику.

Аксакова не сослали въ Вятку, но запретили его журналъ. Мнѣ передавалъ Краевскій любопытный разговоръ Аксакова съ ***, гдѣ, между прочимъ, Аксаковъ сказалъ:

„ Вы боитесь, ваше превосходительство, революціи. Вы правы—намъ дѣйствительно угрожаетъ революція, потому что есть заговорщики“.

— „Какъ? спросилъ съ ужасомъ ***,—гдѣ они?“

„Въ третьемъ отдѣленіи. Третье отдѣленіе своимъ преслѣдованіемъ мысли, своимъ гнетомъ готовитъ революцію, ссоря мыслящій классъ съ нашимъ добрѣйшимъ государемъ“.

29. Четвергъ. Моя третья и послѣдняя публичная лекція сегодня имѣла большой успѣхъ, и я самъ доволенъ ею. Получилъ много благодарностей и рукопожатій.

Горлову не позволено читать лекцій изъ политической экономіи. Это успѣхъ гласности! Мы, кажется, не шутя вызываемъ тѣнь . . . . . Но теперь это можетъ быть и опасно. Правительство нехорошо дѣлаетъ, что, принимая начало, не допускаетъ послѣдствій.

Назначенный въ Москву попечителемъ, [Н. В.] Исаковъ объяснялся съ государемъ, желая узнать, какому направленію онъ долженъ слѣдовать, особенно въ цензурѣ.

— „Я убѣжденъ, сказалъ Исаковъ,—что гласность необходима“.

— „И я тоже, отвѣчалъ государь, — только у насъ дурное направленіе“.

Въ чемъ оно состоитъ, однако, ни тотъ, ни другой не могли сказать. Такъ дѣло и остается нерѣшеннымъ, и не въ этомъ одномъ отношеніи.

Вчера я подалъ предсѣдателю театральной комиссіи Жихареву письмо, съ просьбою исходатайствовать мнѣ у министра императорскаго двора увольненіе отъ должности члена въ этой комиссіи. Жихаревъ просилъ меня, вмѣсто оффиціальной бумаги, написать ему дружескую записку, чтобы онъ могъ предварительно переговорить съ министромъ.

Меня не забываютъ старые пріятели: Краевскій, Панаевъ и Катковъ прислали мнѣ билеты на свои журналы.

Нельзя сказать, чтобы человѣческая природа не была способна къ добру. Но между способностью что-либо дѣлать и самимъ дѣломъ—разстояніе огромное. Свойство добра таково, что оно неизбѣжно соединено съ трудомъ и пожертвованіями. Не достаточно стремиться къ нему, а надо еще ради него дѣйствовать, преодолѣвать препятствія. Вотъ этого-то бо́льшею частью и недостаетъ людямъ. Потому-то главная задача воспитанія не столько въ томъ, чтобы возбуждать добрыя намѣренія, сколько въ томъ, чтобы развивать и укрѣплять силу, нужную для ихъ осуществленія.

30. Пятница. Чтобы твердо стоять на почвѣ общественной дѣятельности, надо питать увѣренность, что мы нужны обществу. Пріобрѣсти эту увѣренность на основаніи довѣрія къ своимъ заслугамъ и способностямъ—по крайней мѣрѣ для меня—невозможно. Надо имѣть на то какія-нибудь ручательства со стороны самого общества; надо, чтобы послѣднее признало въ васъ и то, и другое. А чтобы получить это ручательство и это признаніе, надо служить обществу не такъ, какъ ты хочешь, а какъ хочетъ оно. Правда, ты можешь навязать ему свои виды, заставить его принять твои идеи, но для этого надо быть или геніемъ, или шарлатаномъ.

Всю систему моей жизни я основалъ на нравственныхъ принципахъ, на идеяхъ высшаго человѣческаго достоинства и совершенства. Мнѣ хотѣлось дѣйствовать на людей этими силами, которымъ я старался придать и внѣшнюю привлекательность, за-

имствуя ее опять-таки отъ одного изъ нравственныхъ началъ—отъ изящнаго. Поступки мои соразмѣрялись не съ требованіемъ лицъ и обстоятельствъ, а съ личнымъ моимъ одушевленіемъ. Выходило, что я иногда обращалъ на себя вниманіе, но такъ какъ во мнѣ мало было соотвѣтствія съ тѣмъ, что составляло насущную нужду или къ чему клонились страсти и намѣренія людей моей среды, то меня скоро забывали. Мною, при случаѣ, пользовались, но, по минованіи нужды, бросали. Я не хотѣлъ, или не умѣлъ дѣлать уступокъ, но это не изъ гордости или непониманія вещей, а въ силу принциповъ и наклонностей, выработавшихся во мнѣ съ дѣтства. Однимъ словомъ, я всегда былъ, есть и, кажется, навсегда останусь тѣмъ, что называется доктринеромъ...

Въ концѣ концовъ, однако, стоитъ-ли сама жизнь того, что человѣкъ о ней передумаетъ или для нея предприметъ? Вѣдь это только наши страсти, наши пристрастія и привычки заставляютъ насъ такъ много цѣнить и уважать то, что не заслуживаетъ, въ сущности, ни цѣны, ни уваженія. Надо-же быть мужемъ и справляться со всѣмъ этимъ, какъ подобаетъ мужу.

Февраль 1. Воскресенье. Отношенія мои къ П. П—ву давно уже, какъ говорится на дипломатическомъ языкѣ, натянутыя. Въ теченіи двадцатипяти-лѣтнихъ увѣреній въ дружбѣ онъ не разъ подставлялъ мнѣ ногу, и теперь, по пріѣздѣ моемъ изъ заграницы, опять хотѣлъ исподтишка устроить мнѣ новую непріятность. Я успѣлъ это замѣтить, сталъ въ оборонительное положеніе, и дружескія отношенія замѣнилъ приличными. Такъ и до сего дня. Но мнѣ претитъ такимъ образомъ встрѣчаться часто съ человѣкомъ, съ которымъ нѣкогда мы все-таки дѣлились насущнымъ духовнымъ хлѣбомъ, хотя, правду сказать, я рѣдко получалъ отъ него хлѣбъ чистый и вполнѣ доброкачественный. У меня давно мелькала мысль объясниться съ нимъ откровенно, дать ему возможность оправдаться, съ тѣмъ, чтобы съ моей стороны совершенно забыть его кошачьи покушенія. Сегодня, поутру, я окончательно на это рѣшился и поѣхалъ къ нему. Дома нѣтъ—у обѣдни. Досадно. На возвратномъ пути я заѣхалъ къ З., гдѣ случайно узналъ нѣчто, что совсѣмъ охладило мой сентиментальный порывъ и еще разъ доказало мнѣ, что я имѣю дѣло съ сухимъ холоднымъ эгоистомъ, испорченнымъ долгимъ

треніемъ о всякія житейскія мерзости, съ лицемѣромъ, который внутренно осмѣетъ твой порывъ и, при случаѣ, все-таки опять тебя обманетъ, расточая сладкія рѣчи, а на дѣлѣ вредя тебѣ. Я не поѣхалъ вторично къ П—ву.

4. Среда. Я избранъ вчера совѣтомъ (университетскимъ) въ профессоры, заслуженные, еще на пять лѣтъ. Получилъ тринадцать утвердительныхъ шаровъ противъ десяти отрицательныхъ. Видно сильно поработалъ П., чтобы на меня упало столько черныхъ шаровъ. Странное дѣло! Откуда взялось у меня въ университетѣ десять враговъ? Правду сказать, я этого не ожидалъ. И вѣдь ни одного изъ нихъ нѣтъ, рѣшительно ни одного, который не расточалъ-бы мнѣ всевозможныхъ любезностей, и ни одного, съ которымъ-бы я не былъ, по крайней мѣрѣ, въ хорошихъ товарищескихъ отношеніяхъ.

Въ одно время со мною баллотированъ и Устряловъ—и не выбранъ. Но бѣдный Устряловъ, послѣ бывшаго съ нимъ удара, въ полномъ упадкѣ силъ.

6. Пятница. Обѣдалъ у нашего министра (Ковалевскаго). Послѣ обѣда онъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ, что комитетъ наблюденія надъ печатью (А., М. и ***) желаетъ со мною посовѣтоваться насчетъ своего устройства и дѣлъ. Евграфъ Петровичъ не далъ вымолвить мнѣ слова въ отвѣтъ, и, взявъ меня за руку, прибавилъ:

„Пожалуйста, пожалуйста, не отказывайтесь“.

Я отвѣчалъ, что трудно что-нибудь совѣтовать тамъ, гдѣ цѣль самаго учрежденія не опредѣлена, или гдѣ она вращается въ безграничномъ кругу.

— „Но вы все-таки не отказывайтесь, явитесь къ нимъ,— сказалъ министръ,— и прочтите имъ лекцію. Вы найдете между ними одного человѣка, понимающаго вещи: это графъ А.“.

То-же подтвердилъ послѣ и Тютчевъ.

Въ заключеніе я сказалъ, что пусть они назначатъ время и я къ нимъ явлюсь.

Говорилъ со мною еще и товарищъ нашего министра, М., намекая на что-то, что я услышу отъ министра.

М. пользуется милостью двора, но въ публикѣ онъ извѣстенъ какъ человѣкъ пустой. Нынче я говорилъ съ нимъ въ первый разъ и, проговоривъ съ четверть часа, подумалъ, что обществен-

ное мнѣніе врядъ-ли ошибается на его счетъ. Онъ говорилъ избитыя общія мѣста, но съ видомъ высокаго уваженія къ себѣ и къ своимъ словамъ.

Между тѣмъ, комитетъ, какъ я и опасался, грозитъ превратиться въ новый „негласный“, а судя по людямъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, изъ него выйдетъ гласная и чудовищная нелѣпость. И вотъ чѣмъ и какъ думаютъ они направлять умы.

7. Суббота. Вечеръ у [П. К.] Щебальскаго. Онъ живетъ ужасно далеко, на дачѣ за Нарвскою заставою. Мы отправились туда съ Дубровскимъ. Ихъ живетъ тамъ цѣлая колонія—три родныя сестры жены Щебальскаго со своими семействами. Всѣ очень милые люди. Тамъ былъ, между прочимъ, [П. И.] Мельниковъ, редакторъ „Дневника“, человѣкъ умный и очень лукавый, какъ кажется. Онъ принадлежитъ къ типу русскихъ умныхъ людей-кулаковъ.

Комитетъ вступилъ, наконецъ, гласно въ свои негласныя права. Онъ отнесся къ министру съ требованіемъ объявить кому слѣдуетъ, чтобы цензора и литераторы являлись къ нему по его призыву для объясненій и вразумленій. Муханову дано, между прочимъ, право задерживать, до его разрѣшенія, выдачу билета на выпускъ книги или журнала изъ типографіи. Да это хуже Бутурлинскаго негласнаго комитета! Даже Николай Павловичъ не посягалъ на это. Вотъ они забрались въ какое болото! Что-же я съ ними буду говорить, когда они меня позовутъ? Тутъ невозможно никакое разумное внушеніе.

Какая жалость, что дѣла такъ идутъ. Они разрушаютъ возможность сближенія того, что мыслитъ въ Россіи, съ правительствомъ, и какъ мы ни привыкли къ дурному управленію (1859 г.), какъ ни мало у насъ средствъ....., но тутъ неизбѣжно зло и зло великое. Съ одной стороны быстрое послѣдовательное погруженіе въ хаосъ всяческихъ административныхъ безпорядковъ и неурядицы, съ другой—разливъ мнѣній, ужъ совершенно противоположныхъ всякому ретроградному движенію—

мнѣній опасныхъ, когда они сдѣлаются нормальнымъ состояніемъ умовъ, опаснымъ всегда, даже и у насъ. А наверху, плачевная неспособность дать какое-нибудь стройное и разумное направленіе вещамъ,—вѣдь это дурно, изъ рукъ вонъ дурно!

8. Воскресенье. Студентскій обѣдъ. Собралось человѣкъ шестьдесятъ, въ домѣ одного изъ бывшихъ студентовъ Тимоѳеева. Все происходило шумно, весело, но пристойно. Сахаровъ произнесъ рѣчь. Послѣ былъ провозглашенъ тостъ въ честь университета, потомъ тостъ за меня. Я, въ отвѣтъ, предложилъ тостъ въ честь Тургенева и притомъ сказалъ: „Господа! судьба раскидала насъ по разнымъ поприщамъ дѣятельности, но каждый изъ насъ, гдѣ бы онъ ни былъ и какимъ бы путемъ ни шелъ, носитъ въ сердцѣ своемъ глубокую любовь къ русской мысли и къ русскому слову—слѣдовательно и къ литературѣ. Выпьемъ-же въ честь одного изъ лучшихъ строителей этой литературы—въ честь Ивана Сергѣевича Тургенева, который, въ своихъ произведеніяхъ, такъ вѣренъ художественной красотѣ и національному духу, что не знаешь, что онъ больше любитъ — искусство или Россію. По моему, онъ любитъ ихъ равно". Потомъ, въ теченіи обѣда еще разъ пили за мое здоровье и даже за здоровье моей жены. Потомъ пѣли и разъѣхались въ десять часовъ.

9. Понедѣльникъ. Обѣдъ у Тургенева по случаю проекта о фондѣ или „Обществѣ для пособія бѣднымъ литераторамъ и ихъ семействамъ". Какъ обыкновенно, всѣ наши проекты общественные должны быть спрыснуты шампанскимъ. Я мало вѣрю въ русскія ассоціаціи, однако-же я писалъ и проектъ устава общества пособія, къ которому первую мысль подалъ Дружининъ, заимствовавъ ее въ англійскихъ журналахъ, такъ какъ онъ занимается англійскою литературою. Всѣ мы сегодня подписали нашъ проектъ и просьбу на имя министра народнаго просвѣщенія. [Егоръ Петровичъ] Ковалевскій, братъ министра, взялся представить ихъ ему.

13. Пятница. Сейчасъ получилъ приглашеніе на похороны

Маріи Антоновны Корсини или Быстроглазовой. Это одна изъ моихъ бывшихъ ученицъ, съ которой у насъ до послѣдней минуты сохранились самыя теплыя дружескія отношенія. Она была тогда, да и теперь еще рѣдкой красоты. А какой возвышенный умъ, какое прекрасное сердце! И всего лѣтъ тридцать семь или восемь она жила. И этого ничего нѣтъ уже! Мелькнула какъ падучая звѣзда — и погасла! Бѣдная Марія Антоновна! Какъ все это жалко, ничтожно—красота, умъ, высшія качества сердца!

„Смертный! силѣ насъ гнетущей
Покоряйся и терпи".

Въ этомъ вся наука жизни.

14. Суббота. Похороны Маріи Антоновны Корсини. Она еще не начала разлагаться. Лицо ея приняло величественное, строгое выраженіе. Я былъ у обѣдни и на панихидѣ и проводилъ ее до могилы. Ее похоронили на Волковомъ кладбищѣ, направо, между малою и большою новыми церквами. Послѣ я зашелъ поклониться праху моихъ дѣтей...

Непонятно, какъ можно предаваться пошлымъ житейскимъ сплетнямъ послѣ того, какъ встрѣтишься со смертью и побесѣдуешь съ могилами!

Двѣ живыя развалины подошли ко мнѣ на похоронахъ: [Леонтій Вас.] Дуббельтъ, столь нѣкогда страшный,—впрочемъ, страшный только своимъ мѣстомъ, а не сердцемъ и характеромъ,— и [Николай Ив.] Гречъ, тоже нѣкогда знаменитый. Обмѣнявшись общими мѣстами, мы разстались.

15. Воскресенье. Ростовцевъ написалъ мнѣ великолѣпную благодарность за разсмотрѣніе руководства географіи, составленнаго Шульгинымъ для военно-учебныхъ заведеній. Совершенно не за что: работала вся комиссія, гдѣ я былъ предсѣдателемъ. А сдѣлай настоящее полезное дѣло, сдѣлай его собственнымъ бодрымъ и разумнымъ трудомъ—никто не скажетъ спасибо.

17. Вторникъ. Получилъ оффиціальную бумагу, что „государь императоръ, въ уваженіе причинъ, изложенныхъ мною въ письмѣ къ Жихареву, изъявилъ высочайшее соизволеніе свое на увольненіе меня отъ званія члена комитета для преобразованія театровъ". Итакъ, мало по малу, я отсѣкаю у моего оффиціаль-

наго древа вѣтви, отъ которыхъ никому ни тѣни, ни цвѣта, ни плода не было и нѣтъ, а которыя, однако, поглощаютъ много соковъ изъ самаго корня моей жизни. При другихъ обстоятельствахъ совѣсть не допустила-бы меня отказаться отъ общественной обязанности, но въ данномъ случаѣ, право, никто не думаетъ объ искусствѣ. Тутъ будутъ только слова, проекты, цифры, а тамъ дѣло отложится и умретъ въ канцеляріи. Да и нужно мнѣ, наконецъ, побольше сосредоточиться. Много истрачено времени и силъ на эпизоды.

18. Среда. Занимаюсь давно задуманнымъ трудомъ объ изученіи философіи и необходимости преподаванія ея въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

19. Четвергъ. Хорошему еще можно довѣрять, но не довѣряй ничему очень хорошему—ни очень хорошему здоровью, ни очень хорошему обращенію людей, ни очень хорошимъ обстоятельствамъ. Тутъ непремѣнно скрывается или коварство природы, или коварство людей, или коварство судьбы. Это для того, чтобы напасть на тебя врасплохъ.

20. Пятница. Меня призывалъ министръ народнаго просвѣщенія для объясненій. Явился къ нему въ часъ.

„Дѣло объ опредѣленіи васъ въ комитетъ печати, сказалъ мнѣ министръ, — приняло серьезный и щекотливый оборотъ. На это изъявилъ свое желаніе государь, и теперь я вамъ это передаю именно какъ его желаніе, о которомъ мнѣ сообщилъ гр. А.“.

— „Да, отвѣчалъ я, — это дѣйствительно ставитъ меня въ большое затрудненіе. Я готовъ на всякій трудъ, который давалъ-бы хоть тѣнь надежды на пользу дѣлу, столь дорогому для меня, какъ наука и литература. Но у этого комитета нѣтъ почвы, если онъ, какъ говорятъ его члены, созданъ для нравственнаго наблюденія надъ литературою, и тутъ не на чемъ стоять. Если-же онъ долженъ превратиться въ негласный комитетъ, то почва его грязная, и я не хочу на ней выпачкаться“.

Мы долго еще объ этомъ толковали, и, наконецъ, я обѣщался Евграфу Петровичу попытаться, нельзя-ли дать всему этому дѣлу по возможности благопріятный оборотъ.

Пока мы разсуждали, пріѣхалъ Мухановъ. Тутъ у меня завязался съ нимъ отдѣльный разговоръ.

М. старался доказать, что комитетъ не имѣетъ никакихъ

ретроградныхъ намѣреній; что въ немъ ничего нѣтъ похожаго на комитетъ 2-го апрѣля; что государь слишкомъ далекъ отъ подобнаго учрежденія.

— „Меня лично, ваше превосходительство, отвѣчалъ я,—не смущаетъ мысль о комитетѣ 2-го апрѣля: я считаю его невозможнымъ. Даже думать объ его возможности я считалъ-бы противнымъ духу нашего времени и оскорбительнымъ для духа нашего просвѣщеннаго государя. Но не могу скрыть отъ васъ, что общественное мнѣніе сильно предубѣждено противъ этого новаго комитета".

26. Четвергъ. Всѣ эти дни я былъ занятъ размышленіями и переговорами о моемъ предполагаемомъ участіи въ комитетѣ. Въ понедѣльникъ, 23-го, я былъ приглашенъ въ него. Тутъ увидѣлъ я лицомъ къ лицу графа А., Т*** и Муханова.

Принятъ я былъ крайне вѣжливо, особенно графомъ А. Я рѣшился открыто высказать имъ какъ мои убѣжденія, такъ и взглядъ мой на комитетъ, дабы они сами могли рѣшить, могу-ли я участвовать въ дѣлахъ ихъ. Они слушали меня съ глубокимъ вниманіемъ.

Я говорилъ имъ, какое невыгодное мнѣніе составила себѣ публика о комитетѣ; что она считаетъ его комитетомъ 2-го апрѣля; что я, съ своей стороны, полагаю этотъ послѣдній совершенно невозможнымъ въ настоящее время и думаю, что ихъ комитетъ не можетъ быть гасительнаго и ретроградаго свойства; что его единственно возможное назначеніе — быть посредникомъ между литературою и государемъ и дѣйствовать на общественное мнѣніе, проводя въ него, путемъ печати, виды и намѣренія правительства, подобно тому, какъ дѣйствуетъ литература, проводя въ него свои идеи.

Они торжественно подтвердили мой взглядъ.

Я изложилъ имъ также мои политическія вѣрованія. Я полагаю необходимымъ для Россіи всякія улучшенія, считая главными началами въ нихъ: гласность, законность и развитіе способовъ народнаго воспитанія и образованія, другими словами, или говоря модными словами, я вѣрую въ необходимость прогресса. Но есть два рода прогресса: одинъ можно назвать прогрессомъ сломя голову, который часто проскакиваетъ мимо цѣли, и другой—умѣренно, постепенно, но вѣрными шагами идущій къ цѣли; я поборникъ послѣдняго—и неуклонный.

Все это они приняли очень хорошо. Затѣмъ я сказалъ, что если-бы мнѣ пришлось участвовать въ комитетѣ, то не иначе, какъ съ правомъ голоса.

Это ихъ смутило. Мухановъ замѣтилъ, что такъ какъ государь уже утвердилъ положеніе комитета и составъ его, то трудно внести въ него новое начало.

На это я возразилъ, что другой характеръ, характеръ дѣлопроизводителя бюрократическаго, для меня невозможенъ, ни по положенію моему, ни по убѣжденію.

Положено было, чтобы я составилъ записку въ духѣ того, что говорилъ, и въ четвергъ принесъ-бы ее съ собою. Тѣмъ засѣданіе было кончено.

Сегодня, въ четвергъ, я прочиталъ имъ мою записку, гдѣ тѣ-же идеи изложены подробнѣе. Распространившись о томъ, что литература вообще не питаетъ никакихъ революціонныхъ замысловъ, я стоялъ на томъ, что подавлять ее нѣтъ ни малѣйшихъ причинъ; что для нея вполнѣ достаточно обыкновенныхъ цензурныхъ мѣръ; что стѣснять литературу посредствомъ правительственныхъ мѣропріятій невозможно и не должно, и что комитету слѣдуетъ развѣ только, по волѣ государя, наблюдать за движеніемъ умовъ и направлять къ общему благу не литературу, а общественное мнѣніе.

Я забылъ сказать, что въ понедѣльникъ еще, послѣ моихъ объясненій въ комитетѣ, я поѣхалъ къ министру и сообщилъ ему, что требую права голоса въ комитетѣ. Онъ совершенно это одобрилъ, и убѣждалъ меня принять на этомъ условіи мѣсто директора-правителя дѣлъ, такъ какъ съ этимъ правомъ я несомнѣнно буду въ состояніи дѣлать добро.

Онъ сказалъ мнѣ тоже, что въ воскресенье, на балѣ, говорилъ съ государемъ обо мнѣ и указывалъ на меня, какъ на лицо, которое, по его мнѣнію, болѣе чѣмъ кто-либо можетъ дѣйствовать съ пользою въ комитетѣ. Государь обратился къ А. и сказалъ: „Слышишь, Александръ?“ Министръ и прежде, при самомъ образованіи комитета, предлагалъ меня въ члены, вмѣстѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ, Ѳ. И. Тютчевымъ, П. А. Плетневымъ и Егоромъ Петр. Ковалевскимъ, братомъ своимъ.

Записка моя, послѣ всего, была принята, и завтра пойдетъ докладъ къ государю. Жребій брошенъ. Я на новомъ поприщѣ

общественной дѣятельности. Трудности тутъ будутъ—и трудности значительныя. Но нехорошо, не честно было-бы, избѣгая ихъ, отказываться дѣйствовать. Много будетъ толковъ; возможно, что многіе станутъ меня упрекать за то, что я рѣшился съ моимъ чистымъ именемъ засѣдать въ трибуналѣ, который признается гасительнымъ, но въ томъ-то и дѣло, господа, что я хочу парализовать его гасительныя вожделѣнія. Будетъ возможность дѣйствовать благородно—буду, нельзя—пойду прочь.

Во всякомъ случаѣ, я твердо намѣренъ до послѣдней крайности противиться мѣрамъ стѣснительнымъ. Но въ то-же время я убѣжденъ, что и литература, въ данную минуту, не можетъ, не должна расторгнуть всякую связь съ правительствомъ и стать открыто во враждебное ему положеніе. Если я правъ, то необходимо, чтобы кто-нибудь изъ насъ явился представителемъ этой связи и взялъ на себя роль, такъ сказать, связующаго звена. Попробую быть этимъ звеномъ.

Можетъ быть, мнѣ удастся растолковать комитету, что на дѣла подобнаго рода надо смотрѣть широкимъ государственнымъ глазомъ; что комитету не слѣдуетъ враждовать ни съ мыслью, ни съ литературою, ни съ чѣмъ: онъ не партія, а общественный дѣятель; что не слѣдуетъ раздражать умы; что на немъ, комитетѣ, большая отвѣтственность передъ Россіею, Государемъ и потомствомъ, и что въ силу этой отвѣтственности онъ не долженъ останавливаться на мелкихъ литературныхъ дрязгахъ, а смотрѣть дальше и видѣть въ литературѣ общественную силу, которая можетъ сдѣлать много добра обществу. Если-же съ этимъ добромъ соединяются также и неизбѣжные спутники всѣхъ человѣческихъ дѣяній—ошибки, заблужденія, увлеченія, то ихъ ослаблять слѣдуетъ не гнётомъ на самое добро, а разумнымъ вліяніемъ на общественное мнѣніе. Можетъ быть удастся, нѣтъ—такъ не я первый, не я послѣдній изъ обманувшихся въ чистыхъ намѣреніяхъ. Долгъ мой будетъ исполненъ. Да, я приму на себя эту новую обязанность, если мнѣ будетъ предоставлено право голоса.

Тютчевъ, Г.....овъ, Маркъ Николаевичъ (Любощинскій) сильно одобряютъ мое рѣшеніе.

Да и комитетъ, кажется, понялъ чистоту моихъ намѣреній. Въ немъ ни слова не было сказано ни о какихъ-либо выгодахъ,

ни отличіяхъ. А что касается жалованья—я удовлетворюсь первою цифрою, какая будетъ названа. Что-же касается моихъ другихъ занятій, ихъ, само собою разумѣется, придется нѣсколько посократить.

27. Пятница. Правда-ли это? Говорятъ, что редакторъ польской газеты, Огрызко, посаженъ въ крѣпость. Что газета его запрещена, это справедливо. Но что самого редактора запретили, это мнѣ только сегодня сообщилъ одинъ изъ моихъ пятничныхъ посѣтителей. Виновникомъ этого называютъ [кн. М. Д.] Горчакова, намѣстника Царства Польскаго, который теперь здѣсь. Онънапалъ на редактора за напечатанное въ его газетѣ письмо Лелевеля.—письмо само по себѣ можетъ быть и невинное, но преступное по тому, что оно доказываетъ связь редактора съ государственнымъ преступникомъ. Чего нельзя представить въ ужасномъ видѣ? Во всякомъ случаѣ, это весьма печальное событіе. Это первая жесткая мѣра по отношенію къ печати въ нынѣшнее царствованіе.

Главный недостатокъ царствованія Николая Павловича тотъ, что все оно было—ошибка. Возставая цѣлыя двадцать девять лѣтъ противъ мысли, онъ не погасилъ ее, а сдѣлалъ оппозиціонною правительству.

Объ Огрызкѣ и польской газетѣ „Слово“ все справедливо.

Мартъ 1. Воскресенье. Получилъ бумагу съ высочайшимъ утвержденіемъ меня директоромъ дѣлопроизводства комитета по дѣламъ печати. Благослови Боже дѣйствовать на пользу мысли и литературы въ духѣ соглашенія и примиренія!

Поутру былъ у министра и сообщилъ ему содержаніе моей записки, читанной въ четвергъ въ комитетѣ. Онъ былъ очень доволенъ и говорилъ, что теперь онъ спокоенъ, такъ какъ видитъ во мнѣ опору и защитника литературы. Мы долго съ нимъ говорили въ этомъ духѣ. Честный, благородный человѣкъ!

2. Понедѣльникъ. Поутру былъ у Д. Онъ разсказалъ мнѣ процедуру запрещенія „Слова“ и заключеніе Огрызко въ крѣпость. Эта кара постигла послѣдняго за его сношеніе съ государственнымъ преступникомъ. Д. сильно ходатайствовалъ за него у [кн. Василія Андр.] Долгорукова, считая себя единственнымъ виновникомъ появленія статьи въ печати.

Заѣзжалъ къ ректору римско-католической академіи Яку-

бильскому заявить, что мнѣ, можетъ быть, придется оставить ее. Онъ очень огорчился и настаивалъ, чтобы я какъ нибудь остался. Въ самомъ дѣлѣ, пятнадцать лѣтъ служилъ я въ этой академіи, и всѣ въ ней, отъ швейцара до главнаго начальника, оказывали мнѣ неизмѣнное расположеніе. Мнѣ самому грустно разстаться съ нею.

Въ три часа отправился къ М., гдѣ было назначено засѣданіе комитета. Меня привѣтствовали уже какъ сочлена. Государь прочелъ всю мою записку и, говорятъ, остался чрезвычайно доволенъ ею. Это уже очень хорошо, ибо тамъ много сказано въ защиту литературы. Графъ А., между прочимъ, объявилъ мнѣ, что я долженъ буду представиться государю.

4. Среда. До меня доходятъ слухи, что назначеніе меня въ комитетъ вообще встрѣчено съ радостью въ литературномъ кругу. Нѣкоторые изъ крайнихъ полагаютъ, однако, что поступленіемъ моимъ въ комитетъ я утвердилъ его существованіе; что если-бы я отказался отъ него, то, увидѣвъ невозможность привлечь къ себѣ какую-либо изъ благородныхъ силъ литературы, онъ принужденъ былъ-бы закрыться, какъ дѣло вполнѣ неудавшееся и невозможное. Ну, а если-бъ этого не случилось? Не принялъ-ли бы тогда комитетъ характера вполнѣ подавляющаго? Врядъ-ли бы онъ могъ такъ добродушно посягнуть на самоубійство. Не увидѣлъ-ли бы онъ, напротивъ, въ такомъ рѣшительномъ отчужденіи литературы отъ правительства новаго повода пугать ею послѣднее, и не счелъ-ли бы своею обязанностью дѣйствовать противъ нея всячески, какъ противъ явнаго врага. Правительство, пожалуй, опять стало-бы прибѣгать къ сильнымъ мѣрамъ, и запрещенія посыпались-бы то на тотъ, то на этотъ журналъ. Что тогда? Не лучше-ли попытаться достигнуть желаемаго путемъ мирныхъ соглашеній. Если я имѣлъ мужество принять на себя трудную роль посредника между литературою и правительствомъ, то это съ цѣлью отстаивать интересы первой, если они будутъ подвергаться опасности.....

Литературѣ можетъ угрожать еще одинъ сильный врагъ, противъ котораго ей нуженъ союзъ съ правительствомъ—это ретроградныя, ультра-консервативныя и обскурантскія покушенія д.....хъ в..... (1859 г.).

7. Суббота. Читалъ записку мою Д. Онъ выслушалъ съ большимъ одобреніемъ.

Огрызко сдѣлался предметомъ всеобщихъ толковъ. Заключеніе его въ крѣпость и запрещеніе журнала вызвали въ публикѣ самое тяжелое впечатлѣніе. Говорятъ, государь согласился на эту мѣру только потому, что Горчаковъ (варшавскій) объявилъ, что не поѣдетъ обратно въ Варшаву, если Огрызко не будетъ посаженъ въ крѣпость.

Въ совѣтѣ министровъ за Огрызко сильно стояли: Ковалевскій, Ростовцевъ и князь [Вас. Андр.] Долгорукій.

9. Понедѣльникъ. Мнѣ крайне тяжело отъ всѣхъ этихъ толковъ. Но все надо превозмочь: и совѣты доброжелателей, и козни враговъ, и трудности предстоящаго дѣла. Да, многіе краснорѣчиво говорятъ: вотъ то-то и то-то надо сдѣлать для литературы. Я не хочу говорить, но хочу дѣлать. Проповѣдывать вообще легче, но дѣлать—немного труднѣе. Не я основалъ комитетъ. Но сознавъ гнетъ, какимъ онъ долженъ лечь на литературу, я взялся поворотить его оглобли въ сторону общественнаго мнѣнія и поставить его лицомъ къ лицу съ нимъ на почвѣ гласности.

Это попытка быть примирителемъ между мыслью и правительствомъ. Мнѣ, можетъ, не удастся. Но не сдѣлать попытки было-бы трусостью, больше того — было-бы измѣною лучшимъ надеждамъ общества.

Не корыстолюбіе и не тщеславіе руководятъ мною. Я опираюсь на мои человѣческія идеи и на силу воли.

Да и надеждамъ моимъ данъ довольно сильный толчекъ. Въ то время какъ на литературу сыпятся обвиненія въ революціонныхъ замыслахъ, когда противъ нея раздаются вопли Паниныхъ, Чевкиныхъ и такъ далѣе, я уже успѣлъ склонить комитетъ къ признанію, что это ложь, и заставилъ его передать это государю.

Я представляюсь государю, но послѣ чего? Послѣ того, какъ онъ прочелъ мою аппологію литературы, гласности и мысли; послѣ того, какъ я высказалъ мнѣніе, что комитетъ можетъ дѣйствовать развѣ только путемъ той-же гласности, и не на литературу, а на общественное мнѣніе.

10. Вторникъ. Обѣдъ у Дюссо, данный литераторами въ честь актера Мартынова. Собралось человѣкъ сорокъ. Мартынову поднесли письмо, подписанное всѣми присутствовавшими,

и портреты ихъ въ прекрасно переплетенномъ альбомѣ. Письмо прочиталъ за обѣдомъ Дружининъ, во время тоста. Потомъ Некрасовъ прочелъ стихи въ честь Мартынова. Обѣдъ былъ веселъ и оживленъ, но безъ криковъ, возгласовъ и всякихъ излишествъ, какими обыкновенно отличаются наши тріумфальные обѣды. Все было искренно, просто и потому хорошо. Да, я забылъ еще, что [А. Н.] Островскій произнесъ довольно длинную рѣчь отъ имени драматическихъ писателей. Я за обѣдомъ сидѣлъ между Шевченко и Языковымъ.

Всѣ литераторы приняли меня радушно, по-братски. Многіе выражали удовольствіе по случаю моего новаго назначенія. Это было мнѣ пріятно, какъ свидѣтельство, что они понимаютъ мои намѣренія и отдаютъ имъ справедливость. Послѣ обѣда я поѣхалъ на представленіе въ театральную школу.

Въ понедѣльникъ я былъ на вечерѣ у графа Блудова, гдѣ многіе тоже выражали мнѣ свое сочувствіе и одобряли планъ объ изданіи правительственнаго журнала.

Да, да и да, я примирю комитетъ съ литературою и съ общественнымъ мнѣніемъ.

11. Среда. Замѣчательный день: я представлялся государю. Я пріѣхалъ во дворецъ въ половинѣ перваго часа. Въ пріемной залѣ, обращенной къ адмиралтейству, находилось нѣсколько генераловъ и флигель-адъютантовъ. Въ сторонѣ, генералъ-губернаторъ [Пав. Н.] Игнатьевъ разговаривалъ съ графомъ Блудовымъ. Я объявилъ дежурному флигель-адъютанту, зачѣмъ пріѣхалъ. Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ ко мнѣ Игнатьевъ и осыпалъ меня любезностями. Немного спустя, изъ кабинета государя вышелъ министръ народнаго просвѣщенія. Увидѣвъ меня, онъ подошелъ ко мнѣ.

„А мы только-что говорили о васъ съ государемъ, сказалъ онъ, — я бранилъ васъ“.

— „Знаю, ваше превосходительство, отвѣчалъ я, — что ваша брань не во вредъ мнѣ“.

За Ковалевскимъ пошелъ въ кабинетъ государя графъ Блудовъ. Прошло съ часъ времени. Явился графъ А., поговорилъ немного и куда-то ушелъ.

Въ ожиданіи, отъ нечего дѣлать, я расхаживалъ по залѣ, поглядывая то въ окна, то на стѣны, то на знамена, висѣвшія въ углу.

Наконецъ, часа въ два, графъ А. позвалъ меня къ Государю.

— „Очень радъ познакомиться съ вами“, сказалъ мнѣ государь съ невыразимою любезностью.

Я поклонился и ожидалъ, что̀ его величеству еще угодно будетъ мнѣ сказать. Онъ продолжалъ:

— „Я съ вниманіемъ и съ удовольствіемъ читалъ вашу записку. Желательно, чтобы вы дѣйствовали вліяніемъ вашимъ на литературу такимъ образомъ, чтобы она, согласно съ правительствомъ, дѣйствовала для блага общаго, а не въ противномъ смыслѣ“.

„Это, ваше величество, отвѣчалъ я, — конечно, есть единственный путь, которымъ можно идти къ величію и благоденствію Россіи. Употреблю всѣ силы мои для служенія этому дѣлу“.

— „Есть стремленія, продолжалъ Государь,—которыя несогласны съ видами правительства. Надо ихъ останавливать. Но я не хочу никакихъ стѣснительныхъ мѣръ. Я очень желалъ бы, чтобы важные вопросы разсматривались и обсуживались научнымъ образомъ; наука у насъ еще слаба. Но легкія статьи должны быть умѣренны, особенно касающіяся политики“.

Государь особенно налегъ на словѣ политика.

„Государь, отвѣчалъ я, — осмѣлюсь сказать, основываясь на продолжительныхъ моихъ наблюденіяхъ и опытѣ, что лучшіе, и слѣдовательно имѣющіе наиболѣе вліянія, умы въ литературѣ не питаютъ никакихъ враждебныхъ правительству замысловъ. Если встрѣчаются какія-нибудь въ этомъ родѣ ошибки и заблужденія, то развѣ только въ немногихъ еще шаткихъ и неопытныхъ умахъ, которые не заслуживаютъ исключительнаго вниманія“.

— „Не надо думать, замѣтилъ Государь, — что дѣло ваше легко. Я знаю, что комитетъ не пользуется расположеніемъ и довѣріемъ публики.

„Моя роль, какъ я ее понимаю, ваше величество, быть примирителемъ обѣихъ сторонъ“.

— „Опять повторяю, сказалъ еще Государь,—что мое желаніе не употреблять никакихъ стѣснительныхъ мѣръ, и если комитетъ понимаетъ мои виды, то, не смотря на трудности, можетъ все-таки что-нибудь сдѣлать“.

При словахъ: „если комитетъ понимаетъ мои виды“, Государь значительно взглянулъ на гр. А. В. Адлерберга.

Было сказано еще нѣсколько словъ объ изданіи предполагаемой правительственной газеты, а затѣмъ Государь крѣпко пожалъ мнѣ руку и чрезвычайно ласково проговорилъ: „постарайтесь!“ поклонился и оставилъ меня.

Во все время разговора я стоялъ противъ него, а графъ А. сбоку, возлѣ меня.

Трудно передать кротость, благородство и любезность, съ какими Государь говорилъ. Меня особенно поразило во всемъ тонѣ его, въ улыбкѣ, которая почти не сходила съ его устъ, по временамъ только смѣняясь какою-то серьезною мыслью, во всемъ лицѣ, въ каждомъ словѣ—какая-то искренность и простота, безъ малѣйшаго усилія произвести эффектъ, показаться не тѣмъ, чѣмъ онъ есть въ душѣ. Въ немъ ни малѣйшаго напускнаго царственнаго величія. Видно, что это человѣкъ любви и благости, и онъ невольно привлекаетъ къ себѣ сердца. О, подумалъ я, уходя отъ него, сколько-бы можно дѣлать съ тобою добра и сколько-бы ты сдѣлалъ его, если-бы былъ окруженъ людьми болѣе достойными тебя и болѣе преданными тебѣ и благу Россіи!

При выходѣ изъ дворца я еще разъ встрѣтился съ Адлербергомъ и выразилъ ему, какъ я очарованъ государемъ.

— „Государь на васъ надѣется“, сказалъ онъ мнѣ.

Утѣшительно также видѣть, что Государь понимаетъ трудности дѣла. Онъ нѣсколько разъ повторилъ это. Я боялся слишкомъ высокаго тона, который былъ-бы похожъ на приказаніе дѣлать во что-бы то ни стало, и который говорилъ-бы, что все можно, что велѣно. Между тѣмъ, онъ только изъявлялъ свои желанія, свои виды и совѣтовалъ, а не высочайше повелѣвалъ. Онъ, кажется, тоже понимаетъ, что въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ мѣста для обычной сухой административной формальности.

Изъ дворца я прямо отправился къ министру, но узнавъ, что онъ занятъ докладами и что у него М., я не пошелъ къ нему.

12. Четвергъ. Поутру былъ у министра и подробно разсказалъ ему про свое свиданіе съ государемъ.

— „Видите-ли, сказалъ мнѣ Ковалевскій, — каковъ онъ. Нельзя не быть ему преданнымъ отъ всего сердца. Не разъ мнѣ приходилось такъ тяжело, что я готовъ былъ бросить все, но, поговоривъ съ нимъ, опять примирялся. Не далѣе вотъ какъ по дѣлу Огрызко. Я въ совѣтѣ министровъ сильно возставалъ

противъ мѣры, которая надѣлала столько непріятнаго шума. Меня поддерживалъ одинъ Ростовцевъ. Но оба Горчаковы съ такою яростью нападали на Огрызко и его газету, и всѣ прочіе такъ были съ ними согласны, что моя защита не помогла. Мнѣ даже не дали прочитать приготовленной мною записки. Нѣсколько дней Государь, видимо, былъ на меня сердитъ, и я помышлялъ уже объ удаленіи. Но не далѣе какъ вчера я прямо и откровенно высказалъ ему мои убѣжденія, и онъ опять очаровалъ меня своимъ благородствомъ и своею добротою. Силъ нѣтъ ему противиться. О, если-бъ ему немного побольше твердости, да лучшихъ помощниковъ!“.....

Послѣ я откровенно высказалъ министру мое мнѣніе о М. Мои мысли были совершенно согласны съ его. Въ дѣлѣ Огрызко онъ игралъ неблаговидную роль. Онъ былъ подстрекателемъ Горчаковыхъ, а когда увидѣлъ, какое впечатлѣніе это произвело на общественное мнѣніе, онъ началъ осуждать самъ крутую мѣру.

— „А что-же говорили вы мнѣ тому назадъ нѣсколько дней?“ замѣтилъ ему министръ.

Вообще я предвижу большія затрудненія съ этимъ господиномъ. На графа А., кажется, можно будетъ дѣйствовать сердцемъ, на ***—умомъ, а на М—ва ни тѣмъ, ни другимъ, потому что у него нѣтъ ни сердца, ни ума.

Въ комитетѣ М. свирѣпствовалъ противъ „Искры“, на которую сперва напалъ *** за стихи: „На Невскомъ проспектѣ“ (№ 9). Но *** полагалъ достаточнымъ призвать редактора въ III отдѣленіе и вымыть ему голову, а М. бредилъ все гауптвахтою. Я довольно сильно выразилъ сопротивленіе на сильныя мѣры.

Послѣ я разсказалъ о пріемѣ, который сдѣлалъ мнѣ вчера Государь, и особенно налегъ на то, что ему не угодны крутыя и стѣснительныя мѣры, и что я осмѣлился ему сказать о моей роли примирителя.

Теперь на первомъ планѣ забота о газетѣ. Надо склонять комитетъ къ мысли, что онъ можетъ дѣйствовать на общественное мнѣніе только этимъ путемъ, то есть, путемъ гласности, а никакихъ другихъ мѣропріятій.

М., кажется, доставитъ мнѣ всего больше хлопотъ: онъ не способенъ внимать ни голосу разсудка, ни голосу сердца. У него

одна мысль въ головѣ—имѣть вліяніе. Другіе два настолько должны быть умны, чтобы понять, что собственныя выгоды ихъ требуютъ не презирать общественнымъ мнѣніемъ.

Еще надобно доказать имъ, что ихъ честь требуетъ противодѣйствія такимъ людямъ, какъ Чевкинъ, Панинъ и прочіе.

13. Пятница. Вечеромъ у графа Блудова. Тамъ встрѣтилъ я Егора Петровича Ковалевскаго. Онъ противъ моего назначенія.

„Въ благихъ намѣреніяхъ вашихъ, сказалъ онъ, — никто не сомнѣвается, но вы ничего не успѣете сдѣлать".

— „Если я ничего не въ состояніи буду сдѣлать, такъ оставлю. Зла отъ попытки никакого не будетъ, а добро можетъ быть".

„Нѣтъ! возразилъ онъ, — будетъ зло".

— „Какое-же?"

„Трудно сказать вдругъ".

— „Но было-бы трусостью съ моей стороны не дѣйствовать".

Егоръ Петровичъ умный, благородный человѣкъ, но ипохондрикъ и раздражителенъ.

15. Воскресенье. Сегодня былъ у меня Ѳ. И. Тютчевъ. Я прочиталъ ему мою записку. Онъ сильно ее одобрилъ.

Всякій человѣкъ носитъ въ самомъ себѣ или врага, или помощника своимъ цѣлямъ. Онъ долженъ умѣть справляться съ первымъ и вполнѣ пользоваться послѣднимъ. Мой врагъ — слишкомъ живое воображеніе, которое часто преувеличиваетъ опасности и забѣгаетъ впередъ съ своими мрачными изображеніями. Отъ того чувствую по временамъ сильный упадокъ духа. Конечно, это проходитъ, но, тѣмъ не менѣе, такое состояніе и непріятно, и вредно. Съ нимъ надо бороться.

Ни честныя намѣренія, ни добросовѣстный трудъ еще не ручаются за успѣхъ дѣла: для этого нужны еще способность, тактъ.

Я даю большое сраженіе—не знаю, будетъ-ли оно выиграно или проиграно. Но я даю его, во имя чести русскаго ума, за право мысли и просвѣщенія. Упадокъ духа теперь особенно не кстати. Я стараюсь выбиться изъ него всѣми силами. Но надо нѣкоторое время, чтобы равновѣсіе силъ установилось, колеблющійся духъ утвердился снова и внутри меня водворились спокойствіе и рѣшимость идти своимъ путемъ.

Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что я могу принадлежать къ той или другой литературной котери. Я прежде всего и исключительно принадлежу моему убѣжденію, самому себѣ. Я признаю литературныхъ людей нашихъ за лучшихъ людей Россіи. Въ нихъ больше образованія, а слѣдовательно, должно полагать, и стремленія къ лучшему, чѣмъ у другихъ. Это умъ общества, болѣе развитая часть нашихъ нравственныхъ силъ. Сельскій людъ—это почва, почва сочная, плодообѣщающая. Но настоящіе сѣятели въ ней—это люди мысли, дѣйствующіе печатнымъ словомъ, и мысли ихъ необходимо дать больше простора. Я не отдѣляю отъ литературы на этотъ разъ и въ этомъ смыслѣ ни публицистики, ни науки. Но люди, принадлежащіе къ этому кругу, одержимы своего рода заблужденіями и способны къ важнымъ ошибкамъ. Ни этихъ ошибокъ, ни этихъ заблужденій я не раздѣляю. Люди эти часто забываютъ, что для нѣкоторыхъ реформъ мы еще не созрѣли. Всему есть время, всему должны быть соблюдены постепенность и мѣра. Прогрессъ слома голову, я убѣжденъ, никуда не годится. Но постепенный, ровный прогрессъ есть цѣль, къ которой необходимо стремиться.

Крайность этихъ людей состоитъ въ томъ, что они хотятъ все вдругъ, все скорѣе. Сначала сдѣлаемъ, а послѣ будемъ додумывать заднимъ умомъ!

Обойдемся-ли мы безъ революціи? Рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ исторіи. Но если исторія ничего не даетъ даромъ, то надо стараться купить у нея то, чего она не даетъ даромъ, елико возможно меньшею цѣною.

28. Суббота. До сихъ поръ я не вижу въ комитетѣ по дѣламъ книгопечатанія никакихъ особенно враждебныхъ покушеній. Было у нихъ намѣреніе направлять литературу и располагать цензурою посредствомъ внушеній и страха. Но это, теперь для меня очевидно, было скорѣе слѣдствіемъ непониманія вещей, чѣмъ систематически организованнаго замысла. Что касается до направленія литературы, то мнѣ удалось совсѣмъ уничтожить эту мысль, а теперь удалось уже и сильно поколебать покушеніе на литературу.

Въ послѣднемъ засѣданіи (въ четвергъ) я сильно и много говорилъ членамъ о неприкосновенности цензуры и о необходимости сосредоточить ее въ министерствѣ. Цензора сбиты съ толку

и мы не должны еще больше сбивать ихъ своимъ вмѣшательствомъ. Притомъ, что́ мы за сыщики, чтобы гоняться за статейками, и пр.? Наше дѣло государственное, задача коего дѣйствовать на общественное мнѣніе и соглашать его стремленія съ видами правительства посредствомъ открытыхъ, разумныхъ и благородныхъ убѣжденій. „Между правительствомъ, сказалъ я,— и расположеніемъ лучшихъ умовъ въ литературѣ есть точки соприкосновенія, есть стороны, гдѣ возможно соглашеніе. На этихъ-то точкахъ и между этими сторонами надо стоять комитету и приводить ихъ въ гармонію, а не разъединять возбужденіемъ неудовольствій и раздраженій".

Я даже начинаю думать, что комитетъ можетъ быть обращенъ противъ тѣхъ темныхъ силъ, которыя враждуютъ съ мыслью и образованіемъ. Надъ этимъ я и работаю.

Пріѣхалъ Ребиндеръ, чтобы вступить въ управленіе департаментомъ министерства народнаго просвѣщенія. Я видѣлся съ нимъ и мы много говорили о многомъ. Онъ вздумалъ было меня упрекать за комитетъ. Но когда я ему объяснилъ ходъ и сущность дѣла, онъ не только примирился со мною, но еще сталъ усердно поддерживать меня въ моихъ намѣреніяхъ.

29. Воскресенье. У министра. Ему писали изъ Москвы, что тамъ уже начинаютъ чувствовать хорошія послѣдствія моего участія въ комитетѣ, что, по словамъ Евграфа Петровича, дѣйствительно замѣтно и здѣсь, и тамъ. Такъ это или нѣтъ, но дурнаго, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ ничего не вышло.

Продолжительный разговоръ съ Струговщиковымъ, къ которому я заѣхалъ отъ министра.

Меня упрекаютъ въ одномъ—что я задерживаю кризисъ, ибо, будто-бы, отстраняю тѣ мѣры, которыя сильнѣе всѣхъ доводовъ доказали-бы невозможность ретроградныхъ дѣйствій. Мысль эта, повидимому, не лишена основаній. Но развѣ ретроградная партія уже такъ слаба, что окончательно сдалась-бы послѣ одной, другой неудачи? И неужели, съ другой стороны, либеральная партія такъ сильна, что можетъ вѣрно разсчитывать на успѣхъ своего оппозиціоннаго движенія? Вѣдь у первой все-таки въ рукахъ власть, и что, если она вдругъ захочетъ воспользоваться ею и начнетъ прихлопывать то одинъ, то другой органъ мысли?

Неужели настало время совершеннаго разрыва между партіею мысли и движенія и правительствомъ? Неужели нѣтъ выбора, какъ между ультрами? Я не вѣрю этому. А если, какъ говорятъ, я ошибаюсь? Можетъ быть. Но мнѣ надо въ этомъ убѣдиться на самомъ дѣлѣ. Слѣпая ненависть была-бы преступленіемъ. Не должно легкомысленно предаваться гнѣву и рѣшать такіе важные вопросы въ порывахъ страсти или увлеченія.

Я убѣжденъ, что мы еще не созрѣли для кризиса. Зрѣлостью я называю то, когда-бы кризисъ въ состояніи былъ привести вещи къ опредѣленному положенію и ручаться за какую-нибудь благоустроенную будущность. А гдѣ для этого элементы? „Но кризисъ-бы ихъ и произвелъ“. Нѣтъ! кризисъ произвелъ-бы навѣрно хаосъ и больше ничего. Знаю, что есть люди, разсчитывающіе и на хаосъ. Но хаосъ ведетъ непремѣнно или къ анархіи, или къ усиленному деспотизму.

Надо сказать въ комитетѣ: истинный патріотизмъ и государственный образъ дѣйствій состоятъ въ томъ, чтобы охранять основныя начала нашего общественнаго порядка, а не заниматься мелочами. Вѣрно то, что десятокъ мелочей, какъ-нибудь проскользнувшихъ въ печати, никогда не сдѣлаютъ столько вреда, сколько одно поднятое на нихъ гоненіе. Мелочи эти на минуту заставятъ поговорить и исчезнутъ, тогда какъ всякое гоненіе возбуждаетъ негодованіе и держитъ умы въ постоянномъ раздраженіи.

Министръ мнѣ сказалъ, что Ник. Ал. Мухановъ безпрестанно твердитъ о какой-то борьбѣ сословій.

Несомнѣнно то, что многіе наши, такъ называемые, передовые люди, при всѣхъ благородныхъ своихъ стремленіяхъ, не прочь отъ того, чтобы сдѣлаться настоящими вождями движенія и отодвинуть подальше всѣхъ другихъ отъ арены, если эти другіе не подчинятся безусловно ихъ вліянію или ихъ началамъ.

Стремленіе къ возстановленію національностей, кажется, составляетъ одну изъ задачъ нашего времени. Война съ Австріею можетъ окончиться отторженіемъ отъ нея славянскихъ племенъ. Но что тогда станется съ Польшею? Славянофилы мечтаютъ о федераціи славянъ. Какую-же роль тогда будетъ играть Россія? Откажется-ли она добровольно отъ Польши...

30. Понедѣльникъ. . . . . Пусть развивается

гласность, осуществится публично словесное судопроизводство, устроится кассаціонный судъ,—это, вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ, образуетъ уже значительные начатки новаго порядка вещей. При такомъ ходѣ вещей выработаются не только элементы для новаго порядка вещей, но и люди. . . . .

Правительство должно открыто и смѣло удовлетворить нѣкоторымъ желаніямъ образованнаго класса, какъ оно открыто и смѣло удовлетворило нуждамъ низшаго, посредствомъ эмансипаціи.

Апрѣль 1. Среда. Получилъ изъ совѣта университета бумагу о назначеніи меня исправляющимъ должность декана. Приходится отказаться, хотя я никому и ничему не служу такъ охотно, какъ университету. Но ни силъ, ни времени нѣтъ. Теперь я весь углубился въ проектъ газеты.

Надо привести въ систему либеральныя идеи и высказать прямо: чего должно и можно хотѣть.

2. Четвергъ. Правительство никакъ не должно показывать, что оно—врагъ новыхъ идей, если онѣ сдѣлались всеобщими. Его роль въ этомъ случаѣ есть роль согласителя этихъ идей съ общими интересами и съ безопасностью и благомъ государства.

Должно указать настоящій путь либеральному началу, а правительство убѣдить, чтобы оно уважало его.

4. Суббота. Вечеромъ былъ у ***. Если онъ не притворяется со мной, то онъ гораздо выше своей репутаціи, т. е. той репутаціи, какою онъ пользуется въ литературномъ кругу, и мнѣ во многомъ приходится смягчить мое первоначальное о немъ мнѣніе. Онъ оказывается либеральнѣе многихъ и многихъ изъ тѣхъ сановниковъ, съ которыми мнѣ случалось разсуждать и имѣть дѣло. Напримѣръ, онъ прямо сказалъ государю, что правительство его не пользуется довѣріемъ, и что довѣріе это можетъ быть пріобрѣтено уступками общественному мнѣнію, а не насилованіемъ послѣдняго. Онъ читалъ мнѣ свою записку, гдѣ эта мысль выражена. Потомъ онъ вообще показываетъ себя далекимъ отъ кру-

тыхъ мѣръ и совершенно соглашается съ тѣмъ, что надо идти путемъ умѣреннаго и благоразумнаго либерализма. Такимъ образомъ, онъ, повидимому, вовсе не ретроградъ, не реакціонеръ, но не скрываетъ, впрочемъ, что, по его мнѣнію, надо останавливать слишкомъ ярыя стремленія ультра-либераловъ. Словомъ, въ немъ видѣнъ умный человѣкъ, понимающій потребности времени и сознающій необходимость улучшеній. Онъ говоритъ, что онъ вовсе не противъ гласности, а только противъ ея злоупотребленій.

7. Вторникъ. Большой комитетъ у И. Д. Д., гдѣ разсуждали объ учрежденіи педагогическихъ курсовъ при университетѣ. взамѣнъ уничтоженнаго педагогическаго института, и объ открытіи новой шестой гимназіи. Комитетъ былъ слишкомъ многочисленъ, и потому много было пустыхъ толковъ и споровъ. М. С. Куторга, по обыкновенію, выходилъ изъ себя, доказывая, что учитель исторіи долженъ въ совершенствѣ знать греческій и латинскій языки. Пусть въ этомъ своя доля правды, но способъ, какимъ поддерживалъ это Куторга, сильно отзывалъ прѣлымъ самолюбіемъ и педантизмомъ. Онъ по прежнему доказывалъ, что единственный историкъ въ мірѣ Ѳукидитъ, и что всѣ новѣйшіе историки, не исключая и Макколея, въ сравненіи съ нимъ—дѣти. Такая парадоксальность, конечно, никого не могла убѣдить.

12. Свѣтлое Христово Воскресенье. Заутреня въ церкви театральной школы. Ужасная духота, и я страшно усталъ, а къ усталости присоединилось еще и неудовольствіе на церковную службу. Какъ они скомкали эту великолѣпную мистерію! Въ пѣніи и во всемъ скачутъ на пропалую, и отъ того все великое, присущее идеи этого торжества изъ торжествъ, пропадаетъ.

Утромъ былъ у министра и графа Блудова; заѣзжалъ къ Ребиндеру, у котораго просидѣлъ довольно долго, вмѣстѣ съ Струговщиковымъ и Галаганомъ, пріѣхавшимъ въ Петербургъ для присутствованія въ крестьянскомъ комитетѣ. Возвратился домой въ четвертомъ часу, очень усталый.

13. Понедѣльникъ. У министра съ поздравленіемъ. Много-

численное собраніе. Я со всѣхъ сторонъ получалъ привѣтствія. Много было тутъ расточено іудиныхъ лобзаній. Министръ былъ очень любезенъ. Въ углу стоялъ блѣдный и злой К—скій, которому есть отъ чего блѣднѣть и злиться: дни его въ департаментѣ, гдѣ онъ надѣлалъ столько мерзостей, говорятъ, сочтены. Да и меня видѣть, въ моемъ настоящемъ положеніи, для него скорбь великая. Ну, Богъ съ нимъ! Отъ министра заѣзжалъ къ Блудову и Ростовцеву.

16. Четвергъ. Всѣ эти дни занимался проектомъ газеты, и по случаю праздниковъ заѣзжалъ къ нѣкоторымъ изъ моихъ пріятелей. Погода гнуснѣйшая—страшный холодъ и дождь со снѣгомъ.

Отправилъ письмо къ моему старому наставнику, полюбившему и пригрѣвшему меня еще въ бытность мою въ уѣздномъ училищѣ—Александру Ивановичу Морозову. У меня становится тепло на сердцѣ при одномъ имени этого добраго, благороднаго человѣка.

19. Воскресенье. Обѣдалъ у Некрасова. Разсказъ Панаева о П., который отдалъ ему и Некрасову въ аренду „Современникъ“, когда новые журналы не разрѣшались, и получалъ съ нихъ по 3,000 рублей ассигнаціями и по 4% послѣ 1,400 экземпляровъ. Въ дѣлѣ этомъ участвовалъ и я, потому что издателями-хозяевами были Некрасовъ и Панаевъ, а редакторомъ—я. Теперь времена перемѣнились; право изданія журнала ничего не значитъ, потому что его можетъ получить всякій, а П. все-таки требуетъ съ Некрасова и Панаева денегъ—и теперь уже по 3,000 рублей серебромъ въ годъ. Они старались его усовѣстить тѣмъ, что за тѣнь, за имя журнала—это дорогая плата; предлагали ему даже 1,000 рублей въ годъ. Онъ не соглашается. Надо знать, что издатели „Современника“ ничего, кромѣ имени журнала, въ сущности отъ П. не получили: у него тогда было всего двѣсти подписчиковъ, они-же имѣютъ ихъ теперь (1859 г.) пять тысячъ пятьсотъ. Но тогда тутъ былъ смыслъ: это было право, а теперь—ничто. Это юридическій казусъ. Кто-то совѣтовалъ имъ перемѣнить заглавіе журнала и просить позволенія издавать его какъ новый. Тогда (П. А.) П—ву придется ловить дымъ.

Всѣхъ очень обрадовало отрѣшеніе отъ должности Закревскаго. Онъ сдѣлалъ вещь невѣроятную по своей наглости и

презрѣнію всѣхъ законовъ . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . Ни одинъ священникъ не хотѣлъ ихъ вѣнчать. Наконецъ, Закревскій нашелъ одного, который, подъ угрозою ссылки въ Сибирь, согласился, наконецъ, ихъ перевѣнчать. Объ этомъ Закревскій имѣлъ дерзость самъ извѣстить государя. Вслѣдъ за тѣмъ и состоялось его увольненіе.

21. Вторникъ. Былъ у министра. Разговоръ о цензурѣ. (Андрей) Муравьевъ жаловался на „Современникъ“ (4-я книжка) за рѣзкій разборъ его сочиненія. Вообще объясненія мои съ министромъ доставили мнѣ большое удовольствіе. Онъ выразилъ такъ много благороднаго и сильно поддерживалъ меня въ моемъ образѣ мыслей и дѣйствій по комитету.

Педанты обыкновенно придаютъ исключительную важность только своему роду занятій, своей наукѣ, своему ремеслу, своему призванію и т. д., ни мало не заботясь объ отношеніи этихъ занятій къ другимъ и общимъ интересамъ людей, или къ другимъ началамъ. Съ забавною чопорностью тѣшатся они формулами и словами, придавая имъ особенный вѣсъ. Педанты не хотятъ вѣрить, что въ мірѣ все имѣетъ свою важность, свой смыслъ и свое ничтожество, и что умъ состоитъ въ томъ, чтобы не считать на землѣ ничего ни слишкомъ великимъ, ни слишкомъ малымъ.

Итальянскія дѣла очень всѣхъ занимаютъ. Въ прошедшую пятницу нѣкоторые изъ моихъ посѣтителей сговорились при первой-же неудачѣ австрійцевъ выпить шампанскаго за успѣхи итальянскаго оружія.

Сегодня такая отвратительная погода, какую не часто насылаетъ на людей даже петербургскій климатъ. Холодъ, дождь, снѣгъ, грязь.

Да, народомъ должно управлять посредствомъ его самого.

24. Пятница. Заѣхалъ вечеромъ къ графу Блудову. Почтенный старецъ немного живѣе, но вообще нынѣшнюю зиму онъ не такъ бодръ и свѣжъ, какъ былъ еще недавно.

„Куда поѣдете вы на лѣто?“ спросилъ я его.

— „Не знаю, отвѣчалъ онъ,—можетъ быть на Невское".

„Ну, возразилъ я, — если не именно на Невское (кладбище), то въ подобное ему мѣсто намъ всѣмъ предстоитъ путь".

— „Только мнѣ раньше всѣхъ васъ", сказалъ онъ.

25. Суббота. Что я буду дѣлать съ мелочными умами, которые отцѣживаютъ комара и поглощаютъ верблюда?... Я хочу спасать великую существенную вещь, политическій принципъ общества, дѣлая для этого необходимыя уступки и полагая, что этимъ упрочится спокойное, ровное развитіе общества, а они ярятся изъ-за пустяковъ и думаютъ, что спасаютъ общество отъ бурь, когда успѣваютъ потормошить какую-нибудь статейку или фразу.

30. Четвергъ. Обѣдалъ у Дюссо, вмѣстѣ съ Гончаровымъ, Некрасовымъ, Панаевымъ, Ребиндеромъ и нѣкоторыми другими. Провожали Тургенева за-границу.

Май 1. Пятница. Прекрасный день, а вчера еще я долженъ былъ ѣздить въ шубѣ.

Москва, говорятъ, сильно жалѣетъ объ отставкѣ Закревскаго. Если это правда, то вотъ вамъ и общественное наше мнѣніе! А не она-ли вопила прежде: когда мы отъ него избавимся!

Самое трудное дѣло—переубѣждать людей, зараженныхъ предразсудками, особенно тамъ, гдѣ они лишены того возвышеннаго взгляда на вещи, который въ состояніи былъ-бы измѣрить, не только близкое и настоящее, но и отдаленное, и отношеніе настоящаго къ будущему.

Всѣ требуютъ мѣръ, забывая, что правильная мысль есть тоже мѣра, только внутренняя, безъ которой, однако-жъ, всѣ внѣшнія мѣры ничего не значатъ.

У насъ ужасно привыкли успокоиваться на распоряженіяхъ, комитетахъ, предписаніяхъ. Опредѣленныя начала, убѣжденія, основныя истины мало принимаются въ соображеніе.

Такъ называемый прогрессъ историческій есть не иное что, какъ работа Данаидъ. Едва человѣчество успѣло поднять одну массу усовершенствованій, новыхъ идей, открытій, какъ другая масса готова, и ее также надо поднять и т. д. до безконечности.

Но надо вѣрить въ прогрессъ настолько, насколько нужно, чтобы не дать заснуть себѣ и другимъ.

3. Воскресенье. Нѣтъ, это не правда, что Москва сожалѣетъ о Закревскомъ. Напротивъ, она въ восторгѣ отъ его паденія. Сегодня я былъ у Д. П. Хрущова, и онъ читалъ мнѣ письмо одного изъ московскихъ своихъ пріятелей, человѣка правдиваго и серьезнаго. Онъ пишетъ, что радость была всеобщая; многіе обнимались и цѣловались, поздравляя другъ друга съ этимъ событіемъ, и благодарили государя. Недовольныхъ было только нѣсколько чиновниковъ.

Хорошо, если-бы въ разговорахъ почаще вспоминали изреченіе Фокіона, который сказалъ, что каждое слово, прежде произнесенія его, должно обмакнуть въ умъ.

6. Среда. Экзаменъ въ университетѣ. Экзаменовался второй курсъ филологовъ. На этотъ разъ молодые люди очень удовлетворительно разрѣшали трудные вопросы изъ философіи литературы. Это успѣхъ.

7. Четвергъ. Экзаменъ нѣкоторыхъ юношей, вступающихъ въ университетъ.

Есть люди, конечно, немногіе, особенно женщины, у которыхъ, не смотря на разныя невзгоды жизни, на бѣдствія и преслѣдованія судьбы, всегда найдется теплое, привѣтливое слово для ближнихъ, улыбка, участіе къ бѣдамъ, и прочія хорошія вещи, доказывающія здоровую, богатую натуру, которую не такъ-то легко сломить и разворить въ конецъ.

8. Пятница. Ѣздилъ въ Царское-Село къ графу (А. В.) Адлербергу. Много говорилъ съ нимъ о литературѣ и цензурѣ, стараясь разъяснить разныя предубѣжденія, которыхъ довольно. Онъ человѣкъ съ умомъ и благородными наклонностями, насколько онѣ могли сохраниться отъ разсѣянной жизни. Но бѣда съ нашими вліятельными людьми! Они неспособны къ труду мысли, мало образованы и чужды всякой глубины взгляда.

10. Воскресенье. Представлялся въ Царскомъ-Селѣ Государю, для принесенія благодарности за ленту. Мы поѣхали въ десять часовъ утра съ Ребиндеромъ, который также долженъ былъ благодарить за чинъ тайнаго совѣтника. У дебаркадера желѣзной дороги въ Царскомъ-Селѣ насъ ожидали придворные экипажи. Мнѣ пришлось ѣхать во дворецъ вмѣстѣ съ моимъ почтеннымъ домовладѣльцемъ, барономъ Фридериксомъ, и генераломъ Броневскимъ. Кареты были очень кстати, потому что

шелъ сильный дождь и ѣхать на лирѣ или на гитарѣ значилобы подвергать крайней опасности отъ грязи бѣлые штаны и съ золотымъ позументомъ шляпу.

Государь принялъ насъ послѣ обѣдни, въ небольшой залѣ, наверху. Была порядочная тѣснота. Меня поставили возлѣ князя (С. Н.) Урусова, исправляющаго должность оберъ-прокурора синода, и мы тутъ-же познакомились. Невдалекѣ отъ меня стоялъ и Ребиндеръ.

Государь вышелъ въ половинѣ перваго. Онъ былъ въ бѣломъ мундирѣ и въ брюкахъ съ желтыми лампасами. Однихъ онъ удостоилъ улыбкою, другихъ только поклономъ, а съ иными сказалъ нѣсколько словъ. Ребиндеру онъ сказалъ:

— „Благодарю за прошедшее и надѣюсь на будущее".

Наконецъ, дошла очередь и до меня.

— „Благодарю васъ, сказалъ онъ и мнѣ съ привѣтливою улыбкою.—Занимаетесь вы вашимъ трудомъ?"

„Занимаюсь, ваше величество", отвѣчалъ я.

— „Какъ скоро вы надѣетесь кончить?"

— „Я надѣюсь лѣтними мѣсяцами кончить планъ, а съ новаго года можно будетъ начать самое изданіе".

Онъ съ новою улыбкою поклонился и обратился къ другимъ. Минутъ черезъ пять, Государь обошелъ весь кругъ и раскланялся со всѣми.

Изъ дворца я заѣхалъ къ моему старому знакомому Цылову, который теперь состоитъ полиціймейстеромъ въ Царскомъ-Селѣ, а отъ него уже отправился на желѣзную дорогу. Оставалось еще полчаса до отхода машины. Мы соединились съ Ребиндеромъ и поѣхали обратно.

Сегодня былъ большой выходъ и потому во дворцѣ собралась толпа гражданскихъ и военныхъ чиновъ, особенно много военныхъ. Лентами—хоть мостъ мости. Смотря на этихъ людей, я еще разъ пришелъ къ заключенію, какъ трудно въ этихъ головахъ, подъ этими блестящими мундирами, зародиться мысли объ общественномъ благѣ, о которомъ, если въ эту минуту здѣсь кто-нибудь думалъ, то одинъ только Государь. Имъ некогда заняться серьезно этою мыслью; они всѣ поглощены заботами о выставленіи себя, о представленіяхъ, о своихъ мѣстахъ, лентахъ, мундирахъ и т. д. Нѣтъ! Не отсюда, а изъ нѣдръ

народа могутъ вытекать истины о нуждахъ его, и слагаться мысли, какъ удовлетворять этимъ нуждамъ. . . . . Но надо, чтобы и народъ созрѣлъ . . . . . Иначе представители чортъ знаетъ чего нагородятъ или перессорятся за то, чье мнѣніе должно быть главнымъ, и все-таки кончится тѣмъ, что рѣшить долженъ будетъ одинъ, старшій.

Вечеромъ провожалъ министра, который ѣдетъ осматривать университеты. Онъ былъ очень любезенъ.

11. Понедѣльникъ. Французы и сардинцы немножко поколотили австрійцевъ, чему я сердечно радуюсь; за то мнѣ цѣлую ночь снилась Пруссія, будто она собрала войска свои и Германскаго союза, чтобы двинуться на Рейнъ. А вѣдь это можетъ быть.

Вечеромъ совѣтъ въ университетѣ и комиссіи о приготовленіи въ университетѣ учителей взамѣнъ тѣхъ, какихъ давалъ закрывшійся Педагогическій институтъ. И это собраніе походило на большинство нашихъ собраній, которыя представляютъ изъ себя нѣчто похожее на жидовскій кагалъ. Одинъ хочетъ говорить и не хочетъ позволить этого другому, а какъ этотъ другой того-же хочетъ, и всѣ хотятъ этого-же, то поднимается крикъ, отъ котораго трещатъ уши, болитъ голова и отъ котораго одно средство—бѣжать, что я на этотъ разъ и сдѣлалъ.

Въ совѣтѣ былъ споръ между Кавелинымъ и юридическимъ факультетомъ. Кавелину хочется опредѣлить въ университетъ своего пріятеля Б. И. Утина и для этого онъ предлагаетъ учредить новую каѳедру: всеобщей исторіи положительныхъ законовъ. Факультетъ ему доказываетъ, что этой науки нѣтъ, а Кавелинъ утверждаетъ, что хотя и нѣтъ, но ей слѣдуетъ быть. Ему опять возражаютъ, что изъ того, что слѣдуетъ быть, еще не слѣдуетъ то, что она есть; онъ продолжаетъ свое. Онъ ссылается на нѣмецкихъ и французскихъ авторовъ, благопріятствующихъ, по его заявленію, защищаемой имъ каѳедрѣ; ему доказываютъ, что онъ цитируетъ фальшиво и т. д., и т. д. А совѣтъ долженъ рѣшить кто правъ, кто виноватъ. Надо, однако, сказать, что Кавелинъ какъ-то младенчески утопиченъ и либераленъ. Онъ принадлежитъ, впрочемъ, къ числу тѣхъ либераловъ, которые хлопочутъ о свободѣ съ тѣмъ, чтобы всѣ были свободны

отъ деспотизма того, другаго, но не отъ деспотизма ихъ самихъ. Этотъ послѣдній они считаютъ вполнѣ законнымъ, и за свободу повиноваться ему они на все готовы.

14. Четвергъ. Убѣжалъ на дачу въ Павловскъ. Май удивительный! Главное, въ немъ нѣтъ никакого коварства, то есть онъ даетъ избытокъ тепла и свѣта безъ всякаго намека на неожиданныя дуновенія сѣвернаго вѣтра. Прельщенные прелестями дня, вы выходите на прогулку въ легкомъ платьѣ и не подвергаетесь опасности вернуться домой съ насморкомъ или ревматизмомъ.

19. Вторникъ. Со среды до понедѣльника провелъ на дачѣ въ объятіяхъ прекраснаго мая, который, если чѣмъ не хорошъ, то только тѣмъ, что слишкомъ жарокъ. Поутру въ тѣни градусовъ за двадцать. Вчера пріѣхалъ я въ городъ. Сегодня здѣсь надо заняться кое-какими служебными дѣлами, или, лучше сказать, дѣлишками. Завтра въ Царское-Село и уже оттуда домой въ Павловскъ. Все работаю надъ проектомъ газеты, но въ эти дни мало сдѣлалъ. Приходилъ Гончаровъ проститься. Онъ ѣдетъ заграницу на четыре мѣсяца. Счастливецъ. И свобода, и югъ, и горы Шварцвальда, и Рейнъ!

Отъ Дружинина письмо изъ Москвы: тамъ, по его словамъ, всѣ окончательно убѣдились въ пользѣ моего поступленія въ комитетъ.

Какъ избѣгать колебаній, происходящихъ отъ различныхъ настроеній духа? Держаться крѣпче за основную мысль и не обращать вниманія на приливы и отливы внутреннихъ ощущеній. Крѣпкая воля состоитъ въ томъ, чтобы рѣшительно рѣшить что-либо, а на остальное не обращать вниманія.

Случалось, конечно, что я подавалъ поводъ къ враждѣ; но чаще случалось, что мнѣ оказывали непріязнь, спѣшили сдѣлать мнѣ гадость безъ всякаго отъ меня повода. Но причина все-таки должна быть. Различіе вкусовъ, мнѣній, положеній — вотъ достаточныя причины вражды между людьми. Все это, однако, ужасно мелко, ужасно нелѣпо!

Рѣдко въ борьбѣ и враждахъ люди возвышаются до идей общаго добра, а чаще всего они прикрываютъ ими самыя презрѣнныя, эгоистическія побужденія, самыя маленькія страсти. Лицемѣріе и лживость самые обыкновенные, но и самые гнусные пороки человѣческаго сердца.

22. Пятница. Послѣ вчерашняго сильнаго дождя и грозы—холодъ. Вчера, во время обѣда, было еще двадцать пять градусовъ тепла, а вечеромъ—восемь. Сегодня пять. Всѣ одѣлись въ теплое, въ комнатахъ топятъ.

25. Понедѣльникъ. Всѣ эти дни былъ сильный холодъ. Сегодня опять потеплѣло.

Въ канцеляріи министра финансовъ, куда приходилъ за нѣкоторыми справками, нечаянно встрѣтился съ Катковымъ. Мы не видались года четыре. Онъ ѣдетъ въ Берлинъ, къ знаменитому врачу Греффе, посовѣтоваться насчетъ своихъ глазъ, которые у него очень слабы. Онъ не можетъ читать. Къ сожалѣнію, онъ завтра уже садится на пароходъ и мы могли только вскользь кое о чемъ переговорить, отложивъ все прочее до его возвращенія въ сентябрѣ. Получивъ въ канцеляріи министра бумагу для полученія золота, онъ простился со мною, чтобы отправиться въ казначейство.

Кстати, о золотѣ: его совсѣмъ нѣтъ въ обращеніи и очень мало въ казнѣ; поэтому его съ большимъ затрудненіемъ выдаютъ ѣдущимъ заграницу; ѣдущихъ-же туда нынѣшнее лѣто безчисленное множество. Курсъ на наши деньги заграницею страшно упалъ, и здѣсь золотой полуимперіалъ стоитъ 6 руб. 20 коп. и болѣе.

Въ Петербургѣ были рѣзкіе случаи холеры.

29. Пятница. То въ городѣ, то въ Павловскѣ. Опять былъ дождь, опять гроза и опять холодъ.

Графъ Кутузовъ умеръ отъ холеры, поѣвъ ботвиньи, когда уже до того былъ нездоровъ.

30. Суббота. Странно и справедливо, что ничто столько не вводитъ въ заблужденіе людей, какъ примѣры. „Такъ-то было тогда-то, такъ должно и можетъ быть и теперь“, а между тѣмъ, никогда вещи не бываютъ такъ, какъ были прежде. Мы обольщаемся аналогіею главныхъ обстоятельствъ, а міръ управляется мелочами, и общій законъ есть не иное что, какъ summa summarum этихъ мелочей.

Іюнь 10. Среда. Лѣто, кажется, небывалое въ Петербургѣ. Роскошная теплота юга, умѣряемая, но не парализуемая частыми дождями, которые сопровождаются довольно сильными, по здѣшнему, грозами; богатая зелень, все прелестно! Я мало,

однако, пользуюсь этими прелестями, работая надъ моимъ дѣломъ. Я сижу у себя въ кабинетѣ до самаго обѣда, а вечеромъ чувствую какую-то физическую усталость и не могу наслаждаться прогулкою. Дѣло, впрочемъ, подвигается впередъ. Но сколько предстоитъ еще трудовъ и трудностей! Главное затрудненіе—гдѣ достать людей и довольно талантливыхъ, и довольно благородныхъ, и довольно благоразумныхъ, которые поняли-бы, что среди современныхъ стремленій можно и должно, не клонясь ни въ ту, ни въ другую сторону, твердо стоять на почвѣ собственныхъ безкорыстныхъ убѣжденій; что намъ еще рано думать о радикальныхъ переворотахъ; что много хорошаго еще возможно на постепенномъ пути къ нимъ; что наша безалаберность и политическая незрѣлость еще не въ состояніи теперь-же, сейчасъ, вынести полнаго разрыва съ сильною, сосредоточенною властью? А не найдя такихъ людей, можно-ли выполнить и мой планъ?

Часто одолѣваютъ меня такія сомнѣнія, что я почти готовъ бываю лишиться бодрости. Къ счастью, эти часы искушенія и упадка духа проходятъ, и я снова проникаюсь энергіею, готовый все исполнить, не смотря на шаткость и неувѣренность успѣха.

Не будь пороковъ, страстей, заблужденій и бѣдствій — изъ чего-же бы состояла исторія человѣчества?

11. Четвергъ. Въ городѣ. Послѣ академическаго засѣданія я остался въ Петербургѣ и часовъ въ шесть отправился на Черную рѣчку, къ Марку (Николаевичу Любощинскому). Тамъ нашелъ (С. И.) Зарудnаго и (Д. П.) Шубина. Отъ нихъ, какъ отъ служащихъ въ государственномъ совѣтѣ, узналъ, что государь велѣлъ въ нѣсколько дней разсмотрѣть мой цензурный уставъ и не расходиться безъ этого даже для каникулъ. Возможное-ли это дѣло? И притомъ безъ министра народнаго просвѣщенія, который теперь въ отлучкѣ. Совѣтъ не знаетъ, что́ ему дѣлать. Мнѣ пришла идея—ѣхать къ Муханову и сказать ему, что уставъ имѣетъ связь съ нашимъ комитетскимъ дѣломъ, и что, пока не кончено послѣднее, нельзя разсматривать первый. Зарудный и Шубинъ одобрили эту мысль.

Я дѣйствительно былъ у Муханова. Онъ обѣщалъ воспользоваться этою мыслью и, между тѣмъ, напомнить Государю объ обѣщаніи Ковалевскому, когда тотъ уѣзжалъ, до его возвращенія не разсматривать устава.

А что побудило къ такой скорости? Вернадскій, въ своей газетѣ, въ смѣси, между разными слухами, напечаталъ, будто Клейнмихелю хотятъ воздвигнуть памятникъ. Это, говорятъ, взволновало власть. Правду сказать, Вернадскій поступилъ, какъ школьникъ: не слѣдовало дразнить цензуру. Но, въ сущности, что-же тутъ ужаснаго и стоило-ли изъ-за этого подвергать опасности, скомкать такое важное дѣло, какъ цензурный уставъ?

Я называю мой цензурный уставъ, но такъ-ли это? Онъ проходилъ черезъ многія руки и, между прочимъ, черезъ руки такихъ людей, какъ, напримѣръ, Берте, правитель канцеляріи главнаго правленія цензуры, — и каждый изъ этихъ господъ считалъ долгомъ своимъ оставить на немъ слѣды своихъ рукъ. Можно себѣ представить какимъ чистымъ въ заключеніе вышелъ онъ! А министръ не имѣлъ, кажется, твердости дѣйствовать какъ должно. Вотъ отъ какихъ людей и обстоятельствъ зависитъ у насъ рѣшеніе важныхъ государственныхъ вопросовъ!

12. Пятница. Случайно сегодня на музыкѣ встрѣтился съ Мухановымъ. Онъ мнѣ говорилъ, что сильно хлопочетъ о томъ, чтобы уставъ о цензурѣ не былъ разсмотрѣнъ въ государственномъ совѣтѣ до возвращенія Ковалевскаго, и что есть надежда успѣть въ этомъ.

Ребиндеръ мнѣ говорилъ, что М. вообще вовсе не такъ дуренъ, какъ о немъ толкуютъ; что онъ доступенъ хорошимъ идеямъ, и хотя не глубоко, но понимаетъ вещи. Иной разъ и мнѣ начинаетъ такъ казаться.

15. Получено по телеграфу извѣстіе, что австрійцы снова разбиты, и страшно разбиты въ генеральномъ сраженіи французо-сардинцами. Говорятъ, легло страшное множество людей съ обѣихъ сторонъ.

19. Пятница. Засѣданіе въ комитетѣ въ Царскомъ-Селѣ. Насъ было только трое: графъ А., М. и я. *** въ отпуску. Положено было приступить къ чтенію моего проекта, который почти конченъ. Чтеніе дѣйствительно начато. И вотъ я опять наткнулся на замѣчанія, которыхъ уже больше не ожидалъ, напримѣръ: что общественнаго мнѣнія у насъ нѣтъ, да едва-ли оно и возможно; что толки, какіе мы ежедневно слышимъ и читаемъ въ журналахъ, не составляютъ его, и т. д. Это говорилъ

графъ А. Ему возражалъ М. и, надо сказать, довольно умно и удачно. Откуда набрался этихъ понятій графъ — не понимаю. Не въ томъ дѣло, что онъ не высокаго мнѣнія о нашемъ общественномъ мнѣніи, а въ томъ, что онъ въ этотъ разъ вообще обнаружилъ какое-то сопротивленіе, какую-то непріязнь ко всему мыслящему, чего я прежде въ немъ не замѣчалъ. Очевидно, это навѣяно на него какимъ-нибудь недавнимъ событіемъ. Всего важнѣе то, что тутъ надо подразумѣвать.

Мы прочитали немного, а все разсуждали и спорили, такъ что изъ этого засѣданія ничего путнаго не вышло. Для меня, однако, оно было очень важно. Я вижу, что мнѣ надо измѣнить мою тактику. Я думалъ дѣйствовать прямо, силою истины, но мы стоимъ не на одинаковой почвѣ и надо маневрировать. Мнѣ хотѣлось разъяснить имъ вещи, чтобы они пришли сами къ извѣстнымъ убѣжденіямъ,—теперь надо, чтобы они приняли ихъ противъ воли. Они и примутъ ихъ, если не захотятъ опустить руки и предоставить все судьбѣ. Жаль! Они люди недурные, особенно графъ А., но до того замкнутые въ кругу тѣсныхъ—идей, что почти совершенно неспособны понимать того, что происходитъ на широкомъ полѣ жизни, вѣка и исторіи. Я, между прочимъ, сказалъ: „положимъ, что все это такъ, и что вы совершенно правы въ вашемъ недовѣріи къ общественному мнѣнію, но вѣдь то, на что вы теперь нападаете, вѣдь уже не мнѣніе только, не идея, а фактъ. И какъ этотъ фактъ есть сила въ обществѣ и сила значительная, то вопросъ уже не въ томъ, хороша она или дурна, а въ томъ, въ какое отношеніе поставить себя къ ней; какъ сдѣлать, чтобы она была, по возможности, не только безвредна, а и полезна“.

Положено завтра продолжать чтеніе.

20. Суббота. Прогрессъ, о которомъ нынѣ такъ много хлопочутъ—чистая иллюзія. Но то несомнѣнно, что неперемѣнность состояній невозможна на землѣ, и люди всегда будутъ стремиться къ чему-то, чего нѣтъ или чего еще не было, думая, что они идутъ впередъ. Въ сущности, такъ называемый, прогрессъ заключается въ перемѣнѣ состояній, въ переходѣ изъ одного изъ нихъ въ другое, какъ скоро въ первомъ истощено все, что въ немъ есть, и, наконецъ, въ извлеченіи изъ множества золъ каждаго изъ состояній немножко добра, которое отличается отъ прежняго не количествомъ, а качествомъ.

Засѣданіе наше сегодня не состоялось, потому что Госуд
позвалъ къ себѣ графа А. обѣдать.

Іюль 4. Суббота. Былъ въ Петергофѣ, но засѣданія он
не было. Пробылъ тамъ до половины седьмаго часа. Попро
валъ пообѣдать въ трактирѣ вокзала, и получилъ за полт
рубля нѣчто очень плохое. Возвратился въ Павловскъ въ од
надцать часовъ.

Итакъ, миръ: сѣверная Италія полу-свободна; Наполео
заключилъ его, никого не спросясь и безъ всякихъ посред
чествъ.

12. Воскресенье. Въ Петергофѣ. Читалъ планъ газе
Одобренъ. Споръ такой-же, какъ и въ прошлое засѣданіе, о
волюціонномъ направленіи умовъ. Я всѣми силами старался
казать, что такого направленія на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни въ
шей литературѣ, ни въ нашемъ обществѣ; что у насъ нѣтъ э
ментовъ для революціи — ихъ не выработала исторія; что ес
намъ чего надо бояться, такъ это полнаго хаоса обществе
ныхъ отношеній и администраціи, и все-таки и это
произведетъ политическаго переворота, а развѣ только та
неурядицу, рѣзню безъ опредѣленной цѣли. Но до хаоса сл
дуетъ и должно не допустить.

Обѣдалъ у графа Адлерберга.

17. Пятница. Ѣду въ Москву недѣли на двѣ.

18, 19, 20, 21, 22. Въ Москвѣ. Въ субботу, 23-го, я возвр
тился изъ Москвы. Зачѣмъ туда ѣздилъ я? Что тамъ дѣлал
Цѣль поѣздки была, во-первыхъ, отдохнуть отъ безпрерывн
умственной работы вдали отъ вызывающихъ ее обстоятельст
Во-вторыхъ, я имѣлъ тоже намѣреніе проѣхать оттуда въ М
ромъ, къ брату, который хотѣлъ пріѣхать за мною въ Моск
Мнѣ очень хотѣлось видѣться съ братомъ. Кромѣ того, я х
тѣлъ посмотрѣть на московскихъ литераторовъ и сдѣлать м
ленькую рекогносцировку, нельзя-ли кого пріобрѣсти въ сотру
пики для будущей газеты. Ничто изъ этого не достигнуто: бра
въ Москву не пріѣхалъ; вѣроятно, онъ не получилъ мое
письма. Литераторовъ лѣтомъ въ Москвѣ мало, а тѣ, которы
я видѣлъ случайно, къ дѣлу не относятся. Москва показала
мнѣ какою-то грязноватою, пустынною и скучноватою. Если-б
не мысль, что, авось, подъѣдетъ братъ, я уже на третій де

уѣхалъ-бы назадъ. Единственный день, проведенный мною пріятно, былъ съ моимъ милымъ Шоромъ, въ Петровско-Разумовскомъ, куда я ѣздилъ къ нему въ среду.

Ультра-либералы и не подозрѣваютъ, какіе они сами деспоты и тираны: какъ эти желаютъ, чтобы никто не смѣлъ шагу сдѣлать безъ ихъ вѣдома или противу ихъ воли, такъ и они желаютъ, чтобы никто не осмѣливался думать иначе, чѣмъ они думаютъ. А изъ всѣхъ тираній самая ужасная—тиранія мысли. Почему такой-то господинъ считаетъ себя въ правѣ думать, что только тотъ способъ служить дѣлу человѣчества хорошъ, который онъ предлагаетъ, и что всѣ мыслящіе не такъ, какъ онъ, должны быть прокляты.

Я желалъ-бы быть понятъ друзьями нашего, такъ называемаго, прогресса, какъ слѣдуетъ; желалъ-бы, чтобы они отдали и мнѣ справедливость. Но если это невозможно, то мнѣ остается идти своею дорогою, опираясь на свою совѣсть, и въ ней одной искать вознагражденія за мои чистые и безкорыстные труды для той-же великой общественной пользы, къ которой, повидимому, и они стремятся.

„Въ дому Отца моего обители мнози суть“.

Я полагаю, что если мысль наша и литература должны по роковой необходимости стать въ открытую вражду съ правительствомъ, то теперь еще не пришло къ тому время.

Между дѣятелями или вождями нашего общества лежитъ бездна, которая всегда будетъ мѣшать ихъ соединенію для общихъ интересовъ, бездна эта — самолюбіе. Мелочность наша и незрѣлость обнаруживаются и въ томъ, что никто не старается судить другъ друга безпристрастно; никто не хочетъ признать заслугъ другаго, если онѣ состоялись не по той методѣ или не тѣмъ способомъ, какіе онъ считаетъ лучшими.

Каждый изъ, такъ называемыхъ, передовыхъ людей говоритъ другому: „иди по моей дорогѣ и иди за мною. Проклятъ ты, если изберешь другую или пойдешь впереди самъ“.

Если правительство имѣетъ благія намѣренія—помочь ему; если не имѣетъ—всегда время уйти.

Государь, въ личномъ со мною объясненіи, высказалъ такія благія и прекрасныя намѣренія, что это рѣшительно возбудило во мнѣ надежды. Но если, (вслѣдствіе того, что онъ) окруженъ

людьми ограниченными и своекорыстными, (мои) ожиданія (не осуществятся, то), я, по крайней мѣрѣ, останусь чистъ передъ своею совѣстью: она не станетъ упрекать меня ни въ малодушіи, ни въ нерадивости; я до конца пройду путь, который считаю правымъ.

Главное, у меня нѣтъ помощниковъ. Такъ называемые, передовые умы наши до того враждебны правительству, что и на меня даже смотрятъ холодно; не потому, говорятъ они, чтобы сомнѣвались въ чистотѣ моихъ намѣреній, а потому, что я будто-бы содѣйствую задержкѣ кризиса.

Но, конецъ концовъ, господа, чего-же хотите вы достигнуть? Какихъ ближайшихъ результатовъ? Революціи? . . . . . Но такія революціи глупы и безнравственны!

Редакціонный комитетъ изъ нѣсколькихъ литераторовъ и другихъ компетентныхъ лицъ и съ нимъ слить комитетъ книгопечатанія.

Сентябрь 27. Переѣхалъ съ дачи 12-го, въ пятницу. Весь августъ прошелъ въ занятіяхъ по комитету книгопечатанія. Съ той поры, какъ я высказалъ и постоянно поддерживалъ мысль, что комитетъ есть ошибка, онъ ничего не дѣлалъ. Онъ выслушалъ только часть моего проекта о газетѣ. Мухановъ безпрерывно порывался къ проявленію силы комитета по цензурѣ, которая, по его мнѣнію, допускала и допускаетъ страшныя послабленія въ литературѣ. Но какъ графъ Адлербергъ и *** отвѣчали на эту рьяность молчаніемъ, а я повторялъ, что намъ тутъ нечего дѣлать, то слова Муханова пропадали въ воздухѣ безплодно и онъ обращался къ разсказыванію анекдотовъ и пр. Наконецъ, бездѣйствіе его утомило, и въ одномъ изъ засѣданій онъ горячо выразилъ мысль, что намъ ничего не остается дѣлать, какъ слиться съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Этого только я и ждалъ. Вся моя стратегія къ этому и вела. Но я не хотѣлъ отъ себя высказывать этой мысли. Мнѣ хотѣлось, чтобы эту мѣру, вслѣдствіе очевидной необходимости, предложилъ кто-нибудь изъ членовъ. Такъ и случилось. Теперь я употребилъ всю мою діалектику, чтобы поддержать это благое намѣреніе, и въ слѣдующее-же засѣданіе прочиталъ уже приготовленный мною проектъ превращенія комитета въ главное управленіе цензуры, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія. Онъ одобренъ, прочитанъ послѣднему, снова одобренъ, и сегодня, 27-го числа, я везу его къ *** для представленія Государю черезъ графа Адлерберга.

Въ засѣданія главнаго управленія допущены цензора и литераторы. Я крѣпко боялся, что это встрѣтитъ сопротивленіе, особенно допущеніе литераторовъ. Но я заранѣе мѣру эту оградилъ такими доводами и причинами, что сопротивленія не было.

Весь августъ меня преслѣдовали головныя боли, являвшіяся каждый день послѣ работы. Приходилось, подчасъ, оставлять письменный столъ и ходить: это нѣсколько облегчало тяжесть въ головѣ.

28. *** спѣшилъ въ Царское-Село, гдѣ государынѣ долженъ представляться Шамиль, и потому бумагъ мы не отправили государю.

Былъ у Позена. Туда пріѣзжалъ кіевскій губернскій предводитель дворянства. Оба они въ сильнѣйшемъ негодованіи на крестьянскій комитетъ, который отвергаетъ ихъ предложенія. Сколько я могъ понять изъ ихъ разговоровъ, они хотѣли-бы обязать крестьянъ къ большому денежному вознагражденію за землю, чего комитетъ не хочетъ. Они жалуются на то, что въ комитетѣ преобладаетъ элементъ бюрократическій, что ихъ призвали не для того, чтобы выслушивать ихъ мнѣнія и совѣщаться съ ними, а чтобы требовать ихъ безусловнаго согласія на заранѣе заготовленную программу и проч.

Говорятъ, депутаты намекнули на что-то, похожее на конституцію. Но Государь очень спокойно отвѣчалъ, что они собраны для того, чтобы разсуждать о крестьянскомъ вопросѣ и должны заниматься этимъ, а не посторонними дѣлами, которыя до нихъ не касаются.

Говорятъ также, что въ первомъ совѣщаніи главнаго крестьянскаго комитета, гдѣ присутствовалъ государь, князь Орловъ выразилъ свои опасенія . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

29. Можетъ быть на комитетъ нашъ могутъ быть возложены какія-нибудь другія обязанности—только не въ отношеніи цензуры, потому что его исключительная роль по отношенію къ ней, по смыслу нашего-же проекта, кончилась. Дѣло все въ томъ-то и состояло, чтобы цензуру централизировать и освободить отъ всякаго въ нее вмѣшательства сторонней власти.

Началомъ новаго проекта принято: централизація и сближеніе цензурной власти со своими агентами и литераторами.

Сказать: потребность въ централизаціи была такъ очевидна, что вы сами (Мухановъ) первые предложили мысль о соединеніи комитета съ главнымъ управленіемъ цензуры.

Согласіе министра на проектъ было необходимо, иначе не могла состояться централизація.

Что комитетъ лишается всякой возможности дѣйствовать, и что самостоятельно онъ существовать не можетъ—это съ первой до послѣдней строчки говорится въ проектѣ. Въ немъ только пѣть фразы: онъ закрывается—и это потому только, что комитету было неловко ее произнести самому о себѣ. Но больше всякой фразы сущность новой организаціи это говоритъ.

Перемѣна вѣтра. Министръ меня позвалъ и съ великимъ негодованіемъ и прискорбіемъ мнѣ объявилъ, что Мухановъ вовсе не думаетъ объ ослабленіи или прекращеніи дѣйствій комитета.

30. Былъ у министра. Есть точка соглашенія: на нее указалъ ***. Министръ ничего противъ этого не имѣетъ. Всю бурю воздвигъ Мухановъ. Онъ не хочетъ, повидимому, никакъ признаться въ негодности комитета, который есть отчасти и его созданіе.

Всѣ злоупотребленія нашей печати, вмѣстѣ взятыя, не сдѣлали столько вреда, какъ употребленное противъ нихъ это средство. Лекарство хуже болѣзни.

Я увѣренъ, что М. будетъ настаивать на измѣненіи редакціи проекта, какъ слишкомъ рѣзкой. Въ немъ слишкомъ сильно говорится о невозможности существованія комитета въ его настоящемъ видѣ, слѣдовательно, онъ оскорбителенъ для его учредителей, между которыми главный, кажется, былъ Горчаковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, а съ нимъ очень друженъ М.

Причины всякой отмѣны прежняго въ проектѣ должны быть указаны ясно и точно. Иначе, почему-же бы предлагать эту отмѣну?

Увѣрены-ли вы, что никто не станетъ возставать противъ новой мѣры, предлагаемой въ проектѣ? А какъ отстранить это возраженіе, не объявивъ, почему настоящій комитетъ не можетъ существовать.

Не должно принимать такихъ мѣръ: а) которыя поссорили-бы правительство съ общественнымъ мнѣніемъ, б) которыя, вмѣсто здѣшней, усилили-бы печать заграничную.

Октябрь 1. (Н. А.) Мухановъ сдѣлался кротокъ, какъ ягненокъ. Онъ теперь не прочь даже и отъ совершеннаго закрытія комитета. Онъ говорилъ со мною объ этомъ. Странный человѣкъ. Въ немъ ни къ чему нѣтъ ни заклятой ненависти, ни живой любви; онъ вертится, какъ вѣтренная мельница, по дуновенію въ данную минуту дѣйствующихъ на него мнѣній.

8. Я боялся, что захотятъ измѣнить редакцію проекта. Въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось-бы рѣзко воспротивиться. Къ счастью, этого не произошло. Было предложено нѣсколько мелкихъ измѣненій, и на эти я согласился безъ возраженія.

Положено ждать графа Адлерберга, и послѣ общаго совѣщанія съ министромъ придти къ окончательному рѣшенію.

Сегодня вечеромъ читанъ былъ снова проектъ соединенія комитета съ главнымъ управленіемъ цензуры. Ему оставлена одна тѣнь значенія, и то, если министръ немного понатужится, то можетъ и совершенно его сломить, въ чемъ, впрочемъ, кажется, нѣтъ особенной надобности: онъ окончательно будетъ обезсиленъ.

М. и *** сильно озлоблены противъ литературы, особенно противъ, такъ называемой, обличительной литературы, послѣдними выходками ея. Они, кажется, расположены къ самымъ жесткимъ мѣрамъ. М., на мои возраженія, замѣтилъ, что во мнѣ виденъ литераторъ; впрочемъ, весьма любезно, шутя. Я отвѣчалъ ему что я вѣрю въ то, что не Россія для литературы создана, а литература для Россіи, и что такъ какъ это сила, призванная ей на службу, то надо, чтобы она дѣйствовала. Выры вая плевелы, не должно уничтожать пшеницы.

Всякая революція нехороша, но нѣтъ ничего хуже, какъ революція ускоренная, преждевременная. Она опасна, какъ преждевременные роды.

У меня, можетъ быть, не меньше ненависти къ деспотизму, безправію и всякому произволу, какъ у любаго изъ красныхъ, но они только ненавидятъ, а этого мало—надо дѣйствовать; дѣйствовать-же по какому-бы то ни было слѣпому чувству, хотя-бы то по ненависти ко злу, не значитъ дѣйствовать ни разумно, ни справедливо. Жизнь требуетъ управленія, и кто беретъ на себя роль дѣятеля, тотъ принимаетъ на себя и отвѣтственность за послѣдствія.

17. Боленъ.

23. Пятница. Полегче. Засѣданіе у министра народнаго просвѣщенія по дѣлу о сліяніи комитета по дѣламъ печати съ главнымъ управленіемъ цензуры. Присутствовали: министръ, ***, графъ Адлербергъ и я. Важное дѣло сліянія комитета по дѣламъ книгопечатанія съ главнымъ управленіемъ цензуры состоялось. Положено на-дняхъ поднести о томъ докладъ государю. Въ запискѣ, писанной для того мною, комитетъ самъ въ точныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ говоритъ не только о своей безполезности, но и вредности.

Говорено у министра о новой драмѣ (А. Ѳ.) Писемскаго, которую пропустилъ было (С. Н.) Палаузовъ. Драма изъ крестьянскаго быта. Въ ней помѣщикъ соблазняетъ жену крестьянина, и послѣдній, въ порывѣ ярости, убиваетъ перваго. Въ настоящую минуту, когда крестьянскій вопросъ въ самомъ разгарѣ, печатать эту драму найдено неблагоразумнымъ. Но какъ драма дѣйствительно, говорятъ, хороша, то ея не слѣдуетъ запрещать, а только остановить на время.

Говорятъ, что по крестьянскому дѣлу большія несогласія между комиссіею и депутатами. Послѣдніе, между прочимъ, будтобы, явно стремятся къ конституціи.

26. Министръ призывалъ къ себѣ Писемскаго, очень хвалилъ его драму, далъ слово пропустить ее, только спустя нѣкоторое время.

Много толковъ о крестьянскомъ дѣлѣ. Пять депутатовъ подписали на имя государя бумагу, въ которой просятъ о дарованіи открытаго судопроизводства, о присяжныхъ, о бо́льшей свободѣ печати и о правѣ, по которому дворянство могло-бы представлять государю о своихъ нуждахъ. Говорятъ, Государь принялъ эту бумагу благосклонно и обѣщалъ передать ее на разсмотрѣніе государственному совѣту [1]). Но отчего-же ее подписали пять депутатовъ изъ двадцати?

Ноябрь 1. Былъ поутру у доктора (Н. Ѳ.) Здекауера, посовѣтоваться о своемъ здоровьѣ, которое сильно пошаливаетъ....

Сегодня-же собраніе главныхъ учредителей общества пособія

---

[1]) Слухъ невѣренъ — подписавшимъ этотъ адресъ, напротивъ, велѣно сдѣлать строгій выговоръ.

А. В. Никитенко.

нуждающимся литераторамъ—у [Егора Петр.] Ковалевскаго. Тутъ, по свойственной намъ привычкѣ, каждый хотѣлъ быть первымъ со своимъ мнѣніемъ, изъ чего вышло много крику по пустякамъ. Положено всѣмъ собраться для открытія Общества и для выборовъ членов комитета 8-го ноября. Мнѣ поручено составить протоколъ этого собранія, чтобы потомъ передать его министру.

5. Четвергъ. Въ Царскомъ-Селѣ, у графа Адлерберга. Государь совершенно согласенъ съ нашимъ проектомъ о сліяніи комитета съ главнымъ управленіемъ цензуры. Одного онъ не одобрилъ только: чтобы президентъ академіи наукъ былъ членомъ главнаго управленія.

8. Воскресенье. Открытіе „Общества пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“ происходило въ квартирѣ министра народнаго просвѣщенія. Въ собраніи было человѣкъ пятьдесятъ. По прочтеніи параграфовъ устава, имѣющихъ отношеніе къ акту открытія и выбора членовъ комитета, общество провозглашено открытымъ и приступлено было къ выбору этихъ членовъ. Выбранъ и я. Мнѣ дали 29 голосовъ. Москва прислала 15, чего я вовсе не ожидалъ.

Потомъ комитетъ выбралъ предсѣдателемъ Ковалевскаго Егора Петровича; помощникомъ его—Кавелина; секретаремъ—Галахова; казначеемъ—Краевскаго. Предложили листъ, и затѣмъ было рѣшено поблагодарить министра за его радушное участіе въ нашемъ дѣлѣ. На меня возложили сказать ему привѣтствіе.

Мы, то есть члены комитета, всѣ отправились къ министру, которому я и сказалъ отъ лица всѣхъ небольшое привѣтствіе. Поговоривъ немного со всѣми, министръ, при прощаніи, оставилъ меня у себя и здѣсь онъ разсказалъ мнѣ, что происходило въ четверговомъ засѣданіи совѣта министровъ по поводу цензурнаго проекта. Были сильныя пренія. Впрочемъ, сліяніе „бюро де прессъ“ съ главнымъ управленіемъ цензуры не встрѣтило сопротивленія. Это дѣло, повидимому, рѣшенное.

Но вообще въ ходѣ цензуро-литературныхъ дѣлъ являются два непріятныя обстоятельства. Во-первыхъ, государь оказывается сильно нерасположеннымъ къ литературѣ. Всѣ благородные, разумные и справедливые доводы министра въ защиту ея, кажется, не произвели большаго впечатлѣнія на умъ его, предубѣжденный ревнителями молчанія и безмыслія. Во-вторыхъ,

цензуру намѣреваются отдѣлить отъ министерства народнаго просвѣщенія. Это будетъ важная мѣра, но едва-ли полезная самому правительству. Тутъ одно изъ двухъ: новая власть должна или прямо пойти противъ всякаго движенія, что опасно; или ничего новаго не сдѣлать—и тогда, гдѣ-же и за кѣмъ останется побѣда?

Хуже всего то, что этимъ правительство совершенно отдѣлится отъ мыслящей и просвѣщенной части общества. Отдавъ интересы ея подъ надзоръ полиціи, какой-бы то ни было, тайной или явной,—министерство внутреннихъ дѣлъ,—оно тѣмъ прямо противопоставитъ ее себѣ. Тутъ уже не можетъ быть и рѣчи о соглашеніи, о разумномъ уравновѣшеніи. Съ одной стороны лозунгъ: держи, останавливай, съ другой — прорывайся, обходи, ухищряйся, словомъ, дѣйствуй всѣми средствами, позволенными и непозволенными. Это весьма неудачное подражаніе французскому порядку.

Все зависитъ отъ системы, которую правительство изберетъ, и отъ послѣдовательности и умѣнья, съ которыми оно будетъ ей слѣдовать.

Я полагаю возможнымъ соединеніе въ одномъ началѣ здравыхъ и свѣтлыхъ умовъ, откуда бы они ни приходили.

15. Воскресенье. Большіе толки объ отдѣленіи цензуры отъ министерства народнаго просвѣщенія. Я говорилъ графу Адлербергу мои мысли о политическомъ неудобствѣ этого отдѣленія. Впрочемъ, прибавилъ я, все дѣло въ томъ, чтобы послѣдовательно держаться какихъ-либо началъ, да не пугаться всякой статьи, несогласной съ принятыми и утвердившимися понятіями. Цензура должна главное—оберегать основной принципъ нашего государственнаго строя; прочее принадлежитъ къ обыкновеннымъ процессамъ вырабатывающейся и развивающейся жизни.

21. Суббота. Ѣздилъ въ Царское-Село къ графу Адлербергу. Роль моя по комитету книгопечатанія кончена, и баронъ (М. А.) Корфъ набираетъ своихъ членовъ въ новый главный комитетъ.

Корфъ ищетъ популярности. Можетъ быть, не слѣдовало-бы съ этого начинать, чтобы не пришлось потомъ поворотить оглобли.

22. Воскресенье. Очень тяжелое состояніе головы. Сегодня мнѣ даже сдѣлалось дурно. Опять былъ за совѣтомъ у Здекауера. Отъ него поѣхалъ къ ***.

*** утвердительно пророчески говоритъ, что управленіе Корфа больше года не просуществуетъ.

Корфъ сдѣлалъ большую ошибку, разгласивъ между литераторами, что онъ будетъ слѣдовать либеральной системѣ. Онъ такимъ образомъ возбудилъ надежды и притязанія, которыхъ самъ не будетъ въ сост яніи выполнить. Тогда придется поворотить назадъ. Корфъ слишкомъ поспѣшилъ добиваться популярности, а главная ошибка, что онъ показалъ свое желаніе ея добиваться.

Уже начинается коалиція противъ новаго направленія.

Причина отдѣленія цензуры отъ министерства народнаго просвѣщенія, ходятъ слухи, самъ министръ. А за мѣсяцъ передъ этимъ вотъ что онъ мнѣ говорилъ:

— „Какъ Ковалевскій, я могу желать отдѣлаться отъ цензуры, потому что это тяжкое бремя. Но какъ гражданинъ, какъ русскій, я всѣми силами буду противодѣйствовать всякому покушенію отдѣлить ее отъ министерства народнаго просвѣщенія, потому что это можетъ имѣть пагубныя слѣдствія для литературы".

И между тѣмъ, онъ-же первый, говорятъ, въ совѣтѣ министровъ, и предложилъ эту мѣру.

Дѣло въ томъ, что оторванная отъ министерства народнаго просвѣщенія цензура сдѣлается добычею всякаго искателя власти и вліянія. Теперь уже многіе зарятся на нее и затѣваютъ козни противъ Корфа, и нѣтъ ничего невозможнаго, чтобы пророчество *** оправдалось. Тогда, чего добраго, цензура, пожалуй, угодитъ и въ III-е отдѣленіе. Вообще, она сдѣлалась, болѣе чѣмъ когда-либо, игралищемъ случайностей. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше нахожу, что нашъ проектъ былъ самый разумный и наиболѣе сообразный съ выгодами литературы и самого правительства.

24. Вторникъ. Болѣзнь моя продолжается. Я даже нѣсколько дней не выхожу.

Вчера писалъ ко мнѣ баронъ Корфъ, прося меня къ себѣ по дѣламъ службы. Я отвѣчалъ, что уже пятый день болѣзнь препятствуетъ мнѣ выходить изъ комнаты, но какъ скоро получу облегченіе, буду имѣть честь явиться къ нему.

Министръ зоветъ меня завтра къ себѣ. Докторъ позволяетъ завтра выѣхать.

27. Пятница. Все еще дурно идутъ дѣла моего здоровья. Теперь жду доктора, а тамъ пущусь къ министру и къ Корфу.

Зачѣмъ звалъ меня Корфъ? Не понимаю! Не полагалъ-ли онъ, что я буду просить его взять меня въ новый цензурный комитетъ? Въ такомъ случаѣ онъ ошибся. Въ заключеніе онъ просилъ меня повидаться съ Тройницкимъ (Александромъ Григорьевичемъ) для объясненій—какихъ, о чемъ? Покрыто мракомъ неизвѣстности.

Отъ Корфа поѣхалъ къ Адлербергу который все время говорилъ о Корфѣ и его дѣйствіяхъ. Графъ хотѣлъ быть у него.

Министръ объяснилъ мнѣ, какъ произошло отдѣленіе цензуры отъ министерства народнаго просвѣщенія. Это инициатива самого Государя, а внушеніе графа (С. Г.) Строгонова.

А. В. Никитенко.

ЕПИСКОПЪ КИРИЛЛЪ МЕЛИТОПОЛЬСКІЙ.

Письма къ высокопреосвященному Макарію Булгакову.

XIV [1]).

13-го сентября 1861 г. Іерусалимъ.

Вы имѣете полное право погнѣваться на меня: такъ ужъ много ушло времени, а я все молчу, не отвѣчая даже на ваше дорогое письмо, полученное мною еще въ Яффѣ. Уповаю, впрочемъ, на милость вашу и смиреннѣйше испрашиваю прощенія. Съ своей стороны могу только увѣрить васъ, что не лѣнь была причиною медленности моего отвѣта. Любезное письмо ваше застало меня въ Яффѣ въ послѣдней борьбѣ съ недугомъ, который мучилъ меня съ половины февраля до половины іюля, и домучилъ до того, что я и пера держать въ рукахъ былъ не въ силахъ. Страданіе печени, сопровождавшееся почти каждодневною рвотою желчью и почти постояннымъ разстройствомъ нервовъ, довело меня до такого истощенія силъ.....

Очень благодаренъ о. Антонію, что онъ познакомилъ васъ съ нашимъ житьемъ-бытьемъ. Это избавляетъ меня отъ необходимости вспоминать, чего не хочется вспоминать и писать, о чемъ трудно писать. Невыразимо благодаренъ вамъ за сочувствіе и соучастіе въ моемъ положеніи. Не легко иго жизни вездѣ, но дружеское доброе слово не мало услаждаетъ горечь жизни. Особенно цѣнишь это въ глубокомъ одиночествѣ. Какъ-бы желалъ я, въ свою очередь, провести день-другой у васъ, и въ тиши вашего кабинета отвести душу въ бесѣдѣ съ вами — на старинный ладъ! Какъ-бы тепло намъ поговорилось! Сколько-бы горечи сошло съ души! Очень-очень понимаю скуку однообразія, тягость постояннаго одиночества при разнообразіи житейскихъ дрязгъ, и — вѣрьте —

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., т. LXIV, декабрь, стр. 795—804; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 131—142; т. LXVI, апрѣль, стр. 211—220.

чѣмъ больше о васъ думаю, тѣмъ горячѣе молюсь за васъ своею грѣшною молитвою.

Мысль ваша о прогулкѣ куда нибудь подальше казалась мнѣ не неосуществимою. Я все думалъ, что вамъ придется прокатиться въ Парижъ для освященія храма. Не знаю, какъ рѣшили этотъ вопросъ, вертѣвшійся около насъ съ вами: больше двухъ мѣсяцевъ ничего не получаю изъ Питера, но очень-очень пожалѣю, когда услышу, что выборъ обошелъ васъ. Въ такомъ случаѣ пожалуйте-ка къ намъ. Право, не хорошо у насъ дѣлаютъ, что такъ закупориваютъ людей.

Что вашъ журналъ? Разрѣшенъ? Начатъ? Съ нетерпѣніемъ жду извѣстій объ этомъ, хоть, извините, не какъ сотрудникъ жду. Не беру своего слова назадъ и, если чѣмъ смогу послужить, всегда буду радъ. Но въ настоящую пору меня интересуетъ особенно вашъ собственно взглядъ на ваше предпріятіе. Изъ нашей дали многое кажется измѣнившимся въ видѣ и характерѣ въ любезномъ отечествѣ нашемъ,—журнальное дѣло во-первыхъ. Требованія ужъ не тѣ, не тѣ и условія, что прежде, если не брать въ расчетъ плѣсени неподвижнаго болота, именуемаго..... ну, извѣстно, какъ именуемаго. Мнѣ очень хотѣлось-бы знать, что вы хотите провести вашимъ журналомъ, вѣдь не желаніе-же занимать типографію лежитъ въ основѣ предпріятія, нынѣ болѣе серьезнаго, чѣмъ когда-нибудь. Что до меня касается, такимъ ретивымъ сотрудникомъ, какъ въ старые годы, я уже быть не могу; безъ секретаря едва справляюсь съ корреспонденціею. Да и то сказать, только для васъ я разрѣшу немножко обѣтъ молчанія на все время пребыванія здѣсь, — обѣтъ, которому до сихъ поръ я былъ вѣренъ. И не знаю еще, гожусь-ли на что, втянувшись въ здѣшнюю жизнь, которая, правду сказать, мало имѣетъ общаго съ тамошнею. Во всякомъ случаѣ, для васъ я — покорнѣйшій слуга, только скажите, что вы хотите дѣлать и чего желаете отъ меня? Старѣть начинаю, вотъ бѣда!

Сію минуту (14 ч., 11 ч. у.) получилъ письмо изъ Петербурга. Пишутъ, что въ Парижъ отправился пр. Леонтій, хотя, къ чести его, весьма неохотно. Такъ вотъ-съ какъ! Ну, кто больше знаетъ, тому и книги въ руки.

Видѣлись-ли вы съ Татьяной Борисовной? Много я виноватъ передъ ней сталъ, по милости своей болѣзни. Впрочемъ, надѣюсь, помиримся. Съ слѣдующею почтою буду писать къ ней. Сегодня рѣшительно не въ состояніи: такъ уходилъ меня крестный ходъ въ храмѣ Воскресенія. Ноги какъ будто бамбуками отбиты и весь никуда не гожъ.

Кириллъ, еп. Мелитопольскій.

XV.

7-го декабря 1861 г. Іерусалимъ.

ное посланіе ваше отъ 2-го ноября получилъ я 3-го декабря. Спѣшу на любезныя строки ваши. Простите мнѣ, мой добрый и безцѣнный старую вину. Буду стараться другой разъ быть исправнѣе, какъ теперь, ь. Но ту вину вы уже простили; непрощенною осталась та, которая, на дъ, казалась меньшею и даже почти не существовавшею. Сколько пом-, я, обѣщая быть вашимъ (и только вашимъ, опять повторяю) сотруд- созданномъ вами вновь журналѣ, просилъ предварительныхъ указаній не обѣщалъ. Само собою разумѣется, что она и не явилась къ вамъ не только къ вамъ, но и предъ мои свѣтлыя очи. Я съ нетерпѣ- лъ вашего отвѣта на мои запросы, отъ которыхъ и теперь, изви- отступаюсь. Прочелъ программу «Духовнаго Вѣстника»,— просторное мой взглядъ, одной мелочной лавочкой (гдѣ найдешь «чай, сало, омаду, и все, что человѣку надо») больше, и признаюсь, душевно что вы много уже оборвали ее и запачкали. Только при этомъ да и то только именно при васъ мелочная лавочка можетъ обра- чистый, опрятный и умно устроенный магазинъ, въ которомъ каж- тъ, напередъ уже зная, найти что ему нужно и какого качества, цѣны, безъ обмѣру и безъ обвѣсу.

тъ мнѣ и изъ Петербурга, что ждутъ писемъ съ востока въ харь- журналѣ. Куда, какъ многи возрадуются! А еще больше, сколь многіе поводъ придраться и ко мнѣ, и къ вамъ. Я отвѣчаю въ П., что тобы позлить способныхъ злиться при всякомъ удобномъ и неудоб- чаѣ, даже безъ всякаго случая, буду писать для харьковскаго жур- только для него.

-ли напишу и каково, самъ не знаю. Правду сказать, я подавленъ вѣдь все на однихъ плечахъ,—службы, пріемы, визиты, соображенія, и доклады, вся частная, полу-оффиціальная и оффиціальная переписка. олова кругомъ идетъ и мѣсяцевъ не видишь, какъ они проходятъ, я всѣхъ долговъ. Потому-то и говорю, что не знаю, много-ли напишу. раться,— вотъ все, что могу сказать. Не знаю и каково напишу. ъ и старѣть начинаю, и отъ прежней работы отвыкъ, разжился зрѣніями на вещи; а можетъ статься и пріемы пера стали ужъ не тѣ, прежде нравились. Правду сказать еще, не скоро поймешь, что и амъ дѣлается. Того и смотри, придешься не подъ ладъ; а вѣдь а возможно тамъ, гдѣ нѣтъ ладу никакого. Буду тѣмъ радъ, чѣмъ ъ. Побесѣдовать-бы—иное дѣло, нашлось-бы о чемъ. Но не надѣюсь

И отсюда меня не легко выпустили-бы; по глазу пришелся. Мѣся назадъ прибылъ сюда блаженнѣйшій. Теперь мы съ нимъ мѣняемся любез стями. Надобно сознаться, что бо́льшаго вниманія, расположенія и довѣ нельзя было-бы и желать. Вчера мы отслужили съ нимъ втроемъ. Мило бы смотрѣть на старца, который затвердилъ-таки: «Господи, Господи (такъ здѣ говорятъ сообразно греческому тексту), призри съ небесе», и произнесъ з изъ трехъ разъ (какъ обыкновенно здѣсь) два. Обѣдня шла пополамъ, п гречески и по-славянски; молебенъ и литія по императору Николаю—чисто п славянски; только патріархъ прочиталъ на молебнѣ Евангеліе и сказалъ н сколько возгласовъ по-гречески. На досугѣ я опишу вамъ эти службы.

А. С. Норовъ, гостящій теперь здѣсь, не нарадуется на мои отношен къ патріархіи. А ему-то въ Петербургѣ напѣвалъ К. и прочіе мои друз не вѣсть что!

На Василья Андреича (который живетъ теперь у меня и вашему пре священству усерднѣйше приноситъ выраженіе своего почитанія) въ литер турномъ отношеніи надежды мало.

Я не видалъ человѣка болѣе воспріимчиваго и гибкаго въ своихъ соображ ніяхъ, но и менѣе положительнаго, и менѣе способнаго сдѣлать хоть что нибу годное къ дѣлу. Ради самого себя, при всѣхъ моихъ настояніяхъ, не хоче и не можетъ сдѣлать ничего путнаго, не смотря на множество запасовъ. Са ритянскій текстъ его съ ума сводитъ.

Я прошусь на время (на полгодика этакъ) въ Абиссинію, куда мнѣ прол жена уже дорога. Тогда могу быть занимателенъ и съ особеннымъ удово ствіемъ буду сообщать вамъ свои впечатлѣнія, соображенія и, если Бо поможетъ, нѣкоторые успѣхи. Не знаю только, позволятъ-ли, а жаль, ес не позволятъ. Теперь время и обстоятельства самыя благопріятныя. По пу посмотрѣлъ-бы и на коптовъ, съ которыми дружба ужъ есть. Постараю исполнить вашу волю. Если не помѣшаютъ дѣла, пришлю вамъ къ полови генваря заглавную статейку.

Глубоко радусь, что вы здоровы и благодушествуете. Молю Господа, будетъ такъ всегда. Кириллъ, еп. Мелитопольскій.

Преосвященный Мелетій сѣтуетъ на васъ, что вы ему не отвѣтили. онъ, добрѣйшій и почтеннѣйшій старецъ, котораго я люблю, какъ отца родна васъ уважаетъ глубоко.

XVI.

15-го іюня, 1862 г. Яффа.

Изъ Петербурга пишутъ мнѣ, что васъ можно поздравить съ новымъ Усердно поздравляю. Спасибо, спохватились, добрые люди!

ъ здѣсь все идетъ своимъ обычнымъ порядкомъ. Съ патріархомъ я какъ нельзя лучше, и онъ оказалъ мнѣ двѣ огромныхъ услуги по ь Сиріи и Египтѣ. Собственно въ св. градѣ одна громадная новость. помогъ мнѣ, наконецъ, одолѣть вопросъ о куполѣ Гроба Господня. ь принятъ въ Петербургѣ и Парижѣ, окончательно утвержденъ въ нополѣ. Чрезъ нѣсколько недѣль, можетъ быть, мы заслышимъ ота. Я не знаю мѣры своему вседушевному восторгу. Теперь, если изъ Іерусалима, душа будетъ спокойна. Довольно, если хоть одно сдѣлается.... Еп. Кириллъ Мелитопольскій.

журнала написать хотѣлось хоть воспоминанія о путешествіи въ . Не знаю, когда удастся. Да и не загрызли-бы!

XVII.

17-го генваря 1863 г. Іерусалимъ.

.. Пріятныя извѣстія о васъ имѣю довольно часто; желаю, чтобы а не было. Моя возня — обычная. Въ послѣднее время много при-опотать по дѣлу о куполѣ Гроба Господня, которое надо-же при-концу на основаніи тѣхъ началъ, которыя приняты и утверждены, ь и вкось перетолковываются нашими пріятелями. Богъ милостивъ, добрыя надежды, отправивъ самого старѣйшину въ Константинополь ихъ хлопотъ. Старѣйшина отправился туда кавалеромъ св. Александра что удалось мнѣ выхлопотать, равно какъ и орденъ св. Влад иміра реосвященному Мелетію. Надо было утѣшить стариковъ; слава Богу, ось. Изъ Петербурга только одну новость имѣю, что братъ отправ-а Кавказъ съ великимъ княземъ. Добрый часъ! Тамъ ему хорошо Жаль только старца-батюшку. Ему, чай, скучненько провожать и дру-а въ такую даль. Странная судьба нашей семьи! Впрочемъ, видно, лодня!.. Еп. Кириллъ Мелитопольскій.

XVIII.

18-го марта 1863 г. Іерусалимъ.

О. Аѳанасій, прибывшій сюда на поклоненіе, много порадовалъ меня, д
ставивъ вашъ портретъ и побесѣдовавъ со мною о васъ. За портретъ принош
вамъ усерднѣйшую благодарность: онъ много хорошаго сказалъ мнѣ о вас
Видно, что здоровье ваше, слава Богу, хорошо; только сѣдины-то, прав
сказать, у васъ порядочно прибыло, что, впрочемъ, также не некраситъ.

О. Аѳанасій не могъ мнѣ сказать, получили-ли вы мое письмо, которое,
моимъ расчетамъ, должно было быть у васъ гораздо ранѣе отправленія бог
мольца изъ Харькова. Досадно, если не дошло. Особеннаго въ этомъ письм
правда, ничего не было; но, все-же, зачѣмъ ему пропадать?

Приношу вашему высокопреосвященству искренній привѣтъ съ праздн
комъ Христова Воскресенія. Да пріосѣнитъ васъ и да пріосѣняетъ всегда радос
Христова. Молюсь о семъ у св. гроба Воскресшаго съ живымъ и неизмѣнны
усердіемъ, прося у Подателя жизни и сохраненія дорогихъ силъ вашихъ д
продолженія многоплодныхъ трудовъ вашихъ на пользу св. церкви.

О насъ особенно написать нечего. Вѣчно одна и та же возня. Поко
чили дѣло греко-унитское въ Египтѣ, гдѣ, впрочемъ, мнѣ не удалось поб
вать доселѣ,—не удастся-ли послѣ Пасхи. Но только одни гости со двора
другіе на дворъ. По сосѣдству, въ окрестностяхъ Назарета и въ немъ само
поднялась возня. 77 печатей—подъ бумагой, грозящей онѣмеченьемъ добры
сотенъ. Да вѣдь съ ножомъ къ горлу пристаютъ. Толкуемъ теперь, ч
дѣлать. Охъ, край дорогой! Здоровье мое теперь, слава Богу, хорошо. Вче
помолился въ Геѳсиманіи; народу было, какъ въ праздникъ Успенія, полнех
некъ храмъ Владычицы, и чего-чего тутъ не было! Русскіе, греки, араб
молдавы, валахи, сербы, болгаре, отъ востока и запада, и сѣвера, и моря.
Да, бываютъ здѣсь минуты невыразимаго утѣшенія, какихъ въ другомъ мѣс
не найдешь. Оно можетъ, и по дѣломъ: бываютъ иногда и такіе тиски, ч
поискать, да поискать въ другомъ мѣстѣ. Вотъ только сію минуту свали
съ плечъ одну гору послѣ немалой возни. А эти исторіи—то и дѣло, иног
откуда и не ждешь. Не спитъ врагъ.

На-дняхъ попалось мнѣ произведеніе нашего приснопамятнаго Дм. Ив. Р
стиславова, изданное не дома [1]). Трактуетъ онъ «объ устройствѣ духовны
училищъ въ Россіи». Я узналъ его съ первыхъ строкъ, а потомъ и самъ о
проговорился. Та же хандра, что и прежде, и въ идеяхъ впередъ не мно

---

[1]) Профессоръ с.-петербургской духовной академіи Дмитрій Иванови
Ростиславовъ; портретъ его и Записки напечатаны въ «Русской Старин
Ред.

ися; не попятился назадъ и въ своей злости. Теперь пока — первый
500 страницъ. Обѣщаются еще два. Посмотримъ и дальше, что будетъ
особенно замѣчательнаго въ I-мъ томѣ мало; больше всего, разумѣется,
а монаховъ. Анекдотамъ объ Акимѣ Семеновичѣ и о пр. Варлаамѣ,
, бывало, пробавлялся Дм. Ив. въ академіи, нашелся, наконецъ,
они теперь красуются въ печати. Нашлось мѣстечко для хвалы прія-
начиная съ Фортинскаго, и нѣсколько плоскихъ остротъ для не-любим-
дному Левисону достался-таки толчокъ: какая злопамятная голова! Тео-
ія замѣчанія есть и дѣльныя. Я думаю, впрочемъ, что книга появится
тамъ; найдутся сочувствующіе, не обойдется дѣло и безъ нотацій.
Николай Софроновъ (виноватъ, отчество забылъ) писалъ мнѣ письмо
ъ объ устройствѣ иконы Успенія Божіей Матери. Съ удовольствіемъ
исполнить его порученіе, но надо потерпѣть немножко; теперь много
иковъ и много хлопотъ у иконописцевъ. Послѣ Пасхи, Богъ дастъ.
еанасій сказалъ мнѣ, что вамъ угодно было имѣть мою карточку.
а неудачны; теперь и этихъ не осталось. На-днях сниму вновь,
ке фотографія у меня въ домѣ, у одного изъ моихъ пѣвчихъ. Не
артистъ этотъ господинъ, но для самоучки онъ сдѣлалъ большіе
подчасъ удается ему и хорошо. Кириллъ, еп. Мелитопольскій.

XIX.

12 іюня 1863 г. Іерусалимъ.

Портретъ мой, о которомъ вы пишете, сказалъ вамъ не всю правду. По-
и я, насколько можетъ постарѣть такая недоношенная натура, какъ
а берутъ свое, а ихъ и у меня насчиталось ужъ 39 съ половиною.
огай вамъ Богъ въ трудахъ вашихъ! Многое не сразу удается. При-
еосв. Димитрія, а теперь и Кіевскаго, весьма поучительны. Но не
такъ будетъ идти, особенно послѣ такихъ нотацій свыше, до какихъ
наконецъ, доклады нашего вѣдомства. И дай Богъ, чтобъ теперешнее
ятное время не было потеряно для серьезныхъ и истинно-полезныхъ
ій. Теперь слово развязано. Вѣрно, много правды скажется въ нази-
зторитетамъ: и надобно! Хорошо-бы, если-бы печаталось то, что пи-
напишется во всѣхъ углахъ.
ъ Александръ Петровичъ пишетъ мнѣ, что отъ петербургскаго
ства отъ всего требуются мнѣнія, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Любо-
только узнать, будетъ-ли общимъ для всѣхъ мнѣній складомъ первo-
ьная столица, или обличатъ ея труды...
счетъ вашего назначенія въ синодъ, простите великодушно, я не
ю вашей мысли. Что и говорить, не большая сладость сидѣть тамъ.

Но для дѣла нужно, чтобы ужъ если сидѣть, сидѣли-бы люди.... Мнѣ много пришлось поговорить съ прежнимъ оберъ-прокуроромъ. Расписалъ онъ мнѣ теперешнихъ тамошнихъ сидѣльцевъ. Одинъ беретъ уступками вездѣ, гдѣ только уступка не явно... другой — добрый человѣкъ, но (слабъ); третій уменъ, но страшный интриганъ... (1863 г.). При вопросахъ, какіе нынѣ возникаютъ, такая обстановка дѣла положительно вредна, и нельзя не желать и не просить Бога, чтобы онъ послалъ на жатву достойныхъ дѣлателей.. Жатва многа! Справедливо-ли, что теперь вызывается Смоленскій? Спеціалистъ въ своемъ родѣ, нечего сказать, но теперь-то ко времени-ли онъ?...

Еп. Кириллъ Мелитопольскій.

XX.

4 декабря 1863 г. Іерусалимъ.

..... Я сижу покамѣсть еще здѣсь,—извините,—на безсмертно-разумной, полупечатной, полуписанной бумагѣ, которая и гонитъ меня отсюда немедленно, и приказываетъ подождать еще кой-какихъ распоряженій. Сижу и отъ скуки перечитываю нѣкія словоизверженія нѣкоторыхъ — «украинскихъ воеводъ», какъ пишутъ..... Хоть убей, не съумѣлъ-бы нарочно (а они вѣдь не нарочно пишутъ! Какъ пишутъ!) такъ написать, чтобы въ одно время видѣнъ былъ и лисій хвостъ, и волчій ротъ,—чтобы въ одной фигурѣ представились живьемъ и краснорѣчивое благочестіе смиреннѣйшаго Андрея Николаевича Муравьева, и воинскія доблести (царство небесное!) гр. Протасова, и эхидничество «исполнявшаго обязанности исправлявшаго должность», и (недальновидность) дальнѣйшей компаніи. Перечитываю и отвѣтное словоизверженіе четверицею, и жду, какъ говорятъ, погоды.

Что впереди? А Богъ вѣсть! Того, что было, нельзя было предусмотрѣть или предугадать; зачѣмъ-же хлопотать слишкомъ о будущемъ? Ничто не дѣлается въ мірѣ такъ себѣ; а тутъ есть ужъ не ничто, а нѣчто... Уготовихся и не смутихся,—вотъ пока все, что могу сказать о своихъ воззрѣніяхъ на будущее; куда-же нибудь ведетъ Господь. Въ яму—съ слѣпыми поводырями? Пожалуй, и въ яму, лишь-бы указалъ се перстъ Божій. Пока благодареніе Господу Богу и за тѣ великія милости, какими Онъ посѣщаетъ немощнаго и недостойнаго въ дни испытанія. И не безъ друзей и мы, и чужеродная дружба и участіе въ десять кратъ кажутся слаще среди горестей, испытываемыхъ со стороны своихъ. Какъ видите, все идетъ какъ слѣдуетъ идти въ семъ мірѣ коловратномъ...

Простите, мой безцѣнный владыка, все-таки я заболтался и, что хуже всего, о себѣ, да о себѣ; навыкъ, что-ль, послѣднихъ временъ, или ужъ такая натура! Примите съ свойственною вамъ любовью мой сердечный привѣтъ съ

ающимся праздникомъ Р. Х., въ который надѣюсь еще помолиться
съ вѣдомымъ вамъ горячимъ усердіемъ, въ пещерѣ виѳлеемской. При-
й искренне благожелательный привѣтъ вамъ и съ наступающимъ но-
домъ. Чего именно пожелать вамъ, право, не знаю; скажу свою мольбу
у вся... Трудны времена наши; зрячимъ пожелаешь всей душой быть
стадъ; а бѣда и то, если глаза бросаются въ глаза... Вдали отъ
могучей дѣятельности «званныхъ», пробиваясь иногда изъ года въ
згами морской пѣны, доносящей до насъ кой-какія крупицы, «упав-
стола» и потоптанныя порядочно подъ столомъ, не знаешь, право, о
калѣть и чего пожелать: пожалѣть-ли о «котлетахъ» постническаго
Антонія, или пожелать, чтобы попалось подъ руки «рубцовъ» дѣй-
но постническое мясо, изъ котораго нельзя было-бы сдѣлать, съ пер-
разу, по крайней мѣрѣ, «котлетъ». Грустные слухи и вѣсти о «на-
на «правоправящихъ», особенно, когда ихъ слышишь здѣсь. Они пу-
мы дальнихъ, смущаютъ сердца ближнихъ, утверждаютъ упорство
ныхъ сектъ, ставятъ въ тупикъ самыхъ доброжелательныхъ. Мудрено-ль,
наешь иной разъ, о чемъ пожалѣть и чего пожелать? Но опять я
ся, хоть ужъ и не о себѣ. Двѣ ночи сряду вижу я во снѣ васъ и
. Еп. Кириллъ Мелитопольскій.

XXI.

2-го августа 1864 г. Казань.

Послѣднее время въ Іерусалимѣ было столько хлопотъ, что, и изъ
иваясь, едва-едва могъ справиться со всѣмъ; переписку вообще не-
ть вынуждала отложить до поры до времени. Расчитывалъ было на
удобства морскаго путешествія; не удалось и тутъ: смѣнявшееся нѣ-
разъ, но съ каждымъ почти разомъ болѣе и болѣе интересовавшееся
интересовавшее меня общество насильно вытягивало изъ каюты на
завладѣвало всѣмъ моимъ временемъ. Въ Константинополѣ то-же
огостилъ я тамъ волею-неволею почти мѣсяцъ, но, ей-ей, не видалъ
и не имѣлъ никакой возможности заняться чѣмъ-нибудь путнымъ
Жилъ поперемѣнно въ двухъ квартирахъ—у патріарха Іерусалим-
въ нашемъ посольствѣ, и ни тамъ, ни тутъ не могъ провести полу-
динѣ, а и оттуда, и отсюда нужно еще было шнырять по разнымъ
и лицамъ....

ылъ я сюда какъ разъ кстати, къ самому празднику Казанской;
о начали благовѣстъ къ праздничной всенощной, я тутъ и былъ.
икою Аѳанасіемъ увидѣлся я въ самый праздникъ. Добрый ста-
щаемый сначала страшною дичью разныхъ слуховъ, прокатившихъ

меня черезъ Римъ въ Лондонъ, передъ самымъ прибытіемъ моимъ не м
огорченъ былъ вѣстью, что я уѣхалъ къ вамъ, мой добрый владыка, и
васъ остался (хорошъ постоялецъ!), отказавшись рѣшительно ѣхать въ
зань къ его высокопреосвященству. За то ужъ, когда свидѣлись, ласкѣ
привѣту конца нѣтъ. Видимся чуть ни каждый день, и какъ сойдемся,
воримъ - не наговоримся. Трижды отслужили вмѣстѣ; дважды одному
предоставилъ онъ «явить себя мірови» въ церемоніяхъ. Спасибо и общес
казанскому всѣхъ слоевъ, и оно всячески старается приласкать и приго
бить странника и пришельца. Сначала-то присматривались ко мнѣ, какъ
диву какому заморскому, теперь и любить немножко начинаютъ.

Благодареніе Господу Богу за все! Благодареніе, между прочимъ, и
вѣсть, что васъ вызываютъ въ Петербургъ. Дай вамъ Богъ счастливаго п
и помоги вамъ въ трудахъ на пользу церкви святой, крѣпко нуждающей
особенно въ наши тяжкіе дни, въ такихъ дѣятеляхъ, какимъ даровалъ Г
подь быть вамъ. Не изъ нашего угла и не со вчерашняго дня несется
вамъ это желаніе, вдали и давно приходилось мнѣ слышать его отъ люд
которые близко знали нужды церкви...

Еп. Кириллъ Мелитопольскій.

XXII.

28-го августа 1864 г. Казань.

А сердце-то вѣдь не то говоритъ, что предсказывало ваше посланіе о
19-го числа, вчера мною полученное. И не только обо мнѣ, но и о ва
Какъ ни строго посланіе ваше или, вѣрнѣе, по тому самому, что оно стро
сердчишко мое говоритъ, что вы еще любите меня и что далеко еще до то
чтобъ мы стали другъ другу чужими. Обо мнѣ-же и толковать нече
Чтобы попусту словъ не тратить, скажу только отъ сердца, что вы то
мнѣ станете чужимъ, когда я выкину чтимое и возлюбленное имя ваше и
своей вседневной молитвы, въ которую и родныя имена не всѣ входятъ,
ваше вошло лѣтъ 17-ть назадъ, занявъ въ ней одно изъ самыхъ первы
мѣстъ.

Надѣюсь, вы не примете предыдущихъ строкъ за попытку доказывать
чего нѣтъ, и колебать убѣжденія, по счастію, у васъ еще новыя. Я во
не такой словоохотливый болтунъ, который-бы искалъ только случая пого
рить, и вовсе не куртизанъ, который находилъ-бы удовольствіе въ ухаж
ваньи за каждымъ встрѣчнымъ, въ вербованіи себѣ друзей на словѣ. Сво
нравенъ, упрямъ, горячъ—все, что хотите, но никогда не лгунъ и не фал
шивый человѣкъ.

Иного не договорю, — подчасъ это бываетъ, когда говоришь чего

: каюсь. Такъ было и есть въ отношеніи къ самой-то суть мое
ьной исторіи. Я понимаю, какъ при вашемъ участіи ко мнѣ, жела-
ыло-бы вамъ знать всю эту суть; не понимаю только одного, откуда
ь къ вамъ мысль, будто я не давалъ вамъ знать ея по неоткро-
передъ вами. Владыко мой, владыко мой, думаете-ли вы, что мнѣ
ло выносить все одному въ своей тощей груди, безъ возможности
ся словомъ съ кѣмъ-бы то ни было, не исключая отца роднаго, безъ
дѣла, не моего личнаго дѣла? А такъ было, отчасти такъ еще и
времени. Судите, какъ хотите, браните, сколько угодно, пожалуй—
е на мѣсяцъ-другой, все перенесу, а что не можно, то не можно.
-бъ заѣхалъ къ вамъ, было-бы немножко иначе; слово—не письмо,
немъ иначе было-бы только немножко. Да заѣхать-то было не
Время объяснитъ все, и придетъ часъ, когда вы не только не по-
но еще и похвалите меня. Меня увѣряетъ въ этомъ уже бывалый
очь въ точь, какъ съ вами, была у меня исторія; только тотъ гос-
ылъ нетерпѣливѣе моего дражайшаго владыки, съѣлъ хорошаго гриба,
ъ уже въ толкъ вошелъ и сталъ благодарить.

сно мнѣ, и очень, очень грустно, что и на сей разъ не затянули
правительствующій... Именно теперь-то нужно было-бы вамъ именно
ъ. Что и говорить, вамъ собственно не радость сидѣть тамъ; да
Божіей было-бы это куда благопотребно въ нынѣшнее время; го-
же, быть можетъ, будетъ уже поздно. Не я одинъ такъ разсуждаю,
угіе, которые получше меня знаютъ, кто и кого, зачѣмъ и какъ
ываютъ.

на и весьма опечалило меня словцо ваше о вашемъ здоровьѣ.
съ вами! Что такое съ вами дѣлается? Родной климатъ, всѣ удоб-
женія и покоя: зачѣмъ и отъ чего хвораете? Путный-ли докторъ-то
Мнѣ, признаюсь, немножко страннымъ показалось, что васъ вра-
елѣзными ваннами,—сколько ни ломаю голову, никакъ въ толкъ не
ито-бы это значило. Еще-бы внутрь давать желѣзо, туда-сюда; но
ей-ей, не постигаю.

всей души молю Господа, да хранитъ онъ васъ на благо и радость
своей, усерднѣйше прося и вашей святой молитвы обо мнѣ грѣшномъ,
итъ путь мой, хоть-бы пролегъ онъ и черезъ Соловецкій, или Спасо-
скій, гдѣ какъ будто нарочно вѣдь насажены коноводами мои пріятели.

Еп. Кириллъ Мелитопольскій.

XXIII.

3-го февраля 1865 г. Казань.

..... Времени вовсе не видится, а немочи даютъ иногда себя чувствова вотъ и все. Говорятъ, что монахи въ монастыряхъ только «воду толкут Кажись, и правду говорятъ, если взять во вниманіе однообразіе монасты ской жизни, какъ каткомъ сглаживающей дни, между которыми не види разницы: все, кажется, понедѣльникъ тянется, хоть на дѣлѣ, смотришь, пятница прошла; такъ и недѣли за недѣлями мелькаютъ, складываясь мѣсяцы, когда уже пройдутъ. На мою долю выпала «честнѣйшая» обит Казанская, самая древняя по Казани и самая досточтимая по святынѣ. стѣны—развалины, а братцы мои хуже стѣнъ; такъ, по крайней мѣрѣ, сталъ я. Все тутъ было пьяно, самъ монастырь не имѣлъ другаго звани кромѣ «пьяный монастырь», и кромѣ черемисъ да чувашей никто туда заглядывалъ, да и у тѣхъ обирали гривенники за святыми воротами, обѣщ отслужить молебенъ послѣ.... послѣ, т. е. того, какъ пристроютъ грив никъ въ ближайшемъ «на выносъ». Сначала и руки было опустились; Богъ подалъ свою помощь и терпѣнія нѣкую долю. Я отдался монастыр какъ будто въ немъ и для него родился. Словомъ ничего не подѣлаешь; рѣшился сдѣлаться вполнѣ монахомъ и за собой тащить вытрезвляющу братію. По немножку, слава Богу, дѣло пошло на ладъ, даже безъ смѣ старыхъ отцовъ (одного только выкурилъ, ученаго, доказывавшаго мнѣ, попъ служитъ обѣдню не для себя, а для народа и, слѣдовательно, можа пріобщеніе отложить и до другаго дня, коли почувствуетъ, что онъ уже статочно пьянъ). Приструнилъ старичковъ; изъ молодежи образовалъ хо приличный и архіерею; устроилъ чинъ Богослуженія по-монастырски, ка быть слѣдуетъ,—и народъ сталъ ходить, да еще какъ усердно, и Спасскій настырь сталъ зваться только Спасскимъ...

Все это куплено недорогою цѣною — собственнаго примѣра. Но тутъ и бѣда. Утрени, обѣдни и вечерни поглощаютъ много времени, а иногда утомляютъ маленько: вотъ и первая изъ причинъ неисправности моей другимъ частямъ, и по части корреспонденціи между прочимъ. Пожалу можно-бы прибавить словцо и о разныхъ посѣщеніяхъ, окрадывающи промежутки между службами; но это не такъ существенно. Поважнѣе бѣгающая по временамъ хворь, хоть и не такая, на которую-бы можно о бенно жаловаться. Монастырскимъ трудамъ она не мѣшаетъ, но трудно ней бываетъ ладить, когда возьмешься за перо. Семи-лѣтняя теплынь поизн жила насъ; а Казань нѣженокъ не разбираетъ. Морозы-бы еще и такъ, сякъ, но эти гнилые безсолнечные дни, въ которые дышешь какимъ-то ромъ, ломаютъ спину, разгоняютъ сонъ и тревожатъ нервы, доводя до муч

истомы—хуже смерти. Хандра—слово для меня не совсѣмъ ясное; ніе разстроенныхъ нервовъ бываетъ хуже хандры: ни писать, ни не хочется; не хочется ни ходить, ни сидѣть, ни лежать, ть, ни молчать. По несчастью, такую штуку сыграла со мной наша на самыхъ святкахъ, съ Крещенья, надѣливъ меня какой-то глухо- остудой, отразившейся на печени: почти три недѣли я былъ, что я, самъ не свой. Вотъ другая причина моей неисправности по части денціи, вспомогаемая подчасъ и любезною братіею, которая нѣтъ- и удружитъ.

чшее утѣшеніе нахожу я для себя въ бесѣдахъ съ своимъ почтен- сосѣдомъ, здѣшнимъ старцемъ. Онъ полюбилъ меня и заботится обо рогательнымъ участіемъ. Видимся мы часто, и ужъ какъ сойдемся, мъ часовъ; иногда за полночь забесѣдуемся, а все еще не наговo- ь дѣла епархіальныя я не мѣшаюсь; досугъ свой наполняю чтеніемъ, мъ, при огромной библіотекѣ владыки, недостатка нѣтъ; онъ-же и со мною дѣлится. Читаю—не начитаюсь, теперь, Черниговской , дѣлясь впечатлѣніями со старцемъ. Ну, блеснулъ новый Зерни- ниговецъ, какъ читаетъ это произвище пр. Филаретъ. Какія пре- сыпаны по мѣстамъ, сущіе маргариты (напр. т. 1, стр. 110, пр. иныя высшія соображенія, пожалуй даже, не погладили-бы по холкѣ , строка 17 и пр.); въ догматикѣ-то, дескать, можно-бъ и обой- соображеній высшей политики. Отъ «писанія» покамѣсть воздер- —по причинамъ, о которыхъ повѣдаю вамъ послѣ: теперь ужъ и заболтался... Еп. Кириллъ Мелитопольскій.

XXIV.

23-го апрѣля 1865 г. Казань.

тосъ Воскресе! При всемъ желаніи, при всей внутренней потребности, не удалось мнѣ написать вамъ мой сердечный привѣтъ къ празднику. службы, изъ которыхъ сложился мой нынѣшній великій постъ, тя- ія всѣхъ казанцевъ, но въ особенности тяжкій для насъ—азіатцевъ, меня удовольствоваться привѣтомъ вамъ молитвеннымъ.

отъ приближается и день вашего ангела. Радуюсь, что хоть на сей ю возможность быть поисправнѣе. Примите, дорогой и возлюблен- ладыка, мое вседушевное поздравленіе.

бѣ что написать вамъ? Вотъ ужъ тишь-то да гладь, да Божья ! Хлопоты только съ обителью, да и то небольшія и весьма пріят- тому что успѣшны), а затѣмъ—вольный казакъ. Мѣрно, какъ маят- мирно идутъ дни за днями, похожіе одинъ на другой, какъ двѣ

капли воды. Мирствую и я душою, наполняя свободное время разнообразными занятіями по своему вкусу. Если-бъ еще климатъ хорошій, лучше-бы ничего и не пожелалъ. А то климатъ-то столько-же непривѣтливъ, сколько привѣтливы люди... Еп. Кириллъ Мелитопольскій.

XXV.

19-го декабря 1865 г. Казань.

..... На болѣзнь какую-нибудь жаловаться не могу. Чувствуется только общее ослабленіе физическихъ силъ, не мѣшающее, впрочемъ, умственной дѣятельности, держащее только меня, какъ на привязи, дома, откуда и отлучаюсь только черезъ день къ ближайшему сосѣду—владыкѣ; да на прошлой рискнулъ выѣхать отслужить обѣдню для дворянъ (по случаю выборовъ) за внезапною,—слава Богу, кратковременною,—болѣзнію владыки. Теперь и пописать, хоть немножко, и можется, и хочется. Хочется въ духѣ прежней любви привѣтствовать васъ, дорогой мой владыко, съ наступающимъ праздникомъ Христовымъ и новымъ годомъ. Радость міра, Христосъ да укрѣпляетъ васъ благодатными утѣшеніями своими въ вашихъ непрерывныхъ, такъ мало вспомоществуемыхъ, трудахъ на пользу церкви вообще и предстоятельствуемой вами въ особенности. Онъ же, Владыка временъ, да благословитъ для васъ и новое лѣто и благоплодіемъ жатвы отъ посѣяннаго, и благовременіемъ сѣянія для будущаго.

Хочется и еще, и крѣпко хочется, испросить вашей молитвенной помощи моему неможенію, лишающему меня многихъ и изъ подручныхъ утѣшеній. Прошу и уповаю и проч.

Еп. Кириллъ Мелитопольскій.

О. М. Бодянскій къ архимандриту, впослѣдствіи митрополиту Макарію Булгакову.

I.

29-го сентября 1847 г.

Ваше высокопреподобіе, почтеннѣйшій отецъ архимандритъ! Съ чувствомъ особеннаго удовольствія и искреннѣйшей благодарности получилъ я ваше послѣднее сочиненіе «Введеніе въ Православное Богословіе»; одинъ экземпляръ его поднесъ, по вашему желанію, «Историческому обществу», а другой оставилъ у себя. Дай Богъ отблагодарить мнѣ васъ чѣмъ-либо подобнымъ, хоть и въ совершенно другой области вѣдѣнія! Сколько могу судить о богословіи, не занимаясь имъ съ самаго выхода изъ семинаріи, и судить

ю отрывкамъ, прочитаннымъ тамъ и сямъ въ вашемъ сочиненіи, вы
ослѣднимъ производите новую эпоху въ нашей богословской лите-
Давно-бы уже пора нашимъ богословамъ подарить насъ, православ-
гословіемъ въ подобномъ объемѣ, а не какихъ-либо тощихъ книжон-
гословіемъ, которое-бы не стыдно было намъ показать католическимъ
тантскимъ богословамъ. Особенно нынѣ, при такомъ напряженномъ
и соплеменниковъ нашихъ, православныхъ и неправославныхъ, и
азованнаго запада къ нашей церкви, когда вѣроисповѣдные вопросы
ляются на первомъ планѣ въ современномъ движеніи. Вы, по всему,
ребованія своего вѣка и сдѣлали превосходное начало выполненія
коннаго требованія. Дай Богъ вамъ силъ и терпѣнія на славу церкви,
самихъ себя!

ите мою чувствительнѣйшую благодарность еще за доброе ваше мнѣ-
нихъ трудахъ по изданію «Чтеній Общества». Добрый отзывъ о
дей, подобныхъ вамъ, вливаетъ въ меня всякій разъ новую охоту и
сти дѣло, однажды начатое, по крайнему своему разумѣнію. При семъ
сть препроводить къ вамъ, какъ № 9-й за прошлый годъ (который,
инѣ сложной и кропотливой раскраски приложенныхъ при немъ изо-
, доселѣ не былъ вамъ высланъ, какъ и многимъ другимъ членамъ
), такъ равно и № 1-й третьяго года, вышедшій на этихъ дняхъ.
о, дѣлаю дѣло какъ разумѣю; сдѣлалъ-бы лучше, если-бы зналъ, а
ольше—имѣлъ возможность.

епритворнымъ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

О. Бодянскій.

II.

17-го февраля 1849 г. Москва.

ятно, до васъ дошли уже слухи изъ Москвы о прекращеніи «Чтеній
ествѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ универси-
Да, «Чтеній» нѣтъ уже болѣе, и не будетъ! Въ «Обществѣ» выступили
а позорище; секретарь и предсѣдатель сложили съ себя свои званія
лись во-свояси. Не знаю, что и какъ станется съ «Обществомъ», по-
о не принимаю и не приму отнынѣ никакого въ немъ участія, ни
ни косвеннаго. Говорятъ, что оно сбирается что-то издавать, даже
ечатно прокричало уже о вступленіи своемъ въ «новый фазъ жизни».
Богъ ему всего хорошаго! Но, желая хорошаго, я, однако-же, вовсе
отъ мысли поступиться ему своимъ добромъ, и рѣшился матерьялы,
енные для слѣдующихъ книжекъ, взнесши за нихъ слѣдуемое, удер-
собою и потомъ выпустить въ свѣтъ. Въ числѣ ихъ есть нѣсколько
ь памятниковъ на церковно-славянскомъ (или древне-булгарскомъ) языкѣ,

печатанныхъ церковнымъ письмомъ, которые нуждаются для появленія свое
въ свѣтъ въ одобреніи духовной цензуры. Могу-ли обратиться объ этомъ
покорнѣйшей просьбой къ вамъ, какъ члену духовнаго цензурнаго комитет
Здѣшняя духовная цензура отличается, не говоря о прочемъ, въ особе
ности, какъ извѣстно, своею медлительностью, ни на что не похожею. Избѣг
этой бѣды, я намѣреваюсь прибѣгнуть къ с.-петербургской духовной цензур
и просить васъ похлопотать о моемъ дѣтищѣ у нея. Памятники эти извѣст
намъ въ переводахъ новѣйшихъ съ греческаго, но тутъ представляются
переводѣ X—XI столѣтій, что важно для насъ въ филологическомъ отноше
ніи. Можетъ-ли духовная цензура разрѣшить изданіе ихъ въ ученомъ отн
шеніи, не обязывая печатаніемъ въ духовной типографіи? Послѣднее было-б
величайшимъ затрудненіемъ, потому что половина ихъ уже отпечатана дл
предполагавшагося помѣщенія въ «Чтеніяхъ» подъ цензурой Общества (т.
съ его опредѣленія). Если духовная цензура разрѣшитъ печатаніе, то я вышл
въ нее, по вашему наставленію, половину въ корректурныхъ листкахъ,
другую въ спискахъ. Не считаете-ли вы тутъ нужнымъ обратиться съ просьбо
въ св. синодъ или къ его оберъ-прокурору? Или же и безъ того можно обой
тись гораздо проще и вѣрнѣе? Всякое вразумленіе и совѣтъ вашъ въ этом
столько для меня важномъ, дѣлѣ приму съ величайшею благодарностью го
рячо признательнаго человѣка, и почту себя счастливымъ, если когда-либ
представится мнѣ случай сдѣлать вамъ угодное.

Съ отличнымъ уваженіемъ и проч. О. Бодянскій.

III.

15-го марта 1849 г. Москва.

..... Отъ всей души благодарю ваше высокопреподобіе за то теплое участіе
какое вы выразили къ теперешнему моему положенію въ своемъ письмѣ к
мнѣ отъ 1-го марта текущаго года. Есть-же, однако, люди, кои съумѣл
оцѣнить доселѣшнія мои дѣйствія на полѣ отечественной словесности и исто
ріи. Дай Богъ мнѣ сохранить и впередъ ихъ расположеніе и доброе мнѣніе!

Другое спасибо приношу вамъ за готовность вашу быть посредникомъ мн
въ сношеніи съ с.-петербургской духовной цензурой. Все, какъ вы изволил
написать мнѣ въ своемъ письмѣ, будетъ сдѣлано мною точь въ точь. Тепер
я покончиваю кое-что къ назначеннымъ къ отправленію статьямъ, потом
велю каждую переплесть въ особую книгу и послѣ Святой вышлю въ Петер
бургъ на ваше имя съ прошеніемъ въ «комитетъ духовной цензуры при спб
духовной академіи». Вы сдѣлаете чрезвычайно доброе дѣло посредничеством
своимъ въ этомъ случаѣ. Если-бы что-либо понадобилось представить на раз
рѣшеніе св. синода, то я просилъ-бы убѣдительнѣйше объ одномъ, чтобы, н

я еще къ тому, извѣстить меня предварительно, въ чемъ именно встрѣ-
омнѣніе, и я тотчасъ, съ своей стороны, отнесся-бы о томъ къ нѣ-
ъ членамъ синода и, буде нужно, къ самому оберъ-прокурору. По-
то такая мѣра принесетъ свой плодъ добрый.
ятно, вы получили уже 1-ю книгу «новофазной» дѣятельности
историческаго общества, подъ именемъ «Временникъ». Всего луч-
маю ему, особенно признанія заслугъ другихъ. Между 14-ю листами,
ющими нынѣшнюю книгу «Временника», цѣлыхъ 9-ть изготовлены
я «Чтенія», и однако-же, хоть-бы гдѣ ни есть одно словцо о томъ:
влено было для Чтеній». Такой образъ дѣйствій еще болѣе утвер-
ня въ необходимости взять поскорѣе запасъ свой назадъ отъ подоб-
бросовѣстныхъ и выпустить его особо.
совершеннымъ почтеніемъ и проч. О. Бодянскій.

Дм. Ив. Ростиславовъ къ епископу Макарію Булгакову.

3-го ноября 1852 г.

е преосвященство! .. Нынѣ я получилъ двѣ выписки изъ академиче-
авленія; при одной изъ нихъ препровожденъ ко мнѣ аттестатъ о
жбѣ, а другою меня извѣщаютъ о назначеніи мнѣ полнаго профес-
жалованья въ пенсіонъ. Послѣднее извѣстіе было для меня очень,
еще множество очень пріятно; продолжительная моя болѣзнь, забота
ніе за свою будущность слишкомъ много меня безпокоили; теперь,
я добрымъ людямъ, я безбѣдно и спокойно могу доживать оставшіеся
!
е преосвященство! Я теперь уже не принадлежу къ академіи, не служу
у служить нигдѣ, не имѣю и не могу имѣть никакихъ видовъ впе-
этому мнѣ нѣтъ нужды предъ вами лицемѣрить, нѣтъ никакой пользы
вамъ; примите-же мои слова, какъ слова человѣка совершенно сво-
независимаго, не имѣющаго никакихъ надеждъ, ни на что не расчи-
аго, а желающаго только высказать вамъ свои чувства.
годарю васъ, ваше преосвящ—о, благодарю искренно отъ всей моей души,
го моего сердца, отъ всего моего дряхлаго существа, благодарю за
астіе, которое вы приняли во мнѣ. Участіе это тѣмъ больше требуетъ
ности съ моей стороны, что я при васъ, какъ начальникѣ, почти во-
служилъ, а вамъ, какъ человѣку, дѣлалъ даже много непріятностей;
одна доброта вашего сердца, одно благородство характера могли васъ
ть дѣйствовать въ мою пользу. Притомъ, мнѣ кажется, что только
съ я и могъ получить полную пенсію; только ваше ходатайство
ысшимъ начальствомъ могло дать такой благопріятный оборотъ моему

дѣлу; при вашемъ предшественникѣ я, разумѣется, не получилъ-бы того, ч теперь имѣю, хотя-бы онъ и сталъ ходатайствовать.

Позвольте мнѣ еще повторить вамъ полную, сердечную, искреннюю м благодарность. Жалѣю только о томъ, что состояніе моего здоровья и м положеніе едва-ли позволятъ мнѣ чѣмъ-либо другимъ, кромѣ словъ, отблаг дарить васъ. Но если-бы, ваше преосвященство, я на что-нибудь оказал годнымъ для васъ, Бога ради, требуйте отъ меня всего, къ чему я еще сп собенъ; исполненіе вашихъ желаній будетъ для меня истиннымъ удовольствіем настоящею наградою.

Не желаю больше утомлять васъ, хотя въ душѣ у меня много еще остается что мнѣ слѣдовало-бы высказать вамъ; но позвольте мнѣ еще, еще и еш благодарить васъ, ваше преосвященство, за ваше доброе и благородное ход тайство обо мнѣ. Съ искреннимъ уваженіемъ, сердечною преданностію и бл годарностію остаюсь, и проч. Статскій совѣтникъ Дмитрій Ростиславов

Петръ Александровичъ Плетневъ епископу Макарію Булгакову.

I.

26-го іюня 1852 г. Спб. университетъ.

Не зная, къ кому обратиться по дѣлу, чрезвычайно близкому къ моем сердцу, я беру смѣлость безпокоить васъ, преосвященнѣйшій владыко, пред чувствуя, что вы не откажетесь раздѣлить сердечныя мои заботы.

Мнѣ удалось устроить, что тѣло покойнаго В. А. Жуковскаго, кото раго я всю жизнь любилъ, какъ отца, перевезено будетъ въ Россію и пре дано землѣ въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Я больше всего желаю, что бы могила Жуковскаго была рядомъ съ могилою Карамзина, или, п крайней мѣрѣ, близко, такъ какъ они равно великіе писатели и прахъ их равно дорогъ для всѣхъ образованныхъ людей.

Покорнѣйшая просьба моя къ вашему преосвященству состоитъ въ слѣ дующемъ: не соблаговолите-ли вы помочь мнѣ для извѣщенія вдовы Жуков скаго, чтобы я получилъ вѣрныя свѣдѣнія, во 1-хъ, что никакого не встрѣ тится препятствія получить мѣсто близъ могилы Карамзина; во 2-хъ, сколь вдова обязана будетъ внести въ монастырскую кассу за означенное мѣсто въ 3-хъ, какую сумму, примѣрно, платятъ за хорошій (конечно, безъ при хотей роскоши и тщеславія) мраморный памятникъ надъ могилой?

Если я буду такъ счастливъ, что ваше преосвященство, собравъ эти свѣ дѣнія, удостоите сообщить ихъ мнѣ, то я приму это одолженіе съ чувством истинной признательности и того почтенія, и проч. П. Плетневъ.

II.

17-го іюля 1852 г.

ся искреннѣйшую благодарность за сообщеніе мнѣ свѣдѣній, необхо-
о случаю приближающагося срока похоронъ В. А. Жуковскаго, дол-
таю донести вашему преосвященству, что тѣло покойнаго изъ Ште-
Петербургъ на пароходѣ должно прибыть въ слѣдующій вторникъ,
ла текущаго іюля, разумѣется, ежели чего-либо особеннаго не про-
въ пути.

зволяю себѣ оставаться въ полномъ убѣжденіи, что указанное вашимъ
нствомъ мѣсто для погребенія Жуковскаго въ ногахъ у могилы Ка-
не будетъ никѣмъ занято, и что новая тутъ могила тотчасъ будетъ
лишь будетъ сообщено о томъ по принадлежности монастырскому
.

тличнымъ почтеніемъ, и проч. П. Плетневъ.

III.

14-го апрѣля 1855 г.

вященнѣйшій владыко! Примите искреннѣйшую благодарность мою за
ый подарокъ, который отъ васъ я имѣлъ честь получить сегодня.
иненіе ваше, «Исторія русскаго раскола», для нашихъ ученыхъ
ужить образцемъ, какъ надобно собирать историческіе матеріалы,
водить ихъ къ единству прагматическаго сочиненія, и наконецъ,
агать исторію въ высокомъ ея значеніи.

щаясь талантомъ вашимъ, какъ историка и вообще какъ писателя,
ъ довольно надивиться вашему терпѣнію, трудолюбію вашему и умѣнью
ля кабинетныхъ трудовъ время посреди безпрерывныхъ занятій, ко-
ребуютъ возложенныя на васъ разныя должности. Читая новое со-
ваше, я остаюсь въ недоумѣніи, какъ вы могли, будучи еще моло-
овѣкомъ, извлечь совершенно изъ новыхъ источниковъ, никѣмъ не
ихъ, столько подробныхъ свидѣтельствъ о предметѣ, можно сказать,
не тронутомъ, и внести столько занимательности и убѣдительности
твованіе чисто спеціальное.

одкрѣпитъ Господь силы ваши и любовь къ труду! Цѣните и хра-
себѣ то и другое! Вами начинается новый свѣтъ въ духовной лите-
нашей. Прекрасная утренняя заря вызвала всѣхъ къ пріятнѣйшимъ
мъ роскошнаго дня и сладостнаго вечера. Но безъ крѣпости силъ и
ви къ труду ничего нельзя достигнуть. Итакъ, будьте трудолюбивы

умѣренно, и наслаждайтесь успѣхами въ блаженной независимости отъ суда мірскаго.

Прося благословенія вашего, и проч. П. Плетневъ.

IV.

15-го ноября 1859 г. Спб.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь! Получивъ сегодня почтеннѣйшее письмо вашего преосвященства отъ 8-го ноября, спѣшу принести вамъ сердечную благодарность за эти драгоцѣнныя для меня строки.

Касательно приказаній вашихъ, долгомъ считаю донести вамъ единожды навсегда, что немедленное и усерднѣйшее исполненіе ихъ составлять будетъ не только пріятнѣйшую для меня обязанность, но и душевное удовольствіе, по чувству неизмѣннаго моего къ вамъ уваженія и преданности. Итакъ, покорнѣйше прошу почаще снабжать меня ими.

Сію-же минуту (не смотря на воскресенье) я отправляю записку къ академическому чиновнику, завѣдывающему разсылкою изданій нашихъ, чтобы онъ немедленно справился, не отправлена-ли по ошибкѣ V-я книга «Ученыхъ Записокъ» отдѣленія (послѣдняя изъ явившихся въ свѣтъ, а VI-я еще печатается и не ранѣе явится, какъ въ 1860 году), вмѣсто Харькова, въ Тамбовъ, по прежнему вашему мѣстопребыванію тамъ.

До сентября съ начала весны я находился заграницею. Вотъ почему могли случиться нѣкоторыя неисправности по отдѣленію. Если V-я книга «Уч. Зап.» не была къ вамъ отправлена, то завтра-же ее пошлютъ въ Харьковъ. О сочиненіи вашемъ: «Русская митрополія» и подумать невозможно, чтобы не только редакторъ, но и все отдѣленіе съ восторгомъ не пожелало видѣть его въ числѣ своихъ ученыхъ трудовъ. Замедленіе появленія его произошло отъ небольшаго разстройства финансовъ нашихъ, по причинѣ котораго мы вынуждены были въ 1859 году, вмѣсто V-го и VI-го томовъ «Ученыхъ Записокъ», ограничиться выпускомъ въ свѣтъ пока одного только V-го. Я теперь особенно занятъ возстановленіемъ разстроившагося немножко порядка въ распредѣленіи суммъ отдѣленія, и надѣюсь на милость Божію, что это мнѣ удастся сдѣлать въ непродолжительномъ времени.

Позвольте надѣяться мнѣ на продолженіе благорасположенія вашего преосвященства къ отдѣленію, котораго вы составляете подпору и украшеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и ко мнѣ, всегдашнему искреннему чтителю вашихъ доблестей, ученыхъ заслугъ и христіанской кротости.

Съ отличнымъ почтеніемъ, и проч. П. Плетневъ.

V.

19-го октября 1862 г. Спб.

о честь довести до свѣдѣнія вашего высокопреосвященства, что мною
бумага ваша съ перечисленіемъ ученыхъ и литературныхъ вашихъ
въ продолженіи текущаго 1862 года.
бно мнѣ доложить вамъ, что состояніе здоровья моего въ девять по-
мѣсяцевъ такъ было разстроено, что я по дѣламъ моимъ въ качествѣ
тельствующаго въ отдѣленіи русскаго языка и словесности сносился
посредствомъ пересылки бумагъ, не будучи въ состояніи лично при-
ть въ засѣданіяхъ.
неблагопріятное обстоятельство оказалось для меня самымъ огорчи-
по отношенію къ вышеупомянутой вашей бумагѣ. Я, вмѣстѣ съ
оффиціальными бумагами, отправилъ ее съ казеннымъ нашимъ раз-
ъ къ письмоводителю отдѣленія для предъявленія ея въ засѣданіи.
ставьте-же, ваше высокопреосвященство, мое огорченіе и отчаяніе,
ѣ сдѣлалось черезъ нѣсколько дней извѣстнымъ, что этой бумаги не
между посланными съ нею. Разносчикъ или письмоводитель не до-
за цѣлостью посланнаго мною въ связкѣ бумагъ—до сихъ поръ я
не могу.
у тѣмъ, чтобы не терять болѣе драгоцѣннаго времени, можетъ быть,
сныхъ разысканіяхъ, я рѣшился обратиться съ покорнѣйшею прось-
вашему высокопреосвященству и уполять васъ, не можете-ли вы при-
заготовить другую копію съ утратившейся бумаги и доставить ее

те великодушны и простите человѣка, который по причинѣ болѣзни
предъ вами столь виновнымъ.
тличнымъ почтеніемъ, и проч. П. Плетневъ.

нъ Ивановичъ Давыдовъ—къ высокопреосвященному Макарію.

5-го октября 1858 г. Спб.

преосвященство! Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ получилъ я
ашего преосв—ва, вмѣстѣ со статьею: «Русская митрополія въ
ходный періодъ». Радостно было также узнать, что вы, послѣ
и утомительныхъ заботъ, теперь здоровы и спокойны.
дленно сообщилъ я объ этомъ отдѣленію, и всѣ члены поручили мнѣ
но принести вашему преосв—ву искреннѣйшую благодарность за

теплыя чувствованія и литературное приношеніе. Мы часто говоримъ овасъ, гордимся вами, какъ сочленомъ своимъ, и лишь только о томъ сожалѣемъ, что лишены вашей сладостной бесѣды.

Упомянутая статья будетъ напечатана въ «Ученыхъ Запискахъ»; воспоминаніе-же объ Иннокентіи, вмѣстѣ съ моимъ отчетомъ, уже помѣщено въ нихъ, но безъ оттисковъ того и другаго, по небрежности типографской. Теперь вновь набираются и мой отчетъ, и ваше воспоминаніе; по отпечатаніи, я ихъ доставлю вашему преосв—ву.

О благотворныхъ дѣйствіяхъ вашихъ по паствѣ тамбовской я получаю свѣдѣнія отъ добрыхъ знакомыхъ моихъ, Ѳедоровыхъ, которыхъ вы удостоили своимъ посѣщеніемъ и благословеніемъ. Всѣ отъ васъ и отъ слова вашего въ восхищеніи,—а академикамъ это и любо.

Занятія наши продолжаются попрежнему—въ мирѣ и тишинѣ; трудимся для русскаго слова, сколько другія служебныя обязанности позволяютъ. По четвергамъ и субботамъ въ бесѣдѣ нашей мы отдыхаемъ. Надѣемся къ празднику академическому издать новый томъ «Ученыхъ Записокъ» и дополненіе къ «Областному словарю».

Досточтимый и любимый всѣми президентъ нашъ возвратился изъ заграницы, слава Богу, съ обновленнымъ здоровьемъ. На третій день по пріѣздѣ онъ уже былъ въ общемъ собраніи любезной для него академіи.

Испрашивая архипастырскаго благословенія вашего и поручая себя молитвамъ вашимъ, съ глубочайшимъ уваженіемъ и безпредѣльною преданностью имѣю честь остаться навсегда, и проч. Иванъ Давыдовъ.

Сообщ. Е. Н. Булгакова.

ПИЗОДЪ ИЗЪ АУСТЕРЛИЦКАГО БОЯ.

1805 г.

одъ изъ Аустерлицкаго боя, по разсказу князя Репнина, же извѣстенъ въ печати. Имъ уже воспользовался Михай-Данилевскій въ своемъ сочиненіи: «Описаніе первой войны гора Александра съ Наполеономъ въ 1805 году. — бургъ, 1844 г.». Но по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, торикъ могъ только отчасти воспроизвести этотъ драгоцѣнный скій документъ, т. е. письмо къ нему участника Аустерлиц-женія, князя Репнина, отъ 15-го апрѣля 1844 года. — Въ е время, письмо это впервые печатается, на стр. «Русской », полностію, безъ всякихъ пропусковъ.

Н. К. Шильдеръ.

Яготинъ, 15-го апрѣля 1844 года.

Александръ Ивановичъ. Во время тяжкой болѣзни получилъ клонное письмо вашего пр—ва, отъ 30-го января, а потому ите поздній отвѣтъ мой равнодушію, читалъ, напротивъ того, коими вы меня почтили, съ чувствомъ сильнѣйшей благодар-принялъ ихъ, какъ знакъ лестной для меня дружбы вашей, остивый государь, среди скромнаго моего уединенія и страданій рода, утѣшили меня доказательствомъ, что люди съ благо-качествами, съ отличнымъ умомъ, съ честью и усернымъ еніемъ службы государю, вспоминаютъ еще иногда о прежнемъ оварищѣ.

асно съ желаніемъ вашего пр—ва, обратясь къ временамъ изложу одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ жизни моей, ибо ріобрѣлъ я особенное благоволеніе покойнаго государя нашего.

При выступленіи гвардіи нашей изъ Кракова, она раздѣлена бы на три эшелона; послѣдній составленъ изъ Кавалергардскаго полк батарейныхъ гвардейскихъ орудій и лейбъ-гренадерскаго полка; отря нашъ прошелъ чрезъ Ольмюцъ два дня послѣ движенія нашей ар къ Вишау, за которою мы, не останавливаясь, послѣдовали. 19 ноября ночевали мы въ двухъ миляхъ отъ Аустерлица, влѣво с большой дороги, столь мало помышляя о сраженіи, что Кавалергар скому полку приказано было готовиться къ инспекторскому смотр зачали чиститься, одѣваться, пудриться, придѣлывать чепраки, вно привезенные изъ Петербурга, но съ разсвѣтомъ услышали мы пушечн гулъ, и едва выступили, какъ получили повелѣніе отъ великаго кня Константина Павловича поспѣшить на рысяхъ. Пройдя Аустерлиц увидѣли мы весь горизонтъ, покрытый боемъ, и, открывъ мѣсто, зан маемое гвардейскимъ корпусомъ, поспѣшили къ оному въ соединен шаговъ за 300 не доходя, встрѣтили мы великаго князя, (которы сказалъ намъ: «выручайте пѣхоту».

Я командовалъ 4-мъ эскадрономъ; предшествовавшіе три, прой плотину, двинулись вправо, но я, увидя, что французская кавалер дѣйствительно передо мной на плечахъ Семеновскаго полка въ рук пашномъ боѣ около его знаменъ, рѣшился идти прямо; за мною п слѣдовалъ 5-й эскадронъ и штандартный конвойный взводъ, отвозивш ихъ въ Аустерлицъ. Почти въ то-же время подоспѣлъ къ намъ по ковникъ Оленинъ съ двумя эскадронами конно-гвардейскаго полка – и мы совокупно исполнили приказаніе великаго князя и выручил пѣхоту, но сами попали въ жесточайшій бой: на насъ устремил Наполеонъ весь свой гвардейскій резервъ, и прямо на меня ударил генералъ Раппъ съ конно-гренадерами, гидами, мамелюками и жан дармами. Я былъ раненъ въ то время, и вообще всѣ офицеры Кава лергардскаго полка, бывшіе въ семъ бою, запечатлѣли кровью своей мѣсто сраженія; солдаты почти также, ибо изъ моего эскадрона вышл только 18 человѣкъ невредимыхъ.

Генералъ Раппъ собралъ свѣдѣнія объ именахъ раненыхъ офи церовъ, приказалъ перевести насъ въ амбюлансъ главной квартиры а самъ поскакалъ съ денесеніемъ къ Наполеону.

Вскорѣ увидѣли мы и сего знаменитаго вождя; онъ началъ раз говоръ свой слѣдующими словами: «Votre nom, Monsieur»?

— «Prince Repnin».

N. Vous commandiez la garde de l'Empéreur de Russie?

R. Je suis colonel et chef d'escadron dans le régiment des che valiers gardes.

N. Votre régiment a fait noblement son devoir.

'est une belle recompense que d'avoir l'approbation d'un grand

e vous l'accorde avec plaisir; quel est ce jouvenceau à côté

'est le fils du général Souchtelen, il sert comme lieutenant
n escadron.
l est venu bien jeune se frotter à nous.
chtelen. On n'a pas besoin d'être vieux pour être brave.
Bien répondu, jeune homme, vous ferez votre chemin. Qu'on aie
ces messieurs, qu'on les mène à mon bivouac et qu'on dise
y de visiter leurs blessures. Au revoir, prince Repnin.

казаніе Наполеона было въ точности исполнено; мы нашли
шахъ, выстроенныхъ для его главной квартиры, самый радуш-
емъ и попеченіе о нашихъ ранахъ; но это не долго продол-
При сумеркахъ прискакалъ ординарецъ съ приказаніемъ не-
о укладываться и отправить готчасъ плѣнныхъ въ Брюннъ;
знялъ я, что эта суматоха произошла отъ появленія предъ
ицемъ шедшаго прежде съ нами лейбъ-гренадерскаго полка
ейскихъ батарейныхъ орудій. Ихъ почли французы за аван-
Бенингсенова корпуса, и какъ въ то-же время Наполеонъ
ь донесенія о сближеніи эрцъ-герцога Карла къ Вѣнѣ, о
и эрцъ-герцога Фердинанда изъ Иглау къ Цнайму и о пого-
возстаніи венгерцевъ, то онъ, остановивъ наступательныя
, отправилъ маршала Сульта въ Никольсбургъ, Давута—къ
гу и генерала съ баварцами и другими нѣмецкими ополч-
—къ Цнайму; самъ-же съ гвардіей и Удинотовскими грена-
перешелъ въ Брюннъ, оставивъ единственно Мюрата съ кава-
предъ нашими аванпостами.

на разсвѣтѣ явился князь Лихтенштейнъ въ бивуакъ къ Напо-
ъ предложеніемъ свиданія съ императоромъ Францомъ, чѣмъ
ская монархія болѣе была поражена, нежели Аустерлицкимъ
емъ.

Брюннѣ собралось насъ раненыхъ 6 кавалергардскихъ офице-
17 уланскихъ, съ храбрымъ ихъ начальникомъ Егоромъ Ивано-
Меллеръ-Закомельскимъ; по всей справедливости, мы не могли
о нахвалиться обращенію съ нами; почтеннѣйшіе французскіе
ы посѣщали насъ часто, особенно генералъ Раппъ, который,
ѣрившись, наконецъ, что мнѣ возможно было выѣхать, объявилъ
иглашеніе Наполеона явиться къ нему на другой день въ пол-
ня ввели во внутренніе покои занимаемаго имъ архіерейскаго

дома. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ Наполеонъ и, оставшись одинъ со мною, началъ разговоръ слѣдующими словами:

N. «Comment vont vos blessures, prince Repnin?»

R. «Bien, Sire».

N. «Je vous ai fait venir pour vous charger de porter encore une fois des paroles de paix à l'Empereur Alexandre; pourquoi nous faisons-nous la guerre, quand nous...»

R. «Excusez, Sire, mon audace de vous interrompre pour vous dire, que je suis uniquement soldat, complétement étranger à la politique et même á la cour de l'Empereur, ainsi que je ne puis vous faire la moindre réponse».

N. «Je ne vous demande que de rendre à l'Empereur Alexandre mot à mot ce que je vais vous dire».

R. «C'est un devoir de fidélité envers mon souverain».

N. «Ecoutez-moi donc bien; vous pourrez rejoindre l'Empereur dans quelques jours s'il suit son armée; dites lui que s'il avait écouté mes propositions et accepté une entrevue entre les avant-postes, je me serais soumis à sa belle âme, il m'aurait déclaré ses intentions pour procurer le repos à l'Europe et j'y aurai souscrit; mais à sa place il m'a envoyé un freluquet impertinant qui a osé l'être avec le chef d'une armée française au milieu de ses colonnes. Qu'en est-il résulté? Nous nous sommes battus et c'est actuellement moi, qui a le droit de dire mes intentions. Mais nous pouvons nous rapprocher encore, qu'il m'envoie un plénipotentiaire à Vienne, pas un de ces courtisans qui forment son état-major. La vérité est loin des souverains; Alexandre est né pour le trône, je le suis devenu et mes anciens camarades, mes ci-devant chefs n'osent plus me la dire.

«Mais parlons de la bataille, quelle idée de vous étendre comme vous l'avez fait, de séparer vos colonnes; il faut masser son armée, l'avoir pour ainsi dire dans ses poignées pour la jeter toute entière à la face de son ennemi».

R. «Mais, Sire, j'ai eu l'honneur de vous dire que je ne suis que colonel, mon rôle est de voir et de combattre ce qui est devant moi et non au delà, surtout d'obéir et de ne point raisonner».

N. «Repnin, vous êtes l'opposé de Dolgorouki, vous êtes trop modeste, mais au reste Alexandre devait bien perdre cette bataille, c'était sa première et ma quarantième».

R. «Je suis persuadé, Sire, qu'après la leçon que vous lui avez donné il n'aura pas besoin de venir à ce nombre pour prendre sa revanche».

N. «Monsieur se fâche».

Je n'oserai le faire, mais un soldat ne peut être indifférent
que l'on dit de son souverain».
Allons, faisons la paix, colonel, entre nous cela sera facile,
ous estime».
Un bonheur de plus pour moi; je conserverai toute ma vie
nir de votre bienveillant accueil».
Adieu, Repnin, je vous rend à votre souverain, comme preuve
que j'ai de rétablir nos anciennes relations d'amitié».
выходѣ отъ Наполеона приглашенъ я былъ къ роскошному
съ маршалами и генералъ-адъютантами, по окончаніи кото-
ртье вручилъ мнѣ пропускной билетъ чрезъ аванпосты въ
ь и обратно, прося меня извѣстить его объ успѣхѣ дѣлаемаго
ія для доклада Наполеону.
Ольмюцѣ нашелъ я князя Чарторижскаго, ожидающаго ежe-
ельдъегеря отъ государя уже изъ Петербурга; онъ взялся
ь немедленно его величеству разговоръ мой съ Наполеономъ и
ъ мнѣ сообщить маршалу Бертье, что ему, какъ управляющему
рствомъ иностранныхъ дѣлъ, извѣстна всегдашняя наклонность
нашего къ миру, но не иначе, какъ принявъ за основаніе
оровъ предложенія, сдѣланныя изъ Берлина г. Новосильцо-
ъ нѣкоторыми однако-жъ измѣненіями по послѣднимъ обстоя-
мъ. Съ этимъ отвѣтомъ возвратился я черезъ два дня въ
, но, не нашедъ уже тамъ главной квартиры, извѣстилъ пись-
ршала Бертье.
езъ нѣсколько дней прибылъ ко мнѣ подполковникъ француз-
неральнаго штаба Pegault съ словеснымъ отвѣтомъ отъ Бертье,
ератору Наполеону угодно видѣть меня и офицеровъ, подъ
твомъ моимъ бывшихъ, въ Парижѣ, и что ему приказано
овожать насъ, съ запрещеніемъ останавливаться въ Вѣнѣ и
ѣ.
ь ни обходились со мною благосклонно, но содѣлавшись вновь
лѣннымъ, я извѣстилъ о семъ посла нашего при австрійскомъ
находившагося тогда въ Ольмюцѣ, и старался медлить сколько
о отъѣздомъ. Наконецъ, мы отправились, но вскорѣ были
аны проѣздомъ флигель-адъютанта Ланскаго, котораго благо-
было государю императору послать для размѣна нашего; по
и нашемъ въ Линцъ, Ланской объявилъ намъ, что ему удалось
ь на размѣнъ маршала Бертье, и вручилъ намъ пропуски, съ
ми поспѣшили мы въ Вѣну, очищенную уже французами.
ь описаніе одного изъ важнѣйшихъ происшествій жизни моей,
мотря на 38-ми-лѣтнюю отдаленность, я сохранилъ въ памяти

всѣ подробности онаго; но дряхлая и грустная старость помѣшал мнѣ въ скорости исполнить приглашеніе вашего пр—ва, въ чем вторично прошу у васъ извиненія.

Собравшись съ силами, постараюсь сообщить еще нѣкоторыя свѣдѣ нія, достойныя быть упомянутыми въ общемъ историческомъ отно шеніи. Васъ, милост. государь, избралъ е. и. в. составить живо памятникъ предшественнику своему, который передастъ потомкам нашимъ примѣры твердаго упованія на Бога, пламенной любви к отечеству и непоколебимой вѣрности государю,—незыблемыя основ величія Россіи.

Окончу длинное письмо это искреннимъ увѣреніемъ въ тѣхъ чу ствахъ совершеннаго почтенія и душевной преданности, съ коим имѣю честь быть вашего пр—ства покорнѣйшимъ слугою. Кня Репнинъ.

МПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА

1807 г.

дополненіе къ подробнымъ свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ мар- и августовской книгахъ «Русской Старины» изд. 1890 г., о орительной дѣятельности императрицы Маріи Ѳеодоровны, подъ емъ: «Смольный монастырь 1797—1805 гг.», считаемъ весьма мъ указать на мнѣніе, выраженное по тому-же предмету, съ ской точки зрѣнія, генераломъ Савари, однимъ изъ ближай- извѣстныхъ сотрудниковъ Наполеона I-го.

1887 г. основано въ Парижѣ ученое общество дипломатиче- торіи (Société d'Histoire diplomatique), которое съ тѣхъ поръ журналъ, подъ заглавіемъ: «Revue d'Histoire diplomatique», четырехъ книжекъ въ годъ. Въ послѣднемъ его выпускѣ, , помѣщено, съ предисловіемъ французскаго историка графа (Albert Vandal) [1]), нѣсколько донесеній, найденныхъ имъ hives nationales, которыя въ 1807 г. были отправлены На- I-му изъ С.-Петербурга его адъютантомъ Савари (Savary). мѣ заключенія мира въ Тильзитѣ, на генерала Савари возло- ыла чрезвычайная миссія въ С.-Петербургъ, иначе сказать, ъ отправленъ, какъ это обыкновенно выражается оффиціально, бымъ порученіемъ къ императору Александру I. Вандаль, ѣніи документовъ, найденныхъ въ Palais du Quai d'Orsay зское министерство иностранныхъ дѣлъ), прямо говоритъ, что у Савари приказано было произвести при россійскомъ дворѣ

ъ 1882 г. онъ издалъ въ Парижѣ очень любопытное изслѣдованіе: XV et Elisabeth de Russie, étude sur les relations de la France Russie au XVIII siècle.

дипломатическую рекогносцировку, en explorateur, т. е. посредствомъ внимательныхъ наблюденій. Рекомендуя ему, между прочимъ, направить всѣ усилія свои къ тому, чтобы въ петербургскомъ высшемъ кругу образовать «французскую партію», Талейранъ оканчивалъ его инструкціи знаменательнымъ наставленіемъ: «Tâchez de savoir beaucoup, en demandant peu» (старайтесь узнавать многое, отнюдь не пускаясь въ разспросы).

Но послѣ Аустерлица и Тильзита общественное мнѣніе въ Россіи было сильно возбуждено противъ Наполеона. Наиболѣе негодовала на сближеніе съ нимъ государя его мать, вдовствующая императрица, а она-то именно давала тонъ двору и всей аристократіи. Императоръ выказывалъ самое благоговѣйное вниманіе къ своей родительницѣ. На большихъ выходахъ въ Зимнемъ дворцѣ онъ велъ ее подъ руку, а царствующая императрица, Елисавета Алексѣевна, одиноко шествовала за ними. Усаживались высочайшія особы въ четырехъ-мѣстную карету такъ: императрица Марія Ѳеодоровна занимала въ глубинѣ экипажа правую сторону, императрица Елисавета Алексѣевна—лѣвую, а государь садился на переднюю банкетку или сопровождалъ обѣихъ государынь верхомъ. Онъ никогда не начиналъ парада войскамъ, не дождавшись своей матери. Два раза въ недѣлю онъ ѣздилъ къ ней на поклонъ въ Павловскъ и иногда оставался ночевать тамъ. Въ Петербургѣ была, какъ и теперь, одна только труппа французскихъ актеровъ. Иногда императрица вызывала ихъ къ себѣ дня на три. Тогда столица оставалась безъ французскаго театра. Многіе вельможи зачастую ѣзжали въ Павловскъ, хотя имъ оттуда приходилось возвращаться ночью.

Положеніе наполеоновскаго посланца, при такихъ условіяхъ, оказалось чрезвычайно труднымъ. Аудіенціи у императрицы Маріи Ѳеодоровны данъ былъ характеръ, нѣкоторымъ образомъ, частный. Пріемъ состоялся въ почти загородномъ Таврическомъ дворцѣ и при весьма скромной обстановкѣ. Савари сознается, что пріемъ былъ сухъ и продолжался нѣсколько менѣе одной минуты [1]).

---

[1]) Нерасположеніе императрицы Маріи Ѳеодоровны къ генералу Савари могло быть усилено тѣмъ, во-первыхъ, что онъ въ 1804 году, въ качествѣ полковника жандармеріи, распоряжался исполненіемъ смертнаго приговора надъ герцогомъ Энгіенскимъ, по которомъ нашъ Дворъ надѣлъ трауръ, и во-вторыхъ, что, послѣ Аустерлица, Савари былъ временно губернаторомъ Пруссіи. Онъ участвовалъ во всѣхъ походахъ Наполеона I, начиная съ египетскаго и, за командованіе дивизіей, получилъ титулъ герцога Ровиго. Въ 1808 году онъ былъ главнокомандующимъ въ Испаніи, а въ 1810 г. былъ назначенъ министромъ полиціи. Въ 1815 г. онъ послѣдовалъ за Наполеономъ на островъ св. Елены, но былъ взятъ въ плѣнъ англичанами и 7 мѣсяцевъ спустя бѣжалъ съ острова

мъ, проходили недѣля за недѣлею, и положительно всѣ бар-
ъ въ Петербургѣ оставались для него закрытыми. Взрывъ
зма былъ общій, но наполеоновскому служакѣ казалось порою,
кіе вельможи брезгали имъ, между прочимъ, оттого, что онъ
жалъ къ чуждой имъ, необтесанной средѣ. Этого онъ и впо-
не простилъ россійскому дворянству, отзываясь о немъ
неуважительно въ своихъ депешахъ. Графъ Вандаль, видя
личность, строго осуждаетъ за это генерала Савари.

ослѣднему во что-бы то ни стало необходимо было добиться
исполнить тѣмъ возложенное на него порученіе. Онъ тер-
овелъ свои траншеи и, мало по малу, навязался [1]) въ из-
степени нѣсколькимъ семьямъ, проникнувъ въ ихъ дома-
змъ, государь постоянно былъ ласковъ съ нимъ и благоскло-
нему, и это не оставалось безъ вліянія на высшее петер-
общество.

о-же, для Савари всего важнѣе было сблизиться съ тѣми,
ыли взысканы расположеніемъ вдовствующей императрицы и
и ея интимный дворъ. Изъ числа ея постоянныхъ собесѣд-
му всего болѣе помогъ оберъ-шенкъ и президентъ академіи
ъ, кн. А. М. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, бывшій передъ
сійскимъ посланникомъ въ Дрезденѣ и Туринѣ [2]). За то
ревозноситъ его свѣтлый умъ, его всестороннее образованіе,
тъ его приверженцемъ Наполеона (enthousiaste de notre
).

но болѣе мѣсяца со времени пріѣзда французскаго посланца
бургъ, когда онъ узналъ отъ нѣсколькихъ придворныхъ, что
ица Марія Ѳеодоровна начинаетъ снисходительно отзываться
и и французахъ. Тогда онъ рѣшился весьма ловко коснуться

ь 1831 г. онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Африкѣ и,
въ 1774 г. въ Арденнахъ, скончался въ мѣстѣ служенія своего
ду. Онъ издалъ въ 1828 г. „Mémoires pour servir à l'Histoire de
Napoléon". Эти записки считаются весьма важнымъ историческимъ
ъ. (См. Bouillet, Dictionnaire d'Histoire et de Géographie, Paris,
1607).

nit par s'imposer dans une certaine mesure.

концѣ XVIII столѣтія онъ былъ въ перепискѣ съ Вольтеромъ, Дидро,
Даламберомъ и вообще съ энциклопедистами; онъ имѣлъ прекрас-
ную галлерею, устраивалъ у себя домашніе спектакли; въ его домѣ
ецъ Е. И. В. вел. кн. Сергія Александровича) собирались эмигранты.
лъ нѣсколько сочиненій на французскомъ языкѣ, въ прозѣ и стихахъ.

В. Ѳ. В.

ея чувствительной струны и рискнулъ (j'ai hasardé) обратиться ея оберъ-гофмаршалу съ просьбою быть допущеннымъ къ посѣщ Смольнаго монастыря, Екатерининскаго института, Маріинской ницы, Воспитательнаго дома и другихъ заведеній, которымъ оказывала особенное покровительство.

Сутки спустя, Савари получилъ увѣдомленіе, что императ приказала показать ему эти учрежденія во всѣхъ подробност какъ ихъ показываютъ ей самой. Онъ поспѣшилъ побывать всюду, и нашелъ возможность довести до ея свѣдѣнія свое восхи (admiration) всѣмъ имъ видѣннымъ.

Мы знаемъ, что пріемомъ ея онъ не былъ къ тому подкупл и вотъ въ какихъ, уже вполнѣ безпристрастныхъ, выраженіяхъ вари донесъ о своихъ впечатлѣніяхъ императору Наполеону:

— «Le nom de cette souveraine commande ici la vénération publi La pratique de toutes les vertus honore sa vie; tous les grands éta sements de charité, de bienfaisance et d'humanité, tels que les Or linats, les enfants-trouvés, les pauvres, les femmes en couche, l' cation des demoiselles nobles, orphelines ou pauvres, et, en gén tout ce qui appartient en Russie à cette partie, porte son nom; en est la fondatrice [1]), la première directrice et le premier adm strateur. J'ai vu tous ces établissements et dans chacun on recon la marque d'une puissante protection. Quand elle est à S.-Pétersbo elle visite régulièrement toutes ces maisons; elle préside elle-même conseils d'administration, réforme les dépenses, dirige les maîtres les instructions, assiste aux cours à la fin de l'année, distribue même les récompenses et fait les mariages. On voit dans ses ap tements des meubles brodés par ses petites pensionnaires. Il n'y a d'officier général ou particulier tué, dont les enfants ne devien les siens. Aussi sa puissance en Russie est établie sur la recon sance, l'amour et le respect de toute la nation».

Переводъ. Имя этой государыни обязываетъ здѣсь всѣхъ къ благог нію. Исполненіе всѣхъ подвиговъ добродѣтели сдѣлало жизнь ея почтенною. большія благотворительныя и человѣколюбивыя заведенія, какъ напр. сирот училища, воспитательные дома, богадѣльни, пріюты для роженицъ, воспит

[1]) Говоря, что всѣ эти заведенія называются Маріинскими и что и ратрица Марія Ѳеодоровна ихъ основательница, Савари ошибается. Это д зываетъ только, какъ великъ былъ тогда ея престижъ. Оба Воспитатель дома, Смольный монастырь и оба Екатерининскіе института были основ Екатериною II, и лишь послѣ кончины императрицы Маріи Ѳеодоровны вс этимъ заведеніямъ императоромъ Николаемъ I присвоено было наименов учрежденій императрицы Маріи.

В. Ѳ. Б.

ыхъ дѣвицъ, сиротъ, бѣдныхъ и вообще все, что касается въ Россіи до сердія, называется Маріинскимъ. Императрица есть основательница ая ихъ начальница и первый администраторъ. Я посѣтилъ всѣ эти . Во всѣхъ видны слѣды могущественнаго покровительства. Когда тво бываетъ въ Петербургѣ, она постоянно посѣщаетъ всѣ эти заве- предсѣдательствуетъ сама въ мѣстныхъ совѣтахъ, опредѣляетъ рас- авляетъ учителей въ преподаваніи, присутствуетъ на выпускныхъ ь, сама раздаетъ награды и выдаетъ своихъ воспитанницъ замужъ. ита мебель въ ея покояхъ. Осиротѣвшія дѣти каждаго убитаго на ерала или умершаго на службѣ чиновника тотчасъ-же становятся . Вслѣдствіе всего этого, могущество императрицы Маріи Ѳеодоровны ъ Россіи на благодарности, любви и почтеніи всей націи.

ѣдствіи Савари говоритъ: «Я исчислилъ средства, какими ождать вдовствующей императрицѣ и настаиваю на томъ, Франціи чрезвычайно важно снискать ея расположеніе». Въ ля нея подарковъ, какъ напр. гобеленовъ, севрскаго фарфора, и ліонскихъ тканей, онъ совѣтуетъ осторожно соображаться усомъ, и т. п.

еменному характеру своей миссіи, Савари все смотритъ объясняетъ, какими, по его мнѣнію, долженъ обладать ли постоянный французскій посолъ въ Петербургѣ, и пред- прислать съ нимъ секретарей изъ высшаго общества, обра- ъ и съ талантами, дабы они могли соперничать въ успѣхахъ ъ нашими гвардейскими офицерами, пріобрѣтали-бы такимъ вліяніе и были полезны своему правительству.

йно также вниманія, что съ самоувѣренностью наполеонов- одвижника, Савари не стѣсняется называть тѣхъ посланни- званія коихъ изъ Петербурга, на его взглядъ, надо было , какъ агентовъ, враждебныхъ Франціи. Замѣчательно, что я на это, изъ числа ихъ, датскій и неаполитанскій послан- афъ Блом и герцогъ Серракапріола, сохранили свои посты о во все царствованіе Александра I, но и въ началѣ цар- императора Николая Павловича.

Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.

ГЕРОЯМЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

Печатаемое здѣсь стихотвореніе покойной поэтессы Юліи Валеріановны Жадовской, подъ названіемъ „Героямъ Севастополя“, не вошло ни въ одно полное собраніе ея сочиненій и явилось лишь въ „Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (въ части неофиціальной, № 38, 1856 года, на стр. 273) и въ „Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ того же года.

А. П. Полетаевъ.

24-го августа 1890 г.
Г. Кострома.

Вамъ глубокій отъ насъ и поклонъ и почетъ,
Наша русская хлѣбъ-соль съ привѣтомъ,
Вы народа краса, Руси крѣпкій оплотъ,
Ваша слава гремитъ передъ свѣтомъ.

И встрѣчаемъ мы здѣсь васъ, гостей дорогихъ,
И гордимся присутствіемъ вашимъ,
И чего не доскажетъ смиренный мой стихъ,
Полнымъ сердцемъ доскажется нашимъ.

Мы молились за васъ, были съ вами душой,
Какъ вы твердо предъ смертью стояли,
И ни день, и ни часъ,—цѣлый годъ роковой,
Вы въ лицо ей безстрашно взирали....

Отдаленныхъ потомковъ сыны затвердятъ
Имена ваши, славныя вѣчно.
Отъ конца до конца вашихъ подвиговъ рядъ
Пронесется молвой безконечной.

Здѣсь же, каждый изъ насъ, и теперь и позднѣй,
Съ восхищеньемъ и гордостью скажетъ:
„Я ихъ видѣлъ героевъ, желанныхъ гостей“.
И гдѣ видѣлъ, то мѣсто покажетъ.

Юлія Жадовская.

ІСТОРІИ С.-ПЕТЕРБУРГА И ЕГО НАВОДНЕНІЙ

1703 — 1890 гг.

на которомъ построенъ Петербургъ, было въ послѣпотоп-
— дномъ обширнаго моря, простиравшагося на СВ. до
о океана, а на ЮЗ. до нынѣшняго Балтійскаго моря. Съ
раничивали высокія горы нынѣшнихъ Швеціи и Финлян-
Ю. горныя возвышенности (нынѣ до 50—80 саженъ высоты
знемъ моря). Это обширное море имѣло естественное и
ченіе по направленію съ СВ. на ЮЗ., вслѣдствіе изліянія
водныхъ массъ Ледовитаго океана. Съ ходомъ времени,
и многихъ вѣковъ, по естественнымъ законамъ природы,
енным поднятіемъ дна моря, пониженіемъ уровня воды
немъ и возвышеніемъ, по его сторонамъ, высотъ материка,
ись два моря, одно на СВ., другое на ЮЗ., соединенныя
морскимъ проливомъ; по этому-то проливу въ 862 году отъ
риплыли „изъ-за моря", на морскихъ судахъ, Рюрикъ, Си-
Труворъ, въ Ладогу, (нынѣ Старая Ладога, на р. Волховѣ),
огда стояла на берегу моря. Позже изъ сѣверо-восточнаго
обилось уже обширное и глубокое озеро, получившее фин-
аніе „Нево" (по сказанію нашего перваго лѣтописца Не-
IV-мъ вѣкѣ). Воды этого озера, изливаясь въ морской про-
ду нимъ и Финскимъ заливомъ юго-западнаго Варяжскаго
ѣ Балтійскаго), съ постепеннымъ ограниченіемъ пролива
у и глубину, образовали рѣку, названную, по имени озера
нынѣ Ладожское), „Невою".

о происхожденіе рѣки Невы, на которой, при устьяхъ ея, въ
Петръ I началъ строить городъ, названный имъ Санкт-
ургъ. Причины и цѣль построенія его при устьяхъ Невы
кій заливъ были исторически естественны и понятны, —

именно, открытіе, наконецъ, для Россіи выхода въ Балтійское море и въ западную Европу.

Все это, повторяемъ, было весьма естественно и понятно и с историческими стремленіями и выгодами Россіи вполнѣ согласно. Но этого Петру I показалось мало—и онъ, въ новозавоеванный им на отдаленномъ сѣверо-западѣ край и въ новопостроенный на Неве городъ перенесъ изъ Москвы—„сердца Россіи", столицу послѣдней. Вотъ это уже далеко не такъ естественно и понятно, если только не объяснить того нелюбовью Петра I къ Москвѣ изъ дѣтства, положительнымъ намѣреніемъ его порѣшить съ русскою старинов и создать изъ Петербурга новую европейскую столицу.

Но и независимо отъ этого, выборъ мѣста для новой столицы былъ, во многихъ отношеніяхъ, не удаченъ. Начать съ того, что съ самыхъ первыхъ лѣтъ построенія Петербурга, Нева стала чуть не ежегодно затоплять его своими наводненіями, въ 1706 г. даже повредила постройки крѣпости, а въ 1721 г. почти размыла и крѣпость, и строившійся Ладожскій каналъ [1]).

И это первое и главное неудобство съ тѣхъ поръ и донынѣ не переставало постоянно угрожать Петербургу и часто наносить ем сильный вредъ.

Другое затѣмъ неудобство, въ связи съ первымъ, заключалось въ свойствахъ низменной, болотной и сырой почвы, въ сыромъ же воздухѣ осенью, зимою и весною, и въ постоянныхъ, перемѣнныхъ, болѣе или менѣе сильныхъ, сквозныхъ, какъ въ горномъ ущельѣ, вѣтрахъ со всѣхъ направленій, особенно съ З., съ моря, и съ В., съ озера. При этомъ, въ новомъ городѣ, только-что начавшемъ обстроиваться, жители его, кромѣ знатныхъ и богатыхъ, жили въ плохихъ небольшихъ, деревянныхъ домикахъ, плохо защищавшихъ ихъ отъ сырости и зимняго холода, тогда гораздо болѣе

---

[1]) По поводу этого приведу здѣсь слышанную мною лѣтъ 50 тому назадъ легенду о высотѣ воды, когда-то бывшей у Пулковской горы. Петръ I, во основаніи Петербурга, осматривая Пулковскія и нынѣшнія Царскосельскія высоты, для выбора мѣста подъ постройку на немъ царской мызы, между прочимъ на Пулковской горѣ, покрытой густымъ лѣсомъ, спросилъ жившаго на ея вершинѣ стараго дровосѣка, была-ли тутъ когда-нибудь вода Невы? Дровосѣкъ отвѣчалъ, что самъ того не видалъ, но отъ отца своего слышалъ преданіе, что вода доходила до большаго дерева на серединѣ высоты Пулковской горы. Петръ велѣлъ ему показать это дерево и до какой вышины его доходила вода. Дровосѣкъ указалъ большой сукъ на высотѣ роста Петра. Послѣдній велѣлъ подать себѣ топоръ, и, однимъ махомъ отрубивъ сукъ, сказалъ: „Теперь вода уже никогда не дойдетъ до этой вышины".

Кн. Н. С. Г.

чѣмъ нынѣ. Все это весьма вредно отзывалось на здо-
елей и было причиной большой болѣзненности и смертности
аромъ Н. М. Карамзинъ сказалъ (въ извѣстной своей
Древняя и Новая Россія"), что „Петербургъ построенъ
ь и слезахъ", къ чему можно было-бы прибавить: „и на
же подъ водою" (при наводненіяхъ).
того, окрестный край былъ крайне непривѣтливъ, пусты-
населенъ полудикими финнами, съ неплодородною почвою,
удобныхъ путей сообщенія, ни вблизи, ни особенно вдали,
или менѣе отдаленными городами Россіи и администра-
ентрами ея, начиная съ Москвы.
ке, при всѣхъ этихъ важныхъ неудобствахъ и невыгодахъ,
алось положеніе новой столицы обширнаго русскаго госу-
ь отдаленномъ сѣверо-западномъ углу его? „Исключительно
нымъ обстоятельствомъ" — какъ значится въ одномъ учe-
ѣ нашего времени объ этомъ [1]), что „здѣсь именно впа-
Балтійское море стокъ обширной рѣчной и озерной си-
ка Нева, и что рѣка эта, будучи связана" „(нынѣ)" „тремя
путями съ обширнѣйшею въ европейской Россіи рѣчною
Волги, служитъ для сей послѣдней единственнымъ выхо-
орю, не замкнутому со всѣхъ сторонъ, какъ Каспійское,
ертому льдами въ теченіи большей части года, какъ
е". На это должно, однако, замѣтить, что указанное выше
стоятельство относится болѣе къ новѣйшимъ временамъ,
ъ начальной эпохѣ Петербурга. Конечно, оно было несо-
жно, но какою цѣною?—о томъ можно судить по исчис-
зыше невыгодамъ и неудобствамъ и по нижеслѣдующимъ
ь о Невѣ и ея теченіи и уровнѣ.
Невы ограничена съ С. возвышенностями южнаго берега
, а съ Ю. такими-же, начиная съ Дудергофской горы
овъ, или 81 сажень выше уровня моря) и отъ нея до
й горы (252 фута или 36 саженъ) и Царскаго Села
. или 32 сажени и 1 футъ). Въ этой глубокой долинѣ,
режде дномъ моря, течетъ Нева отъ истока своего изъ
го озера у Шлиссельбурга (на высотѣ 59 футовъ или
надъ уровнемъ моря) до устья своего въ Кронштадтскую
каго залива (на нулѣ высоты надъ уровнемъ моря). Длина

ктпетербургъ. Изслѣдованія по исторіи, топографіи и статистикѣ
зданіе центральнаго статистическаго комитета министерства вну-
лъ. Томъ второй. Изслѣдованія по топографіи Спб.—Спб. 1870 г.".
Кн. Н. С. Г.

теченія ея въ прямомъ направленіи=41 верстѣ, въ излучистомъ-же, дугою, вогнутая сторона которой обращена къ Ю.=63 верстамъ. Изъ взаимнаго сравненія этихъ цифръ легко себѣ представить, что Нева извергаетъ собою массу водъ громаднаго Ладожскаго озера внизъ къ устью, какъ-бы въ родѣ водопада, а потому имѣетъ значительное обиліе воды и сильное теченіе. Въ нормальныхъ обстоятельствахъ, обыкновеннымъ уровнемъ воды въ ней считается высота отъ нуля до 5 футовъ надъ уровнемъ моря. Но вліяніе вѣтровъ, дующихъ въ долинѣ Невы, болѣе или менѣе измѣняетъ уровень воды въ этой рѣкѣ. Вѣтры съ С. и Ю. не имѣютъ вліянія на него, но вѣтры съ востока и особенно съ ЮЗ., З. и СЗ., напротивъ, оказываютъ на это значительное вліяніе, и изъ нихъ чаще и болѣе всего вѣтеръ съ ЮЗ. и Финскаго залива, а въ него съ Балтійскаго моря. Тогда напоръ массы воды изъ сего послѣдняго въ заливъ, а изъ залива въ рѣку, встрѣчаясь въ ней съ напоромъ воды изъ Ладожскаго озера, возвышаетъ уровень воды въ Невѣ выше 5 футовъ (даже до 10 футовъ 7 дюймовъ, какъ было въ 1777 г., и до 13 футовъ 7 дюймовъ въ 1824 г.—въ два самыя высокія возвышенія уровня воды въ Невѣ въ 187 лѣтъ существованія Петербурга). Возвышеніе этого уровня до 5 футовъ уже производитъ наводненіе въ самыхъ низменныхъ частяхъ Петербурга и острововъ Невы въ ея устьѣ;—возвышеніе-же воды выше 5 футовъ наводняетъ уже всѣ острова и среднія части Петербурга, не далѣе, впрочемъ, возвышенныхъ частей его: Литейной, Рождественской, Александроневской и противоположныхъ: Выборгской и Охтенской, которыя не были затоплены даже въ наводненіе 1824 г.

Изъ имѣющихся нынѣ свѣдѣній о наводненіяхъ въ Петербургѣ, въ 187 лѣтъ существованія его, нѣкоторыя полны, другія неполны, а за иные годы и вовсе ихъ не имѣется или-же они не опубликованы. Такъ, по порядку годовъ, свѣдѣнія болѣе или менѣе неполны съ 1703 г. по 1721 г., полны съ 1821 г. до 1833 г., неполны или неизвѣстны съ 1833 г. до 1851 г., полны съ 1851 г. до 1866 г. и неполны или неизвѣстны съ 1866 г. донынѣ. Изъ полныхъ и извѣстныхъ свѣдѣній съ 1721 г. до 1833 г. и съ 1851 г. до 1866 г. всего 127 лѣтъ, вода въ Невѣ поднималась выше 5 футовъ и производила наводненія 105 разъ, въ томъ числѣ, какъ сказано, въ 1777 г. до 10 ф. 7 д. и въ 1824 г. до 13 ф. 7 д. Если пропорціонально примѣнить къ этому числу 105-ти наводненій въ 127 лѣтъ число наводненій за 35 лѣтъ съ 1834 г. до 1850 г. и съ 1866 г. до 1886 г., да съ 1703 г. до 1721 г., свѣдѣній о которыхъ не имѣется или они неизвѣстны,—то можно примѣрно положить, что въ 187 лѣтъ всего

отъ 133 до 140 наводненій (изъ нихъ нѣкоторыя отъ 1 даже
разъ въ годъ, какъ было въ 1863 г.). По всѣмъ этимъ при-
ь здѣсь невозможно привесть достовѣрно числа всѣхъ навод-
въ 187 лѣтъ, но очень желательно было-бы, чтобы это было
ено и сдѣлано извѣстнымъ спеціалистами по этому вопросу.
ого, все-таки можно предположить примѣрно, что изъ 187 лѣтъ
3—140 лѣтъ было по 1 и болѣе до 8 разъ въ годъ навод-
А что въ остальные годы вода поднималась до 5 ф. еже-
премущественно въ сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ,
да при ЮЗ. вѣтрѣ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія.
ъ эти-то неудобства и невыгоды положенія Петербурга на
при устьѣ ея, и должно поставить во главѣ всѣхъ другихъ.
еннія возвышенія воды въ Невѣ до 5 ф. и наводненія выше
ѣры не услаждаютъ жизни въ Петербургѣ. А въ соединеніи
стоянными вѣтрами и иногда бурями, перемѣнами погоды,
въ пасмурную, сухой въ сырую, теплой въ холодную, и, вслѣд-
ого, съ болѣзненностью и смертностью (особенно дѣтей), для
сенія чего нужно имѣть желѣзное здоровье—всѣ эти неудоб-
невыгоды дѣлаютъ жизнь въ Петербургѣ очень тяжелою.
слѣ всего сказаннаго здѣсь, весьма естественно можетъ воз-
ть вопросъ: „Неужели-же въ 187 лѣтъ не могли быть при-
ы и исполнены тѣ или другіе способы обезпеченія Петербурга
раха и бѣдствій наводненій?“—Нѣтъ, „они не разъ вызывали,
правительство, такъ и многихъ ученыхъ людей, къ пріисканію
въ для защиты отъ наводненій или, по крайней мѣрѣ, для
ненія страшнаго дѣйствія ихъ, стоившаго жизни и раззоренія
ой сотнѣ“ (не тысячамъ-ли?) людей. Такъ, послѣ опустоши-
хъ наводненій 1777 и 1824 годовъ, явилось нѣсколько про-
касательно защищенія мѣстности Петербурга отъ наводненій;
одинъ изъ нихъ не былъ исполненъ, такъ какъ всѣ они тре-
затраты огромныхъ капиталовъ, вслѣдствіе чего правитель-
раничилось изданіемъ нѣсколькихъ правилъ, исполненіе коихъ
не защищаетъ городъ отъ наводненій, то тѣмъ не менѣе
чиваетъ силу опустошеній, ими производимыхъ“ (такъ зна-
въ указанномъ выше изданіи: „С.-Петербургъ“ и проч.,
).

все это слѣдуетъ замѣтить:

1-хъ, что проекты защиты Петербурга отъ наводненій были
няемы не только послѣ 1777 и 1824 годовъ, но и едва-ли не
ждое царствованіе, даже начиная съ Петра I. Но и кромѣ
нія ими огромныхъ денежныхъ затратъ, проекты эти былп

неисполнимы по большей или меньшей непригодности ихъ,—полагая въ томъ числѣ и разные „отводные“ и „обводные“ каналы.

Во-2-хъ, что касается нѣсколькихъ правилъ, изданныхъ для ограниченія будто-бы силы опустошеній, производимыхъ наводненіями, то объ этихъ правилахъ серьезно говорить невозможно. Это не что иное, какъ правила полицейскія на случай возвышенія воды въ Невѣ, донынѣ существующія, всѣмъ слишкомъ извѣстныя и заключающіяся въ пальбѣ изъ крѣпости, сигналахъ флагами днемъ и фонарями ночью, только наводящія на жителей всеобщій страхъ, постепенно увеличивающійся при возвышеніи воды до 3, 4, 5, 6 и 7 футовъ и при учащенной пальбѣ. Особенно любопытны послѣднія строки этихъ правилъ: „Всѣ живущіе въ подвалахъ и нижнихъ частяхъ города должны выбираться изъ своихъ покоевъ (?), когда вода прибудетъ выше 6 футовъ, т. е. когда въ с.-петербургской крѣпости производится пальба каждую четверть часа“.—Легко сказать и производить пальбу, но не такъ-то легко исполнить. Въ подвалахъ и нижнихъ частяхъ города живутъ вовсе не въ „покояхъ“ и вовсе не „богачи“, а „бѣдный людъ“, большею частью въ деревянныхъ, одноэтажныхъ домикахъ. Спрашивается: куда-же имъ выбраться? На крыши? а съ крышъ? развѣ только на воздухъ; куда и улетаютъ души несчастныхъ утопшихъ. Страдаютъ отъ наводненій и богачи, но они живутъ въ каменныхъ, многоэтажныхъ палатахъ, въ которыхъ имъ есть куда взобраться повыше.

Нѣтъ, не въ бывшихъ непригодныхъ проектахъ, ни въ теперешнихъ полицейскихъ правилахъ слѣдовало бы, конечно, не теперь, а гораздо ранѣе, съ самаго начала Петербурга, искать вѣрной и надежной на вѣчныя времена защиты его отъ наводненій. Если-бы Петръ I съ самыхъ первыхъ опытовъ наводненій въ Петербургѣ (а ихъ при немъ было до 9), пришелъ къ мысли оградить Петербургъ и его острова „дамбами“, подобно тому, какъ столь любимая имъ Голландія была ограждена и спасена ими отъ ярости океана, и если-бы онъ началъ постройку дамбъ еще при жизни своей и завѣщалъ своимъ преемникамъ продолжать ее до конца, разложивъ денежныя затраты на то, по мѣрѣ средствъ и возможности, на каждый годъ, то, почему знать?—не могли-ли-бы мы теперь, черезъ 187 лѣтъ, быть вполнѣ обезпечены отъ наводненій, какъ обезпечена отъ нихъ Голландія и какъ никогда не обезпечатъ насъ полицейскія правила.

Но, по французской поговоркѣ: „что отложено, то не потеряно“, отчего бы не начать теперь того, что не было сдѣлано въ 187 лѣтъ? Благая цѣль стоитъ, кажется, денежныхъ затратъ, разложен-

ь по годамъ, положимъ, хотя и не на новыя 187 лѣтъ, а и по
ве, принимая во вниманіе, что въ 187 лѣтъ и наука, и техника,
ногое другое въ Россіи далеко ушли впередъ противъ временъ
ра I и его преемниковъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. А если
этомъ принять въ соображеніе, сколько потрачено милліоновъ
аже милліардовъ на построеніе, расширеніе, благоустроеніе и
енно украшеніе Петербурга въ 187 лѣтъ, то затрата впредь,
-бы и большихъ денежныхъ суммъ на обезпеченіе этого города
олицы государства отъ наводненій, (которыя впредь могли-бы
и свыше 13 ф. и 7 д., какъ въ 1824 г.), то не было-ли бы
дѣломъ истинно христіанскаго милосердія и благодѣянія для
щихъ поколѣній населенія Петербурга? Оно несомнѣнно и не-
тѣнно было-бы такимъ и изъ-за одного этого стоитъ серьезно о
подумать.

Князь Н. С. Голицынъ.

С.-Петербургъ, 16-го августа 1890 г.

Къ разсказу „Случай въ Петербургѣ въ 1848 г.“.

(См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., т. LXVII, августъ).

Съ большимъ любопытствомъ прочелъ я въ августовской книгѣ „Русской Старины“ 1890 г. разсказъ покойнаго Н. Н. Жеденова. По особымъ съ нимъ отношеніямъ (общіе родные), я эту исторію зналъ еще съ 1850-хъ годовъ и съ подробностями, не напечатанными. Хотя главный интересъ эпизода заключается въ высочайшихъ особахъ, которыя на мгновеніе пришли въ соприкосновеніе съ долею скромнаго офицера, но для характеристики той эпохи, не лишнее добавить къ разсказу прологъ съ эпилогомъ.

Не странно-ли, что на безобиднаго скромнаго офицера разразилась вдругъ такая клевета? Уже семейнымъ старикомъ, Жеденовъ, можетъ быть, не пожелалъ вдаваться во всѣ подробности воспоминаній молодости; но у французовъ, въ темныхъ дѣлахъ, говорятъ, надо искать женщину, и она была въ данномъ случаѣ. Въ молодости Жеденовъ мало того, что былъ хорошій танцоръ, но былъ красивъ. Я помню, на одной серебряной свадьбѣ, онъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, въ мазуркѣ, заставилъ другія пары, бросивъ танецъ, любоваться на себя. Его полковой командиръ приревновалъ Жеденова къ одной дамѣ, и доносчикъ былъ дѣломъ злобнаго и коварнаго грека Саллоса. Скорому освобожденію Жеденова способствовало, во-первыхъ, то, что ежели Жеденовъ былъ и сердцеѣдъ, то за то очень боялся нечистой силы и въ забранныхъ агентами его бумагахъ оказался цѣлый пукъ не то молитвъ, не то заклятій отъ діавола на разные случаи, а второе—письмо, бывшее противъ него уликою, оказалось поддѣланнымъ подъ его руку и поддѣлка до того была искусна, что Жеденовъ призналъ было въ немъ свою руку и, прочитавъ, залился слезами... Когда графъ А. Ѳ. Орловъ спросилъ его, что̀ можетъ онъ сказать въ оправданіе? Жеденовъ все-таки нашелся и отвѣчалъ: „ужъ если, ваше сіятельство, подписывать такія письма, такъ нечего коверкать фамилію, я—Жеденовъ, а здѣсь подписано Жиденовъ“.

Эпилогъ былъ такой:

Жеденову было оффиціально объявлено, что письмо князя А. И. Чернышева къ матери Жеденова (см. „Русск. Ст.“ авг., стр. 313) писано не для разглашенія, но хитрый грекъ, Саллосъ, полковой командиръ, черезъ одну прелестницу, добылъ копію съ этого письма, копію руки самого Жеденова, и представилъ ее, какъ доказательство ослушанія этого офицера. Жеденовъ вышелъ въ отставку, а генералъ-командиръ, коль не мытьемъ, такъ катаньемъ, выжилъ изъ полка непріятнаго лично для него, командира, человѣка.

А. Слѣпцовъ.

Сердобскій уѣздъ,
ст. Бековo.

ло Надеждино и архивъ кн. Ѳ. А. Куракина

въ 1888 и 1890 гг.

Саратовской губерніи, въ Сердобскомъ уѣздѣ, на берегахъ Хопра, раскинулась вотчина князя Ѳедора Алексѣевича Кура- заключающая нынѣ въ себѣ болѣе одиннадцати тысячъ де- ь земли за надѣломъ крестьянъ. Вотчина эта богата всякими ми и прекраснымъ боромъ, на живописномъ берегу Хопра, инающимъ дремучіе корабельные лѣса, покрывавшіе эту страну оху Петра Великаго.

7208-мъ году, т. е. въ 1700-мъ году, января въ 12-й „отказано по грамотѣ изъ приказа казанскаго дворца" пра- нынѣшняго владѣльца этой вотчины—изъ „дикопорожней" стольнику князю Борису Ивановичу Куракину до 17,000 де- ь земли на этихъ рѣкахъ—Хопрѣ и Сердобѣ, по урочищамъ, этой-то землѣ скоро явилось село Борисоглѣбское-Куракино, ынѣ Надеждино, съ деревнями. Это пожалованіе изъ „дикихъ обширныхъ пространствъ было продолженіемъ царскаго жа- ія земель въ XVII вѣкѣ, именно въ этомъ краю, о чемъ сви- ьствуетъ цѣлый рядъ селъ и деревень, въ своихъ названіяхъ няющихъ до сихъ поръ фамиліи тѣхъ бояръ, которымъ про- ились эти пожалованія, таковы села и деревни Ртищево, Дол- ово, Голицыно, Салтыково и многія другія.

нятый государевою службою и притомъ многіе годы неся эту у за рубежомъ отечества, князь Борисъ Ивановичъ, какъ ка- , мало вѣдалъ свои земли на Хопрѣ и Сердобѣ; но уже сынъ преемникъ на посту представителя Россіи въ Парижѣ, князь андръ Борисовичъ въ 1734 году началъ дѣло объ отмежева- ему „противу отказныхъ книгъ и по самымъ написаннымъ хъ урочищамъ" — той жалованной его отцу вотчины. А и уже пора хлопотать по сему предмету, такъ какъ сосѣд- ные помѣщики уже вдвигались своими владѣніями самопроиз- о въ Куракинскую вотчину. Несмотря на то, что князь Але- ръ Куракинъ, а затѣмъ его сынъ Борисъ второй и внукъ

князь Александръ Борисовичъ занимали видныя мѣста и имѣл
большое значеніе въ средѣ лицъ, у власти стоявшихъ, тѣмъ
менѣе межевое дѣло, начатое въ 1734-мъ году, окончилось лиш
24-го ноября 1801 года, именно весь споръ о землѣ былъ рѣшен
по высочайшему повелѣнію въ пользу вице-канцлера князя Ал
ксандра Борисовича Куракина. Этому-то князю, товарищу дѣтских
игръ цесаревича Павла Петровича, искреннему другу императри
Маріи Ѳеодоровны, принадлежитъ приведеніе въ порядокъ эт
вотчины и сооруженіе въ ней, въ началѣ 1780-хъ годовъ, дворц
двухъ, даже трехъ при немъ церквей и всей при немъ усадьбы.

Мы посѣтили село Надеждино лѣтомъ 1888 года и вновь был
здѣсь гостемъ въ 1890 году. Что за прелесть этотъ домъ, истин
княжескій дворецъ—столѣтній памятникъ быта вельможи Екатер
нинскаго вѣка!

На крутой и весьма живописной горѣ, подымающейся надъ извили
тою Сердобою, за прекрасною дубовою рощею, стоитъ каменный обшир
ный домъ въ три этажа, съ каменными-же флигелями и галлереям
обхватившими огромный дворъ; на этотъ дворъ ведутъ высокія
колоннами каменныя ворота. Въ домѣ съ двумя ближними флигеля
64 комнаты; всѣ онѣ прекрасно сохраняются, что представляетъ нын
большую рѣдкость между барскими старинными домами, бо́льше
частью запущенными и обращенными въ развалины. Въ этомъ здан
покойный владѣлецъ села Надеждина, князь Алексѣй Борисович
(† 1872 г.), отецъ нынѣшняго, соединилъ болѣе 400 живописных
поясныхъ портретовъ русскихъ дѣятелей обоего пола; тутъ-же,
роскошныхъ залахъ дворца, стѣны которыхъ выложены искуствен
нымъ мраморомъ, находится девять портретовъ, также живопис
ныхъ, во весь ростъ, государей и государынь, таковы: Петръ Вел
кій, Екатерина I, Петръ II, Анна Іоанновна, Павелъ I, Ал
ксандръ I, Александръ II.... Если многіе изъ здѣшнихъ портре
товъ принадлежатъ кисти „крѣпостныхъ живописцевъ", каковы
Поповъ, Думковъ и др., то зато въ Куракинскомъ собраніи портре
товъ русскихъ дѣятелей имѣются произведенія кисти славных
художниковъ, каковы Левицкій — портретъ графа Н. И. Панина
Боровиковскій—князя А. Б. Куракина, Жераръ (Gerard) — пор
третъ Александра I, и проч. Весьма также хорошъ портретъ импера
тора Павла Петровича, въ четверть натуральной величины,—государ
въ треугольной шляпѣ, опершись на трость; этотъ портретъ, как
видно изъ подписи подъ нимъ, утвержденъ Павломъ I 19-го декабр
1796 года какъ образецъ для воспроизведенія портретовъ Павл
Петровича и тогда-же подаренъ имъ генералъ-прокурору князю

ю Борисовичу Куракину. Во дворцѣ нѣсколько прекрасныхъ
товъ вице-канцлера князя Александра Борисовича, любив-
ебя передавать и въ кисти, и въ гравюрѣ, и въ бюстахъ, и
здѣсь сохранилось, особенно хорошъ онъ подписывающій
тскій міръ 1807 года.

пройдемте по нѣкоторымъ покоямъ этого прекраснаго дома.
большой залѣ съ хорами, гдѣ виситъ помянутый портретъ
Александра Борисовича, имѣются двѣ большія и хорошо
енныя картины — Михайловскій дворецъ, 1800 года, нынѣ
ерный замокъ. Въ аванъ-залѣ или парадной пріемной на вы-
пьедесталѣ стоитъ очень хорошій мраморный бюстъ Але-
а I-го.

тъ бюстъ доставленъ сюда около 1852-го года, вмѣстѣ съ бю-
другихъ лицъ и съ портретами изъ Орловскаго имѣнія кня-
ракина. На доскахъ чернаго мрамора, вдѣланныхъ въ пье-
ь этого бюста, мы читаемъ слѣдующую надпись, — на лице-
ронѣ:

1825 года
Се Ангелъ на небеси,
Благодѣтель
всѣмъ
особенно
мнѣ.

правой сторонѣ пьедестала:

Кого спѣшимъ встрѣчать?
Чей гробъ слезами орошаемъ?
Прошло столѣтіе... опять
Великаго мы погребаемъ!
Народы... Александра нѣтъ!
Онъ тамъ, нашъ другъ и благодѣтель,
Онъ тамъ, гдѣ лучезарный свѣтъ
Одну вѣнчаетъ добродѣтель!
Все человѣчество въ слезахъ!
Вездѣ отзывы скорбныхъ стоновъ.
Священъ Того и бренный прахъ,
Кто жилъ для щастия мильоновъ!
Душа великая! воззри:
Въ слезахъ сихъ дань Тебѣ святая,
И въ утѣшеніе намъ пари,
Какъ Богъ, надъ тономъ Николая!

На лѣвой сторонѣ пьедестала:

„Кончина блаженной памяти Государя Императора послѣдовала въ Таганрогѣ 1825 года ноября 19-го дня, въ 11 часовъ 50 минутъ пополудни. Тѣло сего Великаго Государя, съ подобающимъ кортежомъ, отправлено въ столичный городъ Святаго Петра".

„По назначенному тракту прибыло оно въ Куракино [1]) 19-го января 1826 г., гдѣ въ храмѣ Божіемъ было на пріуготовленномъ Амбонѣ (sic) для ночлега поставлено и по отправленіи въ то время панахиды Преосвященнымъ со всѣмъ духовенствомъ, въ присутствіи стекшихся во многомъ числѣ дворянъ и народа, во всю ночь читано было Евангеліе. А на другой день, то есть 20-го января, по отслуженіи Преосвященнымъ Божественной Литургіи и панахиды, тѣло покойнаго Государя, препровождаемое духовенствомъ и со всѣмъ кортежомъ, изъ Таганрога идущимъ и отъ губерніи наряженнымъ, отправлено въ путь".

На задней сторонѣ пьедестала читаемъ:

„Объ отношеніи 12-го числа къ почивающему въ Бозѣ блаженной памяти государю императору Александру Павловичу:

1. Родился 12 декабря 1777 года, то есть 12-го числа 12-го мѣсяца въ году.

2. Шведы во время войны съ флотомъ подступили къ Кронштадту въ 1789 году, то есть на 12-мъ году его возраста или одинъ разъ 12.

3. На престолъ взошелъ 12-го марта 1801 года, то есть на 24-мъ году возраста или два раза 12.

4. Нашествіе французовъ на Россію воспослѣдовало 1812 года, то есть на 36-мъ году его возраста или три раза 12.

5. Скончался въ 1825 году, имѣлъ 48 лѣтъ или четыре раза 12.

6. Боленъ былъ 12 дней.

7. Царствовалъ 24 года или два раза 12".

Этотъ интересный памятникъ поставленъ въ апрѣлѣ 1828 г. д. т. с. княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ, который въ слѣдующемъ году, 30-го декабря, скончался.

Строитель дворца въ селѣ Надеждинѣ, какъ извѣстно, былъ преданнѣйшій другъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, вотъ почему ея портретъ имѣется здѣсь въ нѣсколькихъ экземплярахъ; памятью пребыванія въ званіи посла въ Парижѣ князя Александра Куракина служитъ большой портретъ-картина первой

[1]) Имѣніе въ Орловской губерніи.

императора Наполеона Жозефины Богарне—во весь ростъ
сидящая). Члены фамиліи князей, княгинь и княженъ Ку-
хъ представлены здѣсь во множествѣ портретовъ. Въ столо-
княго этажа покойный владѣлецъ села Надеждина, князь
й Борисовичъ († 1872 г.), соединилъ до 60-ти поясныхъ
овъ членовъ своей фамиліи и ихъ родичей, въ числѣ кото-
ожно видѣть Петра Великаго, какъ свояка князя Бориса
ича Куракина, и царевича Алексѣя Петровича, какъ род-
емянника по матери князя Бориса Ивановича Куракина
ъ графовъ Никиты Ив. и Петра Ив. Паниныхъ, гр. Никиты'
ича Панина, кн. А. А. Безбородко, гр. Ѳ. В. Ростопчина,
Суворова, Голенищева-Кутузова, П. М. Волконскаго, М. С.
ова, И. Ѳ. Паскевича, и множество другихъ лицъ. Знамени-
своимъ амурнымъ похожденіямъ, княгиня Елена Степановна
на († 1769 г.) бывшая невольной виновницей (если вѣрить
у кн. М. М. Щербатова) дарованія извѣстнаго указа, 18-го
1762 г., Петромъ III о вольности,—представлена здѣсь въ
кихъ портретахъ, какъ живописныхъ, такъ и въ гравюрѣ.
замѣтимъ, что мужъ Елены Степановны, князь Борисъ
ндровичъ Куракинъ, на 31 году отъ роду, бывши гене-
йтенантомъ, сенаторомъ, кавалеромъ св. Александра Нев-
по неизвѣстной намъ причинѣ, постригся въ монашество;
о-ли тутъ какого-нибудь романа? Во всякомъ случаѣ, въ виду
ллереи портретовъ бояръ и боярынь XVIII вѣка великолѣп-
усскаго двора, фантазія романиста могла-бы очень оживиться.
но въ стѣнахъ этого дворца, въ виду этой мебели, помнящей
отжитое барство, этихъ кроватей подъ балдахинами, вѣн-
ъ коронами, этого тайнаго хода на верхъ въ 3-й этажъ, гдѣ
ольшихъ свѣтелкахъ, выходящихъ въ тѣнистый садъ, пре-
артистки, пѣвицы и прочія весталки сластолюбиваго князя
ндра Борисовича Куракина († 1818 г.), у котораго, если
А. М. Тургеневу, было до семидесяти побочныхъ дѣтей,
ибо плодовитый творецъ историческихъ романовъ, на кото-
перь большая мода, могъ бы написать очень интересный
! Улыбающійся ликъ бывшаго канцлера всѣхъ россійскихъ
въ, Мальтійскаго кавалера, а потому и сохранившаго свое без-
ки. А. Б. Куракина († 1818 г.) и теперь смотритъ въ оттискахъ
сной гравюры со стѣнъ каждой комнаты третьяго этажа быв-
го замка... Точно для воспоминанія сладости любви воркуютъ
въ этомъ этажѣ, въ одной изъ комнатъ, нѣсколько паръ отлич-
олубей, для прилета которыхъ радушно отворено окно.

Къ оградѣ двора примыкаетъ съ задняго фасада дворца бол
шой густой паркъ или „англинской“ садъ; онъ и теперь весь
хорошъ для прогулокъ, но около ста лѣтъ тому назадъ, ка
можно судить изъ изданнаго въ 1795 году гравированнаго плат
въ немъ всѣ дорожки, затѣйливо пересѣкавшія садъ, имѣли св
названія, а на площадкахъ и перекресткахъ возвышались „храм
бесѣдки“, Эти названія переносятъ насъ въ тотъ вѣкъ сант
ментальности и романтизма, нѣжныхъ чувствъ дружбы и люб
а вмѣстѣ и барства, когда идеи, французскимъ либерализмомъ
вѣянныя, мирно уживались съ деспотизмомъ владѣтеля многи
тысячъ душъ, но вотъ „имена просѣкъ“: 1—цесаревичевъ, 2—сла
ныхъ дѣлъ, 3—Нелидовой, 4—Антуанетинъ,—кстати скажемъ, ч
на этой просѣкѣ стоялъ прекрасный мраморный бюстъ короле
Маріи-Антуанеты или, какъ ее называли мужички—„Марьи Ант
новны“; бюстъ этой „барыни“ перенесенъ покойнымъ княземъ въ ст
ловую замка, а кирпичный пьедесталъ разбитъ на щебенку д
укрѣпленія дорожекъ. Но вотъ еще просѣки: 5—твердости, 6—Кат
шинъ, 7—Софьинъ, 8—Аленинъ, 9—Броницкой, 10—ожиданіе бла
денствія, 11—пріятнаго наслажденія, 12—отрады, 13—милой тѣн
А вотъ и имена дорожекъ: 14—удовольствія, 15—уединенія, 16—
ожиданнаго утѣшенія, 17—преодолѣваемыхъ трудностей, 18—жа
каго любовника, 19—истиннаго разумѣнія, 20—частаго повторен
21—воспоминанія прошедшихъ утѣхъ, 22—спокойствія душевна
23—постояннаго друга, 24—веселой мысли, 28—скораго достижен
29—вѣрныхъ любовницъ, 36—Гатчинская, 42—услажденіясамого се

Храмовъ въ этомъ паркѣ, какъ видно изъ того-же пла
было девять и они сооружены были въ честь: славы, тер
нія, лады, дружбы, благодарности, ворота красиваго вида,—вм
стилище чувствій вѣчныхъ, истины и новая китайская бесѣд
Деревянные эти храмы съ теченіемъ времени разрушились и
тѣмъ, хотя одинъ изъ владѣльцевъ, именно отецъ нынѣшняго, п
бовалъ возобновить нѣкоторые, но и затѣмъ время взяло свое, лѣт
большой павильонъ, находившійся въ паркѣ, отданъ въ одно село по
церковь, а храмы, за обветшаніемъ, разобраны, частію и потом
что нѣкоторые изъ нихъ стали представлять въ дѣйствительност
по ночамъ, весной да лѣтомъ, для дворни княжеской—„вмѣстили
чувствій вѣчныхъ“. Взамѣнъ храмовъ празднаго барства, возни
храмъ обученія народа. Мы говоримъ про училище, уже нѣсколь
лѣтъ открытое въ прекрасномъ домикѣ, выстроенномъ и содерж
момъ княземъ Ѳ. А. Куракинымъ. Это училище находится у сам
подошвы горы, на которой возвышается дворецъ князя.

чилищѣ мы нашли болѣе 80 дѣтей обоего пола, раздѣ- на три группы, и со всѣми ими прекрасно справляются , хорошо знающая свое дѣло, учительница и уважаемый священникъ, отецъ Василій.

иду замка, далеко протянулись громаднѣйшія два села—Але- вское—Ростовка тожъ, и Надеждино—Куракино тожъ. Оба ъ селахъ сооружены вице-канцлеромъ княземъ А. Б. Кура- въ 1810 году... Мы, какъ напр. пишущій эти строки, родомъ овской губерніи, гдѣ сельскія поселенія мелки, понятія не о громадности селъ, подобныхъ Александровскому и На- кому. Каждое изъ нихъ тянется версты по двѣ, и хо- омики, съ толстыми соломенными крышами, окаймляютъ шую „зеленую“ улицу, на которой посреди кой-гдѣ по- я не то кухоньки, не то кладовушки для домашняго оби- естьянъ; широта этихъ улицъ и у нѣкоторыхъ крестьянъ ныя на нихъ кухоньки представляютъ единственное противо- е средство; насажденіе-же деревъ передъ и между избами, и энергично рекомендуемое просвѣщеннымъ и полнымъ лательства нынѣшнимъ начальникомъ губерніи А. И. Коси- плохо по деревнямъ прививается. Мѣра эта въ лѣности и крестьянъ встрѣчаетъ пассивное, но упорное противодѣй-

расно идетъ хозяйство въ славномъ имѣніи кн. Ѳ. А. Ку- въ которомъ его владѣльцы, и князь и княгиня, давно сь пребывая, лично заботятся обо всемъ [1]). Само собой раз- что плуги и паровыя машины нашли здѣсь полное и успѣшное примѣненіе. Тысяча десятинъ запахивается; бо- ятка тысячъ овецъ испанской породы пасется на роскош- ливыхъ лугахъ, далеко, далеко раскинувшихся.....

обопытно замѣтить, что гостепріимный, добрый и радушный князь лексѣевичъ Куракинъ и его достойнѣйшая супруга княгиня Софія овна, относительно своихъ гостей, а частью и распредѣленія дня еждинѣ, слѣдуютъ правиламъ, какъ-бы завѣщаннымъ прадѣдомъ го владѣльца этого имѣнія. Правила эти напечатаны въ 1780 годахъ ены у входа на парадную лѣстницу дворца; по точной ихъ силѣ, встаютъ въ семь часовъ утра, обѣдаютъ въ часъ, ложатся спать яти (въ 10-ть). Вотъ, напр., свято исполняемыя здѣсь статьи этихъ перепечатаны въ „Русской Старинѣ“, изд. 1887 г., томъ LVI, стр. 618): „Хозяинъ почитаетъ хлѣбосольство и гостепріимство основаніемъ ннаго удовольствія въ общежитіи, слѣдственно видитъ въ оныхъ для себя должности“.

„Всякое здѣсь дѣланное посѣщеніе хозяину будетъ имъ принято ьствіемъ и признаніемъ совершеннымъ“ и проч.

Но вернемся, однако, въ домъ; въ немъ мы не обозрѣли еще много замѣчательнаго, вотъ, напримѣръ, среди картинъ небольшой рисунокъ, какой-то ландшафтъ, сепью исполненный цесаревичемъ Александромъ Павловичемъ съ его собственноручною подписью: „его сіятельству князю Александру Борисовичу Куракину — Александръ". Множество гравюръ англійскихъ и французскихъ XVIII вѣка, отличные портреты графа, впослѣдствіи князя, Безбородко, члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ Собакина и др. Портретъ намѣстника смоленскаго князя Ивана Григорьевича Куракина († 1682 г.), два портрета царевича Алексѣя Петровича, акварельный большой рисунокъ Екатерина II съ своимъ семействомъ въ виду бюста Петра Великаго; множество разныхъ альбомовъ, иные вполнѣ художественные, разныхъ статуэтокъ, вывезенныхъ однимъ изъ кн. Куракиныхъ изъ Парижа, и проч. и проч. Но наиболѣе интересною принадлежностью княжескаго дворца служитъ его Архивъ.

Извѣстно, что въ ряду фамилій русскихъ бояръ фамилія князей Куракиныхъ одна изъ древнѣйшихъ, происхожденіе ея восходитъ до нѣдръ семьи Владиміра Святаго. Отъ Изяслава, сына Владиміра Святаго, потянулись впослѣдствіи литовскіе князья, а отъ одного изъ нихъ—Гедимина, въ седьмомъ колѣнѣ, появляются два брата — князь Михаилъ Ивановичъ Булгаковъ-Голица, московскій бояринъ († 1558 г.), родоначальникъ князей Голицыныхъ, и князь Андрей Ивановичъ Булгаковъ-Курака, родоначальникъ князей Куракиныхъ. Въ то время, какъ князья Голицыны развѣтвились до чрезвычайности и выдвинули сотни своихъ представителей, князья Куракины въ теченіе тысячелѣтняго бытія своего рода, ведя его отъ князя Полоцкаго Изяслава до настоящихъ дней, въ 30-ти колѣнахъ насчитываютъ лишь до 89 мужескихъ представителей. Многіе между ними въ XV, XVI и XVII вѣкахъ прославились службою московскому государству и на ратномъ полѣ, и при оборонѣ городовъ, и на воеводствахъ. Многіе изъ нихъ носили высшее званіе бояръ и окольничихъ, правили посольство, двое погибло отъ жестокаго царя Іоанна Васильевича. Архивъ, однако, въ этомъ куракинскомъ дворцѣ ничего не сохранилъ за помянутыя три столѣтія; онъ начинается съ петровской эпохи, когда въ челѣ этой фамиліи появляется князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ.

Крестникъ царя Ѳедора Алексѣевича, племянникъ его воспитателя князя Ѳедора Куракина и сынъ намѣстника Смоленскаго князя Ивана Григорьевича—князь Борисъ четырьмя лишь годами былъ моложе царя Петра, но съ ранняго дѣтства настолько былъ близокъ его семьѣ, что въ нѣсколько дней единодержавія отрока Петра до большой

кой смуты, князь Борисъ былъ сдѣланъ спальникомъ государя; мы видимъ кн. Куракина участникомъ военныхъ потѣхъ фицеромъ Семеновскаго полка; князь Борисъ Ивановичъ славу полка въ двукратной осадѣ Азова до викторіи подъ й, но уже въ 1707 году царь Петръ посылаетъ его въ Ита- важнымъ дипломатическимъ порученіемъ. Князь Борисъ Ива- по волѣ же государя, своего свояка (оба они были женаты ышняхъ-сестрахъ Лопухиныхъ, Авдотьѣ и Аксиньѣ), зналъ еще съ 1697 года, когда обучился тамъ разнымъ наукамъ; лъ онъ царское порученіе у двора „папежскаго“ вполнѣ хо- ъ 1710 года князь Борисъ окончательно выступаетъ на ди- ческое поприще и не оставляетъ его до самой своей кон- 7 октября 1727 года. Вотъ этому замѣчательному дипломату ежитъ до 85 томовъ бумагъ въ архивѣ села Надеждино. аги составляютъ наиболѣе драгоцѣнную часть настоящаго рукописей, причемъ весь архивъ вмѣщаетъ въ себѣ 897 то- бо́льшая ихъ часть принадлежитъ бумагамъ князей Але- Борисовича († 1818) и Алексѣя Борисовича († 1829).

ѣшніе владѣльцы села Надеждина—князь Ѳ. А. Куракинъ и руга княгиня С. В. Куракина озаботились приведеніемъ въ ъ этого архива, а петровскій отдѣлъ, по ихъ желанію, сдѣ- редметомъ подробнаго описанія—трудъ В. Н. Смольянинова, едрова и А. О. Лебедева,—а съ настоящаго года архивъ ачалъ появляться въ печати. О выходѣ перваго тома мы уже или въ 8-й книгѣ „Русской Старины“ изданія сего года, но по желанію князя Ѳ. А. Куракина, редакторомъ этого исто- го сборника, мы пріостановили выпускъ въ свѣтъ первой архива князя Куракина, такъ какъ оказалось необходи- ополнить сборникъ и въ особенности помѣщенное въ немъ віе этой фамиліи нѣкоторыми новыми свѣдѣніями.

ѣ книга „Архивъ князя Ѳ. А. Куракина“ поступаетъ въ про- Желая познакомить читателей съ этою новинкою по отноше- исторіи Петра Великаго, мы, съ согласія издателя сборника . А. Куракина, приводимъ отрывокъ изъ „Гисторіи о Петрѣ ъ“; эта „Гисторія“—собственноручный трудъ князя Бориса ча, напечатанная въ помянутомъ Сборникѣ, сохранилась 36 параграфахъ изъ 344-хъ задуманныхъ, а быть можетъ ненныхъ авторомъ и, какъ увидитъ читатель, прекрасно тъ со взглядами свояка Петра I на время и дворъ этого , а также съ изложеніемъ автора „Гисторіи“.

Ред.

Гисторія о Петрѣ I и ближнихъ къ нему люд

1682—1695 гг.

. . . . . .

. . . . . .

Правленіе царевны Софіи Алексѣевны началось со всякою лежностію и правосудіемъ всѣмъ и ко удовольству народному, что никогда такого мудраго правленія въ Россійскомъ государ не было [1]). И все государство пришло во время ея правленія, семь лѣтъ, въ цвѣтъ великаго богатства. Также умножилась мерція и всякія ремесла; и науки почали быть возставлять л скаго и греческаго языку; также и политесъ возставлена бы великомъ шляхетствѣ и другихъ придворныхъ съ манеру скаго—и въ экипажахъ, и въ домовномъ строеніи, и уборахъ, столахъ.

И торжествовала тогда довольность народная, такъ что в легко могъ видѣть, когда праздничной день въ лѣтѣ, то всѣ кругомъ Москвы за городомъ, сходные къ забавамъ, какъ Мар рощи, Дѣвичье поле и протчее, наполнены были народомъ, ко въ великихъ забавахъ и играхъ бывали, изъ чего можно был дѣть довольность житія ихъ.

И въ первыхъ, начала она, царевна Софія Алексѣевна, дѣл государства — подтверждать аллiансы (съ) своими сосѣдствен потенціи, а именно со Швеціею подтвердила миръ, учиненной ихъ, царя Алексѣя Михайловича. Съ Польшею также подтвер

---

[1]) Въ Москву дворъ возвратился изъ Троицко-Сергіевой лавр ноября 1682 года, и съ этого дня кн. Б. И. начинаетъ правленіе царев фіи Алексѣевны. Ред.

тца ихъ, царя Алексѣя Михайловича, и брата своего, царя Алексѣевича. И чрезъ тотъ миръ Кіевъ, Черниговъ, Смо-, со всѣми принадлежитностьми, остался въ вѣчное владѣніе періи Россійской.

въ тожъ время съ поляки учинила аліансъ противу Крым-хана.

. . . . . .

понеже царевна Софья Алексѣевна была великаго ума и ве- политикъ, хотя себя укрѣпить вѣчно въ правленіи подъ име-воего брата царя Іоанна Алексѣевича, взяла резолюцію его, своего, женить. И женила на дочери Ѳедора Салтыкова, изъ о шляхетства, которой былъ тогда воеводою въ Енисейскѣ, ирскомъ королевствѣ. И сію женитьбу въ томъ видѣ учи-тобъ видѣть сыновей отъ брата своего и наслѣдниковъ къ .

акожъ, Богъ опредѣляетъ все по своей волѣ, и достигнуть емаго не могла. И усмотря, что дочери родятся, тогда на-ланъ свой дѣлать, чтобъ ей самой корону получить и выйти-бъ за князя Василія Васильевича Голицына. О семъ упомяную какъ разглашеніе было народное, но въ самомъ дѣлѣ сумнѣ-ежели такое намѣреніе было справедливое.

авда-жъ, подозрѣніе взято въ семь на нее, царевну Софью, самыхъ поступокъ.

вое, что принадлежитъ до полученія ей короны, оная царевна ходить во всѣ процессіи церковныя и публичныя съ братьями , что было противно царю Петру Алексѣевичу. И единожды [1]) убличнo вражда случилося, что былъ ходъ къ Казанской Бо-цѣ, и сперва, по обыкновенію, пришли оба государи и она, а Софія Алексѣевна, въ соборную церковь, откуль пошли въ И вышедъ изъ соборной церкви, царь Петръ Алексѣевичъ ъ сестру свою, чтобъ она въ ходъ не ходила. И между ими одило въ словахъ многое. И потомъ царь Петръ Алексѣе-онужденъ былъ, оставя ходъ, возвратиться въ свои апарта-понеже сестра его, царевна Софья, не послушала и по волѣ въ ходъ пошла съ братомъ своимъ царемъ Іоанномъ Але-чемъ.

же она, царевна Софія, начала дѣлать червонные подъ своею ою, и въ коронѣ, и имя свое внесла титула государственнаго.

-го іюля 1689 г. Записки А. А. Матвѣева, изд. 1841 г., стр. 52.

Ред.

Также учинила себѣ корону и давала овдіенціи публичныя послам польскимъ и шведскимъ и другимъ посланникамъ въ золотой палатѣ,—что все то принято было за великую противность отъ брата ея, царя Петра Алексѣевича.

Во вторыхъ, что принажитъ (принадлежитъ) до женитьбы съ княземъ Василіемъ Голицынымъ, то понимали все для того, что оной князь Голицынъ былъ ее весьма голантъ; и все то государство вѣдало и потому чаяло, что прямое супружество будетъ учинено [1]).

По вступленіи въ правленіе, царевна Софья [2]) для своихъ плезировъ, завела пѣвчихъ изъ поляковъ, изъ черкасъ, также и сестра ея по комнатамъ, какъ царевны: Екатерина, Марѳа и другія, между которыми пѣвчими избирали своихъ голантовъ и оныхъ обогащали, которые явно отъ всѣхъ признаны были [3]).

Надобно-жъ и о томъ упомянуть, что въ отбытіе князя Василія Голицына съ полками на Крымъ, Ѳедоръ Щегловитой весьма по амурѣ при царевнѣ Софіи профитовалъ, и уже въ тѣхъ плезирахъ ночныхъ былъ въ бо́льшей конфиденціи при ней, нежели князь Голицынъ, хотя не такъ явно. И предусматривали всѣ, что ежели бы правленіе царевны Софіи еще продолжалося, конечно бы князю Голицыну было отъ нея паденіе или бъ содержанъ былъ для фигуры за перваго правителя, но въ самой силѣ и дѣлѣхъ бы былъ помянутой Щегловитой [4]).

Помянутой Щегловитой, во время прошенія выдачи его въ Троицкой монастырь, былъ содержанъ въ комнатахъ у царевны Софіи, и при выдачѣ его былъ исповѣданъ и пріобщенъ Святыхъ Таинъ отцемъ его духовнымъ, ключаремъ Іаковомъ.

Въ 7197-мъ (1689) царица Наталья Кирилловна [5]), видя сына своего въ возрастѣ лѣтъ полныхъ, взяла резолюцію женить царя Петра Алексѣевича. И къ тому выбору многія были изъ знатныхъ персонъ привожены дѣвицы, а особливо княжна Трубецкая, которой былъ свойственникъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ.

---

[1]) На полѣ замѣтка автора: „NB. Надобно вписать погодно всѣхъ дочерей рожденія царя Іоанна Алексѣевича“.

[2]) На полѣ замѣтка автора: „NB. Приписать надобно къ правленію царевны Софьи“.

[3]) Царевна Марѳа Алексѣевна, род. 1652 г., ум. 1707 г.; царевна Екатерина Алексѣевна, род. 1658 г., ум. 1-го мая 1718 г.

[4]) Авторъ пишетъ вездѣ эту фамилію такъ: „Сщагловитой“.

[5]) На полѣ замѣтка автора: „NB. въ которомъ году пристойно сіе написать“.

ался всячески, чтобъ на оной женить. Но противная ему,
Голицыну, партія Нарышкины и Тихонъ Стрешневъ того не
тили, опасаяся, что чрезъ тотъ марьяжъ оной князь Голицынъ
убецкими и другими своими свойственники великихъ фамилей
ть повоіръ (pouvoir) и всѣхъ другихъ затеснятъ.
го ради, Тихонъ Стрешневъ искалъ изъ шляхетства малаго и
ъ одну дѣвицу изъ фамиліи Лопухиныхъ, дочь Ѳедора, Ло-
у, на которой его царское величество сочетался законнымъ
ть [1]).
именовалась царица Евдокія Ѳедоровна и была принцесса
ь изрядная, токмо ума посредняго и нравомъ несходная къ
супругу, отчего все свое счастіе потеряла и весь свой родъ
а, какъ будемъ о томъ впредь пространно упоминать.
дъ же ихъ, Лопухиныхъ, былъ изъ шляхетства средняго,
на площади знатнаго, для того что въ дѣлѣхъ непрестанно
ались по своей квалиты знатныхъ, а особливо по старому обык-
ю были причтены за умныхъ людей ихъ роду; понеже были
іе въ приказныхъ дѣлѣхъ, или, просто назвать, ябедники.
же ихъ былъ весьма людной, такъ что чрезъ ту притчину
жества ко двору царскаго величества было введено мужескаго
и женскаго болѣе тридцати персонъ. И такъ, оной родъ сна-
самаго своего времени такъ несчастливъ, что того-жъ часу
зненавидѣли и почали разсуждать, что ежели придутъ въ ми-
то всѣхъ погубятъ и всѣмъ государствомъ завладѣютъ. И,
ко сказать, отъ всѣхъ были возненавидимы и всѣ имъ зла
и или опасность отъ нихъ имѣли.
характерѣ принципальныхъ ихъ персонъ описать, что были
злые, скупые ябедники, умовъ самыхъ низкихъ и незнающіе
о во обхожденіи дворовомъ, ниже политики-бъ оной знали.
ъ выступили ко двору, всѣхъ уничтожили, и Тихона Стреш-
въ краткое время дружбу потеряли, и первымъ себѣ злодѣемъ
ли.
равда, сначала любовь между ими, царемъ Петромъ и супру-
его, была изрядная; но продолжилася развѣ токмо годъ. Но
ь пресѣклась; къ тому-жъ царица Наталья Кирилловна не-
у свою возненавидѣла и желала больше видѣть съ мужемъ ее
согласіи, нежели въ любви. И такъ дошло до конца такого,
ть сего супружества послѣдовали въ государствѣ Россійскомъ

---

[1]) 27-го января 1689 года. Ред.

великія дѣла, которыя были уже явны на весь свѣтъ, какъ впр
въ Гисторіи увидишь.

И понеже царь Петръ Алексѣевичъ склонность свою имѣлъ
войнѣ отъ младенчества лѣтъ своихъ, того ради имѣлъ всегда
баву экзерціею военною. И началъ сперва спальниками своим
какъ о томъ и чинахъ ихъ увидишь въ томѣ живота царя Пе
Алексѣевича—а къ тому присовокупилъ и конюховъ потѣшной
нюшни, и потомъ началъ изъ вольныхъ чиновъ шляхетства и
кихъ прибирать въ тотъ полкъ, и умножилъ до одного баталіо
и назывались потѣшные, которыхъ было съ триста человѣкъ.

А другой полкъ началъ прибирать въ Семеновскомъ изъ соко
никовъ и къ нимъ также прибирать, и набрано было съ триста
человѣкъ.

И первыхъ назвалъ полкъ Преображенской, а второй
Семеновской.

И такъ помалу привелъ себя тѣми малыми полками въ от
неніе отъ сестры или началъ приходить въ силу. Также съ тѣ
полками своими дѣлалъ непрестанно екзерцію, а изъ Стрѣл
кихъ полковъ возлюбилъ Сухарева полкъ, и всякое имъ награжде
давалъ, и къ себѣ привлекъ, или сказать, вѣрными учинилъ.

И во время того правленія царевны Софіи Алексѣевны и друг
двора царя Петра Алексѣевича ретираты въ Преображенско
министры съ одной и другой стороны интриги производили,
именно: стороны царя Петра Алексѣевича токмо единъ кн
Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, да при немъ держалися Нарышки
Левъ Кирилловичъ, Тихонъ Стрешневъ, поддядька, да постельнич
Гаврила Головкинъ, да изъ бояръ походныхъ, хотя въ тотъ секр
допущены не были, князь Михаилъ Алегуковичъ Черкаской, кн
Иванъ Борисовичъ Троекуровъ.

А съ другой стороны, двора царевны Софіи Алексѣевны, кн
Василей Васильевичъ Голицынъ, Ѳедоръ Щегловитой, котор
единъ въ секретѣ самомъ былъ у царевны Софіи Алексѣевны, так
Алексѣй Ржевской, Семенъ Толочановъ и нѣкоторые изъ шляхетст
посредняго, а изъ большихъ родовъ никто не мѣшался.

И такъ тѣ интриги со обоихъ сторонъ были употреблены: всяк
партія къ полученію себѣ стрѣльцовъ, понеже во оныхъ вся си
состояла, для того, что оныхъ было на Москвѣ жилыхъ полко
болѣе 30,000 и весь дворъ въ ихъ рукахъ былъ, и между которы
главные были: много людей умныхъ и богатыхъ и купечество
своимъ богатство не малое имѣли.

И чрезъ тѣ интриги дошло до того, что въ 7197 году ца

Алексѣевичъ понужденъ былъ въ ночи изъ Преображенскаго, маія, уйти къ Троице-Сергіевъ монастырь, верхомъ только ью человѣки [1]). А мать его царица Наталья Кирилловна, ъ дворомъ, той же ночи бѣгомъ понуждена быть послѣдовать ъ. И въ шесть часовъ скорымъ походомъ въ тотъ монастырь . И той же ночи помянутые полки потѣшные или гвардія ослѣдовали, также и полкъ Стрѣлецкой Сухаревъ, которой въ Преображенскомъ гвардію имѣлъ, туда прибылъ также. іе бояре и другіе чины, принадлежащіе къ тому двору, туда и.

о всѣми оными его царское величество Петръ Алексѣевичъ очитай въ томъ монастырѣ въ осаду сѣлъ. И ворота были ько дней заперты, и пушки на стѣнахъ въ готовности, и гвардія по ночамъ была въ ружьѣ по стѣнѣ, ожидая приходу ками Стрѣлецкими царевны Софіи Алексѣевны.

ерь будемъ объявлять **для чего оной походъ учинился** незапной? того, что царевна Софія Алексѣевна, собравъ той ночи [2]) Стрѣлецкіе нѣкоторые въ Кремль, съ которыми хотѣла послать витаго въ Преображенское, дабы оное шато зажечь и царя Алексѣевича и мать его убить, и весь дворъ побить, и себя овать на царство.

о томъ собраніи пріѣхавъ стрѣльцы главные полку Стремянь- ь Преображенское, царю Петру Алексѣевичу объявили.

по тому доношенію оной походъ того жъ часу незапной ися.

ю приходѣ въ Троицкой монастырь, царь Петръ Алексѣевичъ илъ отъ двора своего одного къ брату своему царю Іоанну евичу со объявленіемъ той притчины, для чего онъ понужденъ ваться, объявя притомъ всѣ злые умыслы сестры его, царевны противу его.

прося его о содержаніи братской дружбы и дабы сестру его, у Софію, отъ двора отлучить, и правленія государства отнять роваться бы ей въ монастырь. А безъ того не можетъ придти сквѣ, въ свою резиденцію, и будетъ понужденъ искать способъ ему обнадеживанію вооруженною рукою.

знымъ же образомъ тожъ объявлено было обѣимъ его вели- теткамъ, сестрамъ отца его, царевнамъ Аннѣ и Татьянѣ

---

[1]) Петръ ускакалъ въ Троице-Сергіевъ монастырь не въ маѣ, а въ ночь августа 1689 г.

[2]) Въ ночь на 8-е августа 1689 г. Ред.

Михайловнамъ, также и патріарху Іоакиму, требуя онаго, дабы прибылъ въ Троицкой монастырь.

Также спальникъ князь Иванъ Гагинъ былъ отправленъ съ грамотами по всѣмъ полкамъ Стрѣлецкимъ, которымъ повелѣно было прислать выборныхъ стрѣльцовъ въ Троицкой монастырь отъ всякаго полку.

Также по всѣмъ ближнимъ городамъ посланы грамоты, а велѣно всему шляхетству сбираться вооруженнымъ въ Троицкой монастырь и всѣмъ офицерамъ иноземцамъ из(ъ) слободы.

Также во всѣ (сло)боды московскія торговымъ и гостямъ грамотами о притчинѣ походу его величества объявлено было.

А къ боярамъ и всей палатѣ указъ былъ посланъ, дабы ѣхали въ Троицкой монастырь.

И притомъ же требовано было у царя Іоанна Алексѣевича, дабы Ѳедоръ Щегловитой, главной того бунту, и стрѣльцы нѣкоторые были выданы и за карауломъ присланы въ Троице-Сергіевъ монастырь.

И насупротивъ того, присланнаго стороны царя Іоанна Алексѣевича, былъ присланъ къ Троицевъ-Сергіевъ монастырь боярин и дядька князь Петръ Ивановичъ Прозоровской, которой былъ человѣкъ набожной и справедливой и весьма противной царевнѣ Софіи Алексѣевны, со всякимъ братскимъ обнадеживаніемъ и дружбы, соболѣзнуя о такой притчинѣ и протчее, и что будетъ стараться всячески все учинить ко удовольству его—любимаго брата своего.

Которой князь Прозоровской былъ принятъ со всякимъ почтеніемъ и, по двухъ дняхъ, возвратился съ тою жъ коммиссіею, дабы Щегловитова выдать и стрѣльцовъ заводчиковъ, и царевнѣ Софіи ретироваться въ монастырь дѣвичей.

И по возвращеніи князя Прозоровскаго къ Москвѣ, царь Іоаннъ Алексѣевичъ позволилъ патріарху, и бояремъ, и всей палатѣ ѣхать къ брату своему, также и выборнымъ стрѣльцамъ изъ полковъ идти. Которые по пріѣздѣ въ монастырь Троицкой записывали свои пріѣзды; къ чему былъ опредѣленъ думной дьякъ Автомонъ Ивановъ.

Еще забылъ упомянуть, что царевна Татьяна Михайловна, тетка царя Петра Алексѣевича, также въ Троицкой монастырь пришла и была во всю ту бытность.

И такъ, по пріѣздѣ патріарха Іоакима и бояръ и всѣхъ знатныхъ, уже дворъ царя Петра Алексѣевича пришелъ въ силу и тѣмъ начало отнято правленію царевны Софіи и осталось въ ру-

царя Петра Алексѣевича и матери его, царицы Наталіи Кизны.

пріѣздѣ жъ помянутой князь Прозоровской къ Москвѣ, учиня
ъ царю Іоанну Алексѣевичу, которой былъ въ его, Прозо-
го, рукахъ и волѣ, началъ онъ, Прозоровской, стараться,
Щегловитова царевна Софія выдала и сама жъ также рети-
сь въ монастырь.

по многихъ противностяхъ и спорахъ она, царевна Софія,
дена была Щегловитова выдать, котораго князь Прозоров-
принявъ въ ея каморѣ изъ рукъ ея, повезъ съ собою въ
кой монастырь за карауломъ, съ которымъ сидѣли два пол-
ка по перемѣнкамъ.

привезши въ Троицкой монастырь, [кн. Прозоровской] вру-
царю Петру Алексѣевичу [Щегловитова], а о царевнѣ Софіи
лъ, что взяла резолюцію ретироваться въ дѣвичей монастырь.
когда бояре почали въ Троицкой монастырь съѣзжаться, между
ими пріѣхалъ князь Василей Васильевичъ Голицынъ, также
ей Ржевской, Семенъ Толочановъ и другіе подобные,
явилися къ воротамъ монастырскимъ отъ полковника дневаль-
ыли остановлены и на монастырь не пущены и велѣно имъ
гиться на квартиры свои и такъ быть до указу.

по трехъ дняхъ князь Василей Васильевичъ Голицынъ былъ
денъ въ монастырь. И на крыльцѣ у палаты царскаго вели-
предъ всѣми боярами были ему чтены вины его, которыя
лись токмо въ худомъ правленіи государства и протчее, не
лая ничего о бунтѣ или какихъ замысловъ противу персоны
го величества. И чинъ боярства его отнять и добры его
яты на государя, а ему сказано въ ссылку со всѣми его
и и фамиліею. И того жъ дня отправленъ въ провинцію города
гельскаго [1]).

Алексѣя Ржевскаго и Семена Толочанова послали по даль-
городамъ также вмѣсто ссылки.

потомъ начался розыскъ съ Щегловитымъ и другими приве-
ли стрѣльцами, какъ Амбросимъ бѣлаго полку и другими,
е были привезены отъ выборныхъ стрѣльцовъ разныхъ полковъ.
по многимъ розыскамъ Щегловитову и его собесѣдникамъ

---

[1]) На полѣ замѣтка автора: „NB. Надобно знать, что ссылка князю Голицыну учинена по прошенію князя Бориса Алексѣевича Голицына, ибъ не по его заслугамъ, тобъ, конечно, былъ взятъ къ розыску такъ съ и Щегловитой". Кн. К.

стрѣльцамъ тутъ-же на площади, въ слободѣ Клементьевской, г
ловы были отсѣчены, а другихъ въ ссылку сослáли. И тѣмъ все т
замѣшаніе окончалось.

И потомъ были призваны всѣхъ полковъ выборные на крыль
къ палатамъ царскаго величества, гдѣ сидѣли царское величест
и мать его, царица Наталья Кирилловна, и патріархъ Іакимъ. К
торымъ чтены были разпросныя рѣчи Щегловитова и другихъ бу
товщиковъ, и весь розыскъ объявляя въ народъ нарочно.

И тѣ выборные отъ полковъ увѣрены милостивымъ словомъ
учинено награжденіе и отправлены въ свои дома.

Потомъ новое правленіе государства началось, и посольской пр
казъ отданъ Льву Кирилловичу Нарышкину, брату царицы Наталь
Кирилловны, а во дворецъ Петру Аврамовичу Лопухину, а въ бол
шую казну—князя Петра Ивановича Прозоровскаго, а въ иноз
ской приказъ—князя Ѳедора Семеновича Урусова, а въ разряд
Тихона Никитича Стрешнева, которой наиболѣе въ дѣлѣхъ был
и секретъ всѣхъ дѣлъ вѣдалъ со Львомъ Кирилловичемъ Нары
кинымъ . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

И въ ту бытность въ Троицкомъ монастырѣ князь Борисъ Але
ксѣевичъ Голицынъ тутъ привелъ въ милость иноземцовъ, как
Петра Гордона генерала, полковника Лефорта, Радивона Страсбург
Ивана Чамбурса и другихъ многихъ, то-есть начала вступить в
милость и фамиліариту иноземцомъ.

И по приходѣ къ Москвѣ началъ его величество въ слобод
ѣздить чрезъ предвожденіе его-жъ князя Бориса Алексѣевича Го
лицына. Потомъ его царское величество прибылъ со всѣмъ двором
къ Москвѣ, и начала мать его править государство, а онъ прои
водить свое время непрестанно въ екзерціяхъ военныхъ.

Теперь будемъ описывать о начатомъ **правленіи царицы Наталь
Кирилловны** и порядкахъ двора и про превоженіи времени цар
Петра Алексѣевича, и состояніи житія брата его, царя Іоанн
Алексѣевича, и бытности въ монастырѣ царевны Софіи.

Во-первыхъ, начнемъ писать о характерѣ царицы Наталь
Кирилловны.

Сія принцесса добраго темпераменту, добродѣтельнаго, токм
не была ни прилежная и не искусная въ дѣлѣхъ, и ума легкаго
Того ради, вручила правленіе всего государства брату своему, боя
рину Льву Нарышкину, и другимъ министрамъ.

И помянутой Нарышкинъ былъ судьею въ посольскомъ приказѣ

дъ нимъ въ томъ приказѣ правилъ Еѳельянъ (Емельянъ)
инцевъ, думной дьякъ, человѣкъ искусной въ своихъ дѣлѣхъ,
ъ въ тѣхъ дѣлѣхъ подъ княземъ (Вас. Вас.) Голицынымъ
нымъ.

кже къ нему всѣ министры приналежали и о всѣхъ дѣлѣхъ
или, кромѣ князя Бориса Алексѣевича Голицына и Тихона
нева.

омянутаго Нарышкина кратко характеръ можно описать, а
о: что былъ человѣкъ гораздо посредняго ума и невоздержной
тью, также человѣкъ гордой, и хотя не злодѣй, токмо не
чивой и добро многимъ дѣлалъ безъ резону, но по бизаріи
гумору.

яринъ Тихонъ Стрешневъ былъ въ правленіи въ разрядѣ
утри правленія государственнаго большую часть онъ дѣла
ъ.

характерѣ его описать можемъ только, что человѣкъ лукавой
го нраву, а ума гораздо средняго, токмо дошелъ до сего
су такимъ образомъ, понеже былъ въ поддядькахъ у царя
Алексѣевича съ молодыхъ его лѣтъ и признался къ его
и, такимъ образомъ, былъ интригантъ дворовой.

язь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ сидѣлъ въ Казанскомъ
ѣ и правилъ весь Низъ такъ абсолютно, какъ-бы былъ госу-
ь, и былъ въ кредитѣ при царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ и
ея, царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, по своимъ заслугамъ, для того,
алъ корону въ руки онъ сыну ея. Былъ человѣкъ ума вели-
а особливо остроты, но къ дѣламъ непрележной, понеже
ъ забавы, а особливо склоненъ былъ къ питію. И оной есть
мъ, которой началъ съ офицерами и купцами-иноземцами
иться. И по той своей склонности къ иноземцамъ оныхъ
ъ въ откровенность ко двору и царское величество склонилъ
мъ въ милость; о чемъ будемъ впредь обстоятельно писать.

врило Головкинъ въ то время былъ постельничимъ, которой
ою милость и конфиденцію у царя Петра Алексѣевича имѣлъ
въ какія дѣла не мѣшался. Однако-жъ, въ царскомъ вели-
великую силу имѣлъ и былъ партіи вмѣстѣ помянутаго князя
ына.

отчіе жъ бояре первыхъ домовъ были отчасти судьями и
дами, однако-жъ безъ всякаго повоіре (pouvoir) въ консиліи
ь палатѣ токмо были спектакулеми.

въ томъ правленіи наибольшее начало паденія первыхъ
ей, а особливо имя князей было смертельно возненавидѣно

и уничтожено, какъ отъ его царскаго величества, такъ и отъ персонъ тѣхъ правительствующихъ, которыя кругомъ его были для того, что всѣ оные господа, какъ Нарышкины, Стрешневы, Головкинъ были домовъ самаго низкаго и убогаго шляхетства и всегда ему внушали съ молодыхъ лѣтъ противу великихъ фамилей. Къ тому-жъ и самъ его величество склоннымъ явился, дабы уничтоживаніемъ оныхъ отнять у нихъ повоіръ весь и учинить-бы себя наибольшимъ сувреномъ.

Правленіе оной царицы Натальи Кирилловны было весьма непорядочное, и недовольное народу, и обидимое. И въ то время началось неправое правленіе отъ судей, и мздоимство великое, и кража государственная, которое донынѣ продолжается съ умноженіемъ, и вывесть сію язву трудно.

Другая жъ комната царя Іоанна Алексѣевича содержала себя въ тишинѣ; токмо его величество отправлялъ церемоніи церковныя и публичныя, а въ правленіе никакое не мѣшалися. И той стороны токмо дядька его, бояринъ князь Петръ Прозоровской, сидѣлъ въ Большой казнѣ, и вѣдалъ Денежной дворъ, и управлялъ со всякою вѣрностію и безъ мздоимства, понеже былъ человѣкъ набожной, которой до своей смерти былъ содержанъ честно и такъ скончалъ свою жизнь.

Во время жъ того правленія царицы Натальи Кирилловны съ потенціями сосѣдственными была тишина, и никакихъ знатныхъ дѣлъ не происходило, токмо война на Украйнѣ продолжалася съ татарами отъ курсовъ обыкновенная, гдѣ на Украйнѣ тогда былъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, а въ Черкасахъ — гетманомъ Иванъ Степановичъ Мазепа.

Теперь будемъ писать **о забавахъ Петра Алексѣевича.**

По возвращеніи изъ Троицкаго походу 7197 (1689) году, его царское величество оставилъ свое правленіе, какъ мы упомянули, матери своей, а самъ препровождалъ время свое въ забавахъ екзерцицей военныхъ, а именно: началъ набирать свои два полка Преображенской и Семеновской формально. И въ первомъ, Преображенскомъ, учинилъ 4 баталіона, а во второмъ, Семеновскомъ, 3 баталіона. И надъ обоими тѣми полками учинилъ генераломъ Автомона Головина, человѣка гораздо глупаго, токмо что оной изъ спальниковъ первой, которой зналъ солдатскую екзерцицію.

И непрестанно время свое провождалъ его царское величество, уча оные полки въ недѣлю по трижды.

И въ помянутые полки набирали вольницу, какъ изъ шляхетства, такъ и изъ другихъ чиновъ. И первое начало о вольности

иъ боярскимъ учинено и дана свобода въ тѣ полки идти. И
годы были дѣланы военныя екзерциціи и бои между пол-
ѣхотными; и конница изъ шляхетства была сбирана ротами.
аменты были военные на Семеновскомъ полѣ, гдѣ стояли дня
и больше, и были чинены подъѣзды, также и даваны баталіи.
ойски оныя, подъ именами двухъ государей названныхъ, съ
стороны князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановской названъ
арь и государь Плесъпурхъской, котораго резиденція была
а въ Преображенскомъ, на острову рѣки Яизы (Яузы), горо-
лезъпурхъ.

князь былъ характеру партикулярнаго; собою видомъ, какъ
а; нравомъ злой тиранъ; превеликой нежелатель добра никому;
по вся дни; но его величеству вѣрной такъ былъ, что никто
И того ради, увидишь ниже, что оному (царь Петръ Але-
ъ) во всѣхъ деликатныхъ дѣлѣхъ повѣрилъ и вручилъ все
сударство.

другой-же сторонѣ былъ Иванъ Бутурлинъ-Ватупичъ (sic);
былъ царь и государь Семеновской. А Семеновское его
ція была, Соколей дворъ на Семеновскомъ полѣ. Человѣкъ
лорадной, и пьяной, и мздоимливой, которой обиды многимъ

о время тѣхъ екзерцицей иноземцы офицеры имѣли окацію
ортуну искать при его величествѣ, понеже они все устано-
и разсказывали, какъ оныя екзерциціи отправлять, для того
русскихъ никого знающихъ не было.

ъ то время названной Францъ Яковлевичъ Лефортъ при-
ъ крайнюю милость и конфиденцію интригъ амурныхъ.

янутой Лефортъ былъ человѣкъ забавной и роскошной или
дебошанъ французской. И непрестанно давалъ у себя въ
бѣды, супе и балы. И тутъ въ (его) домѣ первое начало
ось, что его царское величество началъ съ дамами иноземк-
обходиться и амуръ началъ первой быть къ одной дочери
ской, названной Анна Ивановна Монсова. Правда, дѣвица
зрядная и умная.

ь-же въ домѣ (Лефорта) началось дебошство, пьянство такъ
е, что невозможно описать, что по три дня запершись въ
омѣ бывали пьяны, и что многимъ случалось оттого умирать.
того времени и по сіе число и донынѣ (1727 г.?) пьянство
кается, и между великими домами въ моду пришло.

янутой-же Лефортъ съ того времени пришелъ до такого гра-
то учиненъ былъ генераломъ отъ инфантеріи, и потомъ адми-
, и отъ пьянства скончался.

Топерь возвратимся на екзерціи военныя.

Объ екзерціяхъ военныхъ можемъ сказать, что были весьма прогрессу обученія его величеству и всѣмъ молодымъ людям также и народу или ко обученію солдатства и отчасти политик для того, что съ одной стороны всегда были полки гвардіи П ображенской и Семеновской и два полка старыхъ и первыхъ солда скихъ Бутырской и Шепелевской или потомъ названной Лефо товской, а къ нимъ присовокуплены были изъ полковъ стрѣлецких которые вѣрны были его величеству, какъ полкъ Сухарева нѣкоторые подобные тому. А съ другой стороны были полки стр лецкіе, какъ Стремянной и Бѣлой полкъ и другіе, которые бы ему всегда противны и въ интересъ сестры его, царевны Софіи.

И такъ чрезъ тѣ екзерціи положена была вражда между тѣ полками, а особливо между солдатъ и стрѣльцами, что не мог другъ друга (не) ненавидѣть и непрестанно между ними драки б вали на всѣхъ сходбищахъ.

Правдажъ не надобно забыть описать о тѣхъ экзерціяхъ, ч были великой магнификціи и назвать надобно, что забавы импер тора и государя великаго, и нѣчто являлося изъ того великаго.

А особливо, какъ я напомню о той потѣхѣ, которая была по Кожуховымъ въ Коломенскихъ лугахъ, о которой могу сказа что едва которой монархъ въ Европѣ можетъ учинить лутче то

Понеже оная потѣха началась послѣ Успеньева дня и продо жалась 6 недѣль до самаго октября мѣсяца. И (бы)ло войс собрано, какъ съ одной стороны, такъ и съ другой по 15,000 п хоты и конницы, которыя войски были командированы помянуты потѣшными или шутошными государи и цари, княземъ Ромод новскимъ, Иваномъ Бутурлинымъ.

И къ нимъ были во всѣ чины дворовые и военные, по старо обыкновенію, росписаны всѣ изъ первыхъ персонъ бояре и окол ничіе, также и всѣ подъячіе и дьяки изъ приказовъ были посаже на лошадей и подъ командою Бутурлина служили, отъ которы оной немалой себѣ профиктъ отъ нихъ получалъ.

И при Москвѣ рѣкѣ, на Кожуховскомъ лугу, была учине фортеція; а войско Бутурлина стояло при ней въ транжиментѣ д обороны, а царь Ѳедоръ Плешпурской пришелъ съ войски своим отъ Москвы, и перебирался Москву рѣку и, перебравшись чре живой мостъ, взялъ свой лагерь и учинилъ также транжементъ; потомъ началъ аттаку чинить къ городу и вести обыкновенны опроши, на которые откуль бывали частыя вылазки; и также фал

ми бомбами бомбардировали и пушечною стрѣльбою, напримѣръ,
или будто бреши дѣлали.
по нѣкоторыхъ недѣляхъ не могли взять того города, для
то царь Семеновской былъ при томъ съ войски своими и
перемѣнялъ гварнизоны. Того ради была взята резолюція
ы царя Ѳедора Плешпурскаго дать баталію генеральную и
вать траншиментъ.
баталія была дана въ полѣ, понеже царь Семеновской не
ъ сидѣть въ траншиментѣ.
царь Ѳедоръ Плешпурской царя Ивана Семеновскаго побилъ
взялъ въ полонъ.
потомъ на другой день городъ взятъ приступомъ. И такъ
оная потѣха или военная экзерциція окончалося.
все то время хотя доброй порядокъ былъ учиненъ, однакожъ
ихъ сторонъ убито съ 24 персоны пыжами и иными случаи,
ены съ пятьдесятъ.
время всего того правленія царицы Натальи Кирилловны,
а Софія была въ дѣвичьемъ монастырѣ и содержана была
кновенію со всѣми дворцовыми доместики.
кже и братъ ея—царь Іоаннъ Алексѣевичъ и сестры ея къ ней
но ѣздили.
въ 0000 (sic) [1]) году родился царевичъ Алексѣй Петровичъ,
го рожденіе принесло великое порадованіе въ народѣ, понеже
ія была весьма кратка.
на другой годъ родился царевичъ Александръ Петровичъ [2]),
тораго наибольшее порадованіе было.
при тѣхъ рожденіяхъ послѣдніи церемоніи дворовыя отира-
я, какъ обыкновенно: патріархъ и бояре и всѣ стольники,
и слободы были съ приносомъ, и протчіе.
оже касается до церемоній придворныхъ, уже въ то время
самое настало имъ изсякнуть. А наивпервыхъ выходы въ
ую церковь отставлены были, и единъ царь Іоаннъ Алексѣевичъ
ходить; также одѣяніе царское отставлено и въ простомъ
ходитъ. Также публичныя авдіенціи многимъ отставлены,
были даваны авдіенціи пріѣзжимъ архіереямъ, посланникамъ
скимъ, для которыхъ бывали выходы народные, но уже онымъ
были авдіенціи при выходахъ просто. И теперь о всѣхъ

---

[1]) Царевичъ Алексѣй Петровичъ родился въ Москвѣ 18-го февраля
да.
[2]) Царевичъ Александръ род. въ Преображенскомъ селѣ 23-го октября
да, умеръ 14-го мая 1962 г., погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.
Ред.

тѣхъ дворовыхъ церемоніяхъ не упоминаемъ, для того какъ вып
о всѣхъ тѣхъ церемоніяхъ обстоятельно упомянули [1]).

Топерь будемъ говорить, **что при наборахъ потѣшныхъ въ Преобр
женской и Семеновской полкъ произошло.**

Многіе изъ рабатъ (ребятъ) молодыхъ, народу простаго, пришл
въ милость къ его величеству, а особливо Буженинов, сын
одного служки Новодѣвичья монастыря, также и Лукинъ, сын
одного подъячаго Новгородскаго, и многіе другіе, которые кругом
его величества были денно и ночно. И отъ того времени проста
народу во всѣ комнатныя службы вошли, а знатныя персоны отдален

И помянутому Буженинову былъ домъ сдѣланъ при съѣзже
Преображенскаго полку, на которомъ домѣ его величество стал
ночевать и тѣмъ первое разлученіе съ царицею Евдокіею нач
лось быть; токмо въ день пріѣзжалъ къ матери во дворецъ, и вр
менемъ обѣдовалъ во дворцѣ, а временемъ на томъ дворѣ Буже
наго [2]). И такъ продолжалося до смерти царицы Наталіи Кири
ловны [3]).

Помянутая царица Наталья Кирилловна возненавидѣла цари
Евдокею и паче къ тому разлученію сына своего побуждала, н
жели унимала.

Его же царское величество началъ быть склоненъ къ морско
хожденію. И во время (правленія) матери своей, началъ въ Пр
ображенскомъ на Яузѣ и на Москвѣ рѣкѣ дѣлать суды морскія
яхты, а потомъ самые корабли на озерѣ Переславскомъ объ 24-
пушкахъ, гдѣ была чинена военная экзерція на карабляхъ.

И по такой своей склонности къ морскому ходу и по своей к
ріезите обыкновенной ходилъ дважды къ городу Архангельско
видѣть море. И тамъ на пріуготовленныхъ карабляхъ ходилъ м
ремъ въ Соловецкой монастырь и въ море Бѣлое, гдѣ единожд
отъ великаго штурму были всѣ въ великомъ страхѣ.

И то первое начало самое къ морскому дѣлу.

---

[1]) Изъ этихъ строкъ видно, что кн. Б. А. Куракинымъ была написа
глава о церемоніяхъ московскаго царскаго двора; въ Куракинскомъ арх
однако, этого описанія не найдено.

[2]) Моисей Степан. Буженинов—сержантъ Преображ. полка. Григор
Лукинъ—солдатъ того же полка. Лукинъ умеръ отъ ранъ подъ Азово
сентября 1695 года.

[3]) Наталья Кирилловна Нарышкина род. 22 августа 1651 года, повѣнча
съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ 22 января 1671 г., † 25 января 1694
погребена 26 января, въ Москвѣ, въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Ред.

акже и первое начало къ ношенію платья нѣмецкаго въ тое
началося, понеже былъ единъ аглеченинъ торговой Андрей
етъ [1]), которой всякія вещи его величеству закупалъ, изъ за
выписывалъ и допущенъ былъ ко двору. И отъ онаго первое
ято носить шляпочки аглинскія, какъ сары (галерные работ-
) носятъ, и камзолъ, и кортики съ портупеями.
акже и во время всѣхъ потѣхъ оба шутошные помянутые го-
и и при нихъ знатныя персоны были одѣты въ нѣмецкое
е.
тому жъ непрестанная бытность его величества началась быть
ободѣ Нѣмецкой не токмо днемъ, но и ночевать какъ у Ле-
, такъ и по другимъ домамъ, а особливо у Анны Монсовны.
многіе купцы агленскіе и голанскіе, какъ Андрей Стельсъ,
тофоръ Брантъ, Иванъ Любсъ [2]) пришли въ его величества
ю милость и конфиденцію, и начали имѣть свой свободной
. Также всѣ въ слободѣ офицеры знатные изъ иноземцовъ и
вые, такъ и (на) Поганомъ прудѣ не могли единой свадьбы учи-
чтобъ его величество не звать и при немъ знатныхъ персонъ
адьбы. И особливые банкеты чинили, и балы, и супе давали,
и ко многимъ на погребеніе зывали, гдѣ его царское вели-
присутствовалъ со всѣми своими дворовыми, по чину ихъ,
анчахъ черныхъ.
по склонности своей его величество къ иноземческому всему
жъ началъ учиться всѣхъ екзерцицей и языку голанскаго.
мастера того языку былъ дьякъ Посольскаго приказу, поро-
оланецъ, Андрей Виніусъ, человѣкъ умной и состоянія доб-
А для экзерцицей на шпагахъ и лошадяхъ—датчанинъ сынъ
ея Бутенанта [3]), а для математики и фортификаціи и дру-
артей, какъ токарнаго мастерства и для огней артофиціаль-
единъ гамбурченинъ Францъ Тимарманъ [4]), а для экзерци-
олдатскаго строю еще въ малыхъ своихъ лѣтѣхъ обучился отъ
о стрѣльца Присвова, Обросима Бѣлаго полку, а по бараба-
отъ старосты барабанщиковъ Ѳедора Стремяннаго полку, а
вать по польски съ одной практики въ домѣ Лефорта помянутаго.

Креветъ (Крефтъ), Андрей Юрьевичъ, переводчикъ посольскаго при-
См. многія письма къ нему Петра Великаго въ сборникѣ академика
Бычкова: „Письма и бумаги Петра I“, изд. 1887 г.
Любсъ, Иванъ, голландскій купецъ.
Бутенантъ фонъ Розенбушъ (Ботвемантъ, Бутманъ), Андрей Ива-
, коммиссаръ датскаго короля.
Тиммерманъ, Францъ Ѳедоровичъ. Ред.

Его жъ величество имѣлъ великую охоту къ артиллернымъ дѣ
ламъ и къ огню артофиціальному и самъ своими руками работал
по вся зимы.

Какъ тогда обычай былъ на конецъ кроновала или на масл
ницѣ на Прѣснѣ, въ деревнѣ ихъ величества, по вся годы, **потѣх
огненныя** были дѣланы. И, правда, надобное сіе описать, понеж
дѣлано было съ великимъ иждивеніемъ, и забава прямая был
мажесте.

Ихъ величества и весь дворъ въ четвергъ на масляницѣ съѣзжал
въ шато свое на Прѣснѣ, и живали дня по два; гдѣ на обоих
дворцахъ бывали пріуготовленія потѣхъ: на одномъ дворцѣ съ Пуш
карнаго двора, а другомъ дворцѣ съ Потѣшнаго дворца строени
рукъ его величества. Тутъ же сваживали пушекъ, по полтораст
для стрѣльбы въ цѣль. И въ назначенной день тѣмъ потѣхамъ по
утру начнется стрѣльба изъ пушекъ въ цѣль и продолжается д
обѣду; и которой пушкарь убьетъ въ цѣль бывало награжденіе кал
дому по 5 рублей денегъ и по сукну красному или зеленому н
кафтанъ.

И потомъ обѣдъ даванъ былъ всѣмъ палатнымъ людямъ, а п
обѣдѣ до вечера чинится пріуготовленіе потѣхъ огненныхъ и, чѣм
ночь настенетъ, начинаются оныя потѣхи и продолжаются време
немъ за полночь.

И на завтріе ихъ величества возвращаются къ Москвѣ.

Топерь ненадобно сего забыть и описать **коимъ образомъ потѣш
ной былъ патріархъ учиненъ**, и митрополиты, и другіе чины духовны
изъ придворныхъ знатныхъ персонъ, которыя кругомъ его велич
ства были, болѣе ко уничтоженію оныхъ чиновъ, а именно: был
названной Матвѣй Филимоновичъ Нарышкинъ окольничей
мужъ глупой, старой и пьяной, которой названъ былъ патріархом
а архіереями названы были отъ разныхъ провинцій изъ бояръ нѣ
которые и протчіе другіе чины и дьяконы изъ спальниковъ. И одѣя
ніе было подѣлано нѣкоторымъ образомъ шутошное, а не такъ влас
ное, какъ на прикладъ патріарху: митра была жестяная, на форм
митръ епископовъ католицкихъ, и на ней написанъ былъ Бахус
на бочькѣ, также по одѣянію партіи игрышные нашиты были; такж
вмѣсто панагеи фляги глинины надѣваны были съ колокольчикам
А вмѣсто Евангелія была сдѣлана книга, въ которой нѣсколь
стклянокъ съ водкою. И все состояло тамъ въ церемоніяхъ празд
нество Бахусово.

И во время дня Вербнаго воскресенія также процессія посл

тправлялась на потѣшномъ дворѣ. Оной патріархъ шутошной
зимъ на верблюдѣ въ садъ набережной къ погребу фряжскому.
мъ, довольно напившись, разъѣзжались по домамъ.
же и постановленіе тѣмъ патріархамъ шутошнымъ и архіе-
ывало въ городѣ помянутомъ Плешпурхѣ, гдѣ была сложена
емонія въ терминахъ такихъ, о которыхъ запотребно нахо-
е распространять, но кратко скажемъ къ пьянству, и къ
всякимъ дебошамъ [1]).

-же патріархъ съ Рождества Христова и во всю зиму до
цы продолжалъ славленіе по всѣмъ знатнымъ дворамъ на
и въ слободѣ, и у знатныхъ купцовъ съ воспѣніемъ обык-
мъ церковнымъ, въ которыхъ домѣхъ пріуготовливали столы
съ кушаніемъ, и гдѣ прилучится обѣдали всѣ, а въ другихъ
ли, а во оныхъ токмо пивали. И продолжалось каждой день
ночи и разъѣзжались всегда веселы. Сіе славленіе многимъ
частное и къ наказанію отъ шутокъ не малому: многіе отъ
ь были биваны, облиты и обруганы.

будемъ напоминать **о началѣ придворныхъ дураковъ и о ссо-
рахъ во пьянствѣ между бояры.**

обычай былъ издавно имѣть придворныхъ дураковъ для
а временемъ оные служили и для политики, какъ мы по-
явно въ сей Исторіи, чему были явные свидѣтели.

первыхъ взятъ былъ ко двору дворянинъ новогородецъ,
Тимофѣевичъ Долгорукой назывался; мужикъ старой и
й и препростой, которой больше не имѣлъ шутокъ ника-
кмо вздоръ говаривалъ и зла никому не капабель былъ

мъ взятъ былъ Яковъ Тургеневъ, изъ дворянъ, также му-
арой и безъ зла, токмо утѣшенъ былъ своими поступки и
улся.

томъ многіе были другіе взяты, какъ Филатъ Шанской
рянъ-же. Сей пьяной человѣкъ, и мужикъ пронырливой,
ленъ былъ за ушника, и при обѣдахъ, будто въ шуткахъ
нствѣ, на всѣхъ министровъ разсказывалъ явно, что кто
, и кого обидятъ, и какъ крадутъ.

. нашъ очеркъ, составленный по собственноручнымъ царя Петра
ича замѣткамъ и шуткамъ: „Петръ Великій какъ юмористъ“, въ
лово и дѣло!“, истор. очерки М. И. Семевскаго, Спб. 1884 года,
-334. Ред.

Потомъ были взяты многіе, и собраніе немалое, какъ было изъ знатныхъ персонъ, такъ изъ простыхъ. А особливо теперь упомянемъ о князѣ Шаховскомъ, которой былъ ума немалаго и читатель книгъ, токмо самой злой сосудъ и пьяной, и всѣмъ злодѣйствомъ дѣлалъ, съ перваго до послѣдняго. И то дѣлалъ, что провѣдывалъ за всѣми министры ихъ дѣлъ; и потомъ за столомъ, при его величествѣ, явно изъ нихъ каждаго лаевалъ и попрекалъ всѣми тѣми ихъ дѣлами, чрезъ которой каналь его величество все вѣдалъ.

Оной-же, Шаховской, во время славленія, которой чинъ носилъ архидіакона, и ему были приказаны все выславленіе расписывать, наживалъ отъ того себѣ великіе пожитки, понеже власть имѣлъ писать въ то славленіе изъ стольниковъ, и изъ гостей, изъ дьяковъ, изъ всякихъ чиновъ, изъ чего ему давали великіе подарки.

Оные-жъ дураки, какъ лепень (прилипало?) Шаховской и другіе протчіе, были употреблены для наказанія многимъ знатнымъ персонамъ и министрамъ, будто во пьянствѣ и отъ ихъ самаго произволенія.

И когда его величеству на котораго министра было досадно и чтобъ онаго пообругать, то при обѣдахъ и другихъ банкетахъ оным дуракамъ было приказано котораго министра или которую знатную персону напоить, и побить, и побранить; то тотчасъ чинили, и на оныхъ никому обороны давано не было.

Возвращусь теперь описывать **о забавахъ святошныхъ**, которыя при дворѣ бывали, внесены и начаты чрезъ одного вымысломъ изъ спальниковъ Василья Алексѣева сына Соковнина.

Старой обычай есть въ народѣ россійскомъ, что предъ праздникомъ Рождества Христова и послѣ играютъ святки, то-есть изъ домъ друзья между собою сбираются въ вечеру и изъ подлыхъ людей сами одѣваются въ платье машкараты. А у знатныхъ людей люди ихъ играютъ всякія гисторіи смѣшныя.

И по тому обыкновенію царское величество при дворѣ своемъ также игралъ святки (съ) своими комнатными людьми, и одного избрали за главу и установителя той потѣхи Василья Соковнина, котораго назвали пророкомъ.

Сей мужъ былъ злой и всякихъ пакостей наполненъ.

И въ тѣхъ святкахъ, что происходило, то великою книгою не описать, и напишемъ, что знатнаго. А именно: отъ того начало ругательство началось знатнымъ персонамъ и великимъ домомъ, а особливо княжескимъ домомъ многихъ и старыхъ бояръ: людей толстыхъ протаскивали сквозь стула, гдѣ невозможно статься; на многихъ платье дирали и оставляли нагишемъ; иныхъ гузномъ

на лохани разбивали; инымъ свѣчи въ проходъ забивали; на ледъ гузномъ сажали; иныхъ въ проходъ мѣхомъ на-, отчего единъ Мясной [1]), думной дворянинъ, умеръ. Инымъ другія ругательства чинили.

сія потѣха святковъ такъ происходила трудная, что многіе ъ днямъ пріуготовливалися, какъ-бы къ смерти.

сіе продолжалося до ѣзды заморской въ Голандію.

перь возвращаюся на правленіе царицы Натальи Кирилловны. правленіе ея знатнаго ничего не происходило, токмо всѣ происходили съ великими взятки.

въ 7200 году [2]) скончалась.

гда весь говерноменътъ премѣнился.

по смерти ея вступилъ въ правленіе его величество царь Алексѣевичъ самъ. И когда его величество получилъ извѣстіе ти своей матери, бывъ въ домѣ своемъ въ Преображенскомъ, былъ въ великой печали, и на погребеніи у матери своей не токмо присутствовалъ братъ его, царь Іоаннъ Алексѣевичъ.

смерть принесла паденіе Льва Нарышкина, понеже онъ о царскаго величества всегда былъ мепризированъ и принятъ овѣка глупаго.

по смерти царицы Натальи Кирилловны, хотя его царское ство самъ вступилъ или понужденъ былъ вступить въ правленіе, -жъ, труда того не хотѣлъ понести и оставилъ все своего рства правленіе министрамъ своимъ.

сперва объявился было въ фаворѣ и какъ-бы быть за перваго Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. Токмо сіе не продолжалось какъ недѣли двѣ, понеже былъ человѣкъ забавной и отлучасто по своимъ деревнямъ. И такъ въ краткомъ времени лъ; однако-жъ остался въ прежнемъ градусѣ и правилъ или ъ всѣмъ Низомъ. Но во всѣ дѣла внутреннія его величество ился и далъ управлять на Тихона Стрешнева, хотя котораго нно и не любилъ [3]), ниже эстимовалъ.

Далѣе зачеркнуто: „окольничей“.

Царица Наталья Кирилловна скончалась не въ 7200-мъ г., т. е. не отъ Р. Х., а въ 1694-мъ, 25-го января. Ред.

На полѣ замѣтка автора: „NB. Для того не любилъ, что ему, Стрешричиталъ свою женитьбу въ родѣ Лопухиныхъ“. Кн. Б. К.

Топерь будемъ упоминать, **кто вступилъ тогда въ правленіе** п
выхъ шаржей **по смерти царицы Натальи Кирилловны** [1]).

Братъ ея величества умершей — Левъ Нарышкинъ, прави
посольской приказъ. И первой годъ онъ, Нарышкинъ, правилъ т
посольской приказъ и во всю ѣзду его величества въ чужестран
краи. Но по возвращеніи, отъ всѣхъ дѣлъ его, Нарышкина,
величество отставилъ; и посольской приказъ отданъ со всѣмъ пр
леніемъ Ѳедору Алексѣевичу Головину, которой былъ уже пот
фаворитомъ.

А Казанской дворецъ правилъ и весь Низъ съ великою ау
ріею князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, которой, по сме
царицы Натальи Кирилловны, вступилъ было во все правленіе г
дарственное, какъ бы быть первымъ министромъ, въ томъ над
ніи, что его величество къ нему естиму великую имѣлъ за
его прежнія показанныя службы во время царевны Софіи А
ксѣевны; также и для другой притчины, что оной князь Голиц
былъ другъ душевной генералу Лефорту, которой былъ велик
фаворитомъ у его величества. Однакожъ, помянутой князь Го
цынъ въ своемъ проектѣ весьма обманулся, и былъ тѣмъ прави
лемъ генеральнымъ нѣсколько дней, понеже былъ человѣкъ, пра
ума великаго, токмо погрѣшенія многія имѣлъ: первое, пилъ
престанно, и для того всѣ дѣла неглижировалъ; второе, вели
мздоимецъ, такъ что весь Низъ раззорилъ. Однакожъ, за его засл
великія его величество содержалъ его въ своей милости по смер
и нѣкоторые годы оставилъ ему въ правленіе, почитай суверан
весь Низъ. И когда его величество вступилъ самъ во все правле
государства и началъ уставливать новое опредѣленіе правле
тогда Низъ весь и оной приказъ отъ него, Голицына, взятъ.
опредѣлено править по губерніямъ и протчее, какъ о семъ буде
ниже пространнѣе писать.

Протчіе же министры, или судьи остались всякой въ свое
правленіи, токмо всѣ приналежали до Тихона Стрешнева, какъ
выше упомянули.

Въ тожъ время фаворъ къ Лефорту продолжался, токмо бы
для однихъ вечеринокъ и пировъ, а въ дѣлахъ оной Лефортъ си
не имѣлъ и не мѣшался, и правленія никакого не имѣлъ, то
имѣлъ чинъ адмирала и генерала отъ инфантеріи. И понеже бы

---

[1]) Эта замѣтка до характеристики Ромодановскаго писана авторомъ
другомъ мѣстѣ его записокъ, именно на 32—34 стр. рукописи; она являе
позднѣйшею вставкою кн. Б. И. Куракина. Ред.

къ слабаго ума и не капабель всѣхъ тѣхъ дѣлъ править по
чинамъ, то все управляли другіе вмѣсто его. Помянутой
ъ и денно и нощно былъ въ забавахъ, супе, балы, банкеты,
ная игра, дебошъ съ дамами, и питье непрестанное, оттого
ъ во время своихъ лѣтъ подъ пятьдесятъ.

въ тожъ время Александръ Меньшиковъ почалъ приходить
икую милость, и до такаго градуса взошелъ, что все госу-
правилъ почитай, и дошелъ до градуса фельдмаршала, и
ся отъ цесаря сперва графомъ имперскимъ, а потомъ вскорѣ
мъ, а отъ его величества дукомъ ижерскимъ. И токмо ему
у давалось на письмѣ и на словахъ свѣтлость. И былъ
ильной фаворитъ, что развѣ въ римскихъ гисторіяхъ нахо-
И награжденъ былъ такимъ великимъ богатствомъ, что при-
своихъ земель имѣлъ по полтораста тысячъ рублевъ, также
ихъ трезоровъ великое множество имѣлъ, а именно: въ ка-
ь считалось на полтора милліона рублей, а особливо знат-
щь имѣлъ—яхонтъ червщатой, великой цѣны по своей вели-
тяжелинѣ, и цвѣту которой считался токмо единъ въ
.

актеръ сего князя описать кратко: что былъ гораздо сред-
человѣкъ не ученой, ниже писать что могъ, кромѣ свое
кмо выучилъ подписывать, понеже былъ изъ породы самой
ниже шляхетства.

нифиценція житія его описана будетъ ниже, и всѣ его аван-
при полки счастливые и не счастливые.

ля самой конфиденціи къ своей персонѣ (царь Петръ Але-
ъ) всегда любилъ князя Ѳедора Юрьевича Ромодановс-
шутошнаго названнаго царя Плешпурхскаго, которому учи-
овой приказъ въ Преображенскомъ и далъ ему всѣ розыскныя
государственныхъ дѣлѣхъ, то-есть, что касается до его
й персоны, до бунтовъ и протчее, также и другія розыскныя
важныя дѣла. Также оной правилъ судомъ всю гвардію
аженскаго полку, также оному далъ власть: во время своего
съ Москвы и внѣ государства, какъ на прикладъ въ быт-
твою въ Голандіи, и въ Англіи, и въ Вѣнѣ, также и въ дру-
ытности править Москву, и всѣмъ бояремъ, и судьямъ при-
до него, Ромодановскаго, и къ нему съѣзжаться всѣмъ и
ать, когда онъ похочетъ.

другимъ образомъ опредѣлено было съѣзжаться на дворецъ
казъ Счетной, гдѣ сидѣлъ Никита Зотовъ, думной прежде

бывшей дьякъ, а потомъ думной дворянинъ, которой былъ учителемъ его величества писать.

О власти-же его, Ромодановскаго, упоминать еще будемъ, что приналежитъ до розысковъ, измѣны, доводовъ, до кого-бъ какой квалиты и лица женскаго полу или мужескаго не пришло, могъ всякаго взять къ розыску, арестовать, и розыскивать, и по розыску вершить.

И еще болѣе, ежели-бъ изъ фамиліи его величества есть какая притчина, на которую явилась, чтобъ касалася къ предосужденію самой его величества персоны, могъ-бы, взявъ, сослать въ монастырь. Оной же князь Ромодановской вѣдалъ монастырь дѣвичей, гдѣ царевна Софія, заключенная, сидѣла, и содержалъ ее въ великой крѣпости. И когда розыски самыя царевны Софіи были, то его величество самъ распрашивалъ ее въ присутствіи его, князя Ромодановскаго, и кромѣ его въ тѣхъ дѣлѣхъ никому конфиденціи не имѣлъ.

Оной-же имѣлъ власть къ своей собственной забавы всю его величества охоту соколью содержать на коштѣ дворцовомъ; и какъ въ лугахъ Коломенскихъ, такъ и въ другихъ мѣстѣхъ заказъ былъ тою охотою никому ѣздить. Сіе токмо чинилось для его одного. Оной-же имѣлъ власть, какъ изъ бояръ, такъ изъ другаго шляхетства, и изъ всякаго чину брать къ себѣ и содержать для своей забавы, понеже былъ человѣкъ характеру партикулярнаго, а именно: любилъ пить непрестанно, и другихъ поить, и ругать, и дураковъ при себѣ имѣлъ, и ссоривалъ, и приводилъ въ драку, и съ того себѣ имѣлъ забаву.

Кн. Б. И. Куракинъ.

1723 и 1727 гг.
Гага и Парижъ.

РАФЪ ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

Воспоминанія Евгенія Скайлера.

Eugene Schuyler, въ „Scribner's Magazine".

(Окончаніе).

VI.

стой глубоко оплакивалъ смерть Тургенева и, говоря объ его
, любящей натурѣ, скорбѣлъ, что писатель, столь художе-
ій въ высшемъ смыслѣ и столь преданный Россіи, долженъ
ровести лучшіе и зрѣлые годы заграницею, вдали отъ искрен-
рузей и вдали отъ собственнаго семейства.

„Это былъ независимый, до конца жизни, пытливый умъ, вы-
графъ Л. Н. Толстой о Тургеневѣ г. Данилевскому,—и я,
ря на нашу когда-то мимолетную размолвку, всегда высоко
его и горячо любилъ. Это былъ истинный, самостоятельный
икъ, не унижавшійся до сознательнаго служенія мимолет-
отребамъ минуты. Онъ могъ заблуждаться, но и самыя его
денія были искренни". (Данилевскій: „Поѣздка въ Ясную
").

огая Толстому приводить въ порядокъ его библіотеку, я
что собранію сочиненій Ауэрбаха было дано первое мѣсто
вой полкѣ, и, вынувъ два тома „Ein neues Leben", Толстой
мнѣ, чтобы я прочелъ ихъ, когда лягу спать, какъ весьма
гельную книгу, и прибавилъ:

„Этому писателю я былъ обязанъ, что открылъ школу для
крестьянъ и заинтересовался народнымъ образованіемъ. Когда

я во второй разъ вернулся въ Европу, я посѣтилъ Ауэрбаха, не называя себя. Когда онъ вошелъ въ комнату, я сказалъ только: „Я Евгеній Бауманъ“, и когда онъ показалъ сомнѣніе, я поспѣшилъ прибавить: „не дѣйствительно по имени, но по характеру“; и тогда я сказалъ ему кто я, какъ сочиненія его заставили меня думать и какъ хорошо они на меня подѣйствовали“.

Случай привелъ меня слѣдующею зимою провести нѣсколько дней въ Берлинѣ, гдѣ въ гостепріимномъ домѣ американскаго посланника Банкрофта я имѣлъ удовольствіе встрѣтить Ауэрбаха, съ которымъ во время моего пребыванія я хорошо познакомился. Въ разговорѣ о Россіи мы говорили и о Толстомъ, и я напомнилъ ему объ этомъ случаѣ.

— „Да, сказалъ онъ, — я всегда вспоминаю, какъ я испугался, когда этотъ странно глядѣвшій господинъ сказалъ мнѣ, что онъ Евгеній Бауманъ, потому что я боялся, что онъ будетъ грозить мнѣ за пасквиль или диффамацію“.

„Ein neues Leben“ естественнымъ образомъ подало намъ поводъ говорить о крестьянскихъ школахъ и вообще о крестьянскомъ сословіи, о результатахъ эмансипаціи. Графъ говорилъ мнѣ о крестьянской деревнѣ, прилегающей къ разрушеннымъ столбамъ большихъ воротъ парка.

„Дома были—бѣдныя одно-этажныя лачуги“—я выписываю изъ письма моего, писаннаго тогда изъ Ясной Поляны,—„выстроенныя вообще изъ бревенъ; каменные дома не считались теплыми [1]).

„Входъ былъ внутри двора, съ одной стороны котораго были сараи для скота и лошадей изъ плетеныхъ лозъ и покрытые соломою; съ другой стороны—дверь въ избу, которая обыкновенно состоитъ изъ одной комнаты въ два маленькія окна, каждое съ двойною рамою отъ холода. Здѣсь нѣтъ потолка и комната открыта къ покрывающей избу соломенной крышѣ. Полъ въ нѣкоторыхъ земляной, но бо́льшею частью кирпичный или деревянный. Большая кирпичная печь содержитъ тепло въ домѣ. Рѣдко здѣсь болѣе одного стула, но шероховатыя скамьи расположены по бокамъ комнаты и одинъ или два стола. За ширмами обыкновенно нѣчто въ родѣ кровати для хозяина дома и люлька—квадратная доска, висящая на перекладинѣ на четырехъ веревкахъ, привязанныхъ къ четыремъ концамъ и прикрѣпленныхъ узлами, похожая на чашку вѣсовъ. Здѣсь въ одномъ углу маленькая полка съ обычными образами, и маленькая лампада, горящая передъ ними. Кромѣ деревянной посуды,

[1]) Напечатано въ „Evening Post of New York“, 27 ноября 1868 г.

другой утвари. Семейства всегда большія, и люди спятъ на на скамьяхъ или на полу. Здѣсь въ обычаѣ, что молодые тые члены семейства спятъ въ сараяхъ или на дворѣ. Это сходитъ даже зимою, не смотря на то, что поутру они покрыты омъ. Крестьянскія избы въ этой части Россіи можетъ быть хуже ь другихъ. На сѣверѣ Россіи, гдѣ лѣсъ въ изобиліи, хотя тьяне въ настоящее время бѣднѣе, они имѣютъ бо́льшія и луч- избы и болѣе утвари. Всѣ крестьянскія избы, которыя я ви- на Волгѣ или даже на сто миль далѣе въ Самарской губер- гдѣ лѣсъ такъ рѣдокъ, что для топлива употребляютъ навозъ, раздо больше, обыкновенно въ двѣ или даже три комнаты; въ болѣе домашней утвари, и есть хорошіе рѣзные шкапы для зовъ и для глиняной посуды.

Однажды, вечеромъ, я посѣтилъ стараго крестьянина въ одной этихъ избъ. Комната была освѣщена лучиною или березовымъ омъ, который ярко горѣлъ. Это узенькая полоска дерева, при- ленная тремя гвоздями къ верхушкѣ деревяннаго бруска, а какъ каждая лучина горитъ не болѣе двухъ минутъ, то нькая дѣвочка должна безпрестанно перемѣнять ихъ. Пе- собирается въ глиняный сосудъ. Старуха ткала грубое льня- полотно грубою машиною. Старикъ чисто и ловко плелъ и или башмаки изъ липовой мочалы, какіе крестьяне обыкно- о употребляютъ. Всего интереснѣе было видѣть, какъ одинъ тьянинъ колотилъ шерсть. Онъ прикрѣпилъ къ стѣнѣ большую кую дугу, натянутую большою крѣпкою веревкою. Онъ дер- ъ веревку въ постоянномъ размахѣ, ударяя въ нее, т. е. въ шерсть, олымъ кускомъ дерева съ зарубинами и при каждомъ раз- веревка подхватывала и рвала шерсть, отбрасывая ее на въ видѣ бѣлоснѣжныхъ хлопковъ, какъ мыльная вода. Это такъ-же хорошо расчесано, какъ если-бы было сдѣлано ма- ою [1]). Это составляло предметъ ремесла этого крестьянина, ко- й ходилъ изъ дома въ домъ и наживалъ, можетъ быть, пол- рубля въ день, если работалъ постоянно. Приходъ шерсто- — настоящій праздникъ въ домѣ, потому что онъ обыкно- о веселый малый и поетъ подъ музыку своей тетивы. Зима умственный сезонъ для русскихъ крестьянъ, какъ и во ъ свѣтѣ. Они начинаютъ жечь свѣчи съ 15-го (27-го) сен- я, и съ этого времени они работаютъ по вечерамъ, въ то время

) Совершенно такой-же инструментъ употребляется въ Средней Азіи для нія хлопчатой бумаги. Авт.

какъ старухи разсказываютъ сказки, а молодые поютъ. Обыкновенно молодыя дѣвушки сходятся для пѣнія и пряденія; онѣ каждый вечеръ ходятъ изъ дома въ домъ. Въ этой избѣ былъ весьма умный мальчикъ лѣтъ 14-ти, который зналъ нѣчто объ Америкѣ и имѣлъ прекрасное начальное образованіе.

„Въ деревнѣ нѣтъ церкви, но на полдорогѣ отъ нея до деревни ближайшаго помѣщика есть красивая старая церковь во имя св. Николая Муравейника, отъ чудотворной иконы св. Николая, найденной будто-бы въ муравейникахъ въ сосѣдствѣ. Мнѣ говорили, что попъ не имѣетъ рѣшительно никакого вліянія на свою паству. Крестьяне набожны, но почитаютъ болѣе помѣщиковъ, чѣмъ священниковъ, и подчиняются вліянію обоихъ на добро и зло. Здѣсь, какъ и во всѣхъ деревняхъ, близкихъ къ большой дорогѣ, нравственность не хороша. Женщины рано развращены проходящими солдатами. Что касается до пьянства, оно ни хуже, ни лучше, чѣмъ въ другихъ. Мужчины почти всѣ ямщики и извозчики и имѣютъ недостатки этого сословія. Поэтому вся земля обработывается бо́льшею частью женщинами.

„Я спросилъ графа Толстого, что онъ думаетъ о вліяніи на народъ эмансипаціи? Онъ отвѣтилъ, что онъ былъ одинъ изъ поддерживавшихъ эту мѣру и одинъ изъ исполнителей—мировой посредникъ—но что теперь (1868 г.) онъ думаетъ, что мѣра эта принята слишкомъ рано, что она принята только по обсужденіи теоретиками, а не какъ въ западной Европѣ, по требованію народа или по необходимости обстоятельствъ. На сколько дѣло идетъ до матеріальнаго положенія крестьянъ, онъ полагаетъ, что эмансипація была вредна. Онъ всегда судилъ о благосостояніи деревни по количеству скота, и всегда считалъ его, когда проѣзжалъ по деревнѣ, и что онъ всегда замѣчалъ, что число это постоянно уменьшалось. Крестьяне его имѣютъ три десятины земли на душу въ общемъ владѣніи, за которыя платится по три рубля съ десятины подати. Имъ предоставлено право выкупить эту землю по 50 руб. за десятину и даже могутъ купить за 30 руб.; но, насколько ему извѣстно, ни одинъ крестьянинъ въ его уѣздѣ не пріобрѣлъ земли и не поселился на ней, какъ въ другихъ деревняхъ, хотя многіе изъ нихъ не имѣютъ недостатка въ средствахъ. Крестьяне рады работать какъ можно менѣе и предпочитаютъ проводить бо́льшую часть времени въ кабакахъ. Къ несчастію, около самаго времени эмансипаціи, цѣны на водку были очень понижены, и это увеличило пьянство. Нынѣ предлагаютъ вновь поднять цѣны и ограничить свободу торговли виномъ".

Такъ какъ романъ Ауэрбаха въ особенности направилъ мысли Толстого на предметъ народнаго образованія, то въ открытіи школы

гласовался только съ духомъ времени — филантропія тогда
ь модѣ—для удовлетворенія своихъ собственныхъ личныхъ
й дѣлать добро,—желаній, общихъ всѣмъ либеральнымъ лю-
ь тотъ періодъ эмансипаціи. Въ 1862 году, въ этомъ ма-
ѣ уѣздѣ, имѣющемъ около 10 тысячъ жителей, было 14
хъ школъ, кромѣ 10 маленькихъ, гдѣ преподавали церков-
ужители или старые солдаты, или которыя были просто
тей дворовыхъ различныхъ имѣній.

ованная Толстымъ школа помѣщена въ двухъ-этажномъ камен-
омѣ въ его имѣніи, отдѣленномъ отъ деревни маленькимъ
ъ. Она была открыта утромъ и вечеромъ и имѣла среднимъ
около 40 учениковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ; нѣкоторые
или издалека, даже изъ другихъ деревень, привлекаемые
то ученіе было свободное и что школа пользовалась хорошею
іею. Въ послѣдній ея годъ было четыре учителя, но Толстой
мъ училъ,—одно время онъ проводилъ тамъ всѣ свои вечера,—
у языку и особенно библейской исторіи, пѣнію и рисованію,
къ онъ тогда страстно любилъ музыку и искусство. Школа
цвѣтала около трехъ лѣтъ и умерла естественною смертью,
ько отъ недостатка интереса со стороны Толстого, какъ отъ
каждый ребенокъ въ деревнѣ, имѣвшей только 150 жителей,
лся читать и писать и пріобрѣталъ всѣ другія знанія, кото-
ались достаточными для хозяйства, а новыхъ учениковъ не
ось довольно, чтобы стоило содержать школу. Годъ школа
ла и была потомъ закрыта; кажется, вслѣдствіе нѣкотораго
аго толкованія циркуляра министра народнаго просвѣщенія,
школы запрещено было открывать, если число учениковъ
неудовлетворяющимъ правительство.

вязи съ этою школою Толстой издавалъ маленькій журналъ,
званіемъ „Ясная Поляна“, въ которомъ онъ описывалъ какъ
школу, такъ и принятую въ ней методу преподаванія; также
его на образованіе вообще и образцы сочиненій и темъ
никовъ. Журналъ этотъ, коего экземпляръ онъ отыскалъ и
ѣ, теперь сдѣлался рѣдкостью; но нѣкоторыя части его
съ статьями, напечатанными въ двухъ журналахъ, нынѣ
ы въ четвертомъ томѣ собранія его сочиненій. Три статьи,
ющія школу въ ноябрѣ и декабрѣ 1862 г., переведены по
ски и весьма заслуженно читаются даже тѣми, которые
е интересуются образованіемъ, потому что онѣ содержатъ
описанія дѣтей и жизни въ русской деревнѣ и схожи съ луч-
манами Толстого. Здѣсь есть также интересныя статьи, болѣе

длинныя, которыя еще не переведены, но болѣе потому, что онѣ бросаютъ свѣтъ на развитіе характера Толстого, чѣмъ потому, что онъ или другіе говорятъ объ образованіи русскихъ крестьянъ, имѣющемъ менѣе значенія для насъ, живущихъ въ совершенно отличномъ фазисѣ цивилизаціи [1]).

Школа Толстого было свободна во многихъ отношеніяхъ, потому что не было никакого покушенія вводить порядокъ или дисциплину.

---

[1]) Толстой въ своей „Исповѣди" нисколько не тотъ-же самый въ отношеніи самого себя, какъ въ отношеніи своего школьнаго дѣла. Онъ говоритъ: „Вернувшись изъ заграницы, я поселился въ деревнѣ и попалъ на занятіе крестьянскими школами. Занятіе это было мнѣ особенно по сердцу, потому что въ немъ не было той, ставшей для меня очевидною, лжи, которая мнѣ уже рѣзала глаза въ дѣятельности литературнаго учительства. Здѣсь я тоже дѣйствовалъ во имя прогресса, но я уже относился критически къ самому прогрессу. Я говорилъ себѣ, что прогрессъ въ нѣкоторыхъ явленіяхъ своихъ совершался неправильно и что вотъ надо отнестись къ первобытнымъ людямъ, крестьянскимъ дѣтямъ, совершенно свободно предлагая имъ избрать тотъ путь прогресса, который они захотятъ. Въ сущности-же, я вертѣлся все около одной и той-же неразрѣшенной задачи, состоящей въ томъ, чтобы учить, не зная чему. Въ высшихъ сферахъ литературной дѣятельности я понялъ, что нельзя учить, не зная чему учить, потому что я видѣлъ, что всѣ учатъ различному, и спорами между собою скрываютъ только сами отъ себя свое познаніе; здѣсь-же съ крестьянскими дѣтьми я думалъ, что можно обойти эту трудность тѣмъ, чтобы предоставить дѣтямъ учиться, чему они хотятъ. Теперь мнѣ смѣшно вспомнить, какъ я вилялъ, чтобы исполнить свою похоть—учить, хотя очень хорошо зналъ въ глубинѣ души, что я не могу ничему учить такому, что нужно, потому что самъ не знаю, что нужно. Послѣ года, проведеннаго въ занятіяхъ школою, я другой разъ поѣхалъ заграницу, чтобы тамъ узнать, какъ-бы это такъ сдѣлать, чтобы самому ничего не зная, умѣть учить другихъ.

„И мнѣ казалось, что я этому выучился заграницею, и, вооруженный всею этою премудростью, я, въ годъ освобожденія крестьянъ, вернулся въ Россію и, занявъ мѣсто посредника, сталъ учить и необразованный народъ—въ школахъ, и образованныхъ людей—въ журналѣ, который началъ издавать. Дѣло, казалось, шло хорошо, но я чувствовалъ, что я не совсѣмъ умственно здоровъ и долго это не можетъ продолжаться. И я-бы тогда-же можетъ быть пришелъ къ тому отчаянію, къ которому я пришелъ въ пятнадцать лѣтъ, если-бы у меня не было еще одной стороны жизни, неизвѣданной еще мною и обѣщавшей мнѣ спасеніе: это была семейная жизнь.

„Въ продолженіи года я занимался посредничествомъ, школами и журналомъ, и такъ измучился, отъ того особенно, что запутался, такъ мнѣ тяжела стала борьба по посредничеству, такъ смутно проявлялась дѣятельность моя въ школахъ, такъ противно мнѣ стало мое вліяніе въ журналѣ, состоявшее все въ одномъ и томъ-же—въ желаніи учить всѣхъ и скрыть то, что я знаю, чему учить, что я заболѣлъ болѣе духовно, чѣмъ физически, бросилъ все и поѣхалъ въ станъ къ башкирамъ — дышать воздухомъ, пить кумысъ и жить животною жизнью.

еподавались только такіе предметы, которые интересовали
ковъ и только насколько этотъ интересъ продолжался. Боль-
вопросомъ по его мнѣнію было: чему можно учить и какъ
?

Въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ мнѣ помогалъ родъ педа-
ескаго такта, какой я имѣлъ особенно вслѣдствіе моей рев-
къ дѣлу.

Войдя тотчасъ въ самыя тѣсныя личныя сношенія съ сорока
ькими людьми, составлявшими мою школу (я называю ихъ
ькими людьми, потому что нашелъ въ нихъ тѣ-же самыя черты
щательность и большое знаніе практичной жизни, веселость,
оту, прямую скороспѣлость, присущія вообще русскимъ крестья-
); усматривая ихъ впечатлительность и готовность пріобрѣсти
аніе, которое имъ нужно, я немедленно почувствовалъ, что
е церковное ученіе отжило свой вѣкъ и не послѣдовалъ ему.
ѣ этого я пробовалъ методы, предлагаемые педагогическими
елями, особенно нѣмецкими, и нашелъ, что они не годятся, и
болѣе—особенно, гдѣ старались учить наглядно или по слуху—
не по вкусу ученикамъ, которые часто надъ этимъ смѣялись.
ужденіе было противно моему взгляду, и поэтому, когда я
дилъ, что предметъ не нравится, я искалъ нѣчто такое, чему
ики были рады учиться. Въ то-же время я испытывалъ, какимъ-бы
ъ лучше обучить даже этимъ предметамъ. Тѣ, которые лично
и мою школу, одобряли и примѣняли нѣкоторыя изъ моихъ
аженій, кои я иногда обнаруживалъ весьма пространно въ

Вернувшись оттуда, я женился. Новыя условія счастливой семейной
совершенно уже отвлекли меня отъ всякаго исканія общаго смысла
. Вся жизнь моя сосредоточилась за это время въ семьѣ, въ женѣ, въ
ъ, а потому—въ заботахъ объ увеличеніи средствъ жизни. Стремленіе
овершенствованію, подмѣненное уже прежде, къ усовершенствованію
е, къ прогрессу, теперь подмѣнилось уже прямо стремленіемъ къ тому,
мнѣ съ семьею было какъ можно лучше.

Такъ прошло еще пятнадцать лѣтъ.

Не смотря на то, что я считалъ писательство пустяками въ продолженіи
15 лѣтъ, я все-таки продолжалъ писать. Я вкусилъ уже соблазна писа-
ва, соблазна огромнаго денежнаго вознагражденія и рукоплесканій за
жный трудъ и предавался ему, какъ средству къ улучшенію своего мате-
ьнаго положенія и заглушенію въ душѣ всякихъ вопросовъ о смыслѣ
моей и общей.

И писалъ, поучая тому, что для меня было единою истиною, что надо
такъ, чтобы самому съ семьею было какъ можно лучше".

аковымъ описывалъ себя гр. Л. Н. Толстой, какимъ онъ былъ въ то
, когда я посѣтилъ его въ „Ясной Полянѣ". Авт.

основанномъ мною съ этою цѣлью журналѣ. Но я долженъ сознаться, что мнѣ надоѣло—я былъ тогда моложе—не столько то, что мои идеи не принимались, какъ то, что тѣ, которые были оффиціально призваны къ интересамъ образованія, не считали достойнымъ возражать, а обращались къ нимъ съ полнымъ равнодушіемъ".

При обсужденіи методъ преподаванія, Толстой указалъ на три начала, какъ основныя: „учитель всегда невольнымъ образомъ при преподаваніи употребляетъ ту методу, которая ему самому болѣе удобна. Болѣе удобная для учителя, всегда менѣе удобная для учениковъ. Единственно хорошая метода та, которая удовлетворяетъ учениковъ".

Что всегда особенно озабочивало его и занимало его вниманіе, —было найти лучшую методу для обученія дѣтей чтенію. Онъ много разспрашивалъ меня о новыхъ методахъ, употребляемыхъ въ Америкѣ, и по его просьбѣ, я могъ доставить ему—я думаю, благодаря любезности г. Гаррисона, изъ „Nation"—хорошій выборъ американскихъ начальныхъ и элементарныхъ способовъ обученія чтенію. Въ одномъ изъ нихъ я помню, что произношеніе различныхъ гласныхъ и нѣкоторыхъ согласныхъ было представлено наглядно буквами, въ общемъ видѣ похожими на обыкновенныя буквы, но съ особенными отличительными перемѣнами, которыя тотчасъ бросались въ глаза. Эти книги Толстой пробовалъ примѣнить при изготовленіи своей азбуки, на что онъ употребилъ много времени, но изданіе или употребленіе которой въ школахъ было запрещено министромъ народнаго просвѣщенія.

Толстой не одобрялъ экзаменовъ или даже индивидуальныхъ повтореній, по крайней мѣрѣ, для русскихъ крестьянскихъ дѣтей. Онъ, казалось, предпочиталъ нѣчто схожее съ арабскою и вообще восточною методою для всѣхъ учениковъ, повторяющихъ вмѣстѣ. Усилія его при обученіи исторіи и географіи были вполнѣ недостаточны, какъ мало успѣха имѣлъ онъ отъ употребленія руководствъ Петра Парлеа, переведенныхъ на русскій языкъ 15 лѣтъ тому назадъ. Разсказывая исторію и взывая къ русскимъ патріотическимъ чувствамъ, которыя скоро доводили до тревоги, „такъ-же, говорилъ онъ, какъ и общее правило, я не вижу надобности обучать мальчика исторіи и географіи, до поступленія его въ университетъ, и въ этомъ я вижу большой вредъ. Послѣ, не знаю". Одно исключеніе онъ дѣлалъ для священной исторіи и вообще Библіи, особенно ветхаго завѣта. Не могу отказать себѣ въ приведеніи заключенія одного изъ интереснѣйшихъ мѣстъ его отчета о Библіи:

„Для того, чтобы ученикъ могъ отдаться весь учителю, нужно

ть ему одну сторону того покрова, который скрывалъ отъ него елесть того міра мысли, знанія и поэзіи, въ который должно его ученье... Какія-же средства имѣемъ мы для того, чтобы ть передъ учениками этотъ край завѣсы?... Какъ я говорилъ, я ъ, какъ и многіе думаютъ, что находясь самъ въ томъ мірѣ, торый мнѣ надо ввести учениковъ, мнѣ легко будетъ это сдѣ- и я училъ грамотѣ, я объяснялъ явленія природы, я разска- ъ, какъ въ азбучкахъ, что плоды ученья сладки,—но ученики рили мнѣ и все чуждались. Я попробовалъ читать имъ Библію, лнѣ завладѣлъ ими. Край завѣсы былъ поднятъ, и они отда- мнѣ совершенно. Они полюбили книгу, и ученье, и меня. Мнѣ алось только руководить ими дальше... Можетъ быть, это была йность. Можетъ быть, начавъ другимъ способомъ, въ другой ъ, достигнуты были-бы тѣ-же результаты. Можетъ быть; но слу- сть эта повторялась слишкомъ неизмѣнно во всѣхъ школахъ и ѣхъ семьяхъ, и объясненіе этого явленія слишкомъ для меня чтобы я согласился признать его случайностью. Для того, открыть ученику новый міръ и безъ знанія заставить его по- ть знаніе, нѣтъ книги, кромѣ Библіи. Я говорю даже для которые не смотрятъ на Библію, какъ на откровеніе. Нѣтъ, райней мѣрѣ, я не знаю произведенія, которое-бы соединяло бѣ въ столь сжатой поэтической формѣ всѣ тѣ стороны человѣ- й мысли, какія соединяетъ въ себѣ Библія. Всѣ вопросы изъ ній природы объяснены этою книгою, всѣ первоначальныя отно- людей между собою, семьи, государства, религіи,—въ первый сознаются по этой книгѣ. Обобщеніе мыслей, мудрость, въ ги-простой формѣ, въ первый разъ захватываетъ своимъ обая- умъ ученика. Лиризмъ псалмовъ Давида дѣйствуетъ не только мы взрослыхъ учениковъ, но, сверхъ того, каждый изъ этой и въ первый разъ узнаетъ всю прелесть эпоса въ неподражае- простотѣ и силѣ. Кто не плакалъ надъ исторіею Іосифа и чею его съ братьями, кто съ замираніемъ сердца не разсказы- исторію связаннаго и остриженнаго Самсона, который, отмщая мъ, самъ гибнетъ, казня враговъ, подъ развалинами раз- ннаго дворца, и еще сотни другихъ впечатлѣній, которыми оспитаны, какъ молокомъ матери?... Пускай тѣ, которые отри- ь воспитательное значеніе Библіи, которые говорятъ, что Библія ла,—пускай они выдумаютъ такую книгу, такіе разсказы, объ- ющіе явленія природы или изъ общей исторіи, или изъ вообра- и, которые-бы воспринимались такъ-же, какъ библейскіе,—и мы согласимся, что Библія отжила... Я повторяю свое, выве-

денное, можетъ быть, изъ односторонняго опыта, убѣжденіе. Безъ Библіи немыслимо въ нашемъ обществѣ, такъ-же, какъ не могло быть мыслимо безъ Гомера въ греческомъ обществѣ, развитіе ребенка и человѣка... Простонародный переводъ Библіи былъ-бы лучшая народная книга. Появленіе такого перевода въ наше время составилобы эпоху въ исторіи русскаго народа".

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о способѣ заставить дѣтей любить ученіе, и какъ ихъ чувства постепенно вліяютъ на ихъ семейства, онъ пишетъ:

„Одинъ отецъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ цѣлую свѣчу разъ сжегъ, держа ее надъ книгою сына, и очень хвалилъ и сына, и книгу. Это было Евангеліе".

Въ учебныхъ сочиненіяхъ Толстого, изъ коихъ большая часть написаны въ 1862 г., есть случайный параграфъ, предзнаменующій послѣдній фазисъ гр. Толстаго, и въ одной статьѣ, написанной не позже 1865 г., онъ сознается, что онъ придерживается всего того, что говорилось ранѣе. Таковы, между прочимъ:

„...Можетъ быть и то, что народъ не понимаетъ и не хочетъ понимать нашего литературнаго языка, потому что нечего ему понимать, потому что вся наша литература для него не годится и онъ выработываетъ самъ для себя свою литературу".

Кромѣ того, разбирая вопросъ, нужно-ли учить крестьянъ искусству, онъ говоритъ: „Каждое дитя народа имѣетъ точно такія-же права—что я говорю?—еще большія права на наслажденія искусствомъ, чѣмъ мы, дѣти счастливаго сословія, не поставленныя въ необходимость того безустаннаго труда, окруженныя всѣми удобствами жизни.

Лишить его права и наслажденія искусствомъ, лишить меня, учителя, права ввести его въ ту область лучшихъ наслажденій, въ которую всѣми силами души просится все его существо,—еще бо́льшая безсмыслица. Я пришелъ къ убѣжденію, что все, что мы сдѣлали по этимъ двумъ отраслямъ, все сдѣлано по ложному, исключительному пути, не имѣющему значенія, не имѣющему будущности и ничтожному въ сравненіи съ тѣми требованіями и даже произведеніями тѣхъ-же искусствъ, образчики которыхъ мы находимъ въ народѣ. Я убѣдился, что лирическое стихотвореніе, какъ напримѣръ: „Я помню чудное мгновенье", произведенія музыки, какъ послѣдняя симфонія Бетховена,— не такъ безусловно и всемірно хороши, какъ пѣсня о „Ванькѣ Ключникѣ" и напѣвъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ": что Пушкинъ и Бетховенъ нравятся намъ не потому, что въ нихъ есть абсолютная красота, но потому, что мы такъ-же испорчены, какъ

нъ и Бетховенъ, потому что Пушкинъ и Бетховенъ одина-
ьстятъ нашей уродливой раздражительности и нашей сла-

VII.

гда я гостилъ цѣлую недѣлю въ Ясной Полянѣ, я надѣялся
еніи вечеровъ говорить о моемъ путешествіи по Волгѣ и раз-
ь, какъ я былъ призванъ въ Казань генераломъ Юшковымъ,
гр. Толстого, къ которому онъ любезно далъ мнѣ письмо.
къ участвовалъ въ кампаніи 1812 г., бывши уже генераломъ, хотя
дымъ человѣкомъ, и графъ говорилъ мнѣ, что я, можетъ быть,
у отъ него нѣкоторые разсказы о Бородинскомъ сраженіи,
ступленіи французовъ, и какой видъ имѣла Москва послѣ
ого пожара. Толстой, вѣроятно, воспользовался нѣкоторыми изъ
зовъ Юшкова для „Войны и мира". Итакъ, я объяснилъ, что
въ этомъ родѣ не слыхалъ; въ Казани я былъ принятъ въ
хорошемъ и зажиточномъ домѣ, и подалъ мою визитную кар-
и рекомендательное письмо слугѣ, который, возвратившись,
ъ меня немного подождать. Пока я ждалъ, я замѣтилъ, что
, еще не распечатанное, положено на стулъ. Наконецъ, во-
генералъ, старый, но крѣпкаго сложенія и съ выраженіемъ
ой доброты и симпатіи. Онъ просилъ меня сѣсть, самъ сѣлъ,
ѣ нѣсколькихъ словъ, сказалъ:
ы привезли мнѣ, я полагаю, письмо отъ моего племянника
Гдѣ оно?
„Я думаю, что вы на немъ сидите.
ъ всталъ, нашелъ письмо и, протягивая его мнѣ, сказалъ:
удьте такъ добры прочесть мнѣ его. Я совершенно слѣпъ".
ложеніе было неловкое, но этому нельзя было помочь, хотя
было весьма лестно и благосклонно ко мнѣ; я счелъ долгомъ
тить цѣлый параграфъ. Теперь я сожалѣю, что вмѣсто того,
отдать его старику, я не положилъ его въ карманъ и не
илъ на память. Въ другой комнатѣ были два фортепіано, и
ѣтъ на нѣкоторые вопросы генералъ сказалъ мнѣ, что онъ
былъ страстный любитель музыки, почему онъ училъ всѣхъ
дѣтей играть и пѣть, но что теперь онъ старъ и слѣпъ и
дятъ въ Петербургъ на всю зиму и всѣ оставляютъ его од-
Я уговорилъ его сыграть что-нибудь на память изъ Бетхо-
Моцарта; потомъ мы пошли въ садъ и сидѣли на солнцѣ,

и въ теченіи двухъ часовъ, проведенныхъ мною у него, онъ сказалъ мнѣ много интереснаго, но не то, что мнѣ было нужно

На слѣдующее утро, въ 4 часа, послѣ передачи мною этого сказа графу Толстому, я былъ разбуженъ какимъ-то шумомъ въ ридорѣ, когда внезапно дверь моей спальни отворилась, и пола что по какой-то необъяснимой причинѣ слуга вошелъ, чтобы ра дить меня, я крикнулъ: „Что такое?“ Дверь заперлась и я услыш голосъ, по-французски: „Илья, въ кровати моей человѣкъ!“ Д вновь отворилась и какой-то господинъ появился со свѣчею въ р и спросилъ: „Сережа! это ты?“—„Нѣтъ, отвѣчалъ я,—я гость этомъ домѣ“. Онъ засмѣялся, извинился и ушелъ; чуткость моя т была такъ сильна, что я слышалъ распоряженіе, что „она-де пой въ гостиную и будетъ спать на диванѣ, покуда семейство наве она пока можетъ лечь на диванѣ въ кабинетѣ графа“. Я н дленно сообразилъ, въ чемъ вся сущность. Я занималъ комнату Юшковой, тетки графа, и былъ приглашенъ оставаться тамъ о недѣли, до ея возвращенія. Она вернулась нечаянно, не п варивъ о томъ, и привезла съ собою подругу. Такъ какъ дв въ русскихъ деревенскихъ домахъ рѣдко запираются на ночь, пріѣхали, не подозрѣвая, что разбудятъ кого-либо другаго.

Я узналъ истину, когда Иванъ принесъ мнѣ утренній чай, тотчасъ-же уложилъ свои вещи, чтобы быть готовымъ уѣхать тотъ-же день. Когда я сошелъ внизъ въ 11 ч., къ утреннему к я нашелъ въ гостиной г-жу Юшкову одну и долженъ былъ п ставиться самъ. Очевидно, ей разсказали,—можетъ быть, для ясненія случившагося,—мою исторію прошедшей ночи, потому она улыбнулась и сказала:

— „Такъ вы были въ Казани прошедшею весною и видѣли его мужа, который вамъ говорилъ, что онъ совсѣмъ слѣпъ. Увѣ васъ, что въ этомъ нѣтъ ни слова правды. Онъ видитъ такъ хорошо, какъ вы и я. Это только одна изъ его привычекъ казат интереснымъ“.

Я утверждалъ, что, по моему мнѣнію, онъ, дѣйствительно, сл но не могъ убѣдить ее. Гр. Толстой впослѣдствіи говорилъ что хотя она находится въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ мужемъ), она давно уже въ разлукѣ съ мужемъ и не видала нѣсколько лѣтъ. Я увѣрился, что въ послѣднее время онъ ее видѣлъ.

Утро было темное и дождливое, но послѣ показалось солнц посторонній господинъ, который выдавалъ себя за стараго д семейства и съ которымъ жила г-жа Юшкова, довезъ меня до Т

мы и обмѣнивались иногда письмами, гр. Толстой не пріѣзъ въ Москву во время моего тамъ пребыванія, такъ что это въ послѣдній разъ, когда я его видѣлъ.

Послѣсловіе.

удя по прошедшему, мнѣ никогда не казалось, чтобы были - либо причины думать, что настоящій фазисъ мистическо-іознаго энтузіазма, черезъ который проходитъ гр. Толстой, ржится всю его жизнь или чтобы онъ былъ навѣки потерянъ, итературы. Бо́льшая часть посѣтившихъ его иностранцевъ вшихъ свои впечатлѣнія, болѣе интересовались его соціальными игіозными теоріями, чѣмъ русскою литературою. Поэтому пріятно въ разсказѣ романиста Г. П. Данилевскаго, посѣтившаго о Поляну осенью 1886 г., что гр. Толстой не настолько измѣнъ во всемъ противъ того, чѣмъ онъ былъ прежде, и что стадругу онъ готовъ высказать весь интересъ къ искусству и атурѣ, который имъ овладѣваетъ.

риведу нѣкоторые отрывки:

Бесѣду съ графомъ о прошломъ и настоящемъ прерываетъ, вбѣгая, ивая, рыжая, лягавая собака. Она ложится у ногъ хозяина.

— Это не Ласка? спрашиваю я, вспоминая Анну Каренину.

— Нѣтъ, та пропала; эта охотится съ моимъ старшимъ сыномъ.

— А вы сами охотитесь?

— Давно бросилъ, хотя хожу по окрестнымъ полямъ и лѣсамъ ый день... Какое наслажденіе отдыхать отъ умственныхъ занятій остымъ физическимъ трудомъ! Я ежедневно, смотря по времени копаю землю, рублю или пилю дрова, работаю косою, рубанили инымъ инструментомъ.

Я вспомнилъ объ ящикѣ съ сапожными колодками, подъ окномъ ной графа.

— А работа съ сохой! продолжалъ графъ;—вы не повѣрите, за удовольствіе пахать! Не тяжкій искусъ, какъ многимъ тся,—чистое наслажденіе! Идешь, поднимая и направляя соху, замѣтишь, какъ ушелъ часъ, другой и третій. Кровь весело ливается въ жилахъ, голова свѣтла, ногъ подъ собой не чуешь, летитъ потомъ, а сонъ? Если вы не устали, не хотите-ли пока, бѣда, прогуляться, поискать грибовъ? Недавно здѣсь перепали и: должны быть хорошіе бѣлые грибы.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ я.

Графъ надѣлъ свою круглую мягкую шляпу и взялъ лукошко;

я тоже надѣлъ шляпу и выбралъ одну изъ палокъ за этажеркой
Мы, безъ пальто, вышли съ передняго крыльца, невдали отъ кото
раго, у воротъ на черный дворъ, стоялъ станокъ для гимнастики.

„— Это также для васъ? спросилъ я графа, указывая на станокъ

„— Нѣтъ, это для младшихъ моихъ дѣтей; у меня здѣсь другія
упражненія, отвѣтилъ онъ, поглядывая за ворота, гдѣ виднѣлась
груда свѣже-нарубленныхъ дровъ.

„Не удивительно, что при постоянномъ физическомъ трудѣ, графъ
такъ сохранилъ свое здоровье. Этому въ значительной степени по
могло и то обстоятельство, что большую часть своей жизни Л. Н. Тол
стой провелъ въ деревнѣ. Лишившись въ ранніе годы матери, урож
денной княжны Волконской, онъ девяти лѣтъ отъ роду, въ 1837 году
былъ увезенъ въ Москву, въ домъ бабки, потомъ опять жилъ в
деревнѣ, въ 1840 году поступилъ въ казанскій университетъ, гд
былъ по восточному, затѣмъ по юридическому факультетамъ, съ 185
по 1855 годъ провелъ въ военной службѣ на Кавказѣ, на Дунаѣ
и въ Севастополѣ, и съ 1861 года почти безвыѣздно живетъ в
Ясной Полянѣ. Изъ 57 лѣтъ онъ, слѣдовательно, болѣе 35 лѣтъ
провелъ въ деревнѣ.

„Пройдя черезъ смежный съ усадьбою, молодой плодовый садъ
насаженный графомъ, мы вышли въ поле и направились въ ближній
лѣсъ. Отъ этого лѣса, за небольшимъ ручьемъ, виднѣлись другіе
лѣски и поляны. Отъ одной лѣсной чащи, то взгорьемъ, то долинкою
мы переходили къ другой, останавливаясь и разговаривая. Солнце
выглянуло и опять спряталось за легкія пушистыя облачка. Свѣжій
воздухъ былъ напоенъ лиственнымъ, влажнымъ запахомъ. Золотив
шійся листъ медленно сыпался съ деревьевъ. Ни одна вѣтка не
шелохнулась въ безвѣтренной тишинѣ.

„Я шелъ рядомъ съ графомъ, любуясь его легкою походкою
живостью его рѣчи, и простотою и прелестью всей его такъ сохра
нившейся, могучей природы. „Боже мой, думалъ я, глядя на него
и слушая его,—его прославили потеряннымъ для искусства, мрач
нымъ, сухимъ отшельникомъ и мистикомъ... Посмотрѣли-бы на этого
мистика!“

„Графъ съ сочувствіемъ говорилъ объ искусствѣ, о родной лите
ратурѣ и ея лучшихъ представителяхъ.

„Коснувшись Гоголя, котораго Л. Н. въ своей жизни никогда не
видѣлъ, и нынѣ живущихъ писателей, Гончарова, Григоровича и
болѣе молодыхъ, графъ заговорилъ о литературѣ для народа.

„— Болѣе тридцати лѣтъ назадъ, сказалъ Л. Н.,—когда нѣко
торые нынѣшніе писатели, въ томъ числѣ и я, начинали только

ъ, — въ стомилліонномъ русскомъ государствѣ грамотные
ись десятками тысячъ; теперь, послѣ размноженія сельскихъ
дскихъ школъ, они, по всей вѣроятности, считаются милліо-
И эти милліоны русскихъ грамотныхъ стоятъ передъ нами,
олодные галчата, съ раскрытыми ртами, и говорятъ намъ:
а родные писатели, бросьте намъ въ эти рѣты достойной васъ
умственной пищи; пишите для насъ, жаждущихъ живаго
турнаго слова; избавьте насъ отъ все тѣхъ-же лубочныхъ Ерусь Лазаревичей, Милордовъ Георговъ и прочей рыночной пищи.
й и честный русскій народъ стоитъ того, чтобы мы отвѣтили
зывъ его доброй и правдивой души. Я объ этомъ много
, и рѣшился, по мѣрѣ силъ, попытаться на этомъ поприщѣ".

. . . . . .

ы стали возвращаться изъ лѣса, гдѣ графъ разсчитывалъ найти
хорошихъ бѣлыхъ грибовъ и гдѣ они уже отошли.

– Какъ тепло и какъ пахнетъ листвою! сказалъ онъ, подходя
хому, полуразрушенному мостику черезъ узкій ручей; — удиная сила непосредственныхъ впечатлѣній отъ природы. И какъ
лю и цѣню художниковъ, черпающихъ все свое вдохновеніе
ого могучаго и вѣчнаго источника! Въ немъ единая сила и
.

ри этихъ словахъ графа, я вспомнилъ его разсказъ „Севастополь
ѣ, 1855 г." „Герой моей повѣсти, сказалъ въ заключеніе
разсказа Л. Н.,—котораго я люблю всѣми силами души, кототарался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда
есть и будетъ прекрасенъ—правда".

Мы разговорились о различныхъ художественныхъ пріемахъ въатурѣ, живописи и музыкѣ.

– Недавно мнѣ привелось прочесть одну книгу, сказалъ,
прочимъ, графъ Л. Н., останавливаясь передъ бревнышками,
инутыми черезъ ручей;—это были стихотворенія одного умермолодаго испанскаго поэта. Кромѣ замѣчательнаго дарованія
писателя, меня заняло его жизнеописаніе. Его біографъ прилъ разсказъ о немъ старухи, его няни. Она, между прочимъ,
евогою замѣтила, что ея питомецъ нерѣдко проводилъ ночи
сна, вздыхалъ, произносилъ вслухъ какія-то слова, уходилъ при
дѣ въ поле, къ деревьямъ, и тамъ оставался по цѣлымъ часамъ.
жды, ночью, ей даже показалось, что онъ сошелъ съ ума.
дой человѣкъ всталъ, пріодѣлся впотьмахъ и пошелъ къ ближколодезю. Няня за нимъ. Видитъ, что онъ вытащилъ ведромъ
и сталъ ее понемногу выливать на землю, вылилъ, снова

зачерпнулъ и опять сталъ выливать. Няня въ слезы: „спятилъ малый съ ума“. А молодой человѣкъ это продѣлывалъ съ цѣлью—ближе видѣть и слышать, какъ въ тихую ночь, при лунномъ сіяніи, льются и плещутся струйки воды. Это ему было нужно для его новаго стихотворенія. Онъ въ этомъ случаѣ провѣрялъ свою память и запонившіяся въ нее поэтическія впечатлѣнія тою-же природою, какъ живописцы, въ извѣстныхъ случаяхъ, прибѣгаютъ къ пособію натурщиковъ, которыхъ они ставятъ въ нужныя положенія и одѣваютъ въ необходимыя одежды. Читая своихъ и чужихъ писателей, я невольно чувствую, кто изъ нихъ вѣренъ природѣ и взятой имъ задачѣ, и кто фальшивитъ. Иного моднаго и расхваленнаго, особенно изъ иностранныхъ, не одолѣешь, съ первой страницы, какъ ни усиливаешься. Даже угроза тѣлеснымъ наказаніемъ, кажется, не могла бы заставить меня прочесть иного автора...

„Вотъ и домъ. Я взглянулъ на часы. Мы провели въ прогулкѣ около трехъ съ половиною часовъ и прошли пѣшкомъ не менѣе шести-семи верстъ. Графъ послѣ такого движенія смотрѣлъ еще болѣе молодцомъ и, казалось, былъ готовъ идти далѣе. Но былъ уже шестой часъ: жена графа, Софья Андреевна, возвратилась изъ Тулы, куда возила на почту просмотрѣнныя графомъ и ею корректуры новаго полнаго собранія его сочиненій, и насъ ждали обѣдать.

„— Вы не устали? спросилъ Л. Н., весело посматривая на меня и бодро всходя, по внутренней лѣстницѣ, въ верхній этажъ своего дома;—для меня ежедневное движеніе и тѣлесныя работы необходимы, какъ воздухъ. Лѣтомъ, въ деревнѣ, на этотъ счетъ, приволье; я пашу землю, кошу траву; осенью, въ дождливое время, — бѣда. Въ деревняхъ нѣтъ тротуаровъ и мостовыхъ,—въ непогоду я крою и тачаю сапоги. Въ городѣ тоже одно гулянье надоѣдаетъ: пахать и косить тамъ негдѣ—я пилю и рублю дрова. При усидчивой умственной работѣ, безъ движенія и тѣлеснаго труда, сущее горе. Не походи я, не поработай ногами и руками въ теченіи одного дня, вечеромъ я уже никуда не гожусь: ни читать, ни писать, ни даже внимательно слушать другихъ,—голова кружится, а въ глазахъ звѣзды какія-то, и ночь проводится безъ сна“.

Данилевскій въ заключеніе говоритъ:

„Графъ Л. Н. Толстой, послѣ этой новой нашей встрѣчи, остался въ моихъ мысляхъ тѣмъ-же великимъ и мощнымъ художникомъ, какимъ его узнала и знаетъ Россія. Онъ вполнѣ здоровъ, бодръ, владѣетъ всѣми своими художественными силами и, внѣ всякаго сомнѣнія, можетъ еще подарить свою родину не однимъ произведеніемъ, подобнымъ „Войнѣ и миру“ и „Аннѣ Карениной“. Скажу

Какъ затишье и перерывъ, послѣ „Дѣтства“, „Отрочества“ и
топольскихъ разсказовъ“ (когда онъ занялся вопросами педа-
и издавалъ „Яснополянскій журналъ“), были не апатіею и не
еніемъ его художественныхъ силъ, а только невольнымъ от-
ъ, въ теченіи котораго въ его душѣ зрѣли образы „Войны и
— такъ и теперь, когда графъ Л. Н. Толстой, изучивъ въ
нникѣ Ветхій и Новый Завѣтъ и Житія святыхъ, посвящаетъ
осуги разсказамъ для народа,—онъ, очевидно, лишь готовится
зымъ крупнымъ художественнымъ созданіямъ, и его теперешъ-
строеніе—только новая ступень, только приближеніе къ инымъ,
олѣе высокимъ образамъ его творчества“.

Евгеній Скайлеръ.

Сообщ. и перев. съ англ. **А. Ѳ. Г—ръ.**

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

10 [1]).

Ой далеченько православный царь
Убирается,
Въ которую землюшку
Снаряжается.
Какъ и всѣ-то князья-бояре
Провожать идутъ,
Провожали они царя бѣлаго,
Слезно плакали.
Какъ одинъ изъ нихъ Долгоруковъ князь
Усмѣхнулся,
Какъ на ту пору православный царь
Оглянулся.
— „Допросите-ка Долгорукова князя
О чемъ онъ усмѣхнулся?“
Долгоруковъ князь не винится
О чемъ усмѣхнулся.
— „Отрубите ему праву руку, лѣвую ногу!“
Долгоруковъ не винится.
— „Отрубите ему лѣву руку, правую ногу!“
Долгоруковъ не винится.
— „Отрубите Долгорукову буйну голову!“
Долгоруковъ повинился:
— „Ты не ѣзди, православный царь,
На край моря;
Приготовлена для тебя артилерьица
Заряженная.
Пропадетъ твоя буйная головушка
Не за денежку;
Изваляется твое бѣлое тѣло
По чистому полю;
Поразвѣютъ твои черныя кудри
Вѣтры буйные,
Порастащатъ твои ребра-кости
Черныя вороны!“

Сообщ. 31-го декабря 1874 г. г. **Морозъ**.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., т. LXVII, стр. 468, 570—572, 656.

L

АКАДЕМИКЪ

ѲАНАСІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ БЫЧКОВЪ.

Пятидесятилѣтняя ученая его дѣятельность

1840 $\frac{\text{октября}}{7}$ 1890.

Очеркъ жизни. — Списокъ ученыхъ трудовъ и изданій.

Портретъ-гравюра на мѣди художника А. О. Шеймана.

„РУССКАЯ СТАРИНА“,
т. LXVIII, кн. X, 1890 г.

о октября 1890 года минетъ полвѣка со дня вступле-
государственную службу директора Императорской Пуб-
библіотеки, академика Аѳанасія Ѳедоровича Бычкова,
изъ наиболѣе уважаемыхъ и вполнѣ заслуженныхъ уче-
ѣятелей въ области отечественныхъ археографіи, археологіи,
рафіи и исторіи.

едставитель старинной дворянской фамиліи, Ярославской
и, Аѳанасій Ѳедоровичъ родился 15-го декабря 1818 г.,
дрихсгамѣ, и дѣтство свое провелъ въ Финляндіи, гдѣ
состоялъ въ военной службѣ, именно въ артиллеріи, его
(умершій въ отставкѣ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, въ
). Благородный пансіонъ при Демидовскомъ высшихъ наукъ
дѣ въ Ярославлѣ, присоединенный затѣмъ къ Ярославской
и, былъ мѣстомъ образованія, полученнаго А. Ѳ., каковое
кончилъ въ этой гимназіи въ 1836 г., какъ отличнѣйшій
ъ, причемъ его имя было занесено на такъ называемую
тую доску" [1]). Въ томъ-же 1836 году Бычковъ поступилъ
сковскій университетъ на первое отдѣленіе философскаго
тета.

ердный слушатель лекцій столь достойныхъ профессоровъ,
были: Крюковъ, Погодинъ, Грановскій, А. Ѳ. го-
олюбилъ отечественную исторію, и еще будучи студентомъ
о курса, по предложенію М. П. Погодина, составилъ ука-
къ сочиненію Арцыбашева: „Повѣствованіе о Россіи".
39 г., за диссертацію на тему „О вліяніи внѣшней при-
а народъ и государство", студентъ Бычковъ получилъ сереб-

Звонниковъ: „Историческая записка о Ярославской гимназіи".
ль, 1881 г., стр. 48.

ряную медаль [1]) и въ 1840 г. окончилъ курсъ со степенью ка
дата, притомъ окончилъ настолько блестяще, что московскій у
верситетъ, спустя три года, ходатайствовалъ, по предложе
Погодина, предъ попечителемъ гр. С. Г. Строгановымъ, о на
ченіи молодаго ученаго адъюнктомъ по каѳедрѣ русской и
ріи [2]). Попечитель, однако, нашелъ, что профессоръ Погодинъ
столько еще молодъ, что не нуждается въ адъюнктѣ, съ ч
согласился и министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ,
чему назначеніе Бычкова на профессорскую каѳедру не
стоялось [3]).

Въ то время, когда молодой человѣкъ усердно занимался
стѣнахъ старѣйшаго русскаго университета науками, прич
явилъ особенную любовь къ отечественной исторіи, въ С.-
тербургѣ переживало свои ранніе годы учрежденіе, съ котор
вскорѣ на всю жизнь соединилась дѣятельность нашего учен
мы говоримъ объ Археографической комиссіи.

Въ 1834 году, въ заботахъ о сохраненіи памятниковъ от
ственнаго бытописанія, императоръ Николай Павловичъ п
лѣлъ учредить при департаментѣ народнаго просвѣщенія осо
комиссію, впослѣдствіи наименованную Археографическ
Высочайшею волею на это учрежденіе возложены были тр
по систематическому изданію въ свѣтъ источниковъ русской и
ріи. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія С. С. У
ровъ, озабоченный привлеченіемъ молодыхъ тружениковъ
среду Комиссіи, воспользовался указаніемъ профессора М.
Погодина на двухъ его слушателей по университету, Бычк
и Н. В. Калачова, какъ особенно способныхъ для научн
работъ, и опредѣлилъ обоихъ молодыхъ людей на службу
Археографическую комиссію.

---

[1]) Краткій отчетъ о состояніи Моск. университета, за 1838—1839
годъ, стр. 86—87.

[2]) См. письмо А. П. Елагиной къ А. Н. Попову, 1843-го года, въ „
скомъ Архивѣ“ 1886 г., книга I, стр. 338.

[3]) Достойно, однако, вниманія, что А. Ѳ. все-таки довелось потруди
на поприщѣ педагогическомъ. Съ 1841 по 1850 г. онъ былъ преподавате
русскаго языка и словесности въ Дворянскомъ полку. Мы не были сл
телемъ А. Ѳ., но по словамъ его учениковъ, это былъ преподавател
обширными знаніями, въ высшей степени добросовѣстный, отлично чита
русскую словесность („Русская Старина“, изд. 1889 г., т. LXII, разс
генерала М. Г. Черняева, стр. 492). Ред.

Это опредѣленіе состоялось 7-го октября 1840 года, и вотъ
октября текущаго 1890 года — минетъ полвѣка, какъ
Аѳанасія Ѳедоровича тѣсно соединилось съ дѣятельностью
еографической комиссіи.

Въ теченіе всего этого полувѣка Археографическая комис-
неустанно трудилась надъ обнародованіемъ лѣтописей, исто-
ческихъ и юридическихъ актовъ, произведеній старинной сла-
о-русской письменности и сказаній иностранцевъ о Россіи.
е недавно, въ 1885-мъ году, съ высоты трона, предъ лицомъ
сіи и всего ученаго міра, было признано, что „Археографиче-
я комиссія своими изданіями оказала важныя заслуги русской
орической наукѣ и непрерывно способствовала ея успѣхамъ".
„Труды комиссіи пролили свѣтъ на многое, остававшееся до-
ѣ не вполнѣ изслѣдованнымъ въ прошлыхъ судьбахъ дорогой
мъ намъ родины, и облегчили раскрытіе внутренней и внѣш-
жизни русскаго народа, установляя болѣе вѣрные взгляды
событія и на взаимныя отношенія разныхъ областей, посте-
но входившихъ въ составъ Россійскаго государства". [Высо-
шій рескриптъ на имя Археографической комиссіи отъ 8-го
аря 1885 года].

Въ тѣсномъ кругу членовъ этого поистинѣ славнаго учреж-
я, оказавшаго столь важныя заслуги отечественной наукѣ,
насій Ѳедоровичъ—изъ году въ годъ полувѣковой вполнѣ го-
арственной своей службы—сталъ занимать своими непрерыв-
ми трудами все болѣе и болѣе почетное мѣсто; съ 1854-го
онъ былъ главнымъ редакторомъ лѣтописей, съ 1865-го по
3-й годъ—правителемъ дѣлъ комиссіи, а въ послѣдніе годы
ается и ея руководителемъ, нерѣдко заступая мѣсто ея пред-
ателя, причемъ онъ постоянно оставался и остается въ числѣ
болѣе дѣятельныхъ, непосредственныхъ ея тружениковъ-ра-
никовъ.

Всѣ безъ изъятія члены Археографической комиссіи издавна
знавали большія заслуги А. Ѳ. и еще въ 1873 году едино-
но, въ полномъ своемъ составѣ, комиссія выразила Аѳанасію
оровичу свои чувства признательности и уваженія въ особомъ
есѣ, представленномъ ему по случаю оставленія имъ должно-
правителя ея дѣлъ.

....„Всѣ мы, члены Комиссіи,—сказано было въ этомъ документѣ,—сч таемъ себя вамъ, Аѳанасій Ѳедоровичъ, обязанными глубокою благодарност за тѣ добрые совѣты и указанія, которые вы такъ радушно и съ так пользою удѣляли намъ, благодаря вашей учености, вѣрному взгляду и обш нымъ свѣдѣніямъ въ русской древней письменности“ [1]).

Важнѣйшая и труднѣйшая часть въ дѣятельности Комиссіи есть изданіе лѣтописей. Къ напечатанію полнаго собранія ихъ Археографическая комиссія приступила еще въ 1841 году, такъ какъ первые томы этого монументальнаго собранія оказали впослѣдствіи не чуждыми значительныхъ недостатковъ, то к миссія въ 1870-хъ годахъ переиздала древнѣйшія наши лѣт писи въ совершенно новой обработкѣ текста, согласно вно установленнымъ ею правиламъ, соотвѣтствующимъ строгимъ тр бованіямъ современной исторической и филологической крити Въ этомъ громадномъ трудѣ Аѳанасій Ѳедоровичъ — приня живѣйшее участіе и подъ его редакціею изданы лѣтописи Лавре тіевская, вторая и третья Новгородскія, и сверхъ того шес томовъ „Полнаго собранія русскихъ лѣтописей“, именно: лѣт писи Воскресенская, часть Никоновской, Тверская и л топись Авраамки — послѣдняя совмѣстно съ К. Н. Бестуж вымъ-Рюминымъ; составлены указатели къ Актамъ Истори скимъ и къ восьми томамъ „Полнаго Собранія Русскихъ Лѣ писей“ [2]).

---

[1]) „Лѣтопись занятій Археографической Комиссіи, 1872—1875 гг.“, выпу шестой. Спб. 1877 г., выписка изъ протоколовъ, стр. 55—56.

[2]) Послѣдній указатель составленъ вмѣстѣ съ Н. П. Барсуковы Для лицъ малознакомыхъ съ дѣятельностью Археографической коми упомянемъ здѣсь о главнѣйшихъ ея изданіяхъ: „Акты Историческіе“—5 том „Дополненія“ къ нимъ, 12 томовъ; „Акты, относящіеся къ исторіи южно западной Россіи“; „Акты Русско-Ливонскіе“; „Грамоты, относящіяся до шеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами“; — „Д менты, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Ро и Польшѣ“;—„Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года“;—„Акты историчес извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ“ — 3 тома; — „А объясняющіе юридическій бытъ древней Россіи“; — „Новгородскія писцо книги“;—„Писцовыя книги Ижорской земли“;—„Письма русскихъ государ XVI и XVII вѣка;—„Выходы государей“;—„Русская историческая библіотека 12 томовъ, въ которыхъ, между прочимъ, помѣщены собранія памятник русскаго церковнаго законодательства, памятники западно-русской поле ческой литературы и акты Иверскаго монастыря.—Лѣтописи: Ипатьевска Густынская, Новгородскія 2-я, 3-я и 4-я, Псковская, Тверской лѣтопис

чти одновременно съ началомъ службы своей въ Археогра-
кой комиссіи, именно въ 1844 году, А. Ѳ. Бычковъ по-
ъ въ Императорскую публичную библіотеку хранителемъ
нія рукописей и старо-печатныхъ церковно-славянскихъ
на мѣсто знаменитаго въ русской наукѣ А. Х. Восто-
а съ 1848 по 1862 г. на Бычкова возложено было одно-
но и завѣдываніе русскимъ отдѣленіемъ библіотеки, каковой
онъ привелъ личнымъ трудомъ въ большой порядокъ, со-
ъ алфавитный ему каталогъ и личными заботами и стара-
значительно пополнилъ пробѣлы этого отдѣленія,—во мно-
случаяхъ весьма рѣдкими книгами и брошюрами.

аченіе для русскаго просвѣщенія этого главнѣйшаго госу-
еннаго книгохранилища въ Россіи хорошо извѣстно. Не
извѣстенъ и быстрый ростъ этой библіотеки и вся пре-
ная организація, сдѣлавшая эту библіотеку въ высокой
и доступною для пользованія всѣхъ классовъ грамотнаго
Невозможно обозрѣть безконечный рядъ дѣятелей на полѣ
аго труда, воспользовавшихся сокровищами императорской
ной библіотеки во всѣхъ сферахъ науки, литературы и
ествъ.

анасій Ѳедоровичъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ ди-
овъ этой библіотеки: Д. П. Бутурлина, графа М. А.
а и графа И. Д. Делянова; съ 1853-го года Аѳанасій
овичъ часто исправлялъ должность помощника дирек-
ъ 1868 г. назначенъ помощникомъ директора, наконецъ,

ъ, Александро-Невская лѣтопись (такъ именуется лѣтописное сказаніе
мени Іоанна Грознаго);—Лѣтопись Сибирская;—нѣсколько выпусковъ
ія Минеи Четіи",—громаднаго сборника XVI-го вѣка, составленнаго
одскимъ архіепископомъ Макаріемъ, впослѣдствіи митрополитомъ; —
ніе Даніила Паломника во Святую землю";—„Сказанія иностранцевъ
омъ времени", каковы—Буссовъ, Петрей, Масса, Геркманъ. Указатели
тамъ историческимъ", къ „Дополненіямъ" къ нимъ и къ первымъ
томамъ „Полнаго собранія лѣтописей";—„Списки іерарховъ и настоя-
онастырей Россійскія церкви"; — „Сравнительныя хронологическія
, служащія пособіемъ при критическомъ разборѣ и повѣркѣ русской
съ византійскою";—„Лѣтопись занятій комиссіи" и проч.

труды Археографической Комиссіи настолько почитаются всѣми ли-
занимающимися и интересующимися отечественною исторіею, что ея
, какъ уже давно всѣми признано, — служатъ главною основою для
изысканій въ области русской исторіи, русскаго права и древностей.

при назначеніи И. Д. Делянова министромъ народнаго просвѣщенія, Аѳанасій Ѳедоровичъ занялъ въ 1882 г. мѣсто директора.

Обширнѣйшіе каталоги славяно-русскихъ рукописей, хорошо извѣстные всѣмъ обращавшимся къ нимъ въ императорской публичной библіотекѣ, высокаго интереса ея отчеты за время 1850—1879 гг.,—въ каковыхъ отчетахъ печатались постоянно (что и понынѣ дѣлается) много сообщеній по новой русской исторіи и исторіи русской литературы,—составленіе и изданіе „Описанія славяно-русскихъ рукописныхъ сборниковъ“ изъ древлехранилища М. П. Погодина, а также изданіе отъ имени библіотеки нѣсколькихъ, весьма цѣнныхъ по значенію, сборниковъ [1]),—представляютъ непосредственные труды А. Ѳ. Бычкова въ этомъ учрежденіи, помимо массы самыхъ разнообразныхъ заботъ, издавна сопряженныхъ первоначально съ должностью помощника, а потомъ и директора этого обширнаго государственнаго книгохранилища.

Издавна замѣчено, что наиболѣе выдающіеся у насъ на государственной службѣ труженики, въ области умственнаго труда, привлекаются обыкновенно къ работѣ въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ.

Указанныхъ трудовъ въ двухъ таковыхъ учрежденіяхъ, каковы Археографическая комиссія и Императорская публичная библіотека, казалось, было-бы болѣе чѣмъ достаточно для одного лица, но бывшее II-е Отдѣленіе Собственной Е. И. Величества канцеляріи, въ лицѣ ея главноуправлявшаго графа Д. Н. Блудова, привлекло Аѳанасія Ѳедоровича, въ 1850 году, на службу и въ это учрежденіе, возложивъ на него изданіе обширнаго и весьма важнаго историческаго памятника „Дворцовыхъ разрядовъ“ XVII вѣка (4 тома и 1 томъ дополненій, изд. 1850—1855 гг.). Изданіе это удостоилось особаго вниманія и одобренія императора Николая Павловича, пожаловавшаго А. Ѳ. Бычкову, при представленіи перваго тома, орденъ св. Анны 2-й степ., помимо другихъ орденовъ, что дѣлалось въ то время очень рѣдко. Тогда-же отъ

---

[1]) Таковы, между другими: „Первыя Русскія Вѣдомости“ 1703 г.; „Письма Петра Великаго“, хранящіяся въ библіотекѣ, и описаніе ея рукописей, относящихся къ эпохѣ Преобразователя Россіи; „Письма и бумаги императрицы Екатерины II“; сборникъ „Въ память графа М. М. Сперанскаго“ и друг.

II-го Отдѣленія были изданы Бычковымъ: „Походные жур-
Петра Великаго“ и рядъ выпусковъ „Камеръ-фурьерскихъ
повъ“ [1]). Съ преемникомъ гр. Блудова, по управленію
Отдѣленіемъ, графомъ М. А. Корфомъ — Аѳанасій Ѳе-
чъ болѣе года трудился надъ исправленіемъ русскаго
да третьей части „Свода мѣстныхъ узаконеній губерній
скихъ“, содержащей гражданскіе законы; трудъ этотъ
танъ въ 1864 г. [2]).

гда въ 1856-мъ году на графа М. А. Корфа было воз-
покойнымъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ
ніе матеріаловъ къ жизнеописанію и исторіи царствова-
ператора Николая Павловича—А. Ѳ. Бычковъ, вмѣстѣ
В. Стасовымъ, о. М. Я. Морошкинымъ и другими ли-
былъ назначенъ состоять для участія въ этомъ обширномъ
при гр. Корфѣ. Трудъ этотъ продолжался и при преем-
гр. Корфа, по этому Высочайшему порученію,—кн. С. Н.
вѣ и гр. И. Д. Деляновѣ. Все рукописное собраніе тру-
той комиссіи, вполнѣ драгоцѣнное для новѣйшей русской
, передано, какъ извѣстно, по волѣ нынѣ благополучно
ующаго Государя Императора, „Императорскому Русскому
ическому Обществу“, состоящему подъ покровительствомъ
ѣйшаго Монарха.

ширное, всестороннее изученіе А. Ѳ. Бычковымъ государ-
ыхъ и бытовыхъ основъ Россіи въ минувшихъ судьбахъ
торіи сказалось весьма полезнымъ при начавшихся пре-
заніяхъ Царя-Освободителя. Отсюда понятно, почему мы
аемъ Аѳанасія Ѳедоровича, въ 1862—1864 гг., членомъ

Кстати замѣтимъ, что гр. Д. Н. Блудовъ, бывши предсѣдателемъ Вы-
учрежденнаго въ 1855 г. Комитета для цензурнаго разсмотрѣнія
ныхъ сочиненій В. А. Жуковскаго, пригласилъ А. Ѳ. Бычкова въ
изводители Комитета и возложилъ на него приготовленіе къ печати
къ послѣднихъ томовъ (X, XI, XII и XIII) пятаго изданія сочиненій
каго, которыя и вышли въ свѣтъ подъ редакціей А. Ѳ. Бычкова въ
Спб.

См. біографическій очеркъ гр. М. А. Корфа въ „Древней и Новой
1876 г., томъ I, стр. 327.

комиссіи для составленія законоположеній, относящихся до пре
образованія судебной части въ имперіи, и въ 1863 г. въ комиссі
для обработки проекта устава о книгопечатаніи въ Россіи.

Эпоха возрожденія и полнаго оживленія умственной дѣятел
ности образованнаго русскаго общества въ царствованіе Але
ксандра II вполнѣ отразилась и въ сферѣ научной дѣятельност
въ Россіи; между прочимъ, дѣло обнародованія и изученія па
мятниковъ отечественной старины весьма расширилось. А так
какъ этотъ трудъ составляетъ дѣло излюбленное А. Ѳ. Бычков
то вполнѣ понятно, что съ 1866 года онъ является предсѣдат
лемъ комиссіи для разбора и описанія дѣлъ Архива Св. Синод
подъ его непосредственною редакціею изданы два тома „Описанія
дѣлъ и два тома „Полнаго собранія постановленій и распоряжен
по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи“.

Съ 1846 года членъ „Русскаго, впослѣдствіи Императорска
Русскаго Археологическаго общества“, Аѳанасій Ѳедоровичъ
1874-го по 1885 г. былъ управляющимъ Отдѣленіемъ славян
русской археологіи, каковое время ознаменовалось полным
оживленіемъ дѣятельности Общества, вызовомъ къ труду мн
гихъ археологическихъ предпріятій, поощреніемъ научныхъ тр
довъ и изысканій молодыхъ русскихъ археологовъ и проч., ли
нымъ участіемъ въ редакціи трудовъ II-го археологическа
съѣзда и „Записокъ отдѣленія славяно-русской археологіи“ (т. Ш
ближайшимъ наблюденіемъ за изданіемъ нѣкоторыхъ отдѣл
ныхъ трудовъ, какъ, напримѣръ, сборникъ Ю. Б. Иверсена
„Медали“ и др.

Русское Археологическое общество еще 8-го марта 1880
почтило заслуги А. Ѳ. единодушнымъ присужденіемъ ему золото
медали. Въ прочитанной, по сему предмету, въ засѣданіи 8-
января 1880 г., секретаремъ общества, проф. И. В. Помялов
скимъ, запискѣ слѣдующими яркими чертами охарактеризован
заслуги Аѳанасія Ѳедоровича по отношенію къ этому обществ

...«Въ маѣ 1874 года отдѣленіе русской и славянской археологіи получи
новую организацію, и въ управляющіе онымъ былъ избранъ А. Ѳ. Бычков
Съ неутомимою ревностью и рѣдкимъ самоотверженіемъ нашъ достоуважаемы
сочленъ приступилъ къ возсозданію дѣятельности отдѣленія и достигъ в
этомъ рѣдкихъ успѣховъ. Благодаря своей общительности, снискавшей ем

исленныхъ почитателей, обширнымъ ученымъ связямъ, рѣдкой любви
ымъ разнообразнымъ отдѣламъ отечественной археологіи, необычайной
ательности и опытности во всемъ, что касается старины и древности
А. Ѳ. сразу далъ отдѣленію организацію, возбудилъ къ дѣятельности
хъ членовъ его и вызвалъ много новыхъ дѣятелей въ области отече-
й археологіи; многіе изъ нихъ пожелали вступить въ наше общество.
очно просмотрѣть списокъ гг. сочленовъ, вступившихъ въ общество
слѣднія шесть лѣтъ, для того, чтобы убѣдиться, что большинство изъ
оступило въ нашу среду, по предложенію и избранію русскаго отдѣленія.
акъ многіе изъ нихъ, такъ не мало и постороннихъ лицъ обогатили из-
бщества своими учеными вкладами, большинство которыхъ, предвари-
ихъ помѣщенія въ изданіяхъ общества, читалось и обсуждалось въ
ніяхъ русскаго отдѣленія. Было бы утомительно и безполезно перечи-
ихъ здѣсь—достаточно указать, что почти весь IX т. «Извѣстій Обще-
за немногими исключеніями, состоитъ изъ этихъ вкладовъ. Не могу од-
олчать о нѣкоторыхъ выдающихся изданіяхъ общества, обязанныхъ своимъ
починомъ, отчасти появленіемъ вліянію Аѳанасія Ѳедоровича. Къ нимъ
лежатъ: 3-й т. Записокъ Отдѣленія, входящія въ который статьи: о
ховыхъ регаліяхъ Д. И. Прозоровскаго, о Царь-Колоколѣ Троицкой лавры
аха Арсенія, о Словѣ о Полку Игоревѣ Д. И. Прозоровскаго, опись
ыхъ памятниковъ Калужской губерніи г. Рошфора отпечатаны при
дственномъ участіи и надзорѣ Аѳанасія Ѳедоровича.... Затѣмъ имъ же
оставлена обществу для изданія замѣчательная рукопись архимандрита
на: Поѣздка въ Румелію, обстоятельныя рецензіи которой, представлен-
г. Сырку и Г. С. Дестунисомъ, показали всю важность и весь инте-
ого любопытнаго труда нашего почтеннаго археолога. Наконецъ, по-
русскаго отдѣленія общество обязано тѣмъ, что помѣщаетъ въ прило-
къ своимъ «Извѣстіямъ» капитальное сочиненіе Ю. Б. Иверсена:
и въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ»,
іе, которое представляетъ цѣнный вкладъ въ науку о русскихъ
ъ. Не считаю себя въ правѣ умолчать о томъ участіи, которое
лъ и принимаетъ Аѳанасій Ѳедоровичъ въ этомъ изданіи, участіи,
безъ сомнѣнія засвидѣтельствуетъ и достоуважаемый авторъ труда,
огдановичъ: ни одного листа (этого весьма объемистаго труда) не
ылъ Аѳанасій Ѳедоровичъ безъ корректуры, постоянно весьма внима-
, обстоятельной и осторожной: въ немаломъ количествѣ мѣстъ онъ
вилъ дополненія и указанія, бывшія неизвѣстными почтенному соста-
при всей его начитанности и рѣдкомъ трудолюбіи, которыя онъ внесъ
сочиненіе.

акое непосредственное участіе Аѳанасія Ѳедоровича въ трудѣ г. Иверсена
етъ мнѣ перейти къ упоминанію о томъ, что сдѣлано А. Ѳ. вообще

въ изданіяхъ Общества. Могу говорить объ этомъ, основываясь на личномъ оп
ибо, въ качествѣ секретаря Общества, я поставленъ къ его изданіямъ дов
близко. Не проходило почти ни одного мѣсяца, чтобы я не обращался
А. Ѳ. за какою-нибудь справкою, совѣтомъ, указаніемъ, и постоянно
съ рѣдкою, по счастію многимъ изъ насъ извѣстною, внимательностью
слушивалъ всѣ мои недоумѣнія и разрѣшалъ ихъ ясно, отчетливо и пол
тельно. Кромѣ того, и самъ онъ жертвовалъ и жертвуетъ много труда
мени для изданій Общества: такъ, окончаніе Трудовъ втораго съѣзда
послѣ кончины А. И. Артемьева [1]), на него, и только благодаря его неу
ной энергіи редактированіе протоколовъ съѣзда (окончено). Не всякому
гг. сочленовъ извѣстно, съ какими трудностями долженъ былъ бороться
насій Ѳедоровичъ для того, чтобы представить черезъ девять лѣтъ об
тельный рефератъ о засѣданіяхъ съѣзда, отъ которыхъ, кромѣ малос
жательныхъ газетныхъ замѣтокъ, не сохранилось ничего. Упомяну далѣе
Аѳанасію Ѳедоровичу принадлежитъ предисловіе къ изданной Обществомъ
писи Константскаго собора, что онъ принималъ живое участіе въ издавае
Обществомъ рисункахъ съ фресокъ и мозаикъ Кіевскаго Софійскаго собора и

«Наконецъ всѣмъ изъ гг. присутствующихъ извѣстно, какое дѣяте
уча тіе принималъ и принимаетъ А. Ѳ. въ жизни нашего общества: п
дитъ рѣдкая комиссія—будетъ-ли то комиссія по присужденію боль
медалей, или по ревизіи кассы Общества, или по какому-либо другому
просу, въ которой онъ не былъ бы—если не предсѣдателемъ, то одним
дѣятельнѣйшихъ участниковъ» [2]).

Золотая медаль, какъ сказано нами выше, была зна
единодушной признательности Русскаго Археологическаго о
ства Аѳанасію Ѳедоровичу за заслуги, оказанныя имъ обще
Президентъ общества, его императорское высочество вел
князь Константинъ Николаевичъ, съ своей стороны тогд
почтилъ нашего ученаго слѣдующимъ рескриптомъ:

«Аѳанасій Ѳедоровичъ. Императорское Русское Археологическое Об
довело до моего свѣдѣнія о своемъ желаніи почтить вашу многополезну

---

[1]) А. И. Артемьевъ съ большимъ уваженіемъ говоритъ о под
Аѳанасіемъ Ѳедоровичемъ работѣ по изданію трудовъ этого археолог. с
(см. „Древняя и Новая Россія“ 1875 г., т. I, стр. 413, письма Артемье
К. Н. Тихонравову). Труды эти появились въ с[illegible]тъ благодаря А. Ѳ. Бы
и И. В. Помяловскому.

[2]) См. „Извѣстія Императорскаго Русскаго Археологическаго Обще
изд. 1884 г., т. X, вып. 3—6, стр. 335—338, 347—348.

Ред.

ства дѣятельность золотою медалью. Какъ предсѣдателю онаго, мнѣ пріятно выразить вамъ и свою признательность за содѣйствіе, которое вы оказали и продолжаете оказывать Археологическому Обществу въ разработкѣ ственной археологіи. Усердіе и любовь, которыя вы приложили къ ру-ству трудами отдѣленія археологіи русской и славянской, уже дали бо-е результаты, и я не могу не выразить искренняго желанія, чтобы еще огіе годы продлилась ваша полезная для Археологическаго Общества льность».

«Константинъ».

Съ 1885-го года А. Ѳ. Бычковъ состоитъ помощникомъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Послѣдній, по времени, Археологическій Съѣздъ въ Москвѣ, онъ въ 1890 году, избралъ А. Ѳ. Бычкова своимъ предсѣдателемъ какъ дань всеобщаго уваженія и признательности русскихъ археологовъ къ его ученымъ заслугамъ.

Съ 1855 года членъ-корреспондентъ Императорской Академіи наукъ, Аѳанасій Ѳедоровичъ съ 1866 года былъ избранъ академики по отдѣленію русскаго языка и словесности. Избраніе это состоялось по предложенію нынѣ покойнаго академика профессора Измаила Ивановича Срезневскаго, записка котораго по сему предмету, внесенная въ академію, представляетъ собою важное свидѣтельство объ ученыхъ заслугахъ А. Ѳ. Бычкова.

Вотъ выдержка изъ этого доклада знаменитаго слависта и ученаго:

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ давно сознаетъ необходимость имѣть въ своей средѣ ученаго, который-бы съ общимъ филологическимъ знаніемъ русскаго языка и словесности и приготовленностью къ археологическимъ изслѣдованіямъ соединялъ въ себѣ особенное знаніе языка и письменности средняго періода (XV—XVII вѣковъ), менѣе другихъ изслѣдованнаго матеріала, въ себѣ представляющаго въ огромной массѣ памятниковъ очень многое для объясненія не только состоянія времени, къ которому они относятся, но и для древняго (до XV вѣка) и болѣе позднихъ явленій. Само собою разумѣется, что желаемое знаніе средняго періода предполагаетъ близкое знакомство съ памятниками его, между прочимъ и палеографическое и археологическое, съ памятниками въ подлинникахъ или въ старыхъ спискахъ, потому что изъ памятниковъ этого періода изданы очень немногіе и притомъ изданы по большей частію неудовлетворительно.

«Въ числѣ весьма немногихъ нашихъ ученыхъ, имѣвшихъ случай и охоту близко и основательно ознакомиться съ этими памятниками, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ хранитель рукописей (нынѣ директоръ) Императорской публичной библіотеки, членъ-редакторъ археографической комиссіи А. Ѳ. Бычковъ.

«Общее уваженіе всѣхъ занимающихся русскою древностью и старинок г. Бычковъ пріобрѣлъ издавна. Одни не могли не почтить его, какъ изслѣдователя и издателя памятниковъ, другіе—какъ знатока дѣла, полезнаго указаніями и совѣтами.

«Изъ изданій г. Бычкова съ особенною признательностію должно вспомнить:

— Четыре тома Дворцовыхъ разрядовъ XVII тома, напечатанные въ 1850—1855 гг.

— Два тома Путевыхъ и походныхъ журналовъ Петра Великаго, 1695—1725 г., съ примѣчаніями, напечатанные въ 1853—1855 гг.

— Четыре тома полнаго собранія лѣтописей, VII—IX и XV тома, заключающіе въ себѣ лѣтопись Воскресенскую, часть Никоновской и лѣтопись Тверскую, напечатанныя въ 1857—1863 гг.

«Какъ г. Бычковъ понимаетъ и исполняетъ обязанности издателя памятниковъ, особенно видно изъ этого послѣдняго труда. Изданіе русскихъ лѣтописей, особенно тѣхъ, которыя не сохранились въ древнихъ спискахъ, представляетъ значительныя трудности. Объ изданіи палеографическомъ едвали и думать можно; списковъ много, въ каждомъ есть значительныя ошибки переписчиковъ и въ каждомъ есть свои достоинства. Естественно придти къ мысли объ изданіи, такъ сказать, эклектическомъ, въ которомъ-бы явился текстъ, исправленный посредствомъ сличенія списковъ. Но такое изданіе допускаетъ въ издателѣ личный произволъ и болѣе или менѣе случайныя измѣненія подлинника. Г. Бычковъ вступилъ при изданіи Воскресенской лѣтописи на другой путь, гораздо болѣе удовлетворяющій общимъ требованіямъ.

«Изучивши внимательно списки лѣтописи, онъ нашелъ списокъ Парижскій самымъ удовлетворительнымъ и взялъ его какъ основной [1]). При изданіи его онъ рѣшился сохранить всѣ его особенности синтаксическія и орѳографическія. Но въ отношеніи къ содержанію нельзя было довольствоваться Парижскимъ спискомъ, нельзя было оставить неисправленными его разныя описки, и чтобы сдѣлать чтеніе лѣтописи для всѣхъ удобнымъ, нельзя было

[1]) Достойно вниманія, что стараніями А. Ѳ. Бычкова этотъ драгоцѣнный для отечественной исторіи памятникъ въ 1887 году уступленъ Парижскою національною библіотекою нашему отечественному книгохранилищу. См. „Отчетъ Библіотеки“ за 1887 годъ, стр. 87—89.

Ред.

чать исправленія только въ примѣчаніяхъ: напротивъ того, надо было вляемое замѣнять болѣе правильнымъ въ самомъ текстѣ; а чтобы не ать этихъ измѣненій съ тѣмъ, что осталось, какъ было въ спискѣ, всѣ енія обозначены въ особыхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ такъ, что съ цію ихъ можно возстановить чтеніе Парижскаго списка. Другаго лучшаго для изданія лѣтописей, подобныхъ Воскресенской, кажется, нѣтъ, и онъ осподствовавшихъ не только въ началѣ 1830-хъ годовъ, но еще и позже хъ науки заслуживаетъ особеннаго вниманія. Тѣхъ-же основныхъ пра- держался г. Бычковъ и при изданіи другихъ лѣтописей, и вообще никовъ, имъ изданныхъ.

Изслѣдованія г. Бычкова были помѣщаемы въ разныхъ повременныхъ іяхъ, между прочимъ, въ журналѣ «Министерства народнаго просвѣще- въ «Извѣстіяхъ Академіи», въ «Трудахъ» и «Извѣстіяхъ Археологическаго тва». Каждое изъ нихъ, за исключеніемъ развѣ первыхъ опытовъ его, ено съ осторожностью и опредѣлительностью знанія и критическаго такта. примѣра можно вспомнить о разборѣ надписи на серебряной, открытой чарѣ князя Владиміра Давидовича, окончательно опредѣлившемъ время, торому принадлежитъ этотъ любопытный остатокъ XII вѣка. Не менѣе ытно изслѣдованіе Кипріяновскаго отрывка Евангелія XI вѣка.

Въ числѣ заслугъ г. Бычкова нельзя опустить труда, знакомаго мно- изъ пользовавшихся рукописями публичной библіотеки. Это обширное ніе славянскихъ и русскихъ ея рукописей, въ которомъ изложено и ихъ каніе. Образецъ подобнаго труда былъ данъ еще Востоковымъ въ его ании рукописей Румянцовскаго музея». Давно настояла надобность въ ь-же описаніи несравненно важнѣйшихъ сокровищъ Императорской пуб- й библіотеки. Но дѣло это представляло гораздо болѣе трудностей какъ атству хранилища, такъ и по разнообразію находящихся въ немъ руко- Съ самаго того времени, какъ г. Бычковъ въ 1844 г. принялъ отдѣлъ библіотеки въ свое завѣдываніе, онъ болѣе и болѣе знакомился держаніемъ его и составилъ обширный каталогъ рукописей, давно тный тѣмъ, которые пользовались этимъ отдѣломъ библіотеки. Впослѣд- приступивъ къ описанію его богатствъ, онъ началъ свой трудъ не съ рукописей, надъ которыми выполненіе задачи было бы всего легче, а огочисленныхъ сборниковъ, имѣющихъ разныхъ составителей, относящихся знымъ эпохамъ и весьма разнообразныхъ какъ по содержанію, такъ и ыку. Такое предпріятіе не могло быть осилено безъ долговременныхъ арительныхъ работъ палеографическихъ, историческихъ, филологическихъ ературныхъ, которыми г. Бычковъ дѣйствительно занимался съ 1841 г. ательныя и обширныя познанія въ славяно-русской письменности, на- образованіе и рѣдкое трудолюбіе Аѳанасія Ѳедоровича Бычкова—такъ нваетъ свой докладъ покойный академикъ Срезневскій — высоко

цѣнятся всѣми знатоками, и мы считаемъ своею обязанностію предложить его въ экстраординарные академики по отдѣленію русскаго языка и словесности, въ полной увѣренности, что онъ своею ученою дѣятельностью оправдаетъ выборъ академіи [1])»:

Ожиданія покойнаго подвижника науки вполнѣ оправдались. Избранный въ члены Академіи наукъ, Аѳанасій Ѳедоровичъ много потрудился и неустанно продолжаетъ трудиться въ этомъ высшемъ для ученаго званіи. Ему принадлежитъ нѣсколько изслѣдованій и статей въ „Сборникѣ“ отдѣленія русскаго языка и словесности, въ „Запискахъ“ академіи и нѣсколько разборовъ сочиненій, представлявшихся на соисканіе Уваровскихъ наградъ; всѣ эти сообщенія и труды Аѳанасія Ѳедоровича перечислены въ подробномъ спискѣ, который мы помѣщаемъ вслѣдъ за симъ. Между прочимъ, какъ членъ Академіи Наукъ, А. Ѳ. Бычковъ привелъ въ порядокъ и напечаталъ „Библіологическій словарь“ Строева; подъ редакціей Аѳ. Ѳед. изданъ „Бѣлорусскій словарь“ Носовича (Спб., 1870 г., 756 стр., въ большую 4-ю д.); онъ же наблюдалъ за изданіемъ „Памятниковъ древне-русскаго языка и письма“ И. И. Срезневскаго (изданіе второе), „Бѣлорусскаго сборника“ П. В. Шейна, „Матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ“ И. И. Срезневскаго, вып. I, буквы А—Г, Спб. 1890 г. (Работы по изданію этого громаднаго и весьма важнаго труда раздѣляетъ съ А. Ѳ. дочь покойнаго нашего слависта—О. И. Срезневская).

Говоря о трудахъ Аѳанасія Ѳедоровича по Академіи Наукъ,—нельзя не напомнить нашимъ читателямъ тѣ полныя жизни и правды характеристики, которыя нашъ уважаемый академикъ представилъ въ своихъ отчетахъ по Второму Отдѣленію, читанныхъ въ годовыхъ торжественныхъ собраніяхъ Академіи, о такихъ выдающихся русскихъ людяхъ, каковы были академики: Александръ Васильевичъ Никитенко и Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, а также воспоминанія его о знаменитомъ археографѣ А. Е. Викторовѣ и незабвенномъ исторіографѣ Сергіѣ Михайловичѣ Соловьевѣ. Замѣтимъ здѣсь, что авторъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ былъ введенъ въ среду нашей ака-

[1]) См. „Отчеты Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности“ за 1852—1865 гг. Спб. 1866, стр. 463—467.

А. Ѳ. Бычковымъ, представившимъ о заслугахъ и трудахъ ученаго мастерски составленную записку.

1866-мъ году энергіею и личнымъ починомъ А. А. По-ва, при высокомъ покровительствѣ Наслѣдника Цесаревича, благополучно царствующаго Государя Императора—всегда мавшаго и принимающаго близко къ сердцу успѣхи и раз-науки Русской исторіи,—учреждено „Русское истори-е общество“, нынѣ Императорское. Въ числѣ первыхъ, емени, оказавшихъ новому обществу полнѣйшее содѣйствіе мъ трудомъ и многолѣтнею опытностью былъ А. Ѳ. Бич-Онъ является однимъ изъ его членовъ-основателей, чле-совѣта общества, а нынѣ и помощникомъ предсѣдателя 82 г.); подъ его редакціей вышли томы первый, одинад-й и тридцать пятый (часть тома) „Сборника Русскаго исто-аго общества“,—каковые томы посвящены весьма интерес-матеріаламъ къ исторіи Екатерины II (т. I, изд. 1867 г.) и оріи Петра I (т. XI, изд. 1873 г., и т. XXXIV, изд. 1881 г).

Императорскому Географическому Обществу А. Ѳ. Бич-былъ нѣсколько разъ избираемъ въ члены совѣта и въ ко-по присужденію медалей и ревизіонныя, а такъ какъ это кой человѣкъ, который способенъ числиться лишь номи-въ составѣ того или другаго учрежденія, то легко себѣ авить, что и по этому Обществу, пользующемуся европей-извѣстностью, Аѳанасій Ѳедоровичъ потрудился не мало.

станемъ перечислять всѣ тѣ русскія и иностранныя архео-ескія, историческія и проч. ученыя общества и учрежде-оторыя имѣютъ честь видѣть А. Ѳ. Бычкова своимъ дѣй-льнымъ или почетнымъ членомъ,—таковой перечень былъ-ишкомъ длиненъ.

слѣднимъ по времени трудомъ А. Ѳ. Бычкова, но—можно сказать—колоссальнымъ по его значенію, является соб-и редакція имъ сборника „Письма и бумаги импера-Петра Великаго“.

отъ трудъ возникъ, по Высочайшему повелѣнію, въ 1872 году, аря почину графа Д. А. Толстаго—и возложенъ былъ

на особую комиссію изъ нѣсколькихъ профессоровъ и академ
ковъ; но душою всего дѣла и исполнителемъ былъ и остает
А. Ѳ. Бычковъ, который продолжалъ этотъ трудъ и тогда, ко
на нѣсколько лѣтъ комиссія, по разнымъ причинамъ, какъ-
перестала вовсе существовать (1877—1885).

Восемнадцать лѣтъ (съ 1872 г.) употреблено на розыс
ніе и собраніе всѣхъ этихъ драгоцѣнныхъ документовъ
всевозможныхъ архивахъ, правительственныхъ, общественны
и частныхъ,—въ Россіи и за границей; нѣсколько лѣтъ сам
кропотливаго труда употреблено нашимъ славнымъ археографо
на самоличную, во многихъ случаяхъ, переписку, систематизац
дешифровку и самую тщательную провѣрку копій съ подлин
ками [1]) и обстановку документовъ массой примѣчаній—ис
рическихъ, біографическихъ и проч., въ которыхъ что ни ст
ница, то матеріалъ весьма цѣнный; а обширные указатели
нимъ представляютъ прекрасные ключи къ этому истинно мо
ментальному изданію [2]). Вообще этотъ сборникъ есть самое дра
цѣнное достояніе для каждаго образованнаго русскаго, такъ к
заключаетъ въ себѣ главное наслѣдіе, завѣщанное Великимъ П
образователемъ самоотверженно любимой имъ Россіи! Здѣсь,
этихъ собственноручныхъ замѣткахъ, наброскахъ, письмахъ,
казахъ, указахъ, грамотахъ, журналахъ и сказаніяхъ, Пе
Великій открываетъ всю свою душу, свои завѣтныя пожела
и предначертанія къ возвеличенію и славѣ новой Россіи! И
какою любовью А. Ѳ. Бычковъ посвящаетъ свой трудъ на изда
этихъ перловъ отечественной исторіи! Еще недавно, име
въ прошломъ году, посѣтивъ Аѳанасія Ѳедоровича утромъ,
застали его за работой. На нашъ вопросъ — чѣмъ онъ заня
Аѳанасій Ѳедоровичъ, съ обычнымъ добродушіемъ, отвѣчалъ:

— „А вотъ отдыхаю за указателемъ къ письмамъ и бу
гамъ Петра Великаго,—вѣдь сегодня праздникъ“...

---

[1]) Уже къ 1877 г. собрано было въ помянутой комиссіи до десяти тыс
писемъ и бумагъ Петра Великаго.

[2]) Вышло въ свѣтъ два громадныхъ тома „Писемъ и бумагъ Пе
Великаго, за время съ 1688 г. по 1703 г.“, т. I, изд. 1887 г., стр. XXIII
XXXII+888+LIII.—Томъ II, изд. 1884 г., стр. XXIII+721+LXII. Въ эт
двухъ томахъ напечатано 616 писемъ и прочихъ бумагъ Петра Великаг
сотни отвѣтныхъ ему писемъ, послѣднія въ примѣчаніяхъ.

былъ, дѣйствительно, праздникъ—день Свѣтлаго Христова
сенія!

шъ бѣглый очеркъ былъ-бы неполонъ, если-бы мы не
или его выраженіемъ глубокой нашей личной признатель-
маститому академику, признательности отъ „Русской
ны“.

личностью А. Ѳ. Бычкова издавна и неразрывно соеди-
звѣстность не только ученаго подвижника науки, но и
сшодушнаго, самаго доброжелательнаго, и притомъ вполнѣ
го человѣка.

я это и раздѣляя общее къ нему уваженіе, мы, двадцать
годъ тому назадъ приступая къ изданію нашего истори-
журнала „Русская Старина“, смѣло обратились за со-
, одобреніемъ и содѣйствіемъ къ Аѳанасію Ѳедоровичу.

вотъ „Русская Старина“ съ тѣхъ поръ, да будетъ позво-
намъ такъ выразиться, нашла въ Аѳанасіи Ѳедоровичѣ
добраго своего крестнаго отца.

ковымъ онъ остается по отношенію къ „Русской Ста-
болѣе двадцати одного года, украшая время отъ времени
раницы сообщеніями, нерѣдко имѣющими весьма важное
е либо для отечественной исторіи, либо для русской сло-
ги, такъ напр. читатели, конечно, помнятъ, на страницахъ
ой Старины“, въ сообщеніи А. Ѳ. Бычкова, вновь откры-
ъ строфы „Евгенія Онѣгина“.

кончимъ пожеланіемъ, безъ сомнѣнія раздѣляемымъ всѣми,
лько знаетъ Аѳанасія Ѳедоровича Бычкова (а кто его не
изъ нашихъ соотечественниковъ, сколько нибудь при-
ихъ наукѣ!),—да сохранитъ его Господь на многіе годы,
свѣточа знанія, какъ выразителя непрерывнаго труда и
на славу науки и дорогаго отечества!

Ред.

3-го сентября 1890 г.
Спб.

СПИСОКЪ

СОЧИНЕНІЙ, ПЕРЕВОДОВЪ И ИЗДАНІЙ

АКАДЕМИКА

А. Ѳ. БЫЧКОВА.

1838 г.

1. Указатель къ сочиненію Арцыбашева „Повѣствованіе о Россіи“. Приложенъ ко второму тому сочиненія Арцыбашева (Москва. 1838). XXVII стр., in 4°.

1842 г.

2. О шведскомъ переводѣ сочиненія Котошихина „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, исправляющемъ ошибки изданнаго русскаго текста. „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.“, 1842 г., ч. XXXIV, отд. III (выписки изъ протоколовъ засѣданій Археограф. комиссіи), стр. 34—35.

3. „Пилскални (Pilskalni) или такъ называемыя баттареи въ Лифляндіи“. (Переводъ съ нѣмецкаго статьи Гагемейстера). „Москвитянинъ“, 1842 г., ч. V, смѣсь, стр. 22—26.

4. Обозрѣніе шведской литературы. „Москвитянинъ“, 1842 г., ч. V, смѣсь, стр. 33—56.

5. Христіанія. (Переводъ съ французскаго). „Москвитянинъ“, 1842 г., ч. VI, разныя извѣстія, стр. 223—232.

1843 г.

6. Обозрѣніе русскихъ газетъ и журналовъ за первое трехмѣсячіе 1843 года. „Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія“, 1843 г., ч. XXXIX, отд. VI, стр. 69— (Помѣщено обозрѣніе статей по ф софіи, педагогикѣ, правовѣдѣнію, п тическимъ наукамъ, географіи, ст стикѣ, путешествіямъ и этнографіи, и ріи всеобщей и русской).

7. Происходятъ-ли Руссы отъ довъ, и именно отъ Руговъ, обитав въ Сѣверной Германіи? Ординар профессора Дерптскаго универси Крузе. (Переводъ съ нѣмецкаго). „Ж Мин. Нар. Просв.“, 1843 г., ч. XX отд. II, стр. 38—64.

8. Рецензія на трудъ А. Х. Во кова „Описаніе русскихъ и словенс рукописей Румянцовскаго музеума“. „ сквитянинъ“ 1843 г., ч. II, стр. 516— и ч. III, стр. 195—217.

9. Отзывъ объ изслѣдованіи И Устрялова „Именитые люди Стр новы“. „Маякъ“, 1843 г., томъ вос глава IV. Критика, стр. 99—106.

10. Указатель къ Актамъ Ист ческимъ, изданнымъ Археографичес Комиссіею. Спб. 1843. 4°. 1 неп. 218 стр.

1844 г.

11. О среднихъ учебныхъ заведен во Франціи. „Журн. Мин. Нар. Про 1844 г., ч. XLI, отд. IV, стр. 1—52.

нзія на „Остромирово Еван-
1057 г., изданное А. Восто-
Журналъ Мин. Нар. Просв.“,
LI, отд. VI, стр. 1—16.
нзія на „Русскія Достопа-
здаваемыя императорскимъ
исторіи и древностей россій-
московскомъ университетѣ.
ія“. „Журналъ Мин. Нар.
4 г., т. XLI, стр. 162—172.

1845 г.

омъ законѣ во Франціи отно-
горостепеннаго воспитанія.
Мин. Нар. Просв.“, 1845 г.,
IV, стр. 1—26.

1846 г.

ическія замѣтки. Статья I
комъ посадникѣ Михаилѣ
нѣ). „Чтенія Моск. Общ.
ностей“, 1846 года, № 4,
7—50.

1847 г.

зія на три первые тома
й, замѣчаній и лекцій по
оріи“ М. П. Погодина.
. Нар. Просв.“, 1847 года,
VI, стр. 22—48.
зія на сочиненіе П. Саве-
каммеданская нумизматика
и къ русской исторіи. Томъ
Мин. Нар. Просв.“, 1847 г.,
VI, стр. 105—128.
олько статей по русской
укву А въ „Справочномъ
ческомъ Словарѣ“ А. Стар-
ъ 1-мъ томѣ. Спб. 1847).

1849 г.

ествіе казацкихъ атамановъ
ова и Бурнаша Елычева
67 года. Во 2-мъ томѣ „Ска-
го народа“ Сахарова, Спб.
3—186.

1850—1855 гг.

20. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелѣнію изданные II-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Томъ первый (съ 1612 по 1628 годъ) Спб. 1850. 8°. 3 ненум. л., XXXVI стр. (предисловіе, написанное А. Ѳ. Бычковымъ, совмѣстно съ Александромъ Ник. Поповымъ), 1224 столбца и XII столбцовъ.

Томъ второй (съ 1628 по 1645 г.). 2 ненум. л., IV стр., 976 столбцовъ и II стр.

Томъ третій (съ 1645 по 1676 г.). Спб. 1852. 2 ненум. л., IV стр., 1 нен. л., 1656 столбцовъ и 2 ненум. листа.

Дополненія къ тому III-му. Спб. 1854. 2 ненум. л., 484 столбца и 1 нен. стр.

Томъ четвертый (съ 1676 по 1701 г.). Спб. 1855. 2 ненум. л., II стр., 1158 столбцовъ и 1 ненум. стр.

1851 г.

21. О серебряной чарѣ XII вѣка, принадлежавшей черниговскому князю Владиміру Давыдовичу. „Записки Императ. Русск. Археолог. Общества“, томъ III (Спб. 1851), стр. 157—159.

1851—1880 гг.

22. Свѣдѣнія о церковно-славянскихъ и русскихъ рукописяхъ, автографахъ и актахъ, старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ и изданіяхъ, напечатанныхъ гражданскимъ шрифтомъ при Петрѣ Великомъ, поступавшихъ въ Императорскую Публичную Библіотеку, помѣщавшіяся въ отчетахъ Библіотеки за 1850—1879 годы.

(Между прочимъ помѣщены: въ отчетѣ за 1852 годъ обзоръ Древлехранилища Погодина и описаніе рукописнаго собранія П. Ѳ. Коробанова; въ отчетѣ за 1860 годъ свѣдѣнія о собраніи рукописей

и печатныхъ книгъ Трехлѣтова; въ отчетѣ за 1863 годъ описаніе рукописей, принадлежавшихъ И. П. Сахарову; въ отчетѣ за 1867 годъ описаніе собранія рукописей, принадлежавшихъ Н. М. Карамзину; въ отчетѣ за 1868 годъ описаніе собранія юго-славянскихъ рукописей А. Ѳ. Гильфердинга, а въ отчетѣ за 1876 описаніе собранія рукописей Ѳ. Г. Сокурова).

1852 г.

23. О пріобрѣтеніи въ казну Древлехранилища проф. Погодина. „Сѣверная Пчела“ 1852 г., № 198, и „Спб. Вѣдом.“ 1852 г., № 199.

1853 г.

24. О хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ Вѣдомостяхъ 1705, 1706 и 1707 годовъ. „Сѣверная Пчела“ 1853 г., №№ 161 и 162.

25. Библіографическая замѣтка (по поводу статьи академика Броссе въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ: „Свѣдѣнія о Грузинской царицѣ Тамарѣ въ древней русской литературѣ). „Спб. Вѣдом.“ 1853 г., № 165. (Въ замѣткѣ этой указаны рукописи Императорской Публичной Библіотеки, содержащія въ себѣ: „Слово о дщери Иверскаго царя Динарѣ“).

1853—1855 гг.

26. Юрналы и походные журналы Петра Великаго, съ 1695 по 1725 годъ и походный журналъ 1726 года. (Съ историческими и географическими примѣчаніями).

Журналъ за каждый годъ имѣлъ свою особую пагинацію (см. статью С. А. Соболевскаго: „Юрналы и камеръ-фурьерскіе журналы 1695—1774 гг.“ въ приложеніи къ „Русскому Архиву“ 1867 г.).

1853—1857 гг.

27. Камеръ-фурьерскіе журналы за 1726—1772 годы.

Эти журналы печатались подъ ре
ціею А. Ѳ. Бычкова и Б. М. Ф
рова.—Журналъ за каждый годъ и
особую пагинацію (см. указанную ст
Соболевскаго).

1855 г.

28. Первыя Русскія Вѣдомости,
Чатавшіяся въ Москвѣ въ 1703 году.
вое тисненіе по двумъ экземпля
хранящимся въ Императорской Пуб
ной Библіотекѣ. Спб. 1855. 12°, 3 не
л., 30 стр. (предисловіе, въ которо
казаны значеніе Вѣдомостей, ихъ
рія, и исчислены напечатанныя о
статьи), 1 ненум. л., 262 стр., 4 не
стр., 51 стр. (указатель лицъ и ге
фическихъ мѣстностей) и 3 ненум.

Это изданіе Императорской Публи
Библіотеки было приготовлено къ п
нованію столѣтняго юбилея москов
университета и ему посвящено.

29. Библіографическіе отрывки.
Посольство въ Россію графа Карле
„Отеч. Записки“ 1855 года, т. CII (
науки и художества, стр. 47—86.

30. Замѣчанія на статью П. П.
карскаго „Планъ и образцы библі
фическаго обозрѣнія русскихъ
Петровскаго времени“. „Извѣстія И
раторской Академіи Наукъ по отдѣ
русскаго яз. и словесности“, Спб.
4°, т. IV, вып. 6, столбцы 326—330.

31. Дополнительныя статьи къ
дебнику царя Іоанна Васильевича,
ваемыя въ первый разъ по списку
тажной Библіотеки. „Архивъ истор
юридическихъ свѣдѣній“, издав.
Калачовымъ, книги второй поло
первая (М. 1855), отд. II, стр. 71—

1856 г.

32. Полное собраніе русскихъ
писей, изданное по Высочайшему
лѣнію Археографическою Комис
Томъ седьмый. VII. Лѣтопись по
кресенскому списку. Спб. 1856.
нен., л. X и 345 стр.

редакціею А. Ѳ. Бычкова на-
вторая часть тома, именно стр.
страницы же 1—120 были на-
подъ редакціею Я. И. Бередъ-

ѣстіе о Супрасльской рукописи
„Извѣстія Императ. Академіи
отдѣл. русск. языка и сло-
Спб. 1856, т. V, вып. 6, стр.

1857 г.

иненія В. А. Жуковскаго.
тое. Томы 10, 11, 12, 13. Спб.

леніе къ печати этихъ то-
возложено графомъ Д. Н.
ъ на А. Ѳ. Бычкова, подъ
котораго они и были изданы.

1859 г.

ое собраніе русскихъ лѣто-
ь осьмый. VII. Продолженіе
о Воскресенскому списку.
º, VIII, 301 и 1 ненум. стр.
тка о житіи преп. Кирилла
аго. „Журналъ Мин. Народ.
59, ч. CIV, отд. III (выписки
оловъ засѣданій Археограф.
тр. 26—30.
е преп. Иринарха Ростов-
ыдержками изъ рукописнаго
я). „Журн. Мин. Нар. Просв.“,
', отд. III, выписки изъ про-
сѣданій Археограф. комиссіи,
стр. 38—48.
хъ неизвѣстныхъ изданіяхъ,
ыхъ въ Долгомъ Полѣ. (Объ
1643 года и Псалтири 1650 г.)
ическія Записки“ 1859 года,
—258.
омирово Евангеліе (Новыя о
нія. Замѣтка). „Спб. Вѣдо-
г., № 9.

1860 г.

ъ хода изданія лѣтописей въ
Россіи. „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1860 г., ч. CV, отд. II, стр. 1—26.

41. Описаніе Петербурга и Кронштота въ 1710-мъ и 1711-мъ годахъ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ примѣчаніями. Изданіе Императорской Публичной Библіотеки. Спб. 1860. 16º. 1 ненум. л., XIV и 108 стр.

Переводъ этого описанія былъ перепечатанъ въ „Русской Старинѣ“ 1882 г., т. XXXVI.

42. Два новые матеріала для біографіи Котошихина. „Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“, издав. Н. В. Калачовымъ, книга первая, Спб. 1860, отд. V, стр. 3—5.

43. Наказъ, данный 5 ноября 1771 г. Екатериною II генералъ-аншефу кн. М. Н. Волконскому, при назначеніи его московскимъ генералъ-губернаторомъ. „Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, относящихся до Россіи“, изд. Н. В. Калачовымъ, книга вторая, Спб. 1860, стр. 24—42.

1861 г.

44. О весьма рѣдкой брошюрѣ, вышедшей изъ братской Львовской типографіи (напечатанной въ 1591 году въ честь митрополита Михаила Рогозы). „Библіографич. Записки“ 1861 года, т. III, ст. 578—581.

45. Біографія Авраамія Палицына и біографическія замѣтки объ Авраамѣ, тысяцкомъ новгородскомъ, и объ Авраамѣ Степановичѣ, тысяцкомъ новгородскомъ. „Энциклопедическій Словарь, составленный русскими учеными и литераторами“, т. I, Спб 1861, 8°, стр. 266—269 и 271.

46. Новое пріобрѣтеніе Императорской Публичной Библіотеки. (Говорится о собраніи старопечатныхъ книгъ И. П. Каратаева). „Спб. Вѣдомости“ 1861 г., № 101.

47. Каталогъ монетъ, пожертвованныхъ Императорскому Археологическому Обществу тайнымъ совѣтникомъ Х. Я.

читанныхъ въ отдѣленіи русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, томъ пятый, вып. I, Спб. 1869, стр. 217 — 288. (Въ приложеніи I напечатана переписка митроп. Евгенія съ А. И. Ермолаевымъ, а въ приложеніи II подробный перечень „Матеріаловъ къ словарю Евгенія о русскихъ писателяхъ").

74. Записка о трудѣ Горскаго и Невоструева „Описаніе славянскихъ рукописей московской патріаршей, нынѣ синодальной библіотеки". Отчетъ о первомъ присужденіи Ломоносовской преміи, Спб. 1868, 8°, стр. 81—106 (помѣщ. въ Сборникѣ отд. русск. яз. и словесн., т. VII, № 1) и Записки Имп. Акад. Наукъ, т. XIII, кн. 2, стр. 275—300.

75. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Томъ первый (1542—1721). Спб. 1868, 8°. 6 ненум. стр., 776, CCCCLXXVI и 87 столбцовъ, 6 и IV стр.

А. Ѳ. Бычковъ принималъ участіе въ составленіи и редакціи этого тома.

1868—1869—1875 гг.

76. Указатель къ осьми томамъ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей, изданныхъ по Высочайшему повелѣнію Археографическою Комиссіею. Томъ первый, А — I, Спб, 1875. 4°, VI стр., ненум. л., 459 стр. и 4 ненум. стр.

Указатель составлялся А. Ѳ. Бычковымъ и Н. П. Барсуковымъ. Первый томъ выходилъ выпусками, изъ которыхъ первый явился въ свѣтъ въ 1868 г., второе въ 1869-мъ, а третій въ 1875-мъ.

1869 г.

77. О баснях Крылова въ переводах на иностранные языки. Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. VI, Спб. 1869, стр. 81—108, и Записки Академіи Наукъ, т. XV, кн. 1, Спб. 1869. стр. 33—60.

78. Разборъ сочиненія В. И. Сергѣевича „Вѣче и князь. Русское государственное устройство и управленіе времена князей Рюриковичей". Отчетъ одинадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, Спб. 1869, стр. 39—57.

79. Полное собраніе постановленій распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имп. Томъ I. 1721. Спб. 1869. 8 д. 1 ненум. 4 ненум. стр., 349, 16 и 33 стр.

Редакціею этого тома занимались А. Бычковъ и А. П. Крыжинъ; указатель-же составленъ Н. И. Григоровичемъ.

1870—1880 гг.

80. Матеріалы по русской исторіи исторіи русской литературы, помѣщенные въ „Русской Старинѣ".—1870 г. Необнародованный манифестъ о войнѣ Россіи съ Франціей 1812 года (т. I, стр. 48—57); Отрывокъ изъ записанныхъ разсказовъ сенатора Ив. Дан. Данилова цесарев. Константинѣ Павловичѣ 182 (т. I, стр. 279—280); Письмо Н. Н. Новосильцова къ военному губернатору управлявшему Кіевскою и Минскою губерніями, А. П. Тормасову, 1807 г. (о крестьянахъ князя Зубова) (т. стр. 304); 1872 года: Графъ М. М. Сперанскій.—Его философскіе отрывки и афоризмы (т. V, стр. 68—79); 1873 г. Записки полковника Ивана Ѳедоровича Вадковскаго о событіяхъ въ старомъ Семеновскомъ лейбъ-гвардіи полку 182 1822 гг. (т. VII, стр. 635—652); Письма Г. Р. Державина къ управлявшему его имѣніемъ, 1800-хъ годовъ (т. VI стр. 729 — 730); Письмо императрицы Екатерины II къ вице-канцлеру князю А. М. Голицыну, 1764 года (т. VIII, стр. 885); Письмо императрицы Екатерины II къ П. Д. Еропкину (томъ VIII, стр. 886 — 887); Письма князя Г. А. Потемкина-Таврическаго къ императрицѣ Екатеринѣ (т. VIII, стр. 727—728); Письма гра

ородка, 1784 и 1786 гг., къ Потемкину (т. VIII, стр. 887—889); Письма графа П. А. а-Задунайскаго къ Екатеянязю Г. А. Потемкину и Зубову (т. VIII, стр. 717—) В. Я. Чичагова къ В. Г. 95 года (т. VIII, стр. 732); И. Бецкаго къ Г. Г. Гоода (т. VIII, стр. 715—717); Ъ I-тилѣтію II-го Отдѣленія Е. И. В. Канцеляріи. (Мнѣски М. М. Сперанскаго) тран. 430—441 и 586—598); Письмо князя Я. Ѳ. Долгозю А. Д. Меншикову, 16-го 6 г. (т. XX, стр. 535); Черитъ герцогини курляндской вны членамъ верховнаго тай-28-го января 1730 г. (т. XVIII, 2); Указъ о шведскомъ паода (т. XIX, стр. 136); Письмо на графа Б. Х. Миниха къ Дмитріевичу Кантемиру, 1741 г. (т. XVIII, стр. 454); ъ-хирурга Лестока къ кн. итріевичу Кантемиру, 26-го (т. XVIII, стр. 480); Письмо офа къ князю П. А. Зубову, XX, стр. 34); Письмо И. В. къ М. М. Сперанскому, XX, стр. 663—664); Письмо Орлова-Чесменскаго отъ 1801 г. (т. XX, стр. 577—578); С. Дохтурова къ графу лену 1809 г. (т. XX, стр. 673); И. Михельсона къ гр. П. К. (т. XX, стр. 666 — 667); фа Густава Маврикія Армграфу П. К. Сухтелену XX, стр. 699—700); Письмо Давыдова къ М. Н. Запартизанѣ Фигнерѣ) (т. XX, 99); Приказъ графа М. И. 1809 г. (т. XX, стр. 673); Письмо А. Ѳ. Мерзлякова овикову, 1817 г. (т. XXVI, 0); 1880 года: Письмо Жукъ Наслѣднику Цесаревичу, 1838 г. (т. XXVII, стр. 618); Письма А. С. Пушкина къ Н. М. Коншину, П. В. Нащокину, Н. А. Полевому и Н. М. Гречу, 1830—31 и 1836 гг. (т. XXVIII, стр. 806—808).

1871 г.

81. Отчетъ А. Ѳ. Бычкова объ осмотрѣнныхъ имъ монастырскихъ библіотекахъ и архивахъ въ Ярославской губ. (отчетъ прочитанъ въ засѣданіи Археографической комиссіи 27 сентября 1867 г.). „Лѣтопись занятій Археографической комиссіи“ за четыре года (1867—1870), вып. пятый, Спб. 1871, отд. IV (выписки изъ протоколовъ), стр. 21—30.

82. Воспоминаніе о дѣятельности Авраама Сергѣевича Норова (приложеніе къ протоколу засѣданія Археографической комиссіи 18 февраля 1869 г.). „Лѣтопись занятій Археографическ. комиссіи“ за четыре года (1864—1870), вып. пятый, Спб. 1871, отд. IV, стр. 86—95.

83. Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго, составленное по экземплярамъ церковно-печатныхъ изданій, находящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Въ Очеркѣ славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго, съ дополненіями А. Ѳ. Бычкова и А. Викторова, М. 1871, 8 д., столбцы 333—388.

84. Матеріалы военно-ученаго архива Главнаго Штаба. Томъ I, Спб. 1871, 4 д., 1 ненум. л., 2 ненум. стр., IV стр., 846 столбцовъ, 014 стр., 28 стр. и карта. (Въ этомъ томѣ напечатаны матеріалы времени царствованія Петра Великаго).

85. Слова Валдайскаго уѣзда и Владимірской губ., извлеченныя изъ доставленныхъ въ Отдѣленіе (русскаго языка и словесности) матеріаловъ. Записки Имп. Акад. Наукъ, т. 20, кн. I, Спб. 1871, стр. 143—149, и Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности, томъ восьмой, Спб. 1872, стр. XLIII—XLVIII.

1872 г.

86. Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. Спб. 1872, 8 д., XIV, 512, 63 и 1 ненум. стр.

87. Записка объ ученыхъ трудахъ профессора московскаго университета С. М. Соловьева. Записки Императорской Академіи Наукъ, т. XX, кн. II, Спб. 1872, стр. 383—396.

88. Письма Петра Великаго, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и описаніе находящихся въ ней рукописей, содержащихъ матеріалы для исторіи его царствованія Спб. 1872, 8 д., 1 ненум. л., XX и 180 стр.

89. Разборъ сочиненія Н. П. Ламбина „Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи. I. О Свенгелдѣ и утличахъ". Отчетъ о четырнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, Спб. 1872, стр. 89—105.

90. Въ память графа Михаила Михайловича Сперанскаго 1772—1872. Спб., 8 д., 1 ненум. л., XXVIII стр., 855 и XXVII стр., и портретъ Сперанскаго.

91. О монетномъ обращеніи. Сочиненіе графа М. М. Сперанскаго. Чтенія въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей, 1872 г., кн. 4, отд. V, смѣсь, стр. 140—178.

92. Замѣтка по поводу напечатанной въ журналѣ „Бесѣда" 1872 года статьи г. М. Шпилевскаго „Неизданное сочиненіе Ломоносова о комерціи". „Спб. Вѣдомости" 1872 г., № 92, и „Сборникъ Отдѣленія русскаго языка", томъ десятый, Спб. 1873, стр. IV—V.

93. Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи. Томъ II. 1722 г. Спб. 1872, 8 д., 1 ненум. л., 28 стр., 685 и 73 стр.

Былъ напечатанъ подъ редакціею А. П. Крыжина и А. Ѳ. Бычкова

1873 г.

94. Бумаги императора Петра I. Спб. 1873. 8 д. (Сборникъ Русскаго Историч. Общества, т. XI). 1 ненум. л., 23
59 стр.

95. Письма и бумаги импер
Екатерины II, хранящіяся въ
торской Публичной Библіотекѣ. Сп
4 д., 2 ненум. л., 2 ненум. стр., 1
стр. и 10 л. снимковъ.

1874 г.

96. Рѣчь о трудахъ по русско
ріи въ царствованіе императрицы
рины II, произнесенная въ чрезвыч
собраніи Императорскаго Русскаг
рическаго Общества 25-го ноября
Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.,
(Спб. 1874), стр. VI—XII.

97. Рецензія на трудъ графа
Уварова „Меряне и ихъ быть
ганнымъ раскопкамъ". Отчетъ
Русск. Геогр. Общ. за 1873 г., Сп
стр. 57—61.

98. Рецензія на „Причитанія
наго края, собранныя Е. В.
вымъ. Ч. I. Плачи похоронны
гробные и надмогильные". Отчетъ
надцатомъ присужденіи наград
Уварова, Спб. 1874, стр. 191—1

99. „Женитьба". Комедія Н.
голя. Разночтенія по черновой р
Гоголя. „Русская Старина"
т. IX, стр. 323—338.

1875 г.

100. Рецензія на трудъ В. Е.
цова „Сборникъ памятниковъ,
щихся до книгопечатанія въ
Выпускъ первый". Отчетъ о се
томъ присужденіи наградъ гра
рова. Спб. 1875, стр. 60—72.

101. Отзывъ о первомъ письм
Бурачкова къ Ф. К. Бруну о
географіи Новороссійскаго края.
Импер. Русск. Географ. Общества
т. XI, выпускъ третій, стр. 188—

1876 г.

102. Графъ М. А. Корфъ (Б

ркъ). „Древняя и Новая Рос-
года, т. I, стр. 324—341.
цензія на трудъ А. Н. Неу-
„Историческое розысканіе о
повременныхъ изданіяхъ и
ь за 1703 — 1802 гг., библіо-
и и въ хронологическомъ по-
исанныхъ А. Н. Неустрое-
тчетъ о восемнадцатомъ при-
наградъ графа Уварова, Спб.
21—30.

1877 г.

вновь найденномъ пергамен-
кѣ Евангелія (О такъ назы-
Архангельскомъ Евангеліи 1092
рникъ отдѣл. русск. языка и
ти, т. XVII. Спб. 1877, стр.
, и Записки Имп. Акад. Наукъ,
кн. I, Спб. 1877, стр. 97—112.
свадьбѣ императора Петра
съ Екатериною Алексѣевною.
и Новая Россія", 1877 г., томъ
—324.
тчетъ въ дѣлахъ 1810 г., пред-
й императору Александру I
перанскимъ 11-го февраля
Сборникъ Импер. Русск. Истор.
т. XXI, Спб. 1877, стр. 447—

878—1880—1882 гг.

писаніе церковно-славянскихъ
ихъ рукописныхъ сборниковъ
рской Публичной Библіотеки.
овая. Спб. 1882. 8°. 2 ненум.
538, 2 ненум., 152 и 2 ненум.

ть выходила первоначально вы-
изъ которыхъ первый явился
въ 1878 году, второй въ 1880-мъ,
въ 1882 году.

1878 г.

Рецензія на книгу: „Первыя со-
ъ сношеній между Россіею и
1553—1593. Грамоты, собран-
ныя, переписанныя и изданныя Юріемъ Толстымъ". Отчетъ о двадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, Спб. 1878, стр. 529—538.

109. Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности за 1877 г., читанный въ торжественномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1877 г. (Здѣсь помѣщенъ очеркъ дѣятельности академика А. В. Никитенко). Сборникъ отдѣл. русск. языка и словесности, т. XVIII, Спб. 1878, стр. XVI—LXVI, и Записки Импер. Академіи наукъ, т. XXXI, кн. I, Спб. 1878, стр. 31—72.

1879 г.

110. Новгородскія лѣтописи (Такъ названныя новгородская вторая и новгородская третья лѣтописи). Спб. 1879, 8°, XXIV, 488, 113 и 1 ненум. стр.

111. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Томъ II, часть первая. 1722 г. Спб. 1879. 8°.

А. Ѳ. Бычковымъ составлены описанія дѣлъ съ № 1 по № 19 и съ № 114 по № 281; приложенія съ № I по № XV и съ № XVII по № XXXII.—Остальная часть тома была редактирована И. И. Верховскимъ, В. В. Никольскимъ и Н. И. Григоровичемъ.

112. Библіографическій списокъ сочиненій и изданій академика И. И. Срезневскаго. Спб. 1879. 4°. (Вошелъ въ приложенія къ отчету II отдѣленія Академіи Наукъ за 1880 годъ. См. ниже № 116).

113. Воспоминаніе о С. М. Соловьевѣ. Рѣчь, читанная въ засѣданіи Общаго собранія Академіи Наукъ 2-го ноября 1879 г. Записки Импер. Академіи Наукъ, т. XXXVI, кн. I, Спб. 1880, стр. 225—228.

114. Матеріалы, напечатанные въ изданіи „Годы ученія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича" (томъ I., Спб. 1880) (= Сборнику Импер. Русск.

Историч. Общества, томъ XXX, Спб. 1881): „О законахъ. Бесѣды графа М. М. Сперанскаго съ Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ, съ 12-го октября 1835 г. по 10-е апрѣля 1837 г. (стр. 332—491); 2. Письмо В. А. Жуковскаго къ Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, 1828 года, съ поднесеніемъ картины, изображающей Св. Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго въ отроческомъ возрастѣ (тамъ-же, стр. 167—168); 3. Обозрѣніе окончательнаго курса наукъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича. 1832 (тамъ-же, стр. 51—59).

1881 г.

115. Отзывъ о „Русско-нищенскомъ словарѣ“ о. Сцепуро. Сборникъ отдѣленія русск. языка и словесности, т. XXI, Спб. 1881, стр. XXXIII—XXXIV, и Зап. Импер. Акад. Наукъ, т. XXXVII, кн. II, стр. 198—199.

116. Отчетъ о дѣятельности втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1880 г. (Здѣсь помѣщены свѣдѣнія о дѣятельности академика И. И. Срезневскаго и библіографическій списокъ его трудовъ). Сборникъ отдѣл. русскаго языка и словесности, т. XXII, № 6, 126 стр., и Записки Импер. Акад. Наукъ, т. XXXVIII, кн. II, стр. 87—212.

117. Предисловіе къ изданію Импер. Общества любителей древней письменности „Заставки и миніатюры Четвероевангелія 1507 года“. (Спб. 1880—1881). 4°. (Предисловіе на стр. 1—8).

1882 г.

118. Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы. П. М. Строева. Приведены въ порядокъ и изданы подъ редакціею академика А. Ѳ. Бычкова. Сборникъ Отдѣл. Русск. яз. и словесн., томъ XXIX, № 4, 1 ненум. л., 53 и 1 ненум. стр., и Записки Ак Наукъ, т. XLI, кн. I, № 2. На 1 — 8 помѣщена записка А. Ѳ. кова „О матеріалахъ къ Библіол скому словарю П. М. Строева“, стр. 447—531 составленный А. Ѳ. ковымъ алфавитный указатель к варю Строева.

1884 г.

119. Воспоминаніе объ А. Е. торовѣ. Записки Императ. Ак Наукъ, т. XLVIII, кн. I, Спб. 188 96—103 и въ приложеніи къ От дѣятельности втораго отдѣленія раторской Академіи Наукъ за 188 составленному М. И. Сухомлино (Сборникъ, т. XXXIII, № 1, Спб. стр. 46—53.

120. Замѣтка о бывшемъ въ 179 въ Гамбургѣ конкурсѣ на сочинен на французскомъ языкѣ на кончи ператрицы Екатерины II и о мед выбитыхъ въ награду авторамъ одъ. Извѣстія Императ. Русск. Ар Общества, т. X, Спб. 1884, ст. 85

121. Замѣтка о знаменахъ, ору и доспѣхахъ, хранившихся въ четверти настоящаго столѣтія въ торыхъ монастыряхъ и церквахъ. стія Императ. Русск. Археолог. ства, т. X, ст. 212—216.

122. Опись стѣнописныхъ изо ній (притчей) въ Золотой Палатѣ дарева Дворца, составленная въ 1 и Опись стѣнописныхъ изображени чей) въ Грановитой Палатѣ, сост ная въ 1672 году. Въ изданіи „Мат для исторіи, археологіи и стат города Москвы, по опредѣленію М ской Городской Думы собранные и ные руководствомъ и трудами Ива бѣлина“, ч. I, Москва. 1884, 4°, ст 1238—1271.

1885 г.

123. Полное собраніе русскихъ

омъ десятый. VIII. Лѣтописный
, именуемый патріаршею или
вскою Лѣтописью. (Продолже-
. 1885. 4°, 1 ненум. л., 4 ненум.
4 стр.

1886 г.

Разборъ рукописнаго сочиненія
ва: „Къ исторіи черниговскаго
а. О черниговскихъ князьяхъ
цкому Синодику и о черниго-
няжествѣ въ татарское время".
о двадцать восьмомъ присужде-
адъ графа Уварова. (Приложеніе
тому Записокъ И. А. Н., № 4),
5, стр. 79—99.

амѣтка о VIII томѣ издавае-
одъ редакціею П. Н. Батюш-
Памятниковъ русской старины
дныхъ губерніяхъ". Сборникъ
я Русск. языка и словесности,
VIII, стр. V—VI, и Записки Ака-
укъ, т. LII, кн. I, стр. 101—102.

Отзывъ о первомъ томѣ Бѣло-
Сборника Е. Романова. Сбор-
. Русск. яз. и словесности, т. XL,
IV, и Записки Академіи Наукъ,
Спб. 1887, стр. 119—121.

І. А. Лавровскій. (Некрологъ).
Мин. Нар. Просвѣщенія", 1886,
IV, соврем. лѣтопись, стр. 54—71.

Воспоминаніе о графѣ А. С. Ува-
аписки Импер. Русск. Археол.
(новая серія), т. II, вып. пер-
I—V.

оспоминанія о Н. В. Калачовѣ.
Импер. Русск. Археолог. Обще-
вая серія), томъ II, вып. пер-
. 1886, стр. LXXXV—XC.

1887 г.

Письма и бумаги Императора
еликаго. Томъ первый (1688—
б. 1887. 8°, 1 ненум. л., XXIII,
888 и LIII стр. и 2 портрета.
томъ роскошнаго изданія въ
большую 4-ю д. л., 1 ненум. л., XIX, XXIV, 733, 31 и 1 ненум. стр.

131. Отчетъ о дѣятельности втораго отдѣленія Императ. Академіи Наукъ за 1886 годъ. Сборникъ Отдѣл. Русск. языка и слов., т. XLI, № 4, 24 стр., и Записки Академіи Наукъ, т. LV, кн. I, Спб. 1887, стр. 35—58.

1888 г.

132. Путешествіе Евгенія Онѣгина. Вновь открытыя строфы романа А. С. Пушкина. „Русская Старина" 1888 года, т. LVII, стр. 233—258.

133. Разборъ разсказовъ и очерковъ А. Чехова „Въ сумеркахъ". Четвертое присужденіе Пушкинскихъ премій, Спб. 1888 (Сборникъ Отдѣленія Русскаго яз. и словесности, т. XLVI, № 1, и прилож. № 3 къ LIX тому Записокъ Академіи), стр. 46—53.

1889 г.

134. Письма и бумаги Императора Петра Великаго. Томъ второй (1702—1703). Спб. 1889. 8°, V, XXIII, 721 и LXII, стр. и 3 снимка.

Тотъ-же томъ роскошнаго изданія, въ большую 4-ю долю л. XX, 594, 33 и 1 ненум. стр.

135. Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Томъ шестнадцатый. Лѣтописный сборникъ, именуемый лѣтописью Авраамки. Спб. 1889. 4°.

Подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова напечатаны первые 12 листовъ (столбцы 1—192). Остальные же 8 листовъ этого тома изданы подъ редакціею К. Н. Бестужева-Рюмина, указатели-же составлены А. П. Барсуковымъ.

1890 г.

136. Отзывъ объ изданной П. Н. Батюшковымъ книгѣ „Бѣлоруссія и Литва". Сборникъ Отдѣл. Русск. языка и словесности, т. LI, стр. VIII—XIII.

Поправки, описки и опечатки.

Къ статьѣ: «М. Т. Каченовскій».

(См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., іюнь).

Аѳинскія письма, о переводѣ которыхъ моимъ отцомъ упоминается названной статьѣ (стр. 687), написаны не современнымъ писателемъ Ба леми де-Сентъ-Илеромъ, а писателемъ прошлаго столѣтія — Бернарден де-Сентъ-Пьеръ.

1-го іюля 1890 г.
Москва.

В. М. Каченовскій.

(См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., августъ).

Въ сообщенной мною статьѣ: „А. А. Андро“, на стран. 393 и 397, стих И. И. Козлова: „Любви и жизни на разцвѣтѣ“ ошибочно показано неизд нымъ—оно напечатано еще въ изд. его стихотвореній 1840 г.

Въ этой же статьѣ, на стран. 391, строка 8 снизу, напечатано: Средин Деражни вмѣсто: Срединную Деражню; на стран. 395, строка 5-я снизу, печатано: и вы негрѣшны,—читай: и вы не негрѣшны; на стр. 410 строк снизу слѣд. читать: „Dans un moment de melancholie—черной немочи“.

5-го августа 1890 г.
Варшава.

П. М. Устимовичъ.

(См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., сентябрь).

Въ первой статьѣ воспоминаній Евгенія Скайлера вкралась описка фамиліи супруги графа Льва Николаевича Толстого, а именно: на стр. строка 15 снизу, напечатано: графиня Софья Андреевна Толстая, ур денная Борсъ, читай—Берсъ.

В. Т.

выя книги, поступившія въ книжный магазинъ „Русской Старины“

Спб., Большая Подьяческая, д. № 7, кв. 2.

Вахтіаровъ, А. А. Исторія книги на Руси. Со многими рисун-ми въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1890 г., д., стр. 277. 1 р. 50 к.

Воспоминанія Теобальда. Часть V. Воспоминанія общія (напе-аны въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, не для продажи). ьна, 1890 г., 8 д., стр. 143.

Викторовъ, А. Е. Описи рукописныхъ собраній въ книгохрани-дахъ Сѣверной Россіи. Изданіе Археографической комиссіи. Спб., 0 г., б. 8 д., стр. 378. Ц. 1 р. 50 к.

Литовско-языческіе очерки. Историческія изслѣдованія Тео-льда. Вильна, 1890 г., 8 д., стр. 201.

Никитинъ, В. Н. Несчастные. (По поводу бывшаго тюремнаго гресса). Спб., 1890 г., 8 д., стр. 54. Ц. 50 к.

Расходная книга патріаршаго приказа кушаньямъ, подавав-мся патріарху Адріану и разнаго чина лицамъ съ сентября 8 по августъ 1699 г. Напечатано подъ редакціею сотрудника еографической комиссіи А. А. Титова. Изданіе И. А. Вахрамѣева. ., 1809 г., б. 8 д., стр. 335+22. Ц. 1 р. 50 к.

Ровинскій, Д. Полное собраніе гравюръ Рембрандта со всѣми ницами въ отпечаткахъ. 1000 фототипій безъ ретуши. Спб., 1890 г. нъ томъ текста, 4 д., и Атласъ въ 3 томахъ въ листъ. Ц. 125 р.

Романовичъ, П. П. Русская старина въ родной поэзіи. Иллю-рованный сборникъ стихотворныхъ образцовъ съ примѣчаніями оваремъ. Новгородъ, 1790 г., 4 д., стр. 468 съ рисунками. Ц. 4 р.

Русская Историческая Библіотека, издаваемая археографическою иссіею. Томъ двѣнадцатый. Акты Холмогорской и Устюжской епар-. Часть первая. 1500—1699 гг. Спб., 1890 г., б. 8 д., стр. 740+63.

Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ III. Статьи, диссертаціи, лекціи дическаго содержанія. Спб., 1890 г., 8 д., стр. 544. Ц. 2 р.

Сочиненія князя Д. П. Горчакова. Изданіе княжны Елены чаковой. Москва, 1890 г., 8 д., стр. 188. Съ портретомъ князя П. Горчакова.

Энциклопедическій Словарь. Подъ редакціей профессора И. Е. дреевскаго. Томъ 1-й, второй полутомъ, А. Алтай — Арагвай. атели Ф. А. Брокгаузъ, И. А. Ефронъ. Спб., 1890 г., 8 д., 965. Ц. 3 р.

Изданія Д. А. Ровинскаго.

Азбука 1812 года; **Притча о блудномъ сынѣ**; Десять сказокъ Брюсовъ календарь по 5 р.

Русскій граверъ Чемесовъ. Спб. 1878 г.; въ листъ, съ 17 портретами. 17 р.

Николай Ивановичъ Уткинъ, его жизнь и произведенія. С 1884 г. 8°. 3 р.

Атласъ къ этой книгѣ, съ 33 гравюрами Уткина и его у никовъ. 40 р.

На китайской бумагѣ 60 р.

Одиннадцать гравюръ И. А. Берсенева. Спб. 1886 г. 10 р.

Достовѣрные портреты Московскихъ государей: Ивана Василія Ивановича и **Ивана IV** Грознаго и посольства ихъ време Спб. 1882 г. Въ **большой листъ,** съ 47-ю рисунками. 25 р.

Отдѣльно изъ этого **изданія:** посольство Сугорскаго и посольс Колычева, по 10 р.

Виды Соловецкаго монастыря; 51 доска. Спб. 1884 г. 10 р.

Матеріалы для Русской Иконографіи: портреты, виды, ис рическія картины, костюмы и карикатуры; шесть томовъ по 40 к тинокъ въ каждомъ. **Спб.** 1884—1886 гг. 120 р.

Печатаются томы VII—XII (послѣдніе). Цѣна за всѣ 6 том 120 руб.

Отдѣльно изъ этого **изданія:** видъ С.-Петербурга, грав. Пикаро и букварь Каріона **Истомина** по 10 р.

Апокалипсисъ Прокопія и видъ Заяузья по 5 р.

20 портретовъ изъ Корня 1672 года. 5 р.

Они-же раскрашенные отъ руки 65 р.

Двадцать видовъ изъ Привислянскихъ и Польскихъ губ ній, въ большой листъ, гравированы Фреемъ около 1807 года. 1

Подробный словарь Русскихъ гравированныхъ портрето Спб. 1886—1889 гг. Четыре тома съ 700 фототипными портрета 4°. 40 р.

То-же изданіе въ двухъ томахъ безъ портретовъ. 10 р.

Полное собраніе гравюръ Рембрандта, со всѣми разницами отпечаткахъ, 1000 фототипій безъ ретуши. Одинъ томъ текста, и Атласъ въ 3 томахъ въ листъ. Спб. 1890 г. 125 р.

То-же изданіе съ двумя Атласами, изъ которыхъ 2-й распо женъ въ хронологическомъ порядкѣ по Миддлетону. 250 р.

Всѣ вышеназванныя книги и изданія высылаются заявленіямъ съ наложеннымъ платежомъ немедленно полученіи требованія.

Софья Ковалевская

Прилож. къ истор. журн. „Русская Старина"
1890 г.

Фототипія В. Блосфельдъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

СКОВЪ И ЕГО ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ.

Очеркъ А. С. Князева.

ь послѣднее десятилѣтіе, любители отечественной исторіи весьма обращаются къ Пскову [1]), какъ одному изъ самыхъ древнихъ го-ь въ Россіи, думая найти въ немъ богатый матеріалъ для своихъ хъ изслѣдованій. Точно, почти тысячелѣтнее, полное невзгодъ вы, существованіе этого прадѣда земли русской, его особенное вое) устройство, продолжавшееся не одинъ вѣкъ, его обширныя выя связи съ иноземцами, тяжкая борьба съ ними за свое твованіе, частая рознь съ старшимъ братомъ своимъ, великимъ родомъ, его роковое паденіе передъ могуществомъ князей мос-ихъ,—все это, и многое другое, не могло не оставить въ немъ бѣ глубокихъ слѣдовъ. Когда-то ихъ и было много, но что ь остается въ немъ отъ временъ древнихъ, то далеко не можетъ и ловину удовлетворить ожиданіямъ ученыхъ. Число памятниковъ режней жизни, съ теченіемъ времени, отъ разныхъ причинъ, ленно все болѣе и болѣе сокращалось и продолжаетъ сохра-я.

---

[1]) Въ послѣднее десятилѣтіе были въ Псковѣ, съ цѣлью ознакомиться съ его стями: Н. И. Костомаровъ, графъ М. В. Толстой, М. И. Сухо-овъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, П. А. Ефремовъ, проф. харьк. ситета Г. Ѳ. Карповъ, М. П. Погодинъ, В. А. Прохоровъ, М. И. вскій, проф. варш. универс. А. И. Никитскій, Д. И. Прозоровскій и другіе. Былъ ученый французъ Gr. S. de Macrijeany, Administrateur rnal «La Mappemonde illustrée». А. С. К.

I.

Шестьдесятъ лѣтъ нашего личнаго знакомства съ Псковомъ—
большое время, въ сравненіи съ его многовѣковою жизнью, а сколь
въ продолженіи и этихъ лѣтъ, убыло въ немъ предметовъ, замѣчате
ныхъ по своей древности! Многое, если не погибло совершенно,
потеряло первобытный видъ свой и лишилось своего археологическ
значенія. Религіозные памятники болѣе другихъ защищены отъ р
рушенія своимъ внутреннимъ достоинствомъ, но и они не свобод
отъ него. И ихъ число все болѣе и болѣе сокращается. На наш
глазахъ не стало во Псковѣ церквей: Николаевской на проло
Златоустовской Медвѣдскаго монастыря, близь нынѣшняго косте
Воскресенской, на Великолуцкой улицѣ, Стефановской, бывш
монастыря этого имени, за Іоанно-Предтеченскимъ женскимъ мо
стыремъ, на Завеличьѣ, такъ что изъ 300 церквей, бывшихъ
Псковѣ во время осады его Баторіемъ, въ 1581 г. [1]), теперь
остается и 40.

Немного остается и слѣдовъ, гдѣ какая церковь существова
И какіе слѣды?—кучи щебня, поросшаго дикою травою, фундамен
сравнявшіеся съ землею, нижніе, почти разрушившіеся своды,
видѣ подземелій, заваленные мусоромъ, куда проникнуть невозмож
О существованіи бо́льшей части церквей въ Псковѣ мы теперь зна
только изъ лѣтописей, а гдѣ именно существовала та или дру
церковь—и при помощи лѣтописей съ достовѣрностью сказать
можемъ. Самыя историческія мѣстности псковскія уже не всѣ сох
нили для насъ свой прежній естественный видъ. Напр., мѣстно
бывшаго Климентовскаго монастыря, на Завеличьѣ (нынѣ приходс
церкви), въ 1840 хъ годахъ, на значительное углубленіе вынута,
составлявшій ее плитнякъ употребленъ на постройку общественной ба

Изъ древнихъ псковскихъ церквей остаются нынѣ въ цѣлос
на Завеличьѣ—Мирожскій монастырь, древнѣйшій изъ всѣхъ с
щенныхъ памятниковъ псковскихъ (XII в.), замѣчательный по сов
меннымъ его основанію фрескамъ, видимымъ на стѣнахъ главн
храма его; Успенская церковь въ Бутырской Слободѣ, Клим
товская—бывшаго монастыря, разрушеннаго Густавомъ Адольф
въ XVII в. Каменно-градская Николаевская, Пароменская Усп

---

[1]) Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію, въ русск
переводѣ. Псковъ, 1882 г., стр. 91.

ая, Іоанно-Предтеченскій женскій монастырь, древнѣйшій по
рожскомъ (XIII в.), Мироносицкая кладбищенская, выстроенная
томъ мѣстѣ за городомъ, гдѣ погребались несчастныя жертвы
ной болѣзни, иначе чумы, неоднократно поражавшей Псковъ, гдѣ
теперь замѣтны общія могилы, уже обваливающіяся. Совершаемая
Мироносицкомъ кладбищѣ, въ настоящее время, однажды въ годъ,
къ называемая, соборная панихида, по всей вѣроятности, ведетъ
е начало отъ тѣхъ поминовеній, которыя совершались здѣсь надъ
цими могилами во время черной болѣзни, когда погребались въ
ой могилѣ нѣсколько человѣкъ, по недостатку времени погребать
ждаго отдѣльно. На Запсковьѣ: Варлаамская, Воскресенская,
разкая, Ильинская, нынѣ Общинская, Космо-Даміановская, Бого-
енская, Космо-Даміановская другая, бывшая нѣкогда монастырскою,
нно-Богословская, Мишаринская, Царя-Константиновская. Въ глав-
й части города: Петропавловская, Михаило-Архангельская, По-
вская отъ торга, Николаевская отъ торга, нынѣ единовѣрческая,
ргіевская, Анастасіевская, Васильевская на горкѣ, Николаевская
усохи, Одигитріевская на Печерскомъ подворьѣ, Спасская, Ново-
знесенская, Старо-Вознесенская женскаго монастыря, Георгіевская
взвоза, Іоакимо-Аннинская, Покровская на Проломѣ, Никитская
поля, Алексѣевская, Димитріевская кладбищенская.

Всѣ остальныя церкви псковскія — позднѣйшаго происхожденія.
рѣе всѣхъ изъ нихъ Троицкій каѳедральный соборъ, но и онъ
тъ постройкою въ концѣ XVII ст., а окончѣнъ въ началѣ XVIII
лѣтія.

Изъ показанныхъ нами псковскихъ древнихъ церквей, кромѣ Ми-
скаго, Старо-Вознесенскаго и Іоанно-Предтеченскаго монастырей,
приписаны къ другимъ церквамъ, 3 составляютъ подворья заго-
ныхъ монастырей, 2 состоятъ въ завѣдываніи учебныхъ заведеній
передана православнымъ латышамъ, переселившимся въ Псков-
ю губернію.

Всѣ эти церкви, приходскія и приписныя, въ настоящее время
держиваются хорошо. Почти всѣ онѣ, въ недавнее время, возоб-
лены. Нѣкоторыя даже очень богато, напр. Николаевская съ усохи,
ргіевская со взвоза, Сергіевская, и др. Но при этомъ, конечно,
обошлось безъ замѣтнаго ущерба для археологіи. Одно устранено,
ъ уже отжившее свой вѣкъ, совершенно обветшавшее, другое
ало въ руки художника, не умѣвшаго сохранить его древній харак-
ъ, третье испытало на себѣ вліяніе предубѣжденія ко всему старому.
Впрочемъ, въ общемъ псковскія древнія церкви еще много пред-
вляютъ любопытнаго для умѣющихъ понимать и цѣнить родную

старину, особенно чтить священные памятники благочестія предк
нашихъ. Можно находить, въ немаломъ количествѣ, и старинныя бо
служебныя книги, и древнія иконы, и такіе-же предметы, отно
щіеся къ священнодѣйствію православной церкви. Въ нѣкоторы
церквахъ хранятся иконы и другія священныя вещи, принадлеж
шія церквамъ, которыхъ теперь въ Псковѣ и слѣдовъ нѣтъ. Есть р
наго рода предметы, принесенные въ даръ когда-то той или дру
церкви царственными и другими лицами. Что-же касается до др
няго церковнаго зодчества, то каждая изъ церквей псковскихъ, вы
нами указанныхъ, можетъ служить образцомъ его, хоть и не во все
совершеннымъ, въ художественномъ отношеніи.

II.

Памятники древней гражданской жизни города Пскова скорѣе не
зали, чѣмъ церковные. Это и естественно. Гражданская жизнь вооб
не такъ устойчива, какъ церковная. Она удобнѣе подчиняется и п
изволу, и требованію времени.

Мы застали въ Псковѣ изъ древнихъ гражданскихъ построе
Владычнія палаты, Тіунскія палаты, намѣстничій домъ, на торго
площади, дома купцовъ Трубинскихъ, одинъ на Запсковьѣ, а д
гой въ главномъ городѣ, домъ Пузырева и домъ купцовъ Постни
выхъ, состоящій въ военномъ вѣдомствѣ, на Запсковьѣ, Поганки
палаты, домъ, бывшій купца Драве, и домъ купца Порозова, бл
нынѣшняго дома дворянскаго собранія. Больше мы уже не нап
ничего въ этомъ родѣ зданій. Въ настоящее-же время, нѣтъ бо́льш
части и того, что мы застали. Тіунская палата, въ сороковыхъ
дахъ текущаго столѣтія, сама собою обрушилась. На ея мѣстѣ теп
новый домъ, принадлежащій архіерейскому дому. Домъ намѣстни
въ 1850-хъ годахъ, разломанъ. На его мѣстѣ выстроены мяс
лавки. Домъ Трубинскихъ, находящійся въ главномъ городѣ, въ 185
сгорѣлъ, съ немалымъ числомъ всякихъ рѣдкостей, наслѣдственно
немъ сохранявшихся. Флигель этого дома существуетъ, хотя въ
вомъ видѣ, но главный домъ, и пожаромъ, и временемъ, когда
находился безъ всякаго попеченія, дошелъ до того, что изъ него м
быть выстроенъ только простой сарай. Домъ другихъ Трубинск
домъ Постниковыхъ и домъ Пузырева, на Запсковьѣ, приняли у
другой видъ противъ прежняго. Остаются, въ прежнемъ видѣ, до
Порозова, Драве и Поганкины палаты, и то, кажется, потому,
послѣднія находятся въ провіантскомъ вѣдомствѣ, а первые, въ 1837

елѣно сохранять самимъ государемъ императоромъ Николаемъ ловичемъ, во время посѣщенія имъ Пскова. Дома эти, дѣйстви-но, заслуживаютъ полнаго вниманія любителей отечественной вности. Въ 1861 г., покойный историкъ нашъ Николай Ивано-ъ Костомаровъ съ восхищеніемъ изучалъ ихъ во всѣхъ подроб-тяхъ. «Если-бы, говорилъ онъ, осматривая домъ Драве,—я имѣлъ дства, то непремѣнно купилъ-бы его себѣ, и какъ онъ есть, такъ-и жилъ въ немъ, воскрешая въ своемъ представленіи глубокую рину псковскую». Жаль, что оба дома, Драве и Порозова, хоть и терпятъ какого-либо насильственнаго разрушенія, но и не поль-тся приличною имъ поддержкою. Первый нынѣ служитъ мѣстомъ склада льна. Нужно думать, что, при такомъ положеніи, недолго ни просуществуютъ.

Мало осталось нынѣ въ Псковѣ не только цѣлыхъ древнихъ зда-гражданской архитектуры, но и развалинъ ихъ, даже какихъ-бы ни было слѣдовъ, по которымъ можно было-бы судить о существо-ии ихъ въ томъ или другомъ мѣстѣ. Близъ Порозова дома и По-инныхъ палатъ, существуютъ, застроенныя кругомъ, значительныя алины какого-то виднаго, въ свое время, дома, но кому онъ при-лежалъ—неизвѣстно. Въ указателѣ нашемъ древностей псковскихъ, нномъ въ 1858 г., сказано, что въ этомъ домѣ, во время само-ства, нѣсколько дней жила Марина Мнишекъ. Сказано это, въ ый разъ, печатно, на основаніи только словъ жены псковскаго да Ладыгина, послѣдней отрасли стариннаго псковскаго купече-о дома Постниковыхъ, которая сообщила намъ, что въ ихъ фа-и хранилась древняя рукописная лѣтопись, уже въ то время рянная, гдѣ означенное обстоятельство было записано. Эту лѣ-сь, по ея увѣренію, она сама читала. Невѣроятнаго въ этомъ стіи ничего нѣтъ. Псковъ былъ вотчиною Марины. Она могла въ Псковѣ уже по этому одному. Еще бо́льшее побужденіе она ла прибыть въ Псковъ послѣ того, какъ счастіе ей измѣнило и званецъ былъ свергнутъ съ престола. Всего скорѣе, она могла ваться найти сочувствіе къ себѣ и своимъ затѣямъ въ томъ городѣ, рый ей лично принадлежалъ. Не даромъ въ Псковѣ, одновременно воромъ тушинскимъ, явился свой самозванецъ. Все это могло ъ, но было-ли дѣйствительно—утверждать нельзя, на основаніи заній одного частнаго лица, которыхъ и провѣрить нечѣмъ. Ни дной лѣтописи, извѣстной ученому міру, не говорится о томъ, что ина Мнишекъ была когда-нибудь въ Псковѣ. И въ Псковѣ, кромѣ заннаго свидѣтельства, мы ничего не слышали объ этомъ, равно ъ и о томъ, чтобы Мнишекъ имѣла въ Псковѣ собственный дво-ъ. Недавно, въ одномъ иллюстрированномъ изданіи былъ помѣщенъ

видъ тѣхъ развалинъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, подъ именемъ развалинъ дворца Марины Мнишекъ, съ такимъ подробнымъ описаніемъ его, какъ будто-бы авторъ имѣлъ передъ глазами самыя точныя и положительныя свѣдѣнія о немъ. Не понимаемъ, откуда онъ могъ заимствовать такія свѣдѣнія.

Указываютъ еще на Завеличьѣ развалины, которыя будто-бы составляютъ остатокъ какого-то зданія, принадлежавшаго нѣкогда Ганзейскому союзу. Но и это не болѣе, какъ догадка, основанная на томъ, что на Завеличьѣ существовали, въ свое время, ганзейскія конторы; письменныхъ-же и даже устныхъ преданій о томъ, что упомянутыя развалины составляютъ остатокъ какого-либо зданія, принадлежавшаго нѣкогда Ганзѣ, никакихъ нѣтъ. Въ Псковѣ немногіе теперь знаютъ и то, что такое Ганза или Ганзейскій союзъ. Въ другихъ историческихъ городахъ есть предметы, названія которыхъ напоминаютъ о томъ или другомъ, важномъ въ ихъ исторіи, событіи, лицѣ, мѣстѣ. Въ Новгородѣ, напр., знаютъ, гдѣ былъ домъ Марѳы Посадницы. Есть въ немъ улица Прусская, указывающая на существованіе въ немъ пришельцевъ изъ-за Варяжскаго моря, и т. п. Въ Кіевѣ слышатся названія: Крещатикъ, Аскольдова могила, Щековица, Хоревица, и т. п. Въ Псковѣ-же почти ничего такого нѣтъ, кромѣ немногихъ названій, соединенныхъ съ именемъ св. Ольги, напримѣръ: Ольгина часовня, Ольгинъ крестъ, и названія стѣны и мѣстности, съ южной стороны Кремля, Довмонтовскими. Гдѣ жилъ въ Псковѣ тотъ или другой его посадникъ, даже гдѣ именно было знаменитое вѣче его, объ этомъ и намека нѣтъ въ Псковѣ. Объ этомъ гадаютъ только ученые. Нельзя и удивляться этому. Предки псковитянъ послѣднихъ столѣтій жили не въ Псковѣ; исторія Пскова для нихъ была чужая, ихъ потомки, сдѣлавшіеся пришлымъ населеніемъ псковскимъ, не могли получить отъ нихъ живыхъ преданій о жизни древняго Пскова. Извѣстно, что Псковъ, вслѣдствіе вымиранія его жителей отъ черной болѣзни и другихъ причинъ, неоднократно заселяемъ былъ жителями другихъ городовъ. Болѣе 300 семействъ высшаго класса было выселено изъ него въ Москву, по уничтоженіи вѣча его. Не въ этомъ-ли скрывается причина и того, что псковитяне не особенно дорожатъ своими древностями, о которыхъ больше знаютъ внѣ Пскова, чѣмъ въ самомъ Псковѣ. Замѣчательно, что даже чудотворныя иконы древняго Пскова, въ свое время славныя, въ позднѣйшее время, потеряли прежнее уваженіе, напр., иконы Псковской Богоматери, Знаменія и др. Первая [1]) находится въ соборѣ; 16-го іюля съ нею совершается

[1]) Отысканная кіевскимъ митрополитомъ Евгеніемъ, въ бытность его Псковскимъ архипастыремъ. Онъ же учредилъ и означеніе празднество въ честь ея.

тный ходъ вокругъ собора. Вторая находится въ Мирожскомъ стырѣ.

III.

амую важную гражданскую древность въ г. Псковѣ составляютъ его остныя каменныя стѣны. Прежде ихъ было больше. Прежде всего енъ былъ стѣнами Кремль, въ которомъ въ началѣ заключался ь городъ. Съ расширеніемъ его, каждая значительная часть его илась стѣнами, изъ опасенія непріятельскихъ нападеній, которыя, о пограничному положенію, въ былое время, повторялись весьма то со стороны Ливоніи, то со стороны Литвы. Да и свои не ща- его. Старшій братъ его, Новгородъ, частенько безпокоилъ его. мъ образомъ, кромѣ стѣнъ кремлевскихъ, образовались въ немъ ы: довмонтовскія, среднія и — вокругъ всего города — окольнія. Довмонтовскихъ укрѣпленій остается теперь только одна запад- стѣна, входящая въ составъ стѣны вокругъ всего города. Сред- стѣна также почти вся уничтожена. Осталась небольшая часть ѣлою, лишь съ южной стороны духовной семинаріи. Въ одномъ о мѣстѣ видны и малыя развалины ея. Такимъ образомъ, ь остаются только стѣны кремлевскія, да окольнія. И эти ы потеряли уже свой прежній видъ и свою прочность. Оста- въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ безъ всякой поддержки, тывая, въ долгое время своего существованія, разныя приспособ- къ нуждамъ общественнымъ и частныхъ лицъ, кои близь нихъ ись, онѣ, естественно, должны были придти въ упадокъ. Городъ мѣлъ средствъ поправлять ихъ, да не видѣлъ и нужды въ томъ. рь его покоя враги не нарушаютъ. А если-бы какой врагъ и осился на него, то онѣ защитить его не могутъ отъ него. Стра- ескаго значенія онѣ теперь не имѣютъ. Дороги, однако-жъ, онѣ перь ему, по своей древности и поучительной исторіи. Онѣ живо минаютъ ему, указывая на свои язвы, врагами причиненныя, стоила Пскову борьба его съ врагами. Случалось, что ему и ы мало помогали въ этой борьбѣ, и только одна помощь Божія ла его отъ бѣды. Въ память этого, издавна совершаются, довольно ые, крестные ходы съ чудотворными иконами и по городу, и гъ него, во время которыхъ то возносятся Господу благодар-

---

торые, однакожъ, сомнѣваются въ томъ, точно-ли эта икона та самая ская икона Б. Матери, о которой упоминается въ псковскихъ лѣтописяхъ.

А. К.

ственныя моленія за спасеніе отъ враговъ, то творятся поминове
воиновъ, положившихъ животъ свой за родную страну. Какъ ми
поучительнаго, особенно въ эти минуты, представляютъ намъ стѣ
псковскія, свидѣтели и бѣдъ страшныхъ, висѣвшихъ надъ городо
и Божіей милости къ нему, и лютости враговъ, и самоотверженія заш
никовъ святой вѣры и родной земли!.. И вотъ, покойный государь им
раторъ Николай Павловичъ, какъ ревнитель благочестія христіанск
и отечественной славы, бывши проѣздомъ въ Псковѣ, въ 1837 г.
обративъ на нихъ высочайшее вниманіе, изъявилъ волю свою
поддержаніе ихъ отъ казны. Вслѣдствіе этого, бывшій военн
губернаторъ г. Пскова и псковскій гражданскій губернаторъ, ге
ралъ-маіоръ Бартоломей, самъ очень любившій древности, немедле
по прибытіи своемъ во Псковъ, приступилъ къ осуществленію э
высочайшей воли. По его представленію, и послѣдовавшему зат
высочайшему повелѣнію, сообщенному отъ 27-го апрѣля 1842
министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ 1843—1844 гг., произведено бы
прежде всего, исправленіе болѣе уцѣлѣвшей южной стѣны нынѣшн
пригорода Изборска, съ главными въѣздными воротами въ крѣпос
и устроена новая каменная колокольня при соборной Николаевс
церкви, такъ какъ колокола этой церкви, до сего времени, висѣли
прилегавшей къ ней крѣпостной башнѣ, пришедшей въ крайн
ветхость. Работы эти производились, по подряду, однимъ изъ пск
скихъ купцовъ на сумму — за стѣны 4,530 р. 36 к., а за но
колокольню 2,569 р. 64 к. Первая отпущена была изъ суммъ
нистерства внутреннихъ дѣлъ, а вторая—изъ строительнаго ка
тала духовнаго вѣдомства, состоящаго въ распоряженіи св. сино
Но работы эти произведены были и вопреки правиламъ,
сего существующимъ: старыя стѣны уничтожались, а возводил
новыя, и крайне не прочно, такъ что въ 1866 г. исправленное у
угрожало паденіемъ, и потребовало, со стороны начальства, неотл
ныхъ мѣръ для устраненія несчастныхъ случаевъ, могущихъ пос
довать при этомъ. Постройка производилась не какъ полагалось
смѣтѣ, а какъ выгоднѣе было для подрядчика. Изъ цѣльныхъ пл
дѣлали только облицовки, вся-же внутренняя часть стѣнъ задѣлы
лась щебнемъ, заливаемымъ известковымъ растворомъ. Изборс
священнослужители, заинтересованные особенно постройкою ко
кольни, своевременно заявляли о непрочности работъ, но назначенн
вслѣдствіе сего, для освидѣтельствованія доброкачественности и
техники почему-то сочли заявленіе несправедливымъ. На новыя испр
ленія по смѣтѣ потребовалось 4,342 р. 90 к.

Въ исполненіе той-же высочайшей воли, изъясненной въ пр

енiи министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 27-го апрѣля 1842 г., въ овской строительной комиссiи начато было дѣло и о возобновле- псковскаго Кремля, съ его стѣнами, и прочихъ городскихъ стѣнъ. Прежде всего, сдѣлано было распоряженiе о доставленiи въ ко- сiю подробныхъ и вѣрныхъ свѣдѣнiй о состоянiи кремлевскихъ и гихъ стѣнъ, о составленiи проекта и смѣты на предполагае- исправленiя. Опись стѣнъ составлялъ губернскiй архитекторъ, роектъ и смѣту—гражданскiй инженеръ, подполковникъ, по лич- у порученiю главноуправляющаго путями сообщенiя и публичныхъ ній, графа Клейнмихеля. Но исполненiе этихъ порученiй про- одило не слишкомъ поспѣшно. Проектъ представленъ комиссiи 6 го абря 1844 г., а опись стѣнъ уже 1-го ноября 1846 г. Едва-ли она, составленiи проекта и смѣты, и нужна была. Затѣмъ, проектъ и смѣта есылались множество разъ то въ Петербургъ, для утвержденiя, изъ Петербурга въ комиссiю, для измѣненiй, признанныхъ тамъ бходимыми. Наконецъ, выработанные такимъ образомъ проектъ и та, въ 1851 г., были высочайше утверждены. По этому проекту, исправленiе Кремля и стѣнъ псковскихъ, назначалось 52,700 р. пополненiе этого расхода высочайше повелѣно было требовать государственнаго казначейства, начиная съ 1851 г., въ первые ыре года, по 10,000, а въ пятый—12,700 р. Запасшись такими дствами, комиссiя и приступила къ выполненiю высочайшей воли; начала нѣсколько разъ торги и переторжки, но на нихъ никто явился. Пока шла переписка по этому дѣлу, пока составлялись нѣсколько разъ передѣлывались проектъ и смѣта, на исправленiе нъ, послѣднiя все болѣе и болѣе ветшали и обнаруживали себѣ новыя порчи, требовавшiя для исправленiя новыхъ рас- овъ, цѣны-же на всѣ матерiалы и на рабочихъ быстро уве- ивались. Въ то время проводилась мимо Пскова варшавская тѣзная дорога. Смѣтное назначенiе суммы, сдѣланное за нѣ- лько лѣтъ раньше, стало недостаточнымъ для предполагаемой ни. Увеличить ее высшее начальство затруднялось, и потому, во ѣжанiе лишнихъ расходовъ, комиссiя теперь положила исправить Кремлѣ лишь переднюю, южную сторону его, съ прилегающею нему угловою береговою башнею, а исправленiе стѣнъ кругомъ ода ограничить исправленiемъ только стѣны, идущей по берегу Великой, отъ собора до Покровской башни. Положено эти работы оизвести въ два пріема: сперва возобновить Кремль, а потомъ уже городскую стѣну. 14-го ноября 1857 г. это предположенiе было очайше утверждено, съ отпускомъ на возобновленiе собственно емля 19,257 р. Но сколько разъ ни назначали торги, по этому распо-

ряженію, на нихъ никто не являлся, считая означенную сумму
достаточною для своей цѣли. Началась переписка объ увеличеніи
Она и увеличивалась понемногу: отъ 20-го апрѣля 1860 г. посл
довало разрѣшеніе главнаго управленія путей сообщенія и публ
ныхъ зданій увеличить ее до 22,312 р. 87¾ к., отъ 14-го декаб
того-же года — до 27,605 р., причемъ вмѣнялось въ обязанно
стараться о пониженіи на торгахъ послѣдняго отпуска до 25,000
Ни послѣ одной, однако-же, такой прибавки никто на торги не являл
Позволено было изъ назначенныхъ 27,000 р. на торгахъ поступиться
26,000, вмѣсто 25,000. Никто не явился, и послѣ этого, на тор
нѣсколько разъ назначаемые. Едва-едва три промышленника рѣш
лись взять на себя производство работъ за означенную цѣну, бе
торговъ. Одному изъ нихъ онѣ и были переданы. И при этомъ в
шла путаница. Предоставлены были работы, по возобновленію Крем
псковскому 1-й гильдіи купцу Боревскому—еврею; Боревскій пер
далъ ихъ рѣжицкому купцу Алейникову, но Алейниковъ скоро умер
отъ него работы перешли къ залогодателю его, динабургскому куп
Богданову. Производились онѣ съ 1862 по 1865 г.

Какъ-же произведены? Мы не касаемся здѣсь качества сам
работы, а хотимъ только указать на ея соотвѣтствіе требованію пр
вилъ относительно поддержанія древнихъ памятниковъ русски
Въѣздныя ворота Кремлевскія, съ существовавшимъ на нихъ жилы
помѣщеніемъ, гдѣ, по преданію, когда-то въ тиши служилъ Богу оди
изъ подвижниковъ псковскихъ, были сломаны, и вмѣсто нихъ,
образцу прежнихъ, выстроены ворота новыя, съ новымъ на ни
жилымъ помѣщеніемъ, въ которомъ теперь никто не живетъ. В
лицевая сторона стѣны, обращенной къ Довмонтовой площади, с
воротъ до угловой береговой башни, до основанія срыта, и на ново
фундаментѣ придѣлана новая плитная облицовка, въ нѣсколько н
клонномъ положеніи къ задней части стѣны, поддерживаемая кон
форсами. Стѣна значительно поднята выше противъ той высот
какую она имѣла до исправленія, и на ней устроены зубцы, такіе-л
какіе были когда-то на ней прежде, неизвѣстно. Угловая баш
передѣлана по новому проекту, и ей данъ видъ другой противъ пре
няго. Такъ-ли поддерживаются древности? Конечно, въ этомъ случа
виноватъ не подрядчикъ, а тѣ, кои проектировали работы и рук
водили ихъ производителей.

Послѣ возобновленія кремлевской стѣны, приступлено было
исправленію крѣпостной стѣны, по берегу рѣки Великой, отъ каѳе
ральнаго собора до Покровской башни, согласно указанному вы
предположенію. Прежде всего, начальникъ губерніи, графъ К. И. П

сдѣлалъ распоряженіе, въ 1865 году, относительно составленія
а и смѣты на возобновленіе стѣны. Смѣтою назначено на это
овленіе 16,722 р. 36 к. Затѣмъ, губернаторъ, отъ 10 ноября
е года, просилъ министра внутреннихъ дѣлъ утвердить этотъ
ъ, съ отнесеніемъ расхода означенной суммы на счетъ остатка
йше ассигнованной на возобновленіе псковскихъ стѣнъ, въ
г., суммы въ 52,700 р. На это представленіе министръ отвѣ-
предположеніе хорошо, но на указанный источникъ на покры-
асходовъ по этому предположенію расчитывать нельзя, по
нымъ ему обстоятельствамъ. При этихъ обстоятельствахъ, онъ
лъ-бы полезнымъ войти въ ближайшее соображеніе о томъ,
ѣдуетъ-ли нѣкоторыя изъ частей крѣпостной стѣны совсѣмъ
ать, ограничившись оставленіемъ тѣхъ изъ нихъ, кои будутъ
аны наиболѣе важными въ археологическомъ отношеніи. Губер-
ь отвѣтилъ министру, что этого сдѣлать нельзя, какъ по важ-
археологическаго значенія стѣны, такъ и потому, что импе-
ь Николай Павловичъ, выражая волю свою о поддержаніи
кихъ стѣнъ, имѣлъ въ виду всѣ стѣны, въ полномъ ихъ составѣ,
какую-либо часть изъ нихъ, въ какомъ смыслѣ первоначально
а составлена смѣта въ 52,700 р., утвержденная его величе-
ь. И потому просилъ у министра скорѣйшаго утвержденія пред-
еннаго проекта и исходатайствованія потребной на этотъ пред-
суммы. Министръ уважилъ представленіе губернатора. По его
айству, императоръ Александръ II, согласно съ мнѣніемъ госу-
еннаго совѣта, 23 мая 1866 г. высочайше повелѣть изволилъ:
полненіе къ кредиту, ассигнованному по 16 § смѣты расходовъ
терства на 1866 годъ, отпустить изъ государственнаго казна-
а, на счетъ кредита, ассигнованнаго по государственной росписи
66 г., на чрезвычайныя по государству издержки, 16,722 р.
на исправленіе древнихъ каменныхъ стѣнъ города Пскова, съ
чтобы могущіе быть отъ этой суммы остатки были возвращены
сударственное казначейство.

лѣдствіе таковой высочайшей воли, на 27 число октября 1866 г.
ены были торги, а черезъ три дня—переторжка, но на торги
не явился. Поэтому день переторжки, 1 ноября, назначенъ
на торги. И на этотъ торгъ явился только 1-й гильдіи купецъ
Манасевичъ, который заявилъ, что онъ принимаетъ на себя
ы за 14,800 р. Не смотря, однако-жъ, на такую уступку, про-
смѣтной суммы, губернаторъ графъ Паленъ не согласился
ставить Манасевичу работы. Онъ написалъ министру внутрен-
дѣлъ, отъ 31 декабря 1866 г., что находитъ невыгоднымъ для

казны исполненіе настоящей операціи способомъ подрядным, ч
по его замѣчанію, всѣ вообще казенныя постройки по подряд
крайне не добросовѣстны. И потому просилъ министра о разрѣше
исправленіе стѣнъ произвести хозяйственнымъ способомъ. Отъ 11 м
1867 г., министръ изъявилъ свое согласіе на это.

Послѣ этого, оставалось только ждать отпуска денегъ на про
водство работъ. Прежній кредитъ закрывался. Уладилось и это дѣ
Министръ увѣдомилъ губернатора, что государь, 3-го числа ію
согласно съ мнѣніемъ государственнаго совѣта, повелѣть соизволи
дѣйствіе кредита, ассигнованнаго, въ числѣ прочихъ суммъ, по 1
смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ, на 1866 г., для удовлет
ренія расходовъ по исправленію псковской крѣпостной стѣ
16,722 р. 36 к., продолжить на два смѣтныхъ періода, т. е.
30 іюня 1868 г.

Обезпечивъ себя средствами къ производству предположенны
работъ, губернаторъ назначилъ для надзора за ходомъ и прави
ностью послѣднихъ комиссію изъ техниковъ, членовъ городскаго об
ства и дѣлопроизводителя. Прежде всего, комиссія поручила ар
тектору узнать что можно исправить въ стѣнахъ и чего нельзя
что найдется неисправимаго и опаснаго отъ паденія, то слома
Вслѣдствіе такого распоряженія, по донесенію архитектора, слома
близъ Власьевскихъ воротъ — куб. с. 1,5, между Власьевскими во
тами и Плоскими — к. с. 0,45, въ Плоскихъ воротахъ — к. с. 1,
между Плоскими воротами и Печерскимъ подворьемъ — к. с. 1,1
Покровской церкви—к. с. 0,6, у Пролома—к. с. 0,67, отъ Прол
до Великихъ воротъ—к. с. 1,75, отъ Великихъ воротъ до костел
к. с. 1,5, отъ костела до Петровскихъ воротъ—к. с. 4,15, въ Серг
скихъ воротахъ — к. с. 2,85, въ Петровскихъ воротахъ — к. с.
отъ Петровскихъ воротъ до р. Псковы — к. с. 5,75, на Занско
к. с. 8,75.

Въ то-же время комиссія озаботилась приготовленіемъ необходим
матеріала для поправки того, что можно было поправить и подд
жать отъ дальнѣйшаго распаденія. Городскому головѣ поручила о
скать мѣста для ломки плиты, которой по смѣтѣ требовал
484 куб. саж., и сбора булыжнаго камня, въ количествѣ 83 куб. с
Для ломки плиты голова указалъ за южною городскою стѣною
щадь, почти у самаго Пролома, а для добыванія булыжнаго ка
—низменные берега рр. Великой и Черёхи, у Пантелеймонова мо
стыря, въ 7 верстахъ отъ города.

Неправильность исправленія стѣнъ изборскихъ и кремлевск
во Псковѣ, на которую обратили вниманіе многіе не только

Псковѣ, но и на сторонѣ, даже въ Петербургѣ, должна была
ть комиссію отнестись къ своему дѣлу съ бо́льшею обдуман-
во избѣжаніе нареканій. Поэтому одно лицо, призванное
иссію, 3 августа 1867 г., для совѣщанія, какъ лучше повести
предложило ей обратиться за указаніемъ въ императорское
огическое общество. Комиссія приняла это предложеніе, и
ке постановила, для болѣе правильнаго исправленія стѣнъ,
по волѣ государя императора, просить императорское археоло-
е общество, сообщить комиссіи свои соображенія по сему пред-
такъ какъ оно, по своему спеціальному характеру и при
имѣющихся въ его распоряженіи матеріаловъ и свѣдѣній,
дать наилучшія, въ данномъ случаѣ, указанія. Вслѣдствіе
нія комиссіи, отъ 8 апрѣля 1868 г., императорское археоло-
е общество, черезъ августѣйшаго своего предсѣдателя, великаго
Константина Николаевича, испрашивало высочайшаго соизво-
на отправку въ Псковъ дѣйств. ст. сов. Павла Ивановича
итова и академика императорской академіи художествъ Гор-
ева, съ тѣмъ, чтобы они осмотрѣли на мѣстѣ древнія крѣпост-
тѣны города Пскова, и для предположенныхъ исправленій
авили комиссіи свои соображенія и указанія, согласно съ ар-
ическими требованіями. На что, 17 числа іюня, и послѣдовало
йшее разрѣшеніе.

іюлѣ мѣсяцѣ упомянутыя лица прибыли въ Псковъ, и осмо-
стѣны, назначенныя къ исправленію, представили отъ себя въ
ю записку слѣдующаго содержанія:

мотрѣвъ, въ сопровожденіи здѣшнихъ техниковъ гг. архитекторовъ
а, Гернета и г. губернаторскаго инженера Кассіандера, согласно
вымъ намъ порученіемъ, ту часть древнихъ крѣпостныхъ стѣнъ
Пскова, которую предполагается исправить, мы нашли, что
ь заключается, собственно говоря, не въ реставраціи или
овленіи означенныхъ стѣнъ, а лишь въ поддержаніи ихъ мѣ-
и въ устраненіи дальнѣйшаго разрушенія.

роектъ, выработанный комиссіею для исправленія этихъ стѣнъ,
мательномъ разсмотрѣніи, представляется заслуживающимъ пол-
добренія. Такимъ образомъ, мѣстами, гдѣ подошва стѣнъ, по-
о выкрашивающаяся и осыпающаяся, образовала углубленія и
пещеры, проектъ полагаетъ прямо на плитняковой почвѣ,
цей прочнымъ основаніемъ, вывести вновь недостающія части
иты-же на извести, за-подъ-лицо съ остальною поверхностью
тамъ, гдѣ осыпался цѣлый пластъ стѣны, проектъ полагаетъ
ть его; а мѣстами, гдѣ замѣтно осѣданіе или отклоненіе отъ
ьной линіи, предполагается удержать стѣну отъ дальнѣйшаго

движенія помощью немногихъ контрфорсовъ. При этомъ, проект
касается ни одной бойницы, не трогаетъ ни одного отверстія,
лаznаго для входа или для стрѣльбы.

«Кромѣ подобныхъ отверстій, рѣдко встрѣчающихся, стѣны
имѣютъ никакой архитектурной черты. Верхъ ихъ осыпался, зуб
не остается и слѣда. По нашему мнѣнію, проектъ весьма раціона
отказывается отъ реставрировки верхней части стѣнъ, ограничив
покрытіемъ плитою, положенною по наклонной плоскости на изве
чтобы предохранить ихъ отъ вліянія дождей и снѣга и отъ дальн
шаго разрушенія полезно будетъ также оштукатурованіе, впроч
безъ сглаживанія вертикальныхъ поверхностей, какъ необходи
предохранительное средство противъ дальнѣйшаго высланванія и о
денія мелкихъ частей плиты. Старинная, уцѣлѣвшая мѣстами, шт
турка стѣнъ вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію: тамъ, гдѣ
еще держится, стѣны не подверглись значительному разрушенію.
штукатурка можетъ послужить образцомъ для производства и но
штукатурки.

«Единственнымъ отступленіемъ проекта отъ общаго пра
не трогать отверстій — является предполагаемая передѣлка Пок
скихъ воротъ. Проектъ предполагаетъ разломать ихъ, и снова
вести въ томъ-же видѣ. Здѣсь мы позволяемъ себѣ быть дру
мнѣнія, и полагаемъ возможнымъ поддержаніе воротъ тѣми-же
собами, которые приняты для поддержанія остальныхъ стѣнъ.

«Кромѣ того, на башняхъ, такъ называемой Кислинской (древ
Мстиславской) и Покровской, было-бы сообразно съ археологическ
требованіями устроить шатровыя или коническія высокія крыши,
добныя тѣмъ, какія видны на старинномъ изображеніи стѣнъ Пск
находившемся прежде въ часовнѣ Владычняго креста, и издан
при второмъ томѣ записокъ отдѣленія русской и славянской ар
логіи, и отнюдь не дѣлать стоковъ дождевой воды во внутрь баш

«Тамъ, гдѣ нѣкогда существовала башня съ воротами, или о
ворота въ стѣнѣ, которыхъ не осталось и слѣдовъ, по гдѣ, въ нас
щее время, предполагается устроить въѣздныя ворота въ городъ
шоссе отъ станціи варшавской желѣзной дороги), мы полагали-бы
возводить новыхъ построекъ. Если-же таковыя постройки, по каки
либо соображеніямъ, окажутся необходимыми, то императорское
ское археологическое общество, только по доставленіи въ оное че
жей, будетъ имѣть возможность судить, въ какой мѣрѣ новыя со
женія будутъ отвѣтствовать характеру древнихъ крѣпостныхъ с
города Пскова».

Сдѣлавъ все необходимое для производства предположенныхъ
ботъ, комиссія не въ продолжительномъ времени и приступила къ д

ъ виду того, что на практикѣ оказывается лучшимъ всѣ дѣй-
по производству сложныхъ работъ предоставлять одному лицу,
сія, 13 марта 1869 г., назначила производителемъ работъ, въ
мъ случаѣ, губернскаго архитектора, поручивъ ему непосред-
ное наблюденіе за всѣми по сему предмету дѣйствіями, подъ
ичною отвѣтственностью за ихъ исправность, съ тѣмъ, чтобы
ходилъ въ комиссію съ своими представленіями лишь о тѣхъ,
важныхъ предметахъ, которые, по существу своему, выходятъ
редѣловъ его распорядительности, и чтобы по окончаніи работъ
тавилъ надлежащую отчетность. Для расплаты съ поставщи-
матеріаловъ и на другіе расходы, по производству работъ, ко-
постановила выдавать ему авансы въ 500 р. изъ суммы,
нованной для исправленія крѣпостныхъ стѣнъ.

IV.

гласно указанному распоряженію, начались работы по возобнов-
стѣнъ, башенъ, воротъ при нихъ и шли до самаго окончанія
ь 1872 г. Но производились онѣ, какъ замѣтно, безъ особенно стро-
соблюденія указаній, сдѣланныхъ предварительно членами импе-
скаго русскаго археологическаго общества, и безъ исключитель-
направленія ихъ на пользу древностей псковскихъ. Кое-что было
но при этомъ такое, что къ предположенному дѣлу относилось
или даже вовсе не относилось къ нему. Устроены, напримѣръ,
ыя стѣны у пароходной пристани (60 саж. пог.), съ засыпкою
ыхъ ящиковъ землею и осмолкою ихъ, что естественнѣе было
ть на себя городу, съ отнесеніемъ расходовъ по сему предмету
родскія суммы. Между тѣмъ, то, что относилось прямо къ под-
нію древностей и положено было сдѣлать, осталось безъ испол-
Такъ, предполагалось откосы набережной р. Великой, близь
ыхъ идетъ стѣна отъ собора до Покровской башни, выложить
ником, потому что, при разливѣ рѣки, откосы размываются,
этимъ вмѣстѣ ослабляется и почва, на которой стоятъ стѣны.
слѣднее время, при вскрытіи р. Великой, вода очень часто стала
ить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ самыя стѣны. Тѣмъ болѣе
было чѣмъ-нибудь защитить стѣны отъ воды, что въ 1859 г.,
стройствѣ набережной, вдоль берега рѣки, отнимались отъ нихъ
ныя земляныя присыпи. Стѣны, идущія отъ собора до По-
кой башни, стоятъ на обрывѣ естественнаго плитняка, служа-
для нихъ основаніемъ. Прежде присыпи защищали это основа-
хъ отъ вывѣтриванія, къ чему особенно способенъ, по своему

свойству, псковскій плитнякъ, и отъ другихъ разрушительныхъ нихъ вліяній. Теперь-же основаніе стѣнъ остается открытымъ защищеннымъ слабо, и можетъ свободно подвергаться атмосфер вліянію на нихъ и разрушительному дѣйствію воды. Откосы, однак остались не вымощенными булыжникомъ. Вмѣсто нихъ, вымо поверхность пристани у ряжевыхъ стѣнъ, близь нынѣшняго ч чаго моста. Кислинская башня была исправлена вполнѣ и крыта желѣзомъ, но башня Покровская, болѣе важная въ ис ческомъ отношеніи, осталась не покрытою, вопреки указанію уче археологовъ, командированныхъ въ Псковъ. Штукатурка стѣнъ, рую они признавали полезною въ назначенномъ ими мѣстѣ, не произведена. Хорошо понимающій дѣло такихъ упущеній одо не можетъ. Но несравненно хуже ихъ то, что охранители древн псковскихъ, для поддержанія одного, что рано-ли, поздно-ли, все должно погибнуть, сокрушили другое, самое лучшее, что мог вѣчно существовать безъ всякихъ поправокъ и обновленій. Къ чему позволять для поправки стѣнъ ломать плиту у самаго пролома, на щади, гдѣ сосредоточивались борющіяся силы, при осадѣ Пскова ріемъ, гдѣ рѣшалась судьба не только этого города, но и всей тогдаш Россіи, гдѣ десятки тысячъ положили животъ свой за вѣру и славную и любезное отечество, и гдѣ, въ продолженіи слишкомъ 3 во время крестныхъ ходовъ вокругъ города, весною и осенью жественно совершаются панихиды по нимъ? Это мѣсто въ вы степени священное для насъ [1]). Портить его—смертный грѣхъ. можно было, безъ затрудненія, найти, не касаясь его. Псковъ окрестности всѣ расположены на плитняковой почвѣ.

Какъ исправлялось старое, такъ поддерживается и исправле На Кислинской башнѣ давно сорвало желѣзную крышу, устрое при ея возобновленіи, и не находится такого человѣка, которы крайней мѣрѣ, убралъ-бы желѣзо, валяющееся около башни и вѣющее. Тридцати-лѣтнее исправленіе псковскихъ древностей жется, не много прибавитъ имъ долговѣчности.

А. С. Князевъ.

28 мая 1888 г.
Псковъ.

---

[1]) Мы знаемъ патріота, который однажды весною, прогуливаясь вечером на этомъ мѣстѣ и вспоминая на немъ совершившееся за 300 л., дошел такого возбужденія, что бросился къ пролому и поцѣловалъ его задѣл пробоину. А. К.

...ДКА ВЪ ТУРИНСКЪ КЪ ДЕКАБРИСТУ ВАС. ПЕТР. ИВАШЕВУ

въ 1838 г.

Воспоминаніе Г. М. Толстого.

> Croyez-moi, monsieur, laissez là des critiques qui ne conviennent qu'aux gens sans talents, incapables de rien produire d'eux-mêmes, et qui ne savent chercher de la réputation qu'aux dépens de celle d'autrui.
>
> J.-J. Rousseau.

I.

...пасскій уѣздъ, по справедливости, считается лучшимъ уѣз-... Казанской губерніи. И точно, все у насъ есть и всего ...ль: и земли́, и воды́, и луговъ, и лѣсовъ, и даже болотъ съ ...ями и бекасами. Есть у насъ пристани на Волгѣ и на ...—и все не за горами. Сбывай что хочешь, получай что ...о—хоть изъ-за моря.

...ного у насъ прекрасныхъ селъ; но, по моему мнѣнію, ...ее изъ нихъ — село Бураково. Оно, со многими другими ...ями, принадлежало нѣкогда большому барину Александру ...ьевичу Толстому, который, живя постоянно зимою въ Сим-...ѣ, а лѣтомъ въ 35 верстахъ отъ Симбирска, въ селѣ ...ахъ—сюда почти и не заглядывалъ.

...о смерти Александра Васильевича, Бураково перешло по ...дству къ дочери его, Вѣрѣ Александровнѣ, вышедшей за-... за Петра Никифоровича Ивашева. Она отдала это имѣніе

второй дочери своей—Екатеринѣ Петровнѣ, вышедшей за кня
Хованскаго.

Князь Юрій Сергѣевичъ Хованскій, человѣкъ со вкусо
изящнымъ, заказалъ архитектору Брюлову планы на домъ
церковь, и черезъ два года въ Бураковѣ, на высокомъ бере
прелестнаго Актая, забѣлѣлись у моего любезнаго родстве
ника каменныя палаты.

Домъ этотъ, съ виду очень нарядный, напоминаетъ нѣкот
рыхъ красавицъ, на которыхъ глядѣть хорошо, а жить съ ни
неудобно.

Я въ особенности люблю въ Бураковскомъ домѣ балкон
обращенный на рѣку. Съ него представляется взорамъ горизон
верстъ на пятнадцать: всѣ поля, какъ на ладони, и паръ
пасущимися на немъ стадами, и рожь съ вѣчно колеблющим
колосомъ, и зеленый, какъ изумрудъ, овесъ, и бѣлая, ка
снѣгъ, цвѣтущая греча.

22-го ноября праздновался день рожденія бураковской пом
щицы, и въ 1838 году, къ этому дню, съѣхалось очень больш
общество. Всѣ ея сестры, съ мужьями, дѣтьми, мадамами, ма
зелями, много родныхъ, друзей и пріятелей собрались поздра
лять новорожденную.

Праздникъ начался торжественно. Дамы принарядились; му
чины на этотъ разъ одѣлись почище обыкновеннаго; дѣтя
было позволено шумѣть сколько хотятъ, но на томъ непремѣ
номъ условіи, чтобы не драться, не плакать и не жаловаться
Словомъ, всѣ веселились, смотря по возрастамъ; всѣ насл
ждались тѣмъ радостнымъ спокойствіемъ, которое часто бывае
предвѣстникомъ горя.

Одного гостя, и самаго для насъ милаго, Петра Никифор
вича Ивашева, ожидали мы изъ Симбирска, и въ этомъ прія
номъ ожиданіи все общество разсѣлось большимъ полукруго
около окна, изъ котораго была видна симбирская дорога.

Подходитъ часъ обѣденный, а старика еще нѣтъ.

„Поздравляю, сказалъ кто-то,—тройка въѣзжаетъ въ околицу

— „Это онъ, онъ“, раздались голоса и поднялся шумъ.

„Нѣтъ, не онъ, сказала хозяйка, поглядѣвъ въ подзорну
трубку.—Папа никогда не ѣздитъ въ открытомъ экипажѣ...“
оказалось — точно не онъ. Вошелъ человѣкъ и объявилъ, ч
пріѣхалъ князь Сергѣй Сергѣевичъ Хованскій.

„Зови его сюда“, сказала хозяйка.

— „Изволятъ переодѣваться, отвѣчалъ слуга и, подойдя ко
ѣ, онъ шепнулъ:—Князь проситъ васъ пожаловать къ нему
къ можно скорѣе“.

Никто не слышалъ что было мнѣ сказано, а разговоры ра-
мъ затихли и всѣхъ какъ будто передернуло.

Я всталъ и пошелъ торопливо; за мной слѣдомъ отправился
іятель нашъ, Ѳедоръ Ивановичъ Топорнинъ. Входимъ въ ту
мнату, гдѣ находился пріѣзжій, и видимъ, что на немъ, какъ
ворится, лица нѣтъ.

„Что съ вами?“ спросилъ я князя.

— „Бѣда, отвѣчалъ князь,—старикъ Ивашевъ умеръ“.

„Какъ умеръ? отъ чего?“

— „Умеръ вчера, скоропостижно“.

Сѣли мы всѣ трое рядомъ и задумались; а думали о томъ,
къ объявить дочерямъ умершаго о такомъ страшномъ и не-
иданномъ горѣ.

„Распоряжайтесь, какъ знаете, сказалъ я,—а я сію-же ми-
ту скачу въ Симбирскъ, чтобы не опоздать на похороны
ершаго“.

— „И я съ вами“, сказалъ Топорнинъ.

Тарантасъ скоро подали; мы впрыгнули въ него и поска-
ли по симбирской дорогѣ.

Быстрый отъѣздъ нашъ произвелъ большое волненіе въ Бу-
ковѣ; женщинамъ сказали, что Петръ Никифоровичъ занемогъ
мы поспѣшили въ Симбирскъ, чтобы завтра-же прислать из-
стіе объ его здоровьи.

Описывать подробности этого происшествія я считаю из-
шнимъ.

Кто не плакалъ—тотъ не любилъ, а кто не любилъ — тотъ
не жилъ.

Ночью подъѣхали мы къ ивашевскому дому; двери съ парад-
го крыльца растворены настежь; большія сѣни биткомъ на-
ты народомъ; сверху пахну́ло на насъ ладаномъ и мертвецомъ;
ышно протяжное чтеніе заупокойныхъ молитвъ и долетаютъ
насъ вскрикиванья отъ несдерживаемыхъ рыданій.

Мы вошли въ залу, гдѣ стояло тѣло, помолились, поплакали,

простились съ усопшимъ и удалились въ отведенную для н
комнату, надѣясь отдохнуть отъ сильнаго душевнаго потрясен

Не раздѣваясь, легли мы на диваны; передъ нами на ст
горѣли свѣчи; мы лежали молча, но заснуть не были въ состоян

Вдругъ въ комнату нашу вбѣгаетъ человѣкъ огромнаго ро
и бросается передо мною на колѣни.

Нервы мои, и безъ того сильно раздраженные, сжались
дорожно; я, вскочивъ съ дивана, сердито сказалъ незнакомцу

„Встаньте и скажите безъ фигуръ что вамъ нужно, толь
Бога ради, поскорѣе, я нахожусь въ совершенномъ изнеможени

Великанъ поднялся и сказалъ: „Я служитель Василія Пет
вича Ивашева. Когда барина моего переводили изъ Петр
скаго острога на поселеніе, покойная Вѣра Александровна
правила меня и жену мою въ Туринскъ, чтобы приготовить до
и все хозяйство къ пріѣзду Василія Петровича. Господа на
довольны, и жена моя осталась въ Туринскѣ, а я пріѣхалъ
Ундары, чтобы продать домъ и возвратиться къ ней“.

— „Все это прекрасно, сказалъ я, — только для чего-же
становитесь передо мною на колѣни и дѣлаете такія страни
сцены въ такое горестное время?“

„Извините, что васъ обезпокоилъ, продолжалъ великанъ,—
я боюсь, что внезапное извѣстіе о смерти Петра Никифоров
убьетъ моего добраго барина, и я пришелъ просить васъ поз
лить мнѣ ѣхать въ Туринскъ и объявить ему объ этомъ нес
стіи. Я съумѣю приготовить его къ принятію этого горя“.

— „Разрѣшить поѣздки я не могу, но по пріѣздѣ въ Бу
ково я сообщу наслѣдницамъ Ивашева о прекрасныхъ ваш
чувствахъ и увѣренъ, что предложеніе ваше примется съ обш
радостью“.

Проситель поклонился и вышелъ.

„Какой прекрасный человѣкъ!“ сказалъ Топорнинъ.

— „Конечно прекрасный, отвѣчалъ—я, только мнѣ уди
тельно, какъ такая тонкая деликатность пролѣзла сквозь так
толстую шкуру, и такія нѣжности высказаны такимъ густы
басомъ“.

„А мнѣ кажется, сказалъ Топорнинъ,—что только подъ т
стою кожею можетъ сохраниться истинно-доброе сердце“.

— „Все это можетъ быть, однако-же, не худо-бы узнать,

го-нибудь изъ вѣрныхъ людей, что̀ за личность являлась къ мъ".

„Пошлите за управляющимъ, сказалъ Ѳедоръ Ивановичъ, — видѣлъ его въ залѣ у гроба".

Никита Петровичъ Козловъ, управляющій всѣми Ивашевскими имѣніями, явился въ сопровожденіи Анисима Ивановича, правляющаго должность домашняго лекаря, медика плохаго, человѣка хорошаго.

Эти господа сказали намъ, что незнакомца нашего зовутъ доромъ, что онъ поведенія прекраснаго и заслуживаетъ полго довѣрія.

Когда Козловъ и Анисимъ Ивановичъ ушли отъ насъ, мы ова попробовали уснуть, и такъ какъ это оказалось невозможмъ, то между нами завязался слѣдующій разговоръ:

„Знаете-ли, Ѳедоръ Ивановичъ, что мнѣ пришло въ голову?"

— „Нѣтъ, Григорій Михайловичъ, не знаю".

„Вмѣсто того, чтобъ отправлять Ѳедора, не съѣздить-ли мнѣ мому къ Василію Петровичу?"

— „Прекрасная мысль — и я съ вами!"

„Нужно эту поѣздку хорошенько обдумать".

— „Намъ не съ женами прощаться, не дѣтей благословлять, го думать — сѣсть, да ѣхать!"

„Безъ денегъ не далеко уѣдешь, а ихъ въ настоящее время тъ ни у васъ, ни у меня".

— „Вздоръ! достанемъ".

„Не въ однѣхъ деньгахъ заключается препятствіе".

— „Въ чемъ-же еще?"

„А грозный-то царь?"

— „Грозенъ царь — да милостивъ Богъ!"

„Съ Николаемъ Павловичемъ не расшутишься".

— „Кто робѣетъ, тому недоступенъ смѣлый и самоотверженный поступокъ; повѣрьте себя хорошенько, и ежели боитесь, то тавайтесь дома — я уѣду одинъ".

„Погодите, не горячитесь! Знаете-ли вы рѣшеніе царя на осьбу Вѣры Александровны съѣздить къ сыну въ Сибирь?"

— Нѣтъ, не знаю.

„Государь рѣшилъ: ѣхать можетъ, но съ тѣмъ, чтобы не звращаться въ Россію".

— „Все равно, я непремѣнно ѣду!“

Рѣшимость Ѳедора Ивановича очень меня ободрила; я п
тянулъ ему руку и сказалъ:

„Ну, другъ, ѣдемъ вмѣстѣ; что будетъ—пусть будетъ!“

Мы позвали Ѳедора и сообщили ему нашу мысль; онъ оч
обрадовался и обѣщалъ свозить насъ такъ, что о поѣздкѣ на
никто не узнаетъ.

У меня было много причинъ для поѣздки въ Туринскъ. М
родственныя и дружественныя связи съ Василіемъ Петровичо
и его семействомъ заставляли меня страстно желать свида
съ нимъ, особенно послѣ 13-ти-лѣтней мучительной разлу
нужно мнѣ было узнать, какъ хочетъ онъ распорядиться и
ніемъ, оставшимся послѣ его родителей, на которое, по зако
онъ не имѣлъ права, но право это предоставлялось ему
сестрами.

Еще одинъ вопросъ долженъ былъ разрѣшить Василій Пет
вичъ. Какъ устроить состояніе одного изъ нашихъ родствен
ковъ, котораго старуха Вѣра Александровна надѣлила не
вершенно удовлетворительно.

Занятый этими важными семейными вопросами, я не замѣт
какъ прошла ночь и наступило время, назначенное для похоро

На похороны собралась большая публика, и такъ ка
церковь переполнилась народомъ, то полиціймейстеръ закрич
тѣмъ хриплымъ голосомъ, который отличаетъ русскую поли
отъ всѣхъ остальныхъ существъ, созданныхъ по подобію Бож
„Черный народъ не пускать!“

Изъ этого поднялся шумъ, грозившій перейти въ буйство

„Какъ! заговорили ундаровскіе крестьяне, которыхъ бы
множество:—насъ не пускать въ храмъ Божій въ то вре
какъ отпѣваютъ нашего добраго барина! Мы принесли его
35 верстъ на своихъ рукахъ, да не мы будемъ опускать его
землю! Нѣтъ, ребята, этого терпѣть нельзя!“

Похоронами распоряжался бывшій въ то время губернски
предводителемъ Григорій Васильевичъ Бестужевъ; онъ вышо
къ народу и сказалъ:

„Не шумите, ребята! Храмъ Божій не кабакъ. Вспомни
что теперь отпѣваютъ вашего барина, котораго вы любили; та
кажется, не время буянить съ полиціей“.

„Ну! ваше превосходительство, мы ничего, мы только того...
ъ показалось обидно! сказали мужики,—а мы ничего!...“
По окончаніи печальной церемоніи я поѣхалъ въ Бураково;
сь, разумѣется, слезы.
Разсказавъ всѣ подробности о кончинѣ Петра Никифоровича,
казалъ о намѣреніи нашемъ съѣздить въ Туринскъ.
Разговоры по этому предмету продолжались нѣсколько дней
ончились тѣмъ, что намъ дали денегъ и благословили въ путь.
ъ Буракова выѣхалъ я послѣ ранняго обѣда и часу въ пятомъ
ѣхалъ къ дядѣ моему, Владиміру Львовичу, въ с. Левашево.
Отворяю дверь въ прихожую—въ ней дымъ столбомъ; меня
ъ и обдало сквернымъ табачнымъ запахомъ.
Нагорѣлая и догорающая сальная свѣча, вставленная въ
ылку, стоитъ на полу. Двое слугъ, Михайло Панферовъ и
ъ его Петрушка, лежатъ на скамейкахъ размертвецки пьяны.
отнесся сначала къ папенькѣ: шевелю его и кричу въ самое
: „Михайло! Михайло!“ Но труды мои были напрасны. Пан-
ычъ не оказалъ ни малѣйшаго признака жизни.
Перехожу къ сыну, толкаю его и кричу: „Петруша! Петруша!“
отъ какъ будто живъ, только чуть живъ.
Онъ, не раскрывая глазъ, проговорилъ внятно: „Ну, ты, къ
ту!“—поворотился на другой бокъ и захрапѣлъ молодецки.
Я снялъ съ себя шубу, бросилъ ее на полъ и вхожу въ залу.
залѣ темно; только изъ дальней комнаты мерцаетъ какой-то
усвѣтъ.
Я иду прямо на огонь; вхожу въ кабинетъ и вижу, что на
ро, въ которомъ хранятся дядины сокровища, горитъ свѣча;
ло бюро стоятъ четыре мужика, по два въ рядъ, съ огром-
ми дубинами и печальными лицами.
„Здравствуйте, православные, сказалъ я.
— „Здравствуйте, батюшка Григорій Михайловичъ“, отвѣ-
ли мужички.
„Что вы это, ребята, стоите здѣсь на такой вытяжкѣ?“
— „Да на караулѣ, батюшка“.
„На какомъ караулѣ?“
— „Казну господскую караулимъ“.
„А гдѣ-же баринъ?“
— „Уѣхалъ къ братцу своему, Павлу Львовичу, въ Мурзиху“.

„Какъ уѣхалъ? Дядюшка ужъ 30 лѣтъ никуда не ѣздит

— „Знать надумался, сказалъ одинъ изъ часовыхъ,—вз да и поѣхалъ“.

„И я поѣду въ Мурзиху! Сходи-ка, часовой, да вели пода моихъ лошадей, а я за тебя покараулю“.

Крестьянинъ ушелъ; я взялъ его дубину и сталъ на кара часовые расхохотались:

— „Ай, ай! Григорій Михайловичъ, сказалъ одинъ,—бо ты прокуратъ“!

Отъ села Левашева до Мурзихи верстъ 20 съ небольш и я скоро туда доѣхалъ. Здѣсь нашелъ я другую обстано Господскій домъ ярко освѣщенъ; громъ оркестра слышенъ д на улицѣ, и народа, слушающаго музыку и глядящаго въ о было множество. Дядя Павелъ Львовичъ притворялся больш меломаномъ и завелъ порядочный оркестръ изъ крѣпост своихъ людей. Я былъ очень друженъ съ моими дядями появленіе мое произвело большую радость.

„Вотъ какъ хорошо ты подъѣхалъ, сказалъ Павелъ Львов мы пріятно проведемъ вечеръ“.

— „Я привезъ вамъ печальную новость: Петръ Никифоро скончался“.

Владиміръ Львовичъ широко перекрестился и сказалъ П Львовичу:

„Mon frère, отпусти оркестръ: у насъ семейное горе и му теперь не кстати. Жаль Петра Никифоровича, онъ былъ со шенно du bon ton и большой мастеръ танцевать“.

„Вотъ, подумалъ я,—и біографія готова“.

„Со мною случилось сегодня такое происшествіе, сказал обращаясь къ дядямъ,—что если суждено намъ прожить 1000 лѣтъ, то и тогда это чудо не повторится“.

— „Что такое?“ спросилъ Владиміръ Львовичъ.

„Я былъ у васъ и не засталъ васъ дома“.

— „Полно пустяки-то говорить; ты лучше скажи, вс нашелъ у меня въ порядкѣ?“

„Все, mon cher oncle! Михайло Панферовъ съ сыномъ леж а мужики съ дубинами стоятъ около бюро“.

— „Мужики хорошо караулятъ, сказалъ дядя,—это поряд порядокъ настоящій. А что пьяницы валяются на лавкахъ, тоже своего рода порядокъ—порядокъ вещей!“

— „Однако-же, позвольте васъ спросить, сказалъ я дядѣ,—по
ому случаю пріѣхали вы сюда совершенно неожиданно?“
„Я сейчасъ открою тебѣ весь секретъ. До меня дошли слухи,
мурзинскій баринъ (который сидитъ передъ тобою) открылъ
ель, да такой отель, что никто не можетъ проѣхать мимо,
спроса чаю, кофе или закусокъ. Я люблю отели; они напо-
наютъ мнѣ Германію и отечественную войну. Вотъ я и вздумалъ:
-ка съѣзжу, да погляжу, чего надѣлалъ мой братецъ въ Мур-
ѣ? Ты понимаешь, что все было обдумано, все взвѣшено на
ственныхъ вѣсахъ. Я назначилъ караулъ и назвалъ карауль-
хъ по имени; опредѣлилъ, сколько времени стоять на часахъ
какъ дѣлать смѣну; приказалъ приготовить провожатыхъ,
бъ не сбиться съ дороги; взялъ съ собою Петра Голубева,
ому, что онъ пьяница, но не горькій; сѣлъ въ кибитку и
орю: „Пошелъ въ Мурзиху!“
— „Слушаю, сказалъ кучеръ,—къ Павлу Львовичу?“
„Совсѣмъ не къ Павлу Львовичу! Пошелъ въ Мурзиху въ
ктиръ!“
„Надо было посмотрѣть, какой эффектъ произвели эти слова!
шадей тронули и черезъ два часа меня подвезли къ отелю.
жу и вижу: изба новая, полы чистые, Яковъ Тарасовъ въ
тукѣ ходитъ совершеннымъ метръ д'отелемъ. Все мнѣ по-
вилось.
„Ну, говорю я Тарасову: нельзя-ли мнѣ получить въ вашемъ
лѣ кофію—только хорошаго кофію?“
— „Можно, батюшка Владиміръ Львовичъ; у насъ всегда все
готовѣ для проѣзжающихъ; какъ прикажете подать, въ ста-
чикѣ или чашечкѣ?“
„Дай мнѣ маленькую чашечку; я изъ стакановъ не пью; это
ѣ кажется какъ-то ерыжно“.
Тарасовъ подалъ кофе, который я выпилъ съ удовольствіемъ.
„Теперь давай разсчитываться. Сколько слѣдуетъ мнѣ за-
атить за мою чашку кофею?“
— „Рубль серебра, батюшка, назначено по таксѣ“.
„Вотъ тебѣ рубль; а какъ зовутъ хозяина этой гостинницы,
омъ я тебя не спрашиваю: я по цѣнѣ узнаю братца моего
вла Львовича!“
Этотъ разсказъ очень развеселилъ насъ и мы долго смѣялись.

Когда стали расходиться, я сказалъ дядямъ:

„Прощайте, можетъ быть, надолго! Я ѣду въ Сибирь“, сообщилъ имъ причины моей поѣздки.

Это извѣстіе страшно потрясло моихъ стариковъ. Владим Львовичъ съ большимъ жаромъ сказалъ мнѣ:

„Знаете-ли вы, Григорій Михайловичъ, кто сидитъ у в на престолѣ? Не Екатерина Алексѣевна, не Александръ Павлов и даже не Павелъ Петровичъ; у насъ государствуетъ Никола а это такой человѣкъ, который“...

Онъ высоко поднялъ руки и повертѣлъ пальцами надъ голо

„Какъ-же ты поѣдешь?“ спрашивалъ меня Павелъ Львов

— „Я думаю ѣхать подъ чужимъ именемъ“, сказалъ я.

„Нѣтъ, этого не дѣлай. Въ несчастномъ случаѣ ты усугуб вину свою“.

Я поблагодарилъ Павла Львовича и обѣщалъ непремѣ выполнить умный его совѣтъ.

Когда началось окончательное разставанье, Владиміръ Л вичъ сказалъ: „Слава Богу, что брата Михаила Львовича н на свѣтѣ, его-бы убила эта поѣздка. Прощайте; у васъ все были такія идеи, которыя....“

Старики меня благословили; они ушли спать, а я поѣх въ Казань.

Въ ту самую минуту, какъ я въѣхалъ въ Казань, на борной колокольнѣ ударило къ вечернѣ. Я перекрестился; знаю, суевѣрное или глубоко религіозное чувство шевельнул въ моемъ сердцѣ.

Меня подвезли къ старому дому дворянскаго собранія, почтенный Егоръ Ивановичъ Гедлеръ содержалъ нумера; т нашелъ я Топорнина, съ провожатымъ нашимъ Ѳедоромъ, А ксандра Ивановича Ермолова и общаго пріятеля нашего Ас фьева, бывшаго въ то время флигель-адъютантомъ.

По случаю пріятной компаніи, мы загуляли сильно, но ни изъ насъ не проврался. Мы знали Астафьева за благородн шаго человѣка, но не сказали ему о нашей поѣздкѣ, боясь ставить его въ неловкое положеніе передъ государемъ. Три готовились мы къ поѣздкѣ, и 10-го декабря выѣхали изъ Каза

Мы везли съ собою два сокровища. 1-е—образъ, въ ко ромъ средина была выпилена, въ отверстіе вложена довол

шая сумма денегъ и пустота потомъ очень искусно за-
на, и 2-е—письма и бумаги, которыя зашиты были въ во-
икахъ нашихъ шубъ.

Для чего поднимались мы на такіе фокусы, я понять теперь
огу. Не проще-ли было положить деньги въ карманъ и при
ании съ Василіемъ Петровичемъ передать ихъ изъ рукъ въ
. Хорошіе мы заговорщики! А вѣдь смѣлы, чортъ побери!
акое время и съ кѣмъ вздумали играть въ гулюкушки!

Мы ѣхали въ прекрасномъ возкѣ и разсѣлись просторно;
ами внутри экипажа сѣлъ мой камердинеръ, мальчикъ лѣтъ
и, а для провожатаго нашего Ѳедора (который одѣлся какъ-
о-казацки, съ саблею и двумя пистолетами за поясомъ) было
рено сзади возка отличное помѣщеніе.

Мы подвигаемся сильно, и много станцій проѣхали благо-
чно, безъ приключеній; но по справедливости скажу вамъ
бѣ, что я чувствую себя не по себѣ: не то что положи-
но трушу, а нахожусь въ какомъ-то тихомъ элегическомъ
роеніи.

Товарищъ-же мой, Топорнинъ, отличается самою искреннею
лостью: сидитъ да разсказываетъ, куритъ да поплевываетъ.

Въ Екатеринбургѣ жилъ въ то время большой нашъ прія-
Дмитрій Александровичъ Арсеньевъ. Отецъ его жены,
роздинъ, былъ тутъ откупщикомъ, и Арсеньевъ, съ прелест-
своею супругою, помѣщался въ домѣ своего тестя.

На послѣдней станціи къ Екатеринбургу ямщикъ спросилъ
:

„Куда прикажете въѣхать въ городѣ?“

— „Знаешь Арсеньева?“

„Знаю“.

— „Вези насъ къ нему, только живѣе, чтобы застать намъ
не спящимъ“.

Было уже около полуночи, когда мы въѣхали въ городъ;
лось, что весь Екатеринбургъ почиваетъ: ни одного человѣка
идно на улицѣ; во всѣхъ домахъ совершенныя потемки.

Въѣхавъ на площадь, мы, къ удивленію нашему, были почти
плены яркимъ освѣщеніемъ. Нѣсколько сотъ плошекъ горѣли
той площади и она заставлена была экипажами. Одинъ изъ

домовъ былъ очень нарядно освѣщенъ шкаликами снаружи
залитъ свѣтомъ внутри.

„Посмотрите, сказалъ Топорнинъ,—это, должно быть, свадьб

Мы хотѣли спросить у ямщика, что это значитъ, но
быстро подвезъ насъ къ крыльцу этого самаго дома и сказа

„Вотъ, слава Богу, доѣхали, и господа, должно быть,
не спятъ".

— „Куда ты завезъ насъ"! закричалъ я съ досадою
ямщика.

„Какъ куда? Къ Дмитрію Александровичу; вѣдь вы са
приказали".

— „Къ какому Дмитрію Александровичу?"

„Да къ Арсеньеву-то".

— „Развѣ Арсеньевъ здѣсь живетъ?"

„А гдѣ-же, кажись, здѣсь".

Мы послали Ѳедора развѣдать хорошенько, чей это дом
кто въ немъ живетъ. Ѳедоръ скоро возвратился и объявил
что домъ г. Бороздина, что у него большой балъ, что Дмит
Александровичъ дома и изволитъ танцовать.

Мы придумали вызвать Арсеньева, чтобы поздороваться и р
проститься съ нимъ и, не теряя ни минуты, продолжать на
путешествіе. Въ это время морозъ былъ жестокій; Топорн
предложилъ войти въ сѣни, чтобы немного обогрѣться.

Нарядный швейцаръ отворилъ намъ двери и мы всѣ раз
вошли. Въ сѣняхъ лакеевъ было множество; кто-то изъ то
закричалъ: „Батюшки! Что это за чучелы", и хохотъ сдѣла
общимъ.

Другой лакей замѣтилъ остроумно: „Это, должно быть, на
женые".—„И то наряженые", повторили многіе голоса.

Что мы точно были чучелы, то будетъ видно изъ слѣд
щаго описанія.

На насъ были дубленые полушубки, лица наши такъ о
запы платочками и шарфами, что видны были только
глаза; на головахъ надѣты были высокія бараньи шапки, на
ваемыя эриванками, на ногахъ огромные мѣховые сапоги,—
этому должно прибавить, что во мнѣ роста 2 аршина 8 вер
Топорнинъ на вершокъ выше меня, а Ѳедоръ—на два в
Топорнина.

Взгляните хорошенько, ребята, раздался голосъ:—вѣдь это оди, а какія-то каланчи пожарныя!"

попросилъ швейцара сказать Арсеньеву, что двое его елей, проѣздомъ изъ Симбирска, просятъ его сойти къ нимъ ру словъ. Дмитрій Александровичъ не заставилъ себя долго и, сбѣгая по лѣстницѣ, кричалъ намъ: „Кто вы, господа? узнаю!" Мы назвались, и Арсеньевъ, обнимая насъ, вдругъ икнулъ: „А, понимаю!"

ъ приказалъ швейцару проводить насъ въ свою комнату. Что у васъ за торжество?" спросилъ я.

„Угощаемъ сыновей фельдмаршала, графа Паскевича-Эриаго", отвѣчалъ онъ, и мигомъ улетѣлъ отъ насъ.

асъ повели по парадной лѣстницѣ.

Нельзя-ли, любезнѣйшій, провести насъ по заднему входу, ной лѣстницѣ, сказалъ я швейцару,—тутъ какъ разъ съ нибудь встрѣтишься".

-„Помилуйте, не безпокойтесь! Ничего-съ!" проговорилъ аръ.

омъ Бороздина расположенъ былъ такимъ образомъ: съ ной лѣстницы дверь въ большую комнату, изъ нея на- входъ въ залу, а на-лѣво—въ тѣ горницы, которыя зани- Арсеньевъ.

грѣхъ, первую комнату обратили для бала въ буфетъ и въ залу были вынуты.

тъ на столахъ, ярко освѣщенныхъ и обставленныхъ цвѣ- зеленью, помѣщались чай, шоколадъ, мороженое, всякіе адительные и горячительные напитки, словомъ—такъ, какъ быкновенно бываетъ на всѣхъ большихъ балахъ.

вейцаръ растворилъ дверь и мы очутились въ буфетѣ, то а балѣ.

ѣсколько нарядныхъ дамъ, кушавшихъ тутъ лимонадъ, увъ на насъ, взвизгнули и вылетѣли въ залу. Съ электри- быстротою пробѣжало по балу извѣстіе о странныхъ ь, находящихся въ буфетѣ. Танцы остановились, музыка а и все общество густою массою повалило къ дверямъ . Я, какъ окаменѣлый, стою, не шевелясь, на одномъ какой-то старичекъ, оказавшійся впослѣдствіи г. Бо- ымъ, подскочилъ ко мнѣ и, теребя меня за рукавъ моего убка, кричалъ неистовымъ голосомъ:

„Кто вы? Говорите, кто вы? Люди! Люди!“

Я какъ будто опомнился, оглянулся назадъ, но никог моихъ нѣтъ. Топорнинъ, Ѳедоръ и глупый швейцаръ, заб моемъ существованіи, задали тягу.

Не будучи въ состояніи промолвить слова, я кинулс жать, но, вмѣсто двери, лѣзу въ окно. Хохотъ, ропотъ, различныя восклицанія сыпались на меня со всѣхъ стор а спасителя моего, Арсеньева, по несчастію, въ это вре было въ залѣ: онъ пошелъ въ свои комнаты, чтобы приго намъ пріютъ.

Наконецъ, я нашелъ выходъ, слетѣлъ кубаремъ по лѣс выскочилъ на подъѣздъ, гдѣ находился Топорнинъ съ Ѳед и, не говоря ни слова, пустился вдоль улицы.

Сопутники мои бѣгутъ за мною, а тройка съ экип едва насъ догоняетъ. Слышу я, что кто-то кричитъ:

„Ваше благородіе, постойте, помилуйте, сдѣлайте одол

Я остановился и ко мнѣ подошелъ проклятый швейца

„Дмитрій Александровичъ приказали просить васъ п вать къ нимъ“.

— „Какъ, опять на балъ?“ сказалъ я задыхаясь.

„Точно такъ-съ“, отвѣчалъ швейцаръ.

— „Убирайся ты со своимъ Арсеньевымъ къ чорту! ему, что во всѣхъ жилахъ моихъ течетъ не кровь, а ог чувствую въ себѣ всѣ признаки злой горячки“.

„Ничего-съ, ваше благородіе, будьте спокойны, я п васъ съ задняго крыльца; Дмитрій Александровичъ буд меня гнѣваться, ежели вы не пожалуете“.

— „Мы не пойдемъ, сказалъ я швейцару рѣшительно ты укажи намъ трактиръ, въ которомъ можно перено потому что ѣхать далѣе я сегодня не могу“!

Швейцаръ привелъ насъ въ домъ какого-то чиновник дали намъ препорядочную квартиру. Напившись чаю, я будто оттаялъ и успокоился.

Ѳедоръ Ивановичъ сказалъ мнѣ, улыбаясь:

„Можно-ли было ожидать, что мы попадемъ на балъ

— „Нѣтъ, батюшка, отвѣчалъ я,—вы только видѣли а я такъ былъ на немъ“.

Въ это время явился человѣкъ и объявилъ намъ, ч

евъ проситъ насъ не уѣзжать изъ Екатеринбурга, не повидав-
ъ съ нимъ. „Дмитрій Александровичъ, прибавилъ посланный,
казалъ доложить, что онъ скоро пришлетъ вамъ ужинъ, а
ѣхъ поръ посылаетъ закуску, лафиту и шампанскаго". Мы
агодарили, нагрѣли лафитъ, заморозили шампанское и вспом-
слова поэта Языкова:

Упоительная влага
Оживитъ тебя всего;
Вспыхнутъ гордость и отвага
Блескомъ взора твоего;
Самобытными мечтами
Загуляетъ голова,
И какъ волны за волнами
Изъ души польются сами
Вдохновенныя слова!
Строенъ, пышенъ міръ житейской
Развернется предъ тобой.
Много силы чародѣйской
Въ этой влагѣ золотой!

Арсеньевъ, коротко зная наши семейныя положенія, легко
дался, куда мы направляемъ нашъ путь, и, войдя къ намъ,
алъ:

Что вы дѣлаете? Вы губите себя неминуемо. Въ Екатерин-
ѣ всѣ знаютъ, что вы ѣдете къ Ивашеву. Сейчасъ на балѣ
говорилъ объ этомъ жандармскій полковникъ, который не-
мѣнно пошлетъ за вами погоню или подкараулитъ васъ на
ратномъ пути; опомнитесь, останьтесь здѣсь и, поживя съ
, возвратитесь благополучно въ Симбирскъ".

— „Дудки! братъ Арсеньевъ, сказалъ Топорнинъ,—на пустомъ
не собьешь. Не пугай насъ жандармомъ; мы пошли на
алую, такъ не струсимъ"...

Ну, такъ я на васъ донесу", сказалъ Арсеньевъ.

— Врешь, возразилъ Топорнинъ,—не донесешь; да и къ чему
сить, когда всѣ знаютъ, куда мы направляемся.

Арсеньевъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

Съ Топорнинымъ говорить невозможно, онъ вѣкъ былъ
янным, но вы разберите хладнокровно то, что буду я вамъ
рить. Вы знаете, что я самъ нетрусливаго десятка и люблю
ыя выходки; но на этотъ разъ, божусь, что васъ непремѣнно

схватятъ. Я понимаю, что вамъ возвратиться въ Симбирск повидавшись съ Василіемъ Петровичемъ, очень неловк что-же дѣлать, ежели доѣхать до него трудно, а возврат невозможно. Отдайте мнѣ всѣ ваши бумаги, я ихъ спрячу; здѣсь, можетъ быть, допросятъ; вы скажете, что пріѣхал мнѣ—и дѣлу конецъ. Родные ваши поблагодарятъ васъ за д намѣреніе и вдвое за то, что не пошли на вѣрную гибель

— „Вы говорите очень разумно, сказалъ я;—но я об Ѳедору Ивановичу, что ничто не поколеблетъ нашей рѣшимо и сдержу мое слово; я сдержу его и потому, что если вздумалъ возвратиться, то Ѳедоръ Ивановичъ непремѣнно уѣдетъ впередъ!“

„Ну, въ такомъ случаѣ говорить нечего; дѣлайте, какъ з но такъ какъ я вижусь съ вами въ послѣдній разъ, то выпьем хорошенько по случаю вѣчной разлуки“.

Мы такъ хватили, что я не помню ни прощанья съ сеньевымъ, ни времени нашего отъѣзда.

Слова Арсеньева произвели на меня сильное впечат однако-же, мы проѣхали отъ Екатеринбурга довольно бо разстояніе не только безъ несчастій, но даже безъ приклю

Со дня нашего выѣзда изъ Казани морозы стояли необ венные: не было менѣе 26 градусовъ, а нерѣдко случало и болѣе.

Подъѣзжая къ одной станціи, часу въ седьмомъ вечера вздумали тутъ хорошенько отогрѣться. У подъѣзда станціо дома стояла отпряженная кибитка.

„Вотъ и встрѣча“, сказалъ Топорнинъ.

Я не очень желалъ встрѣчъ—и промолчалъ.

Мы вошли въ чистую горницу; на диванѣ очень чо сидѣлъ господинъ пожилыхъ лѣтъ, маленькаго роста, толсте пристойно одѣтый, съ Владимірскимъ крестомъ, висѣвшим петлицѣ на длинной лентѣ; фигура вообще смѣшная, но дов важная. Передъ диваномъ, на которомъ сидѣлъ господинъ, столъ, на столѣ двѣ свѣчи, самоваръ, изъ котораго клу паръ, на самоварѣ чайникъ. Ближе къ господину стоялъ под на немъ стаканъ, сахаръ и полная бутылка съ ромомъ. В мірскій кавалеръ взглянулъ на насъ грозно и сказалъ отры

„Что за люди?“

ы съ Топорнинымъ промолчали, а Ѳедоръ сказалъ: „Господа!“
Что за дурацкій отвѣтъ: „господа“? Всѣ на свѣтѣ господа—
господинъ! Отвѣчай опредѣлительно: купцы вы что-ли или
ескіе приказчики?“

„Дворяне“, сказалъ Ѳедоръ и пошелъ къ смотрителю, чтобы
сать нашу подорожную; незнакомый послѣдовалъ за нимъ,
о-же, очень скоро возвратился и, подойдя къ Ѳедору Ивано-
спросилъ рѣшительно:

Какъ ваша фамилія?“

„Топорнинъ!“ съ примѣтною досадою промолвилъ Ѳедоръ
вичъ.

Топорнинъ, Топорнинъ! фамилія мнѣ что-то знакомая“. И
ись ко мнѣ сказалъ:

Куда проѣзжаете?“

„Въ Ирбитъ“.

ачѣмъ въ Ирбитъ?“

„На ярмарку“.

Въ Ирбитъ на ярмарку, проговорилъ кавалеръ.—Это что-то
но!“

„Да что-же тутъ мудренаго“? спросилъ я.

А вотъ что мудренаго: до ярмарки еще долго, такъ что-же
дете дѣлать въ Ирбитѣ?“

„Ну... поглядимъ городъ... осмотримъ окрестности...“
ъ я глупымъ голосомъ.

Какія окрестности можно оглядѣть зимою? Окрестности
какъ и вездѣ, на три аршина подъ снѣгомъ. Это вздоръ,
е то; вы что-нибудь скрываете! А какъ ваша фамилія?“
илъ меня кавалеръ что-то черезчуръ пытливо.

„Толстой“, отвѣчалъ я.

Графъ?“

„Нѣтъ, не графъ, а просто“.

Просто, просто! Ну, это просто—не очень просто, сказалъ
еръ и громко засмѣялся.—Нѣтъ, господа! продолжалъ онъ,
на диванъ,—я старый воробей, меня на мякинѣ не пой-
! Вы не въ Ирбитъ, а черезъ Ирбитъ въ Туринскъ про-
тесь“.

еня кольнуло прямо подъ сердце.

Вы направляетесь къ нашимъ“.

— „Къ какимъ вашимъ?“ спросилъ я грубо.

„Извѣстно, кто здѣсь наши! Ивашевъ, да Басаргинъ“.

— „Мы ихъ не знаемъ“.

„Ну, ладно; не знаете, такъ и ладно!“

„Что ты, чортъ этакой, подумалъ я.—Играешь что-ли съ на
въ кошку-мышку? Брать, такъ бери, къ чему комедію лома
Или ты, можетъ быть, ожидаешь подкрѣпленія?“ Ухъ, сквер
скверно было у меня на сердцѣ.

„Не угодно-ли чаю?“ спросилъ насъ кавалеръ.

Мы отвѣчали, что охотно выпьемъ по стакану.

„А какъ вы пьете, г. Толстой, просто? Съ ромомъ
просто?“

— „Съ ромомъ и съ апетитомъ“, отвѣчалъ я развя
корча молодца.

„А вамъ, г. Топорнинъ, какъ прикажете налить?“

— „Потрудитесь налить мнѣ полъ-стакана“.

„Что такъ мало?“

— „Вы нальете, а я погляжу; ежели чай покажется
крѣпокъ, то я долью стаканъ ромомъ“.

„Вотъ безподобно! Ха-ха-ха, вотъ это такъ! истинно
красно! Чудесно! Мысль новая, разжижать чай ромомъ! отлич
отлично“, и кавалеръ принялся цѣловать Топорнина. Не обид
онъ и меня своими ласками, говоря намъ: „Вижу, что вы реб
теплые! Извините меня, я сначала принялъ васъ за купеческ
приказчиковъ, потому что съ виду вы показались мнѣ бол
молодцоваты; послѣ я подумалъ, что вы золотопромышленни
милліонеры, потому что несловоохотны. А теперь вижу, что
наша братья, коренные русскіе дворяне“. И онъ поправилъ
Владимірскій крестъ.

Онъ назвалъ намъ свой чинъ, имя, отчество и фамилію
сіе я перезабылъ), сообщилъ, что служитъ въ пермской уго
ной палатѣ, имѣетъ въ Перми свой собственный домъ, кото
извѣстенъ тамъ каждому мальчишкѣ, и прибавилъ: „Полюб
меня такъ, какъ я васъ полюбилъ, то есть всею душою
утѣшьте на старости лѣтъ вашимъ посѣщеніемъ“.

Мы принялись за чай; бесѣда наша пошла шумно и вес
Но вошелъ Ѳедоръ и объявилъ, что лошади готовы. Кавал
вскрикнулъ съ отчаяніемъ: „Какъ! уже?“

Мы одѣлись, расцѣловались съ новымъ другомъ, коварно
ались заѣхать къ нему на возвратномъ пути, и разстались
мъ на вѣки. Я сильно подозрѣваю, что въ то время, какъ
кій чиновникъ выходилъ изъ общей комнаты, онъ разспро-
о насъ у Ѳедора и тотъ проболтался о нашей поѣздкѣ къ
ію Петровичу; однако-же, Ѳедоръ божился мнѣ, что онъ
насъ не только не говорилъ съ чиновникомъ, но даже и
дался съ нимъ.

акъ-бы то ни было, а мы по страшному морозу мчимся въ
ъ.

ь то время ѣзда по сибирскому тракту была необыкновенно
я, и вотъ какъ она производилась: подъѣзжаете къ стан-
асъ встрѣчаетъ толпа ямщиковъ, между ними начинаются
, крики и часто драки изъ-за того, кому ѣхать? Когда во-
рѣшенъ, то всѣ они участвуютъ въ закладкѣ лошадей,
у что дикія лошади не идутъ ни въ оглобли, ни въ по-
ки. Когда упряжь кончена и пассажиры усядутся, ямщикъ
жетъ себя къ козламъ экипажа, чтобы не свалиться, и за-
ъ „пускай"; ямщики, удерживавшіе лошадей, быстро раз-
ся по сторонамъ, и бѣшеная тройка летитъ во весь духъ,
збирая ни горъ, ни мостовъ, ни ухабовъ, и только на слѣ-
ей станціи задерживается она новою толпою встрѣчающихъ
ямщиковъ.

ъ самый полдень въѣхали мы въ Ирбитъ; намъ оставалось
ринска всего 60 верстъ, но мы придумали въѣхать туда
, чтобы не сдѣлать огласки, и въ случаѣ крайней опасно-
повидавшись съ Василіемъ Петровичемъ, въ ту-же ночь
виться въ обратный путь. Мы пообѣдали, легли спать, но
покойно отдохнули.

незапно были мы пробуждены страшнымъ крикомъ, доходив-
до насъ черезъ перегородку сосѣдственной горницы.

лышимъ, что Ѳедоръ нашъ баситъ неистово и кто-то во все
кричитъ: „Батюшки, давятъ! караулъ, караулъ!"

ы поспѣшно одѣлись; бѣжимъ въ ту горницу, изъ которой
енъ шумъ, растолкали собравшійся тутъ народъ и видимъ,
едоръ, очень пьяный, схватя хозяина дома за шиворотъ,
и носитъ его на воздухѣ.

Что ты дѣлаешь? закричалъ я на Ѳедора,—брось!"

Я не буду описывать подробно этой гадкой сцены, скажу только изъ-за чего она вышла: Ѳедору нашему показалось съ пьяныхъ глазъ, или, вѣрнѣе, онъ сочинилъ, что, вынимая кошелекъ съ деньгами, онъ уронилъ двадцатипяти-рублевую бумажку, а хозяинъ ее поднялъ и положилъ къ себѣ въ карманъ. Хозяинъ не выходилъ изъ комнаты и требовалъ, чтобы его обыскала полиція. Благодаря Бога, намъ удалось уговорить хозяина, и дѣло обошлось безъ полиціи.

На дворѣ становилось темно, когда мы садились въ баулъ, чтобы довершить наше странствованіе. Тройка наша впряжена была „гусемъ“; морозъ былъ почти невыносимый и промерзшія лошади наши постоянно дергали экипажъ.

„Далеко-ли до станціи?“ спросилъ я ямщика.

— „Шестьдесятъ верстъ“.

„Какъ? развѣ ты прямо повезешь въ Туринскъ?“

— „Да, въ Туринскъ прямо; по этому тракту за сто верстъ кругомъ, исключая Туринска, жилья нѣтъ“.

„А дорога какова?“ спросилъ я.

— „Дорога гусевая; трактъ плохой, никто здѣсь не ѣздитъ. Бѣда, какъ разъ собьешься!“

„Вотъ еще удобство“, подумалъ я, влѣзая въ баулъ.

„Пошелъ!“ крикнулъ Ѳедоръ все еще пьянымъ голосомъ. Лошади рванулись и завизжали подрѣза подъ экипажемъ нашимъ.

Мы скоро въѣхали въ лѣсъ, вѣковой, дремучій, въ такой лѣсъ, который, за исключеніемъ ие большихъ перерывовъ, тянется отъ Туринска до Ледовитаго моря. Несетъ насъ рѣзвая тройка по узкой дорогѣ, на которой слѣда почти незамѣтно. Вѣковыя сосны, ели и пихты стоятъ по обѣимъ отъ насъ сторонамъ; между ними—тьма кромѣшная, и только узкая полоса звѣзднаго неба свѣтитъ надъ нашими головами.

Ѳедоръ принялся браниться съ ямщикомъ; лошади пошли тише и тише и вдругъ совершенно остановились. Ямщикъ слѣзъ съ козелъ и, подойдя къ намъ, сказалъ:

— „Господа, уймите вашего лакея; онъ ругается, одолѣлъ меня совсѣмъ; я брошу лошадей и убѣгу въ лѣсъ!“

Мы просили ямщика не обращать вниманія на слова пьянаго человѣка; обѣщали ему дать хорошо на водку, ежели онъ дове-

зетъ насъ благополучно до Туринска. Ямщикъ успокоился, сѣлъ на козлы рядомъ съ Ѳедоромъ и мы опять полетѣли.

Скоро поднялся крикъ пуще прежняго; оказалось, что Ѳедоръ веревкою привязалъ ямщика къ своему поясу и говорилъ ему:

— „Ты пугалъ господъ тѣмъ, что бросишь лошадей и уйдешь въ лѣсъ; попробуй-ка теперь убѣжать отъ меня? Я тебѣ говорю, сиди смирно, ежели ты осмѣлишься только пошевелиться—я убью тебя изъ этого пистолета".

Притихъ ямщикъ; молчимъ и мы съ Топорнинымъ, тревожно ожидая, что будетъ дальше. Пока Ѳедоръ привязывалъ къ себѣ ямщика, а тотъ отъ него отбивался, возжи, разумѣется, были брошены и подобрать ихъ было невозможно. Лошади, почувствовавъ, что никто ими не управляетъ, подхватили насъ жестоко. Экипажъ нашъ, задѣвая отводами за деревья, какъ мячъ леталъ изъ стороны въ сторону. Какими судьбами баулъ нашъ не разбился въ дребезги—я до сихъ поръ не могу понять.

Въ этомъ положеніи проѣхали мы около часу.

Вдругъ подъ возкомъ нашимъ что-то стукнуло и насъ такъ тряхнуло, что мы съ Топорнинымъ ударились лбами о переднюю стѣнку нашего экипажа. Лошади остановились, какъ вкопанныя. Пришлось вылѣзать.

— „Что такое?" спросилъ я ямщика.

А онъ вмѣсто отвѣта горько заплакалъ, приговаривая: „Господи, Господи! Кажись, во всю жизнь не ѣзжалъ я съ такими разбойниками! Развяжите меня Христа-ради! Куда я уйду? Вѣдь мы верстъ 30 отъѣхали отъ Ирбита; теперь въ лѣсъ не уйдешь—замерзнешь, или медвѣди съѣдятъ!"

Мы развязали ямщика, стали оглядывать и видимъ, что огромное дерево, вѣроятно сломанное вѣтромъ, лежитъ поперегъ дороги.

„Что-же теперь дѣлать?" сказалъ я ямщику.

— „Чего дѣлать-то? Пропали—да и только, ложись—да помирай! Мы и съ дороги-то сбились, прибавилъ онъ. Ничего не подѣлаешь: ни впередъ, ни назадъ!"

Долго стояли мы въ раздумьи, что предпринять? Наконецъ, ямщикъ сказалъ:

„Надо походить по лѣсу, поглядѣть—нѣтъ-ли гдѣ объѣзда".

Онъ пошелъ въ лѣсъ и просилъ насъ покрикивать ему по ч
что мы усердно исполняли. Ѳедоръ нашъ что-то очень за
кажется, порядочно струсилъ!

Ямщикъ скоро возвратился и сказалъ, что проѣхать кое-
можно—всего саженъ пять тѣсновато. Отпрягли передних
шадей, коренную осадили, свернули лѣсомъ налѣво, бла
лучно объѣхали карягу и выѣхали снова на дорогу.

„Садитесь, господа, сказалъ ямщикъ,—поѣдемъ на волю Б
впередъ, куда Богъ приведетъ".

Проѣхавъ съ четверть часа, милый нашъ ямщикъ закри
намъ радостно:

„Ну, господа, молитесь Богу; мы не сбились съ дороги.
поляна, на ней есть землянка; огонь разложенъ, видно, на
тутъ есть. Слава тебѣ, Господи!"

Я почувствовалъ въ душѣ моей такое блаженство, какъ
самъ Богъ явился предо мною. Землянка, въ которую вошл
была очень просторная; стѣны ея обложены толстыми горбы
закоптѣлыми отъ дыма; въ серединѣ очагъ, на которомъ го
дрова, а около дровъ грѣлись шесть человѣкъ проѣзжав
крестьянъ.

Первымъ долгомъ сочли мы позвать ямщика и поднести
большой стаканъ водки, которая была у насъ въ запасѣ.
выпилъ, согрѣлся и очень весело началъ разсказывать п
жавшимъ крестьянамъ о нашихъ приключеніяхъ.

Я, между тѣмъ, расхаживая по землянкѣ, замѣтилъ, чт
почернѣвшей отъ копоти стѣнѣ написаны были мѣломъ
крупными буквами слѣдующія слова:

„Я здѣсь живу-страдаю. Я несчастнѣе всѣхъ твореній
землѣ!"

—„Кто здѣсь живетъ и страдаетъ?"спросилъ я, усиливъ го
„Я, ваше благородіе", отвѣчалъ человѣкъ высокій, строй
красивый, но уже очень пожилой. Онъ разсказалъ намъ дов
длинную исторію, изъ которой я сообщу только самую
ность.

Онъ уроженецъ туринскій; отданъ былъ въ солдаты,
жилъ въ Преображенскомъ полку унтеръ-офицеромъ и, окон
срокъ своей службы, возвратился на родину. Родныхъ он
живыхъ не засталъ, отъ крестьянской работы отвыкъ и ску

Туринскѣ. Между тѣмъ, слышитъ, что каждую зиму по до-
ѣ изъ Туринска въ Ирбитъ мерзнетъ множество народу, и
придумалъ выкопать ту землянку, въ которой мы находи-
ь. „Все, что вы здѣсь видите, сказалъ добрый этотъ чело-
ъ—все сдѣлано моими собственными руками; долго длилась
работа, но Богъ пособилъ мнѣ ее докончить. Я здѣсь живу
аяніемъ отъ пріѣзжающихъ, часто голодаю, а благодарю Бога
го, что хоть кому-нибудь могу быть полезнымъ".

Топорнинъ подарилъ унтеръ-офицеру 25 руб. Между тѣмъ,
отогрѣлись и начали собираться въ походъ. Мужички,
вшіе въ Туринскъ, взялись проводить насъ; всѣ мы трону-
ь разомъ и несчастная землянка опустѣла.

Радостно забилось мое наболѣвшее сердце, когда мы въѣхали
Туринскъ.

Мы остановились на постояломъ дворѣ, очень близко отъ дома
илія Петровича.

Ѳедоръ отправился къ Ивашевымъ объявить о нашемъ пріѣ-
ѣ и долго не возвращался.

Я узналъ впослѣдствіи, что нашъ милый Ѳедоръ надѣлалъ
го скандалу въ эту ночь: онъ съ страшнымъ шумомъ во-
лся въ домъ Ивашевыхъ, перепугалъ, бывшую уже смертельно
ьною, жену Василія Петровича, избилъ свою жену и грубо
явилъ, что старикъ Ивашевъ умеръ, а я пріѣхалъ въ Туринскъ.

Я пошелъ къ Ивашеву; до разсвѣта оставалось часа два, а
лько вопросовъ должны были рѣшить мы въ это время!

Въ сѣняхъ встрѣтилъ меня Ивашевъ и какая-то женщина
зажженною свѣчею въ рукахъ. Онъ обнялъ меня крѣпко и
ько заплакалъ, однако-же, скоро оправился и сказалъ: „Пой-
ъ ко мнѣ". Женщина со свѣчею пошла впередъ, мы послѣ-
али за нею.

— „Не взыщи, мой другъ, что я веду тебя такими потемками,
орилъ Василій Петровичъ,—нельзя зажечь лишней свѣчки, не
удоража все народонаселеніе; но не думай, что это происхо-
ъ отъ недоброжелательства; нѣтъ, меня здѣсь всѣ любятъ и
жаютъ; но что-же дѣлать, когда любопытство и сплетни со-
вляютъ неодолимыя страсти туринскихъ жителей, а можетъ
ъ—и всѣхъ уѣздныхъ городовъ".

Я засталъ жену Василія Петровича очень страждущею; былъ

девятый день послѣ ея родовъ и разлившееся молоко бросилось ей въ голову. Она почти не могла говорить, а просила, чтобы мы сѣли около ея кровати, чтобы слушать мои разсказы о Россіи.

— „Могу-ли я пожить съ вами хоть нѣсколько дней", спросилъ я.

„Врядъ-ли, отвѣчалъ Ивашевъ.—Впрочемъ, я послалъ уже за товарищемъ моимъ Николаемъ Васильевичемъ Басаргинымъ; онъ рѣшитъ, что намъ дѣлать".

Я объявилъ Ивашеву, что со мною пріѣхалъ Топорнинъ; онъ не зналъ его, но очень обрадовался и сказалъ женѣ своей:

— „Можно-ли было ожидать такого сочувствія къ намъ изъ Россіи: люди намъ незнакомые, не смотря на всѣ опасности, пріѣзжаютъ навѣщать насъ". Гонецъ отправился за Топорнинымъ. Басаргинъ и Топорнинъ явились скоро. Первый предложилъ объявить, по пріятельски, городничему о нашемъ пріѣздѣ и ждать его рѣшенія.

Между тѣмъ, начинало уже свѣтать и Басаргинъ разослалъ насъ по домамъ. На другой день, часовъ въ 9 утра, насъ позвали къ Ивашеву; при входѣ моемъ, Басаргинъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

„Я пошелъ рано къ городничему, но проклятый Ѳедоръ предупредилъ меня; онъ донесъ, что вы пріѣхали, что въ образѣ привезли деньги и въ шубахъ зашитыя письма. Городничій не знаетъ что̀ дѣлать!"

„Однако-же, мы придумали дѣлу дать другой оборотъ. Будутъ распущены слухи, что вы пріѣхали сюда къ откупщику по торговымъ предпріятіямъ. Откупщикъ—человѣкъ очень преданный Ивашевымъ, я его предупредилъ, и онъ проситъ васъ сегодня къ себѣ обѣдать. Однако-же, въ ночь вы непремѣнно отправитесь въ обратный путь".

Въ это утро семейныя дѣла наши были покончены и мы отправились обѣдать къ откупщику. Намъ показался довольно забавенъ способъ угощенія со стороны хозяина. Онъ послѣ каждаго блюда наливалъ намъ по рюмкѣ водки, приговаривая: „Откушайте, сдѣлайте одолженіе, винцо хорошее, 28 градусовъ перегару". Но грѣхъ было-бы смѣяться надъ такимъ Авраамовскимъ гостепріимствомъ. Вечеръ и почти всю ночь провели мы съ нашими ссыльными друзьями. Намъ хотѣлось узнать подробности о томъ, какъ дѣлали имъ допросы, какъ содержали въ

крѣпости, какъ жили они на каторгѣ; но для всего этого не достало времени, потому что намъ приходилось отвѣчать на ихъ разспросы о Россіи. Мы слышали отъ нихъ слѣдующее мнѣніе: —„Всѣ мы благодарны государю; онъ строгъ по принципу, но добръ по природѣ: вручивъ нашу участь въ руки лучшаго изъ людей (генерала Лепарскаго), императоръ Николай Павловичъ проявилъ такое милосердіе, которому могли-бы позавидовать и самые великодушнѣйшіе изъ русскихъ царей".

Въ эту-же ночь мы выѣхали изъ Туринска, бросая тамъ проклятаго Ѳедора.

„Еще одно послѣднее сказанье
И лѣтопись окончена моя..."

Утомленные страшнымъ физическимъ и нравственнымъ потрясеніемъ, мы заснули, какъ блаженные; заснули тѣмъ сномъ, который доставляетъ только вполнѣ успокоенная совѣсть.

Сладкое отдохновеніе наше продолжалось 2 часа. Вдругъ быстро скачущая наша тройка остановилась. Экипажъ ярко освѣтился со всѣхъ сторонъ, застучали въ окна баула и закричали:

— „Господа, выходите скорѣе!"

„Ну, подумалъ я,—на этотъ разъ мы погибли неминуемо!"

Я выпрыгнулъ изъ баула, кто-то кинулся на меня и, крѣпко обхватя меня руками, сказалъ:

„Благополучно-ли съѣздили?"

Что такое? думаю я и не могу прійти въ себя. Вижу, вокругъ меня нѣсколько мужиковъ, съ зажженными лучинами, и вижу, наконецъ, что я нахожусь въ объятіяхъ знакомаго намъ преображенскаго унтеръ-офицера.

„Пожалуйте, господа, отогрѣйтесь, сказалъ онъ,—я поджидалъ васъ во всю ночь и приготовилъ для васъ эту иллюминацію!"

Въ Екатеринбургѣ мы пообѣдали у Арсеньева; Пермь и Казань промелькнули передъ нашими глазами, и 26-го декабря (1838 г.) мы торжественно въѣхали въ Симбирскъ.

Г. М. Толстой.

Сообщ. **А. П. Топорнинъ.**

Охрана рекрута

1790 г.

По порученію Рязанской ученой архивной комиссіи, я занимаюсь въ
стоящее время разборомъ дѣлъ прошлаго столѣтія Ряжскаго нижняго
скаго суда.

Въ числѣ бумагъ не особой важности, кои могли-бы быть назначены
уничтоженію, есть масса явочныхъ разнаго рода прошеній о кражѣ лоша
побѣгахъ крестьянъ, дворовыхъ людей и пр. По дѣлу видно, что земскій
никакихъ почти мѣръ по этимъ прошеніямъ и не принималъ, да, вѣроя
и не имѣлъ возможности принимать по ихъ многочисленности; но въ ч
этихъ явочныхъ прошеній мнѣ попалось одно, заслуживающее самаго пол
вниманія, рисующее картину изъ провинціальной жизни весьма хара
ристично.

Выборный отъ Стрѣлецкой слободы г. Ряжска, изъ однодворцевъ, Т
ѳей Чвирокъ, подалъ въ земскій судъ прошеніе, „что въ декабрѣ сего
года той Стрѣлецкой слободы, по общему мірскому всѣхъ однодворцевъ с
сію, пойманъ былъ очередной, для отдачи за всѣхъ показанной слободы о
дворцевъ въ рекруты, однодворецъ Дмитрій Бороздинъ, который, нахо
подъ карауломъ обще съ караульщикомъ, однодворцемъ Савеліемъ Сереб
никовымъ, скованные, не знаемо куда бѣжали.

„И если паче чаянія оные однодворцы явятся гдѣ-либо на воровствѣ
въ другомъ какомъ противномъ закону проступкѣ, то не причтено-бъ
мнѣ и прочимъ той слободы однодворцамъ въ винность, а равно буде
убѣгая той отдачи, попортятъ у себя какой-либо членъ—понужденнымъ
шелся просить, дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества ука
повелѣно было сіе мое явочное прошеніе въ Ряжскомъ нижнемъ земск
судѣ принять и записать впредь для вѣдома.

„Всемилостивѣйшая государыня, прошу вашего императорскаго вел
ства о семъ моемъ прошеніи рѣшенія учинить. Декабря дня 1790 года"

Такимъ образомъ, изъ этого прошенія явствуетъ, что для окараулив
рекрута въ глубинѣ Рязанской провинціи употреблялся пріемъ, который п
тиковался въ древнемъ Римѣ; и сторожа, и окарауливаемаго сковывали од
цѣпью, и когда они рѣшались бѣжать, то бѣжали вмѣстѣ...

Было-ли это одиночное явленіе или часто практиковалось, рѣшить
нечно, трудно...

Членъ Рязанской ученой архивной комиссіи А. Мансуровъ.

20-го іюля 1890 года.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ.

Письма къ нему А. О. Смирновой.

1844—1851 гг. [1]).

Калуга, 22-го мая 1847 г. [2]).

Пока еще есть кое-какія силёнки, пишу вамъ, любезный другъ иколай Васильевичъ. Со дня на день, или лучше съ часа на часъ у родовъ съ величайшимъ страхомъ, потому что чувствую сла-сть, и нервы въ дурномъ положеніи. Не знаю, что Богъ дастъ; ли останусь жива, напишу какъ только силы позволятъ. У насъ е идетъ своимъ порядкомъ, т. е. вице-губернаторъ поссорился съ бернаторомъ; видно, для управленія Россіи это нужно, потому что Орлѣ та-же штука, въ Нижнемъ тоже и во многихъ другихъ родахъ подобное. Прокуроръ пишетъ доносы, однимъ словомъ— бернія свое дѣло дѣлаетъ. Пріѣхалъ ревизоръ изъ Питера—реви-зать юстиціонныя мѣста. Ив. Аксаковъ изъ уголовной палаты ребрался въ московскій сенатъ. Если Богъ дастъ здоровье и силы слѣ родовъ, я вамъ опишу всю дрязгу съ вице-губернаторомъ, торому фамилія К....нъ, и разныя похожденія нашихъ львицъ бернскихъ, всю физіогномію города, во время гвалта, словомъ— е, все.

Читали-ли вы п...я письма Павлова въ „Московскихъ Вѣдо-стяхъ“ противъ васъ; въ нихъ высказалась вся лакейская натура

---

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1888 г., томъ LIII, апрѣль, стр. 31—72; ь, стр. 597—610; т. LIX, іюль, стр. 49—62; т. LX, октябрь, стр. 125—147; . 1890 г., т. LXVI, іюнь, стр. 639—656; т. LXVII, іюль, стр. 195—212, устъ, стр. 279—291.

[2]) См. отвѣтъ Гоголя, VI, 406. **В. Ш.**

Павлова. Вяземскій вамъ, вѣроятно, послалъ свою статью. Жу
дружескій поклонъ. Что его жена? Поправляется-ли лѣтомъ?—жа
мнѣ ихъ очень. Прощайте, другъ мой, молитесь обо мнѣ, а я ва
никогда не забываю.

Калуга, 25-го іюня 1847 г.

Любезный и добрый Николай Васильевичъ, я получила два
шихъ письма изъ Франкфурта съ тѣхъ поръ, какъ родила, но отв
чать еще не могу на нихъ, какъ-бы желала. Скажу вамъ, что р
дила 30-го мая въ ночь, очень благополучно, сына, котораго назвал
22-го числа іюня, Михайломъ; поправляюсь медленно — нер
слабы [1]). 10-го іюля отправлюсь прямо въ Ревель безъ останов
но такъ какъ я ночую всякую ночь, то туда доберусь едва къ 25-
іюля. Надѣюсь, что эти ванны, какъ ни слабы, помогутъ мнѣ болѣ
чѣмъ ванны съ разною медицинскою дрянью. Ваши письма для ме
отрадны; вижу, что милосердный Богъ укрѣпилъ и духъ вашъ
тѣло. Можетъ быть и то, что духъ такъ бодръ, что забывается н
мощное тѣло. Молю ежедневно о васъ и благодарю за вашу м
литву. Христосъ съ вами.

..... Клементій Осиповичъ какъ-то не очень охотно берется п
сать къ вамъ, но Лёва за то вѣрно приготовитъ длинное и, вѣроятн
нужное вамъ письмо. Онъ очень умный малый. Много возился
Аксаковымъ, Иваномъ, и знаетъ всѣхъ московскихъ. Вотъ вамъ
просъ: что лучше, львицы нынѣшнія, или поколѣніе тому назад
30 лѣтъ, когда били дѣвокъ по щекамъ? У насъ въ губерніи с
ществуютъ еще оба явленія. Не смѣйтесь моему вопросу; онъ вы
ванъ разсказами моей собесѣдницы бабушки, которая 33 года раз
ѣзжала по уѣздамъ и знаетъ всѣхъ богатыхъ и мелкихъ господ
Отъ этихъ людей болѣе узнаешь, нежели самъ по себѣ.... Христо
съ вами! Ваша отъ души и сердца.

Посылаю письмо отъ Над. Ник. Шереметьевой, о которо
было забыла.

Петербургъ, 17-го мая 1848 г.

Любезный другъ, тяжко мнѣ жить на свѣтѣ!

Господь Богъ продолжаетъ мои страданія. Голова моя плох
нервы ничто не успокаиваетъ; жду здѣсь помощи въ одиночеств
Тоска и страхи одолѣваютъ, молитесь за меня, у меня отняли

---

[1]) См. отвѣтъ Гоголя въ письмѣ отъ 8-го іюля 1847 (VI, 411). В. Ш

ы къ молитвѣ. Дѣти въ Калугѣ, а я 8 мѣсяцевъ одна; тяжко и стно. Одно время было лучше, явилась и надежда, но съ весной пропало. Погода ужасная. Ваша отъ души [1]).

Петербургъ, 20-го октября 1848 г.

Я собиралась къ вамъ писать и сѣла у стола, а вы сами подоли. Къ Веневитиновымъ я не догадалась пріѣхать, не догадаь и спросить у васъ, съ какимъ дилижансомъ вы ѣхали. Была двухъ заведеніяхъ и пріѣхала въ третье по отъѣздѣ его. Вотъ его мы съ вами не простились [2]).

... Меня подъ-часъ разбираетъ порядочная досада на немощность а моего; мнѣ нужно въ Калугу. Бѣдный Н. М. совсѣмъ упалъ омъ, на него такъ и сыплютъ изъ департаментовъ всякую дрянь рязь; онъ имъ слишкомъ горекъ, потому что не даетъ имъ итокъ. Какое-бы вы доброе дѣло сдѣлали и мнѣ, и себѣ, и ему, и-бы рѣшились съѣздить въ Калугу на три дня.

... Я право не знаю, что ему и отвѣчать, потому что въ полномъ жденіи, что нельзя служить, а между тѣмъ, внѣ этой дѣятельти онъ пропадетъ, потому что не можетъ ничѣмъ заняться и скуть, а что еще хуже, начнетъ управлять имѣніями, т. е. вводить кую дрянь и новость, какъ-то: фабрики и проч. Будь у меня неого силъ, я-бы сладила. Я никого не принимала; а дѣло въ томъ, ко мнѣ никто не ѣздитъ по извѣстной вамъ причинѣ, что въ тѣ ищутъ забавъ, а у меня ихъ не могло быть. Они, какъ всѣ, зутъ еще на устарѣлыхъ началахъ, а передѣлать это мудрено. замъ говорила, что, между прочимъ, дѣти забава, и Соню посаи безъ моего спроса на лошадь. У Віельгорскихъ я была однажды, финя была въ постели и не приняла, а съ тѣхъ поръ не выаю болѣе. Постараюсь исполнить ваше порученіе касательно Нози [3]),

[1]) Отвѣтъ на это см. VI, 461. Послѣ рожденія сестры (Н. Н) моей, у маи моей была fièvre de lait и она все боялась помѣшательства, т. е. бѣлой ячки,—все это отъ разстройства нервовъ. Хотя она и жалуется, что не етъ читать и писать, а у меня нѣсколько томовъ переписано ея писемъ отцу моему, того времени, — настоящіе мемуары, не хуже Sévigné и St. on, о всемъ, что происходило и о чемъ читала. Печатать ихъ нельзя, тамъ икомъ много о высшемъ обществѣ и проч. интимныя вещи.

Ольга Смирнова.

[2]) Въ 1848 году Гоголь былъ въ Іерусалимѣ, потомъ онъ видѣлся съ Смирой въ Россіи. Это письмо служитъ отвѣтомъ на письмо отъ 14-го октября 473).

[3]) VI, 473: „Старайтесь чаще видѣться съ Луизой Карловной (Z Z) и Анной хайловной“ (F Z). **В. Ш.**

но едва-ли это мнѣ удастся; надобно-бы очень часто видѣться
ней для этого, а графиня ее одну не пуститъ ко мнѣ, сама
всегда пріѣзжаетъ на минуту. Александръ Петровичъ [1]) был
меня; онъ спѣшитъ въ Москву. Вамъ надобно видѣться непремѣ
съ Филаретомъ; пожалуйста, ради меня, повидайтесь съ нимъ, у
чувствуешь что-то радостное, такъ онъ высвѣтлѣлъ (это в
слово ему какъ разъ приходится). Явленіе такое рѣдко въ эт
санѣ. Вспомните его слова на освященіи скита, когда онъ залива
слезами и всѣ предстоящіе рыдали. Это были послѣднія слезы
ловѣка тлѣннаго, потому что скитъ открытъ, когда онъ почувс
валъ, что никогда не будетъ въ Петербургѣ и синодѣ. Съ той п
замѣтили въ немъ ту значительную духовную перемѣну. М
именно прельщало въ немъ то, что казалось Хомякову и мног
несносно (т. е. его учтивость и кроткая любезность съ прес
ными дамами). Человѣкъ не имѣетъ никакого права отталкивать
сящаго у него, и вотъ почему бѣдный владыка сидитъ съ барын
Вы у него научитесь любить Троицкій посадъ и препод. Сергі
тамъ много утѣшенія возлѣ святаго чудотворца. Не забудьте
хаила Нарышкина отыскать. Какъ хорошъ „Бродяга“ Ивана Ак
кова, и какъ онъ самъ мнѣ понравился теперь. Я люблю его т
вость; займитесь его меньшой сестрой Машей [2]); бѣдняжка уже
перь хандритъ. Свѣтъ въ дали, а Константинъ, съ топоромъ
разрушающій,—все это на дѣвочку сильно подѣйствовало. Мать
бочена, а отцу лишь до литературы. Аркадій, слава Богу, хоро
во всѣхъ отношеніяхъ; вамъ очень усердно кланяется. Вчера о
дали в. кн. Ольгу. Не знаю почему, но не могу оторваться отъ мы
сколько радости и горя почувствуютъ при этомъ свиданіи Госуд
и все семейство. Государь было всѣхъ перепугалъ. Упалъ въ
натѣ, вновь навощенной, такъ сильно, что его вслѣдствіе уш
рвало желчью очень сильно, а бокъ весь почернѣлъ. Если-бы на
ловѣ не было каски, то разшибъ-бы себѣ голову. Какъ сильно
ствуется, сколько онъ нуженъ въ такія минуты, если онъ боленъ
хвораетъ. Послѣ васъ очень приторно въ Петербургѣ; одинъ
ческій языкъ спасаетъ [3]); голова такъ еще слаба, что вечер

---

[1]) Толстой.

[2]) На это Гоголь отвѣчалъ: „Все, что я сдѣлалъ, было то, что я вс
ствіе письма вашего постарался узнать, которая изъ дочерей Аксакова
называется Машенькой (NN). См. VI т., стр. 475.

[3]) А. О. Смирнова училась греческому языку съ цѣлью изучить вос
ное богослуженіе и святыхъ отцовъ (Соч. Вяземскаго, VIII, 234—235).

В. Ш.

тѣ карть ничѣмъ не могу заняться. Прочитайте Дебольскаго ѣченіе церкви", тамъ для васъ нѣтъ ничего новаго, но пре-но изложено то, что нужно знать всякому православному. Те-прощайте—я устала; поклонитесь всѣмъ моимъ знакомымъ. а отъ души.

Калуга, 26-го января 1849 г.

Посылаю вамъ съ Бѣлевичемъ [1]) пару носковъ, любезный Ни-й Васильевичъ. Трудно вамъ сказать, въ какомъ мы положеніи. почти двѣ недѣли, какъ сидитъ у насъ сенаторъ, и ни къ не приступаетъ до сихъ поръ. Сначала были формальности, енаторъ явился къ нему съ почетнымъ рапортомъ, потомъ былъ го получить приказанія, представилъ ему чиновниковъ; послѣ сенаторъ явился ко мнѣ съ дядей своимъ Мацневымъ; далъ вствовать, что не приметъ даже оффиціальнаго обѣда, чтобы не ли въ Москвѣ, что онъ съ нами въ хорошихъ отношеніяхъ. всѣ ждали, что Ершовы тотчасъ явятся и начнется дѣло, но ня Мацневъ пріѣхалъ къ Николаю Михайловичу и сказалъ, они, вѣроятно, будутъ черезъ двѣ недѣли; все это ужасно не-но, ставитъ насъ въ самое фальшивое положеніе и весьма тя-о. Повидимому, сенаторъ не знаетъ, какъ начать дѣло, потому но выбито изъ колеи и никакая статья Свода законовъ не етъ, какъ въ нее войти. Есть обстоятельства такія непости-я въ жизни, что надобно слишкомъ ухватиться за Бога, чтобы, нецъ, не сомнѣваться въ Его правосудіи. Извѣстный всему міру ецъ подаетъ подлый и скверный доносъ, и въ его угодность ютъ два семейства, маранотъ ихъ честь передъ Государемъ всей и, и даже тѣ, которые посланы ихъ оправдывать, боятся по-ть истину. Съ нами дѣлаютъ неслыханныя дѣла; примѣру по-аго нѣтъ и не бывало. Закревскій противъ насъ попиралъ аконы въ пользу Ершовыхъ, и ни одинъ министръ не имѣлъ этого сказать государю; послѣ этого можно-ли жить въ Россіи, тотъ, который долженъ блюсти законъ, его попираетъ, и за е наказывается. Сенаторъ нашъ такой трусъ, что не стыдится о говорить, что Закревскій силенъ и что онъ его боится; онъ не переговорилъ съ Перфильевымъ въ Москвѣ, чтобы не по-ть видъ, что онъ за насъ. Самъ мнѣ сказалъ, что откланиваясь

[1]) Бѣлевичъ упоминается въ письмѣ Гоголя отъ 6-го декабря 1849 г. ылъ школьный товарищъ Гоголя, племянникъ профессора Бѣлевича.

В. Ш.

Государю, онъ ему сказалъ, что знаетъ старика Е...ва за че
человѣка, а теперь боится приступить къ дѣлу. Хорошъ и мин
внутреннихъ дѣлъ — не могъ имѣть вліянія на выборъ сена
если-бы сюда прислали Корнилова, тотъ давно-бы уже это все
чилъ. Одна уже эта медленность его доказываетъ, что онъ хо
дать время выбрать сына Е...ва въ предводители, и тѣмъ
градить его отъ суда, потому что, очень естественно, Государ
жетъ: „видно, что сынъ Е...ва честный человѣкъ, что единог
все дворянство его выбрало".

Государь вѣдь не можетъ знать, какъ дѣлаются выборы
значитъ вліяніе генералъ-губернатора, да еще такой с....,
Закревскій. И тутъ даже онъ не имѣлъ права допустить ег
выборамъ, потому что онъ подъ судомъ; значитъ, онъ еще
пилъ противозаконно и смѣется надъ указомъ сената, которы
получили, въ которомъ сказано: „Е—хъ, отданныхъ подъ
за клевету на гражд. губерн.", и прибавлено въ указѣ—пред
тельно суда сдѣлать формальное изслѣдованіе. Слѣдовательно
не былъ отмѣненъ и Закревскій просто сказалъ: „я .... на
тетъ министровъ, на рѣшеніе, наконецъ, на указъ прави
ствующаго сената печатный, и допускаю Е*** къ выбо
потому что у меня бланки, а я дѣйствую высочайше дар
ною мнѣ властью", какъ онъ имѣетъ привычку говорить
перь-же вообразите наше положеніе; мы имѣемъ противъ
двухъ п....., которые, пожалуй, пойдутъ подъ колокольный
имъ это ни по чемъ, и другого п..... Закревскаго, который,
ч...., за нихъ лѣзетъ, никого не боится, всѣхъ министровъ
силой напугалъ. А сила въ томъ, что онъ себя представ
охранителемъ Москвы отъ вольнодумцевъ, а вольнодумцами
ставляетъ тѣхъ, что не любятъ развратъ, который у него дѣл
который дѣлается вообще въ свѣтѣ. Въ томъ числѣ, вѣроят
мы съ вами, а ужъ, кажется, я стою за правду и не заражак
чѣмъ! Вотъ вамъ, любезный другъ, наши обстоятельства; кая
трудно вообразить что-нибудь хуже. Одинъ Господь Богъ за
потому что сильныхъ покровителей у насъ нѣтъ. Было время
вы просили меня молиться за васъ, теперь вамъ надобно мол
за меня, за насъ всѣхъ.

Вчера у меня былъ жандармскій полковникъ, говорилъ
Софьѣ Ивановнѣ и послѣднія его слова были: если дойдетъ до
что ее на очную ставку съ отцемъ, можетъ быть, она тутъ и ум
но, конечно, мы до этого не допустимъ, потому что она едв
шетъ. Я держусь кое-какъ, стараюсь не давать волю мыслям

у что, можетъ быть, придется ѣхать въ Петербургъ. Николай айловичъ тоже боленъ, очень исхудалъ. Однимъ словомъ, мы емъ въ аду, по милости Закревскаго. Мнѣ ужасно хотѣлось-бы, бы вы пріѣхали сюда [1]), выберите тепленькій денекъ, возьмите ужскій дилижансъ и пріѣзжайте; вамъ даже любопытно будетъ все это смотрѣть; да такъ какъ вы сердцевѣдецъ, то можете гое высмотрѣть и узнать, что отъ насъ при теперешнемъ волiи и ускользнетъ. Подумайте, душа моя, и пріѣзжайте, только рѣе. Ваша отъ души. По почтѣ берегитесь писать, мы окружены онами Закревскаго и письма наши читаются, такъ что я даже ольди не пишу. Ваша отъ души, еще разъ.

Графу Александру Петровичу (Толстому) поклонитесь и граѣ [2]) тоже; можете ему кое-что сообщить.

1849 г. [3])

Любезный Николай Васильевичъ, отчего вы уже черезчуръ лались молчаливы, или не больны-ли вы? Мнѣ-бы очень хотѣь васъ видѣть и съ вами поговорить, но невозможнаго и не ите, но, по крайней мѣрѣ, вы-бы писали хоть изрѣдка. Мы ждемъ его сенатора ежедневно и ежечасно. Сплетенъ, сплетенъ-то, оди упаси, сколько! Одинъ и единственный предметъ разговора енаторъ и его пріѣздъ. Одинъ чиновникъ говорилъ мнѣ, что, воши въ кондитерскую Гартмана, будучи погруженъ въ эту мысль, даже ему совѣтовалъ подумать, чтобы принялъ свои мѣры, какъ выкрасить комнату и проч.; потомъ, говоритъ, я опомнился, да Гартманъ сказалъ: „А мнѣ что-же до сепатора?“ Губернія ь является во всей красѣ своей, т. е. въ постыдной наготѣ. ивляюсь болѣе и болѣе матушкѣ Россіи, какъ она успѣла, подъ окъ европейскій, втихомолку, дойти до такого разврата и атить всякое нравственное чутье. И все и все и вездѣ деньги, о наглости доходитъ обожаніе этого кумира новыхъ временъ. ниръ, который въ мелочи по карманамъ, этотъ болѣе опасенъ ь боговъ, которые выливались изъ металла. Если въ древности ершали обряды въ честь грубой чувственности, теперь служатъ ченной чувственности, и все прикрыто и какъ будто благоно. На это наводитъ меня слово Евсевія царю Константину.

---

[1]) Гоголь пріѣхалъ, но позднѣе. **Ольга Смирнова.**

[2]) Женѣ Толстаго—Аннѣ Георгіевнѣ.

[3]) Письмо это безъ даты; помѣщаемъ его здѣсь, въ виду сходства содеря его съ предыдущимъ. **Н. Ш.**

Я, по вашей рекомендаціи, читаю „Христіанское Чтеніе“, с большимъ наслажденіемъ. Странное существо человѣкъ! Чита скучаю тѣмъ, что не съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніемъ, а пи не умѣю. Вы, можетъ быть, не испытали, что такое такъ быть од какъ я въ моемъ положеніи, гдѣ всякое слово, мною сказанное, пр мается какъ оскорбленіе, какъ желаніе выказать себя, отличить Мои сношенія съ вами, даже мой греческій языкъ, мнѣ ставят укоръ. Приправляютъ всѣ рѣчи такъ: „Какъ-же вамъ заниматься д гами хозяйства? Съ вашимъ-ли умомъ?“ То есть, на что ты го когда у тебя грибы не солены въ пору, и варенья не умѣютъ рить, и люди тебя обираютъ.

Многое хотѣлось-бы вамъ передать поважнѣе этого, но по н не годится говорить о дѣлахъ семейныхъ. Одно у меня утѣшен пріѣздъ матери невѣстки моей Афросимовой. Она кротка, доб умна, и дивится многому. Что дѣлалъ *** [1]) съ нами, это уму постижимо; хороша и жена брата Осипа, нечего сказать! Впроч говорилъ самъ Христосъ: „а врази человѣку домашніе его“. Н шите мнѣ, знакомы-ли вы съ Назимовымъ [2]), который теперь на ченъ вмѣсто Строгонова? Мнѣ это нужно теперь знать по од дѣлу. Что дѣлаютъ всѣ ваши и мои знакомые. Тентетников проч.? Графу Александру Петровичу Толстому мое почтеніе. По сите его вамъ разсказать, что сдѣлалъ съ нимъ въ Твери Топ ской; мнѣ очень хочется знать, правда-ли это; мнѣ говорилъ Барановскій, а ему самъ Топильской [3]) не стыдился разск вать свои гадости. Прощайте, здоровье мое скверно, да ка быть иначе при такихъ дрязгахъ. Дай только Богъ вынести Прощайте.

---

[1]) Ершовъ, братъ С. Ив. **Ольга Смирнова.**

[2]) Гоголь отвѣчалъ на это въ письмѣ отъ 6-го декабря 1849 г.: „Съ зимовымъ я мало знакомъ; видѣлся съ нимъ раза два. Отзываются о другіе хорошо“ (VI, 495).

[3]) М. И. Топильскій, директоръ департамента при министрѣ юст В. Н. Панинѣ; о немъ и его отношеніяхъ къ Панину см. „Русскую Стар 1887 г., тт. XI и XII, и „Русскій Архивъ“ 1887 г., т. XII. **В. Щ.**

ясненія Ольги Николаевны Смирновой къ письму ея матери отъ 26-го января 1849 г.

Калужскій вице-губернаторъ былъ г. N. N. Онъ былъ страшный деспотъ. Первая жена оставила ему двухъ сыновей; онъ ее просто замучилъ; она умерла. Онъ былъ въ Калугѣ уже вдовымъ и велъ очень неладную ь. Вторая жена его, кн. Т.....я, развелась съ нимъ; онъ ее чуть не свелъ а.... N*** любилъ музыку, имѣлъ свой оркестръ. Одинъ разъ его chef estre (нѣмецъ) пришелъ жаловаться къ моему отцу: **—нъ избилъ почти мерти одного мальчика-музыканта, 15-ти лѣтъ,—это была первая раз- а моего отца съ нимъ. К* былъ до того жестокъ, что его собственные вые люди проучили его до того сильно, что его едва спасъ камердин- это было уже послѣ Калуги. Однако-же, онъ получаетъ мѣсто; Закрев- особенно графиня, его поддерживали; онъ умеръ въ 1885 г. N—нъ былъ . Графъ Закревскій имѣлъ свою клику, — это была своего рода арак- дина въ Москвѣ; онъ игралъ ту-же роль, какъ Аракчеевъ при Але- рѣ Павловичѣ въ 1820-хъ годахъ, въ мнѣніи публики.

Послѣ ссоры съ К***, который надѣялся получить мѣсто калужскаго натора черезъ Закревскаго, на моего отца начали посылать доносы. алугѣ было вездѣ много раскольниковъ, они давали взятки, всѣ бо- купцы были въ сектахъ. Отецъ безпощадно ловилъ взяточниковъ. даже хлыстовскіе корабли и скопческіе корабли. Закревскій получалъ тный доходъ и былъ недоволенъ, что мой отецъ по дѣламъ комис- скола открывалъ всѣ „корабли“ Московской губ., которые были въ съ комиссіей, ему этимъ помѣшалъ отецъ. Жандармскій полковникъ подкупленъ хлыстами, отецъ прямо пожаловался Бенкендорфу или Дуб- ; его смѣнили, прислали другаго, нѣмца (замѣтьте, что почти всѣ они были нѣмцы). Прежнему жандарму-полковнику Закревскій покровительство- Онъ не посмѣлъ отмстить Дуббельту, а отцу онъ отплатилъ всякими га- ми. Государь предложилъ отцу въ 1845 г. быть московскимъ губернато- онъ отказался и выбралъ Калугу, говоря, что не желаетъ служить фомъ Закревскимъ. Послѣдній это узналъ и, будучи въ хорошихъ отно- хъ съ прежнимъ калужскимъ губернаторомъ, онъ уже на первыхъ ъ возненавидѣлъ отца. Мать моя въ Москвѣ не была съ визитомъ Закревскаго. Дядя моего отца, П. П. Смирновъ, жилъ въ Мо- и былъ съ Закревскимъ всегда на ножахъ, не ѣздилъ къ нему и алъ его „Аракчеевскій капралъ“; все это, мало-по-малу, дошло до исто- знавъ о доносахъ, отецъ требовалъ ревизіи губерніи. Александръ Тол- былъ посланъ Перовскимъ (мин. внутр. дѣлъ) съ княземъ Давыдовымъ, ... Жена его была дружна съ Закревской. А государь узналъ, е Корниловъ, а Давыдовъ ревизуетъ, уже къ концу дѣла. Послѣ анія дѣла ревизіи въ Калугѣ 1851 года отецъ оставилъ Калугу. Въ году ему далъ государь Станиславскую ленту; въ 1853 г., меня еще сольной лавкѣ сдѣлали фрейлиной, а въ 1852 г. уже государь послалъ въ Москву для секретнаго дѣла по раскольн. дѣламъ Рогожскаго ища, помимо Закревскаго, и одинъ Лужинъ зналъ о томъ. Это дѣло овилось въ 1853 — 1854 гг., и до смерти государя отецъ мой былъ въ

тайной комиссіи по раскольническимъ дѣламъ въ Петербур
Москвѣ, а къ Пасхѣ 1855 г. императоръ Александръ Николаевичъ на
моего отца губернаторомъ въ Петербургскую губернію.

Дѣло съ Е***, другомъ Закревскаго, только косвенно касалос
отца. Братъ моей матери, Ос. Ос. Россетъ, былъ друженъ съ орл
Плещеевыми (изъ семейства поэта), а дяди ихъ были дружны съ Ло
У Е*** были два сына; съ однимъ онъ разсорился, съ другимъ б
рошъ; первый былъ игрокъ. У Е — ва была побочная дочь, к
онъ призналъ и она была узаконена; она была хороша собой. Ил
ее видали, она дружна была съ дочерью Плещеевыхъ, которые
желали выдать свою дочь за дядю моего, а онъ влюбился въ Соф
Е***, а она въ него. Е*** очень обрадовался и далъ ей имѣні
своего помѣстья, въ 500 душъ; молодые поселились въ немъ. Соф
новнѣ было 22 года, а боялась отца, какъ огня. Въ одинъ прекрасны
Е — въ избилъ до смерти одного мужика своей дочери и пріѣхалъ
къ ней. Дядя мой, которому дали знать объ этомъ, безъ лишнихъ разг
и при Плещеевыхъ, которые тутъ обѣдали, объявилъ Е***, что
скрылъ отъ становаго правду, и что его жена вольна принима
своего, но что Е*** не въ правѣ засѣкать не только чужихъ, но и
мужиковъ, и что онъ не намѣренъ обѣдать съ палачемъ, и уѣхалъ
щеевымъ, которые взяли его сторону. Началось слѣдствіе; Е*** по
становаго, докторъ донесъ правду, исправника подкупили, дѣло до
губернатора орловскаго, друга Ершова, который разными путями
хомъ вынудилъ дочь свою дать ему довѣренность на управленіе имѣ
дядя, узнавъ это, увезъ ее въ Калугу, гдѣ поселился у насъ-же. Он
беременна; они жили въ Калугѣ до нашего отъѣзда, а потомъ въ
На моего отца явился тогда глупѣйшій доносъ, что онъ будто-бы велѣ
ихъ Е*** вывести силой изъ Калужской губерніи и укрывалъ въ
домѣ дочь Е***, не позволяя ей видаться съ ея нѣжнымъ отцомъ († 1
Новый жандармскій полковникъ послѣ того устроилъ такъ, что у ней
очной ставки съ ея отцомъ; мысль, что онъ ее проклянетъ, пугала
истерики; она отъ робости, а также отъ нѣкоторой странной привы
отцу и его деспотизму, никогда не выговаривалась искренно и таила
она знала, и что онъ не въ первый разъ засѣкалъ людей, и что три р
люди поджигали домъ, и даже его разъ отравили. Е—въ былъ нас
извергъ и велъ самую безнравственную жизнь. Дядя мой звалъ
satrape persan. Плещеевыхъ мы знали хорошо и уже впослѣдствіи
шала про Е*** отца и сына ужасныя исторіи, а дѣло это замяли
лости Закревскаго. Въ 1853 г. мой дядя умеръ уже, и отецъ, чтобы
нить Софью Ивановну Россетъ отъ ея недоброжелателей, испросилъ
дѣтей высочайшую опеку. Она жила у себя въ деревнѣ; вышла зам
сосѣда и умерла въ родахъ въ 1863 году.

Сенаторъ Давыдовъ былъ какъ-то въ свойствѣ съ женой Е***
вотъ почему, по интригѣ Закревскаго, не Корнилова, а его, Давыдо
значили въ ревизію.

Алексѣй Константиновичъ Толстой (поэтъ и романистъ) прожилъ
лугѣ все время слѣдствія; онъ читалъ моей матери свой романъ и стих
тился съ моимъ отцомъ въ Бѣгичевѣ (наше калужское имѣніе), и Гого
съ нимъ сошелся. Толстой читалъ Гоголю первыя главы „Князя Се
наго“, планъ трилогіи, стихи и былины, а Гоголь читалъ ему „Мертвыя

омъ. Гоголь очень полюбилъ графа Алексѣя Толстого. Послѣдній годъ и Гоголя и въ 1850 г. мы его видѣли очень часто и много (болѣе, чѣмъ ромежутокъ съ 1845 до 1849 г.), когда онъ былъ въ Калугѣ съ графомъ олстымъ, и въ 1849 и 1850 г. также.

Старикъ Плещеевъ (неженатый) былъ друженъ съ Лореромъ, декабри-ъ, роднымъ дядей моей матери, и разсказывалъ намъ, что И. С. Тургеневъ алъ нѣкоторые эпизоды изъ жизни Е—ва въ своихъ повѣстяхъ, напр. съ сыномъ и въ „Трехъ портретахъ", а также въ лицахъ помѣщиковъ-отовъ. Повидимому, Е—въ былъ очень извѣстенъ въ околодкѣ своими экзе-ми. Я спросила Тургенева, правда-ли это?—Онъ мнѣ отвѣтилъ: „Я даже казалъ и десятой доли того, что зналъ про отца Е — ва и про сына, юбимца, игрока, а также про К — на, который былъ тѣмъ болѣе ужа-что онъ былъ умнѣе; а Е — въ былъ варваръ допотопныхъ временъ".

Ольга Смирнова.

Калуга, 24-го іюня 1849 г. (1850 ?) [1]).

Русскій человѣкъ заднимъ умомъ богатъ". Когда вы мнѣ гово-, что будете просить паспорта на востокъ, черезъ министра реннихъ дѣлъ, я забыла вамъ сказать, что ваше письмо къ должно идти съ свидѣтельствомъ отъ инспектора врачебной вы того города, гдѣ вы проживаете. Это первое; второе вотъ графа Перовскаго просите единственно о паспортѣ, мнѣ-же о тотчасъ сообщите; тогда отсюда написано будетъ, чтобы онъ тилъ вниманіе. А о прочемъ напишите къ его высочеству на-нику Александру Николаевичу; онъ васъ помнитъ, часто перечи-етъ и принимаетъ участіе въ васъ. Знакъ довѣрія и откровен-ь всегда находятъ отголосокъ въ его прекрасной душѣ. Это со-

[1]) Письмо это въ копіяхъ, хранящихся въ пражскомъ національномъ ъ, ошибочно было отнесено къ 1845 г., но по соображеніямъ О. Н. Смир-й оно относится къ 1849 г. По этому поводу она сдѣлала слѣдующее ъненіе: „Гоголь былъ въ Малороссіи и пріѣхалъ въ Калугу, къ намъ, встрѣтилъ гр. А. К. Т., который читалъ ему свои первые стихи. Графъ той воспитывался съ наслѣдникомъ. (Это второе путешествіе Гоголя на ъ не состоялось). Въ іюнѣ 1845 г. Гоголь былъ на водахъ, а прежде ковскаго и въ Парижѣ, такъ что между 1845 и 1849 г. состоялось первое шествіе Гоголя на востокъ, а до октября 1845 г. мать моя не была въ гѣ, а отецъ до августа 1845 г. былъ въ Павлинѣ". **О. С.**

Съ своей стороны считаю это и слѣдующее письмо относящимися къ г., такъ какъ отвѣты на нихъ не безъ основанія отнесены г. Кулишемъ тому году: въ одномъ изъ нихъ (отъ 20-го августа) Гоголь говоритъ о , что собирается выѣхать въ половинѣ сентября въ Одессу, что и осу-вилъ въ октябрѣ 1850 г. (См. Соч. Гоголя, изд. Кул., VI, 512—513).

В. И. Шенрокъ.

вѣтъ Т*** [1]), который у насъ; именно не совѣтовалъ писать к
дядѣ, а прямо къ его высочеству, которому самъ читалъ ваши
ненія и зачастую. Вотъ, душа моя, что имѣю вамъ сообщить, и п
послушать совѣта! Не пеняйте, что я не говорила съ нимъ объ э
дѣлѣ, удача котораго меня очень занимаетъ. Но вредить я не м
а узнать, какой путь лучше избрать. Государь, во-первыхъ, так
нять, что трудно ему самому вспомнить, а министръ, не зная
лично, не приметъ трудъ вторично безпокоить, и притомъ
недавно подтвержденіе по его министерству не утруждать н
бами о денежныхъ пособіяхъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло о наз
ніи суммы пойдетъ черезъ министерство просвѣщенія, такъ
тогда шло, но Ширинскій-Шихматовъ, хотя очень добръ, не здо
и еще новъ. Всего лучше написать откровенно все его высоче
вчера вечеромъ мы это рѣшили, а сегодня съ Божіимъ благослове
пускаю къ вамъ письмо. Дождь у насъ не долго погостилъ—
ли поправилъ поля наши. Скажите, что дѣлаютъ ваши дома
что урожай? Клементій пріѣхалъ, слѣдствіе кончилось. Ерш
ѣдетъ въ Петербургъ, остается ожидать царскаго правосудія
которомъ не могу и не хочу сомнѣваться. Христосъ съ вами
литесь о насъ, а я васъ никогда не забываю.

А. Смирнова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Т.—графъ Алексѣй Конст. Толстой, авторъ „Смерти Ивана Грозн
О. С.

ЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ Н. С. ГОЛИЦЫНА.

I.

Янтарная комната Большаго Царскосельскаго дворца [1].

Происхожденіе этой комнаты столько-же любопытно, сколько и ожественное значеніе ея.

Въ 1716 г. Петръ I, съ супругой своей Екатериной, въ проѣздъ С.-Петербурга чрезъ Берлинъ въ Амстердамъ, въ Берлинѣ по-илъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма I, и обозрѣвалъ нимъ разныя примѣчательности прусской столицы. Между про-ъ, онъ обратилъ особенное вниманіе на одну античную статую на янтарный кабинетъ. Въ запискахъ сестры прусскаго ко-я Фридриха II (сына и преемника Фридриха-Вильгельма I), ькграфини Фредерики-Софіи-Вильгельмины Байрейтской (Bay-th) [2]) находятся любопытныя свѣдѣнія по этому предмету. По словамъ, „между античными статуями была одна, изображав-ая языческую богиню, въ положеніи очень непристойномъ. Та-ми изображеніями древніе римляне украшали брачные покои. тую эту считали весьма рѣдкою и одною изъ лучшихъ въ лѣ всѣхъ существовавшихъ. Петръ очень восхищался ею и, стѣсняясь, выпросилъ ее и многія другія въ подарокъ себѣ, чемъ король не могъ отказать ему. Такимъ-же образомъ Петръ

[1]) См. также: Янтарная комната Царскосельскаго дворца, К. Щученко, „Русскомъ Вѣстникѣ", ноябрь 1877 г. — Русскіе великаны въ Пруссіи, Іуцилло, М. 1878.

[2]) Mémoires de la Margrave de Bareith, а также сочиненіе лорда До-ра (Dover): Histoire de la vie privée, politique et militaire de Fréderic II.

выпросилъ у короля, въ подарокъ себѣ, одинъ кабинетъ, ст
котораго были сплошь обиты янтарными досками художествен
работы. Этотъ кабинетъ былъ единственный въ своемъ род
стоилъ огромныхъ денегъ прусскому королю Фридриху I, но им
печальную судьбу быть отправленнымъ въ С.-Петербургъ, къ
общему и крайнему сожалѣнію всѣхъ въ Берлинѣ". — Касател
же упомянутой выше статуи, маркграфиня Байрейтская, въ сво
запискахъ, приводитъ еще любопытный разсказъ, будто „Петръ
того плѣнился этой статуей, что приказалъ Екатеринѣ поцѣлов
ее, и видя, что она замялась, крикнулъ „кебабъ", что и застав
ее исполнить это". Въ запискахъ маркграфини, за словомъ „
бабъ" прибавлено въ скобкахъ слово „убью", но въ статьѣ объ эт
г. Щученко объяснено, что, вѣроятно, было сказано: эка баба

Позже, 7 января 1717 года, изъ Амстердама Петръ напис
Бестужеву-Рюмину въ Курляндію слѣдующее письмо:

„Monsieur, когда присланъ будетъ въ Мемель изъ Берл
отъ графа Александра Головкина [1]) кабинетъ янтарной (кото
подарилъ намъ королевское величество прусской), и оный въ
мелѣ пріими и отправь немедленно чрезъ Курляндію на курл
скихъ подводахъ до Риги съ береженіемъ, съ тѣмъ-же посланни
который вамъ сей нашъ указъ объявитъ, и придайте ему до Р
въ камвой одного ундеръ-офицера съ нѣсколькими драгун
такожъ дайте сему посланному въ дорогу до Риги на пищу ден
дабы онъ былъ доволенъ, и ежели онъ будетъ требовать п
тотъ кабинетъ саней, и оныя ему дайте".

„Петръ".

Изъ Амстердама,
генваря въ 7-й день 1717 г.
Господину Бестужеву въ Курляндію [2]).

Въ томъ-же 1717 г., лѣтомъ, Петръ, возвращаясь изъ Амстерд
чрезъ Берлинъ въ Петербургъ, въ Берлинѣ снова имѣлъ свид
съ прусскимъ королемъ, и возобновилъ прежде заключенный ме
ними союзъ противъ Швеціи.

Въ 1718-же году Петръ, при грамотѣ, отъ 30 іюля, изъ
тербурга, послалъ королю 35 великановъ, токарный станокъ, ба
и собственноручной работы кубокъ, за что именно—въ грамотѣ

---

[1]) Сынъ канцлера графа Головкина, бывшій посланникомъ при прусск
дворѣ.

[2]) Письмо это приводимъ дословно точно. Кн. Н. Г.

но, а только выражено желаніе сдѣлать „особливое удовольствіе“ — но, можетъ быть, въ благодарность за возобновленіе , за гостепріимство, оказанное королемъ Петру и Екатѣ въ загородномъ дворцѣ королевы „Mon bijou“, и за подаянтарной комнаты и статуй.

нтарная комната, по доставленіи ея въ 1717 г. въ Петербургъ, быть первоначально устроена, какъ полагаютъ, въ маломъ емъ дворцѣ, въ которомъ жилъ и умеръ Петръ (тамъ, гдѣ Эрмитажный театръ, у Зимней канавки). А въ Большой косельскій дворецъ она была перенесена, вѣроятно, во время ойки его графомъ Растрелли съ 1744 г.

бъ Янтарной комнатѣ, въ художественномъ отношеніи, можетъ нѣкоторое понятіе прошлаго столѣтія опись этихъ янтарныхъ доа именно: 1) двѣ большія стѣнныя доски, въ которыхъ двѣ съ зеркалами; — 2) двѣ такія-же доски, при которыхъ однѣ поуже; — 3) четыре такія-же доски, немного поуже и каждая дѣльными зеркалами; — 4) два крыла пошире и два другія го поуже; всѣ эти 12 досокъ одинаковой вышины; — сять особенныхъ панельныхъ досокъ, одинаковой вышины, но й ширины; — 6) къ этому прибавлены еще, могущія быть ебленными: 1 четыреугольная доска, обложенная янтаремъ, — отовленный щитъ съ пальмовой головой (?), — 3 изготовленбольшія головы изъ дерева, — 7 маленькихъ головъ, — 14 изленныхъ тюльпановъ, — 12 изготовленныхъ розъ, — 3 доски аковинами, — 2 изготовленные карниза (Gesimse), — 2 маія наугольныя доски, — 1 маленькая продолговатая доска, съ рупами или винтами, — 4 маленькія доски, обложенныя янта- — 23 маленькія доски, слѣдующія къ одному крылу изъ аго, отшлифованнаго янтаря, всего 107 малыхъ штукъ; — все аботы мастера француза, сдѣлавшаго это въ Данцигѣ.

II.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ИСПРАВНИКЪ

1820-хъ гг. [1]).

Одинъ коротко знакомый мнѣ почтенный человѣкъ, А. С. А
уже престарѣлыхъ лѣтъ и достойный всякаго уваженія и до
начавшій службу свою въ 1810-хъ годахъ, въ корпусѣ кора
ныхъ инженеровъ, а кончившій ее въ гражданскихъ чина
умершій въ отставкѣ въ 1857 г., сообщилъ мнѣ словесно,
томъ и письменно, весьма любопытный разсказъ изъ пер
чальной службы своей. Въ письменномъ разсказѣ своемъ о
назвалъ ни уѣзда, ни губерніи, гдѣ произошелъ разсказа
имъ случай, ни фамиліи главнаго дѣйствующаго въ немъ
а означилъ ихъ только заглавными буквами. Изъ буквъ М.
О. губерніи я заключаю, что это должны быть или Малоа
гельскій, или Мценскій уѣзды Орловской губерніи, такъ
изъ всѣхъ нашихъ губерній на О. только въ Орловской
означенные выше уѣзда на М. Разсказъ моего знакомаго
вожу дословно, только съ нѣкоторыми небольшими измѣне
въ редакціи.

— „Въ 182... году я долженъ былъ, по обязанностямъ сл
поѣхать въ О. губернію, для осмотра въ ней казенныхъ л
и рощъ. О прибытіи моемъ въ нее, допущеніи меня къ
и оказаніи мнѣ всякаго содѣйствія и помощи было дано
всѣмъ властямъ, до кого это касалось, и между прочимъ—
нымъ исправникамъ. По расчету моему, при окончаніи
занятій въ сосѣдней губерніи, мнѣ оказалось нужнымъ
ѣхать въ М. уѣздъ О. губерніи, черезъ сутки на 3-й де
потому, въ избѣжаніе остановки и потери времени, я за тр
послалъ, какъ обыкновенно дѣлалъ передъ этимъ, нарочна

---

[1]) Разсказъ этотъ сообщенъ намъ кн. Н. С. Голицынымъ 14-го
1880 года. Ред.

равнику М. уѣзда, съ формальнымъ увѣдомленіемъ. На третій
ь, рано утромъ, служитель мой докладываетъ, что какой-то
стьянинъ хочетъ видѣть меня. Приказавъ впустить его, я
дѣлъ очень благовиднаго человѣка лѣтъ 35-ти, который, войдя
избу и помолясь образамъ, поклонился мнѣ, назвалъ меня
имени и отчеству, и подалъ мнѣ клочекъ бумаги, говоря:
ь Петра Петровича". Осмотрѣвъ этотъ клочекъ съ обѣихъ
ронъ, я увидѣлъ на одной изъ нихъ что-то написанное и
осилъ: „Кто этотъ Петръ Петровичъ?" — „Это — исправ-
ъ".—„А это что̀ такое?" спросилъ я, указывая на клочекъ
аги. — „Это—письмо къ твоей милости, проситъ-де пожало-
ь къ нему, въ городъ М.". Ничего не понимая въ этомъ, я
лъ читать написанное на клочкѣ бумаги, именно: „Любезный
С., я боленъ и не выхожу изъ дому, а потому пріѣзжай,
безный другъ, прямо ко мнѣ переговорить о дѣлѣ, а моя ста-
а припасла пирогъ и щи для тебя, да найдется и рюмка
вничку предстольная, а наливочка застольная, и не одна.
идаю тебя. Покорный слуга Петръ С.".

Такого рода посланіе крайне удивило меня: я никакъ не
ъ сообразить, что̀ это такое—мистификація или шутка, и,
ая разъяснить это, сталъ разспрашивать посланца. Онъ ска-
ь мнѣ, что Петръ Петровичъ отецъ имъ, что они при немъ
тъ Божій видятъ, что онъ живетъ съ ними уже 20-й годъ
ито Боже сохрани съ нимъ разстаться. „Съ первоначала,
должалъ онъ, — какъ пріѣхалъ къ намъ на исправничество,
алъ онъ на конокрадовъ, да такъ ихъ прижучилъ, что Боже
си, а тутъ и на пьяницъ, и ужъ онъ ихъ такъ гнулъ, что
не знали, куда и дѣваться. Вотъ и чище стало у насъ и
вольнѣе".

Разсказъ этотъ очень заинтересовалъ меня, и какъ разсказчикъ
время говорилъ стоя, а рѣчь его не прерывалась, то чтобы про-
ить ему горло, я спросилъ его—пьетъ-ли онъ чай? „Гдѣ намъ, му-
камъ, пить чай, хоть-бы хлѣбъ-то былъ насущный". Но когда
редложилъ ему выпить со мною стаканъ чаю, то онъ не
азался. Я приказалъ моему служителю придвинуть ко мнѣ
же скамью и пригласилъ крестьянина сѣсть. Но онъ долго
соглашался. „Какъ можно-де мнѣ, мужику, сидѣть съ твоею
остью". Но я настаивалъ, грозя самъ встать, и тогда онъ

сѣлъ и, положивъ на полъ шапку и рукавицы и прикус
сахаръ, удостовѣрилъ меня, что пить чай для него не нов
А затѣмъ и рѣчь его полилась рѣкою. „Петръ Петровичъ
какъ прошли три года, и задумай уйти отъ насъ: тяжело-де
стало. Вотъ наши старики и испугались, да и къ губернат
такъ и такъ, говорятъ, Петръ Петровичъ хочетъ отъ насъ
ѣхать, а губернаторъ-то и говоритъ имъ, что долѣе трехъ
онъ не имѣетъ власти удержать его. Тогда старики наду
послать отъ всего уѣзда трехъ посланцевъ въ Питеръ къ ц
батюшкѣ, чтобъ онъ оставилъ намъ Петра Петровича: чт
намъ безъ него—хоть въ могилу ложись. Вотъ мѣсяца че
три слухъ прошелъ, что Петра Петровича къ губернатору
требовали, а у стариковъ нашихъ сердца-то такъ и замерл
какъ воротился онъ изъ губерніи, такъ и слышимъ, что
получилъ кавалерію и повышенъ. Ну, эдакимъ манеромъ
еще три года пробылъ у насъ, и мы не знали какъ Бога бл
дарить за посланную намъ благодать. А какъ три-то года
чали исходить, старики поотбористѣе и наѣхали къ П
провѣдать, какъ онъ думаетъ? А онъ и говоритъ имъ: „дово
я съ вами намаялся". Вотъ старики-то наши, зная, что гу
наторъ съ нимъ не сладитъ, порѣшили опять писать цар
тюшкѣ, а это потому, что когда въ первый-то разъ трое
въ Питерѣ, такъ имъ сказали, что можно-де по почтѣ пи
такъ вотъ они и написали съ почтой. Ну и въ этотъ разъ
получилъ отъ царя-батюшки награжденіе кавалеріей и пов
ніемъ. Въ это время смѣна была губернатору, пріѣхалъ но
и П. П., воротясь изъ губерніи, былъ оченно тогда веселъ
(какъ у насъ разсказывали) говорилъ: „куда-де мнѣ теперь
васъ ѣхать, ужъ видно мнѣ здѣсь до гроба жить". Такъ-то
сихъ поръ съ нами живетъ, вотъ ужъ 20-й годъ".

Такой разсказъ человѣка простаго, безъ всякой хитрос
прикрасъ, крайне заинтересовалъ меня, и я, желая скорѣе
дѣть лицомъ къ лицу такого исправника, какого мнѣ, прої
шему слишкомъ 12 губерній, встрѣчать не удавалось, прика
своимъ людямъ собираться и запрягать лошадей въ мою бри
Но, къ крайнему моему удивленію, слышу, что все уже го
и бричка подана. Выхожу и вижу бричку, запряженную т
кою отличныхъ лошадей; спрашиваю: „откуда эти лошади?" а

къ, парень лѣтъ 25-ти, отвѣчаетъ, что П. П. приказали вашу лость представить къ нему какъ можно скорѣе, такъ мы и ивели своихъ лошадей. И точно, приказаніе П. П. было полнено буквально, потому что меня не везли, а несли лошади, къ что ямщика нужно было не понуждать, а удерживать, бы поберечь колеса и оси моей брички. Но ямщикъ сказалъ ѣ на это: „не бойся, батюшка, П. П. дороги у насъ по всему зду исправилъ, словно скатерть, и ни колесамъ, ни осямъ яну не будетъ". До города М. было верстъ 60, а я, выѣхавъ мѣста въ 7 часовъ, къ $10^1/_2$ былъ уже у воротъ дома П. П., ремѣнивъ лошадей только одинъ разъ. И вотъ, ворота отво-ются, бричка въѣзжаетъ на дворъ, и я вижу направо домъ и льцо, а на крыльцѣ стоитъ человѣкъ лѣтъ 45-ти, въ халатѣ сѣрой нанки, подпоясанный такимъ-же поясомъ, и съ кол-комъ на головѣ. Онъ кричитъ ямщику: „правѣе, братецъ, вози ближе; нутъ-ка, выходи, питерской, дай на себя полю-аться!" И когда я подошелъ къ нему, онъ поздоровался со мною по русскому обычаю, поцѣловавъ три раза, и говоритъ: йдемъ скорѣе, моя старуха соскучилась ждавши тебя". Войдя комнату, я увидѣлъ женщину, весьма почтенной и привле-ельной наружности, не богато, но чисто и даже изысканно тую, которая съ своей стороны насказала мнѣ много любез-тей и пригласила идти въ другую комнату къ завтраку. Такой емъ, такая любезность поразили меня: я не вѣрилъ ни гла-ъ, ни ушамъ моимъ и мнѣ чудилось, ужъ не родные-ли это , которыхъ я не зналъ и съ которыми такъ нечаянно встрѣ-ся? Но нѣтъ! это не кровные родные мои, а родные и прис-по общему нашему отечеству—русскіе люди! Съ такими ьми, при такомъ радушномъ пріемѣ ихъ, скоро свыкаешься зыкъ развязывается. Вотъ и сутки прошли, а мы не трога-я съ мѣста; на другія сутки П. П. ужъ выводилъ меня по му М. и показалъ всѣ его примѣчательности, которыя, впро-ъ, ограничились единственнымъ кирпичнымъ, одноэтажнымъ омъ богатаго купца-татарина, торговавшаго всѣмъ, отъ по-ы до дегтя и отъ чайной чашки до досокъ. Вотъ и третьи ки проходятъ, а дѣло мое все не двигается, и я, наконецъ, алъ просить П. П. отпустить меня. Тутъ-то онъ открылъ , что уже разослалъ трехъ моихъ служителей въ разныя

мѣста съ инструкціями, для собранія нужныхъ мнѣ свѣдѣ
Они и прибыли въ этотъ-же день и доставили мнѣ весьма д
ныя извѣстія, избавившія меня отъ напрасныхъ поѣздокъ
такія мѣста, куда мнѣ незачѣмъ было ѣздить. Вотъ новое д
зательство стремленія прекрасной души П. П—ча къ польз
общимъ и частнымъ! Въ прежнихъ моихъ поѣздкахъ я слы
отъ исправниковъ слова: „я уже распорядился по уѣзду
оказаніи вамъ всякихъ нужныхъ пособій"—и только. Этотъ
не удовольствовался одною формальностью, а указалъ мнѣ
бенно замѣчательныя мѣста и тѣмъ мнѣ облегчилъ работу
казнѣ принесъ прибыль, уменьшивъ расходы. Значитъ—тѣ исп
ники плохо знали или и совсѣмъ не знали свои уѣзды, а э
зналъ свой уѣздъ, какъ свои пять пальцевъ. Когда меня с
рали въ дорогу, онъ, увидя у меня пистолеты и двухствол
ружье, спросилъ, зачѣмъ это оружіе?—а когда я сказалъ,
шатаясь по лѣсамъ, не знаешь съ кѣмъ встрѣтишься, то
взявъ пистолеты и ружье, вышелъ со мною на крыльцо и
стрѣлилъ изъ нихъ на воздухъ, говоря, что въ его уѣздѣ и
лый ребенокъ можетъ безопасно гулять, гдѣ пожелаетъ, и
если меня комаръ или муха обидятъ, то я только увѣдомил
его, а онъ съ ними справится. Все это крайне удивляло м

Изъ разговоровъ съ П. П. я узналъ, между прочимъ, что
не только исправникъ въ уѣздѣ, но и указатель крестьянам
полезныя для нихъ занятія. „Вѣдь Господь создалъ людей,
листья на деревѣ"—говорилъ онъ мнѣ—„вотъ береза, сорви
три листа, сорви тысячу—все листья березы, а одинъ отъ
гаго разпится; такъ и люди: одинъ любитъ пахать, другой—
родничать, третій—торговать и т. д.; такъ какъ-же не напра
мужика именно туда, куда ему самъ Богъ внушилъ идт
Оттого-то у меня и нѣтъ воровъ, что нѣтъ тунеядцевъ: всѣ
няты, у всѣхъ работы куча, дѣлать не успѣваютъ. Нужны
кузнецъ и слесарь? ступай въ село П., тамъ тебѣ хоть ка
сдѣлаютъ;—нужно плотника, столяра? ступай въ деревню
тамъ тебѣ все справятъ; нужно ткачихъ? иди въ село Ц.,
все ткачихи. Да вѣдь ко мнѣ въ уѣздъ изъ другихъ губе
пріѣзжаютъ для подѣлокъ. У меня весь уѣздъ какъ одна се
всѣ живутъ между собой мирно и дружно. Я старался и
раюсь перероднить крестьянъ между собою, и слава Богу! ск

ь крестьянину: съѣзди за сто верстъ, и онъ охотно поѣдетъ, у что увидится тамъ съ родными".

олго я не смѣлъ коснуться одного предмета, о которомъ хотѣлось спросить П. П—ча и который я затрогивалъ, во перетзда, въ разговорѣ съ ямщиками, но они наотрѣзъ сердцемъ говорили мнѣ: „ну станетъ-ли П. П. дѣлать такакость!"—Наконецъ, я рѣшился-таки спросить П. П—ча: какъ я вижу, живете вы въ довольствѣ, хлѣбъ-соль у вкусные; вѣрно у васъ есть гдѣ-нибудь помѣстье?" — На нъ, усмѣхнувшись, отвѣчалъ: „знаю, другъ, въ какой ого-ты лѣзешь, то есть беру-ли я съ крестьянъ поборы?"—„О П. П.",—перебилъ я,—„мнѣ и крестьяне говорили, что вы не дѣлаете."—„Солгали они вамъ",—отвѣчалъ онъ,—„любя они этого не скажутъ. Да какъ-же мнѣ не пользоваться ихъ?—вѣдь у меня ни кола, ни двора; жалованье я по-маленькое, а ко мнѣ заѣзжаютъ люди, которымъ кое-чего дашь, такъ они могутъ своимъ вліяніемъ вредить имъ-же, ьянамъ, и потому, чтобъ отстранить разныя непріятности, у съ крестьянъ, но разсмотрительно. Когда я вступилъ въ ость, они навезли ко мнѣ столько возовъ, что на дворѣ, онъ ни великъ, всѣ эти возы не умѣстились и многіе оста-на улицѣ. Я всѣхъ ихъ прогналъ и приказалъ пріѣхать тѣ отъ всякаго селенія по старику-довѣренному или ста-. А когда они собрались ко мнѣ, я далъ имъ записки ко и чего какое селеніе должно доставить мнѣ; записки-же ыли составлены на томъ основаніи, что какъ семья моя ить изъ меня съ женой и тремя сыновьями, да при насъ луженіи три женщины да два мужика, да держимъ корову лошади да нѣсколько птицъ для своего обиходу, то для нужно муки кулей столько-то, овса столько-то, крупы ко-то, а для одежды намъ всѣмъ нужно сукна, холста и столько-то, а на все это денегъ нужно столько-то. Когда ки мои все это узнали да разжевали, такъ и узнали, что ждую душу пришлось по 2 копѣйки съ долей въ годъ и ли ко мнѣ съ просьбой увеличить плату. Я прогналъ ихъ грозилъ, что брошу ихъ и уѣду. Они замолчали и теперь няютъ мой приказъ. Они не обижены, а я доволенъ".

Подали мою бричку и я, облобызавъ моихъ милыхъ, по родственныхъ мнѣ, стариковъ, уѣхалъ отъ нихъ, съ душою ною умиленія... Какъ я ни желалъ, но въ другой разъ б нихъ мнѣ уже не довелось, поклонами-же мы долго пересыл

П. П., въ мое посѣщеніе, былъ коллежскимъ совѣтн и кавалеромъ орденовъ: св. Анны 2-й степени съ брилліа и св. Владиміра 4-й степени, что въ то время было бо рѣдкостью".

III.

ДВА СОБЫТІЯ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Отрывокъ изъ записокъ ген. отъ инфант. кн. Н. С. Гол

1848 — 1849 и 1865—1869 гг.

.... Въ жизни моей два событія имѣли прискорбное з ніе лично для меня и вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе приско значеніе въ общественномъ смыслѣ.

Первое — было назначеніе меня, противъ моей воли, генеральнаго штаба полковника и профессора военной ис и стратегіи въ Императорской военной академіи — директ Императорскаго училища правовѣдѣнія, съ чиномъ дѣй тельнаго статскаго совѣтника, 15-го января 1848 года., бываніе въ этой должности въ 1848 и 1849 гг., и уво ніе отъ оной, по собственной и непремѣнной моей съ назначеніемъ вновь въ генеральный штабъ прежним номъ полковника — 7-го декабря 1849 г. Подробности событія изложены мною въ рукописныхъ запискахъ мои 1848 и 1849 гг., и я ихъ здѣсь повторять не буду, а пр вкратцѣ, съ прибавленіемъ лишь нѣкоторыхъ чертъ, служа къ характеристикѣ того времени въ общественномъ отнош

-го января 1848 г. я былъ торжественно введенъ покой-
принцемъ Петромъ Ольденбургскимъ въ училище правовѣ-
Мѣсяцъ спустя, въ концѣ февраля 1848 г., произошла
оція во Франціи, съ учрежденіемъ второй французской рес-
ки, а за этою революціею послѣдовали такія-же въ Берлинѣ,
енѣ, Вѣнѣ, Венгріи, Валахіи и Молдавіи—всѣ въ томъ-же
и смыслѣ. Во всѣхъ этихъ революціяхъ приняла дѣятель-
частіе польская эмиграція, сосредоточившаяся, послѣ
кой революціи 1830—1831 гг., преимущественно въ Парижѣ
вшая цѣлью возстановленіе Польши. Главные агенты
миграціи вездѣ въ западной Европѣ орудовали съ своими
и, особенно на правой сторонѣ Рейна, гдѣ полякъ Миро-
кій сталъ набирать польскіе легіоны, и въ Венгріи,
бросились всѣ главные польскіе эмигранты 1830—1831 гг.,
ые и гражданскіе. Ближайшій къ Россіи и самый опасный
ея очагъ польско-венгерской революціи былъ въ Венгріи,
угрожавшій Австріи и не менѣе того Царству Польскому
адной Россіи. Это и побудило императора Николая Пав-
послать въ Венгрію, въ 1849 г., русскую армію, которая
инъ походъ и положила конецъ польско-венгерской рево-
и спасла Австрію и наши польскія области отъ угро-
й имъ опасности. Спасеніе послѣднихъ было главною при-
вооруженнаго вмѣшательства императора Николая въ рево-
Венгріи, а вовсе не спасеніе Австріи, какъ провозгла-
польскіе, венгерскіе и за ними всѣ западно-европейскіе
оціонеры и сочувствовавшіе имъ въ Россіи тайные друзья
оціи и враги императора Николая. Для Россіи опасность
между прочимъ, и въ томъ, что польскіе умы людей всѣхъ
товъ, даже юношей, воспламенялись польскими мечтами о
новленіи Польши до Двины и Днѣпра. Учащееся въ рус-
учебныхъ заведеніяхъ польское юношество (изъ западныхъ
ій) воспламенилось тою-же польскою идеею, въ томъ числѣ
училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ ихъ было не мало. Можно
вообразить, въ какое положеніе былъ поставленъ я, только-
значенный директоромъ училища правовѣдѣнія, предше-
мъ 12-ти-лѣтнимъ управленіемъ директора Пошмана
еннаго до утраты всякой дисциплины и порядка, къ чему
48—1849 гг. присоединилось броженіе умовъ польскихъ

воспитанниковъ. Положеніе мое было до того противно
что я уже лѣтомъ 1848 г. помышлялъ бѣжать изъ этого
лища, но, конечно, это было невозможно, и я волей-не
долженъ былъ покориться своей судьбѣ. Къ этому должн
прибавить, что выпускъ 1848 года изъ училища былъ в
благонадежный и хорошій, но поступившій съ августа 18
въ 1-й классъ, напротивъ, весьма нехорошій тѣмъ, что въ не
половину были неблагонадежные молодые люди и въ религіоз
и въ политическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ
нигилисты). И съ этими-то дурными элементами пришлос
бороться въ 1848—1849 учебномъ курсѣ, подобно тому,
императоръ Николай въ то-же время боролся съ польскою ре
ціею и внѣ, и внутри Россіи. Внутри ея сугубо усилилось дѣ
пресловутаго III отдѣленія, бывшаго въ то время высшаго
цейскаго учрежденія, подъ управленіемъ графа Орлова, но в
ности генерала Дубельта, души этого отдѣленія. Шпіоны и п
ство усилились до крайности и имъ подверглись всѣ учебныя
денія въ Петербургѣ, въ томъ числѣ и училище правовѣд
Однако, заговоръ Петрашевскаго въ 1848 г. былъ от
не Дубельтомъ, а начальникомъ с.-петербургской сыскной
ціи Синицынымъ, и доложенъ императору Николаю не
вымъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Львомъ Але
вичемъ Перовскимъ. Открытіе этого заговора еще болѣе ус
шпіонство, особенно со стороны Дубельта и III-го отдѣленія.
въ какое положеніе я попался по назначеніи меня директ
училища правовѣдѣнія. Къ счастію, этотъ злополучный 18
прошелъ для меня благополучно, хотя не безъ борьбы въ
лищѣ, много причинившей мнѣ горя стоившей много тр
разстройства здоровья. Но въ концѣ зимы 1848—1849 гг.
чилось въ училищѣ прискорбное для меня событіе.

Однажды, является ко мнѣ воспитанникъ 3-го класса, в
шій несчастную фамилію Политковскаго (въ январѣ 18
обличеннаго въ расхищеніи кассы комитета инвалидовъ, а в
танникъ былъ родственникъ его). Это былъ жалкій идіотъ,
безъ денегъ и просившій милостыню у товарищей. Явивши
мнѣ, онъ объявилъ, что получилъ приглашеніе явиться въ III
леніе. „Зачѣмъ?“ спросилъ я. — „Не знаю“. — „Оттуда,
узнаете, явитесь ко мнѣ и скажите“. Но онъ не явился, а в

ъмъ пріѣхали ко мнѣ адъютантъ графа Орлова и два жан-
мскіе: 1 штабъ-офицеръ и 1 оберъ-офицеръ, съ предписаніемъ
ова немедленно арестовать воспитанниковъ 3-го класса Бѣли-
ича и князя Гагарина, и съ ихъ бумагами, вещами и
ьками доставить въ III отдѣленіе. Это было исполнено, и я,
крайнемъ недоумѣніи, не зналъ, что сей сонъ значитъ, хотя
угадывалъ тутъ что-то недоброе. Я ждалъ, не пригласитъ-ли
ельтъ меня къ себѣ, или не пріѣдетъ-ли самъ ко мнѣ, или-же
пришлетъ-ли кого для объясненія со мною. Но напрасно
мое ожиданіе въ продолженіи двухъ недѣль или и болѣе.
другъ, какъ бомба, разразилось надъ моею головою нѣчто
е непредвидѣнное и неожиданное! Принцъ Ольденбургскій
гласилъ меня къ себѣ, и въ присутствіи своего довѣреннаго
отанта, полковника С. И. Мальцова, показалъ мнѣ дѣло III
ѣленія о воспитанникахъ Бѣликовичѣ и кн. Гага-
нѣ, обвиняемыхъ: первый въ томъ, что въ его бумагахъ былъ
ценъ писанный на польскомъ языкѣ дневникъ, съ сочувствіемъ
ославскому мыслями и выраженіями, а второй — въ томъ,
за завтракомъ или обѣдомъ будто-бы сказалъ товарищамъ:
ужно повѣсить". Сверху была слѣдующая резолюція импе-
ра Николая:

— „Вотъ они, поляки, всѣ одинъ какъ другой! Бѣликовича
каловать въ рядовые и сослать въ отдаленный Оренбургскій
йный баталіонъ; Гагарина-же опредѣлить юнкеромъ въ одинъ
полковъ московскаго корпуса, съ тѣмъ, чтобы отецъ его
наказалъ его, а директору училища (т. е. мнѣ) объявить
жайшій выговоръ, со внесеніемъ въ формуляръ".

Плохо пришлось-бы мнѣ, если-бы добрѣйшій принцъ Ольден-
ргскій, самъ лично, черезъ Орлова, не упросилъ императора
олая не вносить выговоръ мнѣ въ формуляръ. Кн. Гагарина
ть была смягчена потому, что мать его, рожденная Сабурова,
а другомъ и пріятельницей принцессы Ольденбургской, и Гага-
ь, прослуживъ нѣсколько времени юнкеромъ, былъ произве-
ъ въ офицеры на Кавказъ, гдѣ служилъ долго, позже былъ
отантомъ военнаго министра и умеръ въ чинѣ генералъ-
ра. Что касается до Бѣликовича, то онъ прослуживъ солда-
ь, кончилъ жизнь на приступѣ одного пограничнаго азіятскаго
ѣпленія.

Это событіе рѣшило мои недоумѣнія и колебанія: я
залъ себѣ, что не останусь болѣе въ училищѣ правовѣд
но выжду время, чтобы не подвергнуться сугубому гнѣв
болѣе шести мѣсяцевъ, по прошествіи которыхъ выйду
въ генеральный штабъ, что и исполнилъ въ декабрѣ 184
зачисленный въ этотъ штабъ прежнимъ чиномъ полковника.

Необходимо, однако, хотя теперь, болѣе сорока лѣтъ сп
послѣ сего происшествія, раскрыть всю подкладку этого с
тія, завершившагося столь суровымъ судомъ. Бѣликовичъ, 1
лѣтъ, уроженецъ Витебской губ., католикъ, былъ прекрас
умный мальчикъ, одинъ изъ первыхъ въ классѣ по ученію,
съ горячей, пылкой головой, къ сожалѣнію, восторженной п
скими идеями, и имѣлъ неосторожность вести откровенно
дневникъ на польскомъ языкѣ и оставлять его въ своей к
сной лавкѣ, вмѣстѣ съ учебными тетрадями. А воспитатели з
III класса не заботились осматривать тетради воспитанник
что было прямою обязанностью ихъ, а не директора. Они
нѣкоторыми исключеніями), оберегали болѣе себя, чѣмъ во
танниковъ и директора, и служили плохими помощни
директору.

Князей Гагариныхъ въ первой половинѣ 1848 г. было
брата, изъ которыхъ одинъ, лѣнтяй и возмутитель другихъ, б
уволенъ изъ младшихъ классовъ училища, а другой остался
также былъ не очень благонадеженъ, однако, дотащился до
класса. Политковскій былъ нищій идіотъ, въ презрѣніи у тов
щей, и ничего путнаго не обѣщалъ. Онъ-то и оказался самымъ
годнымъ орудіемъ Дубельту, чтобы спасти себя и свою репута
вслѣдствіе открытія заговора Петрашевскаго не имъ, Дубе
томъ (le général Double, какъ его звали по-французски), а
ровскимъ черезъ Синицына. Говорили, что императоръ Н
лай, утромъ послѣ открытія заговора Петрашевскаго, встрѣ
входившаго въ кабинетъ государя Орлова словами: „Хоро
открытъ заговоръ, а я узналъ объ этомъ не отъ тебя, а отъ Пе
скаго! — Узнай и доложи почему?“ Орловъ къ Дубельт
этотъ, какъ казна, которая въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тон
не долго думая и не далеко ходя, закинулъ свою удочку по близ
—въ училище правовѣдѣнія, привлекъ идіота Политковскаг
выманилъ, у него доносъ на товарищей его-же класса,

овича и князя Гагарина, слѣдствіемъ чего и было все
женное выше... Вновь повторяю, если-бъ не добрѣйшій
ицъ Ольденбургскій—хвала ему и честь—директоръ училища
овѣдѣнія, 23 года съ честью носившій мундиръ генераль-
штаба, навсегда сталъ-бы жертвою ужасной случайности,
оторой ни въ чемъ не былъ повиненъ. Вѣдь еще у римлянъ,
ихъ законамъ, не обвиняли подсудимаго, не выслушавъ
оправданія, а въ училищѣ правовѣдѣнія, въ Россіи, въ
году, никто и не потребовалъ объясненія директора.

Второе прискорбное для меня событіе въ моей жизни
сится уже къ царствованію императора Александра II.
было участіе мое въ 1-мъ миссіонерскомъ обществѣ
—1869 гг. Общество это учредилось въ 1865 г., по почину
стной въ то время по своему благочестію и благотворительности
яны Борисовны Потемкиной, рожденной княжны Го-
ной (умершей въ 1869 г.) и по особому покровительству
дѣлу императрицы Маріи Александровны. По утвер-
іи устава общества и собраніи членовъ послѣдняго (въ томъ
и меня), въ ноябрѣ 1865 г., въ домѣ Т. Б. Потемкиной
Спб., на углу Милліонной и Мошкова переулка) произошло
е общее собраніе членовъ общества и въ домовой церкви
совершено молебствіе, а потомъ произведены первые выборы
а общества. Предсѣдателемъ совѣта былъ избранъ ви-
спб. епархій епископъ Герасимъ, а въ члены совѣта
С. О. Бурачекъ, А. П. Башуцкій и др. Совѣтъ началъ соби-
я въ домѣ Т. Б. Потемкиной, и вотъ тутъ-то, съ самаго
ла, возникли печальныя недоразумѣнія между духовными и
скими членами совѣта и общества. Причиною было
ятельное требованіе свѣтскихъ членовъ, чтобы начальникъ
йской духовной миссіи, протоіерей Ландышевъ, болѣе
лѣтъ управлявшій ею послѣ извѣстнаго архимандрита
арія, доставилъ совѣту общества отчетъ о приходѣ, рас-
и наличности суммъ въ его вѣдѣніи, для пріобщенія ихъ
сновному капиталу общества. Ландышевъ воспротивился
рѣшительно и былъ поддержанъ духовными членами
а. Свѣтскіе члены не хотѣли уступать и продолжали

настаивать на своемъ требованіи. Убѣдившись, что достиг
своей цѣли при предсѣдательствѣ викарія Герасима и с
ствіи его духовенству было невозможно, они произвел
уставу, 1-го марта 1866 года, новые выборы предсѣдате
членовъ совѣта — и провели въ нихъ только однихъ
скихъ членовъ, избравъ предсѣдателемъ совѣта меня,
тивъ моей воли, лишь по усиленнымъ и настоятельнымъ п
бамъ своимъ. И вотъ въ этомъ-то избраніи меня и оказа
для меня причины послѣдовавшихъ трехъ-лѣтнихъ огорчен
непріятностей для меня. Борьба между свѣтскими и духов
членами общества съ ходомъ времени разгоралась все бол
болѣе, преимущественно по вліянію бійскаго, Томской губе
купца Аѳанасія Григорьевича Малькова, который пер
задолго до 1865 г., усиленно хлопоталъ объ учрежденіи ми
нерскаго общества и подчиненіи ему Алтайской миссіи.

1-го марта 1867 г., на новыхъ выборахъ, я отказался отъ з
предсѣдателя совѣта, и избранъ былъ членъ синода епис
Василій, одинъ изъ главныхъ участниковъ, вмѣстѣ съ еписко
потомъ митрополитомъ литовскимъ, Іосифомъ Сѣмашко
возсоединеніи уніатовъ съ православною церковью въ 18
Я остался членомъ совѣта, прочіе члены котораго были
изъ свѣтскихъ. Но дѣло въ 1867—1868 гг. пошло не луч
все хуже и хуже. На выборахъ 1-го марта 1868 г. епис
Василій отказался отъ предсѣдательства въ совѣтѣ, и въ
сѣдатели снова избрали меня, противъ моей воли и къ край
моему неудовольствію и сожалѣнію. Въ теченіи 1868
нѣсколько разъ отказывался отъ предсѣдательства въ со
но члены его и общества (свѣтскіе) настоятельно просил
даже требовали, чтобы я оставался предсѣдателемъ совѣт
почти насильно принудили меня къ тому, въ интересахъ
щества. А между тѣмъ, рознь между свѣтскими и духов
членами общества дошла до такой степени, что между
произошелъ явный расколъ. Всѣ духовные члены крайн
пріязненно возстали противъ свѣтскихъ членовъ совѣта и о
ства, и особенно противъ меня и С. О. Бурачка. Съ ав
1868 г. до 1-го марта 1869 г. было самое бурное время
общества, и враждебное настроеніе противъ свѣтскихъ чле
общества и его совѣта, особенно меня и С. О. Бурачка

о высшей степени. Дошло до того, что въ это вмѣшался
ъ, и между нимъ и совѣтомъ общества возникли оффи-
ныя пререканія. Неудовольствіе нѣкоторыхъ лицъ изъ
духовенства сообщилось и императрицѣ, и императору, и
лось меня лично. Наконецъ, всѣ претерпѣнныя мною въ три
огорченія переполнили мѣру моего терпѣнія, и 1-го марта
г. я рѣшительно сложилъ съ себя званіе предсѣдателя со-
и члена общества, и въ концѣ мая поѣхалъ въ 4-хъ-мѣсячный
къ заграницу [1]), и только тамъ отдохнулъ душою отъ
бывшихъ треволненій. Къ счастію, 7-го января 1876 г.,
лучаю 50-лѣтія моей службы, по доброму ходатайству воен-
министра Д. А. Милютина, государь императоръ продолжилъ
аренду на 12 лѣтъ, и при представленіи моемъ ему былъ
милостивъ ко мнѣ; да иначе и не могло быть, потому что
частіе въ миссіонерскомъ обществѣ было дѣло частное, а
-лѣтней службѣ моей я былъ безупреченъ.

акимъ образомъ, мое двухъ-годичное директорство въ учи-
правовѣдѣнія и трехъ-лѣтнее участіе въ миссіонерскомъ
ствѣ—поистинѣ были горестными для меня событіями въ
жизни! Это были два тяжелыя для меня испытанія.

Кн. Н. С. Голицынъ.

27-го января 1889 г.
7-го октября 1890 г.

---

[1]) По милости высокоуважаемаго графа Д. А. Милютина, испросив.
мнѣ даже денежное пособіе на леченіе.

Кн. Н. Г.

Князь Владиміръ Александровичъ Черкаскій.

[Къ очерку о немъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1889 г., кн. IV, и 1890 г.,

Уважаемая редакція „Русск. Стар.“ сдѣлала примѣчаніе къ моей ста
поводу котораго считаю необходимымъ сказать нѣсколько сердечныхъ

Дѣло въ томъ, что уважаемая редакція находитъ, что я, „болгар
происхожденію, отношусь къ излагаемымъ событіямъ съ чисто болг
точки зрѣнія, поэтому-де моя оцѣнка дѣятельности князя В. А. Черк
нѣсколько односторонняя; что редакція печатаетъ настоящія воспом
какъ любопытный матеріалъ, какъ голосъ болгарина, отнюдь не с
говоритъ она, сужденія автора судомъ исторіи надъ такимъ выдающимс
дарственнымъ человѣкомъ, какимъ былъ и остался до конца покойный
Владиміръ Александровичъ Черкаскій“.

Едва-ли съ такимъ выводомъ можно согласиться, тѣмъ болѣе, что я
изложилъ факты, да и то только нѣкоторые изъ множества таковыхъ,
шихъ мѣсто въ событіяхъ въ войну 1877—78 года, изложилъ ихъ вкра
сдержанно, изъ нежеланія задѣвать авторитетности лицъ, коихъ они ка
собственно по гражданскому управленію, оцѣнки-же имъ я не дѣлалъ и „с
сужденій“ о нихъ не имѣлъ; не считалъ и не считаю за собою даже
думать, что кто-либо станетъ приписывать моимъ скромнымъ воспомина
характеръ сужденій объ авторитетности такого государственнаго чел
какимъ былъ, безспорно, князь В. А. Черкаскій и какимъ я самъ сч
его, какъ это извѣстно редакціи изъ первой моей статьи, напечатанн
апрѣльской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1889 г. Непонятно, откуда ред
взяла, что я дѣлаю оцѣнку дѣятельности кн. Черкаскаго? Мнѣ кажетс
происхожденіе человѣка не служитъ основаніемъ для того, чтобы въ сил
выводить то или другое заключеніе объ его взглядахъ. Согласитесь съ
что было-бы очень странно, если-бы, исходя изъ такой аналогіи, начать
зывать, что и редакція „Русской Старины“ отнеслась къ этой статьѣ
потому, что она смотритъ на событія съ чисто русской точки зрѣнія. Въ т
случаѣ было-бы равносильно тому, чтобы дѣлать оцѣнку литерату
произведеніямъ по происхожденію ихъ авторовъ, а исходя изъ такого в
пришлось-бы считать безусловно пристрастнымъ все, что-бы ни написал
гаринъ о дѣлахъ, имѣвшихъ соприкосновеніе съ болгарами, русскій—о д
русскихъ, сербъ — о сербскихъ дѣлахъ и проч... Значитъ, взгляды и
ныхъ писателей, какъ Е. И. Утинъ, В. И. Немировичъ-Данч
кн. В. Д. Дабижа и проч. на гражданское управленіе въ Болгаріи въ
1877 г. и главу его, князя Черкаскаго, нужно подвести подъ ту-же кате
въ виду того, что эти лица, по своему происхожденію, русскіе? Да, я болг
по происхожденію, но по своимъ взглядамъ на взаимныя отношенія
собою болгаръ и русскихъ въ общемъ ихъ дѣлѣ я всегда шелъ и иду съ
русскими людьми, не переставая желать, добавлю къ этому, возстанов
тѣхъ сердечныхъ связей, коими еще не такъ давно скрѣплено было ру
болгарское дѣло въ смыслѣ ихъ національныхъ и обще-славянскихъ интер

И. Ивановъ.

24 мая 1890 г.
Кишиневъ.

ЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1860 г. [1]).

Февраль 3. Среда. Съ 22 ноября прошлаго года не писалъ
ихъ замѣтокъ. Это одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ
жизни. Меня посѣтила тяжкая, серьезная болѣзнь. Я былъ
гнетомъ такихъ физическихъ страданій, которыя не разъ
одили меня къ мысли, что для меня уже все кончено, что
одинъ толчекъ и я буду переброшенъ туда, откуда уже
возврата и куда обыкновенно такъ не хочется идти всему
щему. Началось какъ будто съ простуды, но по миновании
ѣдней потянулись безконечныя нити, обрывки которыхъ и до
поръ меня опутываютъ. Слабость всего тѣла, соединенная
евыносимою тоскою, преслѣдовала меня днемъ, а ночью голова
далась толчками, какимъ-то страннымъ перебираніемъ, по-
иваніемъ, какими-то приливами и отливами... Нравственное
состояніе доходило то до полнаго упадка воли и характера,
озвышалось до мужественной борьбы съ природою. Мысль

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент.,
83—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—
зд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII,
стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ,
65—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь,
23—334; декабрь, стр. 727—758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—
евраль, стр. 371 — 406; мартъ, стр. 629 — 653; томъ LXVI, апрѣль, стр.
8; май, стр. 271—296; іюнь, стр. 611—638; т. LXVII, іюль, стр. 133—160;
ъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр.
186.

о смерти стояла передо мной неотступно. Къ этому присоед
лись еще какія-то суевѣрныя примѣты, которыя сильно
тревожили. Очевидно, вся моя нервная система была потря
Такъ говорили и оба доктора—Вальцъ и Здекауеръ, кото
призывали на совѣщаніе. Между тѣмъ, неминуемой опасност
моемъ положеніи не находили. Однако, полное возстанов
силъ врачи обѣщаютъ только лѣтомъ, при совершенномъ от
ствіи всякихъ серьезныхъ занятій. Надо ѣхать или загран
или въ деревню...

6. Суббота. Выздоровленіе мое плохо подвигается впер
Я, конечно, чувствую себя лучше, чѣмъ мѣсяцъ тому наз
Но пароксизмы слабости, особенно тоски, и головныя неуряд
почти тѣ-же самыя. Однако, я понемногу приступаю к
нятіямъ.

7. Воскресенье. Вчера былъ въ засѣданіи главнаго уп
ленія цензуры и два часа выдержалъ хорошо. Но въ заключ
все-таки я попросилъ позволенія удалиться, такъ какъ дѣла
много и засѣданіе обѣщало затянуться. Я ходилъ въ засѣ
и назадъ пѣшкомъ. Морозъ въ 20°, но день прекрасный—т
и свѣтлый.

Странный, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ (К. В.) Чевкинъ.
такъ свирѣпствуетъ противъ литературы, что даже Панина да
оставляетъ за собой. Въ послѣднемъ засѣданіи главнаго уп
ленія цензуры, напримѣръ, читано было его отношеніе къ
нистру съ такими замѣчаніями на какую-то статью о желѣзн
дорогахъ, которыя (то есть замѣчанія) всѣмъ членамъ до
наго показались противными здравому смыслу — каковы о
есть въ дѣйствительности. Разумѣется, ихъ отвергли и поло
представить государю, такъ какъ въ законѣ сказано, что
случаѣ разногласія управленія съ какимъ-либо министромъ,
проситъ разрѣшенія у его величества.

Мое мнѣніе о нераздробимости цензуры положено внест
общую записку.

Глухой Медемъ что-то толковалъ о неприкосновенн
власти. Его никто не слушалъ, такъ какъ онъ не слышалъ ни

Вообще для литературы настала эпоха весьма неблагоп
ная. Главное, государь сильно противъ нея вооруженъ.

Министръ объяснялся со мной откровенно и выразилъ м

въ главномъ управленіи литература врядъ-ли найдетъ дру-
защитниковъ, кромѣ него самого, меня и Д—ва. Докладъ
стра государю о преобразованіи цензуры съ начала до конца
ное что, какъ умная и благородная аппологія литературы.
арь утвердилъ этотъ докладъ, и онъ былъ прочитанъ въ
мъ засѣданіи, какъ выраженіе принципа, которому цен-
должна слѣдовать. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что ему не
дуютъ.

Вторникъ. Вотъ и билетъ на похороны Ростовцева,
ый умеръ въ субботу, въ семь часовъ утра. Сегодня его
ятъ. Государь самъ закрылъ ему глаза. Онъ, говорятъ,
илъ скорбь свою тяжкими рыданіями. Этою смертью глу-
опечалены всѣ, кромѣ враговъ освобожденія крестьянъ.
но, это лучшее надгробное слово Ростовцеву.

Жизнь цѣнимъ мы высоко по инстинкту, который питаетъ
одолимое отвращеніе къ смерти. Но должны-ли мы цѣ-
жизнь такъ по разуму? Неужели голосъ разума не дол-
имѣть никакой силы въ рѣшеніяхъ, касающихся нашихъ
ій, нашихъ убѣжденій и взглядовъ. Если инстинктъ имѣетъ
права, то имѣетъ ихъ и разумъ, который также составляетъ
нашего существа. А что-же говоритъ разумъ? Онъ гово-
что вещь, которой мы должны необходимо лишиться и
ой можемъ лишиться ежеминутно, вещь столь преходящая
надежная — не заслуживаетъ цѣны, какую мы ей даемъ.
храбрые такъ обыкновенно о ней и думаютъ; трусы тре-
ъ отъ одной мысли ея лишиться.

о съ разумомъ сообразно питать высокія вѣрованія въ
ное домостроительство жизни, въ божественное міроуправ-
и міохраненіе. Въ такомъ случаѣ еще меньше причинъ
шаться о жизни.

. Среда. Невыразимо тяжки эти моменты неопредѣленной
, которые постоянно посѣщаютъ меня во время моей бо-
....

. Четвергъ. Дѣйствительно, въ жизни такъ много эфемер-
и разочаровывающаго, что давать ей высокую цѣну стано-
почти смѣшнымъ въ глазахъ разсудка. Въ самомъ дѣлѣ,
юди съ высшимъ призваніемъ немного давали ей цѣны,
немного, что идею свою всегда ставили выше ея. Не

значитъ-ли это, однако, что киселъ виноградъ? Нѣтъ! я, по ней мѣрѣ, нахожу, что въ ней много прекраснаго, ос много прекраснаго въ дѣятельности мысли, въ возвышенн свѣтломъ воззрѣніи на природу, въ нѣкоторыхъ привязанно сердца, въ самомъ сознаніи, что живешь и дѣйствуешь. Н строта, съ которой она все приноситъ и уноситъ, зыбк ненадежность почвы, на которой она движется, какая-т чайность ея даровъ и ея лишеній—дѣлаютъ ее чѣмъ-то похожимъ на мечту, на сновидѣніе, даже на насмѣшку нашими стремленіями, желаніями и надеждами, такъ что комъ серьезная къ ней привязанность, излишнія заботы и страхъ ее потерять становятся, въ свою очередь, чѣмъ-то нымъ, малодушнымъ, непростительнымъ, по крайней мѣр человѣка съ умомъ и характеромъ.

15. Понедѣльникъ. Сегодня я всталъ съ головною но въ то-же время чувствую какую-то особенную энерг душѣ. Можетъ быть и это болѣзненное, нервическое сост Какъ бы то ни было, а это недурно. На зло этимъ пре ваніямъ болѣзни, я отправляюсь въ засѣданіе главнаго упра цензуры къ 12-ти часамъ. Такъ солдатъ, раненный въ перевязавъ кое-какъ свою рану, снова спѣшитъ на бой.

Все-таки не досидѣлъ до конца. Въ главномъ управленіи зуры занимались не важными дѣлами. Мнѣ отдали для чтенія мнѣніе Пржецлавскаго [1]) о гласности такого сво по словамъ Д., что если ему послѣдовать, сдѣлается рѣшит невозможнымъ въ литературѣ какое-либо мнѣніе о дѣлахъ ственныхъ. Вообще этотъ господинъ заявляетъ себя отъявлен поборникомъ тьмы и безгласія.

---

[1]) Это тотъ самый тайный совѣтникъ Осипъ Антоновичъ Пржецкій, довольно интересныя записки котораго напечатаны въ „Русской старинѣ“, см. 1872 г., т. V, стр. 684; 1874 г., т. XI, стр. 451—477, 665—619; т. XIII, стр. 383—402; 1878 г., т. XIV, стр. 684—714; т. XXI, стр. 62 т. XXII, стр. 67—92. Особенно любопытна статья покойнаго Пржецкаго о цензурѣ въ Россіи въ 1830—1865 гг., изд. 1875 г., т. XI 131—160. Его-же „Бѣглые очерки“ см. въ „Русской Старинѣ“, изд. 1876 г. XVI, стр. 545—566; изд. 1883 г., т. XXIX, стр. 377—406, 475—532. Пржецлавскій родился въ 1799 году, † 10-го декабря 1879 года, на году отъ рожденія, въ чинѣ тайнаго совѣтника и кавалера Бѣлаго Ор Ред.

Вечеромъ пришелъ Маркъ (Николаевичъ Любощинскій) и цилъ мнѣ новость, что на мѣсто Ростовцева по крестьян-у дѣлу назначенъ графъ Панинъ. Это назначеніе поразило громомъ всѣхъ друзей свободы и улучшеній. Образъ мыслей а Панина извѣстенъ. Онъ постоянно противодѣйствовалъ ому успѣху умственному, вещественному, юридическому и це всякому. Его привыкли считать первымъ на поприщѣ безгласія, безправія и прочихъ подобныхъ прекрасныхъ Какъ-же онъ будетъ вести себя тамъ, гдѣ требуется но все противное его прежнимъ понятіямъ и дѣяніямъ? Нельзя не признаться, что съ Ростовцевымъ погибло для много прекраснаго. Это общее убѣжденіе. Враги добра и и, видимо, поднимаютъ головы. Бѣдное мое отечество! Такъ и всѣ благія начинанія въ тебѣ! Стоитъ сойти съ поприща му человѣку, чтобы все опять отодвинулось назадъ.

7. Среда. Опытъ вечерняго выѣзда. Былъ въ засѣданіи щества пособія нуждающимся литераторамъ" до 10-ти часовъ. ъ почти удался.

0. Суббота. Засѣданіе въ главномъ управленіи цензуры. Я жалъ его до конца хорошо и возвратился домой безъ осо-ой усталости. Говорилъ Пржецлавскому, что я совершен-есогласенъ съ его мнѣніемъ о гласности, которое въ ъ дѣлѣ считаю неблагороднымъ и не умнымъ; но написано ладко. У меня съ Пржецлавскимъ завязался горячій споръ, торомъ принялъ участіе и Д., разумѣется, поддерживая меня. акъ какъ это пока было еще только частное преніе, кото-е повело-бы ни къ какому рѣшенію, то я прекратилъ его, зивъ, однако, всему собранію, что представлю письменное женіе.

3. Вторникъ. Читалъ въ первый разъ послѣ болѣзни ю въ университетѣ, то есть послѣ трехъ мѣсяцевъ, и я ѣкоторымъ страхомъ приступилъ къ этомъ опыту. Дѣло лось, однако, хорошо. Я прочелъ лекцію довольно живо и особенной усталости.

чера вечеромъ, въ 7 часовъ, былъ на публичной лекціи Миллера, которую онъ читалъ о Шиллерѣ. Потомъ я лъ Миллеру свои замѣчанія, которыми онъ и обѣщалъ вос-оваться.

27. Суббота. Засѣданіе въ главномъ управленіи ц
отъ 12-ти почти до 4-хъ часовъ. Я храбро высидѣлъ
конца, принималъ участіе въ преніяхъ, читалъ свой до
но домой вернулся усталый и съ головною болью.

29. Понедѣльникъ. И все-таки я не могу разстат
мыслью, что среди всей этой страшной путаницы, неуряд
безтолковщины человѣческой жизни есть что-то доброе
умное, примиряющее и покоющееся на прочныхъ
вахъ—и что это что-то заключается въ единомъ, всеобъемл
всесовершенномъ Существѣ, которое имѣетъ и желаніе, и
исправлять недостатки и несовершенства вещей.... Я н
объяснить себѣ: какъ это возможно; но еще гораздо менѣе
понять, какъ это можетъ быть невозможнымъ. Это, конеч
ясное понятіе, не аксіома разумнаго вѣдѣнія—это только
ваніе. Но вѣрованіе также нельзя выкинуть изъ экономіи
вѣческой природы, какъ и мысли.

Бываютъ состоянія человѣческой жизни, когда че
совершенно лишается всякой возможности управлять своей
бой, когда онъ блуждаетъ во мракѣ, не зная куда нап
шаги свои и что ожидаетъ его въ двухъ шагахъ отъ него.
ничего болѣе не остается, какъ отдать всего себя тек
мгновенію, не удручая себя мыслью о будущемъ, котора
новится мучительною, когда ее нельзя утвердить на основ
номъ предположеніи или вѣрной надеждѣ.

Я теперь нахожусь точно въ такомъ-же положеніи,
человѣкъ, попавшій подъ судъ. Дѣло его тянется, а о
сидитъ въ тюрьмѣ и не знаетъ, чѣмъ оно кончится, къ чем
приговорятъ, или не простятъ-ли его, вмѣнивъ ему въ нак
выдержанное имъ заключеніе и разныя истязанія, им
претерпѣнныя.

Мартъ 1. Вторникъ. Болѣзни не прекращаются въ
домѣ. Какъ только поправится одинъ членъ семьи, забол
другой. Вся нынѣшняя зима досталась намъ на то, чтобы
ваться ежедневно отъ страданій. Особенно сильно напугал
племянникъ, опасно болѣвшій скарлатиною.

Такъ называемыя радости—суть призраки; одни стр
серьезны и существенны.

Въ судьбѣ человѣческой такъ много нелѣпаго, или,

ать, такъ все нелѣпо, что разумъ, желающій это объяснить, кенъ придти въ отчаяніе. Вотъ почему необходимы вѣрова- которыя, конечно, не рѣшаютъ вопроса о человѣкѣ и не ъясняютъ ничего о немъ, но дѣлаютъ ненужнымъ это рѣше- и изъясненіе.

Изъ всего смѣшнаго въ человѣкѣ, самое смѣшное—гордость. ожимъ, что въ отношеніи къ способностямъ, онъ превос- итъ всѣ другія существа на землѣ; но въ отношеніи къ своей бѣ чѣмъ-же онъ выше какого-нибудь комара, котораго каж- дуновеніе вѣтра можетъ обратить въ ничто?

3. Четвергъ. Вчера вечеромъ засѣданіе въ „Комитетѣ обще- пособія нуждающимся литераторамъ". Споръ съ Кавели- ъ о способѣ выбора въ члены. Я отвергалъ право комитета дить въ разбирательство поведенія и нравственности канди- въ, что превращаетъ его въ какую-то цензуру morum. Ка- инъ защищалъ противное. Я требовалъ безмолвной подачи совъ. Наконецъ, согласились, чтобы въ случаѣ сомнѣнія гать баллотировку на слѣдующее засѣданіе. Такъ какъ мое ніе было такимъ образомъ принято, то я уже не читалъ товленной мною записки изъ чувства деликатности, можетъ и излишняго. Кавелинъ большой либералъ: онъ допускаетъ роповѣдуетъ до красна свободу, съ правомъ безпрекословнаго иновенія его мнѣнію.

4. Пятница. У [Н. Г.] Чернышевскаго есть умъ, дарованіе, съ сожалѣнію, то и другое затемнено у него крайнею нетерпи- тью. Онъ, на бѣду себѣ, считаетъ себя первымъ умникомъ и ицистомъ въ Европѣ.

Не распускайся въ безплодныхъ жалобахъ о томъ, что есть, учше думай о томъ, какъ-бы притупить по возможности жало , что есть. Все-таки это лучше, чѣмъ усиливать зло уси- ымъ ощущеніемъ его.

9. Среда. Утромъ былъ у (В. Ѳ.) Адлерберга-старика. рено было о театральномъ комитетѣ. Графъ выразилъ со- ніе въ его пользѣ, а я защищалъ его, но соглашался съ ромъ въ необходимости произвести нѣкоторыя перемѣны въ составѣ, а главное—удалить отъ предсѣдательства Жиха- . Комитетъ необходимо отъ него освободить, такъ думаетъ ъ и намѣренъ это сдѣлать. Графъ былъ очень привѣтливъ ружелюбенъ.

10. Четвергъ. Морозъ около 10 градусовъ и сильный
теръ. Вотъ начало нашей весны.

11. Пятница. Доктора требуютъ, чтобы я непремѣнно ѣ
заграницу. Это мнѣ мало улыбается. Я предпочелъ-бы ѣ
въ деревню, но врачи и слышать объ этомъ не хотятъ.

13. Воскресенье. Подалъ министру просьбу объ увольн
меня заграницу въ отпускъ, на четыре мѣсяца, съ 15-го
по 15-е сентября.

Министръ [Евг. П. Ковалевскій] былъ очень ласковъ и от
вененъ. Жалобы на неблаговидные поступки Пржецлавск
который дѣйствуетъ разными интригами въ пользу своей зап
противъ гласности, такъ какъ ему становится очевиднымъ,
онъ встрѣтитъ сильную оппозицію въ главномъ управленіи.

14. Понедѣльникъ. По утру лекція въ университетѣ,
черомъ засѣданіе въ „Комитетѣ общества для пособія нуж
щимся литераторамъ“. Предложилъ оказать пособіе семей
Талызина. Мнѣ поручено навести справки.

15. Вторникъ. Въ университетѣ читалъ лекцію живо, успѣ
и безъ усталости. Оттуда ѣздилъ навести справки о Тал
ныхъ, чтобы въ слѣдующемъ засѣданіи окончательно испро
имъ пенсіонъ. Я дѣйствительно нашелъ ихъ вполнѣ заслужи
щими покровительства общества.

17. Четвергъ. Вчера простился съ благороднымъ, добр
другомъ моимъ В. И. Барановскимъ, который навсегда ос
ляетъ Петербургъ. Грустная, очень грустная разлука.

Въ молодости человѣкъ живетъ почти исключительно
стинктами, живетъ какъ животное высшаго разряда. Въ возр
зрѣломъ онъ начинаетъ жить больше по разуму, самостоят
нѣе, человѣчнѣе. Но отъ этого онъ не живетъ счастливѣе.

19. Суббота. Засѣданіе въ главномъ управленіи цензур
нѣкоторыхъ господъ есть искусство возбуждать такіе вопр
которые, не бывъ возбуждены, прошли-бы совершенно нез
ченными, но которые, разъ поднятые, уже требуютъ рѣшен
рѣшенія эти часто бываютъ стѣснительными. Вотъ, наприм
въ сегодняшнемъ засѣданіи баронъ Медемъ возбудилъ о
изъ такихъ вопросовъ. Между тѣмъ, съ нимъ объясняться
никакой возможности: онъ такъ глухъ, что все, что можно,

ько сказать ему нѣсколько словъ въ трубу. И при этомъ онъ
ь упрямъ.

Профессоръ Калмыковъ умеръ. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ
ныхъ и благородный человѣкъ! Онъ долго и много страдалъ.
ѣли полторы тому назадъ ему отрѣзали ногу, чтобы остано-
распространеніе какого-то сухаго антонова огня. Это не
ло бѣднаго. Онъ и мнѣ былъ добрымъ любящимъ товарищемъ.
24. Четвергъ. Съ 12-ти часовъ до 4-хъ на экзаменѣ въ
иторскомъ училищѣ. Я не могъ туда не поѣхать по старымъ
оминаніямъ, хотя всѣ эти дни мнѣ опять сильнѣе нездоро-
сь.

Умѣть воздерживаться отъ нѣкоторыхъ мыслей столь-же не-
димо, какъ умѣть воздерживаться отъ вредныхъ снѣдей и
тковъ.

Меня неотступно преслѣдуетъ мысль о ничтожествѣ человѣ-
омъ, пропитанная горечью и иронiею. Мысль эта всегда была
присуща, но во время моей болѣзни особенно развилась.
ь-бы ни было въ ней много справедливаго, ей, однако, слѣ-
ь положить предѣлъ, потому что и она такое-же ничтоже-
, какъ и все прочее въ человѣкѣ. Не надо отнимать силы
истинктовъ жизни.

Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Управленіе сего-
было въ очень суровомъ расположеніи духа: оно прису-
цензора Драшусова къ увольненію отъ должности, а ре-
ора „Свѣточа“, (Дм. Ив.) Калиновскаго, опредѣлило пре-
суду. Первый подвергся остракизму по докладу члена Трой-
каго, который открылъ многіе его промахи въ „Московскомъ
никѣ“ и въ „Развлеченіи“. Графъ Адлербергъ и Пржецлав-
, особенно послѣдній, требовали, чтобы бѣдный Драшусовъ
формально отрѣшенъ. Но я, Мухановъ и министръ воспро-
лись этому и по нашему настоянію рѣшено было, по край-
мѣрѣ, отнестись къ предсѣдателю московскаго цензурнаго
тета, чтобы онъ посовѣтовалъ Драшусову подать просьбу
отставкѣ. Я сильно поспорилъ съ Пржецлавскимъ; этотъ
одинъ дышетъ ненавистью ко всякой мысли и вообще къ
ти, и онъ предлагалъ самыя жесткія мѣры. Его поддержи-
***. Я сказалъ ему: „Не думайте дѣйствовать терроромъ:
правительственный, ни другой какой терроръ никогда не

приводили къ добру". Хуже всѣхъ Пржецлавскій. Онъ, очеви
добивается какого-то значенія. А впрочемъ, чертъ его зна
онъ можетъ быть хочетъ гадить и самому правительству, с
няя его къ предосудительной жесткости. Послѣ подви
Огрызко [1]) все кажется возможнымъ.

27. Воскресенье. Въ часъ собраніе Общества для пос
литераторамъ. Прочитанъ былъ отчетъ, выбрано нѣсколько
выхъ членовъ, а потомъ мы, т. е. члены комитета, пошли
фотографу Кучаеву, который просилъ у насъ позволенія с
съ насъ портреты въ группѣ. Я противился этому: мнѣ вос
не нравится какое-бы то ни было добиваніе популярности,
казываніе себя, что составляетъ одну изъ болѣзней нашего
мени. Но на этотъ разъ я не могъ, безъ обиды товарищ
уклониться, какъ я уже не разъ уклонялся въ подобныхъ
чаяхъ отъ изображенія меня между академиками, между ли
торами, чтобы портретъ мой не торчалъ въ окнахъ магазин

Вчера былъ публичный диспутъ между профессорами Ко
маровымъ и Погодинымъ. Одинъ защищалъ происхожд
Руси изъ Литвы (Жмуди), другой изъ Скандинавіи. Дис
происходилъ въ большой университетской залѣ и народу собра
великое множество. Студенты разражались неистовыми р
плесканіями, преимущественно въ честь Костомарова.

Какая въ этомъ спорѣ животворная истина? Никакой.
тутъ было зрѣлище и толпа собралась. Нехорошо, что б
съ нея деньги. Положимъ, что это въ пользу нуждающ
студентовъ. Но, право, не хорошо штуками возбуждать о
ственную благотворительность въ ихъ пользу, да еще въ стѣ
университета. Говорятъ, хорошо, что публика дѣлается участн
умственныхъ интересовъ. Да развѣ это участіе въ умствен

---

[1]) Дѣло объ Огрызко въ свое время надѣлало много шуму. Благ
положенію, какое онъ успѣлъ завоевать себѣ въ обществѣ и въ администр
первые слухи объ его подпольной дѣятельности были встрѣчены недовѣ
и съ полнымъ къ нему сочувствіемъ. Онъ имѣлъ много защитниковъ
среди лицъ, весьма высоко стоявшихъ въ служебномъ мірѣ. Но когда
ружились всѣ его козни, общественное мнѣніе, глубоко оскорбленно
своемъ патріотическомъ чувствѣ, тѣмъ сильнѣе обратилось противъ него,
сильнѣе сначала было за него. Такъ было и съ авторомъ „Дневника
болѣзнь, въ это время посѣтившая А. В., помѣшала ему занести на стра
своего „Дневника" всѣ перипетіи этой печальной драмы. С. А.

ресахъ? Тутъ просто зрѣлище, своего рода упражненіе въ либристикѣ. По поводу этого диспута, князь Вяземскій раз-ился слѣдующей удачной остротой:—„Прежде мы не знали а идемъ, а теперь не знаемъ и откуда“.

Вчера министръ мнѣ объявилъ, что государь согласенъ на отпускъ. Кромѣ того, министръ хлопочетъ о выдачѣ мнѣ бія.

8. Понедѣльникъ. Засѣданіе въ комитетѣ общества для бія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Просилъ о аченіи пенсіи дочерямъ Талызина въ 250 рублей, не менѣе. итетъ утвердилъ это.

Кавелина можно опредѣлить слѣдующими словами: это милый, обный, но взбалмошный юноша. Странно, какъ распредѣ-ся природою способности у людей! Кавелинъ, безспорно, ь даровитый человѣкъ, а между тѣмъ въ умѣ его чего-то ватаетъ. Онъ часто судитъ ни здраво, ни точно. Онъ вѣчно кается, но не столько страстностью своей натуры, сколько особностью останавливаться и углубляться въ вещи. Онъ ится, повидимому, тѣмъ, что не отстаетъ отъ времени, а у тѣмъ не замѣчаетъ, что вѣтеръ времени гонитъ его, какъ у, и бросаетъ со стороны въ сторону. Ему непремѣнно ся быть первымъ между, такъ называемыми, передовыми ми людьми—и онъ готовъ шумѣть, скакать, волноваться и вать другихъ, чтобы только его замѣтили. Кавелину, по-многимъ изъ нашихъ передовыхъ людей, кажется, что онъ зается единственно за истину, за право, за свободу—а онъ зается, въ то-же время, и чуть-ли не больше всего, за свою ярность. Мы крайне незрѣлы во многомъ еще — особенно злы характеромъ. Насъ безпрестанно увлекаютъ чужіе при-; намъ мѣшаютъ спать репутаціи героевъ европейской ціи. Мы чувствуемъ въ себѣ потребность служить отечеству; е столько заботимся о томъ, чтобы дѣйствительно для него ибудь сдѣлать, сколько о томъ, чтобы казаться сдѣлавшими. но, что на такія размышленія наводятъ даже люди, подобные лину—богато одаренные природой, но не вырабатывающіе бѣ характера.

0. Среда. Получилъ оффиціальную бумагу отъ министра вольненіи меня въ отпускъ за границу на четыре мѣсяца

для излеченія болѣзни и съ выдачею мнѣ пособія, в
жалованья, вычитаемаго по Главному управленію цензур
университету.

31. Четвергъ. Справлялся на почтѣ о пароходахъ.
саніе рейсовъ еще не сдѣлано — къ 7-му апрѣлю оно
готово.

Апрѣль 3. Воскресенье, день Пасхи. Во всю мою
я, можетъ быть, разъ пять, и то по независящимъ отъ
причинамъ, не присутствовалъ на заутренѣ и обѣднѣ
праздника. Я люблю эту величественную драму-мистерію,
которой служитъ отрадная глубокая идея возрожденія.
торжественность и пышность этой драмы, какими облека
наша церковь, вполнѣ соотвѣтствуютъ значенію идеи. Одн
только часто приводило въ негодованіе: это—небрежнос
какою это богослуженіе большею частью отправляется
шихъ церквахъ. Попы, что называется, отхватываютъ за
и обѣдню, искажая ее торопливымъ безучастнымъ исполн
Присутствующіе за одно съ ними не знаютъ, кажется, ка
ждаться конца. Никто не одушевленъ, не проникнутъ ист
великою поэзіею этого священно-дѣйствія, въ которомъ
изящными символами духъ человѣческій отыскиваетъ и п
ствуетъ свою будущность, затерянную въ бурныхъ тревог
превратностяхъ существующаго порядка вещей.

На этотъ разъ я побоялся ѣхать въ церковь: меня
страшная духота въ ней и выходъ на холодъ, гдѣ, еще
больной, я легко могъ встрѣтиться съ простудой, котора
очень не ладитъ съ идеей жизни, такъ радостно звучащ
словахъ: „Христосъ Воскресе!“ Моя семья отправилась въ п
безъ меня, а я остался дома съ Гебгардтомъ старш
встрѣтилъ праздникъ чтеніемъ въ Евангеліи величественн
стодушнаго повѣствованія о томъ, какъ воскресъ Христос

4. Понедѣльникъ. Нельзя обязывать людей ни к
болѣе того, что мы сами въ состояніи сдѣлать.

Никто не бываетъ совершенъ, даже изъ тѣхъ, которы
буютъ совершенства отъ другихъ.

5. Вторникъ. Былъ кое у кого съ визитами. Вечер
семь часовъ гулялъ пѣшкомъ около часу; время превосх
Весь мартъ былъ довольно хорошъ, а особенно послѣдн

и первые апрѣльскіе залиты сіяніемъ солнца. Тепла отъ 4-хъ °. Я съ трудомъ хожу въ моей шубѣ, которую докторъ не лъ скидывать до вскрытія Невы.

7. Четвергъ. День тихій и теплый. Нева прошла. Вечеромъ, о пяти часовъ, была значительная гроза и дождь.

Я записался въ почтамтѣ на пароходъ „Владиміръ“ въ тинъ на 14-е мая. Итакъ, это рѣшено: отсюда всѣ колеба- и нерѣшимости прочь.

9. Суббота. Мы вздумали перемѣнить 14-е число на 7-е. Я по- лъ и билеты уже только не на „Владиміръ“, а на „Орелъ“. етыре съ половиною мѣста во второмъ разрядѣ и за одно въ ьемъ я заплатилъ 190 рублей 75 копѣекъ.

10. Воскресенье. Отецъ мой обыкновенно говаривалъ при й-нибудь новой неожиданной бѣдѣ: „это для того, чтобы динъ родъ бѣдствій не оставался для меня чуждымъ“. Дѣй- тельно, это была какая-то его привилегія. Я могу сказать е о себѣ, начиная съ прошлаго ноября мѣсяца. Все это я болѣзни, одна тяжелѣе другихъ, не переводились въ моей ѣ. Бремя страданій постоянно перекладывалось въ ней съ хъ плечъ на другія. Разумѣется, глупо говорить тутъ о бѣ или о чемъ-нибудь подобномъ. Все это игра случай- ей, проистекающая изъ нищеты нашей природы и условій и, среди которыхъ она зыблется.

13. Среда. Сегодня въ первый разъ вздохнулъ полегче, моимъ нымъ лучше.

Надо отличать въ людяхъ пороки темперамента отъ поро- , проистекающихъ изъ нашего высокаго мнѣнія о самихъ , отъ пороковъ, порождаемыхъ умственнымъ высокомѣріемъ. и, одержимые первыми, заслуживаютъ сожалѣнія; но вто- невольно возбуждаютъ чувство отвращенія или, скорѣе, рѣнія.

Говорятъ, что энергія всегда совпадаетъ съ самонадѣянностью: свойственно впадать въ преувеличенія. Неужели энергія жна уменьшаться по мѣрѣ того, какъ человѣкъ начинаетъ брѣтать болѣе зрѣлыя и вѣрныя понятія о самомъ себѣ, о ихъ, о мірѣ и объ отношеніяхъ своихъ къ нимъ. Неужели- сила исключаетъ истину? Мнѣ кажется, что это скорѣе не- атокъ человѣческаго образованія, чѣмъ законъ.

14. Четвергъ. Спектакль въ пользу общества для пособ
ждающимся литераторамъ. Игранъ былъ „Ревизоръ". Писе
игралъ городничаго. Пьеса шла неблистательно, но денег
брано много. Всѣ мѣста почти были заняты. Мы, члены ком
распоряжались спектаклемъ, какъ хозяева. Я пробылъ та
11-ти часовъ и возвратился домой не почувствовавъ ни
усталости, несмотря на то, что почти все время пробы
ногахъ.

Спектакль посѣтилъ вел. кн. Константинъ Николае

Тамъ встрѣтился со мной Павловъ и разразился въ
ныхъ жалобахъ на предсѣдателя московской цензуры (М
Щербинина.

16. Суббота. Засѣданіе въ главномъ управленіи це
У меня разбаливаться начала отъ него голова, потому что он
должалось съ 12-ти часовъ до 4-хъ. Важнаго, впрочемъ,
не было. Графъ (А. В.) Адлербергъ пріѣхалъ поздно, но в
нашелъ довольно времени, чтобы напасть съ ожесточеніе
нѣкоторыя фразы изъ читаемыхъ статей. Съ нѣкотораго вр
онъ выражаетъ самыя претительныя мысли...

21. Четвергъ. Вечеромъ у Ребиндера. Тамъ былъ
изъ депутатовъ по крестьянскому дѣлу и С. Первый раз
валъ странныя вещи о графѣ Панинѣ и его дѣяніяхъ по
тету — между прочимъ о томъ, какъ графъ сдѣлалъ рис
для стола, за которымъ должны засѣдать члены, счита
весьма важнымъ дѣломъ. Съ другимъ у меня завязался
о достоинствахъ нѣкотораго лица. С. обыкновенно вдохнов
кѣмъ-нибудь изъ самыхъ ярыхъ либераловъ—въ данную м
К., у котораго занимаетъ деньги и, вѣроятно, потому считае
величайшимъ геніемъ русской земли. Я, однако-жъ, пост
нехорошо, вдаваясь слишкомъ серьезно въ пренія съ челов
которому въ сущности нѣтъ дѣла до настоящаго смысла
ченія вещей.

Надо дѣйствовать такъ, чтобы правительство само по
хорошимъ реформамъ, потому что безъ помощи его мы
жемъ ихъ дѣлать. Но вмѣсто того, мы его дразнимъ —
чего? Для того, что нашему самолюбію пріятно выставлят
единственными виновниками всего хорошаго.

22. Пятница. Экзаменъ IV курса въ университетѣ. Вече-
ъ былъ въ спектаклѣ, который давался въ пользу нашего
ества.

23. Суббота. До сегодняшняго дня погода весь апрѣль
ла прекрасная. Вчера еще было свѣтло, хотя довольно хо-
о, а сегодня мокрый снѣгъ съ дождемъ и всего $3^1/_2^0$ тепла.
Большой раутъ у Егора Петровича Ковалевскаго. Тутъ
нѣсколько министровъ: Горчаковъ, министръ народнаго
свѣщенія, министръ финансовъ, нѣсколько литераторовъ, дамъ
. Дѣлалось, что обыкновенно дѣлается на этихъ вечерахъ—
оваривали, другъ другу кадили, ѣли сласти, пили чай. Я
ратился домой часовъ въ двѣнадцать, пѣшкомъ; Г. довелъ
до Литейной.

Талейранъ говорилъ, что слово дано намъ, чтобы скрывать
и мысли; къ этому можно прибавить, что умъ данъ намъ,
ется, для того, чтобы насъ обманывать.

Я вышелъ изъ рядовъ народа; я плебей съ головы до ногъ,
не допускаю мысли, что хорошо дать народу власть. На
ѣ не можетъ быть ни всеобщаго довольства, ни всеобщаго
зованія, ни всеобщей добродѣтели; изъ многихъ всегда будутъ
ѣляться нѣкоторые съ перевѣсомъ того, чего недостаетъ
имъ. Массѣ никогда не будетъ доставать тѣхъ элементовъ,
рые дѣлаютъ власть справедливою, мудрою, просвѣщенною—
на по необходимости или употребитъ ее во зло, или передастъ
ъ руки одного и такимъ образомъ неизбѣжно приведетъ къ
отизму. Народъ долженъ быть управляемъ, а не управлять.
онъ долженъ имѣть право предъявлять свои нужды, указывать
вительству на пороки и злоупотребленія тѣхъ лицъ, которыя
тавлены для охраненія и исполненія законовъ; но изобрѣтать
ры и постановлять рѣшенія онъ не долженъ: ему для
го недостаетъ ни времени, ни просвѣщенія. Однако изъ этого
се не слѣдуетъ, чтобы я признавалъ первенство за аристо-
тіей: не многіе или нѣкоторые, которые занимаются дѣлами
авленія, должны получать власть по праву избранія, а не
праву привиллегій или какихъ либо другихъ случайностей

. . . . . .

30. Суббота. Взялъ вчера паспорты за границу.

Если вы раздражаетесь, то откажитесь отъ претензій руко-
ить и управлять другими.

Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Жаркія
по поводу статьи (К. К.) Арсеньева о необходимости гл
судопроизводства. Пржецлавскій, разумѣется, былъ п
этой статьи, съ нимъ за одно Берте. Но всѣ прочіе бы
напечатаніе статьи, не исключая *** и Муханова.

Май 1. Воскресенье. Холодъ. Прощальные визиты
Блудову, Княжевичу, Д—ву и Муханову.

2. Понедѣльникъ. Отвратительный холодъ, такъ
раскаивался, что не надѣлъ сегодня шубы. Вотъ пріятный
никъ собирающимся въ путь дорогу, особенно моремъ.
пугаютъ холодомъ, совѣтуютъ взять шубы. По утру, непр
какъ холодъ, экзаменъ въ Римско-Католической ак
Вечеромъ засѣданіе въ Комитетѣ для пособія нуждаю
литераторамъ. Бездна хлопотъ передъ отъѣздомъ.

6. Пятница. Сборы, суматоха и скука. И все это дѣ
безъ довѣрія къ будущему и съ досадою, зачѣмъ дѣлает
предпочелъ бы, напримѣръ, поѣздку въ деревню, что
стоило-бы и денегъ, и времени, и усилій.

Но полно. Мужество состоитъ въ томъ, чтобы уже не
баться, ступивъ на путь. Итакъ—впередъ, по крайней
съ рѣшимостью и свободою духа, если не съ довѣріемъ къ

Между прочимъ, вчера случилась нѣкоторая непрія
изъ мѣшка съ золотомъ, которое приготовлено для дор
разложено въ пачкахъ, мы не досчитываемся пачки съ 20-ю
имперіалами. Есть сильный поводъ подозрѣвать лакея Оси
настоящихъ уликъ нѣтъ, да и некогда дѣлать разысканія
ходится забыть эту потерю, хотя 20-ть полуимперіалов
меня не пустая вещь. Надо утѣшать себя и тѣмъ, что бе
никъ, присвоившій себѣ эту сумму, могъ-бы присвоить и г
больше и посадить меня, какъ говорится, совсѣмъ на мел

А теперь, листки эти ступайте въ портфель до Берли

7. Суббота. Въ часъ мы на Англійской набережной
стились съ провожавшими насъ знакомыми и отправили
Кронштадтъ, гдѣ на рейдѣ пересѣли на пароходъ „Пр
Орелъ“, на которомъ и должны были плыть въ Штеттин
шесть часовъ вечера пароходъ снялся съ якоря и мы пон
по волнамъ Финскаго залива. Погода была прекрасная и
вождала насъ до самаго Штеттина. На другой день, то

оскресенье, я уже могъ любоваться величественнымъ зрѣли-
ъ открытаго безпредѣльнаго моря. Зрѣлище дѣйствительно
чественное—безъ всякаго излишества восторговъ и сенти-
альностей. Море слегка рябило волнами и только подъ
сами парохода оно сердито шумѣло, слегка вздувалось и
ыпалось серебристой пѣной. Вѣтеръ былъ противный, и
му мы шли на парахъ. Иногда онъ, повидимому, перемѣнялъ
равленіе, и тогда тотчасъ ставили паруса. Я съ семействомъ
шею частью сидѣлъ за кормою, гдѣ мы были защищены
вѣтра. Съ нами ѣхалъ И. А. Г***. Вообще общество
ароходѣ было порядочное. Мы не замедлили сблизиться съ
раломъ Шульманомъ и его женой и съ премилою дамою
З. Вилламовою.

Пароходъ хорошо устроенъ. Все на немъ опрятно и поря-
о. Одно только дурно: на него было принято много сверх-
лектныхъ пассажировъ, и оттого въ общей каютѣ стояла
сная тѣснота, особенно во время обѣда и ночью, когда всѣ
хкомплектные собирались сюда. Спать имъ предоставлялось
попало. Иные успѣвали захватить себѣ мѣсто на диванѣ,
льные располагались на полу, чуть не другъ на другѣ. Койки
до одной были заняты. Мнѣ досталась койка внизу, а семья
заняла весь небольшой уголокъ на женской половинѣ.
бходилось и безъ комическихъ сценъ. Одинъ пожилой нѣмецъ
къ не могъ помириться съ своимъ сверхкомплектнымъ поло-
емъ и самымъ безцеремоннымъ образомъ забирался въ первую
у, хозяинъ которой еще не успѣвалъ въ нее улечься. Но
хозяинъ возвращается и, ничего не подозрѣвая, собирается
ть свое ложе, а оно уже занято, и на него оттуда выгля-
етъ чья-то умильно улыбающаяся рожа и чья-то голова
ночномъ колпакѣ привѣтливо ему киваетъ. Нѣтъ возможности
разсмѣяться; онъ такъ и дѣлаетъ. А злополучный сверхком-
тный пассажиръ при первомъ-же требованіи настоящаго
ина койки безпрекословно, съ изысканною любезностью усту-
ъ ему мѣсто и идетъ дальше искать другое, еще незанятое,
е. Повторяется та-же сцена—и такъ въ теченіи всей ночи.
розвалъ этого пассажира кукушкой и съ любопытствомъ
дилъ за невозмутимо-добродушнымъ упорствомъ, съ какимъ
посягалъ на чужія мѣста и которое не измѣнило ему до
го Штеттина.

Обѣдъ подавался въ три часа и очень хорошій.

Первыя мѣста отличались отъ нашихъ вторыхъ пре устроенною галлереею на палубѣ, куда сходились обѣдат сажиры обоихъ классовъ. Сперва тѣснота нашихъ каютъ и висящія по сторонамъ какъ птичьи гнѣзда, сдѣлали на непріятное впечатлѣніе, но я скоро къ этому привыкъ.

Въ понедѣльникъ къ вечеру, когда мы поравнял островомъ Гохландомъ, начало покачивать. Многихъ изт и мужчинъ также немедленно укачало. Но мы храбро дер Я не испытывалъ ни малѣйшаго непріятнаго ощущені противъ, былъ бодръ, веселъ и такъ здоровъ, какъ уж себя не чувствовалъ. Ночь съ понедѣльника я почти вс велъ на палубѣ, гдѣ трудно было ходить отъ качки.

Въ шесть часовъ утра, во вторникъ, мы были уже въ мюндѣ, а въ девять и въ Штеттинѣ. Въ Свинемюндѣ на пароходѣ осматривали таможенные—весьма учтиво и без дирокъ. Мы объявили, что веземъ съ собой нѣсколько ф чаю, за что и заплатили ничтожную пошлину. Въ Шт мы пробыли до двухъ часовъ, а въ четыре пріѣхали въ Б

Дорога отъ Штеттина до Берлина по однообразной р но мимо часто мелькаютъ опрятныя деревушки. Переѣзд Помераніи въ Бранденбургію замѣтенъ тѣмъ, что мѣ вдругъ становится скучнѣе, песчанѣе и лѣсистѣе.

13. Пятница. Ѣздили съ А. В. Вилламовою и Ф. Г. маномъ въ Потсдамъ, гдѣ вторично осматривали то, что уже въ 1857 году. Въ Сансуси на этотъ разъ успѣли заглянуть, а во дворцѣ совсѣмъ не были, потому что живетъ сумасшедшій король.

15. Воскресенье. Поутру былъ у Фрерикса, знам берлинскаго доктора. Онъ прочиталъ исторію моей б изложенную Вальцемъ, изслѣдовалъ меня самъ, потомъ с что болѣзнь моя разстройство нервной системы и печени. отлично меня пользовалъ, и онъ, Фрериксъ, рѣшительно не имѣетъ прибавить, а совѣтуетъ, какъ и Вальцъ, ѣхать въ Киссингенъ, потомъ отдыхать въ Альпійскихъ и въ заключеніе купаться въ морѣ.

Вечеромъ—прогулка въ Шарлотенбургъ. Длинная ал хорошенькими домиками въ Тиргартенѣ привела насъ къ

мы немного погуляли въ саду. Былъ сильный холодъ съ емъ.

6. Понедѣльникъ. Въ семь часовъ утра оставили Берлинъ двѣнадцать прибыли въ Дрезденъ. Остановились въ отелѣ нкфуртъ", рекомендованномъ намъ Г., который уже тутъ насъ дался. Отель не роскошный, но хозяинъ очень усердный и жливый. Придется остаться тутъ, пока пріищемъ квартиру дѣтей.

7. Вторникъ. Погода ужасная. Безпрерывный дождь, съ мъ холоднымъ, пронзительнымъ вѣтромъ, какой и въ Петерѣ рѣдко бываетъ въ маѣ.

9. Четвергъ. Ѣздили въ Пильницъ къ госпожѣ Б., чтобы вѣтоваться съ нею насчетъ пребыванія моей семьи въ Дрезна время моей поѣздки въ Киссингенъ и въ Швейцарію. ѣхали мы по правому берегу Эльбы, среди богатыхъ нивъ, ь почти непрерывный рядъ деревенекъ, а оттуда возвращалѣвымъ подгорнымъ берегомъ. Что за прелестныя мѣста— , парки, рощи, скаты горъ, деревеньки, дачи! Путь нашъ чился. Шиллеровою улицею съ великолѣпною каштановою ею, врѣзывающеюся въ самый городъ. Посреди улицы статуя ллера, противъ того домика, гдѣ онъ жилъ со своимъ друВернеромъ. Тутъ былъ и центръ торжества, происходивъ прошломъ году въ честь Шиллера.

2. Воскресенье. Дни проводимъ въ пріисканіи квартиры прогулкахъ по городу съ Г., который одержимъ неистовою стью бродить по городу и покупать въ магазинахъ разныя жныя вещи. Мы перепробовали съ нимъ сигары почти во ъ здѣшнихъ лучшихъ сигарныхъ магазинахъ.

Чаще всего бываемъ мы на Брюлевской террасѣ.

На-дняхъ ходили и въ галлерею, гдѣ я снова наслаждался оцаніемъ Сикстинской Мадонны.

Сегодня ѣздили за-городъ въ Вальдшлёсхенъ. Чудесные ! Вездѣ, по случаю праздничнаго дня, толпы гуляющаго и хающаго народа, но все чинно, прилично.

3. Понедѣльникъ. Прогулка въ Тарантъ со всей семьей Г. въ коляскѣ. Отъ самаго Дрездена начинается рядъ деень и непрерывно тянется до самаго Таранта. Мѣстность, ва лишь слегка холмистая, вдругъ принимаетъ видъ горнаго

ущелья, напоминающаго виды Саксонской Швейцаріи. Тарантъ прижатъ въ углу къ горамъ. Тутъ-же утесъ, на ромъ съ одной стороны расположена церковь, а съ друго вышаются развалины какого-то стариннаго зданія—все э но-прекрасно! Рѣзвый потокъ огибаетъ съ одной сторон локъ, гдѣ пріютилась гостинница, и образуетъ изъ него м кій полуостровъ. Уголокъ этотъ такъ свѣжъ, уютенъ и что невольно призываетъ въ немъ отдохнуть. Такъ мы и сд спросили земляники, молока. Къ обѣду вернулись въ Др

Недаромъ всѣ путешественники твердятъ о Тарантѣ и имъ любоваться: это одна изъ пріятнѣйшихъ прогуло окрестностяхъ Дрездена. Я, къ сожалѣнію, мало могъ н даться, такъ какъ весь день очень дурно себя чувствовал

Видѣлся съ докторомъ Вальтеромъ—здѣшнимъ медици свѣтиломъ. Главная цѣль моего настоящаго свиданія с было совѣщаніе о здоровьѣ дѣтей, которыхъ здѣсь оставля намѣреніе поселить ихъ въ Пильницѣ Вальтеръ не одо говоря, что Эльба тамъ не такъ удобна для купанья, к Дрезденѣ, пониже или немного повыше моста. Обо м повторилъ то-же, что говорили Фрериксъ и Вальцъ.

26. Четвергъ. Переѣхали на квартиру, которую нан Прагеръ-штрассе для дѣтей на время моего отсутствія из дена. Квартира очень миленькая, на концѣ новой улицы, положена такъ, что находится недалеко отъ центра горо въ то-же время, стоитъ только завернуть за уголъ налѣв выходишь въ поле и въ двадцать минутъ ходьбы дост Гросгартена. Въ квартирѣ три чистенькія свѣтлыя комна нижнемъ этажѣ (по здѣшнему партеръ), кухня, сади мебель, бѣлье столовое и на четыре постели, вся посуда зяйскіе, и за это 25 талеровъ въ мѣсяцъ. Домъ № 16.

31. Вторникъ. Выѣхалъ въ Киссингенъ вмѣстѣ съ Г. ѣхалъ съ нами до Плауена, откуда направился въ Марі

Іюнь 1. Среда. Черезъ Лейпцигъ и Гофъ доѣхали желѣзной дорогѣ до Швейнфурта; оттуда въ мальпостѣ жали путь до Киссингена. Дорога пролегаетъ по живо мѣстности. Въ Киссингенъ мы пріѣхали въ семь часовъ и остановились въ отелѣ Сотье.

7. Вторникъ. Киссингенъ прелестное мѣстечко.

слѣ обѣда ѣздили вмѣстѣ съ Шульманами въ Боклетъ, на раз-
ояніи часа ѣзды отсюда. Тамъ тоже минеральный источникъ,
другаго свойства. Мѣсто это очень живописно, хотя усту-
етъ Киссингену. А посѣщается оно куда меньше послѣдняго:
настоящее время въ немъ пребываютъ и пользуются водами
его семнадцать человѣкъ. Мы погуляли тамъ съ часъ, а на
звратномъ пути насъ застигъ дождь.

Поутру былъ у меня графъ А—нъ и принесъ мнѣ по-
ѣдній нумеръ „Колокола“. Въ этомъ нумерѣ мало остроумія и
авда сильно перемѣшана съ ложью.

8 (20). Среда. Передъ обѣдомъ сдѣлали сегодня прелестнѣй-
ю прогулку къ развалинамъ замка Боденлаубе, на высокой
ѣ, вправо отъ Киссенгена. Туда ведетъ дорожка, довольно
логая, по здѣшнему обыкновенію обсаженная грушами и ябло-
ми; на ней мѣстами встрѣчаются скамейки, такъ что можно
ъ малѣйшаго утомленія добраться до вершины горы. У по-
пвы втораго выступа ея стоитъ опрятный домикъ съ сади-
мъ—это ресторанъ. Обогнувъ его и миновавъ этотъ выступъ,
скоро взошли на самую вершину горы, гдѣ нѣкогда, гово-
тъ, красовался величественный замокъ. Но теперь тутъ тор-
тъ только грубые каменные обломки, по виду которыхъ трудно
редѣлить ихъ первоначальное назначеніе. Но виды отсюда оча-
зательны. Всѣ противоположныя высоты тутъ передъ вами,
къ на ладони, и между ними чистенькій миловидный Киссин-
ъ лежитъ весь на показъ, точно въ корзинѣ зелени и цвѣ-
въ. Взоръ далеко обнимаетъ безпредѣльный горизонтъ, испещ-
ный холмами, лѣсами, богатыми нивами, виноградниками. Все
ось прекрасно; все производитъ впечатлѣніе довольства и благо-
тоянія.

День, хотя сѣренькій, но теплый и безъ дождя.

12 (24). Воскресенье. Послѣ обѣда гуляли на ближайшей
ѣ, гдѣ въ настоящее время на самой вершинѣ, рядомъ съ
арскимъ, развѣвается виртембергскій флагъ, въ честь коро-
ы виртембергской, которая теперь въ Киссингенѣ. Вся эта
вышенность не иное что, какъ прекрасный паркъ, съ отло-
ми извилистыми дорожками, бесѣдками и скамьями для отдыха
яющихъ. Со всѣхъ сторонъ очаровательные виды. Мы обошли
гору, останавливаясь для отдыха на лучшихъ мѣстахъ и

любуясь живописною мѣстностью и прелестнымъ вечером
семь часовъ мы спустились въ кургаузъ, гдѣ еще послу
хорошей музыки. Тутъ было очень тѣсно. Наѣхало много н
лицъ. Вообще здѣсь замѣтенъ постоянный приливъ и отлив
Они быстро смѣняются, какъ въ пестромъ калейдоскопѣ. М
прочимъ, познакомился съ очень интереснымъ лицомъ, ст
шимъ нашимъ посланникомъ въ Константинополѣ, Бутене
13 (25). Понедѣльникъ. Послѣ обѣда отправились к
валинамъ замка Боденлаубе. Было еще довольно жарко,
съ нѣкоторымъ трудомъ, два раза отдыхая, добрались до
рана у подошвы скалы съ развалинами. Здѣсь мы отдохн
отправились обратно по гребню сосѣдней горы къ такъ
ваемой Голгоѳѣ. Съ этого гребня весь Киссингенъ—долин
которой извивается шаловливая Саала; каштановая ал
группы деревьевъ, среди которыхъ она мелькаетъ, окре
горы, покрытыя лѣсомъ съ разными оттѣнками зелени—в
составляетъ великолѣпный ландшафтъ, обнимаемый однимъ
домъ. Мы углубились въ небольшой сосновый лѣсокъ и
представились: налѣво—небольшая часовня, а направо—в
пьедесталъ съ распятіемъ и скульптурными изображеніями
присутствовавшихъ при послѣднихъ страданіяхъ и ко
Христа. Отсюда дорожка ведетъ внизъ по крутому скату,
одной стороны ея, въ равномъ другъ отъ друга разстояні
менныя ниши съ скульптурными изображеніями разныхъ м
товъ скорбнаго пути Іисуса. Надо сказать правду, изобра
эти такъ грубо исполнены, что производятъ очень непр
впечатлѣніе. Но вотъ и конецъ лѣсу, и послѣдній спускъ
лину, къ дорогѣ, ведущей въ какую-то деревеньку. Что з
хитительный сельскій видъ открывается здѣсь на поля и
тистыя нивы, съ обѣщаніями богатѣйшей жатвы. Надъ п
тамъ и сямъ взвивались жаворонки и наполняли воздух
умолкаемымъ пѣніемъ, а иногда слышался и крикъ моего
ляка перепела. Я присѣлъ на камень и долго любовался
мирною прекрасною картиною, стараясь, однако, обѣгать вз
грубыя изображенія Христовыхъ страстей.

15 (27). Среда. Читалъ русскія газеты. Мало хоро
Плутовство и безтолковость нашихъ акціонерныхъ обш
пустота дачныхъ увеселеній и т. д.

Письма изъ Дрездена: слава Богу, тамъ все благополучно. урныя вѣсти оттуда-же отъ Ребиндера. Жена его быстрыми ми идетъ къ могилѣ. Уже послали за священникомъ въ инъ. Жаль мнѣ бѣднаго Ребиндера! Зло предвидѣно давно, но ничѣмъ не лучше неожиданнаго. Это только другая ва- я на ту-же тему.

6 (28). Четвергъ. Вечеромъ, часовъ около девяти, иллю- дія кургауза и фейерверкъ по случаю завтрашнихъ именинъ евы виртембергской (Паулины), которая пользуется здѣш- водами. Иллюминація при тихомъ и хорошемъ вечерѣ была на, а фейерверкъ даже очень хорошъ.

7 (29). Пятница. Все утро провелъ съ графомъ А— ъ, съ которымъ мы какъ-то сошлись и часто бываемъ ѣ. Онъ уменъ, но, по обыкновенію нашихъ аристократовъ, легко образованъ, на что и самъ сильно жалуется и роп- . У него было три гувернера одинъ за другимъ, два фран- и послѣдній нѣмецъ. Отъ нихъ онъ научился курить, воло- я за женщинами; они не передали ему даже грамматиче- знанія своихъ языковъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ Паже- корпусъ, гдѣ тоже не многому научился. Теперь онъ ста- я пополнить недостатки своего образованія основательнымъ емъ; читаетъ много и серьезныя вещи, но чувствуетъ, что нимъ нѣтъ твердой почвы. Жаль! Въ этомъ человѣкѣ много нтовъ, изъ которыхъ могло-бы образоваться что-нибудь хорошее. Умъ его наклоненъ къ серьезному, дѣльному, но едостаетъ твердыхъ опоръ. Въ немъ много стремленій къ родной, широкой дѣятельности. Но за что и какъ при- я?—онъ не знаетъ. Его взглядъ на самого себя и на совре- е поколѣніе довольно вѣренъ, хотя неутѣшителенъ.

ечеромъ былъ, по обыкновенію, въ кургаузѣ. Завелъ нѣ- ко новыхъ знакомствъ, и въ томъ числѣ съ вице-прези- мъ с.-петербургской медицинской академіи, Иваномъ Тимо- чемъ Глѣбовымъ. Все время шелъ дождь. Но показались адуги и одна такая великолѣпная, какую я рѣдко видѣлъ. го любовался ею на лугу за Саалою, прикрывшись зон- ъ. Но холодный сѣверный вѣтеръ, родной сынъ, если не , нашего петербургскаго, прогналъ меня домой.

8 (30). Суббота. Въ кургаузѣ видѣлъ замѣчательно не-

пріятную физіономію: она принадлежитъ герцогу Гессен
сельскому, извѣстному нѣмецкому реакціонеру. На ли
такъ и отпечатаны надутое высокомѣріе, тупость и злост
него рѣшительно пахнетъ Неаполемъ, Бурбонами и пытк

Іюнь 25 (іюль 7). Суббота. Ѣздили къ развалинамъ
Тримбергъ, на разстояніе часа съ четвертью ѣзды отъ К
гена. Развалины замка очень живописны, но еще живо
долина, разстилающаяся у подошвы горъ, на одной изъ ко
былъ построенъ замокъ. Мы исходили всѣ углы развали

Вѣрующая простота невѣжества въ неизбѣжныхъ ск
находитъ свои утѣшенія. Высшій умъ, можетъ быть н
основанія отрицая ихъ, неужели-же такъ и осужденъ не
ихъ? Нѣтъ, для него также должны быть свои вѣрован
тому что его логика оказывается безсильною, а нельзя-же
онъ оставался безъ всего въ самыхъ тяжкихъ обстоятель
оставался съ однимъ мрачнымъ, безвыходнымъ отрицаніе
тому что, въ концѣ концовъ, и онъ-же что-нибудь значи
если эти вѣрованія не болѣе, какъ инстинкты нашей ра
природы, то слѣдуетъ предаться и имъ. Инстинкты, какъ
женіе самого закона и силы вещей, благонадежнѣе и жиз
нашихъ умозаключеній.

Іюль 6 (18). Среда. Собираемся ѣхать изъ Киссинге
шелъ поутру въ кургаузъ. Толпа новыхъ лицъ. Новое по
ищущихъ исцѣленія смѣнило старое. По прежнему доктор
подъ деревьями, исповѣдуютъ подходящихъ къ нимъ по с
своихъ паціентовъ; по прежнему толпятся сотни людей
источниковъ Ракоци и Пандура, протягивая руки къ ста
съ цѣлебною влагою; по прежнему гремитъ музыка, какъ
въ знакъ веселья, а въ сущности—это чистая ложь, пото
каждому тутъ не до веселья. Я встрѣтилъ нѣкоторыхъ
мыхъ; по прежнему тѣ-же разговоры, какъ проведена
сколько кто принялъ ваннъ и сколько еще остается при
т. д. По прежнему въ аллеяхъ мелькаютъ женщины въ
ятныхъ кринолинахъ. Тщетно думаете вы уловить на ихъ
черту дѣйствительной граціи, прелести: это бо́льшею част
изнуренныя страданіями лица, или съ поддѣльнымъ ц
молодости и красоты. Все ложь. Мнѣ стало досадно и гр
Я поспѣшилъ въ поле и вышелъ на Голгоѳскую дорогу.

прекрасное, истинно прекрасное! Нивы покрыты богатою
ою; яблони, груши и вишневыя деревья обременены пло-
вездѣ пестрѣютъ цвѣты, жужжатъ насѣкомыя, перекли-
ся птички, раздается звонкая пѣснь жаворонка. Крестьянка
ъ въ корзинѣ сочную траву; волы тянутъ высоко нагру-
ый сѣномъ возъ — все здѣсь говоритъ о вѣчной гармоніи
оды, о невозмутимой радости, довольствѣ, о благопоспѣш-
, благородномъ трудѣ. Воздухъ тепелъ и чистъ; на горизонтѣ
ъ тучки, обѣщая дождь, который еще больше все оживо-
тъ...

отъ я и уѣзжаю изъ Киссингена, а о возстановленіи здо-
еще и помину нѣтъ. Хочу еще остановиться въ Вюрц-
и, по совѣту И. Т. Глѣбова, повидаться съ знаменитымъ
шнимъ врачемъ Бамбергомъ.

ъ Киссингенѣ мы наняли коляску за семь гульденовъ и въ
доѣхали до Швейнфурта къ двумъ часамъ, выѣхавъ въ один-
ать. Дорога пріятная. День теплый, хотя съ маленькимъ
емъ.

зъ Швейнфурта до Вюрцбурга всего часъ ѣзды. Останови-
въ отелѣ „Кронпринцъ". Вечеромъ видѣлся съ Бамбергомъ.
туетъ ѣхать не къ морю, купанье въ которомъ онъ пола-
для меня слишкомъ сильнымъ, а въ Ишль, и принимать
рѣчныя ванны—салины. Онъ привелъ меня въ колебаніе,
по зрѣломъ размышленіи, въ заключеніе рѣшился не из-
ть первоначальному плану.

здили въ коляскѣ по городу. Онъ тѣсенъ, съ узкими ули-
и очень населенъ. Статуи на мосту, исправительное заве-
для женщинъ, госпиталь, дворецъ съ садомъ, въ которомъ
рошлись нѣсколько съ попавшимся намъ однимъ русскимъ.

(19). Четвергъ. Въ половинѣ десятаго выѣхали изъ Вюрц-
, а въ два часа были во Франкфуртѣ. Остановились въ
„Англетеръ".

(20). Пятница. Сегодня ѣздилъ въ Соденъ. Встрѣтился
съ Ш. и съ милымъ С. Съ послѣднимъ мы горячо обня-
День проведенъ въ прогулкахъ по полямъ и рощамъ
а. Жена С. очень милая, молоденькая женщина и отлич-
музыкантша. Живутъ они въ хорошенькомъ, уютномъ
кѣ.

9 (21). Суббота. Ночь провели въ Соденѣ, а утром простившись съ Ш. и С., въ дилижансѣ уѣхали на с желѣзной дороги. С. особенно горячо встрѣтилъ и про меня, и я душою отдохнулъ въ бесѣдѣ съ нимъ.

Возвратясь во Франкфуртъ, мы вечеромъ посѣтили еще гическій садъ, гдѣ было гулянье съ весьма порядочною в музыкою. Садъ очень хорошъ, хотя не великъ. Большое со птицъ, между которыми особенно замѣчательны водяныя тропическихъ странъ; четыре прекрасныхъ страуса; мног хотныхъ премиленькихъ пичужекъ. Прекрасенъ видъ съ т на окрестности города. Гуляющихъ много; но все просто лично, хотя и оживленно. Мы пробыли тамъ до восьми Заплатили за входъ по флорину.

Но среди всего этого меня не покидаетъ тоскливое ра женіе духа. Грустное воспоминаніе о дѣтяхъ, почти до и горячее желаніе увидѣть ихъ. Опять раздумье: ѣхать Швейцарію и не лучше-ли возвратиться въ Дрезденъ? Со великъ и будь я здѣсь теперь одинъ, сейчасъ-бы махнул Въ расположеніи духа, въ какомъ я нахожусь, какую з тельность для меня будетъ имѣть Швейцарія и какая польза для здоровья?

10 (22). Воскресенье. Осматривали городъ, заѣзж синагогу: это новое великолѣпное зданіе. Завернули въ г Іуденштрассе, этотъ остатокъ средневѣковыхъ жилищъ ев

Около шести часовъ выѣхали изъ Франкфурта по н Швейцарію.

12 (24). Вторникъ. Миновавъ Дармштадтъ, живо Гейдельбергъ и патріархальный Оффенбахъ, сегодня приб Базель.

Мѣстность до Гейдельберга непривлекательна, особенно Дармштадта. Растительность какая-то хилая. Но отъ Г берга начинаются живописныя мѣста: кудрявыя Шварцва горы, а внизу долина, простирающаяся далеко до Рейна и него. Растительность роскошная, сочная, особенно не д Аненвейера.

Въ Базелѣ остановились въ „Отель дю-Соважъ“, котор брали по совѣту печатнаго листка. Оказался плохимъ и дор Все плохо: комната, обѣдъ, услуга.

Вообще, надо правду сказать, что въ большихъ городахъ опы часто поступаютъ съ путешественниками не очень-то росовѣстно. Въ отеляхъ часто берутъ за все въ три-дорога, зда, прикрывая это вѣжливыми словами и улыбками. Вездѣ лядываетъ сухой эгоизмъ и жадность къ прибыли.

Вообще честность строго соблюдается между согражданами, ней не думаютъ въ сношеніяхъ съ иностранцами. Это объ-ется очень просто. Тутъ каждый боится закона и обществен- мнѣнія — этихъ двухъ великихъ могуществъ въ западной лизаціи. Худо тому, кто въ своемъ городѣ или селѣ изо-итъ себя въ недобросовѣстности: противъ него возстанетъ масса. Но за чужеземца не стоитъ ни сила общественнаго нія, ни сила закона: его можно обмануть, а пожалуй и ѣснить безнаказанно. Значитъ, уваженіе къ правамъ дру-, честность, столь восхваляемыя въ Европѣ, особенно въ ганіи, происходятъ вовсе не отъ той высокой гуманности, рую въ ней видятъ наши ультра-западники, а единственно утвердившихся взаимныхъ отношеній другъ къ другу. Конечно, хорошо, потому что членамъ такого общества обезпечивается асность. Но той цивилизаціи, гдѣ человѣкъ и все ему адлежащее уважалось-бы единственно по чувству человѣчно- Европа еще не достигла.

Осматривали городъ. Старинный соборъ съ остатками сред-ковой древности; зала, гдѣ нѣкогда засѣдала духовная кон-ація. За соборомъ съ террасы прекраснѣйшій видъ на Рейнъ. Въ этихъ старинныхъ городахъ чувствуешь себя придавлен-ь и погребеннымъ въ громадахъ камней: такъ тѣсны улицы лошны зданія.

3 (25). Среда. Въ половинѣ перваго мы были на дебаркадерѣ ути въ Бернъ. Здѣшній вокзалъ рѣшительно похожъ на й. Многочисленная толпа тѣснилась въ немъ и ждала звонка тъѣзду въ невыносимой духотѣ. Наконецъ, двери отворились ѣ побѣжали, сломя голову, занимать мѣста въ вагонахъ, ко-е оказались гораздо хуже нѣмецкихъ. Вообще Швейцарія, тношеніи удобствъ и порядка на желѣзныхъ дорогахъ, да-уступаетъ Германіи.

Бернъ проѣхали, остановясь въ немъ всего на нѣсколько утъ. Въ Тунъ прибыли около трехъ часовъ. Изъ Туна на

пароходѣ, по Тунскому озеру, плыли часъ до Интерлакена. Озеро со своими зелеными водами, обрамленное громадными горами, великолѣпно. Въ Интерлакенѣ взяли коляску и пріѣхали въ отель Обера. Намъ отвели премиленькую комнатку, въ хорошенькомъ настоящемъ швейцарскомъ шале, по сосѣдству съ главнымъ зданіемъ отеля, который въ настоящую минуту переполненъ. Прямо передъ моими окнами покрытая снѣгами Юнгфрау, а по сосѣдству съ ней, налѣво—Шейнъ-Блате. Немножко правѣе изъ-за зелени выглядываетъ прелестный домикъ, гдѣ пьютъ сыворотку.

14 (26). Четвергъ. Поутру всталъ очень рано; гулялъ около своего жилища, любуясь величественною Юнгфрау, блиставшею своими снѣгами въ сіяніи утренняго солнца, а на ребрахъ Шейнъ-Блате ходили облака. Нѣсколько позже мы поднялись на сосѣднюю вышину и сѣли отдохнуть возлѣ одного голландца, рисовавшаго виды горъ, и съ нимъ немного побесѣдовали. Пошелъ прелестный тихій, теплый дождикъ, который скоро прошелъ. Мы усѣлись на платформѣ, откуда чудесный видъ на озеро и на деревню Интерлакенъ. Нѣсколько дѣвочекъ предлагали намъ купить у нихъ разныя деревянныя вещицы, но мы попросили ихъ пѣть. Онѣ спѣли намъ премиленькую швейцарскую пѣснь, за что были награждены нѣсколькими мелкими монетами. Мы не замѣтили, какъ подкралась новая туча и разразилась сильнѣйшимъ дождемъ съ грозой. Одинъ ударъ грома былъ особенно силенъ, и величественнымъ грохотомъ прокатился по горамъ. Мы съ грѣхомъ пополамъ пріютились въ какомъ-то пустомъ зданіи, думая переждать дождикъ, долго ждали и все-таки вернулись домой подъ ливнемъ, мокрые и усталые.

18. (30). Понедѣльникъ. Невыносимая погода. Небо, какъ въ Петербургѣ, точно завѣшано тряпками; холодно; мелкій дождь сѣетъ, какъ сквозь сито, сѣетъ, чтобы вырастить грязь. Горы приняли мрачный, суровый видъ и закутались въ дымчатыя и бѣловатыя облака. Юнгфрау на минуту обнажила свои передніе бѣлоснѣжные члены, и опять, какъ будто застыдясь, прикрыла ихъ непроницаемымъ облакомъ. Наслаждайся тутъ какъ хочешь Швейцаріей!

19 (31). Вторникъ. Дождь продолжаетъ лить ливнемъ, холодъ. Альпъ—какъ не бывало за облаками. Точно со всего

свѣта сбѣжались сюда тучи, чтобы вылить цѣлое море воды на бѣдный Интерлакенъ. Въ Петербургѣ не бываетъ скверпѣе этого. Двѣ добрыя старушки англичанки, встрѣчающіяся съ нами въ общей залѣ за чаемъ и обѣдомъ, пріѣхавшія сюда, чтобы вздохнуть свободно и отдохнуть отъ лондонскаго дыма,—чуть не плачутъ съ горя.

Подъ вечеръ дождь немного укротился; стало тихо и не такъ холодно. Мы вышли на дорогу, которая ведетъ въ домикъ, гдѣ пьютъ сыворотку. Вдали, на противоположной сторонѣ, мелькали огоньки въ домахъ, а въ долинѣ звучали колокола коровъ. Вдругъ на скатѣ одной изъ горъ вспыхнулъ яркій огонь. Это зажгли костеръ въ честь конституціи Швейцарскаго союза, годовщина которой празднуется перваго августа. Вслѣдъ за первымъ, по ту сторону горы засверкалъ другой такой-же огонь—и только, на этотъ разъ. Обыкновенно въ этотъ день костры зажигаются въ большомъ количествѣ на разныхъ высотахъ, и это должно производить великолѣпный эффектъ, но въ настоящемъ году дурная погода помѣшала торжеству.

20 іюля (1 авг.). Среда. Хорошее утро. Солнце льетъ свой свѣтъ на Юнгфрау, и она блеститъ радостно въ своихъ снѣжныхъ одеждахъ, какъ невѣста, приготовляющаяся къ вѣнцу.

Подъ вечеръ сдѣлали прогулку на гору, сосѣднюю съ Юнгфрау. Дорога, опоясывающая эту гору, широка, удобна, и съ нея во многихъ пунктахъ открываются восхитительные виды. Особенно хороша отсюда Юнгфрау. По направленію къ ней идетъ узкое, невообразимо грозное ущелье, которое вдругъ расползается въ прелестную зеленую долину съ группою домиковъ, и она кажется улыбкою на лицѣ гиганта. На заднемъ планѣ масса снѣжныхъ вершинъ. Намъ повстрѣчалось нѣсколько англичанъ, которые обмѣнялись съ нами вѣжливыми поклонами. Вечеръ былъ тихій и теплый. Порывался идти дождь, но останавливался, не рѣшаясь нарушать прелести настоящей минуты. Еще мгновеніе, и дальнія вершины вспыхнули послѣднимъ сіяніемъ потухающаго дня. Одна цѣпь горъ противъ заходящаго солнца особенно была прекрасна. Она горѣла фіолетовымъ огнемъ съ самыми разнообразными оттѣнками, которые, постепенно погасая, наконецъ слились въ одну синеву надвигающейся ночи. Внизу замелькали огоньки.

21 іюля (2 авг.). Народонаселеніе въ Интерлакенѣ, повид
не пользуется избыткомъ и довольствомъ. Бѣдность повсюд
сается въ глаза. Жилище ихъ—хижины, столь живописн
картинахъ и въ декораціяхъ, въ дѣйствительности имѣю
чальный видъ. Лица взрослыхъ изнурены, а у дѣтей почт
съ какимъ-то идіотскимъ выраженіемъ. Одежда мужчинъ
щинъ состоитъ большею частью изъ тряпья въ заплатахъ
цирюльникъ, который приходитъ меня брить, и говорит
это здѣсь такая мода, но это всегдашняя мода нищеты. В
сколько привлекательнаго здѣсь въ природѣ, столько, напр
оскорбительнаго для взгляда и чувства въ массѣ жителей
лянъ. Что-то тупое, грубое и жалкое на лицахъ больш
изъ нихъ.

22 іюля (3 авг.). Пятница. Здѣсь завязался процессъ
содержателемъ отеля Фишеромъ и квартировавшими у
тремя русскими—Веревкинымъ и братьями Губаревыми.
Фишеръ кормилъ ихъ отвратительно и за все дралъ непом
цѣны; напримѣръ, онъ взялъ съ нихъ шесть франковъ за
носку ихъ вещей отъ него къ Оберу, что составляетъ п
сты. Когда-же они замѣтили ему о несообразности всего
онъ отвѣчалъ имъ очень грубо и, между прочимъ, сказал
„безчестно могутъ поступать только русскіе“. За эти-т
ственно слова и начался процессъ. Наши молодые люди пр
жалобу въ судъ и взяли адвоката.

Вчера было первое засѣданіе суда по этому дѣлу. Ф
долженъ былъ сознаться во всемъ, въ чемъ его обвиняли
долго отпирался и увертывался мошеннически. Я познако
съ этими молодыми людьми, которые занимаютъ тепе
отелѣ Обера сосѣднія со мною комнаты: они вполнѣ поряд
люди.

23 іюля (4 авг.). Суббота. Опять дождь; опять горы
шенно скрылись въ облакахъ. Одно утѣшеніе остается—
равнодушіе къ этимъ гадостямъ природы, такъ-же, какъ
человѣческимъ.

Но вѣдь природа, какъ прямое несомнѣнное бытіе,
истина, всегда изящна, съ какой-бы то ни было стороны
какомъ-бы то ни было отношеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, не глупо-ли хмуриться, какъ это не

что день не прекрасенъ, что Альпы потонули въ облакахъ
го дождь льетъ, какъ будто ему не было начала и не будетъ
да?

Развѣ для того эти величественныя Альпы возносятъ къ небу
снѣжныя вершины и у подножія ихъ растилается богатая
тительность; для того атмосфера наполняется разными испа-
ями; для того бѣлая грудь Юнгфрау, то сверкаетъ въ яр-
ъ лучахъ утренняго солнца, то прячется въ облакахъ,—развѣ
и всѣ другія безчисленныя чудеса и измѣненія природы
аются для того, чтобы человѣкъ находилъ это для себя
тнымъ, хорошимъ и удобнымъ? Да и самъ онъ развѣ для
существуетъ, чтобы существованіе свое находить счастли-
ъ? Вѣчная дѣятельность силъ, не знающихъ иной цѣли, какъ
ствовать; вѣчная производительность, смѣняющая одни явле-
другими по однимъ и тѣмъ-же законамъ, но въ безконечно
нообразномъ измѣненіи оттѣнковъ, степеней, частностей —
то, чему быть должно и что влечетъ за собою человѣка
разимымъ могуществомъ и погружаетъ его въ волны, гдѣ
немного поплескавшись и побарахтавшись, въ силу того-же
бщаго великаго процесса жизни, исчезаетъ навсегда, какъ
я дождя, какъ атомъ паровъ.

А ты хмуришься, негодуешь: зачѣмъ дурна погода? Зачѣмъ
ъ дождь? Зачѣмъ Альпы прячутся отъ тебя за тучами? Не
женъ-ли ты, напротивъ, какъ мыслящее существо, принимать
за выполненіе всеобщаго закона, за необходимость, за цѣпь
ній, въ которой и ты служишь маленькимъ звеномъ?

Ужасно трудно человѣческому эгоизму примириться съ тѣмъ,
не служитъ прямо къ его выгодамъ и удовольствіямъ. А
ду тѣмъ, онъ долженъ-же убѣдиться, что ничто такъ мало
ходило и не входитъ въ планъ всеобщаго порядка вещей,
ъ его выгоды и удовольствія.

Процессъ нашихъ русскихъ съ мошенникомъ трактирщикомъ
енъ не въ ихъ пользу. Они подали на аппеляцію въ берн-
судъ.

24 іюля (5 авг.). Воскресенье. Долго любовался сегодня съ
аго Рюгена чудною Юнгфрау, которая блеститъ по празднич-
у. Всѣ путешественники за нею волочатся. Обрадовавшись
ерыву въ дурной погодѣ, они гурьбою высыпали на нее
трѣть.

Поразительная противоположность: глубокая зима в
шинѣ Юнгфрау, а по бокамъ ея и по скатамъ другихъ
роскошная лѣтняя зелень. Снѣга почти врѣзываются въ

Послѣ полудня мы отправились въ Лаутербруненъ, вм
В. П. Валуа, Н. А. Добролюбовымъ (сотрудникъ „Со
ника“) и еще однимъ русскимъ гвардейскимъ офицеромъ.
ведетъ въ ущелье между Абенбергомъ и Брейтлау къ Ю
которая изъ моего окна кажется на разстояніи всего
верстъ—не болѣе. На самомъ-же дѣлѣ къ ней надо ѣхать
тридцать. Ущелье извивается между гигантскими гран
скалами самыхъ разнообразныхъ и величественныхъ фор
днѣ его бѣжитъ, яростно скачетъ, шумитъ и пѣнится неб
потокъ Лучина. Мы вторглись, такъ сказать, въ самую се
Альпъ и наслаждались видами, которыхъ описать, конечн
никакой возможности. Но вотъ издали вправо показался
бахъ, который съ подъоблачной высоты несется внизъ
ному граниту, и разбиваясь о него, обращается въ одну
бряную пыль. За нимъ другой водопадъ, а прямо впере
лая Юнгфрау, которая, не смотря на проѣханное нами р
ніе, кажется все такою-же отдаленною, какъ изъ моего

Мы оставили коляску у гостинницы, а сами пошли къ
баху. По дорогѣ встрѣчный пастухъ затрубилъ въ испо
рогъ, звуки котораго подхватило эхо и въ безконечныхъ
катахъ разсыпало по горамъ. Это была одна изъ самыхъ
ныхъ прогулокъ, тѣмъ болѣе, что ей благопріятствовалъ
и свѣтлый день.

27 іюля (8 августа). Среда. Прелестная прогул
ущелье около хребта Гардерберга. Хорошая проѣзжая
ведетъ по узкому карнизу хребта, огибая его все выше и
Внизу пропасть, а въ ней кипитъ и бьется сѣдой потокъ
крутизнахъ противоположнаго хребта кое-гдѣ мелькаютъ х
на такихъ отвѣсныхъ высотахъ, что кажется туда и коза
взобраться, не только что людямъ. Хижины эти имѣютъ
видъ, какъ и люди, ихъ обитающіе. Мы встрѣтили одно
рика, согбеннаго подъ тяжестью огромной охапки свѣжей
и зеленыхъ вѣтвей: это онъ несъ продовольствіе своимъ к
Мы обмѣнялись съ нимъ нѣсколькими словами; я далъ е
сигары и широкая улыбка расплылась по его старческом
грубѣлому лицу.

28 іюля (9 августа). Четвергъ. Совершенно неожиданно
ь удовольствіемъ встрѣтилъ (Изм. Ив.) Срезневскаго, ѣхав-
о съ женой въ Лаутербруненъ. Онъ возвращается изъ Италіи
Россію и заѣхалъ сюда только на одинъ день.
Прогулка къ Гисбаху. На пароходѣ часъ туда и столько-же
атно. Чудесный день, и потому всѣ англичане со своими леди
иссъ бросились на прогулку. Пароходъ былъ переполненъ.
бахскій водопадъ принадлежитъ къ тѣмъ чудесамъ природы,
орыя можно описывать только статистически или географи-
ки—передать-же ихъ красотъ нечего и стараться. Онъ семью
пами низвергается съ страшной высоты и на каждомъ уступѣ
зуетъ какъ-бы отдѣльный водопадъ. Мы поднялись очень
око на платформу, гдѣ расположена гостинница, и откуда
ій видъ на Гисбахъ, то есть на его пятый уступъ. Мы
ь отдохнули, позавтракали и направились къ мостику, пере-
енному черезъ пятый уступъ. Дорожка становилась труднѣе
руднѣе, то есть круче, скалистѣе и болѣе скользкою. Однако,
благополучно добрались до шестаго мостика, но дальше я не
елъ. Группа дѣвушекъ на прощанье спѣла намъ нѣсколько
іцарскихъ мелодій. Въ три часа мы вернулись на пароходъ
оѣхали обратно въ Интерлакенъ.
29 іюля (10 августа). Пятница. Погода устала быть хо-
ей. Проливной дождь. Все тянетъ къ скукѣ и наводитъ
у.
31 іюля (12 августа). Воскресенье. Сегодня утро ясное
ѣдемъ въ Гринденвальдъ къ глетчерамъ. Насъ было довольно
го и мы размѣстились въ трехъ коляскахъ. Но не успѣли
двинуться въ путь, какъ клубы зловѣщихъ тучъ стали на-
аться изъ-за горъ и быстро застилать все небо. Полилъ
ль и сопровождалъ насъ до самаго Гринденвальда. Тамъ,
ко-же, онъ укротился и далъ намъ время добраться до одного
глетчеровъ. Мы шли къ нему долго по тяжелой и грязной
инкѣ. Насъ сопровождалъ проводникъ. Отъ ледянаго грота
о холодомъ. Здѣсь Альпы принимаютъ какой-то особенно
ный, трагическій характеръ. Два глетчера находятся въ
льяхъ: одинъ между Эгеромъ и Шрекгорномъ, другой между
екгорномъ и Ветергорномъ.
Возвратный путь нашъ совершился тоже подъ проливнымъ

дождемъ. На мгновеніе только проглянуло солнце, вспы
радуга и перекинулась черезъ Альпы, какъ орденская лен
резъ плечо кавалера.

Августа 1 (13). Понедѣльникъ. День ясный и прі
хотя съ прохладой. Вечеромъ прогулка къ Бріенскому озе
долго сидѣли на платформѣ, любуясь прекраснымъ вид
Интерлакенъ, и слушали швейцарскія мелодіи, доноси
сюда откуда-то издалека. Стало смеркаться. Огоньки засв
въ домахъ, а надъ Юнгфрау зажглась великолѣпная ве
звѣзда. Она горитъ прямо надъ господствующею вершино
горы, точно вѣнчаетъ ея дѣвственную красоту. Въ трав
кали свѣтящіеся червячки. Милый, уютный Интерлакенъ
какъ яркими точками весь усѣянъ огоньками. Семьи шв
цевъ сидѣли у порога своихъ жилищъ, отдыхая отъ дн
трудовъ. Въ эту минуту все здѣсь было тихо, мирно, отра
вокругъ, въ дремлющемъ нѣмомъ величіи, стояли грозныя А
какъ-бы оберегая долину отъ тревогъ и бурь всего оста
міра.

3 (15). Среда. Грустно, очень грустно разставаться
терлакеномъ! Время, проведенное въ немъ, было для меня
нымъ отдыхомъ, не смотря на часто суровую погоду, котора
гому мѣшала. Все сложилось здѣсь такъ, чтобы сдѣлать
ваніе наше особенно пріятнымъ: спокойное, уютное помѣ
честные хозяева, недорогое, но весьма приличное содер
общество людей образованныхъ и, конецъ концовъ, само
ное—природа дивная, великолѣпная, словомъ—Альпы.

5 (17). Пятница. Сегодня покидаемъ Интерлакенъ.
щай прелестная, тихая, гостепріимная долина! Въ тебѣ
велъ я лучшіе до сихъ поръ дни моего заграничнаго ск
Ѣдемъ въ два часа по Тунскому озеру въ Тунъ, а та
Бернъ.

На Тунскомъ озерѣ насъ преслѣдовалъ проливной до
свирѣпымъ холоднымъ вѣтромъ. Мы кое-какъ жались на
парохода подъ навѣсомъ, прикрываясь сбоку зонтиками.
изъ пассажировъ удалились въ каюту. Но мы храбро вы
вали борьбу со стихіей и прибыли благополучно въ Тун
сѣли въ поѣздъ, отправляющійся въ Бернъ.

Съ Интерлакеномъ мы простились, какъ нельзя дружел

ль Обера сдѣлался мнѣ какъ своимъ домомъ. Въ оба мои ешествія заграницей, я не находилъ убѣжища честнѣе, удоб- и пріятнѣе. Самъ Оберъ отличный хозяинъ; всѣ люди отъ зависящіе благославляютъ его, и съ своей стороны испол- тъ свои обязанности усердно, добросовѣстно. Вниманіе ихъ путешественникамъ рѣдкое. Я простился съ Оберомъ, какъ старымъ пріятелемъ. Потомъ мы подъ проливнымъ дождемъ кали проститься съ нѣкоторыми изъ нашихъ здѣшнихъ доб- ъ знакомцевъ. Я съ грустью еще взглянулъ на Юнгфрау, Рюгенъ, на крутизны котораго я еще вчера съ такимъ удо- ствіемъ взбирался; на домикъ, гдѣ пьютъ сыворотку; на свой енькій и миловидный шале; посмотрѣлъ еще разъ на долину, рую въ мрачномъ величіи окружали исполинскія Альпы, въ ъ день закутавшіяся въ облака—и потомъ, сѣвъ въ коляску, килъ въ сердцѣ моемъ всѣ воспоминанія объ этомъ очаро- льномъ мѣстѣ, чтобы питаться ими въ скучные дни на на- ъ унылomъ и безотрадномъ сѣверѣ.

Около пяти мы были въ Бернѣ и остановились въ отелѣ рона".

Послѣ обѣда мы пошли въ соборъ слушать органъ, который ается наравнѣ съ фрейбургскимъ. Дѣйствительно, этотъ органъ искусства. Между прочимъ, была сыграна ораторія: „Страш- судъ" съ такою силою и выразительностью, что невольный етъ пробѣгалъ по членамъ. Я въ первую минуту былъ убѣж- , что слышу человѣческіе голоса великихъ артистовъ. Ни- не бывало: все это не иное что, какъ дудки, трубы, валы лики, сдѣланные руками человѣческими.

За обѣдомъ въ Бернѣ радъ былъ неожиданно встрѣтить Г.) Рѣдкина съ семействомъ. Онъ ѣдетъ въ Интерлакенъ на три, побывавъ уже въ Люцернѣ и на Риги.

6 (18). Суббота. Въ Бернѣ. Поѣхали осматривать городъ. али визитъ представителямъ Бернскаго кантона—медвѣдямъ, рыхъ четыре. Республика содержитъ ихъ на свой счетъ, и ь хорошо.

Зашли на эспланаду возлѣ собора. Удивительный видъ на жныя Альпы, которыя полукругомъ раскидываются на огром- пространство. Между ними красуется наша старая знакомка фрау. Вообще, съ этого пункта весь Бернъ и окрестности

его видны отлично и онѣ прекрасны. Внизу эспланады
вописныхъ берегахъ кипитъ рѣчка.

Выѣхали изъ Берна около полудня, взявъ билеты до
Въ Герцогенбушѣ перемѣнили вагоны и миновали Золо
Слѣва тянутся фрейбургскія Альпы.

Въ Біелѣ насъ пересадили на пароходъ, и мы по
тельскому озеру плыли до Ланскроны, а оттуда опять в
нахъ до Невшателя. Съ нами ѣхалъ премилый и препоч
старикъ, полковникъ швейцарской арміи. Онъ намъ со
разныя свѣдѣнія о мѣстахъ, которыя мы проѣзжали. Е
Бонтонъ.

Съ озера чудесный видъ на фрейбургскія Альпы слѣва
право, на юрскія, обращенныя къ Франціи.

Богатые виноградники по берегу Невшательскаго озер
горнымъ скатамъ.

Недалеко отъ Грансона знаменитое мѣсто, гдѣ Карл
лый былъ разбитъ и убитъ швейцарцами въ сраженіи, ко
названо Грансонскимъ. Я очень хорошо замѣтилъ неров
катость на берегу озера, гдѣ происходило сраженіе.

По пріѣздѣ въ Невшатель оказалось, что по милости
ковыхъ распоряженій на швейцарскихъ дорогахъ нашъ че
и саквояжъ остались въ Біелѣ. Мы объявили объ этомъ в
нику бюро и теперь ѣдемъ совершенно налегкѣ въ Л
Однимъ словомъ, съ нами повторилась та-же исторія,
Интерлакенѣ съ Шульманами. Миновавъ Ивердонъ и дост
Лозанны, мы немедленно телеграфировали въ Біель о в
намъ сюда нашихъ вещей. Остановились здѣсь въ отел
бонъ: очень хорошій и честный отель.

7 (19). Воскресенье. Вещей нашихъ все еще нѣтъ.
чтобы намъ не пришлось изъ-за нихъ пробыть здѣсь
день, другой, а надо спѣшить къ морю. Утромъ посѣти
боръ, побродили по городу, который богатъ очаровате
видами.

8 (20). Понедѣльникъ. Сегодня мы цѣлый день п
въ плаваніи по Женевскому озеру на пароходѣ: „Орелъ
самаго Вильнёва и до Женевы чудныя, восхитительныя
Справа—цѣпь горъ, за которыми выглядываютъ громадныя
ныя Альпы, и между ними всѣхъ выше сѣдоголовый Мон

ва—отлогіе берега, слегка холмистые, усѣянные прелестными
ками и виноградниками, а позади опять-таки горы, обра-
ныя къ Франціи, но уже гораздо ниже. День былъ прекрасный,
лубое Женевское озеро покоилось въ невозмутимой тишинѣ.
Мимо безпрестанно мелькали прелестные городки, изъ кото-
ь иные точно выходятъ прямо изъ водъ озера. Вотъ Моржъ:
ивъ него снѣжныя Альпы и между ними особенно Мон-
ъ. Далѣе—Ролль, противъ котораго, на небольшомъ островкѣ,
зигнутъ нашимъ императоромъ Александромъ Первымъ па-
икъ Лагарпу. Ніонъ, потомъ Коппетъ съ замкомъ почти
ерегу озера, гдѣ жила Сталь. Замокъ старый, съ круглыми
ями по угламъ, обветшалый, закоптѣлый. Онъ кажется не-
аемъ.

Немного за Коппетомъ, на противоположномъ берегу озера,
а колокольня: отсюда, отъ Женевы налѣво, уже Савойя.
Въ Женеву мы пріѣхали около восьми часовъ вечера. Было
темно. Мы остановились въ „Отель де-Постъ“.

(21). Вторникъ. День прегнусный, холодъ и дождь. Мы
фіакръ, чтобы поѣздить по городу. Заѣхали въ церковь,
памятникъ Рогану; побывали въ музеѣ, не стоющемъ
немъ того, чтобы въ немъ быть. Хорошаго тамъ только
ы Руссо и Боннета. Посмотрѣли еще памятникъ Руссо на
вѣ у моста и панораму Шамуни. Потомъ поѣхали за городъ
ому мѣсту, гдѣ Рона сливается съ другою рѣкою и обѣ
торое время текутъ далѣе въ одномъ руслѣ, но не сливая
ъ водъ. День скучный. Женева мнѣ не нравится. Въ ней
о сухое и холодное.

0 (22). Среда. Переѣздъ изъ Женевы во Францію. Не
кая Бельгарда, гдѣ таможня, три туннеля. Третій передъ
мъ Бельгардомъ; ѣдутъ семь минутъ.

а таможнѣ съ нами обошлись очень любезно. Насъ почти не
тривали; едва открыли сундукъ и мѣшокъ и не обратили
кого вниманія на мои сорокъ сигаръ.

а Бельгардомъ идутъ юрскія Альпы. Отъ Кюлоза и осо-
у Россильена онѣ становятся страшно угрюмы и дики,
имаютъ самыя разнообразныя, фантастическія формы. Пе-
вами вдругъ выростаютъ, точно замки, цѣлые города со
ами и башнями. Глазъ до того обманутъ, что даже видитъ

ворота и окна и готовъ принять всѣ эти то безпорядочно
можденныя, то правильно сложенныя громады за нас
зданія или за развалины ихъ. Юры, въ своемъ родѣ,
чудесныя явленія природы. Проѣхавъ мимо Буржа, мы,
нецъ, достигли Макона, гдѣ ночуемъ.

11 (23). Четвергъ. Отъ Макона до Парижа еще да
часовъ шестнадцать ѣзды. Но мы рѣшились все это раз
сразу проѣхать.

Передъ Дижономъ насъ встрѣтилъ настоящій содомъ.
народа валили туда навстрѣчу Наполеону, который ѣде
зрѣвать Савойю и Алжиръ. На пути его повсюду, особе
Дижонѣ, дѣлались великолѣпныя приготовленія къ его
Вагоны, слѣдующіе къ Дижону, гдѣ готовилось главное
ство, были набиты людьми, какъ боченки сельдями. В
вагонъ, никого не спросясь и безъ билета, сверхъ ком
ворвался какой-то блузникъ съ женой и шести-недѣльны
бенкомъ, и безцеремонно расположился у окна, чуть
колѣнахъ у молодой и хорошенькой француженки. Было
носимо тѣсно и душно. Пытка наша, однако, мгновенно
тилась, лишь только мы миновали Дижонъ. Кромѣ насъ,
шемъ вагонѣ остались еще только двое: чрезвычайно при
благообразный итальянецъ и миловидная француженка, вс
безъ умолку болтавшая. На разстояніи двухъ часовъ
жона мимо насъ промчался, какъ вихрь, вагонъ, несшій
цезаря и его счастье. Разумѣется, мы не могли его у
Около полуночи пріѣхали въ Парижъ и остановились в
Vivienne, въ „Hôtel des Etrangers“.

13 (25). Суббота. Вчера мы только промелькнули
рижѣ и сегодня уже прибыли въ Булонь, то есть к
моихъ настоящихъ стремленій.

Въ Булонь мы прибыли въ пять часовъ. На станціи
ной дороги насъ очень радушно встрѣтили И. А. Г. и
Они вмѣстѣ съ нами отправились въ отель, гдѣ кварт
мы тоже тамъ помѣстились въ двухъ небольшихъ комна

14 (26). Воскресенье. Дождь. Тѣмъ не менѣе м
Г. отправились къ океану. Это достойное дополненіе
памъ. Я, такимъ образомъ, видѣлъ два могущественнѣй
зданія природы. Прекрасно, величественно, грозно-пре

ъ направо чуть, чуть бѣлѣютъ мѣловые берега Англіи, а
ье — путь въ другую часть свѣта. Право, хорошо побы-
здѣсь!

И. А. Г. взялъ на себя въ Булонѣ, которая ему уже издавна
ома, роль церемоніймейстера по отношенію ко мнѣ. Онъ свелъ
, какъ самъ выражается, представилъ и океану. Онъ-же
водилъ мною въ устройствѣ дѣлъ моего купанья и рекомен-
лъ мнѣ своего собственнаго купальщика: это бравый, силь-
молодецъ, по имени Паранти.

Послѣ мы все съ тѣмъ-же Г. бродили по городу — старин-
, съ узкими улицами и высокими домами; были въ крѣпости
крѣпостныхъ бульварахъ, откуда широкій видъ на зарѣч-
часть города и на океанъ.

8 (30). Четвергъ. Ходилъ утромъ на jetée любоваться мо-
, которое великолѣпно послѣ прошедшей ночи. Въ эту
оно сильно бушевало. Гулъ и ревъ его тревожили нашъ
. Теперь оно сильно волновалось и волны его, грозно взды-
ь, преслѣдовали одна другую, сталкивались и разсыпались
рега серебристой пѣной, а подальше ударялись объ утесъ и
нымъ столпомъ, точно фонтаномъ, поднимались вверхъ. Не
ря на бурную погоду, множество миссъ и леди (большая
здѣшнихъ посѣтителей — англичане), въ черныхъ костю-
, полоскались въ волнахъ, какъ морскія птицы. Весело было
ѣть на ихъ рѣзвыя, смѣлыя движенія, а океанъ все шу-
и стоналъ.

9 (31). Пятница. Въ полдень отправился на jetée. Есть
орскомъ воздухѣ что-то особенно легкое и живительное.
й вѣтеръ, какъ-бы силенъ онъ ни былъ, охватываетъ
со всѣхъ сторонъ, какъ вода въ морѣ, но не проникаетъ
аши жилы и кости, не остужаетъ крови и не леденитъ
а. И странно, что при этомъ обиліи воды, вы, даже скоро
ѣ дождя, не ощущаете сырости. Цѣлое лѣто почти я не
цилъ изъ теплаго пальто, а здѣсь, не смотря на сильные вѣтры
ке при отсутствіи солнца, я хожу въ лѣтнемъ легкомъ пальто
дѣваю свое любимое ватное только въ девять часовъ ве-
когда иду съ Г. бродить по городу. Почти совсѣмъ отвыкъ
отъ калошъ, за которыя мнѣ всегда такъ много достается
моихъ домашнихъ и пріятелей.

20 августа (1 сентября). Суббота. Опять на jetée
но вечеромъ. Ночь прекрасна въ лунномъ сіяніи, океанъ
колѣпенъ въ совершенномъ спокойствіи. Было много гуля
леди и миссъ, которыя, очевидно, отличаются большимъ пр
стіемъ къ морю. Вдали блеститъ маякъ; передъ нами
дѣльное пространство, волна за волной, дальше, все даль
самой Америки. Вотъ изъ гавани выходитъ пароходъ—не
ли ужъ въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, въ Англію, куда чере
часа и прибудетъ.

Я ставлю гораздо выше честнаго и знающаго свое дѣло
ленника, который, изготовляя заказанную ему вещь, не ду
что онъ одолжаетъ вселенную, нежели какого-нибудь
дѣятеля въ сферѣ будто-бы болѣе высокой, но одержимаго
кими претензіями безъ великаго характера. Вѣдь великій
теръ тѣмъ-то и великъ, что не имѣетъ претензій. Надо
всего быть человѣкомъ, а потомъ уже чѣмъ угодно, или
должно, возможно и нужно для всякаго и всѣхъ.

А. В. Никитенк

[Продолженіе слѣдуетъ].

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

елюбопытную полемику подняли противъ меня гг. братья
астовы на страницахъ „Русскаго Архива“, по поводу древне-
го термина кормленіе, въ отношеніи областныхъ правителей
ей. По ихъ толкованію выходитъ, что это слово отнюдь не
ло полученія кормовъ или содержанія, а прямо значило
леніе, т. е. непосредственно примыкало къ словамъ корма,
ило, кормчій. Такимъ образомъ, кормленщикъ у нихъ вы-
ъ въ буквальномъ смыслѣ (а не въ переносномъ, какъ у меня)
ator.

рвому изъ братьевъ, г. Д. Голохвастову, я указалъ (въ
омъ Архивѣ“ 1889, № 5) на нѣкоторые источники и пособія,
ощью которыхъ онъ могъ-бы ближе ознакомиться съ симъ
омъ, такъ какъ дотолѣ, по всѣмъ признакамъ, былъ знакомъ
мъ слишкомъ недостаточно. На его защиту, послѣ того, вы-
ъ г. П. Голохвастовъ („Русскій Архивъ“ 1890, № 6), и,
но отдать ему справедливость, выступилъ съ большою развяз-
. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы знаніе дѣла, логика
росовѣстность стояли въ уровень съ сею развязностью.

ежде всего, мы должны напомнить, что для всякаго лица,
дующаго на научную полемику, обязательна точность въ пере-
аргументовъ противника. Г. П. Голохвастовъ не только не
тся о такой точности, но иногда прямо и намѣренно искажаетъ
мыслъ въ своей передачѣ. Напримѣръ, очевидно, не взявшему
икъ, что такое система кормленій, и притомъ незнакомому съ
трудами г. Д. Голохвастову я указалъ на 363 стран. втораго
моей „Исторіи Россіи“, гдѣ говорится о кормленіяхъ слѣдую-
„За свою службу князю, придворную, думную и ратную, бояре
отъ періодъ стали получать вознагражденіе въ трехъ видахъ:
леніе, вотчины и помѣстья. Первый видъ былъ связанъ

съ должностями намѣстниковъ и волостелей. Назначая
никовъ въ свои города, князь давалъ областямъ правителе
дей; въ то-же время онъ давалъ своимъ боярамъ в
ность кормиться на счетъ жителей, т. е. пользовать
судебными пошлинами, такъ и разными поборами натурою,
мясомъ, хлѣбомъ, овсомъ, сѣномъ и т. п.". Это краткое опре
кормленія есть не мое личное мнѣніе, а непререкаемый
установленный историческою наукою, на основаніи всей
ности фактовъ. Г. П. Голохвастовъ о семъ опредѣленіи умал
а приводитъ мои слова, слѣдующія далѣе: „Такъ какъ боя
гораздо больше, чѣмъ намѣстничествъ, то вошло въ обычай
сіи послѣднія на небольшое количество времени, наприм
три года, чтобы почти всѣ бояре могли покормиться и наж
разное имущество". Эти слова, тѣсно связанныя съ преды
и послѣдующимъ, но вырванныя изъ середины и сопровож
недѣльными восклицаніями г. П. Голохвастова (въ родѣ:
сказано" или „ново и глубокомысленно!", стр. 210), разумѣе
тателю его разсужденій, безъ собственной справки съ кни
дадутъ надлежащаго и яснаго понятія о кормленіи. А з
словами далѣе въ моей книгѣ слѣдуетъ: „Съ тою-же ц
значительные города иногда назначалось по два намѣстника
должностей намѣстниковъ и волостелей, къ разряду кормле
надлежали и, такъ называемые, „пути" или (помянутыя вы
ныя отрасли княжескаго хозяйства, съ причисленными к
селами и деревнями; они раздавались въ завѣдываніе боя
правомъ пользоваться извѣстною частью доходовъ, которые
лись съ этихъ селъ и деревень въ казну княжескую".

Или вотъ еще примѣръ:

Сближая слово кормленіе (по смыслу) съ кормиломъ
чею книгою и т. п., г. Д. Голохвастовъ ссылается на
грамоты изъ своего родоваго архива и приводитъ эти
(умалчивая о томъ, что онѣ давнымъ-давно напечатаны его
Д. П. Голохвастовымъ, въ „Чт. О. И. и Др."). Въ этихъ гр
между прочимъ, предписывается жителямъ „чтить и слушат
ленщика, а онъ долженъ „вѣдать и судить жителей". Из
г. Голохвастова ясно было, что онъ, будучи незнакомъ съ
турою предмета и множествомъ другихъ подобныхъ акто
таетъ данныя выраженія въ числѣ доказательствъ, будт
кормленіе буквально значитъ управленіе. Въ своемъ во
г. Голохвастову я указываю на литературу предмета и
на книгу Б. Н. Чичерина („Областныя учрежденія Россіи

“), гдѣ во введеніи сжато, но ясно очерчивается система корм-
й, со ссылками на правительственные акты. „Кормленщику
лась ввозная грамота, въ которой также, какъ при раздачѣ
стій, жителямъ предписывалось чтить его и слушать“. (Это
а Чичерина. Далѣе—мои слова). „Отсюда г. Голохвастовъ уви-
, что приведенныя имъ грамоты не даютъ никакихъ основаній
авнивать кормленія къ Кормчей книгѣ или Номоканону“. Т. е.
льныя его грамоты, которыми онъ думаетъ что-то доказать,
оряютъ обычныя формулы и вообще не представляютъ ничего
го по сравненію со многими другими подобными актами (да и
оты эти, какъ я сказалъ, давно извѣстны ученому люду). Что-же
етъ изъ всего этого г. П. Голохвастовъ? Онъ цитуетъ только
еприведенныя слова г. Чичерина вмѣстѣ съ помянутымъ моимъ
ъясненіемъ, и прибавляетъ къ нимъ свое замѣчаніе: „Должно
Номоканонъ велитъ не чтить никого и не слушать“ (стр. 211).
одобные полемическіе пріемы ясно указываютъ, что оппонентъ
анному вопросу относится не серьезно, научнаго значенія его
знаетъ, а споритъ, повидимому, преимущественно ради задѣ-
фамильнаго самолюбія. Или, что это за аргументъ противъ
новленнаго наукою опредѣленія системы кормленій: ссылка на
о-то журнальную статью, авторъ которой „обзываетъ бояръ-
ленщиковъ Щедринскимъ прозвищемъ „куроцапы“ (Ibid.). Какое
наукѣ русскихъ древностей до подобныхъ статей?

астаивая на томъ, что кормъ и кормленіе въ древней Руси
тношенію къ намѣстникамъ и волостелямъ буквально значило
вленіе, г. П. Голохвастовъ пускается во всѣ возможныя на-
и и домыслы; причемъ неизбѣжно впадаетъ въ явныя ошибки
ліющія противорѣчія. Напримѣръ, онъ ссылается на Уставныя
оты, изданныя проф. Загоскинымъ въ Казани, и на основаніи
выводитъ такое заключеніе, что получаемое съ жителей въ
ду намѣстника и тіуна называлось кормомъ, а „что получали
етчики и доводчики, то никогда не называлось кормомъ, а
да поборомъ“ (стр. 210—220). Но, во-первыхъ, въ тѣхъ-же
отахъ, хотя и рѣдко, все-таки встрѣчаются и кормы доводчи-
. А во-вторыхъ, и это главное, данныя грамоты, какъ и всякія
я, ясно говорятъ о намѣстничьемъ кормѣ въ смыслѣ взиманія
тныхъ припасовъ или денегъ съ населенія; причемъ точно
е различаютъ кормы по извѣстнымъ праздникамъ, т. е. рожде-
ственскій и петровскій, которые населеніе платитъ намѣстникамъ
намъ такъ-же, какъ платитъ поборы праветчикамъ и доводчи-
. Слѣдовательно, указанныя грамоты прямо утверждаютъ уста-

новленное наукою понятіе о кормленіяхъ, и г. Голохвасто
водя ихъ, самъ свидѣтельствуетъ противъ себя. Ибо посл
его разсужденія о томъ, что кормъ „означалъ подать за
ство“, т. е. за управленіе — ничего ровно не измѣняютъ
буквальномъ значеніи, т. е. въ значеніи поборовъ съѣстны
пасами. Хотя возражатель и пытается вообще выставить эт
денежною, не должно забывать, что первоначально, т.
явилось самое ея названіе, она взималась натурою, а впос
перелагалась, и то, отчасти, на деньги. Точно также вновь у
имъ различіе между кормомъ намѣстника и поборомъ д
(223 стр.) ровно никакого довода не представляетъ. Это
означаетъ только, что правительство въ своихъ оффиціальных
нахъ, по возможности, не равняло намѣстника съ доводчи

Или, отрицая кормленіе въ смыслѣ питанія, г. Голо
приводитъ слѣдующій оригинальный аргументъ. Въ „Суд
говорится о намѣстникахъ и волостеляхъ, „которые держа
леніе безъ боярскаго суда“. Возражатель предлагаетъ вмѣс
ленія поставить слово питаніе или содержаніе, и тог
чимъ: которые держатъ питаніе (или содержаніе) безъ б
суда. По смыслу, замѣна была-бы возможна, если-бы ее д
русскій языкъ того времени. Вообще съ такимъ играніемъ
можно Богъ знаетъ куда придти. Напримѣръ, мы говори
жите ухо востро, т. е. слушайте внимательно. Тутъ ухо
тождественно со слухомъ. Попробуйте подставить это слов
лучится: держите слухъ вострый — фраза, не лишенная гр
скаго смысла, но возможная только въ устахъ иностранц
знакомаго съ русскимъ языкомъ. Можно-ли, однако, вы
заключеніе, что въ данномъ выраженіи ухо не значитъ
Приведенные примѣры отнюдь не составляютъ аналогіи
безсмыслицею, на которую я указывалъ въ предыдущемъ
отвѣтѣ г. Д. Голохвастову по поводу словъ лѣтописца, возбу
и самый настоящій споръ: бояре „начаша о кормленіяхъ с
Казанское строеніе поотложиша“. Если кормленіе, по его
нію, тутъ означало управленіе Казанскимъ краемъ, то выхо
что бояре въ одно и то-же время и занимались вопрос
управленіи Казанскимъ краемъ, и вопросъ сей отлагали въ
Такая замѣна словъ не была-бы тутъ противна русскому я
за то производила-бы полную безсмыслицу; хотя г. П. Голо
и пытается придать ей смыслъ, предполагая въ первомъ
собственно устройство управленія, а во второмъ—устройст
стратегическое (213). Но съ такимъ широкимъ словотолк

ь произволомъ можно всякому получать какіе угодно выводы
объясненіи историческихъ свидѣтельствъ.

Терминъ держать кормленіе, по г. П. Голохвастову, роднитъ
ержавствомъ, а не съ кормежкой дѣло кормленщика, и есть
олъ кормильствовати: „тя, корабль Россійскія Церкве
ѣ кормильствовавша, молимъ, къ покаянія тишинѣ кор-
ьствуй души наша“. Но тутъ-же самъ сознается, что „гла-
этотъ встрѣчается обыкновенно про кормильство кораблемъ
церковью, подобно кораблю“ (217). Прибавленное затѣмъ объ-
ніе, что кормильство областью имѣетъ свой державный тер-
, есть пустая фраза, ничего ровно не объясняющая. Фактъ тотъ,
слово кормильствовати встрѣчается только въ церковномъ
еніи по уподобленію церкви кораблю, направляемому корми-
; въ примѣненіи-же къ русскимъ намѣстникамъ и волостелямъ
гда не встрѣчается. А потому длинныя разглагольствія возра-
ля о томъ, что кормленщикъ этимологически происходитъ
глагола „кормить“ не въ смыслѣ nutrire, а въ смыслѣ guber-
— всѣ эти разглагольствія не болѣе, какъ плодъ досужей фан-
, не сдерживаемой ни серьезною мыслью, ни сколько-нибудь
ятельнымъ знакомствомъ съ русскими древностями, какъ граж-
кими, такъ и церковными. Въ сферѣ практическихъ обиход-
отношеній церковныя власти въ древней Россіи тоже поль-
ись кормами. Напримѣръ, когда новгородскій архіепископъ
жалъ во Псковъ (совершалъ свой подъѣздъ), мѣстное духо-
во обязано было (имѣло повинность) доставлять кормъ, т. е.
жаніе, для владыки и его многочисленной свиты.

опытки г. Голохвастова отвергнуть свидѣтельство В. Н. Та-
ва о челобитныхъ [прошу отпустить покормиться] обна-
ваютъ также малое знакомство съ историческою наукою и ея
ами. Что это за ссылка на указатель Строева къ исторіи Карам-
гдѣ обличаются многія ошибки, противорѣчія и вымыслы
щева (217)? Во-первыхъ, далеко не всѣ обличенія Карамзина впо-
твіи подтвердились, и то, что онъ считалъ вымыслами Татищева,
льшей части было взято симъ послѣднимъ изъ источниковъ, остав-
я неизвѣстными исторіографу. Во-вторыхъ, можно-ли ставить въ
илель неудачное объясненіе слова огнищане съ объясненіемъ
леній. Въ первомъ случаѣ Татищевъ имѣлъ дѣло съ терми-
взятымъ изъ очень отдаленнаго времени и утратившимъ
е значеніе къ его вѣку; о второмъ-же явленіи онъ говоритъ
какъ современникъ. Это различіе можетъ упустить изъ
только человѣкъ, незнакомый съ самыми основными, такъ

сказать азбучными, пріемами исторической критики. Въ-тр
г. Голохвастову, очевидно, остались неизвѣстны тѣ статьи по
Соловьева (помнится, въ „Отеч. Зап.“ 1850-хъ гг.), въ которы
приводилъ длинный рядъ, большею частью мелкихъ, а ино
вольно крупныхъ, ошибокъ и промаховъ самого Карамзи
логикѣ моего возражателя выходитъ, что знаменитый истор
вообще не заслуживаетъ никакого довѣрія. Задача истор
критики въ томъ и состоитъ, чтобы не отвергать и не пр
огуломъ чьи-либо свидѣтельства, относящіяся къ извѣстном
нію, а провѣрять ихъ всѣми наличными данными. А въ четв
изслѣдованія и критическія статьи о самомъ Татищевѣ гг.
Бестужева-Рюмина, Корсакова, Сенигова и др. безъ сомнѣн
лись также неизвѣстны г. П. Голохвастову.

Указаніе Татищева на буквальный смыслъ слова кор
вполнѣ подтверждается документальными историческими
тельствами. Въ прошлой своей замѣткѣ по сему поводу я
слѣдующее мѣсто изъ грамоты Ивана III въ 1499 году к
скому намѣстнику Судимонту: „Здѣся мнѣ билъ челомъ Як
харьичъ, что вамъ обѣма на Костромѣ сытымъ быти не с
(Акты Ист. I №. 110). Если намѣстникъ и самъ государь по
кормленіе въ смыслѣ сытости, то возможенъ-ли серьезны
противъ сего смысла? И это выраженіе конца XV вѣка
гармонируетъ съ приводимою Татищевымъ фразою изъ п
XVII вѣка: „прошу отпустить покормиться“. Любопытно, чт
лохвастовъ самъ-же подкрѣпляетъ означенное свидѣтельст
водя другое подобное изъ Важской уставной грамоты 155
„а Важскаго-де имъ намѣстника и пошлинныхъ людей впре
кормити немочно“. (Акты Арх. Эксп. I №. 234). По сему
г. Голохвастовъ разсуждаетъ далѣе о какихъ-то забытыхъ
нахъ. „Въ царскія времена, говоритъ онъ,—административн
мины отъ кормить — gubernare, очевидно, уже исчезли изъ
(247). Тутъ онъ какъ-бы соглашается, что въ XVI вѣк
кормленіе означало питаніе. Но тогда противъ чего-
возражаетъ? Вѣдь гг. Голохвастовы подняли споръ по пов
его упоминанія о кормленіяхъ именно XVI вѣка. Если-
возражатель думаетъ, что слово „кормленіе“ пріобрѣло такой
только въ царскія времена, въ Московской Руси, то он
бается. Съ тѣмъ-же смысломъ это слово встрѣчаемъ гораздо
и даже не въ Московской единодержавной Руси, а въ Нов
ской народоправной. А именно, Новогородская лѣтопись по
годомъ говоритъ, что изъ Литвы пріѣхалъ князь Патрикій

овичъ, и новогородцы „даша ему кормленіе, пригороды Орѣ- и Корѣльскій, и полъ Копорья городка, и Луское село". Какъ IV вѣкѣ новогородская община давала пригороды и села въ леніе выѣзжимъ князьямъ литовскимъ, такъ въ XV вѣкѣ вели- нязья московскіе давали въ кормленіе города и волости выѣз- изъ Орды и служилымъ царевичамъ татарскимъ. Поступали акъ не потому, чтобы русское и православное населеніе нуж- ь въ правителяхъ и судьяхъ изъ инородцевъ-мусульманъ, а о, привлекая сихъ инородцевъ въ свою службу изъ полити- хъ разсчетовъ, московскіе государи давали этимъ царевичамъ ъ свитою на прокормъ или содержаніе доходы съ назначен- мѣстъ, какъ судебныя пошлины, такъ и поборы съ жителей кормы натурой. Та-же система продолжалась отчасти и въ вѣкѣ.

йствительно, много надобно имѣть смѣлости и очень мало ныхъ свѣдѣній, чтобы поднять споръ о значеніи слова корм- противъ ученыхъ спеціалистовъ. Не забудемъ, что г. Голо- овъ споритъ не со мной однимъ, а также съ покойнымъ Со- вымъ, гг. Ключевскимъ, Чичеринымъ и другими историко- тами, касавшимися этого предмета. Обычный пріемъ спорщи- такого рода: бросаться въ стороны и приводить факты или тельства, не относящіеся къ дѣлу, — этотъ пріемъ и въ данномъ ѣ употребленъ въ широкихъ размѣрахъ моимъ возражателемъ. приводитъ много всякихъ ссылокъ и цитатъ, не представляю- логической связи ни съ даннымъ вопросомъ, ни между со- Тутъ есть Святославовъ кормилецъ Асмудъ и кормильцы изъ ской Правды", поваръ изъ „Нибелунговъ", библейская доилица и ельская область, судъ и расправа, путь-дорога и хлѣбъ- , царь-дѣвица и родитель-матушка, старинное изгой и нное гой еси, и пр., и пр. Попадаются нѣкоторыя стихотвор- цитаты, въ родѣ ляганья „Геральдическаго льва Демократи- мъ копытомъ", или: „Несовратимый идеалистъ, Впередъ гляжу ъ боязни". Разобраться въ этой трескотнѣ фразъ и путаницѣ тій предоставляю досужему человѣку.

сѣ разглагольствія и аргументы г. Голохвастова остаются втунѣ потому, что нѣтъ самаго главнаго: ни одного указанія, изъ раго было-бы видно, что кормленія намѣстниковъ и волосте- современниками ихъ понимались въ смыслѣ управленія, а не кормленія или содержанія. Г. Голохвастовъ утверждаетъ, кормить значило тогда управлять. Такимъ образомъ, выхо- -бы, что намѣстники и волостели кормили населеніе. А между

тѣмъ въ семъ смыслѣ не встрѣчаемъ ни одного акта; во в
тахъ и извѣстіяхъ находимъ наоборотъ: населеніе корми
мѣстниковъ и волостелей, населеніе даетъ имъ кормы.
принять толкованіе г. Голохвастова, то получимъ довольно
ный выводъ: населеніе управляло своими намѣстниками и волос
Вотъ къ какимъ выводамъ приводитъ суемудрствующихъ
свѣдущихъ диллетантовъ легкомысленное вмѣшательство в
ные вопросы. Г. Голохвастову, повидимому, остался неизвѣ
такой фактъ, что слово „кормить“ въ смыслѣ „питать“,
жать“ встрѣчается въ тѣ времена не только по отношенію
мѣстникамъ и воеводамъ, но и къ самому царю Ивану
вичу. „Есть у великаго князя новые вѣрники, дьяки, кото
половиною кормятъ, а бо́льшую себѣ емлютъ“ — говорятъ
скіе бѣглецы Тетеринъ и Сарыгозинъ въ своемъ посла
Юрьевскому намѣстнику Морозову (см. Карамзина, къ т. IX при

Очевидно, г. Голохвастову остался неизвѣстенъ и любо
памятникъ, относящійся къ XVI вѣку, именно „Книга боя
сообщенная кн. М. А. Оболенскимъ и изданная Н. В. Кала
въ его Архивѣ историко-юрид. свѣд. Ш. (Она отнесена
лями къ 1556 году, хотя изъ ея содержанія видно, чт
сана годами двумя позднѣе). Это списокъ дворянъ и дѣте
скихъ, раздѣленныхъ на разныя статьи сообразно съ ихъ
нымъ окладомъ. При семъ постоянно обозначается, какое з
кормленіе и сколько земли вотчинной и помѣстной. Только
встрѣчается замѣтка: „кормленье за нимъ не сыскано“. С
этотъ наглядно показываетъ, какъ разнообразны были кор
Наибольшую ихъ часть составляютъ намѣстничество, волост
и тіунство. Сіе послѣднее иногда прямо обозначается. Напр
хайло Тимофѣевъ сынъ Шетневъ — съѣхалъ съ тіунства
сковскаго на Спиридоньевъ день 61-го (1553 г.), держалъ 2
А намѣстничество и волостельство обыкновенно подразум
Напр.: „Князь Данило княжъ Ивановъ сынъ Семенова Ба
съѣхалъ съ Изборска на Николинъ день осенній 62-го, д
2 году“. Или: „Иванъ Кирѣевъ сынъ Олговъ: съѣхалъ съ
цкого стану въ Иледомѣ на Троицынъ день 62-го, держалъ
Но кромѣ того, въ числѣ кормленій упоминаются слѣ
статьи: мѣхъ, т. е. мѣховая пошлина („мѣхъ Коломенскій“,
Тверской“ и т. п.), полавочное („на Костромѣ“), ключъ („
скій“, „Рязанскій“ и др.), поворотное („Дмитровское“, „М
ское“ и пр.), мытъ, чашничій путь, стольничій путь („
стромѣ“, „въ Переяславлѣ“ и пр.), пятно (напр. „Мещер

ничее („Новгородское"), бражное („въ Кашинѣ"), бобровое Калугѣ"). Вотъ какъ разнообразны были доходныя статьи, оры и пошлины, обращавшіеся въ кормленіе служилому сосло- Этотъ списокъ весьма наглядно и ясно подтверждаетъ вы- риведенный мною выводъ, сдѣланный историческою наукою стѣ съ Татищевымъ), что въ XV—XVI вв. бояре (вообще но-служилое сословіе) получали вознагражденіе въ трехъ ви-: кормленіе, вотчины и помѣстья. Всѣ эти три вида въ дан- ь спискѣ повторяются почти при каждомъ имени, и всѣ они аны преимущественно съ военной службой; списокъ, главнымъ зомъ, обозначаетъ, въ какомъ вооруженіи каждый помѣщикъ ся на военный смотръ и сколько привелъ съ собою воору- ныхъ людей.

Та-же „Боярская книга" представляетъ наглядный переходъ кормленій, непосредственно связанныхъ съ должностями намѣст- овъ, волостелей, тіуновъ и проч., къ кормленію чисто денеж- . Напримѣръ, „Иванъ Назарьевъ, сынъ Хлопова: по окладу ь Ивана Васильевича Шереметева съ товарищи—велѣно давати му за кормленье по 15 рублевъ на годъ" (стр. 45). Или: „Ру- Семеновъ сынъ Батюшковъ: ималъ съ Борку съ Желѣзнаго 6 рублевъ—а по новому окладу дати ему 12 рублевъ, да на ей (выставленныхъ имъ съ вотчинной и помѣстной земли) 7 руб- " (стр. 46). Или: „Чюдинъ Лобановъ сынъ Пелепелицынъ: по ку, къ кормленному верстанью данъ былъ ему Кодогорскій ь, и Кодогорскій станъ данъ въ откупъ, а онъ не наѣзживалъ" . прежде, чѣмъ онъ успѣлъ пріѣхать, этотъ станъ изъятъ изъ средственнаго вѣдѣнія кормленщика, а слѣдующіе ему кормы боры откуплены, т. е. переложены на денежный оброкъ). По яти" дьяка Степанова, по „окладу" князя Курлятева съ това- и „въ помѣстномъ верстаньѣ велѣно за нимъ учинити по- ья" (столько-то); „а по кормленному окладу дати на его ву въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на люди на передаточные ублевъ" (стр. 51). Итакъ, мы видимъ, что рядомъ съ „помѣст- верстаньемъ" служилаго сословія шло его „кормленное вер- ье" и вмѣстѣ съ помѣстнымъ окладомъ велся „кормленный дъ".

Относительно отразившейся здѣсь переходной эпохи надо замѣ- что именно около того времени московское правительство, дствіе многихъ жалобъ на неправды и тяжелые поборы, рѣшило нить намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ, а на мѣсто ихъ авить выборныхъ, самимъ населеніемъ „излюбленныхъ" головъ,

старостъ, сотскихъ и проч., т. е. ввести родъ земскаго само
ленія. Однако, кормленій оно не уничтожило. Сказавъ о сей
мѣнѣ въ областномъ управленіи, подъ 1556 годомъ, лѣтопис
бавляетъ: „А на грады и на волости (государь повелѣлъ) пол
оброки по ихъ промысломъ и по землямъ, и тѣ оброки сбир
царскую казну своимъ дьякамъ; бояръ-же и вельможъ и
воиновъ устроилъ кормленіемъ“ изъ сихъ оброковъ (Нико
259). Полагаю, что не только интеллигентному человѣку,
самому простому читателю отсюда будетъ ясно различіе корм
отъ кормила правленія.

Бояринъ или дворянинъ, переставъ быть намѣстником
еще оставался кормленщикомъ, т. е. продолжалъ получать к
ніе или извѣстное содержаніе. Та-же лѣтопись, нѣсколько
говоритъ: „А по сѣ время бояре и князи и дѣти боярскія
по кормленіямъ, по городамъ и по волостямъ для расправы л
и всякаго устроенія землямъ и себѣ отъ службъ для покою
кормленія“. Т. е. дотолѣ кормленія были связаны съ должн
правителей и судей, а симъ послѣднимъ кормленіе давало
прокормленія. Ясно, что въ древней Руси слово „кормлені
нималось въ смыслѣ „прокормленія“. Но г. П. Голохвасто
указанное ему г. Ключевскимъ свидѣтельство пытается пере
вать по своему: такъ какъ тутъ говорится о „расправѣ люд
устроеньи землямъ“, то кормленіе значитъ gubernatio, а пр
леніе ничего не значитъ. Такимъ образомъ, должность и со
ніе, связанное съ нею, являются у него понятіями тождестве
Впрочемъ, все это въ порядкѣ вещей. Разъ мой возражат
такимъ апломбомъ предъявилъ свою губернаторскую теорію,
остается ничего иного, какъ отвергать или вкось и вкрив
толковывать тѣ прямыя историческія свидѣтельства, на к
указываютъ ему противники.

Напомню то мѣсто лѣтописи, откуда возникъ настоящій
Вскорѣ послѣ взятія Казани, въ 1553 году, Иванъ Васильев
время своей поѣздки по монастырямъ, поручилъ боярамъ „о
скомъ дѣлѣ промышляти, да и о кормленіяхъ сидѣти;
отъ такого великаго подвига и труда утомишася, и малаг
вига и труда не стерпѣша докончати, и возжелѣша бога
и начаша о кормленіяхъ сидѣти, а Казанское строеніе
жиша“ (Царствен. кн., 337). Лѣтопись не объясняетъ, о
кормленіяхъ тутъ говорится. Я мимоходомъ сдѣлалъ догад
рѣчь идетъ о раздачѣ кормленій въ награду служилымъ люд
покореніе Казани. Основаніями для сей догадки послужи

ыхъ, хронологическая послѣдовательность; во-вторыхъ, прямое
дѣтельство лѣтописи о томъ, что въ Москвѣ во время трехъ-
знаго торжества по случаю казанскаго взятія государь щедро
ылъ всѣхъ участниковъ этого подвига вещами и деньгами,
ичь вотчинъ, помѣстій и кормленій, а кормленій государь по-
овалъ всю землю" (Царств. кн., 330; Никон. VII, 197). Обра-
опять вниманіе на то, что кормленія являются и здѣсь, какъ
ъ изъ трехъ обычныхъ тогда видовъ награды за военную
бу. Понятно, что раздача кормленій на сей разъ производилась
очень широкихъ размѣрахъ; а потому потребовала предвари-
наго обсужденія, приготовленія нужныхъ для того списковъ и
ще не малой работы отъ боярской думы и ея канцеляріи.
ретьихъ, въ самомъ помянутомъ извѣстіи порученіе Боярской думѣ
ться устройствомъ вновь завоеваннаго Казанскаго края какъ-бы
ывается съ порученіемъ о кормленіяхъ. Въ-четвертыхъ, о ка-
-же обогащеніи возмечтали бояре, если-бы дѣло шло не объ
женіи ихъ кормленій (а объ отмѣнѣ сихъ послѣднихъ, по
ой догадкѣ)? Можно прибавить и пятое основаніе: о томъ,
Казань и казанская служба были тогда на первомъ планѣ при
ажденіи служилыхъ людей, свидѣтельствуетъ и вышеназванная
„Боярская книга". Тамъ довольно часто встрѣчаются выра-
я: (такому-то) „7064 году (1556) дано на подмогу для Казан-
службы 11 рублевъ и 22 алтына съ деньгою"; или: „дано ему
одмогу для Казанскіе службы 10 рублевъ", и т. д. И подмога
ачается только за казанскую службу.

Проф. Ключевскій, въ своей замѣткѣ по поводу статьи г. Д. Го-
астова, не согласенъ съ моею догадкою, и думаетъ, „что дѣло
не о раздачѣ кормленій за покореніе Казани, а объ отмѣнѣ
леній и замѣнѣ ихъ земскими учрежденіями". „Я имѣю нѣ-
ько маленькихъ соображеній въ оправданіе этого несогласія,—
авляетъ онъ,—но для изложенія ихъ потребовалось-бы другое
мо, скучнѣе и пространнѣе настоящаго" („Русск. Арх.", 1889,
. Съ своей стороны, я указалъ основанія своей догадки; но
дь не настаиваю на ней, и заранѣе охотно соглашаюсь съ
лючевскимъ, если его основанія болѣе вѣсски и убѣдительны.
ко, что-же это за маленькія соображенія, требующія про-
нного изложенія? Хотя-бы краткій ихъ перечень, полагаю, могъ
о найти мѣсто и въ данномъ письмѣ. И тѣмъ болѣе, что авторъ
ма высказалъ это мнѣніе уже въ своей книгѣ о Боярской Думѣ
312 и 330), а основаній пока еще не представилъ. (Если при-
во вниманіе указанную выше переходную ступень въ системѣ

кормленій, то возможно, что боярамъ поручено было обсуд
просъ о кормленіяхъ за казанское взятіе въ связи съ вопр
кормленіяхъ вообще). Обращу вниманіе и на нѣкоторую нет
выраженій: дѣло шло собственно не о „замѣнѣ кормленій зе
учрежденіями“, а о замѣнѣ сими послѣдними царскихъ на
ковъ и волостелей. Кормленія не были „отмѣнены“ вообще, а
кормленія непосредственныя были замѣнены денежными об
выкуплены населеніемъ, о чемъ самъ-же г. Ключевскій гово
своей книгѣ (Бояр. Д., 331). Во всякомъ случаѣ, для объ
слова кормленіе безразлично о какихъ собственно корм
сообщаетъ лѣтопись по поводу казанскаго строенія. Но ва
что эта оффиціальная лѣтопись XVI вѣка въ данномъ
прямо высказываетъ матеріальный взглядъ того времени на
леніе какъ на источникъ наживы.

Для нагляднаго объясненія кормленій проф. Ключевс
своемъ письмѣ уподобилъ ихъ профессорскому гонорару, п
мому со студентовъ. Это оригинальное уподобленіе, само
разумѣется, дало поводъ г. П. Голохвастову поглумиться на
фессурою, назвать ее кормленіемъ, а русскихъ ученыхъ—ко
щиками. Съ своей стороны, я предложилъ-бы для нагля
другую аналогію съ кормленіемъ, а, пожалуй, и прямой ег
лосокъ. Кормленія, не смотря на указанную попытку къ ихъ
или собственно денежной замѣнѣ въ XVI вѣкѣ, несомнѣнн
должали существовать долгое время и послѣ того. Вопросъ о
постепенномъ уничтоженіи и видоизмѣненіяхъ можетъ со
предметъ особаго изслѣдованія. Въ позднѣйшее-же время вт
казеннаго вознагражденія болѣе или менѣе крупныхъ чинов
не маловажную роль стали играть такъ называемыя сто
Этотъ придатокъ къ жалованью еще не вышелъ изъ прак
въ наше время. По своему дополнительному и, такъ сказать,
вому смыслу, столовыя деньги, на мой взглядъ, соотвѣтствую
ринному кормовому окладу и, можетъ быть, имѣютъ съ ним
тическую связь. Но такъ какъ вопросъ о столовыхъ деньга
сколько мнѣ извѣстно, никѣмъ не изслѣдованъ исторически
кументально, то пока предлагаю эту аналогію какъ свою до

Возвращаясь къ губернаторской или кормильствующей
г. П. Голохвастова, укажу на его попытку придать древне-р
системѣ кормленій, какъ она понимается наукою, какой-то
ческій, а потому невозможный, противогосударственный хар
(стр. 238—239). Подобная попытка опять-таки обличаетъ вт
недостатокъ исторической подготовки для того, чтобы разс

историческихъ вопросахъ. Ничего не можетъ быть анти-исто-
ѣе, какъ древнимъ бытовымъ формамъ навязывать понятія и
шенія намъ современныя, и давно прошедшія явленія оцѣнивать
очки зрѣнія новѣйшей культуры. Такъ, нѣкоторое время у насъ
жасомъ говорили о Домостроѣ, потому что онъ какъ-бы узако-
ъ побои жены, дѣтей и слугъ; а не замѣчали того, что онъ
аетъ противъ безтолковыхъ и безпощадныхъ побоевъ, совѣтуетъ
только за дѣло, и притомъ осторожно, чтобы не вредить здо-
ю; слѣдовательно, для своего времени все-таки проповѣдуетъ
торый прогрессъ или нѣкоторое смягченіе нравовъ. Точно также
азы г. П. Голохвастова о невѣроятности боярской кормежки,
остраняемой самими государями, не имѣютъ никакого серьез-
значенія. Ему, очевидно, неизвѣстно, что государственный
вездѣ основывался и распространялся силою оружія, путемъ
ваній и подчиненія завоеваннаго населенія всякимъ данямъ и
амъ. Наши первые князья сами, вмѣстѣ съ своими дружинами,
али дани въ видѣ денегъ, рабовъ, шкуръ, съѣстныхъ и другихъ
асовъ съ покоренныхъ племенъ, вооруженною рукою; причемъ по-
ные, если могли, сопротивлялись тоже съ оружіемъ въ рукахъ
ѣръ—судьба Игоря). Только мало по малу, постепенно смяг-
ь отношенія завоевателей къ покореннымъ и переходили въ
ненія господствующаго класса къ подчиненнымъ, правителей
правляемымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ развивались понятія и формы
венно государственныя. Не стану напоминать при этомъ о
го рода осложненіяхъ и разнообразныхъ условіяхъ, при кото-
развивался и крѣпнулъ государственный порядокъ собственно
уси. Не буду говорить о томъ, какъ предводители русскихъ
инъ или князья-дружинники постепенно обратились въ само-
авныхъ земскихъ царей московскихъ. Людямъ, сколько-нибудь
мымъ съ исторіею, все это должно быть извѣстно. Но такъ
рѣчь идетъ собственно о XVI вѣкѣ въ русской исторіи, то
ытно, что г. П. Голохвастовъ, вооружаясь не изученіемъ
ета и серьезнымъ къ нему отношеніемъ, а однимъ мнимо-
отическимъ взглядомъ на наше прошедшее, ужасается системы
неній и считаетъ ее невѣроятною; но въ то-же время не ви-
что само московское правительство въ половинѣ XVI вѣка
ло неудобства сей системы и сдѣлало попытку, если не совсѣмъ
мѣнить, то значительно видоизмѣнить и смягчить. Если-бы
ненiе значило только управленіе, а не прокормленіе, то съ
-же стати правительство вздумало-бы отказаться отъ сего
ленія? Нелѣпость подобнаго взгляда вытекаетъ сама собою.

Что касается до мнѣнія г. Голохвастова о первонача
тождествѣ словъ кормъ и корма и полногласной ихъ
коромъ, съ этимъ не буду спорить. Я тоже предполагаю в
одинъ общій корень, но отказываюсь слѣдовать за дальн
этимологическими упражненіями моего возражателя, съ п
которыхъ онъ приходитъ къ тому выводу, будто-бы въ дан
ріодъ, т. е. XIV—XVI вв., кормить значило кормильств
или управлять, и кормленщикъ въ буквальномъ смысл
чалъ [губернатора. Объяснить какими путями образовались
родномъ языкѣ разнообразныя выраженія, пошедшія отъ од
вѣстнаго корня, или разные оттѣнки одного и того-же сло
такая задача, которая часто не подъ силу и записнымъ фило
А съ пріемами г. Голохвастова и съ его губернаторскою
можно приходить къ удивительнымъ заключеніямъ. Наприм
только кормленіе, но и древне-русскій правежъ, т. е. палоч
колачиваніе денегъ изъ должника, будетъ означать упра
и занимавшійся сею операціей праветчикъ окажется пр
лемъ или губернаторомъ; ибо слова эти происходятъ отъ
править. Или, усмотрѣвъ присутствіе слова коромъ въ дре
скомъ выраженіи коромола, получимъ коромольника въ
кормчаго, т. е. того-же губернатора [хотя въ дѣйствительно
слова произошли вѣроятно отъ разныхъ корней], казнач
жется то-же, что казнодѣй (западно-русское—проповѣдникъ
они могутъ обратиться или въ палача, т. е. исполнителя
или въ прикащика — губернатора; ибо казна, казнь или
заніе, казанне [проповѣдь] и приказъ — все это пош
одного корня каз. Но какъ образовались отъ сего корня с
столь разнообразными понятіями, полагаю, мой возражател
не объяснитъ при всей его этимологической изобрѣтатель
догадливости.

Чтобы не быть голословнымъ относительно сихъ качеств
лохвастова, приведу слѣдующій наглядный образецъ его ис
въ объясненіи народныхъ выраженій.

Есть слово подноготная, въ смыслѣ тайнаго, интимнаг
Доселѣ происхожденіе его удовлетворительно объяснялось
готной пыткой: чтобы добиться признанія, пытаемому вонзали
подъ ногти. Но такое объясненіе слишкомъ просто. Г. Голох
придумалъ другое, болѣе хитрое и замысловатое: „По нар
поднаготная, что подъ наготой, что въ душѣ человѣ
народъ отчетливо выговариваетъ безъакцентныя *о* и *а*, тамъ,
обычнаго жеста рукой за сердце, понятно, что значитъ: эт

отной подоплека не учуетъ. Подоплека (под-о-плечье), подкладка
ъ верхней половиной рубахи, она всего ближе къ голой груди,
сердцу; но даже ей не учуять, что тамъ подъ наготой, за ды-
щей грудью, за душой, на сердцѣ. Поднаготная, это весь за-
невный міръ, всѣ сердечныя тайны человѣка. Но литература
резгливо облюбовала каламбуръ, продуктъ палачьяго юмора, под-
отную, и не подьячьяго-ли юмора каламбуръ: кормленіе
рское?" (248).

Можетъ быть это объясненіе само по себѣ геніально. Но, каюсь,
его въ немъ не понимаю, и оно представляется мнѣ замѣча-
ьнымъ сумбуромъ. Не даромъ-же мой возражатель такъ не-
брительно относится къ записнымъ историкамъ вообще и къ
ъ въ особенности. „Какъ-же могутъ они („Иловайскіе, Клю-
скіе"), изучившіе книгу бытія Руси изначала даже и до
сь, не спохватиться, въ чемъ вся raison d'être, вся причинная
этой, будто-бы „достаточно выясненной," такъ называемой
емы кормленій?" — спрашиваетъ г. Голохвастовъ (218). Увы,
сь опять въ своей неспохватчивости [если можно такъ выра-
ся] и прошу извиненія у моего возражателя: всѣ его измыш-
ія и разглагольствія о томъ, что кормленіе не есть кормленіе
полученіе кормовъ, а означаетъ кормильствованіе или guber-
о, что не обыватели кормили своего намѣстника или воло-
я, а онъ ихъ кормилъ — мнѣ тоже представляются образцо-
ъ сумбуромъ.

Впрочемъ, авторъ кормильствующей или губернаторской теоріи
аромъ, въ концѣ своего якобы „критическаго разслѣдованія",
щается къ читателю и (кто бы онъ ни былъ) призываетъ его
ъ третейскимъ судьею въ этомъ спорѣ. Одинъ „обозрѣватель
тъ и журналовъ" уже плѣнился сей теоріей и объявилъ, что
олохвастовъ, такъ сказать, за поясъ заткнулъ нашего брата
орика-спеціалиста. А нѣкій поэтъ-ветеранъ по сему удобному
аю не преминулъ напомнить о своемъ существованіи и обна-
ить свою малую компетентность въ области русскихъ древностей.

Д. И. Иловайскій.

Челобитная устюжскихъ земскихъ людей патріарху Адріану на архіепископа Велико-Устюжскаго Александра

1696 г.

Помѣщаю на страницахъ «Русской Старины» любопытную жалобную челобитную устюжскихъ земскихъ людей на своего архіерея Александра (1696 г.). Не безъинтересно вспомнить, каковы были первые архіепископы въ Устюгѣ и какъ къ нимъ относилась паства, тѣмъ болѣе, что въ этой челобитной церковно-хозяйственная жизнь прихожанъ является читателю въ чрезвычайно ясномъ изображеніи.

Необходимо при этомъ замѣтить, что въ XII-мъ томѣ «Русской Исторической Библіотеки», изд. Археографич. Комиссіи, вышедшемъ въ сентябрѣ 1890 года, помѣщены значительныя выдержки изъ суднаго дѣла, возникшаго вслѣдствіе подачи этой челобитной; но самаго этого документа, нами печатаемаго нынѣ въ «Р. Ст.», въ распоряженіи И. К. Зинченко, собраніе Устюжскихъ актовъ котораго вошло въ помянутую книгу, не оказалось [1]).

И. Н. Суворовъ.

Великому господину святѣйшему Киръ-Андреяну архіепископу Московскому и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху бьютъ челомъ государьскія и твои сироты, Устюга-Великаго выборные люди: земской староста Ѳедька Бетюковъ съ товарищи съ волостными выборными людьми и всего Устюжскаго уѣзда волостные крестьянишка. Въ прошломъ, государь, во 193 году велѣно быть во

---

[1]) Для удобства чтенія мы не сохранили старинnаго правописанія—подъ титлами. Ред.

ніи ростовской епархіи на Устюгѣ-Великомъ преосвященному Александру
ископу Велико-Устюжскому и Тотемскому и вѣдать на Устюгѣ-Великомъ
Тотьмѣ и у Соли-Вычегодской и въ Яренскомъ, тѣхъ всѣхъ четырехъ
овъ съ уѣзды, и монастыри, и церкви, и церковныхъ причетниковъ въ ду-
стьѣ противъ правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и пожало-
онъ отъ церквей данью и десятиною, и подъемомъ, и кормовыми день-
что сбирали ростовскіе митрополиты, а онъ, преосвященный Александръ
ископъ, безъ государьскаго и твоего святительскаго указа, въ прош-
и въ нынѣшнемъ годѣхъ, умысля съ своими приказными при ростов-
митрополитахъ данью и иными сборами отяготилъ и посылалъ изъ
архіепископля разряду на Устюгъ и во весь Устюжскій уѣздъ въ во-
къ церквамъ, и у которыхъ церквей есть казенныя деньги и хлѣбы, и
реписывалъ, а у соборныхъ священниковъ искони вѣчные, старинные,
овъ государьскихъ жалованные и у иныхъ многихъ церквей и у монастырей
ные, и у нищихъ старицъ и у вдовъ, деревни и полянки и пожни, и въ
тырехъ хлѣбъ, и не бивъ челомъ великому государю и тебѣ, великому госпо-
побравъ къ себѣ безденежно, и никому отъ церквей и скуднымъ бѣд-
государьскимъ крестьянишкамъ на прекормленіе и на сѣмяна про-
ъ и взаймы давать не велѣлъ. А у насъ, государь, во всемъ Устюж-
уѣздѣ, грѣхъ ради нашихъ, въ прошломъ году были великіе лѣтомъ
ы и всякой хлѣбъ вызябъ безъ остатку, и крестьянамъ кормиться
ъ и купить не у кого, и отъ такихъ многихъ нуждъ и отъ его къ
немилосердія, многіе бѣдные крестьянишка помираютъ голодною смертію,
ие, покидая свои послѣднія деревнишки, бредутъ врознь, а на Устюгѣ,
арь, и у Соли, и въ уѣздахъ, церкви и церковныя казны и казенныя
ни искони вѣчно построены и нынѣ строятся мірскимъ подаяніемъ,
жалованныя, и въ нужные годы бѣднымъ людемъ ссудами церкви
были и прибѣжище. И какъ у церквей и надъ выборными церков-
старосты приказалъ вѣдать въ церковныхъ казнахъ попамъ, и они,
на мірскихъ людей и на старостъ, ему, архіепископу, и его приказнымъ
ъ угождаючи, а иное и за страхъ наговариваютъ, и отъ ихъ поповъ
наговоровъ старостъ перемѣняютъ и съ книгами расходными приводятъ
одно и держатъ на Устюгѣ, и мучатъ на цѣпяхъ многими временами, и
ъ себѣ великія взятки; и для такихъ ссоръ и корыстей на Устюгѣ и
ности ставитъ поповъ и дьяконовъ и иныхъ церковниковъ, и старыхъ
дитъ безъ мірскихъ выборовъ и челобитныхъ; и тѣ попы, когда и по
ніи младенцовъ приходятъ къ женамъ съ молитвою, и безъ взятокъ и
младенцу не сказываютъ, и мучатъ бѣдныхъ людей дней по десяти
ьше; или кто мірскіе люди имъ о правдѣ изнесутъ какое слово, и
людей они заклинаютъ и къ церкви Божіи не пущаютъ, и бѣдные люди,
тя святыя церкви отстать, даютъ имъ отъ того многіе посулы; а ис-

кони вѣчно, государь, отъ ростовскихъ архіереевъ такихъ извычаевъ и къ мірскимъ людемъ налогъ и волокитъ и обидъ не бывало; а мірскіе люди въ церковные старосты выбираютъ людей добрыхъ и прямодушныхъ, и въ прош лыхъ годѣхъ, выборные люди, радѣя святыхъ церквей строенію, служили, и многіе годы и всякія церковныя прибыли хранили. а изъяновъ казнамъ при нынѣшнихъ старостахъ и никакихъ волокитъ не было, и мірскіе люди ихъ считали съ великимъ радѣніемъ вправду. Да онъ-же, архіепископъ, сбираетъ напрасно за убылую бѣлозерскую десятину по 10 алтынъ съ церкви, да на строеніе московской богадѣльной по гривнѣ съ двора на годъ, и полоняниковъ на окупъ многія-жъ деньги, а ему тоя бѣлозерской десятины и въ дачѣ никогда не бывало; а и на строеніе богадѣльной, и на окупъ полоняниковъ только велѣно взять было на одинъ годъ, а онъ и до нынѣ сбираетъ къ себѣ-жъ, а въ отпискахъ имянно съ прошлаго 203 года описывать не сталъ, а сталъ отписи давать глухія; да онъ-же, преосвященный Александръ архіепископъ, своимъ-же и приказныхъ людей умысломъ при ростовскихъ митрополитахъ многія лишнія деньги сбираетъ по-черевныхъ денегъ съ женска полу по 2 рубля, и для тѣхъ денегъ велятъ тѣмъ женкамъ и дѣвкамъ наговаривать его приказные люди и для своихъ корыстей на прожиточныхъ людей понапрасну, и по такимъ наговоромъ, многихъ людей у себя въ разрядѣ мучатъ, измучиваютъ себѣ рублемъ по 5 и по 10, и больше, и съ кого могутъ взять, и съ тѣхъ и опять велятъ оговаривать, и многія бѣдныя дѣвки и женки, которымъ такихъ по-черевныхъ денегъ оплатить нечѣмъ, по рожденіи младенцовъ погубляютъ и въ рѣки мечутъ; да и вѣнечныхъ денегъ сбираетъ по 8 алтынъ по 2 деньги, а съ двоеженцовъ вдвое и втрое, и для тѣхъ сборовъ ѣздятъ домовые его люди и съ церковныхъ причетниковъ вымучиваютъ и себѣ великія взятки, и у которыхъ церковниковъ окупиться за скудостми бываетъ нечѣмъ, и окупаютъ ихъ изъ казенныхъ денегъ и мірскіе люди. А ростовскіе, государь, митрополиты сбирали только по-черезныхъ по 4 алтына по 2 деньги, а вѣнечныхъ — съ отрока по 2 алтына по 4 деньги, а съ двоеженцовъ вдвое. А онъ, архіепископъ, къ себѣ никакихъ приходовъ въ челобитьяхъ своихъ не объявляетъ, и пишетъ нужды, а у него, преосвященнаго Александра архіепископа, съ вышеписанныхъ четырехъ городовъ и съ уѣздовъ сбирается, за всякою домовою издержкою, въ годъ больше трехъ тысячъ рублевъ и изъ деревень всякаго хлѣба и сѣнъ многое-жъ число, и донынѣ стоятъ сборнаго и изъ деревень хлѣба великіе амбары, а у которыхъ, государь, монастырей и у церквей, и у нищихъ старицъ и у вдовъ деревни и хлѣбъ побралъ, и тѣ монастыри и церкви пустѣютъ, а старицы и вдовы скитаются промежь дворы, а строиться, также и питаться стало имъ нечѣмъ. Да онъ-же, архіепископъ, посылаетъ изъ разряду своего къ попамъ памяти, что имъ, попамъ, казенные деньги и хлѣбы печатать, и они, попы, церковнымъ старостамъ и на окупъ государскихъ доходовъ безъ его указу продавать

ба не дают, а сами безъ мірскихъ приговоровъ и безъ повелѣнія сѣ-
ной и всякой хлѣбъ и деньги изъ церковныхъ казенъ и изъ амбаровъ
ютъ и безденежно, и въ томъ никакихъ памятей и кабалъ на себя въ
ну не даютъ; а по указу великаго государя и по грамотамъ, ему, архіе-
скопу, въ церкви и ни въ какія церковныя казны и въ деревни вступ-
ься и въѣзжать и надъ старостами попамъ вѣдать не велѣно, а его, ар-
нископа, приказные его люди въ челобитьяхъ, что онъ билъ челомъ, про-
и, будто онъ ни во что не вступается, а онъ и послѣ государьскаго указу
упается и попамъ вѣдать велитъ-же, и многіе неискусные и пьяные попы,
я его къ себѣ неуправленіе и въ дѣлѣхъ слабость, къ болящимъ людемъ
домы, отъ которыхъ ихъ зовутъ, для своихъ приметковъ ко исповѣди не
ходятъ, и отъ того крестьяне многіе помираютъ безъ причастія, и тѣхъ
ршихъ безъ взятокъ къ церквамъ не погребаютъ, а съ кого возьмутъ,
и погребутъ; а многія, государь, волости отъ Устюга въ дальномъ раз-
ніи, и отъ такихъ намъ и къ Устюгу волокитахъ чинятся многіе на-
сные убытки и конечное разоренье, и многія онъ, архіепископъ, разныя
тьи затѣиваетъ и дѣлаетъ не противъ правилъ святыхъ отецъ, своимъ
ластіемъ, и къ монастыремъ и къ церквамъ, и къ намъ сиротамъ, къ
кимъ людемъ, чинитъ во всякихъ дѣлѣхъ и во взяткахъ и въ деревенскихъ
дѣніяхъ многіе убытки и тѣсноту и обиды; которые съ его деревнями
кны, и его приказные старцы и люди и крестьяне приметками своими у
льныхъ крестьянъ, чрезъ писповыя книги и письмянныя крѣпости, земли
ѣянные покосы и вновь присадныя мѣста, безъ челобитья и розыску, у
ихъ деревнишекъ своимъ насильствомъ и изъ-за угрозы отнимаютъ, и ско-
ъ травятъ, и вновь межи уставливаютъ и отгораживаютъ, а по писцо-
ъ книгамъ и по старымъ межамъ и противъ своихъ земель огородовъ не
дятъ; а у иныхъ крестьянъ изъ-за мученія и притѣсненія понималъ и
ьма, а какія отъ него къ намъ обиды и притѣсненія, и то въ чело-
ьяхъ писано къ великому государю, а монастыри и церковники и нищія
ныя старицы и вдовы, за страхъ его, великому государю и тебѣ, великому
юдину, и бить челомъ не смѣютъ.

Милостивый великій господинъ, святѣйшій Киръ-Андреянъ, архіепископъ
ковскій и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ, пожалуй
ъ, сиротъ своихъ, призри, государь, къ намъ бѣднымъ, молитвенно не
и ему, преосвященному Александру архіепископу, впредь чрезъ правила
тыхъ отецъ и противъ государскаго указу и грамотъ, каковы ему и намъ,
ему вѣдать не велѣно, въ мірское строеніе и въ церковныя казны и
деревни вступаться и вѣдать и въѣзжать, и церковниковъ безъ мірскихъ
говоровъ и выборовъ и челобитенъ ставить и переводить, и попамъ надъ
остами вѣдать и печатать, потому что отъ нихъ бываютъ многія ссоры
казнамъ изъяны, а мірскимъ людемъ убытки и лишнихъ напрасныхъ

сборовъ на церкви и на церковниковъ и на мірскихъ людей при ростовскихъ митрополитахъ въ лишкѣ накладывать и сбирать своимъ самовластіемъ, и насъ, сиротъ, своихъ опричь духовныхъ дѣлъ, волочить и обидить и напрасно тѣснить,—и о томъ вели, государь, свой молитво-разсмотрительной указъ учинить. Великій господинъ, смилуйся.

На оборотѣ рукоприкладства: Къ сей челобитной всеуѣздной земской староста Ѳедька, Иванъ сынъ Бетюковъ. — Товарищъ всеуѣздного старосты Гришка. — Къ сей челобитной Гришка. — Къ сей челобитной по велѣнію Іосипа Пантелѣева Скорюхова, да Матвѣя Павлова, да Михаила Лошкова, Пашко Худышинъ руку приложилъ. — Климко Ларіоновъ руку приложилъ. — По велѣнію Ивана Хабарова, Сысойко Ивановъ Микитиныхъ и за себя руку приложилъ. — Къ сей челобитной Никитка Кожѣвъ Мельниковъ руку приложилъ. — Новосельцовъ. — Къ сей челобитной, вмѣсто Дмитрея Ѳедора Гусельникова и за себя, Максимко Ѳедоровъ Жерихинъ руку приложилъ. — Къ сей челобитной Сенька Карандашевъ. — По велѣнію Ивана Якимова Шилоковски, Васька Ивановъ Безсоновъ руку приложилъ. — Ивашко Павловъ сынъ Праховъ руку приложилъ. — Ивашко Даниловъ Розницынъ руку приложилъ. — Якушко Давыдовъ Ивинъ руку приложилъ. — По велѣнію Осипа Пантелѣева Корюхова, да Михаила Миронова Сумарокова и за себя, Алешка Васильевъ руку приложилъ. — Сенька Ивановъ сынъ Росохинъ руку приложилъ. — Къ сей челобитной, по велѣнію выборныхъ людей: Кирилки Копылова, Ивашки Чебыкина, Гришки Другова, Ѳедьки Пурышева, Алешки Малининскихъ,— Данилко Аврамовъ руку приложилъ. — Къ сей челобитной, по велѣнію выборныхъ: Максимки Яковлева, Петра Зозонова, Сергія Аврамова, Ѳедора Лазарева,— Андрюшка Ивановъ Кузнецовъ руку приложилъ. — Къ сей челобитной, по велѣнію челобитчиковъ, выборныхъ людей Черевковской волости, Якова Иванова да Василья Евсѣвьева, да Пушемской волости Матвѣя Терентьева,—Лучка Помашинъ руку приложилъ. — Къ сей челобитной, вмѣсто выборныхъ людей: Ивана Степанова, да Моисея Андреева, да Якова Гаврилова, да Семена Павлова, по ихъ велѣнію, устюжанинъ Матюшка Ивановъ Походнинъ руку приложилъ. — Къ сей челобитной, вмѣсто выборныхъ: Максима Яковлева, Петра Созонова, Сергія Аврамова,—Андрюшка Кузнецовъ руку приложилъ. — По велѣнію выборновъ: Никифора Махина, Ивана Балакшина, Ивана Митина, Луки Завороткова, Васильяна Волоцкихъ, Елоима Конева,—Гришка Худышинъ руку приложилъ. — Выборной Трешникъ Роскованъ руку приложилъ.

Примѣчаніе: О велико-устюжскихъ іерархахъ можно читать статью Н. Суворова въ «Вологодскихъ Епарх. Вѣдомост.» 1869 года, въ №№ 13, 14 и 15-мъ, а о вологодскихъ іерархахъ см. книгу, составленную Н. Суворовымъ, подъ заглавіемъ: «Объ іерархахъ древне-Пермской и Вологодской епархіи».

И. С.

ФИЛИППЪ ПЕРФИЛЬЕВЪ НЕѢЛОВЪ,

одинъ изъ служилыхъ людей,

1672—1720.

„1720 г. марта въ „ “ день, архангелогороцкого гварнизона прапорщикъ, Фи-
шъ Перфильевъ сынъ Неѣловъ, въ Санктпитербурхѣ въ военной коллегіи
ился и сказалъ: отъ роду ему сорокъ осьмой годъ; въ 203 (1695) году, по
о великого государя, указу былъ онъ вмѣсто отца своего, Перфилья Ива-
ва сына Неѣлова, въ полку боярина Бориса Петровича Шереметева,—что
слѣ былъ фелтмаршалъ,—подъ Кезикерменевъ; въ 205 (1697) году въ полку
ярина и воеводы Алексѣя Семеновича Шеина подъ Азовомъ; въ 700 году
писанъ въ житье [1]), и того-жъ году былъ подъ Нарвою; въ 702 году—въ
рогобужѣ; въ 703 году—на Москвѣ, по осмотру фелтмаршала Бориса Пет-
вича Шереметева, написанъ полковымъ квартермистромъ и въ Ямбурхѣ
редѣленъ на время ко артилеріи и былъ въ походѣ подъ Нарвою, подъ
коболью; того-жъ году съ другими афицеры посланы къ Москвѣ—въ воен-
й приказъ; въ 704 году, по осмотру боярина Тихана Никитича Стрѣшнева,
редѣленъ въ бѣлогороцкой драгунской полкъ и посланъ въ Бѣлгородъ—въ
манду генерала кнѧзь Ивана Михайловича Кольцова-Масалского и служилъ
и полку вмѣсто капитана въ разныхъ походѣхъ: въ 706 году, подъ коман-
ю отъ лейбъ-гвардіи маэора князя Долгорукого, въ низовомъ донскомъ по-
дѣ; подъ Маяками былъ на баталіи, и подъ городкомъ Есауловымъ [2]), на
иступѣ, раненъ; подъ городкомъ Рѣшетовымъ [3])—на баталіи-жъ; въ 709 году
лъ подъ Полтавою и во взятьѣ швецкой арміи у Днѣпра; въ 710 году, по
о великого государя указу и по приказу ближнего стольника,—что нынѣ
сударственной каморъ-каллегіи президентъ,—князя Дмитрея Михайловича
лицына, посланъ съ указомъ въ архангелогороцкую губернію капитаномъ;
готъ бѣлгороцкой полкъ раскосовали; и по приказу ближнего стольника,—

---

[1]) Т. е. въ отпускъ. Въ старину слово «написанъ» на канцелярскомъ языкѣ
ачило: назначенъ, уволенъ, опредѣленъ.

[2]) Мѣстопребываніе атамана Некрасова, которое было взято Долгорукимъ.

[3]) У Рѣшетовой станицы Долгорукій догналъ атамана Никиту Голаго съ
аманомъ Колычевымъ, разбилъ ихъ и переловилъ мятежниковъ.

А. М.

что нынѣ губернаторъ,—князя Петра Алексѣевича Голицына, опредѣленъ въ гороцкой полкъ капитаномъ-же. И въ 716 году, противъ доношенія [1]) вологоцкого подьячего Якова Зубкова повелѣно мнѣ явитца въ Санктпитербурхѣ на смотрѣ свѣтлѣйшаго князя генерала-фелтмаршала, кавалера, Александра Даниловича Меншикова, и на ономъ смотрѣ написанъ прапорщикомъ и посланъ съ указомъ въ тое-жъ Архангелогороцкую губернію къ полку, при которомъ и по нынѣ. А сіе сказалъ самую сущую, истинную правду по сонѣсти своей, подъ потеряніемъ чина и имѣнія своего, безъ утайки. Къ сей сказкѣ прапорщикъ Филипъ Неѣловъ руку приложилъ".

Примѣчаніе. Изъ приведеннаго документа ясно видно, какого труда и какого страшнаго напряженія силъ требовала отъ военныхъ людей тревожная эпоха Петрова царствованія. Не смотря на первобытные въ тогдашней Россіи пути сообщенія, служилые люди передвигались съ одного конца государства на другой: изъ-подъ Азова—въ Нарву, въ Дорогобужъ; изъ Москвы—въ Ямбургъ, опять подъ Нарву; затѣмъ въ Бѣлгородъ и на Донъ для усмиренія булавинскаго бунта, а отсюда подъ Полтаву и затѣмъ—въ Архангельскъ.

И при всемъ этомъ, въ военномъ чинопроизводствѣ царила удивительная строгость: за всѣ перечисленные походы Филиппъ Неѣловъ получилъ чинъ капитана; но когда вологодскій подьячій Зубковъ донесъ, что Неѣловъ не выслужилъ въ арміи установленныхъ лѣтъ, его, по именному государеву указу, вытребовали въ Петербургъ, на смотръ Меншикова, и изъ капитановъ „написали" въ прапорщики.

Послужной списокъ Ф. Неѣлова извлеченъ нами изъ домашняго архива вологодскихъ Неѣловыхъ и въ подлинникѣ препровожденъ въ ред. „Русск. Стар.".

Сообщ. **А. Е. Мерцаловъ.**

---

[1]) Т. е. по доношенію. **А. М.**

О БОРИСѢ ГОДУНОВѢ,

СОЧИНЕНІИ

Александра Пушкина

РАЗГОВОРЪ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Москва, мая 4-го дня 1831 г.

Ценсоръ, заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ
Левъ Цвѣтаевъ.

Предисловіе ко второму изданію.

На страницахъ уважаемой „Русской Старины“ въ теченіи двадцати одного года помѣщено множество богатаго матеріала, касающагося произведеній геніальнаго Пушкина.

Не лишне сохранить на ея страницахъ одну крайне рѣдкую брошюрку. Для исторіи русской критики 1830-хъ годовъ „Разговоръ о Борисѣ Годуновѣ“ имѣетъ важное значеніе, и поэтому перепечатка его представляется въ высшей степени желательною. Самъ А. С. Пушкинъ упоминаетъ о ней въ письмѣ къ П. В. Нащокину (Соч. Пушкина, изд. Лит. фонда, т. VII, стр. 282), но читать ее, кажется, ему не привелось.

Перепечатываемъ эту брошюрку на страницахъ „Русской Старины“ съ буквальною точностью.

Все напечатанное далѣе съ разрядкою напечатано въ первомъ изданіи брошюры курсивомъ. Правописаніе и пунктуація вполнѣ сохранены.

А. Станкевичъ.

16-го августа 1890 г.
Москва.

О БОРИСѢ ГОДУНОВѢ,

СОЧИНЕНІИ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА,

Разговоръ помѣщика, проѣзжающаго изъ Москвы черезъ уѣздный городокъ, и вольнопрактикующаго въ оном учителя Россійской Словесности

Учитель. Добрый день, Петръ Алексѣевичъ. (Входитъ съ книгою и тетрадью).

Помѣщикъ. Здравствуй, Ермилъ Сергѣичъ! Что? съ Борисомъ и замѣчаніями? Ну, послушаемъ, что сказалъ ты о первокласномъ нашемъ поэтѣ?

Уч. (Отскакиваетъ и кладетъ тетрадь въ карманъ) Какъ, батюшка, о первокласномъ? Хорошую-же вы сыграли со мною штуку!

Пом. (въ удивленіи) Что такое, братецъ? Что съ тобой сдѣлалось?

Уч. Да если бы зналъ я, что авторъ Бориса Годунова въ первомъ классѣ, ни за что бы не принялся дѣлать на него замѣчаній: ну, Боже упаси, какъ это огласится! Мудрено-ли первому классу задавить двѣнадцатый!

Пом. Вотъ то-то и есть, что вы здѣсь въ глуши ничего не знаете. Вѣдь это, другъ мой, не чинъ, равный на-примѣръ съ Фельдмаршальскимъ. . . . Это названіе даютъ за отличнѣйшія произведенія.

Уч. Кто же это, почтеннѣйшій Петръ Алексѣевичъ?

Пом. Ну, журналисты, издатели газетъ, пріятели, товарищи. . . . . (смѣется) за чашей круговою.

Уч. Вотъ что! Такъ по этому и нашему брату не невозможно . . . . .

Пом. Разумѣется. Но приступимъ къ дѣлу. Читай замѣчанія. Съ чего началъ?

Уч. Позвольте доложить: прочитавъ со вниманіемъ неоднажды эту книжицу, я самъ себѣ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ.

Пом. Читай, читай!

Уч. Вопросъ 1-й. Къ какому роду изящной Словесности принадлежи сіе твореніе?

Пом. Ужъ это, кажется мнѣ, сущій вздоръ, любезный Ермилъ Сергѣи это поэма.

Уч. (съ жаромъ) Nego, сударь, весьма nego. Поэма должна им необходимо связь въ продолженіи всего повѣствованія и сохранять, хотя вполнѣ, освященныя вѣками правила. Согласенъ: можно уничтожить с ринное пою, ибо нынче никто поэтъ не поетъ; можно забыть призыва какого нибудь языческаго божества, или олицетвореннаго идеальнаго сущ ства для подмоги въ дѣлѣ, ибо видно, что сіи божества и существа не м гимъ помогали—да и сущность повѣствованія отъ того ничего не терпит Но бросаться и туда и сюда, безъ всякой связи, право, не простительно. сверхъ всего, смѣю доложить, пишутся-ли поэмы прозою? Въ сочиненіи г. Пушкина есть много прозы.

Пом. Да вѣдь это должна быть поэма романтическая — понимаешь-л

Уч. И понимать не хочу, Петръ Алексѣевичъ! Вамъ извѣстно, что т которые, по словамъ Вольтера, не умѣли написать ни Трагедіи, ни Комед начали писать Драмы; а къ тому прибавить можно: не умѣвшіе и дра написать, стали сочинять Мелодрамы и тому подобное, такъ по этому я дума что и безправильный Романтизмъ; или, сказать по-откровеннѣе, з безсмысленное слово выдумано тѣми, которые не умѣли написать ничего пр вильнаго. Всѣ мы, кто хоть немножко поучился, читывали поэмы и дре нія и новыя, да кому приходило въ умъ раздѣлять ихъ на Классическія Романтическія? Знающіе толкъ восхищались хорошимъ и порицали дурн

Пом. Побывалъ бы ты въ Петербургѣ, или въ Москвѣ. Дали бы те знать! Да теперь непризнающихъ Романтизмъ считаютъ наравнѣ съ Бого ступниками.

Уч. Не тѣ-ли же такъ думаютъ, Петръ Алексѣевичъ, которые въ перво то классъ друзей своихъ производятъ?

Пом. Вѣдь надобно же, братецъ, дать какое нибудь названіе Борис Годунову. Ну, Трагедія?

Уч. Избави, Господи! А что тутъ есть трагическаго? Не прикажете-л представить ее на театрѣ? У кулисныхъ-то мастеровъ заболѣли бы рук Это, сударь, настоящія Китайскія тѣни. Дѣйствіе перескакиваетъ из Москвы въ Польшу, изъ Польши въ Москву, изъ кельи въ корчму. . . Есть нѣчто подобное въ драматическихъ произведеніяхъ Шекспира, да во таки посовѣстнѣе. Къ тому же Шекспиръ писалъ тогда еще, когда одне земцы его и понятія не имѣли объ изящномъ вкусѣ.

Пом. Съ тобой не сговоришь. Ну такъ, повѣсть? И то сказать: да что намъ нужды до названья? Положимъ. . . . . что Борисъ . .

Уч. И въ самомъ дѣлѣ! Какое тутъ названіе, когда и самъ родитель никакимъ именемъ не окрестилъ своего дѣтища?—Позвольте, далѣе:

Вопросъ 2-ой: кто герой въ этомъ сочиненіи?

Пом. Вопросъ второй, кто герой?—заговорилъ на виршахъ!—Ты не безъ толку же по толкамъ читаешь; видѣлъ, напечатано крупными литерами: Борисъ Годуновъ.

Уч. Оно такъ-съ; да если-бы типографскій-то наборщикъ ошибся, и на мѣсто Бориса Годунова напечаталъ Гришка Отрепьевъ? Тогда бы что вы изволили сказать?

Пом. Вздоръ какой! не пропустилъ бы корректоръ.

Уч. Пускай и вздоръ, Петръ Алексѣевичъ! Не спорю. Но разберите сами—васъ получше насъ учили—разберите, за какіе подвиги можно назвать Бориса героемъ повѣсти? (да будетъ повѣсть!) Начнемъ съ начала!

Пом. А мы послушаемъ.

Уч. Борисъ является въ первый разъ на страницѣ 10-й, гдѣ избираютъ его Царемъ; тутъ нѣтъ никакихъ отличныхъ подвиговъ; потомъ показывается одинъ (стр. 28, 29, 30) и говоритъ самъ съ собою вслухъ такой ужасной монологъ, отъ котораго и у самого крѣпкаго актера заболѣло бы горло—а о чемъ говоритъ? Немножко разкаивается въ своихъ прегрѣшеніяхъ, бранитъ чернь за разныя на него (яко-бы) клеветы; потомъ у него, Бориса,

Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ;
И все тошнитъ и голова кружится. . . .

Пом. Остановись-ка на минуту. Что ты скажешь объ этомъ т о ш н и т ъ?

Уч. Не хорошо, Петръ Алексѣевичъ, весьма отвратительно.

Пом. А вотъ какъ нехорошо: это прелесть; это значитъ, что Авторъ подслушалъ голосъ природы; это національность, народность — требованіе нашего вѣка.

Уч. Вѣдь подслушать-то, сударь, съ позволенія сказать, мало-ли что можно, да разсказывать объ этомъ и печатать не должно. Вы слыхали, думаю, о разговорѣ двухъ знаменитыхъ нашихъ поэтовъ. У одного изъ нихъ написано было въ стихахъ что-то объ арбузахъ да объ соленыхъ огурцахъ; другой замѣтилъ, что природу надобно искать не въ обжорномъ рынкѣ. Такъ и здѣсь, при словѣ тошнитъ, не можетъ-ли иному чувствительному читателю представиться послѣдствіе тошноты . . . . . словомъ сказать весьма отвратительно. Неуже-ли Авторъ Бориса не слыхивалъ объ изящной природѣ?

Далѣе: Борисъ показывается въ палатахъ у дочери и сына (стр. 53). Это явленіе начинается прозою, оканчивается полупрозою. Онъ проситъ дочь чтобъ не плакала о м е р т в о м ъ женихѣ; сына хвалитъ за то, что изобра-

зилъ хитро на бумагѣ всѣ области Русскія. Но замѣтимъ однако: Борисъ не могъ разобрать, гдѣ, на этомъ чертежѣ, Москва, Новгородъ, Астрахань, и не узналъ Волги. И такъ, позвольте спросить, хитро-ли написанъ былъ чертежъ?

Пом. Ну, братецъ, это дѣло постороннее; что привязываться къ пустякамъ? Продолжай!

Уч. Извольте-съ. Въ продолженіи сего явленія Борисъ узнаетъ,

Что въ Краковѣ явился Самозванецъ,
И что Король и Папы за него,
. . . . . .
Такъ, если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшее имя,

То есть: онъ узналъ уже, что Самозванецъ принялъ имя убіеннаго Царевича Димитрія Іоанновича. Шуйскій увѣряетъ его, что царевичъ дѣйствительно скончался.—Довольно, удались, говоритъ Борисъ Шуйскому. . . .

Ухъ, тяжело!

Тяжело, почтеннѣйшій Петръ Алексѣевичъ, какъ этотъ ухъ дѣлаетъ бухъ въ нашъ слухъ!

Пом. Опять за вирши! да говори, любезный, о дѣлѣ—о подвигахъ героя Бориса.

Уч. До 95 страницы, герой нашъ совсѣмъ не показывался. Между тѣмъ побывали мы въ Краковѣ, въ Самборѣ у Мнишки, погуляли въ саду съ Мариною, были на границѣ Литовской. . . .

Пом. Ну, далѣе.

Уч. Съ вышепоказанной-то страницы, правду молвить, Борисъ началъ дѣйствовать: приказалъ послать указы къ Воеводамъ, чтобъ на коня садились. . .

Пом. Постой, постой, Ермилъ Сергѣевичъ! какъ? Всѣ воеводы на одного коня?

Уч. Ба! да я этого и не замѣтилъ. Извините.

Пом. Это сказалъ я, такъ, въ скобкахъ. Продолжай.

Уч. . . . . И что бы людей высылали на службу, и отобрали бы въ Монастыряхъ служителей причетныхъ; и что онъ Борисъ, видя кипящіе умы, желалъ бы предупредить казни; но чѣмъ и какъ? спрашиваетъ у Патріарха.—Коротко сказать, эта аудіенція кончилась тѣмъ, что Борисъ приказалъ перенести мощи Св. Страдальца младенца въ Кремль, въ Архангельскій Соборъ.

Пом. Да, помнится, и въ этомъ его не послушали.

Уч. А вотъ, сударь, на страницѣ 102-й, патріархъ отговорилъ ему и обѣщалъ самъ выдти на площадь и обнаружить народу злой обманъ бродяги. Тѣмъ и прекратились распоряженія Годунова: всѣ разошлись съ миромъ. Теперь является онъ, съ Басмановымъ на стр. 122-й; какъ вдругъ у него кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей; онъ чувствуетъ приближеніе смерти, постригается, умираетъ. Вотъ вамъ, Петръ Алексѣевичъ весь герой Поэмы, или повѣсти, какъ угодно.

Пом. Ну, говори о Самозванцѣ.

Уч. Когда въ корчмѣ (стр. 31 и сл.) узнали, что онъ дѣйствительно бѣдный [1]) монахъ, и хотѣли схватить, онъ вынулъ кинжалъ, бросился въ окно—и давай Богъ ноги. Правда, тутъ нѣтъ геройства, однакожъ не станемъ совершенно ссуждать Отрепьева. Продолженіе впредь. Въ Краковѣ онъ собираетъ дружину, у Мнишки соблазняетъ Марину; но мало по малу приближается къ своей цѣли, побѣждаетъ Русскихъ при Новгородѣ Сѣверскомъ — и велитъ ударить отбой. Мы побѣдили, говоритъ онъ; довольно, щадите Русскую кровь. Отбой! Эта черта показываетъ по крайней мѣрѣ, что Отрепьевъ умѣетъ управлять войскомъ и умѣетъ заставить думать о привязанности своей къ Русскому народу; онъ не труситъ пятидесяти тысячъ, съ которыми, по словамъ плѣнника, идетъ на него Шуйскій. Друзья, сказалъ онъ своимъ, не станемъ ждать мы Шуйскаго; я поздравляю васъ: на завтра бой. Здѣсь, должно признаться, Самозванецъ показывается настоящимъ героемъ — и рѣчь его была не пустая: онъ на Престолѣ Московскомъ. И такъ, повторимъ, кто болѣе обращаетъ на себя вниманіе читателя, Борисъ или Гришка? Кто заслуживаетъ болѣе названіе героя Поэмы?

Пом. Мнѣ, Ермилъ Сергѣевичъ, все равно. А что о другихъ-то лицахъ?

Уч. Былъ у меня заготовленъ вопросъ третій: хорошо-ли выдержаны характеры дѣйствующихъ лицъ? Но подъ этою статьею поставилъ я нуль. О другихъ, кромѣ Бориса и Отрепьева, нечего и сказать. Они кое-что поговаривали, а не дѣйствовали.

Пом. Ну, такъ и все?—Пора собираться въ деревню.

Уч. Есть еще небольшая статейка, подъ заглавіемъ: Образъ повѣствованія и о мысляхъ.

Пом. Такъ ужь разсказывай скорѣе.

Уч. Ничего не говорю я о стопосложеніи. Для меня всѣ стихи равны: гекзаметры, пентаметры, александрійскіе, бѣлые, съ риѳмами—это одна оболочка была бы поэзія; вотъ главное! Пушкинъ избралъ Ямбическій пентаметръ безъ риѳмъ, съ пресѣченіемъ послѣ первыхъ двухъ стопъ. Почему-жь и не такъ? Вольному воля. О гладкости въ стихахъ ни слова не скажу: она есть

---

[1]) Повидимому опечатка, вмѣсто „бѣглый“. А. С.

неотъемлемая собственность Пушкина. Много мѣстъ превосходнѣйшихъ! Напримѣръ, разговоръ Пимена съ Григорьемъ. Мнѣ очень полюбилось сдѣланное Григорьемъ сравненіе, когда онъ говоритъ, что во время сочиняемой Пименомъ лѣтописи, не могъ прочесть его сокрытыхъ думъ:

Все тотъ же видъ смиренный, величавый.
Такъ точно Дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Разсказъ о кончинѣ царевича также очень хорошъ.

Прекрасна и молитва, произносимая мальчикомъ за Царя, по приказанію Шуйскаго. Я выписалъ ее:

Царю Небесъ вездѣ и присносущій,
Своихъ рабовъ моленію внемли:
Помолимся о нашемъ Государѣ,
Объ избранномъ Тобой благочестивомъ,
Всѣхъ Христіанъ Царѣ самодержавномъ.
Храни Его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
И на путяхъ, и на одрѣ ночлега.
Подай Ему побѣду на враги,
Да славится Онъ отъ моря до моря.
Да здравіемъ цвѣтетъ Его семья,
Да осѣнятъ Ея драгія вѣтви
Весь міръ земной—а къ намъ, своимъ рабамъ,
Да будетъ Онъ какъ прежде благодатенъ,
И милостивъ и долготерпѣливъ;
Да мудрости Его неистощимой
Проистекутъ источники на насъ;
И, Царскую на то воздвигнувъ чашу,
Мы молимся Тебѣ, Царю Небесъ.

Пом. Эту молитву, Ермилъ Сергѣичь, прочиталъ я нѣсколько разъ, подразумѣвая нынѣшнее время.

Уч. И прекрасно изволили придумать.—Далѣе: удачно сдѣлано описаніе черни.

. . . . . Безсмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,

Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.

Съ пріятностью можно прочитать стихъ, сказанный Шуйскимъ Царю:

Не казнь страшна; страшна твоя не милость.

И слѣдующій Бориса:

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха.

Разговоръ Самозванца съ Мариною (стр. 78 и сл.) не заключаетъ въ себѣ отличныхъ красотъ; онъ такъ, ни хорошъ, ни дуренъ; въ немъ нѣтъ ни жару, ни большой стужи. Конецъ довольно смѣшонъ. Разсерженный на Марину Отрепьевъ, по уходѣ ея, говоритъ:

Нѣтъ – легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,
Или хитрить съ придворнымъ Езуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чертъ съ ними, мочи нѣтъ,
И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ.
Змѣя! змѣя!

Такія выраженія, Петръ Алексѣевичъ, чертъ съ ними, а особенно мочи нѣтъ, при всякой романтической національности—ни куда не годятся.

За симъ, что называется съ оника, слѣдуетъ прекрасное обращеніе Курбскаго къ своему отечеству:

Вотъ, вотъ она, вотъ Русская граница!
Святая Русь! Отечество! Я твой!
Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отряхаю
Съ моихъ одеждъ, пью жадно воздухъ новый:
Онъ мнѣ родной! Теперь твоя душа,
О мой отецъ, утѣшилась, и въ гробѣ
Опальныя возрадуются кости, и проч.

Пом. Да! если бы такъ написана была вся повѣсть. . .

Уч. Тогда бы стали хвалить.

Пом. Ну-ка, доходи скорѣе до Французскаго-то съ Нѣмецкимъ! До этого мѣста, помнится, нѣтъ ничего значительнаго, кромѣ разсказа Патріарха о слѣпцѣ, прозрѣвшемъ у гроба Св. младенца.

Уч. Такъ, это порядочно. А какъ увидѣлъ я смѣсь Русскаго съ Нѣмецкимъ и Французскимъ—признаюсь, подумалъ, можно-ли было ожидать отъ Пушкина такой Галиматьи? Что за школьническая игра въ словахъ: Quoi, Quoi, ква, ква!

Пом Да помилуй, Ермилъ Сергѣичъ, осердился по пустому: вѣдь Маржеретъ и Розенъ не умѣли говорить по Русски: ну, и говорили какъ могли.

Уч. Такъ позвольте-жъ объясниться: развѣ Самозванецъ съ патеромъ Черниковскимъ, съ Мариною, и съ другими, въ Польшѣ, говорилъ по Русски? Развѣ Вишневецкій и Мнишекъ говорили по Русски? Слѣдовало-бы разговоры ихъ также напечатать по-польски: ужь смѣшить, такъ смѣшить!—Какъ вы думаете, Петръ Алексѣевичъ?

Пом. (смотря въ книгу) Sie haben Recht.

Уч. (поворотя страницу назадъ) По истинѣ: Es ist Schande.

Пом. Не полно-ли? Развѣ есть еще что нибудь?

Уч. Вотъ, надобно замѣтить рѣчь, обращенную Борисомъ при смерти къ сыну его Феодору. Хотя и нѣтъ въ ней отлично хорошихъ мыслей, да есть порядочные стишки. Я не выписалъ ее: слишкомъ длинна, и много между прочимъ пустаго.

Теперь осталось только показать нѣкоторыя рѣзкія мысли, встрѣчаемыя въ продолженіи Повѣсти; на-примѣръ патеръ Черниковскій говоритъ Отрепьеву:

Притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтомъ
Намъ иногда духовный долгъ велитъ.

Эту Езуитскую мораль лучше-бы не выдавать въ оглашенный свѣтъ. Или въ семъ разговорѣ Бориса съ Басмановымъ:

Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

Басмановъ.

Что на него смотрѣть?
Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ.

Пом. Вотъ вздоръ какой! Всегда склоненъ. Пустое, съ этимъ я совершенно не согласенъ; какъ бишь-ты давиче сказалъ? да, nego, весьма nego. И Русскому-ли Боярину такъ отзываться о Православномъ Русскомъ народѣ?

Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ. . . .
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро — не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни — тебѣ не будетъ хуже.

Уч. А Борисъ-то? . . . (читаетъ наизустъ.)

Пом. Полно, братецъ, полно! Чтобъ не подслушали.

У ч. Да вѣдь это говоритъ Борисъ въ печатномъ.

П о м. Такъ можно примолвить: и милостиво и премудро! Нѣтъ, не вѣрю, чтобы Борисъ, каковъ ни былъ онъ, сталъ говорить такимъ Макіавельскимъ языкомъ.

У ч. А сыну-то при смерти говоритъ:

Со временемъ и по немногу, снова
Затягивай державныя бразды. . . . .

И вотъ еще извольте взглянуть на страницу 139-ю! Каково мужикъ кричитъ народу съ какого-то А м в о н а:

Ступай! Вязать Борисова щенка!

То-есть Ѳеодора, Борисова сына, которому присягнули въ вѣрности! Борисова щенка! Какой изящный вкусъ!—И это національность?

П о м. Ну, пора перестать. Что-жъ ты думаешь о первоклассности Сочинителя?

У ч. Не мое дѣло. Мнѣ, сударь, ни жаловать, ни разжаловать невозможно.

П о м. И подлинно: безъ суда никто не наказывается, а судъ даетъ потомство.

У ч. Только надобно желать, Петръ Алексѣевичъ, чтобъ это потомство какъ можно скорѣе показалось, а до поздняго, кажется, не дожить нынешнему Б о р и с у Г о д у н о в у.

15-го Апрѣля 1831 года.
Изъ Астрахани.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ

5-го іюля 1856 г.

Приводимъ интересный документъ, относящійся къ важному моменту въ государственной дѣятельности Николая Николаевича Муравьева. Это всеподданнѣйшее его письмо императору Александру II объ отозваніи съ высокаго поста главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ и намѣстника кавказскаго.

Ред.

Ваше императорское величество. Не въ правилахъ моихъ скрывать отъ васъ ни дѣйствій моихъ, ни помышленій. Вы, государь, тому и другому единый судья мой. И потому не опасаюсь выразить откровенно предъ вашимъ величествомъ чувства, тревожащія сердце мое. Изъ нѣсколькихъ случаевъ вижу, что поколебалось довѣріе, коимъ вы меня удостоивали, скорблю о сей горестной для меня утратѣ.

Исполняя высокое призваніе, я не былъ руководимъ видами честолюбія и твердо увѣренъ, что ваше величество не усомнитесь въ благонамѣренности и усердіи моемъ; но не чувствуя себя при настоящихъ обстоятельствахъ болѣе въ силахъ съ пользою нести здѣсь службу вашего величества, я съ благоговѣніемъ прошу васъ, государь, отзовите меня отсюда.

Взысканный благодѣяніями вашими и покойнаго родителя вашего, я вѣчно сохраню въ памяти милости ваши, и что бы вы ни повелѣли, буду душевно радоваться всякому преуспѣянію въ дѣлѣ вашемъ, кому-бы ни довелось достичь цѣли, вами указываемой.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданный
Николай Муравьевъ.

5-го іюня 1856 года.
Коджоры.

Примѣчаніе. Согласно сему прошенію Н. Н. Муравьевъ былъ всемилостивѣйше уволенъ, приказомъ отъ 22-го іюля 1856 г., отъ занимаемыхъ имъ должностей, съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта и съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта. А. Л.

ОСТЯТСКІЕ КНЯЗЬЯ

1864—1884.

Отъ людей, никогда не бывавшихъ въ Березовскомъ краѣ, мнѣ приводилось слышать невѣрные отзывы объ остятскихъ князьяхъ. Нѣкоторые думаютъ и говорятъ, что остятскіе князья люди во многомъ отличающіеся отъ другихъ остяковъ, люди богатые, сравнительно развитые и имѣющіе право на титулъ сіятельства. Говорятъ также, что князья заботятся о подчиненныхъ имъ остякахъ и отстаиваютъ ихъ права. Посмотримъ, такъ-ли это. Я хорошо былъ знакомъ съ князьями: обдорскимъ — Тайшинымъ, куноватскимъ—Артанзіевымъ и мало зналъ ляпинскаго князя Шешкина; а потому буду говорить о первыхъ двухъ, а въ особенности о Тайшинѣ, съ которымъ мнѣ приводилось имѣть дѣло во время служенія моего березовскимъ окружнымъ исправникомъ.

Умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, князь Иванъ Матвѣевичъ Тайшинъ имѣлъ грамоту государя императора Николая Павловича, которая утверждала его права на управленіе обдорскими остяками. Грамота эта замѣнила собою ранѣе существовавшую у отца Тайшина такую-же грамоту императрицы Екатерины II. Тайшину въ 1882 году было около семидесяти лѣтъ, онъ имѣлъ пожалованный ему въ 1852 году серебряный кортикъ съ такою-же портупеею, и въ 1854 году, когда онъ ѣздилъ въ С.-Петербургъ и удостоился лично представляться государю, всемилостивѣйше пожалованы ему золотая медаль съ надписью: „за усердіе“, для ношенія на шеѣ на Анненской лентѣ, бархатный малиноваго цвѣта кафтанъ съ парчевымъ полукафтаньемъ и бархатною шапкою, также обшитою галуномъ, и серебряный вызолоченный внутри кубокъ съ надписью: „князю Ивану Матвѣевичу Тайшину“.

Тайшинъ былъ совершенно неграмотный; были также неграмотны и всѣ дѣти его, хотя онъ имѣлъ полную возможность учить ихъ. Считаясь православнымъ, Тайшинъ не оставляетъ, однако-жъ,

идолопоклонническихъ обрядовъ своихъ предковъ. Онъ былъ когда-то богатымъ, считалъ оленей своихъ тысячами, но въ 1882 году у него было только нѣсколько десятковъ оленей. Жилъ Тайшинъ постоянно въ такъ называемыхъ князевскихъ юртахъ, въ 25 верстахъ отъ села Обдорскаго на сѣверъ; его изба и вообще семейная обстановка ничѣмъ не отличались отъ жилищъ другихъ остяковъ. Одѣвался Тайшинъ обыкновенно такъ-же, какъ и другіе остяки, т. е. носилъ пимы, малицу или гусь и только тогда надѣвалъ свой кафтанъ и знаки отличія, когда ему нужно было являться къ исправнику или засѣдателю. Словомъ сказать, когда Иванъ Матвѣевичъ былъ безъ кафтана, онъ представлялъ обыкновеннаго остяка и не отличался даже чистотою. Но представьте себѣ, что Иванъ Матвѣевичъ умылся, причесалъ свою голову, надѣлъ кафтанъ и знаки отличія, и тогда онъ глядѣлъ уже княземъ. Замѣчательно, что кафтанъ все сразу мѣнялъ въ Тайшинѣ: походку, осанку и взглядъ. Здороваясь съ нимъ, вы невольно замѣчали, что Тайшина когда-то учили этикету; онъ и ногами расшаркивался и руку подавалъ какъ джентльменъ. Ивана Матвѣевича въ этомъ случаѣ сопровождали переводчикъ и старшина или его помощникъ. По-русски Тайшинъ не говорилъ и даже увѣрялъ, что онъ не понимаетъ русскаго языка, хотя это представляется очень страннымъ, потому что Тайшинъ много вращался въ кругу русскихъ. Мы склонны не вѣрить въ этомъ Тайшину. Пользуясь среди остяковъ большимъ почетомъ, Тайшинъ на каждомъ шагу проявлялъ свою власть. Однако, власть эта держалась не столько на уваженіи къ личности Тайшина, сколько на боязни. Остякъ хорошо зналъ, что все сказанное Тайшинымъ должно быть исполнено, иначе его накажутъ, и слѣпо повиновался приказамъ Тайшина.

Я не знаю примѣровъ стремленія Тайшина къ улучшенію быта остяковъ, но мнѣ извѣстны случаи его стремленія къ наживѣ, его неправды, допускаемой въ судебныхъ дѣлахъ, и на основаніи того, что мнѣ извѣстно, я утверждаю, что управленіе Тайшина было вредно. Чтобы не быть голословнымъ, приведу примѣры.

Въ 1864 году, бывшій тобольскій губернаторъ уважаемый А. И. Деспотъ-Зеновичъ, посѣтивъ Березовскій край, писалъ, что „Тайшинъ не отказывался не только отъ приношеній, но употреблялъ и вымогательства. Ни одинъ остякъ не предъявилъ жалобы на Тайшина, а между тѣмъ, безъ всякаго сомнѣнія, и остяки подвергались не меньшимъ поборамъ, какъ и самоѣды. Когда губернаторъ предупредилъ какъ князя Тайшина, такъ и всѣхъ вообще бывшихъ на лицо старшинъ, что виновные въ лихоимствѣ будутъ выселены въ

Тобольскъ, то Тайшинъ торжественно поклялся въ присутствіи старшинъ, что онъ начнетъ новую жизнь, такъ какъ уже старъ и не желаетъ оставлять своего роднаго мѣста". Однако, эту торжественную клятву Тайшинъ вскорѣ-же измѣнилъ.

Осенью въ 1881 году двумъ рыбопромышленникамъ П. и Р. захотѣлось арендовать одно и то-же рыболовное мѣсто, принадлежащее остякамъ. П., съ помощью Тайшина, арендовалъ мѣсто за 350 рублей въ годъ, и этимъ способомъ оттягалъ рыболовное мѣсто у Р., который давалъ за то-же мѣсто 750 рублей въ годъ и обѣщался, въ случаѣ торговъ, дать значительно болѣе. Но Тайшинъ приказалъ остякамъ не соглашаться на это, и остяки, повинуясь ему, оставили мѣсто за П., отказавшись отъ торговъ. Нѣтъ сомнѣнія, что П. остался очень благодарнымъ Тайшину, да и было за что, потому что остяки въ каждый годъ потеряли 400 рублей, а въ четыре года 1.600 руб.

Другой примѣръ: у двухъ рыбопромышленниковъ М. и П. возникъ споръ о рыболовномъ сорѣ. Тому и другому хотѣлось оттягать соръ; остяки-же, владѣльцы сора, раздѣлились на партіи; одни желали отдать соръ М., а другіе П. Перевѣсъ оказался на сторонѣ П., потому что онъ обратился къ князю Тайшину, а послѣдній одного изъ инородцевъ, болѣе другихъ склонявшагося на сторону М., публично наказалъ розгами во дворѣ у П. Само собою понятно, что П. не остался неблагодарнымъ передъ княземъ Тайшинымъ. По этому дѣлу мѣстныя власти привлекали Тайшина къ отвѣтственности, но дѣло окончилось только внушеніемъ.

Мѣстное начальство не могло, конечно, равнодушно смотрѣть на разныя беззаконія Тайшина, но что̀ оно могло сдѣлать, когда прерогативы были на сторонѣ Тайшина. Тайшинъ хорошо понималъ это и отстаивалъ свои права. По свойственной всѣмъ остякамъ приверженности къ пьянству, Тайшинъ не оставлялъ своимъ вниманіемъ чарку, и въ пьяномъ видѣ, не смотря на свою старость, буянилъ. Бывали случаи, что Тайшина въ такомъ состояніи по необходимости сажали въ кутузку для вытрезвленія. Вотъ каковъ былъ князь Иванъ Матвѣевичъ Тайшинъ. Таковы-же были и сыновья его, ожидавшіе по наслѣдству княжескій титулъ. Объ одномъ изъ сыновей Тайшина производилось слѣдствіе по обвиненію его въ буйствѣ въ селѣ Обдорскомъ. Сказаннаго о Тайшинѣ, я полагаю, достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о немъ.

Умершій куноватскій князь Семенъ Артанзіевъ былъ человѣкъ еще не старый, ему было съ небольшимъ сорокъ лѣтъ. Онъ имѣлъ пожалованные ему кафтанъ и шапку; другихъ-же знаковъ отличія у него не было. Постоянное его жительство было въ ямскихъ

юртахъ, въ 100 верстахъ отъ Березова на сѣверъ, и его изба также ничѣмъ не отличалась отъ жилищъ другихъ остяковъ. Артанзіевъ былъ неграмотный и по внѣшности, когда онъ бывалъ безъ кафтана, ничѣмъ не отличался отъ другихъ остяковъ; кафтанъ-же только измѣнялъ его одежду и ничего болѣе. Онъ былъ флегматическаго темперамента, молчаливъ, видимо ничѣмъ не интересовался и ни на что не обращалъ вниманія. Такъ-же, какъ и Тайшинъ, Артанзіевъ не забывалъ чарку, но въ пьяномъ видѣ обыкновенно спалъ. Артанзіевъ былъ небогатъ; у него было не болѣе ста оленей. Управленіе въ рукахъ такого человѣка, конечно, не могло принести никакой пользы, и наблюдавшимъ было не трудно убѣдиться, что въ Куноватской волости все дѣлалось писаремъ инородной управы, иногда противъ всякаго желанія князя Артанзіева. Однако, и Артанзіевъ не забывалъ своего кармана. Въ Куноватской волости много моховыхъ мѣстъ, которыя арендуютъ зыряне, и за аренду этихъ мѣстъ ежегодно выручалось около 1.000 рублей, а можетъ быть и болѣе. Эти деньги собиралъ самъ Артанзіевъ, и удѣляя изъ нихъ себѣ львиную долю, остальныя раздавалъ остякамъ. Мѣстное начальство стремилось къ тому, чтобы эти деньги обращать въ мірской капиталъ, но Артанзіевъ упорно отказался отъ этого. Объ упорствѣ Артанзіева и о захватѣ имъ денегъ производилось слѣдствіе, но чѣмъ это дѣло окончилось—мнѣ неизвѣстно, такъ какъ въ концѣ 1882 года я выѣхалъ изъ Березовскаго округа. Передъ начальствомъ Артанзіевъ обыкновенно давалъ слово на будущее время не употреблять денегъ по своему произволу, но это повторялось каждый годъ. Такимъ образомъ и въ управленіи Артанзіева Куноватскою волостью мы видимъ только вредъ.

Установившійся среди остяковъ взглядъ на своихъ князей, какъ на повелителей, и давно практикующееся присвоеніе князьями не принадлежащаго имъ права судить, наказывать розгами и урывать себѣ львиныя доли, могутъ измѣниться, по моему мнѣнію, только тогда, когда у остятскихъ князей будетъ отнято право наказанія и остяки въ судебныхъ дѣлахъ будутъ подчинены исключительно выборнымъ старшинамъ. Если исчезнетъ боязнь быть наказанными, то съ нею вмѣстѣ исчезнетъ и слѣпое повиновеніе хищническимъ приказамъ князей. Довольно для князей остятскихъ и того, если за ними оставятъ только право на почетъ.

Т. Поповъ.

4 мая 1882 г., г. Березовъ.

14 апрѣля 1890 г., г. Омскъ.

Ахметка—башкирскій шутъ.

Въ „Русской Старинѣ“ 1890 г., іюнь, помѣщены интересные очерки ген. отъ инфант. князя Н. С. Голицына, въ которыхъ, между прочимъ, упоминается о различныхъ карликахъ, карлицахъ, шутахъ и т. п. обиженныхъ природою уродцахъ, забавлявшихъ, въ доброе старое время, нашихъ праздныхъ русскихъ баръ.

Подробно познакомивъ съ оригинальною личностью, прославившагося въ 1830-хъ годахъ юродствомъ, пресловутаго московскаго шута Ивана Савельича, и вскользь сказавъ о другомъ барскомъ шутѣ, „но уже въ другомъ родѣ“ — подвизавшемся въ Петербургѣ въ 1835—1836 годахъ, князь Н. С. Голицынъ въ своихъ воспоминаніяхъ въ заключеніе говоритъ, что съ этими послѣдними кончились подобныя безобразія въ порядочномъ обществѣ первой половины XIX вѣка.

Это не совсѣмъ вѣрно. Безобразія эти не прекращались и во второй половинѣ нашего вѣка. Слѣдующій разсказъ мой, озаглавленный: „Ахметка, башкирскій шутъ“, относится къ 1850-мъ годамъ, слѣдовательно, по времени—къ недавно прошлому.

Въ управленіе графа Василія Алексѣевича Перовскаго Оренбургскимъ краемъ, въ его генералъ-губернаторской канцеляріи служилъ его родственникъ г. Жемчужниковъ, прекрасно образованный и очень остроумный господинъ, обладавшій большими денежными средствами, а еще болѣе пользовавшійся покровительствомъ всемогущаго тогда въ Оренбургскомъ краѣ своего дядюшки.

У этого господина Ж. жилъ карликъ-шутъ изъ родовитыхъ башкирцевъ, по имени Ахметка, ростомъ одинъ аршинъ пять вершковъ, за то голова у него была, несоразмѣрно его росту, велика, что совершенно не гармонировало съ его маленькой, уродливой фигуркой. Этотъ Ахметка, кромѣ физическихъ недостатковъ, вопреки запрету Магомета, еще любилъ выпить, и часто напивался до чертиковъ, за что нерѣдко, не смотря на свои уже почтенныя лѣта, подвергался отъ своего властелина сѣкуціи.

Житье Ахметки у Ж. все-таки было привольное: онъ какъ сыръ въ маслѣ катался. Ж., разъѣзжая по Оренбургу, всегда бралъ его въ экипажъ, сажая рядомъ съ собою. Онъ часто завозилъ его въ знакомые дома, рекомендуя его своимъ ординарцемъ.

Жемчужниковъ наряжалъ Ахметку смотря по тому, какъ онъ велъ себя въ тотъ день: иногда его видѣли въ шутовскомъ разноцвѣтномъ костюмѣ, украшенаго, по званію шута, символическими знаками, какъ-то: бубенчиками, погремушками и т. п. арлекинскими атрибутами, а иногда онъ былъ одѣтъ въ башкирскій, окаймленный галуномъ, голубой казакинъ, при жирныхъ эполетахъ, сдѣланныхъ изъ блестящей разноцвѣтной фольги. Въ послѣднемъ нарядѣ Ж. нерѣдко привозилъ своего Ахметку въ театръ, гдѣ онъ садился съ нимъ постоянно въ первомъ ряду креселъ. Оренбургская интеллигентная публика такъ привыкла къ подобнымъ выходкамъ Ж., что не придавала имъ особаго значенія. Только, развѣ, видя шута Ахметку въ жирныхъ эполетахъ, нѣкоторые знакомые Ж. спрашивали его: за какія заслуги онъ сегодня повысилъ своего ординарца? онъ отвѣчалъ: „Ахметка уже нѣсколько дней не напивался пьянъ: вотъ я его за отличіе произвелъ въ маіоры“.

Съ назначеніемъ, въ 1856 году, на постъ оренбургскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Александра Андреевича Катенина, шалостямъ Ж. былъ положенъ конецъ, его отчислили отъ генералъ-губернаторской канцеляріи и онъ уѣхалъ изъ Оренбурга навсегда.

Взялъ-ли Жемчужниковъ своего шута Ахметку съ собою или отправилъ его въ башкирскую деревню, на родину—неизвѣстно.

Е. Г. Гвоздиковъ.

ФЛОРЫ-ЛАВРЫ,

изъ пензенской старины.

Пензенской губерніи, Городищенскаго уѣзда, предводитель дворянства Павелъ Тимоѳеевичъ Морозовъ собиралъ нѣкогда статистическія свѣдѣнія по всей Пензенской губерніи, вслѣдствіе предложенія губернатора, правившаго губерніею болѣе тридцати лѣтъ, того самаго Александра Алексѣевича Панчулидзева, который за двадцатипяти-лѣтіе получилъ отъ императора Николая Павловича золотую съ брилліантами табакерку.

Распоряженіе было сдѣлано. Гг. исправникамъ разослано предписаніе: доставить точныя и вѣрныя свѣдѣнія о флорѣ въ каждомъ уѣздѣ. Между прочимъ, не помню заподлинно кто, инсарскій или саранскій исправникъ также получилъ, того-же содержанія, какъ и прочіе, предписаніе отъ его пр—ва, съ заключеніемъ доставить въ статистическій комитетъ свѣдѣнія „о флорѣ“ Пензенской губерніи.

Получивши „указъ“, исправникъ призадумался не на шутку, что̀ ему дѣлать? Какой такой отвѣтъ на предписаніе дать и губернатору донести въ непродолжительномъ времени, да еще съ подробнымъ описаніемъ? Какъ быть? Какъ помочь? что написать? что это за флора такая?...

Посовѣтовался исправникъ съ протопопомъ отцемъ Васильемъ, а тотъ былъ ему кумъ.

Протопопъ внимательно прочелъ повелѣніе губернатора и, прочитавши, говоритъ:

— „А что кумъ, есть-ли у тебя календарь?“ — Тогда издавался одинъ лишь календарь, именно академическій.

„Есть“, говоритъ исправникъ.

— „Давай его сюда“!

Деньщикъ слуга приноситъ. Отецъ Василій долго рылся, наконецъ, нашелъ, что въ августѣ мѣсяцѣ, 18-го числа, бываютъ двое святыхъ Флоръ и Лавръ.

— „Знаешь-ли кумъ, говоритъ протопопъ,—что здѣсь въ указѣ? не одного Фрола требуютъ!“

„Кого еще?“ поспѣшно спросилъ исправникъ.

— „И Лавра! вотъ тутъ въ календарѣ и сказано: Фрола и Лавра. Видишь! Тебѣ придется собрать всѣхъ Фроловъ и Лавровъ, да и къ его пр—ву представить; труда не мало предстоитъ“.

Ослушаться приказанія нельзя было—указъ губ. правл. на лицо. Порѣшили сообща исправникъ съ отцомъ и кумомъ Василіемъ предписать „строжайше“ приставамъ о немедленномъ собраніи всѣхъ Фроловъ и Лавровъ въ уѣздѣ въ городъ С. или И., для предварительнаго осмотра по списку, и выслать потомъ въ губернію.

Разослали повѣстки. Становые, въ свою очередь, не мало надивились, что г. исправникъ, въ рабочую пору, предписываетъ и требуетъ собрать всѣхъ Фроловъ и Лавровъ и привести въ городъ съ тѣмъ, что, по осмотрѣ ихъ въ городѣ и провѣривъ по списку, вести въ Пензу, для представленія къ его пр—ву.

Пошла работа и потѣха на весь міръ! Было лѣто, разгаръ уборки сѣна, жнитва ржи, косьба овса и прочихъ яровыхъ. Можете судить, представить и вообразить себѣ добрыхъ нашихъ многотрудящихся русскихъ крестьянъ и бабъ, какъ они заполошились, узнавши, что есть „указъ“ отъ исправника: собрать Фроловъ и Лавровъ, и отправить ихъ въ губернію, къ губернатору, за какую-то провинность.

Пошла суматоха небывалая. „Приказъ и указъ“ — собирать Фроловъ и Лавровъ. Собраться надо время не малое. Уборка хлѣбовъ пріостановилась; бабы, дѣвки подняли рёвъ, вой, плачъ, что некому убирать сѣно, хлѣбъ; на бабьи и дѣвичьи слезы не посмотрѣли; отцевъ, мужей, сыновей, братьевъ собрали, что было на лицо, да и повели въ городъ къ исправнику.

Судъ да дѣло, времени-то ушло довольно. Вотъ собрались у исправника на дворѣ Фролы и Лавры до двухсотъ человѣкъ,— шутка-ли! Г. исправникъ назначилъ непремѣннаго члена, для отвода въ губернію (такъ простой народъ называетъ губернскій городъ). „Я не поѣду, а ты (въ то патріархальное время начальникъ подчиненныхъ ему называлъ „ты,“ какъ старшій младшему— никто не обижался) ступай, да отдѣли Фроловъ отъ Лавровъ: Фроловъ на правую сторону, Лавровъ—на лѣвую“.

Вооружившись отеческимъ наказомъ и заботою немалою, обратившись къ крестьянамъ и указавъ на правую сторону, исправникъ говоритъ: „если его пр—во спроситъ: кто вы? отвѣчайте: Фролы, ваше пр—во, и поклонитесь. А если, указавъ налѣво, спроситъ васъ:

что вы? Лавры, ваше пр—во; помните, и поклонъ сдѣлать". И внушительнымъ жестомъ внушилъ имъ объ исполненіи.

— „Слушаемъ-ста, ваше благородіе," отвѣчали крестьяне. И повели Фроловъ и Лавровъ изъ уѣзднаго города въ губернію. Путь порядочный, на своихъ харчахъ. Пришли. А время золотое идетъ, да идетъ себѣ, уборка хлѣба пріостановилась, плачъ бабъ продолжается.

Фролы и Лавры, подъ особеннымъ наблюденіемъ и попеченіемъ „непремѣннаго члена", прибыли въ губернію благополучно. Сколько времени шли, въ лѣтописяхъ того времени ничего не сказано, и въ архивѣ у исправника не отмѣчено. Домъ губернатора въ Пензѣ на горѣ, за домомъ дворъ довольно обширный, такъ что можетъ и баталіонъ съ полными рядами, трехъ-шеренговаго строя, легко помѣститься, свободно. Вотъ на эту-то площадку выходили фасадомъ домашніе внутренніе апартаменты 2-го этажа начальника губерніи. Супруга его пр—ва, Варвара Николаевна (рожденная Загоскина, родная сестра писателя романовъ „Юрій Милославскій", „Мирошевъ" и проч.), проснувшись (пензенскіе аристократы просыпались поздно), видитъ во дворѣ толпу мужиковъ въ различныхъ сермягахъ, расхаживающихъ и галдѣющихъ между собою не стѣсняясь. Представилось ея пр—ву что-то недоброе, въ родѣ бунта. Она спѣшитъ къ супругу, онъ, между прочимъ, ничего не вѣдая, ничего не зная о сборѣ мужиковъ у него во дворѣ, занимался докладами у себя въ кабинетѣ. Съ испуганнымъ видомъ и съ ужасомъ во взорѣ, жена говоритъ:

„Поди, посмотри, Александръ! что это у тебя на дворѣ мужики собрались и много ихъ, не бунтъ-ли?"

— „Что-ты, матушка, успокойся!"

Въ это-то самое время докладываютъ его пр—ству, что изъ Инсарскаго или Саранскаго уѣзда прибыли люди, вслѣдствіе предписанія его пр—ва. „Какіе люди? что за люди? для чего?"

„Непремѣнный членъ", между прочимъ, команду свою привелъ въ порядокъ, соображаясь съ инструкціею г. исправника, въ двѣ шеренги: Фроловъ по правую, Лавровъ по лѣвую сторону, причемъ напомнилъ имъ наставленіе исправника; самъ-же, въ мундирѣ, при шпагѣ, въ трехъ-угольной пирогомъ поперегъ головы шляпѣ, лѣвая рука у кокарды шляпы, въ правой рапортъ, ждетъ выхода губернатора. Его пр—во явился сумрачно-грозный. Послѣ должнаго „непремѣннымъ членомъ" рапорта, съ послѣднимъ словомъ:

„Имѣю честь представить Фроловъ и Лавровъ", членъ, окинувъ взоромъ крестьянъ, поклонился его пр—ву.

Губернаторъ, взглянувъ на прибывшихъ къ нему на смотръ Фроловъ и Лавровъ, не мало былъ удивленъ всей этой толпѣ мужиковъ; спрашиваетъ, обратившись къ правой сторонѣ крестьянъ: „Вы что?“

— „Фролы, ваше пр—во!“ всѣ въ одинъ голосъ возопили.

„А вы что? обратившись къ лѣвой сторонѣ.

— „Лавры, ваше пр—во!“ всѣ въ одинъ голосъ гаркнули.

„Я не этого требовалъ, какъ не понять!“

— „Такъ приказали г. исправникъ, докладываетъ „непремѣнный членъ“,—и изволили мнѣ подтвердить и приказать: ступай въ губернію и представь его пр—ву Фроловъ и Лавровъ. Сами г. исправникъ были заболѣвши“.

Выслушавъ отвѣтъ „непремѣннаго члена,“ его пр—во, всплеснувъ руками, повторилъ: „я не этого требовалъ!“ А ея пр—во со страхомъ и трепетомъ смотрѣла изъ окна своего будуара, боясь за мужа (мнѣ о томъ она лично говорила). Увидавши весь сумбуръ исправника во очію и незнаніе что̀ отвѣтить „непремѣнному,“ начальство тотчасъ крикнуло:

— „Фролы и Лавры! по домамъ!“

Губернаторъ, изъ военныхъ, служилъ въ гвардіи, въ Измайловскомъ полку, какъ гаркнулъ разомъ, то не соблюдая должнаго порядка, быстро, всѣ Фролы и Лавры, отъ радости разбѣжались въ разныя стороны и дали тягу по домамъ. Исправнику указъ: немедленно явиться по дѣламъ службы.

Ну ужъ и задалъ его пр—во трепку исправнику, проманежилъ его! Три мѣсяца сряду, когда исправникъ являлся представиться „по дѣламъ службы“, всякій разъ получалъ онъ успокоительный отвѣтъ: „пожалуйте завтра, его пр—во занятъ“.

Наконецъ — всему конецъ бываетъ — и этому дѣлу конецъ наступилъ.

Губернаторъ объясняетъ и говоритъ самому исправнику наставительно, снисходительно, мягко, съ улыбкою на устахъ:

— „Я не этого требовалъ, а описаніе флоры, то есть злаковъ травъ, цвѣтовъ, и не къ спѣху, такъ какъ лѣтняя пора, уборка хлѣба; но собравши не спѣша полныя свѣдѣнія, ко мнѣ представить, чрезъ уѣзднаго предводителя дворянства Павла Тимоѳеевича Морозова, такъ какъ я ему препоручилъ этимъ заняться для представленія въ статистическій комитетъ. Какъ не понять! Прощайте!—и впредь не суйтесь въ воду, не спросясь броду“, — заключилъ рѣчь свою начальникъ губерніи.

Сообщ. С. Н. Жеденовъ.

Къ „Губернскимъ очеркамъ“ М. Е. Салтыкова.

ЗАМѢТКА.

Въ статейкѣ моей, относящейся ко времени пребыванія М. Е. Салтыкова въ Вяткѣ (помѣщ. въ іюньской книгѣ „Русской Стар.“ 1890 г.) я высказалъ свое мнѣніе, что въ „Губернскихъ очеркахъ“ нѣтъ преувеличенія; картина писана съ натуры. Вотъ еще болѣе разительное доказательство особой смѣлости и изобрѣтательности нѣкоторыхъ дѣятелей изъ чиновнаго міра въ преслѣдованіи своихъ цѣлей—поживиться взяткою. Разумѣю, конечно, весьма памятное мнѣ до-реформенное время.

Во время о́но, былъ у насъ городничимъ нѣкто N. N., личность съ виду весьма приличная; любили его и старики купцы, и молодые купеческіе сынки; съ первыми онъ велъ серьезные разговоры, вторыхъ втихомолку, по ночамъ, обыгрывалъ въ карты, а подчасъ служилъ стѣною и защитою; такъ, если, бывало, до отцовъ доводили новость, что сынки дуются въ азартныя игры, да еще напролетъ ночи, то обыкновенно со стороны стариковъ получалось возраженіе: „Можетъ-ли быть? Тамъ былъ N.N.!“ Но не въ томъ дѣло.

Вскорѣ волею судебъ (судьба всегда внимательна къ талантливымъ людямъ) N. N. сдѣлалъ шагъ по службѣ, его перевели на должность въ губернскій городъ, и, что главное, если вѣрить словамъ N. N. (а мы привыкли вѣрить ему на-слово), онъ вскорѣ успѣлъ пріобрѣсти особое благоволеніе своего начальника. И вотъ однажды, весною, когда купчики собирались ѣхать на пристани для отправки барокъ, вдругъ N. N. появился въ Орловѣ, и повѣдалъ онъ своему хорошему знакомому, городскому головѣ, конечно, по секрету, что онъ командированъ съ непріятнымъ порученіемъ, отъ котораго не отказался только потому, что жаль губить добрыхъ ребятъ, „другой, видишь, пожалуй, начнетъ казнить съ плеча“. Изъ дальнѣйшаго повѣствованія обнаружилось, яко-бы изъ Архангельска получена бумага, что лѣтомъ, въ бытность тамъ молодыхъ орловскихъ купчиковъ, М. и Б. замѣчены были гдѣ-то въ публичномъ мѣстѣ въ неосторожныхъ разговорахъ про-

тивъ правительства и религіи и т. д. Надо добавить, что фамиліи М. и Б., несомнѣнно съ умысломъ, были въ бумагѣ извращены.

Въ предписаніи N. N. поручалось сдѣлать дознаніе, есть-ли таковые М. и Б. въ Орловѣ, и если есть, то обязать ихъ подпискою о невыѣздѣ изъ города (это тогда-то, когда тѣмъ до зарѣзу и неотложно пришло время ѣхать по торговымъ дѣламъ). По пути въ бумажкѣ еще упоминалось обратить вниманіе на старушку-старообрядку, тещу купца, спокойно доживающую свой вѣкъ въ Орловѣ. Тутъ рекомендовалось сдѣлать обыскъ.

Для вящаго убѣжденія, въ которомъ, правда, никто и не нуждался, N. N. показалъ головѣ и предписаніе, подписанное губернаторомъ. Голова знакомъ былъ съ подписомъ губернатора и высказывалъ впослѣдствіи убѣжденіе, что, вѣроятно, бумага была подсунута для подписи губернатору съ другими, или ужъ очень искусно поддѣлано. То и другое, конечно, возможно.

Какъ-бы то ни было, голова началъ взывать о милости, а N. N. согласился на посредничество. „Дѣло, говоритъ, бѣдовое, мнѣ ничего не нужно, но тамъ надо пожаръ тушить, благо есть пока возможность, фамиліи-то перевраны“. И поѣхалъ голова по роднымъ и знакомымъ помогать N. N. дѣлать сборы. М. уже былъ въ отъѣздѣ, расплатилась за него матушка-старушка; за старуху-старообрядку, состоятельную тещу, раздѣлался зять, но у братьевъ Б. не могли добиться толку: тѣ другъ друга безконечно исповѣдывали, оказывалось, что ничего подобнаго и быть не могло; впрочемъ, N. N. облюбовалъ у нихъ складное американское кресло, которое и получилъ въ презентъ.

Впослѣдствіи оказалось, что поѣздку свою на этотъ разъ N. N. не ограничилъ однимъ Орловымъ, у него нашлась еще и другая подобнаго-же рода бумага-кормилица, по которой уже начались переговоры съ купчиками сосѣдняго города Котельнича; тамъ у N. N. не было родства, не было добрыхъ знакомыхъ, и милость, какъ оказалось, уже продавалась дороже, чѣмъ орловчанамъ. Замѣчательно, что тамъ, при нападеніи на молодаго купчика З., дядюшка молодца, уплативъ N. N. за спасеніе племянничка 300 руб., выставилъ послѣднему въ счетъ 1000. Такая, по крайней мѣрѣ, шла тогда молва, и если правда, то выходитъ, что купецъ оказался „честнымъ маклеромъ“ и перехитрилъ доку-чиновника.

Въ свое время, въ Архангельскѣ, потревоженные N. N. купчики попытались разузнать—откуда, въ самомъ дѣлѣ, загорѣлся „сыръ-боръ“. Оказалось, что N. N. былъ просто „магъ и волшебникъ“, создающій кредитки изъ ничего.

Впослѣдствіи N. N. перебрался на службу далеко отъ Вятской губерніи, и я увѣренъ, если ему попались въ руки „Губернскіе очерки“, то съ какою, я думаю, улыбочкою произнесъ онъ: „Стоило-же надворн. совѣтнику Щедрину описывать дѣянія такихъ младенцевъ-дѣятелей, которые нашему брату и въ подметки не годятся“.

И на этотъ разъ, скажу я, N. N., пожалуй, въ самомъ дѣлѣ былъ-бы, разумѣется, съ своей точки зрѣнія, правъ.

А. Кузнецовъ.

Орловъ (Вятской губ.).

Поправки и опечатки.

(Къ „Дневнику“ А. В. Никитенко).

На стр. 615 „Дневника,“ въ сентябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1890 г., напечатано: профессоръ Таитовъ, а надо читать: Тантави.

Въ апрѣльской книгѣ того-же года, на стр. 32, передъ именемъ Барановскаго (въ столкновеніи его съ Бибиковымъ), прибавлены въ скобкахъ буквы С. Ив. Это, однако, не Степанъ Ивановичъ Барановскій, изобрѣтатель разныхъ машинъ, а двоюродный братъ его, Викторъ Ивановичъ.

С. А. Никитенко.

Русскіе въ Парижской академіи наукъ.

Къ очерку въ „Русской Старинѣ“ 1890 г., январь.

Въ январьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1890 г., на стр. 245 и 246, въ интересномъ сообщеніи уважаемаго М. И. Венюкова: „Русскіе въ Парижской академіи наукъ“, въ числѣ мемуаровъ русскихъ ученыхъ, напечатанныхъ въ „Comptes rendus“ этой академіи за 1883, 1884 и 1888 гг., встрѣчаются четыре раза мемуары, представленные г. Максимовичемъ, изъ коихъ два по математикѣ и два по химіи.

Два мемуара по математикѣ принадлежатъ моему однофамильцу, если не ошибаюсь—профессору математики въ кіевскомъ университетѣ. Что-же касается до двухъ остальныхъ мемуаровъ, напечатанныхъ въ „Comptes rendus“ парижской академіи наукъ за 1888 годъ, то они принадлежатъ мнѣ. Оба мемуара: 1) Des propriétés antiseptiques du naphtol α, и 2) Nouvelles recherches sur les propriétés anticeptiques de naphtols α et β, Tome CVI, стр. 366 и 1441—относятся не къ области химіи, а къ медицинѣ, и въ „Comptes rendus“ значатся принадлежащими къ Pathologie physiologique.

Д-ръ мед. И. Максимовичъ,
консультантъ Варшавскаго Уяздовскаго воен. госпиталя.

4 октября 1890 г.
Варшава.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ[1]).

Старики мои, стародавніе,
Изъ Тумы, Тумы [2]) прирожденные,
Ничего, старики, вы не вѣдаете:
А у насъ въ Москвѣ не по старому,
Не по старому, не по прежнему;
Называютъ-то Москву—деревнею,
Государевъ дворецъ—конюшнею.

* *
*

Не бѣлая заря занималась,
Не красное солнце выкатилось,
То ѣдетъ нашъ православный царь
Со князьями, со боярами
И со думными сенаторами.
Сустрѣчаетъ царя князь Меншиковъ,
Александръ сударь Даниловичъ.
— „Здравствуй, батюшка нашъ, православный царь!“
— „Здравствуй, князь ты сударь Даниловичъ.
Что въ нашей Москвѣ дѣлается?“
— „Ой ты, батюшка, православный царь,
Во Москвѣ—Москвѣ не по прежнему,
Не по прежнему, не по старому;
Называютъ-то Москву деревнею,
Государевъ твой дворецъ—конюшнею.

Красно солнышко съ свѣтлымъ мѣсяцемъ поразмолвилось,
Называетъ солнышко свѣтлый мѣсяцъ назывочкой;
Назывочка-батюшка, свѣтлый мѣсяцъ,
Измѣняешь ты красному солнышку
И глядишь ты, назывочка, позднешенько вечеромъ,
Унимаешь ты у невольничка путь-дороженьку—
Со полону бѣжать князь Лещинскому.
У Лещинскаго колясочка словно жаръ горитъ,
Во колясочкѣ заложены кони въ 12 паръ,
На коняхъ фалейторы всѣ подкуплены.
Гонитъ погонь за княземъ Лещинскимъ,
Гонитъ погонь въ пятьсотъ жандармъ.
Прибѣжалъ Лещинскій ко Дунай рѣкѣ,
На ту пору переправщиковъ не случилось.
„Ты позволь, Дунай-матушка, переправиться!“
Попросивъ Дунай, князь Лещинскій въ рѣку бросился.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., т. LXVII, стр. 468, 570—572, 656.
[2]) Написано по догадкамъ.

Православный Царь Петръ Алексѣевичъ
Много силы набиралъ, много силы накопилъ,
Намъ казаченькамъ въ походъ объявилъ.
Онъ князей-то, бояръ дарилъ-жаловалъ,
Дарилъ селами, дарилъ подселками,
Да еще то онъ дарилъ городомъ Бебердомъ (?).
Какъ спросилъ православный царь Алексѣевичъ:
„Вы князья мои, бояре, воеводы Московскіе,
Да гдѣ-жъ это мой слуга Галджеринъ [1]) князь?“
— „Онъ ушелъ-то бѣжалъ королю Литвы служить,
Служить вѣрой-правдою, безъ измѣнушки“.
Воскликнулъ православный царь громкимъ голосомъ:
„Вы подайте-ка мнѣ добраго коня,
Еще дайте вы мнѣ золоту трубу,
Я пойду въ чистое поле на высокъ курганъ,
Посмотрю я воздалече-воздалеченько“.
Не пыль, не кура по дорогѣ куритъ-подымается,
Не туманъ въ полѣ разстилается:
По той по дорогѣ бѣжитъ слуга Ганджеринъ князь.
Въ поводу онъ ведетъ двухъ предобрыхъ коней,
Въ торокахъ онъ везетъ двѣ головушки,
Двѣ головушки, двѣ не простыя—княженецкія.

„Ой батюшка нашъ, батюшка,
Батюшка князь Волконскій,
Ты пьешь, гуляешь, ничего не вѣдаешь,
Что живетъ твоя молодая княгиня
Съ молодымъ ключникомъ,
Твоимъ разлучникомъ“.
Тутъ Волконскій князь призадумался,
Какъ и сталъ-то князь Волконскій
Молодаго ключника допрашивать:
„Ты живешь-ли, молодой ключникъ,
Со младой княгинею?“
Молодой ключникъ повинился:
— „Во зеленомъ саду много гулялъ,
За бѣлыя руки много держалъ“.
Осерчалъ, закричалъ князь Волконскій:
— „Ей, поставьте два столба точеные,
На нихъ жордочку крашоную,
Да повѣсьте петельку шелковую“.
Виситъ молодой ключникъ, качается,
Лежитъ молодая княгиня, кончается.

Сообщ. 31-го декабря 1874 г. г. **Морозъ**.

---

[1]) Прим. собирателя пѣсенъ. Въ Аугсбургской газетѣ сообщено изъ Бона отъ 25 іюня 1857 г.: „Русскій князь Николай Ганджеры, родившійся въ 1836 г., въ Константинополѣ, защищалъ диссертацію на степень доктора юридическихъ наукъ“. Б.

Графъ Дибичъ-Забалканскій

1831 г.

Приказъ его по дѣйствующей арміи.

По странной случайности, во всѣхъ изданныхъ сочиненіяхъ о русско-польской войнѣ 1831 года, нигдѣ не упомянуто о приказѣ графа Дибича-Забалканскаго по русской дѣйствующей арміи. Помѣщаю этотъ историческій документъ на страницахъ уважаемой „Русской Старины".

Ал. Ив. Савельевъ.

Въ Гродно, генваря 1-го дня 1831 года.

„Милость всеавгустѣйшаго монарха нашего вторично воззвала меня къ начальству надъ дѣйствующею арміею.

„Принимая съ благоговѣніемъ сіе новое лестнѣйшее доказательство довѣренности всемилостивѣйшаго государя, я уповаю на помощь Всевышняго въ справедливѣйшемъ дѣлѣ. Да благословитъ Всемогущая Его десница усилія наши, храбрые воины! Тридцатилѣтніе опыты, въ рядахъ вашихъ, научили меня имѣть къ вамъ полную довѣренность. Я знаю, что начальникъ, любящій васъ, не уроняя никогда долга своего и давая вамъ собою примѣръ солдатской строгости, можетъ быть увѣренъ въ любви и довѣренности.

„Мы идемъ на рать для всѣхъ насъ небывалую, въ вѣрныхъ сердцахъ русскихъ никогда неожиданную,—спѣшимъ на покореніе преступниковъ, взбунтовавшихъ Царство Польское противъ государя, нами обожаемаго, который осыпалъ сихъ неблагодарныхъ измѣнниковъ безпримѣрными милостями, и многимъ изъ нихъ недавно даровалъ великодушное прощеніе. Преступныя покушенія сихъ крамольниковъ дерзнули даже помышлять на жизнь августѣйшаго брата нашего монарха, который въ продолженіи 15 лѣтъ оставался имъ благодѣтельнымъ начальникомъ и покровителемъ.

„Да покажетъ имъ штыкъ русской, что умыслы ихъ столь-же ничтожны, какъ и злодѣйски. Да покоритъ еще разъ благоустройство и храбрость русскихъ легкомысліе и буйное своеволіе.

„Но карая бунтовщиковъ мужественною рукою, когда они упорствуютъ въ злодѣйствѣ, вспомнимъ, что раскаяваясь и возвращаясь отъ заблужденія, они становятся вновь братьями нашими, что наказаніе, даже упорныхъ преступниковъ, когда они обезоружены, принадлежитъ закону, а не частно каждому изъ насъ.

„Спокойный житель, встрѣчающій насъ безъ вражды, не только долженъ находить въ насъ друзей, защитниковъ, но и удостовѣряться поступками нашими, что мы дѣти одного великаго отца, преисполненныя его благости и милосердія, и назначены имъ для покровительства слабыхъ, противъ крамолъ, скрывающихъ личные свои виды и самую необузданность всѣхъ пороковъ, подъ именемъ такъ называемой ими вольности.

„Народы востока восклицаютъ хвалу примѣрной нравственности русскихъ воиновъ: да будетъ благодарность нашихъ собратій ихъ отголоскомъ къ славѣ нашей.

„Недостойный имени русскаго воинъ, который-бы могъ удалиться отъ доброты нравовъ русскихъ, найдетъ во мнѣ судію непоколебимаго, но мнѣ пріятно объявить вамъ твердую мою увѣренность, что я не найду такихъ въ рядахъ вашихъ.

„Итакъ, пойдемъ съ радостнымъ духомъ и твердою вѣрою на брань священную за государя и отечество. Да благословитъ насъ Всемогущій Богъ вновь доказать свѣту, что русскіе воины всегда готовы храбростію и вѣрностію достичь исполненія священной воли возлюбленнаго монарха: никогда не уступить ни внѣшнимъ, ни внутреннимъ врагамъ и самомалѣйшей части того, что пріобрѣтено кровію русскою“.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій.

Примѣчаніе. Изъ архива генерала А. Б. Дихеуса.

Сообщ. **Ал. Ив. Савельевъ.**

ПИСЬМО В. К. МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА КЪ ГР. ЛАНЖЕРОНУ.

Makoff, le 22 juin (4 juillet) 1831.

Mon cher et excellent Langeron! J'ai à vous remercier mille et mille fois pour vos aimables lettres du 25 avril (7 mai), 25 mai (6 juin) et la dernière sans date. Croyez, mon cher ami, que l'amitié que vous m'y témoignez m'est bien précieuse, de même je sais en plein reconnaitre l'intérêt que vous voulez bien me porter. J'ai tâché et je tâcherais toujours de faire mon devoir de mon mieu(x) et si j'ai pu y réussir, je suis on ne peu pas plus heureux. Je suis bien charmé que vous ayez abandonné l'idée d'aller à Odessa, j'ai écrit hier au G. Alédinsky. pour qu'il vous fasse préparer deux appartements au grand château de Pavlofsk; celui des deux qui vous plaira le plus sera à vos ordres. L'idée de vous savoir établi dans mon domaine me fait un plaisir extrême, et j'espère que vous me ferez l'extrême plaisir aussi de vous croire absolument à la maison une fois que vous y serez établi; vous le serez de fait car vous demeurerez sous le. toit d'un ami sincère et de coeur que vous avez. Les calembourgs que vous voulez bien me communiquer sont charmants et dignes de l'aimable auteur; j'en ai fait aussi quelques uns depuis le tem(p)s, que nous avons été à nous reposer à Macoff; je ne vous en citerais qu'un seul: le comte Pierre Pahlen assez fatigué de cette campagne me dit: „on pourrait désirer qu'entre la Russie et le reste de l'Europe, aulieu de ce pays-ci (en parlant de la Pologne) il y eut la mer"; j'ai répondu a cela au comte Pahlen, que dans ce cas les polonais y retrouveraient ce qu'il(s) désire(nt)justement, c. à d. leur mère patrie. Mais il faut que je termine ma lettre me mettant en marche tout de suite. Adieu donc, mon cher et excellent Langeron, veuillez présenter mes hom(m)ages à madame la comtesse et dire bien des choses de ma part aux personnes qui veulent bien encore se rappeler de moi. Pensez quelquefois à un ami, qui vous aime de coeur et d'âme. Michel.

P. S. Je ferais ce qui dépendra de moi pour subvenir à la demande du frère du ct. Novossiltsoff, qui avait commandé mon régiment de(s) chasseurs à cheval, et qui à été tué durant cette campagne.

Примѣчаніе. Съ подлиннымъ вѣрно. М. Паризо-де-Ла-Валеттъ.

Маковъ, 22 іюня (4 іюля) 1831 г.

[Переводъ]. Дорогой и любезный Ланжеронъ! Тысячу, тысячу разъ приходится благодарить васъ за ваши любезныя письма отъ 25 апрѣля (7 мая), 25 мая (6 іюня) и за послѣднее письмо, безъ даты. Повѣрьте, любезный другъ, что я весьма дорожу тѣмъ дружескимъ расположеніемъ, какое вы въ нихъ высказываете мнѣ, точно такъ-же, какъ я умѣю вполнѣ цѣнить ваше участіе ко мнѣ. Я старался и всегда буду стараться исполнить свой долгъ какъ можно лучше и чувствую себя какъ нельзя болѣе счастливымъ всякій разъ, какъ это мнѣ удастся. Я очень доволенъ тѣмъ, что вы раздумали ѣхать въ Одессу; я писалъ вчера ген. Алединскому, чтобы онъ приказалъ приготовить для васъ двѣ квартиры въ большомъ Павловскомъ дворцѣ; та изъ нихъ, которая вамъ наиболѣе понравится, будетъ къ вашимъ услугамъ. Мысль, что вы поселитесь въ моемъ имѣніи, доставляетъ мнѣ чрезвычайное удовольствіе, и я надѣюсь, что вы мнѣ доставите также чрезвычайное удовольствіе тѣмъ, что, поселившись въ немъ, будете чувствовать себя совершенно какъ дома; въ сущности, вы и будете тамъ дома, живя подъ кровомъ искренняго и сердечно вамъ преданнаго друга, какого вы имѣете во мнѣ. Каламбуры, сообщаемые вами, прелестны и достойны ихъ милаго автора; у меня самого ихъ сорвалось нѣсколько съ тѣхъ поръ, какъ мы находимся на отдыхѣ, въ Маковѣ; приведу вамъ на образецъ только одинъ изъ нихъ: графъ Петръ Паленъ, порядочно утомленный нынѣшнимъ походомъ, сказалъ мнѣ: „можно бы пожелать, чтобы между Россіей и Европой, вмѣсто этой страны (говоря о Польшѣ), было бы море“ (mer); я отвѣчалъ на это графу Палену, что въ такомъ случаѣ поляки нашли бы въ немъ именно то, чего они желаютъ, т. е. ихъ mère patrie (свое отечество) [1]. Пора однако окончить это письмо, такъ какъ я тотчасъ выступаю. Итакъ, прощайте, дорогой мой и любезный Ланжеронъ, соблаговолите засвидѣтельствовать мое почтеніе графинѣ и передать мой привѣтъ тѣмъ, которые еще помнятъ меня. Вспоминайте иногда друга, любящаго васъ отъ всей души и отъ всего сердца. Михаилъ.

P. S. Я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы исполнить просьбу брата графа Новосильцева, командовавшаго моимъ полкомъ конныхъ егерей и убитаго въ эту кампанію.

Перев. В. Т.

---

[1]) Непередаваемая въ переводѣ игра словъ, въ созвучіи, но разномъ значеніи омонима mer (море) и mère (мать). Mère patrie—отечество, родина.

Къ разсказу Н. Н. Жеденова: „Эпизодъ 1848 г.“

[«Русская Старина» 1890 г., томъ LXVII, кн. 8, стр. 293—316].

Весьма интересный разсказъ подполковника Николая Николаевича Жеденова, помѣщенный въ августовской книгѣ «Русской Старины», очевидно относится до дѣла М. В. Петрашевскаго, когда, во время арестовъ до ста человѣкъ въ одну ночь, ошибки были вполнѣ возможны, и ихъ дѣйствительно оказалось числомъ до четырехъ. Разсказъ этотъ, столь ярко выказывавшій возвышенность души императора Николая Павловича, а также доброту и обходительность цесаревича Александра Николаевича, в. кн. Михаила Павловича и высшихъ начальствующихъ лицъ того времени,—грѣшитъ нѣсколькими маловажными невѣрностями, о которыхъ я упомяну, безъ малѣйшаго опроверженія сущности самаго разсказа.

Фрейлину Нелидову, жившую тогда по коридору Салтыковскаго подъѣзда, звали и зовутъ не Натальей, но Варварой Аркадьевной.

Должности начальника тайной полиціи никогда не существовало официально, и насколько я помню, послѣ 1830 года, никакой Де-Сангленъ не служилъ въ III-мъ отдѣленіи.

Тайной полиціей завѣдывалъ, безъ всякаго титула, управляющій III-мъ отдѣленіемъ, а пожилой человѣкъ, съ двумя звѣздами, въ мундирномъ фракѣ, котораго Жеденовъ видѣлъ совмѣстно съ генераломъ Дубельтомъ у графа А. Ѳ. Орлова, былъ, по всему вѣроятію, тайный совѣтникъ Сахтынскій, весьма часто присутствовавшій при докладахъ Дубельта у Орлова, какъ одинъ изъ старшихъ чиновниковъ отдѣленія.

Генералъ Витовтовъ не могъ, давая Жеденову адресъ графа Орлова, сказать ему, что графъ живетъ у Краснаго моста, въ «собственномъ» домѣ, потому что графъ нанималъ, за 6 тысячъ рублей въ годъ, квартиру у Краснаго моста, въ домѣ Таля, а его, графа Орлова, собственный домъ, никогда имъ не занимаемый, находился на Литейной, и принадлежитъ теперь департаменту удѣловъ.

Повторяю, что всѣ эти невѣрности—сущія бездѣлицы, но противъ чего я положительно протестую, это та пощечина, которую, по словамъ Жеденова, генералъ Дубельтъ будто-бы далъ негодяю, его оклеветавшему.

Отецъ мой, Леонтій Васильевичъ Дубельтъ, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, а на службѣ въ особенности, былъ человѣкъ до совершенства благовоспитанный, добрый, мягкій, вѣжливый и терпѣливый. Если-бы Жеденовъ сказалъ, что отецъ мой, возмущенный гнусностью поступка клеветника, сослалъ его административнымъ порядкомъ въ одну изъ отдаленныхъ губерній, я не могъ-бы опровергать это съ убѣжденіемъ, но чтобы Леонтій Васильевичъ могъ увлечься до того, чтобы ударить, хотя-бы и злодѣя, при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, я объявляю это положительно невозможнымъ.

Мих. Леон. Дубельтъ.

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

Спеціальность генерала NN., человѣка уже пожилаго, состояла въ томъ, что онъ никогда не говорилъ ни единаго слова правды. Однажды лѣтомъ ожидали въ Петергофѣ выхода императора Николая Павловича къ разводу, на Дворцовой площадкѣ. Государь обыкновенно принималъ разводъ пѣшимъ, и поставленный съ этою цѣлью адъютантъ, завидя издали приближеніе его величества, давалъ условленный знакъ, и все приходило въ надлежащій порядокъ, для встрѣчи монарха. Въ этотъ день, по непонятной причинѣ, адъютантъ не усмотрѣлъ приближенія государя, который и подошелъ совершенно незамѣтно къ самому центру площадки, гдѣ была сосредоточена группа начальствующихъ лицъ, съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ во главѣ и съ генералъ-адъютантомъ N., бывшимъ въ этотъ день дежурнымъ при государѣ, въ средѣ своей. Императоръ обратился къ его высочеству и недовольнымъ голосомъ сказалъ: „Кажется, меня можно было замѣтить". Великій князь, не растерявшись нисколько, взялъ руку подъ козырекъ и отвѣтилъ:

— „Ваше величество, генералъ N. N. говорилъ намъ, что вы идете, но мы ему не повѣрили".

Николай Павловичъ разсмѣялся, N.N. также, и тѣмъ эпизодъ этотъ ограничился.

Весьма интересный очеркъ генерала-отъ-инфантеріи князя Н. С. Голицына: „Тѣлесныя наказанія въ Россіи и отмѣна ихъ" („Русск. Старина" 1890 г., апрѣль) напоминаетъ мнѣ ужасающее злодѣйское происшествіе, совершившееся за два года передъ тѣмъ, а именно въ 1861 году, въ 6-й кавалерійской дивизіи, расположенной въ Чугуевѣ и его окрестностяхъ. Право, вспоминая это кровавое дѣло, можно подумать, что его виновники, какъ-бы предчувствуя

благодѣтельное и гуманное повелѣніе покойнаго государя Александра II объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, торопились натѣшиться напослѣдяхъ грустной эпохи.

Подполковники Курдяевъ и Плехановъ командовали эскадронами въ Нѣжинскомъ драгунскомъ полку, 6-й кавалерійской дивизіи, начальникомъ коей былъ генералъ-лейтенантъ М. Обхожденіе ихъ съ подчиненными имъ нижними чинами было звѣрское до непостижимости. Описываемое дѣло началось прошеніемъ крестьянъ, обитателей села, въ коемъ были расположены означенные эскадроны, поданнымъ ими командиру полка, полковнику Есипову, и въ коемъ, между прочимъ, было сказано, что „намъ страшно жить въ селѣ отъ воя солдатъ, которыхъ порятъ". Командиръ полка не далъ никакого движенія прошенію, злодѣйства продолжались, и тогда крестьяне подали другое прошеніе, начальнику дивизіи М., который, получивъ его, приказалъ начальнику своего штаба, полковнику N*, произвести строжайшее изслѣдованіе. Полковникъ N* произвелъ возложенное на него порученіе способомъ до крайности оригинальнымъ, а именно, выведя оба эскадрона въ степь, въ пѣшемъ строю и въ полной аммуниціи, съ восходомъ солнца, онъ продержалъ людей до его заката, все время смирно, и заводя ихъ лицомъ къ солнцу такимъ образомъ, чтобы оно все время палило имъ въ лицо. День былъ лѣтній, жаркій, солнечный и, терпѣливый полковникъ все время расхаживалъ вдоль строя, и вооруженный палкою, билъ ею всякаго солдата, въ коемъ онъ замѣчалъ малѣйшее движеніе. На дру́гой день полковникъ N* донесъ своему начальнику, что жалоба крестьянъ неосновательна, что обхожденіе Курдяева и Плеханова съ нижними чинами вполнѣ гуманно, и что неудовольствіе нижнихъ чиновъ нельзя назвать иначе, какъ нарушеніемъ дисциплины. Генералъ-лейтенантъ М. разжаловалъ въ рядовые вахмистровъ и нѣкоторыхъ изъ унтеръ-офицеровъ. Злодѣйства продолжались по прежнему.

Все это происходило въ 1860 году и въ началѣ 1861 года. Когда-же позднимъ лѣтомъ послѣдняго государь, послѣ пріобрѣтенія Ливадіи, ѣхалъ въ Крымъ, дѣлая дорогой смотры войскамъ, то на станціи, предшествовавшей Чугуеву, ему было подано прошеніе женами разжалованныхъ вахмистровъ и унтеръ-офицеровъ во время перепряжки почтовыхъ лошадей. Императоръ, по прибытіи въ Чугуевъ, передалъ это прошеніе начальнику корпуснаго штаба М. Л. Дубельту, съ приказаніемъ дѣло это тщательно разобрать и поступить по справедливости. По докладу Дубельта, корпусный командиръ баронъ Офенбергъ предписалъ генералу Б. произвести стро-

жайшее слѣдствіе, послѣдствіемъ коего былъ военный судъ, на коемъ выяснились, между прочимъ, слѣдующія обстоятельства:

Эскадронные командиры, подполковники Курдяевъ и Плехановъ, обучая ввѣренныя имъ части пѣшими по конному въ мартѣ мѣсяцѣ, водили ихъ до пятнадцати разъ взадъ и впередъ черезъ рѣчку, глубиною выше пояса, и когда солдаты, окоченѣвшіе отъ студеной воды, неправильно проходили церемоніальнымъ маршемъ тихимъ шагомъ, то виновные тутъ-же получали по 800 палокъ. Обучая солдатъ верховой ѣздѣ, нѣкоторымъ изъ нихъ, для большаго вытягиванія ногъ, привязывалась къ каждой ногѣ пудовая гиря, причемъ людей гоняли рысью, и когда однажды подобная гиря отвязалась, то дурно привязавшій это орудіе пытки получилъ 800 палокъ. Вообще эти два штабъ-офицера были какъ-бы помѣшаны на цифрѣ 800, отъ коей эскадронный писарь, получившій ихъ, поступилъ въ госпиталь и тамъ умеръ. По показанію крестьянъ, пѣшія ученья, большею частью, состояли въ томъ, что нижніе чины безпрестанно ложились для порки и вставали по ея окончаніи.

По окончаніи военнаго суда и по разсмотрѣніи дѣла, корпусный командиръ баронъ Офенбергъ положилъ на немъ слѣдующую конфирмацію, которая и была высочайше утверждена безъ всякихъ измѣненій: „Начальнику дивизіи, генералъ-лейтенанту М., объявить высочайшій выговоръ, со внесеніемъ въ формулярный списокъ. Командира полка, полковника Есипова, отрѣшить отъ командованія полкомъ и уволить отъ службы. Подполковниковъ Курдяева и Плеханова разжаловать въ рядовые. Генеральнаго штаба полковника N* уволить отъ должности начальника дивизіоннаго штаба и впредь не опредѣлять на таковую, гдѣ онъ можетъ имѣть соприкосновеніе съ нижними чинами. Разжалованнымъ вахмистрамъ и унтеръ-офицерамъ возвратить ихъ званія".

Курдяевъ и Плехановъ служили солдатами; одинъ изъ нихъ въ 1-й кавалерійской дивизіи, другой въ кавказскихъ войскахъ.

Генеральнаго штаба полковникъ N*, по прошествіи года, былъ назначенъ командиромъ пѣхотнаго полка.

***

Императрица Марія Ѳеодоровна.

12-го декабря 1828 г., на торжественномъ актѣ императорскаго дерптскаго университета, профессоръ Карлъ Моргенштернъ произнесъ рѣчь въ память императрицы Маріи Ѳеодоровны. Напечатавъ потомъ рѣчь свою, Моргенштернъ подарилъ по экземпляру генералъ-адъютанту К. К. Мердеру и В. А. Жуковскому, съ которымъ онъ хорошо былъ знакомъ. Кромѣ того, онъ просилъ Мердера, какъ воспитателя великаго князя наслѣдника Александра Николаевича (Александра II), преподнести его высочеству одинъ экземпляръ этой рѣчи. По этому поводу Моргенштернъ получилъ отъ Жуковскаго сообщаемое здѣсь письмо, которое, сколько мнѣ извѣстно, не издано. Подлинникъ находится въ библіотекѣ Дерптскаго университета.

В. А. Кордтъ.

В. А. Жуковскій—Карлу Моргенштерну.

Recevez mes remerciments, respectable ami, pour votre brochure, que vous avez eu la bonté de m'envoyer. Je l'ai lue avec un vrai intérêt. C'est une course rapide que j'ai faite avec vous par un beau pays. La vie de cette femme vertueuse peut bien être comparée à un jardin cultivé où tout parle d'activité bienfaisante, où tout resplendit des plus belles productions de la nature, où tout réjouit par la beauté et l'utilité. Son souvenir est pur. Il n'y a pas d'exemple d'une telle activité sur le trône. Votre brochure est un excellent sommaire pour sa biographie, et sa biographie, bien faite, servit l'histoire d'un demi-siècle de Russie considéré sous le point de vue le plus intéressant. Merder vous a déjà répondu. Il a remis au Grand-Duc l'exemplaire qui lui a eté destiné. Cet enfant est digne d'apprendre la belle vie de sa grand'mère, car il a aussi une belle âme et il s'attendrit toujours à son souvenir. Jâsche l'a vu de près; il peut vous en donner une idée, car il l'a vu dans son intérieur et dans toute sa gaîté enfantine.

J'ai reçu une lettre de Tourgueneff, qui me parle aussi de Goethe, avec le quel il a passé une heure délicieuse.

Adieu! Je vous salue de tout mon coeur et je vous prie de saluer de ma part mes bons amis de Dôrpat, particulièrement Ewers, Engelhardt, Blum et Jâsche.

Tout à vous
Joukoffsky.

18 Septembre (1829).

Сообщ. **В. А. Кордтъ.**

[Переводъ]. Примите мою благодарность, почтеннѣйшій другъ мой, за вашу брошюру, которую вы были столь добры прислать мнѣ. Я прочелъ ее съ истиннымъ любопытствомъ. Читая ее, я какъ бы совершилъ съ вами бѣглую экскурсію въ прелестнѣйшую страну. Жизнь этой добродѣтельной женщины можно сравнить съ воздѣланнымъ садомъ, гдѣ все говоритъ о благотворной дѣятельности, гдѣ все блещетъ самыми чудными произведеніями природы, гдѣ все радуетъ взоръ красотою и полезностью. Память ея непорочна. Другаго примѣра подобной дѣятельности съ высоты престола мы не имѣемъ. Ваша брошюра представляетъ прекрасный перечень всего сдѣланнаго ею, который пригодится для ея біографіи, а хорошо написанная ея біографія будетъ служить въ то же время исторіей Россіи за полъ-столѣтія, разсматриваемой съ самой любопытной точки зрѣнія. Мердеръ уже отвѣтилъ вамъ. Онъ передалъ великому князю экземпляръ, предназначенный для него. Этотъ ребенокъ достоинъ ознакомиться со славною жизнью своей бабушки, такъ какъ у него душа также прекрасна и онъ всегда бываетъ растроганъ при воспоминаніи о ней. Jâsche видѣлъ его вблизи, онъ можетъ вамъ дать понятіе о немъ, такъ какъ онъ видѣлъ его въ домашней жизни и во всей его дѣтской непринужденности.

Я получилъ письмо отъ (Алекс. Ив.) Тургенева, онъ пишетъ, между прочимъ, о Гете, съ которымъ онъ провелъ часъ времени самымъ восхитительнымъ образомъ.

Прощайте! Кланяюсь вамъ отъ всего сердца и прошу васъ передать отъ меня поклонъ моимъ добрымъ дерптскимъ друзьямъ, въ особенности Эверсу Энгельгардту, Блюму и Jâsche. Весь вашъ Жуковскій

Перев. **В. Т.**

ПОЖАРЫ ВЪ СИМБИРСКѢ въ 1864 г.

Къ Запискамъ сенатора В. И. Дена.

„Русская Старина“ 1890 г., кн. VII, стр. 188.

Прочитавъ въ „Русской Старинѣ“ весьма интересныя Записки В. И. Дена, и въ особенности разсказъ его о симбирскихъ пожарахъ, я, имѣвши честь въ то достопамятное время лично познакомиться съ В. И. Деномъ, причемъ я тогда-же передалъ ему статью мою о симбирскомъ пожарѣ, напечатанную въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“,—считаю необходимымъ дополнить его разсказъ нѣсколькими замѣтками. Начну съ поправки.

В. И. Денъ относитъ бытность свою въ Симбирскѣ въ должности предсѣдателя особой высочайше утвержденной комиссіи по симбирскимъ пожарамъ къ 1863 году,—это ошибка или описка: извѣстный симбирскій пожаръ, истребившій большую часть города, былъ 19-го августа 1864 года; комиссію-же сенатора Дена надо отнести поэтому къ концу 1864 г., но не 1863 года.

Говоря о сенаторѣ С. Р. Ждановѣ, производившемъ слѣдствіе о пожарахъ, В. И. Денъ признаетъ Жданова (нынѣ покойнаго) не вполнѣ добросовѣстнымъ чиновникомъ и то-же говоритъ о лицахъ, бывшихъ къ нему близкими: приставѣ Розовѣ, чиновникѣ Муравьевѣ (нынѣ покойномъ) и Постельниковѣ. Разскажу по этому поводу случай, бывшій тогда со мною и рисующій этихъ чиновниковъ.

Когда слѣдствіе сенатора Жданова было въ самомъ разгарѣ, много лицъ было арестовано, и въ томъ числѣ командиръ Самарскаго полка полковникъ Дудинскій, столь блестяще впослѣдствіи оправданный и обласканный въ Петербургѣ на разводѣ самимъ государемъ,—пріѣзжаетъ ко мнѣ частный приставъ П. С. Розовъ съ предложеніемъ ѣхать съ нимъ къ чиновнику Муравьеву, состоявшему при сенаторѣ Ждановѣ.

Крайне удивленный этимъ приглашеніемъ и видя, что это весьма перепугало мою жену, я спросилъ Розова: зачѣмъ меня зовутъ?

Тотъ отозвался совершеннымъ незнаніемъ. Пріѣхавши къ Муравьеву, мы его не застали дома; дежурный жандармъ просилъ меня обождать. Розовъ уѣхалъ. Является Муравьевъ и, вѣжливо предложивъ мнѣ сигару и чаю, сталъ довольно краснорѣчиво развивать передо мною ту мысль, что я, какъ симбирскій старожилъ и какъ писатель, обладающій притомъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, могъ-бы быть очень полезенъ, если-бы принялъ на себя, за хорошее денежное вознагражденіе, не болѣе и не менѣе какъ должность шпіона при сенаторѣ С. Р. Ждановѣ. При этомъ Муравьевъ увѣрилъ меня, что онъ исполняетъ въ этомъ случаѣ негласное порученіе сенатора. Возмутившись до глубины души помянутымъ предложеніемъ, я откланялся Муравьеву и сказалъ, что лично буду у сенатора.

На другой день, надѣвъ дворянскій мундиръ, какъ человѣкъ прослужившій три трехлѣтія депутатомъ и кандидатомъ уѣзднаго предводителя дворянства, и всѣ мои знаки отличій, я отправился въ домъ удѣльной конторы, гдѣ помѣщался Ждановъ, но не былъ имъ принятъ и только на третій день получилъ приглашеніе явиться въ 6 часовъ вечеромъ.

Явясь въ назначенное время, я вошелъ въ кабинетъ и увидалъ небольшаго роста сѣдаго старика въ очкахъ. Сенаторъ очень любезно меня принялъ, и когда я объяснилъ ему все дѣло, онъ замѣтилъ: „О, какая глупость! я просилъ Муравьева пригласить васъ депутатомъ въ особую слѣдственную комиссію, и больше ничего; теперь это мѣсто уже занято г. Ребровскимъ. Но вы тотчасъ получите полное удовлетвореніе!“

Сенаторъ позвонилъ и приказалъ явившемуся дежурному чиновнику тотчасъ-же позвать Муравьева, который немедля явился въ вицъ-мундирѣ и сталъ у притолки. Привожу разговоръ обоихъ:

Сенаторъ. Гдѣ вы вчера были цѣлый день?

М—въ. Ѣздилъ, в. п—ство, въ село Ключица, для производства дознанія о бывшемъ тамъ пожарѣ.

Сенаторъ. Когда вы возвратились?

М—въ. Ночью.

Сенаторъ. Во сколько часовъ?

М—въ. Часу въ первомъ.

Сенаторъ. Неправда. Васъ привезли пьянаго въ 5 часовъ утра. И какъ вы смѣли моимъ именемъ приглашать г. Юрлова на должность, не соотвѣтствующую ни его званію, ни чину, ни общественному положенію? Извольте идти въ канцелярію, видъ и прогоны вамъ готовы, и чтобы въ 24 часа васъ не было въ Симбирскѣ.

Исполнено-ли было все вышесказанное—мнѣ неизвѣстно, но это распоряженіе сенатора Жданова произвело на меня весьма хорошее впечатлѣніе [1]).

Скажу нѣсколько словъ и о частномъ приставѣ Розовѣ. Это былъ старый служака, любимъ былъ жителями за исправное тушеніе пожаровъ и былъ награжденъ, по представленію сенатора Жданова, орденомъ св. Анны 3-й степени. Впослѣдствіи, когда все дѣло о пожарѣ Симбирска (1864 г.) перешло въ руки военной комиссіи, Розовъ былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, долго сидѣлъ въ ней, потерялъ все свое имущество, но въ концѣ концовъ былъ совершенно оправданъ; здравствуетъ и понынѣ и получаетъ полную пенсію.

Да позволено мнѣ будетъ привести здѣсь разсказъ покойнаго генералъ-адъютанта и бывшаго оберъ-прокурора святѣйшаго синода Алексѣя Петровича Ахматова, бывшаго во время симбирскихъ пожаровъ полковникомъ и флигель-адъютантомъ [2]), и именно разсказъ о томъ, какъ перешло дѣло о симбирскихъ пожарахъ отъ Жданова въ военную комиссію. Когда командиръ Самарскаго полка Дудинскій, русскій православный дворянинъ и помѣщикъ Смоленской губерніи, былъ безвинно оклеветанъ, отрѣшенъ отъ командованія полка и арестованъ въ Симбирскѣ Ждановымъ и когда старушка мать Дудинскаго, написавъ письмо военному министру, умерла съ горя, онъ, военный министръ, лично явился къ государю Александру II и изложилъ все дѣло его величеству. Тогда-то и была назначена уже военная комиссія, съ сенаторомъ Деномъ во главѣ; Розовъ былъ, въ свою очередь, посаженъ въ крѣпость, сенаторъ Ждановъ отозванъ въ С.-Петербургъ и умеръ на пути туда, скоропостижно, въ Нижнемъ-Новгородѣ.

В. И. Денъ говоритъ, что двое солдатъ были совершенно безвинно разстрѣляны въ Симбирскѣ. Казнь эта послѣдовала, первая, 14-го сентября 1864 года, надъ рядовымъ изъ поляковъ, за произнесеніе дерзкихъ словъ противу священной особы государя императора, а вторая казнь была произведена 21-го сентября того-же года. Относительно второй казни привожу оффиціальное объявленіе, которое было тогда сдѣлано по городу.

---

[1]) Муравьевъ, сколько намъ извѣстно, оставался при сенаторѣ Ждановѣ до самаго окончанія производства имъ въ Симбирскѣ слѣдствія и состоялъ потомъ многіе годы прокуроромъ при одномъ изъ окружныхъ судовъ, въ П—й губерніи. Онъ умеръ въ отставкѣ въ 1889 году. Z.

[2]) Семейство Ахматовыхъ находится со мною въ родствѣ: родной племянникъ А. П. Ахматова, П. Н. Ахматовъ, и единственный его наслѣдникъ женатъ на родной племянницѣ моей, Е. П. Мещериновой. Ю.

„Рядовой Самарскаго № 147-го пѣхотнаго полка, горнистъ Михаилъ Ѳедоровъ, по произведенному надъ нимъ военному суду, по полевымъ уголовнымъ законамъ, по собственному его сознанію, оказался участникомъ въ поджогѣ, 19-го августа, сарая съ сѣномъ въ домѣ Шлихтейзенъ. Согласно сентенціи военнаго суда, конфирмованной 18-го числа господиномъ генералъ-адъютантомъ барономъ Врангель [1]), рядовой Ѳедоровъ за означенное преступленіе имѣетъ быть подвергнутъ смертной казни разстрѣляніемъ, въ г. Симбирскѣ, 21-го сентября 1864 года, въ 8 часовъ утра, на выѣздѣ изъ города за Александровскимъ садомъ".

В. И. Денъ говоритъ также и о бывшемъ симбирскомъ губернаторѣ Анисимовѣ; дѣйствительно, Анисимовъ показалъ весьма малую распорядительность въ страшное время симбирскихъ пожаровъ 1864 года. Полиціймейстера Борляева онъ тотчасъ-же смѣнилъ, а самъ во все время пожара 19-го августа оставался на Поповомъ островѣ, на рѣкѣ Волгѣ, вытребовавши для охраны своей особы роту солдатъ. Это было время полной неурядицы, народъ былъ возбужденъ страшно. Одинъ офицеръ Самарскаго полка былъ избитъ до смерти толпою, другой изувѣченъ, а начальника гарнизоннаго батальона, подполковника Бендерскаго, толпа едва не бросила въ огонь.

Сто тридцать одинъ трупъ погорѣвшихъ были найдены на пожарищѣ, и много людей пропало безъ вѣсти. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать по поводу записокъ сенатора В. И. Дена.

В. П. Юрловъ.

г. Симбирскъ.

Примѣчаніе. Почтенный составитель этой замѣтки, Владиміръ Петровичъ Юрловъ, извѣстенъ въ приволжскихъ губерніяхъ своими свыше сорокалѣтними трудами по статистикѣ и этнографіи. Свыше 150 статей и замѣтокъ его напечатаны въ „Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", въ изданіяхъ Симбирскаго губернскаго статистическаго комитета, въ изданіяхъ „Императорскаго русскаго географическаго общества" и въ различныхъ журналахъ и газетахъ. В. П. Юрловъ долго состоялъ членомъ-сотрудникомъ Географическаго общества, Общества естествоиспытателей при императорскомъ казанскомъ университетѣ и въ другихъ ученыхъ обществахъ. Объ его трудахъ напечатано въ № 214 газеты „Русскій Курьеръ" 1889 г. А. П.

---

[1]) Съ генераломъ Врангелемъ я познакомился у покойнаго отца моего, бывшаго симбирскаго губернскаго предводителя дворянства и извѣстнаго ветерана 1812 года. Отецъ мой говорилъ съ Врангелемъ о помянутыхъ казняхъ; баронъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ виновности казненныхъ, тѣмъ болѣе, что Ѳедоровъ былъ пойманъ на самомъ мѣстѣ преступленія и самъ сознался въ своей винѣ. Ю.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ

1830—1840.

Стихотворенія Н. П. Огарева выдержали, если не ошибаемся, три изданія въ Москвѣ (передъ нами изданіе 1863 г.), затѣмъ шестьдесятъ два стихотворенія, относящіяся къ періоду молодости этого поэта, не вошедшія ни въ заграничныя, ни въ московскія изданія его поэтическихъ произведеній, напечатаны въ „Русской Старинѣ“ изд. 1888—1890 гг., а передъ тѣмъ въ нашемъ-же журналѣ изданія 1886 г. были помѣщены значительные отрывки изъ его поэмы „Радаевъ“ [1]). Нынѣ А. А. Филиппов сообщилъ намъ изъ Рязани два стихотворенія Огарева, переданныя ему для „Русской Старины“ одною почтенною дамою. Намъ не удалось встрѣчать въ печати этихъ произведеній музы нашего поэта, а потому помѣщаемъ ихъ въ дополненіе къ обширному собранію стихотвореній Н. П. Огарева, явившихся въ „Русской Старинѣ“.

Ред.

LXIII.

Къ .....

Вы были дѣвочкой, а я
Ужъ юношей. Такъ мы разстались.
Съ тѣхъ поръ и молодость моя
И ваше дѣтство миновались.
И вотъ опять я встрѣтилъ васъ.
Ну, что-жъ вы дѣлали, какъ жили?

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. XLIX, стр. 465—482; изд. 1888 г., т. LX, стр. 469—490, 601—616; изд. 1889 г., т. LXI, стр. 336, 352, 354, 430, 524, 644; т. LXII, стр. 134, 160, 383, 682, 724; т. LXIII, стр. 110, 128, 162, 210, 300, 386, 446, 448, 518, 654, и изд. 1890 г., т. LXV, стр. 222, и т. LXVI, стр. 199. Николай Платоновичъ Огаревъ род. 1815 г., † 1877 г.

Не скроетесь—изъ вашихъ глазъ
Я узнаю, что вы любили,
Что съ сердцемъ страсть была дружна,
И познакомилось страданье,
И жизнь, быть можетъ, лишена
Давно для васъ очарованья.
Не правда-ль—страшно схоронить
Любовь, которой сердце жило,
И пошло, холодно забыть
И страсть, и грусть, и все, что мило.
Еще страшнѣй сказать себѣ,
Что все проходитъ непремѣнно,
Что въ человѣческой судьбѣ
Такъ надо, такъ обыкновенно.
Но вы признайтесь, вамъ вѣдь жаль
Души прошедшую печаль!...

Н. П. Огаревъ.

1837 года.
Москва.

LXIV.

Много грусти.

Природа зноемъ дня утомлена
И проситъ вечера скорѣй у Бога,
И вечеръ встрѣтитъ съ радостью она,
Но въ этой радости какъ грусти много!

***

И тотъ, кому ужъ жизнь давно скучна,
Онъ проситъ старости скорѣй у Бога,
И смерть ему на радость суждена,
Но въ этой радости какъ грусти много!

***

А я и молодъ, жизнь моя полна,
На радость мнѣ любовь дана отъ Бога,
И пѣснь моя на радость мнѣ дана,
Но въ этой радости какъ грусти много!

1837 года.

Н. П. Огаревъ.

СТАРИННАЯ ПѢСНЯ О ГОРОДѢ ИРКУТСКѢ.

Иркутской (1) городъ славный!
На рѣкѣ стоитъ большой.
Тамъ живетъ народъ исправный,
Настоящій продувной!

* *
*

Какъ-бы сумочку отрѣзать (2),
Иль головку оторвать....
Извощички лихіе
Безъ копѣйки довезутъ!—
При послѣднемъ при разсчетѣ
Какъ бѣлочку оберутъ!

* *
*

Намъ сказали про Алёшу (3),
Что отцовскій домъ поджегъ.
Посадили Алёшеньку
Въ новый каменный домокъ!
Посадили на недѣлю,
Просидѣлъ онъ круглый годъ:
Краснымъ дѣвкамъ не доходъ!
Калачамъ (4) большой расходъ.

* *
*

Требовали Алёшеньку
На парадное крыльцо,
Къ начальнику на лицо.
Не успѣлъ онъ сказать слова....
Тутъ колясочка готова...
Посадили Алёшеньку,
Только задомъ напередъ....
И заплакалъ весь народъ:

* *
*

„Пропадаетъ нашъ Алёша,
Пропадаетъ голова!
Не за крестнаго отца,

Не за тестя подлеца,
Не изъ-за маменьки родной,—
Изъ-за женушки молодой!“ (5)

Пѣсня эта записана мною въ 1888 году, близъ города Иркутска, въ с. Малой Еланкѣ, Суховской волости.

(1) Подгородніе крестьяне и многіе городскіе мѣщане не говорятъ Иркутскъ, въ Иркутскѣ, а—Иркутской, въ Иркутскомъ, что, кажется, должно считать остаткомъ отъ древняго названія города—Иркутской острогъ.

(2) Т. е. отрѣзать и украсть привязанный веревками къ повозкѣ проѣзжающихъ багажъ ихъ; это самый распространенный видъ имущественнаго похищенія въ Восточной Сибири.

(3) Алёша, вѣроятно, какой-нибудь старинный, популярный въ свое время разбойникъ, выданный своею женою властямъ и казненный.

(4) Калачамъ, которые покупаются для арестантовъ и приносятся ихъ въ тюрьму родственниками, знакомыми и сердобольными людьми.

(5) Пѣсня эта кажется мнѣ не полною въ настоящемъ варіантѣ, вѣроятно къ ней есть еще строфы, неизвѣстныя мнѣ.

В. В. Птицынъ.

Къ разсказу „Поѣздка въ Туринскъ, въ 1838 году, къ декабристу Ивашеву“.

[„Русская Старина“ изд. 1890 г., ноябрь, стр. 327—351].

Составитель названнаго здѣсь разсказа—Ѳедоръ Ивановичъ Топорнинъ умеръ 7-го сентября 1881 года, въ Нижегородской губерніи, въ сельцѣ Дубровки, близъ села Черновскаго (гдѣ и погребенъ), Сергачскаго уѣзда. Упоминаемый въ запискахъ Григорій Михайловичъ Толстой былъ впослѣдствіи, въ царствованіе Александра II-го, членомъ казанскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и умеръ холостымъ. Это былъ человѣкъ необыкновенно добрый, самыхъ благородныхъ правилъ. Камердинеръ, съ которымъ совершена была по тому времени весьма опасная поѣздка въ Сибирь къ ссыльному декабристу, была никто другой, какъ переодѣтая въ мужское платье родная сестра декабриста Василія Петровича Ивашева, Елизавета Петровна, бывшая въ замужествѣ за Петромъ Михайловичемъ Языковымъ, братомъ поэта Н. М. Языкова.

А. П. Топорнинъ.

Портретъ академика А. Ѳ. Бычкова.

Считаемъ необходимымъ отмѣтить, что приложенный къ октябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1890 г. прекрасный портретъ академика А. Ѳ. Бычкова, въ гравюрѣ молодаго художника А. О. Шеймана, исполненъ съ фотографіи извѣстнаго художника-фотографа С. Л. Левицкаго.

Ред.

ВСТУПЛЕНІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

въ запискахъ ген.-лейт. Михайловскаго-Данилевскаго [1]).

1826 годъ.

Горестное начало 1826 года.

Сей годъ начался для меня самымъ несчастнымъ образомъ; при мысли о семъ времени перо выпадаетъ изъ рукъ. Когда я вступилъ въ военную службу въ 1812 году, то гроза висѣла надъ Россіею, но она разразилась надъ врагами нашими; потомъ четырнадцать лѣтъ къ ряду я видѣлъ Россію, торжествующею подъ скипетромъ Александра, но лишь только его не стало, какъ вспыхнули крамолы, которыя меня тѣмъ болѣе поразили, что нельзя было воображать, чтобы въ отечествѣ нашемъ тишина и спокойствіе были нарушены.

Къ сему присоединились домашнія огорченія. Тяжкая болѣзнь моего милаго Евгенія, едва начинавшаго лепетать, часъ отъ часу увеличивалась; наконецъ, врачи объявили, что нѣтъ спасенія, и три дня послѣ сей ужасной вѣсти, 10-го января, я имѣлъ несчастіе его лишиться. Я предалъ прахъ его на Кременчугскомъ кладбищѣ, недалеко отъ Днѣпра, и, такимъ образомъ, оставилъ на берегахъ рѣки сей залогъ вѣчныхъ горестныхъ воспоминаній. Я вырѣзалъ на гробовомъ камнѣ сіи слова: «увидимся», и, смотря на нихъ ежедневно, какъ будто цѣлительный бальзамъ лился на мое сердце. Теряя дѣтей, кажется, переживаешь самъ себя.

---

[1]) Помѣщаемый здѣсь разсказъ извѣстнаго военнаго историка сохранился въ собственноручныхъ его черновыхъ наброскахъ, въ отрывкахъ.

Ред.

Предоставляю на судъ каждаго, каково было въ душѣ моей въ началѣ сего года: въ отечествѣ—крамолы, дома—умирающій сынъ!..

Въ самый Новый годъ я извѣстился о петербургскомъ бунтѣ 14-го декабря; слезы помрачили взоръ мой, читая, что кровь русская была проливаема въ междоусобіи. Въ сей день я лишился также друга отца моего и собственнаго моего друга—графа Милорадовича, героя нашего времени, наперсника Суворова и Кутузова, любимца арміи и народа, представителя нашей славы!

Опасность всегда представляется въ бо̀льшемъ видѣ, чѣмъ дальше отъ нея находишься; по сей причинѣ, живя почти въ двухъ тысячахъ верстъ отъ столицы и размышляя о заговорѣ, я думалъ иногда, что я стою на волканѣ.

Бунтъ въ Петербургѣ.—Повсемѣстныя арестованія.

Вслѣдъ по полученіи извѣстія о бунтѣ, повсюду начали брать подъ стражу и отвозить въ Петербургъ подозрѣваемыхъ въ заговорѣ; не только не проходило дня, но даже часа, гдѣ-бы не провозили военныхъ, штатскихъ и отставныхъ съ фельдъегерями, или съ курьерами черезъ Кременчугъ или близь онаго. Такимъ образомъ были взяты, въ первое время, оба сына знаменитаго Расвскаго, нѣсколько адъютантовъ графа Витгенштейна, множество офицеровъ второй арміи, разные помѣщики въ Малороссіи, полковникъ Граббе, столь-же отличный умомъ, сколько и службою, и, наконецъ, командиръ Вятскаго полка Пестель, оказавшійся впослѣдствіи главою мятежа. Въ то-же время шпіоны наводнили сосѣдственныя губерніи, а особенно армію. Все сіе доказывало о существованіи обширныхъ замысловъ, и нельзя было сомнѣваться, чтобы имъ не служилъ основаніемъ духъ нашего времени, т. е. либеральныя идеи, которыхъ распространенію въ Россіи способствовало царствованіе Александра; я самъ стоялъ подлѣ трона его, когда онъ въ Варшавѣ на сеймѣ публично сказалъ, что «онъ давно уже въ умѣ своемъ приготовляетъ конституціонное правленіе».

Заговорщики принадлежали почти всѣ къ старинным княже-

скимъ и дворянскимъ фамиліямъ и были люди съ состояніемъ, слѣдственно они не для грабежа подняли знамя бунта.

Намъ писали изъ Петербурга, что у заговорщиковъ найдены черныя кольца съ надписью «71», т. е. семьдесятъ перваго дня, считая отъ перваго января; это выходитъ 12 марта, день вступленія на престолъ Александра, котораго всѣ ожидали съ великимъ нетерпѣніемъ, какъ эпоху, въ которую совершиться долженствовало двадцать пятое лѣто славнаго царствованія. Посему заключить должно, что этотъ день, всѣмъ столь желанный, былъ избранъ мятежниками для приведенія въ дѣйствіе ихъ умысловъ. Вѣроятно, что тогда вспыхнуло-бы вездѣ пламя бунта, что смятеніе сдѣлалось-бы общимъ, и въ семъ предположеніи можно сказать, что величайшее для Россіи несчастіе, т. е. смерть Александра, содѣлалось для нея спасеніемъ тѣмъ, что открыты заблаговременно козни бунтовщиковъ.

Въ народѣ уже за нѣсколько времени носилась молва о какомъ-то угрожавшемъ Россіи несчастіи. Еще осенью 1825 г. кременчугскій полиціймейстеръ говорилъ со мною о высочайшемъ пребываніи въ Таганрогѣ. Зная искреннѣйшую связь, существовавшую между императоромъ и супругою его, я былъ увѣренъ, что цѣль пребыванія ихъ величествъ въ полуденной Россіи была возстановленіе здоровья государыни; но городничій, почтенный воинъ, потерявшій руку подъ Требіею, сказывалъ мнѣ, что ходятъ въ народѣ какіе-то глухіе слухи, что будто въ Петербургѣ не совсѣмъ покойно и что будто кроется что-то тайное, побудившее императора оставить столицу. Я не обратилъ на сіи слова ни малѣйшаго вниманія, но послѣ увидѣлъ, что не должно пренебрегать народною молвою.

О взятіи подъ стражу Пестеля.

..... Адъютантъ Рота не засталъ уже въ живыхъ императора и отдалъ депеши графу Дибичу [1]), который, по содержанію ихъ, отправилъ генерала Чернышева къ главнокомандующему второй арміи графу Витгенштейну, для взятія подъ стражу Пестеля

[1]) Генералъ Ротъ препроводилъ въ Таганрогъ письмо капитана Вятскаго полка Майборода. Н. Ш.

и для отправленія его въ Петербургъ, присовокупя, что могущую пасть на него отвѣтственность онъ пріемлетъ на себя. Чернышеву-же онъ приказалъ бумаги Пестеля запечатать, и сіе исполнено было слѣдующимъ образомъ. Графъ Витгенштейнъ, получивши донесеніе барона Дибича, послалъ приказъ въ ту дивизію, гдѣ находился Пестель, чтобы дивизіонный, бригадные и полковые командиры оной немедленно пріѣхали къ нему въ главную квартиру, а такъ какъ повелѣніе сіе было общее для всѣхъ и не относилось до одного лица Пестеля, то сей, ничего не подозрѣвая, отправился въ одномъ экипажѣ со своимъ бригаднымъ начальникомъ въ главную квартиру въ Тульчинъ, но едва онъ туда пріѣхалъ, какъ у заставы его взяли подъ крѣпкій караулъ, а Чернышевъ, между тѣмъ, поскакалъ въ Вятскій полкъ, гдѣ и нашелъ всѣ бумаги, уличившія Пестеля въ его злодѣйскомъ умыслѣ.

Бунтъ Муравьева.

Пять дней спустя послѣ полученія изъ Петербурга сихъ извѣстій о бунтѣ, т. е. 6 января, ко мнѣ пріѣхалъ курьеръ съ оффиціальнымъ отношеніемъ отъ малороссійскаго военнаго губернатора, князя Рѣпнина, что Черниговскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ, 31 декабря, оказавъ, какъ мнѣ писали, самые дерзкіе и буйные поступки противъ своего полковаго командира Гебеля, собралъ полкъ и пошелъ того-же числа въ г. Васильковъ, Волынской губерніи; 1-го января онъ перешелъ къ селенію Мотовиловкѣ, а 2-го дневалъ близъ с. Гребенки у Винницкихъ-Ставовъ. Во второй день первая гренадерская и первая мушкетерская роты оставили его и присоединились къ корпусному своему командиру Роту, который, при первомъ извѣстіи о мятежѣ, собралъ близъ стоявшія войска и повелъ ихъ противъ Черниговскаго полка. Муравьевъ, между тѣмъ, послалъ въ находящееся Полтавской губерніи имѣніе отца своего и въ другія мѣста своихъ сообщниковъ, дабы произвести бунты; однако-же, нѣкоторые изъ сихъ лазутчиковъ были схвачены въ Кіевѣ и въ окрестностяхъ.

Такъ какъ имѣніе Муравьева находилось въ расположеніи

нашей седьмой дивизіи, то я немедленно далъ строжайшія предписанія по моей бригадѣ, чтобы полковые командиры удвоили бдительность свою въ сохраненіи порядка и подчиненности, чтобы всѣ офицеры были на своихъ мѣстахъ, а батальонные командиры объѣзжали почасту роты. Въ то-же время я приказалъ, чтобы проѣзжающихъ и проходящихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ Черниговскаго полка чрезъ кантониръ-квартиры моей бригады арестовали, тоже-бы дѣлали, если узнаютъ, не прокрадывается-ли кто изъ сообщниковъ Муравьева, а равно брали-бы подъ стражу, не смотря ни на какое лицо, военныхъ или во фракахъ, если кто по сему мятежу окажется подозрительнымъ. Съ сими распоряженіями я послалъ моего адъютанта, велѣвъ ему во время проѣзда стараться узнавать, что говорятъ и думаютъ жители и военные, а послѣ его возвращенія, я былъ намѣренъ самъ ѣхать въ Золотоношу, которая отстоитъ не съ большимъ во ста верстахъ отъ мѣстъ, гдѣ происходилъ бунтъ.

Къ счастію, на другой день утромъ я узналъ, что Муравьевъ, свѣдавъ, что за нимъ идутъ въ погоню войска, перемѣнилъ первоначальное направленіе свое черезъ Фастово на Брусиловъ и пошелъ къ Бѣлой-Церкви въ надеждѣ овладѣть тамъ значительными денежными суммами, хранящимися у богатой помѣщицы графини Браницкой.

Между тѣмъ, генералъ Ротъ выступилъ съ конницею и конною артиллеріею къ Фастову, чтобы отрѣзать ему отступленіе и послалъ генерала Гейсмара съ двумя орудіями и тремя эскадронами гусаръ къ деревнѣ Устиновкѣ, а двѣнадцать ротъ пѣхоты съ четырьмя орудіями отрядилъ съ Большаго-Половецкаго на Бѣлую-Церковь. Такимъ образомъ, окружили Муравьева со всѣхъ сторонъ. Гейсмаръ встрѣтилъ его у деревни Устиновки; мятежники сперва защищались, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ по нимъ изъ орудій, когда гусары бросились на нихъ въ атаку, они положили оружіе. Главный зачинщикъ Муравьевъ былъ раненъ, братъ его убитъ, а третій взятъ.

Между тѣмъ какъ сіе происходило, начальникъ нашей седьмой дивизіи Ушаковъ, свѣдавъ о семъ бунтѣ, немедленно велѣлъ двумъ ротамъ вступить въ деревни Муравьевыхъ, въ Миргородскомъ уѣздѣ, запечатать и взять ихъ бумаги.

Въ нихъ нашли рѣчь къ народу о вольности, проектъ раздѣленія Россіи на три главныя ложи, на южную, сѣверную и среднюю, имена нѣкоторыхъ заговорщиковъ и разныя распоряженія на счетъ принятія въ общество ихъ новыхъ членовъ и выписки изъ иностранныхъ либеральныхъ сочиненій.

Подробности сего происшествія.—Бестужевъ-Рюминъ.—Черниговскіе солдаты.

Сообщаю нѣкоторыя подробности о семъ бунтѣ.

Изъ Петербурга получено было въ Житомірѣ съ фельдъегеремъ приказаніе взять подъ стражу командира одного гусарскаго полка Муравьева и подполковника Черниговскаго пѣхотнаго полка Муравьева-Апостола. На основаніи того корпусный командиръ предписалъ дивизіонному генералу Ридигеру арестовать гусарскаго Муравьева, а командовавшему девятою дивизіею Тихановскому взять подъ арестъ Муравьева-Апостола. Ридигеръ, какъ умный человѣкъ, исполнилъ съ успѣхомъ данное ему порученіе. Онъ пригласилъ къ себѣ полковника пить чай, и послѣ, позвавъ его въ свой кабинетъ, объявилъ о повелѣніи взять его саблю. Что-же касается до Тихановскаго, то сей, по полученіи предписанія отъ корпуснаго командира, передалъ оное по командѣ начальнику черниговскаго полка Гебелю, который поѣхалъ къ Муравьеву-Апостолу на квартиру, но не засталъ его дома; ему сказали, что онъ въ Житомірѣ. Гебель отправился туда, но по прибытіи услышалъ, что онъ и изъ сего города уже уѣхалъ, вѣроятно потому, что былъ предувѣдомленъ, что его велѣно арестовать. Полковой командиръ возвратился въ ту деревню, гдѣ квартировалъ Муравьевъ, и нашелъ его въ одномъ изъ ротныхъ дворовъ его баталіона, попросилъ у него чаю и, не говоря ему о причинѣ своего пріѣзда, поджидалъ солдатъ, которымъ онъ велѣлъ къ себѣ явиться. Не видя однако-же сихъ послѣднихъ, онъ объявилъ Муравьеву о повелѣніи взять его подъ стражу: сей отдалъ ему равнодушно шпагу, послѣ чего Гебель вышелъ въ другую комнату, гдѣ увидѣлъ спавшаго брата Муравьева; подлѣ его постели лежали на столѣ два заряженные пистолета, которыхъ Гебель не имѣлъ предусмотрительности взять къ себѣ, но только ссыпалъ порохъ

съ полокъ и потомъ опять положилъ пистолеты на столъ. Послѣ сего онъ вышелъ въ кухню, все еще ожидая солдатъ, но въ это время вступили въ кухню нѣсколько офицеровъ Черниговскаго полка, которые начали говорить своему полковому командиру, что онъ п....., что онъ арестуетъ благодѣтеля ихъ Муравьева, и когда полковой командиръ, изумленный таковыми неслыханными дерзостями, началъ имъ возражать, то одинъ изъ офицеровъ ударилъ его, другіе, бывшіе тутъ офицеры, поваливъ его на полъ, начали колотить шпагами. Въ сіе время вбѣжалъ Муравьевъ, который тоже полковнику нанесъ ударъ рукою, на на что сей послѣдній закричалъ: «гдѣ-же ваша филантропія», подразумѣвая, что за нѣсколько дней Муравьевъ за обѣдомъ у него возставалъ противъ тѣлесныхъ наказаній. Между тѣмъ вошли солдаты, и Гебелю, въ суматохѣ, удалось уйти изъ избы на улицу; тутъ онъ встрѣтилъ поляка, который, желая его спасти, помогъ ему перелѣзть черезъ заборъ, но Гебель, уже сильно израненный, упалъ и переломилъ себѣ ногу и руку. Потомъ полякъ положилъ его на телѣгу и повезъ въ Васильковъ, гдѣ расположенъ былъ штабъ его полка. Дорогою онъ отморозилъ себѣ ноги, такъ что въ этотъ день всѣ бѣдствія, казалось, разразились надъ несчастнымъ полковникомъ. Къ довершенію злополучія, по пріѣздѣ въ Васильковъ, ему сказали, чтобы онъ туда не въѣзжалъ, ибо тамъ находились тоже взбунтовавшіяся роты, почему его провезли къ той части полка, которая пребыла вѣрна долгу и присягѣ.

Муравьевъ, принявъ начальство надъ Черниговскимъ полкомъ, не умѣлъ сохранить подчиненность между войсками; они предавались грабежу, насильствамъ и пьянству. Ежели-бы онъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе, то онъ могъ-бы прійти въ Бѣлую-Церковь, гдѣ находились несмѣтныя сокровища графини Браницкой и гдѣ его ожидали, чтобы съ нимъ соединиться, четыре тысячи человѣкъ недовольныхъ своимъ положеніемъ. Это были большею частью старинные малороссійскіе казаки, которыхъ Браницкая укрѣпила за собой несправедливымъ образомъ. Испугавшись приближенія мятежниковъ, она посылала къ Муравьеву спросить его, сколько онъ хочетъ взять съ нея денегъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы не грабить ея имѣніе. Но онъ не могъ повелѣвать своими движеніями, ибо власть, не основанная на

законахъ, не даетъ продолжительной и постоянной силы надъ людьми, а потому, вмѣсто того, чтобы съ быстротою дѣйствовать, отъ чего вѣроятно зараза бунта распространилась-бы и болѣе, ибо онъ вскорѣ могъ-бы соединиться съ артиллерійскими ротами, офицеры коихъ тоже находились въ заговорѣ, онъ вынужденъ былъ уступить настояніямъ солдатъ и сдѣлать дневку, отчего войска, отряженныя для уничтоженія его, успѣли его догнать и окружить.

Во время четырехъ-дневнаго командованія своего Муравьевъ имѣлъ вездѣ патрули и авангарды и бралъ всѣ военныя предосторожности; проѣзжавшихъ задерживали и провожали къ нему, и онъ обыкновенно самъ ихъ разспрашивалъ, становясь, въ подражаніе Наполеону, со сложенными на-крестъ на груди руками.

Онъ походилъ лицомъ на бывшаго императора французовъ, котораго онъ чтилъ, какъ кумира, по слѣдующему поводу. Муравьевъ учился въ одномъ парижскомъ лицеѣ въ царствованіе Наполеона, который однажды посѣтилъ сіе училище и, войдя въ тотъ классъ, гдѣ сидѣлъ Муравьевъ, спросилъ: кто этотъ мальчикъ? И когда ему отвѣчали, что онъ русскій, то Наполеонъ сказалъ: «я побился-бы о закладъ, что это мой сынъ, потому что онъ такъ похожъ на меня». Слова сіи, упавшія съ такой высоты, произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на душу отрока, который одаренъ былъ довольно щедро отъ природы, и неудивительно, что въ продолженіи кратковременнаго своего командованія бунтовщиками онъ старался подражать Наполеону, находя, можетъ быть, нѣкоторое подобіе въ положеніи своемъ съ тѣмъ, въ которомъ Бонапарте былъ во время побѣга своего съ острова Эльбы.

Когда Черниговскій полкъ увидѣлъ себя въ необходимости пробиваться сквозь гусаръ, противъ нихъ стоявшихъ, то, построившись въ каре, онъ пошелъ съ примѣрнымъ мужествомъ на нихъ; офицеры находились впереди. Я это слышалъ отъ того самаго гусарскаго подполковника, который командовалъ эскадронами, посланными противъ Муравьева; онъ присовокупилъ, что онъ удивлялся храбрости черниговскихъ солдатъ и опасался даже въ одно время, чтобы они не отбили орудій, изъ которыхъ по нимъ дѣйствовали, ибо они подошли къ нимъ на самое близкое

разстояніе. Картечные выстрѣлы ихъ не разстроили, но коль скоро только скомандовали гусарамъ въ атаку, то мятежники бросили оружіе. Изъ сего заключаютъ, что они, не бывъ устрашены дѣйствіемъ артиллеріи, не могли испугаться сабельныхъ ударовъ кавалеристовъ, но что, будучи увѣрены или обольщены въ содѣйствіи гусаръ, они тотчасъ покорились, коль скоро увидѣли, что въ нихъ не имѣютъ сообщниковъ. Когда въ происшедшемъ смятеніи послѣ кавалерійской атаки подполковникъ гусарскій проскакалъ мимо Муравьева, то сей закричалъ: «спасите моего брата!», а другой, бывшій тутъ-же бунтовщикъ, Бестужевъ-Рюминъ закричалъ одному гусарскому офицеру по-французски: «сдѣлайте мнѣ одолженіе, дайте мнѣ лошадь, я очень усталъ».

Этотъ Бестужевъ, впослѣдствіи повѣшенный, игралъ въ обществахъ роль шута, но не менѣе того былъ много употребляемъ заговорщиками, которые посылали его повсюду въ видѣ миссіонера или вербовщика; для сего онъ разъѣзжалъ по всей Малороссіи и, декламируя противъ правительства, старался умножать число сообщниковъ. Онъ находился въ Семеновскомъ полку во время случившагося тамъ происшествія въ 1820 году, и въ чинѣ юнкера былъ назначенъ въ Полтавскій пѣхотный полкъ. Онъ зналъ разные иностранные языки и одаренъ былъ счастливою памятью, но велъ себя такъ вѣтренно, что надъ нимъ смѣялись, особенно-же надъ непомѣрнымъ его политическимъ вольнодумствомъ, которое онъ вездѣ и при всякомъ случаѣ проповѣдывалъ.

Онъ былъ во многихъ почтенныхъ домахъ принятъ на самой дружеской ногѣ, напримѣръ, у генерала Раевскаго въ Кіевѣ и у бывшаго министра Трощинскаго, жившаго недалеко отъ Лубенъ; имъ сего нельзя приписывать въ вину, потому что въ губерніяхъ, особенно малороссійскихъ, нельзя быть на счетъ общества столько разборчивымъ, какъ въ столицахъ; скука заставляетъ иногда прибѣгать къ людямъ, которыхъ-бы мы въ большихъ городахъ бѣгали. Бестужевъ почти не служилъ въ полку, а разъѣзжалъ по Малороссіи; такимъ образомъ часто бывалъ и въ мѣстахъ расположенія нашей дивизіи, на которую онъ имѣлъ виды, о коихъ я ниже сего буду говорить. Онъ велъ обширнѣйшую переписку на французскомъ языкѣ, на

которомъ онъ очень хорошо изъяснялся словесно и письменно; въ семъ послѣднемъ я удостовѣрился изъ письма его къ поэту Аркадію Родзянкѣ, который мнѣ оное показывалъ. Бестужевъ представлялъ изъ себя влюбленнаго во всѣхъ женщинъ и до того умѣлъ имъ нравиться, что со многими изъ нихъ тоже велъ переписку. Его принимали всѣ, а особенно прекрасный полъ, какъ веселаго собесѣдника, надъ которымъ можно было забавляться; но никому въ голову не приходило, чтобъ человѣкъ, столь разсѣянный и вѣтренный, могъ быть заговорщикомъ. Будучи исполненъ чтеніемъ французскихъ книгъ, особенно тѣхъ, которыя писаны въ революціонномъ духѣ, онъ казался убѣжденнымъ въ неоспоримой ихъ истинѣ, какъ въ сіяніи солнца, и не могъ представить, чтобы образованные люди не раздѣляли его правилъ; напримѣръ, когда его взяли съ Черниговскимъ полкомъ, то онъ сказалъ: «меня наиболѣе удивляетъ, что гусары рѣшились на насъ ударить: тамъ было столь много офицеровъ, отлично воспитанныхъ».

Черезъ три мѣсяца послѣ сего происшествія я имѣлъ случай видѣть Черниговскій полкъ по слѣдующему случаю. Я получилъ предписаніе, что съ 15 апрѣля полкъ сей, въ числѣ восьмисотъ человѣкъ назначенный въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, долженъ былъ проходить черезъ расположеніе моей бригады. Маршъ ихъ устроенъ былъ слѣдующимъ образомъ: имъ назначено было идти по-ротно, одна рота отъ другой въ двухъ маршахъ, солдаты безъ оружія, а офицеры, унтеръ-офицеры и ефрейторы, ихъ сопровождавшіе, выбраны были изъ другихъ полковъ, и были, какъ водится, въ полномъ вооруженіи и находились въ такомъ числѣ, что на каждые десять человѣкъ Черниговскаго полка приходилось по одному ефрейтору. Мнѣ приказано было на каждомъ ночлегѣ поставить караулъ изъ 25 рядовыхъ при двухъ унтеръ-офицерахъ и одномъ офицерѣ, и чтобы караулы сіи состояли въ вѣдѣніи ротныхъ командировъ, коимъ поручено было вести черниговцевъ на Кавказъ. По ночамъ велѣно было имѣть дозоры и брать всевозможныя предосторожности, какъ съ военной, такъ и съ гражданской стороны. Я ѣздилъ два раза на встрѣчу симъ несчастнымъ; они шли въ совершенномъ спокойствіи, и, за исключеніемъ нѣсколькихъ зачинщиковъ, вскорѣ послѣ бунта наказанныхъ, всѣ про-

чіе и не думали, что они бунтуютъ, а были увѣрены, что они исполняютъ свой долгъ, повинуясь императору Константину, объ отреченіи коего имъ ничего не было говорено. Они слѣдовали за Муравьевымъ потому, что имъ объявленъ былъ подложный приказъ, будто-бы Муравьевъ, вмѣсто полковника Гебеля, назначенъ полковымъ ихъ командиромъ.

Въ злополучный день 14 декабря все знатнѣйшее духовенство, государственные чиновники, военные и гражданскіе, равно и дамы, собрались въ Зимній дворецъ для принесенія поздравленія императору со вступленіемъ на престолъ. Можно себѣ вообразить, сколь съѣздъ былъ великъ при случаѣ, толь торжественномъ, какъ вдругъ разнесся слухъ, что Московскій полкъ взбунтовался, и что вообще духъ гвардіи не надеженъ. Тогда государь одинъ вышелъ изъ дворца, приказалъ караулу зарядить ружья и, ставъ посреди Дворцовой площади, началъ самъ читать манифестъ о воцареніи своемъ съ приложеніями къ нему, заключавшими въ себѣ отреченіе цесаревича. Между тѣмъ войска, пребывшія вѣрными, и тѣ, которыя взбунтовались, поспѣшали со всѣхъ концовъ города на Сенатскую площадь, куда поѣхалъ и императоръ, сопровождаемый всѣми военными. При семъ случаѣ не оставили безъ замѣчанія, что изъ всѣхъ военныхъ, бывшихъ во дворцѣ, одинъ графъ Аракчеевъ остался съ дамами во дворцѣ.

Петербургскія происшествія.

Въ ту минуту, когда лейбъ-гренадеры бѣжали во дворецъ, то петербургскій комендантъ кричалъ имъ: въ ногу! въ ногу! Разумѣется, что это происходило отъ невѣдѣнія, да и кому въ голову-бы могло придти, что наши солдаты могли до того забыться, чтобы съ звѣрскими намѣреніями броситься на дворецъ. Подлинно воображеніе цѣпенѣетъ, и естественно, что и Башуцкій, крича—въ ногу! въ ногу!—предполагалъ, что гренадеры бѣгутъ для исполненія своей обязанности; ежели-бы кто другой произнесъ сіи слова, то оставили-бы безъ вниманія, но такъ какъ это случилось съ Башуцкимъ, то и сей анекдотъ умножаетъ число множества другихъ, про него разсказываемыхъ.

Нѣсколько ротъ лейбъ-Гренадерскаго полка должны были овладѣть Зимнимъ дворцомъ, а остальныя ворваться въ крѣпость, въ то время, какъ нѣсколько орудій артиллеріи должны были занять Царицынъ лугъ. Но храбрый полковникъ Лейбъ-гренадерскаго полка Стюрлеръ, который былъ рекомендованъ Александру Лагарпомъ, долго противясь въ казармахъ ужаснымъ намѣреніямъ солдатъ, палъ, наконецъ, подъ ударами мятежниковъ. Отъ сего произошло промедленіе, равно и отъ того. . . . .

.....По разсѣяніи бунтовщиковъ, ночью съ 14-го на 15-е декабря, переловили многихъ изъ нихъ; одинъ изъ главныхъ, князь Трубецкой, пошелъ въ домъ къ своему свояку, австрійскому посланнику Лебцельтерну, полагая, вѣроятно, на нѣкоторое время найти тамъ вѣрное убѣжище, хотя не могъ онъ не знать, что продолжительнаго пристанища тамъ ему нельзя было имѣть, потому что вышло изъ понятій нашего времени, чтобы дома посланниковъ служили покровомъ для преступниковъ. Ночью государь послалъ за нимъ графа Нессельроде, которому посланникъ и выдалъ виновнаго. Когда сего послѣдняго привели къ государю, то его величество приказалъ ему объявить всю истину; Трубецкой запирался во всемъ; на вторичное таковое-же повелѣніе послѣдовало равномѣрно молчаніе; наконецъ, государь велѣлъ подать ему листъ бумаги и сказалъ, чтобы онъ написалъ все, что знаетъ о заговорѣ, а между тѣмъ его величество вышелъ въ другую комнату. По прошествіи нѣкотораго времени императоръ, возвратясь, спросилъ преступника кончилъ-ли онъ, и, когда сей отвѣчалъ удовлетворительно, то государь, по прочтеніи написанной имъ бумаги, сказалъ, что она не заключаетъ истины; на что Трубецкой отвѣчалъ, что онъ болѣе ничего не знаетъ; тогда уже государь подалъ ему пакетъ съ бумагами и приказалъ оныя прочесть; преступникъ, увидя изъ оныхъ уличеніе въ своихъ злодѣяніяхъ, ибо въ семъ пакетѣ заключались собственноручныя его возмутительныя сочиненія, палъ на колѣни и просилъ пощады.

— «Теперь уже поздно, отвѣчалъ императоръ, — я три раза приказывалъ тебѣ признаваться....»

.....Удивительно мнѣ было найти между бунтовщиками имя полковника князя Трубецкаго, съ которымъ я видѣлся въ

домѣ графини Лаваль, на дочери коей онъ женатъ, и въ домѣ княгини Бѣлосельской, тетки жены его. Я его всегда видѣлъ скромнымъ и молчаливымъ; но званіе его дежурнаго штабъ-офицера четвертаго пѣхотнаго корпуса, расположеннаго въ Кіевѣ, подаетъ, кажется, справедливый поводъ заключить, что онъ былъ за одно съ Муравьевымъ, ибо Черниговскій полкъ расположенъ отъ Кіева верстахъ во ста или ближе...

Императоръ Николай Павловичъ.—Арестованіе полковниковъ 7-й дивизіи.

Вообще государя всѣ превозносили за ·... [1]) его и благоразумное поведеніе. Вотъ, между прочимъ, одинъ анекдотъ о немъ. Одинъ изъ бунтовщиковъ, издавна извѣстный своею дерзостью и буйствомъ (Александръ Ив. Якубовичъ), явился къ императору во время мятежа 14-го декабря, и сказалъ ему, указывая на пистолетъ, находившійся у него въ рукахъ:

— «Этотъ пистолетъ былъ назначенъ для васъ, но я размыслилъ о несчастіяхъ, предстоящихъ Россіи отъ вашей смерти; объявляю о семъ вашему величеству и отказываюсь отъ моего намѣренія».

Государь хладнокровно отвѣчалъ ему, что онъ имѣетъ случай загладить свое преступленіе, уговоривъ мятежниковъ положить оружіе. Якубовичъ пошелъ въ толпу бунтующихъ и сказалъ имъ: «ребята, насъ трусятъ, держитесь», и послѣ сего подлаго поступка возвратился къ императору, который сказалъ ему:

— «Теперь мнѣ все равно, съ мятежниками-ли ты или противъ нихъ; во всякомъ случаѣ ты будешь наказанъ»...

Изъ сихъ обстоятельствъ заключить удобно, что жизнь императора была въ опасности, но оказанная имъ твердость подаетъ сладостную надежду, что онъ будетъ достойнымъ преемникомъ Александра. Я вспоминаю при семъ случаѣ ..... [2]) минуту, когда въ день вступленія нашего въ Парижъ, я выхватилъ изъ злодѣйскихъ рукъ француза ружье съ штыкомъ, обращенное

---

[1]) Часть рукописи оторвана.
[2]) Тоже.

на императора, и когда въ 1818 году, дорогой въ Брюссель, Александръ узналъ о заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью его увезти. Въ обоихъ случаяхъ улыбка презрѣнія явилась на устахъ его краснорѣчивѣйшимъ изображеніемъ души его. Николай началъ идти по стопамъ его.

Мятежники были въ ужасномъ изступленіи; одинъ изъ нихъ, адъютантъ герцога Виртембергскаго Бестужевъ (Александръ Александровичъ) бѣгалъ между ними съ бѣлою повязкою на рукѣ, вооруженный кинжаломъ и пистолетомъ. Офицеры кричали: «ура, конституція!», а солдаты и чернь вопили: «ура, Константинъ!», смѣшивая сіи два однозвучныя слова. Одинъ солдатъ спросилъ, что значитъ конституція, ему отвѣчали, что это супруга цесаревича!

. . . . . что Бестужевъ-Рюминъ, командовавшій Черниговскимъ полкомъ, имѣлъ виды на седьмую дивизію. Онъ познакомился съ двумя командирами полковъ, Муромскаго — Ширманомъ и Низовскаго—Левенталемъ, двумя отличными офицерами, изъ коихъ каждый имѣлъ Георгіевскій крестъ за 25-тилѣтнюю службу. Они смотрѣли на него, какъ на шута, и Левенталь показывалъ за нѣсколько мѣсяцевъ всѣмъ письмо къ нему Бестужева. Въ ономъ, между прочимъ, сказано, «что онъ ему можетъ быть полезенъ даже и тамъ, гдѣ онъ и не думаетъ». Левенталь, ничего не подозрѣвая, смѣялся сему выраженію и говорилъ: «вотъ до чего мы дожили, что подпоручики—ибо Бестужевъ былъ подпоручикомъ—обѣщаютъ полковникамъ свое покровительство». Однако-же шутка сія и кончилась симъ. Третьяго февраля пріѣхалъ къ намъ жандармскій офицеръ отъ главнокомандующаго съ высочайшимъ повелѣніемъ Ширмана и Левенталя отправить съ нимъ въ Петербургъ, равно и бумаги ихъ, которыя предварительно приказано было запечатать. Извѣстіе насъ крайне опечалило, во-первыхъ, и для чести дивизіи, изъ коей никто не былъ арестованъ, и потому, что сіи два полковника были всѣми любимы и уважаемы. Проведя съ ними два лѣта вмѣстѣ въ лагерѣ, мы никогда о политикѣ и не говорили; мы знали, когда полки были въ сборѣ, только карты и службу. Не прошло однако-же четырехъ недѣль, какъ ихъ возвратили съ наградами изъ Петербурга, гдѣ признана была ихъ невинность. Подозрѣніе-же пало на нихъ по тому поводу,

что въ бумагахъ Бестужева нашли, что онъ извѣщалъ сообщниковъ своихъ, что они могутъ положиться, въ случаѣ бунта, на сихъ двухъ полковниковъ, за коихъ образъ мыслей онъ ручается. Когда имъ объявили въ Петербургѣ сіе обвиненіе, то они просили доказательствъ сей клеветы и наконецъ очной ставки съ обвинителемъ, котораго имъ не трудно было уличить въ неосновательности.

Въ началѣ февраля мѣсяца я получилъ предписаніе явиться въ дивизіонную квартиру, Лубны; тамъ я нашелъ обоихъ моихъ товарищей бригадныхъ командировъ и всѣхъ полковыхъ начальниковъ. Когда мы собрались, то я почувствовалъ особенное удовольствіе, что бригада моя была единственная, изъ которой никого не арестовали и не повезли въ Петербургъ по подозрѣнію. Дивизіонный начальникъ объявилъ намъ тайное повелѣніе главнокомандующаго наблюдать за всѣмъ, происходящимъ въ мѣстахъ расположенія войскъ, нами командуемыхъ, и доносить, когда узнаемъ что-либо, подающее малѣйшее подозрѣніе; равнымъ образомъ смотрѣть, чтобы полковые командиры почасту обращались съ офицерами, ибо, продолжалъ главнокомандующій, ежели-бы сіе дѣлалось прежде, то начальники знали-бы объ образѣ мыслей своихъ офицеровъ, и не случились-бы тѣ происшествія, которымъ мы, къ несчастію нашему, были свидѣтелями.

Корниловичъ.

Въ скоромъ времени получили мы списокъ именъ главныхъ заговорщиковъ; въ числѣ ихъ находились, или литераторы, или молодые люди, занимавшіеся науками и словесностью, какъ-то: Рылѣевъ, Бестужевъ, Кюхельбекеръ и Корниловичъ. Первыхъ трехъ я зналъ только по весьма порядочнымъ ихъ произведеніямъ, но лично не имѣлъ съ ними знакомства; послѣдняго-же коротко зналъ, и вотъ по какому случаю.

Я былъ нѣсколько разъ кряду въ числѣ экзаменаторовъ, которые испытывали въ наукахъ молодыхъ людей, поступавшихъ на службу въ квартирмейстерскую часть. Въ числѣ оныхъ, въ 1816 или въ 1817 году, явился и Корниловичъ, обучавшійся

въ Одессѣ въ Ришельевскомъ лицеѣ, который выдержалъ экзаменъ свой въ наукахъ и въ языкахъ столь блистательнымъ образомъ, что привелъ меня въ удивленіе; я увѣренъ, что не всякій молодой человѣкъ, окончившій курсъ ученія въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ университетѣ, выдержитъ подобнымъ образомъ испытаніе. Разумѣется, что я вмѣнилъ себѣ въ пріятную обязанность его обласкать, пригласить къ себѣ и уговаривать заниматься науками. Черезъ годъ или два извѣстный нашъ военный писатель Бутурлинъ вознамѣрился сочинить исторію походовъ россіянъ въ восемнадцатомъ столѣтіи и получилъ отъ государя позволеніе собирать матеріалы въ архивѣ иностранной коллегіи, который, разумѣется, сохраняется въ великой тайнѣ. Бутурлинъ, будучи человѣкъ свѣтскій и не ученый, пренебрегъ симъ единственнымъ случаемъ узнать драгоцѣнности, хранящіяся въ архивѣ, и поручилъ Корниловичу сію работу, сперва въ петербургскомъ, а послѣ въ московскомъ архивѣ, и сей съ неутомимымъ прилежаніемъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ сихъ занятіяхъ, посредствомъ коихъ онъ пріобрѣлъ необыкновенныя обширныя познанія въ исторіи Россіи въ XVIII столѣтіи. Въ сіе время онъ познакомился съ разными литераторами въ Москвѣ и въ Петербургѣ, вступилъ въ ученыя общества и печаталъ разныя статьи въ періодическихъ изданіяхъ, которыя всѣ отличались историческими свѣдѣніями, но въ нихъ видно было, что сочинитель еще не зрѣлъ, что онъ зналъ многое, но не умѣлъ еще выражать своихъ мыслей. Въ послѣдніе два года моего пребыванія въ Петербургѣ, т. е. въ 1822 и въ 1823 годахъ, онъ меня оставилъ и предпочелъ моему обществу знакомство съ литераторами, доведшими, вѣроятно, его до ужаснаго поступка, на который онъ нынѣ покусился.

Рылѣевъ, Кюхельбекеръ, Пушкинъ.

Рылѣевъ и Бестужевъ сдѣлались извѣстными, кромѣ разныхъ мелкихъ сочиненій, изданіемъ перваго въ Россіи альманаха, подъ названіемъ «Полярная Звѣзда», который публика въ теченіи двухъ лѣтъ принимала съ особеннымъ одобреніемъ. Кюхельбекеръ есть воспитанникъ Царскосельскаго лицея, извѣстный своими стихотвореніями. Долго-ли будутъ думать, что

изъ однихъ только иностранныхъ университетовъ выходятъ люди, напитанные все вредными правилами, въ то время, какъ въ Кюхельбекерѣ видимъ примѣръ молодаго человѣка, воспитаннаго во дворцѣ Царскаго-Села. Для бо́льшаго доказательства я приведу слышанное мною отъ поэта Родзянко о Пушкинѣ, тоже воспитывавшемся въ оном лицеѣ. Онъ увѣрялъ меня, что онъ видѣлъ самъ, какъ Пушкинъ, сидя въ театрѣ въ креслѣ, показывалъ находившимся подлѣ него лицамъ портретъ убійцы герцога Беррійскаго, Лувеля, съ его надписью: «урокъ царямъ».

Родзянко сказывалъ мнѣ еще, что, будучи лѣтъ шесть тому назадъ въ Петербургѣ, онъ находился въ обществѣ молодыхъ людей, собиравшихся для литературныхъ чтеній въ домѣ Всеволожскаго, гдѣ каждый разъ читали стихи противъ государя и противъ правительства. Между прочимъ, онъ видѣлъ тамъ и князя Трубецкаго. Общество сіе называлось лампистами. Онъ присовокупилъ, что, служа въ гвардіи съ 1816 по 1820 годъ, онъ видѣлъ, что духъ либерализма чрезвычайно усиливался между молодыми людьми, и что слѣдующій стихъ, помѣщенный въ одной изъ его пьесъ:

„Гимнъ западу на устахъ, въ рукахъ портретъ Лувеля“...

не есть вымышленный, но истинно списанъ съ натуры.

Графъ Милорадовичъ.

Слѣдующія подробности о послѣднемъ днѣ жизни и о кончинѣ графа Милорадовича сообщены мнѣ адъютантомъ его Башуцкимъ, который 14-го декабря одинъ находился при немъ.

Поутру того дня графъ былъ на завтракѣ у танцовщицы Телешевой, которую онъ любилъ платонически, и сей платонической привязанности къ актрисѣ трудно повѣрить, ежели кто не зналъ характера его, исполненнаго странностей. Во время сего завтрака онъ узнаетъ, что Московскій полкъ отказался присягать императору Николаю Павловичу; онъ скачетъ на Сенатскую площадь и начинаетъ увѣщевать бунтовщиковъ, но сіи его отталкиваютъ, и даже одинъ изъ нихъ взялъ его за воротникъ. Послѣ сего графъ спѣшитъ къ императору, котораго

застаетъ на Дворцовой площади, окруженнаго народомъ, докладываетъ, что надобно употребить мѣры строгости, и присовокупляетъ: «voyez dans quel état ils m'ont mis». На сіе государь ему сказалъ, что онъ, какъ генералъ-губернаторъ, долженъ отвѣчать за спокойствіе города, и приказываетъ ему взять Конногвардейскій полкъ и идти съ нимъ противъ московскихъ гренадеръ.

Графъ Милорадовичъ садится на извозчичьи сани и спѣшитъ въ Конногвардейскія казармы, гдѣ приказываетъ сѣдлать лошадей. Проходитъ четверть часа, полчаса, наконецъ болѣе, но кирасиры не выѣзжаютъ; промедленіе сіе, какъ узнали послѣ, случилось отъ того, что офицеръ Конногвардейскаго полка, Одоевскій (кн. Александръ Ив., поэтъ), участвовавшій въ заговорѣ, бѣгалъ по конюшнямъ, говоря солдатамъ, что это ложная тревога и что сѣдлать не должно. Графъ Милорадовичъ теряетъ терпѣніе, требуетъ лошадь, чтобы ѣхать къ бунтовщикамъ и говоритъ дорогою своему адъютанту: «впрочемъ, я очень радъ, что конногвардейцы не поторопились выѣзжать: я безъ нихъ одинъ уговорю Московскій полкъ; тутъ должны быть одни повѣсы (polissons), да и не надобно, чтобы кровь проливалась въ день вступленія на престолъ государя».

Бунтовщики, увидя его, сдѣлали ему на караулъ и закричали ура. Графъ вынулъ свою шпагу и, показывая имъ оную, говорилъ, что шпага сія подарокъ ему цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ въ знакъ дружбы, увѣрялъ ихъ, что цесаревичъ отрекся отъ престола и ни подъ какимъ видомъ не хочетъ царствовать. «Неужели, заключилъ онъ,—я измѣню моему другу?» Убѣжденія его остаются тщетными. «Развѣ нѣтъ между вами старыхъ солдатъ, продолжалъ онъ,—которые-бы со мною служили и которые-бы меня знали?» — Происходитъ молчаніе. «Я вижу, говоритъ онъ, что тутъ одни мальчики», приказываетъ и убѣждаетъ ихъ положить оружіе и просить помилованія, увѣряя ихъ, что имъ окажутъ прощеніе. Солдаты въ это время колеблются, но нѣкто изъ среды мятежниковъ закричалъ, что «это вздоръ», что «не надобно вѣрить словамъ его», и въ это время раздался пистолетный выстрѣлъ. Графъ, пронзенный пулею, падаетъ съ лошади на руки Башуцкому, и въ происшедшую отъ сего суматоху Милорадовичу нанесли еще ударъ штыкомъ.

Его хотѣли отнести къ нему въ домъ, но онъ, сказавши, что онъ чувствуетъ, что рана смертельная, велѣлъ, чтобы положили его на солдатскую койку въ находившихся неподалеку конно-гвардейскихъ казармахъ. Между тѣмъ какъ его несли мимо Конно-гвардейскаго полка, который былъ уже выстроенъ, никто изъ генераловъ и офицеровъ не подошелъ къ раненому герою, котораго имя навсегда останется украшеніемъ нашихъ военныхъ лѣтописей; тутъ были нѣкоторыя лица, называвшіяся прежде его друзьями и бывавшія ежедневно въ домѣ его, и тѣ даже не изъявили ни малѣйшаго соучастія. Я довершу описаніе подлости современниковъ нашихъ, сказавши, что когда по принесеніи его въ казарму начали его раздѣвать, то у него украли часы и кольцо, подаренное ему за нѣсколько дней вдовствующею императрицею.

Въ скоромъ времени съѣхались врачи, и на утѣшенія ихъ графъ отвѣчалъ только, что онъ знаетъ, что ему должно умереть. Когда вырѣзали изъ раны его пулю, то онъ, посмотрѣвъ на оную, сказалъ: «я увѣренъ былъ, что въ меня выстрѣлилъ не солдатъ, а какой-нибудь шалунъ, потому что эта пуля не ружейная». Онъ не испустилъ ни одной жалобы и почти во все время сохранялъ молчаніе, но когда боль усиливалась, то онъ закусывалъ себѣ губы и иногда до крови. Государь часто присылалъ навѣдываться объ его здоровьѣ, съ извиненіемъ, что самъ не можетъ отойти ни на минуту отъ матери и отъ супруги, происшествіями того дня весьма испуганныхъ.

Подъ вечеръ императоръ прислалъ къ нему собственноручное письмо слѣдующаго содержанія; я видѣлъ подлинникъ онаго у сестры графа, госпожи Стороженковой, и съ него списалъ копію.

«Мой другъ, мой любезный Михайло Андреевичъ, да вознаградитъ тебя Богъ за все [1]), что ты для меня сдѣлалъ; уповай на Бога такъ, какъ я на Него уповаю. Онъ не лишитъ меня друга. — Если-бы я могъ слѣдовать сердцу, я бы при тебѣ уже былъ, но долгъ мой меня здѣсь удерживаетъ. Мнѣ тяжелъ сегодняшній день, но я имѣлъ утѣшеніе ни съ чѣмъ

[1]) Слово „все“ подчеркнуто государемъ.

несравненное, ибо видѣлъ въ тебѣ и во всѣхъ, во всемъ народѣ друзей, дѣтей: да дастъ мнѣ Богъ всещедрый силъ имъ за то воздать; вся жизнь моя на то посвятится. Твой другъ искренній Николай».

Графъ Милорадовичъ самъ хотѣлъ прочесть сіе письмо, но сколь много ни ставили подлѣ него свѣчей, однако-же силы его того ему сдѣлать не позволили; когда ему оное прочли, то онъ сказалъ, чтобы письмо сіе положили съ нимъ въ гробъ, но потомъ перемѣнилъ свое намѣреніе и продиктовалъ свое завѣщаніе или, лучше сказать, просьбу къ государю, заключавшуюся въ слѣдующихъ трехъ статьяхъ:

«Первое. Письмо сіе отослать къ его родственникамъ.

«Второе. Крестьянъ его отпустить на волю.

«Третье. Не забыть друга его, Майкова».

Часовъ въ девять онъ исповѣдался, пріобщился Святыхъ Таинъ, а въ полночь начался бредъ, предвѣстникъ кончины; бореніе со смертію продолжалось часа три, и онъ умеръ въ безпамятствѣ, говоря, по своему обыкновенію, попеременно то по-французски, то по-русски.

Воспитаніе.

Счастливыми-бы мы себя должны были почесть, если-бы съ открытіемъ сихъ бунтовщиковъ и, слѣдственно, съ немедленно долженствующимъ послѣдовать наказаніемъ, уничтожено было зло или язва, наводнившая святую Русь, но она пустила корни свои въ потомство, теперь въ разныхъ училищахъ воспитывающееся или отчасти изъ оныхъ вышедшее. Я не говорю уже о петербургскихъ заведеніяхъ, изъ коихъ, какъ, напримѣръ, изъ Царскосельскаго лицея, вышелъ Кюхельбекеръ, участвовавшій въ бунтѣ, а кто еще хуже—Пушкинъ, мерзкими, развратительными, но вмѣстѣ щегольскими стихами осмѣивающій императора Александра, правительство и основанія, на которыхъ опочіетъ величество Россіи. Стихи сіи въ устахъ, а слѣдственно и въ сердцахъ мальчиковъ, находящихся въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Меня увѣряли, что воспитанники лицея князя Безбородко, который въ Нѣжинѣ, и гдѣ воспитываются боль-

шею частью малороссіяне и дѣти чиновниковъ Донскаго казачьяго войска, будучи нынѣшнимъ лѣтомъ во время каникулъ у своихъ родителей, привезли изъ Нѣжина цѣлыя тетради ругательныхъ стиховъ Пушкина, ими наизустъ выученныхъ. Что выйдетъ изъ сего поколѣнія, съ младенческихъ лѣтъ пріобыкшаго не почитать то, что для насъ есть святаго, издѣваться надъ онымъ и поносить оное?

Я не постигаю, какъ покойный императоръ, которому сіи обстоятельства не могли быть безъизвѣстны, оставлялъ ихъ безъ вниманія, и какъ могло воспитаніе юношества, сія основа будущаго блаженства Россіи, быть поручено руководству извѣстнаго придворнаго шута, князя Александра Николаевича Голицына. Этотъ человѣкъ, которому потомство, конечно, будетъ дѣлать справедливые упреки, вознамѣрился остановить у насъ развитіе просвѣщенія, учредилъ непомѣрно строгую цензуру, вручивъ оную людямъ необразованнымъ, которые запрещали сочинителямъ помѣщать самыя обыкновенныя разсужденія и самыя невинныя шутки. Раздраженное самолюбіе и разумъ писателей, искавшихъ на бумагѣ излить свои мысли, побудили ихъ не печатать, а въ рукописяхъ излагать свои мнѣнія и правила, которыя, какъ-бы въ отмщеніе цензурной строгости, начали переступать всѣ границы умѣренности; произведенія ихъ ловили съ жадностію. «Что мнѣ нужды, говоритъ Пушкинъ въ посланіи своемъ къ цензору,—что моихъ стиховъ не печатаютъ, они въ рукописяхъ ходятъ и всѣми читаются». Съ другой стороны, публика, которой въ первыя десять лѣтъ дали направленіе къ наукамъ, желая обогатить себя познаніями и не находя въ отечественныхъ произведеніяхъ удовлетворенія своему любопытству, обратилась къ чтенію иностранныхъ книгъ; не было запрещеннаго сочиненія въ Европѣ, которое-бы до насъ не доходило; рѣчи Фуа, Бенжамена Констана, лордовъ . . . . . и Грея были читаемы всѣми, и молодые люди, жадные до познаній, видя краснорѣчивѣйшимъ образомъ изложенныя мысли оппозиціонныхъ партій различныхъ народовъ, возымѣли мысль, что правила, въ Англіи и во Франціи удобоисполнительныя, могли быть приведены въ дѣйствіе и въ Россіи.

Мое намѣреніе есть изложить здѣсь вѣроятный ходъ и начало мятежей, нынѣ возникающихъ, а потому нахожу, что ми-

нистръ просвѣщенія Голицынъ споспѣшествовалъ къ тому наиболѣе. Онъ употребилъ строгую цензуру, ввелъ какое-то монашеское воспитаніе, запретилъ преподаваніе народнаго права, миѳологіи и другихъ предметовъ, слѣдовательно, оказывалъ, очевидно, какое-то подозрѣніе къ россійскому народу, въ то время, когда народъ сей не пощадилъ никакихъ пожертвованій, чтобы нести оныя на алтарь отечества, когда, и собственность, и жизнь были отдаваемы безусловно на защиту царя и престола, когда потомъ нѣсколько сотъ тысячъ русскихъ, совершивъ великій подвигъ избавленія отечества, находились три года въ разныхъ земляхъ Европы и, наконецъ, по возвращеніи своемъ, какъ-бы подпали подъ нѣкоторое подозрѣніе. Множество новыхъ мыслей и понятій, привезенныхъ изъ заграницы русскими офицерами, требовали направленія, которое легко было онымъ дать правительству; но, напротивъ того, цензура наша удвоила свою строгость. Я самъ, отдавая въ печать въ 1816 и 1817 годахъ разные отрывки изъ моихъ журналовъ, неоднократно подвергался капризамъ цензоровъ и, не желая унизить себя въ собственныхъ глазахъ моихъ снисхожденіемъ и терпѣливо сносить прихоти сихъ невѣждъ и подьячихъ, которые въ то время, какъ мы проливали кровь нашу за отечество, пресмыкались въ низкомъ покоѣ,—пересталъ печатать свои сочиненія. Либеральныя идеи, нынѣ превозносимыя въ иностранныхъ земляхъ, не могли быть неизвѣстны въ Россіи, какъ по причинѣ нахожденія многихъ русскихъ заграницею, такъ и по безпрестанному упражненію нашему въ чтеніи иностранныхъ книгъ, но со стороны министерства просвѣщенія не сдѣлано было ни шагу, чтобы показать несоотвѣтственность примѣненія сихъ либеральныхъ понятій къ Россіи. Сіе удобно было-бы сдѣлать, пригласивъ нѣсколько опытныхъ людей, которымъ извѣстна была степень просвѣщенія въ Европѣ, заняться сочиненіями, въ которыхъ-бы они излагали какъ начала политическихъ наукъ, равно ходъ дипломатики и, мыслей, и понятій въ Европѣ и въ Америкѣ, и которые-бы благоразумно и умѣренно говорили, что въ нихъ есть вреднаго для Россіи. Я думаю, что для достиженія сей цѣли можно-бы было употребить средство, которое у насъ вовсе было пренебрежено и даже до такой степени, что я не постигаю, какъ мы сами объ ономъ не вздумали, а именно возбудить

въ писателяхъ и въ художникахъ всякаго рода желаніе прославить подвиги отечественной и заграничныхъ войнъ, бывшихъ тогда въ свѣжей памяти. Мнѣ извѣстно, что самохвальство было ненавистно для характера Александрова; онъ, какъ истинно великій человѣкъ, дѣлалъ великія дѣла и пренебрегалъ похвалою, но въ семъ случаѣ—мною предполагаемомъ, стихотворцы, прозаики, живописцы, ваятели, зодчіе, воздвигая каждый въ своемъ родѣ памятники народной славѣ, возбудили-бы гордость россіянъ всѣхъ сословій къ подвигамъ соотечественниковъ ихъ, и до такой степени обратили-бы на себя всеобщее вниманіе и дали-бы пищу умамъ и воображенію всѣхъ, что съ помощію политическихъ писателей, о коихъ выше упомянулъ, устыдились-бы заимствовать что-либо отъ иноземцевъ, между тѣмъ какъ посредствомъ сего Россія наполнилась-бы, вѣроятно, изящными памятниками всякаго рода. Я полагаю, что всѣ были-бы увлечены симъ стремленіемъ, и самъ Пушкинъ, сдѣлавшійся корифеемъ мятежниковъ, употребилъ-бы талантъ свой для прославленія своего царя и своихъ единоземцевъ. Вотъ, по моему мнѣнію, подвигъ, представлявшійся министру просвѣщенія съ 1815 года вмѣсто ханжества и мрака невѣжества, достойнаго среднихъ вѣковъ, которые князь Голицынъ старался ввести.

Благоразумная твердость правительства.

Чѣмъ затруднительнѣе положеніе нашего новаго монарха въ первое время вступленія его на престолъ, тѣмъ болѣе радуетъ твердость и открытость, съ которою онъ дѣйствуетъ. Не скрывается отъ публики ничего; журналы почти съ каждою почтою приносятъ намъ извѣстія о томъ, что́ для каждаго изъ насъ близко, то есть о дальнѣйшемъ открытіи отраслей заговора. Вчера помѣщено и описаніе муравьевскаго бунта, точно въ такомъ видѣ, какъ онъ былъ сообщенъ и намъ отъ нашего начальства по секрету присланъ; присовокуплено только обстоятельство, которое намъ не было извѣстно, а именно, что, по показаніямъ бунтовщиковъ, взятыхъ подъ стражу въ Петербургѣ, Муравьевъ былъ признанъ ими однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ, что для арестованія его былъ посланъ фельдъегерь, котораго онъ посадилъ подъ караулъ, и выпустилъ нахо-

дившихся въ васильковскомъ острогѣ преступниковъ, и нанесъ нѣсколько ранъ своему полковому командиру. Въ сихъ обнародованіяхъ со стороны правительства, писанныхъ съ великимъ благоразумiемъ, обѣщаютъ по окончаніи слѣдствія увѣдомить о настоящихъ намѣреніяхъ злоумышленниковъ. Подобныя обнародованія, дѣлающія честь правительству, показывающія твердость его, были у насъ неизвѣстны и служатъ доказательствомъ, что правительство дорожитъ мнѣніемъ публики и благомыслящихъ мирныхъ гражданъ. Членами въ слѣдственной комиссіи суть великій князь Михаилъ Павловичъ, военный министръ Татищевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Голицынъ и генералъ-адъютантъ Кутузовъ, Бенкендорфъ, Левашовъ и Потаповъ.

Обнародованіе о заговорѣ.

Правительство обнародовало о существованіи ужаснаго заговора, имѣвшаго цѣлью, какъ оно само говоритъ, убійство императорской фамиліи, и присовокупляетъ расхищеніе собственности и умерщвленіе мирныхъ гражданъ. Въ другомъ обнародованіи объ возстаніи Черниговскаго пѣхотнаго полка говоритъ, что произведшій оное подполковникъ Муравьевъ имѣлъ цѣлью, вмѣстѣ съ главными зачинщиками, уже за нѣсколько лѣтъ покуситься на жизнь императора Александра. Что молодые люди, коимъ извѣстенъ былъ ходъ европейскаго просвѣщенія, гдѣ отъ малаго до великаго всѣ требуютъ представительнаго правительства, свободы книгопечатанія, отвѣтственности министровъ и прочаго, съ симъ сопряженнаго, могли возымѣть мысль ввести нѣчто подобное и въ Россіи—это постижимо, но основывать новыя мѣроположенія свои на крови.....

Теперь представляется любопытный вопросъ: неужели покойный императоръ не зналъ о существованіи сего заговора, когда всѣмъ извѣстно, что шпіонство было у насъ очень велико. Напримѣръ, въ Петербургѣ была тройная полиція: одна въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, другая у военнаго генералъ-губернатора, а третья у графа Аракчеева; когда даже называли по именамъ тѣхъ изъ шпіоновъ, которые были примѣтны въ

обществахъ, какъ-то: Новосильцова, князя Мещерскаго и другихъ [1]). Къ чему служитъ шпіонство? Въ арміяхъ было оно также очень велико; говорятъ, что примѣчали за нами, генералами, что знали чѣмъ мы занимаемся, играемъ-ли въ карты и тому подобный вздоръ. Думаю я, что нѣтъ сомнѣнія, чтобы государь покойный не зналъ, хотя отчасти, сего заговора, и я основываю догадки мои на удивительной недовѣрчивости, которая въ послѣдніе годы царствованія его сдѣлалась отличительною чертою его характера. И какъ посему ему было не любить пребыванія въ чужихъ краяхъ, гдѣ онъ, по крайней мѣрѣ, былъ свободенъ и въ увѣренности, что нѣтъ злоумышленниковъ, покушающихся на жизнь его.....

Новые генералъ-адъютанты.

Любопытно было слѣдовать по приказамъ, отдаваемымъ по военному вѣдомству, за дѣйствіями новаго царствованія.

Прежде всего узнали мы о множествѣ вновь пожалованныхъ генералъ-адъютантовъ. Изъ новыхъ генералъ-адъютантовъ, назначенныхъ приказомъ по арміи 15-го декабря, большая часть людей незначительныхъ и, за исключеніемъ Сукина, Воинова Демидова и Шеншина, пріобрѣтшихъ долголѣтнею службою и ранами уваженіе соотечественниковъ, всѣ другіе ни что иное, какъ люди, занимавшіеся фрунтовою частью [2]). Не знаю, что

[1]) Въ „Журналѣ 1823 года“ Михайловскій-Данилевскій по этому случаю пишетъ: „Карточная игра распространилась въ Петербургѣ до невѣроятной степени; конечно, изъ ста домовъ въ девяносто домахъ играютъ, и хотя въ семъ году кругъ моихъ знакомствъ сдѣлался весьма обширенъ, и я часто выѣзжалъ, но не видалъ, чтобы гдѣ-нибудь занимались чѣмъ либо другимъ, кромѣ картъ. Если приглашали на вечеръ, то это значило играть, и едва я успѣвалъ поклониться хозяйкѣ, то карты находились уже въ моей рукѣ... Я думаю что сіе происходило частію отъ недостатка въ образованіи, примѣтнаго вообще въ Россіи, и частію-же и отъ того, что изъ разговоровъ изгнаны были всѣ политическіе предметы; правительство было подозрительно и въ рѣдкомъ обществѣ не было шпіоновъ, изъ коихъ, однакоже, большая часть были извѣстны. Иные изъ нихъ принадлежали къ старинымъ дворянскимъ фамиліямъ, были украшены орденами и носили камергерскіе мундиры“.

[2]) Приказомъ 15-го декабря назначены 13 генералъ-адъютантовъ: Башуцкій, Воиновъ, Воропановъ, Головинъ, Демидовъ, Фредериксъ, Исленевъ, Мартыновъ, Нейдгардъ, Сукинъ, Сухозанетъ, Чечеринъ, Шеншинъ. Н. Ш.

именно происходило въ Петербургѣ во время возмущенія 14-го декабря; можетъ быть, сіи господа имѣли случай показать чрезвычайную храбрость свою и необыкновенную преданность къ нашему новому монарху, и мнѣ пріятно думать, что они оказали опыты своего мужества, но, прочитавъ описаніе несчастнаго мятежа, происходившаго въ Петербургѣ 14-го декабря, я не постигаю, что они могли сдѣлать отличнаго; за исключеніемъ полковъ Кавалергардскаго и Коннаго, ходившихъ на бунтовщиковъ въ атаку, тутъ прочимъ генераламъ не было случая блеснуть; досадовалъ я, что назначенія въ званія, на которыя мы привыкли смотрѣть съ особеннымъ уваженіемъ, должно было послѣдовать по той причинѣ, что гвардейскіе полки можетъ быть колебались въ принятіи присяги, и что командиры оныхъ оказали твердость и присутствіе духа. Въ такомъ случаѣ они достойны всякой возможной награды.

Нельзя, однакоже, при семъ не привести на память генералъ-адъютантовъ царствованія Александра, который, за нѣкоторыми исключеніями, облекалъ въ это званіе людей, первѣйшія мѣста въ имперіи занимающихъ . . . . . .

. . . . . .

Не отнимая заслугъ у вновь произведенныхъ генералъ-адъютантовъ, но съ прежними ни въ какомъ отношеніи сравнить ихъ невозможно, это сущіе пигмеи, а потому я и полагаю, чтобы возвысить сіе званіе, надобно будетъ назначить въ оное нѣсколько отличныхъ генераловъ. Догадка моя сегодня (12-го января) отчасти оправдалась, увидя изъ высочайшаго приказа, отданнаго 25-го декабря, о назначеніи адмирала Сенявина въ генералъ-адъютанты.

Адмиралъ Сенявинъ.

Сенявинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливцевъ, который въ полной мѣрѣ пріобрѣлъ уваженіе, любовь и преданность общую въ народѣ; о флотѣ не говорю, онъ его идолъ. Походъ его въ Средиземномъ морѣ, подвиги на Соединенныхъ семи островахъ, разбитіе турокъ въ двухъ генеральныхъ сраженіяхъ, поведеніе его съ подчиненными, союзниками и непріятелями, наконецъ, поступки его въ Лиссабонѣ съ французами и англичанами

въ самомъ затруднительномъ положеніи, въ каковомъ когда-либо адмиралъ находился и, наконецъ, самая капитуляція, съ англичанами заключенная, за которую британскаго адмирала предали суду, и пребываніе съ плѣннымъ уже флотомъ въ Портсмутѣ,— поставили его на ряду отличныхъ государственныхъ мужей. По возвращеніи его въ Россію, кажется, въ 1808 году (??), онъ былъ весьма сухо принятъ императоромъ; нельзя, чтобы не было тому важныхъ причинъ, побудившихъ его величество къ таковому поступку, и я никакъ не соглашусь съ мнѣніемъ тѣхъ, которые полагаютъ причину въ ненависти къ Сенявину тогдашняго морскаго министра и бывшаго въ большой довѣренности у государя Чичагова. Сенявинъ вышелъ изъ службы [1]) и, не имѣя никакого состоянія, онъ, который командовалъ флотомъ и сухопутными войсками и завѣдывалъ обширными областями, принужденъ былъ довольствоваться 1.200 рублями ассигнаціями ежегоднаго пенсіона. Семейныя дѣла его были очень разстроены, и, конечно, душа его отъ стеченія столь неблагопріятныхъ обстоятельствъ была сильно огорчена; но онъ въ несчастіи пребывалъ непоколебимъ и переносилъ оное съ такимъ равнодушіемъ, каковое оказывалъ нѣкогда, предводительствуя въ сраженіяхъ. Къ сему, конечно, не мало способствовало общее уваженіе, которымъ онъ, не смотря на немилость, въ которой находился при дворѣ, пользовался въ публикѣ. Описаніе походовъ его въ Средиземномъ морѣ было издано, и въ особенныхъ сочиненіяхъ, и въ періодическихъ изданіяхъ, изъ коихъ, я думаю, не осталось ни одного, въ которомъ-бы не было помѣщено чего либо въ его похвалу. Между тѣмъ, морскіе офицеры превозносили его выше облаковъ, и я не знаю, можно-ли въ подобной мѣрѣ стяжать, какъ онъ, всеобщую привязанность! Въ сіе время Сенявинъ никогда не показывался при дворѣ, жилъ весьма скромно въ отдаленной части города, не былъ въ связяхъ ни съ кѣмъ изъ знатныхъ, не посѣщалъ большаго, такъ называемаго, свѣта, а былъ знакомъ въ домахъ людей самыхъ обыкновенныхъ, гдѣ онъ курилъ трубку и игралъ въ банкъ. Мнѣ однажды только случилось видѣть сего отличнаго мореходца

---

[1]) Сенявинъ вышелъ въ отставку 2-го апрѣля 1813 г., состоявъ съ 1811 года главнымъ командиромъ Ревельскаго порта. Н. Ш.

въ подобномъ дому у одного нашего общаго пріятеля; Сенявинъ былъ во фракѣ, безъ орденовъ и съ трубкою въ рукахъ; сидѣлъ за столомъ, гдѣ метали банкъ, и, не говоря ни слова, загибалъ углы картъ отъ пяти и десяти рублей. Вниманіе мое было обращено на него; въ комнатѣ находились люди самые обыкновенные, но Сенявинъ, кажется, довольный увѣреніемъ совѣсти и пріобрѣтенной славой, былъ ко всему равнодушенъ. Наружность его величественна и пріятна, и тѣ, которые пользуются его короткимъ знакомствомъ, сказываютъ, что онъ столько-же любезенъ въ кругу пріятелей, сколько и скроменъ. Я истинно порадовался, узнавъ о принятіи его въ службу и о назначеніи его генералъ-адъютантомъ; это одинъ изъ мудрыхъ поступковъ, ознаменовавшихъ новое царствованіе наше; симъ однимъ приказомъ во многихъ отношеніяхъ императоръ отдалъ должную справедливость общественному мнѣнію, привлекъ довѣренность и любовь всего флота.

Графъ Аракчеевъ.

Въ тѣхъ-же самыхъ газетахъ, гдѣ объявлено о назначеніи Сенявина, помѣщенъ рескриптъ императора къ графу Аракчееву отъ 19-го декабря прошлаго года, въ коемъ императоръ говоритъ, что надѣется, что графъ по прежнему будетъ служить его величеству, какъ служилъ покойному государю. Странно, что къ одному графу Аракчееву пишутъ о продолженіи его службы; въ такомъ случаѣ надлежало бы писать по крайней мѣрѣ и къ обоимъ главнокомандующимъ, графамъ Витгенштейну и Сакену, чтобы и они остались на службѣ, или другимъ особамъ, занимающимъ важныя должности; но такъ какъ нѣтъ указа или приказа объ увольненіи ихъ, равно какъ и Аракчеева отъ службы, то не существуетъ и достаточной причины для написанія къ нимъ подобныхъ рескриптовъ. Но я думаю, что поводомъ къ оному были двѣ причины: во-первыхъ, графъ Аракчеевъ, противъ котораго, по смерти Александра, всѣ явно вопіяли, и желалъ симъ рескриптомъ, напечатаннымъ въ вѣдомостяхъ, общенародно доказать, что онъ остается по прежнему при дворѣ, а во-вторыхъ, другая побудительная причина, которая мнѣ

кажется болѣе основательною, есть та, чтобы объявить волю монаршую объ высочайшемъ намѣреніи оставить по прежнему военныя поселенія. Извѣстно, что сіе учрежденіе вѣка Александра вооружило противу себя Россію, и потому по кончинѣ его думали, что преемникомъ его оное будетъ, или отмѣнено, или не будетъ болѣе распространяться; но симъ рескриптомъ, послѣдовавшимъ на имя графа Аракчеева, ясно изображается высочайшая воля и въ семъ отношеніи поступать по примѣру Александра.

Приказъ о мундирахъ.

Вслѣдъ за симъ мы получили высочайшій приказъ о разныхъ перемѣнахъ въ мундирахъ всей пѣхоты и нѣкоторой части конницы, начиная отъ генераловъ до солдата. Поторопились, подумалъ я, симъ заняться; впрочемъ, во всей Европѣ, кромѣ Австріи, лишь только новый монархъ вступаетъ на престолъ, какъ дѣлаютъ какія-либо измѣненія въ одеждѣ войскъ. Я нашелъ неосновательнымъ, что въ генеральскихъ мундирахъ сдѣлано различіе между конными и пѣшими, между тѣми, кои находятся въ Литовскомъ корпусѣ, и служатъ въ финскихъ войскахъ, и между нами, русскими. Генеральское платье должно быть общее, ибо генералъ, командуя на войнѣ пѣхотою, конницею и артиллеріею, принадлежитъ ко всѣмъ симъ тремъ разнымъ родамъ оружій, а не одному какому-либо изъ нихъ. Различіе въ мундирахъ даже вредно, и пѣхотный генералъ, давая приказанія конницѣ, не найдетъ въ ней толь слѣпаго и безпрекословнаго повиновенія, какъ кавалерійскій генералъ, равнымъ образомъ и сей послѣдній найдется въ таковомъ-же непріятномъ положеніи относительно пѣхоты. Въ первые годы царствованія покойнаго государя сіе различіе существовало, но во время войны, и кажется это было въ Парижѣ, оно уничтожено, — и я полагаю, что сіе было сдѣлано не по одной прихоти, но для того, что польза службы того требовала.

Приказъ о греческихъ именахъ.

Потомъ мы получили высочайшій приказъ, коимъ повелѣно два въ Тавридѣ находящіеся города не называть турецкими именами, но греческими, кои имъ даны были императрицею Екатериною, а именно, чтобы Севастополь не называли Ахтіаромъ, а Евпаторію — Козловымъ. Не означаетъ-ли это нѣкоторой наклонности въ пользу грековъ? Догадка сія подтвердилась, по крайней мѣрѣ, въ моихъ глазахъ, ибо я получилъ немедленно послѣ сего высочайшее повелѣніе къ 20-му апрѣля отправить вторые баталіоны моей бригады во вторую армію на берега Прута. Въ повелѣніи было сказано, что изъ всей нашей 7-й дивизіи вторые баталіоны идутъ во вторую армію не по наличному числу людей, а по списочному состоянію, такимъ образомъ, что въ 13-мъ Егерскомъ полку добавляется ко второму баталіону изъ перваго 150, а изъ 14-го полка 197 человѣкъ. Взамѣнъ сей убыли къ намъ поступятъ вторые баталіоны изъ 5-го пѣхотнаго корпуса, расположеннаго около Москвы.

Приказъ объ усиленіи второй арміи.

Такъ какъ отправленіе вторыхъ баталіоновъ возложено было на бригадныхъ начальниковъ, то я и поѣхалъ самъ въ полки и увидѣлъ, что въ 14-мъ Егерскомъ было очень много больныхъ, а именно 57 человѣкъ. Спроси у полковаго командира, отчего сіе происходитъ, я получилъ въ отвѣтъ, что въ семъ числѣ только трое старыхъ солдатъ, а что прочіе 54—рекруты, большею частью изъ Вятской губерніи; таково вліяніе климата! Полковой командиръ присовокупилъ, что онъ замѣтилъ между солдатами особенное уныніе, котораго онъ, служа тридцать лѣтъ, никогда прежде не видалъ, и что оно особенно умножилось, когда люди узнали, что вторые баталіоны назначаются идти во вторую армію, до такой степени опасаются молдавскаго климата! Какъ-бы я радъ былъ, чтобы это обстоятельство сдѣлалось извѣстнымъ аббату Прадту и другимъ публицистамъ въ Европѣ, которые утверждаютъ, что русскіе угрожаютъ навод-

нить Европу именно по той причинѣ, что будто-бы мы не можемъ ужиться въ холодномъ нашемъ климатѣ.

Сводный гвардейскій полкъ.

Въ сіе-же время объявлено было въ приказахъ, что изъ баталіоновъ Московскаго и Гренадерскаго гвардейскихъ полковъ составленъ сводный гвардейскій полкъ, который отправленъ на Кавказъ. Въ полкъ сей помѣщены тѣ люди, которые бунтовали 14-го декабря; часть гвардіи оказала себя въ сей день подобною преторіанскимъ легіонамъ, располагавшимъ нѣкогда римскимъ престоломъ. Послѣ происшествія, случившагося въ 1820 году въ Семеновскомъ полку, покойный государь почувствовалъ вредъ, могущій произойти отъ многочисленной гвардіи, и дабы неприметно искоренить сіе зло, онъ не приказалъ ее болѣе укомплектовывать. Сіе продолжалось два года, по прошествіи коихъ начали по прежнему число убывавшихъ людей пополнять выборомъ изъ армейскихъ полковъ, къ великому вреду сихъ послѣднихъ.

Погребеніе Александра I.

Повѣствованія о заговорѣ отвлекли меня на время отъ великаго праха Александрова. Кто болѣе его покровительствовалъ музамъ, кто изъ монарховъ не только въ Россіи, но даже въ Европѣ, отверзъ для нихъ болѣе храмовъ? Число учебныхъ заведеній всякаго рода, основанныхъ въ его царствованіе, теряющихся въ неизмѣримости Россіи, простирается на нѣсколько тысячъ, духовнымъ, дворянамъ, гражданамъ. Онъ всѣмъ облегчилъ способы ученія. Но что-же для памяти его сдѣлали питомцы музъ? Нѣсколько недѣль послѣ его кончины ничего въ честь его не было написано; это есть лучшій доводъ бѣдности нашей словесности. Съ какимъ нетерпѣніемъ пробѣгалъ я періодическія изданія, старался отыскивать въ нихъ какое-нибудь вдохновеніе, которое-бы послужило отголоскомъ чувствъ народнымъ, но тщетно. Сей предметъ превосходилъ силы нашихъ стихотворцевъ, воспѣвающихъ любовь, и туманную даль, и утраченную юность.

Первая пьеса, появившаяся въ журналахъ, была написана крестьяниномъ Слѣпушкинымъ и отличается не изяществомъ поэзіи, а истиною чувства. Это сельская идиллія, въ которой крестьяне оплакиваютъ смерть добраго помѣщика. Вотъ нѣкоторые стихи, кто въ нихъ не узнаетъ Александра, который былъ единственнымъ монархомъ въ Россіи, обратившимъ попечительность свою на участь крестьянъ:

Когда онъ проѣзжалъ любимыми полками,
Казался краше всѣхъ, какъ розанъ межъ цвѣтами,
Привѣтно говорилъ, шутилъ и всѣхъ ласкалъ,
И взглядомъ радость онъ во всѣ сердца вливалъ.
Теперь никто его не видитъ, не находитъ.
. . . . . .
Такъ плачьте, дѣтушки, нашъ вѣрно грѣхъ великъ.
О дѣти, онъ блаженъ, не встрѣтитъ скорбей слезныхъ
И добрыхъ радуетъ онъ ангеловъ небесныхъ.

Потомъ начали мало по малу проглядывать, такъ сказать, въ журналахъ нашихъ стихи на кончину его; но изъ нихъ врядъ-ли что дойдетъ до потомства. Я приведу нѣкоторые изъ нихъ.

Слѣдующее мѣсто заимствовано мною изъ элегической пѣсни Глѣбова:

Бьетъ часъ—ужасный, роковой,
Сверкаетъ смерть губительной косой,
Сразила! . . . и сама надъ жертвой содрогнулась.
. . . . . .
Въ столицѣ счастливой, подъ сѣнью благотворной,
На пиршествахъ гремѣлъ царю хвалебный ликъ. . .
А онъ! виновникъ нашихъ благъ,
Въ тотъ часъ, на дальнихъ берегахъ
Боролся съ смертью, подъ бременемъ недуга.

Послѣдніе три стиха произвели во мнѣ истинное потрясеніе: я видѣлъ его торжествовавшаго въ Парижѣ, видѣлъ, какъ онъ давалъ законы Европѣ, и долженъ былъ представить себѣ его на одрѣ болѣзни, блѣднаго, изнеможеннаго, какъ мало по малу переставало биться то сердце, которое во всю жизнь его исполнено было любви къ человѣчеству и къ добродѣтели.

Лучшимъ поэтическимъ произведеніемъ на сей горестный случай я признаю слѣдующее посланіе Писарева подъ заглавіемъ:

«Къ порфирородной вдовицѣ, по прочтеніи письма, въ которомъ упомянуто: надѣюсь скоро съ нимъ соединиться».

Иностранные писатели въ семъ случаѣ пристыдили нашихъ литераторовъ, ибо европейскіе журналы, тотчасъ по полученіи извѣстія о кончинѣ Александра, отдали должную дань памяти его. Журналы всѣхъ партій, и революціонные, и монархическіе, при семъ несчастномъ событіи отложили на время вражду свою для прославленія того, кто возвратилъ и упрочилъ миръ Европѣ. Я получилъ, живя въ Малороссіи, приказъ короля прусскаго къ арміи его о наложеніи траура по императорѣ Александрѣ прежде, нежели у насъ сдѣланы были какія-либо распоряженія по сему предмету.

Между тѣмъ тѣло Александра повезли изъ Таганрога; всякія газеты, описывая встрѣчу, дѣланную ему въ разныхъ городахъ, по всему пространству отъ Азовскаго моря до Петербурга, возобновляли скорбь души моей. Сколько я въ жизни моей писывалъ маршрутовъ во время путешествій Александра, вотъ послѣдній, по которому везли прахъ того, съ кѣмъ я въ въ торжествѣ въѣзжалъ въ разныя столицы Европы:

Декабря	26	выѣздъ	изъ	Таганрога.
»	31	пріѣздъ	въ	Бахмутъ.
Января	2	»	»	Изюмъ.
»	6	»	»	Харьковъ.
»	13	»	»	Курскъ.
»	20	»	»	Мценскъ.
»	26	»	»	Тулу.
»	31			
Февраля	1	»	»	Москву.
»	2			
»	8	»	»	Тверь.
»	20	»	»	Новгородъ.
»	25	»	»	Царское-село.

Повсюду обнаруживалось . . . русскихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ распространились по мѣрѣ приближенія праха къ Москвѣ и къ Петербургу какіе-то нелѣпые слухи, повергшіе народъ въ ужасъ. Говорили, что Александръ не умеръ и что гробъ не вмѣщаетъ

останковъ его; въ другихъ мѣстахъ увѣряли, что въ день прибытія тѣла его въ какой-нибудь городъ должно было въ ономъ вспыхнуть пламя бунта. Достовѣрно извѣстно, что опасенія сіи въ Москвѣ возрасли до такой степени, что войска имѣли во время печальной церемоніи заряженныя ружья, и что кабаки были заперты и были взяты со стороны полиціи возможныя мѣры для прекращенія долженствовавшаго обнаружиться мятежа. Генералъ Квитницкій, сопровождавшій со своею бригадою тѣло государя отъ Орла до Серпухова, сказывалъ мнѣ, что, по приближеніи печальнаго шествія процессіи къ Тулѣ, командующій тамъ войсками генералъ Храповицкій извѣстилъ его по секрету начальствующаго печальнымъ шествіемъ генерала Орлова-Денисова, что въ Тулѣ и въ Москвѣ открыты злоумышленники, имѣющіе въ предметѣ сжечь тѣло покойнаго императора на какомъ-нибудь ночлегѣ. Перо падаетъ изъ рукъ! Боже мой, до чего мы дожили! Это неслыханное въ исторіи злоумышленіе! Вслѣдствіе того графъ Орловъ-Денисовъ принялъ всѣ возможныя предосторожности, и генералъ Квитницкій сказывалъ мнѣ, что въ военное время, въ виду непріятеля, нельзя было слѣдовать съ большими осторожностями, какъ они поступали при шествіи тѣла государева: были авангарды и аріергарды, разъѣзды, патрули боковые...

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ мы узнали о похоронахъ императора Александра. Въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ нельзя было безъ ужаса брать въ руки газетъ, ибо каждый номеръ оныхъ наполненъ былъ описаніемъ того, что происходило при проѣздѣ тѣла августѣйшаго усопшаго отъ Таганрога до Петербурга; подробности усердія, преданности и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обожанія, оказаннаго народомъ, раздирали сердце, хотя и наполняли глаза слезами умиленія.

О, сколь великъ тотъ царь,
Кто россами владѣть умѣетъ.

Когда я прочиталъ въ газетахъ, что гробъ опустили въ землю и отдана была послѣдняя почесть выстрѣлами изъ пушекъ и орудій, то душа моя была столь сильно потрясена, что мнѣ казалось, будто я слышу сіи выстрѣлы, возвѣстившіе, что уже не находится болѣе на землѣ монарха, который былъ украшеніемъ рода человѣческаго...

Со смертію Александра рушились всѣ мои мечты и надежды: тайный голосъ говорилъ мнѣ, что служба моя должна была кончиться, и я ожидалъ, чтобы выйти въ отставку, только прекращенія мятежей, которые волновали на нѣкоторое время мое отечество. Весною сего года дѣла начали приходить въ надлежащій порядокъ; твердость новаго монарха ручалась за спокойную будущность, и какъ ничто не препятствовало моему намѣренію, то я подалъ прошеніе объ отчисленіи меня по арміи. Въ сіе-же время Анна Павловна подарила мнѣ по купчей Нижегородской губерніи село Юрьево. Первая собственность сія меня несказанно обрадовала, ибо съ нею совокуплялась мысль, что, въ случаѣ треволненій жизни, у меня есть пріютъ, котораго я такъ давно и такъ страстно желалъ имѣть.

Въ маѣ мѣсяцѣ я получилъ высочайшее соизволеніе состоять по арміи, и въ томъ-же мѣсяцѣ выѣхалъ изъ Кременчуга въ деревню, гдѣ пробылъ три года и гдѣ дѣти найдутъ нѣкоторые слѣды моего существованія. Здѣсь оканчиваю я сіи записки, веденныя мною въ теченіи пятнадцати лѣтъ.

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ МИХАЙЛОВСКІЙ-ДАНИЛЕВСКІЙ

по поводу столѣтней годовщины со дня его рожденія

1790—1848—1890.

26-го августа 1890 года минуло сто лѣтъ со дня рожденія русскаго историка А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, и этотъ день долженъ быть отмѣченъ на страницахъ русскаго историческаго журнала.

Нынѣ, въ память исполнившагося столѣтія со дня рожденія этого неутомимаго труженика по разработкѣ отечественной исторической науки, „Русская Старина“ представила выше читателямъ своимъ нѣкоторые матеріалы изъ богатаго собранія бумагъ, оставшихся послѣ смерти Михайловскаго-Данилевскаго.

Въ „Русской Старинѣ“ впервые указано было на значеніе Михайловскаго-Данилевскаго, какъ историческаго писателя, и на несправедливую оцѣнку его дѣятельности современниками и послѣдующими за ними историками. Въ статьѣ „Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царствованіе императора Александра I-го“ [1]), относительно Данилевскаго сказано слѣдующее: „никто не знакомъ съ его историческими трудами въ ихъ первоначальномъ, настоящемъ видѣ. Всѣ рукописи его многочисленныхъ историческихъ сочиненій подвергались самой безжалостной ампутаціи. По правильной оцѣнкѣ многихъ политическихъ явленій и многосторонней разработкѣ матеріаловъ онъ

---

[1]) „Русская Старина“ изд. 1889 г., январь, глава II.

стоитъ гораздо выше своего историческаго преемника—генерала Модеста Ив. Богдановича. Такъ, напримѣръ, относительно Тильзитскаго мира, въ „Исторіи войны 1806 и 1807 гг." уже въ 1846 г. Данилевскій призналъ (стр. 410) подписанный здѣсь императоромъ Александромъ договоръ: „однимъ изъ самыхъ выгодныхъ, какіе когда-либо заключала Россія: онъ послужилъ непосредственнымъ поводомъ къ разрыву съ Швеціею и далъ императору Александру возможность употребить большія силы въ веденной имъ тогда войнѣ противъ Турціи... Императоръ Александръ могъ убѣдиться въ выгодахъ Тильзитскаго мира черезъ два года, подписывая договоръ Фридрихсгамскій, а черезъ пять лѣтъ—заключая миръ Букарестскій".

Между тѣмъ, двадцать лѣтъ спустя, въ исторіи императора Александра I-го М. И. Богдановича относительно Тильзита сказано: „всѣ уступки, надежды, обѣщанія, данныя Наполеономъ императору Александру, клонились къ ослабленію Россіи и къ отторженію отъ нея союзниковъ". Въ подобномъ отзывѣ уже чувствуется германизація русской исторіи, и дѣлаются понятными нападенія русскихъ и иностранныхъ критиковъ на Данилевскаго за слѣпое поклоненіе всему коренному русскому и за преувеличенный патріотизмъ.

Отзывъ этотъ требуетъ болѣе подробнаго разъясненія.

Прежде всего поставимъ вопросъ: потрудились-ли порицатели Данилевскаго изучить съ должнымъ вниманіемъ историческое наслѣдіе, оставленное писателемъ, послужившимъ для нихъ мишенью дешевыхъ насмѣшекъ и глумленія и прозваннымъ съ легкой руки его непримиримаго врага, князя А. С. Меншикова, баснописцемъ? Затѣмъ, обращено-ли было вниманіе читателей на ту тяжелую обстановку, среди которой пришлось работать историку? Къ сожалѣнію, приходится отвѣчать отрицательно на поставленные нами два вопроса: въ этомъ отношеніи русская критика безмолствовала.

Разсмотримъ вкратцѣ въ чемъ заключается историческое наслѣдство, оставленное Александромъ Ивановичемъ Михайловскимъ-Данилевскимъ.

Независимо отъ печатныхъ трудовъ Данилевскаго, онъ оставилъ драгоцѣнное собраніе историческихъ матеріаловъ. Главная

часть этихъ матеріаловъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ царствованія императора Александра I, хранится въ военно-ученомъ архивѣ. Особеннымъ богатствомъ и полнотою отличаются матеріалы для исторіи отечественной войны 1812 года; они состоятъ изъ пятнадцати фоліантовъ и составляютъ незамѣнимое пособіе для каждаго изслѣдователя этого достопамятнаго года.

Кромѣ того, Данилевскій оставилъ еще болѣе 20-ти томовъ рукописныхъ записокъ съ обширными приложеніями [1]). Начало ихъ относится къ 1808 году, когда Данилевскій отправился заграницу въ Гёттингенскій университетъ; съ этого времени онъ велъ безъ перерыва до 1827 года дневники или „журналы", которые обнимаютъ собою почти все Александровское царствованіе и замѣчательны по богатству историческаго содержанія. Изъ позднѣйшихъ журналовъ, относящихся уже къ царствованію императора Николая, сохранились дневники 1829 и 1831 годовъ [2]). Замѣтимъ здѣсь, что Данилевскій при многочисленныхъ своихъ занятіяхъ не успѣлъ окончить литературной обработки всѣхъ своихъ записокъ; онъ говорилъ не разъ, что на закатѣ дней своихъ непремѣнно займется приготовленіемъ этихъ рукописей къ печати. Между тѣмъ „закатъ" настигъ его ранѣе, чѣмъ можно было ожидать по вѣроятностямъ человѣческаго разсчета. Данилевскій скончался 9-го сентября 1848 г. на пятьдесятъ девятомъ году отъ рожденія.

Намъ остается теперь еще представить очеркъ той обстановки при которой приходилось работать нашему историографу.

Цензуру всѣхъ напечатанныхъ сочиненій Данилевскаго принялъ на себя самъ императоръ Николай. Государь прочелъ всѣ 18 рукописныхъ томовъ съ полнымъ вниманіемъ, въ чемъ легко убѣдиться по многимъ собственноручнымъ замѣткамъ его величества, украсившимъ собою труды историка. Малѣйшая описка или неточность разсказа автора не ускользали отъ вниманія императора, причемъ тщательно отмѣчалось все то, что, по тогдашнимъ соображеніямъ, не подлежало еще обнародованію путемъ

---

[1]) Къ числу этихъ приложеній относится также переписка Данилевскаго, тщательно собранная имъ по годамъ и представляющая собою драгоцѣнный историческій матеріалъ.

[2]) Дневникъ 1831 г. подъ заглавіемъ: „Поѣздка въ Прагу въ 1831 г." былъ напечатанъ мною въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1889 года.

Н. Ш.

печати. Затѣмъ рукописи поступали на просмотръ къ графу Чернышеву, и нѣкоторыя изъ нихъ представлялись еще на окончательное обсужденіе князя Паскевича. Послѣднее случилось съ описаніемъ отечественной войны 1812 года.

Препровождая фельдмаршалу рукопись этого сочиненія, Данилевскій, въ рапортѣ на его имя, сообщаетъ нижеслѣдующія любопытныя свѣдѣнія о сокращеніяхъ, которымъ подвергся его трудъ:

— „Я имѣю честь представить вашей свѣтлости, пишетъ Данилевскій, тотъ самый экземпляръ, который былъ поднесенъ государю императору и на которомъ находятся карандашемъ собственноручныя его императорскаго величества отмѣтки, покрытыя мастикомъ. Согласно съ сими отмѣтками и во исполненіе священной воли государя императора, которую я изустно удостоился слышать, сдѣланы разныя измѣненія, какъ быть сочиненію въ печати. Они означены мною карандашемъ и, какъ усмотрѣть изволите, относятся особенно къ первой части. Въ ней уничтожено все, что касается существовавшихъ послѣ тильзитскаго мира видовъ на Турцію и востокъ, переговоры о букарестскомъ мирѣ, сокращены бывшія передъ войною дипломатическія сношенія съ Наполеономъ; о вооруженіи славянскихъ народовъ сказано лишь мимоходомъ, что оно назначалось противъ Франціи такъ, чтобы нельзя было догадаться о первоначальной его цѣли. Словомъ, въ дипломатической части уничтожено все, что могло-бы подать поводъ къ пересудамъ иностранцевъ и до сихъ поръ еще составляетъ государственную тайну. Собственно въ военной части и въ изложеніи происшествій внутри имперіи назначено выпустить мѣста, которыя слишкомъ невыгодны для памяти нѣкоторыхъ генераловъ за ихъ неудачныя дѣйствія, какъ то случилось близъ Смоленска и на Березинѣ, слишкомъ рѣзкія выраженія и такія частности, которыя хотя живописуютъ тогдашнее время, но еще не подлежатъ огласкѣ. То-же самое слѣдуетъ сдѣлать и съ нѣкоторыми происшествіями внутри имперіи, напримѣръ, умолчать объ убіеніи Верещагина, клятвопреступленіи въ Могилевѣ“.

Руководствуясь подобными соображеніями, вычеркивались цѣлыя страницы, даже главы, вслѣдствіе чего въ повѣствованіи автора нерѣдко утрачивалась логическая послѣдовательность,

являлись чувствительные пробѣлы, и описываемыя событія лишались должнаго освѣщенія. Къ сожалѣнію, никто изъ позднѣйшихъ историковъ не далъ себѣ труда заглянуть въ рукописи Данилевскаго; на него продолжали смотрѣть свысока, какъ на присяжнаго баснописца, руководствуясь при подобныхъ сужденіяхъ твореніями историка, появившимися въ печати въ искалѣченномъ видѣ.

Къ числу сокращеній, которымъ подверглась рукопись исторіи отечественной войны, относятся всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя Данилевскимъ о предположенной противъ Австріи въ 1812 году диверсіи, о предначертанномъ императоромъ Александромъ славянскомъ ополченіи и о намѣреніи адмирала Чичагова двинуться съ Дунайскою арміею къ Константинополю. Замѣтимъ здѣсь, что этотъ любопытный эпизодъ исторіи 1812 года остался совершенно неразработаннымъ даже въ исторіи отечественной войны М. И. Богдановича, изданной въ 1860 году, хотя авторъ ея сравнительно съ Данилевскимъ имѣлъ уже возможность работать при совершенно измѣнившихся цензурныхъ условіяхъ. Между тѣмъ Данилевскій весьма тщательно разработалъ этотъ отдѣлъ своей исторіи, и слѣдовавшему за нимъ исторіографу оставалось только заглянуть въ его рукописи, чтобы обогатить свой трудъ собранными здѣсь драгоцѣнными указаніями; но это было сочтено излишнимъ.

Разсказъ Данилевскаго о славянскомъ ополченіи настолько любопытенъ, что мы приведемъ здѣсь заключительныя строки его по этому предмету. Читая ихъ, можно забыть, что онѣ написаны въ 1836 году и что авторъ имѣлъ смѣлость представить на благовоззрѣніе императора Николая разсужденія, столь мало согласныя съ господствовавшею тогда политикою „безкорыстія“ и „высшихъ нравственныхъ началъ“.

....„Въ тотъ самый день, какъ первая армія входила въ лагерь при Дриссѣ, авангардъ Дунайской арміи трогался изъ Валахіи въ Сербію, подъ начальствомъ графа Орурка. Его отрядъ состоялъ изъ полковъ: Волынскаго уланскаго, трехъ пѣхотныхъ, 1-го казачьяго и роты артиллеріи“.

„Вступленіе въ Сербію сдѣлалось подъ предлогомъ, что турки раззорили одну сербскую деревню и собирались съ большими силами напасть на Горгучево, почему Черный Георгій прислалъ

помощи. Графу Орурку велѣно было успокоить сербовъ на счетъ ихъ безопасности, отобрать свѣдѣнія касательно ихъ расположенія къ Россіи, ввести между сербами военное устройство, составить изъ нихъ корпусъ, привести въ извѣстность сколько могутъ они вооружить людей, узнать, найдутся-ли желающіе содѣйствовать намъ внѣ своего отечества, и всѣ дѣйствія производить скрытно. Въ заключеніе велѣно было, при встрѣчѣ съ австрійцами, военныхъ дѣйствій не начинать, если сами къ тому не дадутъ повода!“ [1]).

„Едва вступилъ графъ Оруркъ въ Сербію, какъ у главнокомандующаго возродилось новое отважное намѣреніе, котораго исполненіе почиталъ онъ гораздо легче и важнѣе похода въ Далмацію. По доходившимъ до него изъ Константинополя свѣдѣніямъ, встрѣчали наши полномочные непреодолимыя препоны къ заключенію союза, отчего происходила невозвратимая потеря времени. Также извѣщали его, что Диванъ ни подъ какимъ видомъ не согласится на переходъ нашихъ войскъ чрезъ его области. По мнѣнію Чичагова, безъ этого союза и рѣшительнаго содѣйствія турокъ мы лишались отъ заключеннаго съ ними мира всѣхъ средствъ, которыми пользовались, находясь съ Портою въ войнѣ, имѣя тогда въ нашей власти значительную часть ея владѣній. Чтобъ предупредить вредныя, какъ онъ думалъ, слѣдствія такого мира, было одно средство—быстро устремиться къ Константинополю, принудить Порту къ союзу и дать законы полуденной Европѣ. Тамъ, говоритъ онъ, найдемъ мы войска, корабли, деньги, нанесемъ ударъ Наполеону, произведемъ выгоднѣйшее вліяніе на политику всѣхъ державъ, разгромимъ нашихъ непріятелей, исполнимъ удивленія нашихъ союзниковъ. Наполеонъ идетъ на сѣверъ, а мы пойдемъ на югъ; онъ хочетъ овладѣть Петербургомъ, а мы заставимъ его трепетать за Константинополь, который для него важнѣе Петербурга“.

„Предпріятіе противъ Византіи осталось мечтою пылкаго воображенія. Чрезъ двѣ недѣли послѣ отправленнаго о томъ представленія получено въ Бухарестѣ 15-го іюля повелѣніе соединиться Дунайской арміи съ Тормасовымъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ рушился и планъ идти къ Адріатическому морю“.

---

[1]) Повелѣніе адмирала Чичагова графу Орурку отъ 23-го іюля 1812 года.

„Разсуждая о слѣдствіяхъ, которыя-бы могли произойти отъ вооруженія славянъ, значило-бы основываться на догадкахъ, блуждать въ области возможностей. Несомнѣнно только, что вопросъ объ ополченіи славянскихъ племенъ былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ. Подъ какою-бы державою они ни находились, какими-бы законами ни управлялись, какое-бы измѣненіе въ ихъ нравственномъ образованіи и гражданскимъ устройствѣ ни дѣлали въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ поперемѣнно итальянцы, французы, нѣмцы и англичане, но наши единовѣрцы, обитающіе между Чернымъ моремъ и Адріатическимъ, не перестаютъ согрѣвать чувства, что Россія общая ихъ мать, что нашъ монархъ, котораго они называютъ своимъ императоромъ, есть глава ихъ церкви, законный покровитель ихъ, поставленный свыше“.

„Преданность ихъ къ Россіи, ненависть къ чужеплеменнымъ— вотъ уваженія, служившія основаніемъ великой мысли Александра на счетъ славянскаго ополченія. Бывъ подкрѣпленъ русскими войсками и англичанами, могло оно произвесть на югѣ рѣшительный переворотъ, который, распространяясь оттуда на подвластныя тогда Наполеону земли, сильно-бы потрясъ его могущество, даже во многихъ отношеніяхъ далъ-бы новый видъ Европѣ [1])“.

„19-го іюля, когда Барклай и князь Багратіонъ подходили къ Смоленску, тронулась Дунайская армія на соединеніе съ Тормасовымъ“.

Послѣ смерти Михайловскаго-Данилевскаго богатое собраніе его рукописей постигла печальная участь: онѣ разсѣялись во всѣ стороны. Въ настоящее время значительная часть ихъ находится въ военно-ученомъ архивѣ, другая пріобрѣтена импе-

---

[1]) Въ черновой рукописи послѣдняя мысль высказана Данилевскимъ въ болѣе рѣзкой формѣ, а именно:

„Обстоятельства воспрепятствовали императору Александру воспользоваться ихъ преданностью къ Россіи, ненавистью къ чужеплеменнымъ. Можетъ быть еще долго, очень долго эта богатая руда не будетъ разработана, но придетъ время, и русское потомство вспомнитъ съ признательностію, что Александръ былъ первый изъ нашихъ Монарховъ, возымѣвшій великую мысль о славянскомъ ополченіи, которое въ рукахъ Россіи составляетъ такую пружину, посредствомъ которой она можетъ дать Европѣ новый видъ“.

раторскою публичною библіотекою; многія-же изъ нихъ составляютъ собственность частныхъ лицъ.

Особенно-же не посчастливилось „Журналу 1826 года“; онъ сохранился, къ сожалѣнію, только въ видѣ отрывочныхъ листковъ и не былъ окончательно обработанъ авторомъ. Начало этой рукописи входило въ составъ нашего собранія рукописей, конецъ-же ея находился въ императорской публичной библіотекѣ [1]). Выше мы представили читателямъ „Русской Старины“ любопытный дневникъ 1826 года, заключающій въ себѣ главнѣйшимъ образомъ свѣдѣнія, относящіяся къ вступленію на престолъ императора Николая.

Припомнимъ здѣсь, что 1825 годъ засталъ Данилевскаго въ Кременчугѣ въ скромной должности начальника бригады. Въ концѣ ноября распространился въ городѣ слухъ о безнадежной болѣзни императора Александра Павловича; вскорѣ Данилевскій узналъ изъ частнаго письма, что 19-го ноября Александра не стало!

„Горесть была общая, пишетъ Данилевскій въ дневникѣ 1825 года,—всѣ ко мнѣ приходившіе заливались слезами, но, о страсти человѣчества! черезъ день многіе начали говорить о видахъ честолюбія, открывавшихся для нихъ при преемникѣ Александровомъ, и помышлять о томъ, какую пользу извлечь можно было изъ старинныхъ связей съ новымъ монархомъ. Я на другой день уже услышалъ, какъ собирались къ новому двору и разсуждали уже о празднествахъ, имѣвшихъ быть при коронаціи. „Дайте-же охладѣть праху усопшаго“, сказалъ я, и честолюбцы, устыдясь, замолкли.

„Въ сіе-же самое время многіе, почитавшіеся за умнѣйшихъ, предлагали мнѣ вопросъ, кто, по моему мнѣнію, будетъ наслѣдовать престолу? Я имъ отвѣчалъ, что цесаревичъ, имѣвшій на то право по первородству и по закону Павла I-го о наслѣдіи. Я заключилъ, что вопросы сіи происходили отъ того, что въ Россіи весьма мало занимаются политическими предметами, и приписывалъ одному невѣжеству нѣкоторое сомнѣніе, видѣнное

---

[1]) Вслѣдствіе этого мною принесена въ даръ публичной библіотекѣ первая половина рукописи Данилевскаго, и такимъ образомъ удалось возстановить журналъ 1826 года въ его первоначальномъ видѣ. Н. Ш.

на лицахъ касательно до наслѣдія престола, сего главнѣйшаго залога народнаго спокойствія. Отвѣтъ мой показался не для всѣхъ удовлетворителенъ; мнѣ сказали за тайну, что слухъ носится, будто цесаревичъ не намѣренъ царствовать, и что императоромъ будетъ великій князь Николай Павловичъ. Мнѣ надобно было, какъ начальствующему войсками, дѣйствовать на общее мнѣніе, а потому я убѣждалъ не вѣрить молвѣ тамъ, гдѣ дѣло шло о важнѣйшихъ событіяхъ; опроверженія мои подтвердились вскорѣ повелѣніемъ, полученнымъ мною 8-го декабря, присягнуть императору Константину. Я нарочно помѣстилъ въ семъ журналѣ сомнѣнія, бывшія на счетъ наслѣдія престола, изъ чего видно, что самыя сокровенныя мѣроположенія правительства дѣлаются гласными въ народѣ. Напримѣръ, я, который находился много лѣтъ при дворѣ и въ связи съ первыми особами нашего времени, я ничего не зналъ объ отреченіи и назначеніи великаго князя Николая Павловича въ то время, какъ молва носилась о семъ между людей, никогда не выѣзжавшихъ изъ Кременчуга.

„Почти весь декабрь мѣсяцъ 1825 года прошелъ въ ожиданіи нами манифеста о восшествіи на престолъ новаго царя; съ какою жадностію ожидали мы почтъ, приходившихъ изъ Петербурга, чтобы узнать о новыхъ назначеніяхъ и о новыхъ лицахъ, имѣвшихъ явиться на политическомъ горизонтѣ. И я былъ очень любопытенъ, но съ равнодушіемъ взиралъ на предстоявшія перемѣны и почти не выходилъ изъ прекраснаго своего кабинета. Часто я смотрѣлъ на теченіе Днѣпра, глаза мои нѣсколько разъ въ день покрывались слезами, вспоминая Александра, и я съ спокойною совѣстію, что служилъ ему вѣрно, ожидалъ въ молчаніи будущаго...

„Вскорѣ послѣ данной нами присяги мы услышали, что сенатъ и министры отправили къ новому монарху депутатовъ въ Варшаву... Однимъ утромъ пріѣхалъ ко мнѣ отъ корпуснаго командира жандармъ съ такъ называемымъ циркулярнымъ предписаніемъ отъ имени главнокомандующаго донести сему послѣднему, неизвѣстно-ли мнѣ мѣстопребываніе императора Константина, и не пріѣзжалъ-ли онъ въ Таганрогъ и по какой дорогѣ. Съ подобнымъ вопросомъ жандармъ долженъ былъ ѣздить по расположенію всего 3-го корпуса...

„Наконецъ, недоумѣніе наше прекратилось; 24-го декабря мы получили извѣстіе, что Константинъ Павловичъ, которому мы за двѣ недѣли присягнули въ вѣрности, не принимаетъ престола, отъ котораго онъ уже въ 1822 году отказался, и передаетъ право старшему по немъ брату Николаю Павловичу. Отреченіе сіе, сохраняемое въ тайнѣ, хотя, какъ я выше сего упомянулъ, глухая молва о немъ и ходила въ народѣ, есть одно изъ необыкновенныхъ происшествій въ исторіи, которое можно разсматривать съ разныхъ сторонъ... Настало 31-е число декабря, послѣдній день толь бѣдственнаго великою потерею 1825 г.; я съ ужасомъ встрѣчалъ наступавшій годъ, потому что въ Кременчугѣ распространились самыя горестныя вѣсти изъ столицы; это были слухи, а потому не заслуживали еще вѣры, не менѣе того, подтверждаясь ежечасно, они пріобрѣтали нѣкоторое правдоподобіе. Говорили, что гвардейскіе полки произвели буйства, что во время смятенія убитъ графъ Милорадовичъ; разсказывали о еще гнуснѣйшихъ неистовствахъ. Поводомъ къ симъ слухамъ служили показанія двухъ проѣхавшихъ курьеровъ, у одного изъ нихъ подорожная подписана была не графомъ Милорадовичемъ, какъ слѣдовало, а генераломъ Кутузовымъ, и то, что по послѣдней почтѣ не привезено было ни къ кому ни писемъ, ни вѣдомостей, ни журналовъ изъ Петербурга. Происходили еще странности, напримѣръ, въ Кременчугѣ были чиновники военныхъ сообщеній, которые до Новаго года не получали оффиціальнаго извѣстія о кончинѣ императора Александра и, слѣдовательно, никому не присягали; духовное и гражданское вѣдомства присягнули Константину и не имѣли свѣдѣній о восшествіи на престолъ императора Николая; мы одни военные присягнули сему послѣднему, а въ церквахъ молились объ императорѣ Константинѣ. Непростительно было, что въ Петербургѣ высшія начальства не приняли согласныхъ мѣръ къ единовременной всѣхъ присягѣ, отчего бы прекратилось множество нелѣпыхъ слуховъ, распространявшихся въ дальнихъ губерніяхъ. Если сіи вѣсти дошли до меня, жившаго на берегахъ Днѣпра, то онѣ должны были вскорѣ достигнуть до предѣловъ Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей, обитаемыхъ казаками, раскольниками, бродягами, бѣглецами и полудикими, словомъ, людьми безъ вѣры, безъ нравственности, ожесточенными во многихъ отношеніяхъ противъ

Россіи. Кто могъ ручаться, что слухи сіи не произведутъ волненія между сими людьми, а особенно между находящимися посреди ихъ поселенными войсками, коихъ ненависть къ положенію ихъ ни для правительства, ни для частныхъ людей не была тайною? Въ сихъ размышленіяхъ я провелъ послѣдній день года и думалъ: Господи, не предаждь насъ на поруганіе сосѣдямъ нашимъ и сохрани державу Россійскую".

Н. К. Шильдеръ.

Примѣчаніе. Выше А. И. Михайловскій-Данилевскій упоминаетъ, что онъ въ 1814 году спасъ жизнь императора Александра I. Эти слова Данилевскаго требуютъ поясненія.

Въ собственноручной рукописи нашего историка: „Случаи, предшествовавшіе занятію Парижа русскими, вступленіе ихъ въ оный и пребываніе ихъ въ немъ въ 1814 году", мы находимъ по этому поводу слѣдующія указанія:

„Во время прохода церемоніальнымъ маршемъ войскъ по Елисейскимъ полямъ, одинъ французъ, видя, что я стоялъ близко государя, подошелъ ко мнѣ и просилъ предупредить его величество не останавливаться въ Тюльерійскомъ дворцѣ, потому что въ погребахъ онаго положили порохъ съ намѣреніемъ взорвать дворецъ. Я сообщилъ сіе извѣстіе князю Волконскому, который сказалъ мнѣ что императоръ избралъ для пребыванія своего домъ Талейрана.

. . . . „Когда государь остановился въ Елисейскихъ поляхъ и народъ окружалъ его въ несказанномъ множествѣ, то я увидѣлъ,—а у меня уже воображеніе было воспалено тѣмъ, что будто въ погребахъ Тюльерійскаго дворца положенъ порохъ,—я увидѣлъ одного человѣка, который вдругъ подлѣ самаго императора поднялъ ружье вверхъ. Мгновенно я на него бросился, вырвалъ у него ружье и, схвативъ его, закричалъ жандармамъ, чтобы его взяли. Ужасный шумъ произошелъ въ народной толпѣ; „онъ пьянъ", говорили французы, столько-же изумленные появленіемъ сего ружья, а государь, передъ глазами коего все сіе происходило, повторялъ нѣсколько разъ съ торопливостію: „оставь его, Данилевскій, оставь его". Одному Небу извѣстны намѣренія этого человѣка, который скрылся въ толпѣ, но я почту себя во всю жизнь счастливымъ, что я исторгъ оружіе изъ рукъ его. Свидѣтелемъ сего явленія былъ одинъ тогдашній товарищъ мой Щербининъ, потому что всѣ офицеры, принадлежавшіе къ свитѣ государя, находились въ нѣкоторомъ разстояніи".

А. Михайловскій-Данилевскій.

Н. Ш.

НАВОДНЕНІЕ 7-го НОЯБРЯ 1824 г. ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ОЧЕРКЪ.

Въ январѣ 1826 года въ Петербургѣ была издана книга подъ заглавіемъ: Описаніе наводненія, бывшаго въ Санктпетербургѣ 7 числа ноября 1824 года. Издалъ Самуилъ Аллеръ". Книга эта нынѣ составляетъ библіографическую рѣдкость, она имѣется, однако, въ библіотекѣ редакціи „Русской Старины", и заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ ней, по оффиціальнымъ даннымъ, заключаются: 1) подробное описаніе сильнѣйшаго изъ всѣхъ петербургскихъ наводненій со времени основанія Петербурга, и 2) распоряженія правительства для оказанія помощи пострадавшимъ отъ наводненія жителямъ столицы. „Необычайное" наводненіе, поразившее жителей ея страшнымъ бѣдствіемъ, возбудило и „необычайныя" мѣры правительства для пособія пострадавшимъ. Мѣры эти были тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что исходили непосредственно отъ императора Александра Павловича, равно и отъ императрицы, его матери, Маріи Ѳеодоровны, примѣромъ своимъ увлекшихъ достаточныхъ лицъ всѣхъ сословій столицы.

Представляемъ извлеченіе изъ интересной книги Самуила Аллера.

Кн. Н. С. Г.

I.

6-го ноября 1824 года, особенно къ вечеру, сильный юго-западный вѣтеръ уже грозилъ столицѣ бѣдствіемъ, но къ ночи началъ было слабѣть; однако, фонари на Адмиралтействѣ оставались зажженными, а пальба изъ крѣпости не прекращалась во всю ночь. 7-го, рано утромъ, вѣтеръ сталъ усиливаться, а въ 10-мъ часу превратился въ сильнѣйшую бурю. Въ это время было + 6 град. по Реомюру, барометръ опустился почти до 27 д., а воздухъ сталъ весьма

густымъ. Въ 10 часовъ вода стала выступать изъ береговъ, а въ началѣ 12-го наводнила уже двѣ трети города, кромѣ большей половины Литейной, Московской, Каретной и Рождественской частей и нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстъ. Вода возвышалась съ чрезмѣрною скоростью до 3-го часа, вездѣ производя страшныя разрушенія и разнося повсюду всякаго рода обломки, барки, крыши домовъ, дрова, всякій хламъ, трупы животныхъ и проч. По улицамъ, превратившимся въ бурныя рѣки, люди стали ѣздить на лодкахъ, плотахъ и т. п., для спасенія утопавшихъ, но бурный вѣтеръ грозилъ утопить ихъ самихъ. Исаакіевскій мостъ (на судахъ) былъ разорванъ на части, которыя понесло противъ теченія рѣки въ разныя стороны. Прочіе мосты также не устояли противъ страшной бури. Разъяренная Нева представляла страшную картину, неся отъ Васильевскаго острова къ Охтѣ барки, плоты, обломки судовъ, строеній и т. п., съ погибавшими на нихъ людьми. Самое ужасное зрѣлище разрушенія было въ Галерной гавани и на казенномъ чугунномъ заводѣ. Вода все прибывала до 2-хъ часовъ, какъ вдругъ барометръ поднялся до 30 д. и прибыль воды пріостановилась на четверть часа, а въ четверть 3-го часа вдругъ начала убывать скорѣе, чѣмъ до того прибывала. Несмотря на наступившія вскорѣ сумерки и затѣмъ темноту, возникло, хотя съ трудомъ, сообщеніе по улицамъ, заваленнымъ всякимъ хламомъ и которыхъ невозможно было освѣтить фонарями. Не прежде, какъ послѣ полуночи, вода стекла съ улицъ, да и то не со всѣхъ. А къ утру насталъ морозъ, усугубившій бѣдствія спасавшихся людей. 8-го ноября, рано утромъ, народъ уже толпился по улицамъ, затопленнымъ водою и заваленнымъ всевозможными обломками. Вскорѣ стало извѣстнымъ, что всего болѣе потерпѣли: бо́льшая часть Васильевскаго острова, особенно Галерная гавань, гдѣ вода поднималась на 16 футовъ, а также Коломна, Екатерингофъ, съ близлежащими островами, особенно Канонерскимъ, Петербургская сторона и Выборгская (западная часть). Въ Адмиралтейскихъ частяхъ, гдѣ были каменные дома разрушенія было меньше, но всѣ нижніе этажи, магазины, лавки, подвалы, погреба и проч. были залиты водою.

Тщательныя изслѣдованія вскорѣ представили общій итогъ всѣхъ бѣдъ, разрушенія и убытковъ, нанесенныхъ Петербургу наводненіемъ въ теченіе самаго короткаго времени (собственно 5 часовъ—отъ 10 до 3-хъ), а именно: погибло людей 480 челов., домашнихъ животныхъ: лошадей, коровъ, мелкаго скота и проч.—3,609 головъ; разрушено и снесено 324 дома, повреждено наружно или и вну-

тренно 3,581 домовъ, повреждены или и разрушены мостовыя, тротуары, набережныя, мосты и проч., на окраинахъ огороды, на ближайшихъ поляхъ скирды сѣна и проч. Въ поврежденныхъ домахъ разрушены печи, которыхъ нельзя было ни топить, ни скоро исправить. На какую сумму простирались вещественные убытки—въ точности не извѣстно, но несомнѣнно на огромную.

Значительному разрушенію и убыткамъ подверглись и окрестныя мѣста Петербурга: по Петергофской дорогѣ, въ Стрѣльнѣ, Петергофѣ, Ораніенбаумѣ, Кронштадтѣ и на сѣверной сторонѣ взморья отъ Систербекской дороги до Выборгской стороны. Въ этихъ мѣстахъ людей погибло 224 чел., а строеній разрушено 114 и повреждено 187.

Любопытны наблюденія возвышенія и пониженія воды въ день наводненія.

7-го ноября, въ $7^1/_2$ час. утра, вода въ Невѣ пришла въ „совершенную прибыль", 3 фута 6 дюйм. (высота-же воды въ 3 фута ровно—считалась и считается „совершенною убылью"; при первой производятся, а при второй не производятся сигналы):

въ	8	ч.	утра	высота	воды	была	4	ф.	1	д.	при	вѣтрѣ	отъ	ЮЗ.
„	9	„	„	„	„	„	5	„	4	„	„	„	„	„
„	10	„	„	„	„	„	6	„	6	„	„	„	„	„
„	11	„	„	„	„	„	8	„	7	„	при	вѣтрѣ	отъ	ЗЮЗ.
„	12	„	„	„	„	„	10	„	—	„	„	„	„	„
„	1	„	„	„	„	„	10	„	6	„	„	„	„	„
„	2	„	„	наивысшая		„	11	„	$10^1/_4$	„	при	вѣтрѣ	съ	шквалами отъ З.
„	3	„	„	„	„	„	10	„	8	„				
„	4	„	„	„	„	„	8	„	—	„	при	среднемъ	вѣтрѣ	съ порывами отъ СЗ.
„	6	„	„	„	„	„	6	„	7	„	при	крѣпк.	в.	отъ СЗС.
„	7	„	„	„	„	„	6	„	6	„	„	„	„	„ „
„	8	„	„	„	„	„	5	„	9	„	“	„	„	„ „
„	9	„	„	„	„	„	4	„	9	„	„	„	„	„ „
„	10	„	„	„	„	„	3	„	9	„	при	вѣтрѣ	отъ	СЗ.
„	$10^1/_2$	(совершенная убыль)					3	„	—	„	„	„	„	„ „
„	$11^1/_2$	„	„	„	„		3	„	—	„	при	умѣренномъ	вѣтрѣ.	

Примѣчаніе. Послѣ наводненія 7-го ноября вода въ Невѣ почти безпрерывно поднималась болѣе или менѣе до 21-го декабря того-же 1824 года, при очень сильныхъ вѣтрахъ отъ ЮЗ., отъ 3 ф. 6 д. до 4,5 и даже 6 ф. $2^1/_2$ д.

II.

8-го, 9-го и 10-го ноября 1824 г. императоръ Александръ самъ лично осматривалъ (большею частію пѣшкомъ) всѣ части города и мѣста въ нихъ и за городомъ, наиболѣе пострадавшія отъ наводненія. 9-го ноября онъ назначилъ, подъ главнымъ начальствомъ с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, 3-хъ временныхъ военныхъ губернаторовъ зарѣчныхъ частей города, генералъ-адъютантовъ: Бенкендорфа—Васильевскаго острова, графа Комаровскаго—Петербургской стороны, и Депрерадовича—Выборгской, снабдивъ каждаго полномочіями и по 100 тыс. р. асс. каждому. 11-го-же ноября 1824 года государь, собственноручнымъ рескриптомъ на имя дѣйств. тайн. сов. князя Алексѣя Борисовича Куракина, назначилъ въ раздачу наиболѣе раззореннымъ и неимущимъ жителямъ, безъ возврата, одинъ милліонъ рублей изъ суммъ, составленныхъ отъ сбереженія хозяйственнымъ устройствомъ военныхъ поселеній. Исполнителями-же сего государь назначилъ: его, князя Куракина, генераловъ: графа Аракчеева, графа Милорадовича и Сукина (коменданта крѣпости), министра финансовъ, начальника главнаго морскаго штаба, с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера и одного духовнаго лица по назначенію с.-петербургскаго митрополита Серафима, образовавъ изъ нихъ „Центральный или главный комитетъ о пособіи раззореннымъ наводненіемъ", съ избраніемъ имъ двухъ членовъ изъ петербургскаго русскаго купечества. Главнымъ основаніемъ дѣйствій комитета послужили начертанныя самимъ государемъ правила. Въ самый день послѣдованія рескрипта государя, 11-го ноября, комитетъ получилъ назначенный ему 1 милліонъ рублей и открылъ свои дѣйствія. Въ первомъ-же засѣданіи графъ Милорадовичъ прочиталъ данное ему государемъ, въ руководство, наставленіе въ 18-ти пунктахъ, о собраніи подробныхъ свѣдѣній о погибшихъ и пострадавшихъ отъ наводненія, о разрушенныхъ и поврежденныхъ зданіяхъ и проч. Принявъ эти правила въ руководство и основаніе своихъ дѣйствій, комитетъ положилъ учредить въ наиболѣе пострадавшихъ частяхъ города частные вспомогательные комитеты, подъ предсѣдательствомъ высшихъ служебныхъ лицъ (всего 7 комитетовъ), съ отпускомъ каждому, на первый случай, по 25 тыс. руб., а всего 805 тыс. руб., которые предоставилъ предсѣдателямъ комитетовъ немедленно расходовать на точномъ основаніи правилъ, самимъ государемъ начертанныхъ.

III.

Императрица Марія Ѳеодоровна повелѣла: 1) чтобы заложенная въ ломбардѣ теплая одежда была возвращаема дѣйствительно потерпѣвшимъ отъ наводненія лицамъ, безъ всякаго платежа денегъ и процентовъ; 2) для бывшихъ воспитанницъ подвѣдомственныхъ императрицѣ заведеній, которыя, съ дѣтьми ихъ, лишились пристанища и пропитанія, открывать временное пристанище въ зданіи Вдовьяго дома, съ содержаніемъ, на иждивеніи императрицы, пищею, отопленіемъ, освѣщеніемъ, а въ случаѣ надобности и нужнѣйшими одеждою и мебелью, пока онѣ сами не пріищутъ себѣ пристанища или оно не будетъ доставлено имъ отъ частныхъ комитетовъ; 3) подъ вѣдомствомъ с.-петербургскаго воспитательнаго дома открыть временное убѣжище для малолѣтнихъ дѣтей, лишившихся отъ наводненія пристанища, по свидѣтельствамъ частныхъ комитетовъ, съ содержаніемъ этихъ дѣтей пищею и, по мѣрѣ надобности, бѣльемъ, обувью, одеждою и, въ болѣзни, врачебною помощью, и съ призрѣніемъ вмѣстѣ съ ними и матерей ихъ, если-бы послѣднія оказались безъ пристанища и согласились принять на себя надзоръ и надъ другими дѣтьми; 4) круглыя сироты изъ числа этихъ дѣтей должны были быть помѣщены въ Воспитательный домъ и причислены къ питомцамъ его, а на содержаніе ихъ, сверхъ иждивенія Воспитательнаго дома, принимать всякія частныя добровольныя подаянія.

Всѣ эти благотворительныя мѣры императрицы Маріи Ѳеодоровны были утверждены государемъ.

Вслѣдствіе того, въ пользу временнаго призрѣнія означенныхъ выше лицъ, пострадавшихъ отъ наводненія, поступило: отъ Воспитательнаго дома 60 тыс. руб. и отъ благотворителей—121,926 руб., а всего 181,926 руб.; дѣтей принято 152, матерей при нихъ 18, бывшихъ воспитанницъ Воспитательнаго дома—3 и 1 пансіонерка, всего 174; денегъ издержано 181,107 руб.

Общій отчетъ о пособіи пострадавшимъ отъ наводненія 7 ноября 1824 года былъ представленъ главнымъ комитетомъ уже императору Николаю Павловичу 23-го января 1826 г. По этому отчету, въ помощь пострадавшимъ отъ наводненія, поступило всего 4.066,486 р. 62 к. ассигн. и 103 р. 55 к. сер., изъ которыхъ помощь оказана 53,529 лицамъ. Приэтомъ, 9-го ноября 1824 года была устроена временная больница; 10-го ноября больные размѣщены по обывательскимъ квартирамъ и въ военныхъ госпиталяхъ; 10-го-же ноября

размѣщены по квартирамъ оставшіеся безъ крова, и назначены, сколько можно было найти, печники для исправленія печей, а 24-го ноября поставлено 150 печниковъ изъ военныхъ поселеній. 12-го ноября были приняты мѣры о невозвышеніи цѣнъ на хлѣбъ. Главный комитетъ съ 11-го ноября принялъ всѣ мѣры для пособія пострадавшимъ отъ наводненія, особенно: 1) раззореннымъ бѣднымъ жителямъ, 2) безпомощнымъ старымъ людямъ, и 3) безпомощнымъ сиротамъ. Въ отношеніи пособій были установлены строго обсужденные размѣры. Для престарѣлыхъ и больныхъ учреждена временная богадѣльня, а для сиротъ приняты мѣры призрѣнія ихъ. По примѣрному исчисленію раззоренія жителей, наиболѣе пострадавшаго Васильевскаго острова, главный комитетъ назначилъ на удовлетвореніе ихъ 238,275 руб. На пособіе фабрикантамъ и заводчикамъ (кромѣ отказавшихся отъ пособій), пострадавшимъ отъ наводненія, выдано на счетъ городскихъ суммъ 185,550 руб.

Общій перечень:

Приходъ суммъ Главнаго комитета . .	4.066,486 р. 62 к. асс.	
	и 103 „ 55 „ сер.	
Расходъ „ „ „ . .	3.954,542 „ 29 „ асс.	
Остатокъ „ „ „ . .	111,944 „ 33 „ „	
	и 103 „ 55 „ сер.	

Кн. Н. С. Голицынъ.

15-го октября 1890 г.
С.-Петербургъ.

АЛЕКСАНДРЪ КЛЕОНИКОВИЧЪ УШАКОВЪ,

генералъ-отъ-инфантеріи.

Въ „Русской Старинѣ“, за августъ мѣсяцъ 1890 года, помѣщена статья В. А. фонъ-Роткирха (Теобальда [1]) (изъ Вильны), опровергающая отзывъ В. И. Дена о генералѣ Ушаковѣ, помѣщенный въ майской книгѣ означеннаго журнала.

В. И. Денъ, характеризуя генерала Ушакова, своего бывшаго начальника дивизіи по командованію имъ, въ 1856 г., Смоленскимъ пѣхотнымъ полкомъ, между прочимъ, обвиняетъ его за дѣйствія при переходѣ черезъ Дунай въ 1853 г., за сраженіе при р. Черной 4-го августа 1855 г. и за нераспорядительность во время польскаго мятежа въ 1863 и 1864 годахъ [2]). В. А. фонъ-Роткирхъ (Теобальдъ), служившій въ Галицкомъ пѣхотномъ полку, во время командованія онымъ Александромъ Клеониковичемъ Ушаковымъ, и бывшій во время мятежа 1863 г. вице-директоромъ канцеляріи по дѣламъ военнаго положенія и, слѣдовательно, имѣвшій въ рукахъ отчеты о дѣйствіяхъ всѣхъ начальниковъ отдѣловъ, выступилъ въ защиту своего бывшаго начальника. Статья фонъ-Роткирха составляетъ преимущественно характеристику личности генерала Ушакова; вполнѣ сочувствуя правдивости отзыва фонъ-Роткирха о достойномъ и безукоризненномъ генералѣ Ушаковѣ, мы, съ своей стороны, какъ бывшіе сослуживцы его по главному военному суду, въ которомъ генералъ Ушаковъ предсѣдательствовалъ, считаемъ долгомъ дополнить статью фонъ-Роткирха въ отношеніи военной дѣятельности генерала Ушакова.

В. И. Денъ говоритъ, что ген. Ушаковъ, командуя 7-ю пѣхотною дивизіею, очутился начальникомъ отряда на низовьяхъ Дуная; отряду было предписано переправиться черезъ Дунай и взять

---

[1]) Вскрываемъ псевдонимъ съ разрѣшенія г. фонъ-Роткирха. Ред.

[2]) „Русская Старина“, изд. 1890 г., май, стр. 318, 319.

слабо укрѣпленную крѣпостцу Тульчу; распоряженія ген. Ушакова были, по разсказамъ очевидцевъ [1]), несообразны, поспѣшны и не обдуманны; атака Тульчи была произведена безъ предварительной рекогносцировки, вслѣдствіе чего отрядъ потерялъ до 700 человѣкъ; весь отрядъ находился на правомъ берегу, на лѣвомъ остался лишь 1-й баталіонъ Смоленскаго полка, всѣ знамена 7-й дивизіи и, о ужасъ! кто-бы повѣрилъ? самъ храбрый и распорядительный командиръ ея—Александръ Клеониковичъ.

Обвиненіе въ томъ, что до переправы не было произведено рекогносцировки, опровергается фактическою невозможностію произвесть таковую, имѣя предъ собою рѣку въ 120 саженъ ширины, противоположный берегъ которой занятъ сильною непріятельскою артиллеріею. Для опредѣленія количества выставленныхъ на берегу орудій, былъ открытъ съ разсвѣтомъ съ нашей стороны артиллерійскій огонь, продолжавшійся до 10 часовъ утра; а числительность турецкихъ войскъ въ Тульчѣ, ретраншементахъ и редутѣ могла быть опредѣлена только по свѣдѣніямъ, доставленнымъ лазутчиками.

Потеря въ людяхъ объясняется просто тѣмъ, что переправа была совершена подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, что пришлось брать штурмомъ редутъ и ретраншементы, устроенные по дорогѣ къ Исакчѣ, откуда турки ожидали подкрѣпленій, и, наконецъ, что бой продолжался отъ 10-ти часовъ утра до 9-ти часовъ вечера, т. е. въ теченіи 11 часовъ.

Относительно нахожденія командовавшаго отрядомъ на лѣвомъ берегу рѣки, надо замѣтить, что Сулинскій рукавъ Дуная, гдѣ совершена была переправа, имѣетъ 120 саженъ ширины, а бой происходилъ въ двухъ мѣстахъ, поэтому ген. Ушаковъ, руководившій боемъ, былъ, какъ и слѣдуетъ быть, при резервѣ, но подъ постояннымъ огнемъ непріятеля.

Что-же касается того, что ген. Ушаковъ, по словамъ В. И. Дена, очутился начальникомъ отряда на низовьяхъ Дуная, то отъ командовавшаго 3, 4 и 5 корпусами ген.-адъютанта князя Горчакова зависѣло подчинить отрядъ, въ томъ числѣ и ген. Ушакова съ 7-ю дивизіею, кому-либо изъ старшихъ генераловъ; но онъ поручилъ переправу чрезъ Дунай именно ген. Ушакову, имѣвшему

---

[1]) Вѣроятно, офицеровъ Смоленскаго полка, которымъ В. И. Денъ командовалъ въ 1856 году и изъ котораго онъ долженъ былъ заставить выйти 28 офицеровъ за пьянство, буйство и неспособность (стр. 314)—хороши очевидцы! Авт.

боевую опытность еще въ турецкой кампаніи 1828 и 1829 годовъ, съ Польской войны 1831 г. и съ Венгерскаго похода 1849 года. Князь Горчаковъ не ошибся въ распорядительности Александра Клеониковича, что видно изъ оффиціальной бумаги къ нему князя Горчакова (отъ 14-го марта 1853 г. за № 771), три дня послѣ переправы, въ которой князь выразился въ слѣдующихъ словахъ:

„Съ удовольствіемъ усмотрѣвъ объ отличныхъ распоряженіяхъ, сдѣланныхъ вами при переправѣ ввѣреннаго вамъ отряда на правый берегъ Дуная, и о блестящемъ успѣхѣ, увѣнчавшемъ это предпріятіе, я считаю пріятнымъ долгомъ выразить вамъ за сіе искреннюю признательность". (Дѣло архива главнаго штаба).

Императоръ Николай Павловичъ, по полученіи донесенія о семъ князя Горчакова, наградилъ ген. Ушакова за отличное мужество и примѣрную храбрость орденомъ св. Георгія 3-й степени.

Дѣйствія ген. Ушакова въ сраженіи при р. Черной ясно и положительно описаны графомъ Тотлебеномъ, въ авторитетности и правдивости коего сомнѣваться нельзя; онъ говоритъ:

„Генералъ Ушаковъ съ 7-ю дивизіею входилъ въ составъ праваго крыла подъ начальствомъ ген.-адъютанта Реада. Дивизія эта, совмѣстно съ 12 дивизіею, пошла въ атаку противъ Ѳедюхиныхъ высотъ; ген. Ушаковъ, съ тремя полками, двинулся въ бродъ чрезъ Черную рѣчку и атаковалъ западный скатъ средней Ѳедюхиной горы у караульнаго дома и овладѣлъ нѣсколькими ложементами и караульнымъ домомъ; но прибытіе къ французамъ подкрѣпленій и убійственный огонь почти въ упоръ подоспѣвшей къ нимъ артиллеріи вынудили ген. Ушакова отступить на правый берегъ рѣки Черной, при чемъ дивизія потеряла въ этой атакѣ до 2,000 человѣкъ и затѣмъ отошла къ подножію Мекензіевой горы. Точно также была оттѣснена и 12-я дивизія, отступившая также, какъ и 7-я дивизія, къ Мекензіевой горѣ. За 12 и 7-ю дивизіями пошли послѣдовательно въ атаку противъ Ѳедюхиныхъ горъ три полка 5-й дивизіи, но были тоже опрокинуты съ большою потерею подоспѣвшими свѣжими французскими войсками на правый берегъ р. Черной.

Потеря 7-й пѣхотной дивизіи, составлявшая 2,000 человѣкъ, т. е. около $^1/_3$ всего состава (6,272 человѣка), доказываетъ, что 7-я дивизія, вопреки словамъ В. И. Дена, удостовѣряющаго, что дивизія эта почти не была въ дѣлѣ, была, напротивъ, въ жаркомъ дѣлѣ. Что-же касается лично ген. Ушакова, то свидѣтельство о немъ графа Тотлебена не допускаетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Александръ Клеониковичъ лично велъ въ атаку ввѣренныя ему войска.

Императоръ Александръ II, получивъ донесеніе князя Горчакова, наградилъ ген. Ушакова золотою шпагою, брилліантами украшенною, съ надписью: „за храбрость“ — за отличное мужество и примѣрную распорядительность, оказанныя въ дѣлѣ 4-го августа 1855 года у Черной рѣчки, гдѣ со ввѣренною ему дивизіею перешелъ черезъ Черную и, сбивъ противника, овладѣлъ первымъ уступомъ Ѳедюхиной горы. (Дѣло архива главнаго штаба).

Кому за симъ вѣрить? Фантазіи-ли В. И. Дена или свидѣтельству главнокомандовавшаго князя Горчакова и графа Тотлебена? Повидимому, измышленія Дена основаны на личномъ его расположеніи къ своему бывшему (въ 1856 г.) начальнику дивизіи, а не на достовѣрныхъ фактахъ, но при этомъ нельзя не замѣтить, что В. И. Денъ, порицая дѣйствія ген. Ушакова, самъ не участвовалъ въ дѣлахъ, о которыхъ судитъ, такъ какъ, во время взятія Тульчи, онъ распоряжался перевозкою муки изъ Одессы въ Бендеры и Тирасполь (стр. 553 „Русской Старины“ 1890 г., февраль), а во время кровопролитнаго сраженія при р. Черной, 4-го августа 1855 года, находился въ Петербургѣ (стр. 300 „Русской Старины“ 1890 г., май).

Переходя къ польскому возстанію 1863 и 1864 гг., В. И. Денъ утверждаетъ, что распоряженія и дѣятельность ген. Ушакова, по завѣдыванію военнымъ отдѣломъ г. Радома, были настолько неудовлетворительны, что поспѣшили произвесть его въ генералы отъ инфантеріи и дать его дивизію ген. Бельгарду.

Это обвиненіе настолько голословно, что не требовало-бы возраженія, если-бы не было на лицо оффиціальныхъ данныхъ, изъ которыхъ видно, что ввѣренныя ген. Ушакову войска 7-й пѣхотной дивизіи участвовали, по его распоряженію, въ 1863 году, съ января по декабрь включительно, въ 125 дѣлахъ и стычкахъ съ мятежниками, а въ 1864 году, съ января по мартъ, въ 34 дѣлахъ и стычкахъ. (Дѣло архива главнаго военно-суднаго управленія).

Избраніе Александра Клеониковича Ушакова, въ 1867 г., бывшимъ военнымъ министромъ графомъ Д. А. Милютинымъ, въ предсѣдатели вновь учрежденнаго главнаго военнаго суда достаточно свидѣтельствуетъ о полномъ довѣріи къ ген. Ушакову высшаго военнаго начальства и императора Александра II.

Не лишнимъ считаемъ присовокупить, для отстраненія даже тѣни сомнѣнія въ храбрости ген. Ушакова, что независимо ордена св. Георгія 3-й степени и золотой медали съ брилліантами за храбрость, онъ былъ награжденъ, еще въ чинѣ капитана, орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, за храбрость, оказанную въ

сраженіи при Кулевчи въ 1829 году; за отличное мужество и храбрость при взятіи штурмомъ Варшавы въ 1831 г. награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени; за мужество и храбрость и отличное исполненіе распоряженій по войскамъ 2-го пѣхотнаго корпуса подъ Дебречинымъ, въ 1849 г., по должности начальника штаба сего корпуса, награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени.

Боевая и видная служба ген. Ушакова въ теченіи четырехъ войнъ краснорѣчиво опровергаетъ всякое голословное порицаніе военной его доблести и доказываетъ, что увѣренія В. И. Дена о недостаткѣ въ немъ храбрости болѣе, чѣмъ неосторожны; а потому мы сочли долгомъ возстановить истину, дабы будущія поколѣнія достославной нашей арміи могли оцѣнить по достоинству одного изъ боевыхъ нашихъ генераловъ.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ Владиміръ Философовъ.
Генералъ-отъ-инфантеріи графъ Евгеній Сиверсъ.
Дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Проворовъ.

Г. М. Толстой и Ѳ. И. Топорнинъ.

Необходимо точно подтвердить, во избѣжаніе недоразумѣнія, могущаго произойти отъ обмолвки, вкравшейся на стр. 488, то, что сказано выше на стр. 327, именно, что „Поѣздка въ Туринскъ“ есть воспоминаніе Григорія Михайловича Толстого—имъ самимъ написанное, что, впрочемъ, видно и изъ текста записокъ. Рукопись была подарена имъ своему другу и сопутнику въ его дальней поѣздкѣ, Ѳедору Ивановичу Топорнину, моему дядѣ, а симъ послѣднимъ передана мнѣ.

А. П. Топорнинъ.

ПЕТРОВСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКАДЕМІЯ

въ 1865 $\frac{\text{ноября}}{21}$ 1890 гг.

Въ девяти верстахъ отъ Москвы, недалеко отъ дороги на г. Дмитровъ, находилось въ концѣ VII столѣтія сельцо Петровское, принадлежавшее роду Нарышкиныхъ. Преданіе гласитъ, что въ 1700 году сельцо это перешло во владѣніе Петра Великаго и что будто-бы Петръ хотѣлъ устроить здѣсь образцовую ферму, чтобы всякими мѣрами и радѣніемъ хлѣба завести больше, „чтобы пахали и жали въ подобное время, а не испоздавъ, и худыми-бы сѣмены не сѣяли“... Старожилы указываютъ и теперь еще то мѣсто, гдѣ должна была быть „Амстердамская ферма“, а на планахъ сельца Петровскаго, относящихся къ 1763 году, то мѣсто названо сельцомъ „Астрадамовымъ“.

Но лишь Царю-Освободителю пришлось осуществить идею Царя-Преобразователя. Черезъ три мѣсяца послѣ реформы 1861 года послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ селѣ Петровскомъ земледѣльческой и лѣсной академіи, и во всеподданнѣйшемъ докладѣ, представленномъ по этому поводу государю, тогдашній министръ государственныхъ имуществъ, М. Н. Муравьевъ, писалъ: „Вызываемая перемѣнами въ бытѣ сельскихъ сословій необходимость приложенія къ земледѣлію усовершенствованныхъ машинъ, орудій и способовъ обработки, порождаетъ въ классѣ землевладѣльцевъ потребность въ дѣятеляхъ, которые, при помощи научныхъ свѣдѣній, могли-бы съ успѣхомъ предпринять и совершить преобразованіе въ сельской промышленности...

„...Развитіе агрономическихъ заведеній и административныхъ дѣйствій правительства по сельскому хозяйству увеличиваетъ нужду въ спеціалистахъ по разнымъ отраслямъ техническихъ производствъ

Т. е. какъ въ различныхъ сословіяхъ народа, такъ и въ сферѣ администраціи является ощутительная надобность въ людяхъ, основательно изучившихъ сельское хозяйство. Такая настоятельная потребность въ разнаго рода дѣятеляхъ по сельской промышленности, съ одной стороны указываетъ на нужду въ заведеніи, гдѣ-бы можно было получать основательныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, съ другой—на то, чтобы въ заведеніе это былъ открытъ доступъ всѣмъ и каждому изъ желающихъ посвятить себя агрономическимъ занятіямъ, дабы предоставить всѣ средства къ распространенію техническихъ наукъ во всѣхъ классахъ общества"...

21-го ноября 1865 года состоялось распоряженіе министра государственныхъ имуществъ объ открытіи академіи и, такимъ образомъ, 21-го ноября 1890 года исполняется 25 лѣтъ ея существованія.

За этотъ краткій промежутокъ времени, академія была преобразована три раза. Первый уставъ ея, утвержденный 27-го ноября 1865 года, можетъ быть характеризованъ приведенными выше словами М. Н. Муравьева. Академія была не учебнымъ заведеніемъ, а учебнымъ учрежденіемъ. Въ ней не было студентовъ и инспекціи, а были лишь слушатели и профессора, читавшіе лекціи. Слушателемъ могъ быть всякій желающій, безъ различія возраста и образованія, уплативъ лишь незначительную сумму за право слушанія лекцій и записавшись на любое число ихъ. „Главная задача академіи, говорилъ при открытіи лекцій первый директоръ академіи Н. И. Желѣзновъ,—состоитъ въ распространеніи знаній"... „Академія должна разсматривать слушателей не какъ юношей, еще не знающихъ къ чему они способны, а какъ людей, сознательно избирающихъ для себя кругъ дѣятельности и вполнѣ знакомыхъ съ гражданскими обязанностями".

Новое учрежденіе быстро наполнилось слушателями. Ко дню открытія лекцій было уже подано 260 прошеній и къ концу 1866 года число слушателей достигло 420. Въ періодъ времени отъ основанія академіи до ея преобразованія въ ней перебывало 1,111 слушателей.

Въ 1872 году Петровская академія была преобразована въ высшее учебное заведеніе, въ тѣсномъ смыслѣ слова. По уставу, утвержденному въ 1873 г. (16-го іюня), въ число студентовъ академіи принимались лишь молодые люди, окончившіе предварительно среднія или высшія учебныя заведенія. Институтъ вольныхъ слушателей былъ сохраненъ, но поступленіе въ слушатели было поставлено въ зависимость отъ согласія директора и уплаты довольно

значительной суммы денегъ за право слушанія лекцій (150 р.). Въ отношеніи порядка управленія и внутренней дисциплины академія была устроена точно такъ, какъ тогдашніе факультеты университетовъ, съ тою лишь разницею, что во главѣ академіи стоялъ директоръ, назначаемый высочайшею властью не по избранію совѣта, а по представленію министра государственныхъ имуществъ, причемъ ученый цензъ директора, требуемый уставомъ академіи 1865 года, не былъ признанъ необходимымъ уставомъ 1873 года [1]). Академіи было предоставлено право давать званіе дѣйствительнаго студента и степени кандидата и магистра сельскаго хозяйства; учебный курсъ, съ обязательными ежегодными экзаменами, былъ сдѣланъ четырехъ-лѣтнимъ (вмѣсто бывшаго трехъ-лѣтняго), и надзоръ за нравственностью и поведеніемъ студентовъ и слушателей былъ возложенъ на инспектора и его помощниковъ.

Въ 1883 году послѣдовало прекращеніе пріема студентовъ въ лѣсное отдѣленіе академіи. Въ предписаніи г. министра государственныхъ имуществъ, отъ 11-го іюня 1883 года, объ этомъ, между прочимъ, сказано слѣдующее: „Принимая во вниманіе, что существующій въ Петербургѣ лѣсной институтъ, по числу оканчивающихъ въ немъ курсъ, удовлетворяетъ спросу на спеціалистовъ по лѣсной части, по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ, что между тѣмъ лѣсной отдѣлъ при Петровской академіи стѣсняетъ въ постановкѣ сельско-хозяйственнаго отдѣла этого заведенія въ надлежащія условія и, признавая, съ своей стороны, существованіе при сельско-хозяйственномъ высшемъ учебномъ заведеніи, въ какое предполагается преобразовать Петровскую земледѣльческую и лѣсную академію, лѣснаго отдѣла нецѣлесообразнымъ“, г. министръ испросилъ высочайшее соизволеніе на пріостановленіе съ 1883—1884 учебнаго года пріема студентовъ на лѣсной отдѣлъ академіи, „дабы облегчить и ускорить означенное преобразованіе“.

Въ 1886 году изъ академіи были выпущены послѣдніе лѣсоводы, а 30-го мая 1889 г. Петровская земледѣльческая и лѣсная академія была преобразована въ „Сельско-хозяйственную“.

---

[1]) Вотъ имена бывшихъ директоровъ академіи за все время ея существованія: первымъ директоромъ былъ докторъ ботаники, академикъ Н. И. Желѣзновъ (до 1869 г.). Вторымъ былъ (въ 1870—1876 гг.) магистръ математическихъ наукъ Ф. Н. Королевъ; третьимъ—извѣстный лѣсоводъ О. К. Арнольдъ (1876—1883 гг.) и, наконецъ, въ настоящее время состоитъ директоромъ академіи (съ 1883 г.) бывшій профессоръ глазныхъ болѣзней медицинской академіи докторъ медицины Э. А. Юнге. И. М.

Новый уставъ академіи во многомъ сходенъ съ новымъ университетскимъ уставомъ. Характерною чертою новаго устава академіи является его двойственность, если такъ можно выразиться. По уставамъ 1865 и 1873 годовъ академія была высшимъ сельско-хозяйственнымъ учебнымъ заведеніемъ, преподающимъ научное изученіе агрономіи въ широкомъ смыслѣ этого слова. По уставу 1889 г.— Петровская сельско-хозяйственная академія есть высшее учебное заведеніе, имѣющее цѣлью подготовить научно и практически образованныхъ дѣятелей по сельскому хозяйству. Прежде предполагалось, что практическими сельскими хозяевами молодые люди могутъ сдѣлаться лишь по окончаніи курса наукъ, подобно тому, какъ практическимъ юристомъ, адвокатомъ, судьей и т. д. дѣлается получившій научное образованіе юристъ; уставъ 1889 г. стремится выпускать изъ академіи молодыхъ людей, уже знакомыхъ съ практическимъ сельскимъ хозяйствомъ. Для этой цѣли начало лекцій и занятія студентовъ 1-го курса перенесены съ августа на январь, время-же отъ окончанія ими курса въ среднемъ учебномъ заведеніи и до середины декабря, молодые люди, желающіе поступить въ академію, должны провести на практикѣ въ частныхъ хозяйствахъ, „для ознакомленія съ общимъ ходомъ сельско-хозяйственныхъ работъ и сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ". Кромѣ того, преподаваніе основныхъ (естественно-историческихъ) наукъ должно быть окончено въ два года (что, между прочимъ, было и ранѣе) и установленъ особый гонораръ лицамъ преподавательскаго персонала за лѣтнія практическія занятія со студентами.

Институтъ вольныхъ слушателей сохраненъ также уставомъ 1889 года, причемъ права слушателей значительно расширены. Вольный слушатель, пробывшій въ академіи два года, хотя и не окончивъ предварительно средняго учебнаго заведенія, пріобрѣтаетъ право подвергаться экзамену по всѣмъ предметамъ академическаго курса и удостоивается званія агронома 1-го или 2-го разряда (установленныхъ вмѣсто званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата), по представленіи аттестата средняго учебнаго заведенія. Кромѣ того, порядокъ и послѣдовательность въ слушаніи лекцій и практическихъ занятій вольныхъ слушателей поставленъ въ зависимость отъ ихъ собственнаго усмотрѣнія. Нельзя не отмѣтить еще одной особенности устава 1889 года: ученая карьера отнынѣ закрыта питомцамъ академіи. Экзамену на степень магистра сельско-хозяйственныхъ наукъ могутъ подвергаться лишь окончившіе курсъ физико-математическаго факультета университетовъ, а профессоромъ академіи не можетъ быть лицо, не имѣющее этой степени.

Сообщимъ въ заключеніе нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности бывшихъ питомцевъ академіи. Свѣдѣнія эти собраны профессоромъ академіи Э. Б. Шёне, который любезно предоставилъ ихъ въ наше распоряженіе.

Въ академіи училось и ею выпущено 2097 лицъ. Изъ этого числа свѣдѣнія имѣются о 1512 лицахъ, бывшихъ питомцахъ академіи; о 585 остальныхъ лицахъ, учившихся въ академіи, свѣдѣній нѣтъ. Изъ числа 1512 лицъ состоятъ на службѣ по лѣсной части въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ—375 челов., въ удѣльномъ вѣдомствѣ—18 и на частной службѣ—18. Одно лицо продолжаетъ заниматься лѣсными науками еще и въ настоящее время заграницею. Итого, слѣдовательно, 430 человѣкъ или 30,8% занимается лѣснымъ хозяйствомъ. 715 человѣкъ или 51,2% избрали себѣ дѣятельность или въ области непосредственнаго сельскаго хозяйства (управляющіе имѣніями своими или арендуемыми, преподаватели сельскаго хозяйства въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ) или нашли приложеніе своихъ знаній въ земствѣ, министерствѣ государственныхъ имуществъ и т. д. Только 218 человѣкъ или 18% избрали себѣ дѣятельность, ничего общаго съ сельскимъ хозяйствомъ не имѣющую.

Приведенныя цифры, повидимому, явственно доказываютъ, что Петровская академія вполнѣ исполняетъ свое назначеніе въ отношеніи подготовки дѣятелей на нивѣ нашего народнаго хозяйства. Что касается до ея научной дѣятельности, то мы ограничимся лишь указаніемъ на то, что имена многихъ изъ лицъ преподавательскаго персонала академіи пользуются заслуженною извѣстностью не только въ Россіи, но и заграницей.

И. Миклашевскій.

ГУБЕРНСКІЯ

УЧЕНЫЯ АРХИВНЫЯ КОМИССІИ

ВЪ 1889 г.

РЯЗАНСКАЯ	САРАТОВСКАЯ
ТАМБОВСКАЯ	НИЖЕГОРОДСКАЯ
ТВЕРСКАЯ	ТАВРИЧЕСКАЯ
ОРЛОВСКАЯ	ОРЕНБУРГСКАЯ
КОСТРОМСКАЯ	ПЕРМСКАЯ

„РУССКАЯ СТАРИНА“,
т. LXVIII, кн. XI, 1890 г.

ГУБЕРНСКІЯ УЧЕНЫЯ АРХИВНЫЯ КОМИССІИ

въ 1889 г.

Отчетъ за 1889 г. имѣетъ въ виду дѣятельность уже 10 ученыхъ архивныхъ комиссій: къ прежнимъ девяти комиссіямъ—Рязанской, Тамбовской, Тверской, Орловской, Костромской, Саратовской, Нижегородской, Таврической и Оренбургской — присоединилась еще Пермская. Въ отчетномъ году устроилась еще 11-я комиссія, въ Ярославлѣ, но ея дѣятельность въ 1889 г. была только подготовительная, а настоящая началась только въ нынѣшнемъ 1890 г. Въ нынѣшнемъ-же году устроилась и 12-я комиссія, въ Калугѣ. Дѣятельность ярославской и калужской комиссій могутъ войти только въ будущій отчетъ за нынѣшній 1890-й годъ.

Десять указанныхъ комиссій, работавшихъ въ 1889 г., дѣйствовали съ различными, не одинаковыми силами и при не одинаковыхъ условіяхъ, почему и удачи, ими достигнутыя, не одинаковы. Но, не смотря на нѣкоторую разницу полученныхъ результатовъ ихъ дѣятельности, можно вывести и много общаго, именно—въ пріемахъ ихъ дѣятельности и въ стремленіяхъ встать на одинаковую, научную почву.

I.

Всѣ десять комиссій, совершенно одинаково признавая свой главный призывъ въ созданіи основаній для губернскихъ историческихъ архивовъ, держались и въ отчетномъ году тѣхъ пріемовъ, которые созданы старѣйшими комиссіями и оказались вполнѣ цѣлесообразными. Именно:

1) Всѣ комиссіи получили не мало цѣнныхъ пріобрѣтеній выборкою изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ документовъ, признанныхъ подлежащими уничтоженію, но оказавшихся, по рѣшенію архивныхъ комиссій, заслуживающими храненія въ историческомъ архивѣ.

Въ Рязанской комиссіи этимъ дѣломъ занимались 5 членовъ (В. И. Лашевскій, С. Д. Яхонтовъ, В. А. Шефферлингъ, А. П. Мансуровъ и А. В. Селивановъ). В. И. Лашевскій, продолжая разсмотрѣніе дѣлъ канцеляріи рязанскаго губернатора, разобралъ въ отчетномъ году 1529 дѣлъ, всѣмъ составилъ опись и 135 дѣлъ выдѣлилъ въ историческій архивъ. Служащими въ рязанскомъ окружномъ судѣ, подъ руководствомъ члена комиссіи А. В. Селиванова, продолжался разборъ дѣлъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ, пересмотрѣно 9592 дѣла и отдѣлено для храненія 885 дѣлъ. Г. Шефферлингъ перебиралъ дѣла ряжскаго полицейскаго управленія. Всего пересмотрѣно 11,200 дѣлъ и отобрано для описанія и храненія 1,020 дѣлъ. Кромѣ того, изъ рязанской казенной палаты передано при особой описи 38 копій геометрическихъ спеціальныхъ плановъ и старинныхъ межевыхъ книгъ городовъ, уѣздныхъ границъ и монастырей. Въ числѣ этихъ плановъ имѣется и интересный планъ Переяславля рязанскаго 1772 г., на которомъ показаны уже не существующіе въ настоящее время или перенесенные въ другія мѣста церкви и монастыри.

Въ Тамбовской комиссіи этимъ дѣломъ занимались П. И. Пискаревъ, И. В. Староградскій, И. В. Знаменскій и правитель дѣлъ П. А. Дьяконовъ. Гг. Пискаревъ и Староградскій занимались описаніемъ архивныхъ дѣлъ бывшей шацкой провинціальной канцеляріи, г. Знаменскій разбиралъ бумаги разсказовскаго благочинія, г. Пискаревъ—архивъ дворянскаго собранія.

Въ общей сложности въ отчетномъ году пересмотрѣно около 2500, изъ нихъ отобрано и описано 455 (всѣхъ отобранныхъ со дня основанія комиссіи 2952).

Тверская комиссія получила изъ разсмотрѣнныхъ 623 дѣлъ бѣжецкаго съѣзда мировыхъ судей 619 дѣлъ для историческаго архива, причемъ съ нѣкоторыхъ бумагъ, еще нужныхъ съѣзду, пришлось снять копіи (работы эти произвели члены комиссіи К. В. Андронниковъ, А. М. Безобразовъ, В. И. Болотовъ, П. М. Вознесенскій, И. А. Ивановъ и В. И. Плетневъ). Кромѣ того, изъ назначенныхъ къ уничтоженію дѣлъ тверскихъ присутственныхъ мѣстъ комиссія отобрала для разсмотрѣнія 18 дѣлъ (И. А. Ивановъ). Въ тверскомъ историческомъ архивѣ сложено такимъ образомъ теперь 7907 дѣлъ, но они еще не приведены въ надлежащій порядокъ и не описаны, и почтенный предсѣдатель комиссіи (въ засѣданіи 19 декабря 1889 г.) предложилъ заняться описаніемъ по формѣ, предложенной археологическимъ институтомъ.

Въ Орловской комиссіи правитель дѣлъ С. А. Блохинъ продолжалъ заниматься разборомъ архива орловской духовной консисторіи.

Костромская комиссія продолжала пользоваться трудами своего сочлена И. В. Миловидова по пересмотру и изложенію дѣлъ архива костромскаго губернскаго правленія. Членъ комиссіи И. К. Херсонскій сообщилъ 37 копій съ рукописей изъ архива Макарьевскаго унженскаго монастыря (часть ихъ напечатана въ 1-мъ вып. „Костромской Старины“).

Въ Саратовской комиссіи съ большимъ успѣхомъ потрудились ея члены: священникъ В. Г. Еланскій составилъ опись дѣлъ архива вольскаго нижняго земскаго суда за 1818—49 гг., разсмотрѣлъ въ отчетномъ году болѣе 8000 дѣлъ, изъ которыхъ описалъ около 600 и часть ихъ передана въ историческій архивъ. Н. Ѳ. Ивановъ разсмотрѣлъ 6049 дѣлъ архива петровскаго уѣзднаго полицейскаго управленія и 135 описалъ. К. Г. Рыбинъ приступилъ къ описанію архива саратовской духовной консисторіи: описалъ дѣла 1760—1780 гг. о вновь построенныхъ церквахъ въ Саратовской губерніи. Священникъ А. В. Смирновъ описалъ архивъ вольскаго нижняго земскаго суда, всего разсмотрѣлъ около 5000 дѣлъ. В. П. Соколовъ разсмотрѣлъ

опись дѣлъ саратовскаго губернскаго правленія и отобралъ изъ нихъ заслуживающія сохраненія. Эти отдѣльныя работы вполнѣ убѣдили комиссію какъ въ важности, такъ и возможности разобрать мѣстные архивы, и 30 ноября она сдѣлала постановленіе: „направить свои силы на разборъ саратовскихъ архивовъ и привлечь къ этому дѣлу возможно бо̀льшее число работниковъ".

Нижегородская комиссія, выказавъ особую энергію въ сношеніяхъ съ различными присутственными мѣстами о передачѣ въ историческій архивъ ненужныхъ для этихъ учрежденій дѣлъ, успѣла и совершить не мало въ дѣлѣ описанія. Такъ, правителемъ ея дѣлъ, В. И. Снѣжневскимъ составлена опись дѣлъ васильскаго и арзамасскаго уѣзднаго суда, 1780—1807 (напечатано въ „Дѣйствіяхъ комиссіи"), и нижегородскаго полицейскаго управленія.

Таврическая комиссія съ большимъ усердіемъ продолжала трудиться по ознакомленію съ мѣстными архивами и въ особенности съ архивомъ губернскаго правленія и канцеляріи губернатора. Членъ ея, А. И. Маркевичъ просмотрѣлъ дѣла съ 1784 по 1810 г., А. В. Ивановъ разсмотрѣлъ болѣе 400 „раскольничьихъ" дѣлъ. Въ архивѣ губернаторской канцеляріи трудились: Н. А. Сахаровъ, Д. К. Якимовичъ, И. С. Журьяри и Ѳ. Ѳ. Лашковъ. Послѣдній занимался тоже въ архивѣ дворянскаго собранія. А. И. Сѣницкій просмотрѣлъ опись архива Симферопольскаго уѣзднаго воинскаго начальника, причемъ намѣтилъ дѣла, которыя могутъ быть хранимы при окончательномъ разборѣ этого архива (въ 1894 г.). Кромѣ того, разсмотрѣно 8389 дѣлъ архива упраздненныхъ судебныхъ учрежденій при окружномъ судѣ и изъ нихъ отобрано для историческаго архива 170 дѣлъ и 66 документовъ.

Оренбургская комиссія, имѣющая свою спеціальную задачу привести въ порядокъ предоставленный ея вѣдѣнію обширный архивъ бывшаго генералъ-губернаторскаго управленія, начала въ отчетномъ году свою дѣятельность. Н. Г. Ивановъ и П. С. Словохотовъ представили уже составленные ими алфавитные указатели частицы архива, имъ порученной, а прежде уже изготовленную покойнымъ Р. Г. Игнатьевымъ опись дѣламъ обще-

гражданскаго отдѣла, начинающуюся 1789-мъ годомъ, положено напечатать.

Вновь создавшаяся Пермская комиссія, на первыхъ порахъ встрѣтившая много затрудненій (кончина предсѣдателя Шишонко, а затѣмъ и оставленіе предсѣдательскаго поста г. Дмитріевымъ), успѣла въ этой области сдѣлать очень немного: членъ ея, г. Головнинъ (за небольшое вознагражденіе—15 руб. въ мѣсяцъ), пересмотрѣлъ въ архивѣ губернскаго правленія 3,000 дѣлъ, намѣтилъ изъ нихъ 823 дѣла для передачи въ историческій архивъ, когда для таковаго будетъ найдено помѣщеніе, и составилъ этимъ дѣламъ коротенькую опись.

2) Другое средство для созданія историческихъ архивовъ, къ которому съ успѣхомъ прибѣгали комиссіи въ предыдущіе годы, это—выборка данныхъ изъ центральныхъ и другихъ губернскихъ городовъ, послужило и въ отчетномъ году къ значительному обогащенію нѣкоторыхъ историческихъ архивовъ.

Такъ, въ рязанскій историческій архивъ поступило изъ с.-петербургскаго сенатскаго архива, по межевому департаменту, 49 дѣлъ нынѣшняго столѣтія. Изъ этого-же сенатскаго архива присланы дѣла и въ тамбовскій историческій архивъ и опись имъ составлена г. Дьяконовымъ.

Особенно много получила Тверская комиссія: изъ московскаго архива министерства юстиціи доставленъ списокъ съ писцовой и межевой книги Зубцовскаго уѣзда 1628—1629 гг. и переписной книги Ржева и Зубцова 1646 г., причемъ поступило увѣдомленіе, что вслѣдствіе ходатайства комиссіи, получено разрѣшеніе г. товарища министра о высылкѣ и остальныхъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ, писцовыхъ и переписныхъ книгъ Зубцовскаго, Ржевскаго и Старицкаго уѣздовъ. Изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ комиссія положила сдѣлать надлежащія извлеченія. Изъ с.-петербургскаго сенатскаго архива препровождены печатныя вѣдомости дѣламъ, производившимся въ тверской уголовной палатѣ въ 1840 и 1841 гг. объ убійствахъ, и въ 1842 г. о важнѣйшихъ преступленіяхъ, вѣдомость о сосланныхъ въ каторжную работу въ Сибирь и отданныхъ въ арестантскія работы и въ военную службу въ 1841 и 1842 гг., и табель о сосланныхъ въ Сибирь съ 1823 по 1841 гг.

Орловскій историческій архивъ получилъ изъ с.-петербургскаго сенатскаго архива, по межевому департаменту, 29 дѣлъ начала нынѣшняго столѣтія.

Саратовская комиссія получила отъ своего сочлена А. А. Голомбіевскаго составленную имъ опись дѣлъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, касающихся колонизаціи сѣверной половины Саратовской губерніи, и изданные имъ „Росписной списокъ города Петровска 1751 г." и „Эпизодъ изъ прошлаго города Саратова", изъ хранящихся въ московскомъ архивѣ матеріаловъ по дѣлу саратовскаго воеводы полковника Казаринова. Членъ комиссіи Н. Н. Нееловъ доставилъ изъ того-же московскаго архива „Свѣдѣнія о количествѣ поселившихся въ 1769 г. колонистовъ въ Саратовской губ.". Имъ-же собраны „Матеріалы для исторіи крестьянскихъ волненій въ 1825—1826 гг. въ губерніяхъ Саратовской, Симбирской и Пензенской". Изъ сенатскаго архива вновь поступили дѣла по межевому департаменту, и комиссія изъ этихъ дѣлъ нашла удобнымъ образовать въ историческомъ архивѣ особый отдѣлъ матеріаловъ по исторіи землевладѣнія въ Саратовской губ., что, впрочемъ, несогласно съ надлежащими принципами историческаго архива.

Нижегородская комиссія получила отъ своего члена И. И. Василева документы, найденные имъ при разборѣ пензенскихъ архивовъ, касающіеся подьячаго нижегородской приказной канцеляріи Ѳомы Лазарева, начала XVIII столѣтія. Изъ с.-петербургскаго сенатскаго архива доставлено 16 дѣлъ межеваго департамента и двѣ вѣдомости нижегородской палаты уголовнаго суда въ 1841 и 1842 гг.

Въ Таврическую комиссію доставлено изъ с.-петербургскаго сенатскаго архива 7 дѣлъ.

3) Третій источникъ — полученіе дѣлъ и документовъ изъ частныхъ архивовъ и отъ частныхъ лицъ — и въ отчетномъ году значительно обогатилъ губернскіе историческіе архивы.

Рязанской комиссіи пожертвовали: А. И. Рикманъ, А. А. Маринъ и М. К. Золотовъ—связки различныхъ бумагъ, А. П. Станкевичъ — документы преимущественно XVII в., касающіеся рязанскаго края, Д. Д. Дашковъ — связку фамильныхъ бумагъ

и дѣлъ, Н. А. Дивовъ — связку бумагъ и документовъ (между которыми письма графа Сумарокова, бумаги князя Румянцева).

Въ Орловской комиссіи (Н. А. Евдокимовъ) разобранъ фамильный архивъ гг. Кривцовыхъ, описано нѣсколько юридическихъ актовъ этого архива, заключающихъ въ себѣ кабальныя, заемныя и рядныя записи, грамоты и челобитныя XVII столѣтія. Членъ комиссіи А. Г. Пупаревъ описалъ нѣсколько документовъ XVII столѣтія, переданныхъ ему землевладѣльцемъ Пиговымъ.

Въ Костромскую комиссію, членъ ея, І. Д. Преображенскій, доставилъ значительное количество рукописныхъ свитковъ XVII и начала XVIII стол. Имъ-же доставлены изъ усадьбы гг. Ермоловыхъ два календаря за 1755 и 1756 гг., съ важными довольно замѣтками о событіяхъ того времени, и два собственноручныхъ письма Алексѣя Петровича Ермолова.

Саратовская комиссія получила отъ частныхъ лицъ немаловажные вклады вслѣдствіе опубликованнаго въ газетахъ воззванія предсѣдателя комиссіи князя Л. Л. Голицына о присылкѣ въ комиссію документовъ, относящихся къ исторіи саратовскаго края. Между таковыми приношеніями особую важность представляютъ присланный изъ Одессы Надеждою Михайловною Фадѣевою частный архивъ ея покойнаго брата, бывшаго саратовскаго губернатора, Андрея Михайловича Фадѣева. Преосвященный Евгеній, епископъ астраханскій и енотаевскій, передалъ въ комиссію драгоцѣнныя дѣла, относящіяся къ исторіи пугачевскаго бунта. По этому-же вопросу важные матеріалы получены и отъ Д. Я. Мордовцева.

Въ историческій архивъ Нижегородской комиссіи внесено также отъ частныхъ лицъ много вкладовъ: архіепископъ Макарій доставилъ 21 грамотъ и писемъ XVII, XVIII и начала XIX вв. Н. П. Никифоровъ — одну челобитную крестьянина Костерина Алексѣю Михайловичу и выписки изъ житія нѣкоторыхъ святыхъ. С. И. Серебренниковъ доставилъ „Писцовую книгу г. Мурашкина и его уѣзда, составленную въ 1681 году Соймоновымъ“. И. И. Василевъ—„Меморію отъ нижегородскаго намѣстническаго правленія правящему должность генералъ-губернатора нижегородскаго и пензенскаго князю Андрею Ивановичу Вяземскому 1796 года, съ вѣдомостью о посѣвѣ и урожаѣ

хлѣбовъ по Нижегородской губерніи". Отъ С. П. Рѣпьева поступило нѣсколько документовъ XVIII ст. Отъ Ф. А. Желтова—рукописная книга, заключающая въ себѣ „Копію съ дѣла о недвижимомъ нижегородскомъ имѣніи Салябьевыхъ, данная изъ государственной вотчинной коллегіи въ 1756 г. мая 7 дня". Отъ А. В. Олигера — „Обвинительный актъ по слѣдственному производству о 72 лицахъ, принимавшихъ участіе въ безпорядкахъ, бывшихъ 7 іюня 1884 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ". Отъ предсѣдателя комиссіи А. С. Гацискаго поступило: 13 отказныхъ грамотъ 7173 года, „Вѣдомость селеніямъ и о числѣ во оныхъ душъ, составляющихъ нижегородскаго намѣстничества нижегородскую округу", 1779 года. Отъ И. С. Зыбина доставлено нѣсколько столбцевъ фамильныхъ документовъ конца XVII и начала XVIII ст. Архимандритъ Симонова монастыря о. Андрей препроводилъ для храненія въ архивѣ часть своихъ мемуаровъ.

Въ историческій архивъ Таврической комиссіи отъ частныхъ лицъ поступило: три ханскихъ ярлыка, одиннадцать юридическихъ документовъ (купчихъ, раздѣльныхъ актовъ и т. д.) и одинъ караимскій брачный актъ,—всѣ XVIII ст.

II.

Заботясь о выполненіи главной своей обязанности—составленія историческихъ архивовъ, комиссіи и въ отчетномъ году не пренебрегали дѣломъ разработки и сохраненія памятниковъ отечественныхъ древностей, почему рядомъ съ архивами пополнялись и создавшіеся при комиссіяхъ музеи.

1. Разъясненіе и изученіе всякаго рода древностей особенно занимало въ отчетномъ году Рязанскую комиссію. При содѣйствіи Императорской археологической комиссіи, правитель дѣлъ комиссіи А. В. Селивановъ продолжалъ начатыя въ прошедшемъ году раскопки въ Старой Рязани и ея окрестностяхъ. Внутри городка, извѣстнаго въ Воскресенской лѣтописи подъ названіемъ, „новый городокъ Ольговъ, на усть Прони рѣки", было открыто основаніе древней каменной церкви XI или XII в. Кромѣ того, А. В. Селивановымъ, Н. В. Протасьевымъ и Н. Н. Баженовымъ были произведены раскопки курганнаго

кладбища въ деревнѣ Рубцовой, близъ древняго города Ольгова, или Льгова, а также и въ самомъ Ольговѣ. Въ деревнѣ Рубцовой было раскопано 13 кургановъ и найдены различные предметы, относящіеся къ женскимъ украшеніямъ. Членами комиссіи (А. П. Галаховымъ, Н. Н. Баженовымъ, Н. К. Ивовымъ и А. В. Селивановымъ) были сдѣланы раскопки въ с. Кузьминскѣ и близъ д. Федякиной, Рязанскаго уѣзда. Въ с. Кузьминскомъ разрыто было древнее кладбище и добыто значительное количество череповъ и нѣкоторые предметы. Вся добыча внесена въ музей. Но кромѣ того, для музея было пріобрѣтено, частью за деньги, частью въ видѣ пожертвованій отъ членовъ и др. лицъ, множество предметовъ (до 300 №№), между прочимъ (пожертвованная членомъ комиссіи Л. М. Муромцевымъ), древняя желѣзная кольчуга, найденная въ Данковскомъ уѣздѣ, и подобная-же кольчуга, найденная въ Зарайскомъ уѣздѣ (пожертв. сыномъ покойнаго члена Н. Н. Дурасова). Изъ монетныхъ пріобрѣтеній весьма интересенъ кладъ восточныхъ золотоордынскихъ монетъ, найденныхъ въ с. Устрани Спасскаго уѣзда. Эти монеты были препровождены въ Императорскую археолог. комиссію и описаны ея членомъ В. Г. Тизенгаузеномъ. Изъ числа монетъ этого клада оказалось 56 различныхъ чекановъ, относ. къ 1310—1367 гг. послѣ Рождества Христова. Наконецъ музей обогатился пожертвованіемъ В. А. Городцовымъ значительной коллекціи орудій каменнаго вѣка, найденныхъ имъ лично и частью пріобрѣтенныхъ отъ мѣстныхъ жителей въ селахъ Дубровичи и Шумошъ, Рязанскаго уѣзда. Такое увеличеніе музея весьма заботило комиссію о пріисканіи помѣщенія, удобнаго для музея: порѣшили помѣстить его въ помѣщеніи истор. архива, а для послѣдняго испросить особую комнату перваго этажа губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.

Тамбовскій музей, поставленный комиссіею въ вѣдѣніе ея членовъ П. И. Пискарева и С. К. Платонова, въ отчетномъ году обогатился многими предметами древности, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: кремневое долото, большой каменный молотокъ, скопческій, серебряный образокъ-тѣльникъ и мѣдный панагійный крестъ. Въ отчетномъ году музей описанъ правителемъ дѣлъ, П. А. Дьяконовымъ; опись раздѣлена на 7 отдѣловъ.

Тверской, уже весьма богатый музей, продолжаетъ пополняться. Въ отчетномъ году въ него доставлена масса предметовъ древности изъ открытаго вблизи посада Погорѣлаго-Городища Зубцовскаго уѣзда каменнаго склепа въ землѣ на берегу р. Держи.

По собраннымъ предсѣдателемъ комиссіи, А. К. Жизневскимъ, свѣдѣніямъ, въ 100 саженяхъ отъ склепа находится древнее кладбище, на которомъ, по преданію, до литовскаго нашествія была церковь, а на другой сторонѣ рѣки, на „Игумновой горѣ", стоялъ монастырь. Н. Д. Квашнинъ-Сахаринъ выразилъ догадку, не принадлежалъ-ли этотъ склепъ посадскому Погорѣлова-Городища „торговому мужику" и кожевеннику „Феткѣ" Андронову, который своимъ колдовствомъ и чернокнижествомъ сдѣлался извѣстнымъ царю Борису Годунову и „ради вѣдовства и еретичества" взятъ былъ имъ на Москву; въ смутное время, усердно служа самозванцамъ и полякамъ, Андроновъ достигъ званія думнаго дворянина и казначея, но затѣмъ скоро послѣдовало и его паденіе: онъ былъ повѣшенъ за воровство. Затѣмъ, въ августѣ 1889 г. въ Твери, на Косой Новгородской улицѣ, при осмотрѣ лежащихъ въ землѣ газовыхъ трубъ, рабочими были вырыты 7 мѣдныхъ шведскихъ талеровъ, изъ коихъ 5 поступили въ музей. Отъ А. Е. Берсенева поступила въ даръ музею найденная въ 1850 г., при устройствѣ спуска къ Волгѣ, печать изъ яшмы въ видѣ кружка, въ діаметрѣ $^5/_8$ вершка, съ ушкомъ; на печати изображено имянословное благословеніе и кругомъ надпись: „печать Варсонофія". Это несомнѣнно печать епископа Варсонофія, дѣятельность котораго связана съ грустными моментами тверской исторіи: этому епископу пришлось встрѣчать и хоронить тѣло благовѣрнаго князя—страстотерпца Михаила Ярославича (въ 1320), а черезъ 6 лѣтъ и сына его Дмитрія Михаиловича „Грозныя Очи," замученнаго въ Ордѣ. Богатый Тверской музей былъ уже въ минувшемъ году описанъ, а въ отчетномъ году членомъ комиссіи М. Н. Сперанскимъ описаны его рукописи, и это описаніе печатается въ приложеніи къ Трудамъ Моск. Общества исторіи и древностей 1890 г.

Въ Орловскій музей поступили изъ Императорской Археологической комиссіи монетный слитокъ, найденный близъ деревни

Ташкирмень Лаишевскаго уѣзда Казанской губ. и отъ г. орловскаго губернатора пожертвованные карачевскими купцами Боевымъ и Мартыновымъ два клыка мамонта, каждый до 3-хъ арш., найденные въ Карачевскомъ уѣздѣ.

Въ Саратовскій музей переданы различные предметы древности—С. А. Панчулидзевымъ, добытые изъ произведенныхъ имъ раскопокъ Старо-Бурасскаго городка, Н. Л. Постремовымъ—коллекція животныхъ плеоценовой эпохи, С. С. Краснодубровскимъ, по предложенію Императ. Археологической комиссіи была произведена раскопка близъ деревни Сафоновки, Барковской волости Сердобскаго уѣзда; открытый при раскопкѣ черепъ препровожденъ въ Археолог. комиссію. Кромѣ того музей получилъ въ даръ отъ статистическаго комитета богатую археологическую коллекцію, а отъ Саратовской гимназіи обширную коллекцію золотоордынскихъ монетъ XIV ст.

Въ Нижегородскій музей пожертвованія текутъ весьма усердно. Императорская Археологическая комиссія доставила серебряный монетный слитокъ и 8 серебряныхъ русскихъ старинныхъ копеекъ. Н. П. Никифоровъ—двадцатипяти-рублевую ассигнацію 1818 г. Н. А. Демидовъ—четыре старинныхъ израсца, мѣдную корчагу, выпаханную изъ земли у села Покровскаго майдана Васильскаго уѣзда, два старинныхъ полотенца, коновальскую бляху, старинный замокъ отъ конскихъ путъ, топорикъ, обнизь съ повязки и черемисскую одежду. И. И. Вишневскій — два старинныхъ (одно съ печатью 1797 г.) серебряныхъ кольца и тѣльный крестъ. С. Ф. Богдановъ — фотографическій видъ остатковъ землянаго вала въ селѣ Городцѣ. Н. Г. Первухинъ—серебряную монету сассанидскаго царя Хозроя II Пурвиза (590 — 622), 6 серебряныхъ копеечекъ Мих. Ѳед. и Алексѣя Михаиловича, пятьдесятъ штукъ поддѣлокъ подъ греческія монеты и тридцать двѣ разноцвѣтныхъ бусты изъ смальты. М. В. Овчинниковъ—4 серебр. монеты XVII ст. и одну мордовку. В. О. Эйнгорнъ и П. Д. Дружининъ—нѣсколько серебр. и мѣдныхъ монетъ. А. С. Гацискій — фотографическій видъ Печерскаго монастыря и фотографическій снимокъ съ карты нижегородскаго намѣстничества, раздѣл. на 12 уѣздовъ. А. И. Звѣздичъ — девять старинныхъ складныхъ ножей. А. А. Савельевъ—17 старинныхъ серебряныхъ монетъ. А. М. Корватовскій —

2 мѣдныхъ монеты. И. И. Вишневскій—портретъ нижегородскаго епископа Іакова, писанный масляными красками. Увеличеніе богатства музея вызвало заботы непремѣннаго попечителя комиссіи, нижегородскаго губернатора Н. М. Баранова, о пріобрѣтеніи въ собственность комиссіи стариннаго дома на Почайнѣ, съ цѣлью устройства въ этомъ домѣ музея комиссіи; но вопросъ этотъ въ отчетномъ году не получилъ разрѣшенія.

Таврическій музей обогатился 223 монетами и 403 предметами разныхъ древностей, найденныхъ въ предѣлахъ Таврической губерніи (къ 1 января 1890 г. въ музеѣ находилось всего 1591 предметъ, считая и монеты). Въ числѣ пожертвованій въ музей, какъ по значенію, такъ и по количеству, обращаютъ на себя вниманіе вещи, найденныя въ лощинѣ, отдѣляющей Симферополь отъ Керменчика, на мѣстѣ котораго указываютъ мѣстоположеніе древняго Неаполиса, составляющія пожертвованіе предсѣдателя комиссіи А. Х. Стевена. Далѣе, произведенная 17-го января раскопка въ той-же лощинѣ открыла могилу, изъ которой было извлечено пятнадцать разныхъ вещей, кромѣ костяковъ. На свои собственныя средства таврическая комиссія пріобрѣла пять большихъ древнихъ остродонныхъ амфоръ, отъ 25-ти ведерной до 5-ти ведерной величины, найденныхъ на горѣ Бакла, подлѣ Мангуша. Отъ императорской археологической комиссіи поступилъ одинъ слитокъ серебра, найденный въ Казанской губерніи.

Таврическій музей самостоятельнаго помѣщенія еще не имѣетъ, а въ зданіи губернской земской управы для него отведена спеціально приспособленная комната, довольно просторная, вмѣщающая въ себѣ какъ музей, такъ и шкафъ для историческаго архива.

И Пермской комиссіи удалось положить основаніе музею. Чрезъ исправниковъ получено: 14 мелкихъ серебряныхъ монетъ московскихъ XVI и XVII ст., древній ножъ въ мѣдной оправѣ, мѣдный топорикъ и кольчуга. Для музея-же г. Голубцевымъ предназначенъ альбомъ пермскихъ дѣятелей, но еще хранящійся у него, за неимѣніемъ помѣщенія для музея.

2) Кромѣ такихъ непосредственныхъ изысканій предметовъ древности, всѣ комиссіи путемъ публикацій, приглашеній, обра-

щаемыхъ къ настоятелямъ церквей и другимъ просвѣщеннымъ обывателямъ стремились получать свѣдѣнія о существующихъ въ губерніи предметахъ древности.

По поводу предстоявшаго VIII археологическаго съѣзда многія изъ комиссій пожелали снять фотографическіе снимки съ имѣющихся въ ихъ музеяхъ предметовъ древностей и украсили ими бывшую въ Москвѣ при съѣздѣ археологическую выставку (въ январѣ 1890 г.), а нѣкоторыя доставили туда и самые предметы изъ музея.

На предложеніе же московскаго археологическаго общества, задумавшаго составить археологическую карту, многія изъ коммисій были озабочены доставленіемъ обществу свѣдѣній объ имѣющихся въ губерніи курганахъ, городищахъ, древнихъ могильникахъ, валахъ и засѣкахъ, о мѣстонахожденіяхъ кладовъ древнихъ монетъ, каменныхъ и мѣдныхъ издѣлій и т. п. Особую энергію въ этомъ отношеніи выказала саратовская комиссія, считающая, что самая иниціатива составленія такой карты принадлежитъ ей, или, лучше сказать, ея непремѣнному попечителю, губернатору А. И. Косичу, который еще ранѣе возбужденія московскимъ обществомъ этого вопроса представилъ въ распоряженіе комиссіи, для составленія археологической карты, рѣдкій экземпляръ неизданной трехверстной въ дюймѣ карты Саратовской губерніи, составленной Шредерсомъ. Въ отчетномъ году для этой цѣли они составили подкомиссію, которая разослала въ количествѣ 1,200 экземпляровъ списокъ вопросовъ, присланныхъ московскимъ обществомъ.

3) Охраненіе памятниковъ древности въ отчетномъ году особенно заботило комиссію Рязанскую и Таврическую.

Рязанская комиссія, всѣдствіе особаго порядка, установившагося благодаря просвѣщенному содѣйствію высокопреосвященнаго архіепископа Θеоктиста, даетъ строительному отдѣленію свое заключеніе по предполагаемымъ перестройкамъ старинныхъ церквей, часовенъ и т. п. Въ отчетномъ году было одиннадцать случаевъ обсужденія комиссіею вопросовъ о передѣлкахъ и исправленіяхъ церквей, а равно и о возобновленіи внутри ихъ живописи,—причемъ лишь въ одномъ случаѣ комиссія высказалась въ отрицательномъ смыслѣ. Это, именно, по вопросу о перестройкѣ каменной церкви въ с. Храповѣ, время построенія

которой относится ко второй половинѣ XVII в. Церковь эта, прекрасно сохранившая свой древній видъ и принадлежащая къ наиболѣе замѣчательнымъ памятникамъ рязанской древности, заслуживаетъ сохраненія безъ всякихъ измѣненій.

Таврическая комиссія относительно этого вопроса, по прежнему, пользовалась содѣйствіемъ мѣстныхъ членовъ, наблюдающихъ въ мѣстахъ своего жительства за сохранностью древностей, а также содѣйствіемъ губернской администраціи. По ходатайству комиссіи, губернаторъ предписалъ строительному отдѣленію собрать свѣдѣнія о древнихъ историческихъ памятникахъ и составить списокъ для облегченія надзора полиціи за сохранностью древностей.

III.

Устроившіяся при историческихъ архивахъ библіотеки значительно развиваются, причемъ однѣ комиссіи поставили себѣ задачею сдѣлать эти библіотеки спеціально-историческими, имѣющими собрать все, касающееся даннаго края и могущими доставить всѣ необходимыя справки занимающимся въ архивѣ; другія комиссіи прямо еще этой цѣли не преслѣдуютъ.

Въ особенности держатся этихъ стремленій рязанская комиссія. Въ отчетномъ году въ рязанскую библіотеку поступило 178 названій, состоящихъ изъ 362 отдѣльныхъ книгъ. Всего эта библіотека заключаетъ въ себѣ 1701 названіе и 4853 книги.

Въ Тамбовскую библіотеку поступило, кромѣ книгъ, присылаемыхъ въ обмѣнъ на Извѣстія, нѣсколько рукописей.

Тверская комиссія совершила въ отчетномъ году существенную реформу относительно своей библіотеки. По особому соглашенію съ попечительнымъ комитетомъ городской публичной библіотеки, утвержденному городскою думою—библіотека тверской ученой архивной комиссіи передана на храненіе въ городскую публичную библіотеку на слѣдующихъ основаніяхъ: она хранится отдѣльно и ей ведется отдѣльный каталогъ (ее составляютъ 794 тома), вновь получаемыя комиссіею книги передаются каждый разъ при особыхъ описяхъ; книги эти, составляя собственность комиссіи, могутъ быть взяты ею обратно, но въ такомъ случаѣ

должны быть возвращены библіотекѣ деньги, израсходованныя ею на переплетъ книгъ; вообще-же переплеты дѣлаются на половинныхъ издержкахъ; книгами архивной комиссіи посѣтители библіотеки могутъ пользоваться только въ ея помѣщеніи, а члены комиссіи, съ разрѣшенія предсѣдателя, могутъ получать эти книги и на домъ; предсѣдатель архивной комиссіи или его замѣститель участвуетъ въ засѣданіяхъ попечительнаго комитета публичной библіотеки.

Библіотека нижегородской комиссіи, кромѣ обыкновенныхъ поступленій, обогатилась въ текущемъ году, хотя временнымъ, но весьма цѣннымъ вкладомъ. Членъ комиссіи А. П. Мельниковъ предложилъ комиссіи принять отъ него во временное пользованіе на такихъ-же условіяхъ, на какихъ предоставилъ комиссіи нижегородскій отдѣлъ своей библіотеки А. С. Гацискій, доставшуюся ему, А. П. Мельникову, послѣ отца его, Павла Ивановича Мельникова (Печерскаго), библіотеку, заключающую въ себѣ много библіографическихъ рѣдкостей.

Библіотека Таврической комиссіи увеличилась въ отчетномъ году на 63 названія, составляющія 119 томовъ.

Въ Оренбургской и Пермской комиссіяхъ кладутся еще въ получаемыхъ ими изданіяхъ первыя основы для будущихъ библіотекъ.

IV.

Въ отчетномъ году весьма расширилась научная дѣятельность комиссій—Рязанской, Тамбовской, Тверской, Саратов Нижегородской, Таврической. Но и во всѣхъ комиссіяхъ число членовъ прибываетъ, засѣданія посѣщаются публикою, рефераты являются весьма интересные; издаваемые (подъ различными названіями) труды комиссій представляютъ цѣлые сборники, безъ которыхъ не могутъ обходиться занимающіеся русскою исторіею и исторіею русскаго права.

Рязанская комиссія, имѣющая 179 членовъ (въ отчетномъ году новыхъ членовъ поступило 34, выбыло 8) продолжала изданіе своихъ „Трудовъ“ на прежнихъ основаніяхъ, подъ редакціею А. В. Селиванова; за отчетный годъ издано 7 выпусковъ, въ

которыхъ напечатано 77 различныхъ статей, сообщеній и замѣтокъ. Нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ статей представляютъ самостоятельныя изслѣдованія на основаніи архивнаго матеріала. Въ сообщеніи рефератовъ и различныхъ историческихъ матеріаловъ принимали участіе слѣдующія лица: В. П. Титовъ, Н. А. Дешевой, Л. Б. Вейнбергъ, А. А. Полторацкая, И. В. Добролюбовъ, С. Е. Звѣревъ, С. Д. Яхонтовъ, А. Д. Повалишинъ, В. А. Самаряновъ, А. П. Мансуровъ, В. Д. Корсакова, И. Ѳ. Токмаковъ, А. В. Селивановъ, М. И. Семевскій, И. Н. Суворовъ, А. А. Маринъ и др. Кромѣ „Трудовъ" комиссіею были изданы: „Краткій каталогъ Рязанскаго музея, 1 вып., отдѣлъ историческій". „Описаніе дѣлъ Рязанскаго историческаго архива, вып. 1-й и 2-й". „Рязанскія достопамятности, собранныя архимандритомъ Іеронимомъ, съ примѣчаніями І. Добролюбова". Это изданіе начато было еще въ 1886 г. Кромѣ этихъ работъ, отдѣльные члены совершили слѣдующія: И. В. Добролюбовъ оканчивалъ обработку послѣдняго тома своего большаго труда „Историко-статистическое описаніе церквей и монастырей Рязанскаго края". Д. П. Агнцевъ издалъ „Исторію Рязанской духовной семинаріи", И. Ѳ. Микулинъ составлялъ алфавитный списокъ дѣятелей и замѣчательныхъ уроженцевъ рязанскаго края.

Тамбовская комиссія, въ издаваемыхъ ею „Извѣстіяхъ" (въ отчетномъ году 3 выпуска — XXIII — XXV) по прежнему помѣстила опись разобранныхъ документовъ. Изъ читавшихся въ засѣданіяхъ рефератовъ, многіе весьма интересные принадлежатъ самому почтенному предсѣдателю И. И. Дубасову („О шацкомъ провинціальномъ архивѣ во 2-й половинѣ прошлаго столѣтія", „Объ участіи тамбовскаго края во всенародномъ избраніи дома Романовыхъ на царство", „О рукописномъ лечебникѣ конца XVII вѣка", „Объ естественныхъ богатствахъ тамбовскаго края въ прошломъ столѣтіи" и пр.); г. Дьяконовымъ (нынѣ правитель дѣлъ) были сдѣланы рефераты: „Объ участіи Тамбовскаго края въ строеніи Азовскаго порта", „Бытовыя картинки прошлаго", „О книжкѣ г. Ливгина. Письмо, содержащее нѣкоторыя разсужденія о поэмѣ г. Вольтера „На разрушеніе Лиссабона", изд. 1786 г.

Тверская комиссія, помѣстивъ въ напечатанныхъ ею 4-хъ журналахъ своихъ засѣданій, нѣкоторые рефераты и сообщенія

(напр. Д. И. Скворцова, „Очеркъ жизни и дѣятельности преп. Діонисія“ (напеч. въ „Епарх. Вѣдом.“); В. И. Колосова, „Тверской археологъ прошлаго столѣтія Діомидъ Ивановичъ Кармаковъ“ и „О Стержепскомъ и Лопастицкомъ крестахъ, въ связи съ древними водными путями въ верхнемъ Поволжьѣ“; М. Н. Сперанскаго, „Къ вопросу о палеографіи“, положенія котораго члены комиссіи признали важнымъ для себя пособіемъ къ чтенію старинныхъ рукописей; П. П. Соколова, „Дѣло о сооруженіи серебряной раки св. благовѣрному великому князю Михаилу Ярославовичу Тверскому“ и „Выборъ поповскаго старосты въ г. Твери въ 1747 г.“; А. К. Жизневскаго „Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, † 1880 г. 11 февраля“; Н. Д. Квашнина-Самарина, „Замѣтка о набѣгѣ вице-канцлера литовскаго Радзивилла на Россію“)—содѣйствовала и изданію отдѣльныхъ трудовъ своихъ членовъ. Кромѣ соч. Жизневскаго, „Глинка“, отдѣльно появились: М. Н. Сперанскаго, „Златоустъ, рукопись XVI в. Тверскаго музея. Замѣтка по русской палеографіи“; Д. И. Скворцова, „Діонисій Зобинновскій“; Вл. Успенскаго, „Краткій очеркъ жизни преосв. Аарона Еропкина“.

Орловская комиссія, послѣ устранившихся недоразумѣній относительно права ея печатать „Труды“, издала въ отчетномъ году три выпуска, въ которыхъ помѣщены, какъ довольно важные историческіе матеріалы, такъ и нѣкоторыя интересныя замѣтки и сообщенія: архимандрита Патермуфія и Г. М. Пясецкаго, „О служебникѣ“, С. А. Блохина, „О кладѣ съ заклятымъ золотомъ и серебромъ“, Пупарева „Расправный судья Роскашово“ и др.

Костромская комиссія издала первый выпускъ „Костромской Старины“, въ которомъ, кромѣ актовъ, преимущественно извлеченныхъ изъ монастырскихъ библіотекъ, помѣщено изслѣдованіе И. В. Миловидова, о двухъ дѣлахъ, служившихъ А. Ѳ. Писемскому основнымъ мотивомъ къ созданію бытовой драмы „Горькая Судьбина“.

Саратовская комиссія въ изданныхъ ею 2-хъ томахъ „Трудовъ“, вышедшихъ подъ редакціею С. С. Краснодубровскаго кромѣ помѣщенія многихъ совершенно новыхъ документовъ включила цѣлый рядъ изслѣдованій, каковы: князя Л. Л. Голицына (предсѣдателя комиссіи) и С. С. Краснодубровскаго „проектъ задуманнаго комиссіею „Саратовскаго Историческаго

Сборника", Краснодубровскаго, „Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта", „Годъ основанія Саратова"; Л. Н. Минха— „Матеріалы для исторіи заселенія Саратовскаго уѣзда", Ѳ. Ѳ. Чекалина—„Саратовское поволжье" и др.

Нижегородская комиссія, излагающая всѣ свои работы въ издаваемыхъ ею „Дѣйствіяхъ", въ отчетномъ году издала ихъ 3 выпуска (4-й, 5-й и 6-й), и въ нихъ записаны научнопраздничныя работы комиссіи, много посвятившей въ отчетномъ году труда по случаю чествованія 700-лѣтней годовщины в. к. Георгія Всеволодовича. Тутъ и обширныя историческія справки предсѣдателя комиссіи А. С. Гацискаго, и обсужденія способовъ празднованія въ 1912 г. трехсотлѣтія эпохи 1612 г., и его-же рефератъ о видѣніи Минина, и разсужденія объ историческихъ нижегородскихъ дняхъ. Въ приложеніяхъ помѣщены весьма важные историческіе документы: выписи изъ старыхъ юридическихъ документовъ и писцовыхъ книгъ, метеорологическій дневникъ архим. Петра Каменскаго (1840 г.), описи архивныхъ дѣлъ и т. п.

Таврическая комиссія издаетъ свои „Извѣстія", и въ отчетномъ году вышли два выпуска (№№ 7 и 8). Въ нихъ продолжается печатаніе матеріаловъ — Ордера кн. Потемкина и „Камеральное описаніе Крыма". Кромѣ того, помѣщены и читанные въ засѣданіяхъ комиссіи рефераты, каковы: Ѳ. Лашкова,— „Охрана Крыма во вторую турецкую войну 1787 — 1791 гг."; В. Смирнова, Джаміъу-т-тэварихъ, Х. Ящуржинскаго — „Развѣдки о древнемъ скиѳскомъ укрѣпленіи Неаполисѣ и др. Притомъ нѣкоторые изъ членовъ комиссіи, кромѣ участія въ этихъ работахъ, издали и независимо отъ этого отдѣльные труды. Такъ, И. И. Казасъ издалъ на древне-еврейскомъ языкѣ „Торатъ Гаадамъ", А. Н. Дьяконовъ напечаталъ „Общій очеркъ состоянія народныхъ училищъ Таврической губерніи за 1888 г.", И. С. Журьяри печаталъ очерки „Крымской Старины" въ мѣстной газетѣ, А. И. Маркевичъ приготовилъ для печати „Указатель по библіографіи Крыма".

Оренбургская комиссія издала 1-й выпускъ „Архива бывшаго оренбургскаго генералъ-губернаторскаго управленія", помѣстивъ въ немъ высочайшіе указы 1764 и 1797 — 1800 гг., которыхъ не имѣется въ П. С. З. Въ приложеніи помѣщены двѣ

коротенькія замѣтки покойнаго члена комиссіи Р. Г. Игнатьева: о населеніи Оренбурга 1797 г. и о Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Кромѣ того, въ напечатанномъ протоколѣ комиссіи помѣщенъ рефератъ С. Н. Севастьянова, „Къ вопросу объ образованіи оренбургскаго казачьяго войска“.

Пермская комиссія не нашла еще возможности обзавестись собственнымъ изданіемъ, почему члены ея, занимающіеся изслѣдованіемъ мѣстной старины, печатаютъ свои труды или въ журналахъ, или отдѣльными изданіями. Такъ, бывшій предсѣдатель, покойный В. Н. Шишонко, передъ кончиной выпустилъ въ свѣтъ VII томъ „Пермской Лѣтописи“ (на счетъ губернскаго земства). Занявшій временно его мѣсто, и къ сожалѣнію оставившій теперь предсѣдательство, за переводомъ по службѣ въ другую губернію, А. А. Дмитріевъ предпринялъ изданіе сборника, „Пермская Старина“, первый выпускъ котораго (исторія Перми Великой съ древнѣйшихъ временъ до начала XVII в.) вышелъ въ Перми въ 1889 году. (Теперь трудъ этотъ продолженъ). Н. Н. Новокрещенныхъ напечаталъ историческую монографію „О Чермозскомъ заводѣ гг. Лазаревыхъ“, и составилъ прекрасную карту сѣверо-западной части Пермской губерніи. Д. Н. Маминъ (сибирякъ) написалъ историческій очеркъ Екатеринбурга въ екатеринб. календарѣ и ст. „Старая Пермь“, напечатанную въ „Вѣстникѣ Европы“ (іюль 1889 г.).

V.

Денежныя средства, которыми располагали въ отчетномъ году комиссіи, весьма неодинаковы. Нѣкоторыя продолжаютъ пребывать въ положеніи болѣе, чѣмъ скромномъ, другія имѣютъ достаточный бюджетъ.

Рязанская комиссія, получающая ежегодно отъ губернскаго земства пособія 300 р. и получившая членскихъ взносовъ 285 р., имѣла въ отчетномъ году прихода 626 р. 90 к.; израсходовала 597 р. 81 к., причемъ главнѣйшія статьи расхода были: на печатаніе трудовъ 210 р. 50 к., на покупку книгъ 124 р., на

о приведеніи губернскихъ архивовъ въ порядокъ посредствомъ проведенія одинаковыхъ правилъ ихъ управленія. И Археологическимъ институтомъ представлено г. министру народнаго просвѣщенія это ходатайство, мотивированное необходимостью пересмотрѣть существующіе законы о губернскихъ архивахъ и возможностью провести положеніе, что во всѣхъ текущихъ архивахъ достаточно содержать дѣла и акты за послѣднія 50 лѣтъ, а дѣла старѣйшія выдѣлять въ историческій отдѣлъ архива или создать для такихъ отдѣловъ одинъ общій губернскій исторический архивъ. Такимъ образомъ, уже слово объ историческихъ архивахъ сказано, и если Императорская Академія Наукъ, которой представляется этотъ отчетъ, найдетъ возможнымъ присоединить свой компетентный голосъ къ ходатайству Археологическаго съѣзда, то Историческіе губернскіе архивы, о первыхъ зачаткахъ которыхъ усердно трудятся наши губернскія архивныя комиссіи, могутъ возникнуть, какъ важныя государственныя учрежденія, необходимость и значеніе которыхъ для государства и науки можетъ какъ въ принципѣ, такъ и въ подробностяхъ мотивировать Археологическій институтъ.

И. Е. Андреевскій.

25-го октября 1890 г.

ПРОДАЖА УПРАЗДНЕННЫХЪ ЦЕРКВЕЙ ВО ПСКОВѢ

въ 1793—1798 гг.

I.

Дѣло по сообщенію здѣшней казенной палаты о вызовѣ въ г. Псковѣ и его округѣ желающихъ къ покупкѣ упраздненныхъ церквей.

11 декабря 1797 года, № 15572.

Въ Псковское губернское правленіе оной-же губерніи изъ казенной палаты.

Въ прошломъ 1793-мъ году здѣшняя духовная консисторія сообщеніемъ знать дала, что по силѣ повелѣнія его преосвященства упразднено девятнадцать, каменнаго зданія церквей, и именно: Воскресенская и Димитріевская съ Кремля, Власіевская съ площади, Казанская съ больницы, Богоявленская съ бродовъ, Зачатейская отъ торгу, Архангельская съ Песокъ, Григорія Богословская съ Путятина, Спасская отъ Стараго Костра, Козьмо-Демьянская съ Утокъ, Ильинская съ Завеличья, Мироносицкая, Іоанна-Милостивская, Георьевская съ болота, Похвальская съ Романихи, Желѣзногорская, Духовская со Усохи, Благовѣщенская отъ Рыбницкихъ воротъ, Варваринская, гдѣ было Святогорское подворье; изъ коихъ Воскресенская и Димитріевская съ Кремля, также и Мироносицкая оставлены по надобности церковной въ епархіальномъ его преосвященства вѣдѣніи; Спасо-Старокостерская и Григорія Богословская отданы на сооруженіе лютеранскаго въ городѣ Псковѣ общества молитвенности дома; Георьевской-же, Іоанно-Милостивской и отъ Богоявленской плита употреблена для поправленія другихъ церквей; протчія-жъ церкви сообщила принять въ вѣдомство казенное на какое-нибудь употребленіе.

Вслѣдствіе чего, по предписанію палаты, тѣ церкви правившимъ здѣсь городническую должность маіоромъ Перхимусомъ и приняты, и послѣ изъ нихъ, по опредѣленію палаты, Благовѣщенская отъ Рыбницкихъ воротъ продана за 50 рублей; почему къ таковой-же покупкѣ многократно чинимы были

вызовы желающихъ. Вслѣдствіе чего, хотя желаніе и объявили псковскіе мѣщане Николай Каменевъ на Зачатейскую церковь, Василій Завѣтной и Тарасъ Ивановъ на Власіевскую церковь, и псковоградскія Козьмо-Демьянскія церкви священникъ Симеонъ Федоровъ на Казанскую церковь, точію къ означеннымъ торгамъ не явились, и для того казенная палата опредѣлила:

Во оное губернское правленіе сообщить и требовать, дабы оное благоволило предписать отъ себя здѣшнему городничему, равно и магистрату, чтобъ они вызовъ къ покупкѣ означенныхъ церквей желающихъ учинили, и буде таковые окажутся, то-бъ оные явились, равно и прежде объявившіе желаніе псковскіе мѣщане Каменевъ, Завѣтной, Тарасъ Ивановъ и священникъ Симеонъ Федоровъ въ палату сами или повѣренныхъ прислали къ торгу будущаго 1798-го года, генваря 20-го. Буде-же и вовсе никого не явится, то велѣть имъ палатѣ репортовать и что онымъ учинено будетъ, палату безъ увѣдомленія не оставить. Декабря 11 дня 1797 года. № 209. Осипъ Харковъ. Подканцеляристъ Петръ Митяевъ.

II [1]).

1797 г. декабря 11-го дня. Подписанъ (Журналъ губ. правл.) 18 декабря.

«Сообщеніе здѣшней (псковской) казенной палаты, коимъ, прописывая: Въ прошломъ 1793 г. здѣшняя духовная консисторія сообщеніемъ знать дала, что по силѣ повелѣнія его преосвященства упразднено (во Псковѣ) девятнадцать каменнаго зданія церквей и именно: Воскресенская и Димитріевская съ Кремля, Власіевская съ площади, Казанская съ больницы, Богоявленская съ Бродовъ, Зачатейская отъ торгу, Архангельская съ Песокъ, Григорія Богослова съ Путятина, Спасская отъ Стараго Костра, Козьмо-Демьянская съ Утокъ, Ильинская съ Завеличья, Мироносицкая, Іоанно-Милостивская, Георгевская съ болота, Похвальская съ Романихи, Желѣзногорская, Духовская со Усохи, Благовѣщенская отъ Рыбницкихъ воротъ, Варваринская, гдѣ было Святогорское подворье, изъ коихъ Воскресенская и Дмитровская съ Кремля, также и Мироносицкая оставлены по надобности церковной въ епархіальномъ его преосвященства вѣдѣніи; Спасо-Старокостерская и Григорія-Богословская отданы на сооруженіе лютеранскаго въ городѣ Псковѣ общества молитвенности дома. Георгевской-же, Іоанно-Милостивской и отъ Бого-

[1]) Это постановленіе губернскаго правленія дословно повторяетъ то, что прописано выше въ сообщеніи псковской казенной палаты—губернскому правленію. Въ видахъ, однако, полнаго воспроизведенія любопытнаго для исторіи города Пскова дѣла о разрушеніи и распродажѣ его святынь и достопамятностей, повторяемъ и этотъ документъ.

Ред.

явленской плита употреблена для поправленія другихъ церквей. Протчія-же церкви сообщила (консисторія) принять въ вѣдомство казенное на какое-нибудь употребленіе, вслѣдствіе чего по предписанію палаты тѣ церкви правившимъ здѣсь городническую должность Макаромъ Перхимусомъ и приняты. И послѣ изъ нихъ, по опредѣленію палаты, Благовѣщенская отъ Рыбницкихъ воротъ продана за 50 руб., почему къ таковой-же покупкѣ многократно чинимы были вызовы желающимъ. Вслѣдствіе чего, хотя желаніе и объявили псковскіе мѣщане: Николай Каменевъ на—Зачатейскую (церковь), Василей Завѣтновъ и Тарасъ Ивановъ на Власіевскую (церковь), и псковоградскія Козьмо-Демьянскія церкви, священникъ Симеонъ Федоровъ на Казанскую (церковь) точію къ назначеннымъ торгамъ не явились, почему, сообщая о семъ правленію, требуетъ предписать отъ себя здѣшнему городничему, равно и магистрату, чтобъ они вызовъ къ покупкѣ означенныхъ церквей желающихъ учинили и, буде таковые окажутся, то-бъ оные явились, равно и прежде объявившіе желаніе псковскіе мѣщане Каменевъ, Завѣтновъ, Тарасовъ и Ивановъ, и священникъ Симеонъ Федоровъ въ палату сами, или повѣренныхъ прислали къ торгу будущаго 1798 г. генваря 20-го. Буде-же и вовсе никого не явится, то велѣть имъ палатѣ репортовать и что онымъ учинено будетъ по сему безъ увѣдомленія не оставить.

Приказали: къ здѣшнему коменданту г-ну полковнику Ханыкову отнестись, а городовому магистрату предписать указомъ, чтобъ они требованія казенной палаты выполнили, о чемъ къ вѣдѣнію и оной сообщить.

Исполнено 27-го декабря (1797 г.).

III.

№ 774. 21 генваря (1798 г.).

Во Псковское губернское правленіе.

Отъ Псковскаго городоваго магистрата рапортъ. № 55.

Во исполненіе полученнаго изъ онаго губернскаго правленія полученнаго въ сей магистратъ прошлаго 1797-го года декабря 28-го числа подъ № 30114 относительно вызова желающихъ къ покупкѣ уничтоженныхъ испраздненныхъ девятнадцати церквей указа, оному губернскому правленію городовой магистратъ доноситъ, что по сдѣланному отъ сего магистрата къ псковскимъ городовымъ старшинскимъ дѣламъ предписанію на оное, отъ оныхъ дѣлъ рапортомъ сему магистрату донесено, что псковскому градскому обществу объ ономъ объявлено было, но таковыхъ желающихъ никого не оказалось.

Бургомистръ Дмитрій Навинской. Ратманъ Авраамій Сидоровъ. Ратманъ Михайла Рушениновъ. Канцеляристъ Пантелей Богдановъ.

Января 20-го дня 1798 года.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ КНЯЗЕВЪ

(род. 26-го февраля 1814 года)

въ 1839—1889 гг.

Напечатанный въ этой книгѣ „Русской Старины“ очеркъ Пскова и его достопримѣчательностей принадлежитъ маститому археологу, педагогу и писателю изъ города Пскова—д. с. с. Александру Сергѣевичу Князеву. 16-го октября минувшаго 1889 года псковичи отпраздновали полувѣковой юбилей его дѣятельности.

Сынъ дьякона погоста Славя, Великолуцкаго уѣзда [1]), А. С. Князевъ опредѣленъ былъ преподавателемъ въ родную для него псковскую семинарію. Опредѣленіе это состоялось 16-го октября 1839 года и онъ вскорѣ былъ назначенъ инспекторомъ оной. Съ 1862 года мы видимъ Князева сначала инспекторомъ Рижской духовной семинаріи, а затѣмъ директоромъ народныхъ училищъ Херсонской губерніи; въ 1885 году А. С. Князевъ возвратился на родину въ Псковъ. Большая часть служебной дѣятельности Александра Сергѣевича всецѣло принадлежитъ Пскову и его учебнымъ заведеніямъ; здѣсь его умъ, познанія въ исторіи, гуманное обращеніе съ учащимися и отзывчивость на все доброе пріобрѣли ему всеобщее уваженіе и любовь, каковыя горячо сказались при празднованіи его юбилея во Псковѣ 16-го октября 1889 года (см. „Церковный Вѣстникъ“ 1889 г., № 40).

А. С. Князевъ издавна принадлежитъ къ лучшимъ современнымъ знатокамъ исторіи и древностей города Пскова. Всѣ ученые и любители отечественной старины, при посѣщеніи этого славнаго города неминуемо обращались и обращаются къ А. С. Князеву и всегда встрѣчаютъ въ немъ полнѣйшую готовность подѣлиться своими свѣдѣніями.

---

[1]) Ученикъ великолуцкаго духовнаго училища, псковской духовной семинаріи и петербургской духовной академіи.

Перечень трудовъ Александра Сергѣевича Князева.

1. Историческо-статистическое описаніи Псковскаго каѳедральнаго собора, съ рисунками настоящаго и прежнихъ храмовъ его. Москва, 1858 г.

2. Указатель древностей Псковскихъ, съ видомъ Пскова. Москва, 1858 г.

3. Вѣра великой праматери, украшенная благочестіемъ великаго праправнука. Описаніе креста св. Ольги, находящагося въ Псковскомъ каѳедральномъ соборѣ, и торжественнаго установленія предъ нимъ золотой лампады, пожертвованной его императорскимъ высочествомъ Константиномъ Николаевичемъ, по случаю рожденія королевы эллиновъ Ольги Константиновны. Псковъ, 1857 г. При этомъ описаніи есть и видъ самаго креста.

4. Проповѣднические подвиги святыхъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія и ихъ вліяніе на образованіе какъ всего славянскаго міра вообще, такъ и Россіи въ частности. Изданіе изящно иллюстрированное. Спб., 1866 г.

5. Альбомъ, въ память 1000 лѣтія со дня кончины св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго. Одесса, 1885 г.

6. Изданіе „Словъ и Рѣчей архіепископа Кишиневскаго Антонія". Спб., 861 г.

7. Описаніе торжественнаго освященія храма въ с. Подоклиньѣ, Порховскаго уѣзда, 1861 г. (журн. „Странникъ").

8. Исторія странствованій и общественной дѣятельности слѣпца Григорія Ивановича Ширяева. 1888 г. (въ журн. Странникъ").

9. Исторія служенія высокопреосвященнаго Платона, митрополита Кіевскаго, въ Псковѣ и Ригѣ. 1878 г. (въ Христ. Чтеніи").

10. Его-же служеніе въ Одессѣ (въ Христ. Чт.").

11. Переводъ съ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и еврейскаго языковъ всемъ разныхъ лицъ къ знаменитому ученостью псковскому архіепископу Симону Тодорскому, законоучителю Екатерины II, и его письма съ греческаго языка, какъ матеріалъ для будущей исторіи сего святителя („Духовная Бесѣда").

12. Біографическій очеркъ того-же архіепископа, составленный на основаніи означенныхъ бумагъ („Дух. Бес.").

13. Серафимовичи, — исторія новыхъ религіозныхъ сектантовъ въ Псковской губерніи, извѣстныхъ подъ именемъ Серафимовичей, и ихъ ученіе („Духовн. Бесѣда").

14. Мардарій, псковской пустынножитель, его жизнь, подвиги и послѣдующая судьба („Дух. Бес.").

15. Св. Ольга, ея высокія душевныя качества и заслуги для церкви и государства, по случаю открытія крестнаго хода изъ Пскова въ с. Выбуты, ея родину. 1868 г. („Дух. Бесѣда").

16. Торжественное открытіе во Псковѣ общины сестеръ милосердія, совершившееся по волѣ покойной Императрицы Маріи Александровны („Дух. Бес.").

17. Исторія Михайловскаго погоста, Псковской губ., и его 500-лѣтняго храма, на мѣстѣ явленія чудотворной иконы Божіей Матери („Дух. Бесѣда").

18. Освященіе храма въ погостѣ Зряковичахъ, Псковскаго уѣзда.

19. Некрологъ псковскаго архіепископа Евгенія III („Дух. Бес.").

20. Некрологъ псковскаго архіепископа Ѳеогноста („Дух. Бес.").

21. Некрологъ псковскаго священника Василія Суворова, замѣчательнаго по своимъ лѣтамъ и заслугамъ („Духовная Бесѣда").

Въ „Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ":

22. Посѣщеніе г. Пскова Императоромъ Александромъ II въ 1859 г.

23. Первая годовщина псковской женской Маріинской гимназіи. 1861 г.

24. Пріемъ псковскимъ дворянствомъ гвардейскихъ войскъ при проходѣ ихъ въ Крымъ на войну.

25. Освященіе знаменъ псковскаго ополченія въ крымскую войну.

26. Первый крестный ходъ изъ Пскова на родину св. Ольги. 1868 г.

27. Празднованіе годовщины псковской общины сестеръ милосердія 1888 г.

28. Освященіе храма въ имѣніи псковскаго женскаго Вознесенскаго монастыря, носящемъ названіе „Ведрилово", въ Порховскомъ уѣздѣ. 1889 г.

29. Освященіе храма въ Никаноровой пустынѣ, Порховскаго уѣзда, въ 1890 г.

Въ „Одесскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ":

30. Описаніе освященія крестовой церкви въ присутствіи англійскаго гибралтарскаго епископа.

31. Рѣчь, сказанная при открытіи 2-хъ-класснаго министерскаго училища въ болгарскомъ сел. Кубанкахъ.

32. Исторія псковской духовной семинаріи, напечатанная въ „Трудахъ" московскаго общества исторіи и древностей.

33. Рѣчи въ юбилейные праздники высокопреосвященнаго Платона, напечатанныя въ юбилейныхъ описаніяхъ.

Мы лично съ чувствомъ глубокой признательности вспоминаемъ о частыхъ и всегда интересныхъ для насъ бесѣдахъ о псковской старинѣ, которыми дарилъ насъ А. С. Князевъ въ бытность нашу въ 1862—1863 гг. во Псковѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ даемъ нынѣ мѣсто на стран. „Русской Старины" очерку этого маститаго археолога: „Псковъ и его достопримѣчательности" (см. выше, стр. 311—326).

А. С. Князевъ состоитъ дѣйствительнымъ членомъ императорскихъ обществъ древней письменности въ С.-Петербургѣ, исторіи и древностей въ Одессѣ, Археологическаго общества и статистическаго комитета во Псковѣ и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ обществъ.

Ред.

Математическіе и литературные труды С. В. Ковалевской,

рожд. Корвинъ-Круковской.

въ 1874—1890 гг.

Въ числѣ русскихъ женщинъ, въ послѣднія шестнадцать лѣтъ, 1874—1890 гг., выдвинувшихся на ученомъ поприщѣ и блистательно доказавшихъ какъ много онѣ могутъ сдѣлать въ области науки, будучи озарены свѣтомъ высшаго образованія, стоитъ, какъ извѣстно, Софья Васильевна Ковалевская, рожденная Корвинъ-Круковская — нынѣ членъ-корреспондентъ императорской академіи наукъ въ С.-Петербургѣ и профессоръ высшей математики въ Стокгольмѣ.

„Русская Старина“ постоянно внося на свои страницы матеріалы для жизнеописанія и обзора дѣятельности лицъ, особенно потрудившихся, а также и понынѣ трудящихся во славу нашего дорогаго отечества, озаботилась собрать данныя къ біографіи нашей знаменитой ученой С. В. Ковалевской. Въ архивѣ „Русской Старины“ давно уже находятся Записки перваго, по времени наставника-учителя С. В. Ковалевской — Іосифа Игнатьевича Малевича о его занятіяхъ съ его необыкновенно даровитою ученицею. Записки эти будутъ напечатаны въ „Русской Старинѣ“ въ ближайшей книгѣ, а въ настоящемъ выпускѣ нашего изданія помѣщаемъ перечень ученыхъ и литературныхъ трудовъ С. В. Ковалевской и ея портретъ, исполненный съ натуры, въ маѣ мѣсяцѣ 1890 года, въ фототипіи В. І. Классена, фотографа высочайшаго двора и императорской академіи наукъ въ С.-Петербургѣ.

Ред.

I.

I. Zur Theorie der partiellen Differentialgleichungen.

Inaugural-Dissertation, 1874.

Journal für die reine und angewandte Mathematik, Bd. 80, 1875.

II. Ueber die Reduction einer bestimmten Klasse Abelscher Integrale 3-ten Ranges auf elliptische Integrale.

Acta mathematica, Bd. 4, 1884.

III. Sur la propagation de la lumière dans un milieu cristallisé.

Comptes rendus des séances de l'académie des sciences de Paris, 1884, séance du 11 février.

III a. Om ljusets fortplantning uti etc kristallinskt medium.

Opersigt af kongl. vetenskapsakademiens förhandlingar, Stockholm, 1884.

III b. Ueber die Brechung des Lichtes in cristallinischen Mitteln.

Acta mathematica, Bd. 6, 1885.

IV. Zusätze und Bemerkungen zu Laplace's Untersuchung über die Gestalt der Saturnsringe.

Astronomische Nachrichten. Bd. 111.

V. Sur le problème de la rotation d'un corps solide autour d'un point fixe.

Acta mathematica, Bd. 12, 1889.

VI. Sur une propriété du système d'équations différentielles qui définit la rotation d'un corps solide autour d'un point fixe.

Acta mathematica, Bd. 14, 1890.

VII. Sur un théorème de M. Bruns.

Notes et mémoires présentés à la conférence de mathématiques de l'université de Stockholm, I, 1890 (Separataftryck in Acta mathematica, Bd. 15).

VIII. Mémoire sur un cas particulier du problème de la rotation d'un corps pesant autour d'un point fixe, où l'intégration s'effectue à l'aide de fonctions ultraelliptiques du temps.

(Mémoire couronné par l'Académie des sciences de l'Institut national de France (à Paris) et publié dans les „Mémoires présentés par divers Savants, Savants étrangers", tome XXX, № 1, p.p. 1—66).

II.

Изъ литературныхъ работъ, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ статей въ разныхъ газетахъ, Софьѣ Васильевнѣ Ковалевской принадлежатъ слѣдующія:

1. „Воспоминанія о Джорджѣ Элліотѣ“, въ „Русской Мысли“, іюль 1885 или 1886 г.

2. „Воспоминанія дѣтства“, напечатанныя въ „Вѣстникѣ Европы“ 1890 г., №№ 7 и 8.

3. „Systrarna Rajevsky“ (Сестры Раевскія), разсказъ, напечатанный отдѣльною книгою по-шведски и по-датски. Сущность этого разсказа основана на личныхъ воспоминаніяхъ автора.

4. Разсказъ „Vae Victis“, напечатанный въ шведскомъ журналѣ „Jul almanack“ 1889 г.

Отъ ученыхъ обществъ С. В. Ковалевская получила двѣ преміи: одну—въ 5,000 франковъ—отъ Парижской академіи наукъ за трудъ, означенный выше подъ № VIII, въ 1888 г., а другую—въ 1,500 кронъ—за труды, названныя выше подъ №№ V и VI, отъ Стокгольмской академіи, въ 1889 г.

Портретъ Софіи Васильевны былъ напечатанъ въ шведскомъ иллюстрированномъ журналѣ „Nordstjernen“, 1886 г., № 35, стр. 273—274, съ небольшой о ней статьей, шведская гравюра выполнена на деревѣ Evald Hansen.

Ред.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ[1]).

11.

Поле мое, поле, поле чистое,
Ты раздолье мое, раздолье широкое,
Тамъ растетъ кустъ ракитовый,
Подъ кустомъ лежитъ добрый молодецъ,
Не убитъ онъ—крѣпко раненъ.
Въ головахъ у него—былъ горючъ-камень,
А въ рукахъ у него—сабля вострая,
А въ ногахъ у него—его добрый конь.
Сталъ казакъ умирать, сталъ приказывать:
„Конь ты мой, конь, товарищъ ты мой,
Побѣги ты, мой конь, въ землю русскую,
Не давайся ты, конь, королю пруцкому.
Понеси ты поклонъ моей матушкѣ,
Да скажи ты ей, что женатъ твой сынъ,
Что женила его—пуля быстрая,
Обвѣнчала его—сабля вострая".

12.

Какъ во середу, славный праздничекъ,
Турки пьяны напивалися,
Межъ собою похвалялися.
Закричалъ казакамъ Мурханъ-паша:
„Мы Рассѣю всю наскрозь пройдемъ,
Мы Румянцева въ полонъ возьмемъ".
Возговорилъ Румянцевъ-князь:
„Вы не бойтеся, ребятушки,
Мои храбрые казаченьки,
Мы всѣхъ турокъ перебьемъ,
А Мухрана съ янычарами во полонъ возьмемъ!"

Сообщ. въ 1874 г. Д. К. **Морозъ**.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1890 г., т. LXVII, стр. 468, 570—572, 656; т. LXVIII, стр. 136, 278, 469.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1860 г. [1]).

26 августа (7 сентября). Пятница. День свѣтлый и мягкій. Море тихо въ своихъ берегахъ, какъ младенецъ въ колыбели; по лону его пробѣгаютъ едва замѣтныя струйки: это оно дышетъ.

Ѣздили осматривать Наполеоновскую колонну, воздвигнутую верстахъ въ четырехъ отъ города, на томъ мѣстѣ, гдѣ Наполеонъ I, снаряжая свою булонскую экспедицію въ Англію, раздавалъ войску почетные легіоны. Окруженный блескомъ императорскаго величія и озаренный славой недавнихъ побѣдъ, онъ хотѣлъ поразить умы французовъ и воспламенить въ нихъ энтузіазмъ такъ, чтобы они, какъ потокъ раскаленной лавы, ринулись на ненавистныхъ ему островитянъ. Колонна красива. Она возвышается на 150 футовъ. Императоръ изображенъ на ней въ порфирѣ со скипетромъ въ одной рукѣ, съ короною въ другой, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Вокругъ колонны посажены

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371 — 406; мартъ, стр. 629 — 653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; іюнь, стр. 611—638; т. LXVII, іюль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186.

кедры и разведенъ садъ, содержимый въ большомъ порядкѣ и чистотѣ. Путь туда по холмамъ, съ которыхъ открывается видъ на чуть-чуть бѣлѣющіе вдали берега Англіи.

Одна изъ невыгодъ короткихъ отношеній съ людьми въ томъ, что они порождаютъ необходимость или потворствовать ихъ слабостямъ, недостаткамъ и страстямъ, или, противясь этому, навлекать на себя ихъ непріязнь. Лучше всего избѣгать этой короткости. Но не всегда можно успѣть въ этомъ. Часто обстоятельства ставятъ людей другъ къ другу такъ, что сближеніе между ними дѣлается неизбѣжнымъ, и вотъ между ними устанавливаются отношенія повидимому дружескія. Но тутъ-то и зацѣпка. Близость производитъ то, что они трутся взаимно о шероховатости одинъ другаго, которыя на дальнемъ разстояніи незамѣтны—и не только трутся, но натираютъ одинъ другому мозоли.

29 августа (10 сентября). Понедѣльникъ. Каждое утро ходимъ мы на станцію желѣзной дороги и запасаемся тамъ въ книжномъ ларѣ свѣжей газетой—то „Constitutionnel'омъ", то „Patrie". Сегодня тоже мы взяли послѣдній номеръ перваго. Меня сильно занимаютъ дѣла Италіи. Народъ тамъ, очевидно, готовъ къ новому устройству, къ единству. Вездѣ возстаніе въ пользу этого единства, и съ каждымъ днемъ все умаляется значеніе жалкаго остатка Бурбонской династіи Неаполитанскаго короля. Онъ не умѣлъ понять важной и простой политической истины, что народами нельзя управлять только по своимъ желаніямъ, а надо нѣсколько уважать и ихъ желанія. Каковы-бы ни были потребности времени, имъ необходимо въ извѣстныхъ предѣлахъ уступать. И потому нѣтъ ничего несообразнѣе того консерватизма, который хочетъ не сдерживать только и умѣрять излишества въ порывахъ новыхъ идей, а уничтожать ихъ и поворачивать вещи назадъ, или удерживать ихъ въ одномъ и томъ-же положеніи. Не нелѣпо-ли думать, что можно навсегда установить такой-то порядокъ вещей, когда навсегда, кромѣ смерти, ничего нѣтъ на свѣтѣ.

Гарибальди—славный человѣкъ! Это не геній, это нѣчто больше и выше того—это человѣкъ добра, герой человѣчества въ самомъ разумномъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Пребываніе мое въ Булонѣ приходитъ къ концу. Что при-

несло оно мнѣ для моего здоровья? Подвожу итоги: они мало утѣшительны. Я все время чувствовалъ себя здѣсь гораздо хуже, чѣмъ въ Интерлакенѣ. Говорятъ, благотворное дѣйствіе морскихъ купаній послѣ отзовется. Будемъ надѣяться, а пока по прежнему одно остается—мужаться.

Останавливать бѣгъ собственныхъ мыслей, давать имъ должное направленіе—требуетъ такой-же силы воли, если не больше еще, чѣмъ управлять ходомъ общественныхъ дѣлъ. Вообще, имѣть дѣло съ самимъ собою, безъ эгоизма, малодушія и обольщенія разными приманками жизни—чуть-ли не гораздо труднѣе, чѣмъ имѣть дѣло съ другими. Всего труднѣе прямо смотрѣть въ глаза истинѣ, когда она приходитъ разрушать наши иллюзіи или противорѣчить нашимъ наклонностямъ, принятымъ понятіямъ и самолюбію. А между тѣмъ, какъ не увертывайся отъ истины, какъ не усиливайся заглушить ея голосъ или обмануть софизмами, она, вытѣсненная изъ твоихъ убѣжденій и умствованій, возьметъ свое на дѣлѣ. Она сдѣлаетъ такъ, что дѣйствительность устроится совсѣмъ иначе, чѣмъ ты воображалъ или хотѣлъ—и вотъ, ты останешся пораженнымъ въ самомъ существенномъ, чего ты добивался и чего должно добиваться—въ результатѣ.

30 августа (11 сентября). Вторникъ. День моихъ именинъ. Это первый разъ, что я провожу его не въ кругу моихъ дѣтей. Бѣдныя! Они тоскуютъ безъ меня въ этотъ день, а я посылаю имъ мой привѣтъ однѣми грустными мыслями.

Завтра ѣдемъ въ Парижъ. А тамъ—къ дѣтямъ: пора, пора! Обнять ихъ становится вопіющею потребностью моего сердца. Грустно только, что возвратъ мой мало порадуетъ ихъ: я принесу имъ больное тѣло и тревожный духъ.

Прощай Boulogne sur mer.

Сентябрь 1 (13). Четвергъ. Вчера утромъ уѣхали изъ Булони. Насъ провожали на желѣзную дорогу хозяинъ нашего пансіона и двѣ милыя англичанки, съ которыми мы въ послѣднее время близко сошлись. Въ Парижъ пріѣхали подъ вечеръ и остановились въ улицѣ Ришелье, въ отелѣ „Альпы“.

Сегодня я долго сидѣлъ въ Пале-Роялѣ, любуясь дѣтьми, которыхъ нянюшки приводятъ туда играть. Премилыя дѣти эти французята: рѣзвыя, живыя, какъ котята, исполненныя дѣтской граціи, и такія свѣженькія, какъ будто они растутъ гдѣ-нибудь

въ деревнѣ, а не въ тѣсномъ и душномъ Парижѣ. И игры ихъ совершенно приличны, безъ натяжки и буйства, хотя это дѣти, судя по ихъ платью, большею частью небогатыхъ родителей.

Вообще во французахъ есть что-то привлекательное. Въ нихъ нѣтъ той угловатости и аляповатости, какую видишь въ массѣ нѣмцевъ, ни той демократической грубости, какая замѣтна въ швейцарцахъ. Ихъ живость имѣетъ какую-то свою грацію, доказывающую эстетическое превосходство этой расы.

Я прожилъ въ Булони около трехъ недѣль. Тамъ въ небольшомъ городѣ тѣснится много людей, не могущихъ похвастаться особеннымъ образованіемъ: это торговцы, рабочіе, матросы, рыбаки. Можетъ быть, то была случайность, но во все время моего пребыванія тамъ не произошло ни одной суматохи въ самыхъ людныхъ мѣстахъ, ссоры, шума и т. п. Все дѣлается у нихъ живо, быстро и никакой толкотни или замѣшательства. Я заходилъ часто въ таверну Мартена или, какъ мы его прозвали съ Г***,—Мартыныча. Тамъ, между прочимъ, собираются и люди простаго званія. Они тамъ пьютъ, ѣдятъ, курятъ, читаютъ газеты, но все это совершенно прилично. Пьяныхъ я видѣлъ всего только разъ—двухъ мастеровыхъ. Солдаты—люди молодые, бравые, развязные, но тоже показались мнѣ скромными для своего званія. Смотря на нихъ такъ, со стороны и въ спокойное время, трудно себѣ представить, что французы—это люди, надѣлавшіе столько революцій.

3 (15). Суббота. Маленькая непріятность по части житейскихъ дѣлъ. По рекомендаціи одной француженки, въ свою очередь рекомендованной намъ однимъ русскимъ, мы заказали портному пальто для меня за 150 франковъ (35 рублей). Сегодня онъ принесъ его. Не разсмотрѣвъ хорошенько, мы заплатили за него деньги, но тутъ-же замѣтили на немъ пятна, какъ будто оно было чѣмъ-то облито или запачкано. Показали портному. Онъ очень развязно объявилъ, что такъ всегда бываетъ отъ смочки сукна, и что стоитъ мнѣ только надѣть сегодня пальто и поносить его часа два, какъ всѣ пятна исчезнутъ. Вотъ я ходилъ въ моей обновкѣ съ десяти часовъ утра до вечера, а пятна и не думаютъ исчезать. Очевидно, что портной насъ надулъ, поставивъ залежалый матеріалъ. Теперь дѣла не поправишь: деньги заплачены. Надо помириться съ потерею 35-ти рублей.

Но у меня могли-бы украсть и гораздо больше, всего меня обокрасть. Этимъ и надо утѣшиться. Видно моему попорченному тѣлу прилично и платье носить испорченное.

Три дѣйствія моей лечебной драмы исполнены: киссингенскія воды, швейцарскій отдыхъ и морское купанье; остается четвертое и послѣднее: совѣщаніе съ Вальтеромъ въ Дрезденѣ. Кажется, и съ тѣломъ моимъ происходитъ такое-же надувательство, какъ и съ пальто. долженствующимъ его прикрывать. Медицина не отстаетъ отъ портняжнаго искусства въ способности обманывать.

А конецъ концевъ тотъ, что я возвращаюсь домой все-таки больнымъ. Нечѣмъ мнѣ порадовать мою семью. Выходитъ, что жизнь моя парализована, на долго-ли—Богу одному извѣстно. А изъ всего этого слѣдуетъ, что я крѣпче, чѣмъ когда-либо долженъ держаться своего девиза: терпѣніе и мужество.

5 (17). Понедѣльникъ. Бродилъ по Итальянскому бульвару. Все то-же: толпа и магазины. Побылъ немножко въ Пале-Роялѣ. И тамъ все то-же: подъ арками торгуютъ, подъ деревьями рѣзвятся дѣти и сплетничаютъ няньки. Днемъ Пале-Рояль вообще бѣденъ посѣтителями; онъ, кажется, тогда поступаетъ почти въ исключительное владѣніе дѣтей и нянекъ. Лишь изрѣдка попадается какой-нибудь праздный человѣкъ, который бродитъ подъ арками и заглядываетъ въ окна магазиновъ, или въ небрежной позѣ сидитъ на скамьѣ и читаетъ, или дремлетъ надъ газетой.

6 (18). Вторникъ. Бродилъ по набережной Сены, останавливаясь передъ выставками гравюръ и старыхъ книгъ. Осматривали церковь св. Клотильды за Сенъ-Жерменскимъ предмѣстьемъ; ѣздили въ Père Lachaise, но все это довольно вяло, чему, можетъ быть, способствовалъ и сумрачный день.

Наполеонъ царствуетъ съ полнымъ авторитетомъ самодержавнаго государя: на уста французовъ онъ наложилъ печать молчанія; мысли ихъ предписалъ границы; дѣятельности ихъ указалъ матеріальныя цѣли, а изъ всѣхъ атрибутовъ свободы оставилъ имъ только одно трехцвѣтное знамя.

Французскій народъ едва-ли способенъ возвыситься до истиннаго нравственнаго достоинства. Онъ мало уважаетъ то, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ его интересамъ и страстямъ. Онъ любитъ шумъ, блескъ, гоняется за отличіями

чести и славы, но, кажется, лишенъ чутья къ тому доброму и доблестному, которое хорошо само по себѣ и которое за это именно должно быть уважаемо человѣкомъ.

Французы пріобрѣли всемірную извѣстность своею любезностью и вѣжливостью. Но они могутъ быть ужасно невѣжливы и грубы, какъ скоро не чувствуютъ необходимости или расположенія быть вѣжливыми и любезными. Говоря извѣстныя учтивыя слова, расточая улыбки, они гораздо болѣе слѣдуютъ привычкѣ, чѣмъ благородному гуманному стремленію не дѣлать и не говорить ничего такого другимъ, что могло-бы быть имъ непріятно или огорчить ихъ. Французъ по природѣ своей сухъ и фальшивъ. Онъ искрененъ только въ своихъ усиліяхъ выказать свое превосходство и когда бросается въ наружный блескъ.

Но надо отдать справедливость французскому народу: онъ одаренъ удивительно привлекательною внѣшностью. Французы очень хороши въ извѣстномъ разстояніи—издали. Но очарованіе исчезаетъ, какъ скоро вы подходите къ нимъ ближе и начинаете всматриваться въ ихъ физіономію. Съ удивленіемъ и нѣкоторымъ ужасомъ вы видите тогда, вмѣсто яркихъ пріятныхъ чертъ, плѣнявшихъ васъ издали—маску, жалкую поддѣлку подъ жизнь.

8 (20). Четвергъ. Въ семь часовъ утра, выѣхали мы изъ Парижа на Кёльнъ. До Компьена все лѣса и самъ Компьенъ тоже тонетъ въ нихъ. Почва ровная, лишь мѣстами слегка волнистая. Населеніе довольно жидкое; деревень встрѣчается мало. Вотъ и Намюръ. Здѣсь разносчикъ газетъ прокричалъ о разбитіи пьемонцами генерала Ламорисьера. Я встрепенулся и поспѣшилъ купить нумеръ „Indépendance Belge“, въ которомъ помѣщено это извѣстіе.

Все пространство отъ Намюра до Вервье очень красиво. Съ переѣздомъ въ Бельгію мѣстность немедленно дѣлается гористою. По обѣимъ сторонамъ тянется цѣпь невысокихъ, но чрезвычайно живописныхъ горъ. Мы ѣхали очаровательною долиною, которая причудливо извивается по берегу рѣки. Мимо мелькаютъ рощи, рощицы, группы деревъ, аллеи,—это одинъ нескончаемый паркъ. Но у этого парка своя поразительная особенность: онъ до такой степени заселенъ, что все пространство отъ Намюра до Вервье представляетъ какъ-бы одну непрерывную улицу фабрикъ и жилищъ—улицу оригинальную, извилистую, не правильную, а рас-

кидывающуюся въ разныхъ направленіяхъ, то группами зданій, то цѣлыми селеніями и городами. Вездѣ кипитъ промышленная и фабричная дѣятельность, которая какимъ-то чудеснымъ образомъ сливается здѣсь съ нетронутыми искусствомъ красотами природы и производитъ на путешественника очень пріятное впечатлѣніе. Это Бельгія. Вездѣ довольство и трудъ. Деревни и города смотрятъ весело, точно улыбаются и говорятъ: „въ насъ дружно обитаютъ свобода и благосостояніе“. Какая разница съ наполеоновскою Франціею! По крайней мѣрѣ, все это мнѣ такъ показалось изъ окна моего вагона.

Промелькнулъ мимо Льежъ; перемѣна вагоновъ въ Вервье; Ахенъ. Послѣдній—большой городъ, какъ-то неправильно раскинувшійся среди весьма живописнаго мѣстоположенія.

Наконецъ, вотъ и Кёльнъ. Здѣсь прусская таможня. Но мы раздѣлались съ ней очень просто. Одинъ изъ таможенныхъ служителей объявилъ намъ безъ церемоніи, что если мы дадимъ хорошій тринкгельдъ, то дѣло у насъ сладится въ минуту безъ всякихъ хлопотъ. У насъ не случилось монеты меньше десяти франковъ и, чтобы не терять времени и избѣжать всякой суматохи, мы рѣшились ими пожертвовать. Дѣло, въ самомъ дѣлѣ, было кончено въ минуту. У насъ только спросили: не имѣемъ-ли мы чего запрещеннаго въ сундукѣ? И даже не открыли его. Сверхъ того, таможенные уже взяли на себя и всѣ распоряженія относительно перемѣщенія нашего багажа изъ таможни въ вагоны на завтрашній поѣздъ, такъ что мы уже не имѣли никакихъ заботъ и немедленно отправились въ гостинницу Голландеръ, на берегу Рейна. Мы рѣшились въ Кёльнѣ переночевать; намъ хотѣлось осмотрѣть городъ, особенно знаменитый соборъ, и мы положили остаться тутъ до слѣдующаго вечерняго поѣзда. Намъ отвели хорошо убранную, но очень низенькую комнату, окнами на Рейнъ.

9 (21). Пятница. Утромъ, взявъ комиссіонера (за $2^1/_2$ франка на четыре часа), мы сѣли въ фіакръ и отправились обозрѣвать городъ. Разумѣется, мы прежде всего поѣхали къ собору. Онъ дѣйствительно одно изъ чудесъ искусства и по справедливости считается великолѣпнѣйшимъ памятникомъ готической архитектуры. Его грандіозные размѣры, легкость, съ какою онъ стремится вверхъ, и неподражаемая отдѣлка во всѣхъ мель-

чайшихъ подробностяхъ, точно кружевныхъ орнаментовъ — все это изумительно изящно, величественно, тонко. Внутренность церкви вполнѣ соотвѣтствуетъ ея внѣшности. Мы обошли ее во всѣхъ направленіяхъ. Замѣчательны гробницы архіепископовъ и перваго изъ нихъ, основателя собора. Любопытные по своей древности барельефы (XI и XII вѣковъ) съ нѣкоторыхъ изъ нихъ сорваны французами, и гробницы эти такъ и остаются обнаженными. Въ готическихъ окнахъ разноцвѣтныя стекла, украшенныя старинною живописью: на лѣвой сторонѣ церкви она вся принадлежитъ знаменитому Альбрехту Дюреру.

Церковь еще не достроена. Ее продолжаютъ воздвигать или, вѣрнѣе, отдѣлывать по первоначальнымъ рисункамъ, но намъ говорили, что она вполнѣ будетъ окончена еще не прежде, какъ черезъ восемнадцать лѣтъ. Мы видѣли около наваленныя громады камней; изъ нихъ нѣкоторые уже обдѣланы для орнаментовъ и превосходно выполированы.

Изъ собора мы поѣхали въ церковь Св. Петра взглянуть на картину Рубенса, изображающую пригвожденіе къ кресту Св. Петра. Картина эта одно изъ лучшихъ произведеній Рубенса. Предсмертныя муки на лицѣ Петра, движеніе мускуловъ и выраженіе на лицахъ палачей изумительны по живости и вѣрности природѣ. Картина эта тоже была взята французами, но, по заключеніи мира, возвращена. Тутъ-же копія съ нея, какъ-бы въ доказательство того, какъ подражанія геніальнымъ произведеніямъ могутъ быть ниже своихъ образцовъ.

Далѣе, мы поѣхали по городу, къ Рейну и т. д. Но кромѣ собора и этой картины Рубенса, въ Кёльнѣ рѣшительно нѣтъ ничего замѣчательнаго. Это одинъ изъ скучнѣйшихъ, да пожалуй и грязнѣйшихъ городовъ въ Европѣ или, по крайней мѣрѣ, въ Германіи. Въ немъ даже нѣтъ тротуаровъ и ни одной порядочной улицы; нѣтъ мѣста для прогулокъ, ни сада публичнаго, ни театра. Театръ когда-то былъ, да сгорѣлъ, и теперь никто не думаетъ объ его возобновленіи. Словомъ, это ультра-нѣмецкій городъ, крайность безвкусія и равнодушія ко всему, кромѣ денегъ и торговыхъ разсчетовъ. Даже благородный, величественный Рейнъ, добѣжавъ до Кёльна, принимаетъ какой-то пошло дѣловитый видъ и лежитъ въ плоскихъ неопрятныхъ берегахъ. Его ярко изумрудный цвѣтъ превращается здѣсь въ какой-то мутный, грязный.

Возвратясь въ гостинницу, мы не знали какъ убить остальное время до семи часовъ вечера, когда отходитъ поѣздъ въ Дрезденъ; у насъ оставалось на рукахъ еще часовъ пять. Я радъ былъ даже обѣду въ часъ: все-таки хоть какое-нибудь занятіе; впрочемъ, обѣдъ былъ очень хорошъ и недорогъ. Наконецъ, мы дождались шести часовъ и бросились на желѣзную дорогу. Въ 20 минутъ восьмаго мы, наконецъ, пустились въ путь, очень довольные, что разстались съ непріютнымъ Кёльномъ, и пріятно волнуемые ожиданіемъ предстоящаго соединенія съ дѣтьми. Мы взяли, однако, съ Кёльна дань—разумѣется, за свои деньги—купили видъ собора, да склянку знаменитаго одеколона.

10 (22). Суббота. Ночью проѣхали и Дюссельдорфъ и Ганноверъ, не видавъ ихъ. Въ пять часовъ утра въ Магдебургѣ мѣняли вагоны. Отсюда до Лейпцига гладкая, безпредѣльная равнина. Отъ Лейпцига до Дрездена уже рукой подать. И дѣйствительно, вотъ онъ, Дрезденъ! На станціи насъ ожидали мои милыя дѣти и И. А Г. также. Радость и восторги неописанные. Мы были въ разлукѣ три мѣсяца и десять дней. Такой продолжительной разлуки ни я, ни дѣти мои еще никогда не испытывали. Благодаря Бога, я нашелъ ихъ здоровыми и веселыми. Мы уже всѣ вмѣстѣ примчались въ Прагерштрассе.

14 (26). Среда. Въ Дрезденѣ я стараюсь жить по возможности беззаботно, и еще хоть въ теченіи нѣсколькихъ дней не думать объ ожидающихъ меня въ Петербургѣ всяческихъ заботахъ и трудахъ. Да и погода сильно къ тому располагаетъ. Дни свѣтлые, теплые, какихъ вообще не много въ нынѣшній годъ выпало на нашу долю заграницей. Усердно гуляемъ то въ Гросгартенѣ. то на Брюлевской террасѣ; то я безцѣльно брожу по городу съ И. А. Г., который продолжаетъ неистово заниматься покупками—въ настоящее время особенно сигаръ и стереоскопныхъ картинокъ съ видами. Сегодня были, между прочимъ, въ звѣринцѣ, который, впрочемъ, очень малъ. Оттуда, по мосту, перешли черезъ Эльбу, обогнули Японскій садъ и вернулись по другому мосту. Уже смеркалось. Луна сіяла во всемъ своемъ блескѣ и видъ съ мостовъ на Дрезденъ былъ прекрасенъ.

15 (27). Четвергъ. Писалъ въ Варшаву къ тамошнему начальнику мальпостнаго движенія между Варшавой и Петербургомъ Ѳ. Ѳ. Коберзскому о заготовленіи намъ мѣстъ.

Въ каталогѣ человѣческихъ бѣдствій, который, какъ извѣстно, толстъ не меньше нашего академическаго словаря, право не послѣднее мѣсто должно быть отведено толчкамъ въ голову, продолжающимъ меня преслѣдовать по ночамъ. А въ самомъ дѣлѣ, любопытно-бы составить словарь человѣческихъ бѣдствій. Вѣдь сюда, чего добраго, пожалуй вошли-бы такія слова, какъ, напримѣръ: другъ, проекты, то есть проекты о доставленіи человѣческому роду всевозможныхъ благъ, и т. д.

16 (28). Пятница. Теперь, когда я приближаюсь къ аренѣ моей дѣятельности, къ отечеству, въ душѣ моей возстаютъ вопросы, одинъ другаго важнѣе, о характерѣ и способахъ этой дѣятельности. По настроенію моихъ нравственныхъ силъ, по основнымъ принципамъ моимъ, по тому, чѣмъ я обязанъ обществу и самому себѣ—я не могу дѣйствовать иначе, какъ съ достоинствомъ и энергіей. Наша эпоха, какъ и всякая другая, впрочемъ, возлагаетъ на каждаго честнаго человѣка, на дѣятеля, и долгъ и отвѣтственность. Кто не чувствуетъ себя существомъ совсѣмъ ничтожнымъ, тотъ долженъ стараться выполнить ея требованія. Но не измѣнятъ-ли мнѣ мои физическія силы? Сомнѣнія терзаютъ меня.

Университетскія лекціи, публичныя лекціи о Пушкинѣ, работы по главному управленію цензуры. Надо также что-нибудь бросить и въ академическую кошницу, пустота которой давно уже поднимаетъ на насъ справедливыя жалобы.

Вечеромъ Гончаровъ читалъ мнѣ новую, написанную имъ въ Дрезденѣ, главу своего романа. Онъ передъ тѣмъ уже читалъ мнѣ кое-что изъ него. Мѣста, мнѣ прочитанныя до сихъ поръ, очень хороши. Главная черта его таланта—это искусная тушевка, умѣнье оттѣнять вѣрно каждую подробность, давать ей значеніе, соотвѣтственное характеру всей картины. Притомъ, у него особенная мягкость кисти и языкъ легкій, гибкій. Въ новой, сегодня читанной главѣ, начинаетъ развертываться характеръ Вѣры. На этотъ разъ я остался не безусловно доволенъ. Мнѣ показалось, что характеръ этотъ созданъ на воздухѣ, гдѣ-то въ другой атмосферѣ, и принесенъ на свѣтъ сюда къ намъ, а не выдвинутъ здѣсь-же изъ нашей почвы, на которой мы живемъ и движемся. Между тѣмъ, на него потрачено много изящнаго. Онъ блестящъ и ярокъ. Я тутъ-же подѣлился съ авторомъ моимъ мнѣніемъ и сомнѣніемъ.

17 (29). Суббота. Странное противорѣчіе въ вещахъ человѣческихъ! Счастіемъ мы рѣдко обязаны самимъ себѣ, но несчастій нашихъ мы всегда строители сами. Что ни дѣлай для перваго, рѣдко удается намъ достигнуть цѣли, но второе получается легко, часто вовсе незамѣтными ошибками, крайностями, увлеченіями.

Располагаться въ жизни и на землѣ слишкомъ широко и осѣдло, съ различными предосторожностями и заботами объ упроченіи своего положенія и доли, право, нелѣпо и смѣшно.

Разбирая строго, но правдиво свою жизнь, я нахожу, что наслаждался очень мало и также мало сдѣлалъ хорошаго. Первому препятствовали обстоятельства, собственное неблагоразуміе и необузданное стремленіе къ какому-то недосягаемому идеалу, препятствовавшее мнѣ всегда сознавать цѣну настоящаго и парализовавшее во мнѣ самую способность наслаждаться, а второму— несовершенства и недостатки моей воли.

Во мнѣ, однако, есть какая-то упругость, благодаря которой во мнѣ крѣпко держатся одинъ разъ укоренившіеся во мнѣ вѣрованія, убѣжденія, взгляды на вещи, не смотря на скептическія колебанія моего ума и недостатки моей воли.

Познай самого себя—какая это безконечная наука! Равная ей по своей нескончаемости — наука усовершенствованія самого себя.

Постоянный контроль надъ самимъ собой имѣетъ свою выгоду и невыгоду—выгоду ту, что мѣшаетъ укорененію и осуществленію многаго дурнаго; невыгоду ту, что держитъ волю въ постоянномъ колебаніи и нерѣшительности, дѣлаетъ насъ мнительными и ослабляетъ способность быстрыхъ, энергическихъ рѣшеній и дѣлъ.

Всѣ люди, изъ какихъ-бы расъ они ни происходили, подъ какими-бы законами жизни, какою-бы исторіею ни были воспитаны, одинаково расположены къ эгоизму; различаются-же они способностью страстей. Отъ того происходитъ, что эгоизмъ однихъ мѣряется разсчетливостью и благоразуміемъ, другихъ—прямѣе открытѣе идетъ къ цѣли. Тамъ хладнокровіе и умѣренность, здѣсь пылкость и крайности....

Неохотно я разстаюсь съ Дрезденомъ. Мнѣ хотѣлось-бы въ немъ провести еще нѣсколько дней въ беззаботномъ отдыхѣ,

котораго я не много имѣлъ въ моихъ безпрестанныхъ переѣздахъ въ погонѣ за здоровьемъ, постоянно отъ меня убѣгавшимъ. Слокомъ, мнѣ хотѣлось-бы допить послѣднія капли немногихъ ясныхъ и петревожныхъ минутъ — ну, да надо ѣхать! А вѣдь въ Варшавѣ, пожалуй, придется проскучать недѣлю, можетъ быть и больше, вслѣдствіе трудности, съ какою получаются мѣста въ мальпостѣ.

18 (30). Воскресенье. Пришло письмо отъ Кобержскаго, начальника мальпостовъ варшавскихъ. Онъ увѣдомляетъ меня, что мѣста въ экипажахъ до Острова могутъ быть для насъ готовы не прежде пятаго октября. Итакъ, пришлось-бы недѣли двѣ сидѣть въ Варшавѣ. Мы рѣшаемся лучше провести это время въ Дрезденѣ, гдѣ жизнь дешевле и пріятнѣе. Пришелъ Г. Онъ сегодня ѣдетъ и обѣщаетъ еще переговорить съ Кобержскимъ, а о послѣдствіяхъ меня увѣдомить.

21 сентября (3 октября). Среда. Истинно благородное сердце, ясный, высокій умъ, истинная честность, истинное просвѣщеніе, чуждое предразсудковъ, но не чуждающееся благихъ, возвышающихъ душу, вѣрованій,—вездѣ составляютъ исключеніе.

Погода мѣняется. Холодный вѣтеръ, сумрачно. Но видъ полей, по которымъ я сегодня много бродилъ, еще сохраняетъ слѣды роскошнаго плодоноснаго лѣта.

Однако, меня начинаетъ сильно позывать къ работѣ. Да и совѣстно уже становится, что я такъ долго ничѣмъ не занимался. Заботы о здоровьѣ поглощали исключительно мое время. Теперь хотѣлось-бы вознаградить потерянное, но благоразуміе и медицина велятъ трудиться осторожнѣе.

Обдумываю публичныя лекціи о Пушкинѣ и бросаю на бумагу разныя замѣтки и главныя черты плана.

О великихъ дѣятеляхъ въ обществѣ, какъ о великихъ явленіяхъ природы, никогда нельзя сказать, что они изучены окончательно, и что, разъ описавъ, объяснивъ ихъ, уже возвращаться къ нимъ не для чего. Богатство въ нихъ жизни таково, что понять, объяснить, опредѣлить ихъ сразу нѣтъ никакой возможности; значеніе и дѣйствіе ихъ къ тому-же никогда не раскрываются вдругъ. Они, какъ все живое, одарены способностью развиваться и развивать заключающееся въ нихъ содержаніе, такъ

что то, что вы узнали въ нихъ сегодня, часто служитъ только предисловіемъ или указаніемъ того, что узнаете завтра или позднѣе.

24 (6) суббота. Какихъ послѣдствій отъ жизни хочешь ты серьезнѣе тѣхъ, какія есть? Цѣль жизни не есть-ли самая жизнь? Какое дѣло природѣ до того, живешь-ли ты, живутъ-ли или будутъ жить Иванъ и Сидоръ, жукъ или слонъ—лишь-бы потокъ жизни не изсякалъ и не прерывался.

28 сентября (10 октября). Среда. Дождь, холодъ. Вѣтеръ сегодня, вооруженный ножами, такъ и ходитъ по улицамъ и рѣжетъ людей. Въ комнатахъ страшно холодно, а топить—боимся угара. Печи у нѣмцевъ устроены не по нашему: онѣ не способны ни дать, ни удержать тепла. Это нѣчто въ родѣ чортъ знаетъ чего. Безтолковые нѣмцы, написавшіе тысячи умныхъ и глупыхъ книгъ, не постигли премудрости, какъ зимой согрѣвать свои жилища. У нихъ нѣтъ вьюшекъ въ печахъ, да и самыя печи устроены, кажется, такъ, чтобы служить только пугаломъ холоду, а не серьезно съ нимъ бороться и его изгонять. Безтолковые нѣмцы!

Я читаю переводъ Библіи, издаваемый въ Лондонѣ, и котораго до сихъ поръ вышло еще только одно Пятикнижіе. Подъ переводомъ подписано имя Вадима, и онъ печатается въ Герценовской типографіи. Переводъ дѣлается съ еврейскаго подлинника, при пособіи перевода на англійскій языкъ еврея, доктора Бениша. Буквальная точность — главная задача переводчика. Поэтому переводъ является освобожденнымъ отъ всякой славянской высокопарности и темноты. Онъ читается, какъ Гомерова Иліада. Не знаю, какое дѣйствіе произвелъ-бы онъ въ Россіи своей патріархальной простотой и разговорнымъ житейскимъ тономъ. Думаю, однако, что идея о Божественности и классическомъ величіи Библіи сильно поколебалась-бы. Въ сущности, это есть исторія и законодательство народа, управляемаго теократіей, и въ этомъ смыслѣ Библія понятна и естественна. Но божественный характеръ ея плохо вяжется съ нашими христіанскими понятіями. Богъ тутъ является въ слишкомъ человѣческомъ и страстномъ видѣ. Моисей (или Моше), конечно, имѣлъ причины представить его такимъ для евреевъ: они нуждались въ правителѣ строгомъ, всегда готовомъ на казни, не щадившемъ никого и ничего въ порывахъ гнѣва—и Богъ дѣйствительно, по Моисею,

былъ для нихъ такимъ правителемъ. Но мы, христіане, не можемъ понять такого Бога и въ такомъ правителѣ не имѣемъ нужды.

Хотѣлъ было прогуляться по городу, но подлецъ нѣмецкій вѣтеръ по прежнему ходитъ по улицамъ съ ножами и пыряетъ ими въ усъ и въ рыло, говоря краснорѣчивой русской поговоркой. Зашелъ къ прелестной кондитершѣ и взялъ у нея для дѣтей разнаго сладкаго хлама. Въ самомъ дѣлѣ, эта кондитерша красавица. Достанься это чудное личико француженкѣ, что-бы она съ нимъ надѣлала! А эта нѣмка неподвижно стоитъ себѣ у прилавка и только невозмутимо опускаетъ себѣ въ карманъ ваши зильбергроши.

29 сентября (11 октября). Четвергъ. Сегодня открытіе памятника Веберу на театральной площади. Жаль, что скверная погода—холодъ и дождь. Открытіе состоится въ десять часовъ.

Всякій живетъ своей мѣрой мыслей, знаній, вѣрованій, чувствъ и убѣжденій. Кто богаче ими, тотъ живетъ лучше. У каждаго есть свой источникъ, изъ котораго онъ можетъ добывать всѣ эти сокровища.

Литература воспитываетъ поколѣніе, и потому писатели должны помнить, что на нихъ лежитъ отвѣтственность въ томъ, сколько они могутъ внушить ему добрыхъ стремленій и благородныхъ чувствъ, и сколько могутъ ослабить или укрѣпить въ немъ все честное, вмѣстѣ съ образованіемъ эстетическаго чувства.

Ошибка литературныхъ критиковъ и историковъ въ томъ, что они смотрятъ на литературу односторонне. Они видятъ въ ней силу или возвышающуюся надъ обществомъ и притягивающую его къ себѣ, или исключительно преданную общественнымъ интересамъ и зависящую отъ нихъ. Поэтому, одни впадаютъ въ отвлеченный и мечтательный идеализмъ, другіе въ крайній реализмъ. Между тѣмъ, у литературы двоякое призваніе: она въ одно и то-же время служитъ и идеаламъ, и дѣйствительности. Тѣ только произведенія вполнѣ соотвѣтствуютъ истинному назначенію литературы, въ которыхъ идеальное не противно дѣйствительному, и дѣйствительное не уничтожаетъ идеальнаго. Таковы у насъ произведенія Пушкина.

Всякій писатель, сильно дѣйствовавшій на свое общество, пробуждаетъ въ немъ или утверждаетъ и извѣстные нравствен-

ные и соціальные принципы, открываетъ новые виды умственной дѣятельности, склоняетъ умъ и сердце къ извѣстнаго рода понятіямъ, убѣжденіямъ. Этимъ отличается писатель-дѣятель отъ писателя съ обыкновеннымъ художественнымъ смысломъ, который изящными образами и картинами доставляетъ пищу одному только эстетическому чувству.

За Пушкинымъ мы признаемъ два значенія: 1) значеніе какъ художника, образователя эстетическаго чувства въ своемъ обществѣ, и 2) какъ общественнаго дѣятеля, развивавшаго въ обществѣ извѣстные нравственные принципы, склонявшаго общество къ извѣстнымъ задачамъ и вопросамъ жизни, дававшаго направленіе мыслямъ и чувствамъ своего поколѣнія.

Прежде у насъ какъ-бы играли въ высшіе интересы жизни. Передъ умами мелькали высшіе идеалы, но они не подвергались анализу и ихъ не сближали съ жизнью. Они и въ литературѣ, и въ дѣйствительности оставались отвлеченными въ области фантазіи. Пушкинъ первый смотритъ на нихъ съ серьезной стороны, первый учитъ сочетать лучшія стремленія духа, идеалы, съ дѣйствительностью на почвѣ нашей общественной и исторической жизни.

Въ послѣднее время Пушкину ставили въ укоръ, что онъ лишенъ соціальнаго значенія. Я глубоко уважаю то соціальное направленіе, о которомъ такъ много заботится наша современная литература. Я вполнѣ признаю въ ней дѣятеля въ этомъ смыслѣ и слишкомъ далекъ отъ того, чтобы навязывать ей исключительно такъ называемый художественный характеръ. Но понятію: соціальный — я даю болѣе широкое значеніе, чѣмъ въ послѣднее время принято ему давать. Я вижу въ немъ не только текущіе общественные интересы, какъ-бы они ни были важны, не только указаніе на текущія нужды, на разные недуги и злоупотребленія, но и все, что заключается въ основныхъ вѣрованіяхъ и стремленіяхъ народнаго духа, все, что входитъ въ цѣли и способы его развитія, словомъ—весь нравственный порядокъ вещей (всю сферу понятій) эпохи. Такимъ образомъ, мы считаемъ писателемъ соціальнымъ не только того, который намъ указываетъ на разладицу общественныхъ нравовъ и общественной жизни съ идеаломъ человѣчности и народности, но и того, который эти идеалы возвышаетъ, очищая ихъ отъ всѣхъ временныхъ иска-

женій и извращеній. Дѣло только въ томъ, чтобы этотъ послѣдній не выставлялъ намъ идеаловъ отвлеченныхъ или такихъ, которые чужды нашей народности и общественности. Пусть идеалъ его будетъ въ высшей степени человѣченъ, но пусть онъ въ то-же время вращается въ сферѣ нашихъ національныхъ и общественныхъ понятій; пусть между нимъ и этими послѣдними существуетъ связь, хотя-бы то основанная на темныхъ гаданіяхъ только или предчувствіяхъ людей, на стремленіи ихъ къ лучшему или даже не лучшему, а извѣстному, опредѣленному міросозерцанію.

Въ Пушкинѣ мы это находимъ, и потому вполнѣ считаемъ его писателемъ соціальнымъ.

Надо только, чтобы писатель такого рода имѣлъ достаточно генія или таланта, чтобы быть въ состояніи предчувствія, гаданія, стремленія общественныя облечь въ образы вѣрные, живые, могущіе неотразимо дѣйствовать на общество. Это послѣднее уже зависитъ, конечно, отъ степени его эстетическаго или художественнаго дарованія. А у Пушкина оно было велико.

30 сентября (12 октября). Пятница. Отправляемся сегодня въ Россію черезъ Бреславль и Варшаву, въ одиннадцать часовъ вечера, то есть съ ночнымъ поѣздомъ.

Въ полдень ходилъ смотрѣть памятникъ Вебера, открытый третьяго дня. Въ этотъ день готовилось большое торжество, но оно сократилось по причинѣ дурной погоды. Памятникъ не грандіозенъ, но очень хорошъ. Это бронзовая статуя Вебера на гранитномъ пьедесталѣ. Онъ стоитъ опершись локтемъ одной руки на ноты, которыя поддерживаетъ муза, а въ другой рукѣ держитъ лавровую вѣтвь. Поза его благородна и проста. На лицѣ выражено вниманіе: онъ какъ будто прислушивается къ какой-то гармоніи. Отдѣлка памятника отчетлива и изящна; пьедесталъ отшлифованъ превосходно; драпировка легка. На пьедесталѣ простая надпись: Карлъ-Марія Веберъ. Мнѣ очень хотѣлось быть на торжествѣ открытія, но въ этотъ день былъ такой холодъ съ пронзительнымъ вѣтромъ и дождемъ, что я побоялся довѣрить ему мое бѣдное тѣло и лишился нѣсколькихъ пріятныхъ впечатлѣній.

Не выходятъ у меня изъ головы французы, какими я ихъ видѣлъ теперь, подъ режимомъ Наполеона III. Они какъ-бы созданы для того, чтобы любить и дѣлать зрѣлища—они созданы

для спектакля. Они играютъ въ чувства, въ правила, въ честь, въ революціи. И надо отдать имъ справедливость, все, что относится къ представленію, у нихъ превосходно: знаніе ролей, мимика, декламація, декораціи, вся обстановка. Въ нихъ, если можно такъ сказать, нѣтъ того, чтобы быть, но природа одарила ихъ богатыми средствами для того, чтобы казаться и производить эффектъ: воинъ, заговорщикъ, любовникъ, фанатикъ, либералъ, рабъ — все это является у нихъ на сценѣ, все это роли, выполненныя съ блескомъ и искусствомъ. Они обладаютъ такимъ умѣньемъ переселяться въ каждое лицо, усвоивать себѣ, по крайней мѣрѣ, наружныя свойства его, что нерѣдко обманываютъ неопытныхъ. Съ перваго взгляда ихъ, пожалуй, и примешь не за актеровъ, а за настоящихъ людей, но пойдите за кулисы, всмотритесь поближе: вы во всемъ увидите румяна, мишуру, гримировку.

Французы своими революціями окончательно достигли того, къ чему влекли ихъ національные инстинкты—они достигли равенства. Далѣе они не пойдутъ. Свобода, о которой мечтали ихъ утописты, не по нимъ и не для нихъ. Они могутъ снести какое угодно угнетеніе, лишь-бы они были угнетены всѣ одинаково и никто не былъ изъятъ изъ общаго порядка вещей, никто не стоялъ выше другаго. Прочная республика врядъ-ли возможна во Франціи уже потому одному, что она даетъ возможность выдвинуться впередъ таланту и уму; что она допускаетъ извѣстныя личности до превосходства, недоступнаго для другихъ. Они не хотѣли-бы никакого олицетворенія власти—не потому, что власть сама по себѣ имъ ненавистна, но потому, что она украшается и возвеличивается ненавистными аттрибутами личнаго превосходства. Но какъ совсѣмъ безъ власти жить нельзя, то они охотно съ нею примиряются, лишь-бы она была сосредоточена и поставлена такъ высоко, что уравняться съ ней ни для кого нѣтъ никакой возможности. Таковы, по крайней мѣрѣ, французы настоящей эпохи. Наполеонъ III постигъ это вполнѣ. Онъ одинъ, и совершенно одинъ, стоитъ на уединенной высотѣ, не какъ французскій гражданинъ, не какъ членъ общества, а какъ ни для кого недоступное могущество, олицетворенное человѣческимъ именемъ. Онъ ни съ кѣмъ не раздѣляетъ своей власти, но покажи только, что раздѣляетъ—обаяніе его мгновенно исчезнетъ.

Французы неспособны также никому дать надъ собой власти безъ того, чтобы не пожелать скоро взять ее назадъ. Но кто самъ возьметъ эту власть и съумѣетъ поддержать ее, бросая имъ пыль въ глаза, тому они повинуются безпрекословно.

Октябрь 1 (13). Суббота. Вчера, въ одиннадцать часовъ вечера, выѣхали мы изъ Дрездена, а сегодня въ полдень были на таможнѣ въ Сосновицахъ. Тутъ съ нами обошлись учтиво, безъ всякихъ придирокъ. Но когда мы въ десять часовъ вечера прибыли въ Варшаву, тамъ опять хотѣли насъ осматривать. Когда-же я спросилъ у чиновника, занимавшагося пріемомъ паспортовъ, законно-ли это, онъ приказалъ оставить и насъ и другихъ пассажировъ въ покоѣ. Явился комиссіонеръ изъ отеля „Европа", куда мы скоро и прибыли въ омнибусѣ.

2 (14). Воскресенье. День тихій и свѣтлый. Гулялъ въ Саксонскомъ саду, который невеликъ, но для городскаго сада хорошъ. Заходилъ справиться о мѣстахъ въ мальпостѣ: они будутъ для меня готовы въ четвергъ.

Каждый городъ, селеніе, мѣстность, какъ человѣкъ, имѣетъ въ общемъ своемъ видѣ свою физіономію, эту неуловимую особенность, которая возбуждаетъ въ наблюдателѣ извѣстнаго рода впечатлѣніе. Варшава, по крайней мѣрѣ, на меня, не производитъ пріятнаго впечатлѣнія. Она вообще какъ-то грязна и жестка... Площадь противъ Саксонскаго сада могла-бы быть хороша, если-бы ее не портили зданія безобразнаго и мрачнаго вида—съ одной стороны гауптвахта, съ другой—конюшни и казармы. Но всего некрасивѣе памятникъ посреди нея... Между тѣмъ, собственно польская физіономія города не лишена интереса. Тутъ слѣды исторіи, свидѣтельствующіе о самобытной жизни народа. Народонаселеніе въ массѣ представляетъ черты оригинальности и не лишено граціи своего рода. Въ лицахъ, въ движеніяхъ много жизни; физіономіи подвижныя и красивыя...

4 (16). Вторникъ. Письмо отъ Г*** уже изъ Петербурга, куда онъ прибылъ 26 сентября. Онъ описываетъ бѣдствія, которыя претерпѣлъ въ дорогѣ, вслѣдствіе всякаго рода лишеній, проистекающихъ изъ нашей всероссійской дикости и неустроенности. Г. предостерегаетъ меня отъ того, чему самъ подвергся.

Человѣчеству въ теченіи вѣковъ удалось сдѣлать много за-

служивающаго удивленія. Но каждый человѣкъ въ отдѣльности чрезвычайно мелокъ и ничтоженъ. Онъ бываетъ даже очень смѣшонъ, когда гордится своими личными преимуществами, своимъ умомъ, своими знаніями, своими доблестями, забывая, что всѣмъ этимъ онъ обязанъ или случайности природы и судьбы, или наслѣдству, полученному имъ отъ совокупныхъ усилій всего человѣчества.

Заходилъ къ С—вичу и въ разговорѣ съ нимъ узналъ о разныхъ нестроеніяхъ нашей цензуры. Въ „Русскомъ Словѣ“ была напечатана статья о Гоголѣ, въ которой говорится, что тотъ пользовался уваженіемъ публики до тѣхъ поръ, пока не началъ „воскурять ѳиміама Царю небесному и царю земному“. Государь, говорятъ, призывалъ по этому случаю министра, которому сказалъ:

— „Что обо мнѣ говорятъ, я на то не обращаю вниманія. Нельзя всѣми быть любиму — одни любятъ, другіе нѣтъ. Цари земные бываютъ съ ошибками; но о Царѣ небесномъ нельзя такъ отзываться“. Хорошія слова и въ самомъ дѣлѣ жаль, что литература наша говоритъ такія безтактныя вещи. Она не понимаетъ ни своего положенія, ни своей задачи въ настоящую минуту. И ея дѣло не дразнить и не тревожить умы, а руководить ихъ и просвѣщать. Это прекрасная роль и ея нельзя выполнять, неистовымъ образомъ все ругая, какъ это, напримѣръ, теперь дѣлаетъ Герценъ. Герценъ имѣетъ свою неотъемлемую заслугу, но и онъ гораздо лучше сдѣлалъ-бы, еслибъ воздерживался отъ ругательствъ.

Однако, онъ въ другомъ положеніи, чѣмъ всѣ прочіе наши писатели. Онъ открыто взялъ на себя роль не руководителя, а возбудителя..... Герценъ не участвуетъ непосредственно въ дѣлахъ нашихъ. Ему можетъ не быть вовсе дѣла до соблюденія разныхъ условій, которыми не долженъ пренебрегать ни одинъ писатель, если онъ желаетъ успѣшно и благотворно дѣйствовать на общество, гдѣ живетъ.

По моей совѣсти и по моему разумѣнію, надо сдерживать слѣпое стремленіе, вызывающее изъ мрака духа бури, котораго труднѣе остановить въ его разрушительномъ теченіи, чѣмъ вызвать. Я родился, выросъ, возмужалъ и теперь старѣюсь въ отвращеніи и враждѣ ко всякому игу, ко всякому притѣсненію. Личное мое чувство, всѣ привязанности моего сердца на сторонѣ

свободы и права. Но я никогда въ моихъ идеяхъ не игралъ легкомысленно жребіемъ людей для осуществленія какихъ-бы то ни было утопій свободы и права. Я не считалъ и не считаю ихъ возможными безъ опоры закона. Мнѣ извѣстно, какъ и всякому, что блага эти покупаются жертвами, что безъ кризисовъ нельзя обойтись въ переходахъ общества отъ одного порядка вещей къ другому. Но ускорять или возбуждать насильственно эти кризисы—не мое дѣло. Напротивъ, я полагаю, что честный человѣкъ обязанъ смягчать ихъ и содѣйствовать тому, чтобы новый порядокъ вещей состоялся сколь возможно съ меньшими пожертвованіями. Если исторія ничего даромъ не даетъ, то надобно, по крайней мѣрѣ, заплатить за добро, которое она обѣщаетъ, или даетъ, сколь возможно дешевле. Ссорить идеями на счетъ человѣческой крови и мира общественнаго есть великое преступленіе. Тѣ, которымъ суждено быть участниками и дѣятелями въ этой сдѣлкѣ, обязаны быть мудрыми, а не рваться слѣпо къ безднѣ вмѣстѣ съ толпой, которая не думаетъ что она оттуда вынесетъ.

Вечеромъ въ театрѣ. Давали маленькую оперетку и балетъ: Два злодѣя. Балетъ шелъ прекрасно. Вообще эта часть спектакля въ Варшавѣ, кажется, въ цвѣтущемъ состояніи. Но я обманулся, ожидая увидѣть мазурку, настоящую польскую мазурку, полную страсти, бѣшенства и граціи. Мазурку, точно, танцовали, но въ бальныхъ платьяхъ, а не національныхъ костюмахъ, и такъ вяло и безжизненно, какъ бы это было въ петербургскихъ гостинныхъ.

13. Четвергъ. Въ Петербургѣ. Въ четвергъ на прошедшей недѣлѣ, шестаго, по-утру, въ девять часовъ, выѣхали мы изъ Варшавы въ экипажѣ съ экстра-почтой, гдѣ мы заняли четыре мѣста внутри и пятое снаружи. Ѣхали мы очень скоро, останавливаясь только для перемѣны лошадей и для обѣда не болѣе получаса. Первые два дня погода была сносная. Но потомъ началъ свирѣпствовать сильный холодный вѣтеръ съ дождемъ, особенно по ночамъ. Однако мы благополучно доѣхали до Острова, куда и прибыли ночью, около двухъ часовъ, среди бури и ливня. Тутъ въ первую минуту мы были сильно озадачены: по причинѣ большаго скопленія народа нигдѣ не оставалось пустаго помѣщенія.

Но насъ вывело изъ бѣды распоряженіе добраго Кобержскаго. Благодаря его заботамъ, для насъ заранѣе была удержана комната на почтовой станціи. Было уже три часа ночи, когда мы ее заняли и расположились на кратковременный отдыхъ. Въ шесть часовъ утра уже надо было спѣшить на станцію желѣзной дороги. Новое затрудненіе. До станціи надо было ѣхать еще версты три по скверной грязной дорогѣ и подъ проливнымъ дождемъ съ вѣтромъ. Экипажей, кромѣ простыхъ телѣгъ, здѣсь нѣтъ. Но опять тотъ-же Кобержскій вывелъ насъ изъ этой новой бѣды. Оказалось, что онъ заранѣе написалъ Островскому почтмейстеру, чтобы тотъ, въ случаѣ дурной погоды, далъ намъ мальпостъ для доставленія насъ на желѣзную дорогу. Здѣсь мы нашли сущій содомъ: неописанную тѣсноту, шумъ, гамъ, толкотню. Но все, наконецъ, уладилось, мы заняли наши мѣста въ вагонахъ и безъ дальнѣйшихъ неудобствъ прибыли въ Петербургъ десятаго числа, въ понедѣльникъ, въ пять часовъ вечера. На другой день, во вторникъ, ко мнѣ уже начали являться разныя лица. Въ среду представлялся министру, попечителю; заѣзжалъ въ Римско-Католическую академію; былъ у доктора Вальца и у моего милаго Ребиндера.

15. Суббота. Засѣданіе въ академіи, первое послѣ моего возвращенія въ Петербургъ. Та-же мелочь, пустота и скука.

21. Пятница. Умерла императрица Александра Ѳедоровна. По этому случаю отложено засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры.

29. Суббота. Похороны императрицы Александры Ѳедоровны. Процессія пойдетъ мимо моей квартиры. На улицѣ уже съ половины десятаго началось движеніе: сходятся толпы народа, войска; полиція суетится.

Въ 45 минутъ перваго двинулась по нашей улицѣ процессія похоронъ императрицы Александры Ѳедоровны. Вездѣ соблюдались чинность и порядокъ. Толпа безмолвствовала. Сама процессія развертывалась мѣрно, величественно. Государь шелъ за гробомъ, блѣдный и печальный. Шествіе тянулось мимо насъ цѣлый часъ.

Ноябрь 2. Среда. Вечеромъ была у меня графиня Т. съ женихомъ своимъ просить меня быть ея опекуномъ, или, лучше

сказать, опекуномъ имѣнія, состоящаго въ тяжбѣ. Ея отецъ при смерти. Я обѣщался на время, пока они пріищутъ другаго, болѣе способнаго.

5. Суббота. Въ Главномъ управленіи цензуры я по возвращеніи засталъ еще болѣе раздраженное отношеніе къ литературѣ, чѣмъ прежде. Хотятъ, кажется, слѣдовать системѣ притѣсненія. И все это надѣлала особенно одна статья въ „Русскомъ Словѣ“ или, лучше сказать, одна фраза, что „Гоголь былъ уважаемъ русской публикой до тѣхъ поръ, пока не началъ воскурять рабски ѳиміама Царю земному и Царю небесному“. За эту фразу отрѣшили отъ должности цензора [П. К.] Ярославцева и сдѣлали строжайшій выговоръ издателю, графу [Г. А.] Кушелеву-Безбородко.

9. Среда. Нѣкоторыя чувства требуютъ того, чтобы ихъ превозмогать и покорять какому-нибудь высшему началу. Таково, напримѣръ, отвращеніе мое къ ложному, шаткому, сбивчивому шатанію умовъ нашего времени и къ эгоизму и мелочному самолюбію нѣкоторыхъ изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей. Я съ величайшимъ трудомъ принуждаю себя встрѣчаться съ ними — а встрѣчаться съ ними я долженъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я былъ связанъ разными отношеніями. Теперь мнѣ претитъ поддерживать эти отношенія. Не хорошо. Но какъ этому помочь? Какъ расположить свое сердце къ бо́льшей терпимости, не подрывая основаній своего характера и своего достоинства?

Въ судьбѣ человѣческаго разумѣнія заключается судьба всего живущаго. Нѣтъ твердой мысли въ человѣкѣ — и цѣлый міръ превращается въ хаосъ.

10. Четвергъ. Ученіе матерьялистовъ, чувствуя невозможность достигнуть знанія вѣчной и высочайшей истины, обходитъ ее и говоритъ, что она и не нужна; что можно безъ нея обойтись для исполненія не только обыкновенной общественной обязанности, но и высшихъ задачъ человѣческаго существованія. Безъ знанія этой истины можно обойтись; съ этимъ спорить нельзя: родъ человѣческій и до сихъ поръ безъ него обходится. Но безъ вѣрованія въ нее можно-ли обойтись? — это другой вопросъ. До сихъ поръ родъ человѣческій еще не открылъ возможности обойтись безъ этого вѣрованія. На немъ покоятся всѣ наши

нравственныя отношенія, всѣ стремленія къ лучшему, все, чѣмъ человѣкъ укрощаетъ свои страсти и возвышается до самообладанія, самоуправленія, до высшаго пониманія себя и своей жизни.

Философія матерьялизма есть философія отчаянія. Ее можно формулировать слѣдующимъ образомъ: „такъ какъ высшее знаніе, истина для человѣка недостижимы, то откажемся отъ нихъ и постараемся убѣдить себя и другихъ, что можно устроить наилучшій нравственный порядокъ вещей на землѣ, ни мало не нуждаясь въ основаніяхъ нравственности, слѣдуя единственно за физіологическими отправленіями нашего тѣла".

Дѣло не въ началахъ, а въ силѣ. Нынѣшніе утописты (матерьялисты, соціалисты, приверженцы такъ называемой положительной философіи) думаютъ, что они огромную услугу оказываютъ человѣчеству, толкуя о незаконности собственности, о злоупотребленіяхъ власти и пр. и о средствахъ поправить зло, излагая теорію человѣческихъ обществъ, раздѣленіе собственности и труда. Они не видятъ, что всѣ ихъ понятія, начиная съ Платона, очень стары. Но дѣло, очевидно, не въ понятіяхъ, не въ началахъ, а въ силѣ осуществлять понятія, начала....

Нравственный порядокъ вещей невозможенъ, когда въ томъ, что мы о немъ знаемъ и должны знать, не допустимъ связи съ тѣмъ, чего мы не знаемъ и не можемъ знать.

Незнаемое есть верховный двигатель всякаго стремленія къ совершенствованію. Законъ развитія есть не иное что, какъ побужденіе изъ неизвѣстнаго перейдти въ извѣстное.

11. Пятница. Это безпрерывное колебаніе здоровья, уже годъ продолжающееся, и необходимость слѣдить за нимъ съ вниманіемъ зайца, преслѣдуемаго собаками—все это сильно угнетаетъ меня. Въ этомъ есть что-то жалкое и унизительное. Неужели такъ пойдетъ надолго? Отпуститъ-ли мнѣ природа еще нѣсколько лѣтъ жизни или она этими тревогами приготовляетъ меня къ окончательной и немедленной развязкѣ. Тяжело ходить между этими пропастями сомнѣній, опасеній, физическихъ заботъ и прочее. Между тѣмъ, хотѣлось-бы еще и дѣйствовать.

Любовь къ своему *я* и къ жизни, какъ и всякое чувство,

можетъ доходить до болѣзненной раздражительности, исключающей всѣ другіе чувства и интересы. Избави Боже до этого дойти!

12. Суббота. Въ полдень засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Исторія З., по случаю фельетонной статьи: о магазинѣ, въ воскресномъ номерѣ „Спб. Вѣдомостей“. Онъ проситъ защиты противъ печати, чѣмъ и изобличаетъ, что лицо, выставленное въ фельетонѣ, дѣйствительно онъ и жена его. Хороши нравы общества, гдѣ возможны вещи, подобныя тѣмъ, какія описаны въ фельетонѣ!

Отвергнуть идеалы значитъ уничтожить въ человѣкѣ всякое стремленіе къ прогрессу.

Безконечный анализъ, которымъ вооружилась нынѣшняя наука, разсматривающая природу и человѣка, есть, конечно, также громадный шагъ человѣческаго разума на пути его развитія. Нынѣшніе выводы изъ него неутѣшительны: но таковы-ли будутъ и послѣдующіе? Можетъ быть, именно отсюда возникнутъ новые идеи и принципы, какихъ матерьялистическій анализъ не ожидаетъ—идеи и принципы, укрѣпляющіе высшія вѣрованія. Вѣдь анализомъ всего исчерпать нельзя. Но онъ можетъ привести насъ къ такимъ рубежамъ и точкамъ зрѣнія, откуда взоръ обниметъ пространство, еще безконечнѣе, еще таинственнѣе того, какое нынѣ намъ представляется—и человѣкъ, въ священномъ ужасѣ и великомъ предчувствіи, воскликнетъ: тамъ, въ этомъ глубокомъ безотвѣтномъ неизвѣстномъ лежитъ что-то выше, святѣе, достовѣрнѣе всего, что я до сихъ поръ узналъ и прочувствовалъ.

Первое правило нашихъ ультра-либераловъ въ томъ, чтобы воспрещать свободу мнѣній всѣмъ, кромѣ самихъ себя.

26. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Пренія о стихотвореніяхъ Некрасова, которыя авторъ хочетъ печатать новымъ изданіемъ. Изданіе это было запрещено еще Норовымъ. Теперь я подалъ письменно мое мнѣніе о томъ, чтобы пропустить эту книгу, за исключеніемъ развѣ немногихъ строкъ. Прочіе члены возстали противъ этого, находя, что стихотворенія Некрасова носятъ черезъ чуръ демократическій характеръ. Трудно вразумить такихъ господъ, какъ напримѣръ, Пржецлавскій, Берте. Однако положено отправить стихотворенія въ цензурный комитетъ и вновь разсмотрѣть.

Декабрь 1. Четвергъ. Факультетское собраніе въ университетѣ. Толки о конкурсѣ на каѳедру философіи. Нѣкоторые прочатъ на нее Петра Лавровича Лаврова. Я противъ этого: Лавровъ способенъ не просвѣщать, а помрачать умы.

3. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Берте докладывалъ, что въ „Сѣверной Пчелѣ", въ статьѣ о Сѣверо-Американскихъ штатахъ, слишкомъ распространяются о правѣ народа контролировать злоупотребленія администраціи и измѣнять формы ея. Я защищалъ газету тѣмъ, что вѣдь это не ея разсужденія, а выписки изъ сѣверо-американскихъ оффиціальныхъ статей.

— „Это факты",—прибавилъ я,—„и факты, то и дѣло совершающіеся въ Европѣ и въ Америкѣ: намъ, значитъ, ничего не оставалось-бы, какъ воспретить газетамъ упоминать о самыхъ фактахъ этого рода, то есть, мы должны закрыть глаза и уши наши на зрѣлище мірскихъ дѣлъ".

Министръ согласился съ этимъ. Д—въ и Тройницкій поддержали меня. Положено бросить это дѣло.

6. Вторникъ. Когда тебѣ въ жизни приходится случайно наткнуться на добро, ты въ опасности лишиться его каждую минуту. Но когда постигаетъ тебя зло, оно крѣпко цѣпляется за тебя руками и зубами и нѣтъ никакой возможности отдѣлаться отъ него скоро. Однимъ словомъ, добро шатко, неблагонадежно и случайно: зло-же крѣпко, постоянно и неизбѣжно.

Былъ у меня мой благородный Шульманъ! Ему, также какъ и мнѣ, заграничное леченіе принесло немного пользы. Мы говорили съ нимъ о нынѣшнемъ направленіи умовъ и о томъ, какъ на нихъ хотятъ дѣйствовать сверху. Много печальнаго во всемъ этомъ.

8. Четвергъ. У нашихъ писателей, при началѣ нынѣшняго царствованія, не достало такта, чтобы воспользоваться дарованною печати бо́льшею долею свободы. Они много могли-бы сдѣлать для упроченія нѣкоторыхъ началъ въ обществѣ и для склоненія правительства къ разнымъ либеральнымъ мѣрамъ. Но они ударились въ крайности и испортили дѣло. Возгордившись первыми успѣхами, они потеряли мѣру, сдѣлались черезъ чуръ

требовательными, забывъ, что, годъ или два тому назадъ, имъ едва позволили-бы держать перо въ рукахъ. Имъ захотѣлось вдругъ всего—и они начали сплошь на все нападать, какъ люди рьяные, но неспособные руководить общественнымъ мнѣніемъ. Они употребили во зло печатное слово, вмѣсто того, чтобы воспользоваться имъ. Тщетно старался я стать примирительнымъ лицемъ между литературой и правительствомъ: первая такъ далеко занеслась, что вдругъ встала въ открытую и жестокую оппозицію съ послѣднимъ; послѣднее встрепенулось и стало усерднѣе подтягивать возжи. Такіе господа, какъ Чернышевскій, Бовъ (Добролюбовъ) и прочіе, вообразили себѣ, что они могутъ взять силой право, на которое они еще не пріобрѣли права. Они взяли на себя задачу несвоевременную и непосильную, и вмѣсто того, чтобы двигать дѣло впередъ, только тормозятъ его.

Считая себя передовыми людьми, руководителями общественнаго мнѣнія, они дѣйствовали какъ зажигатели, какъ демагоги, чѣмъ и доказали свою незрѣлость и неспособность управлять общественнымъ движеніемъ. Передъ ними была роль дѣйствительно прекрасная: быть именно руководителями умовъ тамъ, гдѣ все такъ шатко, незрѣло, неразвито. Но они не поняли ея и, увлекаясь лирическими порывами, упали сами въ толпу тѣхъ, которымъ нужно вразумленіе и руководство. Они какъ будто захотѣли бросить перчатку правительству, вызвать его на бой, вмѣсто того, чтобы соединить свои прогрессивныя стремленія съ лучшими его видами — въ которыхъ нельзя ему отказать ..... — и такимъ образомъ, сдѣлать его, такъ сказать, своимъ помощникомъ, съ своей стороны помогая ему во всемъ благомъ и не стараясь вдругъ, однимъ ударомъ, сломить его ошибки и старыя преданія.

Они, притомъ, смѣшали людей, стоящихъ около центра, съ самимъ центромъ и то, что въ отсталыхъ прежнихъ правителяхъ было дурнаго, они отнесли къ самой идеѣ правительства. Словомъ, это были люди, жаждавшіе отличія, желавшіе, во чтобы то ни стало, сдѣлаться популярными и, по примѣру западныхъ корифеевъ публицистовъ, быть политическими дѣятелями, вмѣсто того, чтобы быть только общественными, предоставивъ времени и постепеннымъ успѣхамъ нашего развитія дѣлать свое дѣло.

10. Суббота. У графа Адлерберга. Разговоръ о литературѣ. Я старался примирить его съ ней и много говорилъ въ этомъ духѣ.

11. Воскресенье. По утру у Ребиндера и у Д—ва. Все по вопросу о каѳедрѣ философіи въ университетѣ. Я настоятельно представлялъ тому и другому о необходимости поступить какъ можно осторожнѣе въ этомъ дѣлѣ. Всего лучше-бы самою программою конкурса отстранить домогательство нѣкоторыхъ господъ искателей, которыхъ суетъ къ намъ въ университетъ партія великихъ ультра-прогрессистовъ, не заботясь о томъ, что эти философы перевернутъ къ верху ногами мозгъ въ головахъ нашихъ юношей. Таковы, напримѣръ, Лавровъ и Б. Послѣдній обладаетъ весьма небольшими способностями, но большими претензіями на популярность, которую разсчитываетъ пріобрѣсти распространеніемъ новѣйшей философіи нѣмецкихъ матерьялистовъ, но конечно въ непереваренномъ видѣ. Первый человѣкъ не безъ ума и дарованій, но съ головы до ногъ матерьялистъ, необузданный гонитель всего, что было, есть и даже будетъ завтра. Краснымъ сильно хочется, чтобы онъ занялъ у насъ каѳедру философіи, но этого не слѣдуетъ допустить. Я предложилъ Д. мысль, чтобы въ программѣ конкурса было прямо объявлено, ссылаясь на законъ, чтобы, ищущій профессуры имѣлъ степень магистра или доктора. А если никто изъ таковыхъ не явится? Ужъ лучше мы года четыре пробудемъ безъ философіи, пока не приготовимъ кого-нибудь изъ студентовъ заграничнымъ образованіемъ: это зло меньше, чѣмъ то, если преподаваніе столь важнаго предмета попадетъ въ руки ненадежныя или недобросовѣстныя.

17. Суббота. Вечеромъ засѣданіе въ главномъ управленіи цензуры. Пришлось долго сидѣть и говорить съ напряженіемъ, отчего у меня жестоко разболѣлась голова. Шли ожесточенныя пренія. Съ великимъ прискорбіемъ слушалъ я мнѣніе графа Адлерберга по поводу одной статьи, доложенной Тройницкимъ. Графъ А. В. обнаружилъ невообразимое незнаніе и непониманіе самыхъ простыхъ вещей въ умственной и государственной жизни. Неужели многіе такъ думаютъ и столько-же знаютъ? Это невѣроятно, невозможно!

Мысль была слѣдующая: не должно ничего дозволять писать о

предметахъ финансовыхъ, политико-экономическихъ, судебныхъ, административныхъ, потому что все это означаетъ посягательство на права самодержавія и тогда даже, когда въ сочиненіяхъ этого рода вопросы разсматриваются съ общей точки зрѣнія и притомъ заключаютъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на желательность какихъ бы-то ни было измѣненій. Если-же у кого зародится мысль объ улучшеніяхъ по разнымъ общественнымъ и государственнымъ предметамъ, тотъ можетъ отъ себя писать въ то вѣдомство, котораго касаются эти улучшенія. Словомъ, въ печати нельзя обсуждать ни одного вопроса общественнаго.

Тройницкій справедливо замѣтилъ, что это значитъ возвращаться къ прошедшему времени. Напрасно онъ, я и Д—въ доказывали невозможность такой системы, и что правительство само для своей собственной пользы, должно желать гласнаго обсуживанія разныхъ общественныхъ и административныхъ предметовъ.

Я тщетно старался растолковать также разницу между неприкосновенностью политическаго принципа въ государствѣ и неприкосновенностью какой-нибудь мѣстной власти и т. п. гр. А. В. Адлербергъ упорно стоялъ на своемъ.

— „Къ чему было поднимать вопросъ о статьѣ Ржевскаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, совершенно невинной“, сказалъ я Тройницкому:—„вы видите, куда это ведетъ“.

Н. А. Мухановъ велъ себя очень осторожно. Онъ и предсѣдательствовалъ за отсутствіемъ министра. Кончилось однако тѣмъ, что все осталось по прежнему.

19. Понедѣльникъ. Сильная наклонность въ нынѣшнемъ молодомъ поколѣніи къ непослушанію и дерзости. Безпрестанно слышишь о какомъ-нибудь скандалѣ то въ такомъ-то университетѣ, то въ другомъ заведеніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти печальныя явленія прямое слѣдствіе подавленія въ прошлое время всякой мысли, подчиненія ея дисциплинѣ, простиравшейся до совершеннаго пренебреженія высшими началами нравственности—словомъ, слѣдствіе суроваго, всеподавляющаго деспотизма. Теперь всѣ, особенно юношество, проникнуты какимъ-то озлобленіемъ не только противъ всякаго стѣсненія, но даже и противъ законнаго ограниченія.

23. Пятница. Гоненіе на воскресныя школы. Князь [Василій Андр.] Долгоруковъ подалъ государю записку, направленную противъ нихъ, внушенную ему графомъ [Сергіемъ Григ.] Строгановымъ. За три или четыре дня министръ нашъ дѣлалъ государю представленіе о безвредности этого народнаго дѣла и о необходимости не стѣснять его. Государь согласился съ нимъ. А теперь опять хотятъ начать преслѣдованіе грамотности, которая, конечно, не составляетъ еще образованія, но даетъ народу ключъ къ нему. Развѣ хотятъ осудить народъ на вѣчную закоснѣлость, и когда-же? — когда ему даютъ свободу. Логично-ли это? Но у нашихъ обскурантовъ все рано, и эмансипація рано. Если ихъ слушать, они будутъ повторять это вѣчно. Между тѣмъ, сила вещей и событій требуетъ измѣненій и нововведеній. Министръ [Евграфъ Петровичъ Ковалевскій] имѣлъ жаркое объясненіе съ княземъ [Василіемъ Андр.] Долгорукимъ.

Передъ тѣмъ гонителемъ воскресныхъ школъ уже былъ генералъ-губернаторъ [Павелъ Ник.] Игнатьевъ.

Конечно, дѣло не въ воскресныхъ школахъ, а въ народномъ движеніи, которое ими выражается. Такъ что-же? Повторяю: развѣ народъ нашъ осужденъ навсегда пребывать въ стоячемъ болотѣ! И не лучше-ли управлять этимъ движеніемъ, чѣмъ уничтожать его, чтобы, взамѣнъ него, возбудилось движеніе болѣе вредное и опасное. Какъ близоруки наши государственные люди

30. Пятница. Вечеромъ читалъ у меня [Ап. Ник.] Майковъ свое новое произведеніе: Испанская инквизиція. Это, безспорно, одно изъ лучшихъ его стихотвореній. Духъ времени (Изабеллы), католичества и іезуитства переданъ имъ превосходно. Разговоръ Изабеллы съ духовникомъ веденъ мастерски: въ немъ изображеніе и женщины, и государыни, и католички блеститъ первоклассными поэтическими красотами. При томъ все произведеніе въ сложности своей таково, что въ немъ нельзя ни убавить, ни прибавить ни одного слова: такъ все точно, полно и строго обдумано.

Еще были у меня въ этотъ вечеръ Ребиндеръ, Г*** и Чевилевъ. Кстати о Чевилевѣ: онъ назначенъ воспитателемъ великихъ князей на мѣсто Гримма. Въ императрицѣ Маріи

Александровнѣ Чевилевъ нашелъ прекрасную женщину—съ добрымъ любящимъ сердцемъ и возвышенными понятіями. Чевилевъ совѣтовался со мною насчетъ нѣкоторыхъ преподавателей. Я совѣтовалъ ему пригласить для русскаго языка Ореста (Ѳедоровича) Миллера.

Ребиндеръ тоже просилъ моего совѣта, кого-бы опредѣлить на мѣсто Пирогова, котораго рѣшительно не хочетъ государь. Я никого не могъ ему указать. Былъ призванъ на помощь Чевилевъ и онъ указалъ Загорскаго.

А. В. Никитенко.

[Продолженіе слѣдуетъ].

СОФЬЯ ВАСИЛЬЕВНА КОВАЛЕВСКАЯ,

докторъ философіи и профессоръ высшей математики,

въ «Воспоминаніяхъ» перваго, по времени, ея учителя І. И. Малевича

1858—1868 гг.

Украсивъ ноябрскую книгу „Русской Старины“ (изд. 1890 г.) портретомъ славной соотечественницы, корреспондентки Императорской Академіи Наукъ и профессора высшей математики въ стокгольмскомъ университетѣ, Софіи Васильевны Ковалевской, рожденной Корвинъ-Круковской,—мы приводимъ нынѣ отрывокъ изъ „Воспоминаній І. И. Малевича“, бывшаго первымъ, по времени, учителемъ-наставникомъ этой замѣчательной русской женщины, въ періодъ ея юности, съ восьми-лѣтняго возраста до шестнадцати лѣтъ.

І. И. Малевичъ, весьма обязательно сообщившій намъ обширныя и интересныя воспоминанія о своей сорока-лѣтней педагогической дѣятельности въ скромномъ званіи домашняго учителя (1832 — 1872), принадлежитъ почти къ не существующему у насъ институту домашнихъ наставниковъ-учителей. Мы говоримъ „почти несуществующему“, потому что весьма рѣдко въ обширной семьѣ русскихъ педагоговъ встрѣчаемъ мы лицъ, всецѣло посвятившихъ себя дѣлу воспитанія юношества не въ школѣ общественной, а въ средѣ семействъ. І. И. Малевичъ принадлежитъ именно къ этой группѣ „домашнихъ наставниковъ-учителей“, и тѣмъ болѣе интереса возбуждаютъ въ насъ воспоминанія этого почтеннаго труженика. Вотъ нѣсколько краткихъ о немъ свѣдѣній.

Сынъ мелкопомѣстнаго дворянина западныхъ губерній, Іосифъ Игнатьевичъ Малевичъ родился 7-го января 1813 года, въ мѣстечкѣ Креславкѣ, Витебской губ., и получилъ образованіе въ бывшемъ шести-классномъ училищѣ въ томъ мѣстечкѣ Креславкѣ (1820—1829 гг.) [1]. Очень рано полюбилъ онъ педагогическое поприще и, выдержавъ установленный экзаменъ на званіе

---

[1]) Изъ этого училища получавшіе аттестатъ поступали безъ экзамена въ Виленскій университетъ.

домашняго учителя, всецѣло посвятилъ себя воспитанію и образованію юношества. Въ ряду семействъ, въ средѣ которыхъ онъ воспиталъ много юношей и дѣвицъ, мы застаемъ его въ 1839—1843 гг. и вновь съ 1845 по 1852 годъ въ семьѣ псковскаго помѣщика Ивана Егоровича Семевскаго († 1860 г.), гдѣ учениками І. И. Малевича были послѣдовательно всѣ шесть сыновей Семевскаго[1]) и нѣсколько юношей изъ другихъ семействъ, обучавшихся вмѣстѣ съ ними.

Подготовивъ въ разныя учебныя заведенія всѣхъ братьевъ Семевскихъ и ихъ сочениковъ, І. И. Малевичъ перешелъ въ семью вдовы извѣстнаго генерала, бывшаго директора Дворянскаго полка, Ник. Ив. Пущина—Эмиліи Антоновны Пущиной, впослѣдствіи, въ теченіи многихъ лѣтъ, до самой кончины, бывшей начальницы Патріотическаго института въ С.-Петербургѣ. Въ ея семьѣ І. И. Малевичъ приготовилъ въ Пажескій корпусъ (въ 1852—1854 гг.) единственнаго ея сына Михаила, впослѣдствіи, въ чинѣ полковника и командира Кіевскаго гренадерскаго полка, умершаго въ бытность въ дѣйствующей арміи въ 1878 г.

Въ 1854 году І. И. Малевичъ перешелъ въ семейство, Псковской губерніи, Торопецкаго уѣзда, помѣщика Семена Васильевича Корвинъ-Круковскаго, гдѣ въ теченіи четырехъ лѣтъ воспиталъ и подготовилъ въ учебныя заведенія сыновей этого помѣщика, а также дѣтей близкаго родственника Круковскаго—Чирикова; тогда-же (въ 1857—1858 гг.) и въ той-же семьѣ получилъ у І. И. Малевича начальное воспитаніе и подготовку въ учебное заведеніе Василій Ив. Семевскій, о которомъ упомянуто выше.

Въ октябрѣ 1858 года нашъ уважаемый наставникъ получилъ приглашеніе отставнаго генералъ-лейтенанта артиллеріи Василія Васильевича Корвинъ-Круковскаго принять на себя образованіе двухъ его дочерей, изъ которыхъ старшая, Анна, была пятнадцати лѣтъ, а младшая, Софья, около восьми лѣтъ, и впослѣдствіи сына, имѣвшаго тогда всего лишь три года, когда тотъ достигъ восьми-лѣтняго возраста.

Отставной генералъ съ женою своею Елисаветою Ѳедоровною, правнучкой извѣстнаго астронома Шуберта, и дѣтьми, съ мая мѣсяца 1858 года, водворился въ обширномъ домѣ своего помѣстья Палибино, Невельскаго уѣзда Витебской губерніи.

Здѣсь І. И. Малевичъ оставался въ качествѣ наставника-учителя болѣе девяти лѣтъ (съ окт. 1858 г. по январь 1868 г.) и имѣетъ нынѣ счастіе видѣть въ своей ученицѣ того времени Софьѣ Васильевнѣ Ковалевской, рожденной Корвинъ-Круковской, славнаго дѣятеля въ области науки, высшей математики.

Не далѣе какъ въ нынѣшнемъ, 1890-мъ году, на страницахъ „Вѣстника Европы“ (іюль и августъ) появились въ высокой степени художественно написанныя „Воспоминанія дѣтства“, принадлежащія перу Софьи Васильевны Ковалевской. Эти воспоминанія живо переносятъ читателя въ семью ви-

---

[1]) Таковы были: Семевскіе Владиміръ (въ 1839 — 1843 гг.), впослѣдствіи штабсъ-капитанъ гвардіи († 1863 г.), Михаилъ (въ 1845—1848 гг.), нынѣ издатель-редакторъ «Русской Старины», Александръ—поручикъ гвардейской артиллеріи и затѣмъ видный земскій дѣятель въ Псковской губерніи († 1879 г.), Петръ—управляющій отдѣленіемъ государственнаго банка въ Перми, Егоръ—стрѣлковый офицеръ († 1865 г.), и Василій Ивановичъ—(въ 1857—1858 гг.), нынѣ докторъ русской исторіи.

Ред.

дѣльца Палибино и воспроизводятъ передъ нашимъ умственнымъ взоромъ весь ходъ душевнаго развитія двухъ сестеръ, представляя въ то-же время множество бытовыхъ чертъ тогдашней дворянской богатой образованной семьи, подмѣченныхъ съ необыкновенно тонкою, чисто женскою наблюдательностью и облеченныхъ въ форму вполнѣ художественнаго разсказа.

Съ благодарностью упомянувъ о прекрасныхъ урокахъ, даваемыхъ ей и сестрѣ ихъ учителемъ (а таковымъ былъ І. И. Малевичъ), Софья Васильевна не ведетъ, однако, читателя въ классную свою комнату; она остается въ дѣтской, въ сферѣ поэтически воспроизведенной ею жизни своего младенчества подъ крыломъ нянюшки, а затѣмъ подъ суровою ферулою англичанки-гувернантки, тщетно напрягавшей усилія создать изъ даровитыхъ, живыхъ, впечатлительныхъ, чисто русскихъ барышень сухихъ и черствыхъ англійскихъ миссъ...

Въ хранящихся въ архивѣ „Русской Старины“ „Воспоминаніяхъ“ І. И. Малевича мы находимъ обстоятельный очеркъ его педагогическихъ трудовъ въ Палибинскомъ домѣ. Очеркъ этотъ не претендуетъ ни на живость изложенія, ни на яркость красокъ, но онъ обстоятеленъ и точенъ, и лицомъ къ лицу ставитъ насъ какъ съ принятыми тогда наставникомъ методами въ образованіи (въ 1858—1867 гг.), такъ и съ успѣхами его замѣчательно даровитыхъ ученицъ.

Сохраняя на страницахъ „Русской Старины“ данныя къ обзору дѣятельности обоего пола русскихъ людей, особенно выдавшихся въ сферѣ умственной дѣятельности, мы представляемъ здѣсь выдержки изъ помянутыхъ воспоминаній нашего маститаго наставника, въ предположеніи, что таковыя будутъ прочтены не безъ интереса какъ потому, что напоминаютъ намъ прошлое въ русской педагогикѣ, такъ въ особенности по отношенію къ столь въ высокой степени замѣчательной русской женщинѣ-ученому, каковою гордится наше общество, въ лицѣ Софьи Васильевны Ковалевской, рожденной Корвинъ-Круковской.

Сельцо Федорцево.
9-го августа 1890 г.

Ред.

I.

. . . . . .

... Наступила очередь приступить къ изложенію моихъ занятій съ Софьею Васильевною Корвинъ-Круковскою, ученицею, которая, по истеченіи девяти-лѣтняго моего преподаванія (1858—1867 гг.), возлюбила науки до такой степени, что, работая еще нѣсколько лѣтъ съ громадною для себя пользою и прослушавъ университетскіе курсы математики заграницею, получила степень доктора философіи и магистра изящныхъ искусствъ. Ученица эта, гордость не только моя, перваго, по времени, ея учителя, но и всякаго образованнаго гражданина Россіи, Софья Васильевна

Ковалевская, рожденная Корвинъ-Круковская, призванная, если не ошибаюсь, въ 1886 г., на каѳедру высшей математики въ стокгольмскомъ университетѣ и получившая въ декабрѣ мѣсяцѣ 1888 года высшую премію отъ парижской академіи наукъ за рѣшеніе вопроса, на которомъ остановились знаменитые въ ученомъ мірѣ Эйлеръ и Лагранжъ: „усовершенствовать въ какомъ-либо существенномъ пунктѣ теорію движенія твердаго тѣла вокругъ неподвижной точки".

Софья Васильевна Ковалевская обратила на себя вниманіе не только насъ, русскихъ, ея согражданъ, но и другихъ цивилизованныхъ націй. О торжественномъ ея пріемѣ въ парижской академіи наукъ и рѣчи президента академіи, воздавшей хвалу учености женщины-математика, говорили много въ газетахъ и обществѣ. Шведы гордятся своимъ профессоромъ, пишутъ въ газетахъ объ ея серьезныхъ лекціяхъ, которыя въ первый годъ читала она на нѣмецкомъ, а потомъ на шведскомъ языкахъ, изучивши послѣдній въ теченіи одного года. Ученыя занятія женщины-профессора, семейная жизнь, привычки, развлеченія, въ свободное отъ трудовъ время, —все это интересующее публику передается газетами, а рѣшеніе вопроса, за который Софья Васильевна получила высшій призъ, возвысило ее до того, что она заняла одно изъ первыхъ мѣстъ въ ученомъ мірѣ и пріобрѣла всесвѣтную извѣстность.

Мелочи, относящіяся къ жизни даже высокопоставленнаго человѣка, не имѣютъ для насъ большаго значенія, но онѣ становятся въ высшей степени интересными, когда относятся къ человѣку, ставшему на высокомъ пьедесталѣ какого-либо поприща и, болѣе всего, ученаго.

Мнѣ-ли, послѣ того, преподавателю Софьи Васильевны въ теченіи цѣлыхъ девяти лѣтъ, не отозваться, когда бывшая ученица заняла такое высокое мѣсто въ ученомъ мірѣ? Мнѣ-ли пройти молчаніемъ о ней, когда всѣ интересуются женщиною-профессоромъ, занявшею каѳедру высшихъ человѣческихъ знаній и ставшею на ряду съ геніальными двигателями науки? Нѣтъ, я долженъ, я обязанъ, какъ ея учитель, сказать о женщинѣ-феноменѣ все, что знаю: о первыхъ годахъ ея юности, объ ея воспитаніи и въ особенности образованіи, проложившемъ дорогу къ знаменитости. „Воспоминанія" мои, воздавая должную честь великому уму, быть можетъ, особенно заинтересуютъ людей, по-

святившихъ себя первоначальному развитію и образованію молодаго поколѣнія.

. . . . . .

...Рядомъ съ методою развитія способностей имѣетъ мѣсто метода изложенія учебнаго матеріала; это именно то, что называютъ методою преподаванія. Послѣдняя, имѣя въ своемъ основаніи общую и свойственную каждому предмету отдѣльно идею, сохраняетъ постоянно свой характеръ и только видоизмѣняется согласно со степенью развитія учащихся. Очертить принятыя мною методы какъ развитія, такъ и преподаванія значитъ выяснить, прежде всего, мой взглядъ на условія успѣшнаго хода образованія и потомъ показать, насколько та или другая метода принесла существенной пользы моимъ питомцамъ и питомицамъ.

Прежде, однако-жъ, чѣмъ изложить мои труды въ прямомъ отношеніи къ учащимся, я нахожу необходимымъ сказать, хотя и весьма кратко, о тѣхъ моихъ педагогическихъ работахъ, которыя составляютъ насущную потребность человѣка, посвятившаго свою жизнь воспитанію юношества.

Каждое спеціальное дѣло тогда только можетъ съ успѣхомъ подвигаться впередъ, когда оно, совершаясь безъ значительныхъ перерывовъ, составляетъ любимый предметъ спеціалиста.

Если эта истина должна имѣть мѣсто въ занятіяхъ по всѣмъ отраслямъ знаній, то тѣмъ болѣе она становится самымъ необходимымъ условіемъ въ занятіяхъ учебныхъ. Остановиться на выработанномъ или довольствоваться сдѣланнымъ значитъ отстать отъ непрерывнаго движенія человѣческой мысли, а потому постоянное развитіе и самосовершенствованіе въ каждомъ дѣлѣ, и тѣмъ болѣе учебномъ, есть существенная необходимость. И въ силахъ-ли, въ состояніи-ли развивать питомцевъ своихъ тотъ, кто остановился въ своемъ собственномъ развитіи....

Метода преподаванія, мною принятая, подвергалась хотя незначительнымъ, но прогрессивнымъ перемѣнамъ. Удаляясь всегда отъ рутины, которая не можетъ имѣть мѣсто при самосовершенствованіи, я не увлекался необдуманно и всѣмъ новымъ, а поставлялъ себѣ непремѣнною обязанностью вникнуть и изучить каждый способъ, каждую новую мысль въ преподаваніи, и только послѣ зрѣлаго обсужденія принималъ тѣ или другія

положенія, тѣ или другія указанія и, такимъ образомъ, дополнялъ или замѣнялъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ принятую мною методу...

..... Наставникъ въ первый-же періодъ своей дѣятельности долженъ раскрыть, долженъ вызвать всѣ тѣ человѣческія способности, которыми природа надѣлила его питомца: задача не маловажная, а иногда и весьма трудная, если обстоятельства не благопріятствовали или помогали естественному развитію ребенка. И вотъ, въ этомъ періодѣ я всегда стремился не учить тому или другому, но развивать постепенно тѣ врожденныя способности, которыя обнаруживаются явственнѣе всего и переходъ отъ которыхъ къ другимъ, болѣе скрытымъ, будетъ возможенъ при благоразумной методѣ...

.....Знакомить съ предметами, вызвать сужденія самыя доступныя возрасту, заставить ученика углубляться, сосредоточивать [illegible]ніе и мысль, дѣлать сравненія, противуположенія, выводы, заключенія, и всегда и во всякомъ случаѣ ясно и просто излагать ихъ,—вотъ что было первыми моими занятіями съ ученикомъ, приступавшимъ къ умственной работѣ.

Въ занятіяхъ моихъ строго соблюдалась постепенность перехода отъ извѣстнаго, доступнаго ученику по объему прочитаннаго и по содержанію, къ менѣе или вовсе неизвѣстному отъ самаго простаго періода къ болѣе сложному, составляющему пословицу, анекдотъ или небольшой разсказъ, и такъ далѣе до возможно бо́льшихъ статей.

Замѣченный успѣхъ, въ этихъ вторыхъ въ системѣ развитія занятіяхъ, давалъ мнѣ возможность и поводъ присоединять постепенно и сознательное знакомство съ правилами роднаго языка и такимъ образомъ переходить самымъ незамѣтнымъ, но раціональнымъ способомъ къ одному изъ важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ для послѣдующаго образованія предмету—отечественному языку.

.....Всѣ усвоенные мною пріемы я примѣнилъ и при развитіи моей восьми-лѣтней еще ученицы, воспользовавшейся больше другихъ моими трудами, съ 1858 по 1867 г. При развитіи способностей моей бывшей ученицы Софьи Васильевны Корвинъ-Круковской, я не имѣлъ надобности спѣшить, но шелъ обдуманно вѣрнымъ шагомъ по раціональному пути, пользуясь и

ея рѣдкими способностями, и другими благопріятными условіями, давшими мнѣ средство приложить къ образованію ея все, что было выработано мною и вполнѣ усвоено въ теченіи многолѣтнихъ трудовъ и постояннаго самосовершенствованія. Не лишнее будетъ сказать теперь о привитіи въ ученицѣ одного изъ важнѣйшихъ качествъ въ человѣкѣ, качество это—любовь къ занятіямъ и вообще трудолюбіе.

.....Святая обязанность привить это качество въ воспитанникѣ или воспитанницѣ лежитъ преимущественно на домашнихъ учителяхъ, которые, по своему назначенію, должны быть первыми по времени сѣятелями всего того, чѣмъ обладаетъ человѣкъ, воспитанный въ духѣ нравственно-религіозномъ.

.....Съ первыхъ моихъ занятій съ ученикомъ или ученицею я вообще постоянно заботился о томъ, чтобы самая незначительная, даже ничтожная работа, была, по возможности, исполнена хорошо, отчетливо и своевременно, а потому всякій самостоятельный трудъ, не превышая ни въ какомъ случаѣ силы питомца, долженъ былъ быть доступнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Перехожу къ очерку успѣховъ моей ученицы С. В. Ковалевской, по каждому научному предмету отдѣльно, и кратко упомяну о методахъ, по которымъ я преподавалъ ей.

Русскій языкъ. Въ концѣ 1850-хъ годовъ, когда былъ поднятъ вопросъ о преподаваніи отечественнаго языка и появилось много по сему предмету дѣльныхъ сужденій и мыслей, я вслѣдъ затѣмъ выработалъ нѣкоторыя методы, основанныя, большею частью, на зрѣломъ соображеніи и вѣрномъ пониманіи дидактики. Рутинный способъ изученія роднаго слова по руководствамъ, облеченнымъ въ форму грамматики мертвыхъ языковъ, давно уже обнаружилъ полную свою несостоятельность какъ въ преподаваніи, неосмысленномъ здоровою логикою, такъ и жалкимъ и даже, большею частью, самымъ ничтожнымъ успѣхомъ учениковъ. Необходимость реформы въ методѣ преподаванія отечественнаго языка была сознана преимущественно тѣми изъ учителей, которые видѣли и нелогичность распредѣленія грамматическаго матеріала, и совершенную односторонность ученія и его результатовъ.

Съ первыхъ лѣтъ моей учебной дѣятельности я видѣлъ необходимость оставить рутину и выработать, по указанію лучшихъ

педагоговъ, такую методу преподаванія отечественнаго языка, которая, прежде всего, имѣла-бы въ своемъ основаніи естественный раціональный переходъ отъ легкаго и болѣе или менѣе ученику извѣстнаго къ труднѣйшему, болѣе сложному, или вовсе неизвѣстному, и главное, чтобы она была тѣсно соединена съ методою постояннаго развитія учащихся. Какъ скоро эта послѣдняя производила ожидаемый результатъ, и ученикъ былъ доведенъ до степени перехода въ собственно учебный періодъ, тогда ходъ обученія родному языку служилъ естественнымъ продолженіемъ постоянныхъ, до тѣхъ поръ, занятій съ питомцами.

Выбранную статью, доступную по объему и содержанію, я заставлялъ ученика хорошо и со вниманіемъ прочесть, и вслѣдъ за тѣмъ требовалъ, чтобы онъ разсказалъ ее, придерживаясь порядка въ изложеніи; потомъ предлагалъ вопросы относительно нѣкоторыхъ подробностей происшествія, поводовъ къ нему, характеровъ дѣйствующихъ лицъ и т. п.....

.....Успѣхи въ подобныхъ занятіяхъ позволяли потомъ переходить къ другимъ, состоявшимъ изъ раздѣленія прочитаннаго на отдѣльныя мысли, т. е. предложенія.

.....Изучивъ постепенно и основательно составъ, строеніе, главныя и второстепенныя части предложенія, я переходилъ къ изложенію понятій о каждомъ словѣ отдѣльно,—т. е. къ частямъ рѣчи, но, покамѣстъ, въ краткомъ видѣ, касаясь ихъ какъ-бы мимоходомъ. Конечно, съ успѣхомъ въ развитіи, послѣдствіемъ котораго было всегда и увеличеніе объема статей, преподавалась обширнѣе какъ синтаксическая, такъ и этимологическая часть грамматики. Такъ, послѣ логическаго разбора предложенія, я переходилъ къ анализу словъ, излагая уже о корнѣ склоненія и спряженія, о приставкѣ, окончаніяхъ и т. п.; отъ анализа словъ переходилъ къ главнымъ законамъ правописанія, которые, впрочемъ, объяснялись всякій разъ, напримѣръ, при составленіи для уроковъ письменныхъ примѣровъ, при письмѣ подъ диктовку и въ сочиненіяхъ. Изъ этого краткаго очерка преподаванія отечественнаго языка можно видѣть, что метода, принятая мною, имѣла въ виду не только изученіе роднаго языка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сильно вліяла на развитіе мышленія и дара слова. Не знаю, насколько она могла-бы принести пользы въ общественныхъ заведеніяхъ, но въ частномъ пре-

подаваніи, гдѣ учитель имѣетъ дѣло съ двумя-тремя учениками, съ силою способностей которыхъ и настроеніемъ ихъ имѣетъ полную возможность ознакомиться, метода эта не оставляла желать ничего лучшаго.

Ученица моя, С. В. Ковалевская, слѣдуя съ большимъ успѣхомъ изложенной мною методѣ, знала, безъ пособія руководства, грамматическія правила до такой степени хорошо, что когда я далъ ей потомъ учебникъ русскаго языка, съ цѣлью повторить и ближе ознакомиться съ порядкомъ распредѣленія грамматическаго матеріала, то ученица не нашла ничего новаго въ этомъ учебникѣ.

Послѣдовательное изученіе грамматики занимало только часть назначеннаго времени для русскаго языка; другія-же занятія С. В. Ковалевской, соотвѣтствовавшія степени ея развитія, были въ разное время въ теченіи трехъ первыхъ лѣтъ моего преподованія—слѣдующія:

1) Чтеніе избранныхъ статей съ практическими примѣненіями правилъ языка по мѣрѣ встрѣчаемыхъ случаевъ. Занятія подобнаго рода разнообразились условіями вышеизложенными; въ нихъ возобновлялось все, что въ разное время было усвоено ученицею.

2) Упражненія собственно грамматическія, состоявшія изъ разбора примѣровъ, данныхъ мною или составленныхъ предварительно ученицею, какъ въ отношеніи синтаксическомъ, такъ и этимологическомъ; упражненія съ цѣлью умственно-нравственнаго развитія и заблаговременнаго знакомства съ другими предметами словесности, разборъ внутренней связи между частями сочиненія, разборъ общей мысли или смысла сочиненія и разборъ относительно изящныхъ свойствъ выраженія мысли.

3) Письмо подъ диктовку, которое по истеченіи полутора года было такъ успѣшно, что въ написанной страницѣ оказывалось очень мало ошибокъ, замѣнялось потомъ письменнымъ изложеніемъ прочитанной статьи, съ условіемъ — обратить особенное вниманіе на правописаніе; если-же встрѣчались ошибки противъ орѳографіи, то я требовалъ, чтобы ученица сама отыскала ихъ и повторила при этомъ случаѣ то правило, противъ котораго была сдѣлана погрѣшность.

4) Декламація преимущественно басенъ Крылова. Цѣль этого рода занятій была: усовершенствованіе произношеній, соблюденіе естественной интонаціи голоса, согласно мысли автора

и характера дѣйствующихъ лицъ, выводимыхъ на сцену. Кромѣ того, при чтеніи въ первый разъ избранной басни ученица должна была, прежде всего, обратить вниманіе на содержаніе, изъ котораго, не читая еще нравоученія, помѣщеннаго въ началѣ или концѣ басни, дѣлала свой собственный выводъ или заключеніе и, сверхъ всего этого, вникала въ указываемые мною идіомы и изучала ихъ.

5) Опытомъ успѣховъ по русскому языку служили сочиненія на разныя темы. Для того, чтобы эти занятія соотвѣтствовали вполнѣ сдѣланнымъ успѣхамъ, и больше всего развитію ученицы, я придерживался строго заранѣе обдуманной постепенности въ назначеніи темы для сочиненія.....

Всѣ эти занятія съ цѣлью умственнаго развитія 8-лѣтней дѣвочки, а потомъ основательнаго изученія отечественнаго языка. поставили даровитую ученицу на превосходную степень.

По истеченіи трехъ съ половиною лѣтъ моихъ занятій съ С. В. Ковалевскою, наступило время перехода ея къ русской словесности. Прежде, однако-жъ, чѣмъ приступить къ этой послѣдней, я, соблюдая всегда постепенность, сталъ знакомить ученицу въ краткомъ видѣ съ нѣкоторыми родами нашей словесности, а потомъ, приведя ее къ признанію необходимости нѣкоторой системы въ такихъ занятіяхъ, приступилъ къ чтенію „Опыта обозрѣнія русской словесности“ О. Ѳ. Миллера, такъ какъ сочиненіе это, доведенное только до XV столѣтія, даетъ довольно полное понятіе о нашей словесности съ самыхъ древнѣйшихъ временъ.

Чтеніе „Опыта“ производилось постоянно, по частямъ, такъ что прочитанное мною съ поясненіемъ ученица должна была вносить въ особую для этой цѣли тетрадь, дѣлая экстрактъ изъ того, что было ей преподано. При чтеніи приводились образцы народной словесности и литературы; читались былины, духовные стихи, говорилось объ устной словесности подъ вліяніемъ духовной литературы, стихи и т. д. Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ древніе памятники нашей литературы, мы приблизились къ тому періоду русской словесности, который излагается во многихъ руководствахъ отчетливѣе и обширнѣе, чѣмъ древній періодъ.

Словесность. Основаніемъ методы въ преподаваніи русскаго языка служилъ, какъ выше было сказано, выводъ грамматическихъ

законовъ изъ данныхъ примѣровъ; то-же самое положеніе имѣло мѣсто и въ преподаваніи словесности. Я знакомилъ ученицу постепенно съ разными родами и видами, читая предварительно образцы изъ хрестоматіи, къ которымъ присоединялъ, по мѣрѣ надобности, теоретическія, историческія и другія объясненія; потомъ входилъ въ оцѣнку читаннаго произведенія и подкрѣплялъ свое мнѣніе взглядомъ того или другаго ученаго или писателя, помѣщеннымъ нерѣдко въ той-же хрестоматіи, что, въ свою очередь, служило предметомъ чтенія, а часто и разбора.

Къ слѣдующему уроку ученица обязана была составить изъ всего преподаннаго экстрактъ, налегая въ особенности на теоретическія данныя. Этотъ трудъ ея я читалъ вмѣстѣ съ нею, исправлялъ, пополнялъ и требовалъ изустнаго повторенія съ возможными подробностями. Для лучшаго изученія какого-либо рода или вида словесности, я подвергалъ разбору не только образцы, помѣщенные въ хрестоматіи А. Филонова, но и останавливался съ тою-же цѣлью на тѣхъ-же родахъ произведеній, встрѣченныхъ при чтеніи полнаго собранія сочиненій нашихъ авторовъ, и считалъ при этомъ весьма полезнымъ коснуться біографіи писателя съ цѣлью подготовить въ ея сознаніи, мало по малу, матеріалы для исторіи русской литературы.

Преподавая такимъ образомъ, я радовался, что даровитая моя ученица изучила отлично значеніе романа, повѣсти и разсказа; значеніе пѣсенъ и характеристику ихъ; значеніе духовныхъ стиховъ и художественныхъ пѣсенъ; характеръ элегіи; оду и происхожденіе ея; сатиру, ея значеніе и происхожденіе; эпиграмму и значеніе ея въ древности. Изложенныя занятія дополнялись по отечественной словесности, сверхъ того, какъ я сказалъ выше, чтеніемъ полнаго собранія сочиненій нашихъ лучшихъ авторовъ съ разборомъ и оцѣнкою того или другаго произведенія и преимущественно тѣхъ твореній, мнѣніе о которыхъ высказано знаменитымъ нашимъ критикомъ В. Г. Бѣлинскимъ, что и составляло дополнительное чтеніе, а съ нимъ основательное знакомство съ русскою литературою.

Сверхъ всѣхъ этихъ занятій, я предлагалъ нерѣдко ученицѣ изложить свой взглядъ и высказать свое мнѣніе въ собственномъ ея сочиненіи о какомъ-либо образцовомъ произведеніи, не только на основаніи критическихъ разборовъ, читанныхъ ею, но и съ

точки своего собственнаго зрѣнія. Такъ какъ это требовало всегда много времени какъ для зрѣлаго обсужденія подготовленныхъ и приведенныхъ въ порядокъ матеріаловъ, такъ и для самаго письма, то чаще всего я довольствовался исполненіемъ данной темы изустно, давая ученицѣ достаточно времени для приготовленія требуемаго. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ успѣхъ въ занятіяхъ превосходилъ мое ожиданіе. Основательность сужденій, вѣрность и сила приводимыхъ доказательствъ, порядокъ размѣщенія тѣхъ и другихъ, вѣрное пониманіе, — удивляя меня, убѣждали въ то-же время положительно, что труды мои принесли ей такую пользу, лучше которой ожидать было-бы невозможно. Надо было видѣть блестящіе глаза 15-лѣтней уже дѣвушки, въ которыхъ просвѣчивалъ умъ, устремленные въ какую-то даль и какъ будто прозрѣвающіе оттуда все, что можетъ подкрѣпить ея сужденія и вѣрное пониманіе предложеннаго мною вопроса. Удивленный, восхищенный вѣрнымъ, дѣльнымъ и краснорѣчиво высказаннымъ взглядомъ, отъ котораго не отказался-бы и лучшій учитель словесности, возвратившись послѣ занятій въ свою комнату, я думалъ долго не столько о необыкновенныхъ успѣхахъ даровитой ученицы, сколько о дальнѣйшей судьбѣ дѣвушки отличной фамиліи и богатой: что, если-бы свыше ей было назначено идти другимъ путемъ въ жизни! Что, если-бы судьба лишила ея избыточности въ средствахъ къ жизни и дала-бы лишь средство къ высшему образованію, увы, недоступному для женщинъ въ нашихъ университетахъ! Тогда—тогда, о, я даже былъ увѣренъ въ этомъ,—даровитая ученица моя могла-бы занять высокое мѣсто въ литературномъ мірѣ. Эта мечта моя, казавшаяся въ то давнее время пустою, благодаря Бога, сбылась, и ученица моя, довершивъ свое образованіе въ заграничныхъ университетахъ, взошла на твердую высокую степень учености, обратила на себя вниманіе всего ученаго міра, и въ послѣднее время стала на ряду съ первыми двигателями науки, но не по словесности, какъ я мечталъ въ прежнее время [1]).

---

[1]) И въ сферѣ словесности, какъ видно изъ „Воспоминаній дѣтства“, помѣщенныхъ С. В. Ковалевскою въ „Вѣстникѣ Европы“ 1890 г., іюль и августъ, бывшая ученица І. И. Малевича явила замѣчательное дарованіе; ея воспоминанія, по глубинѣ психическаго анализа, живости и свѣжести красокъ

а по математикѣ, которую она возлюбила больше другихъ предметовъ и которая сдѣлала ее первою женщиною въ мірѣ, достигшею такой высокой учености, въ области одного изъ самыхъ трудныхъ человѣческихъ знаній! Въ дополненіе къ занятіямъ моей ученицы по отечественной словесности, я сталъ преподавать ей исторію русской литературы, давши ей въ руководство литографированныя „Записки исторіи русской литературы“ покойнаго главнаго наставника и наблюдателя по преподаванію русскаго языка и словесности въ в.-уч. зав.—Иринарха Ивановича Введенскаго († около 1856 г. въ Спб.).

Записки эти, при нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ недостаткахъ, имѣютъ однако то преимущество, какъ руководство, что нѣтъ въ нихъ пробѣловъ, иногда значительныхъ въ другихъ курсахъ, и бросаютъ довольно яркій свѣтъ на историческій ходъ отечественной словесности.

Курсъ этого предмета былъ прерванъ въ половинѣ его, когда рѣшено было ѣхать моей ученицѣ, вмѣстѣ съ матушкою и больною старшею сестрою, на зиму, въ южную Швейцарію.

Математика. Въ полемикѣ, возникшей въ самомъ началѣ 1860-хъ годовъ, между приверженцами классическихъ и защитниками реальныхъ гимназій, не безъ основанія было доказано послѣдними, что раціональное преподаваніе математики имѣетъ ту-же образовательную силу, какъ и изученіе древнихъ языковъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вникнуть строго въ результаты успѣшнаго изученія математики, то нельзя не согласиться, что она, какъ наука положительная, развиваетъ быстрое соображеніе, вѣрность взгляда и пріучаетъ излагать понятія и сужденія не только кратко, ясно, но и вполнѣ логично; слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія она въ полной мѣрѣ способствуетъ развитію въ ученикахъ здраваго сужденія и правильнаго выраженія мыслей. Убѣжденный въ этой истинѣ, я всегда старался положить самое прочное основаніе въ области математическихъ знаній, развивая моихъ учениковъ и ученицъ по методѣ, достоинство которой

очерковъ быта, при блестящемъ изложеніи, займутъ видное мѣсто въ современной русской литературѣ. Воспоминанія С. В. Ковалевской смѣло могутъ стать въ одинъ рядъ съ „Дѣтствомъ“ и „Отрочествомъ“ гр. Л. Н. Толстаго.

Ред.

было дознано опытомъ на всѣхъ прежнихъ моихъ воспитанникахъ, сдѣлавшихъ успѣхи и возлюбившихъ математику больше другихъ научныхъ предметовъ.

Чтобы очертить короче выработанную мною методу для первоначальнаго преподаванія первой математической отрасли—ариѳметики, я долженъ сказать, что метода эта оказалась впослѣдствіи почти такою-же, какъ метода А. Грубе. Вся разница состояла въ правильномъ распредѣленіи ариѳметическихъ задачъ. Метода А. Грубе, которою я дополнилъ прежнее мое преподаваніе, устраняя всѣ пріемы механическаго вычисленія, ведетъ ученика съ первыхъ-же уроковъ къ сознательному дѣйствію, основанному на соображеніи и логичности выводовъ.

Я не торопился знакомить ученицу съ первыми ариѳметическими дѣйствіями, дѣлимостью чиселъ, дробями и т. д., но посвящалъ первое время трудовъ преимущественно на развитіе математическихъ способностей ученицы посредствомъ изустнаго рѣшенія такихъ задачъ, которыя заключали въ себѣ вычисленіе не только надъ цѣлыми числами, но и надъ дробями. Данныя состояли въ первое время изъ единичныхъ чиселъ (отъ 1—10 включит.), слѣдовательно, были ей настолько знакомы, что, не зная первыхъ четырехъ правилъ дѣйствія и даже значенія ихъ, она легко могла совладать съ числами и обратить все свое вниманіе на рѣшеніе вопроса посредствомъ комбинаціи и логичнаго вывода. Затѣмъ я переходилъ болѣе и болѣе къ сложнымъ числамъ въ строгой постепенности, преслѣдуя всегда главную цѣль: развитіе соображенія и вѣрность взгляда на данный вопросъ.

Результатъ этихъ трудовъ былъ такъ богатъ, развитіе ученицы шло до того успѣшно, что она, затрудняясь нерѣдко въ вычисленіи надъ числами болѣе сложными, видѣла уже въ одномъ этомъ препятствіе къ быстрому рѣшенію задачи, а потому и просила меня заняться тѣми правилами, безъ которыхъ трудно, а иногда невозможно вѣрное вычисленіе надъ большими числами. Тогда, не оставляя главныхъ занятій, я нашелъ своевременнымъ приступить къ преподаванію ариѳметики въ томъ порядкѣ и съ тѣми условіями, съ какими она преподавалась мною въ прежнее время, т. е. ученикъ долженъ былъ усвоить все не иначе, какъ выводами правилъ изъ примѣровъ, съ непремѣнными, при томъ, доказательствами. Но чтобы привить въ ученицѣ постоян-

ное вниманіе ко всему излагаемому за урокомъ, чтобы показать ей на опытѣ значеніе и всю силу преподаванія, безъ котораго всякое затверживаніе изъ руководства вмѣсто пользы принесетъ положительный вредъ, я не давалъ ей въ руки ариѳметической книги до тѣхъ поръ, пока она не изучила основательно первой части ариѳметики. Вслѣдствіе этого ученица смотрѣла на преподаваніе, какъ на главный источникъ знанія, и своимъ постояннымъ вниманіемъ, вопросами, требуя поясненія или повторенія, доказывала ясно, что она въ данномъ ей руководствѣ видитъ только средство къ изученію всего того, что было преподано ей.

Преподаваніе ариѳметики Софьѣ Васильевнѣ продолжалось не болѣе двухъ съ половиною лѣтъ. Къ концу этого времени она такъ превосходно знала всю ариѳметику, такъ отлично рѣшала даже самыя трудныя задачи, нападая сразу на то скрытое, едва замѣтное данное, по которому раскрывала съ рѣдкою логичностью все рѣшеніе, что я нашелъ далеко не лишнимъ, начиная алгебру, пройти весь курсъ ариѳметики Бурдона (въ 2 томахъ), принятой въ то время въ парижскомъ университетѣ. Курсъ этотъ, заключая въ себѣ теорію ариѳметики, назначенъ былъ для молодыхъ людей, вступающихъ въ обширную область математики, но онъ такъ подробно и такъ превосходно изложенъ, что я, не колеблясь, сталъ проходить его съ даровитою ученицею, которая воспользовавшись имъ съ прежнимъ, всегда превосходнымъ, успѣхомъ, еще съ большею легкостью и съ полнымъ интересомъ изучала алгебру, составленную Бурдономъ, принятую въ то время въ институтѣ путей сообщенія. Быстрое соображеніе ученицы, ясный взглядъ на данныя и легкость въ усвоеніи всего преподаваемаго позволили намъ пройти (по ея просьбѣ) даже тѣ отдѣлы, которые могли-бы служить ей съ пользою только при изученіи высшей математики. Уступая желаніямъ ученицы, я, однако-жъ, упражнялъ ее больше всего въ рѣшеніи алгебраическихъ задачъ съ тѣхъ поръ, когда она, зная хорошо уравненія степеней, перешла къ общему изслѣдованію тѣхъ-же уравненій. Въ половинѣ курса алгебры я приступилъ къ преподаванію геометріи.

Синтетическая метода, принятая мною, какъ соотвѣтствующая въ полной мѣрѣ геометріи, принесла видимую пользу. На 6-мъ году курса, ученица изучила съ тѣмъ-же постояннымъ успѣхомъ

планиметрію и стереометрію. Для полнаго и прочнаго знанія пройденныхъ отдѣловъ я давалъ постоянно разнообразныя задачи, въ рѣшеніи которыхъ она, при пособіи алгебры, очень мало затруднялась.

Такою-то дорогою шло преподаваніе математики необыкновенно способной, даровитой ученицѣ, но, отдавая самому себѣ отчетъ въ моихъ педагогическихъ трудахъ и замѣчая болѣе и болѣе усиливавшуюся любовь даровитой ученицы къ этому предмету, я не безъ основанія сталъ тревожиться мыслью: не слишкомъ-ли далеко зашли мы по математикѣ и не сдѣлаетъ-ли это ущербъ другимъ, не менѣе необходимымъ, предметамъ общаго образованія.

Чтобы успокоить себя, я, въ бесѣдѣ съ отцемъ ученицы, передалъ ему все, что относилось къ успѣхамъ въ наукахъ его необыкновенно способной дочери, присовокупляя, что такіе быстрые успѣхи и замѣченная мною сильная любовь ученицы къ математикѣ могутъ довести до результата, противоположнаго ожидаемому; что я радуюсь сердечно всему, что могъ сдѣлать для ученицы, но вмѣстѣ съ тѣмъ не считаю себя въ правѣ продолжать идти такимъ быстрымъ, хотя и вѣрнымъ, шагомъ безъ совѣта и одобренія отца. Отвѣтомъ было пожатіе моей руки и слѣдующія слова, произнесенныя съ чувствомъ: „благодарю, благодарю отъ души за ваши труды съ моею любимою дочерью; а я-такъ не тревожусь, но радуюсь всѣмъ сердцемъ, что Софья такъ сильно полюбила математику, предметъ любимый и отца ея, вѣдь я этого желалъ и, судя по успѣхамъ племянника моего, а вашего ученика Николая, котораго я представлялъ въ морской кадетскій корпусъ, былъ увѣренъ, что вы сдѣлаете еще больше съ моею Софіею. Благодарю, благодарю; прошу васъ продолжать полезные труды съ моею любимою дочерью“.

Я продолжалъ съ прежнимъ успѣхомъ свои занятія, и составилъ планъ преподаванія тригонометріи прямолинейной, а потомъ сферической, когда приблизился къ концу геометріи: но непредвидѣнныя обстоятельства разрушили мои намѣренія.

Болѣзнь старшей сестры моей ученицы заставила, въ началѣ сентября 1866 года, обѣихъ дочерей съ матерью отправиться на зиму въ Швейцарію, въ Монтре.

Хотя въ слѣдующемъ году я и продолжалъ мои занятія съ

С. В. Ковалевскою уже заграницею, но частый переѣздъ изъ одного города въ другой, съ одного мѣста на другое, лишалъ въ теченіи цѣлаго года возможности дѣлать прежніе отличные успѣхи. Въ половинѣ 1867 года, послѣ возвращенія нашего изъ заграницы, наступило время помѣстить въ столичную гимназію младшаго брата моихъ ученицъ, такъ какъ онъ вполнѣ уже былъ приготовленъ мною для поступленія въ 4-й классъ гимназіи [1]). Еще до этого времени ученица моя должна была уѣхать съ старшею сестрою въ Петербургъ, а потому, покончивъ мои учебныя занятія у генерала В. В. Корвинъ-Круковскаго, я принялъ предложеніе невельскаго уѣзднаго предводителя дворянства Евреинова приготовить сына его къ поступленію въ Николаевское кавалерійское училище.

Географія. Одинъ изъ самыхъ занимательныхъ и любопытныхъ по своему содержанію предметовъ былъ еще недавно во мнѣніи даровитыхъ даже учениковъ скучнымъ и труднымъ, потому, во-первыхъ, что аналитическое преподаваніе его совершенно противоположно духу науки, и во-вторыхъ, что метода сколько-нибудь цѣлесообразнаго изложенія учителя не только не могла быть поддержана принятымъ руководствомъ, но и находилась съ нимъ въ разладѣ. Благодаря, однако-жъ, трудамъ знаменитыхъ педагоговъ Дистервега, Денцеля и въ особенности Риттера, основательное изученіе географіи, занявшей мѣсто между самостоятельными науками, можетъ быть вполнѣ доступнымъ. Метода преподаванія, выработанная этими учеными, совершенно противоположна бывшей до сихъ поръ у насъ въ ходу. Она имѣетъ въ своемъ основаніи не анализъ, а синтезисъ и вполнѣ согласна съ неопровержимымъ положеніемъ Песталоцци: переходить всегда отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ близкихъ окружающихъ человѣка предметовъ къ дальнимъ, менѣе или вовсе неизвѣстнымъ. Недостатки въ руководствѣ, вполнѣ соотвѣтствующемъ этой методѣ, есть, я полагаю, главная причина непринятія ея въ общественныхъ заведеніяхъ, но въ частномъ преподаваніи она сущій кладъ для учителя, если только онъ, въ виду пользы, которую несомнѣнно можетъ принести, не остано-

[1]) Этотъ юноша впослѣдствіи окончилъ курсъ съ званіемъ кандидата по математическому факультету въ с.-петербургскомъ университетѣ.

I. М.

вится передъ трудомъ репетировать съ учащимися все то, что было имъ преподано и чего или нельзя найти въ руководствѣ, или такъ разбросано въ немъ, что распредѣленіе матеріала въ условной системѣ не подъ силу воспитанникамъ.

Можетъ-ли быть естественнѣе, какъ начинать **землевѣдѣніе** съ той мѣстности, которая болѣе или менѣе знакома учащимся? Не цѣлесообразнѣе-ли идти шагъ за шагомъ отъ усвоеннаго, уже извѣстнаго, къ ближайшему, еще не знакомому, и такимъ образомъ расширить кругозоръ ученика до крайнихъ предѣловъ или, лучше сказать, до точки соприкосновенія съ тою мѣстностью, съ которой началось обозрѣніе? Безъ всякихъ предварительныхъ опредѣленій и заучиванія географическихъ терминовъ я начиналъ со многими учениками съ **отчизновѣдѣнія**, т. е. приступалъ къ обзору той мѣстности, въ которой они живутъ, въ которой все имъ знакомо и при моемъ разсказѣ живо обрисовывается въ воображеніи.

Прежде всего я знакомилъ ученицу со всѣмъ окружающимъ отъ ручейка до большаго озера, отъ качества земли въ цвѣтникѣ или саду до разнообразной почвы на пахатныхъ поляхъ; отъ булыжника до драгоцѣнныхъ камней, отъ домашнихъ животныхъ до дикихъ звѣрей, которыхъ встрѣчалось ей иногда видѣть; отъ сельца, въ которомъ она жила, до большихъ селеній, мѣстечекъ и городовъ, однимъ словомъ—я раскрывалъ полную картину всего окружающаго въ вѣрныхъ, ясныхъ и опредѣленныхъ формахъ. Вслѣдъ за этимъ я велъ ее отъ сельца, какъ отъ центра, по дорогамъ въ разныхъ направленіяхъ; ознакомилъ со всѣмъ тѣмъ, что только можно было встрѣтить, но не иначе, какъ чертивши планъ странствованія на бумагѣ или доскѣ и доводилъ такимъ образомъ до уѣзднаго города. Тамъ, разсмотрѣвши все, что только могло заинтересовать пытливый взоръ, мы знакомились съ цѣлымъ городомъ. Черченіе карты становилось болѣе обязательнымъ для ученицы: физіономія Невельскаго уѣзда, взятая изъ карты большаго масштаба, пограничные уѣзды своей, Витебской, и сопредѣльныхъ губерній, замѣчательныя мѣста, нѣкоторыя озера, рѣки, заселенныя земли, лѣса, болота, пустыри или песчаныя мѣста, затѣмъ народонаселеніе городское и сельское, и подраздѣленіе его по вѣрѣ и происхожденію, фабричная и сельская промышленность, степень образованія, нравы, обычаи и т. д., было предметомъ изуче-

нія. Отъ своего уѣзда переходили мы въ другіе, той-же губерніи, изученіе которыхъ, сопровождавшееся непремѣннымъ черченіемъ карты, было уже успѣшнѣе, и мало по малу знакомились со всею губерніею. Потомъ брали ближайшую къ мѣсту жительства губернію и, при такихъ-же условіяхъ (за исключеніемъ отдѣльнаго черченія уѣздовъ), изучали по тѣмъ даннымъ, которыя я до тѣхъ поръ могъ пріобрѣсть изъ разныхъ источниковъ. Кончивши одинъ кругъ, коего центромъ была Витебская губернія, мы сдѣлали такимъ-же образомъ другой, потомъ третій, четвертый и т. д. и такими концентрическими кругами изучили всю Европейскую Россію, и изучили въ возможной степени основательно, потому что обозрѣніе было раціонально. Сверхъ того, статистическія данныя, климатическія условія и зависимость отъ нихъ обитателей, нарѣчіе тѣхъ или другихъ жителей, мѣстныя удобства жизни, произведенія земли, зависящія отъ почвы и климата, а вслѣдствіе того ихъ промышленная и торговая дѣятельность, системы рѣкъ и пути сообщенія, однимъ словомъ, все, что только представляетъ намъ наука, было предметомъ изученія и сдѣлалось достояніемъ ученицы.

Вотъ, по возможности, подробный очеркъ синтетической методы въ преподаваніи географіи при естественномъ переходѣ отъ отчизновѣдѣнія къ отечествовѣдѣнію. Само собою разумѣется, что черченіе, какъ необходимое условіе полнаго знанія мѣстности, было непремѣнною принадлежностью каждаго урока.

Въ одно время съ разсказомъ дѣлалось черченіе на доскѣ съ правильнымъ контуромъ губерніи, а потомъ и цѣльнаго государства, съ обозначеніемъ городовъ, озеръ системы рѣкъ главныхъ и побочныхъ, направленіемъ горъ и т. п. Съ успѣхомъ въ черченіи поставлялось въ обязанность наносить на особой бумагѣ, склеенной изъ нѣсколькихъ листовъ, всѣ, по очереди, изученныя губерніи, начиная съ Витебской. При этой работѣ, которая служила доказательствомъ пріобрѣтеннаго знанія, ученица постаралась удовлетворить всѣмъ условіямъ правильнаго, отчетливаго черченія.

При такой-то методѣ Софья Васильевна, покончивъ Европейскую Россію, изучила Азіатскую, а потомъ пришла къ подобному-же обозрѣнію государствъ, ближайшихъ къ Россіи и затѣмъ всей Европы. Отъ этой послѣдней перешли мы къ Азіи, потомъ

Африкѣ, наконецъ, къ Америкѣ и Австраліи, не отклоняясь отъ всѣхъ прежнихъ условій. Для лучшаго знакомства съ другими частями свѣта, я посвящалъ небольшую часть урока на чтеніе весьма дѣльныхъ и довольно подробныхъ статей, помѣщенныхъ въ разное время въ нашихъ педагогическихъ журналахъ, или читалъ нѣкоторыя мѣста изъ обширныхъ сочиненій, относящихся бо́льшею частью къ физическому обозрѣнію разныхъ мѣстъ земнаго шара или государствъ.

Всеобщая исторія. Изъ всѣхъ методъ преподаванія всеобщей исторіи я отдавалъ всегда преимущество, при обозрѣніи событій древняго міра, этнографическому способу, тѣсно соединенному съ синхронистическимъ. Метода эта, сдѣлавшаяся съ давнихъ поръ достояніемъ преподавателей, считается болѣе удобною какъ потому, что другія не совсѣмъ еще разработаны, такъ еще и потому, что руководства наши, безъ которыхъ элементарное преподаваніе немыслимо, составлены именно по этой методѣ. Но чтобы основательно изучить древнюю исторію, ученикъ долженъ непремѣнно, по мѣрѣ накопленія хронологическаго матеріала составлять синхронистическія таблицы. Конечно, въ этомъ случаѣ предполагается пособіе со стороны преподавателя: ученику необходимо, по крайней мѣрѣ при первыхъ опытахъ, предложить образцы составленія таблицъ, указать на способъ распредѣленія хронологическаго матеріала, на отдѣленіе необходимаго отъ менѣе важнаго и т. п. Послѣ составленія того или другаго отдѣла, провѣреннаго и исправленнаго преподавателемъ, ученикъ обязанъ усвоить себѣ все, что имъ отмѣчено, такимъ образомъ, чтобы знать не только годъ какого-либо факта, но и разсказать что происходило одновременно въ существовавшихъ тогда государствахъ. Только при такихъ условіяхъ, какъ мнѣ кажется, изученіе исторіи будетъ основательно и можетъ навсегда остаться въ памяти. Въ преподаваніи исторіи я наблюдалъ, чтобы мое повѣствованіе было просто, ясно, понятно и живо. Избѣгая многословія, которое въ изложеніи историческихъ фактовъ можетъ затемнить, а нерѣдко и перепутать ходъ событій, я старался приблизиться къ обыкновенному разсказу или бесѣдѣ, и касался подробностей только въ такомъ случаѣ, когда онѣ становились необходимы для поясненія и рельефнаго изображенія болѣе выдающихся событій.

Въ преподаваніи всеобщей исторіи я видѣлъ не одну только цѣль — знать твердо предметъ въ бо́льшей или меньшей рамкѣ

обзора, но при всякомъ удобномъ случаѣ я считалъ обязательнымъ для себя извлекать изъ фактовъ то полезное для ученицы, то вѣрное пониманіе жизни разсматриваемаго народа или замѣчательной исторической личности, тѣ поучительные примѣры, обрисовывающіеся рельефно и всегда полезные въ предстоящей жизни новаго поколѣнія, которые, вліяя на умъ и сердце чистаго душою ученика или ученицы, производятъ драгоцѣнные плоды какъ для нихъ самихъ, такъ и для всего общества, которому они принадлежатъ. Предохранять взглядъ питомцевъ отъ низкаго пониманія жизни и вести въ такое время къ высшимъ интересамъ, указывать на мрачныя картины, съ цѣлью возбудить справедливое отвращеніе отъ всего дурнаго, отъ всего недостойнаго честнаго человѣка и освѣтить, съ другой стороны, идеалъ прекраснаго, великаго и достойнаго подражанія,—вотъ нѣкоторыя изъ числа многихъ другихъ условій, строго исполнявшихся мною при преподаваніи исторіи. Соблюдая свято всѣ основы нравственно-религіознаго воспитанія, я дѣйствовалъ на учениковъ при урокахъ исторіи тѣмъ вѣрнѣе и, само собою, благотворнѣе, что указанія мои, безъ всякихъ разглагольствованій, были прямыя, ясныя и неподлежавшія никакому сомнѣнію. Такъ понималъ я всегда великое значеніе преподаванія исторіи и всѣми силами старался воздѣйствовать благотворно на умъ бывшей моей ученицы Софьи Васильевны.

Въ предпослѣдніе два года моего преподаванія я прошелъ съ моею ученицею съ отличнымъ успѣхомъ средневѣковую и новую исторію. Сверхъ яснаго и, по силѣ возможности, полнаго изложенія каждаго урока всеобщей исторіи, я считалъ, какъ и прежде, весьма полезнымъ читать въ оставшееся отъ уроковъ время пространную „Всеобщую Исторію“ К. Ф. Беккера, но читалъ только то, что уже пройдено, слѣдовательно, чтеніе исторіи въ такомъ случаѣ служило и возобновленіемъ въ памяти извѣстныхъ уже фактовъ, и болѣе обширнымъ ихъ пониманіемъ. При этихъ занятіяхъ вносились въ хронологическія замѣтки и такіе факты, на которые или я указывалъ, или ученица сама находила полезнымъ ихъ отмѣтить.

Исторія Россіи. Преподаваніе отечественной исторіи должно быть довершеніемъ тѣхъ непремѣнныхъ и дорогихъ для сердца началъ, которыя, вселяясь въ душу ребенка съ колыбели, усиливаются съ возрастомъ и порождаютъ, наконецъ, святую, неизмѣнную

и горячую любовь къ родинѣ. Въ стремленіи къ этой высокой цѣли преподаватель не довольствуется уже вѣрнымъ изложеніемъ событій: у него другая, высшая цѣль. Онъ указываетъ на событія, какъ на источникъ, изъ котораго воспитанникъ почерпаетъ качества, свойственныя доблестному гражданину; онъ благоговѣетъ передъ великими подвигами сыновъ Россіи и, проникнутый самъ святыми чувствами къ родной землѣ, зажигаетъ мало по малу въ питомцѣ неугасаемый свѣтильникъ высокой любви къ отечеству, любви, готовой всегда жертвовать всѣми своими силами, всѣмъ достояніемъ и самою жизнью. Но для такой великой цѣли необходима извѣстная степень моральной зрѣлости учащагося; необходимо подготовленіе постепенное, обдуманное и далекое отъ преувеличеній и тѣмъ болѣе неправды; здѣсь наблюдается зорко, чтобы наполненный сосудъ до края не переполнить излишнею каплею, и тѣмъ не потерять живительной влаги. Воспитатели и наставники, по мѣрѣ развивающихся способностей питомцевъ, знакомятъ понемногу, или въ разсказахъ, или въ чтеніи, съ великими личностями нашего отечества, съ важнѣйшими событіями и преимущественно съ такими, въ которыхъ живо отражается любовь къ отечеству.....

Нѣтъ страницы, нѣтъ мѣста, взятаго изъ исторіи на выдержку, изъ которыхъ опытный и дальновидный наставникъ не повліялъ-бы тѣмъ или другимъ путемъ на свѣжія, воспріимчивыя силы своего воспитанника или воспитанницы.....

Преподаваніе русской исторіи моей ученицѣ началось съ обозрѣнія древнѣйшихъ историческихъ памятниковъ нашего отечества; я читалъ по очереди многія статьи историческаго содержанія, помѣщенныя въ разное время въ повременныхъ изданіяхъ и приведенныя мною въ нѣкоторую систему, съ соблюденіемъ хронологическаго порядка. Чтеніе это сопровождалось толкованіями, объясненіями и т. п., и продолжалось до тѣхъ поръ, когда систематическое изученіе сдѣлалось уже насущною потребностью.

Если въ трудныхъ научныхъ предметахъ моя ученица дѣлала отличные успѣхи, то въ исторіи Россіи, при своей превосходной памяти и увлекательномъ дарѣ слова, успѣхи ея не оставляли желать ничего лучшаго. Какъ всеобщая исторія, такъ и отечественная дополнялась чтеніемъ статей нашихъ дѣятелей въ области этой науки, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, и затѣмъ, болѣе всего, чтеніемъ значительныхъ отрывковъ изъ „Исторіи

Государства Россійскаго" Н. М. Карамзина и „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ" С. М. Соловьева.

До 1866 года свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ ограничивались популярнымъ изложеніемъ общаго понятія о зоологіи, ботаникѣ, минералогіи и важнѣйшихъ физическихъ явленіяхъ въ природѣ. Съ этою цѣлью я читалъ моей ученицѣ многія, избранныя мною, статьи по всѣмъ тремъ царствамъ, дополняя ихъ всѣмъ тѣмъ, что могло болѣе освѣтить и заинтересовать пытливый умъ ученицы; солидное-же изученіе естественныхъ наукъ и въ особенности физики было отложено до послѣднихъ двухъ годовъ моего преподаванія; но предположеніе это было разрушено, какъ я сказалъ выше, поѣздкою заграницу, а потомъ въ Петербургъ, по случаю нездоровья старшей сестры моей ученицы.

Многое мнѣ хотѣлось-бы сказать тебѣ еще, дорогой мой другъ Михаилъ Ивановичъ, о моихъ педагогическихъ трудахъ въ 1858—1867 гг., когда въ теченіи почти девяти лѣтъ я далъ общее и, благодаря рѣдкимъ способностямъ моей ученицы Софіи Васильевны, солидное образованіе, открывшее ей дорогу къ достиженію высшихъ знаній и поставившее ее въ ряду свѣтилъ науки, но рѣшительно не въ силахъ писать много [1]), такъ какъ опасаюсь окончательно лишиться зрѣнія: на правомъ глазѣ у меня образовался неизлечимый катарактъ, а лѣвый, вслѣдствіе перекрестныхъ нервовъ до того пострадалъ отъ праваго, что каждый прямолинейный предметъ представляется въ согнутомъ видѣ, а отъ этого печатныя буквы, то искривляясь, то исчезая, то опять появляясь въ точкѣ зрѣнія, насилу позволяютъ разбирать даже крупный шрифтъ: писать-же еще могу, по навыку, наизусть, наблюдая только, чтобы строка не набѣжала на другую.

За всѣмъ тѣмъ, скажу что́ знаю о трудахъ С. В. Ковалевской для достиженія высшей ученой степени и того положенія въ свѣтѣ, которое занимаетъ эта необыкновенная женщина.

Не лишнимъ, однако-жъ, считаю начать мое повѣствованіе восъ очерка всего того, что можетъ заинтересовать каждаго желающаго имѣть свѣдѣнія о нашей соотечественницѣ, первой, къ славѣ Россіи, женщинѣ-профессорѣ на каѳедрѣ высшей математики.

---

[1]) Уважаемому автору въ 1890 году—семьдесятъ восьмой [78-й] годъ отъ рожденія, онъ родился 7-го января 1813 г. См. наше изданіе „Альбомъ—Знакомые". Спб. 1888 г., стр. 108. Ред.

II.

Софья Васильевна Ковалевская, рожденная Корвинъ-Круковская, по документамъ на дворянское происхожденіе, считаетъ своимъ предкомъ Матвѣя Корвина, короля венгерскаго. Дѣйствительно, развѣтвленіе рода Корвина должно быть значительно, когда въ гербовникѣ мы находимъ: Корвинъ-Круковскихъ, Корвинъ-Красинскихъ и другихъ, происходящихъ отъ Корвина. Кстати сказать здѣсь, что президентъ парижской академіи наукъ, извѣстный астрономъ и физикъ, Жансанъ, при объявленіи премій и наградъ, присужденныхъ академіею за представленные ей научные труды, 12 (24) декабря 1888 г., сказалъ въ своей рѣчи, между прочимъ, слѣдующее:

— „Господа, между вѣнками, которые даемъ мы сегодня, одинъ изъ прекраснѣйшихъ и труднѣйшихъ для достиженія будетъ возложенъ на чело женщины. Г-жа де-Ковалевская получила въ этомъ году большую премію по математическимъ наукамъ. Наши сочлены по отдѣленію геометріи, разсмотрѣвъ мемуаръ, представленный ею на конкурсъ, признали въ трудѣ этомъ не только свидѣтельство глубокаго, широкаго знанія, но и признаки ума великой изобрѣтательности. Г-жа де-Ковалевская—профессоръ въ университетѣ въ Стокгольмѣ, гдѣ образуетъ изъ слушателей своихъ ученыхъ математиковъ. Она происходитъ отъ венгерскаго короля Матвѣя Корвина, который былъ не только великій воинъ, но и просвѣщенный покровитель наукъ, литературы и искусствъ. Очевидно, что послѣднее качество наслѣдовала де-Ковалевская отъ своего знаменитаго предка, и мы поздравляемъ ее съ этимъ“.

Итакъ, при высокой научной почести, возданной русской женщинѣ-математику, пріятной для насъ, русскихъ, г. Жансанъ указалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на происхожденіе С. В. Ковалевской отъ Матвѣя Корвина, короля венгерскаго.

С. В. Ковалевская родилась въ Москвѣ. Отецъ ея, генералъ-лейтенантъ артиллеріи, служившій тогда начальникомъ московскаго арсенала, былъ человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ, хорошо образованный, любилъ математику, читалъ много, слѣдилъ за успѣхами наукъ и искусствъ и, обладая отличною памятью, выказывалъ недюжинныя способности. Мать Софьи Васильевны,

женщина добрѣйшей души и отличнаго образованія, была дочерью генерала отъ инфантеріи Ѳедора Ѳедоровича Шуберта, начальника, въ теченіи многихъ лѣтъ, корпуса топографовъ и топографическаго депо, человѣка ученаго и математика, бывшаго въ постоянныхъ научныхъ сношеніяхъ съ членами нашей академіи наукъ и извѣстнаго своими астрономическими статьями, а дѣдъ ея, слѣдовательно прадѣдъ С. В. Ковалевской, былъ въ концѣ прошлаго столѣтія извѣстный у насъ астрономъ, давшій превосходное образованіе своему сыну, впослѣдствіи генералу. Такимъ образомъ, дѣдъ и прадѣдъ были отличные математики, поэтому неудивительно, что она унаслѣдовала отъ отца, дѣда и прадѣда рѣдкія способности въ математикѣ.

При первой встрѣчѣ съ моею даровитою ученицею, въ октябрѣ 1858 года, я видѣлъ въ ней восьмилѣтнюю дѣвочку, довольно крѣпкаго сложенія, милой и привлекательной наружности, въ карихъ глазахъ которой свѣтился воспріимчивый умъ и душевная доброта. Въ первыя-же учебныя занятія она обнаружила рѣдкое вниманіе, быстрое усвоеніе преподаннаго, совершенную, такъ сказать, покладливость, точное исполненіе требуемаго и постоянно хорошее знаніе уроковъ. Развивая ея способности по методѣ вышеизложенной, я не могъ, однако-жъ, замѣтить при первыхъ урокахъ ариѳметики особыхъ способностей къ этому предмету: все шло такъ, какъ съ прежними моими ученицами, и даже я былъ смущенъ по слѣдующему случаю. Однажды, за обѣдомъ, генералъ спросилъ свою любимую дочь: „Ну что, Софа, полюбила-ли ты ариѳметику?“—„Нѣтъ, папочка“, былъ ея отвѣтъ.—„Такъ полюбите-же ее и полюбите больше, чѣмъ другіе научные предметы!“ сказалъ я съ нѣкоторымъ волненіемъ. Не прошло четырехъ мѣсяцевъ, какъ ученица моя, почти на такой-же вопросъ отца, сказала:

„Да, папочка, люблю заниматься ариѳметикою, она доставляетъ мнѣ удовольствіе“.

Отецъ улыбнулся и, очевидно, былъ радъ отвѣту своей дочери. Чѣмъ больше ученица моя успѣвала въ начальныхъ наукахъ, тѣмъ больше я приходилъ къ убѣжденію, что съ нею пойду легко и далеко.

Прошли три-четыре года всегда успѣшныхъ занятій безъ всякихъ выдающихся эпизодовъ, но когда дошли мы въ геометріи до отношенія окружности круга къ діаметру, которое я преподалъ со всѣми доказательствами и выводами, ученица моя,

излагая данное при слѣдующемъ урокѣ, къ удивленію моему, пришла совсѣмъ другимъ путемъ и особенными комбинаціями къ тому-же самому выводу. Я потребовалъ повторить и, думая, что она не совсѣмъ поняла мое изложеніе, сказалъ, что хотя выводъ вѣрный, но не слѣдуетъ прибѣгать къ рѣшенію черезчуръ окольнымъ путемъ, а потому потребовалъ изложить такъ, какъ я преподалъ. Не знаю, была-ли она сконфужена моимъ неожиданнымъ требованіемъ или, быть можетъ, я задѣлъ ея самолюбіе, только она сильно покраснѣла, потупила глаза и заплакала. Я постарался успокоить ее ласковыми словами, ободрилъ, урезонилъ и, повторивши данное, отложилъ все до слѣдующаго урока. Это были первыя и послѣднія слезы ученицы за урокомъ во все время моего девятилѣтняго ей преподаванія. Въ тотъ-же день я передалъ этотъ случай генералу, и когда пояснилъ все дѣло, то онъ, какъ старый математикъ, похвалилъ изобрѣтательность своей дочери и сказалъ: „Молодецъ Софа! Это не то, что было въ мое время. Бывало радъ-радъ, когда знаешь хоть кое-какъ данный урокъ, а тутъ сама, да еще дѣвочка, нашла себѣ другую дорогу“,—и, очень обрадованный, пожалъ крѣпко мою руку. Какъ-бы то ни было, а нельзя при этомъ случаѣ не сказать съ г. Жансаномъ, что С. В. Ковалевская, даже въ элементарномъ курсѣ, бывши еще 12 — 13 лѣтъ, обнаруживала признаки ума великой изобрѣтательности.

Въ свободное отъ занятій время, я, какъ и со всѣми моими учениками и ученицами, поступалъ не какъ учитель, а какъ товарищъ: болталъ съ нею о томъ, о другомъ, часто дѣтскимъ наивнымъ образомъ, заставлялъ ученицу увлекаться, и съ удовольствіемъ раздѣлять свой взглядъ или мнѣніе даже о предметахъ, не имѣющихъ особеннаго значенія.

Мнѣ было болѣе 50 лѣтъ, но благодаря моему живому характеру, любя всегда дѣтей, я раздѣлялъ съ ученицею ея дѣтскія забавы, спускалъ при осеннемъ вѣтрѣ огромнаго змѣя, игралъ мячикомъ и т. п. Вспомнивъ игру мячикомъ, разскажу слѣдующее:

Ученицѣ моей могло быть тогда 13—14 лѣтъ, когда сталъ я замѣчать, что она послѣ вечерняго чая, который подавался въ комнатѣ, смежной съ большимъ заломъ, играетъ мячикомъ часъ и болѣе времени. Игра состояла въ томъ, что она, отбивая мячикомъ по полу, шагала съ нимъ вдоль и поперекъ зала. Постоянная эта забава въ осенніе и зимніе вечера навела меня

на мысль, что игра мячикомъ только средство, а цѣль должна быть другая. Послѣ многихъ попытокъ мнѣ удалось вызвать ученицу на откровенность. Она созналась, что хотя игра мячикомъ доставляла ей отличный моціонъ, но это дѣлалось не для моціона; мысли ея уносятся далеко: то научные предметы возбуждаютъ желаніе достигнуть совершенныхъ знаній, то желаніе заглянуть, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, то воображаемыя путешествія по разнымъ мѣстамъ Европы, а потомъ и по разнымъ частямъ свѣта; однимъ словомъ—мысль стремилась въ даль, не къ постройкѣ воздушныхъ замковъ, которые такъ часто увлекаютъ человѣка въ юности, но къ цѣли осуществимой. Я воспользовался откровенностью ученицы и часто предлагалъ ей раздѣлить эти мечты. Предметомъ для нихъ служили сужденія о тѣхъ или другихъ наукахъ и о пути для достиженія лучшихъ свѣдѣній, или, что ей очень нравилось, мы совершали путешествія, начиная съ Палибина и обозрѣвая шагъ за шагомъ все замѣчательное на нашемъ пути. Мы въ нашихъ бесѣдахъ перебывали и во всѣхъ европейскихъ столицахъ; мы обозрѣвали тамъ музеи, библіотеки, посѣщали ученыя общества въ ихъ засѣданіяхъ, университетскія лекціи, обозрѣвали по очереди знаменитыя въ свѣтѣ зданія, однимъ словомъ, все, что только я могъ припомнить интереснаго, было предметомъ нашихъ мечтаній, раздѣляемыхъ ею съ большимъ удовольствіемъ. Нынѣ, вспоминая объ этихъ развлеченіяхъ, прихожу къ заключенію, что тѣ или другія мечты далеко были не сооруженіе воздушныхъ замковъ. Наука, и самая серьезная, сдѣлалась конечною цѣлью бывшей моей ученицы; путешествія мы совершали первый разъ вмѣстѣ, а потомъ она въ неоднократныхъ поѣздкахъ своихъ съ сестрою заграницу познакомилась со всѣмъ тѣмъ, что прежде составляло одну только мечту.

Необыкновенные успѣхи моей ученицы въ отечественной словесности были поводомъ къ мечтѣ моей о высшемъ ея образованіи, послѣ котораго, благодаря своей талантливости, могла-бы она занять видное мѣсто въ нашей литературѣ.

Весьма рано также проявилось въ ней стремленіе къ стихотворству. Имѣя только пять лѣтъ, она увлекалась поэзіею до такой степени, что сама сочиняла стишки, изъ которыхъ одни, подъ заглавіемъ „Пловецъ“, остались у нея въ памяти. Они начинались такъ: „Бросаюсь въ воду я!..“, а оканчивались: „Теряюсь духомъ я... и умираю“. Въ стихахъ этихъ она старалась

выразить ощущеніе пловца, боровшагося съ волнами. Софья Васильевна заплатила дань, присущую юности, восхищенной поэзіею, желающей излить свои чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ испробовать свои силы въ стихотворствѣ. Вскорѣ, однако-жъ, математика взяла верхъ надъ словесностью и стихотворство было оставлено.

Успѣхи дочерей В. В. Корвинъ-Круковскаго въ наукахъ до моего пріѣзда въ Палибино (въ 1858 г.) были въ полной мѣрѣ ничтожны, за исключеніемъ французскаго и англійскаго языковъ, преподаваемыхъ англичанкою-гувернанткою. Успѣхи ученицъ въ этихъ языкахъ были хороши, но литература ихъ, повидимому, была незнакома и самой гувернанткѣ, а потому, отказавъ англичанкѣ, позаботились найти гувернантку швейцарку, родомъ изъ невшательскаго кантона, особу, совершенно противуположную въ характерѣ первой [1]), среднихъ лѣтъ, кроткую, тихую и добрую. Съ нею ученица моя ознакомилась вполнѣ, въ теченіи года, съ французскою литературою.

Побывать заграницею было мечтою моей ученицы, и потому генералъ, желая доставить удовольствіе любимой своей дочери, согласился на ея поѣздку.

1-го сентября 1866 года жена генерала отправилась съ дочерьми заграницу. Въ святки 1866 г. въ Палибинѣ получено было письмо отъ Софьи Васильевны, съ убѣдительною просьбою къ отцу пріѣхать къ нимъ и пригласить непремѣнно меня съ математическими книгами, присовокупляя, что она имѣетъ достаточно времени, чтобы заняться математикою. Черезъ недѣлю генералъ спросилъ меня, согласенъ-ли я ѣхать съ нимъ заграницу, такъ какъ онъ беретъ и сына, моего ученика. Я согласился, и вотъ мнѣ довелось провести нѣсколько счастливѣйшихъ мѣсяцевъ въ путешествіи съ моими ученицами и ихъ братомъ, моимъ ученикомъ, въ прелестной Швейцаріи и въ Германіи.

Осуществились мечты, которыя кружили голову моей даровитой ученицы, Софьи Васильевны, еще въ раннемъ возрастѣ, при ея бѣготнѣ и игрѣ въ мячикъ.

Въ Швальбахѣ я началъ свои занятія съ моими милыми ученицею и ученикомъ; сверхъ того, былъ приглашенъ учитель нѣ-

[1]) Характеристика первой, именно англичанки, превосходно начертана Е. В. Ковалевскою въ ея „Воспоминаніяхъ“ („Вѣстникъ Европы“ 1890 г., іюль и августъ). Ред.

мецкаго языка, которому впервые начала учиться Софья Васильевна.

. . . . . .

На возвратномъ нашемъ пути изъ за границы въ Невельскій уѣздъ, въ Вильнѣ я имѣлъ истинное удовольствіе познакомиться съ Иваномъ Петровичемъ Корниловымъ, бывшимъ тогда попечителемъ виленскаго учебнаго округа, весьма симпатичнымъ и умнымъ человѣкомъ; онъ пробылъ цѣлый вечеръ у стараго своего знакомаго Василія Васильевича Корвинъ-Круковскаго, который меня и отрекомендовалъ ему.

Въ дорогѣ къ Палибину зашла рѣчь у меня съ В. В. и Е. Ѳ. Корвинъ-Круковскими о единственномъ ихъ сынѣ, моемъ ученикѣ. Въ виду того, что очень способный мальчикъ былъ вполнѣ приготовленъ для поступленія въ 4-й классъ гимназіи и, принимая во вниманіе, что подъ предлогомъ упражненія въ иностранныхъ языкахъ, онъ постоянно находился въ свободное время у гувернантки или у сестеръ, отъ чего, вмѣсто усвоенія всего, свойственнаго мужчинѣ, на немъ лежитъ сильный, и можетъ быть уже неизгладимый, отпечатокъ женственности, безъ малѣйшаго признака самостоятельнаго характера, я совѣтовалъ помѣстить его непремѣнно въ слѣдующій учебный годъ въ одну изъ петербургскихъ гимназій.

Добросовѣстный, прямодушный совѣтъ мой, съ указаніемъ на несостоятельность воспитанія мальчика подъ руководствомъ женщинъ, видимо не понравился обоимъ. Генералъ заявилъ, что онъ желаетъ еще одинъ годъ продержать у себя сына, да и довершеніе образованія младшей дочери требуетъ столько-же времени. Я возразилъ, что относительно ученицы не имѣю ничего сказать, но что касается ученика, то, поступая по совѣсти, какъ честный человѣкъ, стою твердо на своемъ и ни въ какомъ случаѣ не перемѣню своего мнѣнія.

Категорическое заявленіе мое генералу о необходимости отдать сына его въ гимназію было нѣкоторое время предметомъ семейныхъ совѣщаній, послѣ которыхъ генералъ сообщилъ мнѣ о намѣреніи своемъ помѣстить мальчика въ гимназію съ новаго года, такъ какъ надо прежде разузнать, въ какое заведеніе лучше и удобнѣе для нихъ отдать сына. Для этой цѣли жена его съ дочерьми должна на-дняхъ уѣхать въ Петербургъ, а онъ, ожидая положительнаго устройства этого дѣла, остается въ деревнѣ и

проситъ меня продолжать занятія съ сыномъ его до отъѣзда въ Петербургъ, на что я и согласился.

Съ помѣщеніемъ единственнаго сына въ гимназію вся семья переселилась въ столицу; а потому, съ окончаніемъ занятій моихъ съ ученикомъ, должны были они прекратиться и съ ученицею моею, Софьею Васильевною.

Передъ Крещеніемъ, въ 1868 году, генералъ, простившись со мною, уѣхалъ съ сыномъ въ Петербургъ, а я, переговоривши съ невельскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Николаемъ Ивановичемъ Евреиновымъ, переѣхалъ къ нему.

Скоро узналъ я, что Софья Васильевна брала уроки математики въ Петербургѣ, а потомъ, спустя нѣкоторое время, уроки эти прекратились. Въ каникулы 1868 г. я отдыхалъ отъ занятій у нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ и, по дорогѣ, заѣхавши въ Палибино, нашелъ тамъ всѣхъ, пріѣхавшихъ на лѣто въ деревню, и познакомился съ Владиміромъ Онуфріевичемъ Ковалевскимъ, искавшимъ руки Софьи Васильевны. Въ половинѣ сентября тогоже года получено было мною письмо Софьи Васильевны, съ приглашеніемъ меня на ея свадьбу. Я поѣхалъ въ Палибино съ Н. И. Евреиновымъ и дочерью его, а на другой день присутствовалъ при вѣнчаніи въ приходской церкви. Во время роскошнаго обѣда была уже подана карета для новобрачныхъ, которые сейчасъ-же и уѣхали въ Петербургъ.

III.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы своей, въ половинѣ 1869 года, Ковалевскіе поѣхали заграницу, согласно плану, давно составленному ими. Цѣль поѣздки Софьи Васильевны была—слушать курсы математики въ тѣхъ университетахъ, двери которыхъ не закрыты для женщинъ. Хотя Владиміръ Онуфріевичъ Ковалевскій кончилъ отлично курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, но, любя геологію и слѣдуя примѣру жены своей, пожелалъ слушать лекціи по этому предмету въ разныхъ университетахъ. Послѣ посѣщенія ими Парижа, а потомъ Лондона, гдѣ они познакомились съ нѣкоторыми учеными знаменитостями, Софья Васильевна поѣхала въ Гейдельбергъ и въ теченіи двухъ лѣтъ прилежно посѣщала лекціи по математическому факультету въ тамошнемъ

университетѣ, а мужъ ея отправился въ Іенскій университетъ, откуда, въ каникулярное время, дѣлалъ экскурсіи въ Пиренейскія и другія горы и занимался изслѣдованіемъ всего того, что относится къ геологіи.

Въ сентябрѣ 1872 г. мнѣ довелось повидаться съ Софьею Васильевной въ Палибинѣ, гдѣ она провела все то лѣто. Конечно, послѣ трехъ лѣтъ ея отсутствія было о чемъ поговорить; но при всемъ ею разсказанномъ меня радовало болѣе всего то, что она въ теченіи нѣсколькихъ семестровъ слушала съ большимъ успѣхомъ курсъ математики въ Гейдельбергскомъ университетѣ знаменитаго въ то время профессора въ южной Германіи; но такъ какъ Пруссія послѣ успѣшной войны съ Франціею привлекла въ Берлинъ лучшія ученыя силы Германіи, то Софья Васильевна рѣшилась попытаться получить позволеніе слушать лекціи одного изъ извѣстнѣйшихъ математиковъ въ Берлинѣ. На другой день послѣ нашего свиданія она отправилась въ столицу Пруссіи.

Послѣ моей отставки, по службѣ министерства народнаго просвѣщенія, въ званіи домашняго наставника-учителя, съ конца 1871 года, я, по приглашенію генерала В. В. Корвинъ-Круковскаго, переѣхалъ жить на покой въ Палибино.

Изъ писемъ, получаемыхъ изрѣдка генераломъ отъ Софьи Васильевны, я зналъ, что хотя Берлинскій университетъ не допускаетъ женщинъ слушать лекціи, но ей удалось познакомиться съ знаменитымъ профессоромъ математики Вейерштрассе. Увлеченный солидными познаніями Софьи Васильевны и желаніемъ довершить полное изученіе математики, профессоръ до такой степени заинтересовался, что, сблизившись съ нею, самъ предложилъ не только всѣ пособія и очень цѣнныя университетскія записки по математикѣ, но, что въ высшей степени обязательно и незамѣнимо, предложилъ приходить къ ней два или три раза въ недѣлю для математическихъ бесѣдъ, которыя, само собою разумѣется, во сто кратъ были полезнѣе, чѣмъ слушать лекціи въ аудиторіяхъ, не имѣя права спросить объясненія или повторенія.

Въ каникулярнее время 1873 года Софья Васильевна пріѣзжала на нѣсколько недѣль въ Палибино со своею пріятельницею Лермонтовою, учившеюся въ одномъ изъ заграничныхъ университетовъ химіи, и, отдохнувши, уѣхала опять въ Берлинъ.

Въ началѣ 1874 года, Софья Васильевна, благодаря знаменитому профессору Вейерштрассе, доверпила университетскій

курсъ высшей математики и по совѣту того-же профессора написала диссертацію, сколько помнится, о кольцѣ Сатурна, съ цѣлью защищать ее для полученія ученой степени въ Гёттингенскомъ университетѣ, который, на основаніи своего устава, признаётъ ученость не только мужчинъ, но и женщинъ.

С. В., трудясь неутомимо, такъ много была занята, что мы не имѣли отъ нея цѣлое полугодіе никакого извѣстія, какъ вдругъ, въ половинѣ августа, возвратилась съ мужемъ въ родительскій домъ послѣ полученія ею ученой степени, да мужъ ея, защитивъ диссертацію въ Іенскомъ университетѣ, получилъ также ученую степень.

За два мѣсяца раньше возвращенія Софьи Васильевны, пріѣхала въ Палибино старшая ея сестра, Анна Васильевна Жакляръ; съ нею-же пріѣхалъ мой бывшій ученикъ, младшій братъ сестеръ, Ѳедоръ Васильевичъ, уже студентъ Петербургскаго университета по математическому факультету. Мужъ Анны Васильевны остался въ Петербургѣ, такъ какъ онъ слушалъ педагогическіе курсы, безъ которыхъ не могъ получить мѣсто учителя французскаго языка. Такимъ образомъ, бывшіе обитатели Палибина собрались въ немъ снова, чтобы въ родномъ гнѣздѣ отдохнуть отъ большихъ трудовъ и треволненій жизни, которые подъ родительскимъ кровомъ скоро были забыты.

На другой день пріѣзда Софьи Васильевны мы собрались какъ-то въ бывшей моей классной комнатѣ и разсматривали огромную карту всей Россіи, висѣвшую на стѣнѣ, которая была начертана наизусть моею ученицею, когда она изучала отечественную географію. Софья Васильевна удалилась и вскорѣ принесла великолѣпно отдѣланный бархатный футляръ, подаренный знаменитымъ профессоромъ математики для помѣщенія диплома, полученнаго Софьею Васильевною. Мы разсматривали этотъ дипломъ, на латинскомъ языкѣ, по образцу и формѣ дипломовъ средневѣковыхъ временъ. При этомъ случаѣ я получилъ на память отъ Софьи Васильевны совершенную копію съ диплома, напечатанную на большомъ листѣ веленевой бумаги. Читая этотъ документъ, вспомнились мнѣ бывшія мечты о высшемъ образованіи ученицы, и сердечная радость взволновала грудь мою, когда, по волѣ Провидѣнія, мечты мои осуществились.

За десять дней до пріѣзда Ковалевскихъ былъ въ Палибинѣ

любительскій спектакль, составленный изъ лицъ, жившихъ въ сосѣдствѣ.

Спектакль этотъ не совсѣмъ удался, такъ какъ я, въ качествѣ режиссера, ничего не могъ подѣлать съ лицами, выступающими первый разъ на сценѣ съ непобѣдимою застѣнчивостью, теперь-же пришла намъ мысль поставить на сцену какую-нибудь хорошую пьесу безъ участія постороннихъ лицъ. Я отыскивалъ въ репертуарѣ подходящую пьесу, но трудно было найти такую, которая была-бы хороша и интересна и состояла въ то-же время изъ пяти дѣйствующихъ лицъ. Къ общему удовольствію, А. В. Жакляръ нашла, въ числѣ привезенныхъ изъ Петербурга французскихъ книгъ, совершенно подходящую комедію Эдмона Абу, подъ заглавіемъ „Убійца“, въ одномъ большомъ дѣйствіи, съ пятью дѣйствующими лицами. Комедія эта, написанная даровитымъ писателемъ, всѣмъ намъ понравилась; она, какъ потомъ читали мы въ газетахъ, давалась на многихъ заграничныхъ театрахъ съ большимъ успѣхомъ и выдержала много представленій. Но чтобы она была доступна для всѣхъ, надо было перевести ее на русскій языкъ, и вотъ, не долго думая, книжку разрѣзали на двѣ части, изъ которыхъ одну взялась перевести m-me Жакляръ, а другую—братъ ея, Ѳедоръ Васильевичъ. Въ нѣсколько дней прилежной работы комедія была переведена, отдана мнѣ въ корректуру, а потомъ переписана на-бѣло красивымъ и четкимъ почеркомъ генеральши.

На мою долю выпала самая большая роль, именно роль прокурора, но, не смотря на мои тогда 61-нъ годъ, я выучилъ ее въ нѣсколько дней.

Первыя репетиціи были трудны, потому что бывшій ученикъ мой мало зналъ сцену, а Ковалевскій только по общему желанію взялъ незначительную, но всячески трудную для него роль Скоро, однако-жъ, при частыхъ репетиціяхъ комедія игралась удовлетворительно.

Представленіе было назначено на 5 сентября, день имянинъ генеральши, но А. В. Жакляръ, по какому-то случаю, должна была отправиться почти въ этотъ-же день въ Витебскъ на встрѣчу своего мужа, ѣхавшаго въ Палибино. Маленькое это разстройство помогло какъ нельзя лучше недавно составленному мною плану, который я сообщилъ сейчасъ-же генералу: сдѣлать праздникъ въ честь Софьи Васильевны по случаю полученія ею степени

доктора философіи и назначить этотъ праздникъ на 17 сентября, день ея имянинъ; послѣ спектакля открыть балъ, а въ концѣ ужинъ, за которымъ я произнесу привѣтственную рѣчь, изложивъ въ ней все, что сдѣлала Софья Васильевна для достиженія высшей степени учености. Генералъ очень обрадовался моему плану и далъ мнѣ слово держать въ секретѣ сюрпризъ, который мы задумали сдѣлать для Софьи Васильевны. Съ возвращеніемъ А. В. Жакляръ репетиціи возобновились, и комедія, при твердомъ знаніи ролей, шла превосходно.

17-го сентября, въ 7 часовъ вечера, съѣхались всѣ сосѣди и гости изъ городовъ, а въ восемь часовъ начался спектакль. Комедія была сыграна, къ удовольствію всѣхъ насъ, актеровъ, прекрасно. А. В. Жакляръ въ роли вдовы, какъ опытная и способная къ сценическому искусству, была превосходна; сестра ея, Софья Васильевна, въ роли служанки, жены садовника, не отставала отъ нея, даже садовникъ (В. О. Ковалевскій), въ небольшой своей роли, заставлялъ хохотать зрителей и вызывалъ рукоплесканія.

Послѣ спектакля былъ открытъ генераломъ балъ. Софья Васильевна, увидѣвши меня, пригласила на первую кадриль, увѣряя, что небольшая прогулка по паркету не измучитъ меня. Въ два или три часа по полуночи пригласили ужинать въ большую столовую перваго этажа дома. Я отправился въ столовую раньше и нашелъ генерала, чего никогда не было, распоряжавшимся сервировкою ужина: онъ построилъ цѣлую батарею изъ бутылокъ шампанскаго на одномъ концѣ стола и иныхъ разныхъ винъ—на другомъ.

Бесѣда за ужиномъ была оживленная, пировали на славу; когда-же стали подавать разнаго рода пирожныя, потомъ десертъ и налиты бокалы шампанскаго, я всталъ со своего мѣста, попросилъ позволенія хозяевъ сказать нѣсколько словъ по случаю праздника, и произнесъ слѣдующую рѣчь, одинъ экземпляръ которой, изъ числа десяти копій, снятыхъ по просьбѣ нѣкоторыхъ лицъ, уцѣлѣлъ у меня до сихъ поръ.

— „Милостивые государи и государыни! Мы празднуемъ сегодня день ангела Софьи Васильевны Ковалевской. Каждый изъ насъ приносилъ ей свои пожеланія. Между тѣмъ, по сложившимся обстоятельствамъ, Софья Васильевна намѣрена послѣ-завтра оставить Палибино. Въ виду этого послѣдняго, я считаю своевре-

меннымъ, необходимымъ, справедливымъ и должнымъ предложить вамъ, господа, отпраздновать сегодня торжество женскаго труда, достигшаго лучшихъ результатовъ, труда, увѣнчаннаго высшею ученою степенью.

„Скромность многоуважаемыхъ всѣми почтенныхъ родителей Софьи Васильевны и близкихъ родныхъ ея далека, конечно, отъ мысли высказать ей сегодня при всѣхъ то, чѣмъ преисполнено ихъ сердце; но я, скромный труженикъ на педагогическомъ поприщѣ, первый, приподнявшій завѣсу, отдѣлявшую ее отъ храма науки, позволяю себѣ бросить бѣглый взглядъ на недавнее прошлое, чтобы ярче освѣтить настоящее.

„Женскій вопросъ, поднятый въ прошедшемъ десятилѣтіи, хотя и раздѣлилъ наше общество на два противоположныхъ лагеря, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ сильный толчокъ и направилъ нѣкоторые энергическіе характеры нашихъ женщинъ къ самостоятельному труду и къ достиженію тѣхъ или другихъ результатовъ въ области науки. Россія насчитываетъ уже десятки почтенныхъ труженицъ, полезныхъ своимъ согражданамъ тою или другою спеціальностью. Вникая, однако-жъ, въ результатъ такой дѣятельности, нельзя не замѣтить, что стремленіе это было не совсѣмъ безкорыстно, не совсѣмъ происходило изъ одной только любви къ наукѣ, ради самой науки.

„Но вотъ появилась юная женщина—съ твердою волею и непоколебимою рѣшимостью преслѣдовать цѣль въ высшей степени похвальную, но весьма трудно достигаемую. Она всецѣло посвящаетъ себя одному изъ труднѣйшихъ предметовъ науки и работаетъ неутомимо въ области чистой математики. Вступленіе въ бракъ съ человѣкомъ просвѣщеннымъ и вполнѣ раздѣляющимъ ея взгляды нисколько не препятствуетъ ей стремиться впередъ. Она оставляетъ удовольствія свѣта, она жертвуетъ лучшими годами жизни женщины, она подвергается иногда ощутительнымъ неудобствамъ жизни, не обращаетъ вниманіе на потерю физическихъ силъ, и съ рѣдкою энергіею изучаетъ предметъ свой въ одномъ изъ лучшихъ германскихъ университетовъ. Но блистательные ея успѣхи, сдѣланные въ Гейдельбергѣ въ теченіи нѣсколькихъ семестровъ, убѣждаютъ ее положительно, что конечная цѣль пытливаго ума не можетъ быть тамъ достигнута. Она переселяется въ центръ германской учености—въ Берлинъ, сбли-

жается съ г. Вейерштрассе, свѣтиломъ науки, однимъ изъ знаменитѣйшихъ профессоровъ Европы, удивляетъ его своими познаніями, пользуется его драгоцѣнными бесѣдами, наставленіями и указаніями, и такимъ образомъ, въ теченіи пяти лѣтъ достигаетъ высшей ученой степени, той степени, которая по математическимъ наукамъ дается весьма немногимъ изъ мужчинъ.

„Теперь, конечно, многіе могутъ предложить мнѣ вопросъ, который не разъ уже и предлагали: какая цѣль изучать чистую, а не прикладную математику? Какая польза отъ нея, въ особенности для женщины? На такіе вопросы я отвѣчу категорически: Ньютонъ, Гершель и другія свѣтила ученаго міра, посвящая всю свою жизнь неоцѣнимымъ трудамъ, думали-ли когда-нибудь объ извлеченіи матеріальныхъ выгодъ изъ своей науки, изъ своихъ великихъ открытій?... Нѣтъ, это было-бы недостойно той сферы, въ которой виталъ ихъ геній, недостойно науки, которой они были великими жрецами. Они работали безкорыстно, безвозмездно, работали только для одной науки, которая была ихъ альфа и омега (α и ω). Такимъ образомъ работала, надѣюсь и будетъ работать, уважаемая Софья Васильевна... [1]).

„Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ германскихъ университетовъ, и именно геттингенскій, называемый „Georgia Augusta“, готовый, по своему уставу, признать истинную ученость какъ въ мужчинѣ, такъ и въ женщинѣ, разсмотрѣвъ и строго обсудивъ написанную Софьею Васильевною, а потомъ напечатанную диссертацію, удостоилъ ее единогласно высшею ученою степенью, степенью доктора философіи и магистра изящныхъ искусствъ.

„Со времени основанія этого университета въ 1737 году, королемъ ганноверскимъ Георгомъ II, такую степень, господа, получила только вторая женщина. Первою была дочь историка нашего академика Шлецера, извѣстная ученая Доротея Шлецеръ, въ замужествѣ Роде, вторая — наша согражданка, наша дорогая Софья Васильевна Ковалевская, рожденная Корвинъ-Круковская.

„Привѣтствую васъ, Софья Васильевна, поставленную на высокую пьедесталь градаціи ученыхъ! Привѣтствую васъ и отъ имени небольшаго нашего кружка, собравшагося праздновать

[1]) Слова эти, сказанныя 16 лѣтъ тому назадъ, нынѣ вполнѣ оправдались

сегодня день вашего ангела!... Привѣтствую васъ отъ имени отечества, какъ первую русскую женщину, достигшую высшей ученой степени въ одномъ изъ самыхъ трудныхъ отдѣловъ науки.

„Господа, предлагаю тостъ за здоровье первой русской ученой женщины, Софьи Васильевны Ковалевской".

Дружное, громкое ура раздалось въ залѣ. Всѣ гости съ бокалами въ рукахъ поспѣшили со своими поздравленіями, а я побѣжалъ въ смежную комнату взять приготовленный хорошенькій букетъ, составленный частью изъ разноцвѣтныхъ иммортелей, но не успѣлъ еще подойти съ букетомъ къ Софьѣ Васильевнѣ, какъ она провозгласила:

„Господа, тостъ за здравіе перваго моего учителя!"

Чокаясь съ подошедшими ко мнѣ гостями, я послѣдній подошелъ къ ней съ букетомъ, но неожиданный тостъ этотъ до того меня сконфузилъ и взволновалъ, что, подавая букетъ, я не могъ вымолвить ни одного слова, только пожалъ ей крѣпко руку. Если я сконфузился отъ неожиданнаго провозглашенія тоста, то Софья Васильевна въ началѣ рѣчи моей конфузилась еще болѣе; она, потупивши глаза, краснѣла, была, повидимому, недовольна, склонялась на грудь матери, сидѣвшей рядомъ и обнявшей ее, но потомъ успокоилась и, видимо, была довольна послѣдними словами моей рѣчи.

Такъ кончился праздникъ, о которомъ въ сосѣдствѣ и двухъ ближайшихъ городахъ нѣкоторое время говорили и толковали не мало.

На другой день Ковалевскіе сдѣлали прощальные визиты сосѣдямъ, а на третій—уѣхали въ Петербургъ.

Остальные мѣсяцы 1874 года и слѣдующій годъ Софья Васильевна работала неутомимо, читая и дѣлая вычисленія по математическимъ статьямъ, вновь появившимся въ журналахъ или отдѣльныхъ книгахъ. Въ 1875 году она, со своею сестрою, пріѣхала на лѣтніе мѣсяцы въ Палибино, въ которомъ постигло ее сильное горе, какъ нарочно, въ годовщину прошлогодняго праздника.

По сосѣдству нашему въ каждомъ почти домѣ была именинница 17-го сентября. Условились у однѣхъ завтракать, у другихъ обѣдать, а у третьихъ провести вечеръ. Генералъ, по обыкновенію, пошелъ въ этотъ день на прогулку. Проходя черезъ

ферму, онъ увидѣлъ дымъ, выходящій большими клубами изъ риги. Полагая, что внутри загорѣлось, онъ сталъ звать рабочихъ и до того сильно кричалъ, что испугъ, соединенный съ сильнѣйшимъ напряженіемъ голоса, произвелъ, вѣроятно, неизлечимое поврежденіе организма. Когда оказалось, что густой дымъ выходитъ изъ-подъ крыши потому только, что рижникъ, затопивши печь, забылъ открыть трубу, то генералъ возвратился домой. Я встрѣтилъ его случайно на балконѣ сильно измѣнившимся въ лицѣ. Онъ жаловался на гнетущую боль съ лѣвой стороны позвоночнаго столба. Лишь только мы вошли въ комнаты, какъ насъ встрѣтили нѣкоторые сосѣди, пріѣхавшіе съ поздравленіями.

Генералъ пригласилъ ихъ въ кабинетъ, но черезъ двѣ-три минуты попросилъ ихъ перейти въ гостиную, извиняясь, что чувствуетъ себя весьма нехорошо.

Жена его и дочери въ большой тревогѣ послали сейчасъ-же въ Великіе-Луки за докторомъ; между тѣмъ, больному становилось хуже и хуже. Пріѣхавшій докторъ, приготовляя, послѣ осмотра больнаго, лекарство, шепнулъ мнѣ, что у генерала параличъ кишекъ, за которымъ послѣдуетъ скоро неминуемая смерть. Ровно черезъ сутки больной уснулъ спокойнымъ, но вѣчнымъ сномъ, 18-го сентября. Печальная годовщина праздника поразила всѣхъ насъ скоротечностью болѣзни генерала. Софья Васильевна до того была убита горемъ, что мы нѣсколько дней сряду боялись оставить ее одну, и по очереди старались ее развлечь и хоть немного успокоить. По телеграфу вызвали изъ Петербурга Ѳедора Васильевича Ковалевскаго и Жакляра и, по пріѣздѣ ихъ, похоронили генерала при большомъ стеченіи всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, въ могилѣ близъ дома, на которой вдова его построила черезъ годъ хорошенькую часовню. Черезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ, сдѣлалась прекрасная санная дорога, пользуясь которой, всѣ палибинскіе уѣхали въ Петербургъ.

Въ 1876 г., живя въ Петербургѣ, въ домѣ вдовы генерала Корвинъ-Круковскаго, я не разъ былъ свидѣтелемъ ученыхъ трудовъ Софьи Васильевны, занимавшейся съ любовью своею спеціальностью, и ея мужа, показавшаго мнѣ большую, богатую коллекцію разнородныхъ породъ минераловъ, отысканныхъ имъ на экскурсіяхъ. Кажется, что послѣ моего отъѣзда, Ковалевскій

защитилъ съ большимъ успѣхомъ диссертацію на степень магистра геологіи, и московскій университетъ предложилъ ему занять вакантную каѳедру этого предмета. Онъ хотѣлъ было согласиться, но Софья Васильевна, у которой было много родныхъ въ Петербургѣ, не пожелала жить въ Москвѣ и уговорила мужа отказаться отъ предложенной ему должности.

Приближаясь къ окончанію моихъ воспоминаній о дорогой для меня бывшей ученицѣ, Софьѣ Васильевнѣ Ковалевской, считаю для себя долгомъ сказать нѣсколько словъ о высокоуважаемой мною матери ея, Елисаветѣ Ѳедоровнѣ Корвинъ-Круковской. Въ 1877 г. она провела лѣто въ Палибинѣ, занимаясь постройкою часовни на могилѣ мужа и дѣлами по имѣнію. Чтобы избавить себя отъ постояннаго наблюденія, невозможнаго при жизни въ Петербургѣ, она отдала Палибино, съ тремя другими фольварками, въ арендное содержаніе и уѣхала въ Петербургъ, а я, оставаясь въ деревни, принялъ на себя окончательную постройку и отдѣлку часовни.

Это было послѣднее пребываніе генеральши въ Палибинѣ. Я простился съ нею, не думая, что болѣе не увижу этой достойной женщины, всегда готовой жертвовать всѣмъ не только для блага возлюбленныхъ своихъ дѣтей, но и для удовлетворенія такихъ прихотей, на которыя немногіе родители могли-бы согласиться. Въ повѣствованіи моемъ я говорилъ только вскользь о ней, между тѣмъ, свѣтлая ея личность должна занять лучшее мѣсто въ моихъ „Воспоминаніяхъ“.

Вдова генерала, Елисавета Ѳедоровна Корвинъ-Круковская, съ отличнымъ образованіемъ и нравственно-религіознымъ воспитаніемъ, была женщина преисполненная любви не только къ своимъ дѣтямъ, но и къ человѣчеству.

Она, зная превосходно языки, кромѣ роднаго нѣмецкаго, русскій, французскій и англійскій, изучила сама итальянскій, и читала на этихъ языкахъ все дѣльное и поучительное для каждаго человѣка вообще и для матери семейства въ особенности. Взгляды и принятыя ею основы и правила воспитанія и образованія дѣтей были совершенно вѣрны. . . . . .

Въ февралѣ 1879 г. Е. Ѳ. Корвинъ-Круковская внезапно скончалась въ Петербургѣ отъ болѣзни сердца. Тѣло ея погребено подлѣ мужа въ часовнѣ предъ селомъ Палибино, въ живописной рощѣ; вблизи проходитъ почтовая дорога.

.....Послѣднее громадное предпріятіе Владиміра Онуфріевича Ковалевскаго (постройка бань на Васильевскомъ островѣ, съ флигелями при нихъ), на которое было употреблено все его состояніе, жены и часть капитала брата жены Ѳ. В. Корвинъ-Круковскаго, потерпѣло совершенное крушеніе. Въ такомъ положеніи, Ковалевскій принялъ каѳедру геологіи въ московскомъ университетѣ, а Софья Васильевна поѣхала гостить къ брату мужа своего, профессору въ одесскомъ университетѣ. Вскорѣ второй ударъ судьбы поразилъ Софью Васильевну. Смерть мужа, покончившаго съ собою, видимо вслѣдствіе сильнаго нервнаго потрясенія отъ крайне неудачныхъ дѣлъ, привела ее въ отчаянное положеніе; однако-жъ, эта замѣчательная женщина перенесла съ твердостью оба удара судьбы, хотя и очутилась съ ребенкомъ-дочерью, безъ всякихъ средствъ къ жизни. Но у ней осталось богатство прочное, никѣмъ и ничѣмъ неотъемлемое, о которомъ она, раздѣляя труды мужа въ его предпріятіяхъ, временно лишь забыла, но которымъ обладая, могла примѣнить къ себѣ слова жившаго въ древнія времена философа Симонида: mea mecum porto, дословно: мое со мною ношу.

Повторяю еще разъ сказанное мною: судьба, какъ будто умышленно, нанесла одинъ за другимъ два страшныхъ удара на жизнь Софьи Васильевны Ковалевской, чтобы направить ее на иной путь, сохраняя ученому міру дѣятеля, проложившаго недавно своимъ великимъ дарованіемъ ту дорогу, на которой остановились знаменитыя свѣтила математики.

Признанная въ ученомъ мірѣ необыкновеннымъ двигателемъ науки, достигшая всемірной славы своими научными трудами, да подвизается русская женщина-профессоръ, уважаемая Софья Васильевна Ковалевская, на поприщѣ, назначенномъ ей Провидѣніемъ для прогресса науки, пользы человѣчества и славы дорогой нашей родины!

І. И. Малевичъ.

Село Пятницкое,
Торопец. уѣзда, Псков. губ.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ.

Письма къ нему А. О. Смирновой.

1844—1851 гг. [1]).

(Окончаніе).

Калуга, 30-го іюня 1849 г. (1850 ?).

Вотъ что мы рѣшили по своему уму и разуму, любезный Николай Васильевичъ. Толстой [2]) написалъ вамъ прилагаемое письмо къ наслѣднику, которому вы можете дать свои выраженія, но à peu-près должно быть такъ. Онъ, соображаясь съ знаніемъ мѣстности, пониманій и времени, совѣтуетъ объемъ какъ можно сократить; даетъ совѣтъ ваше письмо вмѣсто того, чтобы адресовать къ какому-нибудь министру, адресовать къ Олсуфьеву [3]). Онъ, т. е. Олсуфьевъ, передастъ ваше письмо великому князю, а самъ прочтетъ съ удовольствіемъ и вниманіемъ ваше письмо, словесно объяснитъ то, что́ его высочество не можетъ имѣть времени прочесть. Вотъ совѣтъ Толстого; кажется, онъ знаетъ эти всѣ отношенія хорошо. Поспѣшите, потому что изъ Петербурга пишутъ, что великій князь ѣдетъ на Кавказъ. Я вернулась изъ Москвы больная... я устала отъ тре-

---

[1]) См. „Русскую Старину", изд. 1888 г., томъ LIII, апрѣль, стр. 31—72, іюнь, стр. 597—610; т. LIX, іюль, стр. 49—62; т. LX, октябрь, стр. 125—147; изд. 1890 г.; т. LXVI, іюнь, стр. 639—656; т. LXVII, іюль, стр. 195—212, августъ, стр. 279—291; т. LXVIII, ноябрь, стр. 353—364.

[2]) Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой.

Въ іюнѣ 1847 г. моя мать поправлялась отъ родовъ, а гр. Ал. К. Толстой пріѣхалъ въ Калугу только въ 1849 г., уѣзжалъ къ дядѣ Перовскому и опять вернулся въ Калугу и прожилъ зиму 1850 г.

[3]) Графъ Олсуфьевъ былъ при наслѣдникѣ. О. С.

волненій; вы знаете, что имъ немножко все равно, но меня смущаютъ чужія смущенія. Вообще всякая борьба мнѣ противна, я думаю, по свойственной мнѣ лѣни, но столько-же по убѣжденію, что противъ воли Божіей не пойдешь. Не говорю о борьбѣ съ самимъ собой, но о борьбѣ съ обстоятельствами. Въ Москвѣ я встрѣтила Самарина; онъ пріѣхалъ на 28 дней съ своимъ генераломъ. Графиня Толстая была у меня; Александръ Петровичъ еще не возвращался. Какъ-то все затихло въ Калугѣ—спасибо и за родныхъ. Прощайте, Христосъ съ вами.

Калуга, 1-го августа 1849 г.

Спасибо за письмо и за „Домострой“ [1]), вчера обѣихъ получила: у меня Богъ вѣсть что въ желудкѣ, сегодня съ утра ноетъ да и только; я полагаю, что вѣтеръ имѣетъ на это вліяніе, потому что вчера ничего не болѣло, спала хорошо, а какъ встала—почувствовала нытье; гадко, что дѣлать! Какъ мнѣ жаль, скажу тоже, старый, закадычный, что мы съ вами мало видѣлись, мнѣ какъ-то съ вами ловко, ловчѣе, чѣмъ со всѣми другими; мнѣ кажется, что и вамъ тоже чувствуется. Мои всѣ вамъ кланяются.

.....Какъ жаль, что вы такъ мало пишете о Тентетниковѣ; меня они всѣ очень интересуютъ и часто я думаю о Костанжогло и Муразовѣ. Уленьку немного сведите съ идеала и дайте работу женѣ Костанжогло: она уже слишкомъ жалка. А впрочемъ все хорошо. Прощайте,—пріѣзжайте. Христосъ съ вами!

Калуга, 11-го сентября 1849 г.

Спѣшу съ отвѣтомъ на ваше послѣднее письмо, но едва-ли мое добредетъ къ вамъ до 20-го, любезный Николай Васильевичъ. Кажется, вы такъ устроились, что планы ваши едва-ли могутъ осуществиться въ отношеніи къ полученію денежнаго пособія, да и самъ паспортъ придетъ поздненько. Во всякомъ случаѣ вамъ лучше быть поближе къ западу и послушаться зова Александра Скорлатьевича Стурдзы.

Странно, я Стурдзы не знаю, но точно какъ будто мы родные. Мнѣ кажется, что если-бы я встрѣтила его, мы были-бы тотчасъ въ искреннихъ отношеніяхъ. Я давно уже смотрю на Одессу, какъ

[1]) Это письмо служитъ отвѣтомъ на письмо Гоголя отъ 29-го іюля 1849 г. „Такъ какъ Левъ Ивановичъ (Арнольди) не отыскалъ для васъ „Домостроя“, то посылаю вамъ свой экземпляръ“. В. Ш.

на отрадный островокъ, и единственно отъ того, что живетъ тамъ авторъ драгоцѣнныхъ писемъ объ обязанностяхъ священнаго сана. Во всякомъ случаѣ, осень тамъ лучше провести, чѣмъ въ Васильевкѣ, и когда подъѣдетъ паспортъ, то легко придумать, какъ добраться до Аѳона. Пожалуйста, увѣдомьте меня о всѣхъ будущихъ вашихъ перипетіяхъ. У меня-же ничего не имѣется въ виду ни новаго, ни хорошаго; все зависѣть будетъ отъ ревизіи и оборота, который ей дастъ князь Давыдовъ. Кажется, должно-бы идти хорошо, но если намѣрены придраться, ко всему можно придраться; губернаторъ уже такъ поставленъ, что долженъ за все отвѣчать. Я устала отъ всѣхъ этихъ непріятностей и пора-бы уже освѣженію прійти; подъ освѣженіемъ разумѣю болѣе отрадныя впечатлѣнія. Но, кажется, этому долго не бывать, по моимъ соображеніямъ . . . . . Меня ужасно тянетъ на югъ, а думаю, что это потребность физическая. Вашъ Вяземскій съѣздилъ въ Іерусалимъ; теперь его ждутъ въ Астафьево, его подмосковную. Говорятъ, что это путешествіе его очень успокоило. Вяземскій еще человѣкъ прошлаго столѣтія, и развлеченія, какого-бы они роду ни были, очень могущественны для него. Какія-нибудь иллюзіи были еще у людей прошлаго вѣка, мы не можемъ имѣть никакихъ. Аркадій въ Вильнѣ. Онъ пишетъ, что, по его мнѣнію, тотъ край гнилой и напрасно о немъ хлопочутъ. Но польки такого свойства, что гніютъ съ вспышками—и потому рукъ нельзя съ ними опускать; это уже я прибавляю. Ему Бибиковъ предлагалъ быть губернаторомъ, но онъ отказался и говоритъ, что чувствуетъ, что былъ-бы дрянь губернаторъ. Въ первый разъ онъ увидѣлъ русскій чиновный людъ вблизи и говоритъ, что всѣ на одинъ покрой, такъ что если-бы не разныя лица, то можно принять прокурора за предсѣдателя и такъ далѣе. Хорошо, что тамъ можно съ этимъ людомъ не знаться, потому что есть другой людъ въ остаткахъ литовской аристократіи—какъ-бы она гнусна ни была. Да при ген.-губ. чиновный людъ исчезаетъ и совершенно обращается въ машины... Скажу вамъ чудо: К. С. Аксаковъ поѣхалъ съ больными сестрами въ Кіевъ по приказанію Овера; это сообщаетъ мнѣ Иванъ (Аксаковъ) изъ Ярославля. Софья Мих. Сологубъ вернулась изъ Гельсингфорса, все такая-же грустная, но здоровая; я ей писала, но не получила еще отвѣта. Да что и писать въ такомъ положеніи: много надобно времени, чтобы примириться съ такими сиротами. Гдѣ нашъ Жуковскій? ровно ничего о немъ не знаю. Императрица уѣхала въ Варшаву 10-го, гдѣ предполагается провести зиму, ради лучшаго климата; государь уѣхалъ въ Чугуевъ, наслѣдникъ на Кавказъ, молодые великіе князья ѣздятъ по Россіи. Воображаю, какъ милъ Петербургъ! Онъ тѣмъ

только и хорошъ, что тамъ царское семейство, а когда ихъ нѣтъ, скука его еще ощутительнѣе. Все равно, что господская усадьба, въ которой остались одни дворовые.

Пожалуйста, не вините за такое пошлое письмо, въ немъ ничего живаго не слышится, такъ и на душѣ у меня вяло и мертво. Какая дрянь человѣкъ!... Пожалуйста, кончайте второй томъ (Мертвыхъ Душъ), ожиданіе томительно и, наконецъ, дѣлается безнадежно. Христосъ васъ да укрѣпитъ, а я всегда молюсь, чтобы трудъ окончился, полагая его полезнымъ. Что я ваша отъ души, лишнее и писать.

Калуга, 29-го октября 1849 г.

Письма ваши лежали на почтѣ, любезный Николай Васильевичъ, потому что на адресѣ не сказано было, куда ихъ доставить. Посылаю вамъ ихъ. Ося [1]) вчера пріѣхалъ и разсказалъ, какъ вы завязли въ знаменитомъ Маломъ-Ярославцѣ; вообразите-же, каково было тогда наполеоновымъ пушкамъ; вѣдь онѣ были фордыбаки, а не такіе щелкопёры, какъ вы. Я пучу, а у меня голова болитъ и вокругъ насъ вовсе не смѣшно, потому что ждемъ сенатора Давыдова. Аркадій пишетъ намъ: „Ревизіонная штука меня ужасно взбѣсила; поднялась опять эта поганая ершовская исторія; пошли опять толки. Не находя никакой пользы слушать выраженіе всеобщаго удивленія, негодованія и проч., говорю всѣмъ, что все это въ порядкѣ вещей. Развѣ не въ порядкѣ вещей, что клеветникъ, преданный суду, находитъ сильнаго покровителя [2]) въ человѣкѣ, который ссылаетъ безъ слѣдствія, ссылаетъ въ Вятку, и оклеветанный, оправданный слѣдствіемъ въ одномъ дѣйствіи, заподозрѣнъ во всѣхъ“. Аркадій большой юмористъ, когда онъ сердится. Мы были должны п—ому нѣмцу барону Окскерпо 50,000 ассигн. Теперь закладываютъ Спасское, чтобы ему заплатить; Аркадій пишетъ, что онъ скажетъ, что Смирновъ взятку взялъ, чтобы ему заплатить. Впрочемъ, одинъ судъ и расправа у насъ—Государь, потому что онъ одинъ безъ лицепріятія. Я пока держусь кое-какъ; стараюсь болѣе быть одна и слушать менѣе говоровъ, читаю и пишу по-гречески. Жаль мнѣ, что вы не могли остаться эту зиму со мною; все-таки нуженъ человѣкъ и живое слово, а вы убѣдились, что у насъ никого нѣтъ. Впрочемъ, Богъ лучше знаетъ, когда

[1]) Братъ А. О., Осипъ Осиповичъ Россетъ.
[2]) Гр. Закревскаго. О. С.

и кого пошлетъ кому. Однажды, у кельи Серафима, намѣстникъ Троицкій, еще въ молодости, стучался часа два, умоляя его впустить къ себѣ и дать совѣтъ; тотъ немилосердно отказалъ. Антоній бросился домой, и въ горѣ и отчаяніи схватилъ образъ и началъ молиться. Успокоился и заснулъ съ образомъ. Дня черезъ два къ Серафиму пошелъ; тотъ тотчасъ его принялъ и былъ ласковъ съ нимъ. Антоній спросилъ, зачѣмъ онъ его не пустилъ тогда къ себѣ. „Я зналъ, что тебѣ лучше быть одному, что это нужно было тогда", отвѣтилъ Серафимъ. Пусть-же и я помолчу и помолюсь одна . . . . . Худо, что здоровье Николая Михайловича очень плохо, не знаю, какъ онъ вынесетъ эти всѣ штуки; тѣмъ болѣе, что самъ ужъ никакъ не способенъ на штуки, и всѣ тѣ гадости, которыя не сварятся при ревизіяхъ. Здѣсь-же, какъ нарочно, давали „Ревизора", но я не была въ театрѣ. Я получила отъ Жуковскаго второй томъ „Одиссеи", чего весьма недостойна. Прощайте, поклонитесь отъ меня графу Толстому и графинѣ; Аксаковымъ тоже. Ваша отъ души [1]).

Калуга, 24-го ноября 1849 г.

Нѣкогда праздновали этотъ день съ безпечнымъ увѣреніемъ, что не только Петербургъ—вся Россія, но и весь міръ принималъ участіе въ этомъ великомъ днѣ для Екатерининскаго института. Что-бы я дала теперь за такое убѣжденіе въ чемъ-бы то ни было! Что-бы вы сами дали, любезный другъ Николай Васильевичъ, чтобы воскресить въ своей душѣ тѣ убѣжденія, тѣ вѣрованія, которыя еще тому назадъ 20 лѣтъ можно было искренно питать въ себѣ. Что произошло съ 1830-хъ годовъ съ человѣчествомъ? Какъ и почему гражданскіе, политическіе перевороты вдругъ разъяснили бѣдному человѣчеству, что оно не вѣритъ ничему, что нѣтъ печати святыни ни на чемъ, что оно и хотѣло-бы вѣрить и любить, но уже не способно. Отнялась эта благодать отъ гордаго запада. Осталась-ли она намъ? Да, можно утвердительно сказать, что народъ русскій вѣритъ и любитъ то, чему вѣритъ. Но народъ русскій и мы, образованный классъ, двѣ разныя вещи. Сколько одинъ хорошъ, столько мы гнусны и проникнуты разными западными элементами Путешествія на западъ, западное воспитаніе, чтеніе мерзкой,

---

[1]) Отвѣтъ на это письмо см. VI, 494, начинающееся словами: „Гадостей, какъ видно, около васъ не мало, но какъ-же быть? не будь ихъ, не достигнуть намъ и царствія небеснаго". В. Щ.

холодной, безнравственной ихъ литературы, сдѣлало изъ насъ какихъ-то нравственныхъ метисовъ (métis). Даже лучшіе люди, ищущіе хорошее, полезное и въ немъ и пріятное, и тѣ заблуждаются, идутъ къ добру косвенными путями и доходятъ не до той цѣли, къ которой полагаютъ, что стремятся. Случай привелъ меня въ одно семейство, многочисленное, богатое, гдѣ призрѣли нѣсколькихъ сиротъ племянницъ. Насъ садилось человѣкъ двадцать за столъ и болѣе, и представьте мое удивленіе: на одномъ концѣ стола царствовалъ Вольтеръ, на другомъ концѣ—англійскіе диссентеры и, что еще хуже, швейцарскіе сектаторы. Эти два разнородныя начала безвѣрія и разрушенія боролись передъ дѣтьми всѣхъ возрастовъ. Настало воскресенье; нѣкоторые члены семейства были у обѣдни, о которой не было и помину. Послѣ завтрака всѣ усѣлись сложа руки и мать семейства начала вслухъ читать проповѣдь какого-то Monod de Genève (вѣрно, братъ извѣстнаго доктора). Чтеніе продолжалось два часа, всѣ были въ восторгѣ; я одна слушала, повидимому, съ равнодушіемъ, но внутренно съ негодованіемъ; проповѣдь была самая скучная, водяная и вмѣстѣ исполненная разрушительныхъ словъ для насъ, православныхъ. Изображеніе Бога—образа вообще просто называли идолопоклонствомъ, первымъ грѣхомъ противъ заповѣди, и все заключалось какимъ-то намекомъ на апокалипсисъ, гдѣ обѣщано тысячелѣтія. По прочтеніи проповѣди, меня спросили: какъ она мнѣ нравится? Я изъ учтивости хотѣла похвалить, но духу не хватило, и я объявила, что кромѣ русскихъ проповѣдей не люблю никакихъ, даже боюсь читать, не считая себя довольно твердою въ знаніи догматовъ. Мнѣ объявили съ удивленіемъ, что догматы всѣ равны, что и доказываетъ еще какой-то женевскій сектаторъ, а о русскихъ проповѣдяхъ было сказано, что онѣ очень дурны и скучны. Защитника Вольтера и философовъ тутъ, конечно, не было. Всѣ эти люди прекрасные, но могутъ сдѣлать много бѣдъ и не послѣднее горе въ этой разногласицѣ духовной, которая начинаетъ къ намъ проникать. Я имѣла много случаевъ замѣтить, что пропаганда протестантизма очень сильна и едва-ли не вреднѣе, потому что ее менѣе боятся. И пропаганда протестантизма идетъ рука объ руку съ пропагандою политическою. Она подтачиваетъ всѣ начала исподтишка, грызетъ, какъ мышь. Вотъ почему такъ вредно въ домѣ присутствіе иностранцевъ и всѣхъ ихъ менѣе вреденъ англичанинъ, но не диссентеръ. Это странное явленіе навело на мою душу какую-то грусть; и безъ того уже грустно отъ всякихъ дрязгъ, сплетенъ и служебныхъ обстоятельствъ Н. М., а тутъ еще представилась такая странная кри-

тика. Я долго думала; потомъ начала читать путешествіе Шевырева на Бѣло-озеро. Разсказы его о церквахъ, монастыряхъ, чудесахъ и святыхъ носятъ на себѣ характеръ неискренности; такъ подогрѣто и разогрѣто воображеніемъ чувство вѣры, что грустно читать. Бѣдный, онъ-бы хотѣлъ писать, какъ писали въ старину, онъ чувствуетъ что-то горячо, чувство было прекрасно, плодотворно, но человѣку нашего времени не дается воскресить старое. Скверное наше время и за рѣдкость тѣ люди, которые могли оторваться отъ общаго соблазна и уединиться. Завидую вамъ, вашему житью въ Одессѣ; достаточно одного Стурдзы, чтобы примириться со многими неудобствами и непріятностями.

Я узнала случайно, что вы были у Трощинскаго и тамъ, вѣрно, вы побывали не даромъ, если только онъ помнитъ дядю своего и сохранилъ его бумаги. Мы все еще in statu quo. Тѣ-же сплетни и дрязги. Толстой (гр. Алексѣй Константиновичъ) вдругъ уѣхалъ; его вызвалъ Василій Перовскій, который очень боленъ. Греческій языкъ меня очень утѣшаетъ; я кончаю Евангеліе отъ Луки, по моему, самое трудное. Дѣти здоровы, растутъ мало, начинаютъ скучать Калугою, потому что начинаютъ понимать общество. Я себѣ удивляюсь иногда, какъ я не (пропускъ).

Христосъ съ вами. Пишите, что дѣлать будете.

Москва, 18-го января 1851 г.

Благодарю васъ за ваше письмо, любезный другъ Николай Васильевичъ; оно пришло нечаянно, какъ будто нарочно подъ Новый годъ. Вотъ еще наверстали мы годъ скорбей на свою голову, потому что рѣшительно кромѣ скорби ничего вокругъ себя не видишь. Скорбѣть о себѣ, о своихъ близкихъ, объ ослѣпленіи общемъ, о болѣзненности душевной и физической, однимъ словомъ, кромѣ скорби ничего не увидишь и ничего не почуешь. Я пріѣхала въ Москву по случаю тяжкой и, по словамъ Овера, окончательной болѣзни сестры своей, той, которая такъ недавно была еще полна жизни и силъ. Ей 27 лѣтъ, она совсѣмъ не приготовлена къ такому порядку; малѣйшій намекъ на приготовленіе себя молитвою вселяетъ въ ней ужасъ и дѣлаетъ мрачною на цѣлый день. Такое состояніе души очень тягостно для ея мужа и всѣхъ насъ. А между тѣмъ, я на стезѣ, чтобы ѣхать въ Петербургъ.

Ревизія подходитъ къ концу, Николай Михайловичъ не хочетъ и не можетъ болѣе оставаться въ Калугѣ, онъ боленъ и замученъ всѣми придирками князя Давыдова — и потому я ѣду впередъ

съ старшими дѣтьми, а когда потеплѣетъ, подъѣдутъ меньшія; а потомъ что Богъ дастъ. Какъ я рада, что вы бодры и пишете; дай вамъ Богъ окончить трудъ вашъ на пользу многимъ.

У насъ были въ Калугѣ выборы, я увидѣлась съ мещовскимъ судьей Клементьевымъ; онъ всему уѣзду показался такъ горекъ, что его чуть не забаллотировали, однако, онъ удержался на своемъ мѣстѣ. Онъ любитъ свою должность, ею дорожитъ и говоритъ, что безъ нея не можетъ жить. Его очень поддерживалъ вашъ знакомецъ Александръ Васильевичъ Оболенскій, у котораго чистая, искренняя, горячая душа. Клементьевъ былъ боленъ нервическимъ разстройствомъ, но ему лучше, онъ очень набоженъ и пишетъ престранныя вещи въ религіозномъ отношеніи, не менѣе того очень замѣчательныя. Мнѣ сообщилъ свои мысли о мощахъ, которыя онъ называетъ мощь—сила, храмина, опочивальня духа Божія, намъ дарованнаго. Это цѣлая теорія, и есть связь во всемъ, что онъ говоритъ и пишетъ. Замѣчательно это одинокое, безотголосное духовное развитіе, совершенно оригинальное, которое не развилось отъ чуждаго вліянія, а вылилось вслѣдствіе страданій и непрестанной молитвы. Что будетъ далѣе съ нимъ, не знаю; но онъ, конечно, очень замѣчателенъ.

Я узнала много интереснаго также о нѣкоемъ Иванѣ Бѣломъ, который живетъ въ мѣловыхъ горахъ въ Острогорскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, объ Иванѣ Ивановѣ, чудесномъ построеніи церкви во имя Пресвятой Богородицы. Всѣ эти явленія утѣшительны и молитвы такихъ отшельниковъ спасительны для насъ. Утѣшительный также нашъ кроткій и мудрый пастырь Филаретъ; вчера я просидѣла у него вечеръ и не могла нарадоваться его рѣчи, всегда простой, тихой и успокоивающей. Онъ мнѣ далъ совѣтъ прибѣгнуть къ соборованію св. елеемъ противъ нервическаго моего разстройства, и я послѣдую его совѣту. Какъ онъ всегда прекрасенъ на службѣ, особенно литургіи, какъ весь въ молитвѣ и въ созерцаніи. Истинно, онъ премудрый пастырь церкви. Особенно я люблю въ немъ искреннюю и разумную любовь къ государю; его лицо просвѣтляется, когда вспоминаетъ послѣдній его пріѣздъ, когда государь изъявилъ желаніе видѣть его у себя, что давно уже не случалось. Что было говорено между двумя высокими лицами, столь важными для нашей церкви, мнѣ неизвѣстно, но, кажется, Филаретъ очень доволенъ и счастливъ.

Сегодня былъ у меня графъ Александръ Петровичъ (Толстой). Графиня въ Нижнемъ. Онъ бодръ и веселъ, читаетъ много, какъ кажется, современнаго. Въ Москвѣ играли драму Константина Сергѣевича

Аксакова; она произвела много толковъ; ей сдѣлали такую обстановку, что она показалась чѣмъ-то похожимъ на протестъ и прогрессъ въ западномъ духѣ; даже многіе кричали, что это коммунизмъ, потому что тутъ народъ на сценѣ. Забыли, что это фактъ, но такъ какъ этотъ фактъ выведенъ на сцену Аксаковымъ, то все и представилось въ видѣ чего-то будто опаснаго.

Напрасно придали важность, потому что драма скучна и самабы шлёпнулась; ее, однако, запретили. Но это не смутило автора, онъ убѣжденъ, что написалъ русскую драму, потому что на сценѣ Пожарскій смиренный христіанинъ, безстрастный человѣкъ и потому не имѣющій интереса драматическаго въ смыслѣ западномъ. Все, какъ видите, тоже дѣтскость; всякій ѣздитъ верхомъ на своемъ конькѣ и погоняетъ его своими страстишками, своимъ самолюбіемъ или тщеславіемъ. А смиренно идущихъ на пути мало и ихъ умники презираютъ. Я полагаю, что мы столько и столько говоримъ, что когда-нибудь на насъ нападетъ жажда молчанія. Мнѣ кажется, что оправдываются теперь эти слова: „за словеса устенъ твоихъ, азъ сотворихъ тебѣ пути жестоки“, и весь міръ наказуется за свое празднословіе и разглагольствованіе.

Въ Москвѣ теперь театроманія; играютъ въ пользу бѣдныхъ во всѣхъ углахъ, даже въ частныхъ домахъ; у Самариныхъ играютъ въ пользу Сологуба и отца С — на, который почти въ такомъ-же положеніи, какъ его зять; все это называется благодѣяніемъ, т. е благимъ дѣломъ. Мнѣ кажется, что если-бы понимали вполнѣ слова, то не искажали-бы ихъ значенія на дѣлѣ.

....Мнѣ здѣсь сказали, что будто-бы Владиміръ Сологубъ боленъ и что у него припадки, угрожающіе тѣмъ-же состояніемъ, въ которомъ и его братъ. Бѣдная Софья Михайловна, какой крестъ она несетъ! Впрочемъ, можетъ быть, она вамъ пишетъ. Прощайте, другъ многолюбезный, Христосъ съ вами, пишите въ Питеръ, на Мойку въ мой домъ. Когда-то приведется васъ видѣть? Хочу лѣто провесть въ Спасскомъ, въ Бронницкомъ уѣздѣ.

Сельцо Спасское, 7-го іюня 1851 г.

Правда-ли, что васъ ежеминутно ждутъ въ Москву? Можетъ быть, вы уже тамъ; мы другъ друга совсѣмъ потеряли изъ виду, только случайно у Дурновой я узнала, что вы бывали у Репниныхъ въ Одессѣ и выѣхали оттуда. Много съ нами было матеріальныхъ перемѣнъ, и хотя конецъ былъ весьма оскорбительный, тяжелый и незаслуженный,—все это лучше и легче, чѣмъ то, что мы терпѣли

послѣдній годъ въ Калугѣ отъ п..... и г..... Давыдова ..... Я уже въ деревнѣ отдыхаю, но бѣдный Николай Михайловичъ отписывается въ сенатѣ, и скучаетъ,въ Петербургѣ. Лѣтомъ-же отъ Излеровъ-ли, или Конкордіи, не знаю, но дѣла еще медленнѣе идутъ. Напишите ко мнѣ, что вы намѣреваетесь дѣлать лѣтомъ и гдѣ намъ свидѣться, а свидѣться намъ необходимо. Прощайте, Христосъ съ вами. Грудь такъ болитъ, что пишу съ трудомъ; графу Александру Петровичу мой дружескій поклонъ и уваженіе; если графиня тутъ, то и ей также. Аксаковымъ поклонитесь очень дружески. Ваша, какъ всегда и на вѣкъ. Александра Смирнова.

Сообщ. В. И. Шенрокъ.

КОНЕЦЪ.

НА ДУНАѢ И ПОДЪ СИЛИСТРІЕЮ ВЪ 1854 г.

Изъ записокъ бывшаго офицера генеральнаго штаба.

I.

Занятіе княжествъ Валахіи и Молдавіи. — Назначеніе меня начальникомъ главнаго штаба въ Браиловъ.

Въ 1853 году, при первоначальномъ занятіи княжествъ Молдавіи и Валахіи войсками 4-го и частью 5-го пѣхотныхъ корпусовъ, 3-й пѣхотный корпусъ былъ расположенъ въ губерніяхъ Волынской и Подольской. Состоя дивизіоннымъ квартирмейстромъ 8-й пѣхотной дивизіи, и мы съ кантониръ своихъ квартиръ, вмѣстѣ съ 9-ю дивизіею, были, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, направлены туда.

Корпусный командиръ генералъ-адъютантъ Сакенъ, назначенный къ намъ только три мѣсяца передъ симъ, желая посмотрѣть войска, взялъ меня съ двумя адъютантами съ собою и отправился въ кр. Хотинъ, а впослѣдствіи и въ м. Скуляны, гдѣ на каждомъ мѣстѣ пропустилъ войска мимо себя, и приказомъ по корпусу просилъ поддержать духъ и дисциплину нашей арміи, какъ равно и при вступленіи въ княжества припомнить, что они вступятъ въ страну, искони дружественную къ намъ и состоящую подъ высокимъ покровительствомъ нашихъ государей.

Уже съ Хотина я отправленъ былъ имъ въ г. Букарештъ, для сообщенія кн. Горчакову маршрутовъ слѣдованія этихъ дивизій, переданныхъ намъ изъ главнаго штаба дѣйствующей арміи прямо, и спросить, не имѣетъ-ли онъ какихъ-нибудь особыхъ приказаній передать. По этимъ маршрутамъ мы слѣдовали форсированнымъ маршемъ (черезъ 4 и 3 дня дневки), но князь Горчаковъ, желая доставить войскамъ облегченіе въ это ненастное осеннее время,

гдѣ въ странѣ не существовало никакихъ шоссе, а дороги представляли бездонныя болота, перемѣнилъ эти маршруты новыми, такъ что войска должны были слѣдовать обыкновеннымъ маршемъ (черезъ три и два дня дневки) и, сверхъ того, въ праздники Рождества и Новаго года также имѣть дневки. Съ этими новыми маршрутами я ѣхалъ навстрѣчу дивизіи. Его заботливость и попеченіе о благосостояніи ввѣренныхъ ему войскъ вездѣ показались: такъ, онъ сообщилъ имъ, что сдѣлано распоряженіе съ гражданскимъ начальствомъ о доставленіи войскамъ на ночлежныхъ пунктахъ дровъ и соломы. А чтобы разлитіе рѣкъ, каковы Рымникъ и Бузео, черезъ кои не имѣлось мостиковъ, не представляло-бы значительныхъ преградъ, мнѣ велѣно обратиться къ капитанъ-исправникамъ по дорогѣ, дабы они всевозможными средствами, какъ-то: собраніемъ въ значительномъ числѣ обывательскихъ повозокъ, кои нагружались-бы каменьями, а на нихъ положили-бы доски, и такимъ образомъ доставили-бы пѣхотѣ возможность сухо перейти ихъ.

Въ послѣднихъ числахъ декабря и въ началѣ новаго 1854 г. дивизія достигла предназначенныхъ для нея квартиръ въ г. Букарештѣ и въ его окрестностяхъ, и осталась здѣсь до 19-го апрѣля, за исключеніемъ 2-й бригады, которая въ февралѣ придвинута была къ Турну на Дунаѣ, для усиленія тамошняго отряда, но и она присоединилась къ дивизіи при ея выступленіи изъ Букарешта, весною, въ г. Каларашъ.

Во время стоянки здѣсь я получилъ предписаніе начальника главнаго штаба, генералъ-адъютанта Коцебу, отправиться въ с. Слободзею, на Яломицѣ, и тамъ расквартировать или, вѣрнѣе, привесть въ согласіе спорное дѣло по квартированію Прагскаго пѣхотнаго и какого-то уланскаго полковъ, а по окончаніи сего дѣла отправиться въ г. Браиловъ и исполнить секретное порученіе, такъ чтобы ни военные, ни гражданскіе чины не могли проникнуть въ сущность его. Порученіе состояло въ примѣрномъ проектѣ квартированія въ окрестностяхъ г. Браилова (въ районѣ 90 верстъ) двухъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизій, съ ихъ артиллеріею, 1 сапернаго и 1 стрѣлковаго баталіона, да 1 артиллерійскаго и 1 понтоннаго парковъ. Чтобы еще болѣе маскировать порученіе, мнѣ велѣно, по окончаніи его, отправиться въ Галацъ, въ штабъ 5-го пѣхотнаго корпуса генерала Лидерса, и передать частное письмо ген. Коцебу къ начальнику штаба ген. Непокойчицкому. Этотъ послѣдній никакъ не могъ постигать, чтобы для передачи частнаго письма могли употреблять офицера генер. штаба и ста-

рался склонить меня къ откровенности. На всѣ вопросы и предположенія его я могъ только опереться на командировку въ с. Слободзею и желанія ген. Коцебу, по недальности Галаца отъ Слободзея, воспользоваться случаемъ доставить ген. Непокойчицкому письмо, содержаніе котораго мнѣ совсѣмъ неизвѣстно.

При исполненіи порученія въ Браиловѣ я воспользовался знакомствомъ съ генер. штаба капитаномъ Михалевичемъ, находившимся у начальника 15-й пѣхотной дивизіи ген. Энгельгардта, и излагая ему желаніе начальника топографическаго отдѣленія главнаго штаба подполковника Эрнрота имѣть свѣдѣнія о числительности дворовъ и сараевъ деревень близъ г. Браилова, съ цѣлью соображать, необходимо-ли будетъ послать туда часть топографовъ для нанесенія могущихъ встрѣтиться измѣненій противъ карты 1828 и 1829 годовъ, получилъ я отъ него росписаніе дивизіи по деревнямъ (слѣдовательно и числительность дворовъ и сараевъ), и поэтому ночью могъ дѣлать свой проектъ [1]).

19-го апрѣля 1854 г. 8-я пѣхотная дивизія съ своею артиллеріею выступила изъ Букарешта, слѣдовала черезъ д. Мигоешти и с. Слободзею и 22-го апрѣля прибыла въ г. Каларашъ, а 3-го мая выступила въ лагерь на островъ Голый. Во все время стоянія подъ Каларашемъ и на островѣ Голомъ, ежедневно наряжаемы были команды рабочихъ, какъ для устройства дорогъ по островамъ, такъ и для приготовленія необходимыхъ для осады крѣпости Силистріи фашинъ и туровъ.

7-го мая саперы навели послѣдній мостъ черезъ главный рукавъ Дуная, въ пяти верстахъ ниже крѣпости, но турки не могли оказывать значительнаго сопротивленія, такъ какъ генералъ Лидерсъ, со стороны Браилова, слѣдовалъ по правому берегу Дуная и гналъ ихъ вездѣ съ позиціи на позицію. Весьма красиво было со стороны острова смотрѣть на это наступленіе нашихъ по другой сторонѣ рѣки, поддержанное огнемъ нашихъ батарей на островѣ. Такимъ образомъ войсками 5-го корпуса (въ томъ числѣ наша 9-я дивизія и часть кавалеріи) было занято пространство по правому берегу рѣки противъ моста, и мы могли безпрепятственно переправиться и занять позицію на другой сторонѣ противъ самой крѣпости, въ двухъ верстахъ отъ оной, войдя въ составъ войскъ командира 5-го пѣхотнаго корпуса.

---

[1]) Означенный проектъ служилъ впослѣдствіи основаніемъ сосредоточенія войскъ до предстоящей переправы, произведенной главнокомандующимъ княземъ Горчаковымъ раннею весною. А. С.

II.

Осада Силистріи.—Генералъ Карлъ Андреевичъ Шильдеръ.—Штурмъ Арабскаго укрѣпленія.—Генералъ Сельванъ.—Карлъ Бе́льгардъ.—Смерть К. А. Шильдера.—Назначеніе дня штурма и снятіе осады Силистріи.

Въ ночь на 8-е число заложена была первая траншея или, вѣрнѣе параллель противъ крѣпости, подъ личнымъ надзоромъ инженеръ-генералъ-адъютанта Шильдера. Вмѣстѣ съ тѣмъ возложена на начальника 8-й пѣхотной дивизіи генерала Сельвана обязанность начальника всѣхъ траншейныхъ войскъ, а для производства этихъ осадныхъ работъ также назначены рабочіе первоначально изъ одной нашей дивизіи, но впослѣдствіи, черезъ недѣлю, въ составъ рабочихъ вошли и другія войска, расположенныя въ тылу у главной квартиры. Оказалось также необходимо впослѣдствіи назначать и изъ другихъ частей войскъ для занятія и обороны траншей, потому что эта безпрерывная готовность къ бою чрезвычайно утомляла людей. Сначала для охраненія первой параллели вышли только три баталіона, но по мѣрѣ того, какъ подались мы впередъ работами и приблизились къ передовымъ укрѣпленіямъ, вышли 4, 5 и, наконецъ, 7 батал.

Вмѣстѣ съ тѣмъ назначены постоянными начальниками частей траншей, по очереди, на лѣвомъ флангѣ ген.-маіоръ Веселицкій и Юферовъ, а на правомъ—генер.-маіоръ Заливкинъ и полковникъ генер. штаба Герсевановъ. Подъ непосредственнымъ общимъ надзоромъ ген. Шильдера, осадными работами на лѣвомъ флангѣ завѣдывалъ инженеръ подполковникъ Тотлебенъ, а на правомъ—генералъ-маіоръ Бухмейеръ. Сверхъ того, находились инженеры, капитаны Фолькмутъ и Титдебель, кои и принимали дѣятельное участіе въ осадѣ.

Тутъ не излагаю причинъ, почему крѣпость не обложили со всѣхъ сторонъ, ни даже почему сообщеніе ея съ Шумлею, Варною и другими крѣпостями не прекращали, хотъ посредствомъ легкихъ кавалерійскихъ отрядовъ. Что-то подобное, или просто рекогносцировку, кажется, хотѣлъ фельдмаршалъ предпринять 28-го мая. Взявъ съ главнаго лагеря нѣсколько войскъ съ собою, онъ совершилъ движеніе по Шумленской дорогѣ. Наша дивизія, занимавшая траншеи, не участвовала здѣсь, но замѣтили мы, какъ съ цитадели Абдулъ-Меджида стрѣляли по отряду его, разумѣется, безъ значительнаго урона. Говорятъ, лошадь фельдмаршала испугалась

при разрывѣ гранаты, и фельдмаршалъ, упавъ съ лошади, ушибся, хотя не опасно.

Генералъ К. А. Шильдеръ, человѣкъ съ обширными познаніями своего дѣла, обладающій значительною опытностью, пріобрѣтенною въ предшествующихъ кампаніяхъ, смѣлый въ своихъ проектахъ и съ твердою волею исполнять придуманное имъ, былъ общею душею всѣхъ этихъ осадныхъ работъ. Храбрый до неустрашимости, онъ презиралъ всякую опасность; безполезно часто подвергаясь ей, онъ, конечно, внушалъ своимъ примѣромъ хладнокровіе и довѣренность у подчиненныхъ, но какъ главный начальникъ и руководитель работъ, не долженъ былъ понапрасну подвергаться рѣшеніямъ судьбы и накликать, какъ выражались солдатики наши, на себя несчастіе. Сколько разъ, проходя траншеи и останавливаясь для отдыха гдѣ-нибудь на время, я слышалъ незатѣйливые разговоры ихъ между собою, въ родѣ слѣдующаго: „А старикъ [1]) опять сегодня поутру сѣлъ на брустверъ траншеи, разсматривалъ непріятельскіе окопы и разругался съ турками“ (или, чаще всего, съ некрасовцами). Никогда не забуду перваго моего съ нимъ свиданія. На другой день по открытіи траншеи, ген. Сельванъ говорилъ мнѣ, чтобы въ 9 часовъ утра слѣдующаго дня провожать его къ генералу Шильдеру, который тогда будетъ находиться на правомъ флангѣ параллели, у самой береговой по Дунаю дороги. Мы выѣхали верхами изъ лагеря, а ген. Сельванъ, по прибытіи на мѣсто, слѣзъ съ лошади, такъ какъ ген. Шильдеръ былъ пѣшкомъ, и я хотѣлъ это дѣлать, но ген. Шильдеръ, которому я тогда представленъ былъ, просилъ меня остаться на конѣ и, обратясь къ генералу Сельвану, просилъ его разрѣшенія немного пользоваться мною для какого-то дѣла, и какъ онъ выразился притомъ: „обстрѣливать меня крѣпостнымъ огнемъ“. Взявъ меня за руку и держась за нее, онъ просилъ меня слѣдовать съ нимъ, и мы отправились по большой дорогѣ, по направленію въ крѣпость, онъ пѣшкомъ, а я верхомъ, въ 300 саженяхъ впередъ, гдѣ долженъ упереться правый флангъ второй параллели и помѣщена будетъ небольшая батарея. Разумѣется, дорога эта была подъ амфиладнымъ огнемъ съ крѣпостныхъ верковъ, и, дѣйствительно, ядро за ядромъ проѣхало мимо насъ, но, къ счастію, мы остались невредимыми. Всякій разъ, когда ядро просвистало мимо насъ, онъ говорилъ: „Турки не умѣютъ стрѣлять, они меня не убьютъ, я еще разъ буду въ Силистрію“. Достигнувъ желаемаго пункта, онъ отпустилъ меня, прося передать ген. Сель-

[1]) Обыкновенное его прозваніе солдатами, вѣроятно, по сѣдинѣ его.

А. С.

вану, что онъ считаетъ меня достаточно обстрѣленнымъ. На обратномъ пути я, разумѣется, пустилъ лошадь въ карьеръ и хотя еще ядро провожало меня, но также счастливо. Ген. Сельванъ, засмѣясь, сказалъ, что если онъ такимъ образомъ будетъ употреблять меня, то скоро лишится своего квартирмейстра. Впрочемъ, надо сказать, что послѣ этого, такъ сказать, крещенія, ген. Шильдеръ былъ очень внимателенъ и благосклоненъ, когда по дѣламъ службы я являлся къ нему, хотя ген. Сельванъ послѣ этого дѣла избѣгалъ, сколько возможно, посылать меня, а большею частью самъ отправлялся вечеромъ, до открытія ночныхъ работъ, къ нему поговорить о чемъ нужнымъ считалъ.

Другой примѣръ неустрашимости и смѣлости ген. Шильдера. Разъ, увидѣвъ меня въ траншеѣ, просилъ онъ выбрать смѣлаго и ловкаго офицера и человѣкъ 20 или 30 таковыхъ-же рядовыхъ, коимъ прибыть къ 9 часамъ вечера въ инженерное депо. Доложивъ начальнику дивизіи о семъ, онъ назначилъ Полтавскаго полка маіора Э., дозволивъ ему выбрать соотвѣтственныхъ рядовыхъ. Въ слѣдующій день я, любопытствуя узнать, чѣмъ кончилась эта ночная попытка, отправился въ палатку маіора Э. Деньщикъ, хотя говорилъ, что только четыре часа какъ вернулся, разбудилъ его. Маіоръ Э. сообщилъ мнѣ, что они съ ген. Шильдеромъ шныряли, (по его собственнымъ словамъ) въ тылу Арабскаго укрѣпленія, что, пользуясь темнотою ночи, они подкрадывались тихонько. Генералъ Шильдеръ шелъ впереди, весь согнувшись, приказавъ ему и людямъ сдѣлать также, а потомъ уже на всѣхъ четырехъ. Люди были безъ амуниціи, но съ ружьями, имѣя нѣсколько патроновъ въ карманѣ. Маіоръ Э. говорилъ, что они очутились совсѣмъ въ тылу укрѣпленія и явно слышали разговоры турокъ, хотя и не понимали ихъ. Разъ даже какой-то турокъ часовой кричалъ раза два, вѣроятно, разспрашивая кто идетъ. Остановились они, какъ вкопанные, но какъ они совсѣмъ утихли, то могли опять продолжать путь.

Ген. Шильдеръ говорилъ, что „узналъ чего хотѣлъ“.

Между тѣмъ турки ежедневно и преимущественно ночью, открывали пальбу изъ орудій и сдѣлали вылазки; приближаясь къ нашимъ траншеямъ, открыли сильную ружейную пальбу, съ тѣмъ, чтобы, завлекая нашихъ въ таковую пальбу, мѣшать тѣмъ производству ночныхъ работъ. И дѣйствительно, наши, какъ только турки завязали огонь, и они начали отвѣчать, и только послѣ продолжительныхъ повтореній и запрещеній въ этомъ перестали, такъ что черезъ 10 дней усвоили себѣ въ достаточной степени хладнокровіе, чтобы однимъ глухимъ молчаніемъ отвѣчать имъ. Такимъ образомъ, въ первыя

двѣ недѣли мы расходовали до 80 и даже до 100 тысячъ патроновъ въ сутки, а результатъ этого живаго, громкаго огня былъ самый ничтожный, по всей вѣроятности: у насъ выбыло изъ строя нѣсколько человѣкъ. Но когда полки были нѣсколько разъ въ траншеяхъ, они уже нѣкоторымъ образомъ свыклись съ порядкомъ и сдѣлались скупыми на свои патроны.

Какъ обязанности по службѣ заставляли меня безпрерывно, какъ днемъ, такъ и ночью, быть въ траншеяхъ, какъ-то: при смѣнѣ траншейныхъ войскъ, при проводѣ рабочихъ въ инженерное депо, гдѣ по числительности передалъ ихъ инженерамъ, для снабженія шанцевыми инструментами, то можетъ быть, черезъ нѣкоторое время, имѣлъ видъ усталый, и генералъ Сельванъ, при посѣщеніи траншей начальникомъ главнаго штаба генераломъ Коцебу, доложилъ ему о необходимости назначать въ очередь со мною другаго офицера генеральнаго штаба. Поэтому на 17-е мая назначенъ былъ изъ главнаго штаба причисленный къ генеральному штабу артиллеріи поручикъ Лавровъ [1]), а впослѣдствіи и генеральнаго штаба поручикъ Яроцкій.

Приступая къ описанію несчастнаго штурма Арабскаго укрѣпленія, предпринятаго, какъ оказалось по всѣмъ даннымъ, безъ всякаго заранѣе обдуманнаго намѣренія и плана, я руководствуюсь здѣсь объясненіями, данными на мѣстѣ, участвовшаго въ семъ бою начальника лѣваго фланга траншей генералъ-маіора Веселицкаго, при посѣщеніи траншеи, на другой день поутру, генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Паскевичемъ,—объясненіями, которыя я тогда, находясь у генерала Веселицкаго, ясно слышалъ.

Генералъ Веселицкій, перекрестившись, сталъ разсказывать.

„Турки произвели въ эту ночь, по обыкновенію, вылазки, можетъ быть нѣсколько сильнѣе, предшествуемыя сильною канонадою съ крѣпости, сначала на одномъ флангѣ, а послѣ на другомъ, и были вездѣ отброшены съ урономъ. Генералъ Сельванъ, находясь случайно въ траншеяхъ, уже считалъ дѣло конченнымъ и велѣлъ войскамъ стать на прежнія мѣста, когда вдругъ прибыли на лѣвый флангъ находившіеся въ главной квартирѣ гвардіи артиллеріи полковникъ Костанда и флигель-адъютантъ графъ Орловъ. Они, какъ объяснили, были посланы для разузнанія результатовъ канонады и схватки и, имѣя при себѣ баталіонъ Замосцкаго Егерскаго полка [2]), выразили мнѣніе, что теперь весьма выгодно было-бы

[1]) Убитый впослѣдствіи какъ траншей-маіоръ въ Севастополѣ.

[2]) По диспозиціи, всегда одинъ баталіонъ въ полной готовности назначался изъ главнаго лагеря войскъ, для лучшаго обезпеченія лѣваго фланга траншей.

А. С.

воспользоваться неудачею турокъ и по пятамъ ихъ ворваться въ укрѣпленіе Арабское. На это генералъ Сельванъ возразилъ, что онъ не уполномоченъ атаковать открытою силою укрѣпленіе, но что онъ на это соглашается, ежели большинство голосовъ имъ наскоро устроеннаго военнаго совѣта будетъ таковаго мнѣнія; а какъ большинство оказалось за штурмъ, то Сельванъ просилъ меня построить здѣсь находившіяся войска (2 бат. Алексопольскаго, баталіонъ Полтавскаго и баталіонъ Замосцкаго полковъ), и мы пошли впередъ, пустились въ ровъ, но не могли взобраться на брустверъ, такъ какъ бермы не существовало, а эскарпъ, какъ и брустверъ, составленные изъ глинисто-известковаго грунта, сдѣлались отъ продолжительныхъ жаровъ столь твердыми, что воткнуть въ нихъ штыки нельзя было, и слѣдовательно невозможно было найти какую-нибудь точку опоры для того, чтобы взобраться на брустверъ. Тутъ, на находившихся во рву, турки стрѣляли внизъ изъ-за бруствера, бросали разнаго рода тяжелые снаряды, камни и ручныя гранаты. Старались молодцы солдаты наши взлѣзть другъ другу на плечи, съ тѣмъ, чтобы подняться на брустверъ, но были опрокидываемы турками. Въ этой общей свалкѣ и рѣзнѣ вдругъ услышалъ я сигналъ: „Къ отступленію.“ Спрашиваю и кричу: „кто подалъ его?“, но, не получивъ отвѣта, спрашиваю, гдѣ генералъ Сельванъ; и на это не послѣдовалъ отвѣтъ. Полагая, что генералъ Сельванъ убитъ и, признавая себя за старшаго по немъ, а главное, видя безуспѣшность дѣла, я велѣлъ горнисту, при мнѣ находившемуся, повторить этотъ-же сигналъ. Имѣя только одну руку, я не могъ-бы взобраться на контръ-эскарпъ изъ рва, безъ посторонней помощи, но тутъ юнкеръ Алексопольскаго полка помогъ мнѣ.

Фельдмаршалъ Паскевичъ выразилъ глубокое сожалѣніе о случившемся, а главное объ опрометчивости генерала Сельвана, которому трудно было-бы избѣгнуть суда, ежели-бъ остался живымъ.

Желая себѣ разъяснить поступокъ и рѣшимость генер. Сельвана, я, съ своей стороны, собралъ справки гдѣ могъ, а главное у его адъютантовъ: капитановъ Менжинскаго (старшаго) и Ковалевскаго (личнаго), особо имъ любимаго, какъ равно и отъ его ординарца поручика Труссона. Оказалось, что Сельванъ, отпивъ чай вечеромъ и зная, что я легъ отдыхать пораньше, вслѣдствіе нѣсколькихъ безсонныхъ ночей, и что тутъ въ траншеяхъ находится другой офицеръ генеральнаго штаба поручикъ Лавровъ, сказалъ имъ, что онъ отправится къ генералу Шильдеру поговорить о чемъ-то, и такъ какъ намѣренъ скоро возвратиться то не беретъ съ собою никого изъ нихъ, даже ординарца.

Далѣе оказалось, что не найдя Шильдера дома, Сельванъ отправился его искать по траншеямъ. Между тѣмъ, турки сдѣлали вылазку; Сельванъ, конечно, остался въ траншеяхъ.

Поручикъ Лавровъ, бывшій при этомъ генералѣ, разсказывалъ довольно сходно съ генераломъ Веселицкимъ; на вопросъ-же мой, не упомянулъ-ли кто-нибудь о томъ, что тутъ не имѣется штурмовыхъ лѣстницъ, Лавровъ признался, что совершенно въ суматохѣ забылъ про нихъ. По этому я увѣренъ, что если-бы кто-нибудь своевременно заикнулся о штурмовыхъ лѣстницахъ,—то Сельванъ призадумался-бы вести отрядъ на штурмъ. Генералъ Веселицкій, съ своей стороны, не зналъ о существованіи этихъ лѣстницъ, такъ какъ недавно передъ тѣмъ прибылъ и не былъ въ Букарештѣ, гдѣ люди упражнялись съ ними.

Впослѣдствіи, на вопросъ у меня военно-судной комиссіи по сему предмету о томъ: неизвѣстно-ли мнѣ, не имѣлъ-ли какого-нибудь заранѣе рѣшенія и намѣренія генералъ Сельванъ? я, разумѣется, не могъ иначе отвѣчать, какъ то, что узналъ у адъютантовъ этого генерала. Между тѣмъ, по всему видно, кажется, что покойный Сельванъ, при всей вообще своей осторожности и благоразуміи, увлекся перспективою завладѣть внезапно укрѣпленіемъ и, можетъ быть, не желая пережить свою неудачу, не открывалъ близъ находившимся, что раненъ, такъ какъ разсказываютъ, что онъ лишь разъ какъ-то закричалъ и застоналъ, но тѣмъ все кончилось въ свалкѣ и въ темнотѣ.

Въ слѣдующій день турки, въ числѣ прочихъ труповъ, передали намъ для погребенія и трупъ генерала Сельвана, но уже обезглавленный. Пріятно, по крайней мѣрѣ, было видѣть общую скорбь, выразившуюся между офицерами и нижними чинами о потерѣ любимаго начальника. Командиръ Алексопольскаго полка полк. фонъ-Буссау, объявляя полку о смерти Сельвана, плакалъ какъ дитя.

Генералъ-лейтенантъ Карлъ Бельгардъ назначенъ временно командовать дивизіею и вмѣстѣ съ тѣмъ быть также начальникомъ траншейныхъ войскъ, такъ какъ онъ уже прежде былъ представленъ въ начальники 6 пѣх. дивизіи, но фельдмаршалъ нашелъ необходимымъ временно передать ему командованіе нашею дивизіею, по важности положенія дивизіи въ настоящее время.

Вступивъ въ командованіе дивизіею въ тотъ-же день, онъ немедленно перенесъ свою палатку непосредственно за 2-ю параллелью, не только подъ артиллерійскими, но и подъ ружейными выстрѣлами съ Арабскаго укрѣпленія, куда и велѣлъ перевесть и мою, и своихъ личныхъ адъютантовъ и ординарцевъ (старшаго

адъютанта съ писарями оставилъ на прежнихъ мѣстахъ); но когда стали мы обѣдать въ палаткѣ-столовой и ружейныя пули, пробивая палатку, слишкомъ уже стали просвистывать, то велѣлъ саперамъ приготовить для себя и насъ блиндированныя землянки, въ коихъ мы и пребывали до снятія осады.

Увидя, что все еще нѣкоторыя траншейныя войска (преимущественно изъ чужихъ дивизій) понапрасну ночью, подражая туркамъ, открывали ружейную пальбу, онъ велѣлъ мнѣ повторить опять приказъ по войскамъ, а самъ первыя ночи съ адъютантомъ или съ ординарцемъ обходилъ траншеи и, балагуря съ солдатами, говорилъ, „что лучше и молодцоватѣе будетъ принять непріятеля на штыкъ и посмотрѣть, какъ онъ тамъ вертится". И дѣйствительно, онъ совсѣмъ прекратилъ эту ненужную пальбу, и турки видя, что это на нашихъ не производитъ дѣйствія, также прекратили ее.

Ночью на 22-е мая инженеры, въ числѣ прочихъ работъ, возвели на половину небольшой редутъ на лѣвомъ флангѣ 2-й параллели, для лучшаго обезпеченія сего фланга, но турки, увидя утромъ эту постройку и разсчитывая, что, по всей вѣроятности, редутъ будетъ вооруженъ артиллеріею (успѣли поставить только одно орудіе, а самая профиль редута была только на половину воздѣлана, а полагалось въ слѣдующую ночь довести его до полной профили), рѣшились вечеромъ вылазкою помѣшать дальнѣйшей постройкѣ и ее срыть. Посему они въ $6^1/_2$ часовъ открыли сильный артиллерійскій огонь изъ Абдулъ-Меджида и Арабскаго укрѣпленій, а вслѣдъ затѣмъ двинули 12 колоннъ со значками (вѣроятно, ротъ), а когда колонны заслоняли собою пальбу, то она прекращалась и турки при крикѣ: Аллахъ! бросились впередъ на укрѣпленіе. Здѣсь и въ ближайшихъ траншеяхъ находились только двѣ роты, которыя и встрѣтили ихъ огнемъ и далѣе штыками, но должны были уступить превосходству силъ.

Генералъ Бельгардъ находился тогда, къ счастію, въ траншеяхъ и поспѣшилъ туда, но замѣтя, что турки въ значительныхъ силахъ, и не дойдя еще лѣваго фланга, послалъ своего ординарца Труссона ко мнѣ, находившемуся тогда съ командами рабочихъ (въ числѣ двухъ баталіоновъ Елецкаго полка) у инженернаго депо, для передачи ихъ подполковнику Тотлебену, и велѣлъ мнѣ взять два баталіона изъ лагеря и поспѣшить на выручку редута.

Соображая, что исполняя точно приказаніе, то есть взять баталіонъ изъ лагеря, придется мнѣ, по меньшей мѣрѣ, потерять лишнее полчаса время на ходьбу въ лагерь и поднятіе баталіоновъ, я обра-

тился къ подполковнику Тотлебену, который уже началъ раздавать людямъ шанцевый инструментъ, удивляясь сильной ружейной пользѣ въ это время дня, представляя ему приказаніе Бельгарда о поспѣшней помощи, почему я просилъ взять назначенные для работъ баталіоны. На это сначала онъ не хотѣлъ было согласиться, такъ какъ другихъ рабочихъ, на эту ночь, трудно было успѣть достать, но когда я ему представилъ, что редутъ, можетъ быть, будетъ взятъ непріятелемъ, а ежели удастся отстоять его, то часть людей этихъ самыхъ баталіоновъ можно будетъ употреблять на работы, стоило только одну часть послать обратно въ депо, для полученія шанцеваго инструмента. Тутъ подполковникъ Тотлебенъ согласился и мы, построивъ одинъ баталіонъ въ ротныхъ колоннахъ, а другой имѣя въ резервѣ, пустились съ ельцами бѣгомъ, вверхъ по горѣ влѣво. Я просилъ маіора Геннинга, командира баталіона, въ ротныхъ колонахъ находившагося, доказать, что у ельцовъ есть длинныя ноги (такъ какъ люди 1-го полка въ дивизіяхъ составлялись обыкновенно изъ великорослыхъ людей), и они въ нѣсколько минутъ оказались на верху горы. Бывъ самъ небольшаго роста, я отсталъ, но все-таки слѣдовалъ между баталіонами. Сначала мы были довольно скрыты отъ непріятельскихъ выступовъ съ укрѣпленій, но когда поднялись на площадку возвышенія, гдѣ редутъ былъ построенъ, то насъ встрѣтили сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ съ укрѣпленій, но, къ счастію, разстояніе до редута было незначительно и впереди находившійся баталіонъ уже бросился въ штыки въ укрѣпленіе, гдѣ еще продолжался рукопашный бой съ нашими, и въ десять минутъ очистили редутъ отъ турокъ.

Генералъ Бельгардъ съ генераломъ Веселицкимъ находились въ траншеяхъ лѣваго фланга, откуда замѣтили и видѣли наше приближеніе. Первый въ одной рубашкѣ, снявши шинель, громко поздоровался съ ельцами и поблагодарилъ ихъ за молодецкое дѣло. Доложивъ Бельгарду, что эти баталіоны были изъ числа назначенныхъ на работу, но взятыхъ мною съ разрѣшенія подполковника Тотлебена, я еще прибавилъ, что поступилъ при этомъ, нѣкоторымъ образомъ, противъ приказаній при проводѣ войскъ въ траншеи, а именно, не ввелъ ихъ по траншеямъ, а просто по полю, для выиграніе времени. На это Бельгардъ подалъ мнѣ руку и поблагодарилъ за исполненіе его приказаній, а въ четвертый день послѣ дѣла я уже имѣлъ орденъ св. Владиміра съ бантомъ. Тутъ же онъ велѣлъ сдѣлать представленіе о наградахъ отличавшимся.

Дня два послѣ сего дѣла, я увидѣлъ генерала К. А. Шильдера въ траншеяхъ. „Ну, славно отомстили за смерть вашего генерала“,

сказалъ мнѣ Карлъ Андреевичъ. Въ главной квартирѣ, куда я въ первый разъ по прибытіи подъ Силистрію явился, товарищи искренно поздравляли меня, хотя я старался имъ объяснить, что тутъ (можетъ быть и нехотя) виновенъ столько-же подполковникъ Тотлебенъ, который разрѣшилъ мнѣ взять его рабочихъ.

Между тѣмъ, инженеры дѣятельно продолжали работы и подступали ближе и ближе къ предназначеннымъ для атакъ укрѣпленіямъ—Арабскаго, Песчанаго и Змѣинаго. Но, вдругъ, 1-го іюня, мы лишились главнаго руководителя осадныхъ работъ генералъ-адъютанта Шильдера, который съ замѣчательною отвагою и презрѣніемъ смерти продолжалъ себя выставлять врагу; онъ былъ смертельно раненъ [1]). Прибывъ нѣкоторое время спустя на мѣсто, я слышалъ отъ солдатъ Прагскаго полка: „старикъ опять хотѣлъ храбриться, да видно дни его были сочтены".

И тутъ, мнѣ казалось, инженеры какъ-то усиленно судорожно взялись за работы, можетъ быть также желая отомстить за смерть начальника; устроили на самомъ гласисѣ, противъ Арабскаго укрѣпленія, возвышенные кавальеры, съ которыхъ наши стрѣлки и штуцерные, обнимая взоромъ всю внутренность укрѣпленія, своими выстрѣлами поражали артиллеристовъ и прочихъ защитниковъ укрѣпленія, такъ что турки должны были устроить траверсы, но не умѣя этого дѣлать или по превосходному устройству нашихъ кавальеровъ ломанными линіями, явно уже перестали упорно защищаться, а теряя безпрерывно своихъ артиллеристовъ и поражаемые отвѣсными выстрѣлами изъ небольшаго числа маленькихъ мортиръ, уже два-три дня не отвѣчали ни однимъ артиллерійскимъ выстрѣломъ. То-же самое было и съ другими осажденными укрѣпленіями—Песчанымъ и Змѣинымъ.

По этимъ причинамъ главнокомандующій князь Горчаковъ, по отбытіи генералъ-фельдмаршала, рѣшилъ штурмовать эти укрѣпленія съ разсвѣтомъ 12-го іюня 1854 года.

Уже назначенныя для этого войска, кажется 8 полковъ, кромѣ нашей дивизіи, были собраны съ вечера по наступленіи темноты, по указанію генеральнаго штаба полковника Веймарна, за траншеями и между ними. Вдругъ ночью прибылъ курьеръ съ приказаніями отъ фельдмаршала Паскевича: снять осаду и очистить княжества.

---

[1]) Осколокъ гранаты, разорвавшейся въ траншеи, раздробилъ ему ступню правой ноги. Одиннадцать дней спустя (11-го іюня 1854 г.), храбрый генералъ К. А. Шильдеръ скончался въ Каларашѣ, въ виду Силистріи.

А. С.

Итакъ, пяти-недѣльная осада Силистріи, предпринятая противъ трехъ отдѣльныхъ укрѣпленій: Арабскаго, Песчанаго и Змѣинаго, хотя не привела къ полному завладѣнію ими, но успѣла все-таки въ это короткое время привести ихъ въ крайне слабое и беззащитное положеніе,—но все-таки, кажется, пріучила нашихъ инженеровъ къ болѣе точному опредѣленію, въ данное время, возможности закладыванія земляныхъ работъ и вообще къ примѣненію на практикѣ теоретическихъ правилъ; войска-же также пріучились къ траншейнымъ работамъ, къ службѣ въ нихъ и ихъ защитѣ. Впослѣдствіи генералъ Тотлебенъ говорилъ мнѣ, что осада Силистріи была для него хорошею школою, въ которой онъ видѣлъ, какія смѣлыя предначертанія указывалъ генералъ К. А. Шильдеръ и какъ они блистательно выполнялись.

Еще одно обстоятельство, которое не надо упускать изъ виду: большая часть батарей въ траншеяхъ были, значительною частью, вооружены одною полевою артиллеріею, осадною-же вооружены находившіяся только близь береговъ Дуная и на островахъ. Вѣроятно, фельдмаршалъ Паскевичъ видѣлъ колеблющееся положеніе австрійской политики и давно былъ готовъ на случай внезапнаго снятія осады Силистріи, — что дѣйствительно и случилось.

12 іюня 8-я дивизія, еще до разсвѣта, снялась съ позиціи, и во главѣ прочихъ войскъ переправилась по мосту черезъ рѣку Дунай. По достиженіи Фокшанъ ей приказано повернуть влѣво и по правому берегу рѣки Серетъ двинуться на г. Бакеу и Романь и поступить въ отрядъ начальника 6-й кавалерійской дивизіи генералъ-лейтенанта графа Ланскаго, имѣвшаго здѣсь только уланскую бригаду. Цѣль назначенія отряда состояла въ томъ, чтобы обезпечить, со стороны Трансильваніи, движеніе главныхъ силъ арміи, двинувшихся изъ Валахіи на Яссы и Скуляны. Отрядъ этотъ подчиненъ былъ нашему корпусному генералу Сакену, находившемуся въ Яссахъ съ незначительными, впрочемъ, войсками (кажется, части 6-й пѣх. див.). Поэтому дивизіонный квартирмейстеръ 6-й кавал. дивизіи, генеральнаго штаба капитанъ Пестовъ, вмѣстѣ со мною ѣздилъ по главнымъ дорогамъ, ведущимъ изъ австрійскихъ владѣній, на коихъ въ удобныхъ мѣстахъ назначили наблюдательные кавалерійскіе посты, коимъ указано было, какіе мосты они, въ случаѣ наступленія австрійцевъ, должны были взорвать. Но всѣмъ этимъ постамъ, согласно приказа генерала Сакена, вмѣнялось въ обязанность, „въ случаѣ наступленія австрійцевъ, не смѣть, ни подъ какимъ видомъ, дѣлать первый выстрѣлъ,—пускай таковой послѣдуетъ со стороны этихъ неблагодарныхъ нѣмцевъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на генерала Ланскаго возложено было составленіе общаго плана дѣйствія отряда, въ случаѣ наступленія непріятеля, который долженъ быть утвержденъ Сакеномъ. По составленіи совмѣстно съ капитаномъ Пестовымъ этого плана, я былъ отправленъ съ нимъ въ Яссы, гдѣ его прочелъ Сакенъ съ начала до конца и утвердилъ. Перекрестивъ и благословивъ меня, онъ сказалъ, что надѣется, что 8-я дивизія исполнитъ свой долгъ такъ-же хорошо, какъ подъ Силистріею.

Форпосты наши стояли другъ противъ друга съ австрійцами; столкновеній, однако, не произошло, и мы въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца 1854 года начали обратное слѣдованіе черезъ Яссы, а 1 сентября того-же года перешли рѣку Прутъ у м. Скуляны.

Генералъ-лейтенантъ **А. О. Стренгъ.**

Сообщ. **Н. И. Б.**

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II ВЪ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ

въ 1858 г.

Прошли тяжелые для народа годы восточной войны 1853 — 1855 гг. О тогдашней народной тягости можно судить по слѣдующимъ фактамъ: въ два года, съ осени 1853 по осень 1855 года, произведено было четыре рекрутскихъ набора, каждый по 10-ти или 12-ти человѣкъ съ тысячи душъ; въ государственное ополченіе 1855 года взято по 23 человѣка съ тысячи и, сверхъ того, изъ удѣльныхъ крестьянъ сформированы были стрѣлковый полкъ и отдѣльный стрѣлковый баталіонъ; всего удѣльные крестьяне сдали въ военную службу, въ два года, до семидесяти пяти человѣкъ съ тысячи душъ [1]). Въ 1854 и 1855 годахъ запрещенъ былъ отпускъ заграницу всѣхъ

---

[1]) Для сравненія числа поступившихъ въ военную службу въ два года 1853—1855 съ числомъ поступающихъ нынѣ въ новобранцы, можно привести слѣдующія цифры: въ завѣдываніи бывшаго Спасскаго удѣльнаго приказа было въ тѣ годы (1853—1855) до 6,000 душъ мужскаго пола (ревизскихъ по 8 ревизіи 5,082), съ которыхъ взято въ военную службу въ два года до 400 человѣкъ. Нынѣ цѣлый Тотемскій уѣздъ сдаетъ въ новобранцы въ годъ отъ 300 до 350 человѣкъ. Спасскій приказъ по населенію составлялъ около восьмой части населенія Тотемскаго уѣзда, и если взять въ соображеніе, что въ теченіи тридцати пяти лѣтъ (съ 1853 г.) населеніе уѣзда увеличилось не менѣе какъ на 40%, то очевидно, что въ тяжелые годы военнаго времени 1853—1855 гг. требовалось по два года для военной службы лицъ, въ сравненіи съ нынѣшними призывами каждогодно болѣе почти въ десять разъ. При этомъ надо принять въ соображеніе, что нынѣ поступаютъ въ службу молодые люди, почти все холостые, въ прежніе-же годы въ удѣльномъ вѣдомствѣ существовалъ, при рекрутской повинности, очередной порядокъ, и въ рекруты сдавались люди отъ 20-ти даже до 35-ти лѣтъ отъ роду. Не рѣдки были случаи поступленія въ рекруты людей въ возрастѣ старѣе 30-ти лѣтъ, оставлявшихъ жену съ пятью и болѣе малолѣтними дѣтьми. В. П.

товаровъ, и на хлѣбъ и другіе мѣстные продукты, какъ-то: ленъ, смолу и проч., черезъ продажу которыхъ оплачивались подати, не было никакого спросу; цѣны на нихъ упали до крайности. При всемъ этомъ въ народномъ обращеніи было весьма много серебра и золота: въ продолженіи моей службы головой Спасскаго удѣльнаго приказа, съ 1851 по 1861 г., въ особенности въ первые годы, случалось нерѣдко, что денежные сборщики представляли въ приказъ въ оброкъ и подати много серебра и золота, для отправки которыхъ по казенной почтѣ требовались кожаные мѣшки, для устраненія чего случалось искать въ обмѣнъ кредитные билеты, но не всегда ихъ находили: зажиточные крестьяне дорожили кредитными билетами, какъ болѣе удобными для храненія.

По заключеніи Парижскаго мира въ мартѣ 1856 года, послѣдовалъ высочайшій манифестъ отъ 31-го марта того года, объ окончаніи войны. Съ первой-же весны открытъ былъ свободный отпускъ товаровъ заграницу, и въ Вологодской губерніи ожилъ народъ: на хлѣбъ, ленъ, смолу и проч. продукты появился большой спросъ и по хорошимъ цѣнамъ. Для примѣра могу привести слѣдующія цифры о цѣнахъ на хлѣбъ: въ 1855 году въ Тотемскомъ уѣздѣ были цѣны на овесъ отъ 15 до 18 коп. и рожь отъ 20 до 25 коп. за пудъ; доставка хлѣба къ Архангельскому порту обходилась до 8 коп. съ пуда; съ открытія-же навигаціи 1856 г. въ Архангельскѣ были цѣны: на овесъ до 3 руб. за четверть, около $5^1/_2$ пуд., и рожъ за четверть, около $8^1/_2$ пуд., до 6 руб., т. е. овесъ по 55 коп. и рожь по 70 коп. за пудъ, и тѣ крестьяне, которые сплавили въ Архангельскъ весною 1856 года купленный въ 1854 и 1855 годахъ хлѣбъ, получили чистой пользы болѣе ста процентовъ. Съ осени 1856 г. цѣны на хлѣбъ еще возвысились, и на мѣстахъ у крестьянъ покупали уже овесъ по 40 и рожь по 60 коп. и болѣе за пудъ.

По случаю коронованія Государя Императора 26 августа 1856 г., высочайшимъ манифестомъ отъ того-же числа, оказаны народу многія льготы и милости, такъ, напримѣръ, въ 1856 и въ теченіи трехъ слѣдующихъ затѣмъ лѣтъ постановлено не производить рекрутскихъ наборовъ и проч. Въ концѣ 1857 года послѣдовали высочайшіе рескрипты объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Вообще можно сказать, что годы 1856 и 1857 были урожайные, самые благопріятные для сельскаго населенія, тягости военнаго времени вскорѣ изгладились, и когда съ ранней весны 1858 года быстро облетѣла повсюду въ Вологодской губерніи вѣсть, что Государь Императоръ изволитъ лѣтомъ того года проѣзжать черезъ Вологодскую губернію въ Архангельскъ и въ Соловецкій монастырь, то одушевленіе на-

рода было возбуждено въ сильной степени. Никогда еще не проѣзжалъ по грунтовому тракту изъ Вологды въ Архангельскъ не только ни одинъ государь, но и никто изъ особъ царствующаго дома.

По почтовому тракту изъ Вологды въ Архангельскъ находятся сплошныя населенія удѣльныхъ крестьянъ Вельскаго (Вологодской губерніи) и Шенкурскаго (Архангельской губерніи), на протяженіи болѣе трехсотъ верстъ, и мнѣ почему-то, еще до пріѣзда Государя Императора, казалось, что Его Величество, въ проѣздъ свой на такомъ большомъ протяженіи черезъ удѣльныя имѣнія, въ виду предположеній объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, не оставитъ обратить вниманіе на улучшеніе быта и удѣльныхъ крестьянъ, которые, по управленію, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были близки къ помѣщичьимъ крестьянамъ. Предчувствіе мое вполнѣ оправдалось.

Въ 1858 году я былъ головою Спасскаго удѣльнаго приказа (въ Кокшеньгѣ, Тотемскаго уѣзда), и въ первой половинѣ мая того года, по распоряженію удѣльнаго начальства, командированъ былъ въ Вельскій уѣздъ, для временнаго исправленія должности головы Верховскаго удѣльнаго приказа, въ домѣ котораго предположена была остановка и обѣдъ Императора Александра II со всей свитой, въ проѣздъ Его Величества изъ Вологды въ Архангельскъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ. Домъ, въ которомъ помѣщался Верховскій удѣльный приказъ, находился вблизи Никифоровской почтовой станціи, въ 208 верстахъ отъ Вологды и въ 18-ти верстахъ отъ Верховажскаго посада, и по расположенію комнатъ былъ достаточенъ для принятія Государя Императора со свитой. Мнѣ было приказано озаботиться ремонтировкой дома и приведеніемъ его въ приличный видъ, что и было исполнено. Я былъ предупрежденъ отъ удѣльнаго начальства, что въ свитѣ Государя будетъ находиться министръ императорскаго двора и удѣловъ графъ В. Ѳ. Адлербергъ, и что во время пребыванія Государя въ домѣ удѣльнаго приказа не будетъ находиться въ немъ, равно и на почтовой станціи, никто ни изъ полицейскихъ, ни изъ удѣльныхъ чиновниковъ, а потому и вся отвѣтственность за порядокъ во время пребыванія Его Величества въ домѣ удѣльнаго приказа остается на мнѣ.

По всему Архангельскому тракту, весною 1858 г., были построены заново всѣ мосты, дороги исправлены какъ возможно лучше; въ селеніяхъ по тракту, на поворотахъ, были сносимы, при пособіи обществъ, даже нѣкоторые дома, сильно выдающіеся къ дорогѣ, на другія мѣста, и усердіе крестьянъ по почтовому тракту доходило

до того, что они по сторонамъ дороги равняли у полей колья у огородовъ, для сохраненія правильности линій.

На каждой почтовой станціи по тракту изъ Вологды въ Архангельскъ было выставлено заблаговременно, за нѣсколько недѣль, по сту и болѣе лошадей, которыя были собраны самыя лучшія не только изъ тѣхъ уѣздовъ, которыми пролегаетъ Архангельскій трактъ, но и изъ смежныхъ уѣздовъ; такъ, на станціи Вельскаго уѣзда собраны были лучшія лошади и изъ Тотемскаго уѣзда. Въ ямщики были выбраны крестьяне надежные, крѣпкіе и видные собою. Недѣли за двѣ до проѣзда Государя, каждодневно пріучались ямщики къ управленію лошадьми и запряжкѣ, и сдѣланы были такія приспособленія, что перемѣна лошадей должна была происходить безъ малѣйшаго шума и суетни, въ одну или не болѣе какъ въ двѣ минуты.

По маршруту, прибытіе Государя въ Верховскій приказъ назначено было 16 іюня 1858 г., около 4 часовъ пополудни. Еще наканунѣ собралось множество народа не только изъ Вельскаго, но и изъ другихъ смежныхъ уѣздовъ, чтобы взглянуть на своего Царя, и въ день прибытія Его Величества, съ самаго утра, тысячи народа обоего пола и всѣхъ возрастовъ окружали домъ удѣльнаго приказа, который находился на ровномъ мѣстѣ и на обширной площади. Погода была теплая и ясная. Раннимъ утромъ прибылъ завѣдующій царскимъ столомъ съ кухоннымъ фургономъ, и къ четыремъ часамъ пополудни накрыты были столы въ трехъ комнатахъ приказа.

Въ 4 часа 50 минутъ пополудни послѣдовало прибытіе Его Величества со всей свитой.

Я удостоился встрѣтить Его Величество у подъѣзда дома и имѣлъ счастіе поднести хлѣбъ и соль отъ удѣльныхъ крестьянъ, на деревянномъ изъ корельской березы съ рѣзьбою блюдѣ, съ таковою-же солонкою, и удостоился выслушать царское спасибо. Министру имераторскаго двора и удѣловъ, графу В. Ѳ. Адлербергу, я представилъ подробный рапортъ о состояніи Верховскаго удѣльнаго приказа [1]). По принятіи рапорта, графъ Адлербергъ спросилъ меня, нѣтъ-ли для него въ домѣ приказа особой комнаты, которая дѣй-

[1]) Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія, включенныя въ рапортъ, которыя не безъинтересны въ настоящее время, черезъ тридцать лѣтъ: а) у крестьянъ Верховскаго приказа, въ завѣдываніи котораго состояло, въ 1858 году, наличныхъ мужскаго пола около семи тысячъ душъ, находилось: лошадей 3964, рогатаго скота 8492 и овецъ 9300, слѣдовательно приходилось на каждую душу: лошадей -0,56; рогатаго скота 1, 21 и овецъ 1,32. Застрахованныхъ отъ огня домовъ было 1745. Съ 1853 по 1858 г., т. е. въ теченіи пяти лѣтъ, не было ни

ствительно для него была приготовлена, и когда я привелъ его въ эту комнату, то онъ, видимо, остался очень доволенъ такою предупредительностью.

У меня сохранился списокъ лицъ, находившихся въ свитѣ Государя Императора, а именно:

Наслѣдный принцъ Виртембергскій.

Генералъ-адъютанты:

Графъ В. Ѳ. Адлербергъ,—князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, — графъ А. В. Адлербергъ; — лейбъ-медикъ Енохинъ, — флигель-адъютантъ полковникъ Сколковъ, — флигель-адъютантъ короля прусскаго баронъ Лоэнъ;—производитель дѣлъ военно-походной канцеляріи дѣйств. статскій сов. Шауфусъ.

При генералъ-адъютантѣ графѣ В. Ѳ. Адлербергѣ: секретарь управленія императорской главной квартиры, тит. сов. Поповъ; писарь 1.

При военно-походной канцеляріи — чиновникъ 1, писарей 3.

Управляющій придворнымъ клиросомъ, тит. сов. Чудновскій.

При лейбъ-медикѣ Енохинѣ—лекарскій помощникъ Кононовъ.

Фельдъегерскаго корпуса офицеровъ 5;—камердинеровъ его величества 3, —рейткнехтовъ 2, — метръ д' отель 1, — поваровъ 3, — магазинъ-вахтеровъ 2, — прислуги при лицахъ свиты 8.

Сохранился также списокъ подъ какой экипажъ и сколько требовалось лошадей, именно:

Для передоваго фельдъегеря 3 лошади; подъ коляску Государя 8; для фельдъегерскаго офицера 3; для магазинъ-вахтера 3; подъ коляску генералъ-адъютанта графа В. Ѳ. Адлерберга 8; подъ коляску князя Вас. Алекс. Долгорукаго 8; подъ коляску графа А. В. Адлерберга 8; подъ коляску лейбъ-медика Енохина 8; подъ коляску флигель-адъютанта Сколкова и флигель-адъютанта короля прусскаго барона Лоэна 8; подъ гардеробный фургонъ его величества 8; для трехъ бричекъ военно-походной канцеляріи подъ каждую по 4 лошади, всего 12; подъ кухонный фургонъ 8; подъ бричку фельдъегерскаго офицера 4, — всего 89 лошадей.

Сверхъ того, на каждой станціи были заготовлены запасныя лошади, а между большими, по разстоянію, станціями, были заготовлены на половинѣ станцій подставныя лошади въ полномъ комплектѣ.

одного пожара, что весьма замѣчательно. Съ 1853 по 1858 г. было 55 случаевъ кражъ, на сумму 2020 р. Изъ 155 ратниковъ и 41 стрѣлка, поступившихъ въ 1855 г. на службу, возвратилось въ 1856 г. первыхъ 153 и послѣднихъ 20.

В. П.

Его Величество со всей свитой изволилъ пробыть въ домѣ Верховскаго приказа 2 часа 20 минутъ и отбылъ въ 7 часовъ 10 минутъ пополудни. Во все время пребыванія Государя въ домѣ массы народа окружали этотъ домъ.

При отбытіи, министръ императорскаго двора и удѣловъ графъ Адлербергъ изволилъ выразить мнѣ лично свое удовольствіе за порядокъ во время пребыванія Его Величества въ домѣ приказа, а фельдъегерскій офицеръ передалъ мнѣ пятьдесятъ рублей для раздачи лицамъ, служившимъ при приготовленіи обѣда, равно и при самомъ обѣдѣ, которые и розданы мною 18-ти лицамъ, отъ 1-го до 5-ти рублей каждому.

Отправивъ съ почтою, того-же 16 іюня, донесеніе управляющему Вологодскою удѣльною конторою о благополучномъ отбытіи изъ приказа государя со свитой, я на другой-же день, 17 іюня, отправился къ мѣсту своей службы, въ Кокшеньгу, Тотемскаго уѣзда.

Вскорѣ по прослѣдованіи Государя, распубликованъ былъ по удѣльному вѣдомству и въ газетахъ во всеобщее свѣдѣніе слѣдующій высочайшій указъ:

Указъ министру императорскаго двора и удѣловъ.

Желая даровать удѣльнымъ крестьянамъ личныя и по имуществу права, предоставленныя прочимъ свободнымъ сельскимъ сословіямъ, всемилостивѣйше повелѣваемъ:

1) Отмѣнивъ существующія въ законѣ и въ удѣльныхъ правилахъ ограниченія, на основаніи коихъ удѣльные крестьяне пріобрѣтали въ собственность и отчуждали ненаселенныя земли не иначе, какъ съ разрѣшенія департамента удѣловъ и именемъ онаго, а также съ разрѣшенія сего департамента располагали лѣсомъ на собственныхъ своихъ земляхъ, предоставить впредь удѣльнымъ крестьянамъ право по своему усмотрѣнію пріобрѣтать въ собственность, всѣми законными способами, отъ лицъ своего и другихъ состояній, ненаселенныя земли, равно какъ и отчуждать, кому пожелаютъ, собственныя земли свои; совершать своимъ именемъ установленные для того акты и вообще располагать пріобрѣтенными такимъ образомъ землями и всѣмъ находящимся на поверхности и внутри оныхъ на правахъ полной собственности. При семъ вмѣнить удѣльнымъ крестьянамъ только въ обязанность о пріобрѣтеніи и отчужденіи земли предварительно объявлять каждый разъ мѣстному удѣльному приказу, гдѣ таковой есть. По совершеннымъ, до сего времени, именемъ департамента удѣловъ, актамъ на собственныя земли удѣльныхъ крестьянъ сдѣлать надлежащія, на имена владѣльцевъ, передачи.

2) Вмѣсто дѣйствовавшихъ донынѣ установленій, по коимъ переходъ удѣльныхъ крестьянъ въ мѣщане допускался лишь изъ имѣній малоземельныхъ, а въ купцы только въ случаѣ предъявленія значительнаго капитала, и взималось съ каждой мужской наличной души переходящаго семейства при перечисленіи въ купечество по 1500 р. сер., а въ мѣщанство по 600 руб. серебромъ, распространить на удѣльныхъ крестьянъ законъ, установленный по сему предмету для крестьянъ государственныхъ и, на основаніи утвержденныхъ нами, у сего прилагаемыхъ, правилъ, дозволить удѣльнымъ крестья-

намъ, съ разрѣшенія ихъ начальства и по исполненіи установленныхъ обязанностей къ мірскому обществу, переходить въ городскія и другія свободныя сельскія сословія съ тѣмъ, чтобы переходящіе въ городскія сословія уплачивали въ пенсіонный капиталъ для отставныхъ солдатъ, возвращающихся въ удѣльныя имѣнія, такой-же сборъ, какой взимается съ крестьянъ государственныхъ, а именно: переходящій въ купечество—сорокъ рублей серебромъ, а въ мѣщанство пятнадцать рублей серебромъ; съ прочихъ-же ревизскихъ душъ перечисляющагося семейства половину сего, то есть: при переходѣ въ купечество по двадцати рублей, а въ мѣщанство по семи рублей пятидесяти коп. серебр. съ каждой.

3) Дозволить безвозмездно вдовамъ и дочерямъ удѣльныхъ крестьянъ выходить замужъ за людей другихъ сословій.

4) Въ отмѣну постановленій, по коимъ во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ, касающихся удѣльныхъ крестьянъ, ходатайствовали и отвѣчали удѣльные стряпчіе, а самимъ крестьянамъ ходить по судамъ или имѣть своихъ повѣренныхъ воспрещалось, разрѣшить впредь удѣльнымъ крестьянамъ, въ ихъ тяжбахъ, искахъ и вообще гражданскихъ дѣлахъ съ лицами другихъ вѣдомствъ, ходатайствовать лично въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ съ тѣмъ, чтобы по дѣламъ мірскихъ обществъ имѣли хожденіе только люди, назначенные сими обществами, съ разрѣшенія начальства оныхъ. Независимо отъ сего, предоставить удѣльнымъ крестьянамъ, ежели они пожелаютъ, просить о порученіи означенныхъ дѣлъ ихъ ходатайству удѣльныхъ стряпчихъ, причемъ вмѣнить въ обязанность удѣльнымъ конторамъ и удѣльнымъ стряпчимъ, на основаніи нами утвержденныхъ и у сего прилагаемыхъ правилъ, оказывать удѣльнымъ крестьянамъ, по дѣламъ ихъ въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ, защиту и покровительство; а тамъ, гдѣ удѣльныхъ стряпчихъ нѣтъ, возложить сію обязанность, согласно статьѣ 2184 тома X Свода законовъ гражданскихъ (изданія 1842 года), на мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ стряпчихъ.

5) Предоставить удѣльнымъ крестьянамъ совершать всѣ обязательства и договоры, а равно духовныя завѣщанія, на основаніи законовъ, существующихъ для крестьянъ государственныхъ, и всѣ письменныя сдѣлки удѣльныхъ крестьянъ между собою свидѣтельствовать въ удѣльныхъ приказахъ, по примѣру волостныхъ правленій государственныхъ имуществъ.

6) Всѣ означенныя мѣры распространить въ равной степени на бывшихъ пахотныхъ солдатъ, состоящихъ въ удѣльномъ завѣдываніи.

7) Сообразно съ настоящимъ расширеніемъ правъ удѣльныхъ крестьянъ, измѣнить соотвѣтствующія статьи Свода законовъ гражданскихъ, о чемъ имѣете вы войти въ сношеніе съ главноуправляющимъ вторымъ отдѣленіемъ собственной нашей канцеляріи.

Вы не оставите сдѣлать распоряженіе къ обнародованію сего, въ установленномъ порядкѣ, во всеобщее свѣдѣніе.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано «Александръ».

На пароходѣ «Гремящій».
Въ Бѣломъ морѣ.
Іюня 20 го дня 1858 года [1]).

---

[1]) «Вологодскія Губернскія Вѣдомости», 1858 г., № 35-й.

Осенью того-же 1858 года я получилъ изъ Верховскаго удѣльнаго приказа копію съ слѣдующаго приговора удѣльныхъ крестьянъ этого приказа:

„1858 года сентября 26 дня, мы нижеподписавшіеся крестьяне Вельскаго уѣзда, вѣдомства Верховскаго приказа, въ числѣ 7019 душъ, будучи на полномъ мірскомъ сходѣ, разсуждали о благополучномъ путешествіи въ минувшемъ іюнѣ мѣсяцѣ августѣйшаго Монарха нашего, всемилостивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича съ его высочествомъ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ, министрами: двора его императорскаго величества и удѣловъ графомъ Адлербергомъ и военнымъ княземъ Долгоруковымъ и прочими чинами двора его императорскаго величества, отъ границы Кадниковскаго уѣзда нашими удѣльными селеніями, при слѣдованіи въ г. Архангельскъ, и о удостоеніи высочайшимъ посѣщеніемъ со свитою, 16 числа того мѣсяца, дома, занимаемаго нашимъ Верховскимъ приказомъ, въ которомъ Его Императорское Величество со всѣмъ своимъ поѣздомъ, прибывъ въ 4 часа 50 минутъ пополудни, соизволилъ остановиться и кушать хлѣбъ-соль, а въ 7 часовъ и 10 минутъ отправиться въ предпринятое путешествіе далѣе по тракту къ г. Архангельску.

„Во всерадостнѣйшее и драгоцѣннѣйшее для удѣльнаго вѣдомства ознаменованіе высокомонаршей милости, оказанной для насъ и потомства нашего посѣщеніемъ дома, занимаемаго нашимъ Верховскимъ приказомъ, и принятіемъ отъ всѣхъ насъ, черезъ представителя, хлѣба-соли, постановили: 1) деревянное блюдо, на которомъ Его Императорскому Величеству были подносимы хлѣбъ-соль, и солонку—хранить въ приказѣ какъ священныя вещи, для коихъ и устроить приличное съ надписью помѣщеніе; 2) стулъ, на которомъ во время стола государь императоръ соизволилъ возсѣдать, тоже хранить при приказѣ и для онаго устроить подобное-жъ помѣщеніе; 3) дабы увѣковѣчить въ памяти и сердцахъ нашихъ и потомковъ нашихъ счастливѣйшія минуты высочайшаго посѣщенія, устроить бронзовую съ надписью и позолотою доску, которую и повѣсить на стѣну въ приказной залѣ, гдѣ Его Императорское Величество со свитою изволилъ кушать хлѣбъ-соль, и 4) деньги, требующіяся на устройство всего вышесказаннаго, мы покорнѣйше просимъ начальство употребить изъ остатковъ отъ общественныхъ сборовъ по нашему приказу, о которыхъ приказъ обязанъ испросить у господина управляющаго Вологодскою удѣльною конторою разрѣшеніе. Къ сему постановленію съ полнымъ усердіемъ и готовностію единодушно подписуемся". Послѣ подписи крестьянъ, приго-

воръ записанъ въ книгу приказа 13 октября 1858 года подъ № 242 и подписанъ головою Зензиновымъ и писаремъ Измайловымъ.

Ходатайство крестьянъ, выраженное въ этомъ приговорѣ, удовлетворено, и въ присутственной комнатѣ приказа вывѣшена бронзовая доска съ слѣдующею вырѣзанною на ней надписью:

„Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, во время путешествія своего изъ г. Вологды въ Архангельскъ, 16 іюня 1858 года, изволилъ осчастливить драгоцѣннѣйшимъ своимъ пребываніемъ домъ Верховскаго удѣльнаго приказа, гдѣ и изволилъ имѣть обѣденный столъ, удостоивъ милостивѣйшимъ принятіемъ отъ крестьянъ хлѣба-соли вѣрноподданнически поднесенныхъ ими Его Величеству".

Въ той-же комнатѣ, въ стеклянномъ футлярѣ положены блюдо и солонка, съ слѣдующею надписью, вырѣзанною также на бронзовой доскѣ:

„Блюдо и солонка, поднесенныя съ хлѣбомъ-солью Его Величеству Государю Императору 16 іюня 1858 г. отъ удѣльныхъ крестьянъ Вологодской губерніи, головою Васильемъ Тимоѳеевымъ Поповымъ".

Стулъ (простой деревянный, желтый, верховажской работы), на которомъ во время обѣда изволилъ сидѣть Государь Императоръ, поставленъ въ той-же комнатѣ, за рѣшеткой.

По переходѣ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ въ общее управленіе, удѣльный Верховскій приказъ преобразованъ въ Верховское волостное правленіе, которое открыто въ Верховажскомъ посадѣ. Всѣ упомянутые выше предметы, бронзовыя доски, блюдо, солонка и стулъ перенесены въ домъ волостнаго правленія и сохраняются и нынѣ въ соотвѣтственномъ помѣщеніи въ томъ правленіи; домъ-же бывшаго Верховскаго приказа, въ которомъ изволилъ останавливаться Государь, проданъ и перевезенъ въ г. Вельскъ.

Истекло болѣе тридцати лѣтъ со времени посѣщенія удѣльнаго приказа незабвеннымъ Царемъ-Освободителемъ Александромъ Николаевичемъ. Память объ этомъ событіи исчезаетъ и современемъ можетъ совсѣмъ исчезнуть; между тѣмъ, посѣщеніе незабвеннымъ Царемъ-Освободителемъ Верховскаго удѣльнаго приказа, не говоря уже о такомъ событіи, совпадаетъ весьма близко (16—20 іюня 1858 г.) съ временемъ предоставленія Его Величествомъ удѣльнымъ крестьянамъ гражданскихъ правъ, и поэтому крайне желательно,

если-бы на томъ мѣстѣ, на которомъ былъ домъ Верховскаго удѣльнаго приказа и въ которомъ изволилъ останавливаться Государь, былъ поставленъ памятникъ, отвѣчающій общественному значенію событія. Желаніе это тѣмъ болѣе могло-бы быть осуществлено, что если-бы открыть въ Вельской уѣздной земской управѣ подписку для сбора пожертвованій для устройства такого памятника, то я убѣжденъ, что составилась-бы достаточная для того сумма.

Вас. Тимоѳ. Поповъ.

Февраль 1889 г.
Городъ Тотьма.

Примѣчаніе. Цѣль настоящаго разсказа – сохранить воспоминаніе, въ средѣ населенія Вологодскаго края, о посѣщеніи его Царемъ-Освободителемъ – заслуживаетъ глубочайшаго сочувствія. В. Т. Поповъ — бывшій удѣльный крестьянинъ, нынѣ потомственный почетный гражданинъ, предсѣдатель тотемской уѣздной земской управы, занимающій этотъ постъ шестое трехлѣтіе сряду, принадлежитъ къ виднымъ дѣятелямъ, — въ теченіи болѣе сорока лѣтъ онъ посвятилъ себя общественной и земской службѣ и много поработалъ для своихъ единоземцевъ

Ред.

КАКЪ ВОПЛАКАЛАСЬ РОССІЯ О СВОЕМЪ БѢЛОМЪ ЦАРѢ

1881 г.

Помѣщаемъ здѣсь одинъ изъ „стиховъ“, которые сложены и поются лицами, принадлежащими къ одной изъ сектъ безпоповщинскаго толка, распространившейся въ послѣдніе годы въ Землѣ войска Донскаго, напоминающей отчасти духоборцевъ. „Стихъ“ извлеченъ изъ подлиннаго слѣдственнаго дѣла, съ сохраненіемъ правописанія.

Ред.

Подумаемъ мы друзья!
Все про бѣлаго Царя!
Милостивый Государь
Второй Александра Царь!
Ко всѣмъ любовью горѣлъ,—
Свободу дать всѣмъ хотѣлъ;—
Подъ крыломъ Онъ всѣхъ держалъ,
Всѣхъ отъ казни забавлялъ.
Исправлялъ Онъ всѣ законы,
Слышелъ бѣдныхъ людей стоны.
Всѣмъ на помощь поспѣшалъ,—
А злодѣевъ прикрощалъ.
Стали злодѣи судить,
Чтобы Царя истрибить:
Много казны потрибили,
Отчаянныхъ подкупили.—
Дали въ руки имъ гранаты,
Они отъ Господа прокляты!
Вѣздѣ мины подводили,—
Но Батюшку не убили.—
Караулы скросъ стояли,
Государя сохраняли.—
Марта перваго числа,—
Жизни кончина пришла,
Страшно вздумать и сказать:
На Царя руки поднять?
Злобный духъ у нихъ всѣлился
Второй Іуда явился,
Между народной толпой,
Нивидать было отколь;
Появился большой взрывъ

Государя—поразивъ.—
Государя жизнь скончали,
Второй разъ Христа распяли!—
Пораженный Царь упалъ
Жалобно слово сказалъ:
Поднимите меня дѣти?
Отжилъ я теперь на свѣтѣ!
Къ нему слуги подбѣжали
И на руки Его брали.—
На рукахъ его дѣржали,
Горькія слезы проливали.
Велика тутъ страсть была,
Когда Царская кровь лила!
Ты за то жизнь положилъ,
Что добра много творилъ!
Ты врагамъ добро творилъ
За то кровъ Свою пролилъ!
Батюшка нашъ земной Богъ
Ты за то лишился ногъ!
Нѣсутъ Тебя во дворецъ,—
Ты нашъ батюшка Отецъ!
Во всёмъ Питерѣ трѣвога
Государю страдовъ много.
Со всѣго Питера збежались
Стояли въ того дворца
И на флагъ Царскій смотрѣли
Ожидали всѣ конца.
Когда Царскій флагъ спустили,
Его смерть всѣмъ возвестили,
Когда черный флагъ подняли
Тутъ всѣ плакали рыдали.—
Всѣ покой душѣ сказали
Трауръ чорный надѣвали
Во всѣхъ соборахъ звонили.
Погрѣбѣнья отслужили.
Какъ вдарили въ тилѣграмъ
Затмѣніе солнца намъ —
Вѣздѣ большое смятѣнье,
И всѣй землѣ потрѣсенье.—
Какъ дошелъ слухъ и до насъ
Полилися слезы въ насъ
Солнечные лучи затмились
Царя бѣлаго лишились,—
Будемъ братцы поминать
Душѣ покой воспѣвать!
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ аминь.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЯХОНТОВЪ

1820—1890.

† 12-го октября.

12-го октября 1890 года, на семидесятомъ году отъ рожденія, скончался въ Псковской губерніи одинъ изъ даровитыхъ русскихъ поэтовъ и переводчиковъ А. Н. Яхонтовъ. Питомецъ Царскосельскаго лицея, онъ взросъ подъ вліяніемъ литературныхъ его традицій, и вмѣсто того, чтобы по выпускѣ изъ лицея вполнѣ отдаться, подобно большинству своихъ товарищей, составленію себѣ карьеры, А. Н. Яхонтовъ надѣлъ вицмундиръ чиновника, видимо потому, что въ тѣ годы, годы сороковые, русскому дворянину, да еще питомцу лицея, нельзя было его не надѣть, а всѣ симпатіи его были на сторонѣ „изящной словесности“, и А. Н. возлюбилъ ее страстно въ лучшихъ произведеніяхъ, въ особенности нѣмецкой поэзіи. Яхонтову принадлежитъ рядъ отличныхъ переводовъ столь классическихъ вещей, каковы: „Торквато Тассо“ и „Ифигенія въ Тавридѣ“ Гёте, „Фаустъ“ его-же, „Эмилія Галотти“ Лессинга и рядъ мелкихъ стихотвореній изъ Шиллера, Гёте и Гейне. Не мало имъ было переведено и въ прозѣ, и вскорѣ было замѣчено, что „прозаическіе переводы“ Яхонтова отличаются замѣчательною вѣрностью, а „стихотворные“, кромѣ того, и необыкновенною благозвучностью стиха. А. Н. не мало писалъ и оригинальныхъ стихотвореній, нерѣдко шутливо-сатирическихъ, и критика признала его стихи вообще весьма граціозными, а сатирическіе—навѣянными произведеніями Некрасова.

Осенью 1862 года пишущій эти строки прибылъ во Псковъ для обозрѣнія въ этой губерніи, по порученію бывшаго министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, начальныхъ народныхъ училищъ. Во главѣ псковской гимназіи мы нашли А. Н. Яхонтова,

который уже съ 1858 года былъ ея директоромъ. Съ этого времени, т. е. съ 1862 года, мы и познакомились съ Яхонтовымъ и сохраняли съ нимъ самыя пріязненныя отношенія до самой его кончины. Начало 1860-хъ годовъ было переломомъ старыхъ порядковъ въ дѣлѣ воспитанія, подъ благотворнымъ вліяніемъ реформъ Царя-Освободителя. Люди прежняго закала и инаго пошиба, какъ припоминаемъ мы, осуждали во Псковѣ А. Н. Яхонтова, говорили, что „онъ не на мѣстѣ“, и ставили ему въ вину его добродушіе, его гуманность, его дружескія отношенія къ учащимъ и его сердечность въ отношеніяхъ къ дѣтямъ. Эти обвиненія были лучшею похвалою А. Н. Тѣмъ не менѣе, ему довелось пробыть директоромъ не болѣе десяти лѣтъ, и затѣмъ онъ является дѣятелемъ на выборной службѣ отъ дворянства, затѣмъ земства и опять дворянства.

Въ теченіе своей общественной службы на пользу родному краю нашъ, по призванію, поэтъ и переводчикъ, сохранялъ то-же добродушіе, ту-же гуманность, которыми, быть можетъ, подчасъ и пользовались нѣкоторые „кулаки“ и любители общественнаго пирога, а ихъ не мало и въ выборной службѣ, но масса земляковъ искренно уважала этого добраго, этого истинно просвѣщеннаго, и опять-таки скажемъ, вполнѣ гуманнаго человѣка.

Досуги свои онъ продолжалъ, до самой кончины, посвящать литературнымъ трудамъ и еще въ 1884 году выпущенъ имъ сборникъ его поэтическихъ оригинальныхъ и переводныхъ произведеній.

Въ А. Н. Яхонтовѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ славной дружины русскихъ людей 1840-хъ годовъ, заслуги которыхъ въ области литературы, въ сферѣ поддержки въ обществѣ всего честнаго и всего добраго, признаны уже давно и всегда съ признательностью поминаются...

Единственный сынъ покойнаго поэта, Николай Александровичъ, весьма обязательно сообщилъ намъ нѣсколько непоявлявшихся еще въ печати стихотвореній своего, доброй памяти, родителя и маленькую автобіографію, покойнымъ-же его отцомъ написанную.

Приводимъ все это сообщеніе и искренно благодаримъ Н. А. Яхонтова [1]).

Ред.

[1]) Укажемъ на содержательную біографическую замѣтку объ А. Н. Яхонтовѣ въ извѣстномъ изданіи „Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ“, состав. Н. В. Гербель. Спб., 1880 г., стр. 558—559 и въ изд. П. Н. Полевого, Спб., 1888 г., стр. 483–484.

Автобіографія, написанная А. Н. Яхонтовымъ въ 1889 году.

Александръ Николаевичъ Яхонтовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, родился въ 1820 г., въ С.-Петербургѣ. Окончилъ курсъ ученія въ императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ въ 1838 году, съ чиномъ 9-го класса (титулярный совѣтникъ). Служилъ въ Петербургѣ по 1851 г. Съ этого года переселился въ г. Псковъ, гдѣ служилъ сначала по министерству государственныхъ имуществъ, потомъ—директоромъ псковской классической гимназіи въ продолженіи 10 лѣтъ. Затѣмъ избранъ предводителемъ дворянства Псковскаго уѣзда, а въ 1877 году предсѣдателемъ псковской уѣздной земской управы. Прослуживъ въ этой должности два трехлѣтія, вновь избранъ въ предводители дворянства Псковскаго уѣзда, въ каковой должности состоитъ и понынѣ [1]). Въ началѣ 1889 г. состоялось въ г. Псковѣ празднованіе 50-ти-лѣтняго юбилея его службы.

Списокъ сочиненій и переводовъ А. Н. Яхонтова.

1) Переводъ драмы Гёте Торквато Тассо, въ стихахъ. Напечатанъ въ первый разъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1843 г. и позднѣе—въ изданіи П. И. Вейнберга—Сочиненія Гёте.

2) Трагедія Гёте Ифигенія въ Тавридѣ, переводъ въ стихахъ. Напечатанъ въ первый разъ въ журналѣ „Свѣточъ“ 1861 года и позднѣе два раза въ изданіи Вейнберга—Сочиненія Гёте и въ его-же изданіи для юношества „Европейскіе классическіе писатели“.

3) Драма Лессинга: Эмилія Галотти, переводъ въ прозѣ, въ изданіи Бакста: „Иностранные классическіе писатели“.

Лирическія стихотворенія и сатирическіе очерки въ стихахъ печатались въ журналѣ „Отечественныя Записки“, подъ редакціей Некрасова и потомъ Салтыкова. Два стихотворенія были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“, подъ редакціей Стасюлевича.

Въ 1884 г. вышло отдѣльное изданіе стихотвореній А. Яхонтова. Въ послѣдніе годы А. Яхонтовъ занимался составленіемъ большихъ статей для народнаго чтенія, напечатанныхъ отдѣльными брошюрами: Комитетомъ грамотности — Робинзонъ Крузое (5 изданій) и Путешествіе по сѣверному краю Россіи, и Постоянною комиссіею для народныхъ чтеній (подъ предсѣда-

[1]) 10-го августа 1890 года вышла отставка А. Н. Яхонтова, за болѣзнію.

тельствомъ Хрущова), Отечественная война 1812 года (3 изданія), Г. Псковъ и его окрестности. Въ настоящее время (1889 г.) тою-же комиссіею печатаются: Жизнь и дѣянія императора Александра II и Царствованіе императора Александра I. Кромѣ этого, изъ прозаическихъ статей напечатано въ „Вѣстникѣ Европы": Замѣтки о земскихъ начальныхъ школахъ и въ „Русской Старинѣ": Воспоминанія объ италіянской оперѣ 1840-хъ годовъ въ С.-Петербургѣ и Воспоминанія царскосельскаго лицеиста. Въ „Русской-же Старинѣ" напечатаны два стихотворенія.

А. Н. Яхонтовъ.

I.

Тайны ночи.

Даль прозрачная темнѣетъ,
Стынетъ жаръ дневной,
На лугахъ роса бѣлѣетъ
И едва замѣтно вѣетъ
Вѣтерокъ ночной;
Звонко пѣсня раздается
Гдѣ-то вдалекѣ
И недвижимъ остается
Парусъ на рѣкѣ.
Спитъ земное все: не слышитъ,
Какъ, въ объятьяхъ сна,
Влажно грудь земная дышитъ,
Въ мракъ погружена;
Съ кѣмъ, играя и плескаясь,
Шепчется ручей,
Какъ вздыхаетъ, заливаясь,
Въ рощѣ соловей;
Что свершается съ цвѣтами
Въ ароматной мглѣ;
Какъ, свернувшися листами,
Чаши ихъ закрылись сами,
Наклонясь къ землѣ;
Какъ, дымяся, лугъ широкій
Жадно пьетъ росу
И какъ ходитъ гулъ далекій
Въ дремлющемъ лѣсу.
Вотъ—скатилась и упала
Въ облако звѣзда,
Мигъ—и будто не бывала,
Нѣтъ ей и слѣда!

Вотъ—высоко надъ землею,
Гдѣ небесъ просторъ,
Зрѣетъ, весь покрытый мглою,
Грозный заговоръ!
Бродятъ тучи; все темнѣе
Очертанья ихъ,
Вотъ—сомкнулися тѣснѣе,
Воздухъ густъ и тихъ—
Все безмолвно, все готово
Замыселъ свершать,
Только знака ждетъ и слова
Громовая рать.
Что-то грудь томитъ и душитъ
Тягостью сухой....
Спитъ земное, не нарушитъ
Тайны неземной.

1850 г.

II.

Послѣднее прости!

Прости.... безъ жалобъ, безъ упрека
И безъ пожатія руки,
На долго.... на всегда—безъ срока!...
Судьба влечетъ меня далеко:
Пути къ разлукѣ широки!
Я плачу.... грудь тоскою сжата....
Нѣтъ! сердцу болѣе не жить!
Какъ я любилъ тебя! такъ свято
Два раза въ жизни не любить.
Да будетъ! я роптать не смѣю;
Не вызываю я судьбу
На безполезную борьбу
И сновъ блаженныхъ не лелѣю.
Пусть Ангелъ твой тебя хранитъ,
Твои надежды увѣнчаетъ,
Твои мечты благословитъ
И выборъ сердца оправдаетъ!
Будь счастлива на много дней
За то, что ты душѣ моей
Любовь и слезы возвратила....
О! если-бъ ты меня любила!!

1851 г.

III.

***

Въ ясный полдень, знойнымъ лѣтомъ,
По зыбямъ ладья неслась,
Золотымъ горячимъ свѣтомъ
Даль залива облилась,
Стихнулъ вѣтеръ на просторѣ,
Чуть вздувались паруса,
Безконечно было море,
Безконечны—небеса!
Геній радости носился
Между небомъ и землей,
Высоко́ надъ нами вился
Дымъ широкой полосой,
Мѣрно двигались колёса
Разверзая глубину,
И ладья, какъ грудь утеса,
Звучно рѣзала волну.
Разстилаяся отлого,
Берегъ къ намъ на встрѣчу плылъ....
А въ душѣ такъ было много
И надеждъ и юныхъ силъ!
Озарялась новымъ свѣтомъ
Міра вѣчная краса
И сіяли мнѣ привѣтомъ
Море, даль и небеса:
Съ неба—радость нисходила,
Въ море—канула печаль,
А надежда—торопила
Въ неизвѣданную даль....
Я—любилъ! очарованью
Весь отдавшись, я не зналъ,
Что къ послѣднему свиданью
Такъ спѣшилъ я, что къ страданью
Путь такъ радужно сіялъ!

1852 г.

IV.

Первый снѣгъ.

Всѣ тайны лѣса обнажились
Отъ дуновенія зимы
И первымъ снѣгомъ убѣлились
Поля, дороги и холмы;
Еще не держитъ легкой ноши

Полупрозрачный тонкій ледъ,
Охотникъ, чуть заря, идетъ
Съ ружьемъ на зайцевъ, по порошѣ;
Въ селѣ и въ полѣ—тишина!
Едва, едва дождешься звука:
Притихла роща, спитъ волна,
Телѣга катится безъ стука;
Весь блёстками сверкаетъ снѣгъ,
„Зима!"—сказалъ сосѣдъ сосѣду,
И видно вдоль и поперекъ
Гдѣ звѣрь ходилъ, иль человѣкъ,
По вновь проложенному слѣду.
Какъ радо мирное село!
Въ избѣ пріютно и тепло,
Съ деревъ скользитъ пушистый иней,
А солнце въ небѣ такъ свѣтло́,
Что міръ не кажется пустыней.

1854 г.

V.

Неудавшаяся попытка.

Нѣтъ, жизнь дѣлить судьба намъ не сулила!
Свѣтъ сблизилъ насъ, и онъ же разлучилъ!
Не сѣтую, что ты меня забыла:
Твоей любви я недостоенъ былъ.
Я предъ тобой, въ минуты увлеченья,
Произносилъ не ложныя слова,
Но не было то сердца вдохновенье!
Я былъ въ чаду—кружилась голова,
Еще любовь въ груди не встрепенулась,
Слезы восторга не было во мнѣ,
И здѣсь, въ невозмутимой глубинѣ,
Могучее ничто не шевельнулось.
Ахъ! такъ ли я въ былые дни любилъ?!
Такъ суетно любимой быть обидно!
И грустно мнѣ и предъ собою стыдно,
Что такъ легко и скоро я забылъ!

1855 г.

VI.

Ожиданіе.

Цѣлый день въ безполезной тревогѣ,
Я тебя, вождѣленная, ждалъ;
Что-жъ не стелется пыль по дорогѣ?
Что-же гулъ вдалекѣ замолчалъ?
Вотъ—толпой облака золотыя,

На тебя поглядѣть собрались,
Зашумѣли потоки лѣсные
И навстрѣчу къ тебѣ понеслись;
Точно горней томимыя жаждой,
Вьются птички въ просторѣ небесъ
И манятъ тебя вѣткою каждой,
Наклонясь вершинами, лѣсъ;
Съ тихимъ трепетомъ озеро плещетъ,
Тучки тонутъ въ его глубинѣ,
Точно вѣщее сердце во мнѣ,
Каждый листъ ожиданьемъ трепещетъ...
Слаще, кажется, пахнутъ цвѣты,
Теплый вѣтеръ повѣялъ отъ моря,
Все забылъ я: утраты и горе!..
Видно близко, желанная, ты!

1855 г.

VII.

Сила.

Мощью-ли разума, воли и слова,
Силою-ль творчества, вѣры, любви,
Знаньемъ, свободой ее назови—
Сила—вѣнецъ совершенства земнова.
Что-то влечетъ безсознательно къ ней;
Есть что-то въ ней благодушно прямое,
Схожее съ чистой природой дѣтей,
Мелкому злу и коварству чужое.
Сила—начало, ступень божества,
Въ силѣ—спокойствіе, въ силѣ терпѣнье,
Духа веселіе, нервъ естества,
Вѣчно-здоровый родникъ наслажденья.

VIII.

**
*

Пока въ душѣ, темно и смутно
Я воскрешалъ твои черты
И въ ней, по прихоти мечты,
Ты воцарялася минутно,—
Я предъ тобой не открывалъ
Ни мимолетныхъ впечатлѣній,
Ни легкихъ сердца вдохновеній:

Я самъ себя не понималъ!
Мнѣ стыдно было даръ мой бѣдный,
Какъ цвѣтъ безъ запаха и блѣдный,
Съ мольбой къ ногамъ твоимъ принесть!
Что—пышно цвѣтшее когда-то,—
Грозою скошено и смято,
Тому, я думалъ, не разцвѣсть.
Но если, выстрадавъ забвенье,
Стряхнувъ прошедшее, какъ сонъ,
Почуявъ силы возрожденья,
Я новымъ чувствомъ обновлёнъ?...
Но если бьющееся снова
Тебѣ я сердце принесу,
И, трепеща, произнесу
Святой любви, святое слово?...
Не мучь меня! не опускай
Стыдливо-дѣвственнаго взора,
Не заводи, не начинай
Со мной пустого разговора!
Пускай правдивый твой отвѣтъ
Мнѣ бездну счастія укажетъ,
Или тоской на сердце ляжетъ,—
Одно изъ двухъ: средины нѣтъ!

1856 г.

IX.

Классикъ и Реалистъ.

Классикъ—*тощій и блѣдный. Греческій носъ. Худо одѣтъ.* Реалистъ—*румяный и полный. Некрасивъ. Одѣтъ щегольвато.*

Реалистъ.

Давненько не встрѣчались мы:
Какъ исхудалъ ты! отъ чумы,
Отъ Тацита, иль Эврипида?

Классикъ.

Отъ нихъ я духомъ здоровѣй,
Чѣмъ ты, при тучности своей,
Отъ Дарвина и отъ Эвклида.

Реалистъ.

Здоровье тѣла я цѣню—
Само придетъ здоровье духа.

Классикъ.

Я жаръ души еще храню,
Въ тебѣ—незрѣло все и сухо.

Реалистъ.

Не оттого-ль ты поднялъ носъ,
Что зрѣлымъ признанъ слишкомъ рано?
Хоть латинистъ ты и грекосъ,
Но зрѣлъ-ли ты?—еще вопросъ!
Лишь въ sano corpore—mens sana.

Классикъ.

Напичканъ формулами ты:
Биномъ и дифференціалы—
Вотъ типы вѣчной красоты
Твоей призёмистой мечты!
Тебѣ вѣдь чужды идеалы!
Отъ обезьяны ты ведешь
Происхожденье человѣка,
Не вѣря, нравственный калѣка,
Что самъ ты на нее похожъ.

Реалистъ.

А ты, признавъ себя премудрымъ,
Ужели тѣшишься мечтой,
Что схожъ съ Нарцисомъ свѣтлокудрымъ,
Иль съ Антиноемъ красотой?
Вѣдь надо быть, какъ ты, дубиной,
Чтобъ не понять, что каждый стихъ
Отжившихъ классиковъ твоихъ
Отпѣтой вѣетъ мертвечиной.
Пойми, что въ наши времена
Ихъ точка міросозерцанья
Давно иной замѣнена,
Что жизни мощная волна
Влечетъ насъ въ міръ естествознанья.
Наука, обновляя насъ,
Вселенную преобразила:
Паръ, электричество и газъ,
Магнитъ, механика—вотъ сила!
Весь свѣтъ такіе рычаги
Перевернутъ! въ томъ нѣтъ и спора,
А въ мглѣ твоихъ humaniora,—
Какъ хочешь—не видать ни зги!
Что толку намъ въ античной пыли?

Законъ природы—намъ законъ!
Вѣдь телеграфъ и телефонъ
Полётъ мечты опередили! ,
Намъ Аргонафты—ни почёмъ:
Барашковъ съ золотымъ руномъ
Мы въ Калифорніи отыщемъ,
Твоихъ же грековъ осмѣемъ,
Локомотивами освищемъ!
Оставь кичливыя мечты,
Задуй классическій твой пламень:
Вѣдь, право, философскій камень
И порохъ выдумалъ—не ты!

Классикъ.

Бранись, бранись, да знай-же мѣру:
Съ естествознаніемъ своимъ
Утратилъ ты любовь и вѣру,
Міръ чувства—сталъ тебѣ чужимъ.
Ты жизни духа безконечной
Убогимъ сердцемъ не поймешь:
Златой тѣлецъ—твой идолъ вѣчный,
Ты выше, далѣе—нейдешь.
Къ всему прекрасному давно ты
Лишился вѣрнаго чутья,
Ты изъ природы выжалъ соты,
Но горекъ плодъ твоей работы,
Бѣдна дѣйствительность твоя!
Ты славишь Крупповскія пушки—
Орудье гибели людей—
И безобразный трупъ лягушки
Тебѣ поэзіи милѣй . . . . .
Ужъ цѣлый часъ толчемъ мы воду,
Гдѣ-жъ правда? qui vivra—verra!
Тебя и всю твою породу
Со свѣту сжить давно пора!
Исчадья ваши—нигилисты,
Безбожники и коммунисты
И всѣхъ-бы—въ кучу васъ одну,
Да на веревку! Убирайся!
И не встрѣчать меня старайся:
Не то—Виргиліемъ швырну!

Реалистъ.

Что толковать? Толочь лишь воду!
Съ горой не сходится гора!
Тебя и всю твою породу
Въ архивъ давно-бы сдать пора!

Исчадья ваши—піэтисты,
Легитимисты и паписты
И всѣхъ-бы—въ яму васъ одну!
Езопъ противный. Убирайся!
И на глаза не попадайся,
Не то—въ бараній рогъ согну!

(Дѣлаетъ угрожающій жестъ и уходитъ).

1880 г.

Замѣтки и поправки.

Къ Запискамъ Н. А. Огаревой-Тучковой

въ „Русской Старинѣ“ изд. 1890 г., т. LXVIII, октябрь.

На 3-й стр. слѣдуетъ читать такъ: „Желая находиться при матери, въ то время уже престарѣлой, дѣдъ мой рѣшился проситься въ отставку“.

Разговоріе дѣда, а не отца. На 12 страницѣ слѣдуетъ: „наружность его была красива“. На 37 страницѣ: „мы остановились у меньшаго брата моего дѣда, Павла Алекс. старшаго“ (для отличія отъ брата моего отца, Павл. Алекс. младшаго. Пав. Алекс. старшій былъ тогда въ госуд. совѣтѣ).

На 49 страницѣ слѣдуетъ: „que vous vous-éloignez du logis“; на 39 страницѣ слѣдуетъ: „его мать (а не ея) Луиза Ивановна Гагъ“.

Дѣдушка Шишкова былъ дружент съ моимъ дѣдомъ; такъ какъ тогда считали воспитаніе въ Москвѣ безопаснѣе, то Шишковъ воспитывался у моего дѣда, а дѣдъ Шишкова находился въ Петербургѣ на службѣ.

Н. А. Тучкова-Огарева.

Къ статьѣ: „Гр. Левъ Ник. Толстой“

въ „Русской Старинѣ“ изд. 1890 г., т. LXVII, сентябрь.

Графа Толстого, о которомъ упоминаетъ авторъ названной статьи на стр. 645, 7 строка сверху, звали не Петръ Андресвичъ, а Петръ Александровичъ.

В. Т.

Къ очерку: „Генералъ Ушаковъ“.

На стр. 544 „Русской Старины“, изд. 1890 г., т. LXVIII, книга ноябрь, въ статьѣ моей о генералѣ Ушаковѣ вкралась описка: вмѣсто пожалованной ему золотой шпаги съ бриллiантами, напечатано—золотой медали съ бриллiантами. Считаю необходимымъ оговорить объ этой погрѣшности.

Графъ **Сиверсъ.**

КЪ МАТЕРІАЛАМЪ 1812 — 1814 гг.

I.

Дипломатическій эпизодъ изъ исторіи Великихъ-Лукъ 1812 года.

I.

Всеподданнѣйшая записка министра внутреннихъ дѣлъ Козадавлева

26-го августа 1812 г.

Государственный канцлеръ [1]) сказывалъ мнѣ, что В. И. В. угодно, чтобъ въ „Сѣверной Почтѣ“ напечатано было, въ статьѣ изъ Великихъ-Лукъ, о заключенномъ дружественномъ трактатѣ съ гишпанскимъ королемъ Фердинандомъ VII, и чтобъ я доложилъ о семъ В. В. Вчера графъ Румянцовъ, повторяя мнѣ о семъ, сказывалъ, что гишпанскій полномочный по сему предмету неотступно его проситъ, и по сей причинѣ осмѣливаюсь при семъ представить я заготовленную статью на апробацію.

Сверхъ дѣлъ по московскому почтамту, не терпящихъ времени и требующихъ вашего разрѣшенія, я имѣю дѣла по перлюстраціи, по иностраннымъ газетамъ, по фабрикамъ и другія весьма нужныя бумаги представить в. в—у, почему и осмѣливаюсь возобновить всеподданнѣйшую мою просьбу о допущеніи меня къ личному докладу.

---

[1]) Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ.

II.

Статья для «Сѣверной Почты».

Изъ Великихъ-Лукъ.

Во время недавняго пребыванія въ нашемъ городѣ г. государственнаго канцлера, графа Н. П. Румянцова, пріѣхалъ сюда и одинъ знатный гишпанецъ, по имени Зеа Бермудесъ, который жилъ здѣсь также нѣкоторое время. Нынѣ узнали мы, что сіи особы были уполномочены отъ своихъ дворовъ для заключенія дружественнаго трактата между е. в. императоромъ всероссійскимъ и е. в. королемъ гишпанскимъ Фердинандомъ VII. Сей трактатъ дѣйствительно упомянутыми особами заключенъ здѣсь 8-го іюля. По сему можемъ мы теперь славиться, что и нашъ городъ Великіе-Луки будетъ имѣть отнынѣ знаменитое мѣсто въ дипломатической исторіи.

II.

Перлюстрація писемъ въ 1813—1814 гг.

I.

Всеподданнѣйшая записка министра внутр. дѣлъ Козадавлева отъ 11-го апрѣля 1813 г.

Помѣта графа Аракчеева: „26-го апрѣля".

Секретно.

Съ представленіемъ отношенія с.-петербургскаго главнокомандующаго [1]) къ министру внутреннихъ дѣлъ объ отдачѣ писемъ съ почты губернскимъ начальникамъ.

Въ дополненіе къ послѣднему донесенію моему о перлюстраціи, нужнымъ я почитаю представить в. и. в. въ подлинникѣ отношеніе ко мнѣ здѣшняго главнокомандующаго.

Главнокомандующій предписалъ начальникамъ губерній требовать отъ почтовыхъ мѣстъ, чтобы письма, подаваемыя плѣнными и подозрительными людьми, были доставляемы къ министерству полиціи; меня-же просить онъ сдѣлать по почтовой части распоряженіе. Я, основываясь на прежнихъ по сему объявленныхъ мнѣ

---

[1]) Генерала Вязмитинова.

высочайшихъ повелѣніяхъ, исполнилъ немедленно его волю; но при томъ долгомъ поставляю всеподданнѣйше донести в. в. слѣдующее: главнокомандующій также-бы скоро и чрезъ меня получилъ сіи письма отъ почтовыхъ мѣстъ, не обнаруживая сего начальствамъ губернскимъ.

Впрочемъ, ежели министерство полиціи желаетъ симъ средствомъ знать, какія тайны или о какихъ предположеніяхъ пишутъ по почтѣ плѣнные, то оно въ разсчетѣ своемъ ошибется: ибо никто, безъ сомнѣнія, ничего тайнаго не напишетъ, знавъ, что письма отбираетъ губернское начальство.

Прежде всего, письма отъ плѣнныхъ были въ почтовыхъ мѣстахъ принимаемы и отсылаемы секретно въ тѣ мѣста, гдѣ установлена перлюстрація; турецкія-же письма отсылались отъ министра внутреннихъ дѣлъ къ государственному канцлеру, и по переводѣ были представляемы в. в.; а когда содержаніе ихъ оказывалось несомнительнымъ, тогда отсылались для доставленія по адресу. Все сіе оставалось въ совершенномъ секретѣ, и плѣнные и подозрительные люди писали свободно, думая, что ихъ письма не вскрываются. Напротивъ-же, по нынѣшнему положенію, сдѣлалось самое секретнѣйшее дѣло перлюстраціи публичнымъ; а потому теперь и ожидать нельзя, чтобъ кто-либо сталъ писать по почтѣ какія тайны: чрезъ почту не можно уже будетъ открыть ничего тайнаго.

Сверхъ того, люди недовольны губернскимъ начальствомъ, какъ плѣнные, такъ и другіе, по почтѣ не осмѣлятся уже писать жалобъ или неудовольствія своего на тѣхъ, у коихъ, какъ кажется, все во власти находится.

Навѣрное полагать можно, чтобъ и обмана извѣстнаго Соковнина не случилось-бы, ежели-бы чуждое почтѣ начальство не имѣло права требовать себѣ съ почты пакетовъ. Дерзкій преступникъ Соковнинъ, безъ сомнѣнія, вѣдалъ, что адъютантъ министра полиціи, яко преважная въ губерніи особа, можетъ, а особливо съ помощью коменданта или губернскаго начальника, брать съ почты пакеты, и потому сіе исполнилъ, а простякъ кавказскій почтмейстеръ, основываясь на введенномъ нынѣ постановленіи, вдался въ обманъ.

Я-бы думалъ, что ежели министерство полиціи желаетъ знать вообще, что пишутъ плѣнные и люди, находящіеся подъ надзоромъ, то всего приличнѣе и удобнѣе было-бы постановить, чтобы таковые люди отдавали письма свои не на почту, но тѣмъ начальникамъ, кои имѣютъ надъ ними надзоръ; и въ такомъ случаѣ почтовымъ мѣстамъ можно запретить принимать отъ нихъ письма. Тогда плѣнные и находящіяся подъ надзоромъ лица, безъ сомнѣнія, не могутъ

имѣть какой-нибудь вредной или подозрительной корреспонденціи, ибо оная будетъ открытая, на что правительство имѣетъ право, яко надъ людьми, лишенными свободы, подозрительными и состоящими подъ надзоромъ полиціи.

По таковому распоряженію почтовая тайна осталась-бы неприкосновенною. Перлюстрованныя письма въ копіяхъ или, смотря по обстоятельствамъ, и подлинныя отсылались-бы по прежнему къ министру внутреннихъ дѣлъ, который-бы представлялъ оныя в. в. или-же сообщалъ-бы министру полиціи, сказавъ сему послѣднему, токмо, что до него дошли свѣдѣнія и прочее. Ежели-бы министру полиціи нужно было непремѣнно узнать что-либо чрезъ почту, то и тогда онъ можетъ отнестись къ министру внутреннихъ дѣлъ, и дѣло будетъ и лучше и вѣрнѣе исполнено и все останется въ порядкѣ и въ тайнѣ. Даже петербургскій почтъ-директоръ, какъ я стороною слышалъ, отсылаетъ нынѣ перлюстрованныя письма прямо, куда ему приказано, не чрезъ меня и не давая мнѣ объ оном знать; однако-жъ, зная его, я увѣренъ, что онъ присылаетъ или письма совсѣмъ не важныя, или посылаетъ ихъ очень мало. Ежели онъ ведетъ перлюстрацію по личнымъ видамъ и уваженіямъ, то ему таковое отступленіе отъ порядка очень выгодно и пріятно; ибо изгибовъ сердецъ почтовыхъ чиновниковъ никто, кромѣ начальствующаго надъ ними министра внутреннихъ дѣлъ, открыть и обратить ихъ на истинный путь не можетъ. Неоднократно я уже представлялъ в. в. на сіе доказательства.

По усердію моему къ службѣ вашего величества и не имѣя никакихъ другихъ видовъ, кромѣ пользы вашей, довожу я все безъ разбора до вашего свѣдѣнія, а потому долгомъ поставилъ и сію бумагу представить высочайшему вашего величества воззрѣнію.

Осипъ Козадавлевъ.

II.

Рукою императора Александра написано карандашемъ: „секретно".

Записка министра внутреннихъ дѣлъ Козадавлева.

13-го апрѣля 1813 г.

Министръ внутреннихъ дѣлъ представляетъ в. и. в. сію бумагу въ доказательство, что не только подозрительныя письма останавливаются и свидѣтельствуются губернаторами, но что даже цѣлая почта партикулярной корреспонденціи сей участи подвержена. Не смѣю

судить, какія слѣдствія отъ сего произойти могутъ, но опасаюсь токмо, чтобъ частные люди въ Россіи по старинѣ не стали посылать писемъ своихъ съ ходоками.

III.

Секретно.

Витебскій губернаторъ Лешернъ—министру внутреннихъ дѣлъ.

Витебскъ. 4-го апрѣля 1813 г. № 2110.

Имѣя предписаніе отъ г. главнокомандующаго въ Санктпетербургѣ, отъ 17-го сентября истекшаго 1812 года, за № 717, объ освидѣтельствованіи корреспонденціи всякій разъ, когда мѣра сія по обстоятельствамъ найдена будетъ необходимою для открытій истины, я, по обстоятельству, о которомъ имѣлъ честь его высокопр—ву донести, 2-го апрѣля за № 2023, счелъ нужнымъ сіе учинить, и потому предписалъ секретно витебской губернской почтовой конторѣ всякій разъ, когда только получится въ Витебскъ почта, то всѣ письма партикулярной корреспонденціи тотчасъ доставлять мнѣ для освидѣтельствованія; то-же самое дѣлать и по принятіи писемъ отходящей изъ Витебска почты, ведя симъ послѣднимъ у себя записку, отъ кого будутъ поданы, которую и доставлять мнѣ обще съ письмами. О чемъ и в. высокопр—ству для свѣдѣнія имѣю честь донести. Губернаторъ Лешернъ.

IV.

Генералъ Вязмитиновъ—министру внутреннихъ дѣлъ.

8-го апрѣля 1813 г. № 454.

По дошедшему до меня свѣдѣнію, что нѣкоторые плѣнные и высланные во внутрь Россіи, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, люди находятъ способы постороннимъ образомъ получать письма и отвѣчать на оныя; въ предупрежденіе сего, обративъ на предметъ сей особое вниманіе гг. начальниковъ губерній, я предписалъ имъ, кромѣ секретныхъ за тѣмъ наблюденій, требовать отъ почтовыхъ мѣстъ, чтобы они всѣ письма, таковыми людьми посылаемыя или на ихъ имя приходящія, доставляли-бы къ нимъ, а они представляли-бы оныя разсмотрѣнію министерства полиціи.

Извѣщая о семъ ваше пр—во, покорнѣйше прошу васъ, м. г.

мой, не оставить сдѣлать со стороны вашей по сему предмету почтовымъ начальствамъ предписаній и о послѣдующемъ пожаловать меня увѣдомить. Главнокомандующій въ С.-Петербургѣ Вязмитиновъ.

Въ концѣ представляемой у сего выписки [1]) говорится о внутреннемъ въ государствѣ разстройствѣ и о проворствѣ, съ какимъ барышники наживаются. Я полагаю, что къ сему подало случай новое распоряженіе министерства финансовъ относительно ассигнацій. Фальшивыя ассигнаціи всегда были выплачиваемы отъ ассигнаціоннаго банка наравнѣ съ истинными и отъ того, между другими причинами, ассигнаціи имѣли кредитъ въ обращеніи: никто ихъ брать не боялся. Нынѣ-же фальшивыя ассигнаціи французскаго дѣла отъ банка не выплачиваются и отъ сего кредитъ ассигнацій еще болѣе упалъ: всякій боится брать ихъ, полагая получить фальшивыя. Министръ финансовъ сообщалъ мнѣ, чтобы во всѣхъ и внутри имперіи находящихся конторахъ почтовыхъ подаваемыя для пересылки ассигнаціи свидѣтельствованы были для открытія, нѣтъ-ли между оными фальшивыхъ, и для того сообщилъ онъ мнѣ тогда даже и признаки фальшивыхъ французскаго дѣла ассигнацій, дабы я отъ себя препроводилъ оныя въ почтовыя конторы. Натурально, что я въ семъ важномъ дѣлѣ, которое должно всегда сохраняемо быть въ непроницаемой тайнѣ, не могъ согласиться съ министромъ финансовъ, ибо почтовыхъ мѣстъ находится болѣе шести сотъ и такая огласка лишитъ, безъ сомнѣнія, бумажныя наши деньги и послѣдняго кредита.

Я ему сообщилъ по сему мое мнѣніе. Министръ финансовъ тотчасъ почувствовалъ истину мною сказаннаго и предположеніе свое отмѣня, постановилъ токмо, чтобы въ заемномъ банкѣ отъ должниковъ принимаемъ былъ протесъ (?) процентовъ и капитала, но однако, съ представленіемъ отъ нихъ нумераціи, вносимыя (?) ассигнаціямъ. Всѣ сіи и имъ подобныя движенія министерства финансовъ, а особливо неплатежъ за фальшивыя ассигнаціи, произвели въ публикѣ ропотъ и безпокойство; а между тѣмъ цѣна ассигнацій еще болѣе понизилась.

Безъ сумнѣнія, денежные барышники и такъ называемые мѣняла пользуются симъ случаемъ и набогащаются.

---

[1]) Выписки этой не имѣется въ нашемъ распоряженіи. Ред.

V.

Выписка изъ письма отъ купца Петра Попова изъ Бродовъ, отъ 19-го генваря 1814 года къ московскому купцу Захару Крылову въ Москву.

Съ сею почтою посылаю вамъ еще пробы шерсти, ибо мнѣ пришло въ голову, что я слишкомъ мало послалъ! Сіи пробы я вынулъ самъ безпристрастно изъ кипъ и безъ выбору, какъ есть, и самъ лазилъ по кипамъ и осматривалъ шерсть и вся въ добротѣ хороша. Ну, любезнѣйшій Захаръ Денисьевичъ, мы пророки выходимъ съ вами: греки рвутся, мечутся, ищутъ и шнурютъ шерсти, но пусть заговѣются, не только здѣсь, но и въ вѣкѣ (?) едва-ли успѣютъ сыскать, ибо первое, что шерсть вся пробралась и тамъ, по милости англичанъ, да притомъ и цѣны уже 20 гульденовъ на всякій сортъ приросли. О причинахъ дороговизны шерсти неминуемой я вамъ писалъ, но мнѣ въ голову пришло и то вопросъ: что побуждаетъ англичанъ столь бѣшенымъ образомъ скупать шерсть во всей Европѣ и увозить къ себѣ въ Островъ?—Прошу подумать, не кроется-ли тутъ хитрость, дабы лишить фабрикантовъ средствъ продолжать свои работы, ибо не имѣя шерсти нельзя дѣлать сукна. Какъ вы думаете? Эти островитяне видятъ, что политика россійскаго кабинета, запрещая и не выдавая тарифа, печется о благѣ подданныхъ, дѣлая преграду алчности ихъ—и не вздумали-ли они сію спекулацію для сей цѣли? И по днесь проходитъ понемногу шерсти въ Ригу, а все въ Ригу, но никуда болѣе, а изъ Риги на корабляхъ въ Англію!

VI.

Записка министра внутреннихъ дѣлъ О. Козадавлева.

Разсужденія и догадки купца Попова кажутся мнѣ основательными. Единственное средство предупредить оное (?) противу россійскихъ фабрикъ предпріятіе есть, безъ сомнѣнія, запрещеніе вывозить шерсть за-границу. Теперь овчарные заводы весьма и весьма у насъ размножились. Размноженіе сіе, конечно, послѣдовало отъ свободнаго торга шерстію; но теперь запрещеніе вывозить шерсть за-границу вреда овчарнымъ заводчикамъ сдѣлать не можетъ, поелику и въ Россіи шерсть будетъ раскупаема дорогою цѣною, при

умноженіи числа тонко-суконныхъ фабрикъ. Умноженіе суконныхъ фабрикъ, конечно, пойдетъ успѣшно, лишь-бы разглашеніе о новомъ тарифѣ и неизвѣстность о семъ предметѣ фабрикантовъ въ распространеніи ихъ фабрикъ не останавливали. На первый случай можно-бы было на вывозъ шерсти положить большую пошлину; ибо здѣсь продается тонкая шерсть, отъ 80-ти до 100 рублей за пудъ, а пошлина положена токмо съѣзда (съ пуда?) по 50 коп. при вывозѣ оной.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ АРАКЧЕЕВЪ

въ его рѣшеніяхъ военно-судныхъ дѣлъ

1799—1808 гг.

Будущему біографу гр. Аракчеева предстоитъ не мало труда, чтобы разобраться въ массѣ самыхъ разнообразныхъ и неблагопріятныхъ свѣдѣній объ исторической личности гр. Аракчеева, чтобы справедливо и обстоятельно выразить характеристику этого человѣка, оставившаго по себѣ память, съ одной стороны, не только суроваго, но и жестокаго временщика, съ другой—снискавшаго, въ средѣ мелкихъ людей, участь которыхъ отъ него зависѣла, благодарность за благодѣянія, имъ оказанныя. Въ настоящее время благодѣянія гр. Аракчеева являются также сомнительны... Между тѣмъ, намъ удалось, однако-жъ, найти въ архивахъ [1]) два рукописныхъ документа, упоминающихъ о благодѣяніяхъ гр. Аракчеева.

А. С.

Въ 1799 году, по сентенціи военнаго суда, были приговорены къ различнымъ наказаніямъ слѣдующія лица:

Штабсъ-капитанъ Лопатинъ, за разные противозаконные проступки, былъ приговоренъ къ разжалованію „на время“ въ рядовые. Ген. Аракчеевъ, принимая во вниманіе, что шт.-кап. Лопатинъ во время суда десять лѣтъ содержался подъ арестомъ и въ оковахъ, мнѣніемъ положилъ: отъ всякаго дальнѣйшаго взысканія Лопатина освободить, но отставить отъ службы.

Поручикъ Соколовъ, обвиненный въ пьянствѣ и растратѣ казеннаго имущества, былъ приговоренъ судомъ къ повѣшенію. Ген. Аракчеевъ опредѣлилъ: во вниманіе долговременнаго ареста (8 лѣтъ) въ оковахъ, пор. Соколова отъ дальнѣйшаго взысканія освободить, но отставить отъ службы.

---

[1]) Архивъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера, связка 1114, № 1—46.

Маіоръ Семеновъ и пор. Вашутинъ, по суду, за разные противузаконные проступки, приговоренные къ лишенію чиновъ, дворянскаго званія и къ ссылкѣ въ работу, по рѣшенію ген. Аракчеева, во вниманіе къ 4-хъ-лѣтнему ихъ аресту и прежней ихъ хорошей службѣ, были отставлены отъ службы, безъ дальнѣйшаго взысканія.

Поручикъ Обольяниновъ за разные проступки былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ, дворянскаго званія и къ исключенію изъ службы. Ген. Аракчеевъ опредѣлилъ: во вниманіе того, что пор. Обольяниновъ три года содержался подъ арестомъ въ оковахъ, выключить его изъ службы.

Шт.-кап. Скрыпкинъ былъ приговоренъ за разные проступки и за слабый надзоръ за казеннымъ имуществомъ (въ артил. цейхгаузѣ) къ написанію „вѣчно“ въ рядовые и секвестрованію его имѣнія; ген. Аракчеевъ опредѣлилъ: выключить изъ службы, а имущество его продать для пополненія казенныхъ убытковъ.

Фейерверкера Кастрюкова, за растрату казенныхъ денегъ (440 р.), ввѣренныхъ его храненію, судъ приговорилъ: лишить живота и повѣсить, а утраченную сумму взыскать съ подполковника Гаствера и шт.-капит. Капустина, ввѣрившихъ Кастрюкову казенный транспортъ. Ген. Аракчеевъ опредѣлилъ: Кастрюкова наказать шпицрутенами и попрежнему опредѣлить на службу, а относительно взысканія растраченныхъ денегъ съ офицеровъ, поручившихъ Кастрюкову транспортъ, то ген. Аракчеевъ полагалъ-бы, если не бо́льшую, то равную часть истраченныхъ денегъ взыскать и съ ихъ начальника артиллеріи въ Казани, ген.-м. Мордвинова.

Гр. Аракчеевъ, будучи военнымъ министромъ, не всегда преслѣдовалъ виновныхъ въ лихоимствѣ, но подвергалъ ихъ общественному суду, отдавая въ приказѣ замѣченныя имъ злоупотребленія. Такъ, въ 1808 году, былъ отданъ слѣдующій приказъ:

„Спб. военно-сухопутный госпиталь, вѣроятно, заботясь о довольствіи больныхъ солдатъ, употребилъ (съ 1-го сентября по 1-е февраля) на ихъ содержаніе 10.451 р. 50 к., изъ коихъ на одно вино израсходовано было 4.041 р. 45 к., а именно: на портвейнъ 2.184 р., мадеру 859 р. 95 к., медокъ 320 р. и бурдовскую (?) водку 677 р. 50 к.

Сообщ. **Ал. И. Савельевъ.**

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ, ЗАМѢТКИ И НАБРОСКИ.

Поѣздка по Россіи въ 1890 г.

I.

Село Палибино.

12-го августа.

Дорога отъ Великихъ-Лукъ до Невеля чрезвычайно живописна, она тянется почти отъ Лукъ до первой станціи Сеньково грядой холмовъ, по обѣимъ сторонамъ которой лежатъ необозримыя поля, рощицы молодяка-лѣса на мѣстахъ давно вырубленнаго бора и то тамъ, то здѣсь открываются зеркала озеръ... Шесть верстъ за станціей Сеньково, у самой большой дороги, на холмѣ, въ тѣнистой рощицѣ, подымается каменная часовенька,—здѣсь опочиваютъ останки ген.-лейтенанта В. В. Корвинъ-Круковскаго и его жены Елисаветы Ѳедоровны, внучки нѣкогда извѣстнаго астронома Шуберта. Сухой по внѣшнимъ своимъ формамъ, нѣсколько надутый генеральствомъ, старикъ Корвинъ-Круковскій легъ въ могилу, какъ-бы не якшаясь съ обыкновенными смертными, не на общемъ кладбищѣ, а, какъ видите, особнякомъ, — это отецъ двухъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ — Анны Васильевны Жакляръ и Софіи Васильевны Ковалевской.

Живо воскресаютъ предъ нами воспоминанія зимы 1862 $\frac{\text{декабрь}}{\text{январь}}$ 1863 годовъ. Мы подъѣзжаемъ къ барскому дому, выстроенному во вкусѣ барскихъ домовъ 1830—1840-хъ годовъ, съ башней, широкими крыльями флигелей; домъ этими крыльями какъ-бы принимаетъ гостя въ свои объятія. Входимъ, — множество прислуги, домъ полонъ всего, какъ чаша. Отецъ, мать, бойкій хорошенькій

мальчикъ сынъ, гувернеръ, англичанка гувернантка, прехорошенькая одиннадцати — двѣнадцатилѣтняя дѣвочка — это Софочка, рѣзвушка, знаменитый впослѣдствіи магистръ изящныхъ искусствъ, докторъ философіи, профессоръ высшей математики: старшая ея сестра, въ то время лѣтъ 17-ти или 18-ти, стройная прекрасная блондинка, съ синими, иногда какъ-бы зелеными, глазами и дивною волнистою косою... Мамаша этихъ барышень полненькая, самая привѣтливая дамочка, не могущая забыть, что она была когда-то хорошенькая — это хозяйка-генеральша, и, наконецъ, сухой, чопорный генералъ... вы его такъ и видите за пасьянсомъ, vis-à-vis съ гувернеромъ его дѣтей... Проходитъ одинъ лишь день, и оживленная бесѣда въ области литературы съ старшей барышней восхищаетъ насъ: невольно дивишься, какъ подъ сѣнью деревенскаго дома, въ глуши, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ почти безвыѣздной жизни, взросла такая прекрасная дѣвушка: она вся дышетъ возвышенными идеалами жизни; чего-чего только она не перечитала, на трехъ, четырехъ языкахъ; какое близкое знакомство съ исторіей, какая бойкость сужденій въ области философіи и исторіи—и все это проявляется въ такихъ простыхъ, очаровательныхъ формахъ, и васъ не гнететъ вся эта начитанность, вся эта вдумчивость въ прочитанное и изученное. А тутъ-же, въ обширномъ залѣ, раздается звонкій смѣхъ Софочки: рѣзвушка, хорошенькая дѣвочка, встряхивая роскошными кудрями каштановыхъ волосъ, бѣгаетъ съ мячикомъ, подбѣгаетъ къ сестрѣ, обнимаетъ ее, цѣлуетъ, и снова несется по комнатамъ.

Прелестные дни, очаровательные дни!.. Я опять ихъ пережилъ, читая еще на-дняхъ „Воспоминанія дѣтства“ С. В. Ковалевской въ „Вѣстникѣ Европы“ (изд. 1890 г., іюль и августъ)... Вы читали ихъ? Нѣтъ? — Прочтите, прочтите непремѣнно. Это превосходные очерки быта богатой дворянской помѣщичьей семьи 1850—1860-хъ годовъ, очерки въ высшей степени вѣрные, что мы можемъ засвидѣтельствовать, зная всѣ главнѣйшія подробности, относящіяся именно до обитателей сельца Палибина (такъ именуется мѣсто дѣйствія помянутыхъ „Воспоминаній“), и набросаны мастерскою кистью писательницы-художника... Эти „Воспоминанія“ могутъ быть поставлены съ лучшими въ этомъ родѣ страницами изъ произведеній И. С. Тургенева и гр. Л. Н. Толстаго [1]). „Постой, однако, ямщикъ!“—

---

[1]) С. В. Ковалевская обладаетъ большимъ литературнымъ дарованіемъ, это видно также изъ весьма интереснаго ея очерка: „Три дня въ крестьянскомъ университетѣ въ Швеціи“. („Сѣверный Вѣстникъ“, 1890 г., кн. XI, стр. 133—161). М. С.

вотъ выглянулъ изъ-за кущи деревъ красивый, съ башнями, большой господскій домъ села Палибина. „Подъѣзжай, голубчикъ, обожди у подъѣзда минутъ двадцать, получишь на чай,—дай, я обѣгу домъ и садъ...“

Но гдѣ-же объятія дома, гдѣ его лѣвое крыло — флигель, нѣкогда мѣстожительство степеннаго, прекрасно знающаго свое дѣло, вполнѣ образцоваго домашняго наставника-гувернера? Тамъ-же и театръ былъ. Флигель сломанъ! Новая владѣлица сокрушила „лишнюю“ постройку, нужно-де ее отоплять, надо бѣлить, а это, молъ, расходъ избыточный. Въ лѣвомъ — службы, но, увы, вмѣсто бывшей здѣсь чистоты,—грязь, битыя стекла, вылитыя подъ окнами помои... Вотъ столовая, вотъ лѣстница на террасу, любимое мѣсто бывшихъ владѣльцевъ Палибина, съ ихъ неизмѣннымъ пасьянсомъ или преферансомъ, съ неизмѣннымъ партнеромъ генерала—домашнимъ наставникомъ І. И. Малевичемъ. А вотъ и гостиная или зало, громадная, свѣтлая комната; къ ней прилегаетъ узенькая комнатка—это библіотека; въ ней нынѣ какіе-то жалкіе остатки, разрозненные годы русскихъ и иностранныхъ журналовъ 1860-хъ годовъ; вотъ и башня, гдѣ такъ любила и читать, и мечтать Анна Васильевна, столь преждевременно сошедшая въ могилу... Все это я быстро обошелъ, и при видѣ всего этого, тоской,—мертвящей тоской сжалось мое сердце... Перемерли старики, сошла въ могилу пылкая, даровитая русская женщина-писательница, Анна Васильевна, не болѣе какъ года четыре спустя послѣ моего знакомства съ нею ставшая кумиромъ геніальнаго писателя Ѳ. М. Достоевскаго, горячо, глубоко-искренно ее полюбившаго и безуспѣшно просившаго ея руки. Нѣтъ главнѣйшихъ лицъ изъ этого дома, и самый домъ, перейдя къ новой владѣлицѣ, представляетъ полное запустѣніе. Нѣтъ и слѣда прежняго комфорта. Владѣлецъ или владѣлица, представители новой генераціи землевладѣльцевъ, замѣнившихъ помѣщиковъ, представители трудовой наживы, а не прежняго дворянства, въ которомъ, на ряду съ массою неотрадныхъ чертъ, были черты, почти невѣдомыя нынѣ—радушіе, гостепріимство, привѣтливость, а главное—образованіе...

Чувствуется покойникъ въ этихъ большихъ комнатахъ, съ ихъ покоробившимися паркетными полами, съ ихъ состарившеюся, порѣдѣвшею мебелью... Скорѣе въ паркъ! Что это за прелесть въ его запустѣніи: вотъ развалины теплицъ, жалкіе остатки фруктоваго сада; персики, абрикосы, чудныя вишни—все это славилось нѣкогда въ Палибинѣ; теперь груды мусора на мѣстѣ теплицъ... Вотъ аллеи акацій, тополей, вотъ весьма длинная аллея прекрасныхъ, какъ стѣна, по шнуру вытянутыхъ липъ; вотъ рощицы дубовъ, кленовъ; вотъ отдѣльные

дубки и тополи, посаженные руками разныхъ лицъ изъ прежнихъ обитателей и обитательницъ Палибина... Подъ сѣнью этихъ чудныхъ аллей мечтали, думали, да передумывали о разныхъ вопросахъ въ сферѣ идеаловъ двѣ головки прекрасныхъ русскихъ дѣвушекъ... Одной изъ нихъ выпала доля всевозможныхъ треволненій, — доля русской писательницы; другую озаряетъ слава первой по времени русской женщины-ученаго, профессора высшей математики, труды которой вѣдомы ученому міру всей Европы... Какъ уцѣлѣлъ здѣсь до сихъ поръ паркъ и на долго-ли—непонятно и неизвѣстно! Какъ духъ наживы не сокрушилъ этихъ прекрасныхъ аллей ни на лыки липовыя на продажу, ни повалилъ дубки на всякое издѣліе?.. Впрочемъ, вотъ знаменіе времени: поднялась въ самомъ паркѣ, на берегу прелестнаго озера, паровая мельница, вотъ и костры дровъ, нарубленныхъ, увы, въ паркѣ... Очевидно, мельница-ли, что-либо другое, но вихрь разрушенія пронесется и надъ этимъ паркомъ... А перейди это имѣніе изъ рукъ теперешней владѣлицы къ крестьянамъ, что легко совершится въ близкомъ будущемъ, немедля лягутъ подъ ударами топора Колупаевыхъ эти дорогія насажденія, стоившія упорныхъ трудовъ, ухода и заботъ нѣсколькихъ поколѣній...

II.

Село Клевники.

Въ двухъ или трехъ верстахъ отъ Палибина, на живописномъ берегу извилистой Ловати, раскинулось село Клевники, памятное мнѣ еще по воспоминаніямъ дѣтства, когда кадетомъ Полоцкаго корпуса, каждое лѣто въ 1848—1852 гг., я заѣзжалъ по пути на родину въ Великія Луки, въ деревянный домъ этого селенія. Старѣйшіе представители обладателей этого имѣнія сошли въ могилу; село перешло было въ другія руки куплею и опять вернулось чрезъ новую куплю въ прежнюю семью Гибера-фонъ-Грейффенфельса.

Несмотря на ранній часъ утра, я позволилъ себѣ заѣхать къ владѣльцу имѣнія, полагая, что въ сынѣ стараго знакомаго встрѣчу радушнаго хозяина, и не ошибся. Не прошло и полчаса, какъ мы сидѣли за кипящимъ самоваромъ и бесѣда витала въ области преданій, генеалогическихъ свѣдѣній и въ фамильныхъ воспоминаніяхъ. Хозяинъ [1]) оказался правнукомъ знаменитаго усмирителя Пугачева—Ив. Ив. Михельсона. Живописный портретъ генерала виситъ тутъ-

[1]) Александръ Ивановичъ фонъ-Грейффенфельсъ.

же въ залѣ, равно какъ и портретъ жены Михельсона—Шарлотты Ивановны, рожд. Ребиндеръ. По фамильнымъ воспоминаніямъ, Шарлотта Ивановна не жила съ мужемъ, оставила роскошное село Иваново, близь гор. Невеля, водворилась въ селѣ Палибинѣ и вела жизнь вначалѣ весьма расточительную, многими годами пережившъ своего знаменитаго мужа.

Палибино за долги взято было Опекунскимъ совѣтомъ, а вдова Михельсона переѣхала въ сельцо Церковище, Велижскаго уѣзда, и умерла почти въ нищетѣ около 1837 или 1839 г.; она погребена на лютеранскомъ кладбищѣ сельца Дорожкина, бывшее генерала Дуве. Шарлотта Ивановна была кавалерственная дама и пользовалась благосклоннымъ вниманіемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны († 1828).

Сынъ генерала Ив. Ив. Михельсона—Григорій Ивановичъ Михельсонъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, какъ разсказывалъ намъ, по преданію, владѣлецъ села Клевники, женился на своей крѣпостной дѣвушкѣ Авдотьѣ Калинишнѣ, съ которой жилъ долго внѣ брака и отъ которой имѣлъ двухъ сыновей—Михаила и Григорія, воспитанныхъ впослѣдствіи, заботливостью генерала Воинова, въ Императорской Академіи художествъ, а также одну дочь Екатерину; малолѣтнею была она взята генеральшею Михельсонъ въ село Палибино и росла тамъ до выхода замужъ за отставнаго шт.-ротм. Ивана Матв. Гибера-фонъ-Грейффенфельса († февр. 1866 г.).

Въ роду владѣльца села Клевниковъ значится его дѣдъ Александръ Львовичъ Воиновъ, генералъ-отъ-кавалеріи и генералъ-адъютантъ (род. около 1770 г.), сдѣлавшій, сначала какъ родной племянникъ Ив. Ив. Михельсона, а потомъ и по личнымъ качествамъ боеваго офицера, блестящую военную карьеру: Воиновъ былъ участникъ всѣхъ кампаній Россіи съ 1787-го по 1829 г., главнымъ образомъ отечественной войны и послѣдующихъ войнъ. Біографія Александра Львовича находится въ военно-энциклопедическомъ лексиконѣ, въ галлереѣ сподвижниковъ Александра I и въ нѣкоторыхъ другихъ военно-историческихъ изданіяхъ.

Въ 1814 году, при возвращеніи нашихъ войскъ чрезъ Германію, Воиновъ замѣтилъ на отведенной ему квартирѣ въ Теплицѣ дѣвушку замѣчательной красоты; она оказалась дѣвицею хорошей фамиліи Гиберъ-фонъ-Грейффенфельсъ. Полуторасуточнаго знакомства было достаточно храброму офицеру, чтобы ближе узнать обворожившую его дѣвицу и просить ея руки у родителей. Согласіе было дано; войска выступили далѣе въ походъ по направленію къ Россіи, а нѣсколько дней спустя выѣхала невѣста съ своимъ племянникомъ Ив. Гибером-фонъ-Грейффенфельсомъ. Это онъ, тогда юноша лѣтъ

15-ти, былъ потомъ владѣльцемъ села Клевниковъ и отцомъ моего собесѣдника. Вывезенный изъ Германіи юноша Гиберъ-фонъ-Грейффенфельсъ тогда же былъ опредѣленъ генераломъ Воиновымъ въ военную службу, въ которой оставался до 1830 года, и вышелъ въ отставку шт.-ротмистромъ.

Начало царствованія Николая Павловича застало Воинова генераломъ-отъ-кавалеріи и во главѣ гвардейскаго корпуса, послѣ чего онъ былъ участникомъ русско-турецкой войны. Здѣсь подъ крѣпостью Шумлой, Воиновъ, принявъ личное участіе въ одной кавалерійской атакѣ, провалился съ лошадью въ прикрытую турками волчью яму и, наткнувшись на рукоятку своей сабли, сломалъ себѣ два ребра. Генералъ погибъ-бы непремѣнно подъ ударами налетѣвшихъ турокъ, если-бы бывшій при немъ вѣстовой казакъ Харлапъ не выхватилъ-бы его изъ ямы и не ускакалъ-бы съ нимъ обратно. Харлапъ впослѣдствіи былъ отпущенъ на житье въ имѣнье генерала Воинова, село Клевники.

По случаю своей раны уволенный съ театра военныхъ дѣйствій на отдыхъ, въ свое имѣнье, въ 1830 г., Воиновъ ѣхалъ окруженный свитою, но что любопытно—ѣхалъ тройкою, сидя верхомъ въ открытыхъ дрожкахъ. Его спутница-жена сидѣла въ огромной каретѣ, запряженной шестерикомъ, внутри которой были зеркала и разныя приспособленія роскошнаго салона. Затѣмъ въ двухъ каретахъ, четырехъ коляскахъ, разныхъ бричкахъ и рыдванахъ ѣхали: домоправительница, приживалки, двѣнадцать деньщиковъ по штату, швеи, горничныя, всякаго рода дворовая челядь; за поѣздомъ вели верховыхъ лошадей, а всего, по преданію, окружало генерала Воинова до 150 человѣкъ прислуги и шло, въ табунѣ да въ упряжкѣ, до 210 лошадей; то было въ 1830 г., на длинномъ пути изъ Бессарабіи до Невельскаго уѣзда. Походъ настолько совершался медленно, что на пути служили молебны, у женатой прислуги рождались дѣти, крестили ихъ въ сельскихъ да городскихъ церквахъ и, такимъ образомъ, тянулись до села Клевниковъ болѣе двухъ мѣсяцовъ.

За порядкомъ въ поѣздѣ, какъ-бы въ роли квартирьера, наблюдалъ племянникъ генерала по его женѣ, Ив. Гиберъ-фонъ-Грейффенфельсъ. По прибытіи въ Клевники, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Гиберъ женился на побочной дочери Григорія Михельсона—Екатеринѣ Григорьевнѣ Эльсонъ, каковой бракъ состоялся по желанію генерала Воинова, щедро одарившаго молодыхъ.

Къ 1832 году относится слѣдующій случай въ жизни генерала Воинова. Разъ, возвращаясь изъ села Церковище къ себѣ въ Клевники, старикъ генералъ на одной станціи, пока запрягали лошадей,

пошелъ по дорогѣ впередъ пѣшкомъ. На старика напали собаки и изорвали ему шинель. Случай этотъ надѣлалъ тогда много шуму и послужилъ поводомъ къ легендѣ о томъ, что будто-бы А. Л. Воиновъ умеръ отъ собакъ. Легенда, однако, оказывается невѣрною. Онъ умеръ отъ антонова огня, прикинувшагося въ ногѣ, натертой сапогомъ; умеръ онъ въ селѣ Церковище въ 1832 году и погребенъ въ селѣ Клевникахъ, въ склепѣ подъ церковью, которую началъ строить. Вдова его, ослѣпшая отъ слезъ, умерла въ 1845 году.

III [1]).

Село Иваново.

Дорога попрежнему весьма живописна. За станціею Борокъ начинается боръ сосновый, очень хорошо сохраняемый, такъ какъ онъ принадлежитъ казнѣ, и этотъ боръ тянется на пространствѣ 18 верстъ. Это положительно лѣсной оазисъ среди холмовъ и полей этого края, давно уже лишеннаго лѣсовъ; озера то съ правой, то съ лѣвой стороны появляются въ лѣсной чащѣ, и зеркальная поверхность ихъ, въ рамкѣ зеленыхъ береговъ, является очень привлекательною. Ямщикъ разсказываетъ, что это и впрямь настоящій боръ, что въ немъ водятся медвѣди, много волковъ, и еще не далѣе какъ въ эту зиму цѣлая стая преслѣдовала его, когда онъ порожнемъ возвращался на станцію; насилу-де улепетнулъ парень на своихъ отощалыхъ, но привычныхъ къ скачкѣ лошадяхъ.

Лѣсъ этотъ, какъ-бы чудомъ сохраняющійся, входилъ въ составъ громаднаго имѣнія генерала-отъ-кавалеріи Ив. Ив. Михельсона († 1807 г.). Нѣсколько селъ, въ томъ числѣ оставшееся сзади насъ сельцо Палибино, входили въ составъ громаднаго жалованнаго Екатериною II имѣнья—пожалованнаго генералу за великую службу ей и Россіи: это онъ—Михельсонъ, смѣлый сокрушитель полчищъ Пугачева.... Мы выѣзжаемъ изъ лѣсной чащи; передъ нами необозримыя поля и нѣсколько построекъ—остатки нѣкогда, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, роскошнаго селенія Иванова, въ честь имени Михельсона такъ названнаго. То была резиденція генерала Михельсона. Отъ большаго вполнѣ барскаго дома, направо отъ дороги, въ семи верстахъ отъ города Невеля, не осталось и слѣда. Имѣнье

[1]) Извлеченіе изъ этой и послѣдующей главы читано было нами въ общемъ собраніи Археологическаго Института, въ Спб., 25-го октября 1890 г.

Ред.

было взято въ казну послѣ смерти единственнаго и притомъ безпутнаго сына генерала, — и домъ-дворецъ не временемъ, а хищностью окрестныхъ обитателей былъ постепенно, но буквально растасканъ по камнямъ; о величіи села напоминаетъ громаднѣйшій паркъ, къ настоящему времени настолько запущенный, что онъ обратился въ лѣсную чащу и пустырь.

Но вотъ на лѣвой сторонѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ большой почтовой дороги, красивая каменная церковь, выстроенная съ явными претензіями на величественность.... На боковомъ фронтонѣ значится надпись, гласящая о томъ, что церковь эта сооружена въ 1805 году. Это храмъ св. Іоанна Предтечи, сооруженный средствами и волею Михельсона во имя его Ангела тезоименника. Церковь подымается среди каменной ограды и толстыхъ вѣковыхъ густолиственныхъ липъ, стройными линіями, какъ солдаты вытянувшихся вдоль всѣхъ четырехъ сторонъ рѣшетчатой въ каменныхъ столбахъ ограды. Въ углу ограды сторожка и мечется у нея съ яростнымъ лаемъ, на привязи, громадный песъ.

„Что онъ у тебя такой лютый?“ спрашиваю я подошедшаго съ ключами церковнаго сторожа.

— „Да вотъ, вишь, двѣнадцать годовъ тому назадъ эту самую церковь на-чисто обокрали ночью. Дѣло-то было въ ночь на 4-е сентября 1878 года; взломали замокъ и все, что было дорогаго на престолѣ, да въ ризницѣ, все повытаскали. Вотъ съ тѣхъ поръ и сторожа перемѣнили,—я, стало быть, назначенъ,—и собаку завели, да въ дверяхъ, какъ видишь, нынѣ три замка“.

И пошелъ онъ щелкать замками, да затворами—насилу вошли во храмъ Божій. У самаго входа въ притворѣ, на деревянномъ поставцѣ, небрежно поставленъ алебастровый превосходный бюстъ, это — Ив. Ив. Михельсонъ, съ его открытымъ лбомъ, съ заплетеннымъ въ косу парикомъ, съ большими на выкатѣ глазами, бравый, живой, полный энергіи въ выраженіи всего открытаго лица, превосходно воспроизведенный видимо искуснымъ ваятелемъ. Я тотчасъ узналъ генерала по замѣчательному сходству съ превосходнымъ портретомъ, изданнымъ нами въ 1876 году при „Русской Старинѣ“ (т. XV, кн. янв., стр. 210), въ художественной гравюрѣ на мѣди академика, нынѣ профессора, И. П. Пожалостина. Въ лѣвомъ углу церковнаго притвора, также не особенно бережно, торчитъ на поставцѣ не менѣе артистически выполненный бюстъ жены Михельсона — Шарлоты Ивановны, рожденной Ребиндеръ [1]), живописный портретъ кото-

[1]) Вторая жена Михельсона, Шарлота Ивановна, род. въ 1764 г., † около 1839 года.

рой я въ тотъ-же день видѣлъ въ селѣ Клевникахъ, въ имѣніи ея правнука А. И. Гибера-фонъ-Грейффенфельса.

Храмъ свѣтлый, церковный полъ—это паркетъ старинный дубовый, двери дубовыя-же, деревянная колонада въ видѣ ротонды, хоры—все это дѣлаетъ церковь не схожею съ обыденными сельскими храмами, обычной архитектуры XVIII и начала XIX вѣковъ. Въ верху звонницы, съ которой отличный видъ на два озера, называемыхъ Воронины, и ходъ на церковныя хоры, устроенъ небольшой придѣлъ, посвященный Екатеринѣ Великомученицѣ. Нѣтъ надобности говорить, что Ив. Ив. Михельсонъ соорудилъ этотъ придѣлъ въ память своей благодѣтельницы, императрицы Екатерины II. Дарохранительница, крестъ и прочія церковныя вещи были похищены грабителями въ ночь на 4-е сентября 1878 г., отобраны отъ нихъ исковерканными, затѣмъ исправлены и вызолочены въ 1887 г., иждивеніемъ е. и. в. великаго князя Владиміра Александровича.

Сзади церкви, съ наружной ея стороны, противъ алтаря, мы нашли входъ, въ видѣ люка, въ подземный склепъ; сюда провелъ насъ сторожъ и мы очутились подъ самымъ алтаремъ, въ подземельѣ сухомъ, чистомъ, хорошо освѣщенномъ и освѣжаемомъ двумя другъ противъ друга окнами, съ выбитыми въ нихъ стеклами. Передъ нами оказались три гробницы: направо лежитъ Михельсонъ, въ срединѣ его дочь и влѣво его единственный сынъ Григорій [1]).

— „Мошенники, что ограбили церковь двѣнадцать годовъ тому назадъ, объяснялъ намъ сторожъ, сунулись и сюда,—они взломали замки на обѣихъ дверяхъ въ этотъ подвалъ и открыли гробъ генерала. На утро мы нашли его тѣло вытянутымъ изъ гроба и онъ оставался торчать торчкомъ, съ головой въ гробу и съ ногами, высунутыми изъ гроба; его опять вторнули на свое мѣсто, продолжалъ сторожъ, — грабители, надо полагать, искали чего-нибудь дорогаго въ гробу, да не нашли, потому какъ, изволите видѣть, и одёжу, да и сапоги оставили на покойникѣ, вотъ извольте сами взглянуть“....

Какъ не взглянуть! Я заглянулъ въ гробъ съ величайшимъ, вполнѣ понятнымъ для издателя „Русской Старины“, любопытствомъ. Предо мною лежалъ порядочнаго роста человѣкъ, закрытый шелковою громадною пеленою блѣдно-розоваго цвѣта. Приподнялъ я эту пелену не безъ нѣкотораго содроганія, такъ какъ почему-то ждалъ, что подъ нею все еще копошатся черви,—но никакихъ червей не было, имъ и дѣлать нечего вокругъ совершенно высохшей муміи; черепъ съ провалившимися глазами, съ хорошо сохранившимися зубами,—

[1]) Род. въ 1791 году, † 1817 г.

что немало удивленія достойно, если вспомнить 67-ми или, по другимъ извѣстіямъ, 72-хъ-лѣтній возрастъ генерала,—поразилъ меня выпуклымъ лбомъ и правильнымъ красивымъ носомъ, какъ показалось мнѣ—еще обтянутымъ высохшею кожею. На покойникѣ уцѣлѣли остатки, кажется, гусарскаго мундира, съ серебряными жгутами, сдвинувшимися въ правую сторону, а, быть можетъ, то аксельбантъ, съ которымъ Михельсонъ изображенъ на гравюрѣ „Русской Старины“;—мундиръ съ металлическими маленькими пуговками, покрытыми отъ времени густою плѣсенью.... Я не могъ удержаться, чтобы не взять одну изъ этихъ пуговокъ на память о храбромъ сокрушителѣ Пугачева, объ этомъ доблестномъ генералѣ, котораго столь неожиданно увидѣлъ лицомъ къ лицу восемьдесятъ три года спустя послѣ его кончины.

Михельсонъ умеръ, какъ извѣстно, въ Бухарестѣ, откуда его тѣло, очевидно бальзамированное, было привезено сюда въ его фамильную усыпальницу; но что хорошо уцѣлѣло отъ браваго воина—это его сапоги, щегольскіе гусарскіе ботфорты; по крайней мѣрѣ, правый сапогъ смотрѣлъ совершенно новымъ, точно его вчера надѣлъ главнокомандующій Россійскою арміею. „Сапоги, впрочемъ, объясняетъ сторожъ,—мошенники порывались стащить, это видно было по всему, да не далъ старикъ-генералъ, потому кости грузно заполонили сапогъ, не стащить было; они повозились, повозились, да и бросили... Старикъ такъ и остался торчкомъ-торчать изъ гроба, и, какъ видите, въ сапогахъ“. Сторожъ, однако, торопитъ меня, да и на самого обозрѣвателя нападаетъ нѣкоторый страхъ—такъ и грезится, что вотъ-вотъ старый воинъ приподымется въ этомъ гробу и крикнетъ: „что-де вы меня тревожите, чего вамъ отъ меня нужно!?“.

Гробъ, въ которомъ почіетъ Михельсонъ и который не сегодня-завтра, конечно, опять заколотятъ на-глухо (а и для чего заколачивать эту интересную мумію-памятникъ?), обтянутъ пунцовымъ бархатомъ съ металлическими бронзовыми украшеніями, изображающими головки ангеловъ съ крылышками; гробъ дубовый вставленъ въ большой дубовый-же саркофагъ.

Кто-же такой былъ тотъ, кто теперь потухшими, провалившимися очами смотритъ на насъ изъ своей усыпальницы, тотъ знаменитый воинъ, во многихъ битвахъ проліявшій кровь свою за Россію и сослужившій великую службу Екатеринѣ, кто былъ этотъ Иванъ Ивановъ сынъ Михельсонъ?

Прадѣдъ Михельсона, Іосифъ, родомъ изъ англійскихъ дворянъ, черезъ Данію и Норвегію, поступилъ на службу въ Швецію и былъ адъютантомъ Карла XI. Сынъ его, капитанъ Иванъ Михельсонъ, убитъ подъ Полтавою въ рядахъ дружинъ Карла XII. Внукъ, Иванъ

Ивановичъ, полковникъ, поступаетъ въ подданство Россіи, и вотъ сынъ его Иванъ Ивановичъ, въ чинѣ подполковника, наноситъ рядъ рѣшительныхъ ударовъ Пугачеву.

Родившись, по показанію изданной нами „Родословной книги“,—трудъ уважаемаго князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго,—въ 1740 году, а по другимъ свидѣтельствамъ нѣсколько ранѣе, Иванъ Ивановичъ, на 14-мъ году возраста, былъ записанъ въ гвардію, а въ 1755 г. переходитъ поручикомъ въ мушкетерскій полкъ и участвуетъ въ рядахъ полка подъ начальствомъ полковника Бибикова въ семилѣтней войнѣ, гдѣ раненъ въ одномъ бою штыкомъ въ голову, въ другомъ — получилъ двѣ сильныя контузіи и рану пулею на вылетъ въ поясницу, съ перебитіемъ кости. Онъ неминуемо погибъ-бы, если-бы его безчувственнаго, по приказанію полковника Бибикова, не унесли-бы съ поля сраженія. При Екатеринѣ II мы видимъ Михельсона участникомъ войнъ противъ Турціи и польскихъ конфедератовъ. Въ знаменитомъ бою при Ларгѣ онъ, въ рядахъ кавалеріи, несется въ смѣлой атакѣ на непріятельскія пушки. Пуля пробила ему лѣвую руку на вылетъ. Подполковникомъ, офицеромъ распорядительнымъ, полнымъ энергіи и доблести, Иванъ Ивановичъ явился, во главѣ С.-Петербургскаго карабинернаго полка, на театръ дѣйствій Пугачева, и здѣсь сталъ наносить ему ударъ за ударомъ... Мы, однако, не послѣдуемъ за нимъ въ его многочисленныхъ стычкахъ и свалкахъ съ толпами мятежниковъ, но напомнимъ, что Екатерина щедро наградила Михельсона и его соратниковъ. За освобожденіе Казани она произвела его въ полковники и высказала, въ письмѣ отъ 23-го іюля 1774 года, генералу Павлу Потемкину намѣреніе.... „наградить деревнями всѣхъ тѣхъ, кои во всякой другой войнѣ кресты-бы заслужили“.

Михельсону даны, согласно съ симъ, 1,000 душъ крестьянъ въ Витебской губерніи, орденъ св. Георгія III класса, значительная сумма денегъ, а по совершенномъ окончаніи пугачевскаго бунта онъ пожалованъ чиномъ генералъ-маіора и орденомъ св. Александра Невскаго. Въ 1803 году онъ, уже въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи, назначенъ бѣлорусскимъ военнымъ губернаторомъ, а въ 1806 г. назначенъ главнокомандующимъ Днѣстровскою арміею и умеръ въ Бухарестѣ 19-го августа 1807 года, будучи кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

По справедливому отзыву его біографа И. И. Ореуса—Михельсонъ былъ лихой представитель доблестныхъ служилыхъ людей Россіи. Храбрость его была блистательна и она увлекала его, даже 67-милѣтняго старика, въ личныя схватки съ непріятелемъ. Въ то-же

время, благодушный, привѣтливый со всѣми, онъ былъ весьма заботливъ о своихъ подчиненныхъ [1]).

Мы не прежде оставили склепъ, какъ тщательно вымѣрявъ ростъ покойника; въ его останкахъ оказалось, отъ темени до каблука на сапогѣ, два аршина семь вершковъ.

Недалеко отъ церкви живетъ священникъ — от. Петръ Серебряниковъ; принялъ онъ насъ весьма привѣтливо и поспѣшилъ познакомить съ толстою рукописью,—то церковная лѣтопись, которую весьма усердно велъ его отецъ, бывшій здѣсь священникомъ что-то около 30—35 лѣтъ. Описаніе грабежа церкви въ 1878 году занимаетъ въ этой лѣтописи нѣсколько страницъ.... Какъ жаль, что эти церковныя лѣтописи, нынѣ обязательныя для священниковъ, не были ведены еще въ прошломъ столѣтіи; сколько-бы интереснаго для народнаго быта, или, по крайней мѣрѣ, для быта духовенства и дворянства, сохранилось-бы на страницахъ этихъ рукописей. От. Петръ Серебряниковъ любезно обѣщалъ намъ сообщить на страницы „Русской Старины“ болѣе интересныя выдержки изъ помянутой мѣстной хроники, что отчасти уже и исполнилъ.

Въ церковной оградѣ, близь входа въ усыпальницу Михельсоновъ, за алтаремъ стоитъ лишь всего одинъ крестъ, подъ нимъ почіетъ Авдотья Калинишна, бывшая фаворитка, а потомъ и жена Григорія Ивановича Михельсона, единственнаго сына сподвижника Екатерины II. О безпутствѣ этого наслѣдника сохранилось нѣсколько легендъ. Это онъ, Григорій Ивановичъ, съ своими егерями и прочею дворовою челядью дѣлалъ набѣги, какъ увѣряютъ, на сосѣдніе города Невель и Великіе-Луки...

Въ дополненіе къ нашему очерку о посѣщеніи с. Иваново, привожу небольшую замѣтку, весьма обязательно сообщенную намъ мѣстнымъ священникомъ о. Серебряниковымъ, съ дополненіями изъ статьи, сообщенной намъ въ августѣ 1876-го года покойнымъ Р. Г. Игнатьевымъ изъ Уфы [2]).

---

[1]) Отличный портретъ Михельсона, въ гравюрѣ на мѣди академика И. П. Пожалостина, приложенъ при „Русской Старинѣ“ изд. 1876 г., томъ XV, кн. I, стр. 210.

[2]) Статья сообщена была намъ Игнатьевымъ въ печатномъ оттискѣ „Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 1876 г., № 32, съ рукописными дополненіями. Она оставалась досель въ архивѣ „Русской Старины“; статья озаглавлена: „Еще нѣсколько словъ объ Ив. Ив. Михельсонѣ“; она вызвана трудомъ Ив. Ив. Ореуса („Русская Старина“ 1876 г.) и состоитъ

Помѣщикъ жилъ съ большимъ комфортомъ, содержалъ пѣвчихъ, музыкантовъ и началъ строить большой „музыкальный домъ“, съ круглымъ стеклянным куполомъ. Господскій домъ и всѣ остальныя постройки были каменныя. Имѣлись: винный заводъ, пивоварня, прачешная, далѣе пороховой заводъ (генералъ имѣлъ свою артиллерію) и много оранжерей и каменныхъ бесѣдокъ въ большомъ, прекрасномъ саду; не въ дальнемъ разстояніи отъ села, по тракту къ Невелю, стоялъ огромный „билліардный трактиръ“. Въ гостинницѣ за столъ и прочее ничего не брали. Еще и въ настоящее время находятся старожилы, помнящіе красивое и богатое, болѣе похожее на городъ, село Иваново, будто-бы при Екатеринѣ II называвшееся Воронино. Самый домъ помѣщика выстроенъ былъ на берегу озера, а всѣ постройки, до семидесяти домовъ, раскинуты были между озеромъ и большою почтовою дорогою отъ Невеля въ Великіе-Луки, около десятка верстъ въ окружности.

Въ селѣ жило болѣе двухъ сотъ человѣкъ дворовыхъ обоего пола, вывезенныхъ владѣльцемъ либо изъ другихъ его имѣній, либо купленныхъ по одиночкѣ отъ разныхъ помѣщиковъ. Въ числѣ всевозможныхъ мастеровъ-ремесленниковъ изъ дворовыхъ было 35 музыкантовъ и 35 пѣвчихъ... Не довольствуясь однимъ господскимъ домомъ, Ив. Ив. началъ было строить цѣлый дворецъ, но Богъ не далъ жизни, дворецъ остался не достроеннымъ.

Иванъ Ив. былъ лютеранинъ, но подъ старость перешелъ въ православіе, сохранивъ прежнее имя Иванъ.

Въ особенной чистотѣ и исправности содержался большой садъ съ тѣнистыми аллеями, бесѣдками, прудами и искусственными насыпями. По счастливой случайности, теперь находятся еще хозяева, которымъ удалось завести садовыя деревья изъ Михельсоновскаго сада, и по ихъ копіи можно отчасти судить о красотѣ и вкусѣ плодовъ знаменитаго Михельсоновскаго сада. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ большаго сада, по другую сторону большой дороги, находился другой садъ, подъ названіемъ „генеральскій“; впрочемъ, ничто не свидѣтельствуетъ, чтобы здѣсь были плодовыя деревья, а есть только остатки цвѣтныхъ, да насыпной курганъ, на которомъ, говорятъ, была устроена бесѣдка. Къ западной сторонѣ сада прилегаетъ сохранившійся до сего времени паркъ, представляющій смѣсь всевозможныхъ

главнымъ образомъ, изъ свѣдѣній, собранныхъ Игнатьевымъ въ селѣ Ивановѣ. Уфа чтитъ память Михельсона, освободившаго ее отъ Пугачева. Въ музеѣ Уфимскаго статистическаго комитета имѣется портретъ генерала Михельсона.

М. С.

деревьевъ, растеній и кустарниковъ, ископанный къ озеру прудами и канавами, но въ настоящее время совершенно зарытыми. Между деревьями въ особенности поражаютъ старые толстые кедры и дубы, есть также, кромѣ всѣхъ мѣстныхъ деревьевъ, много лиственницъ, пихтъ. Въ саду и отчасти въ паркѣ попадается особый родъ улитокъ, разведенный Михельсономъ для борьбы съ червями и насѣкомыми: замѣчательно, что улитки эти не разводятся въ другихъ мѣстахъ, не смотря на нѣсколько надъ этимъ опытовъ.

Село Ивановское находилось въ цвѣтущемъ состояніи только до смерти Ив. Ив. Михельсона, 1807 г. августа 17-го дня. О смерти его имѣется въ метрической книгѣ мѣстнаго храма слѣдующая запись: „Его высокопревосходительство генералъ-отъ-кавалеріи, главнокомандующій въ Молдавіи и Валахіи россійско-императорскими противъ турокъ войскъ, бѣлорусскій военный губернаторъ и орденовъ св. Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, святаго и великомученика Побѣдоносца Георгія, св. Анны и св. Станислава кавалеръ, Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, квартируя въ столичномъ Валахіи городѣ Букарестѣ, съ полнымъ по христіанскому долгу приготовленіемъ, 72-хъ лѣтъ (sic) отъ роду преставился, и соборне отъ тамошняго греческаго митрополита погребеніе надъ нимъ отпѣто, а по волѣ его и высоко-монаршему на сіе соизволенію, Витебской губерніи, Невельскаго уѣзда, въ имѣніи его, въ имъ выстроенной самимъ церкви въ селѣ Иваново, тѣло его погребено".

Тѣло его и покоится въ погребѣ подъ алтаремъ, рядомъ съ сыномъ его Григоріемъ и дочерью Елисаветою. Гробы дубовые, съ металлическими на нихъ изображеніями херувимчиковъ, помѣщены въ деревянныхъ ящикахъ. Жена строителя храма, Шарлотта Ивановна Ребиндеръ, лютеранскаго вѣроисповѣданія, погребена Невельскаго уѣзда, въ имѣніи Дорожкинѣ, г. фонъ-Дуве, при лютеранской киркѣ.

По исповѣдной вѣдомости за 1806 г. видно, что въ семействѣ Ив. Ив. Михельсона, кромѣ сына Григорія и дочери Екатерины, была еще дочь старшая Елена [1]). Преданія мѣстныя гласятъ, что Елена Михельсонъ была красавица, отлично образована, но нѣмая; она была сдѣлана фрейлиною; многіе искали ея руки, но медики сказали ей, что если она выйдетъ замужъ, то умретъ при первыхъ-же родахъ. До 38 лѣтъ Елена Ивановна была дѣвицей, но

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія о лицахъ фамиліи генерала Михельсона дополняютъ данныя „Русской Родословной книги" кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, наше изданіе, Спб., 1873 г., томъ I, стр. 234—235. Ред.

тутъ вышла за вдовца, барона Петра Карловича Розена и на другой-же годъ замужества, въ 1819 г., умерла въ Спб., разрѣшившись мертвымъ младенцемъ.

Какъ сказано выше, имѣніе Иваново, со смертью его владѣтеля Ив. Ив., начинаетъ падать и, благодаря особенному умѣнью и безпутной жизни сына Ивана Ивановича Михельсона, Григорія, въ десять лѣтъ все было прожито, и самое имѣніе, съ землями и крестьянами, перешло въ казну. Сынъ Григорій сдѣлалъ все для крушенія благосостоянія, оставленнаго отцомъ. Говорятъ, онъ дѣлалъ формальные набѣги на Великіе-Луки, причемъ пускалъ въ ходъ даже дарованныя отцу пушки; лѣтомъ усыпалъ путь до Невеля солью, скупая послѣднюю въ городѣ всю, оставляя жителей безъ этой необходимой потребности, и ѣздилъ лѣтомъ по соли на саняхъ, какъ-бы зимою по снѣгу. Преданіе гласитъ, что Григорій Михельсонъ былъ крестникомъ императрицы Екатерины II и тѣмъ будто-бы избѣгалъ отвѣта за свои кутежи; вообще дѣлалъ онъ все, чтобы не оставить послѣ себя ничего отцовскаго. Дѣйствительно, тотчасъ послѣ смерти Григорія Ив. Михельсона, 1817 г. 16 ноября, имѣніе переходитъ въ казну за долги, часть построекъ въ селѣ Ивановѣ продана съ аукціона, часть разрушилась сама собою; сада въ настоящее время не существуетъ [1]). Съ 1859 г. въ с. Ивановѣ образовалось лѣсничество, а земля подъ бывшимъ селомъ отведена въ надѣлъ лѣсничимъ; часть земли продана, часть отведена крестьянамъ, также подъ церковный причтъ, а изъ лѣса составилась Ивано-Стефановская лѣсная дача; такъ что въ настоящее время здѣсь одинъ лишь живой свидѣтель прежняго богатства помѣстья знаменитаго полководца и помѣщика—храмъ Божій.

Прежде чѣмъ привести выдержку объ этомъ величественномъ памятникѣ изъ записки мѣстнаго священника, приведу дословно не безъинтересную запись о смерти Григорія Ивановича Михельсона:

— „1817 г. ноября 16-го дня Ивановскій помѣщикъ двора его императорскаго величества камеръ-юнкеръ, Кавалергардскаго полка въ отставкѣ порутчикъ и орденовъ Малтійскаго креста и орденовъ св. Станислава и бронзовой медали (пожалованной) дворянству за 1812 г. кавалеръ—сынъ ктитора Ивановской церкви, генералъ-отъ-кавалеріи и разныхъ орденовъ кавалера Ивана Ивановича Михельсона, Григорій Ивановичъ Михельсонъ, съ четвертка на пятницу, сего ноября

---

[1]) Въ 1819 году село Иваново, если вѣрить покойному Руфу Игнатьеву, куплено было отъ казны генералъ-лейтенантомъ А. Л. Воиновымъ или только онъ хотѣлъ купить, но въ 1826 году с. Иваново было уже въ опекѣ и въ 1830 году перешло въ казну.

съ 15 на 16 число въ ночи, въ половинѣ перваго часа пополуночи, съ примѣрнѣйшимъ по христіанской должности приготовленіемъ и Св. Таинъ напутствованіемъ, и съ крайнимъ до послѣдней минуты жизни къ Богу и вѣрѣ усердіемъ и душевнымъ сожалѣніемъ и раскаяніемъ о своихъ противъ Бога проступкахъ, въ Ивановѣ, въ своемъ домѣ, по 14 недѣльной продолжавшейся болѣзни, по прощаніи съ родными и пріятелями, положа знакъ честнаго креста на себя, на моихъ рукахъ скончался (26½ отъ роду), и 22 числа сего-же мѣсяца, по отпѣваніи соборомъ въ Ивановской церкви литургіи и послѣ оной погребенія по немъ при многочисленномъ духовенствѣ и большой публикѣ, въ погребѣ подъ Ивановскою церковію, вмѣстѣ съ родителемъ его и сестрой, гробъ съ тѣломъ его внесенъ и поставленъ, и потомъ шести-недѣльный по немъ справленъ сорокоустъ мною отправленъ. Къ сему даруй Господи Боже Царствіе небесное. Священникъ Іосифъ Сикорскій“ [1]).

Предполагаютъ, что этотъ Іоанно-Предтеченскій величественный храмъ въ селѣ Ивановѣ сооруженъ Иваномъ Ивановичемъ Михельсономъ по случаю обращенія его, Михельсона, изъ лютеранства въ православіе, причемъ имъ исходатайствовано высочайшее разрѣшеніе устроить и отдѣльный приходъ. Неизвѣстно, съ благословенія какого архіерея приступлено къ постройкѣ храма, но надо полагать, что съ благословенія Анастасія, архіепископа могилевскаго и витебскаго, такъ какъ въ верхней церкви въ настоящее время находится св. антиминсъ, священнодѣйствованный симъ архіепископомъ въ 1802 году.

Церковь каменная во имя Рождества св. Іоанна Предтечи, съ придѣломъ на верху во имя св. великомученицы Екатерины, длиною 13 саж., шириною 6 саж. 2 арш., съ погребомъ подъ алтаремъ (гдѣ, какъ сказано выше, покоится строитель храма съ сыномъ и дочерью) на гранитномъ цоколѣ; съ передняго входа (западная сторона) и двухъ сторонъ крыльцами изъ путиловской плиты, на крыльцахъ по двѣ іонійскихъ колонны (всего 18 колоннъ); надъ дверьми, съ сѣвернаго входа, на черной доскѣ золоченая надпись: „1805 года“.

---

[1]) Священникъ Іосифъ Сикорскій погребенъ въ оградѣ храма. Преемникомъ ему съ 1855 г. былъ священникъ Константинъ Серебрянниковъ, нынѣ также покойный. Въ церковной оградѣ, по сообщенію 1876 г. о. Константина Серебрянникова, погребены также: дворянинъ Матленъ и побочный сынъ Григорія Михельсона—Михаилъ Эльсонъ, художникъ, умершій въ Невелѣ. Мать его Евдокія Калинична, нынѣ также покоящаяся въ церковной оградѣ, въ августѣ 1876 года была еще жива въ Невелѣ.

Ред.

Храмъ покрытъ восьмигранным куполомъ и четыреугольною колокольнею; оканчивается куполъ круглымъ постаментомъ, съ четыреконечнымъ крестомъ и сіяніемъ; колокольня также вѣнчается постаментомъ, яблокомъ и крестомъ; все это изъ отполированной красной мѣди, вызолочено черезъ огонь червоннымъ золотомъ. Кромѣ внѣшняго, весьма благовиднаго фасада, въ церкви замѣчательна внутренняя отдѣлка лѣпною работою, паркетный изъ разноцвѣтнаго фанера полъ и цѣнныя вещи. Планъ церкви крестообразный. Притворъ съ церковью раздѣляются восемью колоннами, съ капителями дорическаго ордена; отсюда (въ сѣверной сторонѣ) ведетъ круглая лѣстница въ верхнюю церковь. Въ самой церкви передняя и двѣ боковыя арки поддерживаются 12-ю колоннами дорическаго ордена. Въ церкви, надъ дверьми въ алтарѣ и окнами въ притворѣ, лѣпные кронштейны, карнизы, арки и всѣ принадлежности лѣпной работы во фризѣ фамильной росписаны мраморомъ. Иконостасъ, раздѣляющій церковь отъ алтаря, состоитъ всего только изъ нѣсколькихъ иконъ, низкій, и надо думать, сдѣланъ такъ для того, чтобы не закрывать сѣней надъ престоломъ. Иконы италіанской живописи — писаны на доскахъ изъ красной мѣди, изъ коихъ каждая вѣситъ 1 пудъ 29 фунтовъ $78^1/_2$ золотн. Предъ 4-мя иконостасными иконами: Спасителя, Божьей Матери, св. Іоанна Предтечи и св. Николая Чудотворца, а равно въ алтарѣ предъ запрестольной—лампады чеканной работы, серебряныя, 84-й пробы, вѣсомъ каждая 7 ф. 87 зол. Кромѣ этихъ иконъ, есть еще довольно цѣнныя, какъ напр. образъ, списанный съ чудотворной иконы Знаменія Курскія Богоматери, очень древній образъ Спасителя въ верхней церкви. Есть много иконъ въ серебряныхъ ризахъ и окладахъ.

Изъ утвари весьма цѣнны: Св. Евангеліе большаго формата, обложенное чеканной работы серебряными вызолоченными таблицами 84 пробы, вѣсомъ 20 ф. 45 зол.; напрестольный крестъ, тоже серебряный вызолоченный, вѣсомъ 2 ф. 65 зол.; весьма также красивъ и цѣненъ ковчегъ на св. престолѣ—вѣсомъ 7 ф. и 75 зол.; два потира съ приборами серебряными, изъ которыхъ бо́льшій вѣсомъ 5 ф. 26 зол. Ризница также хотя немногосложна, но отличается цѣнностію и изяществомъ. Церковь окружена каменною съ деревянными промежутками оградою, мѣрою 105 саженъ въ окружности, и въ рядъ съ оградою насажены липы.

Въ 1878 г. этотъ храмъ, памятникъ Михельсону подвергся нападенію воровъ изъ г. Динабурга, въ числѣ пяти человѣкъ, которые, разломавъ трое дверей (замковъ) въ притворъ, изъ четвертыхъ

вышибивъ стеклянную шибу, пробрались въ церковь и, разломавъ всѣ замки, похитили какъ церковныя деньги, такъ и всѣ цѣнныя вещи, оставивъ только серебряныя лампады передъ образами, захватили также съ св. престола антиминсъ (воры были раскольники). Благодаря Бога, воры были пойманы въ 50 верстахъ къ городу Полоцку и вещи всѣ, хотя въ исковерканномъ видѣ, у нихъ отобраны.

1887 г. іюня 19-ое останется навсегда памятнымъ и незабвеннымъ въ лѣтописи села Иванова. Въ этотъ день посѣтилъ церковь его императорское высочество великій князь Владиміръ Александровичъ и послѣ посѣщенія приказалъ выслать въ Петербургъ изломанныя ворами вещи для возобновленія, откуда онѣ и были возвращены въ прекрасномъ видѣ по возобновленіи, чѣмъ его высочество принесъ крупную лепту на алтарь храма.

Недалеко отъ церковной ограды находится красивый деревянный домикъ, въ которомъ помѣщается народное училище. Мы его посѣтили; классы еще не начались (12-го августа), но въ немъ мы уже нашли учительницу, питомицу Витебскаго епархіальнаго духовнаго училища, дѣвушку образованную. Училище въ селѣ Иванові находится уже съ 1867-го года.

III.

Невель.

Проѣзжаемъ Невель. Намъ указываютъ на длинный рядъ совершенно новыхъ деревянныхъ домовъ. Въ сотый, быть можетъ, разъ, въ своемъ многовѣковомъ существованіи, Невель выгорѣлъ не такъ еще давно, но пожаръ не способствовалъ къ его украшенію: онъ также грязенъ и кишитъ евреями, которые, увы, удивительное дѣло, продолжаютъ отличаться неряшествомъ и въ костюмахъ, и во всемъ своемъ бытѣ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что сотни, тысячи представителей обоего пола юныхъ поколѣній этого народа съ энергіею, заслуживающею полнѣйшей похвалы, проникаютъ сквозь всѣ замки и запоры въ учебныя заведенія и должны были-бы вносить новыя черты въ бытъ своего народа...

IV.

Витебскъ.

13-го августа.

Выпишемъ изъ записной своей книжки лишь нѣсколько замѣтокъ.

Въ Витебскѣ видѣлъ, у чиновника Вас. Серг. Сафонова, превосходное древнее изображеніе св. Димитрія Ростовскаго; этотъ образъ-портретъ воспроизведенъ въ одномъ изъ извѣстныхъ изданій о Бѣлоруссіи—П. Н. Батюшкова. Образъ сохранился въ фамиліи Лопухиныхъ; бабка г. Сафонова была изъ роду Лопухиныхъ. Г. Сафоновъ — ред. „Витебск. губ. Вѣдомостей"; расходятся эти „Вѣдомости" въ 774 экз. и печатаются въ хорошей казенной типографіи.

Посѣтилъ губернаторскій домъ—это бывшій „дворецъ"; здѣсь въ небольшой, въ одно окно, комнатѣ, выходящей на бульваръ, скончался, въ 1831 году, цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Во всемъ домѣ о покойномъ напоминаетъ только большой березовый столъ, на которомъ, по преданію, стоялъ гробъ съ его останками. За этимъ столомъ собираются разныя комиссіи; за нимъ-же трактовалось, въ концѣ 1850-хъ и въ началѣ 1860-хъ годовъ, объ освобожденіи бѣлорусскаго крестьянина отъ крѣпостнаго ига. Изъ дома-дворца прекрасный видъ, между прочимъ, на за-Двинье.

У вице-губернатора, дѣйств. ст. сов. Депрерадовича, принявшаго насъ весьма любезно, видѣли мы интересные живописные портреты его предковъ—Хорватъ и Депрерадовичей, съ честью служившихъ своему новому отечеству—Россіи (они были выходцы изъ Сербіи).

Въ Витебскѣ центральный архивъ древне-юридическихъ актовъ (XVII—XVIII вв.) и архивъ губернскаго правленія помѣщаются въ одномъ изъ упраздненныхъ костеловъ. Подъ навѣсомъ, у входа храма-архива, насъ встрѣтила превосходная, весьма породистая, громадная свинья; счастливый обладатель ея—сторожъ архива.

Витебскій центральный архивъ издаетъ свои акты на грубой бумагѣ, сѣро, бѣдно, безъ перевода, съ указателемъ не вполнѣ исправнымъ. Изданіе начато въ 1871 году подъ заглавіемъ: „Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской. Изд. архиваріусъ Сазоновъ". Выпускъ первый выпущенъ въ Витебскѣ въ 1871 г., въ 4 д., Михаиломъ Алексѣевичемъ Сазоновымъ. Въ бытность нашу въ

1886 году въ Витебскѣ, мы еще застали въ живыхъ престарѣлаго г. Сазонова; онъ затѣмъ умеръ 80-ти-лѣтнимъ старцемъ.

Основаніе центральнаго архива въ Витебскѣ положено въ 1852 г., переписка о немъ тянулась до 1862 года, открытіе состоялось въ 1863 году.

Историко-юридическіе акты этого архива въ 1871 г. состояли изъ 1823 книгъ, изъ нихъ 956 — города Витебска и 867 книгъ Могилева. Акты Витебска относятся къ 1592—1784 годамъ, Могилевскіе идутъ съ 1679 до 1780 гг.

Масса архивныхъ дѣлъ погибла въ Витебскѣ въ 1812 году.

Въ 1890 г. вышелъ двадцатый выпускъ актовъ; послѣдніе три выпуска вышли подъ редакціей мѣстнаго чиновника Мих. Лавр. Веревкина.

Начальникомъ губерніи—кн. Долгоруковъ; мы его не застали въ Витебскѣ, онъ былъ въ отпуску, за границею.

Какъ представителю исторической древней фамиліи—кн. Долгорукову подобало-бы озаботиться учрежденіемъ въ Витебскѣ архивной ученой комиссіи. Она послужила-бы хорошимъ оплотомъ русскаго величія и значенія въ краѣ, въ которомъ католичество и еврейство сильны. Но если великорусскія губерніи все еще бѣдны людьми науки, то бѣлорусскія, при ихъ смѣшанномъ населеніи, еще того бѣднѣе; хотя и то надо сказать, что Витебскъ можетъ гордиться тѣмъ, что въ немъ, въ послѣдніе годы, просвѣщенною энергіею и трудомъ одного изъ учителей мѣстной классической гимназіи — именно статскимъ совѣтн. Алексѣемъ Парѳеновымъ Сапуновымъ, канд. истор.-филолог. факульт. Спб. универс., — издается, и притомъ даже роскошно издается, очень хорошій историко-археологическій сборникъ „Витебская Старина“... Слѣдовательно, была-бы добрая воля, да ясное сознаніе пользы края — и въ Витебскѣ нашлись-бы элементы для учрежденія ученой архивной комиссіи, а тогда и изданіе актовъ могло-бы получить лучшій видъ и по внѣшности и по его редакціи...

V.

Смоленскъ.

14-го августа.

Вы, конечно, помните, что Смоленскъ принадлежитъ къ семьѣ старѣйшихъ городовъ россійскихъ. Славный Несторъ упоминаетъ о немъ, какъ о городѣ, когда говоритъ объ Изборскѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, Ростовѣ, Муромѣ... Какъ и подобаетъ городу IX столѣтія, Смоленскъ взмостился на высокій, высокій берегъ рѣки, а рѣка та— Днѣпръ, одна изъ главныхъ частей великаго воднаго Греческаго пути. Въ эпоху призванія Рюрика, въ каковомъ дѣлѣ, впрочемъ, Смоленскъ не участвовалъ, Смоленскъ былъ городъ большой, вольный, независимый. Его, впрочемъ, легко занялъ Рюрикъ со своими дружинниками, еще легче покорилъ Олегъ, послѣ того, какъ смольяне попытались было выгнать изъ-за своего частокола, изъ-за земляныхъ насыпей ставленниковъ Рюриковыхъ. Ну, а отчего Смоленскъ сталъ называться такъ—самое вѣрное предположеніе состоитъ въ томъ, что названіе пошло отъ смолы, которую обитатели сего града усердно гнали изъ тьмы тьмущей деревъ, издревле окружавшихъ этотъ городъ, да и всю страну прилежащую густымъ боромъ наполнявшихъ. Смольяне гнали смолу, да продавали ее для осмоленія судовъ, а тѣ во множествѣ рѣяли взадъ и впередъ по великому Греческому пути. Вотъ развѣ теперь желѣзныя дороги, пробѣжавшія чрезъ страну, довершатъ въ конецъ смоленскіе лѣса. А городъ былъ очень великъ. Историки его это доказываютъ ссылкою на древность сооруженія нѣсколькихъ церквей въ слободахъ и посадахъ города Смоленска, относя это время къ XII столѣтію, а тѣ церкви, по ихъ соображеніямъ, не могли не быть во время оно въ чертѣ города, а не внѣ его, какъ то видимъ теперь. Фактъ, впрочемъ, доказанный, что Смоленскъ еще въ IX вѣкѣ былъ такъ богатъ и люденъ, что высылалъ корабли съ товарами въ самую Византію. О величинѣ древняго города даетъ и теперь понятіе замѣчательно обширный Кремль, больше всѣхъ намъ извѣстныхъ Кремлей, какъ-то: московскаго, псковскаго, нижегородскаго и другихъ. До конца XVI вѣка смоленскій Кремль состоялъ изъ земляныхъ валовъ. Царю Ѳеодору Іоанновичу или, вѣрнѣе, его первому правителю и свойственнику Борису Ѳедоровичу Годунову принадлежитъ мысль замѣнить земляную насыпь каменною стѣною. И вотъ,

въ декабрѣ 1595 г., князю Василію Звенигородскому, Семену Безобразову, да двумъ дьякамъ, да городовому мастеру Ѳедору Савельеву Коню приказъ отправиться въ Смоленскъ и перво на перво всѣ принадлежавшіе монастырямъ и частнымъ лицамъ въ городѣ и уѣздѣ кирпичные заводы отписать въ казну, да отыскать удобныя мѣста для постройки вновь заводовъ и для добыванія извести и бутоваго камня, а потребныя для фундамента стѣнъ сваи вывезти къ веснѣ 1596 г. дворцовымъ селамъ Смоленскаго уѣзда. Наряжены были для всего этого дѣла цѣловальники, да боярскія дѣти, да послана казна отъ царя, и начато то дѣло съ благословенія смоленскаго архіепископа Ѳеодосія, на Рождество Христово 1595 г., а въ 1596 г. на то великое строеніе прибылъ самъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ и назначилъ мѣста для рвовъ, стѣнъ и башенъ новой крѣпости. Извѣстно изъ исторіи, какъ Годуновъ, умѣлъ красотою и живописностью Смоленска, повѣдалъ царю Ѳеодору, что Смоленскъ будетъ ожерельемъ Россіи; вѣдомо изъ той-же исторіи и то, какъ князь Трубецкой на тѣ слова Бориса Ѳедоровича сказалъ:

— „Смотри, какъ-бы не завелись въ томъ ожерельѣ такія насѣкомыя, которыхъ мы не скоро выживемъ".

Для сооруженія стѣны царь выслалъ каменьщиковъ изъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ городовъ. Постройка быстро пошла, и въ 4 года „ожерелье" на пространствѣ 5-ти верстъ и 80 саженъ обтянуло городъ Смоленскъ. Тридцать шесть башенъ, съ бойницами и зубцами, увѣряютъ, будто мѣстами въ два ряда, укрѣпили это „ожерелье". Вышина стѣны была отъ 5-ти до 7, толщина въ $2^1/_2$ сажени. Фундаментъ, глубиною до $4^1/_2$ и болѣе аршинъ, устроенъ изъ лыжнаго камня по глинѣ и извести—по отзыву техниковъ устроенъ весьма прочно; самая стѣна внутри на высоту до $^1/_3$ изъ булыжнаго камня на известковомъ растворѣ, а остальная часть изъ кирпича съ обѣихъ сторонъ облицована камнемъ отъ 3 до 20 рядовъ. Камень привозили зачастую болѣе, чѣмъ за 300 верстъ отъ Смоленска, а известь выжигали верстъ за 200 отъ него. Громадные земляные валы, бывшіе до постройки стѣны, вошли въ составъ крѣпости; въ нее вели 9 воротъ. Постройка стѣнъ, приведенныхъ въ порядокъ въ концѣ XVII-го вѣка, по указу царей Іоанна и Петра, до того была прочна и хороша, что, не смотря на нѣсколько и весьма продолжительныхъ осадъ города, (напр. поляками съ сент. 1609 г. по іюнь 1611 г.), на обстрѣлъ стѣнъ каменными и чугунными снарядами, стѣна стояла такъ прочно, что до 1812 года на всемъ ея протяженіи

совершались крестные ходы, а кирпичъ до того хорошъ, что всѣ попытки дѣлать подобный нынѣ оставались безуспѣшными [1]).

Красивъ, очень красивъ Смоленскъ и понынѣ, съ своими церквами, Авраміевымъ монастыремъ, съ каменнымъ городомъ, взмостившимся на весьма высокую гору, съ своими холмами и буграми, перерѣзанными весьма глубокими балками, а самымъ главнымъ украшеніемъ его все-таки служитъ его стѣна, а не Днѣпръ, извилистый и чуть-чуть мѣстами не пересохшій.

Стѣна уцѣлѣла не болѣе какъ въ отрывкахъ, съ проломами, да перерывами, не столько непріятелемъ, сколько невѣжествомъ и корыстью обывателей, да представителями мѣстной власти стараго времени произведенными. Изъ 36 башенъ, нѣкогда поддерживавшихъ крѣпость и придававшихъ ей грозный и величественный видъ, уцѣлѣло только 17. Вотъ названія уцѣлѣвшихъ башенъ,—беремъ изъ исторіи Смоленска,—южныя: 1) Бублейка, 2) Громовая, 3) Донецъ, 4) Маховая, 5) Брикарева, 6) Никольская, 7) Зимбулка, 8) Шембелка; восточныя: 9) Воронова, 10) Бѣлуха, 11) Авраміевская, 12) Орелъ, 13) Роговка, 14) Веселуха; сѣверо-восточная: 15) Стрѣла, и западныя: 16) Гуркина и 17) Копытинская [2]).

Остальныя башни подверглись слѣдующей участи: Круглая большая башня разрушена въ 1611 году Сигизмундомъ III; Водяная четырехъ-угольная взлетѣла на воздухъ въ 1722 году по неосторожности пушкаря; 11 башенъ взорваны французами въ 1812 г., а 6 башенъ разобраны, какъ гласитъ исторія Смоленска, по случаю совершенной ветхости, а вѣрнѣе сказать – растасканы по камнямъ и кирпичамъ гражданами, духовенствомъ, да по распоряженіямъ мѣстныхъ властей на различныя городскія, церковныя и обывательскія потребы.

Живо заинтересовала насъ, по пріѣздѣ нашемъ въ Смоленскъ, эта стѣна. Мы отправились къ начальнику губерніи, почтенному Василію Осиповичу Сосновскому, за содѣйствіемъ къ ознакомленію

---

[1]) Камень для облицовки доставлялся, между прочимъ, изъ города Старицы, нынѣ Тверской губерніи; кирпичъ имѣетъ размѣръ больше нынѣшняго, именно до 7¹/₄, толщ. 1³/₄ и ширины 3¹/₂ вершка, вида совершенно краснаго; качество и прочность его необыкновенно хороши, такъ что подобнаго кирпича не встрѣчается; растворъ изъ извести кипѣлки и песку крупнаго хрящеватаго тоже необыкновенно крѣпокъ. Стѣна была оштукатурена слоемъ извести; для отведенія воды были лотки изъ камня. (Изъ записки К. Я. Маевскаго, 1868 г.).

[2]) См. книгу: „Исторія города Смоленска“, соч. П. Никитина, 1847 г., Москва, изд. 1848 г., стр. 127.

меня съ этою, мало сказать, достопримѣчательностью, но святынею города Смоленска. Василій Осиповичъ—предсѣдатель „комиссіи по сохраненію и приведенію въ безопасное состояніе“ этой святыни. Онъ принялъ насъ весьма любезно и радушно и командировалъ къ намъ архитектора, подъ ближайшимъ руководствомъ котораго производятся означенныя работы. Юліанъ Юльевичъ Коноплянскій оказался молодымъ человѣкомъ, лѣтъ 26-ти, сыномъ давняго моего однокашника генерала Коноплянскаго. Архитекторъ этотъ окончилъ курсъ съ отличіемъ въ 1888 году въ императорской академіи художествъ и въ 1889-мъ году назначенъ сюда отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ распоряженіе помянутой комиссіи для „приведенія въ безопасное состояніе стѣнъ города Смоленска“, подъ высшимъ руководствомъ и для исполненія указаній академика архитектуры тайнаго сов. К. Я. Маевскаго. Коноплянскій — молодой человѣкъ свѣдущъ, энергиченъ и, повидимому, въ немъ вполнѣ еще свѣжи всѣ добрыя традиціи, вынесенныя изъ учебнаго заведенія, традиціи, которыя, какъ извѣстно, у многихъ гг. архитекторовъ и инженеровъ какъ-то особенно скоро выдыхаются. Ему лишь надо поближе ознакомиться и, по возможности, по первоисточникамъ, съ исторіей того города, на стѣнахъ котораго ему выпала такая прекрасная и для многихъ его сверстниковъ по академіи, конечно, завидная работа. Въ сопровожденіи г. Коноплянскаго, мы осмотрѣли главнѣйшія части великолѣпнаго сооруженія Бориса Ѳедоровича Годунова. Что за прелесть! Что за красота! и ни мало не умаляется эта красота отъ того, что толпа рабочихъ на этихъ стѣнахъ и башняхъ суть арестанты. Они бодро, весело и съ безстрашіемъ русскаго крестьянина таскаютъ камни на высоту, висятъ на утлыхъ дощечкахъ и люлькахъ штукатуровъ подъ карнизами башенъ на громадной высотѣ, распѣвая пѣсни, льютъ цементъ въ змѣеобразныя расщелины каменныхъ твердынь трехъ-вѣковыхъ.

Но, позвольте, разскажемъ исторійку, какъ дошли, наконецъ, до мысли о сохраненіи и поддержкѣ этого историческаго памятника. Исторія эта довольно обыкновенная на Руси, гдѣ все дѣлалось, конечно въ старину, какъ говорится, изъ кулька въ рогожку, больно ужъ неторопливо—шагъ впередъ, два шага назадъ.

Начинается дѣло съ того, что стѣна передается изъ одного вѣдомства въ другое; это дѣлается тѣмъ легче, что на нее, т. е. на ея береженіе, не отпускалось суммъ. О, будь при ней сумма, стѣна крѣпко-бы стояла въ одномъ и томъ-же вѣдомствѣ, а то вотъ, поди-жъ, до 1844 г. она въ военномъ вѣдомствѣ, а съ 1844 г. перевалили ея въ гражданское съ тѣмъ, чтобы „башни прис-

Стѣна въ Смоленскѣ до возстановленія [пятницкій ручей].

бить подъ склады и помѣщенія для сторожей, оберегающихъ стѣну [1]). Ни то, ни другое вѣдомство не блюдутъ ее, да приговариваютъ, что стѣна ветшаетъ, что по волѣ императора Павла у ея подошвы вырыты глубокіе рвы, стѣна-де во многихъ мѣстахъ наклонилась и въ нѣкоторыхъ башняхъ образовались тѣмъ скорѣе трещины. Стали думать, какъ поддержать стѣну. Начались предположенія и писанія въ 1845 году; предполагали, да писали безъ малаго 20 лѣтъ. Стѣна вышла изъ терпѣнія, и въ маѣ 1862 г., на пространствѣ саженъ 10-ти, рухнула. Пишетъ губернаторъ Арсеньевъ: „Позвольте-де разобрать стѣну, а какъ памятникъ древности довольно сохранить 12 башенъ (изъ существовавшихъ еще въ 1864 году 23-хъ башенъ), да частицу стѣны вблизи губернаторскаго дома". Въ 1865 году уже остается только 20 башенъ. Между тѣмъ продолжается переписка о томъ, что̀ дѣлать со стѣною. Пишутъ два года, строительная комиссія соображаетъ, рѣшаются сберечь 16 башенъ, да тѣ части стѣны, которыя не угрожаютъ паденіемъ. Идутъ соображенія въ Петербургъ; тамъ министерство отписываетъ въ главное управленіе путей сообщенія; главное управленіе направляетъ все дѣло обратно въ Смоленскъ: не возьметъ-ли-де городъ поддержку хотя части своей стѣны? Куда тутъ! Горожане тогда еще не дозрѣли до сознанія важности охраны историческихъ памятниковъ, составляющихъ гордость, славу и украшеніе роднаго города; растаскивать этотъ памятникъ по камушкамъ на свои потребы, о, это другое дѣло! Это можно и не пройдя курсъ отечественной исторіи даже въ уѣздномъ училищѣ, ну, а расходоваться на сбереженіе, да возобновленіе родной старины, нѣтъ, ужъ слуга покорный. Ну и завопили: „Это-де не наше дѣло!" Проходитъ два года, пишутъ изъ Спб. губернатору: „удостовѣртесь, молъ, ваше превосходительство, впрямь-ли стѣны ветхи послѣ 300 лѣтъ стоянки, грозятъ-ли совершенно упасть или лишь мѣстами рухнутъ, да навѣдайтесь у дворянства или у купечества не поддержатъ-ли стѣну, вѣдь, памятникъ-то историческій", — такъ прямо и пишутъ. Проходитъ годъ, обыватель продолжаетъ тащить да тащить кирпичи да камни, и изъ стѣны нѣкогда болѣе пяти-верстной длины остается въ 1867 году лишь 1,820 саж. По осмотрѣ утверждаютъ, что требуется исправить изъ нихъ 907, а ветхи и угрожаютъ паденіемъ 530 саж., да 3 башни сильно ветхи, и вотъ добиваются особаго повелѣнія, отъ 20-го іюля 1867 г., разобрать 530 саж. стѣны, да

[1]) Въ 1850 г. три изъ башенъ начальникъ губерніи приспособилъ подъ архивъ, при чемъ позволилъ себѣ измѣнить наружный ихъ видъ. Императоръ Николай написалъ противъ этого въ отчетѣ губернатора: „Что такое?"

М. С.

три башни и продать весь матеріалъ, а что выручится, употребить на поддержку остальныхъ частей. Грустное распоряженіе, вотъ до чего дописались! Но, слава Богу, на этотъ разъ неторопливость, столь обычная у насъ при исполненіи, спасла дѣло. Прошелъ годъ—едва лишь разобрали 30 саженъ стѣны, какъ послѣдовало, 11-го іюня 1868 г., высочайшее повелѣніе пріостановиться дальнѣйшимъ уничтоженіемъ этого памятника. Истинно незабвенный государь Александръ Николаевичъ начерталъ по сему дѣлу на докладѣ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 7-го іюня 1868 г., слѣдующія достопамятныя строки:

— „Смоленская городская стѣна, представляющая собою одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ отечественной исторіи, назначена къ сломкѣ. Было-бы желательно болѣе внимательное охраненіе древнихъ памятниковъ, имѣющихъ, подобно Смоленской стѣнѣ, особое историческое значеніе".

Таковое, полное высокаго значенія, указаніе государя Александра II состоялось, какъ надо полагать, вслѣдствіе письма извѣстнаго ревнителя церкви и святой старины Андрея Николаевича Муравьева. Онъ имѣлъ случай посѣтить Смоленскъ и тамъ на мѣстѣ увидѣлъ, съ каковою энергіею, заслуживающею лучшаго дѣла, начальникъ губерніи Бороздна хлопоталъ о разрушеніи и распродажѣ Смоленской стѣны, для потребы строившейся тогда московско-смоленской желѣзной дороги, для которой и было продано имъ, Бороздной, на 7,000 р. камней и кирпичу изъ обваливающейся (читай: умышленно тогда разрушаемой) исторической стѣны!

По высочайшей волѣ, бывшій тогда министръ внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашевъ командировалъ для осмотра стѣнъ Смоленска академика архитектуры К. Я. Маевскаго; тотъ осмотрѣлъ стѣны во всей подробности и представилъ самый обстоятельный объ ихъ положеніи рапортъ отъ 16-го іюля 1868 г.

Изъ этого рапорта оказалось, что самыя тяжкія поврежденія стѣны были произведены не непріятелемъ, а мирными обывателями Смоленска, объявившими многолѣтнюю и самую безжалостную войну своей нѣкогда оборонительницѣ—стѣнѣ-матушкѣ... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр.,стѣна оказывалась разобранною до цоколя саженей на сто пятьдесятъ въ длину,—и именно на отстройку домовъ, якобы поврежденныхъ еще въ 1812 г.; въ иныхъ мѣстахъ, по распоряженію мѣстной власти, выбранъ даже цоколь съ фундаментомъ. Въ тѣхъ-же частяхъ стѣны, которыя уцѣлѣли отъ хищничества мѣстной власти и обывателей, К. Я. Маевскій находилъ, что по-

врежденіе заключается лишь въ облицованныхъ слояхъ кирпича, главная-же масса совершенно прочна, и что вообще всю эту часть стѣнъ легко привести въ первоначальное прочное положеніе, дѣлая это исподволь, въ продолженіе 30 лѣтъ, съ ежегоднымъ ассигнованіемъ на эти работы скромной суммы въ 2,500 руб., и „такимъ образомъ, писалъ почтенный зодчій,—возможно будетъ, безъ большихъ затратъ, привести стѣну въ такое положеніе, что этотъ древне-историческій памятникъ и украшеніе города сохранится опять на столѣтія". К. Я. Маевскій настоятельно утверждалъ, что ни разломки стѣны, ни продажи ея матеріала допускать отнюдь не слѣдуетъ, что въ противномъ случаѣ „исчезнетъ стѣна, служащая украшеніемъ города и памятникомъ древности, да и денегъ не будетъ, такъ какъ при отсутствіи въ городѣ большихъ сооруженій — цѣнность строительнаго матеріала невелика". Предлагая исправлять постепенно стѣну, уважаемый академикъ писалъ, что „исправлять одну часть стѣны на счетъ уничтоженія другой—не раціонально, да и предположенная мѣстнымъ начальствомъ разломка этихъ частей можетъ быть поводомъ къ поврежденію частей остающихся".

Предлагая затѣмъ рядъ мѣръ къ сохраненію стѣнъ и приведенію ихъ въ безопасное состояніе, К. Я. Маевскій тогда-же, въ своемъ рапортѣ, предлагалъ: „воспретить самымъ строгимъ образомъ разборку стѣнъ и окружающихъ валовъ. Башни приспособлять подъ архивы полезно, но не слѣдуетъ при этомъ измѣнять вида башенъ и первоначальный характеръ, какъ то было сдѣлано въ приспособленныхъ подъ архивы (губернскаго правленія), гдѣ амбразуры съ наружной обдѣлкой выломаны и устроены весьма некрасивыя окна..."

Представленіе съ предположеніями и указаніями академика К. Я. Маевскаго были повергнуты министерствомъ внутреннихъ дѣлъ на высочайшее воззрѣніе и тогда-же высочайше повелѣно министерству войти въ ближайшее соображеніе о средствахъ, на которыя могутъ быть отнесены издержки по исправленію Смоленской стѣны.

Думали да гадали, кому и какъ охранять такой памятникъ? Мы видѣли: военное вѣдомство отпихнуло его отъ себя, гражданское предлагало сохранить лишь лоскутокъ, дабы водить смотрѣть на него губернаторскихъ гостей. Горожане отступились отъ стѣны; дворянство да купечество знать ея не хотятъ, и вотъ комитетъ министровъ, вспомнивъ о земствѣ, 25-го апрѣля 1869 года передаетъ стѣну въ хозяйственное его завѣдываніе. Какъ-бы захозяйничали земцы въ области охраны историческаго памятника—сказать трудно, а думается, что если-бы не высочайшее повелѣніе не трогать стѣны, разобрали-бы ее матушку, обагренную русскою, литовско-польскою

и всѣхъ двунадесяти языковъ кровью стѣну по камушкамъ, да выстроили-бы больницу, богадѣльню, домъ для умалишенныхъ, либо домъ для городской управы,—ну, что-жъ, все дѣло, дѣйствительно, доброе, да хорошее, ну, а ужъ богинѣ исторіи пришлось-бы, закрывъ лицо руками, оставить съ грустью городъ Смоленскъ. Тѣмъ не менѣе, въ вѣдѣніи у земства сначала было стѣнѣ какъ бы повезло: 25 февраля 1869 г. губернское земство ассигновало по 2,500 р. къ ежегодному отпуску на исправленіе стѣны, но уже въ 1871 г. то же земство, прежде чѣмъ приступлено было къ работамъ, отказалось отъ ассигнованія какой-либо суммы на этотъ предметъ и вошло съ ходатайствомъ объ открытіи подписки по всей имперіи въ пользу охраны стѣны Смоленской. Это, молъ, гораздо сподручнѣе.

Правительство, однако, на устроеніе всеобщей подписки не согласилось и выразило готовность взять стѣну смоленскую на государственную казну. Тогда же выступаетъ императорское московское археологическое общество. Въ маѣ 1876 года его предсѣдатель, покойный графъ А. А. Уваровъ, пріѣзжаетъ для осмотра стѣны и привозитъ архитектора-археолога Артлебена. Тотъ выработалъ смѣту до 135-ти тысячъ рублей на возобновленіе стѣны, затянулъ дѣло со смѣтами и планами до 1882 г. и умеръ.

Въ дальнѣйшіе годы мы только и видимъ, что то земство, то бывшій тогда губернаторъ, то городское управленіе только и хлопочатъ, чтобы, въ отмѣну бывшаго высочайшаго повелѣнія, было дозволено разобрать, да продать, либо на общественную потребу употребить—то ту, то другую часть стѣны въ виду того, что стѣна якобы рушится; но рушились стѣны потому, что изъ-подъ нихъ такъ-таки умышленно выламывали фундаментъ. Крестьяне одной изъ сосѣднихъ деревень даже составили изъ этого для себя спеціальную и весьма искусную работу и этими работниками многіе пользовались. Прямо воровски подрывались подъ стѣну, выволакивали изъ-подъ амбразуръ—камни изъ бута, большею частью въ зимнія ночи 1885—1886 гг.; словомъ, хищникъ-обыватель, при полномъ сочувствіи мѣстной власти, велъ упорную борьбу разрушенія. Мало того, на счетъ останковъ этой исторической стѣны шла тогда-же, въ 1885—1886 гг., упорная борьба между земской и городской управами; каждая изъ нихъ наровила въ свою пользу исхитить куски изъ исторической стѣны...

Въ 1886 году министерство внутр. дѣлъ вновь командировало академика архитектуры К. Я. Маевскаго для окончательнаго выясненія на мѣстѣ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, относящагося до смоленской стѣны... И вотъ въ концѣ концовъ его рапортовъ и подробной

записки [1]) послѣдовало въ 1888 г. высочайшее повелѣніе, въ силу котораго, между прочимъ, „существующія въ городѣ Смоленскѣ древнія крѣпостныя сооруженія изъяты изъ вѣдѣнія мѣстнаго губернскаго земства и переданы въ непосредственное завѣдываніе губернатора, причемъ охрана, надзоръ и приведеніе этихъ сооруженій въ безопасное положеніе" возложены на особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ губернатора, составленную изъ представителей министерствъ, города, земства и двухъ техниковъ. По тому-же высочайшему повелѣнію „императорской археологической комиссіи предоставляется командировать, на свои средства, для участія въ занятіяхъ означенной комиссіи, одного изъ своихъ членовъ, а также, въ случаѣ надобности, и другихъ лицъ по ея усмотрѣнію". Отпускъ суммъ на необходимыя работы по исправленію стѣны возложенъ на государственное казначейство, а инженеръ-архитекторъ тайный совѣтникъ К. Я. Маевскій введенъ въ составъ помянутой комиссіи. Деньги ассигнованы съ 1-го января 1888 года на 30 лѣтъ, съ отпускомъ по 4 тысячи рублей въ годъ и единовременно 18 тысячъ, причемъ въ распоряженіе комиссіи обращены „имѣющіеся въ наличности и могущіе получиться при производствѣ ремонтныхъ работъ матеріалы, а равно и суммы, вырученныя отъ продажи сихъ матеріаловъ".

Такъ завершился высочайшимъ повелѣніемъ 10 іюля 1888 года и высочайше утвержденнымъ 27-го декабря 1888 года мнѣніемъ государственнаго совѣта почти полувѣковой періодъ переписокъ и отписокъ по вопросу о сохраненіи одного изъ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ памятниковъ въ предѣлахъ нашего дорогаго отечества. Сумма издержекъ на этотъ предметъ исчислена въ 141,410 рублей. Періодъ работъ, какъ сказано выше, опредѣленъ въ 30 лѣтъ. Къ маю мѣсяцу 1889 года, когда было приступлено къ работамъ, общая длина уцѣлѣвшихъ частей стѣны, за исключеніемъ земляныхъ бастіоновъ и башенъ, составляла 3 версты 317 саженъ.

---

[1]) Мы прочли первую часть этой записки. Это обширный и весьма интересный трудъ: „Описаніе Смоленской стѣны съ башнями въ существующемъ ихъ видѣ, сент. 1886 г." (рукопись in folio, 123 полулиста), съ 77-ю рисунками, искусно выполненными тушью и акварелью. Крайне желательно, дабы смоленское земство или городское управленіе издало бы своимъ иждивеніемъ эту замѣчательную работу академика К. Я. Маевскаго и тѣмъ бы нѣсколько искупило предъ обществомъ свое странное, чтобы не сказать болѣе, отношеніе къ своей исторической святынѣ—Смоленской стѣнѣ.

М. С.

Цѣль предпринятыхъ работъ заключается въ приведеніи поврежденныхъ частей стѣны въ монолитное состояніе, съ сохраненіемъ безъ всякаго измѣненія прежняго вида стѣны, причемъ необходимые для ремонта матеріалы—кирпичъ и камень—получаются отъ разломки нѣкоторой части стѣны, вблизи Шейнинскаго пролома, длиною около 45-ти саженъ, пришедшей въ столь разрушенное состояніе, что исправленіе ея представляется совершенно невозможнымъ—это говорятъ техники, — но очень жаль и эту часть стѣны уничтожать; не можетъ быть, чтобы нельзя было ее поддержать.

Къ 1-му сентября 1890 года исполнены слѣдующія работы по приведенію Смоленской стѣны въ вполнѣ прочное положеніе: 1) Уничтожена растительность на стѣнѣ со снятіемъ дерна и вывѣтрившагося кирпича, для устраненія разрушительнаго дѣйствія корней, внѣдряющихся въ кирпичную кладку стѣны часто на глубину болѣе 2-хъ аршинъ. 2) Спланирована мѣстность и устроены стоки для отвода воды отъ стѣны, дабы предупредить подмываніе фундаментовъ стѣны и башенъ. 3) Поверхность стѣны покрыта бетоннымъ слоемъ отъ Молоховскихъ воротъ (церковь Благовѣщенія) къ Шейнинскому земляному бастіону съ лотками изъ бѣлаго камня для стока воды; нѣкоторые арки и пилястры этой стѣны облицованы заново, а другіе забросаны цементнымъ и известковымъ растворами съ заливкою трещинъ; амбразуры исправлены, фундаментъ во многихъ мѣстахъ подбученъ вновь, а цоколь частью подлицованъ вновь, а частью закиданъ растворомъ; устроенъ выходъ на стѣну изъ Молоховской башни, съ зубцовъ сняты отставшіе кирпичи и затѣмъ приведены въ монолитное состояніе растворомъ. Исправленъ полуразрушенный проходъ за стѣну чрезъ амбразуру. 4) Покрыта бетономъ поверхность стѣны отъ большаго Казанскаго до малаго Пятницкаго пролома, съ устройствомъ лотковъ, и самая стѣна съ зубцами, фундаментомъ и цоколемъ исправлена такъ-же, какъ и у Молоховскихъ воротъ [1]); кромѣ того, обдѣланы два тычка этой стѣны и черезъ одинъ изъ нихъ устроенъ входъ на стѣну. Труба въ стѣнѣ, черезъ которую протекаетъ Пятницкій ручей, вслѣдствіе размытаго фундамента и совершенно обрушившихся боковыхъ стѣнъ и свода съ постоянно обваливающимся сверху кирпичемъ и камнемъ, угрожала большою опасностью для рабочихъ при возобновленіи ея [2]), но, благодаря

[1]) См. прилагаемый далѣе большой рисунокъ въ гравюрѣ, исполненный съ фотографіи.

[2]) См также прилагаемый далѣе рисунокъ въ гравюрѣ съ фотографіи.

весьма тщательному и правильному устройству подпоръ и постоянному руководству за рабочими, возобновленіе трубы обошлось совершенно благополучно; затѣмъ, по обѣимъ сторонамъ стѣны по руслу ручья забиты сваи, исправлены земляные откосы и вымощены камнемъ точно такъ-же, какъ и русло ручья. 5) Устроенъ бетонъ на поверхности стѣны, идущей отъ землянаго бастіона Королевской крѣпости къ ближайшей башнѣ, съ лотками для стока воды со стѣны. Арки, амбразуры и пилястры нѣкоторые облицованы заново, а другіе, въ мѣстахъ поврежденныхъ закиданы растворомъ и перетерты терками. Зубцы приведены въ монолитное состояніе. Стѣна эта выступаетъ угломъ, къ лицевой сторонѣ, въ немъ была огромная трещина, почему здѣсь и положены желѣзныя связи, а съ наружныхъ сторонъ стѣны трещина расшита кирпичемъ съ заливкою во внутрь цементнаго раствора. Вообще, всѣ поврежденныя части стѣны или подлицованы заново, или-же приведены въ крѣпкое состояніе связывающимъ растворомъ.

Фундаментъ исправленъ и обдѣланъ тычекъ стѣны, выступающій къ Королевской крѣпости съ устройствомъ черезъ него входа на стѣну. 6) Башня четырехъ-угольная, приведена въ безопасное состояніе; она была почти раздѣлена на двѣ части двумя противоположными трещинами во всю толщину стѣны, имѣвшими въ верхней части отверстія до 1 аршина; кромѣ этихъ большихъ трещинъ, стѣны башни испещрены были по всѣмъ направленіямъ разнаго размѣра трещинами, почему башня эта стянута желѣзными связями, большія трещины расшиты кирпичемъ съ заливкою во внутрь цементнаго раствора, а малыя залиты. Фундаментъ, цоколь и стѣны исправлены. На лѣстницахъ большею частію сдѣланы новыя ступени, а старыя исправлены; трещины въ сводахъ надъ лѣстницами залиты цементомъ. Верхній полъ башни покрытъ бетономъ съ поставкою изъ бѣлаго камня лотковъ для стока воды. Зубцы башни приведены въ монолитное состояніе [1]). 7) Другая башня, круглая, точно такъ-же, какъ и вышеуказанная башня, приведена въ безопасное состояніе тѣмъ-же способомъ производства работъ...

Словомъ, какъ видите, работы, начатыя въ 1889 г., ведутся быстро и успѣшно, подъ высшимъ руководствомъ—К. Я. Маевскаго—молодымъ зодчимъ Ю. Ю. Коноплянскимъ и подъ ближайшимъ наблюденіемъ начальника губерніи В. О. Сосновскаго. Всѣ эти лица заботливо и видимо съ живымъ сочувствіемъ къ дѣлу, такъ сказать, бальзамируютъ останки священнаго памятника русской доблести,

---

[1]) См. приложенный даже рисунокъ, гравюру съ фотографіи.

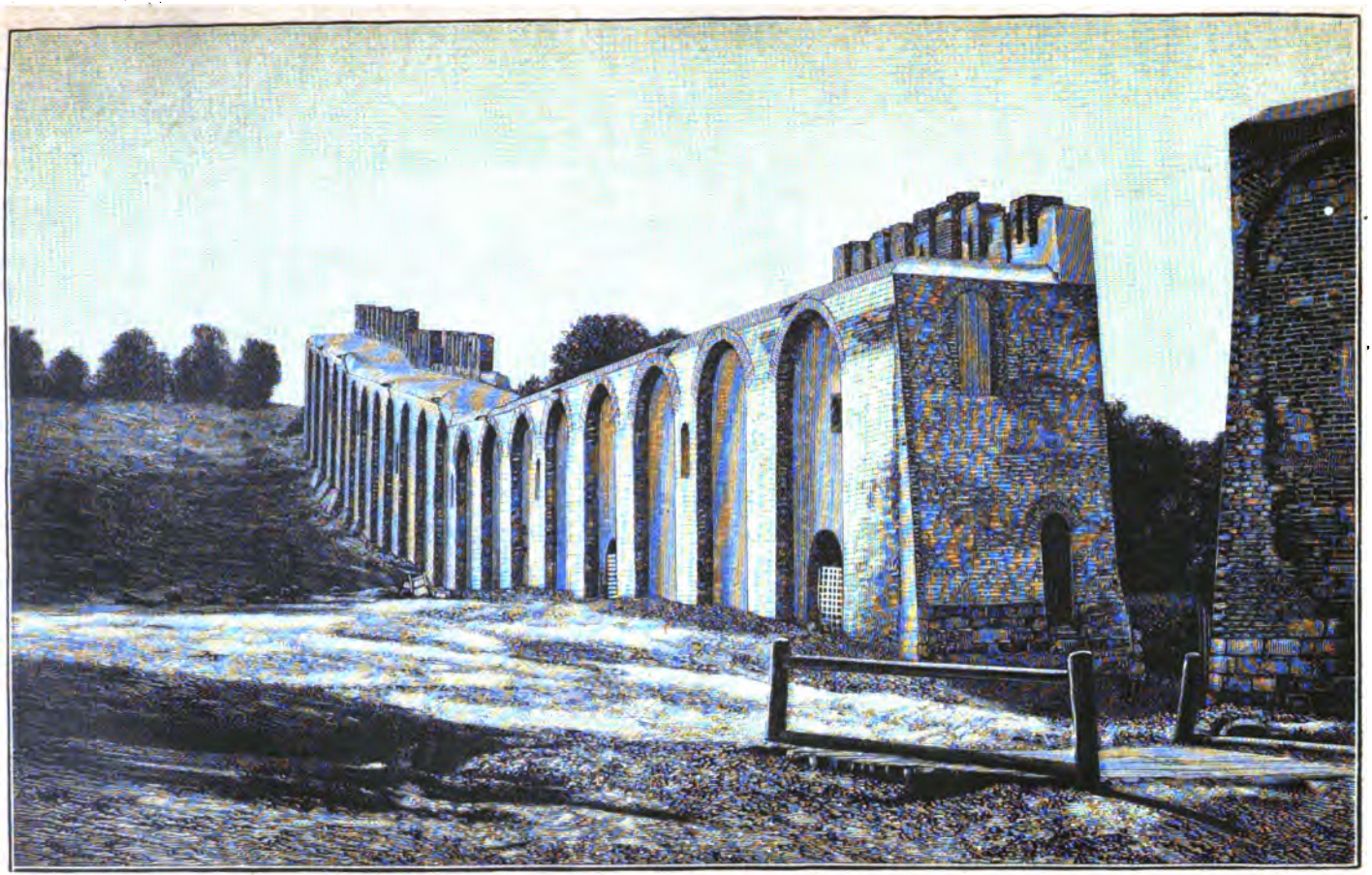
о которую, съ 1609 по 1812 годъ, сокрушены были сотни тысячъ враговъ...

Самая мысль К. Я. Маевскаго сохранить останки стѣнъ г. Смоленска на цѣлыя столѣтія въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ уцѣлѣли къ нашему времени, и совершенно предохранить стѣну и башни отъ дальнѣйшей порчи—заслуживаетъ величайшаго сочувствія.

Мы видѣли изъ очерка археолога А. С. Князева, напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1890 г., кн. ноябрь), къ какимъ печальнымъ результатамъ пришла вся исторія о возстановленіи стѣнъ древняго Пскова; К. Я. Маевскій, отстоявъ свою мысль о приведеніи смоленской стѣны въ монолитное состояніе — оградилъ казну отъ излишнихъ расходовъ, остановилъ разрушеніе древняго памятника и передастъ его (онъ-ли или его преемники зодчіе) въ концѣ тридцатилѣтняго періода—грядущимъ поколѣніямъ, но передадутъ набальзамированнымъ.

Интересенъ самый процессъ бальзамированія. Дѣло въ томъ, что поверхность стѣнъ, при ширинѣ до $5^1/_2$ аршинъ, не имѣла до возобновленія стѣнъ совершенно водоотводовъ; это давало и даетъ возможность проникать сырости въ глубь стѣны; отъ замерзанія воды, количество и размѣры трещинъ годъ отъ году увеличивались и доводили стѣну до разрушенія и обваловъ. Вся стѣна, за малымъ исключеніемъ, покрыта была обильною растительностью; были деревья, доходившіе размѣромъ до 5-ти сажень, при стволѣ до 6-ти вершковъ; корни деревьевъ, разрушая кладку, увеличивали трещины, чрезъ которыя свободно проходила вода, питавшая растительность. И вотъ въ чемъ состоитъ бальзамировка или, какъ выражается строитель, приведеніе стѣнъ въ монолитное состояніе: 1) очищается верхняя часть стѣнъ отъ наносной земли и растительности; возобновляется существующій съ уклономъ полъ, устроенный въ нѣсколько рядовъ кирпича, на известковомъ растворѣ, и на таковомъ растворѣ укладываются каменные лотки для отвода воды, по образцу сохранившихся; трещины и другія поврежденія въ башняхъ, болѣе значительныя, раздѣлываются кирпичами, а менѣе значительныя, послѣ предварительнаго спринцованія водою, обкладываются по бокамъ досками и въ нихъ, какъ въ извилистыя трубы, вливается цементный растворъ. Я уже не упоминаю о производимыхъ работахъ для отвода воды съ городскихъ участковъ, прилегающихъ къ стѣнѣ, о возобновленіи лѣстницъ, ведущихъ въ этажи башенъ и на стѣны и проч.; насъ именно заинтересовало помянутое бальзамированіе...

Благодаря бальзамированію останковъ Михельсона въ 1807 г., мы увидѣли лицомъ къ лицу усмирителя Пугачева въ 1890 году. Бла-



Стѣна въ Смоленскѣ по возобновленіи.

[близъ пятницкаго ручья]

годаря бальзамировкѣ смоленской стѣны, по предначертаніямъ искуснаго, во всеоружіи науки трудящагося, зодчаго К. Я. Маевскаго, отдаленнѣйшіе потомки наши узрятъ останки созданія Бориса Годунова, 1596—1603 гг. Надо надѣяться, что въ будущемъ любовь къ археологіи и дорогимъ историческимъ памятникамъ родной старины проникнетъ въ самую глубь русскаго народа; явятся рвеніе и средства у тѣхъ-же въ грядущіе вѣка смольянъ, которые нынѣ съ такимъ пыломъ, якобы ради „благоустройства города“ (!) готовы были разрушить памятникъ доблести своихъ предковъ, въ будущемъ-же явится, быть можетъ, у нихъ рвеніе возстановить свою святыню, свою стѣну-оборонительницу по сохраненнымъ для нихъ въ бальзамировкѣ К. Я. Маевскаго, ея останкамъ.

М. И. Семевскій.

(Продолженіе путевыхъ замѣтокъ слѣдуетъ).

Примѣчаніе. Считаемъ весьма полезнымъ въ нашемъ изданіи, какъ сборникѣ свѣдѣній, между прочимъ, и для справокъ, напомнить главнѣйшія данныя изъ біографіи почтеннаго зодчаго Карла Яковлевича Маевскаго. Карлъ Яковлевичъ родился въ 1824 году, выпущенъ въ 1846 г. изъ училища, что нынѣ институтъ, гражданскихъ инженеровъ; затѣмъ поступилъ, ученикомъ профессора К. А. Тона, въ императорскую академію художествъ; за программу почтамта и за сооруженіе храма Михаила Архангела (въ Коломенской части, Спб., на мѣстѣ бывшаго „Козьяго болота“) Карлъ Яковлевичъ получилъ званіе академика въ 1859 году. Главнѣйшія его затѣмъ сооруженія: Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ (1855—1864 гг.), Императорскій дворецъ въ Кіевѣ (1868—1870 гг.), Домъ предварительнаго заключенія въ С.-Петербургѣ (1871—1875 гг.).

К. Я. Маевскимъ получены первыя преміи за проекты: въ 1860-хъ годахъ—городскихъ скотобоенъ въ С.-Петербургѣ (проектъ сообща съ профессоромъ Э. И. Жиберомъ) и Женской тюрьмы въ С.-Петербургѣ. Первая премія была отъ прежней Спб. думы, вторая—отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Напомнимъ также, что многія мысли и указанія К. Я. Маевскаго, изложенныя имъ въ отчетѣ объ осмотрѣ наиболѣе замѣчательныхъ архивовъ и библіотекъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Брюсселѣ, нѣкоторыхъ городахъ Италіи и Ганноверѣ (1875 г.), были съ большимъ успѣхомъ примѣнены при сооруженіи зданія архива министерства юстиціи въ Москвѣ (на Дѣвичьемъ полѣ), а также будутъ примѣнены въ Варшавѣ, при постройкѣ библіотеки университета, сооруженіе каковаго зданія предстоитъ въ 1891 году.

Ред.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ[1]).

20.

За славною за рѣчкою Низовою,
За высокою горою снѣговою,
Подъ крѣпкимъ городомъ подъ Дербентомъ,
За высокою каменною стѣною,
Стояла царя бѣлаго армеюшка.
Какъ восплачется атаманушка,
Нашъ батюшка Иванъ Матвѣевичъ.
Его сотнички, полковнички утѣшаютъ,
И хорунжіе съ есаулами ублажаютъ:
„Ты не плачь, не тужи, Иванъ Матвѣевичъ!"
Не алатая трубочка вострубила,
Не серебряная возговорила,
Говорилъ атаманушка Иванъ Матвѣевичъ:
— „Глупые, неразумные, мои старшинушки,
Какъ мнѣ, Ивану Матвѣевичу, не тужить,
Какъ мнѣ Краснощокову не плакати?
Какая наша казачья вѣрная служба,
Что послѣдній солдатъ, казаковъ старшина,
Насъ въ глаза ругаетъ.
Напишу я самому царю донесеніе".

21.

Какъ и мать сына спрашивала
„Ты дитя мое, дитятко милое,
Отчего ты, дитя, не бѣлъ, не румянъ?"
Сынъ матери отвѣтъ держалъ:
„Какъ я былъ, какъ служилъ въ дальней сторонѣ,
Въ дальней сторонѣ, что въ греческой землѣ.
Пріобычилась мнѣ молодая гречаночка,
Повелѣла мнѣ ввечеру поздно придти.
Не даждавшись поры времячка,
Къ гречаночкѣ пошелъ.
Увидалъ меня молодой гречинъ изъ окна,
Онъ сустрѣтилъ меня середи двора.
Ухватилъ онъ меня поперегъ живота,
Приподнялъ онъ меня выше буйной головы,
Онъ ударилъ меня о сырую землю,
Оттого я не бѣлъ, не румянъ".

Сообщ. въ 1874 г. **Д. К. Морозъ.**

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1890 г., т. LXVII, стр. 468, 570—572, 636; т. LXVIII, стр. 136, 278, 469, 584.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.

А. М. Тургеневъ—А. И. Михайловскому-Данилевскому.

Москва 10-го января 1828 г.

Почтеннѣйшій другъ Александръ Ивановичъ! Поздравляю васъ, милостивую государыню Анну Павловну и любезныхъ дѣтей вашихъ съ наступившимъ новымъ годомъ. Много виноватъ предъ вами, давно не писалъ къ вамъ; три недѣли былъ боленъ, потомъ на-дняхъ потерялъ двоюроднаго брата Еропкина, хоронилъ его, онъ былъ лѣтъ 12 старѣе; но все 50 лѣтъ мы были вмѣстѣ, тяжело терять такихъ пріятелей—а мы родня и дружно живали.

Еще нѣсколько терпѣнія, все будетъ кончено, вчера мастеръ былъ у меня.

Прилагаю вамъ стихи Пушкина, impromptu, написанные авторомъ въ присутствіи государя, въ кабинетѣ его величества.

Истинно вамъ преданный весь вашъ А. Тургеневъ.

***

Въ надеждѣ славы и добра
Смотрю впередъ я безъ боязни,
Начало славныхъ дѣлъ Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но озарилъ умы наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.
Самодержавною рукой
Онъ всюду сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной,
Ея предвидѣлъ назначенье.
То академикъ, то герой!
То мореплаватель, то плотникъ!

Онъ всеобъемлющей рукой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.
Наслѣднымъ сходствомъ будь-же гордъ;
Будь пращуру во всемъ подобенъ:
Какъ онъ—рѣшителенъ и бодръ,
И памятью—какъ онъ—не злобенъ.

Примѣчаніе. Въ изданіи сочиненій Пушкина 1882 года стихотвореніе это названо „Стансы“ (т. II-й, стр. 141). Автографъ стиховъ имѣетъ надпись: „22-го декабря 1826 г. у Зуб. [1]).

Текстъ, приведенный А. М. Тургеневымъ въ письмѣ Данилевскому, представляетъ варіанты въ сравненіи съ напечатанными стансами. Кромѣ того, заслуживаетъ вниманія указаніе Тургенева, при какихъ обстоятельствахъ Пушкинъ написалъ эти стихи. Припомнимъ здѣсь, что императоръ Николай принималъ Пушкина въ Чудовомъ дворцѣ въ Москвѣ, 8-го сентября 1826 года

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій

1849 г.

Н. А. Тучкова-Огарева ошибается въ своихъ Запискахъ, утверждая что М. В. Буташевичъ-Петрашевскій былъ арестованъ на страстной недѣлѣ 1849 г.

Я и мои сестры хорошо помнимъ, что братъ нашъ Михаилъ Васильевичъ Петрашевскій былъ арестованъ на Ѳоминой недѣлѣ, въ ночь съ пятницы на субботу, съ 22-го на 23-е апрѣля 1849 г. въ С.-Петербургѣ.

Я, будучи еще ребенкомъ, въ ту ночь случайно проснулась. (Жили мы съ матушкой въ ея домѣ, за церковью Покрова, близъ Большой Садовой) и пошла поправлять лампадку у кіота съ образами. Необыкновенный стукъ колесъ нѣсколькихъ каретъ, остановившихся предъ сосѣднимъ домомъ, также принадлежавшимъ моей матери и въ которомъ жилъ братъ Михаилъ Васильевичъ, привлекъ меня къ окну; я, конечно, не поняла и не заподозрила, чтобы этотъ съѣздъ экипажей означалъ арестъ моего брата.

А. В. С.

Сельцо Федорцево
1890 г.

---

[1]) Т. е. въ домѣ Зубкова, одного изъ московскихъ знакомцевъ поэта.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

1866 $\frac{\text{1-го января}}{\text{декабря 1-го}}$ 1890 гг.

Перваго декабря текущаго года минуло четверть вѣка со дня изданія „Вѣстника Европы, журнала исторіи, политики, литературы“, подъ его нынѣшнею редакціею.

„Русская Старина“ привѣтствуетъ старшаго своего собрата по журналистикѣ со вступленіемъ во вторую четверть вѣка его существованія и, вѣрная одной изъ своихъ задачъ — своевременно, по возможности, представлять справку историко-біографическаго содержанія о заслугахъ чествуемыхъ учрежденія или лица, „Русская Старина“ помѣщаетъ таковую вслѣдъ за симъ по отношенію къ „Вѣстнику Европы“.

Да приметъ редакція и участники „Вѣстника Европы“ составленный нашими заботами обзоръ ихъ дѣятельности за XXV лѣтъ, какъ свидѣтельство того чувства искренняго уваженія, каковое редакція „Русской Старины“ всегда раздѣляла, со всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ, къ этому старѣйшему и одному изъ достойнѣйшихъ органовъ русской печати.

Честь и хвала издателю-редактору „Вѣстника Европы“, съумѣвшему соединять вокругъ себя, во весь четверть-вѣковой періодъ, людей, исполненныхъ дарованій и глубоко-искренно желающихъ счастія и преуспѣянія, на пути славы и добра, дорогому нашему отечеству.

Ред.

22-го ноября
1890 г.

Первая книга издаваемаго бывшимъ профессоромъ М. М. Стасюлевичемъ журнала „Вѣстникъ Европы“ вышла 1-го января 1866 года. Журналъ былъ названъ такъ въ память прежняго журнала этого имени, который прекратился въ 1830 году. Новый „Вѣстникъ Европы“ встрѣтилъ радушный пріемъ со стороны русской публики, и съ перваго дня своего появленія въ свѣтъ представлялъ всѣ задатки дальнѣйшаго прочнаго существованія, какъ по личности самого редактора, такъ и именамъ участвовавшихъ въ журналѣ.

Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ, получивъ ученыя степени: магистра всеобщей исторіи и доктора историческихъ и политическихъ наукъ, занималъ профессорскую каѳедру въ с.-петербургскомъ университетѣ съ 1852 по 1861 гг., исключая трехлѣтнюю поѣздку заграницу [1]). Изъ трудовъ его за это время и болѣе раннихъ, которые вышли отдѣльными изданіями или помѣщены въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ.“, извѣстны: „Осада и взятіе Византіи турками“ (1854 г.), „Общій курсъ среднихъ вѣковъ“ (1856 г.), „Ахенъ и его историческіе памятники эпохи Карловинговъ“ (1857 г.), „Годичные акты средневѣковыхъ университетовъ въ связи съ эпохою возрожденія“ („Соврем.“ 1858 г.), „Публичныя лекціи о провинціальномъ бытѣ Франціи при Лю-

---

[1]) Приводимъ изъ нашего альбома „Знакомые“ (Спб. 1888 г., стр. 124) автобіографическую замѣтку г. Стасюлевича:

„Стасюлевичъ, Мих. Матв., родился въ С.-Петербургѣ, 28-го августа 1826 года, получилъ начальное образованіе въ Лугскомъ уѣздномъ училищѣ, среднее въ Ларинской гимназіи въ С.-Петербургѣ, откуда поступилъ въ 1843 году на философскій факультетъ с.-петербургскаго университета; кончилъ курсъ въ 1847 году, получилъ степень магистра всеобщей исторіи въ 1849 г., доктора историческихъ и политическихъ наукъ въ 1851 г. Въ 1850 г. поступилъ на службу старшимъ учителемъ исторіи въ Ларинской гимн.; въ 1852 г. доцентомъ исторіи въ спб. университетѣ; въ это-же время преподавалъ исторію въ Патріотическомъ институтѣ до 1855 года; въ 1856 году адъюнктомъ отправился заграницу для ознакомленія съ преподаваніемъ исторіи въ университетахъ Германіи и Франціи; посѣтилъ Англію, Италію и Австрію. Въ 1859 году возобновилъ чтеніе въ университетѣ — до сентября 1861 г., когда вышелъ вмѣстѣ съ Кавелинымъ и другими въ отставку. Съ 1860 по 1862 г. преподавалъ исторію покойному цесаревичу. Въ 1863—1865 гг. работалъ надъ изданіемъ трехъ томовъ исторіи среднихъ вѣковъ. Съ 1866 года началъ изданіе „Вѣстника Европы“; въ 1881 году началъ изданіе газеты „Порядокъ“, пріостановленной 9-го января 1882 года—о чемъ подробности см. въ январской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1912 года“.

„10-го февраля 1882 г.“.

довикѣ XIV“ („Р. Вѣстн.“ 1859 г. и „Сб. Студ. П. Ун.“ 1860 г.) и проч. Послѣ прекращенія профессорской дѣятельности, М. М. Стасюлевичъ занялся обработкой „Исторіи среднихъ вѣковъ“, вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ въ трехъ томахъ (1863—65 гг.).

Съ 1866 года началась для М. М. Стасюлевича новая для него журнальная дѣятельность, къ которой онъ былъ вполнѣ подготовленъ, по своему широкому образованію, обусловленному предметомъ его профессорскаго преподаванія. Съ другой стороны, сознательное отношеніе къ принимаемой на себя обязанности редактора общеевропейскаго журнала и чужихъ учено-литературныхъ трудовъ заставило его отказаться отъ собственной дѣятельности въ этомъ направленіи. Еще въ первые два года изданія „Вѣстника Европы“ имя М. М. Стасюлевича встрѣчается въ числѣ участвующихъ въ журналѣ, а затѣмъ онъ выступаетъ въ исключительныхъ случаяхъ съ небольшими, сравнительно, статьями и замѣтками. Только при этомъ условіи М. М. могъ взять на себя веденіе объемистаго учено-литературнаго журнала и остаться единственнымъ представителемъ его редакціи въ теченіи двадцати пяти лѣтъ.

I.

Въ первые два года своего существованія „Вѣстникъ Европы“ состоялъ изъ четырехъ книгъ и имѣлъ характеръ сборника, преимущественно историческаго, какъ видно изъ содержанія статей и именъ лицъ, принявшихъ участіе въ журналѣ. Причина, побудившая редакцію ограничиться четырьмя книгами, заключалась въ новизнѣ дѣла и необходимыхъ въ этомъ случаѣ извѣстныхъ „сроковъ приготовленія“. Новый журналъ, какъ сказано въ программѣ 1866 года, поставилъ себѣ цѣлью „поддержать въ русской публикѣ интересъ къ историческимъ и политическимъ наукамъ, ослабѣвшій въ 60-хъ годахъ“, среди общаго увлеченія естествознаніемъ, объясняемаго отчасти „крайнею слабостью у насъ гуманнаго образованія“. Чтобы достигнуть этой цѣли, редакціи „Вѣстника Европы“ пришлось дѣлать возможно строгій подборъ статей, знакомить публику только съ лучшими произведеніями русской и заграничной печати,—и въ этомъ отношеніи редакція вполнѣ выполнила свою задачу.

Русская исторія была поставлена на первомъ планѣ, и первая книга „Вѣстника Европы“ 1866 года началась „Смутнымъ временемъ московскаго государства“ Н. И. Костомарова. Далѣе слѣдовали статьи: С. М. Соловьева, М. И. Богдановича, И. Е. Забѣлина, Ешевскаго, затѣмъ—„Мысли и замѣтки о русской исторіи“ Кавелина, историко-критическія статьи о масонствѣ А. Н. Пыпина, „Пугачевщина“ Д. Л. Мордовцева, „Матеріалы къ русской исторіи XVIII вѣка“ М. И. Семевскаго. Обзоръ книгъ по русской исторіи за первые два года изданія „Вѣстника Европы“ составленъ Н. И. Костомаровымъ. По всеобщей исторіи помѣщены статьи М. М. Стасюлевича, по русской литературѣ—О. Ѳ. Миллера, Погодина, А. Д. Галахова, по всеобщей литературѣ—статьи А. Веселовскаго.

Сочувствіе, съ которымъ отнеслась читающая публика къ „Вѣстнику Европы“ въ первые два года его существованія, а также составъ наличныхъ силъ и возможность привлечь другихъ выдающихся представителей ученаго и литературнаго міра, побудили редакцію расширить первоначальную программу и перейти съ 1868 года къ ежемѣсячному изданію. Такимъ образомъ къ прежнему составу журнала примкнулъ рядъ другихъ писателей и ученыхъ, принявшихъ въ немъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе, совмѣстно съ вновь выступающими болѣе молодыми силами.

Строгій выборъ статей по различнымъ отраслямъ знанія за все двадцати-пяти-лѣтнее существованіе „Вѣстника Европы“ придалъ ему вполнѣ научный характеръ, равно какъ извѣстный болѣе или менѣе постоянный составъ участвующихъ лицъ далъ ему опредѣленный характеръ и направленіе. Имена многихъ писателей и ученыхъ встрѣчаются въ „Вѣстникѣ Европы“ съ первыхъ его книгъ до послѣднихъ; дѣятельность другихъ прекратилась смертію, которая составила невозвратную потерю не для одного журнала, помѣщавшаго ихъ труды, но и для всей читающей Россіи. Такое постоянство состава писателей и ученыхъ, во всякомъ случаѣ, говоритъ въ пользу ясно сознанныхъ требованій со стороны редактора „Вѣстника Европы“, и принесло ту несомнѣнную пользу журналу, что дало ему рядъ почтенныхъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ.

II.

Въ ежемѣсячномъ „Вѣстникѣ Европы“, съ 1868—1885 гг., значительное мѣсто отведено отдѣлу общей русской исторіи, благодаря дѣятельному участію Н. И. Костомарова, наиболѣе цѣнимаго русской публикой и самаго популярнаго изъ нашихъ новѣйшихъ историковъ, труды котораго помѣщались изъ года въ годъ и по своему объему занимали иногда рядъ книгъ журнала. Труды Н. И. Костомарова настолько извѣстны и пережили столько изданій, что мы ограничимся указаніемъ главныхъ изъ его трудовъ, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“.

1868. Патріархъ Фотій и первое раздѣленіе церквей.—Гетманство Юрія Хмельницкаго.

1869. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой.

1870. Костюшко и революція 1794 года.—Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ.—Начало единодержавія въ древней Руси.

1871. Исторія раскола у раскольниковъ.—Личности смутнаго времени — Личность царя Ивана Васильевича Грознаго.

1873. Преданія первоначальной русской лѣтописи.

1878. Богданъ Хмельницкій, данникъ Оттоманской Порты.

1884. Фельдмаршалъ Минихъ и его значеніе въ русской исторіи.

1887. Императрица Елизавета Петровна. (Изъ посмертныхъ бумагъ).

Полный списокъ трудовъ Н. И. Костомарова, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ съ 1866—1885 гг., какъ подписанныхъ, такъ и неподписанныхъ, приложенъ къ некрологу Н. И. Костомарова, составленному А. Н. Пыпинымъ („Вѣстн. Европы“ 1885 г., май, стр. 426).

С. М. Соловьевъ принялъ, какъ и Н. И. Костомаровъ, участіе въ журналѣ съ его основанія, и также помѣщалъ свои труды въ „Вѣстникѣ Европы“. Въ 1868 году появилась статья С. М. Соловьева: „Петръ Великій на Каспійскомъ морѣ“, и начата работа: „Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ“, которая печаталась съ перерывами до 1874 года. Другой трудъ: „Россія и Европа въ первой половинѣ царствованія Александра I“, помѣщенъ въ „Вѣстникѣ Европы“ въ 1877 г. (май—ноябрь).

Вообще 1868 годъ, положившій начало ежемѣсячному изданію „Вѣстника Европы“, особенно богатъ трудами по общей русской исторіи и, кромѣ упомянутыхъ работъ Н. И. Костомарова и Соловьева, заключаетъ статьи:

М. И. Богдановича: „Паденіе Сперанскаго“.

А. Ѳ. Гильфердинга: „Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ“.

Н. Ѳ. Дубровина: „Тысяча восемьсотъ второй годъ въ Грузіи“. — „Князь М. Н. Волконскій и его донесенія изъ Польши“.

Е. П. Ковалевскаго: „Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ“.

Б. И. Утина: „Свѣтское законодательство и церковь съ XVII вѣка“.

А. Н. Поповъ: „Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи“. — „Дѣло Новикова и его товарищей“.

А. М. Энгеля: „Записки о Россіи XVII и XVIII вѣка, по донесеніямъ голландскихъ резидентовъ“. (Перев. съ голл. рукоп.).

Изъ трудовъ по русской исторіи, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1870-хъ годовъ, считаемъ долгомъ упомянуть статьи: М. Я. Морошкина—„Возсоединеніе уніи“ („В. Евр.“ 1872 г., апрѣль—сентябрь“), В. И. Герье — „Кронпринцесса Шарлотта, невѣстка Петра Великаго“ (1872 г.), Н. Ядринцова—„Сперанскій и его реформы по Сибири“ (1876 г.), В. Я. Стоюнина—„Александръ Семеновичъ Шишковъ“ (1877 г.). Изъ историческихъ трудовъ 1880-хъ годовъ, не считая подписанныхъ буквами, мы назовемъ статьи: В. Д. Спасовича—„Маркизъ А. Велепольскій, его жизнь и политика въ польско-русскомъ конфликтѣ и вопросѣ“ (1880 г.), В. В. Стоюнина—„Князь Антіохъ Кантемиръ въ Парижѣ“ (1880 г.), статьи А. Петрушевскаго и А. Г. Брикнера (1882—1890 гг.), историко-публицистическія статьи В. С. Соловьева (1888, 1889 гг.).

Изъ соціально-бытовыхъ изслѣдованій по русской исторіи, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, особенно видное мѣсто занимаютъ слѣдующія работы: „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ XVII вѣка“ (1871 г.) Ив. Е. Забѣлина, извѣстнаго историка-археолога, который въ этой статьѣ рисуетъ положеніе нашего стараго вотчиннаго быта XVII вѣка, предметъ мало извѣстный и далеко не разработанный, за исключеніемъ весьма немногихъ трудовъ. Также цѣнны въ этомъ отношеніи статьи В. И. Семевскаго, составившаго себѣ почтенное имя въ ученомъ мірѣ своимъ обширнымъ трудомъ по исторіи крестьянскаго вопроса [1]), въ связи съ историческимъ развитіемъ

[1]) См. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, тт. I и II. Спб., 1888 г. Сочиненіе это, какъ извѣстно, было увѣнчано императорской академіей наукъ Уваровскою преміею, а вольнымъ экономическимъ обществомъ—большою золотою медалью.

русской общественной жизни и литературы. Въ статьѣ: „Горнозаводскіе крестьяне на Уралѣ въ 1760—1764 гг.“ („Вѣстникъ Европы“ 1877 г.) авторъ характеризуетъ рядомъ фактовъ невыносимое положеніе крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ частныхъ владѣльцевъ, и описываетъ ихъ волненія въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ статьѣ „Поссесіонные крестьяне въ XVIII вѣкѣ“ (1878 г.) мы находимъ объясненіе, какъ сложился этотъ отдѣлъ крестьянъ, составлявшихъ неотъемлемую принадлежность заводовъ, и получаемъ свѣдѣнія объ ихъ юридическомъ и экономическомъ бытѣ. Въ статьѣ „Крестьяне дворцоваго вѣдомства“ заключаются данныя о положеніи собственно дворцовыхъ крестьянъ, государевыхъ и конюшенныхъ вотчинъ [1]).

Отъ отдѣла общей и соціально-бытовой русской исторіи мы перейдемъ къ исторіи русской культуры и ея представителю А. Н. Пыпину, который, по количеству, разнообразію и въ особенности большому, въ научномъ отношеніи, значенію работъ, помѣщенныхъ имъ въ „Вѣстникѣ Европы“, занимаетъ первое мѣсто въ журналѣ за послѣдніе двадцать три года, и поэтому мы остановимся на его трудахъ долѣе другихъ.

А. Н. Пыпинъ, бывшій профессоръ с.-петербургскаго университета, извѣстный своими изслѣдованіями 1855—1860 гг., по исторіи старинной русской литературы и этнографіи (помѣщенными въ „Ученыхъ Запискахъ“ II отдѣленія академіи наукъ и другихъ повременныхъ изданіяхъ), а также „Исторіей славянскихъ литературъ“ и изданіемъ „Памятниковъ старинной русской литературы, сдѣлался постояннымъ участникомъ „Вѣстника Европы“ въ концѣ 1860-хъ годовъ [2]). Статьи А. Н. Пыпина,

---

[1]) Статья о „поссесіонныхъ крестьянахъ“ вошла въ составъ I тома „Крестьяне при Екатеринѣ II“, издан. въ 1881 г.; статьи-же о „крестьянахъ горнозаводскихъ“ и „дворцоваго вѣдомства“ составляютъ продолженіе этого труда, но еще не были изданы отдѣльно.

[2]) Приводимъ автобіографическую замѣтку г. Пыпина изъ нашего Альбома „Знакомые“ (Спб., изд. 1888 г., стр. 249):

„Пыпинъ, Александръ Николаевичъ, родился 25-го марта 1833 года въ Саратовѣ; учился въ тамошней гимназіи; университетскій курсъ прошелъ въ 1849—1850 (учебномъ) году въ Казани; 1850—1853 гг. въ Петербургѣ. Въ 1857 г. защищалъ магистерскую диссертацію: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“; 1858—1859 гг. прожилъ заграницей, посланный отъ петербургскаго университета; 1860—1861 гг. былъ про-

появляясь изъ года въ годъ, обогатили „Вѣстникъ Европы“ значительнымъ научнымъ матеріаломъ и составили рядъ почтенныхъ трудовъ по исторіи русской культуры, исторіи русской литературы, критики и этнографіи. Мы ограничимся указаніемъ главнѣйшихъ изъ нихъ.

Эпоха Александра I обратила на себя особенное вниманіе А. Н. Пыпина по тому значенію, какое она имѣетъ въ исторіи русской культуры. Это было время усиленнаго умственнаго движенія, вызваннаго сближеніемъ съ Европой, время различныхъ вѣяній и ученій, занесенныхъ къ намъ съ запада и самостоятельно переработанныхъ на русской почвѣ, въ связи съ условіями русской жизни и русскаго національнаго характера. Подробное изученіе этой любопытной эпохи А. Н. Пыпинымъ дало въ результатѣ общую картину нашей умственной жизни за первую четверть столѣтія въ талантливыхъ „Очеркахъ общественнаго движенія при Александрѣ I“, и кромѣ того рядъ частныхъ, болѣе или менѣе законченныхъ, обзоровъ.

Изъ такихъ обзоровъ особеннаго вниманія заслуживаетъ статья „Русское библейское общество“ („В. Е.“ 1868, 1871 гг.), одно изъ замѣчательныхъ явленій русской жизни эпохи Александра I, почти неизвѣстное нашему нынѣшнему обществу. Между тѣмъ, въ свое время оно имѣло большой успѣхъ, быстро распространилось по всей Россіи и, не смотря на западное происхожденіе, считало множество членовъ, собирало большія пожертвованія,

---

фессоромъ въ томъ-же университетѣ. Въ 1862 г., около полугода, опять жилъ заграницей, по командировкѣ отъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1863—1866 гг. принималъ участіе въ редакціи „Современника“, а по закрытіи этого журнала работалъ съ 1866 года и, особливо позднѣе, въ „Вѣстникѣ Европы“.

„Въ 1865 году первое изданіе „Исторіи славянскихъ литературъ“; второе изданіе въ 1879—1881 гг.

„Въ началѣ 1860-хъ годовъ состоялъ въ археографической комиссіи. Принималъ участіе въ изданіи „Памятниковъ старинной русской литературы“, вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ. Въ 1871 году: „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“; второе изданіе въ 1885 году. Въ 1873 году: „Характеристика литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ“. Въ 1876 г.: „Жизнь и переписка Бѣлинскаго“.

„Если интересуетъ „Русскую Старину“ генеалогія, то отмѣчу здѣсь, что Пыпинъ происходитъ изъ довольно стараго дворянскаго рода. Прапрадѣдъ его служилъ въ Петербургѣ; прадѣдъ упоминается въ біографіи Державина“.

„2-го февраля 1886 г.“.

дѣлало массу изданій. Другая значительная работа А. Н. Пыпина въ этомъ направленіи посвящена изслѣдованію болѣе популярнаго, но также мало изслѣдованнаго и крайне запутаннаго вопроса о русскомъ масонствѣ, съ самаго начала его возникновенія до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія („В. Е". 1867—1869, 1872 гг.). Этотъ трудъ особенно важенъ, какъ первый опытъ цѣльной, законченной исторіи русскаго масонства и уясненія его общественно-историческаго значенія.

На ряду съ этимъ исторія русской литературы и общій историческій ходъ умственнаго движенія въ Россіи не перестаетъ занимать А. Н. Пыпина и въ послѣдующіе года, какъ видно по содержанію его статей, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы": „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ" [1]). („В. Е." 1873, 1874 гг.), „О сравнительно-историческомъ изученіи русской литературы и образованности" (1875 г.), „Древній періодъ" и „Средніе вѣка русской литературы и образованности" (1876, 1877 гг.), и статьи, озаглавленныя „Московская Старина" (1872, 1885 гг.), гдѣ авторъ особенно подробно говоритъ о реформѣ Петра I,—тема, къ которой онъ не разъ возвращается въ своихъ трудахъ, въ виду ея историко-культурнаго значенія.

Въ области историко-литературной критики мы укажемъ на слѣдующіе труды А. Н. Пыпина: „Опытъ біографіи Бѣлинскаго" (1874, 1875 гг.) [2]), „Константинъ Аксаковъ" (1884 г.) и статья „Журнальная дѣятельность М. Е. Салтыкова" (1889 г.), гдѣ авторъ даетъ живую картину дѣятельности талантливаго сатирика за извѣстный періодъ и дѣлаетъ сводъ наименѣе извѣстныхъ его статей, не вошедшихъ въ „Полное собраніе сочиненій Щедрина".

Въ послѣднее десятилѣтіе А. Н. Пыпинъ занялся своимъ капитальнымъ трудомъ по русской этнографіи, занимавшей его въ началѣ литературно-научной дѣятельности, какъ указано выше. Этнографическія статьи А. Н. Пыпина появлялись въ „Вѣстникѣ Европы" съ 1882—1888 гг. подъ разными названіями,

---

[1]) Этотъ превосходный трудъ былъ изданъ отдѣльно и потребовалъ втораго изданія.

[2]) Эта вторая выдающаяся работа А. Н. Пыпина была также издана отдѣльно.

приспособленныя къ неизбѣжнымъ журнальнымъ требованіямъ, и посвящены изученію русской, малорусской и бѣлорусской народности.

На ряду съ А. Н. Пыпинымъ, къ числу первыхъ участниковъ журнала, со времени его основанія, принадлежитъ К. Д. Кавелинъ, бывшій профессоръ исторіи русскаго законодательства въ Москвѣ, а затѣмъ гражданскаго права въ с.-петербургскомъ университетѣ и военно-юридической академіи [1]). К. Д. Кавелинъ еще въ 1850-хъ годахъ пріобрѣлъ извѣстность своими талантливыми лекціями и критическими журнальными статьями по русской исторіи и юриспруденціи. Съ открытіемъ „Вѣстника Европы“, онъ помѣщалъ въ немъ свои важнѣйшіе труды публицистическаго и философскаго содержанія въ теченіи двадцати лѣтъ.

Въ трудахъ своихъ К. Д. Кавелинъ касался самыхъ насущныхъ сторонъ русской жизни, какъ: поземельный и крестьянскій вопросъ, и наиболѣе живыхъ психологическихъ и нравственныхъ вопросовъ по отношенію къ современному обществу. Если съ его философскими и этическими взглядами не всегда можно было согласиться, то главное значеніе его трудовъ вообще заключалось въ томъ, что они будили мысль, возбуждали споры по поводу многихъ новыхъ, поднятыхъ имъ, вопросовъ. Изъ трудовъ К. Д. Кавелина, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, наиболѣе извѣстны:

„Поземельная община въ древней и новой Россіи“ (1877 г.) и „Крестьянскій вопросъ“ (1881 г.).

„Задачи психологіи“ (1872 г.), „Психологическая критика“ (1874, 1875 гг.), „О задачахъ искусства“ (1878 г.), „Задачи этики“ (1884 г.).

Полный списокъ трудовъ К. Д. Кавелина, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, приложенъ къ его некрологу („В. Е.“ 1885 г., іюнь, стр. 801).

Вопросъ о развитіи русскаго искусства въ его культурно-историческомъ значеніи поднятъ въ „Вѣстникѣ

---

[1]) Автобіографическую замѣтку покойнаго К. Д. Кавелина см. въ альбомѣ „Знакомые“ (Спб., изд. 1888 г.), на стр. 123. Тамъ-же замѣтки В. В. Стасова, стр. 51, 134—136.

Европы“ В. В. Стасовымъ [1]), въ видѣ общихъ историческихъ обзоровъ и отдѣльныхъ біографій, какъ видно изъ слѣдующихъ статей:

„Живописецъ Ивановъ“ (біогр. очеркъ, „В. Е“. 1880 г.).—„Модестъ Петровичъ Мусоргскій“ (1881 г.). — По письмамъ и статьямъ И. Н. Крамской (1887 г.).

„Двадцать пять лѣтъ русскаго искусства“ (1882 г.).—„Наша скульптура за двадцать пять лѣтъ“. — „Наша архитектура за послѣднія двадцать пять лѣтъ“.—„Наша музыка за послѣднія двадцать пять лѣтъ“ (1883 г.).

Въ статьѣ „Тормазы новаго русскаго искусства“ (1885 г.) авторъ указываетъ главныя причины, которыя, по его мнѣнію, препятствуютъ нормальному развитію русской новѣйшей музыки и живописи [1]).

III.

Въ литературномъ отношеніи „Вѣстникъ Европы“ также начался при крайне благопріятныхъ условіяхъ, въ пору дѣятельности нашихъ первоклассныхъ писателей 1850—60 годовъ, и воспользовался, такимъ образомъ, драматическими трудами А. Н. Островскаго и гр. А. Толстаго, очерками единственнаго въ своемъ родѣ и талантливѣйшаго русскаго сатирика Щедрина, романами и повѣстями Гончарова, Тургенева и Крестовскаго (псевдонима).

А. Н. Островскій одинъ изъ наиболѣе самобытныхъ русскихъ драматическихъ писателей, особенно извѣстный рельефнымъ изображеніемъ различныхъ сторонъ русскаго быта, помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1866 года, свою „Драматическую хронику“, а въ 1868-мъ году извѣстную историческую драму „Василиса Мелентьевна“, затѣмъ „Снѣгурочку“ (1873 г.) и комедію „Дикарка“, написанную совмѣстно съ И. Я. Соловьевымъ.

[1]) Первая и самая значительная работа В. В. Стасова, помѣщенная въ „Вѣстникѣ Европы“ 1868 года (январь—іюль) не имѣетъ ничего общаго съ исторіей искусства и касается русскихъ былинъ, которымъ онъ приписываетъ восточное происхожденіе. Вопросъ этотъ, возбудившій въ свое время много споровъ, вновь поднятъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1890 года Г. Н. Потаниннымъ, который является продолжателемъ взглядовъ В. В. Стасова, хотя приходитъ къ другимъ заключеніямъ.

Трагедія „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“ гр. А. Толстаго была помѣщена въ 1868 г., „Царь Борисъ“—въ 1870 г.; кромѣ того, напечатаны были два послѣднія дѣйствія драмы „Посадникъ (1876 г.)—посмертное сочиненіе [1]).

Съ 1884 г. въ „Вѣстникѣ Европы“ выступилъ М. Е. Салтыковъ (Щедринъ), великій русскій сатирикъ, и напечаталъ въ журналѣ рядъ своихъ послѣднихъ, едва-ли не лучшихъ, очерковъ, составившихъ заключеніе его литературной дѣятельности: „Пестрыя письма“ („В. Е.“ 1884—1886 гг.), „Мелочи жизни“ (1886 – 1887 гг.), „Пошехонская Старина“ (1887—1888 гг.). Въ 1889 г. появилась въ „Вѣстникѣ Европы“ и послѣдняя страница, написанная М. Е. Салтыковымъ, „Забытыя слова“, гдѣ ярко выступаетъ предсмертная борьба угасающаго сильнаго таланта, съ невыносимыми нравственными и физическими страданіями. Въ 1890 г. помѣщенъ въ „Вѣстникѣ Европѣ“ одинъ изъ раннихъ разсказовъ М. Е. Салтыкова 1849 г., „Брусинъ“, найденный въ его посмертныхъ бумагахъ.

Первымъ по времени изъ первоклассныхъ произведеній, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ изъ области русскаго романа, явился „Обрывъ“ И. А. Гончарова (1869 г.). Затѣмъ слѣдуютъ инаго рода статьи того-же автора: „Милліонъ терзаній“, критическій очеркъ, написанный по поводу Грибоѣдовской комедіи „Горе отъ ума“ (1872 г.), „Изъ университетскихъ воспоминаній“ (1887 г.), „Воспоминанія и очерки“ (1888 г.), „Нарушеніе воли“ (1889 г.).

Въ январьской книгѣ 1868 года напечатанъ былъ „Бригадиръ“, разсказъ И. С. Тургенева, въ то время уже достигшаго высшей славы, какая выпадала на долю русскихъ романистовъ, такъ что каждое его произведеніе было драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для журнала. Но собственно дѣятельность Тургенева въ „Вѣстникѣ Европы“ началась въ 1870 г. и прекратилась только съ его смертію въ 1883 году.

---

[1]) Изъ комедій А. А Потѣхина въ „Вѣстникѣ Европы“ 1878 года помѣщена „Выгодное предпріятіе“. Изъ новыхъ драматическихъ писателей появился въ 1877 году В. А. Крыловъ, съ комедіей: „Въ духѣ времени“, за которой слѣдовали его другія комедіи и драмы. Въ 1881 г. напечатана была комедія Пальма: „Господа избиратели“.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ напечатаны слѣдующія произведенія Тургенева:

1870. „Странная исторія“ (разсказъ).—„Казнь Тропмана“.—„Степной король Лиръ“.
1871. „Стукъ... стукъ... стукъ...“.—„Некрологъ Н. И. Тургенева“.
1872. „Вешнія воды“.—„Конецъ Чертопханова“.—(Изъ Записокъ охотника).
1874. „Пунинъ и Бабуринъ“.—„Разсказъ Петра Петровича“.
1876. „Часы“ (разсказъ).—Письмо къ редактору по поводу смерти графа А. Толстаго.
1877. „Новь“ (романъ).—„Разсказъ отца Алексѣя“.—Изъ письма въ редакцію по поводу смерти Брюлловой.
1878. Предисловіе къ новымъ письмамъ Пушкина.
1881. „Пѣснь торжествующей любви“.
1882. „Отчаянный“. (Изъ воспоминаній своихъ и чужихъ).
1883. „Клара Миличъ“.

Послѣ смерти Тургенева, въ „Вѣстникѣ Европы“ 1884 г. напечатанъ былъ важный документъ для біографіи извѣстнаго романиста, сообщенный А. Д. Галаховымъ, а именно: „Циркулярное письмо И. С. Тургенева 1860 года, съ проектомъ программы общества распространенія грамотности и первоначальнаго обученія въ Россіи“.

Въ 1870—1871 гг. на стр. „Вѣстника Европы“ появился талантливый романъ „Большая Медвѣдица“ В. Крестовскаго (Надежда Дм. Хвощинская, по мужу Заіончковская). Затѣмъ помѣщены были слѣдующія произведенія даровитой писательницы: „Альбомъ, группы и портреты“ (1875, 1877 гг.), „Жить какъ люди живутъ“ (1888 г.). Изъ извѣстныхъ русскихъ романистовъ, кромѣ И. А. Гончарова, И. С. Тургенева и В. Крестовскаго (псевдонимъ), принимали участіе въ 1870-хъ годахъ „Вѣстника Европы“: М. Авдѣевъ (1876 г.), П. Д. Боборыкинъ (съ 1873 г.), Г. П. Данилевскій (1874—1880 гг.), А. А. Потѣхинъ (1875—1879 гг.).

1880-ые годы „Вѣстника Европы“ особенно обильны романами и повѣстями. Кромѣ романовъ, повѣстей и разсказовъ П. Боборыкина, напечатаны произведенія женщинъ писательницъ: О. Шапиро (1881—1889 гг.), Н. Северинъ (1881—1885 гг.), В. Дмитріевой и выступаетъ длинный рядъ новыхъ писателей и писательницъ, заслужившихъ бо́льшую или меньшую извѣстность. Значительная часть произведеній этого новаго поколѣнія

писателей посвящена изображенію народнаго быта; преобладающая форма—эскизъ, бытовая картина и небольшой разсказъ, что также представляетъ характерную черту времени.

Въ заключеніе упомянемъ о переводныхъ романахъ, которые съ 1869 года пріобрѣли права гражданства въ „Вѣстникѣ Европы“ и занимаютъ въ немъ видное мѣсто, какъ со стороны именъ многихъ изъ переведенныхъ авторовъ, такъ и по достоинству перевода. „Дача на Рейнѣ“ Ауэрбаха [1]) была первымъ переводнымъ романомъ, напечатаннымъ въ журналѣ съ предисловіемъ И. С. Тургенева; затѣмъ слѣдовали переводы многихъ романовъ Шпильгагена и Зола („В. Е“., 1869—1878 гг.), миссъ Брэддонъ, Бредъ Гарта, Эдгара Поэ, Эрнеста Додэ, Гюи де Монпасана и др. (1879—1890 гг.). Переводы „Вѣстника Европы“ [2]) отличаются такимъ изяществомъ и легкостью языка, что пользуются заслуженнымъ расположеніемъ публики, неизбалованной въ этомъ отношеніи. Особеннаго вниманія заслуживаютъ переводы романовъ Зола, въ виду своеобразныхъ выраженій и словъ, принятыхъ этимъ писателемъ, у котораго новый французскій языкъ, болѣе чѣмъ у кого либо изъ французскихъ романистовъ, отступаетъ отъ традиціоннаго академическаго языка прежней образованной Франціи [3]).

IV.

Стихотворенія составляютъ въ „Вѣстникѣ Европы“ значительный отдѣлъ. Начиная съ 1868 года, за все время существованія журнала проходитъ длинная вереница самобытныхъ и переводныхъ поэтовъ, число которыхъ доходитъ до пятидесяти пяти, не считая произведеній, подписанныхъ начальными буквами. Употребляя выраженіе критика „Вѣстника Европы“ К. К. Арсеньева, взгляда котораго мы будемъ держаться въ настоящемъ случаѣ, мы видимъ здѣсь „поэтовъ двухъ поколѣній, которые рельефно отличаются другъ отъ друга“. Произведенія поэтовъ ста-

[1]) Прекрасный переводъ этого романа принадлежитъ перу С. А. Никитенко.

[2]) Большинство—принадлежитъ г-жѣ А. Н. Энгельгардтъ, рожд. Макаровой.

[3]) Въ первое десятилѣтіе отъ 1869—1878 гг. романы переводились въ „Вѣстникѣ Европы“ съ рукописи, что было нововведеніемъ.

раго поколѣнія, напечатанныя въ „Вѣстникѣ Европы“: гр. А. К. Толстаго, Я. П. Полонскаго, А. Плещеева, А. Фета, А. Жемчужникова и др., выдѣляются по художественности формы, правильности стиха, широкимъ полетомъ гуманистическихъ воззрѣній и большею частью касаются обще-человѣческихъ вопросовъ, не связанныхъ съ русской почвой и современностью. Задача большинства поэтовъ новаго поколѣнія болѣе узкая и субъективная; но ихъ произведенія тѣснѣе связаны съ русскою жизнью, служатъ вѣрнымъ отголоскомъ стремленій чувствъ и нравственныхъ страданій, переживаемыхъ новымъ поколѣніемъ. Таковъ въ общихъ чертахъ взглядъ, высказанный К. К. Арсеньевымъ, въ его характеристикахъ новѣйшей русской поэзіи: „Поэты двухъ поколѣній“ („В. Е“., 1885, окт.).—„Содержаніе и форма въ новѣйшей русской поэзіи“ — разборъ сборниковъ: А. Апухтина, С. Андреевскаго, С. Надсона и С. Фруга.—„Еще о современныхъ русскихъ поэтахъ: Минскій и Фофановъ“. — „Посмертныя стихотворенія Надсона“ („В. Е“., 1887, янв., май, ноябрь).

Въ качествѣ переводчиковъ стихотвореній иностранныхъ авторовъ выдѣляются: Н. В. Гербель, П. И. Вейнбергъ и, въ особенности, В. А. Буренинъ, переводы котораго, помѣщенные въ „Вѣстникѣ Европы“ съ 1868—1874 гг., могутъ быть названы вполнѣ удачными по художественности, изяществу языка и вѣрной передачи впечатлѣнія подлинника. Изъ нихъ мы назовемъ переводы „Ямбовъ“ Барбье, „Грѣшница“—поэма Алфреда де-Виньи, „Грецiя“ Байрона и „Нищая на мосту“, перев. англійской поэмы „Misery“ Овена-Мередита (1870 г.).

V.

При общемъ обзорѣ литературнаго отдѣла „Вѣстника Европы“ за двадцать пять лѣтъ считаемъ долгомъ упомянуть о литературныхъ „Воспоминаніяхъ“, которыя занимаютъ здѣсь не послѣднее мѣсто. Изъ нихъ особенно замѣчательны „Воспоминанія о Бѣлинскомъ“ И. С. Тургенева, а затѣмъ П. В. Анненкова, по его близкимъ, личнымъ отношеніямъ ко многимъ знаменитымъ представителямъ русскаго литературнаго и ученаго міра, въ теченіе долгаго періода отъ конца 1830-хъ до начала

1880-хъ гг. Объективная простота и живость разсказа, при сознательномъ отношеніи къ видѣнному и слышанному, правдивая оцѣнка фактовъ составляютъ главное достоинство „Воспоминаній“ П. В. Анненкова. Такъ, въ его статьяхъ: „Замѣчательное десятилѣтіе, литературныя воспоминанія 1838—1848 гг.“ („В. Е.“. 1880 г., январь—май), онъ сообщаетъ, въ качествѣ очевидца, наиболѣе полныя біографическія данныя о Бѣлинскомъ, въ связи съ общей характеристикой литературнаго и умственнаго движенія Россіи сороковыхъ годовъ. Въ такъ называемомъ біографическомъ этюдѣ: „Идеалисты тридцатыхъ годовъ“ (1883 г.) описана общественная и литературная дѣятельность А. И. Герцена и Н. П. Огарева, со стороны послѣдовательнаго развитія ихъ взглядовъ и міросозерцанія. Въ статьѣ „Художникъ и простой человѣкъ“ (изъ воспоминаній объ А. Ѳ. Писемскомъ), напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“ 1882 г., авторъ изображаетъ личность романиста и современныхъ ему общественныхъ и литературныхъ дѣятелей.

Наиболѣе богатый біографическій и литературный матеріалъ заключается въ воспоминаніяхъ П. В. Анненкова о Тургеневѣ, которыя печатались съ перерывами въ „Вѣстникѣ Европы“ отъ 1884—1887 гг.: „Молодость Тургенева“.—„Шесть лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ“.—„Изъ переписки съ Ив. С. Тургеневымъ“ (Третій и послѣдній періодъ дѣятельности И. С. Тургенева).

Со стороны біографическаго интереса также важное значеніе имѣютъ „Воспоминанія Е. А. Хвостовой“, съ предисловіемъ М. И. Семевскаго (1869 г.). Это живой эскизъ русскаго великосвѣтскаго общества за время 1826—1840-хъ годовъ. Почти половина „Воспоминаній“ посвящена памяти рано погибшаго поэта Лермонтова и обрисовкѣ его личности.

Изъ литературныхъ воспоминаній болѣе личнаго характера напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“: воспоминанія Е. Юнге „О Шевченкѣ“ (1883 г.), Житовой „О семьѣ И. С. Тургенева“ (1884 г.) и Ѳ. А. Бурдина „Изъ воспоминаній объ Островскомъ“ (1886 г.), „А. А. Котляревскій“ — воспоминанія А. Стороженки (1890 г.). Сюда же мы отнесемъ: „Автобіографію Антокольскаго“ и отрывокъ „Изъ воспоминаній поэта Надсона“, сообщ. С. А. Венгеровымъ (1887 г.).

Изъ новѣйшихъ литературныхъ воспоминаній важное зна-

ченіе имѣютъ статьи Д. А. Корсакова: „К. Д. Кавелинъ“ и „Послѣдніе годы жизни К. Д. Кавелина“ („В. Е.“, 1886—1888 гг.). Изъ личныхъ воспоминаній, не считая болѣе раннихъ В. И. Панаева (1867 г.) и М. П. Погодина (1868 г.), живой интересъ представляютъ напечатанныя въ „Вѣстникѣ Европы“ 1890 года: „Мои воспоминанія“, заслуженнаго профессора Ѳ. И. Буслаева, и „Воспоминанія дѣтства“ С. В. Ковалевской, профессора высшей математики въ Стокгольмѣ [1]).

Что касается біографій въ прямомъ значеніи слова, которыя относятся къ новѣйшимъ дѣятелямъ, то въ „Вѣстникѣ Европы“ напечатаны только двѣ, и онѣ посвящены памяти двухъ наиболѣе почтенныхъ русскихъ педагоговъ, извѣстныхъ своей плодотворной воспитательной дѣятельностью: біографія—„Василій Ивановичъ Водовозовъ“, В. И. Семевскаго, которая представляетъ вполнѣ законченный трудъ, и біографія—„В. Я. Стоюнинъ“, В. Сиповскаго.

Изъ статей біографическаго характера считаемъ долгомъ упомянуть статьи П. Анненкова: „А. С. Пушкинъ“, („В. Е.“, 1873 г.).—„А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“ (1874 г.).—„Существенные идеалы Пушкина“ (1880 г.).—„Любопытная тяжба“ и „Литературные проекты Пушкина“ (1881 г.). О Пушкинѣ и Гоголѣ напечатаны статьи Е. С. Некрасовой: „Изъ воспоминаній Вельтмана о времени пребыванія Пушкина въ Кишеневѣ“ (1881 г.), „Гоголь и Ивановъ“ (1883 г.).—О Гоголѣ статьи В. И. Шенрока: „Н. В. Гоголь и Віельгорскіе“ (1889 г.).—„Гоголь и Данилевскій“.—„Гоголь въ началѣ литературной карьеры“ (1890 г.).

Литературный матеріалъ, напечатанный въ „Вѣстникѣ Европы“, заключается въ неизданныхъ письмахъ, стихахъ и варіантахъ стиховъ А. С. Пушкина и снимка его послѣдняго письма, въ неизданномъ стихотвореніи В. Жуковскаго, и кромѣ того въ 1873 году напечатана „Юношеская повѣсть Лермонтова“ и неизданное стихотвореніе: „На смерть Пушкина“.

По исторіи русской литературы 1820—1860 годовъ въ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщенъ рядъ трудовъ, составляющихъ

---

[1]) Списокъ математическихъ и литературныхъ работъ С. В. Ковалевской, кромѣ мелкихъ газетныхъ статей, вмѣстѣ съ ея превосходнымъ портретомъ фототипія, помѣщены въ ноябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1890 года.

цѣнный научный вкладъ въ данномъ направленіи. Въ виду краткости нашего очерка, мы ограничимся указаніемъ ихъ:

„Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ“ (Новые матеріалы для біографіи Рылѣева) В. Е. Якушкина. („В. Е.“ 1888).

„Валеріанъ Майковъ“, (талантливый русскій критикъ, рано умершій), изъ исторіи сороковыхъ годовъ, К. К. Арсеньева. (1886).

„Забытый поэтъ“ (Полежаевъ). А. Н. Пыпина. (1889).

„Пѣсни о женской неволѣ въ поэзіи Ю. В. Жадовской“ (зачатки женскаго вопроса въ ея произведеніяхъ). А. М. Скабичевскаго. (1886).

„Изъ исторіи русской журналистики: молодая редакція Москвитянина“. С. А. Венгерова. (1886).

„Сатира Крылова и его почта духовъ“. Я. К. Грота. (1868).

„П. Н. Кудрявцевъ въ его учено-литературныхъ трудахъ“. В. Герье (1887).

„П. А. Плетневъ“, очеркъ А. М. Скабичевскаго (по поводу изданія сочиненій и переписки П. А. Плетнева Я. К. Гротомъ, въ трехъ томахъ, Спб. 1885 г.).

„Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго“. В. Д. Спасовича, бывшаго профессора уголовнаго права въ С.-Петербургскомъ университетѣ. (1884).

„Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова“. В. Д. Спасовича [1]). (Публичныя лекціи, читанныя въ 1888 году, 15, 19 и 22 января).

Статьи о Пушкинѣ и „П. В. Анненковъ“, А. Н. Пыпина. (1887).—Его же „Грибоѣдовъ“ (истор. замѣтки) 1890 года.

„Графъ А. К. Толстой, какъ лирическій поэтъ“, проф. О. Ѳ. Миллера. (1875 г.).

„Западное вліяніе въ русской литературѣ“, моск. проф. А. Н. Веселовскаго. („В. Е.“ 1881, 1882).

По изученію новѣйшей русской литературы первое мѣсто въ „Вѣстникѣ Европы“ принадлежитъ К. К. Арсеньеву, извѣстному юристу, который еще въ 1860-хъ годахъ, при открытіи новыхъ судебныхъ учрежденій, явился въ числѣ первыхъ выдающихся представителей русской адвокатуры. К. К. Арсеньевъ принялъ участіе въ „Вѣстникѣ Европы“ съ 1868 года и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ писалъ исключительно статьи по спеціально юридическимъ вопросамъ, западно-европейской политикѣ, исторіи и всеобщей литературѣ, а съ 1883 занялся изученіемъ новѣйшей русской литературы. Здѣсь дѣятельность его выразилась въ рядѣ статей, посвященныхъ наиболѣе характернымъ явленіямъ русской беллетристики и въ видѣ цѣлыхъ изслѣдованій, какъ „Русская обще-

[1]) Отзывъ о III томѣ „Сочиненій В. Д. Спасовича. Спб. 1890 г.“ помѣщенъ въ библіогр. листкѣ ноябрьской книги „Русской Старины“ 1890 года.

ственная жизнь въ сатирѣ Салтыкова" (1883 г.).—„М. Е. Салтыковъ" (1889 г.).—„Матеріалы для біографіи Салтыкова" (1890 г.).—„Многострадальный писатель" Ѳ. М. Достоевскій (1884 г.).—„Современный русскій романъ въ его главныхъ представителяхъ: В. Крестовскій (псевд.)" (1885 г.).

Въ своихъ публицистическихъ, а также критико-біографическихъ очеркахъ К. К. Арсеньевъ описываетъ литературныхъ дѣятелей, въ связи съ русскою жизнью и обществомъ, не останавливается исключительно на темныхъ или свѣтлыхъ сторонахъ писателя. Даже въ такихъ статьяхъ, какъ „Романъ, орудіе регресса" (1886 г.), „Мнимое безпристрастіе", „За кулисами ретроградного романа" (1888 г.), онъ сохраняетъ чувство мѣры,—качество очень цѣнное и довольно рѣдкое для русскаго критика. Къ новѣйшей литературѣ относятся статьи К. К. Арсеньева о русской поэзіи, (о которыхъ мы упоминали выше), и новѣйшей беллетристикѣ: „Лѣсная правда и высшая справедливость". — „Глѣбъ Успенскій".—„Власть земли" (1883 г.).—„Русскіе беллетристы новаго поколѣнія: М. Альбовъ и Баранцевичъ" (1884 г.).—„Новыя литературныя силы", „Беллетристы послѣдняго времени" (1887 г.).—„В. Гаршинъ".—„Современные беллетристы" (1888 г.).—„Модная форма беллетристики" (1889 г.).

Для полноты характеристики русскаго новѣйшаго романа, мы укажемъ на историко-критическій очеркъ „Литература и народники", посвященный писателямъ народо-бытовой школы, Е. И. Утина („В. Е." 1881 г.). Романы и новыя теоріи гр. Л. Н. Толстаго, возбудившіе много толковъ въ нашемъ обществѣ, нашли отголосокъ въ „Вѣстникѣ Европы" въ статьѣ проф. Н. Карѣева „Историческая философія въ романѣ гр. Л. Н. Толстаго „Война и миръ" (1887 г.) и въ статьяхъ Л. З. Слонимскаго „Философія гр. Л. Н. Толстаго", „Теоріи графа Толстаго" (1886 г.).

VI.

Въ заключеніе мы опять вернемся къ русской исторіи, а именно къ отдѣлу воспоминаній и матеріаловъ по русской исторіи, и коснемся отношенія „Вѣстника Европы“ къ спеціальнымъ историч. изданіямъ. Такъ, начиная съ 1870 года, мы встрѣчаемъ въ „Вѣстникѣ Европы“ рядъ послѣдовательныхъ разборовъ: „Сб. И. Р. Ист. Общ.“ (почти погодный съ 1870—78), а также „Русской Старины“, „Русскаго Архива“, „Архива кн. Воронцова“, „Девятнадцатаго вѣка“ (1870 г.). Въ этихъ разборахъ сдѣлана вполнѣ обстоятельная оцѣнка матеріаловъ, помѣщенныхъ въ названныхъ изданіяхъ. Особенно подробно разобраны въ „Вѣстникѣ Европы“, наиболѣе любопытные мемуары объ Александровской эпохѣ, напечатанные въ „Русской Старинѣ“ и „Русскомъ Архивѣ“ въ 1884—87 гг. Равнымъ образомъ, по поводу Записокъ М. Н. Муравьева, помѣщенныхъ въ ноябрьской книгѣ „Русской Старины“ 1882 года, тогда-же появилась въ „Вѣстникѣ Европы“ отдѣльная статья: Слѣдствіе и судъ надъ польскими повстанцами въ сѣверо-западномъ краѣ въ 1863—1864 гг. и, кромѣ того, „Письмо въ редакцію“, заключавшее поправки и дополненія къ характеристикѣ дѣятельности М. Н. Муравьева.

Что касается историческихъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, то мы укажемъ ихъ въ историко-хронологическомъ порядкѣ:

а) Проектъ богословскаго факультета при Екатеринѣ II (1873).

б) Въ статьѣ М. И. Семевскаго „Матеріалы къ русской исторіи“ приведены акты, важные какъ для характеристики Павла I, такъ и для уясненія многихъ узаконеній, обнародованныхъ этимъ государемъ въ теченіи его царствованія (1867).

в) Извлеченія „Изъ Аракчеевской переписки“ (1805—1863) съ приложеніемъ матеріаловъ для біографіи и различныхъ документовъ (1870).

г) Неизданныя рукописи П. Я. Чаадаева, письма и сочиненія; при этомъ выбрано все наиболѣе интересное въ историческомъ отношеніи (1871).

Изъ воспоминаній историческихъ въ „Вѣстникѣ Европы“ первое мѣсто принадлежитъ статьѣ „Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ“,

изъ воспоминаній современника, М. Жихарева (1871 г.). Грибоѣдовская Москва, въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской, которыя наглядно знакомятъ съ жизнью московскаго общества Александровской эпохи, которая служила матеріаломъ для ея изображенія въ комедіи „Горе отъ ума". („В. Е." 1874—1875).

Что касается содержанія статей по всеобщей исторіи и всеобщей литературѣ, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы", а также общихъ политико-экономическихъ, философскихъ, публицистическихъ и др. статей, то мы намѣтимъ здѣсь главнѣйшія изъ нихъ и имена авторовъ.

По всеобщей исторіи помѣстили статьи: К. Арсеньевъ, С. Брюлѳва, В. Герье, А. Д. Градовскій, Н. Карѣевъ, Ф. Мартенсъ, Л. Слонимскій, В. Д. Спасовичъ, М. М. Стасюлевичъ, М. Ковалевскій, Д. Каченовскій, Л. Полонскій, А. Трачевскій, Е. Утинъ и др. Нѣкоторыя изъ этихъ статей имѣютъ непосредственное историческое отношеніе къ Россіи; иныя написаны по поводу того или другаго вопроса, занимавшаго или и понынѣ занимающаго въ данный моментъ русское общество, какъ, напримѣръ, статья В. Герье—„Свѣтъ и тѣни" (въ 1876 г., по поводу университетскаго вопроса), и статья М. М. Стасюлевича—„Высшая реальная школа въ Германіи" (въ 1871 г., съ цѣлью уясненія вопроса о реальномъ образованіи).

„Общее число статей „Вѣстника Европы" по всеобщей литературѣ особенно значительно. Здѣсь мы встрѣчаемъ имена: акад. А. Н. Веселовскаго (1871—1888) (см. также его статьи въ „Вѣстн. Европы" о русскомъ эпосѣ, по отношенію къ западной литературѣ), Н. Стороженка, В. Корша, а также имена постоянныхъ участниковъ „Вѣстника Европы"—К. К. Арсеньева, Л. Слонимскаго, Е. Утина, которые, кромѣ того, помѣстили въ журналѣ рядъ публицистическихъ, политико-экономическихъ и другихъ статей.

К. К. Арсеньевъ и В. Д. Спасовичъ писали также въ „Вѣстникѣ Европы" по разнымъ юридическимъ вопросамъ, на ряду съ В. Сергѣевичемъ, М. Капустинымъ, А. Ѳ. Кони, И. Фойницкимъ и друг.

Послѣдняя война 1877—1878 гг. вызвала нѣсколько статей и воспоминаній: Андріянова, Пясецкаго, Е. Утина, В. Ве-

рещагина и др., и выдвинула славянскій вопросъ, съ неизбѣжной въ этомъ случаѣ полемикой.

По спеціальной научной литературѣ въ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщены статьи: акад. А. Н. Бекетова, проф. И. М. Сѣченова, И. Тарханова, И. П. Доброславина, Н. Вагнера, Н. Мечникова, М. Манасеиновой, статист. статьи Ю. Янсона. Изъ русскихъ путешественниковъ въ „Вѣстникѣ Европы“ напечатаны статьи: Н. М. Пржевальскаго: „Уссурійскій край“ („В. Е.“ 1870 г.); о томъ-же ст. Пл. Чихачева: „Калифорнія и Уссурійскій край“ (1890 г.); Г. Потанина: „О народности въ Восточной Азіи“ (1880 г.); проф. И. П. Минаева: „Изъ путевыхъ записокъ по Индіи“ (1876, 1887 гг.);—М. И. Венюкова: „Очерки крайняго востока“ (1870 г.), „Современная Японія“ (1871 г.); изъ путешествія Всев. Миллера и Макс. Ковалевскаго: „Въ горскихъ обществахъ Кабарды“;—И. Иванюкова и М. Ковалевскій: „У подошвы Эльбруса“;„Въ Сванетіи“ (1886 г.); П. Равинскій: „Мои странствованія по Монголіи“ (1874 г.), „Воспоминанія изъ путешествія по Сербіи“ (1875 и 1876 гг.).

Изъ статей по изученію Сибири, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, любопытны также статьи Н. Ядринцова:

„Наши выселенія и колонизаціи“ (1880).—„Положеніе переселенцевъ въ Сибири“ (1881).—„Положеніе ссыльныхъ въ Сибири“.—Ст. Д. Г. Тальберга „Ссылка на Сахалинъ“ (1879 г.). И. Благовѣщенскаго: „Записки о Сибири“. Къ изученію положенія и быта различныхъ народовъ, населяющихъ Россію, относятся статьи: „В. Бехтера: „Вотяки, ихъ исторія и современное состояніе“ (1880 г.).—„Пермяки“ (бытовой и этнографическій очеркъ 1883 года) Н. Добротворскаго.—„Крымъ и крымскіе татары“ (историческій обзоръ ихъ настоящаго положенія 1883 г.) М. Гольденберга.—„Среди крымскихъ татаръ“ Ѳ. Ворононова.—Переселеніе татаръ изъ Крыма въ Турцію“, любопытная статья, по фактамъ и выводамъ, составленная въ началѣ 1860-хъ годовъ, Левитова („Вѣстн. Европы“ 1882 г.).

Изученію быта и положенія раскольниковъ посвященъ рядъ трудовъ и статей, которые составляютъ въ „Вѣстникѣ Европы“ какъ-бы особый отдѣлъ:

1872 и 1873 гг. А. Розовъ: „Странники или бѣгуны въ русскомъ расколѣ“.

1879. Р. Эшеръ: „Молокане или христіане спиритуалисты вост. Россіи“.

1880. Е. Раппъ: „Русскій расколъ и законодательство“.

1880. Ю. „Духовные христіане: духоборцы молокане“.

1881. Р. Е. „Русскіе раціоналисты и субботники: молокане и штундисты“.
1881. А. Южный: „На Днѣпровскихъ порогахъ и два дня у штундистовъ“.
1882. А. Михайловъ: „По вопросу о вѣротерпимости къ расколу“.
1883. А. Пругавинъ: „Немоляки“.

Изъ статей по этнографіи считаемъ долгомъ упомянуть: ст. Н. И. Костомарова: „Великорусская народная поэзія“, („В. Е.“, май 1872 г.),—акад. А. Н. Веселовскаго: „Отрывокъ византійскаго эпоса въ русскомъ“ (1875 г.),—А. Ѳ. Гильфердингъ: „Олонецкая губернія и народныя рапсодіи (1872 г.),—И. Рудченко: „Чумакъ въ народныхъ пѣсняхъ“ (1872 г.) и проч.

VII.

Цѣлую литературу составляютъ въ „Вѣстн. Европы“ статьи по изученію внутреннихъ вопросовъ Россіи, которые поставлены на первомъ планѣ въ „Внутреннемъ обозрѣніи“ журнала, но здѣсь мы ограничимся лишь перечнемъ главныхъ статей, такъ какъ болѣе подробное обозрѣніе этого отдѣла журнала увлекло-бы насъ слишкомъ далеко. Такъ, по крестьянскому вопросу, кромѣ упомянутыхъ трудовъ К. Д. Кавелина и В. И. Семевскаго, мы встрѣчаемъ имя кн. А. И. Васильчикова, земскаго дѣятеля въ лучшемъ значеніи этого слова, который выступилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ съ статьей, написанной по поводу критикъ и рецензій на его книгу „Землевладѣніе и земледѣліе“. Въ этомъ сочиненіи кн. Васильчиковъ, какъ извѣстно, отстаивалъ неприкосновенность сельской общины, сельское самоуправленіе и мелкое землевладѣніе, какъ болѣе правильное распредѣленіе поземельной собственности.

О землевладѣніи помѣщены въ „Вѣстникѣ Европы“ статьи члена совѣта крестьянскаго поземельнаго банка Ѳ. Ворононова: „По вопросу о вліяніи земельнаго надѣла на благосостояніе крестьянъ“ (1880).—Теорія достаточности крестьянскихъ надѣловъ“ (1882).—„Новѣйшія экономическія условія“. — „Наши статистическія работы по землевладѣнію“ (1883). — А. Исаева „Значеніе семейныхъ раздѣловъ крестьянъ“ (1883). — Н. Благовѣщенскаго „Формы землевладѣнія“ (1888). — „Охрана крестьянскаго землевладѣнія“ Л. З. Слонимскаго (1890). — О сельской общинѣ писали въ „Вѣстникѣ Европы“: Е. Безакъ „Сельская община въ Россіи, статья д-ра Мекензи Уоллеса“ (1876).—И. Анисимовъ „Разложеніе нашей земельной общины“ (1885).—В. Пругавинъ „Прогрессъ въ земельной общинѣ“ (1886).—И. Кейслеръ „Сельская община и ея современное положеніе“ (1887) и пр.

По вопросу о народномъ образованіи помѣщенъ рядъ статей барона Н. А. Корфа, одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей земской начальной школы.

„Русское народное образованіе и земство“ (статья 1871 г., по поводу книги кн. А. Васильчикова „О самоуправленіи“, т. II). — „Объ обязательномъ обученіи въ Россіи“.—„Итоги общественной дѣятельности въ пользу народнаго образованія въ Россіи“ (1876). — „Сельско-хозяйственное и ремесленное образованіе народа“. — „Народная школа въ рукахъ крестьянскаго земства“ (1881).—„Народныя училища въ Москвѣ и Петербургѣ“ (1882).—„Наши учительскія семинаріи“—историческій очеркъ (1883).

Затѣмъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1886 года напечатана статья: „Что читать народу“ В. И. Водовозова, извѣстнаго своей почтенной педагогической дѣятельностью и изданіемъ народныхъ учебниковъ, которые расходились сотнями тысячъ.

О среднемъ образованіи въ Россіи писалъ другой извѣстный педагогъ В. Я. Стоюнинъ: „Мысли о нашихъ экзаменахъ“ (1870). — „Педагогическій вопросъ: „гдѣ гнѣздилось наше зло“ (1875).—„Замѣтки о русской школѣ“ (1881, 1882, 1883).—„Цѣль общеобразовательной школы“ (1882).—„Наша семья и ея историческія судьбы“ (1884). — Въ 1882 г. напечатана ст. С. Чекалы „Наши гимназіи какъ общеобразовательная школа“ (извлеч. изъ брошюры, изданной на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Должны-ли наши гимназіи остаться тѣмъ, чѣмъ онѣ есть“.).—Въ 1883 г. появилась статья В. Острогорскаго. „Двадцатипятилѣтіе женскихъ гимназій“.

Изъ статей „Вѣстника Европы“ о русскихъ университетахъ мы укажемъ два историческихъ очерка: „Русскіе университеты, въ связи съ ходомъ общественнаго образованія, В. С. Иконникова (1876 г.). — Научная дѣятельность нашихъ университетовъ по естествознанію (1883 г.) И. М. Сѣченова. По школьной гигіенѣ писали: А. П. Доброславинъ—„Переутомленіе учащихся и ихъ послѣдствія“ (1888 г.).—М. М. Манасеинова: „Мозговое утомленіе и способы опредѣленія его“ (1884 г.).

По общей гигіенѣ помѣщены статьи: 1876. „Профессіональная и промышленная гигіена“, С. Ловцова.
1882. „Очеркъ борьбы съ дифтеритомъ въ Россіи“, І. В. Бертенсона.
1882. „Эпидеміи и наши медицинскіе порядки“, д-ра Укке.
1884. „Деревенская медицина“, д-ра Я. Симоновича.

Значительное мѣсто отведено въ „Вѣстникѣ Европы“ вопросамъ политико-экономическимъ и финансовымъ; но такъ-какъ мы

считаемъ неудобнымъ приводить заглавіе статей, не касаясь ихъ содержанія, то мы ограничимся указаніемъ именъ авторовъ и годовъ статей.

Изъ статей политико-экомомическихъ напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы" статьи: А. Головачева (1876), И. Лохтина (1876), А. Крылова (1877), А. Абрамова (1879), Д. Торохова, И. Червинскаго (1884), И. Янжула (1888), А. Погожева, А. Исаева (1889), гр. Орлова-Давыдова. По вопросу о налогахъ помѣщены статьи: кн. А. Васильчикова (въ 1871 г. „Земская повинность въ Россіи"), Ѳ. Воропонова (1878, 1885 гг.), Л. Черняева (1878), Ю. Г. Жуковскаго, И. Янжула (1881). По общимъ финансовымъ вопросамъ писали въ „Вѣстникѣ Европы" Н. Колюпановъ (1873), И. Кауфманъ (1874, 1875), Н. Х. Бунге, Я. Печоринъ (1876), И. С. Бліохъ (1877), Ю. Г. Жуковскій (1881), Ѳ. Воропоновъ (1882, 1884), Д. Тороховъ (1889) и др.

Реформамъ прошлаго царствованія посвящены въ „Вѣстникѣ Европы" три капитальныхъ работы: „Десять лѣтъ реформъ" А. Головачева (1871, 1872).—„Итоги судебной реформы" К. К. Арсеньева (1887).—„Военныя реформы императора Александра II", статья, написанная не для цѣлей полемическихъ, какъ сказано въ предисловіи, а „для простаго изложенія сущности дѣла, которое окончилось прежде, чѣмъ успѣло выясниться до конца. Безъ такой объяснительной записки возможна была безрезультатная полемика въ данномъ направленіи. Настоящій трудъ пополняетъ этотъ пробѣлъ и послужитъ матеріаломъ для историка военныхъ реформъ прошлаго царствованія"... (1882 г.).

Великія реформы Александра II занимаютъ главное мѣсто и въ Внутреннемъ обозрѣніи „Вѣстника Европы", которое въ историческомъ отношеніи имѣетъ важное значеніе, въ смыслѣ подробной и обстоятельной лѣтописи внутренней жизни русскаго государства и общества, веденной изъ года въ годъ за послѣднюю четверть вѣка.

Общій характеръ „Внутренняго обозрѣнія" тѣсно связанъ съ историческими условіями, при которыхъ началось существованіе журнала. Въ пятилѣтіе 1861—65 гг. совершилось освобожденіе крестьянъ, введены въ дѣйствіе земскія учрежденія, обнародованы новые судебные уставы, отмѣнены тѣлесныя наказанія, дана извѣстная свобода печати и т. д. Редакція „Вѣстника Европы", наравнѣ съ большею частью русскаго образованнаго общества, радостно привѣтствовала широкія преобразованія, съ которыми связаны были надежды на будущее благосостояніе Россіи и

русскаго народа. Эта исходная точка дала извѣстный характеръ и направленіе „Вѣстнику Европы“, которому онъ остался вѣренъ за всѣ двадцать пять лѣтъ, и за все время съ одинаковымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ и результатомъ реформъ и происходившими измѣненіями въ нихъ. Всѣ новыя законодательныя и правительственныя мѣры и распоряженія „Вѣстникъ Европы“ опять-таки разсматривалъ съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ реформамъ Александра-Освободителя.

Такимъ образомъ, получилась цѣлая исторія общаго хода крестьянскаго вопроса въ Россіи за четверть столѣтія, земскихъ и судебныхъ учрежденій въ связи съ отношеніемъ къ нимъ общества и печати. Съ 1870-хъ годовъ, съ утвержденіемъ новаго городоваго положенія, „Вѣстникъ Европы“ посвятилъ рядъ „Внутреннихъ обозрѣній“ объясненію сущности и задачъ реформы, слѣдилъ за ходомъ дѣла и его фактическими результатами и неизмѣнно высказывался за распространеніе ея во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, не исключая Сибири, западныхъ и прибалтійскихъ губерній. Съ такимъ же искреннимъ сочувствіемъ встрѣтилъ онъ въ 1874 году манифестъ о всеобщей воинской повинности, въ виду связанной съ нимъ надежды на распространеніе грамотности въ Россіи и поднятіе общаго умственнаго уровня народной массы. Въ 1880-хъ годахъ „Внутренняго обозрѣнія“ на первомъ планѣ поставлены финансовые и экономическіе вопросы, административныя реформы, пересмотръ уголовнаго и гражданскаго законодательства и мѣры, принятыя правительствомъ къ обезпеченію благосостоянія крестьянъ и улучшенію быта городскаго и рабочаго люда. При этомъ за всѣ двадцать пять лѣтъ, изъ года въ годъ длинный рядъ „Внутреннихъ обозрѣній“ занятъ вопросомъ о русскомъ образованіи въ видѣ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и въ особенности народной школы, такъ какъ поднятіе умственнаго уровня массы и распространенія образованія въ народѣ поставлены „Вѣстникомъ Европы“ какъ самая настоятельная потребность Россіи.

Въ первые два года существованія журнала внутреннее обозрѣніе носитъ болѣе спеціальный характеръ, а именно „земскаго обозрѣнія“ и „педагогической хроники“.

Въ очеркахъ „Земскаго обозрѣнія“ 1866 года Н. П. Ко-

люпанова выработаны „главные вопросы, разрѣшеніе которыхъ зависѣло отъ земства, и сведены разнообразныя попытки мѣстныхъ земскихъ собраній въ общіе итоги“. Въ слѣдующемъ, 1867 году, авторъ „Земскаго собранія“ приводитъ вопросы, поднятые въ другихъ земствахъ, въ виду новыхъ собранныхъ данныхъ, а затѣмъ приступаетъ къ обсужденію дѣлъ земства.

Въ 1868 году начинается ежемѣсячное „Внутреннее обозрѣніе“ безъ подписи авторовъ, и хотя сохраняетъ характеръ и направленіе первоначальнаго „Земскаго обозрѣнія“, но кругъ поднимаемыхъ имъ вопросовъ становится все шире, что, вѣроятно, и побудило редакцію „Вѣстника Европы“ сократить „Внутреннее обозрѣніе“ съ 1884 года и выдѣлить изъ него „Хронику общественной жизни“.

Мы представимъ общій обзоръ содержанія Внутренняго обозрѣнія „Вѣстника Европы“, которое имѣетъ особое историческое значеніе, такъ какъ относится къ первому двадцатипятилѣтію послѣ осуществленія реформъ, давшихъ новый поворотъ всей государственной и общественной жизни Россіи. Съ другой стороны „Внутреннее обозрѣніе“ даетъ наглядную картину общаго хода самихъ реформъ и полученныхъ результатовъ.

Такъ, напримѣръ, изъ ежемѣсячныхъ внутреннихъ обозрѣній „Вѣстника Европы“ вполнѣ выясняется роль земства, его экономическое и государственное значеніе, отношеніе къ крестьянскимъ дѣламъ, заботы о благосостояніи народа и участіе въ рѣшеніи насущныхъ экономическихъ потребностей, а равно и значительныя сдѣланныя имъ затраты на народное образованіе. Въ то-же время видно насколько дѣятельность земства находится въ тѣсной зависимости отъ расширенія и ограниченія его правъ и степени самостоятельности, такъ что общіе результаты являются далеко не такими утѣшительными, какими они могли быть. Фактическое объясненіе причинъ этого явленія мы находимъ въ „Внутреннемъ обозрѣніи“, несмотря на многіе пробѣлы, неизбѣжные при недостаткѣ и отрывочности получаемыхъ свѣдѣній. Такъ, мы видимъ, съ одной стороны, непреодолимыя препятствія въ мѣстныхъ условіяхъ: общаго обѣдненія крестьянъ въ извѣстныхъ пунктахъ, огромныхъ протяженій нѣкоторыхъ губерній и уѣздовъ, крайней малонаселенности или громадной цифры населенія, сосредоточенной въ рукахъ одного земства, и т. д.

„Нельзя удивляться, сказано во „Внутреннемъ обозрѣніи“ за іюль 1875 г. что, между прочимъ, уфимское земство сдѣлало мало для замѣтнаго улучшенія быта ½ милліоннаго населенія“... или что „рязанское земство, въ виду общаго обѣдненія, ненормальнаго состоянія всѣхъ отраслей земскаго хозяйства, не могло оказать скорой помощи“, тѣмъ болѣе „что новые источники земскаго дохода еще не изслѣдованы, старые изсякли“...

Съ другой стороны, самый характеръ дѣятельности земствъ находится въ прямой зависимости отъ ихъ наличнаго состава, крайне разнообразнаго по уровню образованія и направленія, какъ это наглядно указано во „Внутреннемъ обозрѣніи“ за мартъ 1881 года.

„Это различіе составляетъ одно изъ существенныхъ нашихъ условій. Наслѣдіе до-реформенныхъ порядковъ еще не прожито и отчасти выражается въ косности значительной части общественныхъ силъ. Оживленіе общественной дѣятельности создается не массою, и небольшими группами живыхъ людей, которые у насъ не очень быстро размножаются. Собралась въ губерніи такая группа, пріобрѣла нѣкоторое вліяніе и вотъ губернское земство начинаетъ жить, работать, обращаетъ на себя вниманіе. Разсѣялась подобная небольшая группа—и живое нѣкогда земство засыпаетъ, отходитъ на задній планъ“...

Третья и самая существенная причина неутѣшительныхъ результатовъ дѣятельности земствъ, какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ, заключается въ условіяхъ положенія земствъ, вслѣдствіе котораго они опустились ниже своего первопачальнаго уровня и потеряли ту нравственную поддержку, какой служило для нихъ прежнее сочувствіе значительной части русскаго общества.

Въ тѣсной связи съ земствомъ поставлена въ „Внутренномъ обозрѣніи“ и крестьянская реформа на ряду съ вызванными ею вопросами о народномъ образованіи, народной школы, экономическаго улучшенія быта крестьянъ, волостнаго самоуправленія, землевладѣнія, крестьянскаго поземельнаго банка и пр. Изъ этихъ вопросовъ въ „Обозрѣніи“ наибольшее вниманіе обращено на народную школу; здѣсь мы можемъ годъ за годъ прослѣдить весь ходъ народнаго образованія въ Россіи за четверть вѣка, во всѣхъ его фазисахъ, такъ что само собою выясняются результаты дѣятельности земствъ въ этомъ направленіи и отношеніе духовенства къ народному образованію. На ряду съ крестьянскимъ землевладѣніемъ подробно разобранъ въ

„Обозрѣніи“ вопросъ о волостномъ самоуправленіи, возбудившій столько толковъ въ земскихъ собраніяхъ и печати, въ особенности по поводу различныхъ проектовъ о „всесословной волости“. Не мало страницъ внутреннихъ обозрѣній посвящены обсужденію мѣръ къ улучшенію крестьянскаго хозяйства и экономическаго быта. Но только съ конца 1870-хъ годовъ вопросы эти получили фактическое значеніе, вслѣдствіе общей сознанной необходимости вернуться къ крестьянскому вопросу и обезпечить народную массу болѣе опредѣленными узаконеніями.

По этому поводу возбужденъ былъ вопросъ объ уменьшеніи выкупныхъ платежей и податной тягости, лежащей на крестьянствѣ, и огражденіи его отъ кулачества. Фактическимъ результатомъ этого движенія и сознанной необходимости со стороны правительства было: измѣненіе сроковъ взноса крестьянами окладныхъ сборовъ, пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣна подушной подати, перенесеніе части податнаго сбора на болѣе достаточные классы (налогъ съ наслѣдства, на процентныя бумаги и проч.), обращеніе послѣднихъ временно-обязанныхъ крестьянъ въ собственниковъ. Организація крестьянскаго кредита, въ видѣ крестьянскаго поземельнаго банка, довершила рядъ правительственныхъ мѣръ въ данномъ направленіи.

Обзоръ судебной реформы въ „Внутреннемъ обозрѣніи“ „Вѣстника Европы“ является наиболѣе законченнымъ и выработаннымъ, что объясняется гласностью всякаго новаго узаконенія, а также судебнаго производства и возможностью всесторонняго обсужденія. Судебная реформа разсматривается въ Обозрѣніи съ двухъ сторонъ: чисто научной и фактической. Въ первомъ случаѣ ясно объяснены основныя начала судебно-административной реформы въ рядѣ внутреннихъ обозрѣній, посвященныхъ всѣмъ главнымъ сторонамъ вопроса. При этомъ указаны всѣ видоизмѣненія и отклоненія отъ судебныхъ уставовъ 1864 года, и сдѣланъ отсюда окончательный выводъ въ „Обозрѣніи“ 1889 года: „Судебные уставы 1864 года, если разсматривать ихъ, какъ цѣлое, то они настолько измѣнились къ концу первой четверти вѣка, что новое начинающееся теперь двадцатипятилѣтіе начинаетъ теперь и новый судебный порядокъ, существенно отличный отъ истекшаго періода“...

Другая сторона обзора посвящена фактическому изложенію

судебной реформы, заключаетъ объясненіе новыхъ законодательныхъ мѣръ, вновь изданныхъ законовъ, правилъ и постановленій въ видѣ слуховъ, проектовъ, предположеній и въ окончательномъ рѣшеніи. Характерной чертой 1880-хъ годовъ въ этомъ обзорѣ является обиліе всякихъ проектовъ и комиссій по поводу административной реформы и пересмотра уголовнаго и гражданскаго законодательства. Работы каждой изъ этой комиссій разсматриваются въ отдѣльности, такъ что получается наглядное представленіе объ общемъ ходѣ дѣла. На ряду съ этимъ „Внутреннее Обозрѣніе“ сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о послѣднихъ законодательныхъ мѣрахъ, имѣющихъ цѣлью улучшеніе экономическаго быта крестьянъ и быта фабричнаго и заводскаго городскаго населенія. Мы находимъ здѣсь также объясненіе новыхъ законовъ о раскольникахъ, заключающихъ нѣкоторыя перемѣны къ лучшему въ ихъ положеніи.

Разбору положенія раскольниковъ и отношенія къ нему русскаго законодательства также отведено видное мѣсто въ „Внутреннемъ Обозрѣніи“ журнала, и вездѣ проведена мысль о необходимости дарованія гражданскихъ правъ этой значительной части населенія, и терпимости относительно догматической стороны раскола. „Отрицательное отношеніе русскихъ законовъ къ раскольникамъ, говорится въ „Обозрѣніи“ (за іюнь 1879 года), можетъ быть основано на томъ, что русскія секты представляютъ отпаденіе отъ господствующей церкви. Но законъ отчасти уже призналъ необходимость сдѣлать нѣкоторую уступку реальнымъ потребностямъ жизни въ 1874 году, когда регистрація рожденій у раскольниковъ признана была неизбѣжнымъ подспорьемъ для составленія призывныхъ списковъ“.

„Не благоразумнѣе-ли было-бы, сказано въ томъ-же „Внутреннемъ Обозрѣніи“, теперь-же отказаться отъ враждебнаго отношенія къ расколу, чѣмъ прійти къ такому рѣшенію путемъ продолжительной запутанности спеціальныхъ уступокъ, съ сохраненіемъ общихъ ограниченій?.. Положеніе русскихъ протестантовъ, какими представляются наши старообрядцы, есть одинъ изъ важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ нашего государственнаго быта. Вопросъ этотъ необходимо рѣшить мирно и раціонально, чтобы со временемъ онъ не принялъ болѣе остраго характера. А рѣшеніе возможно только одно—признаніе закономъ всѣхъ сектъ, кромѣ противныхъ интересамъ нравственности, полное уравненіе сектантовъ въ правахъ съ прочими гражданами, т. е. установленіе въ Россіи свободы вѣры, которая существуетъ во всей Европѣ.“

Печальное положеніе раскольниковъ сказывается до сихъ поръ въ приводимыхъ не разъ въ „Обозрѣніяхъ“ судебныхъ

дѣлахъ о раскольникахъ, которые и послѣ манифеста 15-го мая 1883 года, даровавшаго значительныя облегченія раскольникамъ, носятъ тотъ-же характеръ преслѣдованій за вѣру, несовмѣстимыхъ съ гуманными требованіями новаго времени.

Принципъ терпимости проводится въ „Внутреннемъ обозрѣніи“ и относительно не русскихъ элементовъ населенія, и „Вѣстникъ Европы“ не разъ высказывалъ свое несочувствіе къ увлеченіямъ въ данномъ направленіи.

Тотъ-же характеръ подробной хроники русской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ сохраняется и въ дальнѣйшихъ „Внутреннихъ обозрѣніяхъ“. Такъ, во время войны 1877—1878 гг., на ряду съ обзорами военныхъ событій, подробно разобраны: финансовое и экономическое положеніе Россіи въ данный моментъ, наше военное устройство, интендантская и санитарная часть, состояніе флота, средства къ дальнѣйшему веденію войны. При этомъ отмѣчены всѣ наиболѣе характерные фазисы общественнаго настроенія какъ во время войны, такъ и по окончаніи ея, когда неудачный опытъ нашего управленія въ Болгаріи показалъ недостатокъ нашихъ предварительныхъ свѣдѣній и невѣрность разсчетовъ.

Наглядную картину общественнаго настроенія этого времени даютъ „Внутреннія обозрѣнія“ 1870-хъ годовъ:

„За свѣтлою порою великихъ реформъ“, говорится въ „Обозрѣніи“ 1875 г. (декабрь, стр. 798), „черезъ русскую жизнь прошла новая пора условій, не совсѣмъ благопріятныхъ для того, чтобы мысль, однажды прояснившаяся, могла созрѣть и окрѣпнуть въ прочное, цѣльное общественное мнѣніе. Пора эта принесла свои разочарованія, доказала однимъ, что многое, о чемъ они мечтали, невозможно; другимъ, что возможно то, о чемъ мечтать не стоитъ; третьимъ, что при такихъ обстоятельствахъ вѣрнѣйшее средство для успѣха во всякой карьерѣ есть фальшивый либерализмъ на языкѣ, служеніе общественному дѣлу на словахъ и подставленіе ему всякихъ тормазовъ въ дѣйствительности, честность въ рѣчахъ, а на дѣлѣ набиваніе своего кармана... Такому настроенію, продолжаетъ составитель „Внутренняго Обозрѣнія“, — соотвѣтствовало развитіе барышничества и спекуляціи всякаго рода, вызванныя быстрой постройкой желѣзныхъ дорогъ до 15 тыс. верстъ въ какія-нибудь семь лѣтъ, созданіе многихъ цѣнностей, особенно удобныхъ для спекуляцій, умноженіе бумажныхъ денегъ, которое вызвало къ жизни много промышленныхъ предпріятій, преимущественно спекулятивнаго характера...“

Въ „Внутреннемъ обозрѣніи“ 1877 г. (мартъ, стр. 412 — 413), въ пору появленія Тургеневской „Нови“, мы встрѣчаемъ такое мнѣніе противъ стремленія въ деревню, въ Сербію,

въ народъ, которое охватило тогда болѣе подвижную часть русскаго общества, искавшую примѣненія своихъ силъ въ честной и плодотворной дѣятельности:

„Положеніе о полномъ безсиліи современнаго общества и объ окончательной будто-бы безъисходности настоящаго историческаго момента не можетъ быть принято безусловно... Мы убѣждены, что у русскаго общества есть способность для плодотворной дѣятельности и много охоты, хотя не примѣненной и даже не выступившей наружу. Вотъ почему, по нашему глубокому убѣжденію, оно не должно думать о томъ, чтобы переродиться въ нѣчто другое, непохожее на то, чѣмъ создала его исторія; не должно отрекаться отъ себя и считать себя годнымъ къ упраздненію въ пользу невѣдомыхъ и грядущихъ поколѣній...“

Возможный и естественный исходъ изъ этого положенія видитъ „Вѣстникъ Европы“ въ расширеніи практической дѣятельности, открытой рядомъ преобразованій; тогда, выражаясь его словами, „явилось-бы прямое дѣло и нездоровыя мечтанія и исканіе какихъ-то новыхъ идеаловъ“ уступили-бы мѣсто болѣе здоровому направленію.

Въ тѣсной связи съ первоначальными реформами и слѣдовавшими за ними „Городоваго положенія“ и „Всеобщей воинской повинности“ разсматриваетъ „Вѣстникъ Европы“ и вопросъ объ образованіи, который вездѣ поставленъ на первомъ планѣ.

На ряду съ сельской начальной школой, такое-же видное мѣсто отведено въ „Внутреннемъ обозрѣніи“ городской народной школѣ, среднимъ и высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Порядокъ обсужденія того или другаго явленія въ исторіи русскаго образованія соотвѣтствуетъ порядку возникновенія вопросовъ за цѣлыя двадцать пять лѣтъ. Такъ, длинный рядъ „Обозрѣній“ „В. Е.“ посвящаетъ вопросу о реальномъ и классическомъ образованіи, учебнымъ планамъ, способу преподаванія и пр., въ виду крутаго поворота въ пользу классицизма, различныхъ видоизмѣненій среднихъ учебныхъ заведеній въ данномъ направленіи и усиленной полемики по этому поводу. Между прочимъ, „Внутреннему обозрѣнію“ (августъ 1879 г.) пришлось доказывать, по поводу нападокъ московской печати на старую школу, что „для пересозданія русскихъ учебныхъ заведеній въ здоровый могущественный факторъ будущей русской исторіи“ недостаточно лишнихъ греческихъ или латинскихъ уроковъ въ недѣлю, и что на томъ-же основаніи можно прійти къ обратному выводу.

Такую-же полемику выдержалъ „Вѣстникъ Европы“ и по

поводу пересмотра новаго университетскаго устава, государственныхъ экзаменовъ, испытательной комиссіи и пр., особенно въ 1887 году, памятномъ по нововведеніямъ въ университетахъ, гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Не обошлось безъ полемики и для такого учрежденія, какъ учительскія семинаріи, безобиднаго само по себѣ и въ высшей степени важнаго для развитія сельской и городской начальной школы, получившей быстрое развитіе съ утвержденіемъ „Городоваго положенія“ въ 1870 году, такъ что вопросъ объ обязательномъ обученіи, заявленный первымъ предсѣдателемъ училищной комиссіи Ѳ. Ѳ. Эвальдомъ, въ настоящее время уже не кажется мечтой. Извѣстно, что Петербургъ въ настоящее время имѣетъ до 260 нач. училищъ, учрежденныхъ городскою думою, и въ нихъ обучается до 13 т. дѣтей обоего пола.

Важное значеніе военной реформы 1874 года для народнаго образованія было вполнѣ оцѣнено „Вѣстникомъ Европы“, который отнесся къ ней съ самымъ живымъ сочувствіемъ, такъ какъ видѣлъ въ этомъ „стремленіе правительства поднять умственный уровень народной и общественной массы“. Поэтому „Вѣстникъ Европы“ въ своемъ внутреннемъ обозрѣніи съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за слухами о всеобщей воинской повинности, принималъ дѣятельное участіе въ преніяхъ печати по этому поводу. Наборъ 1871 представилъ для него особый интересъ въ связи съ ожидаемымъ военнымъ преобразованіемъ, равно и отчеты о занятіяхъ комиссіи по преобразованію воинской повинности.

По поводу манифеста 1874 года о всеобщей воинской повинности въ „Внутреннемъ обозрѣніи“ было подробно разъяснено ея образовательное значеніе. Также внимательно отнеслось „Внутреннее обозрѣніе“ и къ дальнѣйшему ходу дѣла при осуществленіи реформы и къ послѣдовавшимъ видоизмѣненіямъ первоначальнаго устава.

Что касается финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ, то имъ посвященъ длинный рядъ „Внутреннихъ обозрѣній“, съ первыхъ лѣтъ существованія журнала до послѣднихъ, которыя въ цѣломъ даютъ послѣдовательную исторію финансоваго и экономическаго положенія Россіи за двадцать пять лѣтъ. Но такъ какъ они представляютъ сводъ всего сказаннаго въ этомъ направленіи въ отдѣльныхъ финансовыхъ и экономическихъ статьяхъ, о которыхъ было сказано выше, и служатъ дополненіемъ ихъ, то мы не считаемъ удобнымъ распространяться объ этомъ, тѣмъ

болѣе, что финансовые и политико-экономическіе вопросы не поддаются бѣглымъ обзорамъ.

VIII.

Иностранное обозрѣніе „Вѣстника Европы" составлено по тому-же общему плану, какъ и „Внутреннее обозрѣніе", и представляетъ возможно полный обзоръ внутренней и государственной жизни западной Европы.

Кромѣ иностраннаго обозрѣнія, въ „Вѣстникѣ Европы" съ 1868 года существуетъ отдѣлъ корреспонденцій изъ Берлина, Парижа, Лондона, Флоренціи, Нью-Іорка, въ 1882 году было даже письмо изъ Китая, а въ 1886 изъ Тегерана. Въ числѣ корреспонденціи помѣщены „Парижскія письма" Зола, письма А. Реньера, „Наука и литература въ современной Англіи" и письма Макъ-Гахана изъ Америки.

По внутренней корреспонденціи напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы" письма изъ Москвы, Кіева, Варшавы, Тифлиса, при-Азовскаго края, изъ Саратова, письма изъ деревни А. Н. Энгельгардта, которыя представляютъ собою отдѣльныя сельскохозяйственныя и статистическія статьи.

Литературное обозрѣніе началось въ „Вѣстникѣ Европы" съ 1866 года и состояло изъ библіографическихъ замѣтокъ, рецензій и критическихъ разборовъ наиболѣе замѣчательныхъ книгъ по иностранной и, преимущественно, русской литературѣ.

Представленный нами общій обзоръ содержанія трудовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы", и содержанія „Внутренняго обозрѣнія" краснорѣчивѣе всякихъ словъ свидѣтельствуетъ о заслугахъ этого почтеннаго учено-литературнаго и политическаго журнала за первое двадцатипятилѣтіе его существованія (1866—1890 г.). Намъ остается только упомянуть объ его значеніи въ русской журналистикѣ со стороны распространенія многихъ полезныхъ свѣдѣній по разнымъ отраслямъ знанія, развитія вкуса публики при посредствѣ лучшихъ произведеній русской и иностранной беллетристики. Не меньшее значеніе имѣетъ „Вѣстникъ Европы" въ русскомъ журнальномъ дѣлѣ: своимъ неизмѣнно хорошимъ тономъ, уваженіемъ къ печатному слову, научнымъ трудамъ и личности—онъ не мало способствовалъ поднятію общаго уровня русской печати.

Н. А. Б.

22-го ноября 1890 г. Спб.

О. ІОАННЪ ИЛЬИЧЪ СЕРГІЕВЪ ПРОТОІЕРЕЙ КРОНШТАДСКІЙ

XXXV-лѣтіе его священства

1855—$\frac{12\text{-го}}{\text{декабря}}$—1890.

12-го декабря сего года минетъ тридцать пять лѣтъ со дня поставленія въ священство вѣдомаго всей Россіи о. Іоанна Сергіева Кронштадскаго.

Привѣтствуя отъ всей души съ приближеніемъ этого дня наидостойнѣйшаго пастыря, славнаго своею, въ самомъ широкомъ смыслѣ, благотворительностью,—ред. „Русской Старины“—помѣщаетъ вслѣдъ за симъ небольшой очеркъ, посвящаемый характеристикѣ этого выдающагося русскаго дѣятеля на полѣ добра. Ред.

Протоіерей Кронштадтскаго Андреевскаго собора Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ—сынъ бѣднаго причетника Архангельской губерніи, Пинежскаго уѣзда, села Сура [1]). Онъ имѣлъ благочестивыхъ родителей и нѣсколько сестеръ. Отца лишился онъ въ своемъ отрочествѣ и остался на попеченіи своей набожной матери. Въ своей семьѣ родной онъ видѣлъ смиреніе, кротость, благопокорность волѣ Божіей и доброту къ другимъ; при боль-

---

[1]) С. Сура наход. въ 50 верстахъ отъ Пинеги и въ 30 верстахъ отъ Веркольскаго монастыря.

Вотъ данныя, относящіяся къ жизни достойнаго сего пастыря, собственноручно внесенныя имъ въ альбомъ „знакомые“, 14-го января 1889 г.:

„Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ, род. 18-го октября 1829 года, окончилъ курсъ С.-Петербургской духовной академіи въ 1855 г.; опредѣленъ въ Кронштадтъ священникомъ въ томъ-же году, именно посвященъ въ санъ священника 12-го декабря 1855 г.—Первыя его проповѣди и поученія появились въ 1859 году“. [Альбомъ ред. „Русской Старины“ „Знакомые“, рукопись, часть IV, стр. 217].

шой бѣдности въ своемъ дому, въ своемъ отцѣ—строгое отношеніе къ своей скромной должности и благоговѣніе на службѣ. По смерти отца мать была тою высоконравственною силою для о. Іоанна, который слово матери считалъ для себя закономъ во всѣ дни своей жизни. Разсказываютъ, когда однажды, уже въ бытность свою въ священствѣ, о. Іоаннъ тяжко заболѣлъ и доктора уговаривали его нарушить дни поста великаго—ѣсть скоромное, иначе грозили печальнымъ исходомъ болѣзни, о. Іоаннъ, не уступая ихъ желанію, объявилъ имъ, что пока не получитъ изъ Архангельской губерніи отъ матери своей совѣта, до тѣхъ поръ онъ и въ тяжкой болѣзни останется вѣренъ уставу святой церкви. Пришелъ совѣтъ отъ матери: поста ни за что не нарушать,—и о. Іоаннъ, вѣрный своему убѣжденію и благоговѣйный къ слову матери, сверхъ ожиданія лечившихъ, очень скоро избавился отъ тяжкой болѣзни. Сыновняя любовь о. Іоанна къ матери была удивительна. Послѣдніе годы своей жизни она провела у сына въ Кронштадтѣ и здѣсь-же похоронена. О. Іоаннъ каждый почти день, когда онъ въ Кронштадтѣ, посѣщаетъ могилу матери, обновляясь памятью объ ея вліяніи на душу его. Такое-же чувство онъ имѣлъ и къ отцу своему. На его могилѣ въ своемъ погостѣ онъ проводилъ въ молитвѣ цѣлыя ночи. Такъ любилъ о. Іоаннъ богомысліе и такую питалъ любовь къ родителямъ. За такую любовь къ нимъ Господь и благословляетъ о. Іоанна. Теперь на своей родинѣ, на мѣстѣ своихъ ночныхъ моленій и созерцаній звѣздъ на небѣ и помышленій о горнемъ мірѣ, устроенъ о. Іоанномъ великолѣпный трехпрестольный храмъ каменный, украшаемый и обогащаемый разнородными жертвами усердствующихъ благодарныхъ, облагодѣтельствованныхъ о. Іоанномъ лицъ обоего пола, испытавшихъ на себѣ силу вѣры и молитвы глубоко и далеко чтимаго пастыря Кронштадтскаго.

Бѣдность родной семьи научила отца Іоанна любить бѣдныхъ.

Молитва, набожность матери и благоговѣніе отца научили душу сына любить Бога всею душою. И вотъ подрастаетъ отецъ Іоаннъ Сергіевъ. Школьное образованіе сначала дается ему туго, очень туго; онъ, по его словамъ, затруднялся усвоять азбуку, букварь; скорбѣлъ о своей тупости. Но послѣ одной слезной молитвы онъ получаетъ облегченіе въ головѣ, просвѣтленіе, и изъ послѣднихъ учениковъ дѣлается лучшимъ. Но и при

этомъ онъ всегда хранитъ въ сердцѣ своемъ кротость. Въ школѣ, въ семинаріи и въ с.-петербургской духовной академіи онъ былъ всегда сосредоточенъ, не любилъ общихъ веселыхъ разговоровъ или шутокъ и насмѣшекъ товарищескихъ; онъ уже и тогда жилъ въ Богѣ и ко благу ближнихъ. Всецѣло преданный святой вѣрѣ, отецъ Іоаннъ помышлялъ отдать себя вѣропроповѣдническому (миссіонерскому) служенію въ отдаленныхъ странахъ Россіи, но Богъ ему указалъ такое-же служеніе близь столицы.

„Я поставилъ себѣ за правило, говоритъ самъ отецъ Іоаннъ, сколько возможно искренне относиться къ своему дѣлу и строго слѣдить за собою, за своею внутреннею жизнію". Дѣйствительно, съ первыхъ дней его служенія въ Кронштадтѣ начались особыя пастырскія отношенія къ паствѣ: къ прихожанамъ быстрая отзывчивость на нужды ихъ, постоянное вниманіе къ ихъ положенію, тайная помощь бѣднымъ, больнымъ, постоянная проповѣдь въ храмѣ. При вступленіи отца Іоанна оживилась паства. Но и молодому такому пастырю, дотолѣ не бывалому въ томъ городѣ, и дѣла было всегда, какъ говорится, по горло; онъ былъ всегда занятъ, всѣ стали обращаться къ отцу Іоанну, зная, что никому ни въ чемъ, по мѣрѣ своихъ силъ, не откажетъ. Стало его имя, не безъ зависти другихъ, переходить изъ устъ въ уста и за предѣлы острова Кронштадтскаго. Была испытана и сила его молитвы и вѣры. Имя его стало благословенно, посѣщеніе имъ дома—вожделѣнно и радостно.

По слову Христа, не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы, и не вжигаютъ свѣтильника подъ спудомъ, но ставятъ на подсвѣчникъ, да свѣтитъ онъ всѣмъ (Мѳ. 5, 15). Такъ засвѣтилъ въ Россіи и отецъ Іоаннъ. На него указала міру одна благочестивая кронштадтская старица Прасковья Ив. Ковригина, испытавшая чудодѣйственную силу молитвы отца Іоанна на одномъ своемъ родственникѣ. Она привлекла къ служителю Христову отцу Іоанну всеобщее, всенародное вниманіе.

Къ его молитвѣ стали прибѣгать и за-очно, и пріѣзжали изъ далекихъ странъ. По вѣрѣ просящихъ и по молитвѣ кроткаго о. Іоанна, Господь, обѣщавшій взирать и призирать только на кроткаго и трепещущаго словесъ Его (Ис. 66, 2) и посылаетъ просимое.

Изъ безчисленнаго множества примѣровъ дивныхъ исцѣленій и знаменій Божіихъ, явленныхъ чрезъ о. Іоанна, и печатныхъ и непечатныхъ укажемъ хотя на нѣкоторые. Вотъ что пишутъ:

На Уралѣ, въ Екатеринбургѣ, жилъ богатый золотопромышленникъ З—въ, слывшій тамъ отцомъ всѣхъ бѣдныхъ. Спустился онъ однажды въ шахту, въ подземелье, гдѣ добываютъ песокъ съ золотомъ, на глубину 30 саженей, и, послѣ распоряженій тамъ, велѣлъ себя поднимать, а въ эту минуту глыба руды оборвалась и засыпала его; сотни рукъ стали спасать зарытаго, отрыли его не скоро и безъ признаковъ жизни. Слезы полились изъ очей рабочихъ. Главный приказчикъ пригласилъ всѣхъ молиться за хозяина; а самъ тотчасъ послалъ срочную телеграмму къ о. Іоанну въ Кронштадтъ. Между тѣмъ врачъ у засыпаннаго объявилъ, что хозяинъ безнадеженъ. Заговорили тихо: „умеръ, умеръ“; прошло не мало тревожнаго времени: часа черезъ три въ домѣ засуетились: „вздохнулъ, вздохнулъ“, послышались возгласы. Взглянули на часы: было безъ четверти три, или по петербургскому времени 2 часа 15 минутъ [1]). Отъ о. Іоанна получается телеграмма: „въ два часа 15 минутъ отслуженъ молебенъ“. Больной выздоровѣлъ и на другой годъ нарочно пріѣхалъ въ Кронштадтъ благодарить о. Іоанна и помолиться вмѣстѣ съ нимъ.

Одинъ татаринъ обращается къ о. Іоанну съ просьбою: „Батюшка! я слышалъ, что твой Богъ сильнѣе нашего Аллаха: по твоей молитвѣ у сосѣда поправился ребенокъ; помолись за мою жену“.—„Изволь, помолимся вмѣстѣ“. О. Іоаннъ опустился на колѣни и сталъ молиться; татаринъ повторялъ слова молитвы. Молились около часа. „Ступай съ миромъ“ говоритъ о. Іоаннъ. Татарина жена выздоровѣла и вся его семья приняла православіе.

Одинъ купецъ, очень богатый, но не пользовавшійся доброю молвою за притѣсненіе бѣдныхъ и нуждающихся, нажившій капиталы неправдою, обманами, три раза издалека пріѣзжалъ къ о. Іоанну и два раза не былъ принятъ, и только въ третій разъ, когда купецъ-маклакъ созналъ всю скверну своей жизни и безчестіе отъ нажитыхъ капиталовъ и далъ въ душѣ слово испра-

---

[1]) О. Іоаннъ. Соч. Животова. Спб. 1890. Стр. 62—63.

виться, тогда только уже, въ третій пріѣздъ, былъ принятъ о. Іоанномъ и получилъ отъ него благословеніе.

Есть въ мірѣ, конечно, и подсмѣивающіеся надъ дѣятельностію о. Іоанна. Вотъ одинъ изъ немногихъ, впрочемъ, примѣровъ: трое шалуновъ, жившіе на Васильевскомъ островѣ, по 12 линіи, близъ Малаго проспекта, въ одномъ домѣ съ купеческой благочестивой семьей, удостоивавшейся нерѣдко посѣщенія о. Іоанна, вздумали посмѣяться надъ прозорливостью и молитвою о. Іоанна. Одинъ изъ нихъ, К—ій, пошелъ пригласить о. Іоанна, а другой, С., притворился тяжко-больнымъ, и третій товарищъ, М—нъ, изображалъ плачущаго по умирающемъ другѣ. Приглашавшему о. Іоаннъ не отказалъ въ молитвѣ. Но предупредительно сказалъ, что „вы шутите съ Богомъ“.

Приходитъ въ комнату. Иконъ нѣтъ; лицемѣры всѣ въ своихъ задуманныхъ положеніяхъ. Мнимо больной лежалъ на постели и стоналъ, а товарищъ всхлипывалъ у кровати. О. Іоаннъ, осмотрѣвъ всѣхъ и все, опустился на колѣни и, перекрестившись, сказалъ: „Господи, пошли имъ по вѣрѣ. Аминь“. О. Іоаннъ быстро вышелъ изъ комнаты. Рѣзвые товарищи приглашаютъ мнимо-больнаго встать, но игравшій роль больнаго, Иванъ оказался и взаправду больнымъ, — онъ встать не могъ, его поразилъ нервный ударъ. И только послѣ покаянія шалуновъ-насмѣшниковъ и долговременнаго обличенія ихъ о. Іоанномъ въ Кронштадтѣ—больной, наконецъ, оправился.

Благотворительность о. Іоанна безмѣрная. Онъ о себѣ не думаетъ: мимо его рукъ проходятъ тысячи и онъ ихъ раздѣляетъ, раздаетъ и разсылаетъ по почтѣ щедрою рукою. А въ самомъ Кронштадтѣ у него есть каждодневные нищіе, несчастные въ жизни, постоянно питающіеся отъ его подаянія на улицахъ и площадяхъ. Въ Кронштадтѣ о. Іоанномъ устроено шестнадцать благотворительныхъ учрежденій; изъ нихъ особенно замѣчателенъ Домъ трудолюбія, въ которомъ устроена и церковь и три большія зданія для призрѣнія бѣдныхъ.

Вообще-же о. Іоанномъ, въ теченіи тридцати-пяти-лѣтняго его священно-служенія, учреждены, кромѣ Дома трудолюбія, и поддерживаются: ночлежный пріютъ на 300 человѣкъ, народная столовая, кормящая до 600 человѣкъ въ день, богадѣльня, лечебница; устроены народныя чтенія, библіотека даровая,

книжная лавка, дѣтская библіотека, начальныя училища для 350 дѣтей, рисовальные классы, дѣтскій пріютъ для 100 круглыхъ сиротъ, убѣжище денное для дѣтей.

Не говоримъ уже о неисчислимой помощи на дому, оказываемой о. Іоанномъ.

Все это и сила молитвы и щедродательность дивная, при изумительныхъ терпѣніи и трудолюбіи о. Іоанна, сдѣлали его въ высокой степени чтимымъ, имя его достославнымъ и вездѣ привлекаетъ къ нему множество народа для благословенія. Особенно бываетъ сильное стеченіе въ Кронштадтѣ во дни Великаго поста, для покаянія, и въ день его имянинъ, 19-го октября. Въ день ангела глубоко благодарные къ этому служителю Христову готовы всячески достойно выразить свою любовь и свою память.

Въ этотъ день Кронштадтъ принимаетъ видъ праздничный, отъ множества съѣхавшихся и депутацій, привѣтствующихъ имянинника...

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что 12-го сего декабря, въ день тридцати-пятилѣтней годовщины высоко благотворнаго служенія достойнѣйшаго о. Іоанна Сергіева, въ священномъ санѣ іерея, очень многіе его почитатели глубоко, искренно пожелаютъ этому пастырю многіе и многіе годы подвизаться въ его великомъ подвигѣ—служенія всѣмъ обращающимся къ нему за нравственною и матеріальною помощью.

Люди, подобные о. Іоанну, суть свѣтила блага и добра, особенно въ средѣ и во времени, когда корысть, себялюбіе и полное равнодушіе къ нищетѣ и страданіямъ суть господствующія явленія во всѣхъ слояхъ общества и народа.

В. Я. М.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1890 г.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

Минулъ двадцать первый годъ изданія нашего историческаго сборника „Русская Старина“, и въ виду наступленія втораго года во второмъ десятилѣтіи существованія этого историческаго журнала, мы, по установленному нами обычаю, оглянемся на послѣднія двѣнадцать книгъ изъ 252-хъ, выпущенныхъ нами съ 1-го января 1870 года [1]).

Вотъ краткій обзоръ „Русской Старины“ 1890 года.

I.

„Замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ въ области новѣйшихъ литературныхъ мемуаровъ должны быть признаны „Воспоминанія“ профессора с.-петербургскаго университета А. В. Никитенко (1803—1877 гг.)“,—такъ начинаетъ „Вѣстникъ Европы“ большую монографію, посвященную, въ двухъ своихъ книгахъ [2]), подробному обзору печатаемыхъ въ „Русской Старинѣ“ съ 1888 г. „Записокъ и дневника академика-профессора А. В. Никитенко“.

---

[1]) Если считать книги „Русской Старины“ втораго и третьяго изданій, нѣкоторыхъ годовъ, то число таковыхъ значительно превышаетъ число 252.

[2]) „Вѣстникъ Европы“ 1890 г., кн. 10, стр. 729, и кн. 11, стр. 300.

Почти всѣ органы нашей печати отвели на своихъ столбцахъ и страницахъ мѣсто многочисленнымъ выпискамъ изъ этого дѣйствительно весьма важнаго историко-литературнаго памятника. На страницахъ „Русской Старины“ обозрѣваемаго года „Дневникъ Никитенко“ объемлетъ событія и характеристики многихъ русскихъ дѣятелей за время съ 1844 по 1860 годъ включительно. Такимъ образомъ, онъ касается и самыхъ тяжелыхъ лѣтъ въ исторіи русскаго общества вообще и исторіи русскаго просвѣщенія въ особенности, конецъ 1840-хъ и начала 1850-хъ годовъ, и, вслѣдъ за тѣмъ, ставитъ лицомъ къ лицу своихъ читателей съ разцвѣтомъ русскаго самосознанія, съ возрожденіемъ Россіи, съ незабвенною эпохою великихъ реформъ Александра II - Освободителя. Всѣмъ, между прочимъ, памятно, какое благотворное вліяніе произвели мѣропріятія, исходившія отъ высочайшей власти съ 1855-го по начало 1860-хъ годовъ въ области министерства просвѣщенія. Царствованіе Александра II застало на посту министра народнаго просвѣщенія Авраама Сергѣевича Норова; главное достоинство этого почтеннаго русскаго человѣка, достоинство какъ министра, было то, что съ самаго вступленія своего въ министерство онъ поспѣшилъ отыскать „не только искуснаго выразителя своихъ мыслей, но полезнаго совѣтника и еще болѣе строгаго судью. Такого человѣка, — продолжаемъ словами академика А. Ѳ. Бычкова:

...„Норовъ, при вступленіи въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, искалъ человѣка, съ которымъ онъ могъ бы по душѣ дѣлиться своими взглядами на предстоявшія ему занятія, въ которомъ находилъ бы онъ не только искуснаго выразителя своихъ мыслей, но полезнаго совѣтника и еще болѣе строгаго судью. Такого человѣка Норовъ нашелъ въ Никитенко. Въ исторіи русскаго просвѣщенія останутся навсегда памятными первые годы министерства Норова, въ которое состоялось нѣсколько чрезвычайно важныхъ постановленій. Въ это время было испрошено высочайшее соизволеніе на увеличеніе нормы числа студентовъ въ университетахъ московскомъ и с.-петербургскомъ; постановлено отправлять за границу молодыхъ людей для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ въ университетахъ; возстановлено правило на полученіе пенсіи на службѣ сверхъ жалованья служащими въ учебныхъ заведеніяхъ; обращено вниманіе Государя Императора на неудобства существованія комитета (2-го апрѣля 1848 года), учрежденнаго для высшаго наблюденія надъ произведеніями книгопечатанія, и составленная по этому поводу записка, отличавшаяся истинно-просвѣщеннымъ воззрѣніемъ на цензуру, содѣйствовала къ закрытію этого комитета; испрошено разрѣшеніе представлять въ

опредѣленные сроки краткій отчетъ о всѣхъ замѣчательныхъ произведеній науки и литературы, являвшихся въ промежутки этого времени, съ указаніемъ ихъ достоинствъ, что́ нерѣдко имѣло послѣдствіемъ удостоеніе ученыхъ и литераторовъ знаками монаршаго вниманія; совершено торжественное празднованіе юбилея столѣтняго существованія московскаго университета, на которомъ Никитенко былъ депутатомъ отъ с.-петербургскаго университета и произнесъ отъ его имени замѣчательную рѣчь. Во всѣхъ этихъ и многихъ другихъ постановленіяхъ самое дѣятельное участіе принималъ Никитенко; многія изъ нихъ своимъ появленіемъ обязаны его иниціативѣ; для другихъ, получившихъ утвержденіе, онъ писалъ обстоятельныя записки, убѣдительныя по силѣ доводовъ его краснорѣчія; о многихъ онъ велъ съ министромъ оживленные бесѣды и споры. Однимъ словомъ, Никитенко былъ душею министерства въ первые годы управленія имъ Норовымъ, и потому совершенно справедливо долженъ раздѣлять съ министромъ тѣ похвальные отзывы, которые безпристрастная исторія произноситъ объ этомъ времени“ [1]).

Теперь только, спустя болѣе тридцати лѣтъ, мы узнаемъ изъ печатаемаго „Русской Стариной“ дневника „чего стоило участіе, а въ большинствѣ случаевъ и добрый энергическій починъ А. В. Никитенко“ въ цѣломъ рядѣ самыхъ благотворныхъ мѣръ для освобожденія русскаго образованія и русской печати изъ подъ того мертвеннаго запрета, подъ какимъ гасла русская мысль, вплоть до кровавой искупительной жертвы—паденія Севастополя, которую принесла Россія... Но кромѣ драгоцѣнныхъ фактовъ чисто историческаго значенія, дневникъ Никитенко даетъ цѣлый рядъ весьма тонко очерченныхъ характеристикъ нашихъ государственныхъ, общественныхъ и литературныхъ дѣятелей. Почти всѣ они сошли въ могилу и почти всѣ хорошо извѣстны большинству читателей „Русской Старины“, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ, и читатели, конечно, согласятся съ нами, что характеристики упоминаемыхъ А. В. Никитенко дѣятелей не только вполнѣ вѣрны, но начертаны вполнѣ художественно, рукою мастера. Что еще намъ дорого въ этомъ дневникѣ, это образцовый слогъ; такъ и виденъ профессоръ словесности, академикъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, русскій писатель 1820—1840 годовъ, когда не только выступая въ печать, но и въ частной перепискѣ писали заботливо, черпая всѣ прелести изъ неизсякаемаго источника языка русскаго. Это вниманіе къ слову, это умѣніе пользоваться русскимъ языкомъ,

[1]) См. „Записки императ. акад. наукъ“, отчетъ отд. русскаго языка и словесности за 1877 годъ, стр. 17—41.

вполнѣ образцовое, какъ-бы сроднилось со всѣмъ существомъ Никитенко, и вотъ, возвращаясь въ свой маленькій рабочій кабинетъ, нерѣдко въ поздній часъ ночной, не смотря на все утомленіе трудоваго дня, нашъ академикъ-профессоръ вносилъ свои замѣтки въ дневникъ съ видимою любовью и уваженіемъ къ тому, что онъ дѣлаетъ, обращаясь къ отдаленному потомству... Мы много разъ въ послѣднее время видѣли у его дочери, Софьи Александровны, въ подлинникѣ его дневникъ, эти драгоцѣнныя тетрадки въ четвертую долю, писанныя твердымъ и яснымъ почеркомъ, безъ малѣйшей помарки, очевидно, безъ малѣйшихъ колебаній и сомнѣній. Человѣкъ правды и проникнутый глубокою любовью къ Россіи и русскому народу, изъ самаго низшаго слоя котораго онъ пробился до наивысшаго положенія въ обществѣ,—А. В. Никитенко говоритъ въ своемъ дневникѣ какъ передъ самимъ собою, какъ передъ своею совѣстью. Онъ сроднился съ своимъ дневникомъ, которымъ до самой своей кончины ни съ кѣмъ не дѣлился, и еще наканунѣ своей смерти долгомъ счелъ внести въ него нѣсколько строкъ. Да, это дѣйствительно „замѣчательное произведеніе въ области новѣйшихъ мемуаровъ“. Добавимъ, съ своей стороны, что „Русская Старина“, въ добрый часъ сказать, печатая эти записки и дневникъ на пространствѣ почти 28 мѣсяцевъ (съ сентября 1888 г.), оставила изъ нихъ въ рукописи не болѣе двухъ—трехъ страницъ.

Изъ прочихъ мемуаровъ, помѣщенныхъ въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины“, отмѣтимъ большой отрывокъ, сообщенный намъ кн. Ѳ. А. Куракинымъ, изъ „Гисторіи о Петрѣ Великомъ“, составленной его славнымъ пращуромъ, кн. Борисомъ Ивановичемъ Куракинымъ († 1727 г.). Эта „гисторія“ есть не что иное, какъ уцѣлѣвшій обломокъ отъ большаго труда славнаго дипломата эпохи Петра Великаго, своякa его, человѣка по своему времени весьма образованнаго и близко знавшаго современныхъ ему дѣятелей, главнѣйшихъ птенцовъ преобразователя Россіи, къ характеристикѣ которыхъ кн. Б. И. Куракинъ представляетъ новыя и весьма любопытныя данныя.

Отечественная война 1812 года, о которой мы представили вообще въ „Русской Старинѣ“, разновременно, очень много и, смѣемъ думать, весьма важныхъ мемуаровъ, изслѣдованій и ма-

теріаловъ,—въ обозрѣваемомъ 1890 г. оживилась въ разсказѣ кн. Козловскаго: „Москва въ 1812 году“, весьма обязательно сообщенномъ намъ маститымъ воиномъ П. А. Степановымъ, съ самаго начала нашего изданія всегда являвшимъ къ „Русской Старинѣ“ самое доброе и лестное вниманіе.

„Записки дворянки-помѣщицы Золотухиной о 1812 годѣ“, тягости котораго свели ее и въ преждевременную могилу († 1814 г.), были продолжаемы нами и не окончены еще въ нашемъ изданіи. Мы остаемся при мнѣніи, высказанномъ въ предыдущемъ нашемъ обзорѣ „Русской Старины“, что мелочныя подробности чисто бытоваго свойства, передаваемыя Золотухиной на страницахъ ея наивныхъ записокъ, немаловажны для составленія вполнѣ вѣрной картины состоянія русскаго общества и народа, а главное—самаго театра дѣйствій въ эпоху пережитыхъ событій 1812-го года.

Таковаго-же бытоваго значенія—„Записки дворянина Мих. Ник. Кирѣева“ (1789 — 1865 гг.), начертанныя лишь болѣе бойкою и широкою кистью: въ нихъ любопытны и событія изъ семейной хроники о Пугачевщинѣ, разсказы о дѣтствѣ и отрочествѣ составителя записокъ, проведенныхъ въ глухой провинціи, въ концѣ XVIII вѣка, а въ особенности драгоцѣнны страницы, посвященныя Дворянскому полку, за время 1808—1811 гг.; этотъ своеобразный полкъ, какъ извѣстно, былъ учрежденъ въ 1807 г. и, такимъ образомъ, записки его питомца М. Н. Кирѣева относятся къ самой зарѣ полувѣковой жизни Дворянскаго полка, который въ 1859 г. преобразился, черезъ посредство Константиновскаго кадетскаго корпуса, въ Константиновское военное училище.

Къ раннему періоду, а именно къ 1820—1826 гг. въ жизни другаго учебно-воспитательнаго заведенія, именно Царскосельскаго лицея, относятся воспоминанія высокопочтеннаго М. А. Бѣлухи-Кохановскаго (воспитывался въ лицеѣ въ 1820—1826 гг.)—въ настоящее время единственнаго представителя этого разсадника весьма многихъ замѣчательныхъ дѣятелей, именно представителя за столь отдаленное время, какъ эпоха Александра I.

„Записки А. И. Михайловскаго-Данилевскаго“ сохранились, какъ извѣстно, въ отрывкахъ и въ черновыхъ наброскахъ и замѣткахъ. Одинъ изъ таковыхъ, и притомъ довольно значительный

отрывокъ, сообщенъ нашимъ давнимъ, съ 1874-го года, сотрудникомъ, Н. К. Шильдеромъ, на страницахъ обозрѣваемаго года „Русской Старины“. Въ отрывкѣ этомъ повѣствуется о вступленіи на престолъ императора Николая и о событіяхъ, происшедшихъ въ то время въ южной Россіи. По поводу Данилевскаго должно замѣтить, что лишь съ этого года, благодаря вообще изслѣдованію, посвященному нашимъ даровитымъ историкомъ Н. К. Шильдеромъ эпохѣ Александра I, весьма подымается значеніе Михайловскаго-Данилевскаго. Выяснились, наконецъ, всѣ тѣ обстоятельства, крайне стѣснительныя, при которыхъ трудился этотъ талантливый и весьма просвѣщенный историкъ Отнынѣ сдѣлалась извѣстна та безжалостная цензурная опека, которая вылущивала правду изъ сказаній Михайловскаго-Данилевскаго и обращала его зачастую въ баснописца-историка, надъ которымъ издѣвался острословецъ генералъ-адъютантъ князь А. С. Меншиковъ, между тѣмъ какъ А. И. Михайловскій-Данилевскій имѣлъ все призваніе историка, талантъ, трудолюбіе, громадную начитанность и вполнѣ стоялъ на высотѣ лѣтописца великой борьбы нашего отечества съ двунадесятью языками, лавиною обрушенныхъ на Россію Наполеономъ. Михайловскій-Данилевскій, какъ оказывается изъ очерка Н. К. Шильдера, посвященнаго въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины“ столѣтней годовщинѣ дня рожденія Данилевскаго, не только имѣлъ злую для себя долю при жизни, но и послѣ смерти его труды уже въ рукописяхъ постигла самая печальная участь: они разсѣялись по рукамъ торгашей и, конечно, многое не узритъ свѣта.

„Русская Старина“ всегда стояла за то, что въ интересахъ отечественной исторіи крайне желательно выслушивать и нашихъ недруговъ: исходя изъ этого положенія, мы продолжаемъ, время отъ времени, печатать записки одного изъ видныхъ вожаковъ польскаго возстанія, Мохнацкаго, 1830—1831 гг.

Въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины“ мы начали печатаніемъ записки генераловъ А. А. Одинцова и А. Ѳ. Лишина. Первый изъ нихъ подробно знакомитъ съ жизнью русскихъ въ Варшавѣ до возстанія, а второй передаетъ весьма любопытный эпизодъ изъ эпохи самаго возстанія.

Какъ картины домашняго и общественнаго быта русскаго дворянства, за время конца 1830—1840 гг., любопытны записки Натальи Алексѣевны Огаревой, рожденной Тучковой. Принадлежа къ старинной, просвѣщенной и истинно благородной фамиліи Тучковыхъ, Н. А. въ безъискуственномъ разсказѣ передаетъ любопытныя черты своего времени и, между прочимъ, отношенія администраціи къ неслужилому россійскому дворянству. Да, тяжелое было время, когда безконтрольно, съ громаднѣйшими полномочіями властвовали Закревскіе, Дубельты, Панчулидзевы, Дьяковы и имъ подобные, а такихъ была цѣлая когорта... Въ этой сферѣ тяжело дышалось даже тѣмъ служилымъ людямъ, которые, подобно губернатору Жиркевичу, при полномъ къ нимъ довѣріи верховной власти, стремились къ правдѣ. Записки Жиркевича являютъ замѣчательное сказаніе рѣдкаго губернатора того времени, строго стоявшаго на почвѣ закона, не вѣдавшаго что́ такое взятки, сторонившагося отъ всесильнаго тогда откупа и стремившагося лишь къ исполненію своего долга. Въ этихъ усиліяхъ Ив. Степ. Жиркевичъ, какъ видно изъ его записокъ, явившихся, наконецъ, въ „Русской Старинѣ“ изъ залежей архива этого журнала, и сложилъ свою голову, какъ губернаторъ; вынужденный преждевременно оставить свой постъ. Жиркевичъ скончался почти въ нищетѣ, въ предѣлахъ той-же, нѣкогда управляемой имъ, Витебской губерніи, въ 1848 году.

Какъ-бы обломокъ нѣкотораго самоуправства, непризнанія отдѣльныхъ личностей, но въ тоже время энергіи, честно, хотя и крутенько направленной къ достиженію справедливости, являетъ собою В. И. Денъ, послѣдній, по времени назначенія, флигель-адъютантъ императора Николая. Гдѣ-бы ни былъ Влад. Ив. Денъ, во главѣ-ли армейскаго полка, во главѣ-ли губерніи, какъ ея начальникъ, или въ рядахъ сенаторовъ, Денъ всюду не засиживался долго. Желчный и строптивый, онъ жалъ подчиненныхъ и не сдерживалъ своего языка предъ начальствомъ; но никто не откажетъ Дену въ преданности монархамъ и отечеству и въ полнѣйшей честности. Записки его желчны, характеристики выведенныхъ лицъ рѣзки, а иногда и несправедливы, какъ то доказано въ нашемъ-же изданіи В. Д. Философовымъ, гр. Е. Е. Сиверсомъ и А. И. Проворовымъ—относительно памяти въ высокой степени почтеннаго и даровитаго ветерана и военнаго писателя

А. К. Ушакова, но въ намѣренномъ искаженіи истины мы не обвинимъ В. И. Дена; онъ лишь давалъ волю своей раздражительности и своей нервности, и въ своихъ запискахъ увлекался подъ давленіемъ того и другаго въ жизни... Мы, впрочемъ, въ виду этого свойства его нрава, не мало строкъ изъ его записокъ оставили въ рукописи. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, его записки, какъ человѣка безспорно умнаго,—живой и интересный матеріалъ для исторіи послѣднихъ лѣтъ царствованія императора Николая и первыхъ лѣтъ эпохи Александра II-Освободителя.

Въ этомъ-же, 1890-мъ, году мы имѣли истинное удовольствіе помѣстить на страницахъ нашего изданія автобіографическіе мемуары одного изъ самыхъ добродушныхъ русскихъ дѣятелей въ области науки. Мы говоримъ о запискахъ Н. И. Кокшарова, за время 1817—1859 гг. Славный геологъ, директоръ императорскаго минералогическаго общества, Кокшаровъ, въ теченіи полувѣковаго служенія своего наукѣ, и какъ профессоръ, и какъ изслѣдователь въ избранной имъ области знанія, стяжалъ всеобщее уваженіе. Для насъ записки Н. И. Кокшарова особенно дороги тѣмъ, что онѣ являютъ всему русскому обществу примѣръ того, какъ исключительно однимъ трудолюбіемъ, ровнымъ и твердымъ характеромъ, наконецъ, самою спокойною настойчивостью можно добиться на Руси и прекраснаго положенія, и всеобщаго признанія своихъ заслугъ предъ наукою и отечествомъ. Остается пожелать, дабы Н. И. Кокшаровъ, не коснувшійся послѣдняго тридцати-лѣтія въ своей жизни, (въ виду живыхъ еще дѣятелей, которыхъ онъ не желаетъ ни огорчить порицаніемъ, ни смутить похвалой), изложилъ-бы хотя главнѣйшіе ея моменты.

Появленіе записокъ славнаго русскаго геолога было тѣмъ болѣе кстати въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года, что оно совпало съ чествованіемъ 25-ти-лѣтняго юбилея (1865 г. $\frac{\text{мал}}{7\text{-го}}$ 1890 г.) президентства въ императорскомъ минералогическомъ обществѣ е. и. в. Николая Максимиліановича Романовскаго, герцога Лейхтенбергскаго. Юбилей этотъ былъ принятъ съ большимъ сочувствіемъ всего образованнаго русскаго общества и осчастливленъ высокимъ вниманіемъ августѣйшаго монарха; это первый, по времени, юбилей подвижника науки изъ лицъ августѣйшаго дома.

По поводу отдѣла записокъ и воспоминаній въ „Русской

Старинѣ“ 1890 г. намъ остается сказать о первыхъ главахъ посмертнаго труда Н. В. Берга († 1884 г.), обширныя Записки котораго, полныя самаго живаго интереса, явятся въ предстоящемъ году въ нашемъ изданіи,—да о воспоминаніяхъ І. И. Малевича. Послѣднія принадлежатъ маститому старцу, всю жизнь проведшему въ скромной долѣ домашняго учителя-наставника. Въ этой скромной долѣ І. И. Малевичъ имѣлъ, однако, большое счастье: ему довелось быть первымъ, по времени, преподавателемъ С. В. Корвинъ-Круковской, впослѣдствіи въ замужествѣ Ковалевской, прославившейся своими учеными трудами въ области высшей математики.

Относительно сказаній иностранцевъ о Россіи, „Русская Старина“ въ 1890 г. привела любопытные документы относительно изданія Флетчера на русскомъ языкѣ и продолжала печатать записки полковника Гагерна, посѣтившаго русскій дворъ въ 1839 г.; окончаніе послѣднихъ записокъ надѣемся представить въ предстоящемъ году въ „Русской Старинѣ“.

II.

„Историко-критическія замѣтки“ Д. И. Иловайскаго по поводу древне-русскаго термина кормленіе, въ отношеніи областныхъ правителей и судей,—конечно, прочитаны читателями „Русской Старины“ съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ обычно встрѣчаются историческіе труды этого ученаго историка, автора превосходнаго труда: „Исторія Россіи“.

Въ области историческихъ изслѣдованій „Русская Старина“ обозрѣваемаго года представила продолженіе обширнаго и многолѣтняго труда Н. К. Шильдера: „Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царствованіе императора Александра I“. Эта третья и весьма обширная глава представляетъ цѣлую монографію, въ которой весьма живыми, яркими красками очерчиваетъ нашъ талантливый историкъ отношенія двора и петербургскаго русскаго общества къ министру иностранныхъ дѣлъ графу Н. П. Румянцеву и къ представителю Наполеона I-го, генералу Савари; при этомъ мѣтко очерчивается, и совершенно въ новомъ

освѣщеніи, графъ Петръ Александровичъ Толстой, русскій посолъ къ Наполеону I-му, указывается на значеніе графа Нессельроде въ русскомъ посольствѣ при французскомъ дворѣ, приводится въ высшей степени любопытная, обширная и весьма содержательная бесѣда французскаго посла Коленкура съ императоромъ Александромъ I, и проч.

Мы уже обращали вниманіе нашихъ читателей на то, что Н. К. Шильдеру принадлежитъ честь первой попытки установить на тильзитское соглашеніе (1807 г.) правильную и вполнѣ самостоятельную русскую точку зрѣнія. При составленіи ряда историческихъ очерковъ, начатыхъ и продолжаемыхъ Н. К. на страницахъ „Русской Старины“, авторъ пользовался неизданными до сихъ поръ матеріалами какъ русскихъ, такъ и французскихъ архивовъ. Въ третьей главѣ авторъ представилъ, между прочимъ очеркъ того упорнаго противодѣйствія, который императоръ Александръ Павловичъ встрѣтилъ при установленіи своей новой политической системы со стороны русскаго посла въ Парижѣ, графа П. А. Толстаго. Оказывается, что русскій посолъ употреблялъ всѣ средства, чтобы разстроить соглашеніе съ Франціею и возбудить недовѣріе государя къ своему новому союзнику [1]).

Мы уже объясняли въ нашемъ обзорѣ 1889 г. [2]) причину

---

[1]) Иностранная печать, вслѣдъ за русскою, обратила вниманіе на это замѣчательное историческое изслѣдованіе Н. К. Шильдера: такъ, отзывъ объ этой монографіи мы находимъ въ „Revue d'histoire diplomatique“, 1888 г., № 4; также въ „National Zeitung“, 1890 года, № 567, статья: „Napoleon und Alexander in Tilsit“. Любопытно, что нѣмецкій критикъ замѣчаетъ по поводу статьи Н. К. Шильдера, что „она настолько-же тенденціозна, какъ и интересна“. Понятно, что стремленіе автора освободить русскую исторію отъ преднамѣренной ея германизаціи не могло найти себѣ сочувствія въ прусской газетѣ. Не менѣе любопытно также то, что почтенный критикъ въ журналѣ „Русская Мысль“ 1888 и 1889 годовъ усматриваетъ въ статьѣ Н. К. Шильдера парадоксальный взглядъ автора на стремленіе выставить союзъ съ Наполеономъ, какъ соглашеніе, всего лучше соотвѣтствующее интересамъ русской политики. Русскій критикъ уважаемаго журнала становится на точку зрѣнія нѣмецкихъ историковъ и дѣлается, такимъ образомъ, сторонникомъ губительной политики безкорыстія, которая принесла для Россіи столь плачевные плоды до 1881 года.

О трудѣ Н. К. Шильдера см. также въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“ 1890 г., въ статьѣ г. Татищева: „Міровой раздѣлъ“ и въ журналѣ „Nouvelle Revue“ 1890 г., въ статьѣ г. Ціона: „La France et la Russie“. Ред.

[2]) „Русская Старина“ 1889 г., т. LXIV кн. дек., стр. 856—857.

медленности, съ которою появляется изслѣдованіе Н. К. Шильдера въ печати, изъ котораго „Русская Старина“ вотъ уже три года сряду печатаетъ по одной лишь, хотя и обширной, главѣ: этотъ почтенный трудъ составляется, повторяемъ, по массѣ русскаго и иностраннаго матеріала, извлекаемаго изъ отечественныхъ и иностранныхъ архивовъ, и обставляется весьма внимательно, критически провѣряемыми, свѣдѣніями изъ печатныхъ сказаній современниковъ и участниковъ событій; обширнѣйшая литература всего, что напечатано объ эпохѣ Наполеона I и Александра I, превосходно, всесторонне изучена Н. К. Шильдеромъ. Кто знаетъ, если-бы появленіе таковыхъ историко-критическихъ изслѣдованій было-бы возможно благовременно въ русской печати, какъ, напримѣръ, въ началѣ 1830-хъ годовъ, то, быть можетъ, прежняя политика русская не углубилась-бы столь въ пучину нѣмецкихъ симпатій, не впуталась-бы затѣмъ въ неблагодарное дѣло спасенія Австріи и не получила-бы столь ужаснаго возмездія, каковое свершилось на развалинахъ Севастополя! Дѣло въ томъ, что исторія имѣетъ цѣлью не одинъ отчетъ о свершившемся, она, и это каждый знаетъ, имѣетъ громадное значеніе—поученія, назиданія, самаго существеннаго руководительства, тѣмъ болѣе сильнаго, что таковое, почти всегда, на крови и на костяхъ основано... Но она дѣйствительно поучаетъ только тамъ, гдѣ хотятъ учиться, гдѣ склоняютъ взоръ и ухо къ ней и къ ея голосу... Ну, а въ старину въ нашемъ отечествѣ ей, т. е. богинѣ исторіи, не отводили, надо полагать, за смертью Карамзина, подобающаго мѣста.

Изъ прочихъ историческихъ очерковъ въ „Русской Старинѣ“ 1890 г. укажемъ на принадлежащіе перу маститаго военнаго историка, генерала-отъ-инфантеріи генеральнаго штаба князя Николая Сергѣевича Голицына. Достойный профессоръ бывшей военной академіи, нынѣ Николаевской академіи генеральнаго штаба, потрудившійся въ ней къ самые первые годы по ея основаніи, продолжаетъ трудиться съ перомъ въ рукахъ, не смотря на свой преклонный возрастъ (род. въ 1809 году). Въ ряду нѣсколькихъ очерковъ, воспоминаній и замѣтокъ, весьма обязательно сообщенныхъ намъ княземъ Николаемъ Сергѣевичемъ, особенно любопытны: „Бой при Иденсальми, въ Финляндіи, 15-го октября 1808 года“, а также весьма живой, отъ сердца

написанный, очеркъ: „Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи“, обратившій на себя сочувственное вниманіе многихъ органовъ нашей печати. Вполнѣ своевременно было появленіе также историческихъ замѣтокъ высокоуважаемаго князя Н. С. Голицына о наводненіяхъ въ Петербургѣ.

Время императора Александра II, какъ вообще въ послѣднія десять лѣтъ, служитъ для насъ постояннымъ источникомъ новыхъ свѣдѣній о незабвенной эпохѣ возрожденія и освобожденія русскаго народа. И въ обозрѣваемомъ году предъ умственнымъ взоромъ многочисленныхъ читателей „Русской Старины“ прошли Царь-Освободитель въ очеркахъ и замѣткахъ, памяти его посвященныхъ, а также нѣкоторые изъ его сподвижниковъ, каковы: доблестный графъ Н. И. Евдокимовъ въ оконченномъ нынѣ и, смѣемъ думать, безупречномъ трудѣ Ив. Ив. Ореуса; графъ Н. П. Игнатьевъ, С. И. Зарудный, графъ А. В. Адлербергъ, графъ П. А. Валуевъ и другіе дѣятели минувшей славной эпохи.

Историко-археологическимъ замѣткамъ, именно по предмету возобновленія стѣнъ въ городахъ Псковѣ и Смоленскѣ, этихъ историческихъ памятниковъ и святынь, мы посвятили очеркъ маститаго археолога и историка Пскова, А. С. Князева, и путевыя замѣтки изъ нашего путешествія по Россіи.

Отдѣлъ небольшихъ разсказовъ, замѣтокъ, переписки и прочихъ матеріаловъ былъ довольно разнообразенъ въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины“ и настолько обиленъ сообщеніями, что перечень таковыхъ занялъ-бы много мѣста въ нашемъ обзорѣ, а потому ограничимся напоминаніемъ лишь болѣе выдающихся матеріаловъ; таковы письма и записочки императрицы Екатерины II, нравственный образъ каковой монархини подъемлется все выше и выше, въ особенности въ послѣднее время, благодаря въ высокой степени замѣчательному изслѣдованію, ей и исторіи ея царствованія посвященному В. А. Бильбасовымъ; первую книгу его многолѣтняго и самаго усидчиваго труда мы уже привѣтствовали на страницахъ „Русской Старины“: — „Пугачевъ и пугачевцы въ степи у Киргизъ-Кайсаковъ“ — новый любопытный матеріалъ 1774 года; „Валдайская старина“; „Князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ — герой Кавказа и писатель конца XVIII и начала XIX вѣковъ“: „Императрица Марія Ѳеодоровна“, обширная характерная переписка которой, въ сообщеніи барона Ѳ. А.

Бюлера, столь благовременно появляется въ „Русской Старинѣ“, въ виду близкаго сооруженія памятника этой государынѣ-благотворительницѣ († 1828 г.); но особенно много разсказовъ и документовъ посвящено въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года—характеристикѣ императора Николая Павловича и его времени, а также нѣкоторымъ изъ лицъ, у власти стоявшихъ въ Николаевское время. Въ этой обширной группѣ особенно характерны—разсказъ покойнаго Н. Н. Жеденова о весьма своеобразномъ, по отношенію къ той эпохѣ, событіи, имѣвшемъ мѣсто во время службы покойнаго Жеденова въ гвардіи въ 1848 году, и довольно обширныя воспоминанія изъ 1830-хъ годовъ генералъ-лейтенанта М. А. Маркова, простодушныя и весьма яркія по подробностямъ: что за бытъ, что за складъ всей жизни въ гвардіи за то время! какъ далеко отстояли порядки и все умственное и нравственное развитіе людей того времени отъ нашихъ дней! Кстати, одинъ читатель „Русской Старины“ прислалъ намъ укоризну за сохраненіе стиля, слога такихъ сказателей о старинѣ и бывальщинѣ, каковымъ является покойный Н. Н. Жедеповъ. Хороша была-бы редакція „Русской Старины“, еслибъ позволяла себѣ исправлять стиль и всю манеру изложенія людей минувшей эпохи и, такимъ образомъ, стирала-бы краски, которыя потому и живы, что нѣ я вляются въ томъ видѣ, какъ накладываются л юдьм своего времени. Разсказы К. Маньковскаго, Г. И. Студенкина (Николай I въ присутственныхъ мѣстахъ Спб.), Теобальда (В. А. фонъ-Роткирха), Н. А. Дмитріева-Мамонова, М. Л. Дубельта, А. А. Кардиналовскаго, А. О. Стренга, И. И. Красовскаго (переписка съ нимъ разныхъ военныхъ дѣятелей 1850-хъ годовъ, занимавшихъ высокіе посты), князя И. Ѳ. Паскевича (его письмо и послѣдніе дни его жизни), Г. М. Толстаго (поѣздка въ Туринскъ къ декабристу Ивашеву, 1838 г.), А. И. Михайлова (разсказы служащихъ лицъ объ императорѣ Николаѣ), О. А. Пржецлавскаго (очеркъ о митрополитѣ Головинскомъ, † 1855 г.), освѣщаютъ императора Николая, его время и историческихъ дѣятелей пережитой Россіей эпохи; письма А. Комстадіуса, смертію свосю, отъ ранъ полученныхъ на валахъ Севастополя, запечатлѣвшаго свою любовь къ отечеству, и проч.

III.

Исторія отечественной литературы, какъ то было постоянно въ нашемъ журналѣ съ 1870-го года, вызываетъ полнѣйшее вниманіе „Русской Старины“. Благодаря сообщеніямъ уважаемаго академика Л. Н. Майкова, мы имѣли возможность дать нынѣ три басни изъ раннихъ годовъ литературной дѣятельности славнаго баснописца Крылова; по блесткамъ таланта, свѣтящимся въ этихъ басняхъ, ихъ, кажется, безошибочно можно приписать перу Ивана Андреевича; а также представили разсказъ очевидца и слушателя Н. М. Карамзина въ гостяхъ у графа Н. П. Румянцова въ 1824 г., также сообщенный намъ академикомъ Л. Н. Майковымъ. Академикъ Н. С. Тихонравовъ, юбилей учено-труженической дѣятельности котораго въ настоящемъ году съ столь сердечнымъ сочувствіемъ отпразднованъ людьми науки, — напомнилъ о Н. И. Новиковѣ, сообщивъ намъ переписку съ княземъ Н. Н. Трубецкимъ, 1816 г.

Н. А. Бѣлозерская продолжала и въ 1890 г. въ „Русской Старинѣ“ свою обширную и обстоятельную монографію о В. Т. Нарѣжномъ, извѣстномъ по таланту своему предшественникѣ Гоголя: трудъ г-жи Бѣлозерской имѣетъ неоспоримое значеніе, въ виду весьма скудныхъ свѣдѣній до сихъ поръ въ исторіи отечественной словесности объ авторѣ „Бурсака“, „Россійскаго Жильблаза“ и прочихъ романовъ и повѣстей Нарѣжнаго—этого несомнѣннаго родоначальника натуральной школы писателей-романистовъ въ Россіи. Мы окончили въ обозрѣваемомъ году большую переписку О. И. Сенковскаго, и не жалѣемъ, что дали много мѣста этой перепискѣ, такъ какъ она во многомъ характеризуетъ этого плодовитаго и остроумнаго журналиста Николаевскаго времени, значеніе каковаго писателя, хотя-бы и отрицательное, было немаловажно. Рядъ замѣтокъ и матеріаловъ біографическихъ, библіографическихъ, писемъ и стихотвореній данъ нами въ „Русской Старинѣ“ сего года. О Херасковѣ, Туманскомъ, Измайловѣ, о цѣломъ кружкѣ лицъ, окружавшихъ доброй памяти старца А. Н. Оленина, о Жуковскомъ, Денисѣ Давыдовѣ, а также Пушкинѣ и Гоголѣ,—безъ послѣднихъ двухъ именъ „Русская Старина“ не обходится вотъ уже 21 годъ ни въ одномъ изъ томовъ своего изданія,—обо всѣхъ этихъ подвижникахъ просвѣщенія русскаго

народа, во всѣхъ сферахъ русской словесности, мы представили не мало данныхъ и въ 1890-мъ году; кромѣ того, мы подѣлились съ читателями многими прекрасными стихотвореніями Н. П. Огарева, А. Н. Яхонтова и современнаго намъ, столь симпатичнаго русскому обществу, талантливаго поэта К. К. Ром—ва, и имѣли удовольствіе, благодаря воспоминаніямъ знаменитаго американца Скайлера, встрѣтиться въ „Русской Старинѣ“ съ гр. Л. Н. Толстымъ, имя котораго принадлежитъ въ настоящее время едва-ли не къ самымъ популярнымъ изъ русскихъ людей именамъ во всей читающей не только Россіи, но и западной Европѣ.

Памяти недавно сошедшаго въ могилу публициста и писателя Н. Г. Чернышевскаго посвященъ очеркъ—изслѣдованіе Фл. Вас. Духовникова и библіографическій обзоръ А. В. Смирнова.

Учебныя заведенія вообще и наши университеты въ особенности, какъ и всегда, вызвали въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года очерки и воспоминанія, таковы статьи о Дерптскомъ университетѣ, о Петровской сельско-хозяйственной академіи, Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ и проч.

А изъ откликовъ „Русской Старины“ на юбилейныя торжества учрежденій и труженической жизни отдѣльныхъ лицъ, которыя были чествуемы въ 1890 г., упомянемъ о полувѣковой плодотворной для отечественной науки вообще и русской археографіи и исторіи въ особенности дѣятельности высоко-уважаемаго академика А. Ѳ. Бычкова. Двадцатипятилѣтняя годовщина существованія „Вѣстника Европы“, одного изъ достойнѣйшихъ представителей современной русской періодической печати, встрѣчена также „Русской Стариной“ съ глубочайшимъ сочувствіемъ.

Истекшій годъ унесъ нѣсколько славныхъ русскихъ людей въ ряду ихъ яркою звѣздою пребудетъ Сергѣй Петровичъ Боткинъ. Памяти его посвященъ въ „Русской Старинѣ“ горячій, отъ сердца написанный, очеркъ одного изъ его учениковъ—доктора Е. И. Головина.

IV.

По поводу исторіи искусствъ „Русская Старина“ за 1890 г. можетъ лишь указать на весьма обстоятельный очеркъ молодаго изслѣдователя въ исторіи музыки А. А. Неустроева: „Александръ Ивановичъ Виллуанъ и первоеконцертное путешествіе по Европѣ А. Г. Рубинштейна, 1840—1842 гг.“.

V.

Художественныя приложенія къ нашему изданію за 1890 г. состояли въ гравюрахъ на мѣди — портреты А. Н. Оленина († 1872 г.), графа Н. П. Игнатьева, 1878 г., и А. Ѳ. Бычкова, исполненные проф. И. П. Пожалостинымъ, худож. Ѳ. А. Мѣркинымъ и А. О. Шейманомъ. Портреты, исполненные на деревѣ художниками: И. И. Матюшинымъ, В. В. Матэ и Г. И. Грачевымъ,—всѣ три ученика славнаго ксилографа, покойнаго академика Л. А. Сѣрякова, а именно портреты: историкъ кн. М. М. Щербатовъ († 1790 г.), Е. А. Аракчеева—(† 1820 г.) мать временщика; Емельянъ Пугачевъ, съ современнаго ему портрета; Е. А. Пальменбахъ, начальница „Общества благор. дѣвицъ“ (Смольнаго монастыря), поэтъ В. К. Кюхельбекеръ († 1841 г.), В. И. Денъ († 1888 г.); геліогравюрный снимокъ Г. Н. Скамони — съ портрета рисунка Брюллова — акварелистъ П. Ѳ. Соколовъ, и, наконецъ, фототипія художника В. І. Класена — портретъ профессора высшей математики С. В. Ковалевской, рожденной Корвинъ-Круковской.

VI.

Библіографическій отдѣлъ состоялъ въ отзывахъ о 75 новыхъ книгахъ и изданіяхъ въ области литературы отечественной исторіи и словесности.

Мих. Ив. Семевскій,
издатель-редакторъ „Русской Старины“.

25-го ноября 1890 г.
С.-Петербургъ.

Списокъ лицъ, сообщившихъ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» историческіе или историко-литературные статьи и матеріалы

въ 1870—1890 гг.

[по 24-ое ноября 1890 г.].

Н. В. Аароновъ,—Абаза,—Ѳ. И. Абакумовъ,—Л. В. Абашкинъ,—Р. В. Авдіевъ,—В. П. Авенаріусъ,—Н. П. Авенаріусъ,—Д. В. Аверкіевъ,—И. П. Авраамовъ,—Ага-бекъ Гасабовъ,—П. Агапѣевъ,—Агафоновъ,—Н. Агафоновъ,—Агентовъ,—О. Х. Агренева-Славянская,—Д. А. Агреневъ-Славянскій,—А. Агрономовъ,—Адасова,—А. А. Адинцовъ,—М. П. Азанчевскій,—проф. И. К. Айвазовскій,—Аксаковъ,—Аксюкъ, вдова,—П. В. Алабинъ,—С. И. Аландскій,—М. А. Албычевъ,—М. Александровъ,—А. Е. Алекторовъ,—К. Алмазовъ,—А. А. Алферовъ,—А. Н. Альмединген,—В. А. Альфонскій,—игуменъ Амвросій,—И. М. Амелицкій,—Е. Н. Аммонъ,—еписк. Амфилохій,—А. И. Анастасіевъ,—И. Андозкій,—директоръ археолог. института профес. И. Е. Андреевскій,—А. Н. Андреевъ,—В. Андреевъ,—П. П. Андреевъ,—Х. К. Андреевъ,—Л. Ѳ. Андреянова,—Андрузская,—В. И. Анненковъ,—І. В. Антоновъ,—Ш. А. Антоновъ,—А. А. Ануфьевъ,—Д. Анучинъ,—Д. Г. Анучинъ,—А. Апраксинъ,—графъ С. А. Апраксинъ,—Е. А. Арапова,—Н. А. Аргиландеръ,—И. А. Аренсъ,—С. Аренсъ,—Аркадіевъ,—М. П. Арнольди,—О. Е. Арнольди,—епископъ Арсеній,—Ѳ. А. Арсеньевъ,—К. К. Арсеньевъ,—профес. Н. А. Астафьевъ,—Аринчъ,—В. А. Арцимовичъ,—И. Арцимовичъ,—А. Ф. Арцишевскій,—П. Я. Аршеневскій,—Т. В. Астаховъ,—В. Асташевъ,—Астракова,—Г. Афанасьевъ,—Н. П. Ахвердовъ,—Д. Д. Ахшарумовъ,—А. Ю. Ашебергъ,—фонъ-Ашебергъ.

Н. Баженовъ,—Г. И. Біахаровъ,—Байхаровъ,—В. И. Бакунина,—Баландовичъ,—В. С. Балашевъ,—Н. Н. Балкашинъ,—О. С. Балкъ,—К. Бальмонтъ,—Е. Д. Бантышъ-Каменская,—Н. П. Бараніусъ,—профес. С. И. Барановскій,—А. Е. Барановъ,—А. И. Баратынскій,—В. Л. Баратынскій,—А. И. Барзоцовскій,—А. В. Барановъ,—проф. Н. И. Барсовъ,—А. П. Барсуковъ,—Н. И. Барсуковъ,—Н. П. Барсуковъ,—З. А. Баршъ,—В. С. Барыковъ,—Н. П. Барышниковъ,—кн. В. И. Барятинскій,—И. Баскаковъ,—Д. Д. Баскаловъ,—

А. И. Басовъ,—П. Н. Батюшковъ,—А. П. Бахрушинъ,—Е. П. Бахталовскій,—А. В. Башкатовъ,—Б. Башловскій,—кн. В. И. Баюшевъ,—А. Безсоновъ,—В. Безсоновъ,—А. Безукладиновъ,—П. В. Бекъ,—Ст. Ф. Бекъ, рожд. Гейфельдеръ,—И. Е. Бельцманъ,—Н. Л. Бенуа,—С. Бердяевъ,—В. Березинъ,—П. В. Березинъ,—Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ,—С. Н. Берже,—І. Берманъ,—М. А. Берманъ,—І. Беръ,—Беръ,—профес. І. В. Бертенсонъ,—г. Бертухъ,—І. Берхинъ,—М. А. Бестужева,—О. А. Бестужева,—В. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—Бибиковъ,—Н. Билибинъ,—проф. В. А. Бильбасовъ,—А. А. Бильдерлингъ,—бар. Бистромъ,—Д. Благово,—А. А. Благовѣщенскій,—Бларамбергъ,—Н. И. Бобриковъ,—гр. Ал-дръ А. и Алексѣй А. Бобринскіе,—П. О. Бобровскій,—Н. Н. Бобровъ,—Е. Л. Богданова,—А. Н. Боголюбовъ,—професс. живописи А. П. Боголюбовъ,—В. А. Боголюбовъ,—С. Богоявленскій,—Л. А. Богуславскій,—баронъ Н. К. Богушевскій,—г. Бодеманъ (въ Ганноверѣ),—професс. Ф. Ф. фонъ-Боденштедтъ,—И. Н. Боевъ,—И. Н. Божерянновъ,—И. В. Болдыревъ,—А. В. Болотовъ,—В. А. Болотовъ,—П. А. Болотовъ,—С. Т. Большаковъ,—П. Ѳ. Борель,—А. Борзенко,—Я. И. Борзецовскій,—В. А. Борисовъ,—Д. Н. Бороздинъ.—С. М. Бородинъ,—А. А. Бородулинъ,—М. Ѳ. Бороздинъ,—С. М. Борщовъ,—В. Ѳ. Боцяновскій,—И. Бочаровъ,—А. К. Бошнякъ,—Н. Н. Браилко,—С. Брайловскій,—П. Ѳ. Брандтъ,—Р. И. Бржостовская,—проф. А. Г. Брикнеръ,—А. Бруннеръ,—А. П. Брянцевъ,—И. Брянцевъ,—В. А. Будзько,—Н. Буковскій,—Д. А. Булатовъ,—Е. Н. Булгакова,—Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгарины,—професс. Н. Н. Буличъ,—С. Буличъ,—А. Булгинъ,—Н. Х. Бунге,—Е. Ѳ. Буринскій,—Н. Ѳ. Бурцовъ,—Я. Бутковскій,—іерей І. Бутковъ,—гр. М. Д. Бутурлинъ,—К. А. Бухъ,—В. Е. Бучневичъ,—М. Быковъ,—Н. В. Быковъ,—М. Быстровъ,—академикъ А. Ѳ. Бычковъ,—И. А. Бычковъ,—Ѳ. А. Бычковъ,—А. Г. Бѣлаго,—К. Бѣлевичъ,—Д. Бѣлевичъ,—А. Бѣлениновъ,—д-ръ медиц. Н. А. Бѣлоголовый,—Н. А. Бѣлозерская,—И. П. Бѣлоконскій,—С. А. Бѣлокуровъ,—А. Д. Бѣляевъ,—М. А. Бѣлуха-Кохановскій,—баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.

М. И. Вавиловъ,—Н. А. Вагановъ,—П. Ваксель,—Н. Н. Вакуловскій,—М. С. Валевскій,—А. Вальбергъ,—В. В. фонъ-Валь,—гр. Н. П. Валуевъ,—А. У. Варакомскій,—К. А. Варгунинъ,—И. Варунъ Секретъ,—И. И. Василёвъ,—К. П. Василенко,—Н. Васильева,—проф. В. Г. Васильевскій,—А. И. Васильевъ,—А. П. Васильевъ,—А. Ѳ. Васильевъ,—В. А. Васильевъ,—И. И. Васильевъ,—К. И. Васильевъ,—А. А. Васильчиковъ,—Н. Васьковъ,—І. Васъ,—Н. В. Вахтинъ,—Веденяпинъ,—В. Н. Ведерниковъ,—Е. Вейденбаумъ,—П. Вейль,—П. И. Вейнбергъ,—П. И. Великопольскій,—Величковскій,—А. Величковъ,—г. Вельяминовъ,—Н. Вельяшевъ,—М. А. Веневитиновъ,—А. А. Венеціанова,—М. И. Венюковъ,—А. В. Веревкинъ,—художникъ-граверъ Ѳ. П. Веревкинъ,—П. Вересовъ,—А. В. Верещагинъ,—художникъ Вас. Вас. Верещагинъ,—Т. И. Вержбицкій,—А. И. Веригинъ,—Н. П. Вернеръ,—Ѳ. Ѳ. Веселаго,—акад. К. С. Веселовскій,—С. Весинъ,—Н. И. Викинскій,—Ѳ. Ѳ. Вин-

бергъ,—А. Н. Виноградовъ, — Н. Виноградовъ,—П. А. Виноградовъ,—С. Виноградскій, — Випроревъ, — К. А. Висковатовъ,—професс. П. А. Висковатовъ (Висковатый),—Ѳ. А. Витбергъ,— В. Н. Витевскій, — А. Н. Витмеръ, —Н. П. Вишняковъ,—Н. Н. Владимірова,—А. Владиміровъ,—А. П. Владиміровъ,—И. Влодзимірскій,—В. В. Водовозовъ,—В. П. Водопьяновъ,—А. А. Воейкова,—А. Н. Воейковъ,—Военскій, — П. П. Возницынъ, — А. М. Войновъ,—М. Владыкинъ, — Г. П. Власовъ, — Д. И. Воейковъ, — Г. А. Волжевъ, — князь М. С. Волконскій,—И. В. Вологдинъ,— И. И. Вологдинъ,—С. Волосатова, — Ф. И. Волтатисъ, — П. П. Волховской, — Вольдемаръ, — Вонлярлярская,—Н. А. Вонлярлярскій,—Г. А. Воробьевъ, — Е. З. Воронина, — Н. А. Воронихинъ,—А. П. Вороновъ,—П. А.Вороновъ,—Павелъ Никол. Вороновъ,—Ю. Д. Воронова, рожд. Рудакова,—И. М. Воропай,—Н. Я. Воскобойниковъ,—А. А. Востоковъ,—Н. Н. Вохинъ,—баронесса Вревская,—П. И. Вріони,—М. А. Врочевскій,—Вудъ,—А. Г. Вышеславцевъ,—А. А. Вязмитиновъ.

С. Н. Гавриловъ,—княгиня Е. А. Гагарина, рожденная Иванова,—князь Ив. С. Гагаринъ,—кн. Н. В. Гагаринъ,—П. Гагенъ,—А. Гакъ,—професс. А. Д. Галаховъ,—А. С. Галаховъ,—М. Н. Галкинъ-Врасскій,—С. А. Галкинъ,—К. И. Гамаринъ,—А. Ѳ. Гамбургеръ,—П. Г. Ганзенъ,—Е. А. Ганъ,—Я. Гарелинъ,—К. А. фонъ-Гартъ,—А. А. Гатцукъ,—А. С. Гацисскій,—И. М. Гвоздевъ,—Е. Г. Гвоздиковъ,—Э. Гебель,—К. К. Гейнсъ,—В. И. Гейсмаръ,—К. К. Гелингъ,—И. С. Генбачевъ,—г. Геничъ,—Ав. Авт. Герке,—Германъ, вдова профессора (въ Марбургѣ),—В. Ц. Герцыкъ,—професс. А. А. Герценъ,—П. А. Гильтебрандтъ,—Гилюсъ,—Д. И. Гиппіусъ,—Л. Ѳ. Гиргасъ,—А. А. Гирсъ,—К. К. Гирсъ,—В. М. Гиршфельдъ,—В. О. Гладкій,—К. В. Гладковская,—А. Г. Глинка,—В. С. Глинка,—М. С. Глинка,—Ѳ. С. Глинка,—П. Гловацкій,—Глуховъ,—А. А. Глѣбова,—Д. Е. Гнусинъ,—Гнѣдичъ,—И. Е. Голдинскій,—В. В. Голенищевъ-Кутузовъ,—гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, — г. Голицынскій,—кн. К. К. Голицынъ,—кн. Н. Н. Голицынъ,—кн. Н. П. Голицынъ,—бывш. професс. кн. Н. С. Голицынъ,—кн. С. П. Голицынъ,—Н. И. Головачъ,—д-ръ Е. А. Головинъ,—И. Головинъ,—П. С. Головинъ,—К. Д. Головщиковъ,—К. М. Голодниковъ,—А. А. Голомбіевскій,—П. Д. Голохвастовъ,—И. А. Голышевъ,—Н. И. Голубевъ,—В. В. Голубцовъ,—М. Г. Гольмдорфъ,—проф. В. А. Гольцевъ,—протоіерей І. Голяховскій,—Гомановскій,—Гондатти,—А. Н. Гончаровъ,—И. А. Гончаровъ,—М. Гончаровъ,—артистъ И. Ѳ. Горбуновъ,—А. Гордонъ,—Н. Д. Горемыкинъ,—М. Горилецкій,—М. П. Горловъ,—Городецкая,—М. И. Городецкій,—С. В. Городецкій,—професс. от. М. И. Горчаковъ,—І. К. Гофертъ,—Г. К. Градовскій,—художникъ Г. И. Грачевъ, — Ѳ. А. Гребенщиковъ.—А. К. Грегоріади,—А. Е. Гренъ,—А. В. фонъ-Грибнеръ,—Н. И Григоровичъ, — А. Н. Григорьевъ, — И. И. Григорьевъ, — И. Я. Гриммъ, — А. Громачевскій,—академикъ Я. К. Гротъ,—К. К. Гротъ,—Н. П. Грунтъ,—Н. В. Губерти,—Н. И. Гулакъ,—П. Гулакъ-Артемовскій,—С. И. Гуляевъ,—Гулевичъ,—свящ. В. Гурьевъ,—М. П. Гусаковскій,—А. Н. Гусевъ,—А. Гусевъ,—А. Я. Гюббенетъ,—А. И. Гюберъ-фонъ-Грейфенфельсъ.

Кн. В. Д. Дабижа, —кн. Давледъ-Гирей-Бибердовъ, —М. П. Давыдова.—В. Н. Давыдовъ, —Д. Давыдовъ, —К. И. Давыдовъ,—Н. Т. Давыдовъ,—Т. М. Дагаевъ,—Н. Даниловская,—Г. П. Даниловскій,—Г. Г. Даниловичъ,—А. С. Даниловъ, — художн. А. И. Даугель, — Г. Е. Дахновичъ, — Н. Я. Данковъ, — П. П. Деви, — Н. Д. Делафлизъ, — А. К. Де-Ливронъ, — С. Депесъ,—графъ И. Д. Деляновъ,—А. П. Демидовъ,—П. А. Деммертъ.—А. Демминъ.—В. П. Демеръ,—Г. Д. Демяновскій,—художн. Деньеръ,—Е. Депрейсъ.—баронъ Д. Г. фонъ-Дервизъ,—фонъ-Дерфельденъ,—А. И. Деспотъ-Зеновичъ,—К. К. Детловъ,—Г. А. Джаншіевъ,—А. И. Дидриксъ,—Діатроптовъ,—Дмитріевъ,—А. С. Дмитріевъ,—Н. А. Дмитріевъ-Мамоновъ,—Н. Г. Дмоховскій.—Л. Я. Добровъ, — Θеоθанъ Л. Доброленскій, — Ф. Н. Добрянскій, — Я. И. Довголевскій,—В. А. Дойлидовичъ,—В. Док—ій,—К. А. Докучаевъ-Басковъ,—Н. А. Докучаевъ,—кн. В. А. Долгоруковъ,—кн. В. П. Долгоруковъ,—Л. Долгоруковъ, — П. П. Должниковъ, — Л. П. Долинка, — В. П. Долотовъ, — В. В. Домелунксенъ,—И. И. Домонтовичъ,—А. Г. Достоевская,—Е. И. Дощанская,—Живко-Драговичъ,—Марко-Драговичъ,—А. М. Дренякинъ,—С. Д. Дрожжинъ,—кн. Д. В. Друцкой-Соколинскій,—И. И. Дубасовъ,—Е. И. Дубельтъ,—М. І. Дубельтъ, — А. Дубицкій, — академикъ Н. Θ. Дубровинъ, — А. В. Дурново,—Л. А. Дуровъ, — Н. В. Дуровъ, — Θ. В. Духовниковъ, — М. Л. Духонинъ.—Е. Дьяконовъ,—Я. Дюжиловъ.

Графиня А. А. Евдокимова,—К. Евлентьевъ,—Евреиновъ,—А. Е. Егоровъ,—Егорьевскій,—Ф. Езіоранскій,—от. І. Еланскій,—от. П. П. Еланскій,—Ю. Л. Елецъ,—кн. Енгалычевъ, - князь Н. Н. Еникѣевъ,—Епанчинъ,—А. Епифановъ,—Еранцовъ,—П. В. Еремѣевъ,—В. Ермаковъ, — Н. А. Ермаковъ.—Н. Н. Ермаковъ,—К. И. Ермолинъ,—В. М. Еропкинъ,—В. В. Еропкина,—А. Ерошкинъ,—А. Есаковъ,—Г. В. Есиповъ,—Я. И. Есьманъ,—И. Ефимовъ.—П. А. Ефремовъ.

А. Θ. Жадовскій,—А. П. Жакмонъ,—А. Н. Ждановъ,—С. Н. Жеденовъ,—В. Желиховскій,—В. П. Желиховская,—И. Желтовъ,—Н. Θ. Желтовъ,—И. П. Жемочкинъ, — А. Жемчужниковъ, — Н. Л. Жемчужниковъ. — А. К. Жизневскій,—В. И. Жиркевичъ, — А. В. Жиркевичъ,—от. В. И. Жмакинъ, —А. Жуковъ,—В. Жуковъ,—Д. Жуковъ,—М. М. Жуковскій,—художн. Пав. Вас. Жуковскій,—П. В. Жуковскій,—Журавскій.

И. Е. Забѣлинъ,—А. Заборинскій,—А. Заборовскій,—Д. Заборовской,—акад. П. П. Забѣлло,—Л. А. Загоскинъ,—С. М. Загоскинъ,—С. А. Загряжская,— В. Заенчковскій,—В. Д. Заика,—Т. М. Заишкевичъ,—И. К. Зайцевъ,—Θ. Д. Зайцевъ,—А. И. Залѣсскій,—П. Т. Залѣсскій,—Замысловъ,—А. Заморокъ,—Заржецкій,—Я. И. Заринъ,—А. С. Зарудный—Е. И. Зарина,—А. Г. Затлеръ,—Н. В. Затѣйщиковъ-Второй—И. Н. Захарьинъ,—И. Захаревичъ.—Д. Захаровичъ,—В. Захаровъ,—К. Защукъ,—С. Звѣревъ,—К. С. Звягинъ,—

профес. Н. Ѳ. Здекауеръ,—В. Ф. Зеге-фонъ-Лауренбергъ,—А. К. Зейдеръ,—А. И. Зеленой,—А. Земцовъ,—К. Зенденгорстъ,—А. Л. Зиссерманъ,—М. З. Зіоровъ,—М. Злотковскій,—І. Э. Змунчилла, рожд. Стогова,—А. Змѣевъ,—Л. Ѳ. Змѣевъ,—Золотовъ,—В. А. Зотиковъ,—А. И. Зотова,—В. Р. Зотовъ,—А. Ѳ. Зубковскій,—Е. Б. Зубова, рожден. баронесса Вревская,—В. А. Зыбинъ,—А. Н. Зыряновъ.

И. А. Ибердусовъ,—Н. С. Иванина, рожд. Шпилевская,—О. И. Иванова, рожденная Анненкова,—М. Г. Ивановъ,—Н. И. Ивановъ,—А. Е. Ивановъ,—И. В. Ивановъ,—И. С. Ивановъ,—М. Н. Ивановъ,—Н. Ѳ. Ивановъ,—Петръ Вас. Ивановъ,—Л. К. Ивановскій,—от. И. Иващенковъ,—Ю. Б. Иверсенъ,—А. Игнатовичъ,—от. архимандритъ Игнатій (Малышевъ),—А. П. Игнатьевъ,—А. С. Игнатьевъ,—гр. Н. П. Игнатьевъ,—С. А. Идаховъ,—А. Извольскій,—П. А. Извольскій,—К. А. Измайловъ,—П. Александр. Измайловъ,—проф. В. С. Иконниковъ,—от. П. Ильинскій,—проф. Д. И. Иловайскій,—В. Е. Ильковъ,—Д. В. Ильченко,—Л. В. Ильяшевичъ,—М. А. Имбергъ,—арх. Ипполитъ,—П. П. Исаевичъ,—А. Д. Исаковъ,—П. Н. Исаковъ,—Д. С. Исардовъ,—Н. О. Истинской,—Ѳ. А. Исуповъ,—Г. Ѳ. Исѣевъ.

В. Каверзневъ,—Казадаевъ,—Е. К. Казанскій,—П. С. Казанскій,—С. П. Казанскій,—Казачокъ,—М. К. Казина,—С. Д. Казина, рожд. Бантышъ-Каменская,—Казинъ,—П. С. Калачевскій,—М. М. Калиновская,—Калиновская,—В. В. Каллашъ,—Д. И. Калугинъ,—графиня Л. М. Каменская,—Ѳ. А. Каменскій,—И. Т. Камчатовъ,—А. Н. Канаевъ,—А. Канаринъ,—княгиня М. А. Кантакузина,—гр. П. И. Капнистъ,—Н. Я. Капустина,—П. А. Карабьинъ,—А. А. Карасевъ,—М. В. Карасевъ,—И. Каргопольцевъ,—М. А. Кардиналовскій,—М. А. Карлинъ,—от. А. В. Кармазинскій,—П. Карнауховъ,—Каррикъ,—Л. В. Картавцевъ,—А. Карташевъ,—Н. А. Карцевъ,—П. П. Карцевъ,—г. Карцевъ,—П. Кастальскій,—Н. Н. Касьяновъ,—В. Катеневъ,—В. Катенинъ,—В. М. Каченовскій,—Н. С. Кашкинъ,—А. В. Квитка,—М. Н. Кедровъ,—Н. Т. Кедровъ,—от. М. Кедровъ,—П. Д. Кедровъ,—профессоръ живописи И. П. Келеръ,—М. Кельдышъ,—Н. П. Кельшъ,—Ѳ. Ѳ. Кенигъ,—А. П. Кеппенъ,—П. Е. Кеппенъ,—Т. Кибальчичъ,—Кильдюшевскій,—К. Д. Киніани,—Кирилловъ,—С. И. Кирѣевскій,—А. Александ. Кирѣевъ,—Л. В. Киселева,—А. С. Киселевъ,—Киселевъ,—И. Китаевъ,—П. А. Китицынъ,—Ѳ. Н. Кишенскій,—Д. В. Кларкъ,—И. Кларкъ,—В. І. Класенъ,—А. С. Клевановъ,—П. Кленниковъ,—Н. Ф. Клюге-фонъ-Клюгенау,—Княжевичъ,—М. Д. Княжевичъ,—Князевичъ,—А. С. Князевъ,—Д. Ѳ. Кобеко,—Я. Кобылянскій,—Д. А. Кобяковъ,—профессоръ С. В. Ковалевская, рожд. Корвинъ-Круковская,—Г. А. Ковалевскій,—М. Е. Ковалевскій,—П. М. Ковалевскій,—К. И. Коваленкова,—Н. И. Коваленковъ,—Н. И. Коведаевъ,—Э. А. Коверскій,—М. М. Ковязинъ,—Кожуховъ,—Козадавлевъ,—Д. И. Козелкинъ,—А. Козловскій.—С. Козловскій,—Н. И. Козловъ,—ген.-ад. Козляниновъ,—И. Козьминскій,—Н. И. Койленскій,—

З. Койданскій,—А. Кокосовъ,—академикъ Н. И. Кокшаровъ,—Колачевскій,—А. Коленковскій,—К. П. Колзаковъ,—Н. М. Колмаковъ,—А. А. Колокольцовъ,—Д. Г. Колокольцевъ,—Е. Колокольцевъ,—В. И. Колосовъ,—М. А. Колчинъ,—А. Колынинъ,—бар. М. Колычевъ,—А. Л. Колянковскій,—В. А. Комаровъ,—А. Ф. Кони,—Е. Ѳ. Кони,—гр-ня Н. М. Коновницына,—Ю. Ю. Коноплянскій,—А. О. Константинова,—Д. А. Копьева,—В. А. Кордтъ,—И. П. и Ѳ. П. Корниловы,—П. С. Коробка,—А. Коробовъ,—П. А. Коробьинъ,—І. А. Корозо,—Я. И. Коростовцевъ,—А. Корсаковъ,—профес. Д. А. Корсаковъ,—бар. Корфъ,—Г. Ѳ. Корчевскій,—А. И. Косичъ,—Ю. В. Косова, рожденная Кюхельбекеръ,—М. Костылевъ,—Ѳ. Н. Костюковъ,—Н. П. Косяровскій,—инж. П. Н. Котляревскій,—Всеволодъ П. Коховской,—Иванъ А. Кравцовъ,—И. С. Кравцовъ,—Е. А. Краснопѣвцева,—И. В. Краснопѣвцевъ,—А. Я. Кременской,—В. Д. Кренке,—В. В. Крестовскій,—Ю. А. Крестцовъ,—баронъ Криденеръ,—Криницкій,—Н. Ѳ. Крузе,—М. Круповичъ,—С. Крутиковъ,—Н. К. Крыжановскій,—Крыжовъ,—А. Д. Крыловъ,—Н. Г. Крыловъ,—П. И. Крюковъ,—А. И. Ксензенко,—В. Ф. Кудрявцевъ,—М. П. Кудрявцевъ,—вдова ген.-лейт. Кузмина,—Н. А. Кузминскій,—А. Ѳ. Кузминъ,—В. В. Кузминъ,—Г. Кузминъ,—И. Кузминъ.—А. Кузнецовъ,—Б. Кукель,—А. Кулешовъ,—В. В. Кулжинскій,—Н. И. Куликовъ,—Н. Н. Куликовъ,—В. П. Кулинъ,—М. И. Кулишеръ,—П. А. Кулишъ,—акад. А. А. Куникъ,—М. А. Куплетскій,—И. К. Купріяновъ,—кн. Ѳ. А. и С. В. Куракины,—В. Курдановскій,—В. В. Курдюмовъ,—Курнаръ,—И. Курисъ,—М. Куроптевъ,—П. А. и А. А. Кусковы,—Н. Кутейниковъ,—Куцъ,—М. Н. Кучаевъ,—Ю. Кушакевичъ.

С. И. Лаврентьева,—Т. Н. Лаврентьевъ,—проф. Н. Лавровскій,—Я. Лавровъ,—А. М. Лазаревскій,—Д. Н. Лазаревъ,—Е. Лазо,—І. А. Лазовъ,—М. А. Лакомте,—Е. И. Ламанскій,—И. Ланинъ,—г. Лангенау,—графъ Н. С. Ланской,—И. К. Лапотниковъ,—О. А. Ларіонова, по перв. мужу Соловьева, рожд. Арбузова,—проф. Герм. Авг. Ларошъ,—А. Ласкѣевъ,—Н. В. Латкинъ,—А. С. Лацинскій,—С. Лашкаревъ,—А. С. Лашкевичъ,—Ѳ. Ѳ. Лашмановъ,—А. Лебедева,—А. С. Лебедевъ,—проф. В. Лебедевъ,—В. И. Лебедевъ,—К. А. Лебедевъ,—К. И. Лебедевъ,—Н. А. Лебедевъ,—Н. П. Лебедевъ,—Г. С. Лебединецъ,—П. П. Лебле,—О. Я. Левенсонъ,—П. Я. Левенсонъ,—М. А. Левенцовъ,—М. Ю. Левестамъ,—Н. Левитскій,—Г. П. Левицкій,—О. И. Левицкій,—художникъ С.Л. Левицкій,—А.А. Левшинъ,—П. И. Лего,—архимандр. Леонидъ (Кавелинъ),—М. М. Лемницкій,—профес. Ленцъ (въ Марбургѣ),—Леоновъ,—Леопольдовъ,—Н. В. Лепешинской,—В. Н. Лермонтовъ,—И. В. Лермонтовъ,—В. В. Лещинскій,—К. Ф. Де-Ливронъ,—графъ Лидерсъ-Веймарнъ,—М. И. Лилеевъ,—А. Линбергъ,—И. А. Линнеченко,—Н. О. Линовскій,—И. Линскій,—Липовицкій,—В. Лисенко,—Д. Д. Лисенко,—М. М. Лисицынъ,—Н. М. Лисовскій,—П. Литвинова,—В. И. Личачевъ,—А. Ѳ. Лишинъ,—А. В. и А. Н. Лишины,—А. О. Лишина,—кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій,—П. В. Лобановъ,—Г. И. Лобовиковъ,—А. Ломачевскій,—М. К. Ломизе,—Г. Г. Ломоносовъ,—Н. А. Лонгинова,—А. Лоп-

гиновъ,—Л. Г. Лопатинскій,—С. П. Лопацкая,—П. В. Лопухина,—Н. Лопухинъ,—Е. А. Лопушинскій,—Л. Я. Лосинскій,—Лоссовская,—Ю. С. Лось-Рошковскій,—І. В. Лохвицкій,—Лошаковъ,—А. Луганинъ,—Я. И. Лудмеръ,—П. Ѳ. Лузановъ,—Лукинскій,—свящ. А. А. Лунинъ,—В. К. Луцкій,—А. М. Лушниковъ,—М. Львова,—А. Львовъ,—Анатолій Ник. Львовъ,—Л. Ѳ. Львовъ,—Ѳ. Ѳ. Львовъ,—А. С. Лыкошинъ,—Н. С. Лыкошинъ,—Н. С. Лѣсковъ,—В. И. Лѣствицынъ,—Любарскій,—Н. Н. Любовичъ,—И. Людмиловъ,—М. И. Лядовъ,—А. Я. Ляпуновъ,—Г. Г. Ляпуновъ,—А. І. Лященко.

К. Я. Маевскій,—Н. С. Маевскій,—О. Маевскій,—В. Я. Майборода,—А. Н. Майковъ,—академикъ Л. Н. Майковъ,—И. В. Майковъ,—епископъ Макарій,—К. Н. Макаровъ,—Н. Я. Макаровъ,—от. П. Макаровъ,—А. Ѳ. Маккавѣевъ,—ген.-лейт. Маклаковъ,—д-ръ Максимовичъ,—К. Максимовъ,—Н. Я. Максимовъ,—профес. А. И. Макшѣевъ,—В. Н. Макшѣевъ,—Н. Н. Макшеевъ,—И. П. Малаховскій,—І. И. Малевичъ,—Л. В. Малининъ,—П. Ѳ. Малиновскій,—И. Н. Мамакинъ,—Д. Н. Маминъ,—К. В. Мамоновъ,—И. И. Манжура,—Мансуровъ,—А. П. Мансуровъ,—К. А. Маньковскій,—К. Д. Маразуевъ,—А. В. Мариновъ,—А. Л. Мариновъ,—А. А. Маринъ,—А. Маркевичъ,—А. Н. Маркграфской,—О. М. Марковникова,—Е. Л. Марковъ,—М. О. Марксъ,—А. К. Мартосъ,—П. И. Мартосъ,—А. А. Мартыновъ,—А. Ѳ. Мартыновъ,—В. Мартыновъ,—П. Мартыновъ,—Н. В. Масловичъ,—А. Н. Масловская,—Е. П. Масловъ,—А. Н. Масоловъ,—О. П. Матафтина,—А. А. Матвѣевъ,—А. Н. Матвѣевъ,—А. П. Матвѣевъ,—Н. Е. Матвѣевъ,—У. П. Матвѣевъ,—художн. В. В. Матте,—Ив. Матченко,—художн. И. Н. Матюшинъ,—Н. А. Матякинъ,—А. Маховъ,—П. И. Мацѣевичъ,—Л. С. Мацѣевичъ,—И. А. Мачинскій,—А. А. Мауровъ,—Р. Т. фонъ-Мевесъ,—бар. И. К. Медемъ,—К. П. Медоксъ,—М. Межаковъ,—бар. Мейендорфъ,—Н. К. Меллеръ,—Эм. Меллеръ,—И. В. Мельниковъ,—Н. Мельницкій,—бар. И. К. Мердеръ,—А. Е. Мерцаловъ,—А. Мечинскій,—И. И. Мечниковъ,—Н. Мечъ,—Мешетичъ,—А. А. Мизеровъ,—А. М. Миклашевскій,—И. Миклашевскій,—профессоръ М. О. Микѣшинъ,—К. К. Миллеръ,—П. И. Миллеръ,—И. Миловидовъ,—гр. Г. А. Милорадовичъ,—Е. Н. Милошевичъ,—Н. С. Милошевичъ,—А. П. Милюковъ,—М. А. Милютина, рожд. Абаза, по второму супружеству Стиль,—графъ Д. А. Милютинъ,—Ю. Н. Милютинъ,—Г. Минъ,—А. Н. Минхъ,—К. Мирзоевъ,—М. Ѳ. Мирковичъ,—І. Мироновичъ,—П. Мироносицкій,—С. Миропольскій,—А. И. Михайловъ,—В. Михайловъ,—Влад. Вас. Михайловъ,—М. Ѳ. Михайловъ,—прот. В. Я. Михайловскій,—Д. Л. Михайловскій,—от. М. И. Михайловскій,—Я. Л. Михайловскій,—полковн. Г. Михельсонъ,—Н. В. Михно,—І. О. Мишинъ,—В. А. Модерахъ,—А. Ѳ. Можаровскій,—Е. Моллеръ, рожд. Муравьева,—Н. С. Моллеръ,—Мее. Мирон. Молчановъ,—Ф. Моль,—А. Морганъ,—графъ А. А. Мордвиновъ,—Д. Л. Мордовцевъ,—А. Л. Мориновъ,—А. И. Моркевичъ,—П. И. Морозовъ,—П. О. Морозовъ,—Д. К. Морозъ,—Е. Т. Морошкина,—Я. Морошкинъ,—И. Московскій,—Мравинскій,—П. Музыкантовъ,—А. П. Муликовскій,—Г. А. Муравьевъ

(внукъ декабриста),—гр. М. Н. Муравьевъ (внукъ Виленскаго),—о. П. И. Мурзакевичъ,—Н. С. Мусинъ-Пушкинъ,—М. А. Мусницкій,—Е. Ѳ. Муякъ,—Авг. Ив. Мясковскій,—художн. Ѳ. А. Мёркинъ,—А. К. Мётлина,—Г. И. Мёшковъ.

А. А. Навроцкій,—М. Нагорновъ,—Надеждинъ,—А. Н. Надеждинъ,—В. Надпорожный,—К. В. Назарьева,—М. В. Назимова,—контръ-адм. Назимовъ,—от. А. Накропинъ,—А. П. Налимовъ,—В. Напорожскій,—Н. П. Нарановичъ,—П. Ѳ. Нарбутъ,—Н. Нарохиницкій,—Е. А. Нарышкина, рожд. кн. Куракина,—П. И. Неболсинъ,—Н. К. Невзоровъ,—Я. М. Невёровъ,—Н. Н. Неёловъ,—Ю. Ѳ. Нейманъ,—С. Неклюдовъ,—Е. С. Некрасова,—И. Некрасовъ,—Н. В. Некрасовъ,—Нелидовъ,—Несвѣтаевъ,—графъ Д. К. Нессельроде,—Н. Я. Нестеровъ—А. А. Неустроевъ,—А. Н. Неустроевъ,—О. Ф. Нечаевъ,—Неёловъ,—С. А. Никитенко,—В. Н. Никитинъ,—Д. Николаевъ,—М. Г. Николаевъ,—баронъ А. П. Николаи,—О. Ѳ. Николаи,—А. Никольскій,—А. А. Никольскій,—д-ръ Н. А. Никольскій,—С. Никольскій,—Р. Н. Никулинъ,—М. Д. Ниловъ,—Д. Ниловъ,—графъ Нирод ъ,—Л. Л. Ничпаевскій,—Н. М. Новицкій,—М. Д. Нововъ,—А. Г. Новоселовъ,—А. Е. Носъ,—С. Д. Носъ.

Обезерскій,—Облеуховъ,—кн. А. А. Оболенскій,—С. Оболенскій,—кн. А. М. Оболенскій,—Н. А. Оболенскій,—кн. Ю. Оболенскій,—А. Д. Оболонскій,—Н. А. Огарева-Тучкова,—К. И. Огаревъ,—П. Огіевскій,—Н. Оглоблинъ,—П. И. Огородниковъ,—С. Ф. Огородниковъ,—А. К. Одинцовъ,—Н. А. Одинцовъ,—Н. Ф. Оже-де-Ранкуръ,—Н. П. Озеровъ,—Ю. А. Ознобишинъ,—Н. А. Окуневъ,—П. А. Олферовскій,—М. Я. Ольшевскій,—Н. О. Омельяненко,—Ольхинъ,—В. И. Онупріенко,—А. Онѣгинъ,—от. С. И. Опатовичъ,—И. И. Ореусъ,—В. Ф. Ореусъ,—А. Орловъ,—В. Б. Орловъ,—Ив. Никол. Орловъ,—П. А. Орловъ,—Ф. Ф. Орловъ,—А. В. Орѣшниковъ,—проф. Н. А. Осокинъ,—бар. Остенъ-Сакенъ,—баронесса Л. Остенъ-Сакенъ,—бар. А. А. Остенъ-Сакенъ,—А. Острогорскій,—свящ. С. Остроумовъ,—В. А. Остряковъ,—П. Осѣцкій,—М. Очкинъ.

Л. Н. Павлищевъ,—А. Ѳ. Павловскій,—Павловскій,—И. Ф. Павловскій,—А. А. Павловъ,—А. С. Павловъ,—В. Ѳ. Павловъ,—Н. А. Падарчинъ,—П. П. Падучевъ,—архим. Паисій (изъ Абиссиніи),—Н. Х. Палаузовъ,—Н. А. Паленовъ,—Н. И. Палибинъ,—С. М. Палицынъ,—А. В. Пальчиковъ,—А. А. и В. А. Панаевы,—художн. Паннемакеръ,—Н. И. Пановъ,—Вс. Панютинъ,—С. Ф. Панютинъ,—П. А. Панчулидзевъ-Вигель,—С. А. Панчулидзевъ,—С. Ѳ. Папроцкій,—Ѳ. Ѳ. Пардалоцкій,—П. Д. Паренсовъ,—Паризо-де-ла-Валетъ,—Парландъ, архитекторъ,—М. Д. Пархомовъ,—И. В. Паскачинъ,—В. Пассекъ,—М. А. Паткуль, рожд. маркиза де-Траверсе,—Пафнутьевъ,—А. Пахолковъ—В. К. Пашковъ,—В. Пащенко,—И. Пеньковскій,—проф. І. Первольфъ,—П. М. Пер-

вушинъ,—Г. Г. Перетцъ,—П. Перуѣвъ,—Э. П. Перцовъ,—Перфильева,—Н. А. Перфильевъ,—генер.-лейт. Пестичъ,—проф. Петерсонъ,—Г. П. Петерсонъ,—С. Петровскій,—Алексан. Павл. Петровъ,—Андр. Ник. Петровъ,—проф. Н. И. Петровъ,—П. Петровъ,—П. Н. Петровъ,—П. П. Петровъ,—Н. Г. Петроковъ,—от. Пирлингъ,—А. А. Пирогова,—В. Н. Пироговъ,—Н. В. Пирожковъ,—Анна Ник. Писарева,—С. П. Писаревъ,—В. В. Плаксинъ,—А. А. Плансонъ,—А. С. Платовъ,—Ю. Ѳ. Платонова.—Н. Н. Платуновъ,—А. В. Плетнева, рожд. княжна Щетинина,—А. Повалишинъ,—А. А. Повало-Швыйковскій,—А. Д. Погодинъ,—И. П. Поддубный,—И. Е. Подтягинъ,—Ѳ. Подтягинъ,—Подушкинъ,—Подшиваловъ,—профес.-граверъ И. П. Пожалостинъ,—Е. Ц. Поздѣевъ,—И. Г. Познанскій,—А. П. Покровскій,—В. И. Покровскій,—В. Ѳ. Покровскій,—протоіер. Г. Покровскій,—Н. В. Покровскій,—П. Н. Полевой,—И. Полежаевъ,—А. П. Полетаевъ,—Н. И. Полетаевъ,—В. Н. Поливановъ,—Л. И. Поливановъ,—Н. А. Поливановъ,—Поликарповъ,—А. С. Полонскій,—Я. П. Полонскій,—А. Полторацкій,—В. Поляковъ,—профес. И. В. Помяловскій,—А Пономаревъ,—Н. К. Пономаревъ,—С. Пономаревъ,—Ѳ. Пономаревъ,—А. Е. Поповъ,—Анд. Н. Поповъ,—В. Т. Поповъ,—И. С. Поповъ,—Михаилъ Ив. Поповъ,—Николай Поповъ,—Нилъ А. Поповъ,—Т. П. Поповъ,—П. И. Порай-Кошицъ,—С. С. Порошина,—С. С. Порошинъ,—А. П. Порто,—В. О. Португаловъ,—Н. Б. Потокской,—полков. Потто,—П. А. Потѣхинъ,—Н. Н. Правиковъ,—П. Я. Прейсъ,—А. Преображенскій,—А. О. Пржецлавскій,—П. Г. Пржецлавскій,—Ф. И. Приходкинъ,—А. И. Проворовъ,—Д. И. Прозоровскій,—Прозоръ,—П. К. Прокоповичъ,—М. С. Прокудинъ-Горскій,—Пронина,—Н. Н. Протасовъ,—С. В. Протопоповъ,—А. С. Пругавинъ,—С. Л. Пташицкій,—В. В. Птицынъ,—профес. Александръ Казим. Пузыревскій,—И. А. Пузыревскій,—А. П. Пулло,—А. Пульхеровъ,—А. Г. Пупаревъ,—А. М. Пустоваловъ,—протоіерей М. Путинцевъ,—князь П. А. Путятинъ,—Е. П. Пуценко,—П. А. Пушкаревъ,—А. А. Пущинъ,—А. И. Пущинъ,—А. Н. Пыпинъ,—Д. М. Пѣтуховъ,—М. О. Пѣтуховъ,—Пѣшковъ,—А. П. Пятковскій.

В. Равизъ,—І. Радзиковскій,—И. Ф. Радзиковскій,—А. Ф. Радченко,—Раздеришинъ,—М. Н. Раевскій,—А. Раменскій,—Е. К. Раппъ,—А. Распоповъ,—П. Н. Распоповъ,—П. С. Ревякинъ,—Р. А. Регменскій,—К. Я. Реймерсъ,—Ѳ. Ѳ. Рейнботъ,—И. С. Ремезовъ,—Н. В. Реутскій,—Н. Ржавская,—Н. Ѳ. Ржевская,—графъ А. А. Ржевускій,—Н. Ридингеръ,—Н. В. Ринкъ,—А. Ѳ. Риттихъ,—В. И. Роборовскій,—Д. А. Ровинскій,—Н. А. Роговъ,—А. И. Роджеръ,—Г. И. Родзевичъ,—Д. П. Родіоновъ,—В. Рожковъ,—от. протоіерей А. И. Розановъ,—М. Г. Розановъ,—Н. И. Розановъ,—докт. М. Б. Розенбергъ,—О. фонъ-Розенбергъ,—В. И. Розенгеймъ,—Д. А. Рокотовъ,—І. Ролке,—Г. Ѳ. Романенко-Щирый,—П. П. Романовичъ,—А. Н. Романовскій,—протоіерей А. Романовъ,—К. К. Романовъ,—С. И. Романовъ,—Ю. А. Романовъ,—П. Рословъ,—П. К. Ротастъ,—В. А. фонъ-Роткирхъ,—графъ И. Н. де-Рошфоръ,—Д. И. Ртищевъ,—Д. Рубакинъ,—Ѳ. Рубановскій,—проф. Антонъ

Гр. Рубинштейнъ,—И. Я. Рубинштейнъ,—проф. М. И. Рубецъ,—С. А. Рудакова,—И. Г. Рудневъ,—К. И. Рудницкій,—К. К. Рудницкій,—Н. Рудыковскій,—баронъ В. Р. Руммель,—Л. Е. Руммель.—Е. Д. Руничъ,—А. Ѳ. Рутценъ,—Рыбкинъ,—Н. Рындовскій,—В. Рышковъ,—Е. С. Рѣпина,—художн.-професс. И. Е. Рѣпинъ,—Г. К. Рѣпинскій,—Д. Д. Рябининъ.

Сабуровъ,—акад. П. И. Савваитовъ,—Л. М. Савеловъ,—А. А. Савельевъ,—А. В. Савельевъ,—А. И. Савельевъ,—Ѳ. Г. Савенко,—А. А. Савурскій.—Садовскій,—Н. Сажинъ,—Н. Ѳ. Сазоновъ,—В. Сантовъ,—А. П. Саламовъ.—П. И. Саламонъ,—графиня Е. В. Саліасъ, рожд. Сухово-Кобылина (псевдонъ въ литерат. Евгенія Туръ),—В. Самариновъ,—Н. Ѳ. Самаринъ,—Н. А. Самойлова,—Н. Самойло,—И. Самсоновъ,—А. Сапожниковъ,—Д. А. Саравчовъ,—М. Е. Саранчовъ.—А. Д. Сатинъ,—В. С. Саховъ,—Свамочкинъ,—артистъ П. М. Свободинъ,—Н. П. Свѣчина,—Т. Н. Седлецкій,—М. Селезневъ,—А. В. Селивановъ,—А. Ѳ. Селивановъ,—Н. Н. Селифонтовъ,—А. Селиховъ,—А. В. Семевская, рожден. Буташевичъ-Петрашевская,—докторъ русск. исторіи В. И. Семевскій,—Е. Н. Семевская, по перв. мужу Водовозова, рожд. Цевловская,—П. И. Семевскій,—Н. А. Семеновскій,—Д. Д. Семеновъ,—П. С. Семеновъ,—Н. П. Семеновъ,—Павелъ А. Семеновъ,—П. П. Семеновъ,—Л. М. Сементовскій,—А. Сементовскій,—Е. Семичева,—К. А. Семковскій,—К. К. Сентъ-Илеръ,—А. Н. Сергѣевъ,—от. П. Серебренниковъ,—А. Серебряковъ,—Л. М. Сердюкова,—И. О. Сержпутовскій,—Серно-Соловьевичъ,—И. М. Сибиряковъ,—графы Е. Е. и Н. Е. Сиверсы,—І. Сидорскій.—В. В. Сикорскій,—Д. П. Сильчевскій,—П. В. Симанскій,—Симоновъ,—Н. П. Синельниковъ,—А. Н. Сиротининъ,—И. Сиротининъ,—Н. Е. Сироткинъ,—Р. П. Ситовскій,—Н. Н. Скалонъ,—А. Е. Скальковскій,—А. А. Скальковскій,—К. А. Скальковскій,—художникъ Г. Н. Скамони,—А. Скворцовъ.—А. И. Скиноеръ,—В. Скипскій,—Б. Скоробогатый,—Ѳ. М. Скородумовъ,—А. И. Скребицкій,—С. Д. Слатинъ,—Ж. Слѣпцова,—Арк. Слѣпцовъ,—О. Н. Смирнова,—свящ. А. Смирновъ,—А. В. Смирновъ,—В. Смирновъ,—В. П. Смирновъ,—И. А. Смирновъ,—И. К. Смирновъ,—Смитъ,—В. Н. Смольяниновъ,—Смѣкаловъ,—Д. Д. Смышляевъ,—В. П. Снѣжневскій,—Н. П. Собко,—А. И. Соболевскій,—Л. Н. Соболевъ,—С. Соболевъ,—А. П. Созановичъ,—М. В. Соймоновъ,—Н. М. Соковнинъ,—В. Соколовскій,—А. И. Соколовъ,—А. Н. Соколовъ,—А. П. Соколовъ,—В. Т. Соколовъ,—Е. И. Соколовъ,—Н. И. Соколовъ,—профес. Ѳ. Г. Солнцевъ,—г. Соловейчикъ,—Л. Ф. Соловьевъ,—М. В. Соловьевъ,—от. П. Соловьевъ,—П. И. Соловьевъ,—Солтанъ,—А. Е. Сомовъ,—А. И. Сомовъ,—С. Н. Сомовъ,—В. М. Сорокинъ,—И. В. Сорокинъ,—Р. П. Сорокинъ,—Сосновская,—В. О. Сосновскій,—П. Т. Софіенко-Сумцовъ,—В. Д. Спасовичъ,—А. И. Сперанскій,—А. Спицынъ,—М. И. Ставраки,—Станевичъ,—А. И. Станкевичъ,—С. А. Станкевичъ,—Е. П. Старицкій,—А. И. Старкъ,—Старостинъ,—А. В. Старчевскій,—В. В. Стасовъ,—М. М. Стасюлевичъ,—С. В. Стебницкая,—Б. А. Степановъ,—В. П. Степановъ,—М. П. Степановъ,—Н. И. Степановъ,—

П. А. Степановъ,—П. Ѳ. Степановъ,—С. Стерлеговъ,—А. М. Стессель,—Стишевскій,—А. Д. Столыпинъ,—Сторожевскій,—Н. В. Стороженко,—Стороженко,—А. Г. Стояновская,—Н. И. Стояновскій,—З. Стражева,—М. Страховскій,—А. Страховъ,—Н. Н. Страховъ,—А. И. Стригоцкій,—П. Р. Строгановъ,—В. Стромиловъ,—Н. С. Стромиловъ,—Строевъ,—Стронинъ,—Б. В. Струве,—Д. М. Струковъ,—Д. П. Струковъ,—М. Д. Струковъ,—И. А. Стрѣльбицкій,—Стрѣлковъ,—Г. И. Студенкинъ,—С. Ступишинъ,—М. М. Субботинъ,—И. Н. Суворовъ,—Н. И. Суворовъ,—С. Судаковъ,—І. М. Судіенко,—С. Н Сулима,—Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей,—В. Сульменевъ,—А. П. Сумароцкая,—Н. Ѳ. Сумцовъ,—П. Суходольскій,—М. В. Сухотина,—Д. П. Сушковъ,—профес. П. П. Сущинскій,—Е. А. Сысоева,—С. П. Сысоевъ,—П. Сѣверцовъ,—Л. А. Сѣрякова, рожд. Тицъ.

А. О. Таборовскій,—Д. Г. Тальбергъ,—В. Таницкій,—А. Танковъ,—П. Е. Татариновъ,—графъ Н. И. Татищевъ,—бар. А. Ф. Таубе,—А. В. Телесницкій,—А. З. Теляковскій,—Е. А. Теляковскій,—Н. Теляковскій,—А. А. Телятниковъ,—Темниковъ,—В. В. Тенишевъ,—В. А. Тепловъ,—Ѳ. А. Теплоуховъ,—Н. М. Тереховъ,—А. Н. Тетеревниковъ,—А. Т. Тимановскій,—А. И. Тимофѣевъ,—Вѣра Вас. Тимощукъ, рожденная Кузнецова,—Тимченко-Рубанъ,—Н. Титова,—А А. Титовъ,—В. П. Титовъ,—Н. Н. Титовъ,—Т. Тихменевъ,—И. Тихомировъ,—А. Е. Тихонравова,—Д. А. Тихонравовъ,—проф. Н. С. Тихонравовъ,—Т. А. Тихонравовъ,—Д. Д. Тогольскій,—графиня С. А. Толстая,—Вас. Толстой,—В. М. Толстой,—гр. И. И. Толстой,—графъ Л. Н. Толстой,—гр. М. В. Толстой,—П. С. Толстой,—В. Н. Толстопятовъ,—Томашевъ,—А. М. Томилина,—А. П. Топорнинъ,—Н. Е. Топчіевъ,—П. Травинъ,—г. Трахтенбергъ,—Н. Трескинъ,—В. Третескій,—Л. Н. Трефолевъ,—В. Г. Трироговъ,—А. Трифоновъ,—П. Трофимовскій,—Н. А. Трохимовскій,—Д. А. Трощинскій,—А. Н. Труворовъ,—А. Тулова,—А. Д. Тумановъ,—князь К. М. Тумановъ,—В. В. Тунашевскій,—В. В. Туноменскій,—Турау,—кн. Н. Н. Туркестановъ,—И. Н. Турчаниновъ,—В. А. Туръ,—В. Тухомлицкій,—С. А. Тучкова рожд. Веригина,—Н. П. Тучковъ,—Алексѣй Тыртовъ,—И. И. Тѣльновъ,—И. А. Тютчевъ.

Д-ръ Ульрихсонъ,—А. М. Унковскій,—В. А. Успенскій,—М. П. Успенскій,—П. М. Устимовичъ.

Н. Фадѣева,—М. Н. Фатѣевъ,—Н. Федоровъ,—Н. М. Федоровъ,—Н. Федотьевъ,—А. Федоченко,—А. И. Фелькнеръ,—Я. Фетистовъ,—А. Фехнеръ,—А. А. Филипповъ,—М. А. Филипповъ,—Т. И. Филипповъ,—А. П. Философова,—В. Д. Философовъ,—профес. Н. А. Фирсовъ,—В. С. Флеринъ,—К. Н. Флиге,—Н. Ѳ. Фанъ-деръ Флитъ,—Д. Флоринскій,—О. Е. Франкъ,—бар. В. А. Фредериксъ,—Фрезе,—А. Г. Фрикенъ,—Фролковъ,—А. Е. Фролова,—Н. А. Фроловъ,—Фурдуевъ.

Ханъ-Аговъ,—Харламовъ,—И. К. Херсонскій,—Хижняковъ,—С. А. Хмырова,—Хмѣльницкій,—Н. Ф. Хованскій,—А. А. Ходневъ,—В. И. Холмогоровъ,—Д. Ѳ. Хомутовъ,—П. Ф. Хомутовъ, — от. А. Хорошуновъ, — Г. Р. Хорули,—И. Е. Хорунженковъ,—А. Н. Хребтовъ,—П. Хржановскій,—И. Христофоровъ,—Н. Христофоровъ,—М. Н. Хрущовъ,—А. Хрѣновскій,—Н. Хупотскій.

Профессоръ А. А. Цагарели,—Цвиленевъ,—С. Ѳ. Цвѣтковъ,—И. Е. Цвѣтковъ,—М. Р. Цебрикова,—Цебриковъ,—М. И. Цейдлеръ,—кн. Д. Н. Цертелевъ,—А. Цитовъ—Цыбышевъ.

Адамъ Мих. Чайковскій,—графъ Э. К. Чапскій,—А. И. Чарторижскій,—В. С. Чеважевскій,—В. Р. Чевскій,—Ѳ. Ѳ. Чекалинъ,—Н. М. Челищевъ,—Н. Т. Черевинъ,—И. А. Черемухинъ,—П. А. Черкесова,—И. Черновъ,—В. Ф. Чернышевъ,—М. Г. Черняевъ,—К. А. Четверухинъ,—В. Н. Чеховъ,—В. Е. Чешихинъ,—Г. С. Чирковъ,—проф. И. А. Чистовичъ,—Л. М. Чичаговъ,—М. М. Чичаговъ, — А. Чичеринъ, — И. Чичеринъ, — Н. Ѳ. Чудовъ, — Н. Чуйковъ,—А. А. Чумиковъ.

Г. А. Эзовъ,—І. Эйзенъ-фонъ-Шварценбергъ,—Г. Эйнышъ,—А. Экземплярскій,—Э. Элерсъ,—Н. А. Энгельгардтъ,—Э. К. Энгманъ,—К. Г. Эрнротъ.

Н. Л. Шабельская,—А. С. Шагубатовъ, — Е. А. Шакѣевъ, — П. П. Шафѣевъ, — И. И. Шамшевъ,—проф. живоп. А. І. Шарлемань,—Ф. А. Шатовъ,—В. И. Шаховской,—кн. Ив. Шаховской,—Н. Шаховской,—П. Шванебахъ,—Е. Г. Швардъ,—К. Н. Шварцъ,—И. А. Шмаковъ, — П. В. Шейнъ, — Шелехова,—Л. Шемилинскій,—В. И. Шенрокъ,—Н. Шеншинъ,—А. Н. Шереметевскій,—А. В. Шереметевъ,—М. М. Шемшуръ,—Л. И. Шестакова, рожд. Глинка,—И. І. Шеталовъ.—Н. И. Шигановъ,—Н. К. Шильдеръ,—Шимановъ,—Ѳ. Ѳ. Шиманъ,—И. И. Шимко,—Н. Ширяевъ,—Н. И. Шишкинъ,—А. Д. Шишковъ,—С. Д. Шишковъ,—А. Шкляревскій,—Я. Шлегель,—А. О. Шлейснеръ,—И. А. Шляковъ,—Шляпкинъ,—А. С. Шляхтинъ,—И. А. Шмаковъ,—М. Ѳ. Шогуровъ,—профес. Штейнгейль (въ Марбургѣ),—Н. К. Штрандманъ—г-жа Штукенбергъ. — А. И. Шубертъ, — С. Н. Шубинской, — Д. П. Шубинъ-Поздѣевъ, — Б. В. Шульцъ,—П. А. Шульцъ,—А. Д. Шумахеръ,— Е. С. Шумигорскій,—Д. Шумиловъ, — Шумлянскій, —А. Шуровскій.

Н. А. Щепкинъ,—Н. П. Щепкинъ,—С. П. Щепкинъ,—А. Щербаковъ,—Щербачевъ,—Н. Щеховскій,—В. Р. Щиглевъ.

М. Л. Юдинъ,—П. Л. Юдинъ,—В. М. Юзефовичъ,—Н. Юнгъ,—А. Я. Юргенсонъ,—К. А. Юргенсъ,—П. И. Юркевичъ,—И. Н. Юркинъ,—В. П. Юрловъ,—П. О. Юрченко,—Юшковъ.

Д. Д. Языковъ,—С. М. Якимахъ,—проф. живоп. В. И. Якобій,—Н. Н. Якоби,—В. А. Яковлевъ,—С. А. Яковлевъ,—Якубовичъ,—Б. Якунчиковъ,—Вяч. Евгеніевичъ Якушкинъ,—Е. И. Якушкинъ,—И. И. Янжулъ,—Г. Д. Яновичъ,—С. Х. Янковскій,—Л. И. Янушъ,—А. И. Янъ,—М. А. Ярославскій,—С. А. Ярошъ,—П. Ясницкій,—В. Н. Ястребовъ,—Н. А. Яхонтовъ,—княгиня Е. М. Яшвиль, рожденная Орлова.

Н. Н. Өедоткинъ.

Изд.-редакторъ «Русской Старины» **Михаилъ Ивановичъ Семевскій**, членъ Археографической комиссіи при Министерствѣ Народнаго просвѣщенія;—почетный членъ археологическаго института,—почетный членъ общества археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ,—почетный членъ Ростовскаго (въ Ярославской губ.) музея церковныхъ древностей,—почетный членъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края;—членъ императорскихъ обществъ: любителей древней письменности (чл.-сотрудн., въ Спб.),—исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ и Новороссійскомъ (въ Одессѣ) университетахъ, — русскаго археологическаго общества (въ Спб.), русскаго географическаго и русскаго минералогическаго; — членъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій: Нижегородской, Орловской, Пермской, Рязанской, Саратовской, Таврической, Тамбовской и Тверской; — русскаго антропологическаго общества (въ Спб.);—русскаго литературнаго общества (въ С.-Петербургѣ); — общества любителей Россійской словесности (въ Москвѣ); — Псковскаго статистическаго комитета, — и членъ королевскаго общества исторіи въ Лондонѣ.

[1870—1890 гг.].

24-го ноября 1890 г.

Вслѣдъ за списокомъ нашихъ сотрудниковъ „Русской Старины“ долгомъ считаемъ поименовать, съ глубокою признательностію къ памяти, нижеслѣдующихъ покойныхъ лицъ: И. С. Аксаковъ,—С. А. Аминовъ,— Л. Н. Антроповъ, — А. П. Арбузовъ, — проф. Н. Я. Аристовъ, — А. И. Артемьевъ.— В. И. Асташевъ, — А. Н. Афанасьевъ, — А. Ѳ. Багговутъ, — К. Ѳ. Багговутъ,—Я. П. Баклановъ, —А. Д. Бантышъ-Каменская, —П. И. Барановъ,— А. А. Баранцевъ, — князь А. И. Барятинскій, — Л. П. Батюшковъ, — А. П. Башуцкій, — профес. Н. В. Бергъ,—Ад. П. Берже,—Андр. П. Берже,—Е. А. Бестужева, —М. А. Бестужевъ (декабристъ), — профес. М. И. Богдановичъ,— профес. О. М. Бодянскій,—М. П. Болотовъ,—Боричевскій, —художн. Н. К. Врезе,—адм. Бутаковъ,—баронъ Бутлеръ,—Н. Д. Быковъ,—А. П. Бѣляевъ (декабристъ), — профес. И. Д. Бѣляевъ, — В. Н. Ваксель, — гр. П. А. Валуевъ,— И. П. Варпаховскій,—П. П. Васильевъ,—кн. А. И. Васильчиковъ,—Георгъ Веберъ (въ Гейдельбергѣ),—К. Н. Вельяминовъ,—Н. В. Веригинъ,—А. Ѳ. Волковъ,—Андрей Степанов. Вороновъ,—Н. М. Востоковъ,—баронъ Б. А. Вревскій, — И. В. Вуичъ, — А. Н. Вульфъ, — от. И. Гагаринъ (іезуитъ),—В. П. Гаевскій, — О. Ф. Гейфельдеръ,—Г. Н. Геннади, —Н. В. Гербель, — профес. Эрнестъ Германъ (въ Марбургѣ),—П. П. фонъ-Гецъ,—А. Ѳ. Гильфердингъ,— Ѳ. Н. Глинка,—К. П. Голенко,—Я. Ѳ. Головацкій,—А. В. Головнинъ,—свѣтл. кн. А. М. Горчаковъ, — А. К. Гриббе, — профес. А. Д. Градовскій, — Я. И. Григорьевъ,—С. И. Гуляевъ.—В. Д. Давыдовъ,—В. И. Даль,—Даниленко,— П. М. Дараганъ,—кн. П. П. Демидовъ санъ-Донато,—М. Ѳ. Де-Пуле,—Н. Н. Де-Прерадовичъ, —В. А. Дювернуа,—К. И. Домонтовичъ,—Н. П. Дуровъ,— И. И. Европеусъ,—А. П. Есиповъ, — Н. Н. Жеденовъ,—Н. Н. Жуковскій,— А. П. Заблоцкій-Десятовскій, — Д. Н. Замятнинъ, — С. И. Зарудный, —К. Я. Званцовъ, — К. К. Злобинъ, — И. Ѳ. Золотаревъ, — В. А. Золотовъ, — П. Д. Золотовъ, — П. Д. Зотовъ,— К. А. Зыбинъ,—Руфъ Игнатьевъ,—В. А. Инсарскій,—А. Г. Казначеевъ,—Н. В. Калачовъ,— Ф. В. Каразинъ,—В. Н. Каразинъ, — А. М. Каратыгина, рожден. Колосова, — П. А. Каратыгинъ, — П. П. Каратыгинъ, — Е. П. Карновичъ, — Г. Ѳ. Карповъ,—С. Д. Карповъ,—

бар. Кене,—Н. Х. Кетчеръ,—Д. И. Кипіани,—А. Н. Кирилинъ,—А. М. Княжевичъ,—О. А. Кобеко, рожд. Шакѣева,—М. Е. Ковалевскій,—О. И. Константиновъ,—графъ М. А. Корфъ,—баронъ Н. А. Корфъ,—Я. Н. Костенецкій,—профессоръ Н. И. Костомаровъ,—графъ П. Е. Коцебу,—А. А. Краевскій,—А. А. Краснокутскій,—В. А. Краснокутскій,—И. И. Красовскій,—А. Н. Креницынъ,—генер.-лейтен. Кузминъ,—Г. И. Кузминскій,—С. Е. Кулѣша,—кн. А. Б. Куракинъ,—от. К. Кустодіевъ,—М. В. Кюхельбекеръ,—П. П. Ламбинъ,—профессоръ П. С. Лебедевъ,—А. И. Левшинъ,—Л. Л. Леонидовъ,—А. Ф. Леопольдовъ,—Е. Ф. Лермонтова,—М. Н. Лонгиновъ,—графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ,—М. Н. Любощинскій,—княгиня С. А. Мадатова,—В. Н. Майковъ,—С. М. Макарова,—Л. С. Маковъ,—Б. М. Маркевичъ,—М. А. Марковъ,—от. Ив. Мартыновъ (іезуитъ),—кн. Н. Масальскій,—П. И. Мельниковъ,—П. К. Меньковъ,—П. Н. Меншиковъ,—Г. И. Мигринъ,—проф. О. Ѳ. Миллеръ,—Милюковъ,—М. П. Митковъ,—И. Я. Морошкинъ,—от. М. Я. Морошкинъ,—М. И. Муравьевъ-Апостолъ (декабристъ),—Ѳ. Н. Муратовъ,—Н. Н. Мурзакевичъ,—П. А. Мухановъ,—М. А. Назимовъ (декабристъ),—А. С. Наставинъ,—проф. и акад. А. В. Никитенко,—професс. А. И. Никитскій,—професс. В. В. Никольскій,—кн. Д. А. Оболенскій,—А. Одинцовъ,—Ѳ. К. Опочининъ,—Г. А. Орловъ,—Н. М. Орловъ (сынъ декабриста),—И. Т. Осининъ,—гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ,—А. Н. Островскій,—И. Д. Павловскій,—Т. П. Пассекъ,—И. А. Пашковъ,—акад. П. П. Пекарскій,—А. Г. Петровъ,—В. П. Петровъ,—профес Н. И. Пироговъ,—С. И. Погодина,—А. О. Подвысоцкій,—А. И. Подолинскій,—А. Н. Поповъ,—М. Н. Похвисневъ,—Н. М. Пржевальскій,—О. А. Пржецлавскій,—М. М. Рангъ,—В. Ѳ. Ратчъ,—Н. А. Ратынскій,—А. В. Рачинскій,—М. Х. Рейтернъ,—Людмила Ив. Рикордъ,—Н. П. Розановъ,—М. П. Розенгеймъ,—баронъ А. Е. Розенъ (декабристъ),—ген.-лейт. Д. И. Романовскій,—Н. И. Ростиславовъ,—Д. И. Рудаковъ,—А. И. Рыжовъ,—Д. П. Садовниковъ,—М. Е. Салтыковъ,—артистъ В. В. Самойловъ,—проф. И. И. Свѣзевъ,—П. Н. Свистуновъ (декабристъ),—А. С. Сгибневъ,—И. В. Селивановъ,—И. Е. Семевскій,—А. И. Семевскій,—В. А. Семевскій,—Татьяна Мих. Семевская,—К. С. Сербиновичъ,—баронъ М. Н. Сердобинъ,—А. Е. Сеславина, рожден. Семевская,—Д. И. Скобелевъ,—акад. и професс. С. М. Соловьевъ,—И. И. Сосницкій,—Т. А. Сосновскій,—А. Л. Спаскій,—Е. Э. Старковъ,—Н. И. Стародубскій,—Н. П. Степановъ,—Э. И. Стоговъ,—В. Я. Стоюнинъ,—кн. Италійскій графъ А. А. Суворовъ-Рымникскій,—от. А. П. Сулоцкій,—акад.-грав. Л. А. Сѣряковъ,—о. протоіерей Арс. Вас. Тачаловъ,—К. Н. Тихонравовъ,—Токарева,—графиня А. И. Толстая,—графъ Д. А. Толстой,—графъ

Ѳ. П. Толстой, — А. В. Толоровъ, — Туганъ-Мирза-Барановскій, — С. И. Турбинъ, —И. С. Тургеневъ, —М. П. Тучковъ,— кн. С. Н. Урусовъ, — В. И. Фелькнеръ,—баронъ А. Фредериксъ,—бар. Н. П. Фредериксъ,—А. В. Фрейгангъ,— М. Д. Хмыровъ,—И. Р. фонъ-деръ Ховенъ, —Н. Р. Цебриковъ (декабристъ),—А. Цимбалистовъ,—Мих. Чайковскій (Садыкъ-паша),—В. И. Чаславскій,—Адамъ Петр. Чеботаревъ,—ген.-адъют. К. В. Чевкинъ, — И. А. Чернавскій, — Е. В. Чешихинъ, — проф. Я. А. Чистовичъ, — П. А. Чумиковъ, — Н. К. Чупинъ,—Б. С. Шевыревъ,—П. Д. Шестаковъ,—Ѳ. А. Шидловскій,— І. И. Шишкинъ,—Т. И. Шишкинъ,—баронъ В. И. Штейнгейль (декабристъ),— А. И. Штукенбергъ,— В. К. Шульцъ, — П. К. Щебальскій,—М. П. Щербининъ,—Н. Н. Щукинъ,—А. И. Языковъ,—Ястржемскій,—А. Н. Яхонтовъ,—Б. М. Ѳедоровъ,—сообщенныя ими Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и бо́льшія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже цѣлые фамильные архивы, напр. братьевъ Бестужевыхъ, К. В. Чевкина и др., — находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“, и тѣ, которые до сихъ поръ не были еще ею изданы, постепенно будутъ печататься на страницахъ этого историческаго изданія.

[1870—1890 гг.].

24-го ноября 1890 г.

„Русская Старина“ и ея подписчики въ 1890 году.

Въ 1890 г. экземпляры „Русской Старины“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ, по мѣсту подписки, по губерніямъ и областямъ:

1. Акмолинской обл.	23	24. Иркутской губ.	44
2. Амурской обл.	16	25. Казанской	81
3. Архангельской губ.	13	26. Калишской.	13
4. Астраханской	33	27. Калужской.	34
5. Бакинской	20	28. Карской обл.	9
6. Бессарабской.	59	29. Кіевской губ.	132
7. Варшавской.	77	30. Ковенской	30
8. Виленской	48	31. Костромской.	42
9. Витебской	29	32. Кубанской обл.	52
10. Владимірской	62	33. Курляндской губ.	13
11. Вологодской	26	34. Курской	61
12. Волынской	57	35. Кутаисской	26
13. Воронежской	72	36. Кѣлецкой	12
14. Выборгской.	11	37. Лифляндской	59
15. Вятской	55	38. Ломжинской	21
16. Гродненской.	35	39. Люблинской	23
17. Дагестанской обл.	13	40. Минской.	30
18. Донской обл.	59	41. Могилевской	25
19. Екатеринославской губ.	97	42. Московской.	46
20. Елисаветпольской	13	43. Нижегородской	51
21. Енисейской.	19	44. Новгородской.	47
22. Забайкальской обл.	52	45. Нюландской	10
23. Закаспійской обл.	28	46. Олонецкой	18

47. Оренбургской 33
48. Орловской 61
49. Пензенской. 45
50. Пермской 98
51. Петроковской 17
52. Плоцкой 21
53. Подольской 56
54. Полтавской 107
55. Приморской обл. 50
56. Псковской губ. 42
57. Радомской 13
58. Рязанской 59
59. Самаркандской обл. 8
60. Самарской губ. 52
61. С.-Петербургской. 67
62. Саратовской 84
63. Семипалатинской обл 5
64. Семирѣченской 14
65. Симбирской губ. 40
66. Смоленской. 51
67. Ставропольской 23
68. Сувалкской. 16
69. Сѣдлецкой 10
70. Сыръ-Дарьинской обл. . . . 27
71. Тавастгусской губ. 2
72. Таврической 112
73. Тамбовской. 72
74. Тверской. 53
75. Терской обл. . . . . [illegible]
76. Тифлисской губ . . . . . [illegible]
77. Тобольской. . . . . [illegible]
78. Томской . . . . . [illegible]
79. Тульской. . . . . [illegible]
80. Тургайской обл. . . . . [illegible]
81. Уральской обл. . . . . [illegible]
82. Уфимской губ. . . . . [illegible]
83. Ферганской обл. . . . . [illegible]
84. Харьковской губ. . . . . [illegible]
85. Херсонской. . . . . [illegible]
86. Черниговской . . . . . [illegible]
87. Эриванской . . . . . [illegible]
88. Эстляндской . . . . . [illegible]
89. Якутской обл . . . . . [illegible]
90. Ярославской губ. . . . . [illegible]

Итого 3775

II. Въ Москвѣ:

съ доставк. и безъ доставки — [illegible]

III. Въ С.-Петербургѣ:

съ доставк. и безъ доставки — [illegible]

IV. За границею . . . . . [illegible]

Всего разошлось въ 1890 г. . 5324

Завѣдующая экспедиціей журнала „Русская Старина“ *Анна Ник. Писарева*

24 ноября 1890 г.
С.-Петербургъ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ LXV, LXVI, LXVII и LXVIII томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1890 г.

Абаза, Александра Алексѣевна, см. Золотарева.

Абаза, А. М., т. LXV, 563, 566.

Абаза, Михаилъ Аггеев., т. LXVI, 224.

Абрамовъ, А., писатель 1879 г., томъ LXVIII, 773.

Абрамовъ, ген.-лейт., т. LXVI, 665—669.

Абрамовичъ, варшав. об.-полиціймейст., т. XLV, 76.

Авдѣевъ, горн. инж., т. LXVI, 253, 258, 259.

Авдѣевъ, М., писатель, томъ LXVI, 45, т. LXVIII, 761.

Аврамій Палицынъ, т. LXVIII, 301.

Авраамъ Степановичъ, новгород. тысяцкій, т. LXVIII, 301.

Агатоновъ, полковн. 1837 г., т. LXVII, 248—274, 680—684.

Агиѣевъ, Д. И., чл. рязан. архив. комис. 1889 г., т. LXVIII, 568.

Адамовичъ, генер., т. LXVI, 484.

Адамовичъ, бывш. восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.

Аделунгъ, т. LXVI, 572, т. LXVII, 456.

Адлербергъ, Юлія Өед., рожд. Багговутъ, статсъ-дама, начальница Смольн. инст. 1798 г., т. LXV, 832, т. LXVII, 434.

Адлербергъ, гр., Александ. Влад., м-ръ двора, род. 1818 г., † 1888 г., т. LXV, 223, 497—513, 742, 832, т. LXVI, 304, т. LXVIII, 156, 157, 168, 176, 178, 181—186, 396, 611, 612, 683.

Адлербергъ, гр., Влад. Өед., ген.-ад., м-ръ двора и удѣловъ 1860 г., т. LXV, 500, 832, т. LXVI, 66, 304, т. LXVII, 54, 113, 120—131, 152, 230, 361, 369, 371, 376, 585, 604, т. LXVIII, 389, 391, 681—686.

Адлербергъ, графъ, т. LXVI, 541, 542.

Адріанъ, патріархъ 1696 г., т. LXVIII, 438—442.

Акерманъ, дерптск. бургомистръ 1820 г., т. LXV, 353.

Аксакова, Вѣра Сергѣевна, т. LXV, 853, 855.

Аксакова, Марья Никол., 1812 г., т. LXV, 10.

Аксакова, Ольга Семен., т. LXV, 853—854, т. LXVII, 285.

Аксаковъ, Ив. С., р. 1823 г., † 1886 г., т. LXV, 403, 420, 421, 426, 427, 648, т. LXVI, 640, 641, 645, 648, 649, 654, 689, т. LXVII, 282, 283, 286, 578, 631 т. LXVIII, 141, 353, 354, 356, 657, 659.

Аксаковъ, Конст. Сергѣев., т. LXV, 407, 408, 409—411, 418, 419, 420 421, 426, 853, т. LXVI, 652, 689, т. LXVII 196, 205, 206, 207, 209, 210, 211, 291, 657, 662, 663, т. LXVIII, 757.

Аксаковъ, Никол. Ив., офиц. 1812 г., т. LXV, 9—19.

Аксаковъ, Серг. Тимоѳ., т. LXV, 407, 408, 410, 416, 417, 853, т. LXVI, 646, 652, т. LXVII, 196, 201, 210, 212, 281, 284.

Аксаковы, т. LXV, 3, 416, 855, т. LXVII, 285, т. XVIII, 664.

Алабинъ, Петръ Владим., самарск. городова, т. LXV, 678, 679, т. LXVI, 426, 435, т. LXVII, 216.

Алейниковъ, купецъ, т. LXVIII, 320.

Александра Іосифовна, вел. княгиня, т. LXV, 875, 879, 880, т. LXVI, 308.

Александра Николаевна, вел. княж., † 1844 г., т. LXV, 37, 41, т. LXVI, 361.

Александра Ѳеодоровна, императрица, р. 1798 г., † 1860 г., т. LXV, 31, 71, 88, 569, 625, т. LXVI, 21, 22, 46, 64, 130, 307, 308, 310, 479, 642, т. LXVII, 179, 183, 309, 316, 393, 605.

Александрова, пѣвица, т. LXVII, 633.

Александровскій, пензенск. губ. 1863 г., т. LXVII, 187.

Александръ I, императоръ, р. 1777 г., † 1825 г., т. LXV, 21—25, 48, 86, 88, 102, 103, 114, 119, 120, 143—221, 282, 321—327, 333, 335, 341, 347, 351—355, 375, 607, 612—617, 685, 714, 715, 831, 832, 833, 839, 842, т. LXVI, 76 — 80, 130, 131, 160, 164, 178, 328, 330, 469, 485—490, 500, 674, 687, 708, 711, 727, 737, 739, т. LXVII, 14, 24, 50, 53, 63, 179, 222, 228, 239, 242, 373, 494, 498, 503, 504, 577, 645, 657, 664, т. LXVIII, 4, 25, 125, 209, 212, 215, 219, 230 — 236, 303, 307, 361, 419, 489, 490, 491, 500, 508, 511—535, 694, 706. 717, 756.

Александръ II, императоръ, р. 1818 г., † 1881 г., т. LXV, 27, 58, 227, 228, 271, 282, 285, 291, 292, 464, 481—513, 646, 832, 857, 873, 874, т. LXVI, 42, 70, 73, 76, 83, 155, 298, 301, 355—340, 414, 476—479, 489—495, 534, 569, 572, 658, 709, т. LXVII, 66, 134, 184, 192, 194, 216, 305, 308, 309, 314, 648, 698, 706, т. LXVIII, 53, 79, 111, 135, 230, 287, 288, 307, 308, 321, 362, 363, 379, 456, 457, 477—480, 483, 488, 514, 579, 679—688, 692—694, 738, 773, 774.

Александръ III, императоръ, т. LXVI, 335, 478, 490, 493, 709.

Александръ Невскій, великій князь, т. LXVII, 487.

Александръ, принцъ Оранскій, † 1849 г., т. LXV, 321—339.

Александръ, Петровичъ, царевичъ, род. 1691 г., † 1692 г., т. LXVIII, 251.

Александръ, архіеп. Велико-Устюгскій 1696 г., т. LXVIII, 438—442.

Александръ, гр. Черногорскій, султанъ Яхія, т. LXV, 797—808.

Алексѣевъ, заводчикъ 1841 г., т. LXV, 541.

Алексѣй Михайловичъ, царь, т. LXV, 78, 343, 345, т. LXVII, 454, т. LXVIII, 238, 239, 252, 298, 559, 563.

Алексѣй Петровичъ, царев., р. 1690 г., † 1718 г., т. XLVII, 644, т. LXVIII, 233, 236, 251.

Аллеръ, Самуилъ, т. LXVIII, 535—542.

Аложинскій, Петръ Степ., т. LXVII, 285.

Алопеусъ, г-жа, см. **Фредериксъ**, баронеса.

Алопеусъ, гр., Ѳ. Д., фл.-ад., т. LXVI, 477, 478, т. LXVII, 180, 401.

Альбединскій, П. П., фл.-ад. 1850 г., т. LXV, 569, 657, 663, 675, т. LXVI, 53, 54, 65, 315, т. LXVII, 182.

Альбовъ, М., писатель, 1880 г., том. LXVIII, 767.

Альбрантъ, г-жа, въ зам. Комстадіусъ, т. LXVI, 85.

Альбрантъ, генер., т. LXVI, 85.

Альбрехтъ, Александр. Ив., ком. ушкаго полка 1830 г., т. LXV, 26.

Альбрехтъ, П. Х., чиновн., † 1886 г., т. LXVI, 170.

Альфонскій, Аркад. Алексѣев., проф., т. LXVI, 293, 692.

Алябьева, г-жа, т. XLVII, 387.

Амальевъ, священ., т. LXVII, 542.

Амвросій, пензенск. архіерей 1836 г., т. LXVIII, 20.

Амосовъ, А. Н., т. LXVI, 324.

Анастасій, архіеп., Могилевск. и Витебскій, 1802 г., т. LXVIII, 728.
Анастасьевъ, Александръ Конст., черниговскій губ. 1890 г., т. LXV, 884.
Анасташевичъ, т. LXV, 363.
Анатолія, игуменья Воскресенск. монастыря 1800 г., т. LXV, 813.
Ангальтъ, гр., директ. 1-го кад. корп. 1800 г., т. LXVII, 64.
Андреевская, Анастасія, въ зам. Нарѣжная, т. LXVII, 473, 474, 523.
Андреевскій, Иванъ Ефимов., профес., тайн. сов., директ. Археол. инст., сообщ. «Губернскія ученыя архивныя комиссіи въ 1889 г.», т. LXVIII, 551—574, удом. т. LXVI, 481.
Андреевскій, С., писат. 1885 г., томъ LXVIII, 763.
Андреевскій, офиц. 1856 г., т. LXVI, 323.
Андреевскій-Нарѣжный, т. LXVII, 473.
Андреевъ, А., сообщ. «Къ воспоминаніямъ Н. И. Кокшарова», т. LXVI, 466.
Андрей, архимандр. Симонова монаст., Нижег. губ., 1889 г., т. LXVIII, 560.
Андрей Боголюбскій, вел. князь, т. LXV, 881.
Андріяновъ, 1878 г., т. LXVIII, 769.
Андро, Александра Өед., въ зам. Гарбинская, по втор. мужу Малковская, т. LXVII, 393.
Андро, Анна Алексѣевна, рожд. Оленина, † 1888 г., т. LXVII, 387—412, т. LXVIII, 310.
Андро, Антонина Өед., въ зам. Уварова, т. LXVII, 393, 394, 412.
Андро, Софья Өед., въ зам. баронес. Сталь-Голштейнъ, т. LXVII, 393.
Андро-де-Ланжеронъ, Өед. Александр., офиц., † 1885 г., т. LXVII, 391, 401.
Андро, Өед. Өед., полковн. 1889 г., т. LXVII, 391, 393.
Андронниковъ, К. В., чл. твер. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.
Андроновъ, Ѳ., думн. дворян., т. LXVIII, 562.
Андрузскій, полковн. 1856 г., т. LXVI, 173, 174.
Анисимовъ, И., писат., 1876 г., томъ LXVIII, 771.
Анисимовъ, д. ст. сов., симбирск. губернат, т. LXVII, 192, 193, т. LXVIII, 484.
Аничковъ, Ѳаддей, надв. сов. 1786 г., т. LXV, 783.
Аничковъ, бригадиръ 1784 г., т. LXV, 781.
Анкудовичъ, педагогъ, т. LXV, 622.
Анна Іоанновна, импер—ца, р. 1693 г., † 1740 г., т. LXV, 115, 811, т. LXVI, 74, 127, 304, 351, 711, 727, т. LXVIII, 230, 305.
Анна Михайловна, царевна, т. LXVIII, 243.
Анна Павловна, вел. княг., въ супруж. королева Нидерландская, р. 1795 г., † 1865 г., т. LXV, 321, т. LXVIII, 523.
Анненкова, т. LXV, 638.
Анненковъ, Ив. Вас., спб. об.-полицейм. 1863 г., т. LXVII, 186.
Анненковъ, Ник. Никол., генер. 1855 г., т. LXV, 555, 558, 562, 563, 631, 673, т. LXVI, 59, т. LXVII, 154, 181.
Анненковъ, Пав. Васил., писатель, т. LXV, 643, 644, т. LXVII, 379, 381, 577, 578, т. LXVIII, 47, 51, 79, 80, 137, 763—766.
Антипа, г-жи, т. LXVI, 100.
Антокольскій, скульпт., т. LXVIII, 764.
Антонинъ, архимандритъ, т. LXVIII, 289.
Антоній, архіеп. Кишеневск., т. LXVIII, 579.
Антоній, намѣстн. Троицкой Лавры, 1851 г., т. LXVIII, 659.
Антоновскій, о. Стефанъ, протоіерей 1830 г., т. LXVI. 208.
Антонскій-Прокоповичъ, Антонъ Антонов., ректор. московск. унив., † 1848 г., т. LXVII, 481, 482.
Антонъ-Ульрихъ, принцъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, т. LXV, 59, 72.
Анурина, студ. 1846 г., т. LXV, 234.
Анфорова, жена офиц. 1812 г., т. LXV, 8.
Анфоровъ, офиц. 1812 г., т. LXV, 7.
Анучинъ, Дм. Гавр., т. LXV, 874, т. LXVI, 428.

Апраксина, Елена Степ., см. Куракина.
Апраксина, Софья Петровна, т. LXVII, 195.
Апраксина, т. LXV, 328.
Апраксина, Елена Степ., см. Куракина.
Апраксинъ, Гр. Ст., т. LXVI, 647.
Апраксинъ, гр., Степ. Ѳед., т. LXV, 88, т. LXVI, 578.
Апраксинъ, маіоръ 1737 г., т. LXV, 118.
Апухтинъ, А., писатель, 1885 г., томъ LXVIII, 763.
Апухтинъ, подполков., 1890 г., т. LXVI, 246.
Апушкинъ, Никол., подпрап. 1800 г., LXVI, 138.
Аракчеева, Елисав. Андреевн., рожд. **Ветлицкая**, р. 1750 г., † 1820 г., т. LXV, 600.
Аракчеевъ, гр., Алексѣй Андр., генер. артил., р. 1769 г., † 1834 г., т. LXV, 22, 99, 600, т. LXVI, 79, 80, 177, 301, 327, 328, 484, 501, т. LXVIII, 4, 361, 499, 512, 516, 517, 538, 704, 711, 712.
Аракчеевъ, Андрей Андреев., поруч., † 1797 г., т. LXV, 600.
Аракчеевъ, ген.-маіоръ, 1737 г., т. LXV, 117.
Арапетовъ, Ив. Павлов., чл. редакціон. ком., † 1887 г., т. LXV, 873, т. LXVIII, 58—60.
Арбузовъ, Алексѣй Ѳед., ген.-ад., командиръ л.-гв. Павлов. полка 1828 г., † 1861 г., т. LXVI, 489, т. LXVII, 22, LXVIII, 84, 85, 88, 89, 90, 92, 94, 96, 98, 101, 112, 115, 117, 118, 124, 126, 127, 128, 129, 130, 134.
Аргутинскій-Долгорукій, кн., т. LXV, 495.
Аристовъ, Ник. Яковл., профес., т. LXV, 344, 345, 622.
Аркасъ, Н. А., фл.-ад. 1845 г., т. LXVII, 181.
Армфельдъ, А. О., докторъ, т. LXVII, 630.
Армфельдъ, гр., Густавъ-Маврикій, т. LXVIII, 305.
Арндтъ, Никол. Ѳед., лейбъ-мед., т. LXVI, 478, т. LXVII, 122, 130.
Арнольди, Ольга Ив., т. LXVII, 202.
Арнольди, Александръ Ив., т. LXVII, 202.
Арнольди, Левъ Ив., т. LXVI, 654, т. LXVII, 202, 283, 286, т. LXVIII, 359, 656.
Арнольдъ, Ѳ. К., директ. Петровск. акад. въ 1876—1883 гг., т. LXVIII, 545.
Арсеній Мацѣевичъ, митроп. Ростовскій 1741, т. LXVI, 438.
Арсеній, свящ. 1859 г., т. LXV, 135.
Арсеній, іеромонахъ Троицк. лавры, т. LXVIII, 289.
Арсеньева, Елена Мих., жена офиц. 1812 г., т. LXV, 12.
Арсеньевъ, Дм. Александр., т. LXVII, 337 — 351.
Арсеньевъ, Смоленской губ., 1862 г., т. LXVIII, 737.
Арсеньевъ, К. К., писатель, т. LXVIII, 398, 762—773.
Арсеньевъ, поруч. 1855 г., т. LXV, 751.
Артазіевъ, кн., Семенъ, остяцкій князь 1864 г., т. LXVIII, 457—460.
Артемьевъ, А. И., археологъ, т. LXVIII 290.
Артлебенъ, архитект.-археологъ 1876 г., т. LXVIII, 740.
Архангельскій, В. М., адъюнктъ-проф. 1820 г., т. LXV, 841.
Арцимовичъ, Викт. Ант., д. тайн. сов. первоприсутств. въ I-мъ деп. сената, т. LXV, 874.
Арцыбашевъ, т. LXVIII, 251, 298.
Асенкова, актриса, т. LXVI, 20.
Астафьева, Марья Петров., въ зам. **Бергъ**, т. LXV, 294.
Астафьевъ, Н. А., профес., т. LXVI, 481.
Астафьевъ, помѣщ. 1834 г., т. LXV, 12, 13.
Астафьевъ, фл.-ад. 1838 г., т. LXVIII, 336.
Асташевы, т. XLVI, 474.
Астракова, Татьяна Ал., т. LXVIII, 56.
Астраковъ, Никол. Ив., т. LXVIII, 56.
Астраковъ, Сергѣй Ив., т. LXVIII, 56, 57, 71, 72.
Астраковы, т. LXVIII, 56, 57.

Ауэрбахъ, И. Б., проф., т. LXVI, 472.
Афанасьевъ, ученый 1884 г., т. LXV, 245.
Афросимова, г-жа, т. LXVIII, 36.
Ахматова, Елисав. Ник., писательница, сообщ. «Осипъ Ивановичъ Сенковскій», т. LXVII, 317—360, 569, упом. т. LXVI, 185—191.
Ахматовъ, Алексѣй Петров., ген.-ад., об.-прокур. синода, т. LXVI, 70, 584, т. LXVII, 181, т. LXVIII, 483.
Ахматовъ, П. Н., т. LXVIII, 483.
Ахматовъ, Ѳед. Никол., † 1848 г., т. LXVII, 345.
Ахматовъ, ценз. 1853 г., т. LXVI, 31.
Ахматовы, т. LXVIII, 483.
Ахметка — башкирскій шутъ 1850 г., т. LXVIII, 461—462.
Ахтъ, докторъ 1797 г., т. LXV, 826, т. LXVII, 424.
Аѳанасій, архіеп. Могил. и Витебск. 1802 г., т. LXVIII, 728.
Аѳанасій, еписк., ректор. спб. дух. акад. 1844 г., т. LXV, 42, 44.
Аѳанасій, архіеп. сарат., археологъ, т. LXVII, 561.

Бабинскій, физіологъ 1884 года, томъ LXV, 245.
Бабстъ, профес., т. LXVII, 371, 590.
Бабушкинъ, полковн., ковенск. коменд. 1846 г, т. LXVI, 695.
Багратіонъ, кн., Петръ Ив., ген.-отъ-инф., род. 1756 г., † 1812 г., т. LXVI, 733, т. LXVIII, 530.
Багратіонъ, кн., П. Р., флиг.-адъют. 1845 г., вице. рижск. ген.-губернат., т. LXVI, 531, 567, т. LXVII, 181, 186.
Баевъ, Мих., ген.-маіоръ 1890 г., томъ LXVI, 240.
Баженова, г-жа, т. LXV, 735.
Баженовъ, протоіерей, т. LXVI, 480, т. LXVII, 603.
Баженовъ, Н. Н., чл. рязанск. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 560, 561.
Бажинъ, капит. 1830 г., т. LXV, 25.
Базилевскій, баталіон. команд. Полоцк. кад. корп. 1836 г., т. LXVII, 248.
Базилевскій, полковникъ 1890 г., томъ LXVI, 246.
Байковъ, ген.-м. 1824 г., т. LXV, 122.
Бакунина, В. И., т. LXV, 148.
Бакунинъ, Мих. Александр., т. LXVIII, 51, 52.
Балабинъ, В. В., русскій посолъ при австр. дворѣ, т. LXVI, 261.
Балакиревъ, шутъ, т. LXVI, 711.
Балашева, Александра Ивановна, рожд. Паскевичъ, т. LXV, 68.
Балкашинъ, т. LXV, 779.
Балугьянскій, нач. II отд. собствен. е. и. в. канц., т. LXVI, 166.
Вальдауфъ, писат., т. LXV, 321.
Вальмонтъ, К. Д., его стихотвореніе „Сотни лѣтъ назадъ звучало“, томъ LXVI, 360.
Ванко, т. LXV, 30.
Ванниковъ, офиц. 1834 г., т. LXVI, 4, 5.
Вантышъ-Каменскій, Дм. Никол., тайн. сов., писат., р. 1788 г., † 1850 г., томъ LXV, 819.
Варанова, гр-ня, Анна, т. LXVI, 67.
Варанова, Варвара Григорьевна, томъ LXVIII, 3.
Варанова, Наталья Ив., рожд. Зоричъ, т. LXVIII, 3.
Барановъ, Григ., офиц., т. LXVIII, 3.
Барановъ, Н. М., нижегор. губернат., т. LXVIII, 564.
Барановъ, гр., Никол. Трофим., фл.-ад. 1850 г., т. LXVII, 180.
Барановъ, гр., П. Т., тверск. губернат., т. LXVI, 716.
Барановскій, Викт. Ив., т. LXVII, 598, т. LXVIII, 390, 468.
Барановскій, Е. И., т. LXV, 874.
Барановскій, т. LXVIII, 360.
Баранцевичъ, писатель, 1880 г., томъ LXVIII, 767.
Баратаевъ, кн., ген. 1835 г., т. LXVII, 81, 99, 107, 108, 115.
Баратовъ, бывш. воспит. Конст. учил., т. LXVI, 247.
Баратынскій, Евгеній Абрам., поэтъ, † 1844 г., т. LXVIII, 303.
Бардовскій, бывш. восп. Дворян. полка, т. LXVI, 247.

Барклай-де-Толли, кн., Мих. Богдан., воен. м-ръ 1812 г., р. 1761 г., † 1818 г., т. LXVI, 141, 487, 736, т. LXVIII, 530.

Барклай-де-Толли, кн., 1827 г., томъ LXV, 359.

Барковъ, т. LXV, 652.

Барсовъ, профес. 1790 г., т. LXVII, 482, 488.

Барсуковъ, Ал-дръ Пл., чл. археограф. комис., сообщ. „Юрій Александровичъ Головкинъ, 1834 г.“, т. LXVII, 222, 223, упом. т. LXVIII, 309.

Барсуковъ, Никол. Платоновъ, писат., т. LXVI, 683, 685, 686, 692, т. LXVIII, 284, 304.

Бартенева, Марія, т. LXV, 331.

Бартеневъ, Ив. Осиповичъ, полковн., † 1834 г., т. LXVII, 222, 223.

Бартеневъ, Ипатъ, т. LXVI, 63.

Бартеневъ, Мих. Ив., предвод. дворян. Липецк. уѣзда, т. LXVII, 222, 225.

Бартеневъ, Петръ Ив., издат. „Русск. Архива“, томъ LXV, 147, т. LXVII, 379, 632.

Бартеневъ, Юрій Никитичъ, т. LXVII, 629, 630.

Бартоломей, ген.-м., псковск. губернат. 1837 г., т. LXVIII, 318.

Варшевъ, т. LXVI, 293.

Варыкова, Варв. Павл., рожд. Каблукова, т. LXVI, 477.

Варыковъ, В., сообщ.: „Княгиня Екатерина Романовна Дашкова“, т. LXV, 98, „Денисъ Васильевичъ Давыдовъ“, 130.

Барятинская, княг., Елисав. Дмитр., т. LXV, 488.

Барятинскій, кн., Алекс-дръ Ив., ген.-фельдмарш., намѣстн. Кавказа 1856—1861 гг., р. 1814 г., † 1879 г., т. LXV, 472, 479, 486, 488, 489, 495, 740, томъ LXVI, 605, 606.

Барятинскій, кн., Анатолій Ив., офиц. 1854 г., т. LXVI, 53, 60, 61.

Барятинскій, кн., Викт. Иванов., томъ LXVI, 51.

Барятинскій, кн., бригадиръ 1737 г., т. LXV, 117.

Васарутинъ, Николай Вас., декабристъ, т. LXVIII, 344, 350.

Васкакова, Елис. Ив., т. LXVIII, 23.

Васькакова, жена офицера, 1812 г., том LXV, 6, 7.

Ватурлинъ, полковникъ 1771 г., том LXVI, 121.

Ватьяновъ, подполковн. 1864 г., т. LXV, 477, 478.

Ватюшкова, С. А., рожд. Зубова, том LXV, 811.

Ватюшкова, Софья Евстаф., см. Пальменбахъ.

Ватюшковъ, Конст. Никол., писатель, р. 1787 г., † 1855 г., т. LXV, 48, 832, т. LXVII, 388, 400.

Ватюшковъ, Л. П., генер.-лейт., том LXVII, 436.

Ватюшковъ, Помпей Никол., д. тай. сов., поч. опекунъ, т. LXVIII, 309, 731.

Ватюшковъ, П. Л., сенат., т. LXV, 832.

Вауеръ, Амалія Христіан., въ зам. Каченовская, т. LXVI, 688.

Вауеръ, В. В., проф., т. LXVI, 480.

Вауеръ, Х. Б., штабъ-лекарь 1809 г., т. LXVI, 638.

Вахметевъ, генер.-маіоръ 1737 г., том LXV, 116.

Вахметевы, п-жи, т. LXVII, 280.

Вашуцкій, А. П., ген.-адъют. 1826 г., т. LXVI, 707, т. LXVIII, 379, 499, 505, 506, 513.

Веберъ, ген.-м. 1810 г., т. LXVII, 27.

Вебутовъ, кн., Вас. Осип., ген.-отъ-инф., † 1858 г., т. LXV, 712, т. LXVI, 703.

Везакъ, Е., писат. 1888 г., т. LXVIII, 771.

Везакъ, ген. 1855 г., т. LXVI, 318.

Везбородко, кн., Александръ Андреевичъ, канцл. 1763 г., † 1799 г., том LXVIII, 233, 236, 305.

Везкоровайный, прокуроръ въ Витебскѣ 1836 г., т. LXVII, 228.

Везобразовъ, Андр. Ильичъ, стольникъ 1684 г., т. LXV, 575—580.

Везобразовъ, А. М., чл. тверск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 53.

Везобразовъ, офиц. 1811 г., т. LXVII, 35.

Везобразовъ, офицеръ 1852 г., т. LXV, 639, т. LXVII, 617, 618, 622.

Зерофразовъ, Семенъ, 1595 г., т. XVIII, 734.
Звегинцовъ, Н. А., проф., т. LXV, 741.
Зекетова, Анна Петр., т. LXVII, 316.
Зекетова, Нат. Львов., т. LXVII, 316.
Зекетовъ, А. Н., проф., т. LXVIII, 770.
Зекетовъ, врачъ, т. LXV, 54.
Зекетовъ, цензоръ 1858 г., т. LXVII, 576.
Зенкъ, В. В., т. LXVI, 530, 533.
Зельгардъ, Карлъ, ген. 1861 г., т. LXV, 745, томъ LXVI, 319, т. LXVII, 439, томъ LXVIII, 544, 678, 637—675.
Зедюстинъ, Іоаннъ Степан., священ., † 1890 г., т. LXVII, 603.
Земъ, Елисав. Меркурьевна, художница, т. LXV, 445, 458, 459.
Зенардаки, т. LXVI, 42.
Зенардаки, т. LXVII, 99, 120.
Зендерскій, подполковн. 1864 г., томъ LXVIII, 484.
Зенедиктовъ, В., писат., т. LXVI, 46.
Зениславскій, помѣщикъ 1836 г., томъ LXVII, 250.
Зеніовскій, Авг., т. LXVI, 120—122.
Зенкендорфъ, Анна, рожд. баронесса Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ, томъ LXV, 827, 828, 831.
Зенкендорфъ, Дарья Христоф., въ зам. Ливенъ, статсъ-дама, т. LXV, 827.
Зенкендорфъ, Марья Христоф., въ зам. Шевичъ, т. LXV, 827.
Зенкендорфъ, гр., Алекс-дръ Христоф., ген.-ад., шефъ жандарм., род. 1783 г., † 1844 г., т. LXV, 362, 365, 627, томъ LXVII, 115—132, 155, 696, 697, томъ LXVIII, 361, 512, 538.
Зенкендорфъ, Христоф. Ив., ген.-опъ-инф., т. LXV, 827.
Зеннигсенъ, ген. 1806 г., т. LXVI, 486, 729, 730, 737, томъ LXVII, 645, томъ LXVIII, 211.
Зергеръ, поруч. 1890 г., т. LXVI, 247.
Зергъ, Марья Петр., см. Астафьева.
Зергъ, Вас. Владим., т. LXV, 294.
Зергъ, Владим. (Вальтеръ), офиц.-артилл., т. LXV, 293.
Зергъ, Никол. Васильев., писат., проф., р. 1823 г., † 1884 г. Посмертныя его записки 1796—1834 гг., т. LXV, 293—319, упом. 712, 754, т. LXVI, 72, томъ LXVII, 182.
Зергъ, гр., Фед. Фед., ген.-фельдмарш., намѣстн. Царства Польскаго, т. LXV, 69—71, 283, т. LXVI, 595, 717.
Зередниковъ, Я. И., т. LXVIII, 301.
Зерезинъ, проф., т. LXVII, 371.
Зерне, Адольфъ Петров., предсѣдатель кавказск. археограф. комиссіи, род. 1828 г., † 1886 г., т. LXV, 475, томъ LXVII, 496, 523.
Зерингъ, москов. об.-полиціймѣйст. 1854 г., т. LXVI, 293.
Зерманъ, М. А., сообщ.: «Владиміръ Ѳедоровичъ Луганинъ, ученый русскій химикъ», т. LXVI, 298.
Зернардскій, т. LXV, 29.
Зерсъ, Софья Андреев., см. Толстая, гр-ня.
Зерсъ, докторъ, т. LXVII, 635.
Зерсеневъ, А. Е., т. LXVIII, 562.
Зерте, правит. канц. гл. управ. цензуры 1859 г., томъ LXVI, 280, 612, томъ LXVIII, 174, 608, 609.
Зертенсонъ, І. В., докт., т. LXVIII, 772.
Зерхманъ, Ѳед., генералъ 1790 г., томъ LXVI, 144.
Зерхъ, г-жа, т. LXV, 307.
Зерхъ, М. Б., адмиралъ 1855 г., томъ LXV, 564.
Зеръ, генер.-шт.-докторъ 1855 г., томъ LXVI, 104.
Зеръ, т. LXV, 387, т. LXVII, 377.
Зестужевъ, Александръ Александровичъ (Марлинскій), писат., декабристъ, род. 1797 г., † 1837 г., т. LXV, 591, томъ LXVII, 378, 379, 382, томъ LXVIII, 8, 502, 503.
Зестужевъ, Григ. Васильев., симбирск. предвод. дворян. 1835 г., т. LXVII, 90, 99, 111, 120.
Зестужевъ, Григ. Петр., т. LXVIII, 323.
Зестужевъ-Рюминъ, гр., Алексѣй Петровичъ, канцлеръ, т. LXV, 597, 598.
Зестужевъ-Рюминъ, К. Н., профес., т. LXVIII, 284, 309, 311, 428.
Зестужевъ-Рюминъ, декабр., т. LXVIII, 494—499, 502, 503.
Зестужевы, т. LXVII, 118.
Ветаки, полковн. 1890 г., т. LXVI, 240.

Ветини, архит. 1837 г., т. LXVII, 697.
Вехтеръ, В., писат. 1880 г., т. LXVIII, 770.
Вецкій, Ив. Ив., дѣйств. тайн. сов., род. 1704 г., † 1795 г., т. LXV, 814, 817, 818, т. LXVIII, 302, 305.
Вибиковъ, Дм. Гавр., кіевскій генер.-губернат., впосл. мн-ръ внутр. дѣлъ 1853 г., томъ LXV, 36, томъ LXVI, 26, 629, 632.
Вибиковъ, Николай Петров., симбирск., впосл. курск. губернат. (1860 г.), томъ LXVII, 173—175, 177, 178.
Вибиковъ, полковн., команд. Охотскаго егер. полка 1854 г., т. LXV, 674.
Вибиковъ, полковн. 1755 г., т. LXVIII, 723.
Вибиковъ, помѣщикъ 1835 г., т. LXVII, 82, 83.
Вибиковъ, сенат. 1837 г., т. LXVII, 693.
Вибиковы, т. LXVII, 638.
Виллинсгаузенъ, капит., т. LXVI, 277.
Вильбасовъ, Вас. Алексѣев., дѣйств. ст. сов., проф., соредакт. газ. «Голосъ», писатель, род. 1837 г., т. LXV, 595—599, 771.
Вильдерлингъ, Александръ Александр., нач. Николаевск. кавалер. учил. въ Спб. 1886 г., сообщ.: «Лермонтовскій музей въ С.-Петербургѣ, основанъ 18-го декабря 1883 г.», т. LXV, 589—594.
Виппенъ, Ник. Никол., сенаторъ, томъ LXV, 874.
Виронъ, принцесса, Бенигна Карловна, т. LXV, 830.
Виронъ, принцесса, Екат. Карл., въ зам. гр-ня Віельгорская, томъ LXV, 820, 830, 831.
Виронъ, принцесса, Каролина Карлов., т. LXV, 830.
Виронъ, принц., Луиза Карл., въ зам. гр-ня Віельгорская, т. LXV, 820, 830, 831, т. LXVII, 419, 420.
Виронъ, принцесса, т. LXVII, 433.
Виронъ, принцессы, т. LXV, 828, 831.
Виронъ, Іоганнъ-Эрнестъ, герц. курл., р. 1690 г., † 1772 г., т. LXV, 812, 819, 820, 830, т. LXVI, 75.
Виронъ, Карлъ, ген.-лейт. 1737 г., томъ LXV, 116.
Виронъ, Карлъ-Магнусъ, генер.-маіоръ 1737 г., т. LXV, 116.
Виронъ, принцъ, Карлъ-Эрнестъ, томъ LXV, 830.
Виронъ, Л. К., полковн. 1890 г., томъ LXVI, 240.
Виронъ, принцъ, Петръ, т. LXV, 831.
Вироны, т. LXV, 820.
Вистромъ, Адамъ Ив., ген.-м. 1815 г., т. LXVI, 489.
Вистромъ, Карлъ Ив., ген.-ад. 1828 г., т. LXVIII, 85, 119, 120, 123, 124.
Благовѣщенскій, Ник. Михайл., проф., т. LXVI, 293, т. LXVIII, 770, 771.
Вліохъ, И. С., 1877 г., т. LXVIII, 773.
Блохинъ, С. А., чл. орловск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555, 569.
Блудова, гр-ня, Анна, т. LXVII, 401.
Блудова, гр-ня, Антонина Дм., камер-фрейлина, т. LXVII, 390, 401, 611, 614.
Блудова, гр-ня, Лидія, фрейлина, томъ LXVII, 401.
Блудова, гр-ня, т. LXVI, 572.
Блудовъ, Дм. Никол., мн-ръ вн. дѣлъ, т. LXV, 48, 626, 630, 633, т. LXVI, 37—47, 83, 166, 623, 630—636, т. LXVII, 64, 69, 72, 74, 75, 86—88, 95, 96, 110, 137, 146, 147, 150—158, 190—192, 367, 369, 373, 376, 377, 382, 576—595, 609—625, 685, 692—695, т. LXVIII, 158, 164—166, 286, 287, 301, 398.
Блюменфельдъ, докторъ 1876 г., томъ LXVI, 435.
Блюмъ, проф. 1827 г., т. LXV, 361.
Фонъ-Блюмъ, генер.-маіоръ, т. LXVII, 113—115.
Блюмъ, т. LXVIII, 480.
Блюхеръ, генералъ 1814 г., т. LXVI, 736, 737.
Воборыкинъ, П. Д., писат. 1880 г., томъ LXVIII, 761.
Воборыкинъ, т. LXV, 830.
Бобринская, гр-ня, Алексд. Алекс., см. Золотарева.
Бобринская, гр-ня, Алексд. Петровна, см. Ушакова.
Бобринская, гр-ня, Анна Владм., см. Унгернъ-Штернбергъ.

Бобринская, гр-ня, Домна Алексѣевна, род. 1886 г., т. LXVI, 227.

Бобринская, гр-ня, Екат. Алексѣевна, въ зам. княг. Святополкъ-Мирская, фрейл., р. 1864 г., т. LXVI, 227.

Бобринская, гр-ня, Екат. Алексѣевна, род. 1883 г., т. LXVI, 227.

Бобринская, гр-ня, Елена Андр., род. 1884 г., т. LXVI, 227.

Бобринская, гр-ня, Елена Павл., въ зам. графиня Энбрехтъ-Дюрингеймъ-Монмартенъ, фрейлина 1881 г., р. 1857 г., т. LXVI, 226.

Бобринская, гр-ня, Елена Петр., см. Шувалова.

Бобринская, гр-ня, Лидія Алексѣв., см. Горчакова.

Бобринская, гр-ня, Лидія Павл., въ зам. маркиза Пуччи, род. 1827 г., т. LXVI, 225.

Бобринская, гр-ня, Людм. Павл., фрейлина, въ зам. Бутурлина, р. 1856 г., т. LXVI, 226.

Бобринская, гр-ня, Людм. Степ., см. Колпашникова.

Бобринская, гр-ня, Марія Алексѣевна, въ замуж. княг. Гагарина, † 1835 г., т. LXVI, 222.

Бобринская, гр-ня, Над. Алексѣевна, род. 1884 г., т. LXVI, 227.

Бобринская, гр-ня, Ольга Георг., род. 1888 г., т. LXVI, 227.

Бобринская, гр-ня, Ольга Ив., см. Трубецкая, княжна.

Бобринская, гр-ня, Ольга Павл., въ зам. гр-ня Энгестромъ, р. 1825 г., † 1888 г., т. LXVI, 224.

Бобринская, гр-ня, Софія Алексѣевна, род. 1866 г., т. LXVI, 226.

Бобринская, гр-ня, Софія Алексѣевна, род. 1887 г., т. LXVI, 227.

Бобринская, гр-ня, Софія Андреевна, род. 1882 г., т. LXVI, 227.

Бобринская, гр-ня, Софія Васил., въ замуж. гр-ня Келлеръ, род. 1837 г., т. LXVI, 225.

Бобринская, гр-ня, Софья Прокоф. см. Соковнина.

Бобринская, гр-ня, Юлія Алексѣевна, род. 1867 г., т. LXVI, 226.

Бобринская, гр-ня, Юлія Павл., въ зам. гр-ня Изерская, во второмъ бракѣ гр-ня Платеръ, въ третьемъ—виконтесса де-Жюльянъ, фрейлина, род. 1823 г., т. LXVI, 224.

Бобринская, гр-ня, Юл. Ст., см. Сабакина.

Бобринской, гр., Александръ Александровичъ, кам.-юнкеръ, род. 1855 г., т. LXVI, 226.

Бобринской, гр., Александръ Алексѣевичъ, спб. губернат. 1861 г., р. 1823 г., т. LXVI, 223, т. LXVII, 186.

Бобринской, гр., Александръ Андреев., род. 1887 г., т. LXVI, 227.

Бобринской, гр., Алексѣй Александров. вице-президент. акад. худож., р. 1852 г., т. LXVI, 225.

Бобринской, гр., Алексѣй Алексѣев., род. 1796 г., † 1797 г., т. LXVI, 222.

Бобринской, гр., Алексѣй Алексѣев., дѣйств. ст. сов., штальмейстеръ, род. 1800 г., † 1868 г., т. LXVI, 222.

Бобринской, гр., Алексѣй Алексѣев., род. 1861 г., † 1862 г., т. LXVI, 226.

Бобринской, гр., Алексѣй Алексѣев., род. 1861 г., т. LXVI, 227.

Бобринской, гр., Алексѣй Алексѣев., род. 1864 г., т. LXVI, 226.

Бобринской, гр., Алексѣй Васильев., егермейст., чл. госуд. сов., р. 1831 г., † 1888 г., т. LXVI, 225.

Бобринской, гр., Алексѣй Григ., ген.-м., род. 1762 г., † 1813 г., т. LXVI, 221.

Бобринской, гр., Алексѣй Павл., мн-ръ пут. сообщ., р. 1826 г., т. LXVI, 224.

Бобринской, гр., Андрей Александров., кам.-юнк., р. 1859 г., т. LXVI, 226.

Бобринской, гр., Василій Алексѣевичъ, род. 1860 г., † 1861 г., т. LXVI, 227.

Бобринской, гр., Василій Алексѣевичъ, тульск. предвод. дворян., род. 1804 г., † 1874 г., т. LXVI, 223.

Бобринской, гр., Владим. Александр., поручикъ, род. 1853 г., † 1877 г., томъ LXVI, 225, 226.

Бобринской, гр., Владим. Алексѣев., род. 1863 г., т. LXVI, 227.

Бобринской, гр., Владим. Алексѣев., офиц., р. 1867 г., т. LXVI, 226.
Бобринской, гр., Владим. Алексѣев., тов. мн-ра пут. сообщ., ген.-лейт., род. 1824 г., т. LXVI, 223, 224.
Бобринской, гр., Влад. Георгіев., род. 1886 г., т. LXVI, 227.
Бобринской, гр., Георгій Александров., шт.-ротм., р. 1863 г., т. LXVI, 226.
Бобринской, гр., Левъ Алексѣев., род. 1878 г., т. LXVI, 226.
Бобринской, гр., Левъ Алексѣев., шт. ротм., р. 1831 г., т. LXVI, 224.
Бобринской, гр., Пав. Алексѣев., шт.-ротм., род. 1801 г., † 1830 г., томъ LXVI, 222.
Бобринской, гр., Пав. Алексѣев., род. 1869 г., т. LXVI, 226.
Бобринской, гр., Пав. Павл., р. 1829 г., † 1860 г., т. LXVI, 225.
Бобринской, гр., Петръ Алексѣев., род. 1869 г., т. LXVI, 226.
Бобринской, гр., 1857 г., томъ LXVI, 552, 553.
Бобринской, гр., гл. директ. Царскос. ж. д. 1839 г., т. LXV, 322, 323.
Бобринскіе, графы, родословіе, томъ LXVI, 221—227.
Богаевскій, Мих. Ильичъ, полковникъ, батал. команд. Констант. учил., род. 1846 г., † 1889 г., т. LXVI, 211, 218.
Богданова, Надежда Конст., балерина, т. LXV, 279.
Богдановъ, Александръ Иван., офиц. 1812 г., т. LXV, 4—6.
Богдановъ, А. К., артистъ, томъ LXV, 250, 279.
Богдановъ, Владиміръ, полковн., томъ LXVI, 247.
Богдановъ, К. К., т. LXV, 279.
Богдановъ, К. Ѳ., гл. режис. московск. балетн. труппы, т. LXV, 279.
Богдановъ, С. Ф., т. LXVIII, 563.
Богдановъ, купецъ, т. LXVIII, 320.
Богдановы, т. LXV, 278.
Богдановичъ, Викт., офиц., † 1855 г., т. LXVI, 92, 96.
Богдановичъ, Влад., офицеръ 1854 г., т. LXVI, 92, 96, 103.
Богдановичъ, Модестъ Ив., ген.-лейт., воен. историкъ, † 1882 г., т. LXV, 99, 166, т. LXVIII, 525—528, 752, 754.
Богдановичъ, Орестъ, офицеръ 1854 г., т. LXVI, 92.
Боголюбовъ, студ. спб. унив. 1858 г., т. LXVII, 608.
Богуславскій, докторъ, † 1853 г., томъ LXVI, 38.
Богуславскій, драматич. артъ. 1830 г., т. LXV, 25.
Богушевскій, полковн., т. LXVI, 105.
Боденштедтъ, Фридрихъ, поэтъ и проф., переводч. на нѣмецк. яз. стихотворенія Лермонтова, Пушкина и др., т. LXV, 593, 594.
Бодянскій, Осипъ Максимовичъ, проф. моск. унив., р. 1808 г., † 1877 г., т. LXV, 54, 387, 396, 428, т. LXVI, 134, т. LXVIII, 200—203.
Бодянскій, инспект. Петр. полк. кад. корп., т. LXVI, 394, 398, 406, 407.
Боевъ, купецъ 1889 г., т. LXVIII, 563.
Божерянновъ, Ив. Ник., сообщ. «Петръ Ѳедоровичъ Соколовъ 1787—1848 гг.», т. LXVI, 657—660.
Бокова, докт., т. LXV, 239.
Бокъ, г-жа, т. LXV, 829, т. LXVII, 429.
Бокъ, И. С., т. LXVI, 472.
Болотниковъ, т. LXV, 399.
Болотова, Екат. Алексѣев., т. LXV, 9.
Болотовъ, Андр. Тим., р. 1738 г., † 1833 г., т. LXV, 8, т. LXVI, 221.
Болотовъ, В. И., чл. гвер. учен. арх. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.
Бонтонъ, полк. 1861 г., т. LXV, 745.
Боравскій, докт. 1881 г., т. LXV, 244.
Боревскій, куп., т. LXVIII, 320.
Борецкій (Пустошкинъ), И. П., артистъ, т. LXV, 621.
Борисовъ, полк. 1890 г., т. LXVI, 232.
Борисъ Годуновъ, царь, т. LXVI, 78, т. LXVII, 454, томъ LXVIII, 562, 733, 734, 736.
Борковскій, т. LXV, 308.
Борляевъ, сибир. полиціймейст. 1864 г., т. LXVIII, 484.
Боровиковскій, худож., т. LXVIII, 230.

Воровиковскій, еписк., т. LXV, 390, т. LXVI, 382.
Бородинъ, капит. 1808 г., т. LXVII, 18, 19.
Бородинъ, полк. 1828 г., т. LXVIII, 84.
Бородина, т. LXV, 329.
Бороздинъ, Конст. Матвѣев., попечит. спб. учебн. окр. 1826 г., т. LXV, 644.
Бороздинъ, откупщ. 1838 г., т. LXVIII, 337, 338, 339.
Бороздна, смоленск. губернат. 1868 г., т. LXVIII, 738.
Бортнянскій, сеч. дух. муз., т. LXVI, 166.
Борхъ, гр., витебск. предвод. двор., 1837 г., т. LXVII, 231, 694, 695.
Боткинъ, Вас. Петр., писат., т. LXVIII, 137.
Боткинъ, Серг. Петр., † 12 дек. 1889 г., т. LXVI, 229—238.
Ботышевъ, Макарій Петр., горн. исправн. 1829 г., т. LXV, 223.
Бочкаревъ, бывш. восп. Конст. учил. т. LXVI, 247.
Бояршиновъ, А. Г., горн. инж., т. LXV, 615, 617, т. LXVI, 259.
Фонъ-Брадке, ген.-маіор. 1737 г., т. LXV, 117.
Брадке, попеч. кіевск., впосл. дерптск. уч. окр., т. LXV, 368, 369, т. LXVI, 278.
Брайловскій, С., сообщ. «Васил. Иван. Туманскій. Изъ его бумагъ», т. LXVII, 378—386.
Вранедъ, прапорщ. 1849 г., т. LXVI, 356.
Брандтъ, дѣвица, въ зам. Денъ, т. LXV, 60.
Брандтъ, Яковъ, почтмейст. 1712 г., т. LXVI, 350.
Браницкая, гр—ня, рожд. Голынская, т. LXV, 552, т. LXVIII, 493, 495.
Браницкій, гр., Алексан., т. LXV, 552.
Браницкій, гр., Владисл., т. LXV, 552.
Брантъ, Христоф., купецъ, 1695 г., т. LXVIII, 253.
Брантъ, Яковъ, кадетъ 1734 г., т. LXV, 352.
Бревернъ, г-жа, рожд. Глѣбова-Стрѣшнева, т. LXV, 75.
Бревернъ, фл.-ад., т. LXVII, 181.
Бржозовскій, подполк. 1890 г., т. LXVI, 246.
Брей, гр., баварскій послан. 1824 г., т. LXVII, 450.
Брейтингъ, пѣвецъ 1834 г., т. LXVI, 19.
Брикнеръ, подполк., 1836 г., т. LXVII, 248, 274—277.
Брикнеръ, А. Г., профес., т. LXVIII, 754.
Брилліантовъ, чл. консистор. 1847 г., т. LXVII, 283.
Де-Бриини, инжен., ген.-м. 1737 г. т. LXV, 117.
Де-Бриини, ген.-м., квартирм. 1737 г., т. LXV, 117.
Брискорнъ, подпор. 1830 г., т. LXVIII, 123.
Брискорнъ, дир. каниел. воен. мин., 1857 г., т. LXVII, 363.
Бровцынъ, помѣщ. 1783 г., т. LXV, 780.
Брокъ, мин. фин. 1855 г., т. LXVI, 206, 536, 575, 619, т. LXVII, 361, 369, 580, 586.
Броневскій, ген.-губ. в. Сибири 1859 г., т. LXVI, 47, т. LXVIII, 168.
Броникковскій, Ксаверій, т. LXV, 682, 684, 692, 694, 704.
Броньяръ, А., ученый, т. LXVI, 508.
Броссе, акад., т. LXVII, 587, т. LXVIII, 300.
Брохоцкій, бывш. восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
Брунновъ, бар., русск. посолъ въ Лондонѣ 1856 г., т. LXV, 284, 285, т. LXVI, 11, 512.
Брунъ, Ф. К., т. LXVIII, 306.
Брыловъ, секундъ-маіор. 1791 г., т. LXV, 788.
Брюллова, С., т. LXVIII, 781, 769.
Брюлловъ, Алексан. Павл., архитект., т. LXVIII, 328.
Брюлловъ, Карлъ Павл., художникъ, т. LXVI, 660, т. LXVII, 410, 411.
Брюлловъ, Өед. Пав., профес. художн., р. 1793 г., † 1869 г., т. LXVI, 660.
Брюмеръ, ген. 1830 г., т. LXV, 718.

Брюсъ, Александръ Роман., т. LXVI, 348.
Брюсъ, Романъ Виллим., т. LXVI, 347—350.
Брюсъ, гр., Як. Виллим., инжен.-астрон. 1712 г., т. LXVI, 347—349, т. LXVII, 546, 547.
Брюсъ, ген. 1784 г., т. LXVI, 133.
Брянская, Авд. Як., см. Панаева.
Брянскій, актеръ 1834 г., т. LXVI, 19, 33.
Брянцевъ, профес., т. LXVII, 482.
Вубликъ, офиц. 1828 г., т. LXVIII, 88.
Вугаевъ, математ. 1885 г., т. LXV, 245.
Вудбергъ, баронесса, см. Убри.
Вудбергъ, бар., Андр. Яковл., ген.-отъ-инф., мин. ин. дѣлъ 1806 г., т. LXV, 144, 145, 155, 335, т. LXVIII, 303.
Вудбергъ, Г. А., русск. посолъ въ Вѣнѣ 1857 г., т. LXVI, 70, т. LXVII, 164—170, 610.
Вудяко, г., т. LXVII, 274, 275.
Вудиловичъ, А., профес., т. LXVI, 725.
Вуженинов, Моисей Степан., сержантъ Преображ. полка 1694 г., т. LXVIII, 252.
Вукгсгевденъ, гр., лифляндск. ген.-губерн. 1804 г., т. LXV, 345, 346, 347, 349.
Вукгсгевденъ, гр., генер. 1808 г., т. LXV, 99, 100.
Вулатовъ, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 120.
Вулашевичъ, поруч. 1890 г., т. LXVI, 247.
Вулгакова, Елисав. Ник., сообщ.: «Епископъ Кириллъ Мелитопольскій въ его письмахъ къ митрополиту Макарію Булгакову 1857—1865 гг.», т. LXV, 131—142, т. LXVI, 211 — 220, т. LXVIII, 187—208.
Вулгаковъ-Голица, кн., Мих. Иванов., московск. боярин, родонач. князей Голицыныхъ, † 1558 г., т. LXVIII, 236.
Вулгаковъ-Кураки, кн. Андрей Ив., родонач. князей Куракиныхъ, т. LXVIII, 236.
Вулгаковъ, симбир. губернат. 1845 г., т. LXVI, 653.
Вулгаковъ, т. LXVII, 580, 581, 598.
Вулгарина, т. LXV, 359.
Вулгаринъ, Ѳад. Венедикт., р. 1789 г., † 1860 г., писатель, т. LXV, 42, 46, 53, 359, 371, 373, 381—384, 637, 647, т. LXVI, 47, 287, 675, 676, т. LXVII, 155, 333, 340, 364.
Вуличъ, Ник. Никит., т. LXVI, 273.
Вунге, Николай Христіанов., предсѣд. комит. мн-въ, чл. госуд. сов., т. LXV, 874, 875, 877, 879, т. LXVIII, 773.
Вуняковскій, профес. 1882 г., т. LXV, 244, т. LXVI, 282, 616, 617.
Вурачковъ, П. О., т. LXVIII, 306.
Вурачокъ, С. О., т. LXV, 135, т. LXVIII, 379, 380.
Вурдинъ, Ѳ. А., артистъ, т. LXVIII, 764
Вуренинъ, В. А., писат., т. LXVIII, 763.
Вурнашовъ, бригадиръ 1790 г., т. LXVI, 144.
Вуслаевъ, Ѳ. И., профес., т. LXVIII, 765
Вуссау, полковн. 1854 г., т. LXVIII, 673.
Вуссе, т. LXVII, 449.
Вутаковъ, флотск.-офиц., впослѣдствіи адмиралъ, 1855—1858 гг., т. LXV, 236, т. LXVI, 100, 102, 104.
Вуташевичъ-Петрашевскій, Мих. Вас. см. Петрашевскій.
Вутенантъ фонъ-Розенбушъ, Андрей Ив., комиссаръ датск. короля 1695 г., т. LXVIII, 253.
Вутеневъ, лейтенантъ 1788 г., т. LXV, 784
Вутеневъ, послан. въ Константинополѣ, т. LXVIII, 404.
Вутера, княгиня, рожд. Шаховская, по перв. мужу Шувалова, т. LXVI, 647.
Вутера-Радапи, кн., т. LXVI, 647.
Вутковскій, т. LXVIII, 80.
Вутковъ, Влдм. Петр., государств. секрет. 1857 г., впослѣд. членъ госуд. совѣта, т. LXV, 638, т. LXVII, 374.
Вутковъ, П. Г., сенат., чл. акад. наукъ, † 1857 г., т. LXVII, 374.
Вутовскій, А. И., сенаторъ, т. LXVI, 261, 507, 508.
Вутовскій, В. Д., шт.-кап., т. LXVI, 494.
Вутурлина, Людм. Павл., см. Бобринская, гр-ня.
Вутурлинъ, Д. П., директ. спб. публичн. библіот., т. LXVIII, 285.

Вутурлинъ, Дм., воен. писатель, предсѣд. комит. 1848 г., т. LXV, 385, 386, 399—401, т. LXVIII, 504.
Вутурлинъ, Дм. Сергѣев., т. LXVI, 226.
Вутурлинъ, Иванъ, т. LXVIII, 249, 250, 251.
Вутурлинъ, Никол. Александр., т. LXV, 234, 630.
Вутурлинъ, С. П., ген.-лейт. 1857 г., т. LXVII, 164.
Вутурлины, т. LXV, 233.
Вутягинъ, при посольствѣ во Франціи 1806 г., т. LXV, 156.
Вухмейеръ, ген.-м. 1854 г., т. LXVIII, 668.
Фонъ-Вухъ, Леопольдъ, геологъ, т. LXVI, 10, 11, 254—256, 259, 261.
Вушъ, бригадиръ 1712 г., т. LXVI, 349.
Вылинъ, поруч. 1783 г., т. LXV, 780.
Выстроглазова, Марья Ант., см. Корсини.
Вычковъ, Аѳанас. Ѳед., академикъ, чл. госуд. совѣта, д. тайн. сов., р. 1818 г., т. LXVII, 448, т. LXVIII, 279—297, 488.
Вѣгичевъ, сенат. 1847 г., т. LXVII, 289.
Вѣлевичъ, профессоръ, т. LXVIII, 357.
Вѣлевичъ, т. LXVIII, 357.
Вѣликовичъ, воспит. учил. правовѣд. 1848 г., т. LXVIII, 377—379.
Вѣликовичъ, полоцк. предв. двор. 1836 г., т. LXVII, 261, 262.
Вѣлинъ, П. Г., полковн. 1857 г., ген.-м. 1888 г., т. LXV, 491, 492.
Вѣлинскій, Виссаріонъ Григ., р. 1810 г., † 1848 г., т. LXVI, 191, т. LXVII, 203, 210, 285, т. LXVIII, 54, 55, 625, 756, 757, 764.
Вѣловерская, Надежда Александр., сообщ.: «Василій Трофимовичъ Нарѣжный», т. LXVII, 469—527; „Двадцатипятилѣтіе „Вѣстника Европы“, 1866—1890 г.“, т. LXVIII, 749—782.
Вѣлосельская, княгиня, т. LXVIII, 501.
Вѣлосельская-Вѣловерская, княжна, Е. М., въ замуж. барон. Черкасова, т. LXV, 819.
Вѣлосельскій-Вѣловерскій, кн., А. М., презид. акад. худож. 1807 г., т. LXVIII, 217.
Вѣлохъ, П. Н., педагогъ, т. LXVI, 478.
Вѣлуха-Кохановскій, М. А., сообщ.: «Воспоминанія царскосельск. лицеиста IV выпуска 1820—1826 г.», т. LXV, 833—849, упом. т. LXVI, 238, 397.
Вѣлый, Ив., 1851 г., т. LXVIII, 663.
Вюлеръ, баронес., Александра Евстаф., см. Пальменбахъ.
Вюлеръ, бар., А. Я., д. т. с., сенаторъ, т. LXV, 822, т. LXVII, 435.
Вѣлявскій, поруч. 1857 г., т. LXVI, 409.
Вюлеръ, бар., В. А., т. LXV, 822.
Вюлеръ, баронесса, Е. А., т. LXV, 822.
Вюлеръ, бар., Ѳед. Андр., сообщ.: «Императрица Екатерина II; рескриптъ ея княгинѣ Дашковой», т. LXV, 98. «Императрица Марія Ѳеодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ монастырѣ, 1797—1802 гг.», 809—832. «Александръ Васильевичъ Суворовъ. Письмо къ князю Григ. Александр. Потемкину», т. LXVI, 132—133. «Императрица Екатерина II», 672. «Императрица Марія Ѳеодоровна въ ея письмахъ къ Лафонъ и Пальменбахъ, рожд. баронессѣ Черкасовой, 1797—1802 гг.», 823—832, и т. LXVII, 413—436; «Императрица Марія Ѳеодоровна въ 1807 г.», т. LXVIII, 215—219.
Вялый, Г. М., ген. 1855 г., т. LXVI, 321, 585, 601, т. LXVII, 442.

Вагановъ, Мирзабекъ, маіоръ 1774 г. т. LXV, 790, т. LXVI, 107—119.
Вагнеръ, профес., т. LXV, 430, томъ LXVIII, 770.
Вадковская, Софья Ѳед., см. Тимирязева.
Вадковскій, Ив. Ѳед., полковн., команд. Семен. полка 1820 г., т. LXVIII, 304.
Вадковскій, Ѳед. Ѳед., ген.-поруч., камергеръ 1796 г., т. LXV, 830, томъ LXVI, 484.
Ваксель, Платонъ, сообщ.: «Антонъ Рубинштейнъ; къ литературѣ о немъ и его дѣятельности», т. LXV, 242.
Валицкій, химикъ, 1881 г., т. LXV, 244—246.
Валуа, В. П., т. LXVIII, 414.
Валуевъ, гр. Петръ Александръ, чл. госуд.

совѣта, † 1890 г., т. LXV, 857—863 упом. т. LXVI, 689, т. LXVII, 186, 187, 188, 584.
Вальбергъ, шт.-кап. 1890 г., т. LXVI, 494, 495.
Вальбрехтъ, Валерьянъ Никит., томъ LXVII, 579, 581.
Вальцъ, докторъ 1860 г., т. LXVIII, 384, 400, 605.
Вановичъ, прапорщ. 1855 г., т. LXVI, 316.
Варвинскій, О. В., докт., т. LXVII, 630.
Варенцовъ, инж.-поруч. 1835 г., томъ LXVII, 127, 128, 129.
Варнандеръ, бывш. восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
Варнекъ, профес. 1858 г., т. LXV, 389, 390, т. LXVII, 618, 619.
Варпаховскій, чиновн. 1856 г., т. LXVI, 584.
Варсонофій, еписк. тверск. 1320 г., т. LXVIII, 562.
Васиженскій, капит. 1890 г., т. LXVI, 246
Васильевъ, И. И., чл. нижегор. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 558, 559.
Василій I, вел. князь московскій, томъ LXVII, 486.
Василій Ивановичъ Шуйскій, царь, † 1612 г., т. LXV, 91, 92.
Василій, кн. Звенигородскій. 1595 г., т. LXVIII, 734.
Василій Лужинскій, архіерей 1847 г., т. LXVII, 240, 246, 700, т. LXVIII, 380.
Васильевъ, бар., впосл. гр., Алексѣй, мин. финанс., т. LXV, 617, 831, т. LXVII, 433.
Васильевъ, П., сообщ. „Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ 1861 г.", т. LXVII, 217—218. „Надгробная курьезная надпись"—218.
Васильевъ, Петръ, т. LXV, 721, 722.
Васильевъ, бывш. восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
Васильевъ, свящ. 1857 г., т. LXV, 132.
Васильчикова, княгиня, т. LXVI, 212.
Васильчиковъ, А., кн., земскій дѣят., писат. 1885 г., т. LXVIII, 771—773.
Васильчиковъ, кн., Александръ Илларіоновичъ, т. LXV, 751—753.
Васильчиковъ, кн. Викт. Илларіоновичъ, ген.-адъют. 1855 г., т. LXV, 226, 326, 331, 744, 748, 750, 751, 752, т. LXVI, 57, 58, 302, 303, 313, 626, т. LXVII, 181, 581, 586, 598.
Васильчиковъ, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 121, т. LXVI, 729.
Васильчиковы, т. LXVI, 265.
Васюгинскій, ген.-м. 1890 г., т. LXVI, 240.
Вахрамѣевъ, Ив. Александр., т. LXVI, 692.
Вашутинъ, поруч. 1799 г., т. LXVIII, 712.
Введенскій, Ир. Ив., педагогъ и писатель, т. LXV, 637, 638, т. LXVI, 244, 246, 450, 627.
Ведемейеръ, Н. А. полковн., команд. резервн. л.-гв. Павлов. пол. 1854 г., т. LXVI, 490, 491.
Вейденбахъ, А. П., т. LXV, 609, 610, 613.
Вейденбахъ, Шарлота Ив., т. LXV, 610.
Веймарнъ, А. П., фл.-ад. 1850 г., т. LXV, 80, † LXVII, 182, т. LXVIII, 670.
Веймарнъ, Петръ Ѳед., ген.-м. 1830 г., т. LXV, 739.
Вейнбергъ, П. В., чл. рязан. учен. архив. комис. 1889 г., т. LXVIII, 563.
Вейнбергъ, Петръ Исаев., писат., т. LXVIII, 693, 763.
Вейссъ, Андр. Андреев., офиц., т. LXVII, 229.
Вейссъ, Екат. Андр., см. Дьякова.
Вейссъ, С., профес., т. LXV, 604, том. LXVI, 513, 514, 519, 520.
Вейссъ, Софья Андреевн., въ зам. Трубецкая, т. LXVII, 228, 229.
Вейссъ, частн. приставъ въ Вильнѣ 1812 г., т. LXVII, 228.
Вейссъ, т-жа, см. Фридрихсъ.
Вейценбрейеръ, ген.-м., дир. горн. корп. т. LXVI, 1.
Великжовскій, кадетъ Петров. Полк. корп. 1857 г., т. LXVI, 403, 405.
Вельбрехтъ, т. LXVII, 586.
Вельбутовичъ-Паплонская, Юзефина Ад., см. Сѣщова.
Вельяшева, г-жа, т. LXVII, 387.

Вангеровъ, С. А., 1890 г., т. LXVIII, 764, 766.

Вентржецкій, президент. Варшавы 1831 г., т. LXV, 683, 684, 691.

Веневитиновъ, А., писат., т. LXVII, 399.

Веневитиновы, т. LXVIII, 355.

Вениаминъ, епископ. Черниговск., т. LXV, 883, т. LXVII, 476.

Венюковъ, Мих. Ив., ген.-маіор., ученый и писатель, сообщ.: „Русскіе въ Парижской академіи наукъ въ 1881—1888 гг.“, томъ LXV, 243—246; упом. т. LXVI, 243, 244, 247, томъ LXVIII, 468, 770.

Венюковъ, П., ученый, т. LXV, 246.

Веревкинъ, генер. 1878 г., т. LXV, 749.

Веревкинъ, Мих. Лавр., чинов. 1890 г., т. LXVIII, 732.

Веревкинъ, т. LXVIII, 412.

Верещагина, Ал., т. LXV, 593.

Верещагинъ, Вас. Васильев., художн., т. LXV, 654, т. LXVIII, 770.

Верещагинъ, Л. Н., москов. об.-полиціймейстеръ, т. LXVI, 576.

Верещагинъ, т. LXVIII, 527.

Веригинъ, Конст. Мих., кап. 2 ранга 1854 г., т. LXV, 659, 678, 680.

Веригинъ, Никол. Викт., подпоручикъ 1830 г., т. LXV, 713.

Верманъ, баронесса, см. Жуковская.

Вернадскій, Ив. Вас., изд. газеты, томъ LXVIII, 174.

де-Вернель, Эдуардъ, геологъ, т. LXV, 601, 603, 606, т. LXVI, 11, 12, 15, 20, 23, 251, 252, 254, 261, 264, 268, 266.

Вернеръ, т. LXV, 346.

Веровскій, драм. арт. 1830 г., т. LXV, 25.

Верпаховскій, флотск. офиц. 1850 г., т. LXVI, 85.

Верховскій, И. И., т. LXVIII, 307.

Веселицкій, ген.-м. 1854 г., т. LXVIII, 668, 671, 673, 675.

Веселовскій, А. Н., профес., XLVIII, 752, 766—771.

Веселовскій, Кон. Ив., д. т. сов., непрем. секрет. акад. наукъ 1857 г., т. LXVII, 377, 589,

Весселъ, шт.-кап. 1855 г., т. LXVI, 581,

Вестфаленъ, бригадиръ 1790 г., т. LXVI 144.

Ветлицкая, Елис. Андр., см. Аракчеева.

Вигель, Ф. Ф., т. LXV, 144, 155, 212, т. LXVII, 222.

Виллуанъ, Екат. Ив., см. Гардеръ.

Визапурскій, кн., прапорщ. 1830 г., т. LXVIII, 121, 122.

Фонъ-Визинъ, Денисъ Ив., писатель т. LXVI, 28.

Фонъ-Визинъ, Ив. Сергѣев., т. LXVI, 175—183.

Вишинскій, Ник. Ив., т. LXVI, 702.

Викторовъ, Алексѣй Егоров., археограф, т. LXVIII, 294, 305, 308.

Викулина, т. LXV, 3, 4, 6, 7, 8, 9.

Викулинъ, офиц. 1812 г., т. LXV, 1.

Вилеринскій, помѣщ. 1826 г., томъ LXV, 251.

Вилламова, А. В., т. LXVIII, 399, 400.

Вилламовъ, ст.-секретарь, т. LXV, 810.

Виллибрантъ, бар., команд. Азовск. пѣх. пол. 1855 г., т. LXV, 659, 664, 665, 670, т. LXVI, 305.

Виллуанъ, Александръ Ивановичъ, педагогъ-музыкантъ. † 1878 г., т. LXV, 247—280.

Виллуанъ, Васил. Юльев., скрипачъ директ. Нижегород. отд. рус. муз. общ. т. LXV, 250, 276, 278.

Вильбоа, помѣщ. 1827 г., т. LXV, 360

Вильбоа, Александръ Никит., генералъ-фальдцейхмейстеръ, т. LXV, 822.

Вильяменъ, ген.-м., команд. Дворян. пол. 1828 г., т. LXVIII, 82, 84.

Вильскій, т. LXV, 694.

Виніусъ, Андрей, дьякъ посольск. приказа 1695 г., т. LXVIII, 253.

Винне, флотск. офиц. 1849 г., т. LXVI, 85.

Виноградовъ, Ив. Васильев., педагогъ, т. LXVII, 531, 544.

Виноградовъ, учитель 1830 г., т. LXV, 310.

Винтергальтеръ, час. маст. т. LXVI, 165.

Виске, Н., писат., т. LXVII, 196.

Висковатовъ, А. В., воен. историкъ, т. LXVI, 732.

Висковатовъ, Констант. Александр., сообщ.: „Князь Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ“, т. LXVI, 702—705.

Висковатовъ, Пав. А., профес. дерптск. унив., т. LXV, 590.
Висковатовъ, ген. 1854 г. т. LXVI, 282.
Витали, И. П., скульпт., т. LXVI, 660.
Витбергъ, Өед. Лаврентьевь, архитект., т. LXV, 302, 303.
Витгенштейнъ, кн., Эмиль, фл.-ад. 1845 г., т. LXVII, 181.
Витгенштейнъ, гр., фельдмарш. 1828 г., т. LXV, 119, т. LXVI, 727, 729, 731, 735, 738, т. LXVII, 45, 386, т. LXVIII, 490—492, 516.
Витовтовъ, Пав. Александр., генералъ 1848 г., т. LXV, 69, 659, т. LXVII, 294, 314, 315, т. LXVIII, 475.
Витте, Екат. Андр., рожд. Фадѣева, т. LXVI, 189.
Витте, Өед. Өед., попечит. варшавск. учебн. окр., т. LXVI, 717, 718, 720, 721, 722.
Виттъ, гр., варшав. ген.-губ. 1830 г., т. LXV, 329, 739.
Вихаревъ, Мих. А., подполковн. 1889 г., т. LXVI, 239.
Вишневскій, И. И., чл. нижегор. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 563, 564.
Віельгорская, гр-ня, Екат. Карл., см. Бирон, принцесса.
Віельгорская, гр-ня, Луиза Карловна. см. Бирон, принцесса.
Віельгорская, гр-ня, Софья Мих., см. Соллогубъ.
Віельгорская, гр-ня, т. LXVI, 641, томъ LXVII, 209.
Віельгорскій, гр., Мих. Юр., об.-шенкъ, т. LXV, 820, 830, т. LXVI, 645, 647.
Віельгорскій, гр., М. Ю., т. LXV, 71
Віельгорскій, гр., т. LXVI, 523, 524.
Віельгорскіе, графы, т. LXV, 830, томъ LXVI, 639, 643, 648, т. LXVII, 195, т. LXVIII, 355.
Владиміръ, св., вел. князь 992 г., томъ т. LXV, 881, т. LXVII, 485, т. LXVIII, 236.
Владиміръ Александровичъ, великій князь, т. LXVI, 478, т. LXVIII, 721, 730.
Владиміръ, Давидовичъ, князь, томъ LXVIII, 293, 299.
Владиміръ, Мономахъ, великій князь, т. LXV, 883.
Владиславлевъ, жандарм. офицеръ, изд. альманаха „Утренняя заря", т. LXV, 41.
Власовъ, Георг. Петр., ген.-лейт., томъ LXVI, 239, 240, 248.
Де-Вогюэ, виконтъ, т. LXVII, 650.
Водовозовъ, Вас. Ив., педагогъ, писатель, р. 1825 г., † 1886 г., т. LXV, 235, т. LXVIII, 765, 772.
Водовскій, помѣщ. 1783 г., т. LXV, 780.
Воейкова, А. А., т. LXVI, 572.
Воейковъ, Александръ Өед., профес., писатель, т. LXV, 244.
Воейковъ, Платонъ Александр., фл.-ад. 1853 г., т. LXV, 79, 80, т. LXVII, 182.
Воейковъ, маіоръ 1737 г., т. LXV, 118.
Военскій, К., сообщ.: „Побѣгъ Бенёвскаго изъ Камчатки 1771 г.", т. LXVI, 120—122.
Вознесенскій, П. М., чл. тверск. уч. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 565.
Вознесенскій, полковн., команд. Могилевскаго полка 1855 г., т. LXVI, 315, 599, 600, т. LXVII, 164, 442.
Вознесенскій, ученый 1884 г., т. LXV, 245.
Возницкій, мн-ръ юстиц. Ц Польскаго, т. LXV, 32.
Война-Куринской, кол. сов. 1836 г. т. LXVII, 251, 253.
Воинова, рожд. Гиберъ-ф.-Грейффенфельсъ, † 1845 г., LXVIII, 717—719.
Воиновъ, Алекс. Львов., ген.-отъ-кав. и ген.-ад. 1826 г., р. около 1770 г. † 1832 г., т. LXVIII, 513, 717, 719, 727.
Войткевичъ, еписк., т. LXVI, 382.
Войцеховичъ, Алексѣй Ив., директ. канцел. об.-прокур. синода 1844 г., впослѣдств. членъ госуд. совѣта, т. LXV, 42, т. LXVII, 157, 600.
Войцеховскій, поруч. 1890 г., т. LXVI 246.
Войчинскій, т. LXV, 723, 724.
Волкова, М. А., т. LXVIII, 769.
Волковскій, т. LXVII, 555.
Волковъ, фл.-ад. 1854 г., т. LXV, 745, т. LXVI, 62.
Волковъ, камеръ-пажъ, т. LXV, 846.

Волковъ, чиновн. 1854 г. т. LXVI, 280.
Волконская, княжна, Марія, въ зам. гр-ня Толстая, т. LXVII, 646, т. LXVIII, 274.
Волконская, свѣтлѣйшая княг., супруга мн-ра двора, т. LXVI, 257.
Волконская, княгиня, т. LXVI, 704.
Волконскій, кн. А., совѣтн. посольства въ Вѣнѣ 1857 г., т. LXVII, 170.
Волконскій, кн. Григ. Петр., попеч. спб. уч. окр. 1844 г., т. LXV, 38, 42, 45, 46, 52.
Волконскій, кн., М. Д., фл.-ад. 1840 г., т. LXVII, 181.
Волконскій, кн., Мих., кадетъ 1737 г, т. LXVI, 352.
Волконскій, кн., М. Н., ген.-аншефъ 1771 г., т. LXVIII, 301.
Волконскій, кн., Мих., фл.-ад. 1855 г., т. LXVI, 305.
Волконскій, свѣтлѣйшій кн., Петръ М., мин. двора и удѣловъ, фельдм., р. 1776 г., † 1853 г., т. LXV, 87, 88, 114, 843, т. LXVI, 257, 331, 569, 578, 659, 729, т. LXVII, 91—117, 130, 229, 308, томъ LXVIII, 11, 233, 303, 534.
Волконскій, кн., ген.-интенд., т. LXV, 210.
Волконскій, кн., т. LXV, 132.
Волконскіе, князья, т. LXVII, 388.
Воловскій, т. LXV, 732.
Волончевскій, еписк., т. LXVI, 382.
Волоховъ, т. LXVI, 87.
Вольдемаръ, королевичъ Датскій, томъ LXVI, 343—345.
Вольховская, Марья Васильевна, рожд. Малиновская, т. LXV, 104.
Вольховскій, Вл. Дм., нач. штаба на Кавказѣ 1833 г., т. LXV, 104.
Волявачъ, Дм., т. LXVII, 525.
Вонлярлярская, Анна Александр., въ зам. Денъ, т. LXV, 574, томъ LXVII, 161, 162.
Вонлярлярская, Вѣра Дм., т. LXVII, 161.
Вонлярлярская, Елисавета Алекс., см. Храповицкая.
Вонлярлярскій, Александръ Александр, т. LXVI, 301, 592, т. LXVII, 161, 162.
Вонлярлярскій, писатель, т. LXV, 592,
Воронихинъ, архитект. 1800 г., т. LXV, 617.
Вороновъ, П. Н., полковн. 1890 г., томъ LXVI, 494.
Воронцовъ, гр., впосл. кн., Мих. Семен., р. 1781 г., † 1856 г., т. LXV, 44, 45, 375, 560, т. LXVI, 512, т. LXVII, 409, т. LXVIII, 26 27, 233.
Воронцовъ, гр. Сем. Мих., т. LXVII, 193.
Воронцовъ, гр., Семенъ Роман., рус. посолъ въ Англіи, т. LXV, 146, 147, 153.
Воронцовъ-Дашковъ, кн., т. LXV, 71.
Воронцовы, графы, т. LXVI, 177.
Воропановъ, ген.-ад. 1826 г., т. LXVIII, 513.
Воропоновъ, Ѳ., писат., т. LXVIII, 770—773.
Воскресенскій, педагогъ 1854 г., томъ LXVI, 293, т. LXVII, 556—558.
Востоковъ, Авдій (Антоній Могилевскій), писатель, т. LXVI, 715.
Востоковъ, А. А., сообщ.: „Помѣщикъ XVII-го в.—стольникъ А. И. Безобразовъ", т. LXV, 575—580.
Востоковъ, Александръ Христоф., акад., т. LXVI, 291, т. LXVII, 611, т. LXVIII, 285, 293, 298, 299.
Врангель, г-жа, см. Шафнагель.
Врангель, Карлъ Егор., ген. 1856 г., т. LXVI, 586, 587, 606, 607.
Врангель, ген.-лейт., директоръ Петров. полтав. кад. корп. 1852 г., т. LXVI, 394, 395.
Врангель, бар., ген.-ад. 1864 г., томъ LXVIII, 484.
Врангель, профес. 1821 г., т. LXV, 841, т. LXVI, 238.
Вранкенъ, маіоръ 1845 г., т. LXVI, 518, 519.
Вревскій, баронъ, т. LXVII, 642.
Вредэ, фл.-ад. 1839 г., т. LXV, 326.
Вронченко, Ѳед. Павл., мн-ръ финанс., † 1852 г., т. LXV, 645, т. LXVI, 575.
Вронченко, чиновн. 1854 г., т. LXVI, 278.
Врченскій, Мих. Антонов., подпоруч. 1855 г., впосл. ген.-м., т. LXV, 757.
Всеволожская, т. LXV, 329.
Всеволожскій, т. LXVIII, 505.

Воетенрикъ, бар., т. LXVII, 401.
Вукотичъ, флотск. офиц., т. LXVI, 87.
Вульфертъ, ген.-м. 1865 г., т. LXVI, 665.
Вунишъ, полковн. 1854 г., т. LXV, 659, т. LXVI, 50.
Высотскій, Никол. Петров., ген. 1796 г., т. LXVI, 682.
Высоцкая, Марія Петровна, т. LXVI, 682.
Высоцкій, офиц. 1830 г., т. LXV, 29, 690.
Вышнеградскій, Иванъ Алексѣевичъ, нынѣ мин. финансовъ., д. тайн. совѣтн., т. LXV, 650, т. LXVI, 481, 615.
Вюртембергскій, герцогъ, Александръ, попечит. институт. путей сообщ., т. LXV, 331.
Вяземская, княгиня, т. LXVII, 380.
Вяземскій, кн., Андрей Ив., нижегор. и пензенск. ген.-губ. 1796 г., т. LXVIII, 559.
Вяземскій, кн. Л. Д., нач. бригады болгарскаго ополч. 1877 г., т. LXV, 654.
Вяземскій, кн., Петръ Андреев., тов., мин. нар. просв. 1855 г., т. LXVI, 627, 629, 633, 634, 636, т. LXVII, 136, 150, 156, 158, 365, 397, 470, 580, 582, 583, 586, 596, т. LXVIII, 150, 354, 356, 393, 657.
Вязмитиновъ, Ив., премьеръ-маіоръ, † 1818 г., т. LXVI, 124.
Вязмитиновъ, ген., Спб. главноком. 1813 г., т. LXVIII, 704, 707, 708.
Вязовскій, Ѳ. С., священ., т. LXVII, 533, 540.

Гаакъ, гр-ня, т. LXVI, 541, 544.
Гавриловъ, Н. Н., ген.-лейт. 1890 г., т. LXVI, 240, 243.
Гагарина, княг., Марья Алексѣевна, см. Бобринская, гр-ня.
Гагаринъ, кн., Гр. Гр., фл.-ад. 1845 г., т. LXVII, 181.
Гагаринъ, кн., И. С., іезуитъ, т. LXV, 132.
Гагаринъ, кн., Никол. Серг., гофмейст., † 1842 г., т. LXVI, 222.
Гагаринъ, кн., П. П., т. LXVII, 361.
Гагаринъ, кн., при посольствѣ въ Франц. 1806 г., т. LXV, 156.
Гагаринъ, кн., ученый 1881 г., т. LXV, 244.
Гагаринъ, кн., воспит. учил. правовѣд. 1848 г., вносл. ген.-маіоръ, т. LXVIII, 377, 379.
Гагаринъ, кн., т. LXV, 401.
Гагаринъ, кн., керченск. градонач. 1854 г., т. LXV, 668.
Гагарины, князья, т. LXVIII, 378.
Гагемейстеръ, писат., т. LXVIII, 298.
Гагернъ, полковн., его записки, 1839 г., т. LXV, 321—339.
Гагъ, Луиза Ив., т. LXVIII, 39, 41, 702.
Гаевскій, Викт. Павл., юристъ, писатель, † 1889 г., т. LXV, 652, т. LXVI, 45, т. LXVII, 334, 356.
Гаевскій, Пав. Ив., т. LXVI, 278, 612, 637.
Гаибовъ, бывш. воспит. Конст. учил., т. LXVI, 247.
Галаганъ, Григ. Павл., бывш. чл. редакц. комм., вносл. чл. госуд. сов., † 1888 г., т. LXV, 873, 875, 877, т. LXVIII, 164.
Галаховъ, Алексѣй Дмитр., писатель-педагогъ, род. 1807 г., т. LXVII, 470, 473, 476, 522, 577, томъ LXVIII, 183, 752, 761.
Галаховъ, А. П., чл. рязанск. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 561.
Галаховъ, Ив. Павлов., т. LXVIII, 39.
Галаховъ, спб. об.-полиціймейст. 1849 г., LXVI, 541, 543, 545.
Галичъ, профес. 1828 г., т. LXVI, 276.
Галкинъ-Враскій, Мих. Никол., тайн. совѣтникъ, т. LXVII, 633.
Фанъ-Гальтенъ, Антонъ, біографъ А. Г. Рубинштейна, т. LXV, 242.
Гамалѣй, С. И., 461.
Гамалѣй, предсѣд. одесск. коммерч. суда 1852 г., т. LXV, 640.
Гамалѣй, полковн. 1827 г., т. LXV, 362.
Гаммалея, тамбовск. губернат. 1837 г., т. LXVII, 691, 692.
Гампфъ, маіоръ 1737 г., т. LXV, 118.
Ганджера, кн., Николай, докт. юридич. наукъ, р. 1836 г., т. LXVIII, 470.
Гангардтъ, полковн. 1854 г., т. LXVI, 58, 59.
Ганковская, помѣщица 1812 г., т. LXV, 16, 17.

е-Ганонъ, инженеръ, маіоръ 1734 г., т. LXVI, 351.
Ганъ, Елена Андреев., рожд. Фадѣева, писат.-романистка, † 1842 г., т. LXVI, 185—191.
Ганъ, Зинаида Ив., рожд. Жиркевичъ, т. LXVII, 705.
Ганъ, бар., т. LXVI, 173.
Гарбинская, Алекс. Өер., см. Андро.
Гарбинскій, т. LXVII, 393.
Гардеръ, Екат. Ив., въ зам. Виллуанъ, т. LXV, 265, 276, 279.
Гардеръ, Марія, т. LXV, 265, 269.
Гардеръ, Надежда, т. LXV, 265, 269.
Гардеръ, собѣжскій городнич. 1837 г., т. LXVII, 678.
Гартунгъ, чиновн. 1853 г., т. LXV, 84.
Гастверъ, подполк. 1799 г., т. LXVIII, 712.
Гассенъ, писатель, т. LXV, 797—799.
Гатцукъ, Алексѣй Алексѣевичъ, писат., т. LXVI, 134.
Гауке, графиня, т. LXV, 331.
Гауке, воен. мн-ръ Ц. Польск. 1830 г., т. LXV, 23, 32, 718.
Гацискій, Александръ Серафимовичъ, т. LXVIII, предсѣд. нижегор. ученой арх. комис. 1889 г., 560, 563, 567, 570.
Гашинскій, т. LXV, 694.
Гвоздиковъ, Е. Гр., сообщ.: „Николай Ивановичъ Костомаровъ въ воспоминаніяхъ одного изъ его учениковъ", т. LXVI, 207—209.
Гебгардъ, Иванъ Карловичъ, студ. спб. унив. 1820 г., т. LXV, 374, т. LXVIII, 394.
Гебель, полковникъ, команд. Черниг. пѣх. пол. 1825 г., т. LXVIII, 492, 494, 495, 499.
Геденштромъ, Матв. Матвѣев., т. LXV, 307, 308.
Гедике, профес., т. LXV, 741.
Гедиминъ, вел. кн. литовскій, т. LXVIII, 236.
Гедлеръ, Егоръ Ив., т. LXVIII, 336.
Гедроицъ, кн., прапорщ. 1800 г., т. LXVI, 139.
Гедройцъ, кн., т. LXV, 75.
Гежелинскій, Ѳ. Ѳ., правит. дѣлъ комит. мн-въ 1830 г., т. LXVI, 169.
Гейденъ, гр., Ѳ. А., нач. штаба 1-го пѣх. корп. 1845 г., т. LXVII, 181.
Гейкингъ, баронесса, рожд. Лафонъ, т. LXV, 821, 830, т. LXVII, 420.
Гейкингъ, баронессы, т. LXV, 820.
Гейкингъ, бар., презид. юстицъ-коллег., т. LXV, 820, 821.
Гейманъ, ген.-м. 1864 г., т. LXV, 473, 475, 476, 478.
Гейсмаръ, генер. 1825 г., т. LXVIII, 493.
Гелгудъ, ген. 1831 г., т. LXV, 701.
Гельвихъ, ген.-м., динаб. коменд. 1837 г., т. LXVII, 266, 267.
Гельмерсенъ, А., офиц. 1833 г., т. LXV, 594.
Гельмерсенъ, Л. А., т. LXV, 594.
Гельмерсенъ, Г. П., геологъ, т. LXV, 602, т. LXVI, 9, 10, 11, 12, 15, 16.
Гендрикова, Екат. Сергѣевна, т. LXV, 761.
Гендриковъ, Андрей, кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
Гензельтъ, арт., т. LXV, 254, 256, 260, 261.
Геннади, Г. Н., т. LXV, 764, 774.
Геннингъ, маіоръ, 1854 г., т. LXVIII, 675.
Георгіевскій, профес., т. LXV, 649.
Георгій Александровичъ, вел. князь, т. LXV, 812.
Георгій Всеволодовичъ, вел. князь, т. LXVIII, 570, 572.
Георгій XII, царь грузинскій, 1801 г., т. LXVII, 493, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 502.
Герасимовъ, поруч. 1830 г., т. LXVIII, 119, 120.
Герасимъ, епископъ 1865 г., т. LXVIII, 379, 380.
Гербановскій, Левъ, секундъ-маіоръ 1786 г., т. LXVII, 524.
Гербель, Никол. Васил., писат., т. LXVII, 378, т. LXVIII, 692, 762.
Гербель, Дан. Карл., фл.-ад., полковн. 1857 г., т. LXVI, 52—54, т. LXVII, 164, 167, 182.
Герве, драм. артистъ 1830 г., т. LXV, 26.
Гервеги, т. LXVIII, 51.
Гергардъ, подпоруч. 1831 г., т. LXV, 700.

Германъ, полковн. 1890 г., т. LXVI, 240.
Гернетъ, Рудольфъ, гласн. гапсальск. думы 1889 г., т. LXVII, 529.
Гернетъ, архитект. 1868 г., т. LXVIII, 323.
Герсевановъ, полковн. 1854 г., т. LXVIII, 668.
Герстенцвейгъ, А. Д., ген.-ад. 1857 г., т. LXV, 226, 565, 686, 705, т. LXVI 62, 607, 608, т. LXVII, 178, 181.
Геруа, ген.-ад., директ. инж. департ. 1849 г., т. LXVI, 354.
Герценъ, Алексдр. Александр., професс., т. LXV, 231, 449, т. LXVIII, 40, 42, т. LXVIII, 603.
Герценъ, Алексдр. Ив., писат. и публицистъ, **род.** 1812 г., † 1870 г., т. LXV, 53, 229, 230, 231, 232, 302, т. LXVII, 583, 587, 612, 614, 615, 616, 618, т. LXVIII, 22, 33, 34, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 48, 49, 51, 55, 56, 57, 58, 62, 76, 138, 764.
Герценъ, Наталья Алексдр., т. LXVIII, 37, 39, 40, 41, 42, 49, 50, 51, 56, 65, 79.
Герцены, т. LXVIII, 47, 51.
Герье, В. И., писат. 1872 г., т. LXVIII, 754, 766, 769.
Гессенъ-Гомбургскій, принцъ, генер.-фельдцейхмейст. 1737 г., т. LXV, 115.
Гессъ, Г. И., акад., 1834 г., т. LXVI, 2, 3.
Гечевичъ, Л. В., т. LXVI, 594.
Гешвендъ, А. Р., инж., т. LXV, 741.
Гжелинскій, витебск. вице-губернаторъ 1837 г., т. LXVII, 668, 674.
Гиберъ-фонъ-Грейффенфельсъ, Александръ Ив., землевладѣлецъ, 1890 г., томъ LXVIII, 716, 721.
Гиберъ-фонъ-Грейффенфельсъ, Ив. Матв., шт.-ротм., † 1866 г., т. LXVIII, 717, 718.
Гилленшмидтъ, ген.-инспект. артилл., † 1856 г., т. LXVI, 582, 583.
Гильдебрантъ, ген. 1863 г., т. LXV, 858.
Гильднеръ, т. LXVI, 657.
Гильфердингъ, Александръ Өед., ученый и писатель, род. 1831 г., † 1872 г., т. LXVI, 453, т. LXVIII, 300, 754, 771.
Гиляровъ, цензоръ, т. LXVII, 576.
Гиппіусъ, докт. 1860 г., т. LXVI, 180, 181, 182.
Гирсъ, А. А., сообщ.: «Графъ Александръ Черногорскій—султанъ Яхія въ 1585–1625 гг.», т. LXV, 797—808.
Гирсъ, Александръ Карлов., чл. редак. комм., род. 1815, † 1880 г., т. LXV, 8[illegible]
Глаголевъ, Александръ Алексѣев., учит. т. LXV, 310.
Гладкій, Василій Осипов., подполковн. т. LXVI, 35.
Гладкій, Осипъ Ив., кошев. атаманъ Запорожск. Сѣчи, р. 1789 г., † 1866 г., т. LXVI, 35.
Гладковъ, купецъ, т. LXVI, 207.
Глазенапъ, фл.-ад. 1839 г., т. LXV, 3[illegible]
Глазуновъ, книгопродавецъ, т. LXVIII, 114.
Глинка, Мих. Ив., композит., род. 1804 г., † 1857 г., т. LXVII, 389, 632.
Глинка, Серг. Никол., писатель, т. LXVI, 687.
Глинка, Өед. Никол., писатель-поэтъ, † 1880 г., т. LXV, 855, т. LXVI, 70[illegible] т. LXVII, 285, 652, т. LXVIII, 560.
Глинка, витебск. полиціймейст. 183[illegible] т. LXVII, 676.
Глинка, капит. 1855 г., т. LXV, 561
Глинка-Мавринъ, Борисъ Григорьев., ген.-ад., т. LXVI, 261.
Глинская, помѣщица 1790 г., т. LXV, 78[illegible]
Глушкова, Н. Ив., рожд. Жиркевич, т. LXVII, 705.
Глушковъ, чиновн. 1836 г., т. LXVII, 232, 242, 263, 265, 272, 676.
Глѣбова-Стрѣшнева, см. Бреверн.
Глѣбовъ-Стрѣшневъ, т. LXV, 75.
Глѣбовъ, Ив. Тимоѳеев., профес., вице-президент. спб. медиц.-акад. 1860 г., т. LXVI, 231, т. LXVIII, 405, 407.
Глѣбовъ, стихотворецъ, т. LXVIII, 520.
Гнѣдичъ, Никол. Ив., писат., † 1833 г., т. LXVII, 388, 389, 393, 394, 395, 39[illegible]
Гогель, Г. Г., т. LXVIII, 305.
Гогель, Өед. Григорьев., генер. 1822 г., т. LXV, 715.
Гогель, камеръ-пажъ, т. LXV, 846.
Гоголь, Елис. Васильевна, т. LXV, 55[illegible]
Гоголь, Никол. Васильев., писат., род. 1809 г., † 1852 г., т. LXV, 48, 49, 3[illegible] 387, 407—427, 587, 641, 642, 644, 64[illegible] 647, 648, 649, 850—856, т. LXVI, 2[illegible]

30, 31, 47, 287, 639—656, т. LXVII, 157, 195-212, 279-291, 332, 473, 648, т. LXVIII, 12, 274, 302, 306, 353—364, 603, 606, 655—664, 765.

Голенищевъ-Кутузовъ, Мих. Иллар., см. **Кутузовъ**.

Голенищевъ-Кутузовъ, спб. ген.-губ., т. LXVI, 707.

Голицына, княг., Евдокія Мих., рожд., Нарышкина, т. LXVIII, 26.

Голицына, княгиня, т. LXVII, 207.

Голицынъ, кн., Александръ Мих., вице-канцл., р. 1723 г., † 1807 г., т. LXVIII, 304.

Голицынъ, кн., Александръ Никол., мн-ръ духовн. дѣлъ и просвѣщ., р. 1773 г., † 1844 г., т. LXV, 351, 353, 843, т. LXVI, 162, т. LXVII, 264, 265, т. LXVIII, 509—512.

Голицынъ, кн., Борисъ Алексѣев., т. LXVIII, 240, 241, 242, 245, 246, 247, 257, 258.

Голицынъ, кн., Вас. Васильев., † 1713 г., т. LXV, 575, т. LXVIII, 239, 240, 242, 245, 247.

Голицынъ, кн., В. Д., фл.-ад. 1845 г., т. LXVII, 181.

Голицынъ, кн., Дм. Владим., моск. ген.-губ., р. 1771 г., † 1843 г., т. LXVI, 180.

Голицынъ, кн., Дм. Мих., стольникъ 1710 г., т. LXVIII, 443.

Голицынъ, кн., Ив. Александр., т. LXV, 714.

Голицынъ, кн., Л. Л., губ. предвод. дворянства, предсѣд. сарат. губернск. ученой архив. комис. 1889 г., т. LXVIII, 559, 569.

Голицынъ, кн., М. П., фл.-ад. 1850 г., т. LXVII, 181.

Голицынъ, кн., Николай Серг., ген.-отъ-инф., р. 1809 г., іюня 16-го, профес воен. исторіи въ воен. акад. съ 1834 по 1848 г., сообщ.: „Бой при Иденсальми въ Финляндіи 15-го окт. 1808 г.", т. LXV, 99—103; „Тѣлесныя наказанія въ Россіи и ихъ отмѣна", томъ LXVI, 73—83; „Русскіе солдаты въ прусской службѣ 1713—1817 г.", 125—132; „Замѣтки изъ воспоминаній кн. Н. С. Голицына", 706—712; „Къ исторіи С.-Петербурга и его наводненій 1703—1890 г.", т. LXVIII, 221—227; „Очерки и воспоминанія: 1. Янтарная комната больш. Царскосельскаго дворца; 2. Необыкновенный исправникъ 1820-хъ гг.; 3. Два событія изъ моей жизни, 1848—1849 и 1865—1869 гг.", 365—381; „Наводненіе 7-го ноября 1824 г. въ Петербургѣ", 535—540; упом. 461, 476.

Голицынъ, кн., Петръ Алексѣевичъ, т. LXVIII, 444.

Голицынъ, кн., Сергѣй, авторъ стихотворенія къ г-жѣ Андро, томъ LXVII, 388, 396.

Голицынъ, кн., Серг. Мих., предсѣд. московск. опек. сов., вносл. попеч. моск. учебн. окр. съ 1830—1835 гг., т. LXV, 810, т. LXVII, 290, 291, 413.

Голицынъ, кн., Серг. Павл., чл. редакц. комм., † 1888 г., т. LXV, 873.

Голицынъ, кн., генер. 1774 г., т. LXVI, 113.

Голицынъ, князь, ротмистръ 1810 г., т. LXVII, 26.

Голицынъ, кн., прапорщикъ † 1855 г., т. LXV, 757.

Голицынъ, кн., русск. послан. въ Берлинѣ 1733 г., т. LXVI, 127.

Голицынъ, кн., Мих. Алексѣев., шутъ, обвѣнч. въ ледяномъ домѣ, т. LXVI, 711.

Голицынъ, кн., Өирсъ, т. LXV, 66.

Голицыны, князья, т. LXVIII, 236.

Голландъ, пѣвецъ, т. LXVI, 19.

Головачева, А., т. LXVIII, 773.

Головачева, Авд. Як., см. Панаева.

Головачевъ, А., писат. 1876 г., томъ LXVIII, 773.

Головинскій, Игнатій, архіеп. могилевскій 1853 г., писатель, т. LXV, 390, 630, т. LXVI, 27, 164, 381—391, 631.

Головинъ, Е. А., докт., его очеркъ: „Сергѣй Петровичъ Боткинъ, † 12-го декабря 1889 г.", т. LXVI, 229—238.

Головинъ, Евг. Александр., ген., главноком. кавказск. арміею 1831 г., т. LXVI, 333, 358, т. LXVIII, 513.

Головинъ, Өед. Алексѣев., т. LXVIII, 258.

Головинъ, ген.-м. 1890 г., т. LXVI, 240.

Головинскій, Н. А., доцентъ казанск. унив., т. LXVI, 472.
Головкинъ, об.-камерг. 1839 г., т. LXV, 327.
Головкинъ, гр., Александръ, послан. при прусск. дворѣ 1717 г., т. LXVIII, 366.
Головкинъ, гр., Гавр. Ив., канцлеръ, т. LXVII, 223, т. LXVIII, 8.
Головкинъ, Гавр., постельничій 1682 г., т. LXVIII, 242, 247, 248.
Головкинъ, графъ, Юрій Александръ, † 1846 г., т. LXVII, 222, 223.
Головнинъ, Александръ Вас., ст.-секрет., р. 1821 г., † 1886 г., т. LXV, 281, 428, т. LXVIII, 691.
Головнинъ, чл. перм. архивн. комис. 1890 г., т. LXVIII, 557.
Голомбіевскій, А. А., архивистъ, чл. сарат. губернск. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 558.
Голохвастовъ, Д. П., т. LXVIII, 423—437.
Голохвастовъ, П. П., т. LXVIII, 423—437.
Голохвастовы, т. LXVIII, 423—437.
Голубева, Александра Егоровна, въ зам. Котляревская, т. LXVII, 533, 548.
Голубевъ, протоіерей, † въ 1820-хъ гг., т. LXVII, 532.
Голубевы, т. LXVII, 533.
Голубинскій, т. LXVI, 652.
Голубцевъ, т. LXVIII, 564.
Голый, Никита, атаманъ 1710 г., т. LXVIII, 443.
Голынская, см. Браницкая, гр-ня.
Гольдгоеръ, ген.-м., команд. Павловск. полка 1852 г., т. LXVI, 490.
Гольдгоеръ, Ѳед. Григ., ген., директ. Царскосельск. лицея 1825 г., т. LXV, 839, 840, 842, 846, 847, т. LXVI, 238.
Гольденбергъ, М., писат., т., LXVIII, 770.
Гольдъ, Е. Р., офиц. 1811 г., т. LXVII, 37.
Гольмдорфъ, Мих. Густавов., ген.-м. 1890 г., т. LXVI, 240, 243, 246, 248, т. LXVII, 14—16.
Гольштинскій, принцъ, полковн. 1737 г., т. LXV, 118.
Фонъ-Гольштейнбекъ, герцогъ, генер.-лейт., т. LXVI, 484.
Гонаропуло, бѣлостокскій губернаторъ 1837 г., т. LXVII, 691.
Гонгардтъ, атаманъ новороссійск. каз. войска 1869 г., т. LXV, 556.
Гончарова, Наталья Николаевна, въ зам. Пушкина, † 1863 г., т. LXVII, 387.
Гончаровъ, Ив. Александр., писатель, р. 1811 г., т. LXVI, 589, 635, т. LXVII, 607, 643, т. LXVIII, 167, 171, 274, 594, 759—761.*
Гончаровъ, Михаилъ, сообщ.: „Полковникъ Сабошинскій 1854 г.“, т. LXVI, 609.
Горбуновъ, Ив. Ѳедор., артистъ, том. LXVIII, 66, 138.
Гордонъ, Петръ, генер. 1695 г., т. LXVIII, 246.
Гордѣевъ, полковн. 1854 г., т. LXV, 677.
Горловъ, профес. 1858 г., т. LXVII, 614, 616, т. LXVIII, 141.
Горностаевъ, академикъ, архитекторъ, т. LXVIII, 323.
Городецкій, Сем. Васильев., т. LXV, 606.
Городцовъ, В. А., т. LXVIII, 561.
Горскинъ, Ив. Никол., т. LXVIII, 73.
Горскій, профессоръ, т. LXVIII, 304.
Горчакова, княжна, Лидія Алексѣевна, въ зам. кн-ня Бобринская, † 1826 г., т. LXVI, 223.
Горчаковъ, кн., Александръ Мих., госуд. канцл., р. 1798 г., † 1883 г., т. LXV, 291, 498, 861, томъ LXVII, 610, 624, т. LXVIII, 180, 397.
Горчаковъ, кн., Мих. Дм., ген.-ад., р. 1792 г., † 1861 г., т. LXV, 89, 570, 572, 573, 574, 675, 676, 744, 745, 750, 751, 752, 754, 861, т. LXVI, 95, 97, 156, 157, 172, 594, 698, т. LXVII, 40, 181, 182, 183, 194, 642, т. LXVIII, 152, 154, 542—544, 665, 667, 676.
Горчаковъ, М. И., протоіерей, профес., т. LXVII, 529, 530.
Горчаковы, князья, т. LXVII, 646.
Готовскій, ген.-маіоръ, 1824 г., т. LXV, 122.
Гофманъ, Э. К., профессоръ, 1846 г., т. LXVI, 532.
Гофманъ, пѣвецъ, т. LXVI, 19.
Гохъ, Андрей Ив., т. LXVIII, 5.

Грабе, † 1843 г. (убитъ на Кавказѣ), т. LXVI, 647.
Граббе, полковн. 1825 г., т. LXVIII, 490.
Граббе, ген.-ад. 1862, † 1863 г. въ Польшѣ, т. LXVI, 300, 501.
Грабовская, гр-ня, т. LXV, 31.
Грабовскій, гр., мн-ръ духов. дѣлъ и пар. просв. Ц. Польск. 1830 г., т. LXV, 23, 32.
Грабовскій, гр., воевода 1830 г., т. LXV, 23.
Градовскій, А. Д., профес., т. LVIII, 769.
Граевъ, ученый 1881 г., т. LXV, 244.
Грановскій, Тимоѳ. Никол., профес., † 1855 г., т. LXV, 246, 637, 641, т. LXVI, 295, 631, т. LXVII, 364, т. LXVIII, 56, 72, 281.
Грачевъ, Георг. Ив., художн.-граверъ, т. LXVI, 466, 685, 694.
Гребенщиковъ, бывшій восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
Гревингкъ, К. И., профес., т. LXVI, 531.
Грейберъ, офиц. 1856 г., т. LXVI, 589, 590, 596, 601.
Грейгъ, адъют. 1854 г., впослѣд. министръ фин., чл. госуд. совѣта, т. LXV, 656, 657, 659, 660, 667, т. LXVI, 54, 65, 66, 595.
Греффе, окулистъ, т. LXVIII, 172.
Грефъ, Богданъ Христіанов., т. LXVII, 562, 563.
Гречъ, Николай Ив., писат., р. 1787 г., † 1867 г., т. LXV, 53, т. LXVI, 186, 287, 291, 706, 707, т. LXVII, 155, 412, т. LXVIII, 147, 305.
Гржимайло, Францъ, каштелянъ Ц. Польскаго 1830 г., т. LXV, 24, 684, 694.
Грибоѣдовъ, Александръ Серг., писатель, р. 1795 г., † 1829 г., т. LXVI, 712, т. LXVII, 157, т. LXVIII, 760, 766.
Грибоѣдовъ, офиц. 1814 г., т. LXVII, 23.
Григорій Комненъ, т. LXV, 797.
Григоровичъ, Дм. Вас., писат., т. LXVII, 643, т. LXVIII, 274.
Григоровичъ, Николай Ив., чл. археграф. комм., † 1888 г., т. LXVIII, 304, 307.
Григорьевъ, Вас. Вас, профес., оріенталистъ, нач. главн. управл. по дѣламъ печати, т. LXV, 344, 345.
Гриммъ, бар., Фридр. Мельхіоръ, корреспонд. Екатерины II, род. 1723 г., † 1807 г., т. LXV, 772, т. LXVIII, 217.
Гриммъ, воспитат. цесаревича Николая Александровича, 1858 г., т. LXVII, 601, 618, т. LXVIII, 613.
Гриммъ, профес., т. LXV, 741.
Гриммъ, камерд. имп. Николая I, т. LXVI, 70.
Гринвальдъ, Г. А., т. LXVI, 70.
Гринъ, прапорщ. 1830 г., LXVIII, 123.
Громека, С. С., писатель-публицистъ, потомъ губернат. Сѣдлецк. губ. 1864 г., т. LXVI, 721, т. LXVII, 622.
Громмъ, юнкеръ, † 1855 г., т. LXV, 758.
Гротгусъ, офиц. 1854 г., т. LXVI, 56, 57, 58.
Гротъ, Конст. Карлов., статсъ-секрет., чл. госуд. сов., д. тайн. сов., т. LXV, 874, 879, 880.
Гротъ, Яковъ Карлов., д. тайн. сов., вице-президент. императ. акад. наукъ, сообщ. «Александръ Сергѣев. Пушкинъ. Письмо его къ лицейскому товарищу Вл. Дм. Вольховскому», т. LXV, 104, прим. 652, т. LXVI, 135, т. LXVII, 373, т. LXVIII, 303, 766.
Гротъ, секр. констант. миссіи, т. LXV, 665.
Грубе, А., педаг.-математикъ, 1868 г., т. LXVIII, 628.
Грудзинская, гр — ня, см. **Ловичъ**, княгиня.
Грушецкій, подпоруч. 1830 г., т. LXV, 716.
Грюнбергъ, Варвара Богдан., † 1869 г., т. LXV, 252.
Грюнбергъ, Изабелла Львов., т. LXV, 626.
Грюнбергъ, Юлія Львов., въ зам. Тюрина, піанистка, т. LXV, 626, т. LXVI, 628.
Грюнбергъ, пѣвица, т. LXVII, 596, 620.
Грюнбергъ, докт., т. LXV, 626.
Губаревы, т. LXVIII, 412.
Губе, т. LXV, 644.
Губеръ, писатель-поэтъ, † 1847 г., т. LXV, 376.

Гудимъ-Левковичъ, помѣщ. 1837 г., т. LXVII, 696.
Гудовичъ, гр., т. LXVI, 265.
Гулакъ, профес., т. LXV, 377.
Гумбольдъ, бар. Александръ, ученый, т. LXV, 31, 223—225, т. LXVI, 21, 22, 254, 258, 507, 508, 513, 514, 536—561.
Гурбантъ, капит. 1828 г., т. LXVIII, 104, 105, 106.
Гурко, Владим. Александр., генер.-ад., варшавск. ген.-губ., т. LXV, 654, томъ LXVI, 414, 422, 436.
Гурко, Іосифъ Александр., т. LXV, 63, 241.
Гуровскій, офиц. 1830 г., т. LXV, 29.
Гурьевъ, Ив. Тихонов., † 1771 г., томъ LXV, 582.
Гурьевъ, С. В., горн. инж. 1845 г., томъ LXVI, 260, 261, 507.
Гурьевъ, при посольствѣ во Франціи. 1806 г., т. LXV, 156.
Гурьевъ, помѣщикъ 1858 г., т. LXVII, 603.
Гусева, актриса, † 1854 г., т. LXVI, 33.
Гусевъ, прапорщ. 1783 г., т. LXV, 780.
Гусятникова, Марья Петровна, въ зам. Майкова, т. LXV, 304.
Гусятникова, купчиха, т. LXV, 303.
Гюбенталь, ст. сов. 1836 г., т. LXVII, 227, 228, 240, 242, 260, 264, 265.

Дабижа, кн., Вас. Дмитр., сообщ. «О сооруженіи памятника императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ», т. LXV, 123—124, т. LXVIII, 382.
Давидъ, царь грузинскій, т. LXVII, 496, 498.
Давидъ Святославичъ, кн. Черниговскій, † 1105 г., т. LXV, 882.
Давыдова, Ольга Дм., въ зам. княгиня Долгорукова, т. LXV, 102.
Давыдовъ, Денисъ Васильев., ген.-лейт., писат.-поэтъ, род. 1784 г., † 1839 г., т. LXV, 130, 681, т. LXVI, 486, т. LXVIII, 302, 305.
Давыдовъ, Ив. Ив., директ. педаг. инст. 1847 г., академикъ, т. LXV, 54, 379, 399, 405, 634, 635, 638, 649, т. LXVI, 45, 275, 284, 288, 289, 615, 616, 617, 618, 685, 686, 687, 689, 691, т. LXVII, 147, 151, 153, 158, 372, 373, 377, 587, 589, 596.
Давыдовъ, Ѳ. И., чиновн. 1825 г., т. LXVI, 168, 169.
Давыдовъ, ген. 1835 г., т. LXVII, 115.
Давыдовъ, ген.-маіоръ 1890 г., т. LXVI, 240.
Давыдовъ, кн., 1851 г., т. LXVIII, 657, 658, 651.
Давыдовъ, помѣщ. 1808 г., т. LXVII, 16.
Давыдовъ, сенат. 1849 г., т. LXVIII, 361, 362.
Дадьянъ, кн., т. LXVII, 107, 108.
Даль, Владим. Ив., писатель, т. LXV, 386, т. LXVII, 375, 584.
Даль, профес. 1850 г., т. LXV, 235, 374.
Дандре, Левъ, бывш. воспит. Конст. воен. училища, вып. 1880 г., т. LXVI, 239.
Данненбергъ, генер. 1858 г., т. LXVII, 580, 594.
Данзасъ, ген.-маіоръ 1800 г., т. LXVI, 139.
Данзасъ, К. К., тамбовск. губ. 1863 г., т. LXVII, 186.
Данилевскій, А. С., т. LXVII, 289.
Данилевскій, Г. П., писатель-романистъ, т. LXVII, 356, LXVIII, 261, 273, 276, 761, 765.
Данилевскій, физіологъ 1888 г., т. LXV, 245.
Даниловичъ, Григ. Григ., ген.-ад., бывш. директ. 2-го кад. корп., съ марта мѣсяца 1877 г. воспит. Е. И. В. Государя наслѣдника цесаревича, т. LXVI, 243, 247, 248.
Даниловъ, Ив. Дан., сенат., т. LXVIII, 304.
Данненбергъ, генер. 1854 г., т. LXV, 672, 673, 674, т. LXVI, 53.
Дашкова, княг., Екат. Романовна, урожд. Воронцова, статсъ-дама, р. 1743 г., † 1810 г., т. LXV, 98.
Дашковъ, В. А., т. LXVI, 694.
Дашковъ, Д. В., мн-ръ юстиц. 1825 г., т. LXV, 48, т. LXVII, 75, 86, 156.
Дашковъ, Д. Д., чл. рязан. учен. архив. коммис. 1889 г., т. LXVIII, 558.

Дашковъ, студ. спб. унив. 1858 г., т. LXVII, 592.
Двигубскій, Ив. Алекс., профес. и ректор. московск. унив. 1825 г., т. LXVI, 689.
Дебольскій, писатель, т. LXVIII, 357.
Девицъ, генер., 1737 г., т. LXV, 118.
Девятнина, Е. Н., т. LXVI, 326.
Дегай, т. LXV, 385, 400, 401.
Деденевъ, Мих., кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
Дейкунъ, И. Л., т. LXVII, 378.
Деклуазо, ученый, т. LXVI, 270.
Деконскій, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 122.
Делакроа, маіоръ 1865 г., т. LXVI, 666, 667, 668.
Деларю, воспит. царскос. музея, 1820 г., т. LXV, 837.
Деллингсгаузенъ, бар., поруч. 1857 г., т. LXVII, 164.
Дельвигъ, бар., Антонъ Антонов., писат., род. 1789 г., † 1831 г., т. LXVI, 678.
Дельвигъ, бар., прапорщ. 1828 г., т. LXVIII, 87, 112, 123.
Деляновъ, графъ Иванъ Давыдовичъ, т. LXVII, 596, 607, т. LXVIII, 285, 286, 287.
Дембекъ, каноникъ 1830 г., т. LXV, 24.
Демедемъ, генер. 1774 г., т. LXVI, 113.
Демидовъ, Н. А., т. LXVIII, 563.
Демидовъ, Никол. Ив., генер. 1828 г., т. LXVIII, 86, 101, 108, 109, 513.
Демидовы, т. LXV, 610.
Демьяновичъ, полковн. 1890 г., т. LXVI, 239.
Денисьевъ, ген.-м. 1835 г., т. LXVII, 69.
Денъ, Александръ Ив., т. LXV, 60.
Денъ, Анна Александр., рожд. Вонлярская, т. LXVII, 193, 194.
Денъ, Влад. Ив., флиг.-адъют., потомъ ген.-лейт. сенат., р. 1823 г. † 1888 г., его Записки 1823—1868 гг., т. LXV, 55—90, 551—574, 655—680, т. LXVI, 49—71; 299—324, 577—608, т. LXVII, 161—194, упом. т. LXV, 242, 496, 541—545, 744, 754, т. LXVI, 184, т. LXVII, 439—442, т. LXVIII, 481—484.
Денъ, Ив. Ив., т. LXVI, 303.
Денъ, Ив. Ив., кап. 1812 г., впослѣдствіи генер., инженеръ, т. LXV, 61.
Денъ, Ив. Самойлов., поруч. 1770 г., т. LXV, 60.
Денъ, К. Н., шт.-кап. 1835 г., т. LXVI, 318.
Денъ, Марья Влад., т. LXV, 59.
Денъ, Никол. Ив., инжен.-ген., т. LXV, 658, т. LXVI, 578.
Денъ, Ольга Владим., т. LXV, 59.
Денъ, Самойлъ, тайн. сов., през. юстицъ-коллегіи, т. LXV, 59, 60.
Денъ, Өед. Ив., т. LXV, 658.
Денъ, педагогъ 1830 г., т. LXVI, 207.
Депрерадовичи, т. LXVIII, 731
Депрерадовичъ, генер.-ад. 1820 г., т. LXV, 843, т. LXVIII, 538.
Депрерадовичъ, д. ст. сов., витебск. вице-губерн. 1890 г., т. LXVIII, 731.
Фонъ-Дервизъ, т. LXVII, 693.
Фонъ-Дервизъ, т. LXVII, 229.
Державинъ, Гавр. Романов., писатель-поэтъ, р. 1743 г., † 1816 г., т. LXV, 309, 310, т. LXVI, 135, 289, т. LXVII, 388, 485, 616, т. LXVIII, 139, 304, 756.
Дерфельденъ, генер., т. LXVI, 732.
Дерфельденъ, Отто, генер. 1790 г., т. LXVI, 144.
Деспотъ-Зеновичъ, Алексѣй Иванов., тобольск. губернат. 1864 г., тайн. сов., нынѣ сенаторъ, т. LXVIII, 7, 458.
Дестуннисъ, Гавр. Спирид., т. LXVIII, 289.
Дешевой, Н. А., чл. рязан. учен. коммис. 1889 г., т. LXVIII, 568.
Дзіалынскій, т. LXV, 29.
Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Иван. фельдм., р. 1785 г., † 1831 г., т. LXV, 681, 843, т. LXVII, 53, т. LXVIII, 123, 471, 472, 491, 492.
Дивовъ, Н. А., чл. рязан. учен. архив. коммис. 1889 г., т. LXVIII, 559.
Дикъ (Толстой), т. LXVII, 644.
Димитревскій, восп. саратовск. семин. 1842 г., т. LXVII, 556, 557.
Димитрій, царевичъ, т. LXVIII, 302.
Дидрихсъ, Ѳ. К., директ. паж. корпуса 1890 г., т. LXVI, 480.

Дихеусъ, А. Б., ген., т. LXVIII, 472.
Дмитріева, Анна Карл., рожд. Комстадіусъ, т. LXVI, 85.
Дмитріева, В., писательн. 1885 г., томъ LXVIII, 761.
Дмитріева-Мамонова, графиня, Марія Александр., т. LXVI, 178.
Дмитріевъ, А. А., предсѣд. пермск. учен. архивн. коммис. 1890 г., т. LXVIII, 557, 571.
Дмитріевъ, Ив. Ив., министръ юстиціи, баснописецъ, род. 1760 г., † 1837 г. т. LXV, 309, т. LXVII, 75, 88, LXVIII, 302, 303.
Дмитріевъ, Ив. Ив., писат., р. 1760 г., † 1837 г., т. LXVI, 678—680, т. LXVII, 450.
Дмитріевъ, Н. А., горн. инж. 1845 г., т. LXVI, 525.
Дмитріевъ, офиц. 1812 г., т. LXVII, 47.
Дмитріевъ, флотск. офиц. 1855 г., т. LXVI, 96.
Дмитріевъ-Мамоновъ, Н. А., сообщ.: «Графъ Матвѣй Александров. Дмитріевъ-Мамоновъ», т. LXVI, 175—184.
Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Александръ Матв., ген.-ад. 1789 г., т. LXVI, 177, 184.
Дмитріевъ-Мамоновъ, графъ Матвѣй Алексдр., т. LXVI, 175—184.
Дмитріевъ-Мамоновъ, Александръ Ив., т. LXVI, 182.
Дмитріевскій, Ив. Ив., кол. сов. 1821 г., т. LXVI, 681.
Дмитріевскій, Ив. Аѳанасьев., писатель, р. 1736 г., † 1821 г., т. LXVI, 680, 681.
Дмитрій Михайловичъ «Грозныя Очи», кн. Тверской, † 1326 г., т. LXVIII, 562.
Дмитрій, св., кн. Ростовскій, т. LXVIII, 731.
Доброгайскій, Домазій, т. LXV, 694.
Доброгайскій, капит. 1831 г., т. LXV, 696.
Добролюбовъ, И. В., чл. рязанск. учен. архивн. ком., т. LXVIII, 568.
Добролюбовъ, Н. А., писат., т. LXV, 240, т. LXVI, 452, т. LXVIII, 414, 610.
Доброславинъ, А. П., профес., т. LXVIII, 770, 772.
Добротворскій, Н., писат. 1885 г., т. LXVIII, 770.
Добрынинъ, Ив. Ив., свящ., т. LXVIII, 29, 30.
Докучаевъ, профес., т. LXV, 246.
Долбня, матем. 1888 г., т. LXV, 245.
Долгорукая, княжна, Елена Павл., см. Фадѣева.
Долгорукій, кн., В. А., т. LXVII, 361, 376.
Долгорукій, кн., Николай, гофмар. 1839 г., т. LXV, 329, 334, 335, 336.
Долгорукій, ген., 1805 г., т. LXVIII, 212.
Долгорукова, княжна, Анна Сергѣевна, перв. начальница Смольнаго монаст., † 1778 г., т. LXV, 814.
Долгорукова, княг., А. С., см. Лаптева.
Долгорукова, княг., Варвара Ив., см. Пашкова.
Долгорукова, княг., Ольга Дм., см. Давыдова.
Долгоруковъ, кн., Васил. Андреев., воен. мн—ръ, т. LXV, 71, 85, 86, 585, 657, 859 — 861, т. LXVI, 53, 70, т. LXVII, 591, 610, т. LXVIII, 152, 154, 613, 683, 686.
Долгоруковъ, кн., Владим. Петр., генмаіоръ, † 1817 г., т. LXV, 102.
Долгоруковъ, кн., Мих. Петров., генмаіоръ и ген.-ад., † 1808 г., т. LXV, 100—103.
Долгоруковъ, кн., Петръ, кадет. 1731 г., т. LXVI, 352.
Долгоруковъ, кн., Петръ Владим., составит. родослов., писатель, р. 1816 г., † 1860 г., т. LXV, 101, 102, 814, 820, т. LXVI, 222, т. LXVII, 645.
Долгоруковъ, кн., Петръ Петров., генмаіоръ, ген.-ад., р. 1777 г., † 1806 г., т. LXV, 102.
Долгоруковъ, кн., Петръ Петров., генотъ-инф., р. 1747 г., † 1815 г., т. LXV, 102.
Долгоруковъ, кн., Яков. Ѳед., сподвижникъ Петра Великаго, т. LXVIII, 366.
Долгоруковъ, кн., витебск. губернат. 1890 г., т. LXVIII, 732.

Долгоруковъ, кн., капит. 1824 г., т. LXVII, 213—215.
Долгорукой, Даніилъ Тимоѳ., шутъ, т. LXVIII, 255.
Долгорукой, кн., маіоръ 1704 г., т. LXVIII, 443.
Долгорукой, кн., спб. коменд. 1798 г., т. LXVIII, 4.
Долгоруковы, князья, т. LXV, 101, 814.
Доликовъ, полковн. 1837 г., т. LXVII, 680.
Домбровская, танцовщица 1830 г., т. LXV, 25.
Домбровскій, витебск. вице-губернат. 1836 г., т. LXVII, 232, 242, 250, 251, 253.
Домбровскій, маіоръ 1846 г., т. LXVI, 695.
Домонтовичъ, г-жа, т. LXV, 880.
Домонтовичъ, Ив. Ив., тайн. совѣтн., гласный спб. думы, т. LXVI, 26, т. LXVII, 601.
Домонтовичъ, Конст. Ив., чл. редакц. комис. 1860 г., сенаторъ, т. LXV, 281, 873, 875, 876, 877, 880.
Домонтовичъ, Мих. Алексѣев., ген.-м. 1876 г., т. LXVI, 421.
Дондуковъ, кн., 1774 г., т. LXVI, 118.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн., А. М., т. LXVI, 307.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн., Алекс. Мих., генер.-адъют., комисс. въ Болгаріи 1879 г., нынѣ членъ госуд. сов., т. LXVI, 421.
Дондуковъ-Корсаковъ, князь, Мих. Александр., попеч. спб. учебн. окр., т. LXV, 38, 405.
Донская, жена офиц. 1812 г., т. LXV, 8.
Донской, подпор. 1812 г., т. LXVII, 42.
Дороговъ, художн., т. LXV, 621.
Достоевскій, Ѳедоръ Мих., писатель † 1881 г., т. LXV, 408, 543, т. LXVII, 648, т. LXVIII, 715, 767.
Дохтуровъ, Д. С., т. LXVIII, 305.
Дошанская, Елис. Ив., сообщ.: «Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій въ 1822—1846 гг.», т. LXVI, 365—380.
Драве, купецъ, т. LXVIII, 314, 315.
Драгомировъ, Мих. Ив., ген.-ад., всен. писатель, т. LXVI, 246, 247, 248, 481.
Драшусовъ, цензоръ 1860 г., т. LXVI, 276, т. LXVIII, 391.
Дренякинъ, А. М., фл.-ад. 1850 г., т. LXVII, 182.
Дриновъ, М. С., профес. 1876 г., т. LXVI, 426, 428.
Дровецкій, флотск. офицеръ 1854 г., т. LXVI, 93, 96.
Дружининъ, Александръ Вас., писат., † 1864 г., т. LXV, 652, т. LXVI, 634, т. LXVII, 329—359, 577, 615, 616, 643, т. LXVIII, 137, 146, 155, 171.
Дружининъ, П. Д., т. LXVIII, 563.
Друцкой-Любецкой, кн., Ксаверій, мн—ръ финанс. Царст. Польск. 1831 г., т. LXVI, 381.
Друцкой-Соколинскій, кн., т. LXVII, 386.
Дубасовъ, И. И., предсѣд. тамб. учен. архивн. коммис. 1889 г., т. LXVIII, 568.
Дубельтъ, Леонтій Васильев., ген.-лейт., нач. штаба корп. жандарм., т. LXV, 40, 53, 226 — 228, 379, 383, 385, 392, т. LXVI, 4, 46, 172—174, 623, т. LXVII, 106, 107, 293, 295, 296, 298, 299, 300, 301, 302, 304, 305, 306, 307, 316, т. LXVIII, 147, 361, 376, 377, 378, 475.
Дубельтъ, Мих. Леонт., флиг.-адъют., нынѣ ген.-лейт., сообщ.: «Къ разсказу Н. Н. Жеденова, эпизодъ 1848 г.», т. LXVIII, 475, 477, 479.
Дубенскій, протоіерей, т. LXV, 812.
Дубовицкій, П. А., дир. мед.-хир. акад. 1856 г., т. LXVI, 231, 232.
Дубровинъ, А. А., т. LXVII, 552.
Дубровинъ, полковн. 1852 г., т. LXVI, 395, 400, 402, 406, 407.
Дубровинъ, Ник. Ѳедор., академикъ, писатель, генер.-лейт., род. 1836 г., т. LXVI, 240, 243, т. LXVII, 511, 523, т. LXVIII, 754.
Дубровскій, т. LXVIII, 145.
Дуве, генер., 1850 г., т. LXVIII, 717.
Дудинскій, полковн., команд. Самарск. полка 1864 г., т. LXVIII, 481, 483.
Дудышкинъ, Степ. Степанов., писат., т. LXVII, 577, 607.
Думковъ, художн., т. LXVIII, 230.

Думновъ, В. В., т. LXVII, 559.
Дунинъ, Анастасій, т. LXV, 682, 694.
Дунинъ-Борковскій, т. LXV, 883.
Дурасовъ, флотск. офицеръ 1848 г., т. LXVI, 85.
Дурасовъ, Мих., т. LXV, 548.
Дурасовъ, Н. Н., чл. рязанск. учен. архивн. комм. 1889 г., т. LXVIII, 561.
Дурнова, А. П., т. LXVI, 656.
Дурова (Александровъ), Надежда Андреевна, кавалеристъ-дѣвица, писательница, р. 1790 г., † 1863 г., т. LXVII, 47, 657—666.
Дуровъ, Василій Андреев., т. LXVII, 665, 666.
Духовниковъ, Флегонтъ Васильевичъ, бывшій преподаватель, нынѣ книгопродавецъ, сообщ.: «Николай Гаврилов. Чернышевскій. Его жизнь въ Саратовѣ», т. LXVII, 531—568.
Дышлевскій, прапорщикъ 1828 г., LXVIII, 87.
Дьякова, Екат. Андреевна, рожд. Вейссъ, т. LXVII, 228.
Дьяковъ, Петръ Никол., витебск. ген.-губ. 1835 г., т. LXVII, 122, 225—276, 670—701.
Дьяконовъ, А. Н., чл. таврич. учен. арх. коммис. 1889 г., т. LXVIII, 570.
Дьяконовъ, П. А., чл. тамбовск. учен. архивн. коммис. 1889 г., т. LXVIII, 554, 557, 561, 568.
Дьяченко, профес., т. LXVI, 207.
Дѣевъ, т. LXV, 312.
Дюгамель, О. О., сенаторъ, т. LXV, 820, 821.
Дюгамель, чиновн. 1854 г., т. LXVI, 278.
Дюккертъ, т. LXV, 30.
Дюпре, пѣвецъ, т. LXVI, 266, 267, 270.
Дюшенъ, офиц. 1808 г., т. LXVII, 18.

Евгеній Болховитиновъ, митрополитъ кіевскій, т. LXV, 362, 363, т. LXVI, 438, т. LXVIII, 303, 304, 316.
Евгеній, архіепископъ псковскій, томъ LXVIII, 579.
Евгеній, еписк. астрах. и енотаевск. 1889 г., т. LXVIII, 559.
Евдокимова, гр-ня, Александра Александровна, т. LXV, 489, 490.
Евдокимовъ, Викторъ Иван., капитанъ 1857 г., т. LXVI, 404.
Евдокимовъ, гр., Николай Иван., генадъют., род. 1804 г., † 1873 г., т. LXV, 461—496.
Евдокимовъ, Н. А., чл. орловск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 559.
Евреиновъ, А., т. LXVI, 201.
Евреиновъ, Никол. Ив., невѣльск. уѣзд. предв. двор. 1867 г., т. LXVIII, 631, 644.
Евсевій, еписк. иркутскій 1848 г., томъ LXV, 126, 127.
Евфимій, епископъ саратовскій, томъ LXVII, 543.
Егоровъ, ученый 1881 г., томъ LXV, 244—246.
Егуновъ, маіоръ 1840 г., т. LXV, 320.
Еверская, гр-ня, Юлія Павл., см. Бобринская, гр-ня.
Еверскій, гр., Владим. Иван., † 1856 г., т. LXVI, 224.
Екатерина I, т. LXVI, 126, т. LXVII, 644, т. LXVIII, 230, 307, 365—367.
Екатерина II, императрица, р. 1729 г., † 1796 г., т. LXV, 98, 149, 179, 206, 293, 295, 322, 331, 332, 337, 389, 543, 581, 595—599, 761—764, 771—776, 789, 809, 813, 814—820, 883, т. LXVI, 75, 76, 121, 135, 140, 144, 158, 160, 177, 184, 672, 674, 688, 710, т. LXVII, 3, 4, 8, 64, 524, 612, 613, 622, 645, 650, 692, т. LXVIII, 1, 2, 8, 18, 218, 236, 286, 295, 301—308, 457, 518, 579, 719, 721, 723, 725, 727, 768.
Екатерина Алексѣевна, царевна, род. 1658 г., † 1718 г., т. LXVIII, 240.
Екатерина Павловна, великая княгиня, т. LXV, 103.
Елагина, Авд. Петр., т. LXVI, 652, т. LXVIII, 282.
Елагинъ, Иванъ Перфильевичъ, томъ LXVIII, 302.
Елагинъ, цензоръ 1853 г., т. LXV, 650, т. LXVI, 32, 624.
Елагины, т. LXV, 2, 8, 14.

Еланскій, В. Г., свящ., чл. саратовск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.
Елена Комненъ, т. LXV, 797, 798.
Елена Павловна, вел. княг., супруга вел. кн. Михаила Павловича, р. 1806 г., † 1873 г., т. LXV, 267, 328, 404, 626, т. LXVI, 47, 61, 275, 295, т. LXVII, 632.
Еленевъ, студ. московск. унив. 1847 г., т. LXVII, 283.
Елизаровъ, маіоръ 1737 г., т. LXV, 118.
Елисавета Алексѣевна, императрица, род. 1709 г., † 1761 г., т. LXV, 147, 153, 167, т. LXVI, 658, 684, т. LXVII, 24, 25, 389, т. LXVIII, 216.
Елисавета Михайловна, вел. княгиня, въ зам. герцогиня Нассауская, томъ LXVI, 155.
Елисавета Петровна, императрица, р. 1709 г., † 1761 г., т. LXV, 598, 811—819, т. LXVI, 75, 128—130, 682, 711, т. LXVII, 613, 614.
Елисѣевъ, Г. З., писат., т. LXV, 235.
Ельцъ, Ю. Л., шт.-ротмистръ 1890 г., т. LXVI, 500, 502.
Ельчаниновъ, прапорщ. 1830 г., томъ LXVIII, 123.
Ельчаниновы, т. LXVIII, 87.
Елычевъ, казацкій атаманъ, т. LXVIII, 299.
Емельяновъ, Ермолай, священ. 1781 г., т. LXV, 779.
Енохинъ, лейбъ-мед. 1858 г., т. LXVIII, 683.
Ергомышевъ, флотскій офиц. 1853 г., т. LXVI, 86, 87, 90, 92, 101.
Еремѣевъ, П. В., проф. 1869 г., томъ LXV, 605, т. LXVI, 472.
Ерличъ, Эдуардъ Осипов., елабужскій городничій 1840 г., томъ LXVII, 658, 659, 663—665.
Ермолаевъ, А. И., т. LXVIII, 304.
Ермолаевъ, Г. И., ген.-маіоръ 1890 г., т. LXVI, 240, т. LXVII, 22.
Ермоловъ, Александръ Иванов., томъ LXVIII, 336.
Ермоловъ, Алексѣй Петров., ген.-отъ-инфант., род. 1777 г., † 1861 г., томъ LXVI, 177, 358, 486, 501, т. LXVII, 107, 108, 383, т. LXVIII, 559.
Ермоловы, т. LXVIII, 559.
Еропкинъ, Ааронъ, епископъ, томъ LXVIII, 569.
Еропкинъ, Петръ Дмитр., ген.-аншефъ 1771 г., т. LXVIII, 304.
Еропкинъ, † 1828 г., т. LXVIII, 747.
Еропкинъ, подполковникъ 1854 г., томъ LXV, 665, 666.
Ерофеевъ, минералогъ 1888 г., томъ LXV, 245.
Ершовъ, т. LXVIII, 360, 362.
Ершовы, т. LXVIII, 357.
Есиповъ, полковн. т. LXVIII, 477, 478.
Ефимовскій, Андрей, кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
Ефимовскій, Иванъ, кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
Ефимовъ, полковн. 1810 г., т. LXVII, 27.
Ефремовъ, Петръ Андр., т. LXV, 593, т. LXVIII, 311.
Ешевскій, профес. 1858 г., т. LXVII, 618, 148, 151, 152, т. LXVIII, 752.

Жадовская, Юлія Валеріан., поэтесса, ея стихотв. «Героямъ Севастополя», т. LXVIII, 220, упом. 766.
Жакляръ, Анна Вас., рожд. Корвинъ-Круковская, т. LXVIII, 616, 646—648, 652, 713, 715.
Жандръ, генералъ 1825 г., томъ LXV, 22, 29.
Ждановичъ, драматич. артистъ 1830 г., т. LXV, 25.
Ждановъ, Семенъ Романов., сенаторъ, † 1864 г., т. LXVII, 188—192, 194, т. LXVIII, 481.
Жегулина, воспит-ца Смольнаго инст. 1797 г., т. LXVII, 420.
Жеденова, Елисавета Акимовна, томъ LXVII, 313.
Жеденовъ, Николай Львовичъ, † 1836 г., т. LXVII, 443.
Жеденовъ, Николай Николаевичъ, подполковникъ, † 1889 г., сообщ.: «Случай въ Петербургѣ въ 1848 году. Разсказъ бывшаго гвардейскаго офицера», томъ

LXVII, 293—316, упом. 443, 444, томъ LXVIII, 228, 475.
Жеденовъ, Петръ Николаевичъ, томъ LXVII, 296.
Жеденовъ, С. Н., сообщ.: «Флоры-Лавры. Изъ пензенской старины», т. LXVIII, 462—465.
Желиховская, В. П., т. LXVI, 188.
Желтовъ, Ф. А., т. LXVIII, 560.
Желтухина, Елисавета Николаевна, т. LXVIII, 34.
Желтухинъ, Алексѣй Дмитр., помѣщ. 1846 г., т. LXVIII, 34.
Желтухинъ, Алексѣй Дм., чл. редакц. комм., род. 1820 г., † 1865 г., т. LXV, 873, т. LXVIII, 34.
Желтухинъ, Дмитрій Алексѣев., томъ LXVIII, 34.
Желтухинъ, ген.-маіоръ, команд. л.-гв. Гренад. полка 1813 г., т. LXVI, 80.
Желтухинъ, ген.-маіоръ 1824 г., томъ LXV, 120, 398.
Желѣзновъ, Ив. Григорьев., спб. вице-губернаторъ съ 1827—1834 гг., томъ LXVI, 168.
Желѣзновъ, Ник. Иван., чл. редакц. комм., род. 1815 г., докт. ботан., акад., перв. директ. петровск. акад. съ 1865—1869 гг., † 1877 г., т. LXV, 873, томъ LXVIII, 547, 548.
Жемчужникова, Анна Ив., см. Типольдъ.
Жемчужникова, Наталія Аполлоновна, т. LXVIII, 7, 8.
Жемчужниковъ, Аполлонъ Степанов., ген.-лейт. 1823 г., т. LXVIII, 7, 35.
Жемчужниковъ, А., писатель, 1885 г., т. LXVIII, 763.
Жемчужниковъ, подполковн. 1865 г., т. LXVI, 665, 667—669.
Жемчужниковъ, спб. губернат. 1837 г., т. LXVII, 88, 691.
Жемчужниковъ, чиновн. 1850 г., томъ LXVIII, 461—462.
Жемчужниковъ, П., т. LXV, 428.
Жераръ, художн., т. LXVIII, 230.
Жеребцова, Прасковья Андреевна, т. LXV, 88.
Жеребцова, въ зам. баронесса Черкасова, т. LXV, 819.
Жеребцовъ, писатель, т. LXVII, 617.
Жиберъ, Э. И., проф. архитект. 1863 г., т. LXV, 741, LXVIII, 745.
Животовъ, 1890 г., т. LXVIII, 786.
Жизневскій, Авг. Казимировичъ, тайн. сов., предсѣд. тверск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 562, 569.
Жилинскій, Венцеславъ, еписк. гнѣзненскій, т. LXVI, 391.
Жиркевичъ, Александра Иван., рожд. Лаптева, т. LXVII, 705.
Жиркевичъ, Александръ Владиміров., юристъ, т. LXVII, 706.
Жиркевичъ, Н. Ив., см. Глушкова.
Жиркевичъ, Влад. Ив., т. LXVII, 705.
Жиркевичъ, Зинаида Ив., см. Ган.
Жиркевичъ, Иванъ Степ., симбирскій, впосл. витебск. губернат., записки его 1835 г., † 1848 г., т. LXVII, 63—132, 225—277, 667—706.
Жиркевичъ, Н. Ив., см. Глушкова.
Житова, 1884 г., т. LXVIII, 764.
Жихаревъ, предсѣд. драматич. комитета 1858 г., т. LXVII, 615, т. LXVIII, 142, 147, 389.
Жихаревъ, М., т. LXVIII, 769.
Жмакинъ, директоръ департ. полиціи исполнит. 1836 г., т. LXVII, 85—88, 190—192.
Жобаръ, т. LXV, 598.
Жуковская, въ замуж. баронесса Верманъ, т. LXVI, 573.
Жуковская, т. LXVII, 197.
Жуковскій, Вас. Андреев., писатель, род. 1788 г., † 1852 г., т. LXV, 48, 309, 310, 425, 649, 650, т. LXVI, 26, 29, 287, 633, 634, 648—650, 690, т. LXVII, 146, 150, 158, 204, 207, 285, 367, 376, 388, т. LXVIII, 204, 205, 287, 301, 303, 305, 308, 354, 363, 479, 480, 657, 659, 765.
Жуковскій, Людвигъ, т. LXV, 682, 693.
Жуковскій, Степ. Мих., чл. редакціон. комис., статсъ-секрет., тайн. совѣтн., р. 1818 г., † 1877 г., т. LXV, 873, 877.
Жуковскій, Ю. Г., писат. 1878 г., томъ LXVIII, 773.

Жулковскій, драмат. артистъ 1830 г., т. LXV, 25.
Журавлевъ, Ив. Ѳед., директ. департ. мин-ства юстиціи 1824 г., т. LXVII, 214, 215.
Журьяри, И. С., чл. таврич. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 556, 570.
Жучковская, драм. артистка 1830 г., т. LXV, 25.
Де-Жюльянъ, виконтесса, Юлія Пав., см. Бобринская, гр-ня.
Де-Жюльянъ, виконтъ, бар. де-Виньоль, т. LXVI, 224.

Заблоцкій-Десятовскій, Андр. Парѳеновичъ, ст.-секрет., чл. госуд. сов., тайн. сов., р. 1808 г., † 1881 г., т. LXV, 281, 383, 873, 877, т. LXVI, 728.
Заборинскій, А. И., т. LXV, 125.
Забудскій, генер., т. LXV, 494
Забѣла, графъ, т. LXV, 104.
Забѣлинъ, Ив. Егоров., археологъ и историкъ, т. LXVIII, 308, 752, 754.
Забѣлло, П. П., скульпт., т. LXVII, 663.
Забѣлло, подпор. 1830 г., т. LXV, 716.
Завадовскій, гр., Н. П., дѣйств. тайн. с., ст.-секретарь, мин. нар. просв. 1805 г., р. 1738 г., † 1812 г., т. LXV, 349.
Завойко, контръ-адм. 1848 г., т. LXV, 126.
Завѣтной, Василій, псковск. мѣщ. 1798 г., т. LXVIII, 576, 577.
Загорскій, врачъ, 1860 г., т. LXVIII, 614.
Загоскина, Варв. Ник., см. Панчулидзева.
Загоскинъ, Мих. Никол., писат., дир. московск. театровъ, р. 1789 г. † 1852 г., т. LXVII, 292, т. LXVIII, 302, 305.
Загоскинъ, профессоръ, т. LXVIII, 125.
Загряжская, т. LXV, 135.
Загряжскій, симбирск. губерн. 1830 г., т. LXVII, 75, 76, 107.
Заикинъ, книгопродавецъ, т. LXVIII, 114.
Зайцевъ, И. К., т. LXVI, 393, 403, 405, 407.
Закревскій, гр., Арсеній Андреевичъ, † 1865 г., т. LXV, 71, 305, 387, т. LXVI, 41, 295, 595, 728, 729, 730, 731, 733, т. LXVII, 370, 582, 629, 692, т. LXVIII, 73, 165, 166, 167, 163, 303, 357, 358, 359, 361, 362. 658.
Закревскіе, т. LXVIII, 361.
Заливкинъ, ген-м. 1854 г., т. L, XVIII, 668.
Зальцъ, бар., Никол. Антонов., команд. Литовск. полка, впосл. спб. коменд., 1856 г., т. LXVI, 583, т. LXVIII, 134.
Замойская, княг., 1830 г., т. LXV, 28.
Замойскій, гр., Владиславъ, адъют. цесар. Конст. Павлов. 1831 г., т. LXV, 684—709.
Замойскій, К., т. LXV, 66.
Замойскій, гр., предсѣд. сената Царства Польск. 1830 г., т. LXV, 23, 32.
Замятнинъ, Дм. Никол., мин. юстиц. 1864 г., † 1881 г., т. LXVII, 620.
Замятнинъ, Пав. Н., т. LXVII, 629.
Зарудный, Серг. Ив., ст.-секр., сенат., тайн. сов., род. 1820 г., † 1887 г., т. LXV, 281. 587, 873, т. LXVIII, 173.
Заруцкій, флотск. офиц., т. LXVI, 87.
Зассергагенъ, г-жа, А. П., т. LXV, 455.
Зассъ, баронесса, рожд. гр-ня Штакельбергъ, т. LXV, 662.
Зассъ, Корнелій Корнельев., ген.-ад., 1853 г., т. LXV, 85.
Засядко, ген.-м. 1824 г., т. LXV, 122.
Затлеръ, ген.-интенд. 1856 г., т. LXV, 752, т. LXVI, 319.
Звегинцевъ, т. LXVI, 297.
Звегинцевы, т. LXVIII, 137.
Зверковскій, т. LXV, 29.
Звонниковъ, т. LXVIII, 281.
Звѣздичъ, чл. нижегор. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 563.
Звѣревъ, С. Е., чл. рязанск. учен. архивн-ком. 1889 г., т. LXVIII, 568.
Здекауеръ, Никол. Ѳед., докт., д. тайн. сов., т. LXVIII, 182, 184, 384.
Зедлеръ, генералъ, † 1852 г., т. LXV, 642, 645.
Зеебахъ, баронесса, рожд. гр-ня Несельроде, т. LXV, 71.
Зейдлицъ, докторъ 1846 г., т. LXVII, 343, 344.
Зеленцовъ, Ф. И., т. LXV, 610.

Зеленый, Алексѣй Серг., мин. государ. имущ., т. LXV, 859, 860.
Зембницкій, Я. Г., профессоръ 1830 г., т. LXV, 622.
Земецкая, писательн., т. LXVI, 384.
Зенгбушъ, прап. 1828 г., т. LXVIII, 87.
Зензиновъ, купецъ 1858 г., т. LXVIII, 687.
Зерновъ, Н., ценз. 1846 г., т. LXVI, 201.
Зиме, профессоръ, т. LXV, 274.
Зиминъ, Іоаннъ, профес. богословія 1830 г., т. LXVI, 208.
Зиминъ, Н. Н., академикъ, т. LXVI, 232, 481.
Зиновьевъ, ген.-ад., т. LXV, 812.
Зиновьевъ, кам.-юнк. 1845 г., т. LXVI, 523, 524, 526.
Зинченко, И. К., т. LXVIII, 438.
Зисерманъ, полковн. 1865 г., т. LXV, 485.
Знаменскій, И. В., чл. тамб. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 554.
Знаменскій, П., профессоръ императ. казанск. универс., т. LXVII, 522.
Золотарева, Александра Алексѣевна, въ первомъ бракѣ Абаза, во 2-мъ гр-ня Бобринская, т. LXVI, 224.
Золотовъ, М. К., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 558.
Золотухина, Анна Ильинишна, сообщ. «Записки о 1812 г.», т. LXV, 1—20.
Золотухина, Анна Матв., т. LXV, 3, 8.
Золотухина, Лидія Матв., т. LXV, 2.
Золотухина, Марья Матв., т. LXV, 3, 8.
Золотухина, Зинаида Матв., т. LXV, 2.
Золотухинъ, Афанас. Ив., т. LXV, 14.
Золотухинъ, Матв. Ив., офиц. 1812 г., т. LXV, 1—20.
Зонтагъ, пѣвица, т. LXV, 26.
Зоринъ, офиц. 1853 г., т. LXVI, 87, 88, 101.
Зоричъ, Нат. Ив., см. Баранова.
Зоричъ, т. LXVIII, 3.
Зотовъ, Владим. Рафаиловъ., т. LXV, 593, т. LXVII, 152, 157.
Зотовъ, Никита, думный дьякъ 1695 г., LXVIII, 260.
Зотовъ, Рафаилъ, писатель, т. LXVIII, 309.
Зотовъ, Титъ Поликарп., золотопромышл. 1857 г., т. LXVI, 537.
Зубаревъ, актеръ, т. LXVII, 579.
Зубковъ, Яковъ, т. LXVIII, 444.
Зубова, С. А., см. Батюшкова.
Зубовъ, гр., Валеріанъ Александр., т. LXVIII, 305.
Зубовъ, кн., Платонъ Александр., ген.-ад. 1796 г., † 1827 г., т. LXVI, 140, LXVIII, 304, 305.
Зуровъ, тульскій губернаторъ 1836 г., т. LXVII, 230.
Зыбинъ, И. С., т. LXVIII, 560.

Ибрагимовъ, ген.-м. 1890 г., т. LXVI, 240.
Иванова, Каролина Ив., въ зам. Тучкова, т. LXVIII, 2, 8.
Ивановъ, Автамонъ, думной дьякъ, т. LXVIII, 244.
Ивановъ, Александръ Андреев., худож. т. LXVI, 656, т. LXVII, 201, 206, 211, 599, т. LXVIII, 759, 765.
Ивановъ, А. В., горн. инж., т. LXV, 615, 620, 621.
Ивановъ, А. В., чл. таврич. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 556.
Ивановъ, И. А., чл. тверск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.
Ивановъ, Ив. Степ., сообщ.: „Болгарское ополченіе въ 1876 — 1878 гг.", т. LXVI, 413—437, „Князь Владиміръ Александров. Черкасскій", т. LXVIII, 382.
Ивановъ, Н. Г., чл. оренб. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 556.
Ивановъ, Н. Ѳ., чл. сарат. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.
Ивановъ, Поликарпъ, священ. 1783 г., т. LXV, 780.
Ивановъ, Тарасъ, псковск. мѣщан. 1797 г., т. LXVIII, 576, 577.
Ивановъ, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 120.
Ивановскій, ценз. 1847 г., т. LXV, 377, 380.
Иванюковъ, И., путеш. 1880 г., том LXVIII, 770.

Иванъ Савельичъ, московск. шутъ, томъ LXVII, 711, 712, т. LXVIII, 461.
Ивашева, Вѣра Александ., см. грна-Толстая.
Ивашева, Екатер. Петровна, въ зам. княг. Хованская, т. LXVIII, 328.
Ивашева, Елисавета Петровна, въ зам. Языкова, т. LXVIII, 488.
Ивашева, жена генер. 1836 г., т. LXVII, 124, 125.
Ивашевъ, Вас. Петр., декабр., т. LXVIII, 327—351, 488.
Ивашевъ, Петръ Никифоров., т. LXVIII, 327—334.
Ивашевъ, ген.-м. 1835 г., т. LXVII, 81, 99, 113, 115.
Ивашевы, т. LXVII, 118.
Ивашкевичъ, еписк., т. LXVI, 382.
Иверсенъ, Юлій Богдановичъ, изслѣдователь-историкъ медальернаго искусства въ Россіи, чл. археолог. и друг. ученыхъ обществъ, г. LXVIII, 288.
Игельстромъ, баронесса, т. LXV, 233.
Игнатьевъ, гр., Николай Павловичъ ген.-ад., русскій посолъ въ Константинополѣ 1871 г., мн-ръ внутр. дѣлъ 1882 г., чл. госуд. сов., т. LXV, 281—292, т. LXVI, 418.
Игнатьевъ, Пав. Никол., ген.-ад., спб. ген.-губ. 1858 г., † 1879 г., т. LXVII, 617, 618, т. LXVIII, 155, 613.
Игнатьевъ, Р. Г., чл. оренб. учен. архивн. комис. 1889 г., томъ LXVIII, 556, 571, 724—727.
Игнатьевъ, ген. 1839 г., т. LXV, 323.
Игнатьевъ, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 121.
Игорь, князь, † 1147 г., т. LXV, 882, т. LXVIII, 435.
Изергинъ, А. В., купецъ 1850 г., т. LXVI, 713.
Измайловъ, Александръ Ефим., баснопис., р. 1779 г., † 1831 г., т. LXVI, 674—678.
Измайловъ, штурманъ 1771 г., т. LXVI, 122.
Износкова, Варвара Андреевна, т. LXVII, 297.
Износковъ, Петръ Степ., т. LXVII, 297.
Изяславъ, вел. князь, т. LXVIII, 236.
Иковъ, Н. К., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 561.
Иконниковъ, В. С., т. LXVIII, 772.
Илимовъ, Ив. Петров., горн. инж., томъ LXVI, 529.
Иловайскій, Дмитрій Иванов., сообщ: „Историко-критическія замѣтки", томъ LXVIII, 423—437.
Ильенко, М. И., педагогъ 1830 г., т. LXVI, 207.
Ильинскій, профес., т. LXVI, 233.
Ильинъ, лейтен. 1855 г., т. LXVI, 100.
Ильинъ, капитанъ 1875 г., т. LXV, 512.
Индригъ, родонач. фамиліи гр. Толстыхъ, т. LXVII, 644.
Иннокентій (Ив. Алексѣев. Борисовъ), архіепископъ херсонск. и таврич., род. 1800 г., † 1857 г., т. LXV, 397, 562, т. LXVII, 27, 284, т. LXVIII, 208.
Иноземцевъ, докт., т. LXVI, 229, томъ LXVII, 630.
Иностранцевъ, профес., геологъ 1883 г., т. LXV 245, 246.
Иринархъ, митр. ростовскій, т. LXVIII, 301.
Исаевъ, А., писат. 1883 г., т. LXVIII, 771, 773.
Исаковъ, Никол. Вас., ген.-ад., чл. госуд. сов., т. LXV, 428, т. LXVI, 65, т. LXVII 141.
Исидоръ, митроп. новгородск. и спб., т. LXVII, 700.
Исленевъ, ген.-ад. 1826 г., т. LXVIII, 513.
Истоминъ, Владим. Ив., контръ-адмиралъ, † 1855 г., т. LXV, 664, 671.
Истоминъ, Конст. Ив., т. LXVI, 56.
Истоминъ, Коріонъ, т. LXVIII, 302.
Исуповъ, подполковн. 1890 г., т. LXVI, 240.
Ишимова, изд-ца „Звѣздочки" 1847 г., т. LXV, 376.

Іакимъ, патріархъ 1695 г., т. LXVIII, 246.
Іаковъ, архіеп. нижегород. т. LXVII, 543, 549—561, 563, 564, т. LXVIII, 564.

Іовъ Борѣскій, митроп. кіевскій, 1620 г., т. LXV, 800.
Іоанникій, митроп. московскій, т. LXVII, 540.
Іоаннъ Калита, т. LXV, 882.
Іоаннъ III, вел. князь московскій, т. LXVIII, 428.
Іоаннъ IV Грозный царь, р. 1530 г., †1584 г., т. LXV, 387, 882, т. LXVI, 78, т. LXVIII, 236, 300, 430, 432.
Іоаннъ V, Алексѣевичъ, царь, т. LXVIII, 239, 243, 244, 245, 246, 248, 251, 257, 734.
Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ, протоіерей Кронштадтскій, р. 1829 г., т. LXVIII, 783—788.
Іоаннъ Максимовичъ, архіеп. черниг., т. LXVII, 474.
Іосафатъ Булгакъ, еписк. брестскій 1822 г., т. LXVI, 161, 165, 166.
Іосифъ Сѣмашко, митропол. литовскій, † 1868 г., т. LXVIII, 380.
Іосса, Григ. Андр., профес. металлург., † 1874 г., т. LXV, 602, т. LXVI, 8, 9, 527, 528, 529.

Каблукова, Вѣра Павл., см. Барыкова.
Кавелина, т. LXV, 329.
Кавелинъ, Конст. Дмитр., профес., род. 1818 г., † 1885 г., т. LXV, 873, 877, т. LXVI, 296, т. LXVII, 148, 212, 371, 577, 578, 590, 591, 601, т. LXVIII, 54, 55, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 74, 80, 170, 183, 389, 393, 750, 752, 758, 765, 771.
Каверскій, Эдуардъ Авреліановичъ, ген.-м. генер. штаба 1890 г., т. LXVI, 240.
Кавосъ, капельмейст. русск. оперы 1834 г., т. LXVI, 19.
Кади, офицеръ, т. LXVII, 52, 53.
Казаковъ, архитект. 1776 г., т. LXV, 827.
Казанскій, Пав., священ. 1875 г., т. LXVI, 683.
Казанцевъ, горн. инж., т. LXV, 615.
Казанцовъ, инжен., подполковн. 1853 г., т. LXV, 553, 556.
Казариновъ, полковн., саратовск. воевода, т. LXVIII, 558.
Казасъ, И. И., чл. таврич. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 570.
Казембекъ, профес. 1858 г., т. LXVI, 627, т. LXVII, 615.
Казиміръ Дмоховскій, митроп. католич. церквей 1848 г., т. LXVI, 387, 388.
Казначеевъ, Александръ Ив., правит. канц. нам. Новороссійск. края 1824 г. т. LXVII, 381.
Кайдановъ, И. К., профес. 1821 г., т. LXV, 841.
Калайдовичъ, Конст. Ѳеодоров., ученый, писатель, т. LXVI, 276, т. LXVIII, 302, 303.
Калайдовичъ, Петръ, сообщ.: „На погребеніе императрицы Маріи Ѳеодоровны“, т. LXV, 130.
Калачовъ, Ник. Вас., археологъ, основат. и перв. директ. археол. инст., тайн. сов., сенаторъ, р. 1819 г., † 1885 г. т. LXV, 873, т. LXVI, 281, т. LXVIII, 282, 300, 301, 309, 430.
Калашниковъ, писат., т. LXV, 383, 384.
Калиничъ, Фотій Петров., педаг., т. LXV, 840.
Калиновскій, Дм. Ив., редакт. „Свѣточа“ 1860 г., т. LXVIII, 391.
Калитина, Авдотья, въ зам. Михельсонъ.
Калитинъ, подполковн., † 1876 г., т. LXVI, 424.
Каліостро, т. LXV, 764, 771—774.
Калошинъ, Никол. Никол., тайн. сов. членъ сов. мн-ра внутр. дѣлъ, т. LXV, 874.
Калмыковъ, профес., † 1860 г., т. LXVIII, 391.
Каменевъ, Николай, псковск. мѣщан. 1707 г., т. LXVIII, 576, 577.
Каменскій, гр., Мих. Ѳедот., фельдм. р. 1738 г., † 1809 г. т. LXV, 60, 99, 100, т. LXVI, 142, 147, 733.
Каменскій, подпоруч. 1830 г., т. LXV, 716.
Канарскій, польск. эмиссаръ, т. LXVII, 696, 697.
Кандиба, офиц. 1812 г., т. LXVII, 49.
Канкрина, гр-ня, т. LXV, 572.
Канкринъ, гр., Валеріанъ Егор., фд.-

ад., команд. Кинбурнск. полка 1845 г., т. LXVII, 181.
Канкринъ, гр., Егоръ Франц., мн-ръ финанс. съ 1823 по 1844 г., † 1845 г., т. LXV, 223, 622, 825, т. LXVI, 8, 12, 22, 205, 206, т. LXVII, 577.
Канскій, нач. конно-егерск. дивизіи 1831 г., т. LXV, 698.
Кантакузинъ, кн., полковн. 1737 г., т. LXV, 118.
Кантемиръ, кн., Антіохъ Дм., писатель, р. 1663 г., † 1723 г., т. LXV, 645, т. LXVIII, 305.
Капнистъ, Василій, кіевск. предвод. дворян. 1785 г., т. LXVII, 525.
Каподистрія, гр., Ив. Антонов., м-ръ иностр. дѣлъ, р. 1776 г., † 1831 г., т. LXV, 23.
Капустинъ, шт-кап. 1799 г., т. LXVIII, 712.
Капустинъ, М., проф. 1856 г., т. LXVII, 148, т. LXVIII, 769.
Карабановъ, Пав. Ѳедоров., собиратель историч. и біографич. матеріаловъ, т. LXV, 829, т. LXVIII, 299.
Караваевъ, флотск. офиц. 1855 г., т. LXVI, 101.
Карамзина, т. LXV, 332.
Карамзинъ, Андрей Никол., т. LXVI, 29, 35, 36 650, 652.
Карамзинъ, Николай Мих., исторіогр., р. 1766 г., † 1826 г., т. LXV, 48, 91, 92, 647, 842, т. LXVI, 650, 651, 683, 684, 688, т. LXVII, 74, 88, 373, 449—456, 488, 593, т. LXVIII, 2, 204, 205, 223, 302, 303, 428, 637.
Каратаевъ, И. П., т. LXVIII, 301.
Каратыгина, Александра Михайловна, рожден. Колосова, актриса 1834 г., т. LXVI, 19.
Каратыгинъ, Василій Андреев., артистъ, † 1853 г., т. LXV, 621, т., LXVI, 19, 33.
Караулова, чиновн. 1850 г., т. LXVIII, 67, 70.
Карачай, бар., генералъ 1799 г., т. LXVI, 732.
Кардиналовскій, Адріанъ Алексѣев., полковн., † 1884 г., сообщ.: „Изъ жизни императора Николая I-го", т. LXVI, 695—698, упом. 157.
Кареповъ, поруч. 1890 г., т. LXVI, 494, 495.
Карлейль, гр., англ. посолъ, т. LXVIII, 300.
Карльбломъ, педагогъ 1827 г. т., LXV, 362.
Кармаковъ, Діомидъ Ив., т. LXVIII, 569.
Карновичъ, Евг. Петр., писатель, т. LXV, 22, 687.
Карнѣевъ, Е. В., директ. горн. инст. 1834 г., т. LXV, 621, 622, 626.
Карповъ, Геннадій Ѳедоровичъ, профес., членъ археограф. комиссіи и разныхъ ученыхъ обществъ, † 1890 г., т. LXVIII, 311.
Карповичъ, поруч. 1811 г., т. LXVII, 24, 29.
Картавцовъ, Л. В., сообщ.: „Петровскій полтавскій кадетскій корпусъ 1852—1859 г.", т. LXVI, 393—409.
Картацци, одесск. городск. голова 1855 г., т. LXV, 565.
Карцевъ, Петръ С., нач. учебн. баталіона 1810 г., т. LXVII, 36.
Карцовъ, Александръ Петров., ген.-лейт. 1864 г., т. LXV, 472, 473, 476, 477, 479.
Карѣевъ, Н., проф. 1885 г., т. LXVIII, 767, 769.
Кассіандеръ, инженеръ 1868 г., т. LXVIII, 323.
Касторскій, Мих. Иван., профес., т. LXV, 638, т. LXVII, 141.
Катенинъ, Александръ Андр., ген.-адъют. 1853 г., т. LXV, 81, 85, 87, т. LXVI, 607.
Катенинъ, Г. А., т. LXV, 287.
Катковъ, Мих. Никиф., бывш. профес., писатель и публицистъ, род. 1818 г., † 1887 г., т. LXV, 54, 455, 637, т. LXVI, 276, 295, 632, т. LXVII, 618, 622, 631, т. LXVIII, 142, 172.
Кауфманъ, И., писатель 1875 г., томъ LXVIII, 773.

Каченовская, Амалія Христ., см. Бауеръ.
Каченовская, Анна Мих., т. LXVI, 688.
Каченовскій, Вл. Мих., сообщ.: „Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій. Къ очерку Н. П. Барсуковъ", т. LXVI, 685—694; „Къ статьѣ М. Т. Каченовскій", поправка, т. LXVIII, 310.
Каченовскій, Д., т. LXVIII, 769.
Каченовскій, Егоръ Мих., † 1885 г., т. LXVI, 688, 690.
Каченовскій, Мих. Мих., т. LXVI, 688.
Каченовскій, Мих. Трофим., профес., ректор. московск. унив., р. 1775 г., † 1842 г., т. LXVI, 685—694, т. LXVIII, 310.
Качко, горн. инж., т. LXV, 610.
Кашперовъ, композиторъ, т. LXVIII, 79.
Квашнинъ-Самаринъ, Н. Д., членъ тверской ученой арх. ком., т. LXVIII, 562, 569.
Квитницкій, генер. 1825 г., т. LXVIII, 522.
Кедровъ, Сергѣй Ив., педагогъ, археографъ, т. LXVII, 448, т. LXVIII, 237.
Кейзерлингъ, гр., ученый, т. LXV, 601, 603, т. LXVI, 11, 12, 251.
Кейзерлингъ, гр., попеч. дерптск. уч. окр. 1862 г., т. LXV, 369.
Кейслеръ, И., писат. 1887 г., т. LXVIII, 771.
Кейтъ, ген.-лейт. 1757 г., т. LXV, 116.
Келлеръ, гр. Викт. Өед., т. LXVI, 225.
Келлеръ, гр-ня, Софья Вас., см. Бобринская, гр-ня.
Келлеръ, графъ, т. LXVI, 541, 543.
Келлеръ, капельмейст. 1834 г., т. LXVI, 19.
Кеммереръ, А. Б., т. LXVI, 7.
Кемецкій-Маланымъ, А. Н., капит. 1777 г., т. LXV, 776.
Кемецкій, С. М., подполковн. 1777 г., т. LXV, 776, 780.
Кеннокъ, т. LXVII, 633.
Кеплеръ, астрономъ, т. LXV, 335.
Кернъ, Анна Петровна, рожд. Полтарацкая, т. LXVII, 387, 390, 391.
Керсновскій, Ив. В., бывш. воспит. Двор. полка, вып. 1861 г., т. LXVI, 239.
Кетчеръ, Никол. Христофор., т. LXVIII, 22, 55, 56, 72.
Кикинъ, П. А., ст.-секрет. 1825 г., т. LXVI, 469.
Киндлеръ, маіоръ 1830 г., т. LXV, 718.
Кирилинъ, Андр. Никол., тайн. сов., т. LXV, 506.
Кириллъ, св., первоучит. славянскій, т. LXVIII, 579.
Кириллъ (Василій Наумовъ), еписк. мелитоп., его переписка 1857—1865 гг., т. LXV, 131—142, т. LXVI, 211—220, т. LXVIII, 187—208.
Кириченко, Остромовъ, Антонъ, секундмаіоръ 1786 г., т. LXVII, 524.
Кирьякъ, т. LXV, 825, 828.
Кирѣевскій, Ив. Вас., помѣщ. 1850 г., т. LXV, 856.
Кирѣевскіе, т. LXVI, 645.
Кирѣева, Софія Алед., см. Элисъ.
Кирѣевъ, Алекс. Александ., сообщ. «Записки Михаила Николаевича Кирѣева», т. LXVII, 1—62.
Кирѣевъ, Дм. Мих., т. LXVII, 48.
Кирѣевъ, Кипріанъ Мих., т. LXVII, 5, 11.
Кирѣевъ, Мих. Мих., помѣщ. 1776 г., т. LXVII, 2—4, 11.
Кирѣевъ, Мих. Никол., предвод. дворян. Ставроп. уѣзда, Симб. губ., 1865 г., Записки его 1789—1835 гг., т. LXVII, 1—62.
Кирѣевъ (Кирѣевскій), писат., т. LXV, 648.
Кирѣевъ, т. LXV, 52.
Киселевъ, графъ, Пав. Дм., генер. 1824 г., т. LXV, 115, 119—122, 284, 285, т. LXVI, 594, 727, 728—739, т. LXVII, 241, 691, 692, т. LXVIII, 53, 54.
Киселевъ, чиновн. 1817 г., т. LXVII, 686.
Кисимова, Евгенія, т. LXVI, 415.
Кисловскій, вице-директ. деп. мин. нар. просв. 1855 г., т. LXVI, 294, 634, т. LXVII, 142, 143, 146, 151, 152, 153, 155, 362, 370, 576, 587.
Кистеръ, бар., ген.-контролеръ мин-ва двора 1881 г., т. LXV, 505, 506.
Кистеръ, бар., полковн. 1854 г., т. LXVI, 54, 55.
Китара, профес., т. LXV, 235.
Китнеръ, І. С., инжен., т. LXV, 741.

Кицкій, полковн. 1831 г., т. LXV, 700.
Кишельскій, подпоруч. 1855 г., т. LXV, 758.
Классенъ, В. І., фотографъ, т. LXVII, 448, т. LXVIII, 581.
Классовскій, В. И., профес., т. LXVI, 477, 480.
Клевецкій, предсѣд. спб. управы благочинія 1847 г., т. LXV, 374.
Клейнмихель, графиня, т. LXVI, 42.
Клейнмихель, Андрей Андреев., дир. 2-го кад. корп. 1808 г., т. LXVII, 15, 17, 28.
Клейнмихель, гр., Петръ Андреев., ген.-ад., † 1869 г., т. LXV, 36, 37, 38, 49, 382, 395, 397, т. LXVI, 301, 302, 629, 632, 633, т. LXVII, 41, 42, 692, т. LXVIII, 174, 319.
Клеменсъ, шт.-кап. 1839 г., т. LXV, 67.
Клементьевъ, витебск. губернат. 1844 г., т. LXVII, 701.
Клементьевъ, судья 1846 г., т. LXVII, 204, 205, 283, т. LXVIII, 662.
Клепоцкій помѣщ. 1836 г., т. LXVII, 245.
Клеронъ, ротм. 1833 г., т. LXV, 594.
Клименко, шт.-кап. 1856 г., т. LXVI, 320, 322.
Клингеръ, ген.-м., дир. 1-го кад. кор. 1819 г., т. LXVII, 15.
Клингеръ, генералъ, писат. 1824 г., т. LXVII, 449, 451, 452, 455.
Клингеръ, ген.-м., попечит. дерптск. уч. окр. 1804 г., т. LXV, 349.
Клица, Ив. Ив., инж. пут. сообщ. 1848 г., т. LXVII, 300, 311.
Клобуцкій, М. П., педагогъ, т. LXVI, 207.
Клодтъ, бар., скульпт., т. LXV, 330, т. LXVII, 150.
Клонгевичъ, ксендзъ, т. LXVI, 164.
Клугенъ, студ. дерптск. унив. 1804 г., т. LXV, 346.
Ключевскій, писатель, т. LXVIII, 429, 432—437.
Ключеревъ, дирек. деп. мин. финанс., 1858 г., т. LXVII, 590.
Клячко, Францъ Никол., ген.-м., правит. Новгородск. намѣстничества 1777 г., т. LXV, 775.
Кноррингъ, генер. 1808 г., т. LXV, 100, 346, т. LXVI, 140, т. LXVII, 497—515.
Кнорингъ, шт.-ротм. 1833 г., т. LXV, 592.
Княжевичъ, Александръ Максимовичъ, мн-ръ финанс., т. LXVI, 33, 564, томъ LXVII, 586, 590, 604, 610, 620, томъ LXVIII, 398.
Княжнинъ, Яковъ Борис., писатель, т. LXVI, 28, 94, т. LXVII, 613.
Князевъ, Александръ Сергѣев., археол., педаг., писатель, р. 1814 г., сообщ. „Псковъ и его достопримѣчательности", т. LXVIII, 311—326, 578—580, упом. 744.
Кобеко, Дмитр. Ѳомичъ, тайн. сов., чл. имп. русск. ист. общ. и др. учен. общ. т. LXVI, 445.
Коберзскій, Ѳ. Ѳ. нач. мальпоста между Варшав. и Спб. 1860 г., т. LXVIII 593, 596.
Кобургскій, принцъ, т. LXVI, 143.
Ковалевская, Софья Васильевна, рожд. **Корвинъ-Круковская**, профес. математики, т. LXV, 245, т. LXVIII, 581—583, 615—654, 713—715, 765.
Ковалевскіе, т. LXVIII, 644, 651.
Ковалевскій, Евгр. Петров., мн-ръ нар. просв., т. LXVI, 314, 571, 617, 621, т. LXVII, 152, 153, 576—578, 586, 596, 608, 609, 625, 626, 630, т. LXVIII, 144, 148, 154—174, 185, 390, 613.
Ковалевскій, Егоръ Петров., т. LXVII, 614, т. LXVIII, 146, 150, 159, 183, 397, 754.
Ковалевскій, Максимъ, 1871 г., томъ LXVIII, 769, 770.
Ковалевскій, офиц. 1854 г., т. LXVIII, 672.
Ковалевскій, зоологъ 1882 г., т. LXV, 244, 245, 246.
Ковалевскій, Влад. Онуфріев., геологъ, 1877 г., т. LXVIII, 644, 948, 653, 654.
Ковалевскій, правит. Грузіи, 1798 г., т. LXVII, 493, 496, 497, 498, 499, 501, 501, 502, 503, 504, 506, 507, 508, 511, 512, 515, 518, 520, 521.
Кованько, т. LXV, 614.
Ковригина, Прасковья Ив., т. LXVIII, 785.
Кодинецъ, Алексѣй, т. LXVII, 525.

Кожина, въ зам. баронесса Черкасова, т. LXV, 819.
Козадавлевъ, О., мин. вн. дѣлъ 1812 г., т. LXVIII, 703—709.
Козакова, т. LXV, 135.
Козакова, т. LXVI, 295.
Козачковскій, ген.-лейт. 1825 г., томъ LXV, 119, 121, т. LXVI, 731.
Козловскій, Г. Я., помѣщ. 1840 г., т. LXV, 105—114.
Козловскій, Осипъ, адвокатъ 1831 г., т. LXV, 682, 693.
Козловъ, Ив. Ив., поэтъ, т. LXV, 850—852, т. LXVII, 393, 397, т. LXVIII, 310.
Козловъ, Никита Петров., т. LXVIII, 331.
Козловъ, Пав. Мих., об.-полицеймейст. 1796 г., т. LXVI, 682.
Козляниновъ, Никол. Ѳед., ген. 1855 г., т. LXVI, 312.
Козляниновъ, П. Ѳ., команд. Ольвіоп. уланск. полка 1854 г., т. LXVI, 312.
Козляниновъ, ген.-маіоръ 1824 г., томъ LXV, 121.
Коковцевъ, К. К., профес., т. LXV, 741.
Кокоревъ, Александръ Никит., инж.-ген.-м. 1849 г., т. LXVI, 353, 354.
Кокоревъ, Вас. Александр., † 1889 г., т. LXVII, 582, 590.
Кокшарова, Глафира Степ., см. Эристова.
Кокшарова, Наталья Андр., т. LXV, 625.
Кокшарова, Марья Ив., т. LXV, 610.
Кокшаровъ, Александръ Ив., т. LXV, 610.
Кокшаровъ, Ив. Конст., т. LXV, 606.
Кокшаровъ, Дм. Ив., т. LXV, 610, 611.
Кокшаровъ, Д. К., т. LXV, 616, 625.
Кокшаровъ, Никол. Ив., акад., кристаллографъ, его Воспоминанія 1818—1859 г., т. LXV, 601—628, т. LXVI, 1—23, 249—270, 505—575, упом. т. LXV, 225, томъ LXVI, 466, 468, 470, 471, 481.
Коленкуръ, франц. посолъ при русск. дворѣ 1806 г., т. LXV, 168—219.
Колзаковъ, Конст. Павл., генер., томъ LXV, 681.
Колзаковъ, Пав. Андр., адмир. 1826 г., т. LXV, 23, 681.
Колкуновъ, бывш. восп. Двор. полка, т. LXVI, 246.
Коллертъ, Мих., поруч. 1857 г., том. LXVI, 403, 405.
Кологривовъ, В., т. LXV, 266.
Колоколовъ, Ив. Анисимов., т. LXVIII, 70.
Колоколовъ, воспит. горн. корп. 1834 г., т. LXVI, 2.
Колокольцовъ, бригадиръ 1737 г., том. LXV, 117.
Колосова, Александ. Мих., см. Каратыгина.
Колосовъ, В. И., чл. тверск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 569.
Колотовъ, т. LXV, 30.
Колпашникова, Людм. Степ., въ зам. гр-ня Бобринская, во втор. бракѣ графиня Крейцъ, т. LXVI, 225.
Колтовскій, флотск. оф., т. LXVI, 81.
Колычевъ, атаманъ, т. LXVIII, 443.
Кольцовъ-Масальскій, кн., Ив. Мих. генералъ 1704 г., т. LXVIII, 443.
Колюпановъ, Н. П., писат. 1873 г., т. LXVIII, 773, 775.
Комаровскій, гр., Евграфъ Ѳеодос. ген.-ад., сенаторъ, † 1843 г., т. LXVIII 538.
Комаровскій, чиновн. 1854 г., т. LXVI, 280.
Комаровскій, флотск. офиц. 1855 г., т. LXVI, 102.
Комовскій, дир. канц. мин. нар. просв. 1850 г., т. LXV, 41, 49, 380, 632.
Комовскій, д. ст. сов., въ вѣд. морск. министр. 1854 г., т. LXV, 659, 663.
Комстадіусъ, Анна Карл., см. Дмитріева.
Комстадіусъ, Августъ Карл., лейтен. род. 1826 г., † 1855 г., т. LXVI, 85—105.
Кондратьевъ, секундъ-маіоръ 1786 г., т. LXV, 782.
Кони, Анат. Ѳед., т. LXVIII, 769.
Коноваловъ, химикъ 1882 г., т. LXV, 244, 245, 246.
Кононовичъ, Казиміръ Осип., офицеръ 1848 г., т. LXVII, 312.
Кононовичъ, генер. 1890 г., т. LXVI, 246.

Кононовъ, врачъ, т. LXVIII, 683.
Конопляновскій, прап. 1848 г., т. LXVII, 303.
Конопляновскій, Юліанъ Юліев., архитект. 1890 г., т. LXVIII, 736, 743.
Константиновскій, Матвѣй, протоіерей, т. LXV, 856.
Константинъ Николаевичъ, вел. кн., т. LXV, 257, 327, 569, 629, 874, 880, т. LXVI, 25, 28, 35, 614, 617, 636, т. LXVII, 135, 147, 579, 596, т. LXVIII, 290, 291, 323, 396, 579.
Константинъ Павловичъ, вел. князь цесарев., р. 1779 г., † 1834 г., т. LXV, 21, 22, 23, 27, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 692, 698, 699, 706, 707, 708, 709, 714, 715, 716, 739, т. LXVI, 500, 501, 502, т. LXVII, 15, 16, 24, 25, 26, 64, 229, 308, т. LXVIII, 113, 210, 304, 499, 506, 532, 533, 731.
Контакузена, гр-ня, т. LXVI, 674.
Коншинъ, Н. М., т. LXVIII, 305.
Коперникъ, астрономъ, т. LXV, 32, 33.
Коптевъ, бывш. восп. Констант. учил., т. LXVI, 246.
Корватовскій, А. М., чл. нижегор. учен. арх. комис. 1889 г., т. LXVIII, 563.
Корвинъ, Матвѣй, король венгерскій, предокъ Корвинъ-Круковскихъ, т. LXVIII, 638.
Корвинъ-Красинскіе, т. LXVIII, 638.
Корвинъ-Круковскіе, т. LXVIII, 638.
Корвинъ-Круковская, Анна Васильев., см. Жаклярь.
Корвинъ-Круковская, Елисв. Өед., рожд. Шубертъ, † 1879 г., т. LXVIII, 616, 643, 652, 653, 713.
Корвинъ-Круковская, Софья Вас., см. Ковалевская.
Корвинъ-Круковскій, Васил. Вас. ген.-лейт. 1858 г., т. LXVIII, 616—654, 713.
Корвинъ-Круковскій, Семенъ Васил., помѣщ., т. LXVIII, 616.
Корвинъ-Круковскій, Өед. Васил., 1868 г., т. LXVIII, 631, 646, 647, 652, 654.
Кордтъ, В. А., сообщ.: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Письмо къ Мих. Никол. Загоскину», т. LXVII, 292; «Императрица Марія Ѳеодоровна» т. LXVIII, 479—480.
Корженевскій, І. В., педагогъ, т. LXVI, 207.
Корибликовъ, педагогъ 1849 г., т. LXV, 398.
Коркинъ, математ. 1883, т. LXV, 245.
Коркуновъ, академикъ, † 1858 г., т. LXVII, 578.
Корниловичъ, Александръ Осиповичъ, писат. и историкъ, издат. сборника историч. «Русская Старина» 1825 г., декабристъ, † 1835 г., т. LXVIII, 503—504.
Корниловъ, Владим. Алексѣев., ген.-ад., адмир., † 1853 г., т. LXV, 660, 661, 663, 664, т. LXVI, 51, 88, 89.
Корниловъ, Ив. Петров., сообщ.: «Двѣ характеристи русскихъ генерал. XVIII и XIX вв. Замѣтка», томъ LXVI, 727—739; упом. т. LXVIII, 643.
Корниловъ, Петръ Яковл. ген.-л. 1824 г., т. LXV, 119, 121, т. LXV, 731—739.
Корниловъ, Өед. Петров., чл. госуд. сов., сообщ.: «Двѣ характеристики русскихъ генераловъ XVIII и XIX вв. Замѣтка", т. LXVI, 727—739, упом. т. LXV, 874, т. LXVI, 179.
Корниловъ, сенаторъ, 1849 г., т. LXVIII, 358, 361, 362.
Королевъ, Ф. Н., магистръ матем., директоръ Петровск. акад. съ 1870—1876 гг., т. LXVIII, 548.
Коротневъ, физіологъ 1887 г., т. LXV, 245.
Корсаковъ, В. Д., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 568.
Корсаковъ, Д. А., 1888 г., т. LXVIII, 765.
Корсаковъ, Мих. Семен., ген.-губ. въ Сибири 1861 г., т. LXV, 128, 129.
Корсаковъ, писат., т. LXVIII, 428.
Корсаковъ, ценз. 1843 г., т. LXV, 36.
Корсини, Марья Антоновна, рожд. Быстроглазова, т. LXVIII, 147.
Корсини, г-жа, т. LXV, 373, 374.
Корфъ, бар., впосл. гр., **Модестъ Андр.** чл. госуд. сов., т. LXV, 35, 384, 385, 400, 401, 631, т. LXVI, 278, 633, 634

т. LXVII, 154, 157, 376, 587, 622, т. LXVIII, 184, 185, 186, 285, 287, 306.
Корфъ, бар., Н. А., т. LXVIII, 772.
Коршъ, Валентинъ Өед., т. LXVIII, 39, 769.
Коршъ, Евг. Өед., т. LXVIII, 22, 39, 54, 56.
Коршъ, Марья Өед., т. LXVIII, 39, 40, 54, 55.
Косецкая, см. Фокицына.
Косичъ, Андрей Ив., саратовск. губернаторъ, ген.-лейт. 1890 г., т. LXVIII, 235, 565.
Косовичъ, Кает. Андреев., библіот. спб. публ. библіот., т. LXVI, 478.
Коссиковскій, Валентинъ Андреев., т. LXVI, 622.
Коссиковскій, Всеволодъ Андреевичъ, † 1855 г., т. LXVI, 621, 622.
Коссиковскій, офиц. 1856 г., т. LXVII, 143.
Коссовскій, гр., т. LXV, 30.
Костанда, полков. 1854 г., т. LXVIII, 671.
Костанжогло, 1850 г., т. LXVIII, 656.
Костеневскіе, т. LXV, 233.
Костенко, генер.-маіоръ 1890 г., томъ LXVI, 240.
Костеринъ, крестьян., т. LXVIII, 559.
Костомаровъ, Николай Иванов., род. 1817 г., † 1885 г., т. LXV, 33, 377, т. LXVI, 207—209, т. LXVII, 541, 544, 546, 567, 617, т. LXVIII, 311, 315, 392, 430, 752, 753, 756, 771.
Костюшко, Өадей, ген. польск. службы, т. LXV, 67, 296, 322, 822.
Котелкинъ, дядька герцога Н. М. Лейхтенбергскаго, т. LXVI, 477.
Котляревская, Алексд. Егор., см. Голубева.
Котляревская, Любовь Никол., томъ LXVII, 533, 534.
Котляревскій, ученый 1888 г., томъ LXV, 245, т. LXVIII, 764.
Котляревскій, офиц., т. LXVII, 533.
Котошихинъ, подьячій, составит. описанія Московскаго государства, томъ LXVIII, 298, 301.
Кохановскій, Францъ, т. LXV, 547.
Кохановскій, т. LXV, 694, 695.
Коховскій, Всеволодъ Порфирьевичъ, ген.-лейт., директ. спб. педагогич. курсовъ, военн.-учебн. завед., род. 1835 г., томъ LXVI, 246, 247.
Коцебу, Августъ, т. LXV, 351—353.
Коцебу, гр., Пав. Евстафьев., ген.-ад., т. LXV, 744, 745, 750—754, т. LXVI, 313, т. LXVIII, 666, 667, 671.
Кочетова, пѣвица, т. LXVII, 596.
Кочетовъ, Іакинфъ, священ., настоят. Петро-Павловск. соб. въ Спб. 1820 г., т. LXV, 842.
Кочубей, В. А., рожд. гр-ня Кушелева-Безбородко, т. LXVI, 603.
Кочубей, кн., Викт. Павлов., министръ вн. дѣлъ 1807 г., впосл. госуд. канц., предсѣд. госуд. совѣта, род. 1768 г., † 1834 г., т. LXV, 144, 211, 347, 348, 351, т. LXVII, 14, 411.
Кочубей, кн., Серг. Виктор., т. LXVI, 312, 323.
Кочубей, т. LXVI, 123.
Кочубей, т. LXVI, 177.
Кошанскій, Н. Ѳ., профес., т. LXV, 841, 842.
Кошевичъ, чиновникъ 1789 г., т. LXV, 786.
Кошкина, г-жа, т. LXVII, 125.
Кошкинъ, полковн. 1835 г., т. LXVII, 125, 126.
Кравцовъ, И. С., т. LXV, 485.
Краевскій, Андрей Александров., издат. «Голоса», предсѣд. комис. по народн. образов., род. 1810 г., † 1889 г., томъ LXV, 41, 53, 380, 382, 383, 598, 600, т. LXVI, 43, 187, т. LXVII, 355, 356, 360, 577, 607, т. LXVIII, 141, 142, 187.
Краевскій, полковн. 1865 г., т. LXVI, 666—668, 670.
Краль, ротмистръ 1839 г., т. LXV, 332.
Краморенко, поручикъ 1890 г., томъ LXVI, 246.
Крамской, Ив. Никол., художн., томъ LXVI, 694, 723, т. LXVIII, 759.
Крапоткинъ, кн., А. Н., флиг.-адъют. 1850 г., т. LXVII, 182.
Красинская, т. LXV, 31.
Красинскій, подпоручикъ 1830 г., томъ LXV, 710, 716.

Красинскій, гр., Юзефъ, т. LXV, 720.
Краснодубровскій, С. С., чл. саратов. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 563, 569, 570.
Краснокутскій, офицеръ 1854 г., томъ LXVI, 49.
Красноумовъ, директ. витебск. учебн. завед. 1855 г., т. LXVI, 625.
Красовскій, А. К., инспект. строительн. учил., т. LXV, 741.
Красовскій, А. И., тайн. сов., предсѣд. ин. ценз. комит., † 1857 г., т. LXVII, 372, 373.
Красовскій, Ив. Иванов., томскій губернаторъ, † 1885 г., т. LXV, 743—754.
Красовскій, ген. 1830 г., т. LXV, 733.
Краузе, проф. 1803 г., т. LXV, 346.
Крафтстремъ, генер., попечит. дерптск. учебн. округа, † 1854 г., т. LXV, 368, т. LXVI, 278.
Крейцъ, гр., Генрихъ Кипріянов., флиг.-адъют. 1855 г., т. LXV, 572, т. LXVI, 53, 60, 65, 225, т. LXVII, 181.
Кречетниковъ, генералъ 1792 г., томъ LXVI, 732.
Кржыжановскій, подполковн. 1830 г., т. LXV, 24, 702.
Кривскій, Петръ Васильевичъ, офицеръ 1848 г., т. LXVII, 304.
Кривцовъ, ген.-м. 1826 г., т. LXV, 23.
Кривцовы, т. LXVIII, 559.
Криднеръ, бар., при пос. во Франціи 1856 г., т. LXV, 156.
Кротковъ, помѣщ. 1835 г., т. LXVII, 130.
Кротовъ, т. LXV, 311, 312.
ф.-Крохъ, г-жа, см. Пестель.
Кругъ, т. LXVII, 456.
Крузе, Николай Өед., профес., т. LXV, 356, т. LXVII, 622, т. LXVIII, 298.
Крузенштернъ, Ив. Өед., адм., директ. морск. учил., т. LXV, 44.
Крузенштернъ, Никл. Ив., т. LXV, 565.
Крузенштернъ, т. LXV, 399.
Круковецкій, гр., начальн. 2-й пѣхотн. дивизіи 1831 г., т. LXV, 698, 701, 727, 728, 736.
Крутиковъ, бывш. восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
Крутовъ, Мих. Ив., офицеръ 1830 г., т. LXVIII, 119, 121.
Кршивошевскій, адвокатъ 1831 г., томъ LXV, 702.
Крыжановскій, Ефимъ Мих., нач. учебн. дирекціи въ Ц. Польск. 1865 г., т. LXVI, 717—726.
Крыжановскій, генер. артил. 1853 г., т. LXVII, 652.
Крыжановскій, ген.-м. 1825 г., т. LXVI, 178.
Крыжинъ, А. П., т. LXVIII, 304, 306.
Крыловъ, Ив. Андр., баснопис., р. 1768 г., † 1844 г., т. LXV, 43, 93—97, 309, т. LXVI, 287, 680, т. LXVII, 388, 389, 397, т. LXVIII, 304, 623.
Крыловъ, А., московск. профес. и цензоръ 1844 г., т. LXV, 40, 41, 52, 382, т. LXVIII, 773.
Крыловъ, Викт. А., др. писат., т. LXVIII, 760.
Крыловъ, Захаръ Денис., купецъ 1814 г. т. LXVIII, 709.
Крюковъ, П. И., сообщ.: „Иванъ Васильевичъ Турчаниновъ 1848 г.“, томъ LXVI, 699.
Крюковъ, профес., 1838 г., т. LXVIII, 281.
Крюковъ, чиновн. 1859 г., т. LXV, 129.
Кубасовъ, физіологъ 1885 г., т. LXV, 245, 246.
Кублицкій-Піотухъ, Андрей Потапов., т. LXV, 66.
Кудрявцевъ, П. Н., ученый 1880 г., т. LXVIII, 766.
Кудрявцевъ, 1854 г., т. LXVI, 276.
Кузнецовъ, А., сообщ.: „Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ. Эпизодъ изъ пребыванія его въ Вяткѣ“, т. LXVI, 713—714; „Къ губернскимъ очеркамъ М. Е. Салтыкова. Замѣтка“, т. LXVIII, 466—468.
Кукольникъ, Нестеръ Вас., писатель, т. LXV, 49, 373, 647, т. LXVI, 26.
Кулебякинъ, маіоръ 1812 г., т. LXV, 19.
Куликовъ, Ник. Ив., писатель, т. LXVII, 625.
Кулишъ, Пантелеймонъ Александров.,

писатель, т. LXV, 376, 377, 380, 417, 418, 426, т. LXVI, 641, т. LXVII, 212, т. LXVIII, 363.
Кульманъ, дѣвица, т. LXVI, 37.
Кульманъ, т. LXVII, 467.
Кульневъ, Яковъ Петров., ген.-маіоръ, шефъ Гродн. гусарск. полка, р. 1763 г., † 1812 г., т. LXVI, 733.
Кульневъ, помѣщ. 1836 г., т. LXVII, 231, 687, 688, 690.
Куницынъ, профес. 1849 г., т. LXV, 398.
Куприяновъ, ген. 1855 г., т. LXVI, 317, 318.
Купферъ, А, Я., директ. физич. обсерватор. 1849 г., т. LXVI, 533.
Купферъ, ученый, т. LXVI, 468.
Купчинскій, Петръ, т. LXVII, 525.
Куракина, княгиня, Елена Степановна, рожд. Апраксина, р. 1735 г., † 1768 г., т. LXVIII, 233.
Куракина, княгиня, Софія Владим., рожд. Можіевская, чл. Сарат. ученой архивн. комис., землевлад. Полтавск. губ., т. LXVIII, 235, 237.
Куракинъ, кн., Александръ Борисов., д. тайн. сов., вице-канцл., р. 1752 г., † 1818 г., т. LXV, 201, 203, т. LXVIII, 229—237.
Куракинъ, кн., Алексѣй Борисов., дѣйств. тайн. сов., ген.-прокур. 1796 г., р. 1759 г., † 1829 г., т. LXV, 870, т. LXVIII, 231, 232, 237, 538.
Куракинъ, кн., Алексѣй Борисов., тайн. сов., гофмейст., род. 1809 г., † 1872 г., т. LXVII, 180, т. LXVIII, 230, 233.
Куракинъ, кн., Борисъ-Леонтій Александров., ген.-лейт., гофмейст., сенат., † 1764 г., т. LXVIII, 233.
Куракинъ, кн., Борисъ Ив., полномочн. посолъ при равн. европ. дворахъ, род. 1676 г., † 1727 г., т. LXVII, 447, томъ LXVIII, 229—260.
Куракинъ, кн., Ив. Григорьев., бояринъ, намѣстн. смоленскій, † 1682 г., т. LXVIII, 236.
Куракинъ, кн., Ѳед. Алексѣев., подполковн., землевлад. Саратовск. губ., чл. Саратовской ученой архивн. комис., издат. историч. сборн. „Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина", р. 1842 г., т. LXVII, 447, 448, т. LXVIII, 229—260.
Куракинъ, кн., Ѳедоръ Ѳедоров., бояринъ, воспитат. царя Ѳедора Алексѣевича, т. LXVIII, 236.
Куракины, князья, томъ LXVII, 448, т. LXVIII, 233, 236.
Кургановъ, Ѳ., писатель, т. LXVII, 552.
Курдяевъ, подполковн. 1860 г., т. LXVIII, 477—478.
Курловъ, флотск. офицеръ 1842 г., томъ LXVI, 85.
Курлятевъ, князь, т. LXVIII, 431.
Курнатовскій, генер. 1830 г., т. LXV, 710.
Курочкинъ, Василій Степ., писатель, р. 1831 г., † 1875 г., т. LXVI, 241, 246.
Куроѣдовъ, инжен., т. LXV, 741.
Куртель, художникъ, т. LXVIII, 7.
Курута, гр., Дм. Дмитр., ген.-отъ-инф., † 1838 г., т. LXV, 23, 715, 716, 723.
Курута, К. Р., ген.-ад., нач. 2-го кав. корп. и Дворян. пол. 1815 г., т. LXVII, 28.
Курьяръ, Б., педагогъ, т. LXVI, 478.
Куторга, Мих. Семенов., профес. 1862 г., т. LXVI, 481, т. LXVIII, 164.
Куторга, Степанъ Семен., профес. 1845 г., т. LXV, 44, 47, 51, 377, 390, 401, 640, т. LXVI, 254, 255, т. LXVII, 592.
Куторга, капит. 1890 г., т. LXVI, 247.
Кутузовъ, гр., Вас. Павлов., ген.-маіоръ, бывш. команд. Кіевск. гусарск. полка, т. LXVI, 309.
Кутузовъ-Смоленскій, кн., Мих. Иларіон. р. 1745 г., † 1813 г., т. LXV, 4, 97, т. LXVI, 488, 735, 736, т. LXVII, 45, 651, т. LXVIII, 233, 490, 533.
Кутузовъ, гр., ген.-ад., † 1859 г., томъ LXVIII, 172, 512.
Кушелева-Безбородко, гр—ня, В. А., см. Кочубей.
Кушелевъ, С. Е., фл.-ад. 1845 г., томъ LXVII, 181.
Кушелевъ-Безбородко, гр., Г. А., издат. «Русск. Слова» 1860 г., т. LXVIII, 600.
Кушелевъ-Безбородко, т. LXV, 71.
Кушель, т. LXV, 703.
Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карлов., писат., декабр., р. 1797 г., † 1846 г.

т. LXVII, 378, 380, 383, 569, т. LXVIII, 503—509.

Лаблашъ, пѣвецъ 1834 г., т. LXVI, 19.
Лаваль, графиня, т. LXVIII, 501.
Лаврентьева, Софья Ив., сообщила: „Татьяна Петровна Пассекъ въ 1879—1889 г., т. LXV, 429—460, упом. томъ LXVI, 205.
Лавровскій, П. А., профес., писатель, † 1886 г., т. LXVIII, 309.
Лавровъ, 1849 г., т. LXV, 392.
Лавровъ, поруч. 1854 г., томъ LXVIII, 671—673.
Лавровъ, Петръ Лавров., 1860 г., т. LXVIII, 609, 611.
Лагаринъ, воспитат. имп. Александра I, т. LXVIII, 500.
Ладыгинъ, купецъ, т. LXVIII, 315.
Лазаревскій, А., т. LXVII, 522.
Лазаревъ, Ѳома, подъячій, т. LXVIII, 558.
Лазаревъ, Мих. Петров., адмир., род. 1788 г., † 1851 г., томъ LXVI, 86, 96, 102, 104.
Лазаревъ, Х. Я., тайн. сов., т. LXVIII, 302.
Лазаревъ, ген., предсѣд. времен. управл. на Кавказѣ 1801 г., т. LXVII, 493—511.
Лаксъ, Антонъ Ив., ген.-м., томскій губернат., † 1888 г., т. LXV, 583—586.
Ламанскій, Влад. Ив., профессоръ, томъ LXVII, 575.
Ламанскій, Евген. Ив., тайн. сов., бывш. чл. редакціон. комм. т. LXV, 874, 877.
Ламбертъ, гр., І. К., полковн. 1851 г., т. LXVI, 534.
Ламбертъ, гр., генер. 1812 г., т. LXVI, 734.
Ламбинъ, Николай Петров., т. LXVIII, 306.
Ламздорфъ, графъ, т. LXVIII, 305.
Ламорнсіеръ, генер., франц- посл. въ Спб., т. LXV, 570.
Ландышевъ, протоіерей 1865 г., томъ LXVIII, 379.
Ланжеронъ, гр., генер. 1814 г., 1831 г., т. LXVI, 736, т. LXVIII, 473, 474, 677, 678.
Ланской, В. И., т. LXVIII, 769.
Ланской, гр., Никол. Степанов., преподаватель въ археолог. институтѣ, сообщ.: „Архивы въ Даніи. Законъ 30 марта (н. ст.) 1889 г.“, г. LXVII, 448, 573—574.
Ланской, Никол., генер. 1790 г., томъ LXVI, 144.
Ланской, Серг. Степ., мн-ръ внутр. дѣлъ съ 1855—1862 г., т. LXVI, 391, т. LXVII, 177, 178, 374, 633.
Ланской, фл.-ад. 1805 г., т. LXVIII, 213.
Лаптева, Алексд. Ив., см. Жиркевичъ.
Лаптева, Анастасія Сем., въ зам. княг. Долгорукова, † 1827 г., т. LXV, 102.
Лапшинъ, профес. 1830 г., т. LXVI, 207.
Ласковскій, докт. медиц. 1854 г., томъ LXVI, 280, 281.
Латкинъ, Николай Васильев., сообщ.: „Къ первымъ главамъ записокъ Н. В. Берга“, т. LXV, 712, упом., т. LXVI, 72.
Фонъ-деръ-Лауницъ, бар., Васил. Ѳед., ген.-ад., † 1863 г., т. LXVI, 171—174.
Зеге-фонъ-Лауренбергъ, т. LXVI, 171.
Лафонъ, Софія, статсъ-дама, начальница Смольн. инст., † 1797 г., т. LXV, 815—832, т. LXVII, 413—436.
Лафонъ, баронесса, см. Гейкингъ.
Лачиновъ, минералогъ, 1888 г., т. LXV, 245.
Лашевскій, В. И., чл. рязанск. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 554.
Лашковъ, Ѳ. Ѳ., чл. таврич. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 556, 570.
Лашмановъ, Ѳ. Ѳ., сообщ.: „Надежда Андреевна Дурова. Род. 1790 г., † 1863 г.“, т. LXVII, 657—666.
Лебедевъ, А. О., педагогъ, археографъ, чл. саратовск. учен. архивн. комис., томъ LXVII, 448, т. LXVIII, 237.
Лебедевъ, В. Н., т. LXV, 811.
Лебедевъ, Касторъ Никиф., сенаторъ, т. LXVI, 445.
Лебедевъ, Петръ Семен., ген.-лейт., профес., сообщ.: „Князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ“, т. LXVI, 140—143, упом. т. LXV, 637, т LXVI, 296.
Лебединцевъ, Д. Г., изд. „Кіевской Старины“, †, т. LXVII, 476.

Лебцельтернъ, австрійск. посланникъ 1825 г., т. LXVIII, 500.
Левашевъ, гр., Василій, ген.-ад. 1826 г., т. LXVIII, 512.
Левашевъ, гр., Никол. Васильев., шт.-ротм., фл.-ад. 1854 г., т. LXV, 71, 462, 659—680, 843, т. LXVII, 182, 186.
Левенвальдъ, гр., об.-гофмарш., томъ LXV, 812.
Левендаль, бар., ген.-лейт. 1737 г., т. LXV, 116.
Левенеръ, ген.-м. 1790 г., т. LXVI, 146.
Левенталь, команд. Низовскаго полка 1825 г., т. LXVIII, 502.
Левенштернъ, бар., ген.-лейт. 1824 г., т. LXV, 119.
Левенштернъ, полковн. 1836 г., т. LXVI, 248.
Левинсонъ, ученый, т. LXV, 246.
Левисонъ, т. LXVIII, 193.
Левитовъ, пис. 1882 г., т. LXVIII, 770.
Левицкій, М., т. LXVII, 553, 554, 555, 560.
Левицкій, С. Л., художникъ-фотографъ, т. LXV, 811, 829, т. LXVII, 643, т. LXVIII, 230, 488.
Левшина, Е. Ѳ., т. LXVI, 672.
Левшинъ, Дм. Сергѣев., генер. 1852 г., т. LXV, 645, т. LXVIII, 139.
Ледурнеръ, художн., т. LXV, 330, 331.
Лейсманъ, священ. 1890 г., т. LXVII, 530.
Лейхтъ, С., ген.-лейт., 1890 г., т. LXVI, 240, 246.
Лейхтенбергскій, герцогъ, Николай Максимиліановичъ, автобіографія, т. LXVI, 476—481, упом. т. LXV, 605, т. LXVI, 423, 424, 467—475.
Лейхтенбергскій, герцогъ, Максимиліанъ Евгеніевичъ, управл. горн. инст., впосл. рижск. губернат., т. LXVI, 6, 25, 255, 531, 566, 567, 573, 647, 651.
Лексъ, Мих. Ив., т. LXVII, 190, 191.
Лелевель, Іоахимъ, польскій историкъ, проф. вил. унив., р. 1785 г., † 1861 г., томъ LXV, 24, 684—705, т. LXVIII, 152.
Ленцъ, акад., т. LXVI, 530, 615.
Леонидъ (Краснопѣвковъ), еписк. Дмитровскій, т. LXV, 621.
Леонтьевъ, ген.-лейт. 1737 г., т. LXV, 115.
Леонтьевъ, профес., издат. «Пропилей», т. LXV, 637, т. LXVI, 45, 276, 294, т. LXVII, 618, 631.
Леопольдовъ, Андрей Филип., т. LXVII, 550.
Лепарскій, Станисл. Ром., команд. Нерч. рудн. съ 1826—1837 гг., р. 1754 г., † 1837 г., т. LXVIII, 351.
Лермонтова, г-жа, 1873 г., т. LXVIII, 645.
Лермонтовъ, Мих. Юрьев., писатель, р. 1814 г., † 1841 г., т. LXV, 589—594, 740, 741, т. LXVI, 30, 501, т. LXVII, 204, 387, т. LXVIII, 302, 764, 765.
Лерхе, врачъ-окулистъ 1845 г., т. LXVII, 329.
Лессингъ, ученый 1889 г., т. LXV, 246.
Лестокъ, гр., Іоганъ Германъ, зб.-медикъ им-цы Елисав. Петровны, т. LXV, 812, т. LXVIII, 305.
Лефортъ, Францъ Яковлевичъ, адмиралъ 1700 г., т. LXVIII, 246, 249, 253, 258, 259.
Лехнеръ, ген.-лейт. 1855 г., т. LXV, 557, 564.
Лешернъ, витебск. губернат. 1813 г., т. LXVIII, 707.
Ливенъ, Дарья Христ. см. Бенкендорфъ.
Ливенъ, бар, В. К., т. LXV, 658.
Ливенъ, кн., Христоф. Андр., ген.-отъ-инф., русск. посолъ въ Лондонѣ 1816 г., т. LXV, 827.
Ливенъ, маіоръ 1737 г., т. LXV, 118.
Ливенъ, кн., попеч. спб. уч. окр., 1849 г., впосл. мн-ръ народн. просв., т. LXV, 351, 353, 363, 399.
Ливенъ, бар., об.-егермейст. 1878 г., т. LXV, 513.
Лидерсъ-Веймарнъ, гр., Ан., сообщ. „Осажденный Севастополь въ письмахъ убитаго офицера 1853—1855 гг.", т. LXVI, 85—105, упом. 313, 586, 596, 609.
Линдерсъ, генер. 1854 г., т. LXVIII, 666, 667.
Лилієнфельдъ, П. Ѳ., т. LXV, 874.

Лингвистъ, профес., † 1845 г., т. LXV, 49.
Линевичъ, подполк. 1852 г., т. LXVI, 395.
Линевичъ, бывш. воспит. Двор. пол. вып. 1855 г., ген.-м. 1890 г., т. LXVI, 240.
Линская, актриса, т. LXVII, 579.
Липранди, Ив, Петров., д. ст. сов. 1849 г., т. LXVIII, 14.
Липранди, генер. 1854 г., т. LXV, 657, 669—676.
Липскій, еписк., т. LXVI, 382.
Лисенко, книгопродав. 1845 г., т. LXV, 46.
Лисовскій, Никол. Мих., издатель-ред. журн. „Библіографъ", т. LXV, 242.
Листъ, Францъ, композит., т. LXV, 254, 255, 256, 257, 260, 262, 263.
Литке, Θед. Петр., адмир., т. LXV, 630, 660.
Литте, гр. Юлій Помпеев., т. LXVI, 159.
Лихачевъ, В. Б., посолъ 1659 г., т. LXVII, 454.
Лихачевъ, писат. 1854 г., т. LXVI, 279.
Лишина, рожд. княжна Голицына, т. LXV, 728.
Лишинъ, Андрей Θед., ген.-лейт., его воспоминанія 1830—1831 г. т. LXV, 713—741, уп. 711.
Лишинъ, Никол. Θед., т. LXV, 714.
Ліорнъ, чиновн. 1836 г., т. LXVII, 260.
Лобановъ, кн., Д. А., фл.-ад. 1850 г., т. LXVII, 182.
Лобановъ-Ростовскій, кн., Дм. Ив., ген.-отъ-инф., мн-ръ юстиціи 1824 г., р. 1758 г., † 1838 г., т. LXV, 211, т. LXVI, 178, т. LXVII, 213.
Лобановъ, кн., Мих. Борисов, фл.-ад. 1850 г., т. LXVII, 182.
Лобановъ-Ростовскій, кн., Алексѣй Борисов., т. LXV, 600, 830, т. LXVI, 222, т. LXVIII, 723, 726.
Лобановъ-Ростовскій, кн., ген.-ад. 1836 г., т. LXVII, 96, 98, 100—108, 122, 130, 231, 261.
Лобановъ, т. LXV, 93.
Ловицъ, прапорщ. 1808 г., т. LXVII, 19, 20.
Ловичъ, княг., Іоанна (Жанета) Антоновна, супруга цесарев. Константина Павловича, р. 1795 т., † 1831 г., т. LXV, 21, 29, 708, 709.
Ловцовъ, С., писат.-гиліенистъ 1876 г., т. LXVIII, 772.
Логиновъ, т. LXVII, 174.
Ломизе, М., сообщ.: „Князь Василій Осиповичъ Бебутовъ", т. LXV, 712.
Ломоносовъ, Мих. Вас, акад., писат., р. 1711 г., † 1765 г., т. LXV, 309, 638, т. LXVI, 675, т. LXVIII, 303, 306.
Ломтевъ, Евлампій Ив., т. LXVII, 540.
Лонгиновъ, Мих. Николаев., писатель, † 1875 г., т. LXV, 652, 764, 771—774, т. LXVI, 35, 62, т. LXVII, 650.
Лонгиновъ, Н. М., секретарь им-цы Елисаветы Алексѣевны, впосл. статсъ-секрет., чл. госуд. сов., † 1853 г., т. LXV, 147, 148, т. LXVI, 684, т. LXVII, 108, 109, 113, 117, 121, 122.
Лоневская-Волкъ, Екатерина Владим., въ зам. Денъ, † 1846 г., т. LXV, 57, 62.
Лоневскій-Волкъ, маіоръ 1822 г., т. 62, 66.
Лончинскій, Адольфъ, чл. администрац. сов. Ц. Польск. 1830 г., т. LXV, 694.
Лопатинъ, шт-кап. 1799 г., т. LXVIII, 711.
Лопухина, Аксинья Θед., въ зам. княгиня Куракина, т. LXVIII, 237.
Лопухина, Евдокія Θедоровна, царица, т. LXVIII, 237, 241, 252.
Лопухина, Натал. Θед., статсъ-дама, т. LXVI, 75.
Лопухинъ, Васил., кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
Лопухинъ, Ив. Владим., сенат. 1813 г., т. LXVI, 438, т. LXVIII, 5, 303, 305.
Лопухинъ, Петръ Аврамов., т. LXVIII, 246.
Лопухинъ, Θедоръ, т. LXVIII, 241.
Лопухины, т. LXVI, 75, т. LXVIII, 731.
Лореръ, Николай Иван. декабристъ т. LXVIII, 363.
Лореры, т. LXVIII, 362.
Лорисъ-Меликовъ, гр., Мих. Таріелов., ген.-адъют., чл. госуд. сов., р. 1825 г., † 1888 г., т. LXV, 281, т. LXVI, 501.
Лоріонцевичъ, свящ. 1837 г., т. LXVII, 676.

Лось-Рошковскій, Юлій, бывш. восп. Двор. пол., вып. 1847 г., т. LXVI, 240.
Лотти, пѣвица, т. LXIV, 137.
Лохтинъ, И., писат. 1876 г., т. LXVIII, 773.
Лошкаревъ, т. LXVII, 498.
Лубенскій, гр., Генрихъ, генер. 1831 г., т. LXV, 684, 691.
Лубяновскій, пензенск. губернаторъ, т. LXVII, 51, 52.
Лугининъ, Владим. Ѳедор., ученый 1881 г., т. LXV, 244—246, т. LXVI, 298.
Лужинъ, И. Д., моск. об.-полицейм. 1846 г., т. LXVI, 576, т. LXVII, 212, т. LXVIII, 361.
Лукашевичъ, инжен., т. LXV, 741.
Лукинъ, Григорій, солдатъ Преображ. полка, † 1695 г., т. LXVIII, 252.
Лукинъ, подпоруч. 1855 г., т. LXV, 758.
Лукошковъ, полковн. 1890 г., т. LXVI, 240.
Лунинъ, Мих. Серг., подполк., декабр., † 1845 г., т. LXVI, 500.
Лупандинъ, капитанъ 1786 г., т. LXV, 782.
Лучичъ, т. LXVII, 380.
Львова, княжна, Екат. Александр., въ зам. гр-ня **Вобринская,** † 1855 г., т. LXVI, 225.
Львова, классн. дама въ Смольн. инст. 1800 г., т. LXV, 831, т. LXVII, 421, 425, 427, 433.
Львовъ, Н., деритск. полицеймейстеръ 1855 г., т. LXV, 368.
Львовъ, Пав. Юрьев., академ., † 1825 г., т. LXVII, 469.
Львовъ, кн., цензоръ 1852 г., т. LXV, 649.
Львовъ, писат., т. LXVII, 365, 579.
Львовъ, кн., писат., т. LXVI, 636.
Львовъ, офиц. 1855 г., т. LXVI, 96.
Любецкій, князь, министр. финансовъ въ Царствѣ Польскомъ 1831 г., т. LXV, 32, 683—707.
Любимовъ, профес., т. LXVII, 631.
Любовидскій, т. LXV, 29.
Любощинская, г-жа, т. LXV, 880.
Любощинскій, Маркъ Никол., чл. ред. ком., 1860 г., чл. госуд. сов., † 1889 г., т. LXV, 873, 875, 876, 877, 880, т. LXVI, 44, 621, 622, т. LXVII, 597, 601, LXVIII, 151, 173. 387.
Лупандинъ, А. Н., подпоруч. 1777 г., т. LXV, 776.
Любсъ, Иванъ, голландск. купецъ 1695 г., т. LXVIII, 253.
Лядуховская, драм. артистка 1830 г., т. LXV, 25.
Ляпуновъ, В. И., подполковн., сообщ.: «Григорій Максимовичъ Ляпуновъ, бывшій воспитанникъ Дворянскаго полка, † 25 марта 1890 г.», т. LXVII, 444, упом. т. LXVI, 240, 248.
Ляпуновъ, Григ. Максим., ген.-маіоръ, † 1890 г., т. LXVII, 444.
Лярскій, Александръ, т. LXVII, 182.

Магницкій, Мих. Леонт., попеч. каз. унив. съ 1819 — 1826 гг., р. 1787 г., † 1844 г., т. LXV, 42, 398, 399.
Магнушевскій, полк. 1846 г., т. LXVI, 150, 152, 153.
Маевскій, Карлъ Яковл., тайн. совѣтн., профес. архитект., род. 1824 г., т. LXV, 741, т. LXVIII, 735—745.
Мазепа, Ив. Степановичъ, гетманъ, т. LXV, 575, т. LXVIII, 248.
Мазовскій, Никол. Никол., ген.-м., команд. л.-гвард. Павловскаго полка 1803 г., т. LXVI, 485.
Мазуркевичъ, генер., т. LXVI, 172, 173.
Майборода, капит. 1825 г., т. LXVIII, 491.
Майкова, Марія Петр., см. Гусятникова.
Майковъ, Апол. Александр., директоръ спб. театровъ съ 1821 — 1825 гг., т. LXVI, 680.
Майковъ, Апол. Никол., директ. московск. театр., т. LXV, 303, 304, т. LXVIII, 568.
Майковъ, Апол. Никол., тайн. сов., писатель, т. LXV, 303, 304, 514, 636, т. LXVI, 292, 635, т. LXVII, 596, т. LXVIII, 613.

Майковъ, Валеріанъ Никол., писатель, † 1847 г., т. LXVII, 607, т. LXVIII, 766.

Майковъ, Леонидъ Никол., академ., писатель, помощн. директ. спб. публ. библіот., сообщ.: «Иванъ Андреевичъ Крыловъ», — три басни изъ изданія «Утренніе Часы», въ которомъ онъ былъ сотрудникомъ въ 1788—1789 гг., т. LXV, 93—97, «Николай Михайловичъ Карамзинъ у гр. Николая Петровича Румянцова, въ 1824 г.», 449—456, упом. т. LXVII, 440.

Майковъ, Никол. Аполлонов., художн., т. LXV, 303, 304.

Макарій (Михаилъ) Булгаковъ, митроп. московск. и коломенск., р. 18 16 г., † 1882 г., т. LXV, 131—142, т. LXVI, 211—220, т. LXVIII, 187—208.

Макарій Боровскій, т. LXV, 856.

Макарій, архіеп. Нижегородск. 1889 г., т. LXVIII, 559.

Макарова, Анна Яковл., т. LXV, 581.

Макаровъ, Андрей Өед., т. LXV, 582.

Макаровъ, Никол. Ив., т. LXVII, 634.

Макаровъ, Никол. Өед., т. LXV, 582.

Макаровъ, Пав. Пав., ген.-лейт., сообщ.: «Пугачевъ и пугачевцы 1774 г.»., т. LXV, 581—582.

Макаровъ, Степ. Өед., т. LXV, 581.

Макаровъ, Өед. Андреев., т. LXV, 581.

Макаровъ, ген.-м., † 1815 г., т. LXVI, 488.

Макаровъ, т. LXV, 774.

Макаровъ, полковн. 1836 г., т. LXVII, 248, 251, 679.

Макшавѣевъ, Алекс. Өед., ген.-м., сообщ.: «Михаилъ Ильичъ Богаевскій, † 24 ноября 1889 г.»., т. LXVI, 248, упом. 240.

Маковскій, Влад. Егор., художн., т. LXVI, 659.

Маковскій, Егоръ И., т. LXVI, 659.

Маковскій, Конст. Егор., профес. художн., т. LXVI, 659.

Максимовичъ, И., д-ръ медиц., сообщ.: «Русскіе въ парижской академіи наукъ. Къ очерку въ «Рус. Ст.» 1890 г., январь», т. LXVIII, 468.

Максимовичъ, математ. 1883 г., т. LXV, 245, 246, т. LXVIII, 468.

Максимовъ, Серг. Васильев., писат., т. LXV, 288, т. LXVII, 355.

Максимовъ, актеръ, т. LXVII, 579.

Малама, кадетъ 1857 г., т. LXVI, 409.

Малаховскій, Густавъ, сенаторъ Ц. Польскаго 1830 г., т. LXV, 24, 29, 32, 695, 697.

Малевичъ, Іосифъ Игнатьев., педаг. домашн. наставн., р. 1813 г., сообщ.: «Софія Васильевна Ковалевская, докторъ философіи и профессоръ высшей математики, въ воспоминаніяхъ перваго, по времени, ея учителя І. И. Малевича, 1858—1868 г. г.», т. LXVIII, 615—654, упом., т. LXVIII, 715.

Малевскій, художн., т. LXVI, 206.

Малиновская, Марья Вас., см. Вольковская.

Малковская, Алекс. Өед., см. Андро.

Малковскій, т. LXVII, 393.

Маловъ, протоіерей, т. LXVI, 665.

Мальковъ, Аѳанасій Григ., купецъ 1865 г., т. LXVIII, 380.

Мальцовъ, Серг. Ив., полковн. 1848 г., т. LXVIII, 377.

Маминъ, Д. Н. (Сибирякъ), сообщ.: «Варнаки. Замѣтки», т. LXV, 541—550, упом. т. LXVIII, 571.

Мамонтовъ, бывш. восп. Двор. пол., т. LXVI, 247.

Мамышевъ, горн. инж. 1834 г., томъ LXVI, 4, 5.

Манасевичъ, купецъ 1866 г., томъ LXVIII, 321.

Манасеинова, М., пис—ца, т. LXVIII, 770, 772.

Манвеловъ, кн., Никол. Николаев, ген.-лейт., т. LXV, 590, 591, 593.

Мандерштернъ, Авг. Егоров., полковн. 1828 г., т. LXVIII, 101—112.

Мандтъ, лейбъ-мед. 1855 г., т. LXVI, 66, 68, 184, 645.

Манвѣтовъ, т. LXVII, 566.

Мансурова, см. Трубецкая, княжна.

Мансуровъ, А. П., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., сообщ.: «Охрана рекрута 1790 г.», т. LXVIII, 352, упом. т. LXVIII, 554, 568.

Мансуровъ, Пав. Дм., генер. 1774 г., т. LXVI, 117, 118.
Мансуровъ, ген.-ад. 1835 г., т. LXVI, 518, т. LXVII, 120.
Мансуровъ, Борисъ Павл., нынѣ чл. госуд. сов., т. LXVI, 102.
Маньковскій, К., ген.-м., сообщ.: «Императоръ Николай Павловичъ 16-го ноября 1846 г.», т. LXVI, 149—157, улом. 695, 697.
Маралевскій, поруч. 1857 г., т. LXVI, 405, 406, 407.
Маренгеймъ, 1830 г., т. LXV, 23.
Марина Мнишекъ, т. LXVIII, 315, 316.
Маринъ, А. А., чл. рязанск. ученой архивн. комис. 1889 г., томъ LXVIII, 558, 568.
Марія, царица Грузинская, т. LXVII, 500, 503.
Марія Александровна, императрица, т. LXV, 861, т. LXVI, 310, 337, 478, 490, т. LXVIII, 379, 579, 614.
Марія Николаевна, вел. княгиня, въ супруж. герцог. Лейхтенбергская, род. 1819 г., † 1876 г., т. LXV, 37, 304, 325, т. LXVI, 25, 67, 355, 477, 573, 658, т. LXVII, 136.
Марія Павловна, вел. княг., въ супруж. вел. герцогиня Саксенъ-Веймарская, род. 1786 г., † 1859 г., т. LXV, 31, 167, 843.
Марія Ѳеодоровна, императрица, род. 1759 г., † 1828 г., т. LXV, 103, 123, 124, 130, 323, 809—832, 843, 846, томъ LXVI, 570, т. LXVII, 389, 413—436, 651, т. LXVIII, 215—219, 230, 232, 479, 480, 535, 539, 717.
Маркевичъ, Андрей Иванов., ген.-лейт. 1828 г., т. LXVIII, 82—84.
Маркевичъ, А. И., чл. таврич. ученой архивн. комис. 1889 г., томъ LXVIII, 556, 570.
Маркевичъ, писатель, т. LXV, 36.
Марковскій, бывш. студ. спб унив., т. LXVII, 601.
Марковъ, А. Т., проф. акад. худож., т. LXV, 252.
Марковъ, Мих. Александров., ген.-лейт., сообщ.: «Воспоминанія стараго инвалида о службѣ лейбъ-гвардіи въ Павловскомъ полку 1828—1835 гг.», томъ LXVIII, 81—135.
Марковъ, ген.-лейт. 1810 г., т. LXVI, 733, 734.
Маркусъ, В. М., т. LXV, 874.
Маркусъ, лейбъ-медикъ 1844 г., томъ LXV, 38.
Мартенсъ, Ф., профес., т. LXVIII, 769.
Мартиніанъ, еписк. Бѣлозерскій, томъ LXVIII, 302.
Мартосъ, Ив. Петров., скульпторъ, род. 1753 г., † 1835 г., т. LXVI, 675.
Мартыновъ, Александръ Евстафьевичъ, артистъ, † 1860 г., т. LXVI, 20, томъ LXVII, 579, т. LXVIII, 154, 155.
Мартыновъ, Ив. Ив., правитель дѣлъ правл. училищъ 1849 г., т. LXV, 399.
Мартыновъ, Савва Мих., т. LXV, 43.
Мартыновъ, ген.-адъют., спб. комен. 1825 г., т. LXVI, 331, т. LXVIII, 85, 124, 513.
Мартыновъ, купецъ 1889 г., т. LXVIII, 563.
Мартыновъ, химикъ 1887 г., т. LXV, 245.
Мартыновъ, судья 1786 г., томъ LXV 783.
Мартюшевъ, т. LXV, 30.
Марѳа Алексѣевна, царевна, р. 1652 г. † 1707 г., т. LXVIII, 240.
Марѳа Борецкая, посадница, т. LXVIII, 316.
Масальскій, кн., т. LXV, 800, 801.
Масальскій, Конст. Ѳедор., писатель, изд. «Сына Отеч.», т. LXVI, 43.
Матвѣевъ, Андрей Артамонов., посолъ при иностран. дворахъ 1682 г., томъ LXVIII, 239.
Матленъ, дворянинъ, т. LXVIII, 728.
Матюшинъ, Ив. Ив., художн.-гравер., т. LXV, 600, 714, т. LXVI, 466, томъ LXVII, 663.
Махницкій, маіоръ 1809 г., томъ LXV, 704.
Мацневъ, т. LXVIII, 357.
Фонъ-Мевесъ, Ричардъ Троянов., ген.-м., команд. Павловск. полка 1890 г., томъ LXVI, 240, 497.

Медвѣдевъ, И. П., полковникъ 1890 г., т. LXVI, 239.
Медемъ, баронесса, т. LXV, 63.
Медемъ, гр., шт.-ротмистръ 1855 г., томъ LXV, 565.
Медемъ, гр., русск. послан. въ Вѣнѣ 1848 г., т. LXV, 74.
Медемъ, бар., ген.-лейт., членъ совѣта военно-учебн. завед. 1835 г., онъ-же предсѣдат. спб. ценз. комит. 1860 г., т. LXV, 352, т. LXVIII, 384, 390.
Медовниковъ, заводчикъ 1830 г., томъ LXV, 541.
Медунецкій, предв. двор. Себѣжскаго уѣзда, Витебск. губ., 1836 г., т. LXVII, 257.
Мей, Левъ Александровичъ, писатель, т. LXVI 43.
Мейендорфъ, баронесса, т. LXVI, 518.
Мейендорфъ, Александръ, т. LXV, 89.
Мейендорфъ, бар., А. К., агентъ мин. финанс. по мануфакт. части 1850 г., т. LXVI, 11, 12, 261, 507, 508.
Мейендорфъ, бар., П. К., русск. посл. въ Берлинѣ 1842 г., т. LXVI, 253, 269, 270, 513, 521, 523.
Мейендорфъ, Казиміръ Казиміровичъ, † 1854 г., т. LXV, 88, 89.
Мейендорфъ, Петръ Казиміровичъ, томъ LXV, 88.
Мейеръ, Александръ Мартыновъ., спб. губернск. прокур. 1825 г., т. LXVI, 168, 169.
Мейеръ, врачъ, 1837 г., т. LXVII, 275, 276
Мейзнеръ, Осипъ, т. LXV, 682.
Менарскій, ученый 1882 г., т. LXV, 244.
Ф.-Менъ, шт.-кап. 1856 г., томъ LXVI, 601, 602.
Меласъ, пѣвица, т. LXV, 844.
Мелиссино, курат. московскаго унив., † 1795 г., т. LXVII, 480.
Меллеръ-Закомельскій, Егоръ Ив., т. LXVIII, 211.
Меллеръ, Н. К., сообщ.: „Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій. Письмо къ Г. Р. Державину 1794 г.“, т. LXVI, 135—136.
Меллеръ, Эмануилъ, сообщ.: „Къ очерку графъ Г. Тотлебенъ“, т. LXV, 241.
Мельгуновъ, Алексѣй, кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
Мельниковъ, А. П., чл. нижегородской ученой архивн. комис. 1889 г., томъ LXVIII, 567.
Мельниковъ, Никол. Конст., шт-кап 1848 г., т. LXVII, 306.
Мельниковъ, (Печерскій), Пав. Ив., писат., т. LXVIII, 145, 567.
Мельниковъ, Пав. Петр. профес. механ., мн-ръ пут. сообщ., т. LXVI, 301, томъ LXVII, 374.
Мельницкій, засѣдатель 1786 г., томъ LXV, 783.
Менгденъ, бар., В. М., т. LXV, 874.
Мендельсонъ, ред. „Славянскаго архива біологіи“, т. LXV, 244, т. LXVI, 453.
Менделѣевъ, профес., т. LXV, 245.
Менжинскій, капит. 1854 г., т. LXVIII, 672.
Меншиковъ, кн., Александръ Данилов., генералиссимусъ, р. 1674 г., † 1729 г., т. LXVIII, 259, 305, 444.
Меншиковъ, кн. Александръ Сергѣевъ, морск. мн-ръ, р. 1787 г., † 1869 г., т. LXV, 89, 283, 384, 554, 564, 655—680, т. LXVI, 49—95, 729, 730, томъ LXVII, 181, 621, 622, т. LXVIII, 525.
Меншиковъ, Владиміръ, т. LXVI, 53.
Меншиковъ, кн., генералъ, т. LXVI, 155.
Меншуткинъ, профес. хим., т. LXV, 245, 246.
Меньчаки, фютск. офиц. 1855 г., томъ LXVI, 96.
Меньшининъ, Никол. Степ., горный инжен. 1829 г., т. LXV, 223.
Мердеръ, Карлъ Карл., ген.-ад., воспитатель цесаревича Александра Николаевича, р. 1787 г., † 1834 г., т. LXVIII, 479—480.
Мердеръ, ген.-м. корп. жандарм. 1836 г., т. LXVII, 226.
Мережковскій, зоологъ 1881 г., т. LXV, 244, 245, 246.
Мержинская, танцовщица 1830 г., томъ LXV, 25.
Мерзляковъ, Алексѣй Ѳед., проф., писатель, т. LXV, 714, т. LXVIII, 305.
Мерзель, историкъ, т. LXV, 343.

Меркуловъ, бывш. костромск. предвод. двор., т. LXVII, 693, 694.
Меркуловъ, бывш. воспит. Конст. учил., т. LXVI, 247.
Меркуловъ, офиц. 1812 г., т. LXVII, 42.
Мертваго, Н. Д., воспит. царскос. лицея 1825 г., т. LXV, 848.
Мерцаловъ, А. Е., сообщ.: „Филиппъ Перфильевъ Нефловъ, одинъ изъ служилыхъ людей 1672—1720 г.“, т. LXVIII, 443—444.
Месновъ, офиц. 1812 г., т. LXV, 5, 6, 7.
Мессеръ, мичманъ, † 1855 г., т. LXVI, 94.
Метлерканифъ, педагогъ 1830 г., томъ LXVI, 207.
Метлинскій, А. Л. (Амвросій Могила), писатель, т. LXVI, 207.
Мехелинъ, ценз. 1849 г., т. LXV, 400.
Мечниковъ, географъ 1882 г., т. LXV, 245, т. LXVIII, 770.
Мещеринова, Е. П., въ зам. Ахматова, т. LXVIII, 483.
Мещерскіе, т. LXVI, 652.
Мещерскій, кн., А. В., т. LXVI, 282.
Мещерскій, полковн. 1855 г., т. LXV, 563.
Мещерскій, кн., т. LXVIII, 513.
Мещерскій, т. LXVII, 206.
Меѳодій, св., архіеп. моравск., славян. первоучит., т. LXVIII, 579.
Миддендорфъ, акад. 1855 г., т. LXVI, 616, 617.
Миклашевскій, А. М., бывш. воспит. Двор. полка, т. LXVI, 246.
Миклашевскій, И., сообщ.: «Петровская сельско-хозяйствен. академія въ 1865 — 1890 годахъ.», томъ LXVIII, 546—550.
Микулинъ, И. Ѳ., чл. рязан. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 568.
Милбергъ, генер. 1830 г., т. LXV, 30.
Миллеръ, Всеволодъ, путеш. 1870 г., т. LXVIII, 770.
Миллеръ, Орестъ Ѳед., профес., писатель, † 1889 г., т. LXVI, 28, 346, т. LXVII, 529—530, 592, 598, т. LXVIII, 387, 614, 624, 752, 766.
Миллеръ, Ѳед. Ѳед., нач. севастоп. гарниз. 1853 г., т. LXVI, 56.
Миллеръ, офиц. 1812 г., т. LXV, 6, 18, 20.
Миллеръ, исторіографъ, т. LXV, 98.
Миловидовъ, И. В., чл. костр. учен. архивн. комис., 1889 г., т. LXVIII, 555, 569.
Милородовичъ, гр., Григорій Александровичъ, ген.-лейт., предвод. дворянства Черниговск. губ., томъ LXVII, 378.
Милорадовичъ, графъ, Мих. Андр., † 14 дек. 1825 г., т. LXV, 304, т. LXVI, 707, 735, т. LXVII, 64, т. LXVIII, 490, 505—508, 537, 538.
Милорадовичъ, т. LXVI, 397.
Мильковичъ, чиновн. 1836 г., т. LXVII, 227, 236, 242.
Мильновскій, поруч. 1830 г., т. LXV, 737.
Милютинъ, графъ, Дмитр. Алексѣев. ген.-ад., чл. госуд. сов., т. LXV, 261, 481, 482, 483, 860, т. LXVI, 293, 296, 619, т. LXVII, 148, т. LXVIII, 381, 544.
Милютинъ, Влад. Алексѣев., профес., род. 1826 г., † 1855 г., т. LXVI, 34.
Милютинъ, Ник. Ал., статсъ-секрет., чл. госуд. сов., род. 1818 г., † 1872 г., т. LXV, 281, 873, 874, 877, т. LXVI, 245, 717, 718, LXVII, 631.
Милютинъ, Юрій Никол., т. LXV, 874.
Милютины, т. LXVIII, 77.
Минаевъ, Дм. Дм., писат., т. LXVI, 241, 242.
Минаевъ, И. П., профес., т. LXVIII, 770.
Минихъ, гр. Бурхардъ-Христофъ, генфельдм., р. 1683 г., † 1767 г., т. LXV, 115—118, 600, т. LXVI, 143, 483, 727, 728, т. LXVIII, 305, 570.
Минихина (Шумская), Настасья Ѳед., домоправительница гр. Аракчеева, т. LXV, 783, т. LXVI, 328.
Минскій, писат. 1875 г., т. LXVIII, 763.
Минхъ, Л. Н., чл. саратовск. ученой архивной комис. 1889 г., т. LXVIII, 570.
Мирбахъ, бар., Э. Н., фл.-ад. 1845 г., т. LXVII, 181.
Мирвалисъ, К., гапсальск. город. голова 1890 г., т, LXVI, 346.
Мирковичъ, Ѳ., виленск. ген.-губерн., т. LXVII, 248.

Мирославскій, польск. агитаторъ 1830 г., т. LXV, 746, 747, т. LXVIII, 375, 377.
Мирскій, кн., см. Святополкъ-Мирскій.
Митковъ, Мих. Платон., тайн. сов., гласный спб. городск. думы, † 6 нояб. 1889 г., т. LXV, 875, 878, 879.
Михаилъ Николаевичъ, вел. князь, т. LXV, 462, 472, 485, 489, 672, т. LXVI, 90, 308.
Михаилъ Павловичъ, вел. кн., род. 1798 г., † 1849 г., т. LXV, 21, 27, 52, 67—69, 78, 81, 282, 323, 328, 333, 334, 382, 509, 739, 835, т. LXVI, 155, 156, 335, 512, 601, 645, 649, 650, т. LXVII, 25, 305, 309—315, 410, т. LXVIII, 81, 113, 118, 121, 135, 473—475, 512.
Михаилъ Рогоза, митропол., т. LXVIII, 301.
Михаилъ, князь Черниговскій, † 1246 г., т. LXV, 882, т. LXVII, 646.
Михаилъ Ярославичъ, князь тверской, † 1320 г., т. LXVIII, 562, 569.
Михаилъ Ѳедоровичъ, царь, т. LXV, 92, т. LXVI, 78, т. LXVIII, 563.
Михайловскій - Данилевскій, Александръ Ивановичъ, ген.-лейт., военный историкъ, † 1848 г.: «Вступленіе на престолъ императора Николая I въ запискахъ ген.-лейт. Михайловскаго-Данилевскаго, 1826 г.», т. LXVIII, 489—534, упом. т. LXV, 89, 99, 100, 143, 145, 175, т. LXVII, 652, т. LXVIII, 209—214, 747, 748.
Михайловскій, М., протоіерей 1872 г., т. LXV, 788.
Михайловъ, Алекс. Иванов., сообщ.: «Графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ», т. LXV, 497—513; «Императоръ Николай Павловичъ, въ разсказахъ его служащихъ», т. LXVI, 361—364.
Михайловъ, А., писатель 1882 г., томъ LXVIII, 771.
Михалевичъ, шт.-кап. 1854 г., т. LXVIII, 667.
Михаловскій, поруч. 1836 г., т. LXVII, 250—253.
Михельсонъ, Авдотья Калинична, томъ LXVIII, 717, 723, 728.
Михельсонъ, Елисав. Ив., т. LXVIII, 726.
Михельсонъ, Елена Иван., въ замуж. баронесса Розенъ, т. LXVIII, 726, 727.
Михельсонъ, Григ. Ив., камеръ-юнк., р. 1791 † 1817 г., т. LXVIII, 717—730.
Михельсонъ, Ив. Ив., ген.-отъ-кав., род. 1740 г., † 1807 г., т. LXVIII, 305, 716—730, 744.
Михельсонъ, Ив. Іосиф., т. LXVIII, 722.
Михельсонъ, Іосифъ, т. LXVIII, 722.
Михельсонъ, Мих. Ив., т. LXVIII, 717.
Михельсонъ, Шарлотта Ив., рожд. Ребиндеръ, кавалерств. дама, р. 1764 г., † около 1839 г., т. LXVIII, 717, 720, 726.
Михельсоны, т. LXVIII, 724.
Михина, Елис. Васильев., рожд. Бергъ, т. LXV, 304.
Мицельскій, адъют. цесарев. Констант. Павловича 1830 г., т. LXV, 24.
Мицкевичъ, Адамъ, польск. писатель, т. LXV, 710, 852, т. LXVII, 387, томъ LXVIII, 766.
Мичурина, Вѣра Вас., см. Самойлова.
Миштольдъ, докт. 1855 г., т. LXVI, 103.
Модерахъ, Карлъ Ѳед., инжен., пермск. губерн., сенат., поч. опек., † 1819 г., т. LXV, 375.
Можаровскій, Александръ, сообщ.: «Табачникъ и порицатель. Изъ народныхъ сатирическихъ произведеній», т. LXVI, 447—448.
Мозовскій, засѣдатель 1786 г., т. LXV, 782.
Моисей, архим., игуменъ Оптин. пустыни 1850 г., т. LXV, 856.
Моніевская, Софья Вас., см. Куракина, княг.
Можржицкій, бывш. воен. Дворянскаго полка, т. LXVI, 246.
Моллеръ, Е. Н., рожд. Муравьева, сообщ.: «Памятныя замѣтки 1820—1872 гг.», т. LXVI, 325—342.
Моллеръ, въ зам. Муравьева, т. LXVI, 327.

Моллеръ, Александръ Александровичъ, т. LXVI, 337, 338.
Моллеръ, Антонъ Васильев., адм., морск. мин. 1823, т. LXVI, 329, 330.
Моллеръ, Александръ Өед., генералъ 1831 г., т. LXVI, 331, 332, 333.
Моллеръ, Ник. Александр., т. LXVI, 335, 336, 337.
Моллеръ, Ө. Ө., ген.-лейт., нач. севастоп. гарниз. 1854 г., т. LXV, 663, 664.
Моллеръ, ген.-м., команд. Павловск. пол. 1835 г., т. LXVI, 490.
Мондидье, горный инж., т. LXV, 615.
Монсъ, Анна Ивановна, т. LXVIII, 249, 253.
Моргенштернъ, Карлъ, профес. 1828 г., т. LXVIII, 479.
Мордвиновъ, Александръ Никол., сенаторъ, д. тайн. сов., т. LXVI, 326.
Мордвиновъ, Никол. Михайл., т. LXVI, 325.
Мордвиновъ, Сем. Ал., адмир., т. LXV, 874.
Мордвиновъ, ген.-маіоръ, † 1823 г., т. LXV, 121, т. LXVI, 730.
Мордвиновъ, ген.-м. 1799 г., т. LXVIII, 712.
Мордвиновъ, 1858 г., т. LXVII, 589.
Мордовцевъ, Дан. Лукичъ, писат., томъ LXVIII, 752.
Мордовцевъ, Д. Я., т. LXVIII, 559.
Мориць, пасторъ, † 1857 г., т. LXVII, 372.
Морковъ, гр., Аркад. Ив., посолъ въ Швец., † 1827 г., т. LXV, 154.
Морни, графиня, т. LXVI, 597.
Морни, графъ, т. LXVII, 183.
Морозовъ, Александръ Ив., педагогъ, т. LXVIII, 165.
Морозовъ, Павелъ Осипов., доцентъ спб. унив., писатель, т. LXVI, 681.
Морозовъ, Пав. Тимоѳеев., предводит. двор. Городищ. уѣзда Пензенск. губ., т. LXVIII, 462—465.
Морозовъ, намѣстн. юрьевск., т. LXVIII, 430.
Морозъ, Даніилъ Константинов., сообщ. «Историческія пѣсни», т. LXVII, 468, 570—572, 656, т. LXVIII, 136, 278, 469, 470, 584, 746.
Морошкинъ, Мих. Яковл., священ., писатель, † 1870 г., т. LXVIII, 287, 754.
Моссаловъ, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 121.
Мостовская, графиня, т. LXV, 31.
Мостовскій, графъ, т. LXV, 696, 705.
Моторицынъ, Михаилъ, новгородскій посадникъ, т. LXVIII, 298.
Мохнацкій, его Записки: «Польское возстаніе въ 1830—1831 гг.», т. LXV, 681—711.
Мошинскій, гр., т. LXV, 715.
Моэръ, докторъ 1824 г., т. LXVII, 381.
Мстиславъ Удалой, князь, томъ LXV 882, 883.
Мудровъ, Матвѣй Яковлев., докторъ, профессоръ 1816 г., т. LXVII, 463.
Музыкантовъ, Пав., врачъ, сообщ. „Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій", т. LXVI, 210.
Мунихъ, бар., Ив. Ив., команд. л.-гв. Преображ. полка, т. LXVIII, 134.
Муравьева, Екат. Захаровна, въ зам. Канкрина, т. LXV, 825, 830.
Муравьевъ, Александръ Никол., † 1885 г., т. LXVI, 330, 340, 341.
Муравьевъ, Андрей Никол., д. ст. сов. камергеръ, писат. духовн. соч., род. 1805 г., † 1874 г., т. LXVIII, 166, 194, 738.
Муравьевъ, Валеріанъ Никол., псковск. губернат., сенат., т. LXVI, 329, 333, 339, 340.
Муравьевъ, Захаръ Матв., ст. сов., экономъ Смольн. мон., т. LXV, 825, т. LXVII, 418, 430—432.
Муравьевъ, гр., Мих. Никол., чл. госуд. сов., р. 1796 г., † 1866 г., т. LXV, 586, 630, 857—863, т. LXVII, 600, 621, 691, 692, т. LXVIII, 546, 547, 768.
Муравьевъ, Никол. Никол., ген.-м. основ. учил. колоновожат., † 1840 г., т. LXVIII, 6, 8.
Муравьевъ-Амурскій, гр., Никол. Никол., ген.-ад., чл. госуд. сов., † 1891 г., т. LXV, 125—129, 288, т. LXVI, 327, 329, 330, 332, 333, 334, 338, 339, 340.

Муравьевъ (Карскій), Никол. Никол., ген.-ад., р. 1793 г., † 1866 г., т. LXVI, 97, 301, т. LXVII, 651, томъ LXVIII, 456.
Муравьевъ, Никол. Назарьев., новгород. губернат. 1820 г., т. LXVI, 325, 328.
Муравьевъ, команд. гусар. полка, декабр., т. LXVIII, 494—499, 501.
Муравьевъ, прокуроръ, † 1889 г.. томъ LXVIII, 481—484.
Муравьевъ-Апостолъ, Серг. Ив., подполковн. Черниг. пѣх. полка, декабр., † 1826 г., т. LXVIII, 492—494, 511, 512.
Муравьевъ-Апостолъ, чл. гл. управл. училищъ 1849 г, т. LXV, 399.
Муравьевы-Апостолы, т. LXVIII, 8.
Муравовъ, 1850 г., т. LXVIII, 656.
Муромцевъ, Л. М., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 561.
Мурчисонъ, Р., ученый, геологъ, томъ LXV, 601—606, т. LXVI, 3—23, 250—269, 470—575.
Мусинъ-Пушкинъ, Мих. Никол., попеч. спб. уч. окр. 1846 г., т. LXV, 49, 51, 52, 379, 381, 382, 400, 629, 630, 647, т. LXVI, 42, 615, 629, т. LXVII, 144, 145, 148, 350, 365, 640.
Мусоргскій, Модестъ Петров., композиторъ, т. LXVIII, 759.
Мужановъ, Николай Алексѣев., почетн. опекунъ, т. LXV, 810, т. LXVI, 641, т. LXVII, 413, 590, т. LXVIII, 145, 148—150, 162, 173, 174, 178, 180, 181, 391, 398, 612.
Мышецкій, кн., Ефимъ, т. LXVI, 347.
Мышкинъ, т. LXVI, 452.
Мѣркинъ, Ѳ. А., художн., граверъ на мѣди, т. LXV, 282.
Мѣсяцевъ, подпоруч. 1865 г., т. LXVI, 665.
Мюгге, бывш. восп. Конст. учил., томъ LXVI, 247.
Мюнстеръ, Александръ Эрнстовичъ, литографъ-художникъ, т. LXVI, 535.
Мюнцлеръ, Т., педагогъ, т. LXVI, 480.
Мягкая, Марья Петровна, т. LXVII, 312.
Мягкая, Надежда Мих., т. LXVII, 312.
Мяновскій, докт., т. LXVI, 382, 390, 391.
Мясной, думный дворянинъ 1695 г., т. LXVIII, 257.
Мятлевъ, т. LXV, 71.

Набаловъ, полковн., т. LXVII, 315.
Набокова, О., Наз., т. LXVI, 327, 329.
Набоковъ, Ив. Ив., т. LXVI, 307.
Набоковъ, Н. Н., т. LXVI, 59.
Набѣлянъ, Людвигъ, т. LXV, 682, 693.
Навинской, Дм., псковск. бургомистръ 1797 г, т. LXVIII, 577.
Надеждинъ, Никол. Ив., профес. и писатель, т. LXV, 41, 403.
Надсонъ, С., поэтъ, т. LXVIII, 763.
Надѣинъ, шт.-кап., т. LXVI, 240.
Неелова, Н. Н., чл. сарат. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 558.
Назимова, т. LXVI, 295.
Назимовъ, Влад. Ив., ген.-ад., попеч. моск. унив., ген.-губерн. С.-З. края 1860 г., чл. госуд. сов., род. 1802 г., † 1874 г., т. LXV, 846, 859, 860, т. LXVI, 293, 295, 619, т. LXVII, 375, т. LXVIII, 360.
Найденъ-Геровъ, болгаринъ, т. LXVI, 416.
Наквасній, т. LXV, 702.
Нарышкина, Евд. Мих., см. Голицына, княжна.
Нарышкина, М. Я., т. LXVI, 265.
Нарышкина, Марія Антоновна, рожденная княжна Четвертинская, род. 1779 г.. † 1854 г., т. LXV, 153, 323.
Нарышкинъ, Алекс. Александр., т. LXV, 762.
Нарышкинъ, Алекс. Львов., об.-гофм., об.-камерг., дир. театр., р. 1760 г., † 1826 г., т. LXVI, 680.
Нарышкинъ, Левъ Кириллов., нач. посольск. приказа т. LXVIII, 242, 246, 257, 258.
Нарышкинъ, Матвѣй Филимоновичъ, окольничій 1695 г., т. LXIII, 254.
Нарышкинъ, Михаилъ, 1849 г., т LXVIII, 356.
Нарышкинъ, Мих. Мих., полковн., декабр., † 1863 г., т. LXVIII, 8, 26.

Нарышкины, бояре, т. LXVIII, 241, 248.
Нарѣжная, Анна Тихоновна, т. LXVII, 476.
Нарѣжная, Прасковья Трофимовна, т. LXVII, 523.
Нарѣжная, Анастасія, см. **Андріевская**, т. LXVII, 474.
Нарѣжный, Василій Трофимов., писатель-романистъ, р. 1780 г., † 1825 г., т. LXVII, 469—527.
Нарѣжный, Владим. Васил., капит. 1852 г., т. LXVI, 394.
Нарѣжный, Трофимъ Ив., т. LXVII, 471, 523.
Нарѣжный, Феофанъ Трофимов., т. LXVII, 523.
Наталья Кирилловна (Нарышкина), царица, р. 1651 г., † 1694 г., т. LXVIII, 240, 241, 243, 244, 246, 247, 248, 251, 252, 257, 258.
Натъ, полковн. 1854 г., т. LXV, 668.
Наумовъ, Александръ Петров., т. LXVIII, 193.
Наумовъ, Ив. Мих., т. LXVII, 198.
Нахимовъ, Пав. Степ., адм., р. 1803 г., † 1853 г., LXV, 663, 664, 751, 865, т. LXVI, 86, 87, 92.
Нащокинъ, П. В., т. LXVIII, 305, 446.
Небольсинъ, московск. губернат. 1837 г., LXVII, 690.
Небольсинъ, т. LXV, 396.
Неволинъ, профес., † 1855 г., т. LXV, 403, т. LXVI, 631.
Невѣровскій, Дм. Петров., ген. 1812 г., т. LXVI, 487.
Негребецкій, Феликсъ Фортунатовичъ, офиц., † 1865 г., т. LXV, 755, 757, 758.
Недавѣцкій, докт., т. LXV, 239.
Ней, профес. 1849 г., т. LXV, 401.
Нейдгардъ, Александръ Ив., ген-ад., об.-квартирм. арміи 1831 г., т. LXVI, 358, т. LXVIII, 6, 85, 513.
Нейдгардъ, почетн. опекунъ, т. LXVII, 413.
Нейрейтеръ, пѣвица, т. LXVI, 19.
Некрасова, Е. С., т. LXVIII, 765.
Некрасовъ, Никол. Алексѣев., писатель р. 1821 г., † 1877 г., т. LXV, 235, 495, 652, т. LXVII, 348, 356, 599, т. LXVIII, 58, 137, 138, 155, 165, 167, 608, 691, 693.
Некрасовъ, атаманъ 1709 г., т LXVIII, 443.
Нелединскій-Мелецкій, почетн. опекунъ, т. LXV, 810, т. LXVII, 413.
Нелединскій, Юрій Александр., т. LXVI, 654, т. LXVII, 283.
Нелединскій, т. LXVII, 283.
Нелидова, Варвара Аркадьевна, фрейлина 1848 г., LXV, 656, т. LXVI, 647, т. LXVII, 307, 417, 429, т. LXVIII, 475.
Нелидова, Екат. Ив., камеръ-фрейлина, т. LXV, 829.
Немировичъ-Данченко, В. И., писатель, т. LXVIII, 382.
Немоіовскіе, т. LXVI, 164.
Непокойчицкая, М. Д., т. LXV, 565.
Непокойчицкій, А. А., ген.-ад. 1876 г., т. LXVI, 413, 419, 423, т LXVIII, 666, 667.
Неронова, Елис. Вас., см. **Хераскова**.
Несмѣловъ, чинов. 1837 г., т. LXVII, 683.
Нессельроде, гр-ня, см. **Зеебахъ**, баронесса.
Нессельроде, гр-ня, т. LXVI, 640, 650, т. LXVII, 206.
Нессельроде, Дмитрій, д. ст сов. 1855 г., т. LXVI, 70.
Нессельроде, гр., Карлъ Васил., канц., р. 1780 г., † 1862 г., т. LXV, 71, 155, 156, 167, 194, 195 198, 199, 200, 324, 328, т. LXVIII, 500.
Несторъ, лѣтописецъ, т. LXVIII, 221.
Неустроевъ, Александръ Александров., сообщ.: „Александръ Ивановичъ Вилуанъ и первое концертное путешествіе по Европѣ А. Г. Рубинштейна, 1848—1842 гг.“, т. LXV, 247—280.
Неустроевъ, Александръ Николаев., библіографъ, т. LXVIII, 304, 307.
Нечаева, Нина Никол., см. **Юрлова**.
Начаевъ-Мальцевъ, Юрій, т. LXV, 456.
Неѣлевъ, Александръ Дм., ген.-маіоръ 1828 г., т. LXVIII, 101.
Неѣловъ, Перфилій Ив., т. LXVIII, 443.
Неѣловъ, Филиппъ Перфильевъ, прапорщ. 1720 г., т. LXVIII, 443.

Никаноръ, митроп. 1849 г., т. LXV, 397.
Никитенко, Александръ Вас., проф.-акад., р. 1804 г., † 1878 г., его дневникъ 1844—1860 гг., т. LXV, 35—53, 371—406, 629—653, т. LXVI, 25—48, 271—297, 611—638, т. LXVII, 133—160, 361—377, 575—626, т. LXVII, 133—160, 361—377, 575—626, т. LXVIII, 137—186, 383—422, 585—614. упом. т. LXV, 228, т. LXVI, 648, т. LXVII, 356, 627, т. LXVIII, 294, 307, 468.
Никитенко, Софья Александровна, собщ.: «Поправки къ „Дневнику" А. В. Никитенко», т. LXVIII, 468, упом. 762.
Никитинъ, ст.-секрет. 1850 г., т. LXV, 630.
Никитинъ, графъ, нач. воен. посел. въ Южной Россіи, въ 1840—1850 гг., т. LXVI, 171, 172.
Никитинъ, В. В., т. LXVIII, 572.
Никитинъ, П., авт. кн. „Исторія города Смоленска" 1847 г., т. LXVIII, 735.
Никитскій, Александръ Ив., профес., т. LXVIII, 311.
Никифоровъ, Н. П., т. LXVIII, 559, 563.
Никола (святоша), кн. Черниговскій, т. LXV, 882.
Николаева, Ольга Конст., рожд. Кокшарова, т. LXV, 625.
Николаи, Фридрихъ, издат. соч. Екатерины II, на нѣм. яз. 1787 г., т. LXV, 153, 772.
Николаи, баронъ, Л. П., фл.-ад. 1845 г., т. LXVII, 181.
Николаи, бар., совѣтн. посольства въ въ Лондонѣ 1857 г., т. LXVI, 552.
Николай I, императоръ, р. 1796 г., †1855 г., т. LXV, 21—81, 134, 226—228, 282, 283, 321, 322, 332—368, 489, 513, 551, 568—570, 601, 614, 615, 622, 627, 628, 656, 661, 681, 685, 689, 698, 700, 715, 717, 742, 812, 832, 844, т. LXVI, 1—14, 21, 59, 63—76, 130, 149—157, 164—175, 184, 201, 257, 297—310, 330, 332, 334, 337, 353—359, 361—364, 382, 411, 469, 476—479, 489, 490, 500, 506, 510, 523, 569, 583, 586, 589, 611, 612, 623, 658, 659, 694—698, 708—711, т. LXVII, 25, 55, 63, 64, 109, 116—131, 134, 165, 168, 170, 179, 180, 182, 184, 190—194, 293, 313, 376, 434, 443, 589, 591, 642, 648, 699, 705, 706, т. LXVIII, 3, 8, 11, 25, 33, 84, 111, 112, 145, 152, 190, 219, 282, 286, 287, 315, 318, 321, 331, 336, 351, 375—377, 457, 462, 477, 489—534, 539, 543, 718, 737, 748.
Николай Александровичъ, вел. князь цесаревичъ, † 1865 г., т. LXV, 304, 499, т. LXVI, 335, 336, 478, 502, т. LXVII, 590.
Николай Александровичъ, наслѣдникъ цесаревичъ 1890 г., т. LXVI, 492.
Николай Константиновичъ, вел. кн., т. LXV, 134.
Николай Николаевичъ старшій, вел. князь, т. LXV, 665, 672, 673, 860, т. LXVI, 49, 90, 308, 578.
Никольскій, Владиміръ Васильев., преподаватель, писатель, т. LXVIII, 307.
Никовъ, капит. 1771 г., т. LXVI, 121, 122.
Нимейеръ, Феликсъ, профес., т. LXVI, 232.
Новаковскій, драм. артистъ 1830 г., т. LXV, 25.
Новикова, Вѣра Николаевна, т. LXVII, 463.
Новиковъ, И. А., т. LXV, 874.
Новиковъ, Никол. Ив., писатель и издатель, р. 1744 г., † 1818 г., т. LXV, 764, 771, т. LXVII, 457—467, 655, т. LXVIII, 303.
Новиковъ, П. А., т. LXVIII, 305.
Новицкая, Марья Дм., въ зам. Дюръ, актриса, т. LXVI, 19, 466.
Новицкій, бывш. воспит. Двор. полка, т. LXVI, 246.
Новокрещенныхъ, Н. Н., чл. ученой пермск. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 571.
Новосильскій, Ѳед. Мих., адмир. 1856 г., т. LXVII, 135.
Новосильцева, г-жа, т. LXVII, 285.
Новосильцевъ, гр., Никол. Никол., ст.-секрет., р. 1761 г., † 1838 г., т. LXV, 23, 144, т. LXVIII, 213, 304, 513.
Новосильцовъ, Петръ Александров. т. LXV, 98.
Новотроицкій, педагогъ, т. LXV, 310.

Нонинскій, тайн. сов., ген. об.-аудиторъ 1852 г., т. LXV, 639, 641.
Нольде, бывш. воспитан. Конст. учил., т. LXVI, 247.
Норденшильдъ, бар., Адольфъ, путешествен., т. LXV, 603, т. LXVI, 9.
Норденшильдъ, Нилъ, минералогъ, т. LXV, 602, т. LXVI, 9, 468, 532.
Норовъ, Авраамъ Сергѣев., мн-ръ нар. просв., чл. госуд. совѣта, т. LXV, 629, 634, 638, 650, т. LXVI, 34—47, 271—296, 451, 546, 613—638, т. LXVII, 133, 134, 137, 138, 139, 140, 142, 143, 144, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 157, 158, 159, 160, 361, 362, 365, 367, 368, 370, 580, 584, 586, 587, 609, т. LXVIII, 140, 190, 305, 608.
Норовъ, декабристъ, т. LXVIII, 25.
Носовичъ, писат., т. LXVIII, 294.
Нотбекъ, художн. 1862 г., т. LXVI, 205.
Ноцоно, Николай, маіоръ 1786 г., томъ LXVII, 524.
Нумерсъ, инспект. Царскосельск. лицея 1824 г., т. LXV, 842.
Нурали-ханъ 1774 г., т. LXV, 790, 791, 794, т. LXVI, 107.
Нѣмцевичъ, Юліанъ, т. LXV, 32, 682, 695, 697, 704.

Ободовскій, инспект. Екатерин. инст. 1844 г., т. LXV, 40.
Оболенская, княгиня, рожд. Нелединская, т. LXVII, 197.
Оболенскій, кн., Алекс. Вас., фл.-ад. 1845 г., т. LXVII, 181, т. LXIII, 662.
Оболенскій, кн. Дм. Александр., статсъ-секретарь, членъ государствен. совѣта, т. LXVI, 30.
Оболенскій, Евгеній Петров., декабр., т. LXVIII, 8.
Оболенскій, кн., Мих. Андреев., нач. арх. мн-ра иностр. дѣлъ 1841 г., т. LXV, 396, 397, т. LXVIII, 430.
Оболенскій, профессоръ, бывш. инспект. Царскосельск. лицея, т. LXV, 840.
Обольяниновъ, поруч. 1799 г., т. LXVIII, 712.
Обольяниновъ, Петръ Хрисанф., ген.-прокур. 1800 г., т. LXVI, 137, 138.
Образцова, помѣщица 1785 г., т. LXV, 781.
Обручевъ, офиц. 1830 г., т. LXV, 30.
Обрѣсковъ, Алексѣй, кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
Оверъ, А. И., докт., т. LXVII, 630.
Овчинниковъ, М. В., чл. нижегородск. ученой архивн. комис. 1889 г., том LXVIII, 563.
Огарева, Елисав. Ив., т. LXVIII, 75.
Огарева, Марья Львовна, рожд. Рославлева, т. LXVIII, 22, 58, 66, 67, 79.
Огарева, Наталья Алексѣевна, рожд. Тучкова, сообщ.: „Замѣтки къ Запискамъ Т. П. Пассекъ", т. LXV, 229—232, „Записки 1828—1878 гг.", т. LXVIII, 1—80, „Поправки къ Запискамъ", 702, упом. т. LXVII, 224, т. LXVIII, 748.
Огаревъ, Никол. Платоновъ., писатель, р. 1815 г., † 1877 г., его стихотворенія, т. LXV, 222, т. LXVI, 199—200, т. LXVII, 224, т. LXVIII, 485, 486, упом. т. LXV, 230—232, 449, т. LXVIII, 22, 23, 34—40, 53, 55—79, 764.
Огюблинъ, Н., сообщ.: „Датскій королевичъ Вольдемаръ въ Москвѣ въ 1644—1645 гг.", т. LXVI, 343—345.
Ограновичъ, кадетъ 1857 г., т. LXVI, 400, 401.
Огрызко, польск. писатель, т. LXVIII, 152, 154, 157, 158.
Одинцовъ, Алексѣй Алексѣев., ген.-отъ-инф., род. 1803 г., † 1886 г., Записки его, т. LXV, 21—34, упом. 713, т. LXVII, 312.
Одоевская, княгиня, Ольга, рожд. гр-ня Ланская, т. LXVII, 632, 650.
Одоевскій, кн., Алекс. Ив., декабр., писатель, р. 1804 г., † 1839 г., т. LXVIII, 506.
Одоевскій, кн., Владим. Өед., писатель, сенаторъ, † 1875 г., т. LXV, 42, т. LXVI, 25, 29, 35, 40, 634, т. LXVII, 632.
Одоевскій, кн., Никита Ив., боярин 1644 г., т. LXVI, 343—345.
Одоевскіе, князья, т. LXVI, 557, т. LXVII, 631.

Ожаровскій, гр., при посольствѣ во Франціи 1806 г., т. LXV, 156.
Ожаровскій, гр., начальникъ корпуса 1830 г., т. LXV, 715.
Ожаровскій, Яковъ, т. LXV, 548.
Озеровъ, Алекс. Петров., русск. повѣрен. въ Константинополѣ, т. LXV, 558, 559, 565, т. LXVI, 323, 585.
Озеровъ, Никол. Петров., юнкеръ 1859 г., т. LXVI, 609.
Озеровъ, т. LXVII, 226.
Ознобишина, т. LXV, 649.
Окскерно, бар., 1851 г., т. LXVIII, 658.
Омулова, фрейлина 1845 г., т. LXVI, 647.
Олегъ, князь, т. LXVIII, 302.
Оленина, Александра Андреевна, рожд. Долгорукая, т. LXVII, 401.
Оленина, Варвара Алексѣевна, † 1877 г., т. LXVII, 387, 388.
Оленина, Елис. Марковна, рожд. Полторацкая, † 1838 г., т. LXVII, 387, 388, 389, 390, 391, 400, 409, 410.
Олениинъ, Алексѣй Алексѣев., т. LXVII, 387, 401, 409.
Олениинъ, Алексѣй Никол., дир. публ. библ., президт. акад. худож., † 1843 г., т. LXVII, 387, 388, 389, 391, 400, 409, 410.
Олениинъ, Григ. Никандров., д. ст. сов., т. LXVII, 388.
Олениинъ, Никол. Алексѣев., т. LXVII, 387.
Олениинъ, Петръ Алексѣев, т. LXVII, 387, 409.
Олениинъ, полковн. 1805 г., т. LXVIII, 210.
Олениины, т. LXVII, 387, 388.
Олениичъ, команд. Витебск. полка 1855 г., т. LXVI, 315, т. LXVII, 442.
Олигеръ, А. В., т. LXVIII, 560.
Олсуфьевъ, Адамъ, кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
Олсуфьевъ, гр., Николай Дм., адъют. вел. кн. Конст. Павлов. 1811 г., т. LXVII, 16, 17, 33—39, т. LXVI, 595.
Олсуфьевъ, генер. 1814 г., т. LXVI, 737.
Олсуфьевъ, гр., 1850 г., т. LXVIII, 655.
Ольга, св., вел. княгиня, т. LXVIII, 316, 579, 580.
Ольга Константиновна, вел. княгиня, королева эллиновъ, т. LXVIII, 579.
Ольга Николаевна, вел. княг., королева Виртембергская, род. 1822 г., т. LXV, 54, 71, 324, 336, т. LXVI, 408, 572, 573, 647, 658, т. LXVIII, 356.
Ольденбургская, принцесса, т. LXVIII, 377.
Ольденбургскій, принцъ, Георгій, томъ LXV, 103.
Ольденбургскій, принцъ, Петръ Георгіевичъ, т. LXV, 40, 649, т. LXVI, 512, т. LXVIII, 375, 377, 379.
Ольриджъ, актеръ 1858 г., т. LXVII, 617.
Ольшевскій, Мелетій Яковл., ген.-отъ-инф., т. LXV, 557.
Онопріенко, ген.-м. 1890 г., т. LXVI, 240.
Оомъ, Анна Фед., см. Фурманъ.
Опочинина, Вѣра Ив., рожд. Скобелева, т. LXV, 636.
Опочининъ, Ѳед. Петр., чл. государств. совѣта, д. тайн. сов., т. LXV, 22, 23, 29.
Ореусъ, Авдотья Максим., см. Сутгофъ.
Ореусъ, Ив. Ив., генер.-маіоръ генер. штаба, военный писатель, сообщ. историко-біограф. очеркъ: „Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ", т. LXV, 147, 461—495, 496, упом. т. LXVIII, 723, 724.
Ореусъ, Ив. Максимов., генералъ, т. LXV, 68, 496.
Орлова, гр-ня, т. LXV, 329.
Орловъ-Давыдовъ, гр., т. LXVIII, 773.
Орлова-Денисова, графиня, т. LXVI, 660.
Орловъ-Денисовъ, гр., Ѳед. Васильев., генер. 1848 г., т. LXVI, 699, 700, томъ LXVIII, 522.
Орловы-Денисовы, т. LXV, 332.
Орловъ-Чесменскій, гр., Алексѣй Григ., ген.-анш., р. 1737 г., † 1808 г., т. LXV, 332, т. LXVIII, 303, 305.
Орловъ, гр., впослѣдств. кн., Алексѣй Ѳед., шефъ жанд., † 1861 г., т. LXV, 328, 373, 377, 379, 401, т. LXVI, 27, 151—157, 301, 355, 362, 576, 586, 587, 623, 696, 697, 728—730, т. LXVII, 145, 155, 184, 294—378, 591, 625, 701, томъ LXVIII, 76, 77, 179, 228, 475.

Орловъ, гр., Григ. Григ., ген.-фельдм., р. 1734 г., † 1783 г., т. LXV, 322, 323.
Орловъ (Капыловъ), И. В., артистъ, т. LXV, 621.
Орловъ, Мих. Ѳедоровичъ, ген. 1822 г., т. LXVI, 365, 368.
Орловъ, гр., Николай Алексѣев., ген.-ад. 1861 г., т. LXVI, 83, т. LXVII, 181, т. LXVIII, 671.
Орловъ, заводчикъ 1840 г., т. LXV, 541.
Орловъ, 1840 г., т. LXVII, 555.
Орловы, графы, т. LXV, 328, 332.
Ортенбергъ, генералъ 1849 г., т. LXV, 395, 397.
Орурикъ, гр., генер. 1812 г., т. LXVIII, 528, 529.
Осиповъ, художн. 1855 г., т. LXVI, 312.
Остенъ-Сакенъ, Анна Ив., т. LXVI, 58.
Остенъ-Сакенъ, гр-ня, т. LXVII, 639.
Остенъ-Сакенъ, Дмитрій Ерофѣевичъ, бар., впослѣдств. гр., ген.-ад. 1855 г., т. LXV, 554, 555, 558, 559, 560, 562, 563, 564, 565, 566, 572, 744, 751, томъ LXVI, 56, 57, 58, 93, 95, 737, т. LXVII, 50, 51, 52, 75, 160, 170, т. LXVIII, 105, 516, 665, 677, 678.
Остерманъ-Толстой, гр., А. И., генер. 1806 г., т. LXV, 211, т. LXVI, 485, 489.
Остерманъ, Ѳедоръ, т. LXVII, 645.
Остерманъ, Иванъ, т. LXVII, 645.
Остерманъ-Толстой, графъ, т. LXVI, 672, т. LXVII, 645.
Остермейеръ, Григ. Богд., маркшейдеръ горн. корп. 1830 г., т. LXV, 617, 619, 620, 621, 624, 627, т. LXVI, 1.
Островскій, Александръ Никол., писат., род. 1823 г., † 1886 г., т. LXVII, 136, 137, 643, т. LXVIII, 155, 759.
Островскій, Владиславъ, т. LXV, 685—705.
Острогорскій, Викторъ Петр., писатель, т. LXVI, 453, т. LXVIII, 772.
Остроградскій, академикъ, профессоръ, т. LXVI, 293, 296, 619, т. LXVII, 585, 587.
Офенбергъ, бар., нач. кавалерійск. корп. 1857 г., т. LXV, 226, т. LXVI, 174, т. LXVIII, 477, 478.
Офросимовъ, М. А., т. LXVIII, 125.
Охотниковъ, В. П., т. LXV, 594.
Очкинъ, издат. „Спб. Вѣдом." 1846 г., т. LXV, 49, 640, т. LXVII, 349.

Павелъ I, императоръ, р. 1754 г., † 1801 г., т. LXV, 323, 330, 334, 600, 664, 813, 821, 829, т. LXVI, 75, 76, 79, 80, 137, 138, 158—160, 483, 484, 490, 549, 570, 674, 708, т. LXVII, 15, 64, 477, 493, 495, 498, 645, т. LXVIII, 2, 4, 230, 531, 768.
Павелъ Александровичъ, вел. князь, т. LXVI, 493, 500, 502.
Павлова, Каролина Карловна, писат-ца 1854 г., т. LXV, 420, т. LXVI, 283, 284.
Павловъ, Никол. Филипповичъ, писатель, т. LXVIII, 138, 353, 354, 396.
Павловъ, ген. 1854 г., т. LXV, 674, 677.
Павловъ, поруч., † 1855 г., LXV, 756.
Павловъ, химикъ 1833 г., т. LXV, 245.
Павловскій, Иванъ Фр., т. LXVI, 393.
Паганини, арт.-музыкантъ, т. LXV, 26.
Паго, бывш. восп. Конст. воен. учил., т. LXVI, 247.
Падалко, Васил. Кирилов., енисейск. губернат. 1848 г., т. LXV, 125.
Палаузовъ, Спиридонъ Николаевичъ, цензоръ, писатель, т. LXVIII, 182.
Паленъ, гр., Констант. Иванов., псковск. губернат. 1855 г., м-ръ юстиціи, ч. госуд. сов., т. LXVIII, 321.
Паленъ, гр., Никол. Петров., т. LXV, 75.
Паленъ, бар., Матв. Ив., прибалт. ген.-губ., † 1863 г., т, LXV, 353, 355, 363, 365, 366.
Паленъ, гр., Ѳед. Петров., LXV, 75.
Паленъ, Петръ Петров., посолъ во Франціи 1820 г., т. LXV, 63.
Палибинъ, подпоруч. 1828 г., т. LXVIII, 101.
Палимсестовъ, И. У., педагогъ, т. LXVII 564—568.
Палимсестовъ, Ѳед. Ив., т. LXVII, 566.
Пальменбахъ, Александра Евстафьевна, въ зам. баронесса Вюлеръ, т. LXV, 822, т. LXVII, 435.
Пальменбахъ, Екат. Евстафьев., въ зам. Шулепова, т. LXV, 822.

Пальменбахъ, Елис. Александр., рожд. баронесса Черкасова, нач-ца смольн. монаст. 1797—1802 гг., † 1832 г., т. LXV, 811, 819—832, т. LXVII, 413—436.

Пальменбахъ, Софья Евстафьевна, въ зам. Ватюшкова, т. LXV, 822.

Пальменбахъ, г-жа, † 1797 г., т. LXVII, 426.

Пальменбахъ, Евстафій Ив., полковн., † 1794 г., т. LXV, 822.

Пальменбахъ, Ив. Ив., ген-поруч. 1760 г., т. LXV, 821.

Пальмъ, др. писат., т. LXVIII, 760.

Пальчевскій, чиновн. 1836 г., т. LXVII, 251.

Панаева, Авдотья Яковл., рожден. Брянская, по второму мужу Головачева, т. LXVIII, 61.

Панаевъ, Влад. Ив., тайн. сов., писатель, правит. канц. мин. двора 1858 г., т. LXV, 52, т. LXVII, 584, 591, томъ LXVIII, 765.

Панаевъ, Ив. Ив., писат., т. LXV, 53, 641, 652, т. LXVII, 144, 356, 575, 590, 599, т. LXVIII, 58, 137, 138, 142, 165, 167.

Панаевъ, офиц. 1854 г., т. LXV, 659.

Пандеръ, геологъ, т. LXVI, 15, 468.

Паниинъ, гр., Викт. Никит., мп-ръ юстиціи, чл. госуд. совѣта, р. 1801 г., † 1874 г., т. LXV, 873, 877, т. LXVI, 69, 283, 284, т. LXVII, 290, 576, 580, 582, 591, 597, 618, 624, т. LXVIII, 159, 360, 384, 387, 396.

Паниинъ, гр., Никита Ив., канцлеръ, бывшій воспит. вел. кн. Павла Петровича, р. 1718 г., † 1783 г., т. LXVIII, 230, 233.

Паниинъ, гр., Никита Петров., вице-канцл., † 1837 г., т. LXVIII, 233.

Паниинъ, гр., Петръ Ив., ген.-анш., р. 1720 г., † 1789 г., т. LXV, 556, т. LXVIII, 233.

Панкевичъ, профес., т. LXVII, 482.

Пановъ, Никол. Ив., д. тайн. сов., сообщ.: „Степанъ Петровичъ Шевыревъ," томъ LXVII, 627—630.

Пановъ, д. ст. сов. 1890 г., т. LXVI, 240.

Пановъ, т. LXVII, 212.

Панси еръ, Лаврент. Ив., докт. филос оф, т. LXVI, 468, 469.

Пантеніусъ, ген-маіоръ 1824 г., т. LXV, 121.

Панчиковскій, драм. артистъ 1830 г., т. LXV, 25.

Панчулидзева, Варвара Никол., рожд. Загоскина, т. LXVIII, 464.

Панчулидзевъ, Алексѣй Давыдов., саратовск. губернат. 1823 г., т. LXVII, 532.

Панчулидзевъ, Александръ Алексѣев., пензенск. губернат., т. LXVIII, 22, 31, 66, 462—465.

Панчулидзевъ, С. А., чл. сарат. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 563.

Паншинъ, помѣщ. 1830 г., т. LXV, 251.

Панютинъ, полковн. 1876 г., т. LXVI, 435.

Пардалоцкій, Ѳ. Ѳ., археологъ, сообщ.: «Валдайская старина 1777—1797 гг.», т. LXV, 775—789, упом. т. LXVI, 210.

Паризо-де-Ла-Валеттъ, М., сообщ. „Письмо в. к. Михаила Павловича къ гр. Ланжерону, 1831 г.", т. LXVIII, 473, 474.

Парротъ, ректор. дерптск. унив. 1827 г., т. LXV, 365.

Парчевскій, ген. 1890 г., томъ LXVI, 246, 247.

Паскевичъ, княг., Елисавета Алексѣевна, т. LXV, 62, 570.

Паскевичъ, Алексд. Ив., см. Балашева.

Паскевичъ, Ив. Ѳед., гр. Эриванскій, кн. Варшавскій, ген.-фельдм., † 1856 г., т. LXV, 62, 77, 819, т. LXVI, 155, 156, 363, 578, 583, 697, 702—705, томъ LXVII, 181, 182, 184, 391, 401, томъ LXVIII, 123, 233, 339, 527, 671, 672, 676, 677.

Паскевичъ, кн., Ѳед. Ив., фл.-ад. 1845 г., т. LXVI, 51, 70, т. LXVII, 181.

Пассекъ, Алексд. Вадимов., томъ LXV, 443, 456.

Пассекъ, Вадимъ Васильев., писатель, † 1843 г., т. LXV, 453.

Пассекъ, Влад. Вадимов., т. LXV, 430, 443, 454.

Пассекъ, Елена Ефимовна, т. LXV, 449, 454.
Пассекъ, Ольга, т. LXV, 430, 440, 460.
Пассекъ, Сергѣй Влад., т. LXV, 430—460.
Пассекъ, Татьяна Петров., рожд. Кучина, писат—ца, р. 1810 г., † 1889 г., т. LXV, 229, 420, 429—460, т. LXVI, 279, т. LXVII, 224, т. LXVIII, 24, 49.
Пастовскій, прапорщ. 1828 г., т. LXVIII, 87.
Патермуфій, архим., чл. орловск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 569.
Патиуль, Марія Александр., рожд. маркиза де-Траверсе, сообщ. стихотвореніе: „Павловцу“, 1890 г., т. LXVII, 216, упом., 492.
Патиуль, Александръ Владим., ген.-ад., команд. л.-гв. Павловск. полка 1855 г., т. LXVI, 491, 492.
Патрикій Наримонтовичъ, князь 1383г., т. LXVIII, 428.
Паулучи, маркизъ, прибалтійск. ген.-губ., т. LXV, 350, 352, 353—355, 357, 363.
Пафнутьевъ, сообщ.: „Камергеръ Яковлевъ“, т. LXVI, 701.
Пацъ, т. LXV, 682, 704, 726.
Пашкова, Варвара Ив., въ зам. княг. Долгорукова, р. 1793 г., † 1816 г., т. LXV, 102, 336.
Пашковъ, Ипполитъ Александр., стат. совѣтн., издат. „Игрушечки“ 1882 г., † 1889 г., т. LXV, 442, 447, 457.
Пейкеръ, ценз. 1853 г., т. LXVI, 32.
Пеликанъ, тайн. сов. 1856 г., т. LXVI, 705.
Пекарскій, Петръ Петров., академ., † 1872 г., т. LXVIII, 300, 303.
Пелепелицынъ, т. LXVIII, 431.
Перваго, г-жа, т. LXVIII, 33.
Первухинъ, Н. Г., т. LXVIII, 563.
Переверзевъ, кіевск. губернат. 1837 г., т. LXVI, 41, т. LXVII, 691, 692.
Перемышинъ, заводчикъ, т. LXV, 610.
Перепелицынъ, издат. „Музыкальнаго Словаря“, т. LXV, 250.
Перепелицынъ, полковн. 1890 г., томъ LXVI, 239.
Переплетчиковъ, Яковъ, † 1771 г., т. LXV, 582.
Перовскій, Борисъ Алексѣев., графъ, ген.-ад., чл. госуд. сов., † 1881 г., т. LXVII, 182.
Перовскій, Васил. Алексѣев., графъ, оренб. ген.-губернат., т. LXVI, 23, 249, 250, 251, 266, 651, т. LXVIII, 461, 661.
Перовскій, гр., Левъ Алексѣев., мин-ръ внутрен. дѣлъ, † 1856 г., т. LXV, 36, 41, 125, 224, 386, 402, т. LXVI, 340, 390, т. LXVII, 67—77, 82, 89, 91—95, 117, 123, т. LXVIII, 53, 54, 361, 363, 376, 378.
Перро, балетмейстеръ 1834 г., т. LXVI, 3.
Перфильевъ, т. LXVIII, 357.
Перхимусъ, маіоръ 1797 г., т. LXVIII, 575, 577.
Пестель, г-жа, рожд. фонъ Крохъ, т. LXVII, 386.
Пестель, Ив. Борисов., почт-директ. 1790 г., впосл. сибирск. ген.-губ., томъ LXV, 297.
Пестель, Пав. Ив., полковн., декабр., † 13-го іюля 1826 г., т. LXV, 333, т. LXVII, 378, 380, 385, 386, т. LXVIII, 490, 491, 492.
Пестель, ген.-лейт., таврич. губернат. 1854 г., т. LXV, 667.
Пестичъ, капитанъ 1855 г., т. LXV, 564.
Пестова, жена офиц. 1812 г., т. LXV, 8, 9.
Пестовъ, капит. 1854 г., т. LXVIII, 677, 678.
Петель, докт. 1820 г., т. LXV, 842.
Петрашевскій (Буташевичъ-Петрашевскій), Мих. Вас., † 7 декабря 1866 г., т. LXVIII, 59—65, 376, 378, 475, 748.
Петриковъ, т. LXV, 777.
Петрини, кадетъ 1857 г., т. LXVI, 399.
Петрова, Марія, т. LXVII, 412.
Петровъ, А. П., т. LXV, 681.
Петровъ, Ив., казацк. атаманъ 1567 г., т. LXVIII, 299.
Петровъ, В. В., д. ст. сов., иркутскій впослѣд. виленскій вице-губернаторъ † 1889 г., т. LXVI, 241, 702—705.
Петровъ, Осипъ Аванас., арт.-инженеръ, р. 1805 г., † 1877 г., т. LXVI, 18.
Петровъ, Серг. Петров., т. LXVII, 412.

Петровъ, Николай Павловичъ, ген.-лейт., воен.-инж. 1890 г., т. LXVI, 240.
Петровъ, прапорщ. 1828 г., т. LXVIII, 87.
Петровскій, Алексѣй Тимоѳеев., священникъ, т. LXVII, 553.
Петрушевскій, А., профес., т. LXVIII, 754.
Петръ I, императоръ, р. 1672 г, †1725 г., т. LXV, 322, 379, 389, 392, 403, 599, 811, 817, т. LXVI, 74, 76, 78, 125—132, 347, 484, 674, 710, 711, т. LXVII, 448, 471, 525, 617, 644, 705, т. LXVIII, 1, 221—260, 286, 287, 295—309, 365—367, 546, 734, 757.
Петръ II, императоръ, р. 1715 г., †1730 г., т. LXVIII, 230.
Петръ III, Ѳедоровичъ, императоръ, род. 1728 г., † 1762 г., т. LXV, 597, 812, т. LXVII, 4, т. LXVIII, 233, 236.
Петръ, Каменскій, архим. 1840 г., томъ LXVIII, 570.
Пецольдъ, инжен., т. LXV, 741.
Печоринъ, Я., писат. 1876 г., т. LXVIII, 773.
Пещуровъ, псковск. губернат. 1837 г., т. LXVII, 690, 692.
Пигоревъ, чл. орлов. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 559.
Пильбахъ, ген. 1853 г., т. LXVI, 42.
Пирогова, Екат. Дм., рожд. Веревина, т. LXVII, 340, 341, 343, 345.
Пироговъ, Николай Ивановичъ, хирургъ, профес., р. 1810 г., † 1881 г., т. LXV, 239, т. LXVI, 95, 104, 229, 277, 478, 518, 519, т. LXVII, 327, 333, 341, 343, 344, 345, 357, т. LXVIII, 614.
Писарева, Александра Алексѣевна, въ зам. гр-ня Бобринская, т. LXVI, 224.
Писаревъ, т. LXVIII, 520.
Писемскій, Алексѣй Ѳеофилактовичъ, писат., т. LXVI, 635, т. LXVIII, 182, 396, 569, 764.
Писаревъ, П. И., чл. тамбовск. губерн. ученой архивн. комис. 1889 г., томъ LXVIII, 554, 561.
Пичугинъ, Петръ, † 1771 г., т. LXV, 582.
Плаксинъ, Васил. Тимоѳеев., педагогъ, т. LXV, 592, 593.
Платеръ, гр-ня, Юлія Пав., см. Бобринская, гр-ня.
Платеръ, графиня, т. LXVII, 262, 671.
Платеръ, гр., помѣщ. 1836 г., т. LXVII, 250, 693.
Платеръ, гр., Цезарь, т. LXVI, 224.
Платовъ, гр. Матв. Ив., наказн. атам. Войска донск. 1799 г., т. LXVI, 735, т. LXVIII, 305.
Платоновъ, С. К., чл. тамбовск. ученой архивн. комис. 1889 г., томъ LXVIII, 561.
Платонъ, митроп. кіевск., т. LXVIII, 579, 580.
Плаутинъ, ген. 1855 г., т. LXVI, 304.
Плаутины, 77.
Племянниковъ, Петръ Григ., † 1773 г, т. LXVI, 124.
Пленистеръ, полковн. 1771 г., т. LXVI, 121.
Плетневъ, В. И., чл. тверск. губ. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.
Плетневъ, Петръ Александр., тайный совѣтникъ, акад., ректоръ спб. университета, писат., † 1864 г., т. LXV, 46, 47, 48, 376, 396, 404, 640, т. LXVI, 26, 284, 291, 292, 633, 634, 641, 642, 643, 649, 655, т. LXVII, 136, 143, 152, 195, 196, 280, 281, 282, 373, 623, т. LXVIII, 150, 204—207, 766.
Плехановъ, подполковн. 1860 г., томъ LXVIII, 477—478.
Плещеевъ, А., писат., т. LXVIII, 763.
Плещеевъ, т. LXVIII, 363.
Плещеевы, т. LXVIII, 362.
Плихта, секретарь канцеляр. госуд. сов. Ц. Польск. 1830 г., т. LXV, 24.
Побыванецъ, бывш. восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
Побѣдоносцевъ, Константинъ Петров., об.-прокур. св. синода, чл. госуд. совѣта, дѣйств. тайн. совѣт., т. LXVI, 724, 725, 726.
Побѣдоносцевъ, Петръ Вас., профес., т. LXVI, 689.
Повалишинъ, А. Д., чл. рязанск. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 568.
Погодинъ, Мих. Петров., акад., тайн. сов., р. 1800 г., † 1875 г., т. LXV,

396, 407, 411—418, 647—649, 855, томъ LXVI, 282, 629, 636, 645—651, 679, 694, т. LXVII, 211, 348, 379, 381, 577, 591, т. LXVIII, 281, 282, 286, 299, 300, 311, 392, 752, 765.
Погожевъ, А., писат. 1889 г., т. LXVIII, 773.
Подвинскій, помѣщ. 1836 г., т. LXVII, 235.
Подушкинъ, кап.-лейт. 1840 г., томъ LXV, 868, 869.
Подшиваловъ, профес., т. LXVII, 484.
Пожалостинъ, Ив. П., граверъ акад., профес., т. LXVIII, 720, 723.
Поздневъ, Ив. Ив., священ., т. LXVII, 568.
Позенъ, ст.-секрет. 1835 г., т. LXV, 44, 633, т. LXVI, 340, т. LXVII, 120, 121, 129, 156, 159, 361—363, 587, 600, томъ LXVIII, 179.
Позняковъ, ген.-м. 1790 г., т. LXVI, 144.
Покистенскій, Василій, кол. ассесоръ 1786 г., т. LXVII, 524.
Поклевскій, заводчикъ 1850 г., т. LXV, 541, 542.
Полевой, Никол. Алексѣев., писатель, р. 1796 г., † 1846 г., т. LXV, 52, 246, т. LXVI, 37, 706, т. LXVIII, 303, 305.
Полевой, П. Н., т. LXVII, 692.
Полежаевъ, Александръ, писатель, томъ LXVIII, 19.
Полетаевъ, А. П., сообщ.: „Героямъ Севастополя", стихотвореніе Ю. В. Жадовской, т. LXVIII, 220.
Полетаевъ, Н. И., сообщ.: „Митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ", т. LXVI, 438.
Поливановъ, Влад. Никол., т. LXV, 761, 762.
Поливановъ, Н., офиц. 1834 г., т. LXV, 592, 594.
Поливановъ, сенат. 1835 г., т. LXVII, 114, 115.
Политковскій, Александръ, тайн. сов., директ. канц. комит. о ран. 1853 г., т. LXVI, 32, 36, 701.
Политковскій, воспит. учил. правовѣд. 1848 г., т. LXVIII, 376, 378.
Политковскій, ген. 1857 г., LXVI, 407.
Полье, гр-ня, см. Шаховская, княжна.
Полье, гр., т. LXVI, 21, 22, 647.
Половцова, Надежда Александр., в. зам. графиня Бобринская, т. LXVI, 225.
Полонскій, Ив. Ив., маіоръ 1857 г., т. LXVI, 409.
Полонскій, шт.-кап. 1857 г., т. LXVI, 399.
Полонскій, Л., писат., т. LXVIII, 763.
Полонскій, Яковъ Петров., писатель, т. LXVIII, 137, 138, 763.
Полтавцева, т. LXV, 636.
Полторацкая, А. А., т. LXVIII, 568.
Полторацкая, Анна Петр., см. Керн.
Полторацкая, Елис. Маркова, см. Оленина.
Полторацкій, бывш. воспит. Дворянскаго полка, вып. 1853 г., т. LXVI, 240.
Полторацкій, Сергѣй Дмитріев., библіоф., т. LXV, 764, 771, т. LXVII, 387.
Полторацкіе, т. LXVII, 388.
Полуденскій, П., ученый, т. LXVII, 482.
Поляковъ, † 1771 г., т. LXV, 582.
Поль, А. И., докт. 1857 г., т. LXVII, 630.
Полѣновъ, Дмитрій Вас., писат., академикъ, т. LXVIII, 138.
Помяловскій, Ив. Васильев., профес. 1880 г., ректоръ спб. унив., т. LXVIII, 288, 290.
Помяловскій, Никол. Герасимов., писатель, р. 1835 г., † 1863 г., т. LXVII, 476.
Понафидинъ, т. LXVII, 213.
Понинская, княж., въ зам. принцесса Виронъ, т. LXV, 830.
Пономаревъ, Д. Д., т. LXV, 625.
Пономаревъ, Петръ Алексѣев., членъ казанск. археологическ. общ. 1879 г., т. LXVII, 551.
Пономаревъ, офицеръ 1811 г., т. LXVII 38, 42, 43.
Попандопуло, воспитан. Екатерин. институт. 1853 г., т. LXVI, 47, 48.
Поповичъ, Никол., чиновн. 1789 г., т. LXVII, 525.
Попелло-Давыдовъ, поручикъ 1857 г., т. LXVI, 397.

Попова, жена офиц. 1812 г., т. LXV, 7.
Поповъ, А., чиновн. 1835 г., т. LXVII, 221.
Поповъ, Александръ Никол., чл. редакціонной комис., тайн. сов., писатель, † 1877 г., т. LXV, 873, т. LXVIII, 282, 299, 428, 754.
Поповъ, Алексѣй Кузьмичъ, надв. сов. 1796 г., т. LXVI, 682.
Поповъ, Александръ Ефимов., полковн. 1854 г., т. LXV, 663, 664, 672.
Поповъ, Андр. Петров., шт.-капитанъ 1855 г., † 1860 г., т. LXV, 756.
Поповъ, Василій Никитичъ, чиновн. 1828 г., т. LXVIII, 94, 95, 96, 101, 110.
Поповъ, Васил. Степанов., кабинетъ-секрет. Императрицы Екатерины II, впослѣдст. дѣйст. тайн. сов., чл. госуд. сов., т. LXV, 295, 296.
Поповъ, Василій Тимоѳ., потомств. поч. гражд., сообщ.: „Императоръ Александръ II въ Вологодской губ., въ 1858 г.“, т. LXVIII, 679—688.
Поповъ, Гавр. Степ., камерг., ст.-секр. 1852 г., т. LXV, 641.
Поповъ, И. И., т. LXV, 241.
Поповъ, Мих. Максимов. д. ст. сов. 1848 г., т. LXVII, 299, 300, 303.
Поповъ, Павлинъ Алексѣев., учитель, т. LXV, 310, 313, 314.
Поповъ, Петръ, купецъ 1814 г. LXVIII, 709.
Поповъ, Т., сообщ.: «Остятскіе князья 1864—1884 гг.», т. LXVIII, 457—460.
Поповъ, художн., т. LXVIII, 230.
Поповъ, профессоръ 1855 г., т. LXVI, 627
Поповъ, тит. сов., 1858 г., т. LXVIII, 683.
Поповъ, золотопромышл. 1860 г., т. LXV, 318, 541, 543.
Поприцкій, поруч. 1831 г., т. LXV, 697, 698.
Порозовъ, П. И., горн. офицер., т. LXV, 615, 616.
Порошинскій, протоіерей 1837 г., т. LXVII, 271, 671, 672.
Порошинъ, профес. 1849 г., т. LXV, 396.
Постельниковъ, чиновникъ 1864 г., т. LXVII, 188, 192, т. LXVIII, 481.
Постельсъ, педагогъ, т. LXVI, 615.
Постниковы, купцы, т. LXVIII, 314, 315.
Постовскій, бывш. воспит. Двор. полка, т. LXVI, 247.
Постремовъ, Н., Л., чл. саратов. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 563.
Потанинъ, Г. Н., путешеств., т. LXVIII, 759, 770.
Потаповъ, Александръ Львов., ген.-ад., виленск. ген.-губ. 1869 г., шефъ жанд. 1875 г., т. LXVII, 183, 184, 696, т. LXVIII, 512.
Потемкина, Татьяна Борис., рожд. княжна Голицына, † 1869 г., томъ LXV, 137, 138, т. LXVIII, 188, 379.
Потемкинъ-Таврическій, кн., Григ. Александр., ген.-фельдм., р. 1738 г., † 1791 г., т. LXV, 296, 556, 819, т. LXVI, 133—134, 143, 144, т. LXVII, 64, 174, т. LVIII, 5, 302, 304, 305, 570.
Потемкинъ, Пав., ген. 1774 г., т. LXVIII, 723.
Потоцкая, графиня, Александ., т. LXVI, 165.
Потоцкая, графиня, въ зам. Спада, т. LXVI, 3.
Потоцкій, гр., т. LXV, 29, 733.
Потѣхинъ, А. А., писат., т. LXVIII. 760, 761.
Похвалинскій, Ѳед. Семен., докторъ 1830 г, т. LXVIII, 122.
Похвистневъ, ценз. 1854 г., т. LXVI, 279, 283, 284.
Походяшинъ, Максимъ, заводчикъ 1770 г., т. LXV, 541.
Пошманъ, Семенъ Антон., директоръ учил. правовѣд., † 1848 г., т. LXVIII 375.
Преображенскій, І. Д., чл. костромск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 559.
Пржевальскій, Никол. Мих., ген.-м., путешеств.-изслѣдоват. Азіи, р. 1839 г., † 1888 г., т. LXV, 245, т. LXVIII, 770.
Пржецлавскій, Осипъ Антон., тайн. сов., р. 1799 г., † 1879 г., сообщ.: «Стани-

славъ Сестренцевичъ Богушъ», т. LXVI, 158—166; его Воспоминанія, 381—391, упом. 27, т. LXVIII, 386, 387, 390, 608.
Приклонскій, Василій, кол. сов., директоръ народн. школъ Новгор. губ. 1790 г., т. LXV, 787.
Приморской, помѣщ. 1812 г., т LXV, 13.
Присовъ, стрѣлецъ 1695 г., т. LXVIII, 253.
Проворовъ, Александръ, д. тайн. сов., сообщ.: «Александръ Клеониковичъ Ушаковъ, генералъ - отъ - инфантеріи», т. LXVIII, 541—545.
Проворовскій, кн., Александръ, кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
Проворовскій, Дмитрій Иванов., археологъ, т. LXVIII, 289, 303, 311.
Проворовскій, кн., Ив. Ив., ген.-м., 1790 г., т. LXVI, 146.
Проворовскій, кн., Петръ Ив., бояринъ 1695 г., т. LXVIII, 244, 245, 246, 248.
Проворовъ, купецъ, т. LXVIII, 314, 315.
Прокоповичъ - Антонскій, Антонъ Антоновъ., профес., ректоръ моск. унив. 1825 г., т. LXV, 714.
Прокоповичи-Антонскіе, т. LXV, 233.
Прокофьевъ, кад. Петровск. полт. корп. 1857 г. т. LXVI, 403.
Протасьевъ, гр., Никол. Александров., об.-прокур. св. синода, т. LXV, 71, 131, т. LXVII, 154, 263, 265, 673—677, т. LXVIII, 194.
Протасьевъ, Н.В., чл. рязанск. губ. учен. архивн. ком. 1889 г., т. LXVIII, 560.
Протопоповъ, маіоръ 1842 г., т. LXVII, 562.
Прохоровъ, Василій Александр., археологъ, т. LXVIII, 311.
Пругавинъ, А., писат. 1883 г., т. LXVIII, 771.
Пругавинъ, В., т. LXVIII, 771.
Пранишниковъ, т. LXVI, 651.
Птицынъ, Влад. Вас., сообщ.: „А. С. Пушкинъ въ Малоархангельскѣ въ 1830-хъ гг.», т. LXVI, 410—412; «Старинная пѣсня о городѣ Иркутскѣ", т. LXVIII, 487—488.
Пугачевъ, Емельянъ Ив., † 1774 г., т. LXV, 298, 581—582, 790—796, т. LXVI, 109—119, 466, т. LXVII, 3—11, 614, т. LXVIII, 19, 20, 716, 722, 723, 725, 744.
Пузановъ, Никол. Николаев., капит. 1848 г., т. LXVII, 293, 296.
Пузыревскій, генер., т. LXV, 681.
Пузыревъ, купецъ, т. LXVIII, 314.
Пуни, А. Ц., артистъ, т. LXV, 279.
Пупаревъ, Аркадій Гавриловъ., чл. орловской губернск. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 559, 569.
Пустошкинъ, А., полковн. 1890 г., т. LXVI, 240.
Путырскій, подполковн. 1890 г., т. LXVI. 247.
Путята, А., дѣйств. ст. сов. 1890 г., т. LXVI, 240, 243.
Пуцилло, М., писат., т. LXVI, 125, т. LXVIII, 365.
Пуччи, маркиза, Лидія Пав., см. Воринская, гр-ня.
Пуччи, маркизъ, Робертъ, т. LXVI, 225.
Пушиловъ, арт., т. LXV, 271.
Пушкаренко-Овсѣенко, кадетъ 1857 г. т. LXVI, 403.
Пушкина, жена офиц., т. LXV, 3, 4, 5, 11.
Пушкина, Нат. Ник., см. Гончарова.
Пушкинъ, Александръ Сергѣев., писатель, р. 1798 г., † 1837 г., т. LXV, 104, 309, 643, 794, 841, 852, т. LXVI, 30, 110, 287, 365, 410—412, 650, т. LXVII, 2, 11, 190, 285, 292, 378, 379, 380, 381, 387, 390, 391, 393, 397, 398, 569, 648, 665, 666, т. LXVIII, 12, 305, 309, 445—455, 504, 505, 508, 511, 594—600, 747, 748, 765, 766.
Пушкинъ, Василій Львов., писат., т. LXVII, 388.
Пушкинъ, офиц. 1812 г., т. LXV, 18, 20.
Пушкины, т. LXV, 3, 9.
Пущина, Эмилія Ант., нач-ца патріот. инст. въ Спб., т. LXIII, 616.
Пущинъ, Ив. Ив., декабр., т. LXVIII, 8.
Пущинъ, Михаилъ, полковн., † 1878 г., т. LXVIII, 616.
Пущинъ, Никол. Никол., директ. Дворц. полка 1846 г., т. LXVI, 529, т. LXVIII, 616.

Пущинъ, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 122.
Пущинъ, офиц. 1830 г., т. LXV, 25, 30.
Пфейферъ, домовлад. въ Гапсалѣ 1890 г., т. LXVII, 530.
Пыпинъ, Александръ Никол., профессоръ, писатель и ученый, т. LXVI, 28, 449, т. LXVII, 368, 531, 533, 542, 547, 548, 555, 568, т. LXVIII, 752—766.
Пыпинъ, Н. Д., т. LXVI, 449.
Пыпины, т. LXVII, 533, 534, 548.
Пѣвцова, нач-ца московск. Екатерин. инст. 1798 г., т. LXV, 810, т. LXVII, 413.
Пѣвцовъ, подполковн. 1837 г., т. LXVII, 681.
Пѣтуховъ, Мих. Описифоров., сообщ.: «Протоіерей Д. В. Разумовскій», LXVII, 437—438.
Пясецкій, Г. М., чл. губ. орлов. учен. арх. комис. 1889 г., т. LXVIII, 569.
Пясецкій, 1878 г., т. LXVIII, 769.
Пяткинъ, полковн. 1819 г., т. LXV, 714.
Пятницкій, иркутск. губернат. 1848 г., т. LXV, 125.

Ром—въ, К. К., стихотв. его, т. LXV, 340, 514, т. LXVI, 24, 84, 106, 192, 228, 392, 482, 610, 740, т. LXVII, 278.
Рабцевичъ, поручикъ 1890 г., т. LXVI, 247.
Равинскій, П., путеш. 1880 г., т. LXVIII, 770.
Раевская, Евдокія Васильевна, томъ LXVI, 375.
Раевская, г-жа, т. LXVII, 387.
Раевскій, Владиміръ Ѳедосѣевичъ, его стихотв., т. LXVI, 365—380.
Раевскій, Григорій Ѳедосѣев., корнетъ 1822 г., т. LXVI, 365.
Раевскій, К. И., горн. инж. 1842 г., томъ LXVI, 252, 253, 259, 261, 507.
Раевскій, Ник. Ник., генералъ 1813 г., т. LXVIII, 490, 496.
Раевъ, чиновн. 1835 г., т. LXVII, 75, 76.
Радецкій, гр., фельдмарш., † 1857 г., т. LXVII, 164—167.
Раденъ, бар., нач. Бугск. уланск. полка 1856 г., т. LXVI, 173, 174.
Радищевъ, Александръ Никол., писат., т. LXVII, 613.
Радзивиллъ, кн., вице-канцл. литовск. 1830 г., т. LXV, 682, 695, 697, 726, 799, т. LXVIII, 569.
Радзивиллъ, гр., Леонъ, 1855 г., томъ LXVI, 309.
Разгильдеевъ, бывш. воспит. Дворянск. полка, т. LXVI, 247.
Разгильдяевъ, инж. подполковн. 1848 г., т. LXV, 128.
Разумовская, гр-ня, т. LXV, 626, томъ LXVI, 265.
Разумовскій, гр., Алексѣй Григорьев., ген.-фельдм., род. 1709 г., † 1771 г., т. LXVI, 682, т. LXVIII, 69.
Разумовскій, гр., Алексѣй Кириллов., дѣйств. тайн. сов., мин. народн. просв., род. 1748 г., † 1822 г., т. LXVI, 687.
Разумовскій, Дмитрій Васильев., протоіерей, род. 1823 г., † 1889 г., т. LXVII, 437—438.
Райковскій, свящ. 1844 г., т. LXV, 42.
Райскій, бар., помѣщикъ 1830 г., томъ LXV, 722.
Раль, Адель Алексд., см. Сенковская.
Раль, бар., банкиръ, т. LXVII, 335, 336.
Рамазановъ, Николай Александровичъ, художн.-скульпт., р. 1815 г., † 1867 г., т. LXVII, 627.
Рамбахъ, ректор. дерптск. унив. 1808 г., т. LXV, 350.
Рамзай, сенаторъ 1884 г., т. LXVI, 9.
Раннидъ, архитект. 1868 г., т. LXVIII, 323.
Ранке, писатель, т. LXV, 42.
Распоповъ, П., сообщ.: „Мнѣніе маіора о клубахъ и дворянскихъ собраніяхъ 1840-хъ годовъ", т. LXV, 320.
Раппъ, Е., писат. 1880 т., т. LXVIII, 770.
Раппъ, генералъ 1805 г., томъ LXVIII, 210, 211.
Растрелли, гр., Варѳоломей Варѳолом., архитект. 1760 г., т. LXV, 812, томъ LXVI, 176, т. LXVIII, 367.
Рататовъ, докт. 1844 г., т. LXV, 245.

Ратчекъ, скрипачъ, т. LXVII, 601.
Ратчъ, Ф. И., морякъ 1840 г., томъ LXVI, 85.
Рашевскій, Пав., флотск. офиц. 1855 г., т. LXVI, 102.
Рашель, актриса, т. LXVI, 47.
Раувъ, ученый, составит. космографіи, т. LXVIII, 303.
Раутенштраухъ, гр., т. LXV, 23.
Раухъ, Елисав., въ зам. гр-ня Ферзенъ, т. LXV, 656, т. LXVI, 308.
Раухъ, Е. И., докторъ 1849 г., томъ LXVI, 534.
Рахмановъ, Ник., генералъ 1783 г., томъ LXVI, 133.
Рахманиновъ, издат. „Утренніе часы" 1788 г., т. LXV, 93.
Реадъ, ген.-адъют. 1828 г., т. LXV, 745, 750, т. LXVIII, 543.
Ребровскій, т. LXVIII, 482.
Ребиндеръ, Николай Романов., попеч. кіевск. учебн. окр. 1856 г., т. LXVII, 148, 589—592.
Ребиндеръ, К. Г., воспитатель герцога Н. М. Лейхтенбергскаго, т. LXVI, 480.
Ребиндеръ, директ. департ. мин. народн. просв. 1859 г., т. LXV, 374, т. LXVI, 614, 633, 634, т. LXVII, 365, т. LXVIII, 161, 167—169, 174, 396, 605, 613, 614.
Ребиндеръ, Шарлотта Ив., см. **Михельсонъ**.
Ревельоти, помѣщикъ 1854 г., томъ LXVI, 89.
Регенкамфъ, генералъ, томъ LXVIII, 123, 134.
Резановъ, Н. П. камергеръ 1803 г., томъ LXVI, 120.
Рейсихъ, маіоръ 1844 г., т. LXV, 35.
Рейссигъ, художн., основат. рисовальн. школы въ Спб., т. LXVI, 205—206.
Рейтернъ, Магнусъ, ген.-маіоръ, командир. Павловск. полка 1844 г., т. LXVI, 490.
Рейтернъ, Мих. Христофор., министръ финансовъ 1866 г., статсъ секрет., чл. госуд. сов. 1889 г., р. 1820 г., † 1890 г., т. LXV, 281.
Рейхель, художникъ, т. LXVIII, 6.
Рембелинскіе, т. LXV, 233.
Ремезовъ, протоіерей 1836 г., т. LXVII, 259, 670, 675—677, 684.
Реми, полковникъ 1856 г., т. LXVI, 601, 602, 608.
Ренненкамфъ, русскій агентъ по мануфактурной части въ Берлинѣ 1845 г., т. LXVI, 518, 519.
Ренневичъ, прокуроръ 1835 г., томъ LXVII, 111, 123.
Репнинъ, кн., Николай Васильев., генералиссимусъ, фельдмаршалъ, род. 1734 г., † 1801 г., т. LXVI, 133, томъ LXVIII, 209—214.
Репнинъ, кн., инженеръ, генер.-маіоръ 1737 г., т. LXV, 117.
Репнинъ, кн., Петръ, кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
Репнины, т. LXVIII, 663.
Ржевской, Алексѣй, т. LXVIII, 242, 245.
Ржевской, ценз. 1854 г., т. LXVI, 279, 283, 284, т. LXVIII, 612.
Ржевусскій, гр., Генрихъ, т. LXVI, 392.
Рибасъ, О. М., адмиралъ, т. LXVIII, 302.
Рибопьеръ, гр., А. И., об.-камергеръ, т. LXV, 817.
Ридигеръ, гр., генералъ 1830 г., т. LXV, 283, 735, т. LXVI, 578, т. LXVIII, 494.
Рикманъ, чл. строит. комит. въ Витебскѣ 1837 г., т. LXVII, 675.
Рикманъ, А. И., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 558.
Рикордъ, Петръ Ив., адмиралъ, т. LXV, 44, т. LXVI, 36, 287.
Римскій-Корсаковъ, Григорій Александровичъ, полковн. 1820 г., т. LXVIII, 10—14, 16, 72, 73.
Римскій-Корсаковъ, Сергѣй Александровичъ, т. LXVIII, 12.
Риттеръ, Александръ Павловичъ, поруч. 1857 г., т. LXVI, 398, 407.
Риттеръ, инж., † 1853 г., т. LXV, 615, 617.
Ритчеръ, полковн. 1890 г., т. LXVI, 240.
Рихтеръ, генер. 1830 г., т. LXV, 725.
Рихтеръ, Фридрихъ, офиц. 1830 г., томъ LXV, 25.
Рихтеръ, полковн. 1812 г., т. LXVI, 487.
Де-Роберти, Роза Ив., т. LXVI, 207.

Де-Роберти, Адольфъ Иванов., т. LXVI, 207, 208.
Ровенскій, полковн. 1890 г., т. LXVI, 240.
Ровинскій, Дмитрій Александр., сенат., т. LXVII, 448.
Роговичъ, профес. 1826 г., т. LXVI, 518.
Роговской, ген. 1853 г., т. LXVI, 42, 45.
Родзянко, Екат. Владим., нач-ца Екатерин. инст. 1844 г., т. LXV, 40.
Родзянко, Аркадій, писатель, т. LXVIII, 498, 505.
Родіоновъ, помѣщ. 1835 г., т. LXVII, 108.
Родштейнъ, поруч. 1810 г., т. LXVII, 27,
Рождественскій, Ив. Вас., протоіерей т. LXVI, 244, 245, 246, 477, 478.
Рожнецкій, т. LXV, 29.
Розановъ, Александръ Ив., протоіерей, т. LXVII, 531, 542.
Розановъ, Николай Петровичъ, сообщ.: „Павелъ Михайловичъ Строевъ", томъ LXVI, 683.
Розановъ, Александръ Ив., протоіерей, благочинный, т. LXVI, 450.
Розе, Густавъ, химикъ и геологъ, т. LXV, 223, 224, 225, 604, 606, т. LXVI, 258, 513, 514, 532, 536—540, 546, 561, 564.
Розенбергъ, генер. 1799 г., т. LXVI, 732.
Розенбергъ, М. Б., докт. 1889 г., т. LXV, 252.
Розенъ, Петръ Карлов., бар., 1819 г., т. LXVIII, 727.
Розенъ, бар., ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 120, т. LXVI, 729.
Розенъ, бар., главноком. кавказск арміею, т. LXV, 331, т. LXVI, 358.
Розенъ, бар , кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
Розовъ, А., писат. 1873 г., т. LXVIII, 770.
Розовъ, П. С., приставъ 1861 г., т. LXVIII, 481—483.
Рокасовскій, ген.-маіоръ 1840 г., т. LXV, 320, 395.
Роллеръ, декораторъ, т. LXVI, 3.
Рольбецкій, подполковн. 1831 г., т. LXV, 699.
Ромадина, Анна Ефремовна, въ зам. Бергъ, т. LXV, 302.
Ромадина, Екатерина Ив., томъ LXV, 302, 306.
Ромадина, Ирина Рол., см. Сынбоярская.
Ромадинъ, Василій Ефремов., т. LXV, 302.
Ромадинъ, Ефремъ Ѳед., чиновн. 1796 г., т. LXV, 296, 299, 300, 301, 302.
Ромадинъ, Пав. Ефремов., т. LXV, 302, 307, 312.
Романовъ, Е., т. LXVIII, 309.
Романовскій, Г. Д., профес., т. LXVI, 21.
Романовскій, великій князь, Николай Максимиліановичъ, см. герцогъ Лейхтенбергскій.
Ромашкевичъ, кадетъ 1857 г., т. LXVI, 405.
Роменскій, Павелъ, чиновн. 1786 г., т. LXVII, 525.
Ромишовскій, бывш. восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
Ромодановской, кн., Ѳед. Юрьевичъ, т. LXVIII, 249, 250, 251, 259, 260.
Де-Ронъ, профес. гимнастики 1849 г., т. LXVI, 478.
Росетти, педагогъ 1797 г., т. LXVII, 418.
Рославскій, офиц. 1812 г., т. LXV, 13.
Россетъ, Александръ Осипов., т. LXVI, 656.
Россетъ, Аркадій Осиповичъ, т. LXVI, 642, 644, т. LXVII, 196, 280, 282, томъ LXVIII, 356, 657, 658.
Россетъ, Клементій Осип., т. LXVI, 653, 654, 656, т. LXVIII, 354.
Россетъ, Осипъ Осипов., т. LXVIII, 360, 362, 658.
Россетъ, Софья Ив., т. LXVIII, 362.
Росси, гр-ня, т. LXVI, 537.
Ростиславовъ, Дм. Ив., профес. спб. духовн. акад., т. LXVIII, 192, 193, 203—204.
Ростовцевъ, графъ, Іаковъ Ивановичъ, ген.-ад., перв. предсѣд. ред. комм., р. 1803 г., † 1860 г., т. LXV, 382, 394, 395, 404, 406, 633, 644, 873, 877, т. LXVI, 39, 45, 276, 287, 293—296, 405, 619, 620, 622, т. LXVII, 142, 143, 144. 148,

151, 154, 157, 159, 160, 310, 311, 312, 361, 362, 367, 587, 617, 622, т. LXVIII, 81, 83, 87, 92, 93, 99, 112, 121, 124, 134, 147, 158, 165, 385.

Ростовцевъ, гр., Николай Яковлевичъ, т. LXV, 874.

Ростопчина, гр-ня, Евдокія Петровна, рожд. Сушкова, писательница, † 1858 г., т. LXV, 371—373, 636, т. LXVI, 634, т. LXVII, 201, 206, 336, 577.

Ростопчинъ, графъ, Ѳед. Васильевичъ, об.-камерг., ген.-отъ-инф., моск. главноком. 1812 г., род. 1765 г., † 1826 г., т. LXV, 146, 147, т. LXVII, 651, 653, т. LXVIII, 4, 233.

Ротъ, генер. 1828 г., т. LXVII, 53, томъ LXVIII, 491—493.

фонъ-Роткирхъ (Теобальдъ), В. А., сообщ.: свои Воспоминанія, т. LXVI, 353—359; „Генералы Ушаковъ и Сабашинскій. Къ Запискамъ В. И. Дена", т. LXVII, 439—442, упом. т. LXVIII, 541.

Рошфоръ, чл. археолог. общ., т. LXVIII, 289.

Рубанъ, Ив. Романов., капитанъ 1857 г., т. LXVI, 399, 400—402, 405.

Рубанъ, Василій Григорьев., писатель, т. LXVIII, 305.

Рубинштейнъ, Калерія Христоф., рожд. Левенштейнъ, т. LXV, 253.

Рубинштейнъ, Антонъ Григ., директ. спб. консерваторіи, піанистъ и композиторъ, т. LXV, 242, 247—280, т. LXVI, 628.

Рубинштейнъ, Григ. Романов., купецъ 2-й гильдіи, † 1846 г., т. LXV, 253.

Рубинштейны, т. LXV, 250, 251, 267.

Рудановскій, Константинъ, бывш. восп. Двор. полка вып. 1869 г., ген., т. LXVI, 239.

Рудзевичъ, ген.-лейт. 1824 г., т. LXV, 119, т. LXVI, 731.

Рудневъ, И. Г., вице-адмиралъ, сообщ.: „Историческая справка къ вопросу: Севастополь или Ѳеодосія?", т. LXV, 864—869.

Рудневъ, капит. 1854 г., т. LXV, 680.

Рудницкій, Карлъ Ивановичъ, тайн. сов., т. LXVII, 584, 601.

Рудченко, И., писат. 1872 г., т. LXVIII, 771.

Румянцевъ, Александръ Ив., графъ, ген.-аншефъ 1737 г., т. LXV, 115.

Румянцовъ, В. Е., т. LXVIII, 306.

Румянцевъ, графъ, Николай Петровичъ, государств. канцл., р. 1754 г., † 1826 г., т. LXV, 144—219, т. LXVII, 449—456, т. LXVIII, 703, 704.

Румянцевъ-Задунайскій, графъ, Петръ Александр., фельдмарш., род. 1725 г. † 1796 г., т. LXV, 145, 146, т. LXVI, 143, 352, 483, 732, т. LXVII, 471, 524—526, т. LXVIII, 305, 559.

Руничъ, Дм. Павл., попеч. спб. уч. окр., д. ст. сов., т. LXVIII, 303.

Рушенниковъ, Мих., т. LXVIII, 577.

Рыбинской, полковн. 1831 г., т. LXV, 698.

Рыбинъ, К. Г., чл. саратовск. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.

Рыжевичъ, чиновн. 1836 г., т. LXVII, 236, 237.

Рыжининъ, т. LXVII, 562.

Рылѣевъ, Кондратій Ѳедоров., декабр., писат., род. 1795 г., † 13 іюля 1826 г., т. LXVIII, 33, 503—505, 766.

Рылѣевъ, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 120.

Рѣдкинъ, Петръ Г., профес., чл. госуд. совѣта, т. LXVII, 591, т. LXVIII, 471.

Рѣпинскій, Григ. Косьм., тайн. сов., сенаторъ, сообщ.: „Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ 1800 г.", т. LXV, 97; „Бѣглецы въ царствованіе императора Павла въ 1800 г.", т. LXVI, 136—139, упом. т. LXV, 241, т. LXVI, 72.

Рѣпнинъ, кн., Николай Григор., намѣстн. воен. губернат. 1825 г., т. LXVIII, 492.

Рѣпьевъ, С. П., т. LXVIII, 560.

Рюминъ, Н. Г., т. LXVII, 627, 629.

Рюрикъ, т. LXVII, 646.

Рябининъ, Мих. Андреев., т. LXVII, 206, 207.

Сабанѣевъ, ген.-лейт. 1825 г., т. LXV, 119.

Сабашинскій, Адамъ Осипов., ген.-

лейт., коменд. керч. крѣп., † 1870 г., т. LXV, 678, т. LXVI, 609, т. LXVII, 439--442.

Саблуковъ, Гордѣй Семен., археологъ, т. LXVII, 550—552, 560, 561.

Сабурова, въ зам. княг. Гагарина, т. LXVIII, 377.

Сабуровы, 77.

Савваитовъ, Пав. Ив., д. ст. сов. 1868 г., чл. археограф. комис., т. LXVIII, 323.

Савеловъ, т. LXVII, 380.

Савельевъ, А. А., чл. нижегор. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 563.

Савельевъ, Ал. Ив., ген.-лейт. сообщ.: „Первые кадетскіе смотры 1734 — 1737 гг.“, т. LXVI, 351 — 352; „Графъ Дибичъ-Забалканскій, 1831 г. Приказъ его по дѣйствующей арміи“, т. LXVIII, 471—472; „Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ въ его рѣшеніяхъ военно-судныхъ дѣлъ 1799—1808 гг.“, 711—712.

Савельевъ, Валеріанъ, т. LXVII, 401, 404.

Савельевъ, П., археологъ, т. LXVIII, 299.

Савинская, Александра Ив., т. LXVII, 296.

Савинскій, Аѳан. Степ., нач. гл. управл. Восточн. Сибири 1848 г., т. LXV, 128.

Савинскій, Егоръ Мих., т. LXVII, 296.

Савинскіе, т. LXVII, 295, 296, 312.

Савинькова, жена офиц. 1812 г., т. LXV, 8, 9.

Савицкій, чиновн. 1855 г., т. LXVI, 625.

Савицкій, астрономъ 1881 г., т. LXV, 244.

Савичъ, Алексѣй Никол., акад.-профес., т. LXV, 760.

Савичъ, Валеріанъ Ив., ученый, т. LXV, 760.

Савичъ, Н. Ф., ред.-изд. журн. «Русск. Богатство», т. LXV, 760.

Савичи, т. LXV, 760.

Савостьяновъ, бывш. воспит. Конст. учил., т. LXVI, 246.

Сагаляновъ, Андріанъ, т. LXV, 547.

Садоновъ, полоцк. полицеймейст. 1837 г., т. LXVII, 678, 680.

Сазоновъ, Мих. Алексѣев., архиваріусъ витеб. архива 1871 г., т. LXVIII, 731, 732.

Сазоновъ, Никол. Ив., т. LXVIII, 48, 51.

Сакенъ, гр-ня, т. LXV, 572.

Сакенъ, бар., Дм. Ерофеев., см. Остенъ-Сакенъ.

Салліасъ, гр-ня, Елисав. Васильевна (Евгенія Туръ), т. LXV, 235, т. LXVII, 336.

Салліасъ, гр., издат. „Полярн. Звѣзды“ 1881 г., т. LXVII, 438.

Саллюстъ, генер. 1848 г., т. LXVII, 294, 303, 307, 315, т. LXVIII, 228.

Сапуновъ, Алексѣй Пареенов., ст. сов., педагогъ 1890 г., издат. «Витебск. Старины», т. LXVIII, 732.

Сарыгозинъ, т. LXVIII, 430.

Салтыковъ, гр., Александръ Никол., тов. мн-ра ин. дѣлъ 1808 г., т. LXV, 207.

Салтыковъ, гр., Ив. Петров., фельдмарш. 1800 г., т. LXVI, 146.

Салтыковъ, Никол. Ив., фельдмарш., воспит. имп. Александра I, т. LXV, 207.

Салтыковъ (Щедринъ), Мих. Евграф., р. 1826 г., † 1889 г., т. LXVI, 713, 714, т. LXVIII, 466—468, 693, 757, 760, 767.

Салтыковъ, Серг. Васильев., т. LXVI, 707.

Салтыковъ, Ѳедоръ, т. LXVIII, 239.

Салтыковы, т. LXVI, 707.

Салтыкъ, гр., т. LXV, 24, 25.

Сальморанъ, К. Д., помощн. инспект. горн. инст. 1830 г., т. LXV, 622.

Самаринъ, Юрій Ѳед., писатель, р. 1819 г., † 1876 г., т. LXV, 402, 403, 411, 420—426, 873, 877, т. LXVI, 640, 642, 649, 651, 653, 689, т. LXVII, 196, 201, 205, 207, 211, т. LXVIII, 656.

Самаринъ, Дмитр. Ѳед., т. LXV, 852.

Самаринъ, корнетъ 1855 г., т. LXV, 757.

Самаринъ, Ѳед. Вас., т. LXVI, 689, т. LXVII, 283.

Самарины, т. LXVIII, 663.

Самарскій-Быховецъ, подполковникъ 1840 г., т. LXVI, 270.

Самарскій-Быховецъ, В. Е., горн. инж. 1859 г., т. LXVI, 533, 571—574.

Самаряновъ, В. А., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 568.
Самойлова, Вѣра Вас., въ замуж. Мичурина, актриса, т. LXVI, 20.
Самойлова, Над. Вас., въ замуж. Маншеева, актриса, т. LXVI, 20.
Самойлова, гр-ня, Софія Александр., въ зам. гр-ня Вобринская, † 1866 г., т. LXVI, 222.
Самойловъ, гр., Александръ Никол., т. LXVI, 167.
Самойловъ, Василій Васильев., артистъ, † 1887 г., т. LXV, 621, т. LXVI, 20, т. LXVII, 157.
Самойловичъ, писательница, т. LXV, 455.
Самсоновъ, А. П., офиц. 1855 г., т. LXVI, 67.
Де-Сангленъ, Яковъ Ив., нач. тайн. полиц. въ Спб. 1840 г., т. LXVII, 296, 298, т. LXVIII, 475.
Сандъ, студ. 1819 г., т. LXV, 351.
Сансонъ, актеръ, т. LXVI, 466.
Сатинъ, Никол. Мих., т. LXVIII, 57—59, 63, 64, 71, 72, 75—77, 80.
Сафоновъ, Вас. Серг., ред. «Витеб. губ. Вѣд.» 1890 г., т. LXVIII, 731.
Сахарова, А. Г., т. LXV, 430.
Сахаровъ, И. П., профес. 1859 г., т. LXVIII, 146, 299, 300.
Сахаровъ, Н. А., чл. таврическ. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 556.
Сахтынскій, тв. сов., 1848 г., т. LXVIII, 475.
Свербеева, т. LXVI, 652, т. LXVII, 207, 209.
Свѣтлицкій, прапорщ. 1828 г., томъ LXVIII, 87.
Свѣтловъ, подполковн. 1828 г., томъ LXVIII, 109.
Свѣчина, г-жа, т. LXVI, 263.
Святенковъ, полковн. 1890 г., т. LXVI, 247.
Святополкъ, князь, т. LXVII, 485.
Святополкъ-Мирская, кн., Ек. Алекс., см. **Вобринская**, гр-ня.
Святополкъ Мирскій, кн., Петръ Дм., р. 1857 г. т. LXVI, 227.
Святополкъ-Мирскій, кн., генер. 1864 г., т. LXV, 473.
Севастьяновъ, С. Н., чл. оренб. учен. архив. комис. 1889 г., т. LXVIII, 571.
Северинъ, Н., пис-ца, т. LXVIII, 761.
Северинъ, русск. послан. въ Мюнхенѣ 1859 г., т. LXVI, 564, 567, 570.
Селивановскій, книгопродав., т. LXVII, 613.
Селивановъ, Алек. Васильев., чл. рязан. ученой архив. комис. 1889 г., т. LXVIII, 554, 560, 561, 577, 568.
Селивановъ, Александръ Ѳед., сообщ.: „Сергѣй Ивановичъ Зарудный," т. LXV, 587.
Селивановъ, Илья Васильев., т. LXVIII, 31, 48, 80.
Селинъ, А. И., адъюнктъ-профес. 1850 г., т. LXV, 634.
Селифонтовъ, Никол. Никол., статс-секр., д. тайн. сов., первоприсутств. IV деп. правит. сената, т. LXVI, 446.
Сельванъ, генер. 1854 г., т. LXVIII, 668—673.
Семевскій, Алексд. Ив., поруч. гвард. артил., земск. дѣят. Псков. губ., † 1879 г., т. LXIII, 616.
Семевскій, Василій Ив., докт. рус. истор. т. LXVIII, 616, XX 754, 755, 765, 771.
Семевскій, Влдм. Ив., шт.-кап. гвардіи, † 1863 г., т. LXVIII, 616.
Семевскій, Егоръ Ив., стрѣлков. офиц., † 1865 г., т. LXVIII, 616.
Семевскій, Ив. Егор., помѣщ. Псков. губ., † 1860 г., т. LXVIII, 616.
Семевскій, Мих. Ив., ред.-издат. „Рус. Старины", сообщ.: „В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины II", т. LXV, 565—569; „Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ. Мраморная доска въ память его рожденія", т. LXVI, 346; „Лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ 1790 (мая 15-го) 1890 г.", 483—499; „Путевые очерки, замѣтки и наброски. Поѣздка по Россіи въ 1890 г.", т. LXVIII, 713—745, упом. т. LXV, 460, 590, 744, 874, 878, т. LXVI, 75, 240—248, 693, т. LXVII, 529, т. LXVIII, 255, 311, 568, 616, 637, 749, 752, 764, 768. Кромѣ того всѣ статьи и замѣтки,

подписанныя „Ред.“, какъ въ 1890-мъ году, такъ и въ предъидущіе годы изданія «Русской Старины» (1870—1890), принадлежатъ М. И. Семевскому.

Семевскій, Петръ Ив., управл. отд. госуд. банка въ Перми, т. LXVIII, 616.

Семежа, Владм. Саввичъ, нач. штаба 3-го пѣх. корп. 1856 г., т. LXV, 749, томъ, LXVI, 587, 606.

Семеновъ, Ник. Петр., сенаторъ 1890 г., т LXV, 874, 879.

Семеновъ, Петръ Петров., сенаторъ, предсѣд. статистич. совѣта мн-ва внутр. дѣлъ, вице-предсѣд. геогр. общ., т. LXV, 874 — 876.

Семеновъ, маіоръ 1799 г., т. LXVIII, 712.

Семякинъ, ген.-м. 1854 г., т. LXVI, 50, 56.

Сениговъ, писатель, т. LXVIII, 428.

Сенковская, Адель Алексан., рожд. Раль, т. LXVII, 334—359.

Сенковскій, Осипъ Ив. (бар. Брамбеусъ), профес. спб. унив., писатель, † 1858 г., т. LXV, 380, 592, т. LXVI, 46, 185—191, т. LXVII, 317—360, 569, 585.

Сентъ-Илеръ, Бартельми, писатель, т. LXVI, 687, т. LXVIII, 310.

Де-Сентъ-Пьеръ, Бернарденъ, писатель, т. LXVIII, 310.

Сенявинъ, адмир., ген-ад. 1826 г., т. LXV, 173, т. LXVIII, 514—516.

Сенявинъ, тов. мин. вн. дѣлъ 1844 г., т. LXVII, 701.

Серафимъ, митроп. спб. и новгородск. 1824 г., т. LXVIII, 538.

Сербиновичъ, Конст. Степ., директоръ канц. об.-прокур. св. синода 1837 г., тайн. сов., т. LXV, 132, т. LXVI, 211, 285, 619, т. LXVII, 134.

Сергѣевичъ, Вас. Ив., профес., т. LXVII, 529, т. LXVIII, 304, 769.

Серебренниковъ, С. И., т. LXVIII, 559.

Серебрянниковъ, Конст., священ., т. LXVIII, 728.

Серебрянниковъ, Петръ, священ. 1890 г., т. LXVIII, 724.

Сергій Александровичъ, вел. князь, т. LXV, 593, т. LXV, 217.

Де-Серра-Капріоли, герцог., т. LXVI, 660.

Сестренцевичъ Богушъ, Станиславъ, архіеп. могилевск., р. 1731 г., † 1826 г., т. LXVI, 158—166.

Сибирскій, кн., ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 120.

Сиверсъ, гр., Евгеній Егоров., ген.-отъ-инф., сообщ.: „Александръ Клеоникович Ушаковъ. Генералъ-отъ-инфантеріи“, т. LXVIII, 541—545. Замѣтка къ очерку «генер. Ушаковъ», 702.

Сиверсъ, Яковъ Ефимов., намѣстникъ тверск., новгород. и псковск. 1777 г., т. LXV, 775.

Сиверсъ, воспит. Никол. кавалерійск. учил., † 1833 г., т. LXV, 592.

Сиверсъ, генер., 1855 г., т. LXV, 283.

Сидоровъ, Авраамъ, т. LXVIII, 577.

Сидорскій, Іосифъ, сообщ.: „Ефимъ Михайловичъ Крыжановскій въ 1865—1888 гг.“, т. LXVI, 717—726.

Сикорскій, Іосифъ, священ. 1817 г., т. LXVIII, 728.

Сикорскій, Васил. Викентьев., офиц. 1855 г., † 1876 г., т. LXV, 755.

Сикорскій, Конст. Викентьев., подпор. 1855 г., т. LXV, 757.

Силванскій, Степ., чиновн. 1786 г., т. LXVII, 524.

Силиверстова, жена офиц. 1812 г., т. LXV, 11.

Симановъ, прап. 1828 г., т. LXVIII, 87.

Симантковскій, ген. 1830 г., т. LXV, 718.

Симборскій, Андр. Мих., коменд. динабургской крѣп. 1849 г., т. LXVI, 353, 354.

Симонъ Тодорскій, архіеп. псковскій, законоучит. Екатерины II, т. LXV, 597, LXVIII, 579.

Симоновичъ, Я., д-ръ 1884 г., т. LXVIII, 772.

Симоновъ, ректор. казанск. унив. 1854 г., т. LXVI, 277.

Симоновъ, ученый 1883 г., т. LXV, 245.

Синайскій, педагогъ, т. LXVII, 559, 560.

Синельниковъ, Никол. Петров., полковникъ 1848 г., нынѣ генер.-отъ-инфантеріи, т. LXVII, 303.
Синицынъ, нач. спб. сыскн. полиціи 1848 г., т. LXVIII, 376, 378.
Синицынъ, чиновн. 1836 г., т. LXVII, 263.
Синявинъ, новгор. губернат. 1839 г., т. LXV, 338.
Синявинъ, управл. министр. иностр. дѣлъ 1854 г., т. LXVI, 277.
Сипайло, чиновн. 1836 г., т. LXVII, 236, 242.
Сиповскій, В., т. LXVIII, 765.
Сиркуръ, графиня, рожд. Хлюстина, т. LXVI, 263, 265, 505, 515, 547, 558.
Ситниковъ, Алексѣй Семен., шт.-кап., т. LXVII, 48—54.
Свабичевскій, А. М., писатель, т. LXV, 236—238, т. LXVIII, 766.
Скавронскій, гр., Мартынъ, кадетъ 1734 г., т. LXVI, 352.
Скайлеръ, Евгеній, воспоминанія о гр. Львѣ Николаевичѣ Толстомъ, томъ LXVII, 631 — 655, т. LXVIII, 261—277, упом. 310.
Скалонъ, т. LXVII, 206.
Скандербекъ-Кастріотъ, княж., Вѣра Григ., въ зам. Ушакова, т. LXVII, 439.
Скворцовъ, Д. И., чл. тверск. учен. архив. комис. 1889 г., т. LXVIII, 569.
Скляренко, чиновн. 1836 г., т. LXVII, 236, 673, 685.
Скобелевъ, Дмитр. Ив., генер., т. LXVII, 181.
Скобелевъ, Ив. Никит., ген.-отъ-инфантер., коменд. спб. крѣп. 1846 г., † 1849 г., т. LXVI, 356, т. LXVII, 40, 41, 444.
Скобелевъ, Мих. Дм., ген.-ад., р. 1843 г. † 1882 г., т. LXV, 654, LXVI, 356, 424, 431, 434, 435, 501.
Сколковъ, Н. Г., флиг.-ад. 1845 г., т. LXV, 659, т. LXVII, 181, т. LXVIII, 683.
Скопинъ, Н. Г., священ., т. LXVII, 533.
Скрипицынъ, Валерій Валеріев., директ. департ. иностр. исповѣд. 1853 г., т. LXVI, 27, 387, 388, т. LXVII, 600, 699.
Скрыпкинъ, шт.-кап. 1766 г., т. LXVIII, 712.
Скюдери, полковн. 1855 г., т. LXVI, 98.
Слатвинскій, офиц. 1855 г., т. LXV, 621.
Сленинъ, книгопродавецъ 1830 г., т. LXVIII, 114.
Словохотовъ, П. С., чл. оренб. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 556.
Слонецкій - Михайловскій, докторъ 1830 г., т. LXVIII, 119.
Слонимскій, Л. З., писат. 1887 г., т. LXVIII, 767, 769, 771.
Слубицкій, Евг., 1830 г., т. LXV, 694.
Случевскій, Конст. Конст., д. ст. сов., каммергеръ, писатель, т. LXV, 363.
Слѣпушкинъ, крестьян.-писат. 1825 г., т. LXVIII, 520.
Слѣпцова, Жозефина Адамовна, рожд. Вельбутовичъ-Паплонская, сообщ. „Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ", т. LXV, 233—241.
Слѣпцовъ, А., сообщ.: „Къ разсказу: Случай въ Петербургѣ въ 1848 г.", т. LXVIII, 228.
Слѣпцовъ, Алексѣей Васильев., помѣщ., т. LXV, 233.
Слѣпцовъ, Васил. Алексѣев., писатель, т. LXV, 233—241, 496, 740.
Слѣпцовъ, офиц. (на Кавказѣ), т. LXV, 592, 621.
Слѣпцовы, т. LXV, 233.
Смарагдъ, еписк. витебск. 1836 г., т. LXVII, 231, 235, 245 — 247, 262—275, 671—676, 681, 693, 700.
Смарагдовъ, писатель, т. LXVI, 288.
Смирдинъ, А. Ѳ., книгопродав.-изд. 1830 г., т. LXV, 764, 771, т. LXVIII, 114.
Смирнова, Александра Осиповна, рожд. Россетъ, род. 1810 г., † 1882 г., т. LXVI, 639 — 656, т. LXVII, 195—212, 279 — 291, 387, т. LXVIII, 353—364, 655—664.

Смирнова, Ольга, Ник. т. LXV, 856, т. LXVIII, 353—364.
Смирновъ, А. В., врачъ, сообщ.: „Николай Гавриловичъ Чернышевскій", т. LXVI, 449—465.
Смирновъ, А. В., священ., чл. саратов. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.
Смирновъ, В., чл. таврич. учен. архив. комис. 1889 г., т. LXVIII, 570.
Смирновъ, Ив. Васильев., † 1774 г., т. LXV, 582.
Смирновъ, М. И., педагогъ, 1845 г., т. LXVII, 558, 559, 560, 562.
Смирновъ, Мих. Николаев., 1849 г., т. LXVIII, 354.
Смирновъ, Н. В., воен. инжен. 1890 г., т. LXV, 497.
Смирновъ, Никол. Мих., калужск., впосл. спб. губернаторъ, 1846—1849 гг., томъ LXVI, 640, 641, 642, 644, 648, 654, т. LXVII, 200, 204, 208, 290, т. LXVIII, 355, 357, 359.
Смирновъ, Павелъ Никит., педагогъ, 1845 г., т. LXVII, 559.
Смирновъ, П. П., 1840 г., т. LXVIII, 361.
Смирновъ, подпоруч. 1857 г., т. LXVI, 397.
Смирновъ-Платоновъ, профес. казанск. духовн. акад. 1845 г., т. LXVII, 559.
Смоленскій, чиновн. 1835 г., т. LXVII, 67, 68, 69.
Смольяниновъ, Владим. Николаев., педаг., археографъ 1890 г., сотрудн. сборн. «Арх. кн. Ѳ. А. Куракина», т. LXVII, 448, т. LXVIII, 237.
Снегиревъ, Иванъ Мих., профес. 1825 г., цензоръ, т. LXVI, 689, 692.
Снелль, проф. 1819 г., т. LXV, 353.
Снесорева, Софья Ив., писат-ца, томъ LXVII, 336, 358.
Снѣжевскій, В. И., чл. нижегородск. учен. архивн. комис. 1889 г., сообщ.: «Къ исторіи Пугачевскаго бунта. Въ степи у киргизъ-кайсаковъ 1774 г.», т. LXV, 790—796, т. LXVI, 107—119, упом. т. LXVIII, 556.
Снѣжницкій, священ. 1845 г., томъ LXVII, 565.
Снѣткова, актриса 1860 г., т. LXVII, 584.
Снядецкій, Янъ, польскій писат., томъ LXV, 33.
Собанина, Юлія Станисл., рожд. гр-ня Юноша-Вѣлинская, во второмъ бракѣ гр-ня Бобринская, т. LXVI, 223.
Собанинъ, чл. коллег. ин. дѣлъ, тайн. сов., т. LXVIII, 236.
Собко, Никол. Петров., секретарь Импер. общ. поощренія художествъ, сообщ.: „Рейссигъ — основатель рисовальной школы въ С.-Петербургѣ", т. LXVI, 205—206.
Соболевскій, гр., Валентинъ, мн-ръ юстиц. Ц. Польскаго 1830 г., т. LXV, 23, 31, 698.
Соболевскій, Сергѣй Алекс., библіофилъ, т. LXVII, 663, т. LXVIII, 300.
Соболевскій, кад. 1857 г., т. LXVI, 403.
Соболевскій, Ѳедоръ, т. LXVII, 539.
Соболевъ, Леонидъ Никол., ген.-маіоръ генер. штаба, воен. писатель, т. LXVI, 421, 431, 432.
Соболевъ, ген.-м., витебск. коменд. 1836 г., т. LXVII, 230.
Соймоновъ, 1681 г., т. LXVIII, 559.
Соймоновъ, Михаилъ 1802 г., т. LXVII, 416, 435.
Соймоновъ, генер.-лейт., † 1855 г., т. LXV, 673.
Сокальскій, профес. 1830 г., т. LXVI, 207.
Соковнина, Софья Прокоф., въ зам. гр-ня Бобринская, † 1868 г., т. LXVI, 223.
Соковнинъ, Василій Алексѣев., спальникъ 1682 г., т. LXVIII, 256.
Соковнинъ, т. LXVIII, 704.
Соколовской, эстанд.-юнкеръ 1800 г., т. LXVI, 137.
Соколовъ, Александр. Ив. 1840 г., т. LXVIII, 65.
Соколовъ, А. П., 1882 г., т. LXVI, 658, 659, 660.
Соколовъ, В. П., чл. саратовск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.

Соколовъ, Д. Д., профес., директоръ учил. гражд. инж. въ Спб., т. LXV, 741.
Соколовъ, Петръ Ѳед., художн.-акварелистъ, † 1848 г., т. LXVI, 657—660.
Соколовъ, П. П., чл. тверск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 569.
Соколовъ, поруч. 1799 г., т. LXVIII, 711.
Соколовъ, офиц. 1812 г., т. LXV, 9, 12.
Соколовъ, чиновникъ 1836 г., т. LXVII, 236, 251.
Соколовъ, арендат. казенныхъ имѣній Витебской губ. 1836 г., томъ LXVII. 274—276.
Соколовъ, ученый 1881 г., т. LXV, 246
Сокуровъ, Ѳ. Г., т. LXVIII, 300.
Солнцевъ, Ѳед. Григ., проф. археологической живописи, дѣйств. ст. совѣтн., археологъ, род. 1801 г., томъ LXVII, 388, 390.
Соловьевъ, В. С., т. LXVIII, 754.
Соловьевъ, И. Я., др. писат., т. LXVIII, 759.
Соловьевъ, Серг. Мих., академ., проф., исторіографъ, род. 1820 г., † 1879 г., т. LXV, 166, 399, т. LXVI, 276, 281, т. LXVII, 618, т. LXVIII, 294, 306, 307, 428, 429, 637, 752, 753.
Соловьевъ, Яковъ Александров., членъ редакц. комис. по составл. Положенія о крестьянахъ, сенаторъ, † 1876 г., т. LXV, 873, 877, т. LXVI, 717, 718, т. LXVII, 186, 187.
Соловьевъ-Несмѣловъ, писатель, томъ LXV, 431.
Соловцовъ, Игнатій Ивановичъ, томъ LXVII, 345.
Соловцовъ, Николай Петров., ген.-лейт., † 1887 г., т. LXVII, 345.
Соллогубъ, гр-ня, Софья Мих., рожд. гр-ня Вѣльгорская, т. LXVI, 648, 653, т. LXVIII, 657, 663.
Соллогубъ, Владиміръ Александровичъ, писатель, т. LXV, 53, т. LXVI, 641, 648, т. LXVII, 136, 152, т. LXVIII, 663.
Соломирскій, т. LXVII, 395.
Солянниковъ, слушат. лекцій въ берлинскомъ унив. 1824 г., т. LXVI, 518.
Сомовъ, педагогъ 1855 г., т. LXVI, 615.
Сопиковъ, В. С., библіографъ, томъ LXVIII, 302.
Соповъ, купецъ 1846 г., т. LXVI, 576.
Сосницкій, Ив. Ив., актеръ, т. LXVI, 19, т. LXVII, 41, 157.
Сосновскій, Васил. Осипов., смоленск. губернат. 1890 г., т. LXVIII, 735, 736, 743.
Софія Алексѣевна, царевна-правительница, род. 1657 г., † 1704 г., т. LXVIII, 238—245, 250, 352, 258, 260.
Софроновъ, Николай, священ. 1863 г., т. LXVIII, 193.
Соханскій, Г. Д., ген.-лейт. 1890 г., т. LXVI, 240, 248.
Сохацкій, П. А., проф., инспект. моск. универс. гимназіи 1790 г., т. LXVII. 482, 484.
Соцъ, Ив. Иванов., чиновникъ 1824 г., т. LXVI, 683.
Спада (Медичи Спада), т. LXVI, 3.
Спасовичъ, В. Д., юристъ, т. LXVIII. 754, 766, 769.
Спасскій, докт. 1847 г., т. LXV, 376.
Сперанскій, гр., Мих. Мих., первый статсъ-секрет. Финляндіи, род. 1772 г., † 1839 г., т. LXVI, 166, 177, т. LXVII, 373, 376, т. LXVIII, 286, 303—308.
Сперанскій, М. Н., чл. тверск. ученой архивн. комиссіи 1889 г., т. LXVIII, 562, 569.
Спиридоновъ, инж.-подполковн. 1857 г., т. LXVII, 164.
Спѣшневъ, 1849 г., т. LXVIII, 60, 61.
Срезневская, Ольга Измайловна, томъ LXVIII, 294.
Срезневскій, Измаилъ Иванов., акад.-проф., т. LXV, 396, т. LXVI, 207, 208, 450, т. LXVII, 153, 368, т. LXVIII, 291, 293, 294, 307, 308, 415.
Сталь, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 121.
Ставровская, Олимпіада Петровна, въ зам. Строева, т. LXVI, 682.
Ставровскій, Петръ Дмитр., тит. сов., т. LXVI, 682.
Сталь, г-жа, писательница, т. LXV, 451.
Сталь-Гольштейнъ, баронъ, т. LXVII. 393.
Сталь-Гольштейнъ, баронес., Софья Ѳед., см. Андро.

Стандершильдъ, Эдуардъ Карловичъ, преподават. Дворянск. полка 1850 г., ген.-маіоръ, т. LXVI, 244, 245.

Станкевичъ, А. И., библіотекарь моск. историч. музея 1888 г., сообщ.: «Турусы на колесахъ 1846 г.», т. LXVI, 576, упом. т. LXV, 246, т. LXVIII, 446.

Станкевичъ, А. П., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 558.

Станкевичъ, астрономъ 1886 г., т. LXV, 245.

Станцани, г-жа, т. LXVI, 382, 391.

Станчева, дѣвица, т. LXVI, 416.

Старицкій, Е. П., предсѣд. тифлисск. комерч. суда, нынѣ чл. госуд. совѣта, дѣйств. тайн. сов., т. LXV, 874.

Старнальскій, предсѣд. подляск. воеводской комис. 1830 г., т. LXV, 703.

Старобградскій, И. В., чл. тамбовской ученой архивн. комиссіи 1889 г., томъ LXVIII, 554.

Старчевскій, Адальбертъ Викентьевичъ, писатель-издатель, т. LXVIII, 299.

Старченковы, т. LXVI, 93.

Старынкевичъ, докторъ 1855 г., томъ LXVI, 703.

Стасова, Надежда Васильевна, т. LXV, 625.

Стасова, Софья Васил., т. LXV, 625.

Стасовъ, Владиміръ Васильев., тайн. совѣтн., писатель, ученый, т. LXVIII, 287, 758, 759.

Стасовъ, Вас. П., архитекторъ 1834 г., т. LXV, 625, 812.

Стасюлевичъ, Мих. Матв., проф., нынѣ изд.-ред. „Вѣстн. Европы", р. 1826 г., т. LXVI, 480, т. LXVII, 614, 616, 625, т. LXVIII, 141, 693, 749—782.

Стахіевъ, Александръ Александровичъ, шт.-капит. 1828 г., т. LXVIII, 90—101, 117, 126, 128, 131—134.

Сташицъ, Станиславъ, предсѣдат. общ. „Друзей наукъ" въ Варшавѣ 1830 г., т. LXV, 32.

Стебницкій, І., ген.-лейт. генеральн. штаба, начальн. топографич. отд. главн. штаба, 1889 г., т. LXV, 246.

Стевенъ, А. Х., предсѣд. таврич. архивн. учен. комис. 1889 г., т. LXVIII, 564.

Стельсъ, Андрей, купецъ 1695 г., томъ LXVIII, 253.

Степанова, пѣвица, т. LXVI, 18.

Степановъ, Мих. Васильевичъ, офицеръ 1830 г., т. LXVIII, 119, 120.

Степановъ, Ник. Ал., издат. „Искры" 1858 г., т. LXVII, 618.

Степановъ, П. А., ген.-отъ-инфант., сообщ.: „Москва въ 1812 году, занятая французами. Воспоминаніе очевидца", т. LXV, 105—114.

Степановъ, Семенъ Петров., полковн. 1830 г., т. LXVIII, 124, 125.

Степановъ, проф. 1830 г., т. LXVI, 207.

Степановъ, технич. инспект. казен. ж. дорогъ, † 1876 г., т. LXV, 759.

Стефанъ, Баторій, король польскій 1581 г., т. LXV, 322, т. LXVIII, 312.

Стефановичъ, т. LXVII, 675.

Стоговъ, помѣщ. 1783 г., т. LXV, 780.

Стоговъ, Эразмъ Ив., † 1880 г., томъ LXVII, 66, 92, 93, 94, 119, 120.

Столыпина, Екат. Аркадьевна, томъ LXVIII, 23.

Столыпинъ, Аѳан. Алексѣевичъ, томъ LXVI, 592.

Столыпинъ, попеч. симбирской гимназіи 1835 г., т. LXVII, 99.

Столѣтовъ, Н. Г., ген. генеральн. штаба 1876 г., т. LXVI, 413.

Столѣтовъ, ученый 1888 г., томъ LXV, 245, 246.

Стороженко, А., т. LXVIII, 764.

Стороженко, Н., писат. 1880 г., т. LXVIII, 769.

Стороженкова, рожд. Милорадовичъ, т. LXVIII, 507.

Стоюнинъ, В. Я., педагогъ, т. LXVIII, 754, 765, 772.

Стояновскій, Никол. Ив., д. тайн. сов., чл. госуд. сов., т. LXV, 874, 877.

Страсбургъ, Родіонъ, т. LXVIII, 246.

Страховъ, П. П., профес., т. LXVII, 479, 481, 482, 522.

Стремоуховъ, Всеволодъ, офиц. 1855 г., т. LXVI, 307.

Стренгъ, А. О., ген.-лейт., изъ записокъ его: «На Дунаѣ и подъ Силистріею въ 1854 г.», т. LXVIII, 665—678.

Стрешневъ, Тихонъ Никитичъ, боярин 1704 г., т. LXVIII, 241, 242, 246, 247, 257, 258, 443.
Стрешневъ, маіоръ 1737 г., т. LXV, 118.
Стрешневъ-Глѣбовъ, т. LXVIII, 33.
Стрешневы, т. LXVIII, 248.
Строгановъ, гр., Александръ Григ., ген.-ад., мин.вн. дѣлъ 1839 г., т. LXV, 385, т. LXVI, 265, 469, т. LXVII, 69, 74, 122.
Строгановъ, гр., А. С., фл.-ад. 1850 г., т. LXVII, 182.
Строгановъ, гр., Григ. Александровичъ, 1855 г., т. LXVI, 310, 573.
Строгоновъ, гр., Серг. Григ., ген.-ад., попечит. моск. учебн. окр. 1835—1847 г., впосл. чл. госуд. совѣта, р. 1794 г., † 1882 г., т. LXV, 54, 384, 386, 387, 396, т. LXVI, 175, 691, 692, т. LXVIII, 186, 282, 360, 613.
Строгоновъ, т. LXV, 144.
Строгоновы, именитые люди, т. LXV, 812, т. LXVI, 177, т. LXVIII, 298.
Строева, Варвара Никол., т. LXVI, 682.
Строева, Екат. Мих., т. LXVI, 683.
Строева, Елис. Ѳед., т. LXVI, 682, 683.
Строева, Марія Мих., т. LXVI, 682.
Строева, О. П., см. Ставровская.
Строевъ, Александръ Мих., р. 1798 г., т. LXVI, 682.
Строевъ, Мих. Александр., тит. сов. 1796 г., т. LXVI, 682.
Строевъ, Никол. Мих., р. 1803 г., томъ LXVI, 682.
Строевъ, Пав. Мих., археологъ, писатель-археографъ, р. 1796 г., † 1876 г., т. LXVI, 682—683, т. LXVIII, 294, 308, 427.
Стромбергъ, баронесса, Генріетта, томъ LXVI, 534.
Стромбергъ, баронесса, Елисавета, томъ LXVI, 534.
Стромбергъ, баронъ 1851 г., т. LXVI, 534.
Стромиловъ, Никифоръ, секундъ-маіоръ 1781 г., т. LXV, 779.
Стронгвейсъ, ученый, 1889 г., томъ LXVI, 15.
Струве, Бернгардъ Васильев., д. ст. сов., писатель, † 1888 г., т. LXV, 125.
Струве, инжен., 1880 г., т. LXV, 556.
Струве, акад.-астрономъ 1839 г., томъ LXV, 334, 335.
Струговщиковъ, Александръ, писатель, 1855 г., т. LXVI, 614, т. LXVII, 590, т. LXVIII, 161, 164.
Струковъ, Д. П., сообщ.: „Штуденты—домашніе наставники въ 1712 г.“, т. LXVI, 347—350.
Стрюбингъ, Германъ, т. LXVIII, 38.
Студенкинъ, Гавр. Ильичъ, стат. сов., сообщ.: „Населеніе С.-Петербурга въ 1808 г.“, т. LXV, 870—872; „Императоръ Николай Павловичъ въ присутственныхъ мѣстахъ С.-Петербурга“, т. LXVI, 167—170; „Графы Бобринскіе“, родословіе, 221—227.
Студзинскій, Викентій Семен., томъ LXVII, 174.
Стунеевъ, полковн. 1833 г., т. LXV, 592.
Стурдза, Алекс. Скарлат., писатель духов. нравств. соч., 1849 г., т. LXVI, 655, т. LXVIII, 656, 661.
Стюрлеръ, полковн., † 1825 г., томъ LXVIII, 500.
Стюрлеръ, А. Н., фл.-ад. 1850 г., томъ LXVII, 182.
Суворовъ, кн., Александръ Аркад., ген.-ад., остзейск. ген.-губ. 1861 г., слб. воен.-губ., † 1882 г., т. LXV, 368, 402, 513, 742.
Суворовъ-Рымникскій, кн. Италійскій, Александръ Вас., фельдмарш., р. 1729 г., † 1800 г., т. LXV, 60, 102, 293, 296, 828, т. LXVI, 133—136, 140, 141, 143, 144, 732, т. LXVII, 412, 645, т. LXVIII, 233, 302, 490.
Суворовъ, Василій, священ., т. LXVIII, 579.
Суворовъ, И. Н., чл. рязанск. ученой архивн. комис. 1890 г., сообщ.: „Челобитная устюжскихъ земскихъ людей патріарху Адріану на архіепископа Велико-Устюжскаго Александра 1696 г.“, т. LXVIII, 438—442, упом. 568.
Суворовъ, Н., археографъ, писатель 1869 г., т. LXVIII, 442.
Судейкинъ, прапорщ. 1828 г., томъ LXVIII, 87.

Судимонтъ, намѣстникъ костромской 1499 г., т. LXVIII, 428.
Судіенко, М., т. LXVII, 522.
Сумминъ, ген., командиръ спб. крѣп. 1824 г., т. LXVIII, 538.
Суминъ, ген.-ад. 1826 г., т. LXVIII, 513.
Султановъ, нижен., архитект. 1890 г., т. LXV, 741.
Сумарокова, Марья Павловна, т. LXVII, 601.
Сумароковъ, Александръ Петров., писат., директ. имп. театр. 1760 г., р. 1717 г., † 1777 г., т. LXVI, 28.
Сумароковъ, гр., Сергѣй Павл., нач. гвард. корп. 1856 г., т. LXV, 85, томъ LXVI, 336, 355, 595.
Сумароковъ, графъ 1798 г., т. LXVIII, 559.
Сумароковъ-Эльстонъ, гр., ген.-маіоръ 1864 г., т. LXV, 473.
Суминская, т. LXV, 31.
Суминскій, гр., ст. сов. 1831 г., т. LXV, 693.
Сутгофъ, Авдотья Максимовна, рожд. Ореусъ, т. LXV, 68, 496.
Сухозанетъ, Николай Онуфріев., воен. мин-ръ 1861 г., впосл. намѣстн. Царства Польскаго, т. LXV, 226—228, 285, 358, 752, т. LXVI, 314, 596.
Сухозанетъ, ген.-ад. 1826 г., т. LXVIII, 513.
Сухомлиновъ, Мих. Ив., акад.-профес., писатель, т. LXV, 587, 637, 638, томъ LXVII, 141, т. LXVIII, 308, 311.
Сухотинъ, офиц. 1812 г., т. LXVII, 43.
Сухтеленъ, воспит-ца Смольнаго инст. 1797 г., т. LXVII, 416.
Сухтеленъ, гр., ген.-ад. 1839 г., т. LXV, 323, 327, 329, 332, 333, 337, 339, т. LXVIII, 211.
Сухтеленъ, гр., Петръ Корнильев., инж. ген.-м. 1890 г., т. LXVIII, 305.
Сцепуро, священникъ, археографъ, т. LXVIII, 308.
Сынбоярская, Ирина Родіоновна, въ зам. Ромадина, т. LXV, 299.
Сырко, чл. археол. общ., т. LXVIII, 289.
Сѣницкій, А. И., чл. таврич. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 556.
Сѣраковскій (Долѣнго), Сигизмундъ, капит. генер. штаба, предвод. повст. въ Литвѣ, † 1863 г., т. LXV, 862.
Сѣровъ, Александръ Николаевичъ, композиторъ, р. 1820 г., † 1871 г., т. LXVII, 633.
Сѣряковъ, Лаврентій Авксентьев., акад., граверъ, р. 1824 г., † 1881 г., т. LXV, 506, т. LXVI, 438.
Сѣченовъ, Иванъ Мих., профес., т. LXV, 231, т. LXVII, 770, 772.

Таборовскій, А., сообщ.: „Антонъ Ивановичъ Лаксъ", т. LXV, 583—585.
Тавастъ, капит. 1830 г., т. LXVIII, 126, 127.
Тайшинъ, кн., Ив. Матвѣев., обдорскій князь, нач. остяковъ 1864 г., т. LXVIII, 457—459.
Талызинъ, писатель, т. LXVIII, 390, 393.
Тальбергъ, Д. Г., писат. 1880 г., томъ LXVIII, 770.
Тамара, княжна, фрейлина 1835 г., т. LXVII, 108, 109, 113.
Тамара, грузинская царица, т. LXVIII, 300.
Танскій, Василій, чиновникъ 1786 г., т. LXVII, 525.
Тантави, профес. 1858 г., т. LXVII, 615, т. LXVIII, 468.
Танѣевъ, ст.-секретарь 1835 г., т. LXVII, 86, 140.
Тараканова, княжна, Елисавета, томъ LXVII, 613.
Таракановъ, ген.-маіоръ 1737 г., т. LXV, 116.
Тарновскій, Степанъ, кіевск. предвод. дворян. 1786 г., т. LXVII, 524.
Тархановъ, И., профес. 1890 г., томъ LXVIII, 770.
Тарчевскій, А., писатель 1880 г., томъ LXVIII, 769.
Таскинъ, А. Н., писатель, т. LXV, 621.
Татариновъ, химикъ 1883 г., т. LXV, 245.
Татариновъ, полковн. 1803 г., т. LXVIII, 5.
Татариновъ, Павелъ Егоровичъ, тайн.

совѣтн., бывш. помощн. управл. дѣлами главн. ком. объ устр. сельскаго состоянія, ст. секр. государствен. совѣта, т. LXV, 874.

Татариновъ, Петръ Петров., † 1858 г., т. LXVII, 139, 154, 586, 605.

Татищевъ, А. И., воен. мин. 1825 г., т. LXVIII, 512.

Татищевъ, Василій Никитичъ, писатель, историкъ 1790 г., т. LXVIII, 427, 428.

Татищевъ, С., историкъ 1889 г., т. LXV, 489, т. LXVIII, 431.

Татьяна Михайловна, царевна, томъ LXVIII, 243, 244.

Твердовскій, Демьянъ, тип. сов. 1786 г., т. LXVII, 524.

Твердовскій, Демьянъ, тип. сов. 1786 г., т. LXVII, 524.

Телесницкій, А. В., тайн. сов., сообщ.: „Пѣсня нѣкотораго мореходца, изъясняющаго любовь свою гѣми словами и мыслями, какими по привычкѣ къ мореплаванію воображеніе его наполнено“, 1809 г., т. LXVII, 445.

Телешева, танцовщица 1825 г., т. LXVIII, 505.

Темерязевъ, бывшій астрах. ген.-губ., 1847 г., т. LXVII, 283.

Тентетниковъ, 1850 г., т. LXVIII, 656.

Теобальдъ, см. **фонъ-Роткирхъ**.

Тернеръ, Ѳ. Г., профессоръ, тайн. сов., тов. мн-ра финанс., т. LXVI, 481.

Терсинскій, И. Г., управл. контрол. при св. синодѣ, т. LXVII, 533.

Тетенборнъ, бар., фл.-ад. 1845 г., томъ LXVII, 181.

Тетеринъ, т. LXVIII, 430.

Тетюревъ, офиц. 1812 г., т. LXV, 8.

Тизенгаузенъ, В. Г., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 561.

Тизенгаузенъ, гр-ня, Екатерина Ѳедор., т. LXVI, 309, 647.

Тилло, Александръ Александр., геодезистъ, военн. инж., профес., ген.-лейт. генер. штаба 1890 г., т. LXV, 243, 245, 246, 841, т. LXVI, 238, 240.

Тимаевъ, помощн. инсп. Екатерин. инст., † 1858 г., т. LXV, 633, т. LXVI, 36, т. LXVII, 584.

Тимашева, Екатерина Александровна, рожд. Пашкова, т. LXV, 572.

Тимашевъ, Александръ Егоров., генер.-адъют., чл. госуд. сов., т. LXVI, 322, 323, т. LXVII, 181.

Тимирязева, Софья Ѳед., рожд. Вадковская, т. LXVII, 342.

Тимирязевъ, Ив. Семен., астраханск. воен. губернат. 1846 г., т. LXVII, 342.

Тимирязевъ, Ѳед. Ив., т. LXVI, 179.

Тимирязевъ, ботаникъ 1886 г., т. LXV, 245, 246.

Тимковскій, Ив. Осиповичъ, писатель, археографъ, т. LXVII, 475, 482, 522.

Тиммерманъ, Францъ Ѳед., математикъ, инжен. 1680—1690 гг., т. LXVIII, 253.

Тимротъ, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 121, 122.

Тимощукъ, Вѣра Васильевна, сообщ.: «Обзоръ писемъ императрицы Маріи Ѳедоровны къ начальницамъ Смольнаго: Лафонъ и Пальменбахъ“, т. LXV, 823—832; подготовила къ печати зап. Вл. Ив. Дена, т. LXV, 55—90, 551—574, 655—680, т. LXVI, 49—71, 299—324, 577—608, т. LXVII, 161—194, и памятн. замѣтки Е. Н. Моллеръ, т. LXVI, 325—342, упом. т. LXV, 246, т. LXVIII, 473, 479, она-же составила указатель именъ къ «Русской Стар.» 1890 г.

Тимофѣевъ, Алексѣй Алексѣев., ген.-лейт., † 1889 г., т. LXV, 675, т. LXVI, 241.

Тимофѣевъ, адъюнктъ-профес. 1860 г., т. LXV, 638, т. LXVIII, 146.

Тиньковъ, офиц. 1830 г., т. LXV, 25, 30.

Типольдъ, Анна Ив., въ зам. **Жемчужникова**, т. LXVIII, 7.

Типольдъ, 1850 г., т. LXVIII, 77.

Титовъ, Андрей Ал., археографъ, чл. сотр. Археограф. комис., сообщ. «Къ дѣлу объ изданіи исторіи Флетчера», т. LXV, 428.

Титовъ, Влад. Павлов., русск. посл. въ Штутгартѣ 1859 г., чл. рязанск. учен. архивн. комис. 1889 г., д. тайн. сов., чл. госуд. сов., предсѣд. археограф. ком.

т. LXVI, 572, 573, т. LXVII, 156—160, 585, 590, 591, 596, 601, т. LXVIII, 568.

Титдебель, нач. инж. акад., т. LXVIII, 668.

Тифенбахъ, профес.-хирургъ, 1843 г., т. LXVI, 477.

Тихановскій, генер. 1825 г., т. LXVIII, 494.

Тихменевъ, офиц. 1812 г., т. LXV, 5.

Тихменевъ, бывш. восп. Дворянск. полка, т. LXVI, 247.

Тихомировъ, воспит. саратовск. учит. семинаріи 1843 г., т. LXVII, 555.

Тихонравовъ, Констан. Никит., томъ LXVIII, 290.

Тихонравовъ, Никита Савичъ, профес. академикъ сообщ.: „Николай Ивановичъ Новиковъ въ его перепискѣ съ кн. Н. Н. Трубецкимъ", т. LXVII, 457—467.

Тихонъ, архимандр., инспект. саратовск. семинаріи 1842 г., т. LXVII, 549, 562.

Тихоцкій, ген.-м., директ. Петровск. полтавск. кадет. корп. 1860 г., т. LXVI, 408—409.

Тищенко, чиновникъ 1844 г., т. LXVII, 547.

Тищенко 1830 г., т. LXVII, 536.

Токмаковъ, Ив. Ѳед., завѣд. библіот. московск. гл. архива 1869 г., т. LXVIII, 568.

Толстая, гр-ня, Анна Георгіевна, томъ LXVIII, 359.

Толстая, Вѣра Александровна, въ зам. Ивашева, т. LXVIII, 327, 330, 331, 332.

Толстая, гр-ня, Марья Львовна, томъ LXVII, 639.

Толстая гр-ня, Софья Андреевна, рожд. Берсъ, т. LXVII, 635, т. LXVIII, 276, 310.

Толстая, гр-ня 1850 г., т. LXVIII, 656.

Толстая, гр-ня, Татьяна Львовна, томъ LXVII, 635.

Толстой, Александръ Васильев., помѣщ. 1838 г. т. LXVIII, 327.

Толстой, гр., Алекс. Петров., об.-прокур. синода 1857, г., т. LXV, 131, 138, т. LXVI, 30, 647, т. LXVIII, 356, 359—361, 656, 659, 662, 664.

Толстой, гр., Алексѣй Константинов. писатель, р. 1834 г., † 1875 г., т. LXVII, 644, т. LXVIII, 362, 363, 364, 655, 661, 759—766.

Толстой, Андрей, родонач. Толстыхъ, первый получившій прозваніе Толстаго, вслѣдств. своей фигуры, т. LXVII, 644.

Толстой В., сообщ.: Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій въ 1848—1861 гг.", т. LXV, 125—129.

Толстой, Григорій Мих., его разсказъ: „Поѣздка въ Туринскъ къ декабристу Вас. Петр. Ивашеву въ 1838 г. Воспоминаніе", т. LXVIII, 327—351, упом. 488, 545.

Толстой, гр., Дм. Андреев., президентъ императорск. акад. наукъ, д. тайн. сов., мн.-ръ вн. дѣлъ, чл. госуд. сов., писатель, † 1889 г., т. LXV, 636, т. LXVI, 721, т. LXVII, 565, 644, т. LXVIII, 295.

Толстой, гр. Дмитрій Николаев., 1840 г., т. LXVII, 639, 640.

Толстой, гр., Илья Львовичъ, т. LXVII, 635.

Толстой, гр., Левъ Никол., писатель, р. 1828 г., т. LXVI, 635, т. LXVII, 136, 323, 631—655, т. LXVIII, 261—277, 310, 627, 702, 714, 767.

Толстой, гр., Мих. В., археологъ, писатель, т. LXVIII, 311.

Толстой, гр., Николай Ильичъ, т. LXVII, 645

Толстой, гр. Н. М., 1844 г., т. LXV, 71.

Толстой, гр., Николай Николаевичъ, 1840 г., т. LXVII, 639.

Толстой, гр. Петръ Александровичъ (ошибочно названный Скайлеромъ Андреевичъ), посолъ въ Парижѣ 1807 г., ген.-отъ-инф., предсѣд. деп. воен. дѣлъ госуд. сов., р. 1769 г., † 1844 г., томъ LXV, 143—217, т. LXVII, 645, томъ LXVIII, 702.

Толстой, гр., Сергѣй Львов., 1868 г., т. LXVII, 635.

Толстой, Юрій Васильев., тов. об.-прокурора синода, археографъ, писатель 1878 г., т. LXVIII, 307.

Толстой, гр., Ѳед. Андреев., сенат., тайн. сов., библіофилъ, † 1849 г., томъ LXVII, 645, 646.
Толстой, гр., Ѳед. Петров., скульпт., медальеръ, вице-президент. имп. академіи художествъ, р. 1783 г., † 1873 г., томъ LXVII, 646.
Толстой, гр., ген.-м. 1835 г., т. LXVII, 107, 108.
Толстые, т. LXVII, 195.
Толль, гр., 1835 г., т. LXVII, 697.
Толтиловъ, бывш. восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
Толмачевъ, офиц. 1814 г., т. LXVII, 22, 23.
Толочановъ, Семенъ 1682 г., т. LXVIII, 242, 245.
Толубѣевъ, Никита Ив., дворянинъ 1780 г., т. LXVI, 486.
Тонкачеевъ, чиновн. 1774 г., т. LXVI, 107.
Тонъ, Конст. Андреев., профес., архитекторъ, т. LXVI, 651, т. LXVIII, 745.
Тонышевъ, капит. 1804 г., т. LXV, 346.
Топильскій, Мих. Ив., директ. деп. мн-ва юстиціи, вносл. сенаторъ, тайн. сов., † 1873 г., т. LXVIII, 360.
Топорнинъ, А. П. сообщ.: „Поѣздка въ Туринскъ къ декабристу Вас. Петр. Ивашеву въ 1838 г. Воспоминаніе Г.М. Толстого", т. LXVIII, 327—351; «Къ разсказу поѣздка въ Туринскъ, въ 1838 г., къ декабристу Ивашеву", томъ LXVIII, 488; „Г. М. Толстой и Ѳ. И. Топорнинъ", 545.
Топорнинъ, Ѳед. Ив., 1836 г. т. LXVIII, 329—351, 488, 545.
Топчіевъ, Ефимъ Ив., р. 1801 г., † 1869 г., т. LXVII, 1.
Торжель, ген.-м., † 1839 г., т. LXVIII, 6, 17.
Тормасовъ, Александръ Петров., кіевск. воен. губернат. 1807 г., т. LXVIII, 304
Тормасовъ, гр., ген.-отъ-инф., москов. воен. ген.-губ. 1818 г., т. LXV, 303, 820, т. LXVI, 734, т. LXVIII, 529, 530.
Торнау, Ѳед. Ѳед, русск. воен. агентъ, въ Вѣнѣ 1857 т., т. LXVII, 162, 170.
Тороховъ, Д., писат. 1884 г., т. LXVIII, 773.
Тотлебенъ, гр., Готлобъ-Куртъ-Генрихъ, ген.-м. 1763 г., т. LXV, 241.
Тотлебенъ, гр. Эдуардъ Ив., инжен., ген.-ад., р. 1818 г., † 1884 г., т. LXV, 655, 660, 664, 750, 751, 756, т. LXVI, 93, 300, т. LXVIII, 543, 544, 668, 674—677.
де-Траверсе, Марья Алсд., см. Паткуль.
Трамбецкій, Мих., офиц. 1848 г., томъ LXVII, 300, 306.
Траутшольдъ, Г. А., докт. 1866 г., т. LXVI, 472.
Трачевскій, А. С. профес., писатель 1877 г., т. LXV, 150, т. LXVIII, 769.
Трегубовъ, Николай Яковлев., сенат., † 1845 г., т. LXVII, 445.
Трембицкій, ген. 1830 г., т. LXV, 718.
Треповъ, Ѳед. Ѳедоров., ген.-адъют., ген.-отъ-инфант., спб. градонач., томъ LXV, 502.
Трескинъ, тобольск. губернат. 1812 г., т. LXV, 297.
Третьяковскій, Василій Кириллович, писатель, † 1769 г., т. LXVII, 528, 546, 547.
Трехлѣтовъ, собир. рукописей, томъ LXVIII, 300.
Тришатный, ген. 1847 г., т. LXV, 375, 742.
Троекуровъ, кн., Ив. Борисов., бояр. 1695 г., т. LXVIII, 242.
Троекуровы, князья, т. LXVII, 646.
Тройницкій, Александръ Григорьев., тов. мин. вн. дѣлъ 1861 г., тайн. сов., чл. гл. управл. цензуры 1860—1861 гг., т. LXVII, 186, т. LXVIII, 186, 391, 609—612.
Троцинскій, Дм. Прокоф., директоръ почтъ, министръ удѣловъ, дѣйствит. тайн. сов., чл. госуд. совѣта, † 1829 г., т. LXVI, 688, т. LXVIII, 497, 661.
Трубецкая, княг., Варвара Александр., 1816 г., т. LXVII, 457, 459, 460, 461.
Трубецкая, княж., Ольга 1839 г., т. LXV, 329, 332.
Трубецкая, княж., Ольга Ив., въ зам.

графиня Бобринская, род. 1863 г., т. LXVI, 226.
Трубецкая, княг., Софья Андр., см. Вейсъ.
Трубецкая, княжна, 1689 г., т. LXVIII, 240.
Трубецкая, княж., въ зам. Максурова, т. LXVI, 518.
Трубецкой, кн., Н. Н., 1816 г., т. LXVII, 457—467.
Трубецкой, кн., Никита Юрьев., ген.-прокур. и ген.-фельдм., р. 1700 г., † 1768 г., т. LXV, 762.
Трубецкой, кн., Серг. Петр., полковн. л.-гв. Преобр. полка, декабр., † 1860 г., т. LXV, 333 т. LXVIII, 500, 505.
Трубецкой, кн., 1596 г., т. LXVIII, 734.
Трубецкой, кн., харьков. губернат. 1836 г., т. LXVII, 230.
Трубецкой, кн., ген.-лейт. 1737 г., т. LXV, 116.
Трубецкой, кн., ген. 1810 г., т. LXVI, 733.
Трубецкой, кн., ген.-ад. 1812 г., 1820 г., т. LXV, 843, т. LXVII, 228.
Трубецкой, кн., офиц. 1864 г., т. LXV, 478.
Трубецкіе, князья, т. LXVII, 646.
Трубанскіе, купцы, т. LXVIII, 314.
Труссонъ, поруч. 1854 г., LXVIII, 672, 674.
Тукалевскій, арханг. вице-губернат. съ 1835—1837 гг., т. LXV, 169, 170.
Тулубьевъ, Алексѣй Александр., генер. 1875 г., т. LXVIII, 134.
Туманскій, Васил. Иван., писатель, т. LXVII, 378—386.
Туманскій, Влад. Ив. (1890 г.), т. LXVII, 378.
Туманскій, Ив., чиновникъ 1786 г., т. LXVII, 525.
Турау, Эр. Өед., сообщ. „Надпись на могилѣ царя Васил. Ив. Шуйскаго", т. LXV, 91.
Тургеневъ, Александръ Ив., писатель, † 1845 г., т. LXVI, 652, 656, т. LXVII, 449, т. LXVIII, 480.
Тургеневъ, Александръ Мих., р. 1772 г., † 1863 г., т. LXVIII, 233, 747, 748.
Тургеневъ, Ив., чиновникъ 1801 г., т. LXVII, 527.
Тургеневъ, Ив. Серг., писат., р. 1818 г., † 1883 г., т. LXV, 438, 641, 646 — 649, т. LXVI, 191, 417, 635, т. LXVII, 136, 356, 599, 625, 633, 639, 643, 644, 655, т. LXVIII, 47, 51, 80, 137, 138, 146, 167, 261, 363, 714, 759—764, 779.
Тургеневъ, Никол. Ив., декабр., † 1872 г., т. LXVI, 652, т. LXVII, 449.
Тургеневъ, Яковъ, т. LXVIII, 255.
Тургеневъ, ген. 1835 г., т. LXVII, 115.
Туркулъ, Игнат. Лаврент., мин., ст.-секрет. Ц. Польскаго 1839 г., т. LXV, 328, т. LXVI, 381, 389, 702—705.
Тургеневъ, Мих. Никол., тайн. сов., сенат., † 1889 г., т. LXVI, 694.
Турчаниновъ, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 121.
Турчаниновъ, Ив Васильев., поруч. 1848 г., т. LXVI, 699—701.
Турчаниновъ, владѣт. заводовъ на Уралѣ 1820 г., т. LXV, 223.
Тутолминъ, ген.-отъ-инф. московск. главнокоманд. 1806 г., т. LXVIII, 303.
Тухачевская, воспитанница Смольнаго института 1797 г., т. LXVII, 416, 423.
Тухолка, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 122.
Тучкова-Огарева, см. Огарева.
Тучкова, Анна Алексѣевна, т. LXVIII, 7, 10.
Тучкова, Анна Алексѣевна, т. LXVIII, 9, 21.
Тучкова, Ел. Алексѣев., т. LXVIII, 35.
Тучкова, Елисав. Алекс., т. LXVIII, 7.
Тучкова, Карол. Ив., см. Иванова.
Тучкова, Маргарита Мих., игуменья, т. LXVIII, 8, 26.
Тучкова, Марія Алексѣев., т. LXVIII, 2, 7, 9, 17, 21, 32, 57.
Тучкова, Марья Павлов., т. LXVIII, 37.
Тучковъ, Алексѣй Алексѣев., ген.-м 1800 г., т. LXVIII, 1, 2, 5, 6.
Тучковъ, Алексѣй Алексѣев., (сынъ), помѣщикъ 1830 г., т. LXVIII, 13, 28, 31, 47—80.
Тучковъ, Алекс. Васильев., т. LXVIII, 8.
Тучковъ, Мих. Павл., т. LXVIII, 3.

Тучковъ, Никол. Алексѣев., генералъ, † 1812 г., т. LXV, 99, 100, 101, 102, т. LXVI, 487, т. LXVIII, 2.

Тучковъ, Пав. Алексѣев., ген.-ад., московск. воен. губерн., † 1864 г., т. LXV, 103, т. LXVI, 175, т. LXVIII, 702.

Тучковъ, Пав. Алексѣев., дѣйств. тайн. сов., чл. госуд. сов. 1848 г. т. LXV, 103, т. LXVIII, 3, 7, 37, 38, 73, 75, 77.

Тучковъ, Сергѣй Алексѣев., т. LXVIII, 2, 3.

Тучковы, т. LXVIII, 6, 7, 77.

Тхоржевскій, 1861 г., т. LXV, 231.

Тыртовъ, Никол., бывш. госп. Дворянск. полка, т. LXVI, 247.

Тюрина, Юлія Львов., см. Грюнбергъ.

Тюринъ, А. Ѳ., сенаторъ, т. LXV, 626.

Тютчевъ, Ѳед. Ив., писатель, † 1873 г., т. LXVI, 631, 634, т. LXVII, 150, 369, 374, 596, 599, 609, 610, 623, 624, 631. т. LXVIII, 144, 150, 151, 159.

Тюфяева, А. Н., издательница „Игрушечки" 1889 г., т. LXV, 451, 452, 460.

Убри, въ зам. баронесса **Вудбергъ**, т. LXVII, 170.

Уварова, г-жа, см. **Андро**.

Уваровъ, гр., А. А., предсѣд. моск. арх. общ. 1876 г., т. LXVIII, 740.

Уваровъ, гр., Алексѣй Сергѣев., археологъ, † 1884 г., т. LXVIII, 306, 309.

Уваровъ, гр., Серг. Семен., мин. нар. просв., въ 1812 г., попеч. спб. учебн. окр., † 1855 г., т. LXV, 38, 45, 48—50, 53, 363, 364, 367, 384, 386, 387, 396, 405, 637, т. LXVI, 38, 39, 43, т. LXVII, 363, т. LXVIII, 282.

Уваровъ, генералъ 1810 г., т. LXVI, 733, 734.

Уваровы, графы, т. LXVII, 586.

Угрюмовъ, помѣщ. 1842 г., т. LXVII, 563.

Удомъ, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 120, т. LXVI, 737.

Укке, док-ръ 1882 г., т. LXVIII, 772.

Украинцевъ, Емельянъ, думный дьякъ 1695 г., т. LXVIII, 247.

Ульманъ, проф. 1830 г., т. LXV, 364, 365, 367.

Ульяновскій, предвод. двор. Городецк. уѣзда, Витеб. губ. 1836 г., т. LXVII, 249, 261, 262, 674.

Унгернъ-Штернбергъ, баронесса, Анна Владим., въ зам. графиня **Бобринская**, † 1846 г., т. LXVI, 221.

Ундольскій, Вукъ Мих., славяно-русск. библіографъ, т. LXVIII, 305.

Унковскій, Н. С., фл.-ад. 1850 г., т. LXVII, 181.

Унковскій, т. LXVII, 203.

Урусова, княжна, 1830 г., т. LXV, 31.

Урусовъ, Сергѣй Никол., ст.-секр., д. тайн. сов., членъ госуд. совѣта, т. LXVIII, 169, 287.

Урусовъ, кн., Ѳед. Семен., т. LXVIII, 246.

Урусовъ, кн., генер. 1835 г., т. LXVII, 115.

Усовъ, шт.-кап. 1876 г., т. LXVI, 424.

Успенскій, Вл., чл. тверск. ученой архивной комис. 1889 г., т. LXVIII, 569.

Успенскій, Глѣбъ, писат. 1889 г., томъ LXVIII, 767.

Устимовичъ, П. М., сообщ.: „Анна Алексѣевна Андро, рожденная Оленина", томъ LXVII, 387 — 412: „Поправка къ ст. А. А. Андро", т. LXVIII, 310.

Устряловъ, Никол. Герас., академикъ проф., † 1870 г., т. LXV, 634, т. LXVI, 44, т. LXVII, 141, 593, 594, т. LXVIII, 144, 298.

Утинъ, Борисъ Исак., профессоръ, † 1872 г., т. LXVIII, 170, 754.

Утинъ, Евгеній Исаков., писатель, присяж. повѣр., т. LXVIII, 382, 767, 7[illegible]

Ушакова, Александра Петров., въ зам. графиня **Бобринская**, † 1880 г., т. LXVI, 223.

Ушакова, Вѣра Григ., см. Скандербекъ Кастріотъ, княжна.

Ушаковъ, Александръ Клеоников., ген. 1855 г., т. LXVI, 314—319, 579, 5[illegible]

581, т. LXVII, 439 — 442, т. LXVIII, 118, 493, 541—545, 702.
Ушаковъ, Алексѣй Павл., т. LXVII, 411.
Ушинскій, Конст. Дм., педагогъ-писатель, т. LXVI, 210.
Ушковъ, Петръ Капитоновъ., гражд. г. Елабуги 1889 г., т. LXVII, 663.

Фаворъ, педагогъ 1830 г., т. LXV, 25,
Фадѣева, Екат. Андр., см. Витте.
Фадѣева, Елена Андр., см. Ганъ.
Фадѣева, Елена Павл., рожд. княж. Долгорукая, т. LXVI, 186, 188.
Фадѣева, Н. А., сообщ.: «Елена Андр. Ганъ и Осипъ Ив. Сенковскій», томъ LXVI, 185—191.
Фадѣева, Надежда Мих., т. LXVIII, 559.
Фадѣевъ, Андрей Мих., саратовск. губернат., т. LXVIII, 559.
Фадѣевъ, Ростиславъ Андр., генер., воен. писатель, 1868 г., т. LXV, 487, 488, т. LXVI, 101.
Федоровскій, кадетъ 1857 г., т. LXVI, 405.
Федяевъ, подполковн. 1830 г., т. LXVIII, 123.
Фейгинъ, откупщикъ 1820 г., т. LXV, 625, 626.
Фельзнеръ, Вл. Ив., ген.-лейт., 1855 г., т. LXVI, 304.
Фенинъ, чиновн. 1830 г., т. LXV, 735.
Фервенъ, гр-ня, Елис., см. Раухъ.
Ферманъ, генер. 1774 г., т. LXVI, 113.
Фернемонъ, графиня, т. LXVI, 515.
Фестеръ, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 120.
Фетъ (Шеншинъ), Аѳанасій Аѳанасьев., писатель, р. 1820 г., т. LXVI, 47, 763.
Фигнеръ, Александръ Самойл., партизанъ 1812 г., р. 1787 г., † 1813 г., т. LXVIII, 302, 305.
Филаретъ (Амфитеатровъ), митропол. кіевскій, р. 1779 г., † 1857 г., томъ LXV, 630, т. LXVII, 281.
Филаретъ (Василій Дроздовъ), митроп. московск., р. 1782 г., † 1867 г., томъ LXV, 630, 642, т. LXVI, 180, 293, 294, т. LXVII, 284, 291, т. LXVIII, 199, 356.
Филипченко, П. П., тов. предсѣд. полтавск. окружн. суда 1890 г., т. LXVII, 470.
Филиповъ, Тихонъ, староста въ имѣніи Аракчеевой, т. LXV, 600.
Филипповъ, А. А., т. LXVIII, 485.
Филоновъ, А., состав. хрестом., томъ LXVIII, 625.
Философовъ, А. А., воспит. в. кн. Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго 1851 г., впосл. директ. Пажеск. корп., т. LXVI, 478.
Философовъ, Алексѣй Иллар., т. LXVI, 50, 51.
Философовъ, Владим., д. тайн. сов., сообщ.: «Александръ Клеоникіевичъ Ушаковъ, генералъ-отъ-инфантеріи», т. LXVIII, 541—545.
Философовъ, ген., 1737 г., т. LXV, 118.
Фильдъ, артистъ, т. LXVIII, 7.
Фишбахъ, ген. 1856 г., т. LXVI, 173.
Фишеръ, профес. 1844 г., т. LXV, 36, 631, 638, т. LXVI, 282, 288, 289, 439—445, т. LXVII, 156.
Флетчеръ, историкъ, т. LXV, 54, 387, 396, 397, 428.
Флиге, жанд. офиц. 1835 г., т. LXVII, 70—72, 90.
Фовицкій 1-й, чиновн. 1830 г., т. LXV, 717, 723.
Фовицкій, т. LXV, 724, 728.
Фоевый, Ив., 1830 г., т. LXV, 722.
Фойницкій, И., профес., т. LXVIII, 769.
Фомицына, рожд. Косецкая, т. LXV, 732.
Фомицынъ, полковн. 1830 г., т. LXV, 732.
Фольбортъ, минералогъ 1840 г., томъ LXVI, 521.
Фолькмутъ, капит. 1856 г., т. LXVIII, 668.
Фонтонъ, совѣтн. посольства въ Вѣнѣ 1848 г., т. LXV, 74.
Форсманъ, Ив. Яковл., офиц. 1830 г., т. LXV, 25, 34.
Фортинскій, 1863 г., т. LXVIII, 193.

Фофановъ, писат. 1880 г., т. LXVIII, 763.
де-Фошъ, педагогъ, 1830 г., т. LXV, 25.
Франковской, полковн. 1830 г., т. LXV, 25.
Фребеліусъ, Васил. Ив., окулистъ 1845 г., т. LXVII, 340.
Фредериксъ, г-жа, т. LXV, 332.
Фредериксъ, баронесса, въ зам. Алопеусъ, т. LXVI, 477.
Фредериксъ, баронесса, въ зам. Вейссъ, т. LXVII, 229.
Фридериксъ, бар., Н. П., фл.-ад. 1850 г., т. LXVI, 70, т. LXVII, 182.
Фредериксъ, ген.-ад. 1826 г., т. LXVIII, 513.
Фредериксъ, бар., т. LXVIII, 168.
Фрезе, Н. Х., колл. сов. 1890 г., томъ LXVI, 240.
Фрейгангъ, цензоръ 1852 г., т. LXV, 36, 650, 652, 653, т. LXVI, 615, томъ LXVII, 366.
Френъ, 1824 г., т. LXVII, 456.
Фонъ-Фрикенъ, Анна Григорьевна, томъ LXV, 761, 762.
Фробенъ, Л. Ѳ., докт. 1846 г., т. LXVI, 528.
Фроловъ, математикъ 1888 г., т. LXV, 245.
Фругъ, С., поэтъ 1880 г., т. LXVIII, 763.
Фурманъ, Анна Ѳед., въ зам. Оомъ, т. LXVII, 400.
Фуссъ, секрет. акад. наукъ, † 1855 г., т. LXVI, 616.

Халубинскій, докт. 1855 г., т. LXVI, 703.
Ханыковъ, полковн. 1798 г., т. LXVIII, 577.
Ханыковъ, 1845 г., т. LXVI, 651, томъ LXVII, 201.
Хатунцовъ, ген. 1804 г., т. LXV, 345, 346.
Хвостовъ, гр., Дм. Ив., писат., род. 1753 г., † 1835 г., т. LXVI, 673—677, 681, т. LXVIII, 302.
Хвощинская, Надежда Дм., въ зам. Заіончковская, (псевд. Крестовскій), пис-ца, т. LXVIII, 739, 761, 764, 767.
Хвощинскій, Пав. Кесаревичъ, ген.-м., директ. полоцк. кад. корп. 1836 г., т. LXVII, 248, 680, 684.
Хемницеръ, Ив. Ив., баснопис., род. 1745 г., † 1784 г., т. LXV, 313, 314, 621, 645, т. LXVII, 623.
Хераскова, Елис. Вас., рожд. Неронова, † 1809 г., т. LXVI, 673—674.
Херасковъ, Матв. Андр., 1808 г., том LXVI, 674.
Херасковъ, Мих. Матвѣев., писатель, р. 1733 г., † 1807 г., т. LXVI, 673—674, т. LXVII, 486, 522.
Херсонскій, И. К., чл. костромск. ученой арх. комис. 1889 г., т. LXVIII, 555.
Хилькевичъ, И. А., чинов. 1855 г., т. LXVI, 625.
Хилковы, т. LXVII, 207.
Хитрово, т. LXV, 71.
Хлопицкій, Осипъ, польск. генер. 1831 г., т. LXV, 682, 692—692, 700, 706—710, 718, 723, 725, 726, 740.
Хлоповъ, Ив. Назарьев., 1553 г., том LXVIII, 431.
Хлюстина, гр-ня, т. LXVI, 505, 547.
Хлюстина, см. Сиркуръ.
Хмельницкій, Богданъ, гетманъ малороссійск. 1654 г., т. LXVII, 473.
Хованская, княг., Екат. Петр., см. Ишеева.
Хованскій, Н. Ф., писатель, т. LXVI, 450, т. LXVII, 555.
Хованскій, кн., Серг. Сергѣев., том LXVIII, 328, 329.
Хованскій, кн., Юрій Сергѣев., том LXVIII, 328.
Хованскій, кн., ген.-отъ-инф. 1836 г., т. LXVII, 226—270, 670—672, 691, 699, 700.
Ховрина, Марья Дм., т. LXV, 420.
Ходкевичъ, полковод. 1612 г., т. LXV, 799.
Холодиловъ, купецъ 1771 г., т. LXVI, 121.
Холодковскій, анатомъ 1884 г., том LXV, 245.

Хоменко, ст. сов., 1890 г., томъ LXVI, 240.
Хоментовскій, ген.-маіоръ 1824 г., т. LXV, 121.
Хомутовъ, Леонидъ Никол., воспит. школы гвард. подпрап. 1833 г., т. LXV, 591, 592.
Хомутовъ, Никол. Филипов., ген.-маіоръ 1853 г., т. LXV, 84, 570, 658, 668.
Хомяковъ, Алексѣй Степ., писат., † 1860 г., т. LXV, 641, 648, т. LXVI, 641, 645, 646, 648, 652, 653, т. LXVII, 134, 207, 209, 211, т. LXVIII, 356.
Хорватъ, предки Депрерадовичей, томъ LXVIII, 731.
Храповицкая, Елис. Александр., рожд. Вонлярлярская, т. LXVI, 592.
Храповицкая, Марья Влад., т. LXVI, 592.
Храповицкій, Александръ, 1800 г., т. LXVII, 435.
Храповицкій, Ив. Сем., спб. губернат. съ 1829 по 1835 г., т. LXVI, 167, 168.
Храповицкій, Матвѣй Егоров., ген.-ад. 1828 г., т. LXVIII, 101, 103, 108, 522.
Храповицкій, помѣщ. 1836 г., т. LXVII, 242.
Хрептовичъ, гр., русск. послан. въ Лондонѣ 1857 г., т. LXVI, 551, 552.
Хржановскій, подполковн. генеральн. штаба 1830 г., т. LXV, 34.
Хржановскій, маіоръ 1830 г., т. LXV, 34.
Хржановскіе, т. LXV, 34.
Христичъ, полковн. 1890 т., т. LXVI, 240.
Хрулевъ, Степ. Алекс., ген.-лейтен., 1855 т., т. LXV, 755—759.
Хрущевъ, Пав. Дмитр., 1859 г., томъ LXVI, 35, т. LXVII, 137, т. LXVIII, 168.
Хрущевъ, ген.-маіоръ 1737 г., т. LXV, 117.
Хрущевъ, 1855 г., севастополецъ, т. LXVI, 51. 98.
Хрущевъ, ученый 1882 г., т. LXV, 245, 246.
Худяковъ, полковн. 1890 г., т. LXVI, 240.

Цахъ, бар., ученый 1830 г., т. LXV, 32.
Цвиленевъ, генералъ 1812 г., т. LXVI, 487.
Цвѣтневъ, Левъ, профес., цензоръ 1831 г., т. LXVIII, 446.
Цвѣтковъ, чиновн. 1849 г., т. LXVIII, 63, 64
Ценковскій, профес. 1858 г., т. LXVII, 614, 616, 625.
Цесарскій, подпрапорщ. 1800 г., томъ LXVI, 138.
Цеховецкій, помѣщ. 1836 г., томъ LXVII, 242.
Циммерманъ, А., генер. 1878 г., т. LXV, 744, 748—749.
Циммерманъ, Іоганнъ - Георгъ, докт., корреспонд. Екатерины II, † 1795 г., т. LXV, 772.
Циммерманъ, докторъ 1848 г., томъ LXVIII, 41, 42.
Циціанова, княжна, † 1885 г., т. LXVI, 640, 645, 652, 654, т. LXVII, 197, 205.
Циціановъ, кн., Егоръ Дм., т. LXVI, 141.
Циціановъ, кн., Пав. Дм., генер. 1793 г., т. LXVI, 140—148, 732, т. LXVII, 504.
Ціонъ, профес. 1880 г., LXVI, 234.
Цуръ-Мюленъ, Андрей Андреев., инженеръ 1855 г., т. LXV, 569.
Цѣпановскій, ученый 1884 г., томъ LXV, 245.
Цѣхановецкій, помѣщ. 1837 г., томъ LXVII, 697.
Цыловъ, царскосельск. полицеймейст. 1859 г., т. LXVIII, 169.
Цынскій, московск. об.-полицеймейстеръ 1840 г., т. LXVII, 212.

Чаадаевъ, Петръ Яковл., т. LXVIII, 768.
Чалый, писатель, 1889 г., т. LXVI, 210
Чамберсъ, Иванъ, 1632 г., LXVIII, 246.
Чаплицъ, генер. 1812 г., томъ LXVI, 734, 735.

Чарторыйскій, кн., Адамъ, мн-ръ иностранныхъ дѣлъ 1806 г., попечитель виленск. унив., 1819 г., т. LXV, 29, 144, 146, 682, 685, 686, 688, 694, 695—697, 704, 706, 707, 726, т. LXVIII, 213.
Чарторыйскіе, т. LXV, 220.
Чеботаревъ, профес. 1801 г., т. LXVII, 482, 488.
Чебышевъ, Н. Д., фл.-ад. 1845 г., томъ LXVII, 181.
Чебышевъ, профес. 1854 г., т. LXVI, 282.
Чевилевъ, воспитан. вел. кн. Александра Александровича, 1860 г., т. LXVIII, 613, 614.
Чевкинъ, Конст. Владим., ген.-ад., чл. госуд. сов., р. 1803 г., † 1875 г., томъ LXV, 601—603, 615, 628, т. LXVI, 5—17, 251—253, 258—261, 266, 270, 301, 513, 514, 523, 574, т. LXVII, 575, 580, 624, т. LXVIII, 159, 384.
Чекала, С., 1882 г., LXVIII, 772.
Чекалинъ, Ѳ. Ѳ., чл. саратовск. ученой архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 570.
Чекаревскій, докт. 1847 г., т. LXVII, 300.
Чекмаревъ, Ив. Гаврилов., капитанъ 1848 г., т. LXVII, 311, 312, 314, 315.
Чекотовскій, бывш. восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
Чельцовъ, ученый 1885 г., т. LXV, 245.
Червинскій, И., писат., 1884 г., томъ LXVIII, 773.
Черевинъ, А. Д., ген.-ад., т. LXV, 66.
Черкаской, кн., Мих. Алегуковичъ, боярин 1695 г., т. LXVIII, 242.
Черкасова, баронесса, Елис. Алекс., см. Пальменбахъ.
Черкасова, баронес. Е. М., см. Бѣлосельская-Бѣлозерская, княжна.
Черкасовъ, бар. Александръ Ив., дѣйств. тайн. сов., президент. медиц. коллегіи въ въ ц. Екатерины II, т. LXV, 819.
Черкасовъ, бар., Ив. Ант., кабинетъ-мин., † 1752 г., т. LXV, 819, 820.
Черкасовъ, бар., Ив. Иванов., адмиралъ при Екатеринѣ II, LXV, 819.
Черкасовъ, бар., Петръ Ив., офицеръ конной гвард. 1769 г., т. LXV, 819.
Черкасовы, бароны, т. LXV, 819, 820.
Черкасскій, кн., Владим. Александр., чл. редакціон. комис., † 1878 г., томъ LXV, 873, 877, т. LXVI, 417, 421, 422, 425—437, 717—721, т. LXVII, 631, томъ LXVIII, 382.
Черкашеновъ, офицеръ 1814 г., томъ LXVII, 22.
Черногорскія, княжны, т. LXV, 828.
Чернышева-Кругликова, А. И., томъ LXVI, 592.
Чернышевская, Евгенія Егоровна, томъ LXVII, 544, 545, 548, 552, 562, 563.
Чернышевскій, Гавр. Ив., протоіерей, † 1861 г., т. LXVI, 449, т. LXVII, 532—534, 540—546, 554, 562—568.
Чернышевскій, Никол. Гаврилов., писатель, публицистъ, р. 1828 г., † 1889 г., т. LXV, 235, т. LXVI, 449—465, томъ LXVII, 531—568, 599, томъ LXVIII, 138, 389, 610.
Чернышевскіе, т. LXVII, 533, 537, 538, 548, 552, 564, 566, 567.
Чернышевъ, А. А., ген.-ад. 1855 г. т. LXVI, 98, т. LXVII, 182.
Чернышевъ, князь, Александръ Ив., ген.-ад., воен. мн-ръ, † 1852 г., томъ LXV, 89, 251, 324, 327, т. LXVI, 205, 356, т. LXVII, 313—315, т. LXVIII, 228, 491, 492, 527.
Чернышевъ, гр., Петръ Григ., полном. мн-ръ при дат., прус. и англ. дворахъ, † 1773 г., т. LXVI, 128, 129.
Черняевъ, Л., писат. 1879 г., томъ LXVIII, 773.
Черняевъ, Мих. Григ., генералъ-лейт. генер. штаба, т. LXV, 756, 757, томъ LXVI, 247, 661—671, т. LXVIII, 382.
Черткова, Елис. Ив., т. LXVI, 592.
Чертковъ, А. Д., предсѣд. московск. худож. общ. 1857 г., т. LXVII, 627, 629.
Чертковъ, Гр. Н., фл.-ад. 1850 г., томъ LXVII, 182.
Чесноковъ, В. Д., 1835 г., т. LXVII, 536, 539, 547.
Четыркинъ, д. статск. сов., гл. инспекторъ медиц. части Ц. Польскаго 1856 г., т. LXVI, 704—705.
Чеховъ, А., писатель, т. LXVIII, 369.
Чечеринъ, ген.-ад. 1826 г., т. LXVIII, 513.

Чешихинъ, Е., писатель, LXV, 346.
Чижовъ, Өед. Васильев., профес.-экономистъ, писатель, томъ LXV, 378, 379, т. LXVII, 211.
Чикируль-Кушъ, юнкеръ, ордин. ген. Хрулева 1855 г., т. LXV, 758.
Чириковъ, помѣщ. 1847 г., т. LXVII, 283, т. LXVIII, 616.
Чихачевъ, Петръ Александр., путешественникъ, чл. парижск. акад. наукъ 1850 г., т. LXVI, 265, 558.
Чихачевъ, Плат. Александр., писат., т. LXVI, 265, 266, т. LXVIII, 770.
Чихачевъ, географъ 1882 г., т. LXV, 245.
Чихачевы, т. LXV, 233.
Чичаговъ, Василій Яковлев., адмиралъ, р. 1725 г., † 1809 г., т. LXVIII, 305.
Чичаговъ, Пав. Васил., адм., морск. мн-ръ 1825 г., р. 1765 г., † 1849 г., т. LXV, 120, т. LXVI, 734, 735, томъ LXVIII, 2, 515, 528, 529.
Чичеринъ, Борисъ Никол., историкъ-юристъ, писатель, т. LXVIII, 138, 424, 425, 429.
Чобановичъ, Петръ, секундъ-маіоръ 1786 г., т. LXVII, 524.
Чоргунскій, кн., Петръ Дмитріевичъ, т. LXVI, 594.
Ф.-Чуди, полковн. 1853 г., томъ LXV, 554, 555.
Чудновскій, тит. сов. 1858 г., т. LXVIII, 683.
Чумиковъ, Александръ Александровичъ, сообщ.: „Лѣтопись забавъ и шалостей дерптскихъ студентовъ 1803—1862 г., т. LXV, 341—370.
Чуринъ, офиц. 1771 г., т. LXVI, 121.

Шадурскій, предвод. двор. Витебск. губ. 1836 г., т. LXVII, 233, 234, 668, 669, 689, 690.
Шаевскій, капит. 1830 г., т. LXV, 723.
Шаховитый, Өед. Леонтьев., см. Щегловитый.
Шакѣевъ, А., преподаватель, письмо къ нему Грановскаго, т. LXV, 246.
Шакѣевъ, Евл. Алексѣевичъ, мировой судья, земскій дѣятель, сообщ.: „Профессоръ Т. Н. Грановскій къ А. Шакѣеву», т. LXV, 246.
Шаликовъ, кн., Петръ Ив., писатель, 1797 г., т. LXVI, 689.
Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана, † 1871 г., т. LXV, 488, 493, т. LXVI, 358, 646, т. LXVIII, 179.
Шаминъ, полковн. 1827 г., т. LXV, 362.
Шанова, Анна Евграф., т. LXV, 68.
Шанской, Филатъ, царскій шутъ 1690 г., т. LXVIII, 255.
Шапиро, Ольга, пис-ца, т. LXVIII, 761.
Шапошниковъ, 1840 г., т. LXVII, 538.
Шарвинъ, Ив., купецъ 1791 г., т. LXV, 788.
Шарлеманъ, А. І., профес. акад. худож., т. LXVI, 495.
Шарскій, ген.-м. 1890 г., т. LXVI, 240.
Шау, Б., педагогъ 1856 г., т. LXVI, 480,
Шауфусъ, д. ст. сов. 1858 г., т. LXVIII, 683.
Шафнагель, г-жа, въ зам. Врангель, т. LXVI, 587.
Шафонскій, А., писатель, т. LXVII, 471, 474, 475, 522.
Шаховская, княг., см. Бутера, княг.
Шаховская, княжна, въ зам. Шувалова, во 2-мъ бракѣ гр-ня Полль, въ 3-мъ княг. Бутера Радаши, т. LXV, 225.
Шаховской, кн., Александръ Александровичъ, писатель-драматургъ, р. 1777 г., † 1846 г., т. LXVI, 28.
Шаховской, Ал. Ив., фл.-ад. 1856 г., т. LXVI, 593, 595.
Шаховской, кн., Н. Л., т. LXV, 71.
Шаховской, кн. Сергѣй Владим., эстляндскій губернаторъ 1889 г., т. LXVI, 346.
Шаховской, кн., 1695 г., т. LXVIII, 256.
Шаховской, кн., генералъ 1789 г., т. LXVI, 144.
Шаховской, кн., корп. команд. 1830 г., т. LXV, 727
Шаховской, кн., воспит. школы гвард. подпрап. 1832 г., т. LXV, 592.
Шаховской, кн., офиц. 1830 г., томъ LXVIII, 124, 125.

Шаховской - Глѣбовъ-Стрѣшневъ -Бреверн, князь, т. LXV, 75.
Шаховской-Стрѣшневъ, кн., почетн. опекунъ, т. LXVII, 413.
Шаховъ, Н. А., об.-секрет. сената, т. LXV, 625.
Шванебахъ, Борисъ Антонов., морск. офиц. 1853 г., т. LXV, 570.
Шварцъ, И. Г., профес. 1800 г., томъ LXVII, 463.
Шварцъ, Наталья Ильинишна, томъ LXVII, 463.
Шварцъ, полковн., команд. л.-гв. Семен. полка, 1820 г., т. LXVI, 79.
Шварцъ, ген.-ад. 1856 г., т. LXVI, 174, 300.
Шварцъ 1830 г., т. LXV, 694.
Шведовъ, астрономъ 1881 г., т. LXV, 244, 245, 246.
Шевандинъ, ген.-маіоръ 1824 г., томъ LXV, 121.
Шевичъ, Ив. Евг., ген.-лейт., т. LXV, 827.
Шевичъ, Марья Христ., см. Бенкендорфъ.
Шевыревъ, Степанъ Петров., профес. московск. унив. 1842 г., т. LXV, 54, 387, 396, 416, 417, 421—423, 426, 637, томъ LXVI, 293, 294, 295, 296, т. LXVII, 211, 478, 522, 627—630.
Шевченко, писатель 1847 г., т. LXV, 377, т. LXVIII, 155.
Шеинъ, Алексѣй Семеновичъ, воевода 1697 г., т. LXVIII, 443.
Шейманъ, А. О., художн. 1890 г., томъ LXVIII, 488.
Шейнъ, П. В., сообщ.: «Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ», т. LXVI, 193 — 198; «Къ исторіи цензуры», 715—716, упом. т. LXVI, 201, 576, т. LXVIII, 294.
Шелейховскій, педагогъ 1820 г., томъ LXV, 622.
Шембекъ, генер. 1831 г., т. LXV, 697—726.
Шене, Э. Б., профес. 1890 г., т. LXVIII, 550.
Шеншинъ, ген.-ад. 1826 г., т. LXVIII, 85, 513.
Шенрокъ, Влад. Ив, преподав., писатель, сообщ.: „Николай Васильевичъ Гоголь въ неизданныхъ его письмахъ, а также въ письмахъ его друзей, 1841—1851 г.", т. LXV, 407—427, 850—856, т. LXVI, 639—656, т. LXVII, 195—212, 279—291 т. LXVIII, 655 — 664, упом. т. LXVIII, 363, 765.
Шереметева, Надежда Никол., т. LXVII, 283, т. LXVI, 541, т. LXVIII, 354.
Шереметева, Софія Алексѣевна, въ зам. гр-ня Бобринская, † 1871 г., т. LXVI, 225.
Шереметевъ, Борисъ Петров., фельдмаршалъ 1695 г., т. LXVIII, 248, 443.
Шереметевъ, Василій, т. LXVI, 323.
Шереметевъ, Ив. Васильев., боярин, т. LXVIII, 431.
Шереметевъ, гр., 1800 г., т. LXV, 812, т. LXVI, 591.
Шернваль, полковн. путей сообщ. 1854 г., т. LXVI, 62.
Шернваль-Валенъ, бар., ст.-секрет. тайн. сов., 1875 г., т. LXVIII, 134.
Шерцель, подполков. 1830 г., т. LXV, 729, 730.
Шестаковъ, Ив. Алексѣев., флотскій офиц. 1855 г., т. LXVI, 51, 97.
Шестаковъ, Петръ Дмитріевичъ, род. 1826 г., † 1890 г., попечит. казанск. учебн. округа 1882 г., т. LXV, 344.
Шестовъ, московск. гор. голова 1846 г., т. LXVI, 576.
Ла-Шетарди, маркизъ, французск. посолъ при русск. дворѣ, 1754 г., т. LXV, 597, 820.
Шетневъ, Мих. Тимофѣев., 1553 г., т. LXVIII, 430.
Шешкинъ, кн., остатскій князь 1864 г., т. LXVIII, 457—459.
Шешковскій, Степ. Ив., нач. тайной канц., † 1794 г., т. LXVI, 75.
Шефферлингъ, В. А., чл. рязан. учен. архивн. комис. 1888 г., т. LXVIII, 554.
Шиллингъ Ф. Канштедтъ, баронес., Анна, см. Бенкендорфъ.
Шиловскій, протоіерей 1842 г., томъ LXVII, 550, 561.
Шильдеръ, Карлъ Андр., инженер. генер.

1853 г., † 1854 г., т. LXV, 86, 242, т. LXVIII, 668—677.

Шильдеръ, Никол. Карлов., ген.-маіоръ свиты, начальн. инжен. акад. и училища, воен. писатель-историкъ, сообщ.: „Двѣ характеристики русскихъ генераловъ въ XVIII и XIX вв., сдѣланныя гр. Минихомъ и ген. Киселевымъ", т. LXV, 115—122; «Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царствованіе императора Александра I, 1806 — 1815 гг.», 143—221; «Россія и русскій дворъ въ 1839 г., записки Гагерна», 321—339; «Эпизодъ изъ Аустерлицкаго боя 1805 г. Письмо кн. Репнина къ А. И. Михайловскому-Данилевскому», т. LXVIII, 209—214»; Вступленіе на престолъ императора Николая I, въ запискахъ ген.-лейт. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, 1826 г.», 489 — 523; «Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій; по поводу столѣтней годовщины со дня его рожденія 1790—1848—1890 г.», 524—534; „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, А. М. Тургеневъ — А. М. Михайловскому-Данилевскому, 1828 г.", томъ LXVIII, 747, 748, упом. т. LXVI, 727.

Шипова, Анна Евграф., т. LXVI, 305.

Шипулинскій, профес., докторъ 1856 г., т. LXVI, 43, 231, 232.

Ширинскій-Шихматовъ, кн., Платонъ Александр., мн-ръ народн просв., р. 1790 г., † 1853 г., т. LXV, 629, томъ LXVI. 26, 27, 36, 38, 39, 40, 279, 285, 286, 292, 615, т. LXVII, 150, томъ LXVIII, 364.

Ширинскій-Шихматовъ, т. LXV, 399.

Ширманъ, команд. Муромск. полка. 1825 г., т. LXVIII, 502.

Ширшевъ, художн. 1825 г., т. LXV, 609.

Ширяевъ, Григорій Ив., писатель, т. LXVIII, 579.

Шиховской, профес. 1848 г., т. LXV. 390.

Шишковъ, Александръ Семенов., адм., мн-ръ народн. просв., р. 1763 г., † 1841 г., т. LXVI, 381, 688, томъ LXVII, 445—447, т. LXVIII, 32, 702.

Шишковъ, т. LXVIII, 32, 702.

Шишонко, Вас. Никиф., д. ст. сов., археографъ, предсѣд. пермск. архивн. комис., р. 1834 г., † 1890 г., т. LXVIII, 557, 571.

Шкуринъ, Васил. Григ., камердинеръ им-цы Екатерины II, т. LXV, 761—762.

Шкуринъ, ген. 1783 г., т. LXV, 781.

Шлейферъ, Никол. Ив., бывш. воспит. Дворянск. полка, вып. 1845 г., томъ LXVI, 240.

Шленевъ, Никол. Алексѣев., дир. горн. корп. 1833 г., т. LXV, 626, 627, томъ LXVI, 1.

Шлецеръ, акад., историогр., т. LXVIII, 650.

Шлецеръ, Доротея, въ зам. Роде, докт. философ., т. LXVIII, 650.

Шлиппенбахъ, генер. 1857 г., т. LXVI, 407.

Шмаковъ, Алексѣй Ив., управл. сысертск. завод. на Уралѣ 1829 г., томъ LXV, 223.

Шмаковъ, И. А., сообщ.: „Гумбольдтъ на Уралѣ въ 1829 г.", т. LXV, 223—225.

Шмидъ, полицейск. чиновн. 1827 г., т. LXV, 360.

Шмидтъ, профес. 1857 г., т. LXVI, 557.

Шнеуръ, заводчикъ 1840 г., т. LXV, 541.

Шоберлехнеръ, пѣвица 1824 г., томъ LXV, 844.

Шоръ 1859 г., т. LXVIII, 177.

Шороховъ, полковн. 1890 г., т. LXVI, 665.

Шостакъ, подполковн., бахчисарайскій полицеймейст. 1854 г., т. LXVI, 52.

Шперейтеръ, ген.-маіоръ 1737 г., томъ LXV, 117.

Шпилевскій, М., писатель 1872 г., т. LXVIII, 306.

Шпицбергъ, Р. В., ген.-м. 1890 г., т. LXVI, 240, 243.

Шредерсъ, состав. карт. Саратовск. губ., т. LXVIII, 565.

Шрейдеръ, ген.-м. 1846 г., т. LXVI, 533.
Шрейдеръ, тайн. сов., витебск. губернаторъ 1834 г., т. LXVII, 227, 231, 232, 239, 240, 241, 261, 262, 270, 670, 671, 675, 699.
Шрейдеръ, П. П., полковн., помощн. директ. горн. корп. 1834 г., т. LXVI, 1.
Штакельбергъ, гр-ня, см. Зассъ, баронесса.
Штевенъ, полковн. 1890 г., т. LXVI, 240.
Штелинъ, академикъ, воспитат. вел. кн. Петра Ѳедоровича 1750 г., т. LXV, 597.
Штеръ 1849 г., т. LXV, 399.
Шторхъ, Андрей, 1824 г., т. LXVII, 456.
Штрандманъ, г-жа, т. LXV, 31.
Штрандманъ, ген., команд. Гродненск. гусарск. полка 1832 г., т. LXVI, 501.
Штрандманъ, писатель, 1847 г., томъ LXV, 874.
Штейнгель, бар., Владиміръ Ив., декабристъ, 1825 г. т. LXV, 303.
Штокманъ, бригадиръ 1737 г., т. LXV, 117.
Штофель, ген.-лейт. 1737 г., т. LXV, 116.
Штутцеръ, бывш. восп. Дворянск. полка, т. LXVI, 247.
Штюрмеръ, ген. 1842 г., т. LXVI, 382.
Шубертъ, 1824 г., т. LXVII, 456.
Шубертъ, Ѳед., астрономъ 1796 г., т. LXVIII, 616, 713.
Шубертъ, Ѳед. Ѳед., нач. карт. топогр., ген.-отъ-инф. 1830 г., т. LXVIII, 639.
Шубинъ-Поздѣевъ, Дм. Павлов., тайн. сов., т. LXV, 587, т. LXVIII, 173.
Шувалова, гр-ня, Елена Петр., фрейлина, въ зам. гр-ня Бобринская, род. 1864 г., т. LXVI, 226.
Шувалова, гр-ня, Софія Андреевна, въ зам. гр-ня Бобринская, т. LXVI, 223.
Шувалова, княгиня, см. Шаховская, княжна.
Шувалова, княг., см. Бутера, княг.
Шуваловъ, гр., Андрей Павл., 1845 г., т. LXVI, 647.
Шуваловъ, гр., А. П., фл.-ад. 1850 г., т. LXVI, 595, т. LXVII, 182.
Шуваловъ, Ив. Ив., основат. и курат. москов. унив., т. LXVII, 478, т. LXVIII, 303.
Шуваловъ, Павелъ, офицеръ 1854 г., т. LXVI, 49, 62, 63.
Шуваловъ, графъ, Петръ Андреевичъ, прибалт. ген.-губ., впосл. шефъ жандарм., т. LXV, 859.
Шуваловъ, гр., Петръ Андреевичъ, пр. деп. общ. дѣлъ мн. вн. дѣлъ 1860 г., т. LXVII, 177, 178, 180, 189.
Шуваловъ, Петръ Павловичъ, 1845 г., т. LXVI, 647.
Шуваловъ, гр., Петръ, офицеръ 1854 г., т. LXVI, 50.
Шуваловъ, гр. 1814 г., т. LXVI, 647.
Шуваловы, т. LXVI, 177.
Шуйскій, князь, Василій, см. Василій Ивановичъ, царь.
Шуйскій, кн., Дм. Ив., 1600 г., т. LXV, 91, 92.
Шуйскіе, князья, т. LXV, 92.
Шулепова, Екат. Евст., см. Пальмебахъ.
Шулеповъ, т. LXV, 822.
Шулигъ, нач. симбирск. коммисаріат. 1835 г., т. LXVII, 99.
Шульгинъ, Ив. Петров., профес. 1825 г., т. LXV, 36, 841, т. LXVI, 293, 296, 619, т. LXVII, 622, т. LXVIII, 147.
Шульгинъ, бывшій восп. Конст. учил., т. LXVI, 247.
Шульманъ, ген.-маіоръ 1824 г., томъ LXV, 122.
Шульманъ, Ф. Г., генералъ 1860 г., т. LXVIII, 399, 400.
Шульцъ, Пав. Ант., сенаторъ, бывшій совѣщат. членъ редакц. комм. (1859–1860 г.), тайн. сов., т. LXV, 874.
Шульцъ, инж. 1855 г., т. LXVI, 99.
Шуляченко, воспит. Дворянск. полка, ген.-маіоръ, химикъ, воен. инж. 1890 г., т. LXVI, 240.
Шумахеръ, Александръ Даниловичъ, д. тайн. сов., сенаторъ 1890 г., т. LXV, 874.

Шумиловъ, золотопромышлен. 1830 г., т. LXV, 312.
Шумская, см. Минкина.

Щаповъ, Аѳанасій Прокофьев., профес., писатель, стихотвор. его, т. LXVII, 217—218.
Щебальскій, Петръ Карлов., писатель, т. LXV, 764, т. LXVII, 596, т. LXVIII, 140, 145.
Щегловитой, Ѳедоръ Леонтьев. (Шакловитый), окольничій 1682 г., томъ LXVIII, 240, 242, 243, 244, 245, 246.
Щеголевъ, прапорщ. 1855 г., т. LXV, 560, 561.
Щелкуновъ, прапорщ. 1828 г., т. LXVIII, 87.
Щепкинъ, Мих. Семен., артистъ, род. 1788 г., † 1863 г., т. LXV, 426, 853, т. LXVI, 635, 648, т. LXVII, 207, т. LXVIII, 22.
Щепкинъ, Николай Павл., чиновн. въ редакц. коммис. 1864 г., д. ст. совѣтн., р. 1825 г., т. LXV, 874.
Щербатова, княгиня, Софья, т. LXVII, 207.
Щербатовъ, кн., Григ. Алексѣев., попеч. спб. уч. окр., предсѣд. цензурн. комит. 1857 г., т. LXV, 638, т. LXVI, 292, т. LXVII, 156, 158, 365, 367, 370, 372, 374, 576, 579, 584, 590, 596, 600, 612.
Щербатовъ, кн., Мих. Мих., историогр., сенаторъ, р. 1733 г., † 1790 г., т. LXVIII, 233.
Щербатовъ, генералъ, нач. 18-й дивизіи 1812 г., т. LXVI, 734.
Щербатовъ, кн., Александръ Петров., т. LXVI, 175.
Щербачевъ, помѣщ. 1812 г. LXV, 14.
Щербининъ, Михаилъ Павл., предсѣд. московск. ценз. комит., почетн. опекунъ, д. тайн. сов., т. LXVIII, 396.
Щербининъ, офиц. 1814 г., т. LXVIII, 534.
Щербинскій, ст. сов., тырновск. губернат. 1876 г., т. LXVI, 435.
Щетинины, князья, т. LXVII, 646.
Щировскій, Кузьма Алексѣев., докт. 1830 г., т. LXVI, 689.
Щученко, К., писатель 1877 г., т. LXVIII, 365, 366.

Эвальдъ, Ѳед. Ѳед., д. ст. сов., педагогъ 1879 г., т. LXVI, 478, 480, т. LXVIII, 781.
Эвальдъ, Э. И., т. LXV, 741.
Эверсъ, профес., ректор. дерптск. унив. 1817 г., т. LXV, 351, 352, 353, 361, т. LXVIII, 480.
Эгерштромъ, Н. Ѳ., профес. 1860 г., т. LXVI, 481.
Эйлеръ, фрейлина 1854 г., т. LXVI, 295.
Эйнгорнъ, В. О., чл. нижегородск. учен. архив. комис. 1889 г., т. LXVIII, 563.
Эйхвальдъ, профес. мед.-хир. акад., † 1889 г., т. LXVI, 540.
Эйхвальдъ, Э. И., учен. 1830 г., т. LXVI, 10, 11, 255.
Экаревъ, чиновн. 1847 г., т. LXVII, 283.
Экбрехтъ, гр-ня, Елена Пав., см. Бобринская, гр-ня.
Экбрехтъ-Дюркгеймъ-Монмартэнъ, гр., Альфредъ, т. LXVI, 226.
Эллисъ, Софья Александровна, рожд. Кирѣева, т. LXV, 590, 593.
Эльснеръ, профес. 1804 г., т. LXV, 346.
Эльсонъ, Ек. Ив., въ зам. Гиберъ-фонъ-Грейффенфельсъ, т. LXVIII, 728.
Эльсонъ, Мих. Ив., художн., т. LXVIII, 728.
Эмме, генералъ 1818 г., т. LXVI, 484, т. LXVII, 50—52.
Энгель, А. М., писатель, т. LXVIII, 754.
Энгельгардтъ, А. Н., переводчица 1890 г., т. LXVIII, 762, 782.
Энгельгардтъ, т. LXVIII, 480.
Энгельгардтъ, Егоръ Антон., директоръ Царскосельск. лицея, р. 1775 г., †

1862 т., т. LXV, 837, 838, 839, 842, 849.
Энгельгардтъ, В. Л., т. LXVI, 143.
Энгельгардтъ, батальон. команд. Двор-янскаго полка 1811 т., т. LXVII, 37.
нге льгардтъ, ген. 1854 г., т. LXVIII, 667.
Энгельманъ, ген., команд. л.-гв. Литов. полка 1830 г., т. LXV, 718.
Энгестромъ, графиня, Ольга Павловна, рожд. графиня Бобринская, т. LXVI, 224.
Энгестромъ, гр., Эдмундъ, т. LXVI, 224.
Эндаурова, Е. М., т. LXV, 445.
Эндаурова, Любовь Меркурьев., художница, т. LXV, 445.
Эргардтъ, К. Б., педагогъ 1852 г., т. LXVI, 478.
Эристова, княж., Варвара Степановна, т. LXV, 606.
Эристова, княж., Глафира Степ. въ зам. Кокшарова, т. LXV, 606.
Эристова, княж., Елена Степ. т. LXV, 606.
Эристова, княг., М. Г., т. LXV, 610.
Эристовъ, кн., Степ. Давыд., ген.-лейт. 1817 г., т. LXV, 606.
Эристовъ, кн., команд. Смоленскаго полка 1855 г., т. LXVI, 314, т. LXVII, 441.
Эрнъ, Марья Каспаровна, т. LXVIII, 39.
Эрнротъ, подполков. 1854 г., т. LXVIII, 667.
Эссенъ, спб. ген.-губ. 1830 г., т. LXVI, 707, т. LXVIII, 113.
Эстергази, кн., Пав. 1856 г., т. LXVI, 597.
Эстергази, графъ, 1811 г., т. LXVII, 25.
Эшеръ, писат. 1879 г., т. LXVIII, 770.

Юдинъ, заводчикъ 1830 г., т. LXV, 541.
Южаковъ, Ю. Д., 1881 г., т. LXVI, 662.
Юзефовичъ, В. М., т. LXV, 764, 771.
Юнге, Е., 1883 г., т. LXVIII, 764.
Юнге, Э. А., тайн. сов., докт.-медиц., директ. Петровск. сельско-хоз. академ. съ 1883 г. по 1890 г., т. LXVIII, 548.
Южный, А., писат. 1881 г., т. XLVIII, 771.
Юнона-Вѣлинская, графиня, см. Собанина.
Юрковскій, флотск. офиц. 1855 г. т. LXVI, 97.
Юрлова, Нина Николаевна, рожд. Нечаева, т. LXVIII, 35.
Юрловъ, Владим. Петров., сообщ.: „Пожары въ Симбирскѣ въ 1864 г. Къ зап. сенат. В. И. Дена", т. LXVIII, 481—484.
Юрьева, Людм. Никанор., т. LXVI, 403, 406.
Юрьевъ, Никан. Ив., ген.-м., директ. Петровск. Полтавск. кад. корп. 1856 г., т. LXVI, 394—409.
Юрьевъ, воспитан. школы гвардейск. подпрап. 1833 г., т. LXV, 592.
Юрьевъ, адмир. 1844 г., т. LXV, 869.
Юсуповъ, князь, 1849 г., т. LXV, 71, 631.
Юсуповъ, кн., директ. театровъ 1802 г. т. LXVI, 680.
Ютршенко, подполковн. 1831 г., т. LXV, 699.
Юферовъ, 1854 г., т. LXVIII, 168.
Юшкова, г-жа, т. LXVII, 635, 639, т. LXVIII, 272.
Юшковъ, генералъ 1812 г., т. LXVIII. 271.

Яблоновскій, кн., 1830 г., т. LXV, 23.
Яблочковъ, изслѣд. электрич. свѣта. 1885 г., т. LXV, 245.
Ядринцевъ, Н., писат. 1876 г., т. LXVIII, 754, 770.
Языкова, Елисав., см. Иванова.
Языковъ, Дм. Ив., д. ст. сов., директ. деп. народн. просв., археографъ,

т. LXV, 395, 646, т. LXVII, 591, 592, 599, т. LXVIII, 302.
Языковъ, Мих. Александр., т. LXVIII, 58, 59, 61.
Языковъ, Никол. Мих., писатель, род. 1803 г., † 1846 г., т. LXV, 417, т. LXVI, 652, т. LXVII, 286, т. LXVIII, 155, 341, 488.
Языковъ, Петръ Мих., т. LXVIII, 488.
Языковъ, директ. деп. внѣшн. торговли 1849 г., т. LXV, 402.
Языковъ, помѣщ. 1835 г., т. LXVII, 75.
Языковы, т. LXV, 846.
Яковлевъ, Савва, сфицеръ Кавалергард. полка 1844 г., т. LXV, 228 т. LXVI, 34, 700.
Якимовичъ, Д. К., чл. таврич. ученой архивн. ком. 1889 г., т. LXVIII, 556.
Яковлевъ, Ив. Алексѣев., т. LXVIII, 34.
Яковлевъ, капит. 1849 г., т. LXVI, 362, 363.
Яковлевъ, лихвенскій предвод. двор. 1847 г., т. LXVII, 283.
Якубильскій, ректр. римско-католическ. акад. 1857 г., т. LXVII, 365, т. LXVIII, 153.
Якубовичъ, Александръ Ив., декабр., т. LXVII, 383, 384, т. LXVIII, 501,
Якубовичъ, Н. М., профес. 1855 г., т. LXVI, 231, 232.
Якушкинъ, В.Е., писат. 1888, т. LXVIII, 766.
Якушкинъ, Евг. Ив., д. ст. сов., бывш. предсѣд. каз. палаты въ Ярославлѣ, изслѣдователь-юристъ, т. LXVI, 365.
Якушкинъ, Павелъ Иванов., этнографъ, т. LXV, 235.
Яницулъ, И., писат. 1888 г., т. LXVIII, 773.
Янковскій, корнетъ 1855 г., т. LXV, 758.
Янковскій, ген. польск. войскъ, † 1831 г., т. LXV, 758.
Янковскій, польск. агитаторъ 1861 г., т. LXV, 747.
Янышевъ, Ив. Леонтьев., протоіерей 1858 г., т. LXVII, 592.
Яновскій, поруч. 1890 г., т. LXVI, 246.
Янсонъ, Ю., профес., т. LXVIII, 770.
Ярославъ, Мудрый, вел. князь, т. LXV, 881, 882.
Ярошевскій, Петръ Нестеров., 1831 г., т. LXV, 729.
Яроцкій, поруч. 1854 г., т. LXVIII, 671,
Ясинскій, капит. 1836 г., т. LXVII, 261.
Ястржембскій, Фр. Людв., преподав. Дворянск. полка 1848 г., т. LXVI, 244, 245.
Яхонтовъ, Александръ Никол., д. ст. сов., писатель, род. 1820 г., † 1890 г., томъ LXV, 833, т. LXVIII, 691—702.
Яхонтовъ, Ник. Алед., т. LXVIII, 692.
Яхонтовъ, С. Д., чл. рязанск. уч. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 554, 568.
Яшвиль, кн. генералъ, нач. артил. 1835 г., т. LXVII, 107.
Ящуржинскій, Х., чл. таврич. учен. архивн. комис. 1889 г., т. LXVIII, 570.

Ѳедоренко, астрономъ 1854 г., томъ LXVI, 281.
Ѳедоровъ, Борис. Мих., писат., томъ LXV, 52, 53, 383, 384, т. LXVI, 678, т. LXVIII, 300.
Ѳедоровъ, Е. С., т. LXVI, 473.
Ѳедоровъ, Симеонъ, священ. 1798 г., т. LXVIII, 576, 577.
Ѳедоровъ, Ѳ., секундъ-маіоръ 1778 г., т. LXV, 777.
Ѳедоровъ, инж., полковн. 1849 г., т. LXVI, 353.
Ѳедоровъ, ген.-лейт., одесск. воен. губернат. 1853 г., т. LXV, 553, 868.
Ѳедоровъ, капитанъ, † 1876 г., томъ LXVI, 424.
Ѳедоровы, т. LXVIII, 208.
Ѳедоръ Алексѣевичъ, царь, р. 1661 г., † 1682 г., т. LXVIII, 236, 239.
Ѳеодоръ Іоанновичъ, царь, т. LXV, 387, т. LXVIII, 733, 734.
Ѳеодосій, архіеп. Смоленск. 1595 г., т. LXVIII, 734.

Ѳедотовъ, Пав. Андреев., писатель-юмористъ и художн. жанристъ, его басни, т. LXVI, 193—198.

Ѳеогностъ, архіеп. псковск., т. LXVIII, 579.

Ѳеодосій, архіеп. смоленскій, 1596 г., т. LXVIII, 734.

Ѳеофилактовъ, К. М., профес., ректкіевск. унив., т. LXVI, 518.

Ѳирсовъ, Никол. Алексѣев., засл. профес., предс. общ. археологіи, исторіи, этнографіи при имп. казанск. унив. 1863 г., т. LXV, 344, 345.

Сост. указатель Вѣра Вас. Тимощукъ.

Примѣчаніе. Вѣрѣ Васильевнѣ Тимощукъ принадлежитъ и въ настоящемъ году, обширный трудъ по составленію «Указателя» къ «Русской Старинѣ»; таковые «Указатели» составляются ею для сего журнала ежегодно съ 1883 г. Ред.

Опечатка:

На стр. 761 настоящей книги „Русской Старины“ и на стр. 174 „Указателя личныхъ именъ“, при этой-же книгѣ, напечатано: О. Папиро, слѣдуетъ читать: О. Шапиръ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1890 г.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

стр.

I. Воспоминанія стараго инвалида о службѣ лейбъ-гвардіи въ Павловскомъ полку 1828—1835 гг. Сообщ. ген.-лейт. Михаилъ Александровичъ Марковъ . . . . . 81—135

II. Поѣздка въ Туринскъ къ декабристу Вас. Петр. Ивашеву въ 1838 г. Воспоминаніе Г. М. Толстого. Сообщ. А. П. Топорнинъ. 327—351, 488 и 545

III. Очерки и воспоминанія кн. Н. С. Голицына: 1. Янтарная комната Большаго Царскосельскаго дворца.—2. Необыкновенный исправникъ 1820-хъ годовъ.—3. Два событія изъ моей жизни 1848—1849 и 1865—1869 гг. 365—381

IV. Записки Наталіи Алексѣевны Огаревой-Тучковой, 1828—1878 гг. . . . . 1 — 80

Замѣтки и поправки А. В. Семевской . . . . 702 и 748

стр.

V. Дневникъ академика-профессора Александра Васильевича Никитенко, 1859—1860 гг. 137—186; 383—422; 585—614

VI. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой, 1867—1870 гг. Воспоминанія Евгенія Скайлера. (Eugene Schuyler, въ „Scribner's Magazine“). Окончаніе. Сообщ. и перев. съ англ. А. Ѳ. Гамбургеръ . . . . . 261—277 и 310

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка, разсказы, матеріалы и замѣтки.

I. Историко-критическія замѣтки профес. Д. И. Иловайскаго. . . . . 423—437

II. Челобитная устюжскихъ земскихъ людей патріарху Адріану на архіепископа Велико-Устюжскаго Александра, 1696 г. Сообщ. И. Н. Суворовъ. . 438—442

III. Филиппъ Перфильевичъ Неѣловъ, одинъ изъ служилыхъ людей 1672—1720 гг. Сообщ. А. Е. Мерцаловъ. . . . . 443—444

IV. Охрана рекрута 1790 г. Собщ. членъ рязанской ученой архивной комиссіи А. Е. Мансуровъ . . 352

V. Продажа упраздненныхъ церквей во Псковѣ въ 1793—1798 гг. . . . . 575—577

VI. Эпизодъ изъ Аустерлицкаго боя, 1805 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. . . . . 209—214

VII. Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ въ его рѣшеніяхъ военно-судныхъ дѣлъ, 1799—1808 гг. Сообщ. А. И. Савельевъ . . . . . 711—712

VIII. Императрица Марія Ѳеодоровна 1807 г. Сообщ. бар. Ѳ. А. Бюлеръ . . . . . 215—219

IX. Къ матеріаламъ 1812—1814 гг.: 1. Дипломатическій эпизодъ изъ исторіи Великихъ-Лукъ 1812 г.—2. Перлюстрація писемъ въ 1813—1814 гг. . . . 703—710

X. Наводненіе 7-го ноября 1824 г. въ Петербургѣ. Извлеченіе изъ книги Самуила Аллера. Сообщ. кн. Н. С. Голицынъ . . . . . 335—540

СТР.

XI. Вступленіе на престолъ императора Николая I, въ Запискахъ ген.-лейт. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. 1826 годъ. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. 489—534

XII. Императрица Марія Ѳеодоровна. Письмо В. А. Жуковскаго, 1829 г., Карлу Моргенштерну. Франц. оригин. сообщ. В. А. Кордтъ, перев. В. В. Тимощукъ 479—480

XIII. Письмо вел. кн. Михаила Павловича къ гр. Ланжерону, 1831 г. Французскій оригин. сообщ. М. Паризо-де-Ла-Валеттъ, переводъ В. В. Тимощукъ 473—474

XIV. Графъ Дибичъ-Забалканскій, 1831 г. Приказъ его по дѣйств. арміи. Сообщ. Ал. Ив. Савельевъ. 471—472

XV. Изъ далекаго прошлаго. Разсказъ изъ воспоминаній. Сообщ. М. Л. Дубельтъ. . . . . 476—475

XVI. Къ „Губернскимъ очеркамъ“ М. Е. Салтыкова. Замѣтки изъ прошлаго. Сообщ. А. Кузнецовъ. 466—468

XVII. Флоры-Лавры, изъ пензенской старины. Сообщ. С. Н. Жеденовъ . . . . . 462—468

XVIII. Ахметка—башкирскій шутъ. Сообщ. Е. Г. Гвоздиковъ. . . . . 461—462

XIX. Къ разсказу: „Случай въ Петербургѣ въ 1848 г.“. Сообщ. А. Слѣпцовъ. 228

XX. Къ разсказу Н. Н. Жеденова: „Эпизодъ 1848 года“. Сообщ. Мих. Леон. Дубельтъ. 475

XXI. На Дунаѣ и подъ Силистріею въ 1854 г. Изъ записокъ ген.-лейт. А. О. Стренга. Сообщ. Н. И. Бобриковъ. . . . . 665—678

XXII. Николай Николаевичъ Муравьевъ, 5-го іюля 1856 г. Сообщ. М. Ѳ. Мирновчъ 456

XXIII. Александръ Клеониковичъ Ушаковъ, генералъ-отъ-инфантеріи. Сообщ. В. Д. Философовъ, Е. Е. Сиверсъ и А. И. Проворовъ . . . . . 541—545 и 702

XXIV. Императоръ Александръ II въ Вологодской губерніи въ 1858 г. Сообщ. В. Т. Поповъ 679

XXV. Пожары въ Симбирскѣ въ 1864 г. Къ Запискамъ сенатора В. И. Дена. Сообщ. В. П. Юрловъ . 481—484

стр.

XXVI. Епископъ Кириллъ Мелитопольскій. Письма къ высокопреосвященному Макарію Булгакову, 1857 — 1865 гг. Сообщ. Е. Н. Булгакова . . . . 187—208

XXVII. Князь Владиміръ Александровичъ Черкаскій. (Къ очерку о немъ въ „Русск. Стар.“ изд. 1889 г., кн. IV, и 1890 г., кн. V). Сообщ. И. С. Ивановъ . . 382

XXVIII. Остятскіе князья, 1864 — 1884 гг. Сообщ. Тих. Михайл. Поповъ . . . . . 457—460

XXIX. Петровская сельско-хозяйственная академія въ 1865 $\frac{\text{ноября}}{21}$ 1890 гг. Сообщ. И. Миклашевскій. . 546—550

XXX. Русскіе въ парижской академіи наукъ. Къ очерку въ „Русской Старинѣ“ 1890 г., январь. Сообщ. д-ръ мед. И. Максимовичъ 468

XXXI. Губернскія ученыя архивныя комиссіи въ 1889 г. Сообщ. директоръ археологич. инст. профес. И. Е. Андреевскій . . . . . 551—574

XXXII. Псковъ и его достопримѣчательности. Очеркъ. Сообщ. А. С. Князева. . . . . 311—326

XXXIII. Къ исторіи С.-Петербурга и его наводненій, 1703—1890 гг. Сообщ. кн. Н. С. Голицынъ . . . 221—227

XXXIV. Село Надеждино и архивъ кн. Ѳ. А. Куракина въ 1888 и 1890 гг. Отрывокъ изъ „Гисторіи о Петрѣ I и ближнихъ къ нему людяхъ 1682—1695 гг.“. Сообщ. Ред. и кн. Ѳ. А. Куракинъ. . . 229—260

XXXV. Путевые очерки, замѣтки и наброски. Поѣздка М. И. Семевскаго по Россіи въ 1890 г.: 1. Село Палибино.—2. Село Клёвники—3. Село Иваново.—4. Невель. — 5. Витебскъ.—6. Смоленскъ . . 713—745

XXXVI. О. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ, протоіерей Кронштадтскій, XXXV-лѣтіе его священства, 1855—1890 гг. Сообщ. о. В. Я. Михайловскій. . . . 783—788

XXXVII. Замѣтка о портретѣ академика Аѳ. Ѳ. Бычкова . 488

XXXVIII. Замѣтки и поправки къ статьямъ: „М. Т. Каченовскій“ (см. „Русск. Стар.“ изд. 1890 г., іюнь), „А. А. Андро“ („Русск. Стар.“ 1890 г., августъ) и „Гр. Л. Н. Толстой“ (Русск. Ст.“ 1890 г., сентябрь) . . 310 и 702

Исторія русской литературы.

I. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ:

1. Обращеніе къ императору Николаю Павловичу, стихотвореніе 1826 г.

2. Письмо А. М. Тургенева объ этихъ стихахъ Пушкина къ А. И. Михайловскому-Данилевскому, 1828 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ . . . . . 747—748

II. О „Борисѣ Годуновѣ“, сочиненіи Александра Пушкина, разговоръ, 1831 г. Сообщ. А. Станкевичъ. 445—455

III. Николай Платоновичъ Огаревъ. Стихотворенія его, 1837 г. Сообщ. А. А. Филипповъ . 485—486

IV. Николай Васильевичъ Гоголь:
Письма къ нему А. О. Смирновой, 1844—1851 гг. Сообщ. В. И. Шенрокъ . . . . 353—364; 655—664

V. Александръ Сергѣевичъ Князевъ въ 1839—1889 гг. (См. выше очеркъ его: „Псковъ и его достопримѣчательности“ Сообщ. Ред. . . . . 578—580

VI. Софья Васильевна Ковалевская, рожд. Корвинъ-Круковская, докторъ философіи и профессоръ высшей математики:

1. Воспоминанія о ней перваго по времени ея учителя І. И. Малевича, 1858—1868 гг. . 615—654

2. Математическіе и литературные труды С. В. Ковалевской въ 1874—1890 гг. Сообщ. Ред. 581—583

VII. Академикъ Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ. Пятидесятилѣтняя ученая его дѣятельность 1840 октября 1890 гг.: Очеркъ его трудовой жизни. Списокъ ученыхъ его трудовъ и изданій. Сообщ. Ред. 279—309

VIII. Александръ Николаевичъ Яхонтовъ, 1820—1890 гг.: его автобіографія и неизданныя стихотворенія Сообщ. Н. А. Яхонтовъ . . . . 691—702

IX. Двадцатипятилѣтіе „Вѣстника Европы“ 1866—1890 гг. Обзоръ сост. Н. А. Вѣлозерская . . 749—782

X. Историческія пѣсни. Сообщ. 31-го декабря 1874 г. Дан. Кон. Морозъ . . 136, 278, 469, 470, 584, 746

XI. Старинная пѣсня о городѣ Иркутскѣ. Сообщ. В. В. Птицынъ . . . . . 487—488

XII. „Героямъ Севастополя“. Стихотвореніе Юліи Жадовской. Сообщ. А. П. Полетаевъ 220

XIII. Какъ всплакалась Россія о своемъ Бѣломъ Царѣ. Стихъ, сложенный одною изъ сектъ безпоповщинскаго толка, 1881 г. . . . . 68—69

Портреты.

I. Портретъ академика Аѳанасія Ѳедоровича Бычкова, гравюра на мѣди, исполнилъ художникъ Алексѣй Оскар. Шейманъ.

(При стр. I).

II. Портретъ Софьи Васильевны Ковалевской, рожд. Корвинъ-Круковской, фототипія, исполнилъ В. І. Классенъ.

(При стр. 311).

Рисунки и планы.

Планъ и три рисунка древнихъ стѣнъ города Смоленска, 1596—1603 гг. Сообщ. Ю. Ю. Коноплянскій и В. О. Сосновскій. Снимокъ съ плана исполненъ въ Главномъ Штабѣ; рисунки гравировалъ съ фотографіи художн. В. Бергъ.

(При стр. 736 и 744).

I. „Русская Старина“ въ изд. 1890 г., двадцать первый годъ изданія. Обзоръ двѣнадцати книгъ. Статья Ред.

II. Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ записки, изслѣдованія, очерки, акты, разсказы и пр. статьи и матеріалы въ 1870—1890 гг.

III. „Русская Старина“ въ числахъ ея читателей-подписчиковъ этого журнала въ 1890 г. Сообщила завѣдующая экспедиціею журнала А. Н. Писарева.

IV. Указатель личныхъ именъ въ двѣнадцати книгахъ LXV, LXVI, LXVII и LXVIII томовъ „Русской Старины“ изд. 1890 года. Сост. Вѣра Вас. Тимощукъ.

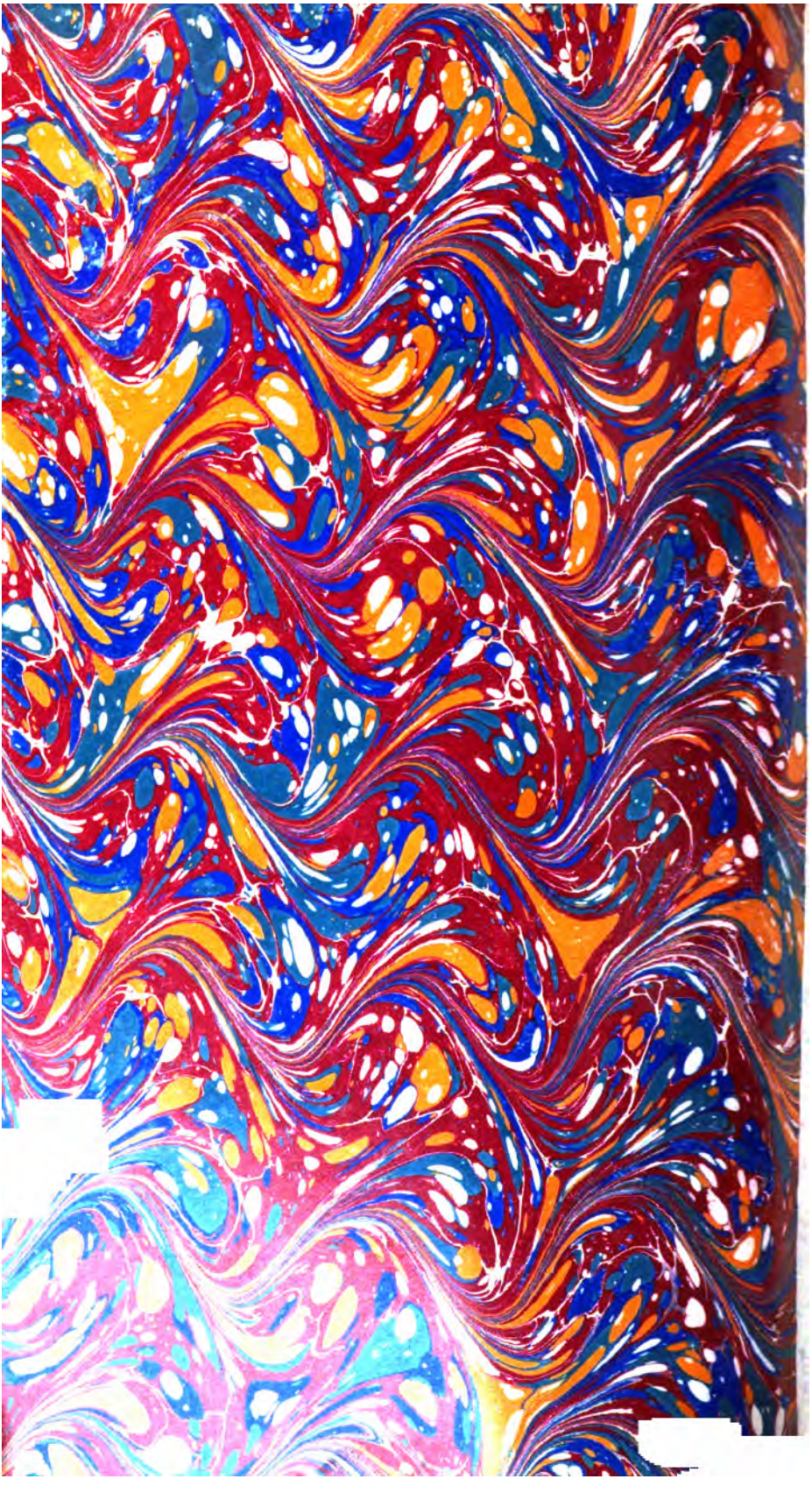
V. Систематическое оглавленіе LXVIII т. „Русской Старины“ изд. 1890 г.

VI. О подпискѣ на „Русскую Старину“ изд. 1891 г., двадцать второй годъ изданія.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою комиссіею. Томъ двѣнадцатый. Спб. 1890 г., въ б. 8 д., стр. XIII+1480+126 (въ два столбца). (На оберткѣ X-й книги „Русской Старины“ изд. 1890 г.).
2. Расходная книга патріаршаго приказа кушаньямъ, подававшимся патріарху Адріану и разнаго чина лицамъ съ сентября 1698 по августъ 1699 г. Напечатано подъ редакціею сотрудника археографической комиссіи А. А. Титова. Изданіе корреспондента комиссіи И. А. Вахрамѣева. Спб. 1890 г., въ б. 8 д., стр. XVII+335, съ указателемъ именъ личныхъ, названій географ. и предметовъ и перечнемъ кушаньевъ. (Тамъ-же).
3. Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Томъ восьмой. Окраины Россіи. Изданіе Д. Самарина. Москва. 1890 г., въ б. 8 д., стр. 624. (Тамъ-же).
4. А. Е. Викторовъ.—Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ Сѣверной Россіи. Изданіе Археографической комиссіи. Спб. 1890 г., въ 8 д., стр. II+378. (Тамъ-же).
5. Несчастные. В. Н. Никитина. Спб. 1890 г., въ 8 д., 56 стр. (Тамъ-же).
6. Сочиненія князя Д. П. Горчакова. Москва. 1890 г., 8 д., стран. 189. Съ портретомъ автора. (Тамъ-же).
7. Изданіе Ф. Павленкова.—Исторія книги на Руси, составилъ А. А. Бахтіаровъ, со многими рисунками въ текстѣ. Спб. 1890 г., 8 д., стр. II+280. (Тамъ-же).
8. Полное собраніе гравюръ Рембранта со всѣми разницами въ отпечаткахъ, 1000 фототипій безъ ретуши. Собралъ и привелъ въ порядокъ Д. Ровинскій. Спб. 1890 г. 4 д. LXXXVIII+18[illegible]. (Тамъ-же).
9. Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ III-й. Спб. 1890 г. (На оберткѣ XI-й книги „Русской Старины“ изд. 1890 г.).

10. Обновленіе въ городѣ Самарѣ часовни во имя Алексія, митрополита Московскаго. Самара, 1890 г. (Тамъ-же).
11. Живая Старина. Періодическое изданіе отдѣленія этнографіи императорскаго русскаго географическаго общества подъ ред. предсѣдательствующаго въ отд. этнографіи В. И. Ламанскаго. Вып. I. Спб., 1890, б. 8 д. (Тамъ-же).
12. Баронъ П. К. Усларъ, ген. штаба ген.-м., членъ-корресп. Спб. И. Акад. Наукъ. Этнографія Кавказа. Языкознаніе. IV. Лакскій языкъ. Изд. управленія Кавказскаго учебнаго округа. Тифлисъ, 1890 г., 8 д. На оберткѣ XI книги „Русской Старины“ изд. 1890 г.
13. В. Вахтинъ. Русскіе труженики моря. Первая морская экспедиція Беринга для рѣшенія вопроса: соединяется-ли Азія съ Америкой? Спб., 1890, 8 д., стр. 124. (Тамъ-же).
14. Литовско-языческіе очерки. Историческія изслѣдованія Теобальда. Вильна. 1890 г., 8 д., стр. 201. (Тамъ-же).
15. Казаки: Донцы, Уральцы, Кубанцы, Терцы. Сост. К. К. Абаза. Спб. 1890 г. (На оберткѣ XII-й книги „Русской Старины“ изд. 1890 г.).
16. Краткій очеркъ жизни преосвященнаго Аарона Еропкина, епископа корельскаго и ладожскаго. Сост. свящ. Вл. Успенскій. Тверь. 1890 г., 8 д., стр. 165. Съ портретомъ епископа Аарона Еропкина (Тамъ-же).
17. Сергѣй Атава (С. Н. Терпигоревъ). Потревоженныя тѣни. Томъ второй. Спб. 1890 г., 16 д., стр. 315. (Тамъ-же).
18. В. Л. Величко. Восточные мотивы (стихотворенія). — I. Восточные мотивы. — II. Лирическія стихотворенія, фантазіи, эскизы и т. д.—III. Шутки. Спб. 1890 г., 8 д., стр. 245. (Тамъ-же).
19. Прежняя служба и настоящая. (Очеркъ развитія солдатской школы). Соч. Н. Д. Бутовскаго. Спб. 1890 г., въ 8 д., стр. 44. Складъ изданія у В. А. Березовскаго. (Тамъ-же).
20. Какъ училъ о крестномъ знаменіи всероссійскій патріархъ Іовъ (1889 г.). По поводу „бесѣды о перстосложеніи“ преосв. Никанора. Соч. Н. И. Барсова. Спб. 1890. (Тамъ-же).
21. Литературное наслѣдіе.—Автобіографія.—Стихотворенія.—Сцены.—Историческіе отрывки.—Малорусская народная поэзія. Послѣдняя работа Н. И. Костомарова. Съ портретомъ, факсимиле, тремя рисунками и библіографическимъ указателемъ. Спб. 1890 г., 8 д. стр. 521. (Тамъ-же).
22. Діонисій Зобниневскій, архимандритъ Троицкаго-Сергіевскаго монастыря (нынѣ лавра). Историческое изслѣдованіе преподавателя Тверской духовной семинаріи Дмитрія Скворцова. Тверь. 1890 г., 8 д., стр. 444. (Тамъ-же).
23. Исторія Россіи. Соч. Д. И. Иловайскаго. Томъ третій. Московско-царскій періодъ, первая половина или XVI вѣкъ, Москва, 1890 г., б. 8 д., стр. VIII+717. (Тамъ-же).



3 2044 014 837 512

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

NOV 29 '60 H

BOOK DUE
FEB 1 0 1984
1024347
DEC 1 9 19

WIDENER
STALL-STUDY
CHARGE
APR 14 1999
CANCELLED